

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

РОССИЯ В МНОГООБРАЗИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Серия: Старый Свет — новые времена

**РОССИЯ
В МНОГООБРАЗИИ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Научный руководитель серии
«Старый Свет — новые времена»
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:

*акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель),
к.э.н. В.Б. Белов, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Ю.С. Дерябин,
акад. РАН В.В. Журкин, к.и.н. О.А. Зимарин,
д.и.н. М.В. Каргалова, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.П. Фёдоров,
д.и.н. В.Я. Швейцер, д.и.н. А.А. Язькова*

Российская академия наук
Институт Европы

РОССИЯ В МНОГООБРАЗИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Москва 2011

УДК 323+327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

Р 76

Руководитель научного проекта:

академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия монографии:

Н.П. Шмелёв (руководитель),

Т.Т. Тимофеев, В.П. Фёдоров

А.А. Галкин (научный редактор)

В.В. Орлова (ответственный секретарь редколлегии)

Авторский коллектив:

акад. РАН Н.П. Шмелёв, акад. РАН В.В. Журкин,

акад. РАН И.Д. Иванов, акад. РАСХН В.И. Назаренко,

чл.-корр. РАН М.Г. Носов, чл.-корр. РАН Т.Т. Тимофеев,

д.полит.н. Э.Я. Баталов, д.э.н. А.Д. Бородаевский

д.и.н. О.Г. Буховец, д.филос.н. Е.В. Водопьянова, д.и.н. А.А. Галкин,

О.А. Гриневский, д.полит.н. Ал.А. Громыко,

к.э.н. Д.А. Данилов, д.и.н. М.В. Каргалова, д.и.н. А.А. Красиков,

д.э.н. В.М. Кудров, д.культурол.н., к.филолог.н. Е.Ю. Сидоров,

к.э.н. В.И. Переведенцев, д.и.н. Ю.И. Рубинский,

д.э.н. В.П. Фёдоров, д.полит.н. А.Ф. Храмцов, д.э.н. В.С. Циреничиков,

д.и.н. В.Я. Швейцер, д.и.н. А.А. Язькова, д.э.н. Ю.В. Яковец

Номер государственной регистрации: № 01. 2. 006 07497

«Россия в многообразии цивилизаций»

**Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 10-03-03002д/Р.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Н.П. Шмелёв)	13
ЧАСТЬ I. Цивилизация и миропорядок	29
Глава 1. Цивилизации и мировое развитие (Т.Т. Тимофеев)	29
О классификации цивилизаций	30
Ступени общения	33
Конфликты или сотрудничество?	40
Глава 2. Глобализация: противоречивые тенденции (интерпретации, шансы, риски) (Т.Т. Тимофеев, Ю.В. Яковец)	44
Вызовы глобализации	45
Расхождения	48
Альтернативный глобализм	55
Глава 3. Некоторые тенденции и факторы мирового экономического развития (А.Д. Бородаевский)	59
Международная «сиамизация» и необходимость её осмысления	60
Проблемы цикличности на фоне интернационализации ..	63
Влияние стадийности и модель «догоняющего» развития	66
Взаимосвязи между «сиамизацией» и «деиндустриализацией»	69
Индия: нелёгкий выбор между вариантами диверсификации	74
США: банкротство экономической свободы?	76

Недостатки модели «социально ориентированного» регулирования	80
Уроки Китая	84
Глобализация, региональная интеграция, влияние ограничителей роста	90
Глава 4. Наука в информационном обществе (Е.В. Водопьянова) ..	95
Между познанием и предпринимательством	96
Виртуализация научного поиска	101
Эволюция дисциплинарных приоритетов	104
Глава 5. Теория и практика федерализма: международный опыт (А.А. Языкова)	111
Идеологические и теоретические истоки	115
Глава 6. Особенности развития современной культуры (Е.В. Водопьянова)	125
Сущность феномена	125
Парадоксы массовой культуры	129
Культура, технология, рынок	130
Теория и практика мультикультурализма	139
Глава 7. Исламский экстремизм и террористическая угроза (О.А. Гриневский)	141
Рост и причины террористической угрозы	142
В чем особая опасность исламского радикализма?	147
Угроза ядерного терроризма	148
Загадки ядерных программ Ирана	149
Разведывательная эквилибристика США	154
Что меняется в политике США?	157
Возможные пути решения иранского кризиса	158
Каковы же интересы России?	159
Ещё о сотрудничестве в борьбе с терроризмом	162
Глава 8. Вопросы международной безопасности (В.В. Журкин, М.Г. Носов, Д.А. Данилов)	167
Безопасность и мировой порядок	169
Россия и внешний мир: политические и цивилизационные аспекты	175
Императив коллективной безопасности	177
ЧАСТЬ II. Европа глазами России	181
Глава 9. Европейские ценности (Ю.И. Рубинский)	181
Этапы становления	182
Единство в многообразии	186
Кризис и возрождение	197

Глава 10. Парадоксы национализма и национальной проблемы (<i>О.Г. Буховец</i>)	211
О настоящем и будущем национализма	
в Центрально-Восточной Европе	211
Противоречивые процессы на западе континента	215
«Образы» и «нации» до эры национализма	224
Теория и практика национального строительства	225
Заделы национального строительства	232
Российский случай	234
Национальная политика империи в свете новых фактов	238
Уникальность итогов советского национального	
строительства	241
Парадоксы постсоветского развития	244
Глава 11. Экономика Европы в международных сопоставлениях (<i>В.М. Кудров</i>)	248
Уровни экономического развития	249
Темпы экономического роста	254
Динамика занятости и жизненного уровня населения	258
Инновационные пути развития	262
Глава 12. Инновационная политика Евросоюза: опыт для России (<i>В.С. Циренищikov</i>)	270
Концептуальная основа	270
Организация, ориентиры и меры инновационной	
политики	273
Общая характеристика инновационной системы	283
Уроки для России	288
Глава 13. Европейская модель социального развития (<i>М.В. Каргалова</i>)	296
Становление социальной политики	296
Социальное партнёрство и социальный диалог	301
Современное социальное государство	305
О социальной ответственности бизнеса	306
Палитра мнений	312
«Платформа»	315
Социальные инновации и ухабы на пути интеграции	318
Глава 14. Эволюция партийно-политических систем (<i>В.Я. Швейцер</i>)	322
Новые проблемы «старой Европы»	323
Европарламент через год после выборов	326
Власть и партии в постсоветской России	342

Глава 15. Церковь, государство и общество в Европе	
(А.А. Красиков)	352
Религия и насилие	352
Между Западом и Востоком	357
Нетерпимость после религиозных войн	363
Поиски примирения и согласия	368
Глава 16. Демографические перспективы Европы	
(Ю.И. Рубинский)	378
Тревожная динамика	378
Возрастная пирамида	385
Упадок не фатален	389
Глава 17. Центробежные и центростремительные тенденции	
в зоне западноевропейской интеграции (И.Д. Иванов) . .	393
Евросоюз на карте Европы	393
Объективные предпосылки интеграции	398
«Евроскептицизм»	407
Глава 18. Россия и ЕС: потенциал и практика	
экономической взаимодополняемости (И.Д. Иванов) . .	416
Постановка вопроса	417
Подходы и позиции сторон	419
Торговля товарами и услугами	421
Новые, продвинутые формы взаимодействия	429
Транспорт, финансы, приграничное и иное	
сотрудничество	435
Содействие через инструменты торговой политики	439
«Общие пространства» и ход их создания	444
Глава 19. Два взгляда на будущее Европы (В.П. Фёдоров,	
Н.П. Шмелёв)	448
Крушение Европы	448
Преображение Европы: другой сценарий — чуть более	
оптимистичный	469
Глава 20. Европа о России, Россия о Европе (Э.Я. Баталов)	478
Четыре образа России	481
Жупел для Европы	486
От рассвета до заката	489
Европа своя, Европа чужая	495
Через семьдесят лет — на круги своя?	507
Сойдутся ли Запад и Восток?	513
ЧАСТЬ III. Россия: вызовы и ответы	517
Глава 21. Россия о России (Е.Ю. Сидоров)	517
Спор, которому нет конца	518

В жанре утопии	521
О национальной стратегии России	527
Глава 22. Советское цивилизационное наследие (О.Г. Буховец) ..	532
Некоторые методологические подходы	532
Специфика советской модели «догоняющей модернизации»	537
Особенности формирования постсоветского массового сознания	540
Выбор модели интеграции или как идти в постсовременность?	542
О значении общих культурно-цивилизационных кодов ...	548
Глава 23. Основные тенденции развития российской экономики (В.М. Кудров)	553
Реформы 90-х годов: некоторые итоги	553
Объёмы производства в России и в наиболее развитых странах мира	563
Институциональные проблемы	567
Необходимость модернизации общественного сознания ..	569
Экономическая и социальная политика	571
Россия в мировой экономике к 2020 году: попытка прогноза	573
Некоторые условия успешного экономического развития ..	576
Основные пути укрепления экономики России в послекризисный период	578
Глава 24. Аграрная политика и сельское хозяйство России (В.И. Назаренко)	581
Глава 25. Социальные контуры новой России (М.В. Каргалова, А.Ф. Храмцов)	601
Общие закономерности	601
Российская специфика	602
Путь социальных реформ	607
Российские парадоксы	610
Национальные проекты и программы	613
Условия успешного развития социальной сферы	618
Глава 26. Национально-этнические проблемы (А.А. Языкова) ...	622
Зарубежный опыт	622
Этнический и конфессиональный состав российского общества, его формирование и эволюция	625
Национальная политика Российской Федерации (1990-е годы)	631
Что дальше? Возможные варианты национально-государственного развития России	636

В чём же состоит (или могла бы состоять) стратегия нашей национальной политики?	638
Глава 27. Власть, общество и политический процесс:	
российская модель (А.А. Галкин)	642
Некоторые общие соображения	642
Становление системы	648
Укоренение	652
Новые рубежи	660
Глава 28. Религии в России (А.А. Красилов)	662
Трудный путь к правовому государству	663
Перевернутая страница, или «воспоминания о будущем» ..	669
«Главенствующая», «традиционные» и «секты»	675
Государство между церковью и конституцией	682
Новые руководители Российского государства и РПЦ	691
Глава 29. Гражданское общество в теории и на практике	
(А.А. Галкин)	696
Гражданское общество как подсистема	697
Новые проблемы гражданского общества	701
Гражданское общество: российский вариант	703
Глава 30. Культура на переломе эпох (Е.Ю. Сидоров)	717
Кризис культуры как глобальная тенденция	717
Наши реалии	719
Новые проблемы и противоречия	725
В поиске культурного возрождения	730
Глава 31. Россия: демографическая кривая (В.И. Переведенцев) ...	735
Прошлое и настоящее	735
Возможное будущее	746
Глава 32. Есть ли друзья у России? (В.П. Фёдоров)	754
О чём конкретно идёт речь?	754
Идеология	756
Православие	757
Славянство	758
Соседство	761
Военные союзы	763
Экономическая заинтересованность	764
Язык	765
Россия без друзей... ..	766
...И без врагов	770
Почему нельзя прощать долги?	772
Всем ли нужна Россия?	777

Глава 33. Внешние вызовы безопасности России (<i>В.В. Журкин, М.Г. Носов, Д.А. Данилов</i>)	782
Европейская составляющая безопасности	782
Угрозы с юга и востока	791
Угроза распространения ядерного оружия	795
Глава 34. Разоружение: проблемы и перспективы (<i>О.А. Гриневский</i>)	799
Новые инициативы	800
Немного недавней истории	801
Стратегическая стабильность в современных условиях	806
Ещё раз о ПРО	809
Обычные вооружения	812
Второй раз на те же грабли	816
Глава 35. Прогнозы и опасности (к вопросу об их адекватности) (<i>Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров</i>)	820
Ненадёжность прогнозов	820
Требуются новые подходы	822
От сверхзадач к подзадачам	825
Повернуться к людям	826
Прогресс через потребительский комплекс	829
Стихийная политика населения	834
«Стерилизация населения»	838
Нужны иммигранты	840
Кто будет выполнять простые работы?	841
Другие сверхзадачи	843
Международный аспект. Евросоюз и Россия	845
Риски и шансы для России	848
Глобальность России	849
Глава 36. Цивилизации как объект исследования и российская идентичность (<i>Ал.А. Громыко</i>)	851
Многообразие дискурса	851
Российская специфика	863
Глава 37. Россия в середине XXI века: возможные сценарии будущего (<i>Н.П. Шмелёв</i>)	867
Пессимистический сценарий	868
Сценарий более оптимистический	878

ВВЕДЕНИЕ

Работа, предлагаемая вниманию читателя, подготовлена коллективом, состоящим в основном из исследователей Института Европы РАН. Она посвящена важнейшей теме современности: тому, как меняется мир, в котором мы живём, и тому, как вести себя в нём нашему государству и обществу. Книгу образуют три самостоятельные части. В первой рассмотрены проблемы, обусловленные развитием контактов между цивилизациями и их воздействием на миропорядок в современном мире; во второй — ситуация, складывающаяся в рамках Европейского союза, и диктуемые ею особенности отношений между входящими в его состав государствами и Россией; в третьей — проблемы и вероятные пути развития России, в том числе подстерегающие нашу страну внутренние и внешние опасности.

Отношения между цивилизациями стали в наше время предметом оживленной дискуссии. Это в решающей степени связано с тем, что глобализация, определяющая во многом направления мирового развития, вносит в межкультурные отношения новые, весьма важные элементы. Само обсуждение таких проблем приняло своеобразную форму всемирного диалога, в основе которого лежат не только культурные традиции, но и конкретные национальные интересы самых разных стран. Включенность российской стороны в это обсуждение не случайна. Она продиктована не просто академическим интересом к проблеме, но историей России, её прошлым и настоящим.

Между тем специфика российского интереса к данной проблематике всё ещё обозначена в недостаточной степени. В публикациях на эту тему доминирует более или менее содержательный пересказ позиций, в основе которых лежат взгляды, отражающие интересы, не сов-

падающие (или лишь частично совпадающие) с российскими. Задача проведённых нами исследований — рассмотреть происходящее в мире, учитывая интересы именно России.

Глобализацию следует рассматривать в определённом смысле как современный этап идущей из века в век интернационализации, вызванный новым мощным рывком в развитии производства и обусловленной им модернизацией общественных структур. Её наиболее очевидные проявления — расширение мирового рынка, тесное переплетение межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, повсеместное возрастание денежных, товарных и людских потоков, становление всеобщего информационного пространства.

Как этап в развитии человеческого сообщества, глобализация принесла с собой немало положительного. Произошло большее, чем прежде, приобщение значительной части человечества к плодам современного развития. Углубление международного разделения труда обеспечило его более высокую производительность. Повысился уровень жизни у значительной части населения, проживающего в зоне так называемого «золотого миллиарда». Возникли объективные условия для смягчения прежней национальной и этнической замкнутости. Значительно расширились возможности получения людьми всесторонней информации.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что глобализация в той форме, в которой она была реализована во второй половине XX — начале XXI в., повлекла за собой многочисленные противоречия и негативные последствия. Глобализация в различных своих формах оказала асимметричное воздействие на процессы социального развития как в мире в целом, так и в отдельных странах, ведущее к появлению «выигравших» и «проигравших». Выиграли, прежде всего, государства или группы, которые доминировали в силовом поле мировой экономики и политики. Глобальное неравенство, т.е. разрыв в уровнях и качестве жизни между странами и внутри стран, увеличилось. Издержки глобализации легли преимущественно на развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Особенно четко негативное воздействие глобализации проявилось с наступлением в 2008 г. всеобщего финансово-экономического кризиса. Оно в решающей степени предопределило как его масштабы и глубину, так и невысокую эффективность вроде бы проверенных практикой антикризисных действий.

Во многом по-новому поставила глобализация и проблему взаимоотношения цивилизаций. На протяжении тысячелетий человечество развивалось не как гомогенное целое, а как совокупность исторически

сложившихся и разбросанных по земному шару общностей людей, каждая из которых имела свою специфику — экономическую, социокультурную, религиозную. В этой специфичности и состоит причина существования разных цивилизаций, если рассматривать данный феномен как спрессованный исторический опыт больших территориальных сообществ, воплощённый в образе жизни, культуре быта и общения, менталитете и мироощущении, ценностных предпочтениях и приоритетах.

О противоречиях и конфликтах во взаимоотношениях цивилизаций известно давно. Однако глобализация придала им дополнительную, существенную остроту.

Цивилизации стали превращаться в составные части формирующегося мирового социума, крепко связанные глобальными культурно-информационными и финансово-экономическими потоками. Доминирование экономически и научно продвинутой западной цивилизации, развившейся на основе принципов гомоцентризма, активного переустройства среды (техногенная цивилизация) и внешней экспансии, породило стремление к унификации цивилизационного многообразия жизни мирового сообщества. Сила действия, однако, стимулировала силу противодействия. Разумеется, воздействие «западной» цивилизационной модели на иные цивилизации не лишено позитивного заряда. Однако разрушение, идущее извне и пытающееся ускоренным образом подменить собой естественное отмирание устаревших подсистем, не может не восприниматься в этих системах как враждебные действия, призванные лишить затрагиваемые им народы их исконной идентичности.

Одним из проявлений нынешних межцивилизационных конфликтов стал небывалый по своим масштабам всплеск иммиграционных потоков в зону «золотого миллиарда» из наиболее бедных и неблагополучных стран, прежде всего, Африки, Азии и Латинской Америки. У этих потоков есть свои причины. Наиболее весомая из них — разрыв в условиях существования на родине и в странах, куда эти потоки устремляются. Этому в значительной мере способствовало бурное развитие средств массовой информации, их неудержимое проникновение в самые отдалённые уголки земного шара и широкое использование для демонстрации преимуществ «западного образа жизни». Стимулирующую роль сыграло также то, что в большинстве развитых стран наметилось прогрессирующее старение населения. В результате на их рынках труда возникла острая потребность в перспективной, молодой рабочей силе, способной заполнить пустующую нишу. Эта потребность подогревалась ещё и тем, что рабочая сила иммигрантов

была, как правило, значительно дешевле, чем местная. Усилению иммиграции способствовало также качественное совершенствование транспортных средств, сделавшее смену среды обитания не просто возможной, но и сравнительно доступной.

Начиная с 90-х годов прошлого века иммиграция стала выходить далеко за регулируемые пределы. В ряде случаев её масштабы существенно превосходили реальные поглотительные возможности соответствующих стран. Проблема, однако, не исчерпывалась только количественными показателями. Не менее важным было и то, что в потоке новых иммигрантов существенно возросла доля выходцев из стран с компактным мусульманским населением, принесшим с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, с большим трудом стыкующиеся с менталитетом, образом жизни и системой ценностей большинства коренного населения развитых стран. Опыт убедительно показал, насколько трудна для иммигрантов этого типа даже поверхностная адаптация к новым условиям жизни. В отличие от своих предшественников новые иммигранты всё чаще не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру.

Финансово-экономический кризис 2008 г. придал проблеме массовой иммиграции особую остроту. Его разрушительное влияние на рынки труда существенно усилило конкуренцию в сфере занятости между коренным населением и мигрантами. Это, в свою очередь, значительно усилило враждебное отношение к «чужакам» и стало причиной повсеместного роста популярности праворадикальных политических партий.

Глобализация заметно скорректировала и роль национального государства. Существенно ослабла степень его вмешательства в финансовую, производственную и торговую сферы. Возможности более или менее жёсткого пограничного контроля над передвижением людей и товаров хотя и сохранились, но заметно ослабли. Раньше государственные институты в сфере своей юрисдикции оказывали сильное воздействие на формирование духовной атмосферы. Сейчас их компетенции, в особенности в области прав человека, подверглись серьёзным ограничениям.

Глобализация внесла существенные, пока скорее негативные, коррективы в сложившийся миропорядок. Одна из важнейших особенностей нынешней ситуации — четко проявляющееся противоречие между возросшей степенью взаимозависимости элементов миропорядка, с одной стороны, и нарастанием дестабилизирующих воздействий на него — с другой.

Негативные стороны глобализации породили значительное недовольство в самых различных слоях населения. Во многих, особенно в пострадавших странах, она стала не без оснований восприниматься не столько как объективно обусловленный процесс, сколько как внешнее, эгоистическое насилие. Возникло массовое движение, выступающее против издержек осуществляемого ныне варианта глобализации.

Противники этого движения делают упор на то, что в нём участвуют националистические течения, что проводимые им акции протеста нередко сопровождаются хулиганскими выходками, что свойственный движению запал является чисто протестным, а, следовательно, он неконструктивен. Некоторые из этих упреков имеют реальные основания. Как всякое широкое массовое движение, особенно на первоначальном этапе, движение против издержек глобализации неоднородно. К проводимым им акциям нередко примыкают и абсолютно деструктивные группы. Вместе с тем лицо антиглобалистского движения определяют не они.

По сути дела, антиглобалисты выполняют важную функцию, обращая внимание общественности на реальные угрозы нынешней модели глобализации, и тем самым способствуют предотвращению возможных потрясений в будущем. При этом, сплачивая массы вокруг идеи альтернативы, они тем самым образуют плотину, препятствующую фундаменталистской реакции на глобализацию. Не выдерживает серьёзной проверки и утверждение, будто антиглобалисты выступают против объективного процесса универсализации человеческого сообщества. Социальные группы, породившие и поддерживающие это движение, сами органически связаны с глобализацией. Действительная цель их атак — не глобализация, а её нынешняя модель.

Особого внимания заслуживает такое явление, как вспышка международного терроризма. Пока реакция на него свелась преимущественно к силовым акциям полицейского типа. На первых порах подобный ответ был неизбежен. Однако ориентация лишь на акции полицейского типа бесперспективна. Если явление имеет глубокие социальные корни, одним силовым воздействием с ним не справиться (а в данном случае дело обстоит именно так). Возникает необходимость в построении системы институтов, способных найти ответ на вызовы современности.

Быстро меняющийся внешний мир требует от России переосмысления и уточнения своей перспективной стратегии. Это касается, в частности, различных векторов её внешней политики. Здесь мы детально рассматриваем один из наиболее важных среди них — европейский.

Как географически, так и цивилизационно государства Европы, включая страны Европейского союза, близки России. У неё исторически сложились тесные взаимоотношения с большинством европейских стран. Россию и Европейский союз связывают прочные экономические узы: наша страна импортирует из стран Евросоюза широкий ассортимент изделий машиностроительной и электронной промышленности, современные технологии, товары массового потребления и продовольствие. В свою очередь, страны Евросоюза заинтересованы в ёмком российском рынке и в получении из России энергоресурсов. Обоюдны выгоды сторон от развития культурного сотрудничества, интенсивного обмена духовными ценностями. Большую отдачу сулит сложение научных потенциалов России и Европы.

В политическом плане добрые отношения между Россией и Европейским Союзом служат надёжной гарантией сохранения и упрочения безопасности и мира на континенте. В перспективе всесторонняя интеграция Европы, её сближение с Россией, надо думать, поднимут её удельный вес в мировой политике, на порядок увеличат шансы избежать потерь в периоды обострения межгосударственного и межрегионального конкурентного противоборства на сложном и длительном пути к более справедливому мировому порядку. И Россия в полной мере заинтересована в этом.

Все это подчеркивает стратегическую значимость преодоления трудностей во взаимоотношениях России и стран Европейского союза. А таких трудностей и проблем предостаточно.

После распада СССР Евросоюз, действуя в кооперации с НАТО, не избежал искушения, не считаясь с интересами России, прибегнуть к стратегии экономического, политического и военного продвижения своего влияния в восточном направлении. Вне зависимости от целей, которыми обосновывается новая версия «похода на Восток», такая политика порой порождает недоразумения, а то и напряженность в отношениях между Россией и Евросоюзом.

В ряде стран Европы активно действует антироссийское лобби. Его влияние усилилось после вхождения в Евросоюз ряда восточноевропейских государств, властвующая элита которых широко использует антироссийскую риторику ради демонстрации своей лояльности так называемому «Атлантическому сообществу» (точнее, США) и НАТО. Цель этого лобби — закрепить в общественном сознании европейских стран негативное представление о России, о её потенциальной опасности для демократической Европы. Эта антироссийская деятельность не может не вносить элементы неустойчивости и недоверия в отношения между сторонами. Необъективное отношение Евросоюза к праву

России на защиту своих национальных интересов только усугубляет ситуацию.

Правящие круги европейских стран ещё не полностью отказались от сложившейся в 1990-е гг., после распада Советского Союза, системы взглядов, согласно которой внешнеполитические потери России, понесённые ею на протяжении последних десятилетий, оцениваются как естественная плата за столетия державной, имперской политики, а резкое ослабление российского влияния на мировой арене — как своего рода возвращение к её существованию в качестве рядового государства «второго эшелона». Как результат, России предлагается переосмыслить свою стратегическую ориентацию на многовекторность, многополярность и отказаться от права на собственный, специфический путь. Естественно, что такой подход вызывает в России, мягко говоря, недоумение.

Существует ещё одна крайне важная сторона этой проблемы.

Сегодня, как и десятилетия, и столетия назад, мы вновь стоим перед вопросом: кто мы? Россия это Европа, или не совсем Европа («другая Европа»), или вообще нечто настолько своеобразное и самодостаточное, что применение к ней географических понятий просто не имеет никакого смысла? Позиция авторского коллектива в этом вечном вопросе однозначна. Цивилизационно Россия остаётся частью Европы. История нашей страны, её духовные основы, культура, менталитет и даже образ жизни, глубинные идеалы и устремления, человеческие и материальные ресурсы — всё это органическая часть европейской цивилизации. Медленнее или быстрее, где-то отставая на многие десятилетия, а где-то забегаая вперед в своих попытках сходу достичь тех высот и горизонтов, к которым миру предстоит, вероятно, двигаться ещё многие годы и поколения, историческое развитие России всегда шло в том же русле, в каком шло развитие всей Европы, через преодоление тех же самых проблем, трудностей и несчастий, которые приходилось преодолевать европейским странам.

Однако география России, хотим мы того или нет, заставляет думать о самоидентификации всё же во многом по-иному. Историческое движение России, раскинувшейся на огромных просторах Евразии от Балтики до Тихого океана, не могло не наложить отпечаток на облик страны. Говоря о самоидентификации современной России, следует иметь в виду не только её цивилизационные основы. Необходимо принимать во внимание вероятность того, что она сумеет сохранить себя в существующих географических пределах. И, соответственно, освоить то, что так и не сумела обжить, заселить, обустроить

за прошедшие века, сохранив при этом свою многонациональную и многоконфессиональную природу.

Неприязни, всё ещё сохраняющейся в некоторых слоях европейской правящей элиты как к прежней, так и нынешней России, трудно найти рациональное объяснение. Грехи нашей страны перед историей и человечеством объективно не более тяжелы, чем грехи других стран и народов. Мало того: исторически современная Европа и европейская цивилизация самым своим существованием и прогрессом во многом обязаны России. Она заслонила собой Европу от Чингиз-хана и Тамерлана, её упорные войны с Османской Портой поставили в конечном счёте пределы османской экспансии на Европейском континенте. О Россию разбились бредовые мечты Наполеона и Гитлера о мировой гегемонии и их глобальные авантюры. И европейская цивилизация никогда не достигла бы современных высот без вклада в неё русской культуры и науки, литературы, музыки, живописи, медицины, ядерных и космических исследований и проч. И, наконец, без романтических устремлений России и её ошибок современная европейская цивилизация вряд ли сумела бы найти тот баланс между человеческой инициативой и социальной ответственностью, между экономической эффективностью и общественной солидарностью, которые составляют сегодня основу её политической и социально-экономической стабильности, её растущего международного влияния.

Слов нет, самой России её исторические ошибки стоили дорого. Платой за них стал, прежде всего, низкий жизненный уровень последних четырех поколений россиян — значительно ниже того, что, несмотря на все войны и разрушения, удалось обеспечить Европе. Вопрос теперь в том, смогут ли новые поколения россиян вновь энергично приняться за решение национальных задач, наверстывая упущенное. Или же Россия всё же обречена на медленный, постепенный процесс дезинтеграции. Именно с этих позиций и следует обсуждать проблему российской идентичности и наших отношений с Евросоюзом. Если Россия ставит перед собой задачу сохранения и дальнейшего освоения страны в её нынешних географических границах — она обречена на высокую самодостаточность и саморазвитие, оставаясь одним из ведущих мировых центров силы.

Пример объединённой Европы, сумевшей преодолеть не только тяжкое наследие прошлого, но и многочисленные практические трудности в деле постепенного устранения политических, юридических, социально-экономических и прочих границ между образующими её национальными государствами, свидетельствует, что хотя и весьма дорогой ценой, но люди действительно могут извлекать надлежащие

уроки из истории и строить на этой основе своё будущее. От скромного договора о Европейском объединении угля и стали к созданию подлинного политического и экономического союза с общими наднациональными органами управления и единой европейской валютой; от первых шагов в согласовании таможенной политики и выработке единого таможенного тарифа против третьих стран к общему пространству «четырёх свобод» — свободы перемещения товаров, услуг, капитала и людей через государственные границы; от первоначального разнobia в политических, юридических, экономических, социальных и прочих условиях организации общественной жизни к их сближению и постепенной унификации; от примата национальных институтов к неуклонно растущей роли и компетенции наднационального законодательства и общих европейских институтов, среди которых сегодня на первый план уже выдвигаются такие, как переход к совместному военному строительству, общая внешняя политика и др.; наконец, расширение Евросоюза с первоначальных 6 государств до 27, наряду с амбициозными планами строительства в будущем «Большой Европы» (иными словами, обширной сферы преимущественного влияния Евросоюза в Средиземно-Черноморском регионе и даже за его пределами) — всё это свидетельствует о том, что грандиозный мирный, созидательный эксперимент, начатый в Европе пятьдесят с лишним лет назад, имеет все шансы стать самым большим конструктивным достижением человечества. И России крайне важно оценить и осмыслить этот опыт.

Но у этого опыта есть и другая сторона. Помимо существующих и неизбежных в будущем межгосударственных трений и противоречий в рамках самого Евросоюза, нельзя сбрасывать со счетов и новые опасности, которые очевидны уже сегодня. Само дальнейшее разрастание Евросоюза вширь может оказаться для него разрушительным. Никто сегодня не может с уверенностью сказать, сумеет ли, а если сумеет — то как скоро, Евросоюз «переварить» даже своё последнее расширение и включение 12 новых членов. А на очереди взрывоопасные Балканы, где уровень социально-экономического развития всё ещё низок и где ни один из этнополитических очагов напряженности ещё до конца не погашен, и неизвестно, будет ли погашен вообще. В двери ЕС стучится Турция с её 70 миллионами преимущественно мусульманского населения. За ней — некоторые бывшие советские республики, тоже претендующие на присоединение к Евросоюзу, но, на сегодняшний взгляд, просто непосильные для него и по своим размерам, и по своей политической, этнической и социально-экономической нестабильности и т.д.

И это далеко не всё. События последних лет показали, что С. Хантингтон с его предупреждением о грядущем «столкновении цивилизаций» был не так уж далёк от истины. Некоторые эксперты считают, что третья мировая война между цивилизованным миром и исламским фундаментализмом началась. Пока судьба, в общем-то, миловала Европу, хотя уже кровавые атаки международного терроризма в Испании и Великобритании, межэтнические эксцессы во Франции заставляют думать, что хрупкий европейский иммунитет к подобным варварским акциям может оказаться и временным явлением. Выше уже шла речь о нарастающих негативных последствиях демографических и миграционных процессов в многонациональной и далеко уже не только христианской Европе. Столь же мало предсказуемыми и столь же опасными видятся сегодня «новые-старые» угрозы, резко обострившиеся на рубеже XXI в.: расползание по миру ракетно-ядерного и других видов оружия массового уничтожения, различные региональные конфликты, организованная преступность, наркотрафик, эпидемии, экологические проблемы и пр.

Не удивительно, что в этих условиях многие в Европе всерьёз задумываются, сможет ли она в обозримое время справиться с тем, что у неё уже есть, и с тем, что её, скорее всего, ожидает в предвидимом будущем. Реально ли сегодня, например, всерьёз рассуждать о возможной полной интеграции России в её нынешнем виде в единое европейское политическое и экономическое пространство?

Начнём с того, что это никак не нужно самой Европе. Всё на свете имеет свои естественные пределы, выход за которые обрекает любые, даже на первый взгляд самые успешные начинания на неизбежный провал под воздействием разных причин. Что на самом деле нужно нынешней Европе от России? Прежде всего, конечно, мир и спокойствие, безопасность, сотрудничество в борьбе против старых и новых общих угроз, включая сотрудничество в военно-политической сфере, противодействие международному терроризму, совместное региональное миротворчество. Для этого отнюдь не требуется слияния и объединения, вполне достаточно будет партнёрских, союзнических отношений, закреплённых в системе долгосрочных договоров между обеими сторонами. Традиционный заслон от экспансии радикального исламского фундаментализма? Россия и так самой своей исторической судьбой обречена играть эту роль, от которой при всём желании ей никуда не деться. Надежное обеспечение остальной Европы энергосырьевыми ресурсами, всё ещё значительный российский научно-технический потенциал во многих передовых областях, включая и оборонный сектор? Все эти проблемы вполне решаемы к общей вы-

годе на договорной, а не на объединительной основе. Россия как транспортный коридор, как мост, связующее звено между Востоком и Западом? Никаких особых мер, выходящих за рамки обычных партнерских отношений, эта проблема тоже не требует. Интерес Европы к российскому рынку, российский потребитель, Россия как сфера прямых и портфельных прибыльных инвестиций для европейского капитала? И это направление не требует никаких грандиозных исторических трансформаций. Наконец, культурное взаимопроникновение и взаимообогащение? Оно и так достаточно успешно идёт само собой, как это и было всегда, даже в самые, казалось бы, изоляционистские времена.

Так что никаких особых стремлений к тому, чтобы растворить российскую идентичность в общеевропейской сегодня со стороны Европы не просматривается. Но не просматриваются они и с другой стороны — со стороны России. Невозможно себе представить, что она позволит когда-нибудь какому-либо наднациональному общеевропейскому органу, вроде Еврокомиссии или Европарламента, распоряжаться своей судьбой. Европейские правовые нормы в большей их части надо признавать, к ним надо и дальше постепенно двигаться. Но Россия — великая держава, и выбор её дальнейшей судьбы, политики и динамики преобразований — это, прежде всего, её собственный выбор, а не многоголосого собрания больших, малых и мельчайших европейских государств.

Не следует забывать и то, что у нашей страны, помимо общих (общечеловеческих) задач, есть ещё и другие, сугубо национальные, к которым остальная Европа имеет весьма отдалённое отношение. Нынешней России предстоит наращивать восточный вектор своей внешней политики. Вполне возможно, что не в столь далёком будущем вопрос о европейской идентичности потеряет нынешнюю остроту на фоне взаимоотношений с соседями на Востоке — Китаем, Японией, Южной Кореей, Монголией, Индией, странами ЮВА. Как подобный процесс отразится на европейском облике России, останется ли она Европой или, как давно уже предсказывают некоторые политологи, станет подлинной Евразией, частью какой-то не сложившейся пока ещё евразийской цивилизации — никто, наверное, не возьмётся сегодня с уверенностью предсказать.

Нынешнюю и будущую идентичность России невозможно также себе представить без учета её роли на постсоветском пространстве. Речь не идёт о её мнимых имперских амбициях. Речь идёт, прежде всего, об обыденных, прозаических, «житейских» реальностях. Подавляющая часть постсоветского пространства — это органический много-

вековой сплав народных и человеческих судеб. Никакое «резанье по живому» не может устранить потребность народов, населяющих это пространство, друг в друге. Только опираясь на общие экономические и культурные ресурсы, эти страны могут обеспечить свои потребности в образовании (особенно в высшем), развитии науки и культуры, а это отразится на занятости населения, сохранности и дальнейшем прогрессе того экономического потенциала, который уже был создан за прошлые десятилетия. Наконец, общими усилиями они могут осуществить прорыв на новых направлениях научно-технического и промышленного прогресса, определяющих будущее мира.

Роль России на постсоветском пространстве определяется также действием как традиционных, так и новых геополитических факторов. Возрастающая экспансия внешних для этого пространства сил, а также новые угрозы — терроризм и давление со стороны исламского фундаментализма — резко повышают прямой, кровный интерес России в том, чтобы её границы окружали процветающие, устойчивые, светские государства-союзники. И всё это имеет самое прямое отношение к вопросу о нынешней и будущей идентичности самой России.

Вместе с тем интересы собственной пользы ни в коей мере не являются препятствием для самого интенсивного сотрудничества России с остальным внешним миром, показательна в этом смысле история развития отношений России с Евросоюзом в последние годы. Были в них, конечно, взлеты и спады, были яростные споры и выдвижение не приемлемых взаимных требований, но в целом линия движения по этому направлению устремлена, несомненно, вверх.

Урегулированию за эти годы подлежало, конечно, великое множество проблем, от весьма серьёзных, до, по-существу, смешных — например, запрета на импорт волчьих и рысьих шкур из России на рынки Евросоюза. Наиболее важными для перспектив наших отношений были три проблемы: система общеевропейской безопасности, энергоснабжение Россией Европы, Шенгенский режим и возможности его распространения на Россию.

Некоторые подвижки в решении этих вопросов налицо, хотя не все барьеры уже преодолены. Но это вовсе не основание для пессимистических выводов. Проблемы в системе международных отношений возникают повсеместно и постоянно. Но все они поддаются в конечном счёте урегулированию, если подходить к ним спокойно и непредвзято.

Во всяком случае, на ближайший отрезок времени для развития конструктивных отношений России с Евросоюзом вполне хватает той концептуальной базы, которая в общих чертах разработана уже сего-

дня. Речь идёт о принятии той и другой стороной концепции «четырёх общих пространств»: внешней безопасности; внутренней безопасности, свободы и порядка; экономического, а также культурного и образовательного пространств. Эти ориентиры достаточно ясно определяют основное русло движения России и Евросоюза навстречу друг другу, их сближения в основных сферах общественной жизни, и есть все основания полагаться на естественный ход событий.

Определение оптимального пути, по которому надлежит двигаться стране, предполагает объективное представление о сложившейся в ней ситуации, политическом курсе власти, об утвердившихся общественных отношениях, о состоянии массового сознания и предполагаемых целях дальнейшего движения. В целом есть все основания считать, что России уже удалось пройти часть пути от катастрофических последствий разрушительной политики 90-х годов к относительному оздоровлению. Однако основные задачи, стоящие перед страной, все ещё не решены. Именно поэтому с таким широким одобрением встречен россиянами нынешний курс на всестороннюю модернизацию страны.

Идентичность современной России во многом определяется тем, что ряд задач, которые Европа уже так или иначе решила, нам ещё предстоит решить. Речь идёт и о развитии полнокровной демократии на всех уровнях, о действенном, широко разветвлённом гражданском обществе, о безусловном приоритете прав человека и гражданских свобод, развитии надежной судебной и правоохранительной системы, эффективной социально-ориентированной рыночной экономики, об обеспечении достойного современного человека уровня жизни и социальной защищённости, о создании высокоразвитой инфраструктуры страны и о многом другом. Всё это в начальном состоянии в России уже есть. Но потребуются, несомненно, ещё многие годы и десятилетия, чтобы здание демократического рыночного и солидарного общества, к строительству которого приступила современная Россия, хотя бы в общих чертах было завершено.

За последнее десятилетие нам худо-бедно удалось построить верхний этаж демократии (условно говоря, в «пределах Садового кольца»). Но ничего похожего на реальную демократию мы не имеем сегодня в главном — на уровне местного самоуправления. И сколько ещё десятилетий и поколений потребуется новой России, чтобы сделать систему местного самоуправления жизнеспособной и эффективной? И то же самое можно сказать о восстановлении в полном объеме правопорядка в стране, гражданском обществе, судебной и правоохранительной системе, борьбе с коррупцией и организованной преступнос-

тью, реальных гарантиях приоритета прав человека и нерушимости гражданских свобод.

Внешние ориентиры и изучение чужого опыта, конечно, очень нужны. Но вряд ли полезны здесь всякого рода понукания и толчки извне. Они могут быть только контрпродуктивными, ибо российских реалий за рубежом, прежде всего на Западе, не знают и не понимают. Нужны своя голова на плечах и чувство меры — только тогда не на словах, а на деле может получиться какой-то толк.

Неясны ещё до конца и контуры будущего социально-экономического устройства страны. Скорее всего, учитывая наши традиции, это будет нечто более близкое к европейской, а не к американской модели. Иными словами, это будет, вероятно, система, сочетающая в себе высокую степень государственного прямого участия и государственного направляющего планирования с полнокровным рынком и преобладающей ролью частной инициативы и частной собственности в экономике. Пока этого, однако, не сделано. Тем самым сохраняется пространство для дестабилизирующих тенденций. Насколько можно судить, в последнее время верховная власть уже начала это понимать. Попытки государства смягчить социальные последствия поляризации, ослабить тяготы, инициированные кризисом, усилия, направленные на минимизацию массовой бедности, позволяют надеяться, что эпоха абсолютно аморального, социально безответственного хозяйничания в стране может закончиться.

Но пренебрежение российских властей к «человеку с улицы» все ещё даёт о себе знать. И это ощущение вряд ли скоро исчезнет — особенно, если принятые и готовящиеся законы окажутся на деле не в пользу рядовых российских граждан.

России ещё предстоит выработать рациональную структурную промышленную политику; перейти на более справедливую формулу деления доходов и сверхдоходов от разработки её недр между всем обществом и частным (прежде всего олигархическим) капиталом; восстановить глубоко подорванное доверие населения и частных инвесторов к банковской и финансовой системам страны; создать действительно благоприятные условия для развития малого и среднего предпринимательства — главной движущей силы современного экономического прогресса повсюду в мире; сделать Россию привлекательным местом для вложения капиталов; наконец, отвести угрозы окончательного разрушения, дав новый стимул развитию и укреплению основного богатства страны, от которого зависит будущее страны в современном мире — её образовательного и научно-технического потенциала.

Россия должна переломить складывающуюся печальную тенденцию к постепенному оскудению её территорий за Уралом. Одной этой задачи хватит, чтобы поглотить силы и ресурсы страны на многие десятилетия нынешнего века.

Некоторые политологи, особенно на Западе, говорят о якобы усиливающемся стремлении России к изоляционизму. Думается, однако, что подобная постановка вопроса по меньшей мере некорректна. Что значит — «к изоляционизму»? Если речь идёт об отказе от любых мессианских поползновений, от стремления играть ведущую роль во всех мировых делах и во всех уголках земного шара, о преимущественном сосредоточении национальной идеологии и национальных ресурсов на внутренних созидательных задачах, о поддержании оборонных гарантий на должном современном уровне в отношении как стратегических, так и обычных вооруженных сил — может быть, это отчасти и изоляционизм, но конструктивный, здоровый изоляционизм, в наибольшей мере отвечающий реальным потребностям страны. В то же время курс, обосновывающий первенствующую роль собственных интересов, собственной пользы, ни в коей мере не является препятствием для самого интенсивного сотрудничества России с внешним миром.

Россия, что очевидно, втягивается в глобализацию. Вместе с тем следует учитывать, что глобализация, представляя собой объективный процесс, вовсе не означает неизбежного безальтернативного нашего подчинения её нынешней модели, темпам и формам. У каждой независимой страны имеется свой коридор возможностей.

Иными словами, ситуация, складывающаяся в мире, диктует России необходимость проведения взвешенной политики, предусматривающей свои целевые установки, собственную реакцию на события, противодействие нежелательным последствиям и т. д. Но есть ли у России такая политика?

На поставленные, как и на некоторые смежные и другие вопросы, читатели найдут ответы в этой книге.

Часть I. ЦИВИЛИЗАЦИИ И МИРОПОРЯДОК

Глава 1. Цивилизации и мировое развитие

На протяжении всей истории человечества чётко прослеживаются две тенденции. Одна ведёт к углублению дифференциации. Другая способствует сближению и переплетению интересов народов, осознанию ими взаимосвязей и взаимозависимостей. Под воздействием этих тенденций на протяжении веков формировались общности, которые впоследствии стали именоваться цивилизациями.

Отношения между ними в разные времена складывались по-разному. Это относится и к нашему времени.

Перед современным миром стоят сложные проблемы. Многие из них порождены беспрецедентными достижениями человеческого разума. Их использование дает различные результаты. Если оно разумно, они приносят пользу. Если неразумно — создают угрозы. Важнейшая задача, стоящая перед человечеством, — найти эффективные пути разрешения противоречий, которые могут обостряться неадекватными ответами на возникшие проблемы. От этого во многом зависят ныне его судьбы.

На ситуацию, складывающуюся в современном мире, влияют разные факторы. В их числе геополитические сдвиги, крупные изменения в научно-технической, социально-экономической и иных сферах, неоднозначные последствия глобализационных процессов, углубляющих противоречия между гомогенизацией и диверсификацией этносов, наций, цивилизационных общностей.

Бедут ли изменения, происходящие в мире, к унификации, «нивелировке» социумов и культур? Какие силы превалируют в межкультурных отношениях? Те, которые порождают взаимное отторжение и столкновения, или же те, что способствуют позитивному взаимодействию, диалогу и партнёрству?

Хотя изучение цивилизаций имеет давние традиции, споры вокруг связанных с этим проблем не утихают. Сомнению подвергаются как содержание самого понятия, так и конкретные оценки отдельных цивилизационных общностей, их эволюции и места в мировой истории. Во многом это объясняется возрастанием значимости феномена цивилизации, а также той ролью, которую отводят ему при формировании современных систем ценностей.

О классификации цивилизаций

Несогласия начинаются уже с подхода к классификации цивилизаций. В принципе в её основе могут лежать разные показатели. Наиболее часто цивилизации подразделяют в зависимости от:

- пространственных показателей (в соответствии с постулатами геополитики);
- своеобразия социетальных и социальных характеристик;
- специфики экономических и стадияльно-формационных укладов;
- особенностей коллективной ментальности, интеллектуальной и духовной культуры, ценностных ориентаций.

Различают также цивилизации «мертвые» и «живые».

Однако, придерживаясь такого подхода, исследователи цивилизаций нередко приходят к неоднозначным умозаключениям.

Так, по мнению выдающегося английского учёного А. Тойнби и его последователей, в истории человечества существовала 21 цивилизация. При этом половину из них следует отнести к числу «мертвых». К иным выводам приходит американский историк профессор Метью Мелко. Он считает, что исследования заслуживают лишь важнейшие цивилизации. Их, согласно его оценке, было всего 12. Семь из них (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центрально-американская, андская) исчезли, а пять (китайская, японская, индуистская, исламская и западная) существуют.

Излагаются и другие взгляды на эту проблему. Показательно, однако, что при этом некоторые недооценивают значимость православной (русской) цивилизации.

Разные мнения высказываются по поводу степени устойчивости цивилизаций. Согласно трактовке отдельных авторов возникновение и исчезновение цивилизаций под влиянием внешних изменений происходят достаточно быстро и часто. Однако наиболее серьёзные специалисты такой трактовки не приемлют. Весьма показательна в этом смысле позиция, которой придерживался один из самых крупных исследователей истории цивилизаций Ф. Бродель.

Изучение великих цивилизаций, отмечал он, означает «приглашение поразмышлять об истории как о «долговременной». В этом смысле цивилизации предстают в особом свете, поскольку их «долгожительствование» выше нашего понимания. Будучи неправдоподобно старыми, они продолжают жить в каждом из нас; и они ещё долго будут существовать после нашего ухода»¹. Отсюда — необходимость учитывать «коллективную ментальность», создаваемую в общественном сознании в результате долговременных процессов.

Значительное место в дискуссиях занимает оценка роли движущих сил цивилизационного развития.

Многие исследователи исходят ныне из приоритетности многофакторного подхода к истории цивилизаций. Для них определяющей является вся совокупность факторов. Большое внимание в этой связи уделяется материальным и социально-экономическим аспектам развития. В свою очередь, их оппоненты делают упор главным образом на культурно-историческую сторону дела.

Нередко отстаиваемые взгляды зависят от мировоззренческих позиций того или иного исследователя. Последнее хорошо прослеживается на примере получившей широкую известность, сравнительно давней, но тем не менее не потерявшей актуальности дискуссии российских западников и славянофилов. Первые, руководствуясь своими ценностными ориентациями, подразумевали под цивилизацией лишь западноевропейскую модель. Соответственно, цивилизованными они считали только западноевропейские страны. Противостоявшие им славянофилы, в свою очередь, отвергали идею существования единых культурно-цивилизационных норм, общих для всего человечества. Из этой позиции вытекала, в свою очередь, концепция различных культурно-исторических типов развития. Её в своё время активно отстаивали Н.Я. Данилевский и его последователи.

В XX в. в рамках дискуссий на передний план выступила проблема отношений между народами (цивилизациями) «третьего мира» и наиболее развитыми странами, получившими впоследствии наименова-

¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. М.: Весь Мир, 2008. С. 30.

ние «золотого миллиарда». Этому в решающей степени способствовало появление концепций, в основе которых лежал тезис об особой конфронтационности незападных цивилизаций.

В соответствии с этими концепциями реальные противоречия между бедными и богатыми странами, обозначаемые обычно как проблема Север—Юг, рассматривались как противоречия цивилизационные. Соответственно, многочисленные «незападные» народы определялись как некая суперцивилизационная общность или по меньшей мере как совокупность небольшого числа крупных цивилизаций, внутри которых формируются и развиваются неодинаковые культурные образования.

В какой-то мере показательна в этом смысле позиция, которую отстаивал в своем труде «Цивилизации и социальная теория» известный египетский цивилиограф Анвар Абдель-Малеk¹. По его мнению, изменения в мире следует анализировать сквозь призму процессов, происходящих в трех основных взаимосвязанных кругах: в цивилизациях, в культурных зонах и в национальных образованиях. В первую очередь при этом следует учитывать развитие и взаимное влияние двух макроцивилизаций — индоарийской и китайской. Внутри этих макроцивилизаций, считал учёный, наличествуют многочисленные культурные зоны. В индоарийской — это египетская античность, греко-римская античность, европейская, североамериканская, африканская (южнее Сахары), арабо-исламская и ирано-исламская зоны. К этой макроцивилизации может быть отнесена также значительная часть латиноамериканского населения. К китайской макроцивилизации следует причислить собственно Китай, Японию, Индийский субконтинент, азиатско-исламскую зону, Океанию, Юго-Восточную и Центральную Азию.

Взгляды, высказываемые Абдель-Малеком, по некоторым параметрам заслуживают критической оценки. Вместе с тем нельзя не признать, что в целом они сыграли позитивную роль в преодолении одностороннего «евроцентристского» подхода, для которого характерна недооценка вклада незападных цивилизаций в общемировое развитие.

Наиболее конструктивным представляется системный подход к изучению цивилизаций, при котором учитываются диалектика общего и особенного, история борьбы и взаимовлияния цивилизаций, их преемственность и реакция на постоянно поступающие новые им-

¹ См.: *Abdel-Malek A. Social Dialectics. Vol. 1: Civilizations and Social Theory. L.: Macmillan, 1981 [1972].*

пульсы. Это, в свою очередь, требует обращения не только к недавней, но и к достаточно древней истории.

Наиболее общие критерии классификации цивилизаций позволяют получить примерно следующую картину.

К числу наиболее заметных, оставивших глубокий отпечаток в мировой истории следует отнести месопотамскую (шумеро-аккадскую), минойскую, вавилонскую, хеттскую, эллинскую, египетскую, древнегреческую и древнеримскую, греко-скифскую, сирийскую, византийскую, китайскую, индуистскую, арабскую, андскую, православную (прежде всего русскую), дальневосточную (корейско-японскую), майанскую, латиноамериканскую, западноевропейскую, североамериканскую и некоторые другие цивилизации. Месопотамская, минойская, вавилонская, египетская, древнеримская, древнегреческая, византийская, андская цивилизации должны быть отнесены к категории исчезнувших («мёртвых»). Группу живых и развивающихся цивилизаций составляют «западная» (западноевропейская), североамериканская, китайская, японская, индуистская, исламская, православная (русская), латиноамериканская и африканская.

При использовании географического подхода четко выделяются три группы цивилизаций: восточные, западные и промежуточные.

Ступени общения

Протоцивилизации, а затем и сами цивилизации в нынешнем понимании этого феномена зародились на очень раннем этапе становления человеческого общества. Решающий импульс этому процессу дало наметившееся, а затем углубившееся разделение труда.

Ещё на высшей ступени варварства (то есть на пороге возникновения цивилизаций) произошло, как справедливо отмечали Л. Морган, Ф. Энгельс, Л. Рейснер и некоторые другие исследователи, разделение труда между земледелием и ремеслом. Соответственно увеличивалось производство части продуктов труда, предназначенных для обмена. Сам он, в свою очередь, превратился в жизненную потребность для общества.

Становление цивилизаций, обострив отношения между городом и деревней, усилило этот вид разделения труда. Со временем появилась потребность в появлении специфической транзитно-посреднической цивилизации, послужившей дополнением к первичным цивилизационным общностям, для которых были характерны более или менее выраженные локальность и автаркизм.

Сошлемся в качестве примера на то, как шло формирование наиболее известных ранних цивилизаций.

Древние шумеры, переходя к оседлому образу жизни и осваивая сельскохозяйственное производство, селились в долинах крупных рек — Тигра и Евфрата. В свою очередь, в этом же районе возводили свои укрепленные поселения халдейцы. На этой базе сложилась месопотамская цивилизационная общность. Египтяне при аналогичных обстоятельствах селились по берегам Нила и частично в районе Великих африканских озер.

Нечто похожее происходило в Юго-Восточной Азии, в частности, на берегах таких многоводных рек, как Хуанхэ и Янцзы. Здесь тоже возникли многочисленные устойчивые очаги сельскохозяйственного производства, отложившие глубокий отпечаток на развитие китайской цивилизации. На Индостанском полуострове основы зарождающейся цивилизации были заложены в центрах сельскохозяйственного производства, сложившихся в долинах рек Инд и Ганг.

Большое влияние на специфику этих цивилизаций оказывала жизненно важная роль крупных ирригационных сооружений, делавших возможным получение необходимого объема сельскохозяйственных продуктов и тем самым обеспечивавших само существование поселившихся там людей. Возведение и содержание в рабочем состоянии данной системы требовало объединения усилий сотен и тысяч людей. Отсюда и особая роль коллективного начала, превратившегося в основополагающую ценность, свойственную цивилизациям данного типа.

Утверждение этой ценности, потребность в её практической реализации влекли за собой самые разные, в том числе неоднозначные последствия. Доказано, например, что в своё время на сравнительно раннем уровне развития ориентация на объединение усилий, на коллективные действия способствовала становлению восточных деспотий. Вместе с тем наличие указанной ценности создавало предпосылки для появления и укрепления различных форм солидарности.

Потребности в обменных операциях, возраставшие по мере расширения сельскохозяйственного производства, способствовали росту значения и роли городских поселений. Постепенно они превращались в своеобразные административные центры, от которых исходили не только управленческие, но и культурные импульсы.

Сложившиеся на этой базе города со временем приобрели определяющую роль в междоцивилизационном взаимодействии. На последующих фазах исторического процесса эти взаимодействия развивались и углублялись. Изменялись не только масштабы, но и способы и формы общения.

Прогресс и упадок отдельных народов, отмечали в этой связи крупные специалисты по исследованию цивилизаций В. Бартольд, Л. Рейснер и др., объяснялись не столько их расовыми свойствами, религиозными верованиями, не столько окружающей их природой, сколько тем местом, которое они в разные периоды своей исторической жизни занимали в этом общении¹.

Следует подчеркнуть, что и в эллинистическую эпоху, и в Средние века, и на протяжении всей Новой и Новейшей истории именно на европейской территории, первоначально в ареале Средиземноморья, а затем в северо-западной части континента закладывались материальные и духовные основы цивилизационного прогресса.

Очевидно, что цивилизационные общности, возникнув, не могли не вступать в определённые связи друг с другом. Они были различными по характеру, сфере и интенсивности взаимоотношений. Под влиянием совокупности факторов, менявшихся процессов, происходивших как внутри, так и вне самих цивилизаций, модифицировались содержание и формы контактов между ними. В частности, возникала необходимость поиска путей решения конфликтов, рождавшихся в ходе взаимодействий и порождаемых ими кризисов в результате личностных и групповых этнонациональных и социально-политических противостояний.

На ранних этапах истории при контактах людей, групп, общностей доминировали насильственные формы решения противоречий. Впоследствии, однако, по мере эволюции начало возрастать значение сравнительно мирных, более толерантных форм общения.

Примеры такого общения можно найти уже в самом далёком прошлом. Ещё за несколько тысячелетий до нашей эры сложились интенсивные и вполне устойчивые связи между месопотамской и египетской цивилизациями. Эти отношения не ограничивались одним лишь товарообменом, они охватывали широкую для того времени сферу культурных взаимовоздействий. Одновременно месопотамское влияние заметно ощущалось на Индийском полуострове, а египетское — на множестве островов Эгейского моря.

Хорошо известна история становления и развития отношений греческой цивилизации с сирийской, персидской и римской. Несмотря на такое серьёзное для того времени препятствие, как Индийский океан, римская цивилизация оказала заметное влияние на китайцев. В ещё большей степени на Китае сказалось влияние

¹ См.: Рейснер Л. Цивилизация и способ общения. М.: Наука, 1993. С. 23–29; Бартольд В. Соч. В 9 т. М., 1966. Т. VI. С. 146.

Индии. Определённое воздействие на народы Европы, особенно страны северного и западного Средиземноморья, оказала арабская цивилизация.

Важную роль в контакте цивилизаций сыграл в своё время знаменитый Великий шёлковый путь. Как отмечает в этой связи видный японский учёный Э. Хаттори, участник международного проекта «Интегральное исследование Шёлкового пути», активный взаимообмен между культурами Востока и Запада, начавшийся с первого столетия нашей эры, продолжается с тех пор много веков, вплоть до наших дней. На морских путях особо активную роль играли китайцы, индийцы и арабы, а на Шёлковом пути — персы и китайцы. Так произошла встреча Древней Греции с Востоком, откуда продукция ремесленного производства расходилась по Европе и Африке. Римляне, в свою очередь, достигали Восточной Азии.

Взаимодействию различных культур в немалой степени способствовало развитие связей, на основе которых создавались новые традиции и одновременно сохранялось прежнее культурно-цивилизационное наследие. При этом интенсифицировались межцивилизационные взаимодействия.

Большую роль в развитии этих связей сыграла Византия. На протяжении ряда столетий (с VI по XVI в.) она олицетворяла своеобразный синтез наследия классической античности и Востока. В период Средневековья её влияние в неменьшей степени определяло развитие стран не только восточного, но и, во многом, западного Средиземноморья. Особенно интенсивно оно сказалось на Балканах. Важной составляющей влияния византийской цивилизации стало формирование и развитие особого течения в христианском вероисповедании — византийско-православной конфессии.

В свою очередь, на византийской цивилизации хотя и менее очевидно, но сказывались воздействия складывавшейся европейской цивилизации, для которой, в частности, была характерна амальгама христианства и языческого германо-кельтского наследия. Тогда отношения между ними рассматривались, по крайней мере на уровне образованного общества, не только через призму соперничества, но и с позиции более или менее очевидного партнёрства.

Сама европейская цивилизация, используя морские коммуникации, все интенсивнее культивировала связи со странами Юго-Восточной Азии, прежде всего с Китаем, Японией и Кореей, а затем — после открытия Колумба — с народами американского континента (сначала с туземным населением, а затем с формировавшимися там новыми цивилизациями — как северного, так и южного ареалов).

В свою очередь, арабская цивилизация различными способами (в том числе и насильственным) прокладывала себе пути на север и юго-восток Африки, а также в Юго-Восточную Азию, неся с собой цивилизацию ислама. Её попытки распространить своё влияние на Юго-Западную и Западную Европу окончились неудачей. Тем не менее конечным результатом предпринятых усилий стала глубокая исламизация значительных регионов Африки и Юго-Восточной Азии.

Особенно заметной «филиация идей» стала в условиях Возрождения, а затем и Просвещения. Её усиление не было случайным. Оно в значительной мере отражало потребности объективных перемен. На горизонте маячил новый этап экономического развития: близилась первоначальная фаза будущей техногенной цивилизации. И это не могло не сказаться на облике и формах поведения традиционных культурно-цивилизационных общностей.

Их динамика оказалось тесно переплетённой с глубокими общественными сдвигами и преобразованиями. Так, в Европе глубокие цивилизационные перемены были в решающей степени обусловлены революционными потрясениями в Нидерландах и Англии (XVI–XVII вв.), а затем Великой Французской революцией (конец XVIII столетия). Общеизвестно, что влияние этих эпохальных событий было не только континентальным, но и общемировым.

По мере своего развития связи и взаимодействия цивилизаций распространялись на всё новые сферы общественного бытия и сознания. Если первоначально они сказывались главным образом на торгово-экономической деятельности, а затем проявлялись в области духовности и культуры, то, достигнув зрелости, они распространились на политику, социальные отношения и т.д.

Это, однако, вовсе не исключало типологических различий, которые не только сохранялись, но и в ряде случаев, возрастали — не в последнюю очередь благодаря неравномерности темпов развития, а также неоднозначному воздействию на разные цивилизации научно-технического прогресса. Неоднозначными оказались и последствия межцивилизационных отношений. В одних случаях они обогащали друг друга и стимулировали взаимное развитие, в других — тормозили его. Нередко случалось так, что более мощные (хотя не обязательно более развитые) цивилизации подавляли, а то и разрушали менее мощные.

Промышленный переворот и следовавшее за ним бурное развитие индустриального производства способствовали появлению такого нового для того времени феномена, как группа наиболее динамичных, лидирующих цивилизаций. В дальнейшем состав этой группы менялся. И, скорее всего, будет меняться впредь. Однако общим для

них было (и остаётся) то, что все входящие в эту группу цивилизации оказывали — каждая в свою историческую эпоху — большое и длительное воздействие на развитие человечества.

На протяжении ряда столетий наиболее заметное место в этой группе занимала и занимает поныне европейская цивилизация. Её корни уходят в греко-римскую античность, а важнейшими этапами развития с полным на то основанием считаются эпохи Возрождения и Просвещения. Однако в полной мере эта цивилизация реализовалась в Новое и Новейшее время, став, с одной стороны, центром индустриального развития, а с другой — главной ареной социальных и политических потрясений, которые подготовили почву для демократических революций. Они придали особую актуальность исследованию воздействия вызванных ими трансформаций на общецивилизационные процессы. Одним из специалистов, занявшихся этой проблематикой, был профессор Ш. Эйзенштадт — автор монографии «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций»¹. В своем исследовании он анализировал опыт Нидерландской, Английской и Великой Французской революций, рассматривал последствия европейских революций 1848 г. и Франко-прусской войны 1870—1871 гг., давал оценку революционным процессам в Китае, России и Турции, а также реформам второй половины XIX в. в Японии. Большое внимание уделено в его книге реформистским и радикальным движениям XX в. Одним из основных выводов, к которым он пришел на основании осмысления обширного материала, был следующий.

Реформы и другие трансформации, несмотря на специфику, обусловленную цивилизационными особенностями, были повсеместно порождены, прежде всего, социально-экономическими и социокультурными противоречиями. Это, в свою очередь, обусловило участие в протестных движениях, выступлениях в пользу перемен представителей самых разных слоев. Часть их них не останавливалась перед самыми решительными действиями, которые принимали разные формы: от продовольственных бунтов и массовых трудовых конфликтов до «маргинальных вспышек» и революций. Запалом для выступлений служили как нерешенные экономические проблемы, так и политические кризисы, духовное брожение, обострение национально-этнических отношений и т.д. И всё это в той или иной мере сказывалось на разных цивилизациях.

¹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. См. также его интересную публикацию на эту тему в международном издании ЮНЕСКО: *International Social Science Journal*. 1992. No 133.

Возвышение европейской цивилизации не означало, однако, полного вытеснения из мирового контекста других, не попавших в орбиту индустриального подъема. На протяжении столетий на развитие человеческого сообщества оказывали большое влияние так называемые восточные цивилизации, прежде всего — китайская, индуистская, мусульманская, японская. Просто одно время они оказались оттесненными на второй план. Но это не было и не могло быть постоянным. Сейчас эта ситуация все заметнее уходит в прошлое.

Выше уже шла речь о накоплении позитивного опыта договоренностей, согласия и об интенсивной «филиации идей» как об одном из следствий взаимозависимости и взаимодействия цивилизаций. Тем не менее этот опыт, к сожалению, не вытеснил насилия как формы реализации конфликтов. Достаточно вспомнить в этой связи о греко-персидских войнах, о многолетних сражениях римлян с варварами, о «крестовых походах», потрясших как Европу, так и весь Ближний Восток — от Византии до Персии и Египта.

Досталось в Средние века и самой Европе. С трудом справившись с иноземными нашествиями (потоком завоевателей-кочевников из Азии, дошедшими до Вены, походами мавританцев на Испанию, Юг Италии и Франции), она погрузилась в пучину внутренних конфликтов. Чего стоила только одна Столетняя война между Англией и Францией? А Тридцатилетняя война между двумя европейскими коалициями, буквально опустошившая всю Северо-Западную и Центральную Европу?

На исходе Средневековья и с наступлением Нового времени человечество вступило в продолжительную эпоху колониальных войн. Начало им положило сопровождаемое геноцидом туземного населения завоевание европейцами Северной и Южной Америки. Ему на смену пришли покорение Великобританией Индии, захват Нидерландами Индонезии, превращение в полуколонии Китая, раздел Черной Африки и многое другое. В итоге наиболее мощные европейские страны поделили между собой значительную часть мира, не считаясь с волей и интересами покоряемого населения и цивилизационными различиями.

В целом на протяжении нескольких столетий Европу и другие континенты потрясали волны насилия, в рамках которых подчас тесно переплетались войны, захваты, революции и бунты. По некоторым подсчётам, с XV по XX в. суммарное число войн и социальных потрясений в Европе превысило 700¹. И это далеко не полные данные, по-

¹ Tilly Ch. *European Revolutions. 1492–1992*. Oxford: Blackwell Publications, 1993. P. 102–103, 146–147, 242–248.

скольку в них учтены лишь события, происходившие во Франции, в Нидерландах, на Британских островах, в Испании, Португалии, России и на Балканах.

Известно также, что возникшие на Европейском континенте две самые кровопролитные войны XX в., распространившиеся на другие континенты и поэтому получившие наименование мировых, повлекли за собой столько жертв, сколько не было во всех войнах за предыдущие пять столетий.

На отношениях и формах взаимодействия цивилизаций постоянно сказывалось менявшееся соотношение их удельных весов в мировом сообществе. С начала Нового времени в мировой экономике и политике в разные периоды доминировали голландская, португальская, испанская, а затем и британская имперские системы, олицетворявшие европейскую цивилизацию. Это сыграло немалую роль в обеспечении её столь мощного политического и духовно-культурного влияния.

В XIX в. на мировую арену вышла и начала укреплять свои позиции молодая североамериканская держава, представлявшая свою, хотя и родственную (по происхождению) европейской, цивилизацию. В XX в. её позиции стали определяющими. Практически вся вторая половина прошлого столетия прошла под знаком растущего влияния США, как одной из двух сверхдержав.

Однако ныне, в XXI в., гегемония Соединённых Штатов, казавшаяся бесспорной после распада Советского Союза, всё чаще ставится под сомнение. Не случайно в последние годы среди учёных и политиков то и дело вспыхивают дебаты о том, не являемся ли мы свидетелями упадка главенствующего мирового влияния США, не придут ли им на смену другие центры «силы», новые властители дум.

Конфликты или сотрудничество?

Не меньшие споры вызывает сейчас оценка предполагаемой динамики межкультурных отношений. В ходе этих споров чётко определились две полярные точки зрения.

Согласно одной из них общее направление мирового развития создало благоприятные предпосылки для дальнейшего сближения и укрепления мирного сотрудничества цивилизаций. Соответственно, предлагаются меры, направленные на то, чтобы использовать данные предпосылки.

Среди этих мер следует, прежде всего, упомянуть инициативу правительств Испании и Турции, предложивших в 2005 г. приступить

к формированию «Альянса цивилизаций» в качестве международного форума (или сети), призванных расширять межцивилизационные контакты, культивировать сотрудничество и мирно решать споры. Вскоре после этого стало разворачиваться также широкое движение «За партнёрство цивилизаций». Оно исходит из того, что в мире нет и не может быть «высших» и «низших» цивилизаций, что все участники диалога считаются абсолютно равноправными партнёрами, которые должны слушать и слышать друг друга, взаимно учитывать интересы. Только при соблюдении баланса интересов сторон возможен конструктивный подход к решению всех существующих проблем международных отношений.

Эти инициативы были поддержаны целым рядом стран, в том числе Российской Федерацией. В их пользу высказались многочисленные общественные организации. Большой интерес проявило к ним и руководство Организации Объединённых Наций.

Другая точка зрения исходит из неизбежности обострения отношений между цивилизациями. Из лагеря её сторонников нередко исходят алармистские прогнозы.

Впрочем, нельзя не признать, что для некоторых из них есть реальные основания. Они дают повод предположить, что, если не будут приняты решительные меры по урегулированию назревающих конфликтов, отношения между отдельными цивилизациями могут выйти из-под контроля.

Особого внимания заслуживают в этой связи два взаимосвязанных явления. Первое — возникновение в центрах европейской цивилизации клубка противоречий, который всё чаще называют новым национальным вопросом. Его появление вызвано массовой иммиграцией в наиболее развитые европейские государства выходцев из стран иных цивилизаций. Неспособность этих государств ассимилировать вновь прибывших иммигрантов или хотя бы адаптировать их к новым условиям имела своим результатом возникновение в центре европейской цивилизации множества иноцивилизационных анклавов, не принимающих ценностей приютивших их обществ. Реакцией автохтонного населения на появление подобных анклавов порою становится рост ксенофобских настроений.

Отдельные страны уже имели дело с таким феноменом, как «иммигрантские бунты». Не исключено, что другим государствам предстоит столкнуться с ними не в столь уж отдалённое время.

Второе явление — расширение сферы соприкосновения цивилизаций, обусловленное глобализационными процессами, в том числе в области информации. Раньше такое соприкосновение было по-пре-

имуществу опосредованным и затрагивало отдельные группы населения. Теперь в ту или иную форму контактов оказались втянутыми сотни миллионов людей.

Правящие элиты наиболее богатых стран европейской цивилизации не сумели вовремя оценить назревающую угрозу. Как отмечают многие специалисты — прежде всего экономисты и социологи, не был своевременно замечен углубляющийся кризис прежних социальных моделей, была проявлена неспособность справиться со структурными проблемами, порождающими безработицу, снижающими эффективность систем образования и здравоохранения, превращающих многих иммигрантов в людей низшего сорта.

Поскольку разрыв в условиях существования людей, относящихся к различным цивилизациям, остаётся огромным, а знание о нем возрастает, то это приводит к накоплению взрывчатого материала в разных регионах мира. Попытки решить эту проблему, применяя традиционные формы насилия, лишь накаляют атмосферу. Одно из свидетельств этого — перманентный очаг конфликтов на Ближнем Востоке.

В некоторых кругах последнее время складывается представление, будто под знаменем исламизма инспирируется ныне «революция обездоленных». Это в какой-то мере и верно, и неверно. Верно в том смысле, что недовольство обездоленных миллионов в странах, отставших в своем развитии, используется радикальными течениями в исламе для достижения своих экстремистских, экспансионистских целей. Верно и в том смысле, что нищета, обездоленность, бесперспективность существования толкают тысячи людей в объятия террористов, пополняя их ряды. Неверно потому, что дело в данном случае не в исламе, который, кстати, бывает разным, а во множестве обстоятельств. Поэтому вину, наряду с исламистами, в данном случае должны разделить те, кто эти обстоятельства создал или не принял мер для того, чтобы они изменились.

Убедительное свидетельство этого — известные события 2005–2006 гг. во Франции. Это был не просто «кризис городских окраин», населённых по преимуществу иммигрантами, как одно время утверждали французские власти. Это не было также чисто парижским феноменом. Вслед за предместьями французской столицы массовые беспорядки перенеслись на другие города страны. Пожары запылали и в Тулузе, и в Валь-де-Марне, и в Лионе, и в Страсбурге. Молодёжные выступления, сопровождаемые актами вандализма, перебросились на Бельгию, Нидерланды, Германию. Об опасности бунта иммигрантов заговорили в Великобритании и некоторых других странах. Кстати, именно в те дни новые акции

террористов были зафиксированы в ближневосточном регионе, в том числе в Иордании.

Некоторое время спустя при ближайшем рассмотрении выяснилось, что в основе происходившего лежали не просто этноконфессиональные конфликты. Когда копнули глубже, то оказалось, что последние, в свою очередь, были обусловлены глубокими социальными противоречиями: кризисом социального государства, ростом безработицы, невключённостью части иммигрантской молодежи в современные постиндустриальные структуры, углублением маргинализации общества.

Таким образом, человечество стоит сейчас перед судьбоносным выбором. Или — партнёрство цивилизаций в условиях мира, расширения диалога, взаимодействия и продуктивного сотрудничества. Или же — столкновения цивилизаций, порождающие перманентные конфликты, насилие, войны.

Откладывать этот выбор крайне опасно, особенно перед лицом явной активизации международного терроризма, всплеск этно-конфессиональных конфликтов, нарастания острых социальных противоречий и угроз новых военно-политических столкновений в ряде регионов мира.

Конструктивный подход к проблемам межкультурных отношений отвечает коренным интересам всех народов мира. Он, кстати, в полной мере соответствует тем ценностям и целям, которые неоднократно провозглашались всеми ветвями христианства, исламом, буддизмом, иудаизмом и представителями других конфессий¹. Поэтому, в какую сторону надо бы склониться чаще весов, не вызывает сомнений.

Ориентация на сотрудничество цивилизаций свойственна и Организации Объединённых Наций. «Потребность в диалоге между цивилизациями... — подчеркивал, находясь ещё на своём посту, её Генеральный секретарь Кофи Аннан, — сегодня острее, чем когда-либо. Люди, которые живут в страхе и не воспринимают другие культуры, больше склонны ненавидеть, применять силу и разрушать то, что, по их мнению, является враждебным. Между тем человечество уже выработало систему общих ценностей. Сама Организация Объединённых Наций основана на вере в то, что диалог может восторжествовать над разногласиями».

Аналогичная позиция была отражена в выступлениях многих глав государств и правительств, собравшихся на встрече на высшем уров-

¹ Более подробно об этом, в частности, см.: Мир цивилизаций: современность и будущее / Под. ред. Т. Тимофеева, Ю. Яковца. М.: МИСК, 2008. С. 39–68, 260, 279 и далее.

не, приуроченной к 60-летию ООН (2005). В своей речи В.В. Путин, указав на угрозу, которой чреваты последствия опасного глобального межцивилизационного разлома, выразил удовлетворение тем, что в мире набирает силу движение в пользу широкого межцивилизационного диалога.

Одержит ли верх тенденция к взаимозависимости и целостности мирового сообщества или же утвердятся все ещё распространённая недооценка опасностей, связанных с ориентацией на насилие как инструмент международной политики, покажет будущее. Во всяком случае надежды на лучшее сохраняются. Этому призваны способствовать активные усилия поборников диалога и партнёрства цивилизаций, выражающих интересы миролюбивого большинства человечества.

Глава 2. Глобализация: противоречивые тенденции (интерпретации, шансы, риски)

Глобализация — явление динамичное и в то же время многогранное. Не случайно оценки её сути и последствий вызывают немалые разногласия. Это относится и к периодизации разных фаз глобализации, и к оценке специфических особенностей её нынешней стадии.

В изучении этого явления должен превалировать комплексный анализ. Это относится как к экономическим, социокультурным, цивилизационным, геостратегическим, идейно-политическим и иным аспектам глобализации, так и к её результатам.

Под глобализацией обычно понимают, прежде всего, усиление взаимосвязей и развитие интеграционных процессов в экономической сфере в результате ощутимого снижения препятствий, стоявших на пути движения капиталов, свободного обмена товаров, услуг, информации, знаний. Это ведёт к возрастающей взаимозависимости рынков и производства разных стран, на которую влияют новые финансовые и технологические потоки¹.

¹ Подробнее об этих феноменах и их различных интерпретациях см.: The Global Transformations Reader. An Introduction to the Globalisation Debate / Ed. by D. Held and A. McGrew. Cambridge, UK, 2002, P. 1-81, 92-103. См. также: О сущности нынешней глобализации. Гл. 1 // Танган С. Неолиберальная глобализация. М., 2004. С. 8—10 и далее.

Вызовы глобализации

Глобализация предполагает резкое расширение масштабов мирохозяйственных и торговых отношений, рост научно-технических связей, новый качественный скачок в развитии мирового информационного сообщества, в формировании глобальной экономики.

В условиях глобализации центр тяжести в принятии стратегических решений, в осуществлении базисных инноваций переносится в значительной мере на надгосударственный уровень.

Серьёзнейший глобальный вызов человечеству — *природно-экологический*. Запасы известных природных ресурсов, вовлечённых в воспроизводство и обеспечение жизни людей, ограничены и сокращаются; их всё меньше на душу населения. А масштабы выбросов отходов производства и жизнедеятельности людей растут с каждым годом. Новые трудности создаёт обострение мировых энергетических проблем. Это оказывает неблагоприятное влияние на окружающую среду, а также чревато глобальным энергокризисом и может вести к экологическим катастрофам. Переломить эти тенденции, предотвратить экокатастрофу можно на пути к ноосфере; однако такую задачу невозможно реализовать в замкнутых рамках одной страны.

Следует учитывать также динамику народонаселения, а также изменения в запросах, интересах и знаниях людей. *Демографический* аспект глобализации просматривается в нескольких разрезах. Её можно рассматривать в том числе и как своеобразный ответ на демографический взрыв второй половины XX в., когда численность землян за сравнительно короткий исторический период выросла почти в два с половиной раза. Их потребности невозможно полностью удовлетворить в рамках национальных границ и ресурсов. Рост численности населения и его нужд продолжается и в нынешнем столетии. Разрешить противоречие между увеличением населения планеты и уменьшением ресурсов для жизни, построить мир, достойный XXI в., возможно лишь в глобальных масштабах.

К важнейшим направлениям глобализации относятся *технологические нововведения*. На основе базисных технологических инноваций может сформироваться новый постиндустриальный технологический способ производства, который способен в итоге создать условия для удовлетворения потребностей возрастающего числа людей. Продвижение по пути решения этих задач особенно важно перед лицом угроз, порождаемых тем, что человечество может скоро столкнуться с истощением ряда природных ресурсов (не только многих полезных

ископаемых, но и пресной воды, плодородной земли, лесных массивов — зелёных лёгких планеты).

При рассмотрении *социально-экономических* аспектов глобализации следует иметь в виду, что их надо изучать в значительной мере в связи с решением задачи повышения конкурентоспособности национальных хозяйств и совершенствования соответствующих социально-экономических механизмов. Не случайно по мере углубления глобализации данная тематика стала превалировать во многих экономических и социологических исследованиях.

Наряду с этим нельзя не учитывать последствий сохраняющегося разрыва между богатыми и бедными странами, а также регионами и слоями населения. Недопустимо абстрагироваться от того, что глобализационные процессы развиваются асимметрично.

Геополитические аспекты глобализации состоят в том, что распространение новых видов оружия массового уничтожения усиливает возможности использования войны как средства разрешения межгосударственных противоречий. Это диктует необходимость объединения политической воли и ресурсов государств для предотвращения геополитических конфликтов, для активизации борьбы с международным терроризмом.

Весьма разнообразны *социокультурные* измерения глобализации. К ним можно отнести последствия нынешней великой научной революции, которая выводит человечество на постиндустриальный уровень и знаменует его переход к обществу, основанному на знаниях. Это — и революция в образовании, открывающая путь креативной педагогике, системе непрерывного образования и дистанционного обучения, всестороннему использованию глобальных информационных сетей. Отсюда не только новые возможности, но и новые проблемы, включая те, которые порождают угрозы для этических ценностей.

Большинство стран мира нуждается в продуманной стратегии инновационно-технологического прорыва и в программах, реализующих эту стратегию. Следует при этом учитывать, что современные процессы глобализации расширяют и трансформируют инновационные сферы. Если в индустриальную эпоху базисные инновации возникали и утверждались в одной или нескольких созревших для этого странах, а затем получали распространение в мире на основе потока пионерных, улучшающих инноваций или имитационных процессов, то теперь картина меняется. Подобные инновации зачастую являются продуктом интеграционного сотрудничества учёных, инженеров, предпринимателей, государственных и межгосударственных организаций ряда взаимосвязанных экономик. Это сокращает сроки и рас-

ширяет масштабы распространения базисных инноваций и, вообще, трансформации технологической базы, ускоряет формирование пост-индустриального технологического способа производства.

Однако этот процесс развивается отнюдь не равномерно. Проведение «неолиберального» курса ведёт к тому, что процесс глобализации инноваций развивается односторонне, его плоды присваиваются авангардными государствами и ТНК, интеллектуальные и инновационные ресурсы высасываются из отстающих стран.

Переход от неолиберальной к гуманистически-ноосферной модели глобализации потребовал бы радикальных перемен в глобальном инновационном поле. Это могло бы выразиться в более равномерном распределении научного потенциала. Стоило бы продумать меры по компенсации затрат на подготовку учёных, инженеров, программистов при их миграции в развитые страны (подобно тому, как это делается при миграции спортсменов). Сейчас США и Западная Европа получают практически дотации от России, других государств с переходной экономикой и от развивающихся стран, не возмещая им затраты на дорогостоящую подготовку специалистов. Необходимо активнее создавать международные коллективы учёных, конструкторов, специалистов для совместной разработки глобальных инновационных программ и проектов. При этом важно осуществлять меры по более широкому и взаимовыгодному использованию технических изобретений, интеллектуальной собственности как основы инноваций, создающих конкурентоспособные технологии.

Процесс глобализации инноваций объективно обусловлен и в принципе прогрессивен. Но важно использовать его таким образом, чтобы плоды прогресса шли на пользу всему человечеству, способствовали преодолению технологической пропасти между богатыми и бедными странами.

При определении стратегии инновационного прорыва, в частности, в области информатики следует учитывать, что глубокая трансформация этой сферы становится одним из ключевых направлений научно-технологических сдвигов в XXI в.

Отсюда важность комплексного анализа тенденций глобализации и её последствий в разных сферах. Недостаточно рассматривать только технологические или экономические вопросы, не учитывая международно-правовые, социокультурные, политические, иные аспекты данной тематики. Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что плоды ускоренной глобализации могут неоднозначно проявляться в специфических условиях разных социумов и регионов мира.

Расхождения

Ныне перед людьми все чаще встает вопрос о выборе между разными моделями глобализации. Человечеству предлагают два отличающиеся друг от друга подхода. Для одного характерно восхваление глобализации рынков и игнорирование многих противоречий так называемого «рыночного общества». Другой — критически оценивает ход и последствия глобализации и подчеркивает её неравномерный, противоречивый характер.

Отчетливо выявились, в частности, расхождения между технократически-экономическим и более широким, цивилизационным подходом к развитию человечества. В противоположность идеям о «конflikте цивилизаций» заслуживает, на наш взгляд, внимания концепция исторического синтеза. Её суть — в рассмотрении социально-экономических перемен на широком историческом фоне как результата соединения и переплетения тенденций развития личных прав и свобод, социализации общественной жизни и своеобразия цивилизационных типов общественного устройства. Подход с позиций теории исторического синтеза несовместим ни с европоцентризмом, ни с высокомерным навязыванием «универсальных образцов». При этом, как подчеркивает ряд учёных, нужны коррективы к имеющейся стратегии развития и изменение модели глобализации: «Беда не в самой глобализации, а в политических и экономических механизмах её регулирования»¹.

Следует отметить, что восприятие многими глобализационных процессов с годами меняется. Так, ещё в последней четверти XX в. во многих странах громче других звучали, пожалуй, голоса «гиперглобалистов» и их сверхоптимистические оценки. Некоторые из них утверждали, что в новую эпоху зарождается мир «безо всяких границ»², что якобы связано, прежде всего, с ростом международной, региональной и национальной конкуренции.

Вместе с тем с течением времени распространенными становятся более взвешенные оценки глобализации и её последствий. В данной связи «неолиберальная» модель глобализации подверглась серьёзной критике со стороны ряда известных учёных. Так, в монографии «Глобализация: тревожные тенденции» лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц, критикуя нынешние тенденции глобализации, призывает по-

¹ Абалкин Л.А. Россия: поиск самоопределения. М., Наука, 2003. С. 48, 125.

² Ohmae K. The Borderless World. L., 1990. Idem. The End of the Nation-State. N.-Y., 1995.

вернуть к «глобализации с человеческим лицом»: «Сегодня глобализация не работает на бедных. Она не работает большей частью и на сохранение среды обитания. Она не работает на стабильность глобальной экономики». Одна из главных, по его мнению, причин — в институтах, которые доминируют в процессах глобализации, определяют её характер: «У нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации... Вместо этого у нас есть система, которую можно назвать глобальным управлением, без глобального правительства, такая, в которой кучка институтов — Всемирный банк, МВФ, ВТО — и кучка игроков доминируют на сцене, но при этом огромное большинство, затрагиваемое их решениями, остается почти безгласным». Глобализация, считает он, может быть перестроена, и когда это произойдет, когда она будет проводиться надлежащим образом и честно, когда все страны получат право голоса при определении затрагивающей их политики, тогда возникнет возможность создать новую глобальную экономику, в которой не только рост окажется более устойчивым и менее изменчивым, но и его плоды будут распределяться более справедливо.

Не менее определённо оценивает последствия нынешней модели глобализации другой Нобелевский лауреат — Морис Алле (Франция). Именно в глобализации — в том виде, как она развивалась, он усматривает ныне один из главных факторов роста безработицы. Корень этого он видит, в частности, в том что «всеобщая глобализация торговли между странами с различными уровнями заработной платы (по обменному курсу валют) не может не приводить в конечном счёте повсюду — как в развитых, так и в менее развитых странах — к безработице, падению темпов экономического роста, неравенству, нищете. Она не является ни неизбежной, ни необходимой, ни желательной...». По его мнению, необходимо поставить на обсуждение и переосмыслить принципы глобалистской политики, проводимой в жизнь международными инстанциями.

Сущность неолиберальной идеологии и политики (в духе так называемого Вашингтонского консенсуса), как считают известные специалисты из Международного Фонда социально-экономических и политических исследований (Горбачёв-Фонда), состоит в «навязывании остальному миру рыночной либерализации и дерегулирования во имя «равных» условий свободного движения капиталов, товаров и услуг по всему миру. Политика неолиберального глобализма обнажает и обостряет неравенство условий жизни на планете...»¹.

¹ Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / С предисл. и послесл. М.С. Горбачёва. М.: Альпина Паблишерз, 2003. С. 11, 13, 15.

Такая модель глобализации несет в себе семена стихийности и в конечном счёте роста протестных настроений, в том числе — экстремистских. Она чревата дестабилизирующими последствиями, бьет по более слабым, особенно по развивающимся странам и переходным обществам. К тому же она вызывает нередко ответную реакцию, провоцируя и консервативный традиционализм, и националистический, религиозный фундаментализм.

Суммарно можно констатировать, что к числу наиболее очевидных противоречий, выявившихся в глобализационных процессах, относятся следующие:

- между общечеловеческими интересами и национально-государственными специфическими требованиями;
- между движением к гомогенизации и диверсификацией, между тенденциями к объединению и к фрагментации;
- проблемы совместимости (или несовместимости) разных цивилизационных укладов и культур, трудности и шансы их взаимодействий в глобализирующемся мире;
- экономические противоречия, порождаемые неравномерным развитием и социальной поляризацией, неравенством в доходах между бедными и богатыми странами;
- разрыв между последствиями кризисных экологических явлений и неадекватными мерами по их ослаблению;
- обострение противоречий между курсом ТНК и национальными интересами многих стран, их стремлениями к реальной (а не показной) демократизации в осложнившихся условиях;
- несоответствие гегемонистской политики заокеанской «сверхдержавы» чаяниям и настроениям масс во многих странах.

В целом можно констатировать, что глобализация пока не привела к устойчивому, безопасному развитию мира. Напротив, оказалось, что она чревата глобализацией рисков. Социально-экономические противоречия и идейно-политические конфликты, порождаемые или обостряемые ею, ведут к серьёзным глобальным опасностям, включая дальнейшую интернационализацию криминального бизнеса, угрозу расширения международного терроризма и роста других форм насилия, ксенофобии, нетерпимости¹. В таких условиях повышается значение мер по более эффективному обеспечению национальной, региональной и международной безопасности.

¹ Подробнее об этом см., например: Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире. М., 2005. С. 257—270; Дилеммы глобализации / Отв. ред. Т.Т. Тимофеев. М., 2002. С. 422—444 и далее; Безопасность // Российская газета. 30.11.2006. С. 18—19.

В то же время растут голоса в пользу иной модели глобализации.

Многие в мире убеждены ныне в том, что важно добиваться перехода от «неолиберальной» стратегии к альтернативной модели — «глобализации с человеческим лицом».

Смена векторов глобализации способствовала бы усилению влияния принципов многосторонности в международных отношениях. Вслед за признанием неизбежности и позитивности многообразия национальных и цивилизационных ценностей должно следовать выявление полей общности целей и интересов при решении глобальных проблем XXI в. — экологических, технологических, энергетических, демографических, экономических, социокультурных и т.д. Это способствовало бы диалогу и партнёрству цивилизаций.

Среди глобальных проблем XX и начала XXI столетия, как уже отмечалось, важное место занял вопрос о разных уровнях технологического развития цивилизаций и об уменьшении соответствующего разрыва между ними. Нерешённость этого вопроса лежит в основе серьёзных диспропорций в экономической, социокультурной и других областях, создавая почву и для международного терроризма.

Между тем доминирование неолиберальной модели глобализации способствует не только сохранению, но и усилению различий в уровнях технологического и социально-экономического развития. Позиции ряда стран со средним и, особенно, низким уровнем дохода, не имеющих достаточных средств для инновационного обновления экономики, могут значительно ослабнуть. И напротив, переход к модели глобализации, основанной на партнёрстве цивилизаций, способен переломить поляризацию мирового технологического и социального пространства, подтянув уровень ныне отстающих стран. На то, что это возможно, указывают примеры Китая и Индии, Республики Корея, Тайваня, Сингапура, Таиланда, Бразилии и ряда государств латиноамериканского региона.

Несовпадение позиций различных исследователей проявляется и при интерпретации соотношения *общего* и *особенного* в глобализационных процессах. Одни авторы видят корни различий между отдельными группами стран преимущественно в особенностях эволюции глобального сообщества в XX–XXI вв. (Им. Валлерстайн). Другие уделяют основное внимание воздействию исторически сложившегося культурного разнообразия в мире. В связи с этим ведётся речь о «многих глобализациях». Иными словами, предлагается вариативная интерпретация глобализационных процессов (С. Хофманн). Третьи делали упор на возможной перспективе новых межцивилизационных конфликтов (П. Бергер, С. Хантингтон и др.).

Особого рассмотрения заслуживает позиция авторов, относящих себя к альтерглобалистам, нашедшая отражение в ряде недавних публикаций и документов, принятых на международных форумах, состоявшихся во Франции, Италии, США, Бразилии, Венесуэле и некоторых других странах¹. Значительное внимание в их материалах уделяется взаимодействию между традиционными и развивающимися новыми социальными движениями, их эволюции и влиянию на социумы².

Существует также группа авторов, которая, критикуя несправедливый характер нынешней неолиберальной «мондиализации» (как называют глобализацию во франкоязычном мире), верит в возможность при определённых условиях трансформировать существующую модель глобализации. Некоторые из них предлагают свои вариативные методы реализации глобализационных процессов. При этом они призывают считаться с принципами социальной справедливости, добиваясь должного учёта социокультурных факторов, более равномерного распределения экономических благ и т.д.

Такой подход в той или иной степени сказывается на деятельности международных организаций, межгосударственных учреждений, а также многих неправительственных ассоциаций. Его отзвуки слышатся, например, в некоторых докладах, подготовленных по инициативе Международной организации труда (МОТ).

По решению МОТ в 2002 г. была создана независимая Всемирная Комиссия по социальным аспектам глобализации. Изучив различные измерения последней и причины серьёзных расхождений в восприятии глобализационных процессов, в оценке её социально-экономических последствий в различных странах и регионах, Комиссия не только подчеркнула явную неравномерность использования плодов глобализации, но и зафиксировала крупные недостатки утвердившейся глобализационной модели, как и несовершенство методов её реализации. Все это, по мнению Комиссии, особенно негативно сказывается на уровне занятости, обеспечения людей в глобальной системе производства³.

¹ Подробнее об этом см. в публикациях: С. Джордж («Лугано рипорт» и др.), Р. Пасе (президент Научного Совета А.Т.Т. А.К.), ряда известных учёных из развивающихся стран, в том числе С. Амина, У. Белло и др. Следует упомянуть и публикации ряда критически настроенных американских авторов, например, Д. Кортэна, М. Техраняна и К. Техранян.

² О данной тенденции идёт речь, например: Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005. См. также в кн.: Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М., 2002. С. 31–36, 64–87, 100–124, 149–196.

³ The Final Report of the World Commission on the Social Dimension of Globalization, 24 February 2004. Geneva. P. 37–47, 111–113.

Особо ожесточенные споры — как теоретические, так и политические — ведутся вокруг проблемы управления глобализационными процессами.

Одни авторы отстаивают подход, в основе которого лежит тезис об их «интернациональной управляемости» в соответствии с принципами так называемого политического реализма. Проявлением такого подхода является, в частности, неолиберальная доктрина «нравственно оправданного», «гуманного» интервенционизма. Её сторонники обычно ссылаются при этом на необходимость «преодоления разобщенности» демократии, для чего, по их мнению, требуется создание «нового международного режима управления», которому надлежит сменить традиционные концепции суверенной государственной власти и национальной идентичности¹.

Другие отстаивают более умеренные позиции, отвергая искусственное форсирование глобализационных процессов.

Разногласия по этим и смежным вопросам не могут не сказываться на оценке тенденций и перспектив международных научно-технических, экономических, политических, социокультурных отношений. В ряде случаев многие влиятельные западные политологи и историки высказывают по этому поводу серьёзное беспокойство. Так, З. Бжезинский, отмечая неоднозначность и противоречивость тенденций «мондиализации», признаёт, что она «приобретает несколько значений и служит разным целям»: она означает не только наступление эры всемирной доступности информации, но и «символизирует в то же время моральную глухоту и безразличие к проявлениям *социальной несправедливости*»².

Не случайно в разных районах мира нарастает, особенно с конца XX в., критика асимметричных, противоречивых проявлений глобализации. Соответственно, набирают силу протестные движения. Они, как правило, неоднородны как по составу участников, так и по характеру требований, развиваются неравномерно и выступают в разных формах. При этом нередко с новыми многообразными социальными движениями в той или иной степени переплетаются традиционные организации социального протеста (профсоюзные, молодежные, феминистские, фермерские, «зелёные» и т.п.).

¹ Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance / Ed. by D. Held, A. McGrew. Cambridge, UK, 2002. P. 237–324.

² Bzeżinski Z. The Choice. Global Domination or Global Leadership. Chapter 4: Dilemmas of Globalization. N.-Y., 2004. P. 139–140.

Наряду с радикальными антиглобалистскими течениями в рамках этих движений набирают влияние и умеренные *«альтерглобалисты»* — сторонники взглядов, о которых уже шла речь выше. Они выступают не против глобализации, а за замену её модели. Расширяется и социальная база этого направления. Всё активнее подключаются различные общественные и политические организации — преимущественно левоцентристской и левой ориентации.

Впрочем, некоторые современные исследователи не проводят разграничительной линии между многочисленными потоками протестных выступлений против нынешней модели глобализации. По их мнению, и те и другие в конечном счёте сливаются в общее русло международных общедемократических движений. Их участники считают, что *альтернативой* современной, неолиберальной модели должна и может стать *«другая глобализация»*¹. Они убеждены в том, что *«иной мир возможен»*. Именно на достижение таких целей и нацелены обновляющиеся формы интернациональной солидарности.

Особенностями новых социальных движений являются их открытость, использование сетевого принципа и подвижность форм организации; объединение на основе практической деятельности и мобилизации, а не по принципу формального членства и строгого признания заданной программы; самоуправление как форма самоорганизации; межгрупповой и нередко межклассовый характер; ориентация на практические результаты (например, требования демократического контроля над финансовыми рынками, введения специального налогообложения финансовых спекуляций, сокращения или отмены долгов стран «третьего мира», введения единых экологических норм). И все это в контексте движения за более гуманный и социально-справедливый мир².

Отпечаток на противоборство различных течений современной общественной мысли, безусловно, накладывают социальные и идейно-

¹ См.: Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М., 2004. С. 3–12; Альтерглобализм. М., 2003; Каллиникос А. Антикапиталистический манифест / Пер с фр. М., 2004.

² Подробнее об этом говорится в публикациях У. Белло, Х. Бове, Дж. Кэванаха, А. Бузгалина, А. Галкина, Б. Кагарлицкого и др. См.: Альтернативы. 2001. № 4; Дилеммы глобализации. С. 32–34, 15–175; Alternatives to Economic Globalisation. A Better World is Possible? A Report of the International Forum on Globalisation / Ed. by J. Cavanagh, J. Mander. San Francisco, 2004; Worlds in Collision / Ed. by K. Booth, T. Dunne. N.-Y., 2002; A Movement of Movements. Is Another World Really Possible. L., 2004; Марксизм: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Д. Джохадзе (Институт философии РАН). М., 2003. С. 55–61, 106–125; Европейские левые на рубеже тысячелетий (Институт Европы РАН). М., 2005. С. 17–46, 57–63 и далее.

политические размежевания между «духом Давоса» и «духом Порту-Алегри». Но дело не только в этих противоречиях и их отражении в массовом сознании.

Альтернативный глобализм

Рост «альтерглобалистских» настроений и вызванные ими дебаты, судя по всему, не могут не способствовать появлению новых добровольческих организаций, а значит и формированию глобального гражданского общества. Это вынуждены констатировать и исследователи, критически настроенные по отношению к участникам анти- и альтерглобалистских движений.

Признавая факт их расширения, ряд западных авторов считает, что к анализу данного феномена правильнее подходить не с «узкой» точки зрения (рассматривая лишь специфические черты этих движений, особенности их внутренней структуры и конфигураций), а в более широком плане. Такие движения согласно этому подходу могут служить катализатором изменений в политике, сдвигов в общественном сознании и вести в конечном счёте к росту влияния различных добровольческих ассоциаций. Речь, например, идёт о нарастании потенциала некоммерческих, неправительственных организаций, что может способствовать развитию гражданского участия и демократизации снизу¹.

Вопрос о политической поддержке (или неподдержке) со стороны тех или иных слоев населения господствующей пока неолиберальной, т.е. неравномерной и неравноправной, модели глобализации находится ныне в фокусе внимания многих экономистов, политиков, социальных психологов, политологов.

Можно сослаться в данной связи, например, на недавние признания профессора Томаса Пэлли — автора книг, посвященных роли кейнсианских концепций в свете тех трудностей, с которыми сталкиваются США. Отмечая меняющееся соотношение между экономикой и политикой, он задается вопросом: а не может ли при росте сопротивления неолиберальному глобализму потерпеть неудачу преобладающая ныне модель глобализации?²

¹ См.: *Rucht D. Social Movements Challenging Neo-liberal Globalization* // *Civil Society* / Ed. by J. Keane. L., 2004; *Keck M., Sikkink K. Actions Beyond Borders*. Ithaca; L., 1998; *The Third Force: The Rise of Transnational Civil Society* / Ed. by A. Florini. N.-Y. 2000; *Global Citizen Action* / Ed. by M. Edwards, J. Gaventa. L., 2001; *Keane J. Global Civil Society?* Cambridge, U.K., 2003. P. 58–64 and others.

² *International Herald Tribune*. 20.04.2006. P. 6.

Констатируя появление новых серьёзных политических и социально-экономических противоречий, американская «Интернэйшнл гералд трибюн» предостерегала, что неумение покончить с такой несбалансированностью может усилить нестабильность и развитие кризисных явлений в мире¹.

Такая нестабильность сказывается и на состоянии международных политических отношений, привнося в них дополнительные элементы напряженности, непредсказуемости. Не случайно в данной связи в последние годы заговорили о новых противоречиях в мировом развитии, что не может не отражаться на миропорядке².

В глоболизирующемся мире наблюдаются разительные парадоксы. Если одни авторы интерпретируют последствия глобализации в духе «нивелировки» национальных различий, то другие констатируют сохранение национальной идентичности и разнообразия в мире. А это, в свою очередь, не может не влиять на социокультурные и иные противоречия³.

Не исключено, что по мере развития глобализационных процессов в ряде районов мира произойдет активизация дискуссий о конвергентных путях социально-экономической динамики.

Традиционно такая проблематика нередко рассматривалась в рамках «симбиоза» или нового синтеза. «Я уверен, сегодня мы стоим на пороге новой эры синтеза», — писал, например, американский социолог и публицист Элвин Тоффлер. Он выступал за «возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории»; ибо «потоки перемен сливаются и образуют ещё большие, более глубокие и быстрые реки перемен, которые в свою очередь сливаются в нечто ещё большее: в “третью волну”»⁴.

Углубление глобализации, новый виток научно-технических открытий, развитие интеграционных процессов делают особо необходимым повышение регулирующей роли государственных и межгосу-

¹ International Herald Tribune. Global imbalances / by R. de Rato. 20.04.2006.

² См.: *Иноземцев В.* К воссозданию Вестфальской системы: хаос и порядок в международных отношениях / МЭиМО. 2005. № 8 и 9; *Falk K.* The Declining World Order. America's «Imperial Geopolitics». N.-Y., 2004; *Баталов Э.* Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005.

³ Этой проблематике посвящен ряд публикаций: *Berger P.* Four Faces of Global Culture // National Interest. V. 49. 1997. P. 23–29; *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. Berger, S. Huntington; Oxford, 2002; *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. XXXI–XXXIII.

⁴ *Toffler A.* The Third Wave / New Synthesis. Ch. 11. 1980 (*Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 223–224).

дарственных структур¹. Нередко понимание этого трактуется в духе концепции «третьего пути», отстаиваемой некоторыми влиятельными сторонниками левоцентристского политического спектра². Представители данного направления, особо подчеркивая роль глобализационных процессов в сфере *новейших технологий*, придают первостепенное значение переменам, присущим информационной эре, и, прежде всего, прогрессу так называемого *сетевого общества*³.

Больше внимания стало уделяться в этой связи мировым экономическим проблемам и вообще актуальным аспектам международных отношений. Во весь рост встает на этом фоне проблема выбора рациональной модели мироустройства, отвечающей реалиям XXI в. Все очевиднее становится несостоятельность модели «монополярного» мироустройства, предполагавшей гегемонию одной сверхдержавы — США, подчинение ей всех других стран и цивилизаций, и ориентированной на «вестернизацию» всего мира. Естественно, что такая модель вызывает противодействие в разных регионах планеты.

В качестве приемлемой альтернативы выдвигается модель многополярного миропорядка. На основе этой модели вполне могут быть успешно решены узловые глобальные проблемы XXI в. Однако она может реализоваться лишь на основе равноправного и взаимовыгодного партнёрства сложившихся цивилизаций. К важным критериям и требованиям такого партнёрства следует отнести признание самобытности социокультурных исторических традиций и духовного наследия.

Ясно, что утверждение такого мироустройства не означает переноса центра тяжести всех решений на глобальный уровень. Ведь сохраняются национальные государства, наделенные компетенциями, необходимыми для суверенного решения проблем, важных для каждой

¹ Анализу разных аспектов этой проблематики посвящены, например, следующие работы: *Осадчая И.* Глобализация и государство: новое в регулировании экономики развитых стран // МЭ и МО. 2002. № 11; *Клейнер Г.* Эволюция институциональных систем. М., 2004. С. 185—197 и далее.

² См.: *The Global Third Way Debate*. Cambridge, 2001; *Белоцерковский В.* Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С. 13—14, 59—61, 83—88 и далее.

³ Можно сослаться, например, на известный труд испано-американского социолога М. Кастельса, посвящённый информационной эре и тем новым проблемам, которые возникают в условиях глобализации в разных сферах общественной жизни. Трёхтомное издание этой работы сначала было опубликовано на английском языке в Лондоне в 90-х годах, а затем в Москве появился его концентрированный однотомный вариант на русском языке. См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М., 2000. С. 10—18, 69—194 и далее.

конкретной страны. Однако взаимная зависимость стран при решении узловых вопросов транснационального характера, судя по всему, будет возрастать. И требуется объединение их усилий на началах равноправия и сотрудничества для решения глобальных проблем, от которых зависит будущее человечества.

Движение по этому пути существенно затруднялось и затрудняется *односторонним* подходом некоторых зарубежных политиков, которые стремятся, нередко действуя в обход ООН и нарушая общепринятые нормы международного права, навязывать свою политическую волю другим странам. Как известно, в данной связи кое-кто даже хотел бы оправдать свои нынешние и будущие военные акции ссылкой на правомерные-де «гуманитарные интервенции»¹.

Думается, что в будущем в ходе совершенствования международных политических, экономических, научно-технических и культурных отношений ещё выявятся новые формы и модели глобализации. От того, какие из них возобладают, будут в немалой степени зависеть эффективность и результативность грядущего миропорядка.

Показательно, что в последние годы с новой силой разгорелись международные дискуссии по этим и смежным вопросам, особенно в связи с анализом последствий и уроков глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Согласно выводам, сделанным в марте 2009 г. авторитетной Комиссией при ООН по реформированию международной валютно-финансовой системы (возглавляемой председателем Дж. Стиглицем), этот кризис отразил «проблемы, которые выходят за пределы проведения кредитно-денежной политики и регулирования финансового сектора. Он также выявил более глубокие несоответствия в таких областях, как корпоративное управление и конкурентные отношения... Текущий кризис отчетливо обнажил недостатки в финансово-экономической политике государственных органов власти ряда стран и международных институтов, базирующихся на ранее модных экономических доктринах, утверждавших, что свободные рынки способны самостоятельно быстро саморегулироваться и становиться эффективными. Политика глобализации экономики также была построена на этих небезупречных гипотезах...» Ныне, по убеждению многих известных представителей общественных и научных кругов, назрела необходимость «смены модели глобализации» на основе отказа от той

¹ Подробнее об этом см.: *Pugh M. Peacekeeping and humanitarian intervention / Ed. by B. White, R. Little, V. Smith // Issues in World Politics. Basingstoke, 2001; Chomsky N. New Military Humanism. L., 1999.*

неолиберальной концепции, «которая стала одной из основных причин глобального кризиса»¹.

Очень важно в этой связи, чтобы возобладали политическая линия и экономическая стратегия, которые способствовали бы развитию глобализационных процессов в их более справедливом, гуманистическом варианте, не препятствующем, но способствующем прогрессу суверенных государств и их региональных союзов. В этом случае произошли бы уменьшение социальной поляризации и ослабление существующих конфликтов.

Не подлежит сомнению, что в условиях глобализации междоцивилизационные отношения видоизменяются, осложняются. Вместе с тем происходящие мирохозяйственные и научно-информационные сдвиги ни в коей мере не оправдывают стремления некоторых западных политиков и представляющих их интерес идеологов в корне изменить цивилизационные «стандарты», по сути «отлучая» от поступательного развития целые народы и сообщества. Подобные попытки вряд ли найдут устойчивую поддержку мировой общественности.

Достижению справедливой глобализации, отвечающей интересам всех народов, могла бы содействовать активная миролюбивая политика, осуществляемая — не на словах, а на деле — в условиях многообразного и многополярного мира.

Глава 3. Некоторые тенденции и факторы мирового экономического развития

Размышляя над проблемами экономического и социального развития, пытаясь выявить его общие тенденции, факторы и ограничители, исследователь сталкивается со многими трудностями как методологическими, так и связанными со сложными и многообразными изменениями в экономической реальности. Мало того, что природные и исторические условия отдельных стран неизбежно различны, но и несо-

¹ Подробнее об этом, например, см.: Прогноз экономической динамики цивилизаций и трансформации глобализации // Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. Ч. 6 / Под ред. Ю. Яковца, Б. Кузика. М., 2009. С. 7, 8, 355 и далее.

поставимы конкретные стадии развития их национальных экономик. Мы уже освоились с тем, что в группе передовых стран само понятие «национальная экономика» всё больше лишается реального смысла, уступая место экономике региональной и претерпевая изменения под воздействием более широких процессов глобализации. При этом характерно, что растущая взаимозависимость и функциональная сцепка экономик дают о себе знать как в хорошее время, так и в плохое. Недаром в наши дни финансовые и экономические неурядицы в отдельных странах и регионах постоянно грозят перерасти во всемирные потрясения, в чём жители Земли каждый день снова и снова убеждаются в ходе нынешнего глобального кризиса.

Так или иначе, при анализе проблем социально-экономического развития уже просто невозможно игнорировать новейшие проявления мощной тенденции к интернационализации хозяйственной жизни.

Международная «сиамизация» и необходимость её осмысления

Все знают, что такое сиамские близнецы. Курьёз природы и излюбленная метафора для обозначения полного физического сращивания двух существ в единый организм. Но то, что в природе — нежеланная мутация и уродство, стало повседневной реальностью в современной экономике. Причём реальностью желанной и эффективной. Арсенал экономической «сиамизации» обширен и включает в себя, в частности, множество инструментов, связанных с миграцией капитала и производственной кооперацией (прямые и портфельные зарубежные инвестиции, смешанные общества, международные слияния и поглощения, сложнейшие сети субконтрактных отношений — высокоразвитый аутсорсинг, многосторонние консорциумы для осуществления совместных проектов и т.д. и т.п.).

В некоторых отношениях термин «сиамизация» даже лучше описывает явление, чем более привычные — «глобализация» и «интеграция». В наши дни в «сиамских близнецах» могут превращаться даже экономические организмы, разделённые водными пространствами, географически и исторически принадлежащие к разным мирам. Например, не так давно интенсивный экономический обмен через Тихий океан породил новую «сиамскую парочку», объединившую вовсе непохожих и во многом противоположных партнёров. Причём это не просто «парочка», а этакая «слоновья семейка», на домашнем пиру которой ежегодно сервируется чуть не половина общего экономического пирога.

Речь, естественно, идёт о США и Китае, хотя мало ещё кто отдаёт себе отчёт в важности происходящего. Роль двух стран в мировой экономике определяется даже не мегацифрами, характеризующими экономическое взаимодействие, а тем, что появление новых «сиамских близнецов» меняет картину мира, глобальный расклад, стирая грань между геополитикой и геоэкономикой.

Свидетельств функциональной сцепки американской и китайской экономик немало. Но самое яркое из них — перенос в Азию большей части североамериканского автостроя, почти всеобъемлющий уже внутриотраслевой аутсорсинг. Так что когда президент Обама решает, стоит ли накачать в остатки национального автопрома очередной антикризисный миллиард, он мысленно оглядывается на КНР — мол, а что там делает местное руководство для поддержки «своей» — фактически же в подавляющей части иностранной — обрабатывающей промышленности.

В этой связи интересно заметить, что в ходе нынешнего кризиса в Китае массовое банкротство грозило именно промышленным компаниям, подконтрольным иностранцам. Казалось бы, «сиамизация» оказывалась под угрозой. Не тут-то было. Такие компании скупались, как правило, китайцами, и почти не менялся режим работы. При поддержке государства — а оно дальновидно берёт курс на сотрудничество с новыми владельцами — подобные предприятия продолжали исправно выполнять свои международные обязательства, но при этом модернизировались и диверсифицировались. Всё это гарантировало им в будущем новые возможности как снабжения внутреннего рынка, так и ещё более широкого и эффективного функционирования.

Система американо-китайского аутсорсинга — это, конечно, проявление геоэкономического мышления, хотя промышленной кооперацией последнее не исчерпывается (вспомним хотя бы об азиатском триллионе долларов, вложенных в долгосрочные ценные бумаги американского государства). Стоит также упомянуть немалое позитивное воздействие на уровень жизни в США массового ввоза относительно дешёвых потребительских изделий из Китая, Индии из других стран Азии. Правда, в условиях глобального кризиса и падения курса доллара действие этого фактора несколько ослабло.

В общем, в мире уже полным-полно подобных «сиамских деток» — пусть в большинстве своём послабее, но тоже жизнестойких. В этом отношении явно выделяются два региональных суперорганизма, один из которых снова включает США (континентальный экономический комплекс в Северной Америке, цементируемый интеграционным со-

глашением НАФТА), а второй — Европейский союз. Известно, что среди самых крупных в мире торговых пар первые четыре места принадлежат США с их главными партнёрами (Канада, Мексика, Китай, Япония), а взаимная торговля стран — членов Евросоюза образует почти две трети от их общего внешнеторгового оборота. Причём в обоих случаях крупномасштабные торговые потоки имеют не чисто коммерческий характер, а в значительной части обслуживают производственно-технологические связи международных многоотраслевых концернов. Не все осознают очевидную истину, что Америка может позиционировать себя как «супердержава» лишь потому, что с ней вот уже столетие бок о бок стоит «сиамизированная» Канада, а ныне американская производственная машина опирается на богатейшие ресурсы практически всего североамериканского континента.

В Европе, как известно, формируется уже не просто общий, но единый рынок товаров и услуг. В Восточной Азии органическое новообразование представляет собой система тесного взаимодействия промышленности собственно японского архипелага с её заграничными компонентами, размещёнными в Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, в других странах АСЕАН, а с недавних пор — также в прибрежных районах континентального Китая. Специалисты отмечают и высокую степень скоординированности в организации поставок в Японию промышленного сырья и полуфабрикатов из Австралии и Британской Колумбии (Канада). В Океании вот уже полстолетия успешно развивается интеграционная структура, напоминающая Евросоюз, хоть и без единой валюты. Речь идёт о системе тесных экономических отношений между Австралией и Новой Зеландией.

В общем, Тихий океан явно превращается в суперрегион интенсивного экономического сотрудничества. Что касается просторов Атлантики, разделяющих (или соединяющих?) два наиболее экономически развитых региона современного мира — Европу и Северную Америку, то геоэкономика здесь бурно развивается уже с полстолетия на основе торгового режима ГАТТ и энергичной встречной миграции инвестиционного капитала.

В дополнение к Восточной Азии, где США имеют двух своих важнейших геоэкономических партнёров в лице Китая и Японии, Америка явно стремится обеспечить себе массированное экономическое присутствие и на юге Азиатского континента, с акцентом на разностороннюю «сиамизацию» собственной экономики с экономикой Индии. В свою очередь, Индия и Китай, до сих пор разделяемые многими политическими противоречиями, похоже, тоже ищут более

прочную геоэкономическую базу для развития своих отношений. В частности, обсуждаются совместные инфраструктурные проекты, призванные обеспечить энергетическую безопасность обеих стран путем сооружения единой системы транспортировки и распределения нефти и других энергоносителей, поступающих в Южную Азию водным путём. Не забыта и десятка АСЕАН, где собственные интеграционные инициативы и осязаемое присутствие капитала США сочетаются с планами тесного экономического сотрудничества с соседями в Азии и Океании — в рамках проектов «АСЕАН плюс Три» (Китай, Япония, Корея) и «АСЕАН плюс Шесть» (те же азиатские соседи плюс Индия, Австралия и Новая Зеландия).

Что касается России, то она — единственная из крупных промышленных стран — пока полностью остаётся вне игры в «сиамских близнецов». Между тем при столь огромной протяжённости и баснословных природных богатствах крайне неразумно и рискованно оставаться таким гигантским «белым пятном» на карте¹.

Проблемы цикличности на фоне интернационализации

По-новому стоит сейчас и проблема цикличности — предмет поистине страстного увлечения экономистов и идеологов на протяжении многих десятилетий. Конечно, в отдельных странах присутствует специфика как на восходящих стадиях цикла, так и в развёртывании кризисных явлений. Однако куда больший интерес представляют собой то общее, что характеризует «индивидуальные» процессы социально-экономического развития, та сцепка, которая возникла на почве взаимозависимости стран и регионов. Обращают на себя внимание также изменившееся соотношение и новый механизм взаимодействия процессов в финансовой сфере, с одной стороны, и в том, что теперь всё чаще называют «реальным сектором экономики», — с другой.

Впервые очевидная взаимосвязь в череде кризисных событий, развёртывающихся в мировом масштабе, со всей наглядностью проявилась где-то в 90-х годах. И тогда же обозначился переход роли «заводилы» к монетарным факторам и новым финансовым инструментам и институтам (вроде товарных и денежных «фьючерсов», «деривативов» и «хедж-фондов»). Последние взяли на себя пагубную роль пере-

¹ Обо всём этом подробнее см.: *Бородаевский А.* Всемирная «сиамизация» и её возможные последствия // МэиМО. 2010. № 5. С. 105–112.

носчиков «болезней», зарождающихся в одних странах, на другие, способствуя превращению локальных вспышек в полномасштабные эпидемии. Достаточно вспомнить, как коллапс мексиканского песо (1995) подтолкнул кризисные процессы в Восточной и Юго-Восточной Азии (1997–1999), как приступ финансовой лихорадки, прокатившийся тогда почти по всему миру, закончился для некоторых стран довольно плачевно (достаточно назвать наш — казалось бы, сугубо отечественный — «дефолт» августа 1998 г.), как относительно быстрая нормализация положения в зоне АСЕАН и в Республике Корея была достигнута лишь в результате совместных усилий международного сообщества.

Есть мнение, что и формирование предпосылок нынешнего глобального кризиса началось тогда же как результат реакции Китая и некоторых других азиатских стран на кризисные явления 1997–1999 гг., спровоцированные лихорадочным движением «горячих денег»¹. Для предотвращения подобного развития в будущем эти страны стали накапливать долларовые резервы, храня их в американских банках, так что их размер вырос только с 2001 по 2008 г. на 5 трлн долларов. Данный фактор сыграл огромную роль в том кредитном буме, который охватил США с начала нового тысячелетия и привёл к лавинообразному разбуханию долговых обязательств как населения, так и американских корпораций. Если в начале 80-х годов вся частная задолженность соответствовала по масштабам 123% американского ВВП, а задолженность населения — 48%, то к 2008 г. эти показатели повысились до беспрецедентных 290% и 100%.

Что касается самих США, то поразивший их экономику кризис во многом был подготовлен перерождением в управлении крупными корпорациями и нездоровыми процессами в разбухшей и утратившей прозрачность финансовой сфере. На пике последнего бума прибыли в финансовом секторе составили 40% общей массы доходов американских корпораций, что явно не соответствовало реальному вкладу этого сектора в экономические макропоказатели. На этом фоне в банковской сфере и начался кризис ликвидности, быстро переросший в «кризис неплатежей» и обнаруживший в портфелях большинства финансовых учреждений наличие массы не подлежащих возмещению долговых обязательств, а также других «нездоровых активов», требующих переоценки или прямого списания. Энергично развивавшаяся на

¹ Так считает, например, известный американский учёный Ф. Фукуяма. См.: *Fukuyama F. Thinking about the future of American capitalism* // <http://www.the-american-interest.com/contd/?p=705>.

протяжении нескольких десятилетий ипотечная система зашаталась, началась эпидемия неплатежей по ипотечному и коммерческому кредиту. Осуществлявшиеся ещё при республиканской администрации массовые денежные вливания в финансовую сферу демонстрировали лишь слабый эффект, так как использовались не столько для предоставления новых кредитов реальному сектору, сколько для консолидации уже имевшейся задолженности. Население, в свою очередь, стало ту же затягивать пояса, подтверждая сформулированный Кейнсом парадокс, что стоит совокупному спросу ослабеть, как в людях тут же пробуждается пагубная в этих условиях бережливость.

Не претендуя на обобщающие оценки и тем более не пытаясь прогнозировать ближайшее будущее, можно тем не менее предположить, что американский капитализм едва ли выйдет из нынешнего исторического испытания без глубоких изменений. При этом последние скажутся не только на внутренних экономических механизмах и системе государственного регулирования, но и на международной роли доллара, на характере отношений США с крупнейшими внешними кредиторами и многим другим.

Существует соблазн связывать характер нынешних экономических трудностей с «длинными волнами» или «большими циклами конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева, охарактеризованными в его трудах 1923–1928 гг. Согласно воззрениям Кондратьева и его последователей мировая экономика переживает сейчас пятый такой цикл, который начался где-то около 1974 г. и предположительно будет длиться до 2018 г. В основе данного подхода лежит очередной поиск «равновесия третьего порядка», материальную основу которого составляет движение «основных материальных благ» (основного капитала, инфраструктурных сооружений и обслуживающей их квалифицированной рабочей силы). Представляется, однако, что такой подход мало что даёт для понимания природы переживаемых нами конкретных событий (хотя бы потому, что не помогает раскрыть причины экономического спада в США, начавшегося в сентябре 2008 г.). Зато он может оказаться полезным для объяснения беспрецедентных масштабов и интенсивности инициированного США технологического (инновационного) бума, охватившего мир на протяжении последних двух десятилетий, — бума, который ещё далеко не закончился и ныне вынужден развиваться в неблагоприятной обстановке низкой экономической конъюнктуры и сокращающейся международной торговли. В этом контексте весьма современно звучат и некоторые положения «инновационной теории длинных волн» Й. Шумпетера, сформулированные около столетия тому назад (1913) и подчёрки-

вающие решающую роль человеческого фактора в экономическом прогрессе¹.

У обоих этих мыслителей прошлого объектом рассуждений и теоретических построений служила сравнительно узкая зона индустриально развитого капитализма, причём макроэкономический анализ, как и у К. Маркса, строился на национальных показателях Великобритании, Германии, США и т.д. Между тем сегодня тематика социально-экономического развития и сопутствующих ему кризисных явлений требует более широкого, регионального и глобального, подхода к исследованию, при котором высокоразвитый капитализм фигурирует лишь как частный случай, а множество важных событий и судьбоносных процессов связано с ресурсами, степенью экономической зрелости и структурными особенностями в прошлом колониальных и зависимых стран.

Влияние стадийности и модель «догоняющего» развития

Общая картина современного мира и господствующих в нём тенденций может быть во многом прояснена в результате анализа, проводимого с учётом стадийности в промышленном развитии отдельных стран и их групп. В контексте такого анализа полезной, на наш взгляд, может оказаться четырёхзвенная модель индустриального развития, используемая Дж. Даннингом. В этой схеме успех страны на первой ступени индустриализации — в деле создания «первичного» сектора и некоторых, по преимуществу трудоёмких обрабатывающих производств, ориентирующихся на внутренний рынок и/или на экспорт, связывается в основном с наделённостью природными ресурсами, а на второй — с повышенной ролью инвестиционного капитала. Последний обеспечивает рост добавленной стоимости в капиталоемких отраслях «вторичной» обрабатывающей промышленности, таких как химическая и металлургическая отрасли, а также судостроение; в специальном машиностроении; наконец, в капиталоемких, но не слишком наукоёмких секторах, где производятся потребительские товары (электротехника, одежда, обувь, пищевая промышленность). Эта стадия обычно характеризуется также резким ростом затрат на развитие систем образования, коммунального хозяйства, транспорта и связи (иными словами, на инфраструктуру).

¹ О теории «длинных волн» Н.Д. Кондратьева см.: <http://ss.xsp.ru/ck/dev/php>.

Переход к третьей стадии (модели) экономического развития, на которой страна вступает в пору структурной зрелости и обычно сменяет преимущественно внутреннюю ориентацию капиталовложений на более сбалансированную систему инвестиций дома и за рубежом, связывается с исключительной ролью нововведений, дающих мощный толчок развитию науки и системы образования, особенно в её высших звеньях. Массовые инновационные вложения, часто сопровождаемые выделением крупных государственных средств на высшее образование и развитие систем коммуникаций, обеспечивают мощный процесс внедрения нововведений на предприятиях внутри страны и за рубежом, в результате чего возникают массовые же производства высококачественных дифференцированных готовых изделий потребительского назначения, в то время как сравнительно дешёвые и материалоемкие виды продукции постепенно теряют свою конкурентоспособность на мировых рынках.

В качестве четвёртой — и пока высшей — ступени развития Дж. Даннинг называет «стадию, основанную на переработке информации», оговариваясь, что это та же стадия, которую часто характеризуют как «постиндустриальную», или «основанную на преобладании сферы услуг». На этой стадии, достигнутой пока лишь небольшим числом наиболее развитых государств, происходит стирание граней между традиционными понятиями «обрабатывающая промышленность» и «сфера услуг» (или «третичный сектор»), причём особенно возрастает вклад последней (последнего) в процесс внедрения нововведений (иными словами, в «инновационную деятельность»)¹. Роль государственного регулирования продолжает оставаться важной, но акцент в нём смещается в сторону большей поддержки промышленных фирм, сталкивающихся с трудностями, в частности, в связи с растущей технологической сложностью товаров и услуг. На этой стадии значительно расширяется международная промышленная кооперация, в том числе обеспечиваемая при помощи гибкой политики слияний и поглощений. Повышается роль координации при использовании фирменных ресурсов на всех уровнях, вплоть до глобального.

Если основываться на этой классификации, то в экономике современной России бросается в глаза — после всех исторических перипетий бурного XX в. — преобладание признаков первых двух из упомянутых стадий индустриального развития, одну из которых можно кратко

¹ См.: *Dunning J.H. Multinational Enterprises and the Global Economy*. Wokingham: Addison, Wesley, 1993. P. 272–274. Яркий пример конвергенции промышленности и сферы услуг являют собой столь модные ныне информационные технологии — «Ай-Ти» (IT).

охарактеризовать как «ресурсную», а вторую — как «инвестиционную». Действительно, вклад в российскую экономику добывающих отраслей (в большей мере) и первичных перерабатывающих производств (в несколько меньшей) поистине огромен, причём из всех развитых стран Запада с Россией, с точки зрения особенностей индустриальной структуры, сопоставимы лишь Канада и Австралия. Поскольку же ресурсный сектор особенно капиталоемок, а природно-географические характеристики нашей страны (огромные пространства, суровый климат, разобщённость регионов) делают необходимыми огромные вложения в инфраструктуру, инвестиционный капитал, подпитываемый доходами от сырьевого экспорта, продолжает служить главным двигателем экономического развития.

Отметим, что с начала XXI в. в отечественном экономическом механизме начал было проглядывать растущий вклад отраслей «вторичной» обрабатывающей промышленности, тоже достаточно капиталоемких. О необходимости диверсификации российской экономики и перехода к инновационной модели развития по-прежнему много говорят и пишут, хотя в самое последнее время тематика глобального кризиса властно оттеснила на второй план все прочие соображения. В основном в «антикризисном» контексте анализируется ныне и роль ещё недавно казавшегося столь гигантским стабилизационного фонда, сформированного из отчислений от доходов энергетического экспорта в период высоких цен на нефть. Огромных денег, необходимых для масштабной структурной перестройки экономики, у государства уже нет, и вряд ли они появятся в обозримом будущем. В то же время высокомонополизированный частнокапиталистический сектор настолько озабочен проблемами собственного выживания, что ему явно не до далеко идущих инвестиционных планов, не говоря уже о том, что массовый отток капиталов из страны обязан своим происхождением, в первую очередь, именно большому бизнесу. Что касается потенциала развития мелких и средних фирм в промышленности и сфере услуг, то он предельно сужен исключительной скудностью и чрезвычайной дороговизной кредитных ресурсов при почти полном отсутствии государственной поддержки — черта, ставящая нашу страну особняком как в группе БРИК, так и в «большой двадцатке».

На протяжении многих десятилетий СССР, а затем Россия являли собой чуть ли не классический образец крупной индустриальной державы, придерживающейся стратегии «догоняющего развития» — со всеми её плюсами и минусами, а главное — с креном в сторону тяжёлой промышленности и ресурсного сектора, что определяло форсирование промышленных инвестиций в ущерб текущему потреблению.

В условиях традиционного индустриального мира с его относительной обособленностью национальных воспроизводственных процессов это был, видимо, пусть не единственно возможный, но — во всяком случае — по своему естественный путь, которым страна и вышла на нынешние позиции. Но ведь теперь мир изменился и требует иной парадигмы развития! Дополнительные миллионы тонн стали и миллиарды киловатт-часов энергии в нём мало что решают. Зато технологическое отставание и убогие параметры человеческого капитала могут иметь поистине фатальные последствия. Теперь, если использовать формулу В.Л. Иноземцева, «конкуренция между естественно (гармонично) развивающимися и догоняющими экономиками, исход которой неочевиден, когда и те и другие организованы по индустриальному типу, сменилась конкуренцией между естественно (гармонично) развивающимися постиндустриальными странами и искусственно (мобилизационным образом) ускоряющими своё экономическое развитие индустриальными государствами, и поражение последних в этой конкуренции не вызывает сомнений»¹.

Тем важнее со всей определённой решить, какая именно диверсификация нам нужна и по силам, кто и за счёт каких средств её будет осуществлять и к какой экономической модели мы в принципе стремимся. При этом полезно, на наш взгляд, не забывать очевидную, но пока не слишком популярную в России истину: «Для успеха инновационной политики необходимы свобода личности и подлинная открытость миру»².

Взаимосвязи между «сиамизацией» и «деиндустриализацией»

Россия отнюдь не единственная страна, перед которой стоит задача выбора дальнейшего пути и оптимального профиля (структуры) производства и экспорта. Например, пока ещё вторая по экономической мощи мировая держава — Япония — уже давно озабочена структурными проблемами и поиском стратегии развития. Её экспорт обнаруживает структурный перекося в сторону продукции автомобилестроения и бытовой электроники. Главное же заключается в том, что Япо-

¹ Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические последствия. М.: Экономика, 2003. С. 434.

² Тренин Д. Стратегическое мышление в отношении России // Материалы брифинга. Московский Центр Карнеги. Январь 2009. С. 11.

нии надо в принципе решить, продолжать ли рассматривать обрабатывающую промышленность как главный «конёк» или же вслед за Америкой диверсифицировать и перепрофилировать экономическую структуру за счёт информационных технологий и программных продуктов.

Автор статьи, где вопрос ставится именно в такой плоскости, известный японский аналитик Т. Сава считает более мудрым выбором именно сохранение обрабатывающих отраслей в качестве центрального и наиболее активного элемента экономической структуры, учитывая «традиционное японское умение производить товары» (в отличие от услуг)¹. В то же время, сравнивая японскую экономику с человеком, который миновал несколько лестничных пролётов и остановился перевести дух на одной из площадок, автор подчёркивает, что это не просто передышка, а речь идёт о чрезвычайно важном этапе, когда «системы и инструменты, созданные, чтобы обслуживать индустриальное общество, должны быть приспособлены к нуждам общества постиндустриального». Под последним он понимает такое общество, «где сектора, имеющие дело с информацией, программными продуктами и услугами, начинают играть более важную роль, чем производство материалоёмких и энергоёмких промышленных изделий». При этом отрасли, специализирующиеся на массовом выпуске стандартных товаров, сравнительно быстро и легко передислоцируются в другие страны с более дешёвой рабочей силой. В обозримом будущем и нынешняя высокотехнологичная продукция, при изготовлении которой уже широко используется аутсорсинг, может быть успешно стандартизована и вовсе перенесена за рубеж. Но к этому времени, скорее всего, появятся новые поколения наукоёмких изделий, на производстве которых Япония и сможет сосредоточить свое внимание.

Частный капитал и общество в целом должны стремиться «открывать новые рубежи высоких технологий» — процесс, который Т. Сава характеризует как «ре-инжиниринг», понимая под этим «перестройку производства и управления, способную обеспечить существенное снижение издержек». По его мнению, без перехода в постиндустриальную стадию Япония окажется не в состоянии поддерживать устойчивый рост на уровне свыше 3%².

Если взглянуть на японскую экономику в глобальном контексте, то можно отметить важную смену вех, а именно превращение «бегмота экспорта» в «кредитного колосса», как охарактеризовала этот

¹ Sawa T. Technology key in postindustrial society // The Japan Times. 27.04.1996.

² Sawa T. Japan's education disability // The Japan Times. 05.11.2005.

сдвиг газета «Джапан таймс»¹. Иными словами, Япония начала получать более крупные нетто-доходы от своих заграничных инвестиций, чем от товарной торговли. В 2005 г. чистое превышение соответствующих доходов — прежде всего, от японского «офшорного» производства — над подобными же расходами (отток из страны прибылей и дивидендов) впервые оказалось больше активного сальдо торгового баланса на целый триллион иен. Судя по всему, если не помешает нынешний финансовый и экономический кризис, Япония имеет шанс стать «зрелым инвестором-кредитором», каким в иную эпоху была Англия. Для этого её компании должны всемерно использовать преимущества международной производственной кооперации, т.е. ускоренно «сиамизироваться» со странами-соседями (и не только!), поскольку в наши дни важно, не где производятся товары, а кто именно их производит.

В целом процессы «сиамизации» пока что были на руку Японии. Более того, в обстановке кризиса, да ещё при опасно высоком курсе иены по отношению к доллару главные надежды японских производителей связываются именно с той экономией, которую им дают зарубежное производство, восточноазиатский аутсорсинг и международная промышленная кооперация.

Теперь уместно бросить взгляд на Америку. США первыми начали поистине революционный переход к «индустрии информации», который, однако, сулит стране не только блага, но и жёсткую структурную перетряску — с кошмарами «деиндустриализации» и необходимостью массового перепрофилирования рабочей силы. С одной стороны, в ходе такой перетряски возрастёт спрос на людей, способных заниматься умственным трудом высокой квалификации, что может быть расценено как новый шаг вперёд в развитии. С другой стороны, это может означать торжество доведённого до абсурда принципа аутсорсинга и тем самым фактический «конец американских фабрик, производящих вещи»² — т.е. конец американской промышленности, какой мы её знали на протяжении XX в. Сама же Америка будет подпитывать систему результатами дорогостоящего умственного труда — нововведениями и изобретениями, программными продуктами и разнообразными услугами.

Но тут возникает сакраментальный вопрос: а будет ли такая международная производственная система действительно нуждаться в услугах тех, кто это все затеял, т.е. самой Америки? Ведь подобную «умст-

¹ A mature investor-creditor nation (editorial) // The Japan Times. 28.05.2002.

² Pfaff W. U.S. may miss manufacturing one day // The Japan Times. 02.11.2005.

венную деятельность высокого уровня» прекрасно смогут взять на себя и молодые энергичные китайцы, индийцы, русские или бразильцы — как они уже это и делают в ряде сфер, порождённых информационной революцией. Казалось, что названные проблемы коснутся лишь будущих поколений американцев. Однако кризис смешал карты и вынес эту щекотливую тематику на первый план.

Свидетельств первой волны «деиндустриализации», прокатившейся по просторам США и Канады в последнюю пару десятилетий, хоть отбавляй. Ныне обрабатывающая промышленность обеспечивает занятость каждому девятому работающему американцу, в то время как в 1950 г. в ней трудился каждый третий. Само по себе это свидетельство не деградации экономической структуры, а скорее её совершенствования и огромного прогресса в области производительности. Сегодня сталелитейная промышленность выпускает больше продукции, чем в 80-е годы, утратив между делом две трети рабочих мест. «Судьба обрабатывающего сектора США, — считает влиятельный американский колумнист Р. Самуэльсон, давно специализирующийся на структурных проблемах, — находится в руках самой американской нации — даже с учётом того, что сочетание низкой заработной платы, огромного рынка и искусственно заниженного курса юаня даёт Китаю ошеломляющее конкурентное преимущество перед Америкой»¹.

Может быть, так оно и выглядело до кризиса, который обнажил главную структурную слабость современных США — утрату ими былой способности поддерживать высокую занятость и создавать новые рабочие места. Характерно, что и на фоне охватившего американскую промышленность кризиса традиционные трудоёмкие отрасли продолжают внедрять всё новые схемы экономичного аутсорсинга или открыто перебазироваться за рубеж. В этих и других секторах меры по снижению издержек во многих случаях демонстрируют свою способность обеспечить сохранение производства и его хотя бы минимальную прибыльность, но лишь при неизбежном сокращении числа занятых.

Однако, позволить себе целиком потерять некоторые традиционные отрасли США просто не могут. Прежде всего это относится к сегменту североамериканского автомобилестроения. Общеизвестно, что именно автомобильная промышленность «сделала больше всех для формирования в Америке среднего класса» и создала «важнейшие ориентиры для повышения жизненного стандарта, для общенационального уровня пенсий и условий страхования здоровья и жиз-

¹ *Samuelson R.J.* Moment of truth for U.S. manufacturing // *The Japan Times*. 23.11.2005.

ни»¹. В то же время именно эта традиционная и ключевая отрасль находится под наибольшей угрозой, и именно её многочисленные звенья активно передислоцируются, в частности, в Мексику и Китай. И опять-таки ведущим мотивом здесь служит обуза в виде колоссальных страховых дотаций рабочим и служащим на покрытие расходов, связанных со здравоохранением (которые, например, у «Дженерал Моторз» достигают 1500 долларов в расчёте на один выпущенный автомобиль). Раньше такие расходы можно было перекладывать на покупателя, включая их в цены — раньше, но не сейчас, когда американский рынок автомобилей быстро сокращается.

Так что, скорее всего, автомобилестроение как таковое полностью из страны не уйдёт, вот только едва ли можно будет после всех перипетий называть его «американским».

И ещё одно замечание. По меньшей мере на протяжении последнего десятилетия XX в. информационные технологии служили для ведущих американских корпораций «важным источником конкурентных преимуществ». Ныне же аналитики прогнозируют «смерть отделов информатики корпораций»². Что случилось? Ожидается распространение практики аутсорсинга на саму информацию, когда корпорации начнут покупать услуги по её обработке у «компаний коммунального типа», платя только за реально получаемые услуги по низким тарифам, возможным благодаря экономии на масштабах (когда-то, ещё во времена Эдисона, подобное произошло с производством и распределением электроэнергии). Попутно это освободит частные фирмы от немалой доли затрат на содержание технической и программной базы собственных отделов информатики. Весьма вероятно, что подобные мощные и централизованные системы обработки информации окажутся сосредоточенными вне группы ведущих постиндустриальных государств, поскольку Интернет и дешевизна услуг связи будут способствовать их появлению и развитию, например, в странах группы БРИК. В 2004 г. одна бостонская консалтинговая фирма даже порекомендовала американским корпорациям ускорить «офшоринг» своих операций в Китай и Индию, «включая такие ключевые функции, как исследования и разработки»³. Можно сказать — глобализация в действии. Вот только что достанется на долю самой Америки в лице её трудового населения на этом «празднике жизни»?

¹ *Brownstein R.* U.S. automakers too important to let fail // *The Japan Times*. 05.11.2005.

² *Perlstein S.* Economies of scale seen as next step for info-tech industry // *The Japan Times*. 05.11.2005.

³ Report urges U.S. companies to move more jobs overseas // *The Japan Times*. 05.07.2004.

Индия: нелёгкий выбор между вариантами диверсификации

Как известно, эта великая страна тоже отдала дань увлечению социалистической доктриной и фетишизации развития базовых отраслей тяжёлой промышленности, в частности, чёрной металлургии. Ныне же Индия, ВВП которой в предкризисные годы ежегодно прирастал на 8—9%, поставила перед собой амбициозную цель — быстро и решительно, как когда-то Япония, превратиться в «обрабатывающую сверхдержаву». В стране с более чем миллиардным населением, не меньше трети которого существует на подушевой доход, не достигающий одного доллара в день, обрабатывающая промышленность рассматривается многими как ведущий элемент экономической структуры, лучше всего приспособленный к созданию столь необходимых рабочих мест.

Речь при этом идёт уже не только о форсировании выпуска продуктов лёгкой промышленности. Индия начала привлекать интерес и фирм из более «тяжёлых» обрабатывающих отраслей, в частности, из того же автомобилестроения. По меньшей мере в трёх районах страны (вокруг городов Ченнай, Дели и Мумбай) появились скопления предприятий, производящих авточасти и другие компоненты для сборки автомашин. Согласно прогнозу «МакКинси консалтэнси» международный аутсорсинг авточастей, исчислявшийся в 2002 г. в 65 млрд долларов, вырастет к 2015 г. в шесть раз, причём на Индию в нем может приходиться уже 25 млрд долларов (против 1 млрд в 2002 г.).

Правда, далеко не все разделяют оптимизм тех, кто рассчитывает решать проблемы бедности и безработицы «старым методом» — путём форсирования обрабатывающих отраслей, пусть даже самых современных. В частности, резонно указывается на то, что конкурентоспособность таких отраслей прямо связана с ростом их производительности и трудосберегающими технологиями, в то время как, например, сфера услуг по-прежнему остаётся весьма трудоёмкой (и, следовательно, способна создавать больше рабочих мест). Слышатся призывы всемерно развивать наметившийся успех Индии в привлечении иностранных заказов на программные разработки (причём даже от компаний Силиконовой долины!), а также в деле переманивания иностранных клиентов, пользующихся международной телефонной связью, путём обеспечения высокого уровня и дешевизны подобных поистине массовых услуг.

Аргументируя свою позицию в пользу форсированного развития сектора современных услуг, У. Песек приводит соображение, согласно которому выжать высокую производительность из трудосберегающих видов операций можно только при гигантских — как, например, в КНР — масштабах (и самой экономики, и притока в страну инвестиционного капитала). Индия же обладает весьма посредственной инфраструктурой и ещё не научилась привлекать иностранный капитал в массовом масштабе, как Китай, а потому-де ей целесообразнее сосредоточиться именно на трудоёмких отраслях современной сферы услуг. Это не значит, что обрабатывающую промышленность надо полностью игнорировать, считает он, речь идёт лишь о том, чтобы не сосредоточивать на ней основное внимание¹.

Вот как сложен может быть выбор экономической стратегии и как разнообразны имеющиеся альтернативы! В Индии такой выбор дополнительно затруднён наличием чрезмерного контроля государства над экономической сферой или же над притоком иностранного капитала.

В своей книге «Век Азии: подъём и упадок» К. Лингл призвал Индию к уничтожению «царства лицензий-разрешений-квот» и к введению обратимости рупии. «Индия страдает от недостатка экономического либерализма и от слишком многих проявлений государственного вмешательства, основанных на сомнительных социалистических рецептах», — таков был его общий вывод². И в то же время Индия, более полутора столетий находившаяся под британским господством, имеет перед Китаем заметные преимущества в области развития «институциональной инфраструктуры», включая многие необходимые элементы правовой системы.

Так или иначе, Индия готовится — конечно, на свой манер — к дальнейшей «сиамизации» с ведущими постиндустриальными державами, способной принести немалую пользу в деле её модернизации. При этом, как и другим странам, ей приходится задумываться над тем, каким должен быть экономический механизм крупного современного государства, уже существенно вовлечённого в мировую экономику и взаимодействующего с десятками стран, выступающих её партнёрами, клиентами и конкурентами.

¹ *Pesek W. (Jr.). India's push toward manufacturing a risk // The Japan Times. 09.11.2004.*

² Цит. по: *Lingle C. China leads but don't count India out // The Japan Times. 09.11.2004.*

США: банкротство экономической свободы?

Как известно, либеральные идеи выступили мощным преобразователем общественной жизни и государственного устройства во многих странах и регионах мира. «По самой своей сути либеральное правление предполагает создание такой общественной организации, которая даёт гражданам возможность строить свою жизнь согласно собственным представлениям и предпочтениям», подчеркнул в статье с характерным заголовком «В защиту либеральных идей» известный американский обозреватель Р. Мейнардус¹. Большое значение при этом придаётся принципам децентрализации и федерализма, обеспечивающим местным и региональным органам власти полномочия решать вопросы, относящиеся к их территориальной компетенции. Естественно, что популярные идеи децентрализации и «небольшого» — т.е. не перегруженного функциями и экономичного — государственного аппарата находят своё проявление и в сфере экономической политики, где основной целью государства выступает создание и поддержание правопорядка, обеспечивающего свободу конкуренции, ограничивающего монополистическое влияние и препятствующего коррупции. «Правительство тем лучше, чем меньше оно правит», — писал Т. Пэйн, чьи книги оказали немалое влияние на отцов — основателей американской политической и экономической системы².

Жизнь свидетельствует, что общества, не дающие государству разрастаться и ограничивающие его вмешательство в экономику, как правило, более успешны в развитии и богаче, чем страны, где правит бюрократия. Сухие цифры говорят о том, что «экономическая свобода подогревает экономический рост», а «свободные рынки наилучшим образом обеспечивают производство богатства»³. При этом речь идёт именно об экономической свободе. Ведь два «азиатских тигра», Гонконг и Сингапур, традиционно открывающие список лидеров по степени экономической свободы, весьма далеки от того, чтобы их можно было считать демократиями с точки зрения свобод политических. Интересно отметить и то, что почти все страны — лидеры по богатству, степени экономической свободы и открытости, за исключением США, это «государства-бонсай», т.е. весьма миниатюрные эко-

¹ *Meinardus R.* In defense of a liberal agenda // The Japan Times. 01.11.2004.

² http://en.thinkexist.com/quotation/that_government_is_best_w_hich_governs_least/225692.html (перевод наш. — А.Б.).

³ *Hong C.M.* Rights do matter for Singapore // The Japan Times. 18.12.2004.

номические образования (можно ещё назвать, например, Люксембург, Ирландию, Данию и Исландию). Что же касается Америки, то ей удался уникальный «трюк» — создать у себя самоуправляемую систему «в виде конфедерации мини-экономик», какими являются отдельные штаты¹.

Вообще Америка всегда славилась своими рыночными институтами, возникшими и окрепшими при поддержке государства, но им не подавляемыми. Среди них фондовая биржа, обслуживающая энергичный процесс слияний и поглощений и бурное развитие венчурного капитала; институт эффективного банкротства, обеспечивающий «созидательное разрушение» и быструю модернизацию экономической структуры; механизм ускоренной амортизации, способствующий быстрому и эффективному обновлению основного капитала; антикартельная система, благодаря которой большой бизнес не способен чрезмерно ограничивать конкуренцию, а мелкие и средние компании имеют достаточный простор для приложения творческой инициативы дома и за рубежом; мощные пенсионные фонды — богатый источник инвестиционных средств на цели структурной модернизации; наконец, откровенно спекулятивные рынки — знаменитые товарные и валютные фьючерсы, сообщающие и фондовой бирже дополнительный динамизм и необходимые ориентиры. Именно благодаря своим рыночным институтам экономика США традиционно демонстрировала способность к быстрому реагированию и обновлению, инвестиционный процесс был достаточно энергичен, потенциал создания новых рабочих мест весьма высок, а американское население могло себе позволить долю сбережения одну из самых низких в мире, долю же потребительских расходов — одну из самых высоких.

При всём этом нынешний глобальный кризис зародился именно в США, а ещё задолго до его начала систему американского менеджмента начало заметно лихорадить, чему в немалой степени поспособствовали общеизвестные громкие скандалы вокруг руководства нескольких компаний-лидеров, таких как «Энрон», «Компьютер ассошиэйтс», «Глобал кроссингс» или «Тайко интернэшнл».

По словам упоминавшегося выше У. Пфафа, в новейшую эпоху «американский капитализм пережил патологическую мутацию»². Высшие менеджеры явно осознали, что контроль над корпорациями, служащими которых они номинально являются, находится в их собственных руках; советы управляющих и даже формально независи-

¹ Hannan D. Blue-eyed sheikhs // Spectator. 09.10.2004. P. 19.

² Pfaff W. A mutant form of market capitalism // The Japan Times. 07.12.2005.

мые аудиторские фирмы им нипочём. Во-первых, они заседают сами — перекрёстным порядком и на взаимной основе входя в подобные советы «дружеских» компаний, во-вторых, нередко заказывают разработку корпоративной стратегии, оценивать которую позже поручат им же. Отсюда злоупотребления, эгоизм, алчность при забвении интересов бизнеса как такового, в том числе интересов инвесторов, рабочих и служащих корпораций и прочих заинтересованных лиц.

Естественно, что в такой обстановке стали возникать размышления о желательности более социально ориентированного управления корпорациями — проблемы, в решении которой ведущая роль должна быть отведена общественным и государственным институтам. Появилось немало приверженцев возврата к домонетаристской, в основе своей — кейнсианской доктрине, которая господствовала в США на протяжении почти 40 лет, до утверждения идей М. Фридмана и правления Р. Рейгана. Многие предлагаемые рецепты напоминали если не практику, то идеологию менеджмента, как она сложилась в Японии. Как известно, там издавна культивируется своего рода «мягкосердечный» капитализм, ставящий превыше всего «экономическую стабильность и безопасность», сохранение социального статус-кво¹.

Учитывая, что в последние годы и Япония, в свою очередь, заимствует всё больше элементов американской системы корпоративного управления, можно было бы, пожалуй, говорить о начале формирования некой «универсальной культуры менеджмента» — аналога «третьего пути», провозглашённого европейскими сторонниками умеренного государственного и общественного регулирования, но на этот раз в применении к частному предпринимательству. Однако глобальный кризис, поразивший Японию никак не меньше, чем США, смешал все карты.

По идее он должен был стать мощным катализатором пересмотра существующей бизнес-практики и господствующих канонов экономической политики. Ничего такого пока не видно, но положение напоминает затишье перед бурей. Первый кабинет Президента США Б. Обамы так же начал со щедрых, но малоэффективных вливаний в больную банковскую систему, как это делала и предыдущая — республиканская — администрация. По некоторым оценкам, всего на оздоровление банков и других финансовых институтов должно было быть израсходовано не менее 4 трлн долларов из государственных сейфов. В свою очередь, это означало бы новый виток в восходящем

¹ *Pearlstein S., Blustein P.* In global economy, nations seek «third way» to do business // *The Japan Times*. 24.06.1997.

движении бюджетных дефицитов и необходимость всё чаще пускать в ход печатный станок — верный путь к инфляции и к общему усилению финансовых дисбалансов.

Специальная комиссия, которую возглавлял профессор Гарвардской школы права Э. Уоррен, высказала мнение, что министерству финансов имело бы смысл рассмотреть «потенциальные политические альтернативы» своему подходу в борьбе с кризисом. Не настаивая на каких-либо конкретных рецептах, она в то же время указывала, что проблемные компании и их руководители должны нести ответственность за свои действия, причём на условиях, понятных и рынкам, и широкой общественности. «Упорядоченное» банкротство финансовых институтов «под надзором соответствующих органов регулирования» — это «более понятная стратегия выхода» из нынешней ситуации, чем «дрейф к постепенному установлению правительственного контроля», считают авторы доклада. По их мнению, антикризисные спасательные операции должны сопровождаться готовностью властей «привлекать менеджеров к ответу путём их замены, а в случае криминального поведения — и судебного преследования»¹.

По мнению инвестора-миллиардера Дж. Сороса, спасение банков-гигантов за счёт обильных бюджетных вливаний не эффективно и истощает экономику. Такие «банки-зомби» тянут жизненную энергию из других банков, из всей экономики, а потому новый капитал следует вливать только в новые финансовые учреждения. Сорос считает, что Соединённым Штатам нужно постараться как можно скорее решить две задачи — устранить «паралич кредитования» и создать «новую архитектуру финансового сектора»².

И всё же по крайней мере одна принципиально новая черта характеризует нынешние масштабные антикризисные мероприятия — это наличие среди них действий и стратегий, имеющих откровенно международный (групповой) характер. Начало им было положено Европейским союзом, где Брюссель с самого начала финансовых и экономических неурядиц призвал страны-участницы к выработке общей программы оздоровительных мер и к отказу от соблазна пытаться решать возникающие проблемы при помощи торгового протекционизма. В этом же направлении предложил двигаться состоявшийся в апреле 2009 г. в Лондоне саммит «большой двадцатки», который, одна-

¹ Изложено по: Американские экономисты вычислили дату окончания кризиса в США // <http://news.mail.ru/politics/2501127/>.

² См.: Экономику США подрывают банки-зомби // <http://www.dni.ru/economy/2009/4/10/163623.html>.

ко, вызвал у многих разочарование, сосредоточившись на все тех же крупномасштабных вливаниях в мировую финансовую систему.

Из 5 трлн долларов, которые предполагается направить на восстановление экономического роста, более одной пятой имеется в виду израсходовать через нереформированный МВФ. В порядке борьбы с возможными последствиями протекционизма «двадцатка» выделила 250 млрд долларов на поддержание мировой торговли, в первую очередь — на помощь экспортёрам развивающихся стран. Требования Германии и Франции о создании механизма коллективного контроля над мировыми финансами были частично учтены в виде учреждения новой международной организации — Фонда финансовой стабильности, которому предполагается поручить мониторинг финансовой системы и фиксацию злостных нарушителей установленных правил. Было объявлено всестороннее наступление на «хедж-фонды» и «налоговые оазисы». Всё это было результатом компромисса между более радикально настроенной континентальной Европой и англосаксонскими странами, предлагавшими искать выход из кризиса, наращивая государственные расходы ради скорейшего возвращения в «эру дешёвых денег»¹.

Недостатки модели «социально ориентированного» регулирования

К сожалению, реальная внутренняя и внешняя экономическая политика отдельных государств приходят в явное противоречие с коллективными принципами и целями, провозглашёнными на саммите «двадцатки». Так, не только буквально все страны — производители автомобилей действуют в одиночку, оказывая национальным фирмам финансовую поддержку и предоставляя им прямые или косвенные субсидии. Некоторые из них, включая Россию, используют откровенно протекционистские инструменты, такие как введение заградительных пошлин на импортные легковые машины и предназначенные для сборки комплекты авточастей. Практикуются также введение ценовых преференций для местных поставщиков при размещении госзаказов, сокращение квот на ввоз и повышение пошлин на импорт сверх квот и др. Особое возмущение в Восточной Европе вызвало провозглашённое Президентом Франции Н. Саркози требование

¹ *Игнатов О.* Саммит сбывшихся опасений // <http://www.russ.ru/layout/set/grint/pole/Sammit-sbyvshihsy-a-opasenij>).

к фирмам местного автопрома сократить своё производство за пределами Франции, сосредоточившись на поддержании производства и занятости у себя дома.

В общем, практикуемые в континентальных странах ЕС принципы экономической политики в последние годы всё чаще дают повод для критики как в самой Европе, так и особенно в странах «англо-саксонского капитализма». Так, американские политологи продолжают неодобрительно отзываться о европейской и японской социально-экономических моделях, в которых повышенное внимание уделяется обеспечению высокой степени социальной защиты (в ущерб здоровому динамизму и всемерному повышению производительности и эффективности труда и капитала). Рассуждая на эту тему, Самуэльсон приводил США в качестве положительного примера взаимодействия между экономикой и государственным устройством, а Германию и Японию — как страны, где государственное регулирование «душит капитализм» (в результате чего прирост экономики в обеих этих странах на протяжении семи лет, начиная с 1997 г., не превышал 1% в год, т.е. был в среднем в три раза ниже, чем в США)¹.

Если взглянуть на зону Европейского союза, бросается в глаза, что в последние годы и его Комиссия, и экономические органы отдельных государств были постоянно озабочены четырьмя главными проблемами — недостаточным ростом производства, высокой хронической безработицей, социально-экономическими аспектами массовой миграции и борьбой с «делокализацией», т.е. с «уводом» промышленных отраслей в другие страны и регионы. Многие европейские страны, особенно большие и в прошлом со сравнительно однородным населением, как Франция или Германия, оказались явно не готовы к тому, что реально происходит с Европой.

Например, Германия на протяжении десятилетий оставалась торговым лидером современного мира (абсолютно первое место по товарному экспорту и второе — по вывозу товаров и услуг), но её исключительная роль как производителя высокотехнологичных готовых изделий постепенно сходила на нет или по меньшей мере размывалась. Последние годы германское автомобилестроение и электротехническая промышленность использовали всё больше компонентов, производимых в Азии и в странах Восточной Европы и ввозимых в страну на основе долгосрочных контрактов об аутсорсинге. В результате эти отрасли — бывшая гордость Германии — превращались в лидеров «базарной экономики», как окрестил некогда

¹ *Samuelson R.J.* Day of reckoning is shelved // *The Japan Times*. 02.10.2005.

образцовое и самодостаточное народное хозяйство ФРГ мюнхенский исследователь Г.-В. Зинн¹.

Иными словами, роль Германии в мировой экономике заметно меняется, т.е. она становится в большей мере торговцем и координатором производства, чем непосредственным производителем и источником новых технологий. С 1995 по 2004 г. Германия потеряла почти 1,3 млн постоянных рабочих мест, причём львиная доля сокращения пришлась на обрабатывающую промышленность. Всё это больше напоминает не «сиамизацию», как у США с Китаем, а настоящую «деиндустриализацию», поскольку сопровождается стихийной утечкой производственного и интеллектуального потенциала из страны и его распылением по различным регионам.

Корни недугов ряда стран континентальной Европы многие видят именно в специфической модели государственного регулирования, которая является куда более дирижистской, чем американская, и не создаёт необходимых стимулов к экономическому росту и структурной модернизации. На саммите ЕС в Лондоне осенью 2005 г. тогдашний британский премьер Т. Блэр напомнил своим коллегам, что за пять лет до этого в Лиссабоне они все вместе поставили перед собой задачу к 2010 г. превратить экономику региона в «наиболее конкурентоспособную и динамично развивающуюся»². Будучи основанной на знаниях, она должна была стать способной поддерживать устойчивый рост, создавать больше высококачественных рабочих мест и лучше обеспечивать социальную гармонию. Для того, чтобы приблизиться к решению этой задачи, подчеркнул Блэр, европейскую экономику необходимо «модернизировать», взяв на вооружение британскую модель развития, которая помогла этой стране снизить безработицу до 4% и значительно опередить соседей по темпам роста. Иными словами, экономическая модель стран Старой Европы должна быть изменена в духе идей свободного рынка, восторжествовавших в пост-тэтчеровской Великобритании.

На радикальное предложение британского премьера немедленно отреагировал тогдашний французский президент. «Европейская модель — это рыночная экономика с социальной ориентацией, — заявил он. — Достоинство человека должно находиться в центре нашего общественного проекта. Франция никогда не согласится с тем, чтобы Европа превратилась просто в зону свободного обмена». Действитель-

¹ Sinn H.-W. Germany's bazaar economy // The Japan Times. 21.10.2005.

² Изложено по: Борщевская Л. Закат Европы будет экономическим // RBC daily. 31.10.2005.

но, всё не так просто. Ведь во Франции и Германии, как и в Скандинавских странах, через государственную казну проходят от 50 до 70% ВВП, т.е. значительно больше, чем даже в «патерналистской» Японии (45%). В подобных условиях жёсткий курс на всестороннее ограничение регулирующей роли государства и его финансовых ресурсов грозит «подорвать устои общества и лишить правительство возможности адекватно выполнять свои обязанности», — отмечала как-то в своей редакционной статье влиятельная японская газета¹.

В этой связи можно поставить такой принципиальный вопрос: разве в современную эпоху, которую можно назвать эпохой социального рыночного хозяйства, высокая эффективность государственной политики и всего государственного механизма настолько уж менее важна, чем эффективность производственной системы? Или: разве европейский опыт исчерпывается показателями роста Франции и Германии и структурными слабостями их экономики?

Так, страны Северной Европы часто обвиняют в чрезмерном увлечении социальными программами и слишком тяжком налоговом бремени, а ведь в списках, где государства выстраиваются по международной конкурентоспособности, они традиционно занимают места на самом верху. Спору нет, в 2004 г., например, США были поставлены на почётное второе место, но ведь первое-то было отдано Финляндии, а на третьем, пятом и шестом помещались Швеция, Дания и Норвегия! Среди достоинств скандинавской модели отмечались «низкие уровни коррупции, стабильные правовые условия для бизнеса и высокая интенсивность технологических нововведений»². В списке наиболее конкурентоспособных и эффективных экономик для стран с населением менее 20 млн человек (2003), открываемом той же Финляндией, в первую дюжину вошли ещё 10 малых государств Европы, среди которых сумел вклиниться только Сингапур. В другом списке, подготовленном исследовательским отделом журнала «Экономист» и ранжирующем страны по степени развития электронной торговли, первое место было отдано Дании, в то время как Америка заняла шестую позицию, а Япония — только 25-ю. Всего же в первой десятке можно было обнаружить семь европейских государств. В сопровождающем список тексте среди факторов, позволивших Европе и особенно Скандинавии «выступить с блеском», отмечались «продуманные госу-

¹ Small government vs. welfare (editorial) // The Japan Times. 14.12.2005.

² Nordic countries dominate list of most competitive economies // The Japan Times. 15.10.2004. Интересно, что из всех новых членов ЕС наиболее конкурентоспособной была признана миниатюрная экономика постсоветской Эстонии.

дарственные инициативы», в то время как не слишком высокое место США объяснялось «относительной стагнацией на её хорошо оснащённых электроникой, но плохо скоординированных рынках»¹. Наконец, малые европейские страны уверенно выступают мировыми лидерами и по такому основополагающему показателю, как уровень ВВП в пересчёте на душу населения.

И всё-таки, как ни трудно это принять, Старой Европе придётся, видимо, многое пересмотреть в своих подходах к экономической политике. Вызов со стороны Китая и Индии, как и заметное расширение географии ЕС, настоятельно диктуют необходимость реформ и решительную модернизацию экономического механизма. Как считает эксперт Германского общества внешней политики А. Рар, ужесточающаяся конкуренция заставит-таки многие страны континента попытаться «сделать экономику более открытой, отказаться от части социальных расходов, снизить налоги»².

Возможно, подобная перестройка по-настоящему начнётся лишь по окончании глобального кризиса, а может — именно кризис послужит катализатором процессов модернизации. Причём если для США такая модернизация потребует в первую очередь совершенствования механизма государственного регулирования и корпоративного управления (в принципе, на основе кейнсианской модели), то Старой Европе предстоит как-то поубавить свой традиционный патернализм и озаботиться тем, как обеспечить больший простор рыночным институтам, а экономике в целом — придать больший динамизм и необходимую гибкость. К сказанному остаётся добавить, что для ЕС в целом в скором времени весьма актуальной может стать и необходимость преодолеть (углублённый глобальным кризисом) раскол сообщества на две неравноценные группы — на его «старых» и «новых» членов, производственные и рыночные потенциалы которых очень различны, а экономические механизмы нуждаются в тщательной притирке друг к другу.

Уроки Китая

Их немало, и они очень важны, особенно при оценке перспектив развития мировой экономики. В то же время китайский опыт лишь в редких случаях может найти прямое применение в условиях других стран.

¹ Denmark world's e-commerce leader // The Japan Times. 23.04.2004.

² *Борщевская Л.* Указ. соч.

Первый и наиболее важный вывод, который можно сделать, оценивая результативность начатых КНР ещё в 1978 г. реформ и следя за ошеломляющей своими темпами и устойчивостью динамикой её макроэкономических показателей, пожалуй, таков: создание и упрочение основ рыночной экономики — особенно в стране, обладающей гигантскими людскими и природными ресурсами — способны создать эффект снежного кома, причём лавиноподобный характер социально-экономического развития может сохраняться даже не годы, а десятилетия. Действительно, среднегодовой показатель прироста китайского ВВП за период, охватывающий последние 20 лет, привычно оценивался чрезвычайно высокими цифрами в 9 с лишним процентов. Более того, в январе 2006 г. официальные макроэкономические показатели за 2004 г. были пересмотрены в сторону повышения (на 278 млрд долларов, или на 16,8%), и теперь предложено считать, что с 1993 по 2004 г. включительно китайская экономика росла среднегодовыми темпами в 9,9% (а не в 9,4%, как сообщалось ранее)¹. Даже на 2009 г., т.е. на первый и, может быть, самый тяжёлый год кризиса, статорганы КНР планировали прирост на пристойном уровне в 7%.

Это, скорее всего, означает, что в стране с тоталитарной политической системой и традиционно гипертрофированной и коррумпированной бюрократией были на деле созданы условия, в которых инвестиционные проекты иностранного капитала, как и частная — индивидуальная и групповая — инициатива местных предпринимателей, имели хорошие шансы на реализацию. Иными словами, для ТНК были обеспечены стабильные и благоприятные «правила игры», а для значительной части китайского народа — возможность прилагать энергичные усилия, чтобы улучшить своё материальное положение.

Второй, вытекающий из первого, вывод можно сформулировать так. Ни одна страна, даже самая высокоразвитая, не может ныне считать свои позиции в мировой экономике раз и навсегда гарантированными. Ведь немалые скачки которыми продолжает развиваться экономика Китая в XXI в., ведут к колоссальным передвижкам. Например, только пересмотр данных ВВП за 2004 г. одним росчерком пера перенёс Китай с седьмого на шестое место в мире, впереди Италии, а с учётом экономических показателей Гонконга (который, как ни взгляни, стал уже даже не просто частью Китая, а фактически его торгово-экономическим форпостом) — даже на четвёртое место, непо-

¹ China's economy has likely soared to world's top five after strong 2005 // The Japan Times. 25.01.2005.

средственно за США, Японией и Германией и впереди Великобритании и Франции¹.

С результатами упомянутого пересмотра данных по ВВП Китая связан и следующий важный теоретический вывод, а именно, что в ходе подобного лавинообразного развития может происходить также структурное упорядочение национальной экономической модели. Ведь мало того, что в процессе пересчёта сводного макроэкономического показателя на территории Китая была обнаружена незафиксированная ранее сфера экономической активности, равная по масштабам экономике Австрии или Индонезии, но выяснилось и то, что она на 93% сосредоточена в секторе услуг. В результате доля «третичного сектора» в экономике повысилась до 40,7% (вместо 32–33% согласно предшествовавшим подсчётам), а такой важный структурный показатель, как отношение инвестиций в основной капитал к ВВП, понизился примерно до 40% (соответственно, вместо 45–46%).

Последствия этих изменений трудно переоценить. Ведь каковы были главные упреки КНР со стороны теоретиков роста и их же опасения насчёт её ближайшего экономического будущего? Что Китай «инвестирует слишком много и потребляет слишком мало», в результате чего его экономика «оказывается плохо сбалансированной», а в механизме роста возникает «перекос в сторону тяжёлой промышленности», затрудняющий поддержание устойчивых темпов в будущем. Теперь же, с точки зрения таких структурных показателей, как «инвестиции к ВВП» и «потребление к ВВП», Китай начинает выглядеть как «обычная» страна, по крайней мере в контексте Восточной Азии².

Наметившаяся тенденция к росту потребления, как и прогресс сферы услуг, в свою очередь, связаны с процессами на рынке труда и отражают растущий интерес в стране к проблеме человеческого капитала и инвестиций в его развитие. Не новость, что при отладке экономического механизма особое внимание должно уделяться людским ресурсам (будь то в масштабах национальной или же интегрированной региональной экономики). Человеческий капитал — мощный фактор экономического прогресса и одновременно его критерий. Такие параметры, как абсолютные размеры и структура трудовых ресурсов и занятости, доля городского населения, а в нём — квалифицированной и сложной рабочей силы, или как количество создаваемых за год рабочих мест,

¹ См.: China's economy nearly 17 percent bigger than thought // The Japan Times. 22.12.2005. Заметим попутно, что Россия в подобных списках обычно замыкает первую десятку.

² Ibidem. Изложено по: Pesek W. China just got bigger — a lot bigger // The Japan Times. 26.12.2005.

давно фигурируют среди важнейших показателей состояния экономики. Но только благодаря Китаю мы узнали, что среднегодовая потребность страны в создании новых рабочих мест может оцениваться, например, цифрами порядка 22 млн (для сравнения — в США столько рабочих мест было создано примерно за 15 лет, начиная с 1987 г.)¹.

Невиданные доселе масштабы включения быстро растущего городского населения Китая в современное индустриальное производство также явились откровением для социологов, как впрочем и то, что, несмотря на все тяготы и мизерную оплату труда, новые горожане склонны рассматривать своё нынешнее положение как большой шаг вперёд в личной судьбе. Ведь доход трудящихся семей в «богатых» прибрежных районах превышает показатели аграрной глубинки более чем в 10 раз.

Подпитываемый экспортными доходами и прямыми иностранными инвестициями, китайский бум заставляет вспомнить некоторые странички из американской индустриальной истории. «В конце XIX в. типичная продолжительность рабочего дня на американских заводах составляла 10 часов, работали шесть дней в неделю, а решения об увольнении зависели от каприза прораба... Никакой заботы о здоровье и безопасности рабочих не было», — приводит Р. Самуэльсон сведения из доклада, подготовленного специалистами Университета штата Джорджия, и добавляет от себя: «В настоящее время Китай переживает подобный же промышленный переворот»². В качестве же обратной стороны индустриализации сначала социалистического, а затем грубо капиталистического типа обнаружилось, например, что 16 из 20 наиболее загрязнённых крупных городов мира находятся в Китае, что 600 млн китайцев ежедневно пьют опасную для здоровья воду или что до 300 тыс. человек здесь ежегодно умирают от заболеваний, связанных с загрязненностью воздуха. Большинство фабрик и заводов, построенных до 1980 г., не снабжены очистными сооружениями³.

Эта острая ситуация начинает оказывать заметное влияние на внутриэкономическую политику Китая. Если ранее правительство КНР уделяло первостепенное внимание форсированному развитию промышленной инфраструктуры, то команда Ху Цзиньтао и Вень Цзibaо явно склонна прислушиваться к сторонникам курса на большую «со-

¹ *Samuelson R.J.* Will China help or hurt world trade? // *The Japan Times*. 26.10.2003. По другим данным, за десять лет Китаю необходимо будет обеспечить работой 300 млн новых горожан, чтобы не допустить резкого ухудшения ситуации с занятостью.

² *Samuelson R.J.* Today's China resembles America of old // *The Japan Times*. 04.04.2004.

³ Изложено по: China's environmental challenge (editorial) // *The Japan Times*. 30.11.2005; *Chelala C.* Op. cit.

циализацию» экономики страны, понимаемую как необходимость выравнивания в уровнях доходов, большей социальной справедливости и борьбы с коррупцией. В центр внимания выдвигается проблема развития трудовых ресурсов с акцентом на совершенствование систем образования и здравоохранения, на социальные реформы, борьбу с бедностью и защиту окружающей среды¹. Этот важный политический сдвиг сопровождается дискуссией между сторонниками либеральной экономической доктрины, ратующими за продолжение движения по рыночному пути, и «социалистическими экономистами» из «новой левой», призывающими возвратиться к марксистским канонам. Тем не менее на деле речь идёт скорее о принятии Китаем более «социально-ориентированного» экономического курса, чем о более радикальном повороте к прошлому.

Сдвиг в сторону большей «гуманизации» экономического развития может иметь для Китая и всего мира далеко идущие последствия именно благодаря колоссальным масштабам страны и её экономики. Ведь каждый доллар, на который осуществляется прирост подушевого дохода более чем миллиардного населения, оборачивается весьма ощутимым ростом спроса на продовольствие, сырьё, энергию, промышленные изделия и услуги. Китай уже является крупнейшим в мире потребителем четырёх из пяти важнейших видов сырьевых ресурсов — зерновых (382 млн тонн в 2004 г. против 278 млн тонн в США), мяса (63 млн тонн — на 26 млн тонн больше, чем в славящейся своим «мясоедством» Америке), угля (800 млн тонн, или на четверть больше американского потребления) и стали (258 млн тонн, или вдвое больше, чем в США). Только по потреблению нефти КНР по-прежнему сильно уступает Америке — 6,5 млн баррелей в день, или менее трети американского уровня, но это всё равно прочное второе место в мире². За десять лет (1994–2004) потребление нефти в США увеличилось всего на 15%, в Китае же более чем удвоилось. Если же — или лучше сказать когда — китайцы в массовом порядке сядут на автомобиль, картина может измениться кардинально. Возможно, в этом заключается ещё один урок, который может извлечь из новейшей экономической истории Китая, например, Индия.

Так или иначе, пока Китаю удаётся обеспечивать своё население продовольствием, а быстро развивающуюся индустрию — сырьём. Общеизвестно, какое огромное стимулирующее воздействие на его эконо-

¹ Так — по крайней мере, на словах — выглядят некоторые новые приоритеты китайской внутренней политики.

² Hesse S. China's growth sums just don't add up for the planet // The Japan Times. 24.06.2005.

номическое развитие оказывает экспорт, в том числе в США, Японию, страны Европы. Куда в меньшей степени осознан, однако, факт, что и китайский импорт растёт темпами, вполне сопоставимыми с экспортом, и что иностранные поставщики играют поистине колоссальную роль в снабжении действующего на территории «социалистической» КНР промышленного аппарата, значительная часть которого была сформирована и находится под контролем иностранного капитала. Так что столь продолжительный уже китайский экономический бум был бы просто немислим без внешних факторов — без иностранных инвестиций, приносящих с собой не только деньги, но также оборудование и новые технологии, без экспортных рынков, на которых находит сбыт значительная часть готовой продукции, без зарубежных источников энергетического и промышленного сырья, как и без поставок из других стран в порядке кооперации частей, блоков, комплектующих изделий и т.д.

По официальной статистике, Китай поглощает примерно половину производимого в мире цемента, треть всей выплавленной стали, почти четверть меди и одну пятую часть алюминия. Буквально повсеместно запасы базисных сырьевых товаров, от меди до угля, почти полностью рассосались.

Анализируя экономический курс сегодняшнего Китая, исследователи отмечают его сходство и с Японией примерно 30-летней давности. Как было и в том случае, внешнеторговая политика КНР строится вокруг дешёвой валюты, защищённого внутреннего рынка и государственной экономической модели типа «через экспорт — к процветанию»¹. Как когда-то Япония, Китай отвечает на требования повысить курс своей валюты не только еще большим расширением экспорта, но и повышением инвестиционной активности за рубежом. В 2004 г. его новые вложения за границей почти удвоились по сравнению с предыдущим годом, а в 2005 г. они увеличились еще более чем на четверть и достигли пока рекордного для этой страны уровня в 6,9 млрд долларов. «Готовься, Америка! Грядёт корпоративный Китай», — приводит У. Песек взволнованные слова ответственного сотрудника инвестиционного отдела «Бэнк оф Америка» Дж. Кинлана². Наблюдая за начавшимся бумом в китайском автомобилестроении, обозреватели также проводят международные параллели и прогнози-

¹ См.: *Pesek W.* Chinese about to become target of U.S. fear and loathing // *The Japan Times*. 02.11.2004. Отметим в этой связи, что вступление Китая в ВТО пока не внесло существенных изменений в его довольно-таки протекционистскую таможенную систему.

² Цит. по: *Pesek W.* Chinese about to become target of U.S. fear and loathing...

руют его возможные тяжёлые последствия для США. «...Японцам потребовалось 20 лет, чтобы как следует обосноваться на американском рынке, — отмечал представитель “Крайслера” Д. Элсгоф. — Корейцы справились с этим за 10 лет. Можно ожидать, что китайцы могут решить подобную задачу лет за пять или меньше»¹.

Как ни взглянуть, происходит мощная «глобализация» китайской экономики, и в более конкретном плане — её «сиамизация» с мощным экономическим организмом США, последствия чего пока ещё не видны в полном объёме. В этой связи полезно отметить, что определившаяся в ходе глобального кризиса политика «доместикации» размещённых в Китае иностранных инвестиций, укрепляя позиции местного капитала, никак не носит «антиамериканского» (или чуть шире — «антизападного») характера и почти ничего не меняет в функциональном отношении. В этом заключается ещё один «китайский урок», к которому полезно было бы прислушаться некоторым амбициозным лидерам в Латинской Америке.

Глобализация, региональная интеграция, влияние ограничителей роста

Применительно к отдельным странам глобализация экономики означает их включение в систему мирового хозяйства на долгосрочной основе, сопровождаемое постепенным размыванием границ национальных экономик в результате взаимодействия и растущей взаимозависимости государств. При этом между исходной и уникальной американской моделью глобализации и тем, что можно назвать «глобализацией по-китайски», есть немалые различия.

Первая с самого начала базировалась на стремлении США поставить на службу своей экономике мировые ресурсы и побудить другие страны работать на себя, принимая в оплату товаров и услуг американскую валюту — доллары. Это вполне удалось, в результате чего сложилось положение, когда множество стран прямо или косвенно участвуют в удовлетворении спроса американских потребителей, что позволяет говорить об «асимметричности» глобальной экономики и превращении США в «гигантскую потребительскую машину», в страну «нетто-потребителя»². Если США можно назвать «экономи-

¹ Lee D. China's fledgling automakers get set for global competition // The Japan Times. 05.11.2005.

² Prestovitz C. The world is tilted // Newsweek special issue (Issues 2006). P. 17.

ческой сверхдержавой» и «главным двигателем мировой экономики», то, прежде всего, именно в этом смысле. Зато уж если такой «двигатель» начинает барахлить, последствия оказываются поистине всемирными.

Но даже если забыть о конъюнктурных неурядицах, перспективы для Америки неопределённые и тревожны. Обременённая внутренними и внешними дефицитами, страна зависит от того, будет ли иностранный капитал по-прежнему притекать в количествах, способных уравновесить хотя бы главный из таких дефицитов — хронический пассив текущего платёжного баланса. «Непосильные американские дефициты — бюджетный и платёжного баланса — кажутся посильными только потому, что центральные банки азиатских стран выступают держателями долговых обязательств казначейства США на сумму свыше 1 трлн долларов»¹. Стоит только Японии и/или Китаю начать сбрасывать такие обязательства и переориентироваться на другие объекты долгосрочных финансовых вложений — и даже страшно продумать, что может произойти с американскими финансами.

Что касается китайской модели глобализации экономики, то она в принципе сходна по формам включения в мировое хозяйство с практикой таких традиционно экспортно ориентированных стран, как Германия или Япония. При этом китайская экономическая экспансия имеет под собой, пожалуй, даже более прочную основу (например, её ресурсная база несравненно богаче, чем у обеих этих стран), и вся устремлена в будущее. Высокие темпы роста как экспорта, так и импорта при постоянно активном торговом балансе, интенсивный приток прямых иностранных вложений (при том, что и Китай всерьёз приступил к скупке перспективных компаний и недвижимости за рубежом) говорят о хорошо сбалансированном и более или менее гармоничном включении страны в мировую экономику.

Что, однако, при всех различиях роднит Китай именно с США, так это то колоссальное воздействие, которое его спрос на ресурсы и предложение готовых изделий способны оказывать на деловую конъюнктуру в других странах. Здесь уместно снова вспомнить о прогрессирующей «сиамизации» экономик КНР и США, а также о явном превращении Китая в новый «двигатель» экономического развития — причём и конкретно в отношении Америки, и в самом общем, глобальном, плане. Ведь именно «сиамизация» позволяет американским политикам и бизнесменам спать относительно спокойно, буду-

¹ *Pesek W.* Bush can't see Asian forest for its to biggest trees // *The Japan Times*. 06.02.2006. См. также: China losing confidence in dollar as value falls // *The Japan Times*. 12.01.2006.

чи уверенными, что КНР ни при какой погоде не выбросит на рынок долговые обязательства казначейства США. Хотя пока что дело выглядит так, что никакая «сиамизация» не побудит китайского партнёра уступить американскому давлению и пустить юань в свободное плавание, что оказало бы мощную поддержку американским и иным экспортёрам.

В мире осталось не так уж много стран, лишь слабо затронутых глобализацией и не вовлечённых в процессы региональной экономической интеграции — будь то в форме таможенных и экономических союзов или зон свободной торговли. Разница в международном воздействии этих двух факторов не слишком велика, но всё же существует. Представляется, например, что глобализация в целом оказывает менее непосредственное и менее концентрированное влияние на развитие экономики отдельных стран, чем региональная интеграция, выступающая ныне как высшая форма интернационализации хозяйственной жизни. Одновременно можно заметить, что глобализация, как и её наиболее концентрированная конкретная разновидность — «сиамизация», имеет тенденцию «выбирать» наиболее сильных и перспективных игроков (сегодня это, безусловно, США и Китай). При этом, давая таким «странам-локомотивам» дополнительные преимущества и оказывая через них наиболее сильное влияние на остальной мир, глобализация проявляет тенденцию оставлять незатронутыми «страны-пасынки» (например, в Африке южнее Сахары).

Что касается региональной интеграции, то она, будучи ограниченной территориальными рамками, обычно способна оказывать более равномерное воздействие на участвующие в ней страны. Правда, в кризисной обстановке выясняется, что одни участники интеграционной группировки способны лучше противостоять невзгодам, другие — намного хуже. Так, нынешний глобальный кризис выявил большую разницу потенциалов противодействия ему у «старых» членов ЕС по сравнению с «новыми».

В целом же интернационализация хозяйственной жизни во всех своих формах — и как глобализация экономических процессов, и как «сиамизация» отдельных ведущих игроков, и как экономический регионализм — объективно увеличивает подлежащий разделу общий экономический «пирог». Так что в «нормальных» некризисных условиях речь, как правило, не идет об «игре с нулевой суммой». Международные успехи, например, Китая и Индии не обязательно означают потери для других регионов и государств, в частности — для Евросоюза или США (хотя в отдельных случаях такие потери или их угроза могут возникать, причём даже во вполне благополучных конъюнктурных усло-

виях). Конечно, обстановка глобального кризиса способна вносить в этот механизм нежелательные коррективы.

В заключение уместно упомянуть и о тех пределах (ограничителях) экономического роста как объективных, так и субъективно обусловленных, с которыми сталкиваются в своём развитии все страны, большие и малые, богато наделённые ресурсами и не очень. Речь идёт о таких природных и социальных факторах, как ограниченность имеющихся естественных и людских ресурсов, как существующие экологические условия и тенденции их изменений, как ёмкость реально доступных и потенциальных рынков, как размер собственных и заёмных источников финансирования развития, наконец, как слабость промышленной и социальной инфраструктуры и недостаточность ресурсов НИОКР. Среди подобных факторов, способных выступать стимуляторами или ограничителями дальнейшего экономического роста — в зависимости от ситуации — одни находятся на стороне предложения (разведанные природные ресурсы, уже накопленный экономический потенциал, реальные параметры инфраструктуры, мировые цены на сырьё и энергоносители и т.п.), другие же — на стороне спроса (уровень реальных доходов и показатели обесценивающей их инфляции, склонность населения к сбережению или потреблению, тяжесть налогового пресса и т.д.).

Следует отметить, что в условиях глобализации и уже достигнутой взаимозависимости государств проблема ограниченности природных ресурсов стоит иначе, чем это было до военных и прочих потрясений XX в. Конечно, обладать крупными и доступными запасами нефти или газа по-прежнему большое благо. Однако, пример хотя бы тех же Японии с Германией показывает, что проблема энергоснабжения растущей и модернизирующейся экономики вполне решаема и на основе внешних источников — через международную торговлю, при помощи прямых заграничных капиталовложений или совместных международных проектов, путём развития производственной кооперации и т.д. Тем острее становится соперничество за надёжный доступ к международным источникам нефти и газа и тем сильнее воздействие на процессы развития со стороны такого важного фактора, как мировые цены на энергоносители и другое природное сырьё.

В связи с угрозами международного терроризма и отсутствием политической стабильности в ряде районов мира поиск новых источников энергии приобрёл особую интенсивность. Даже в условиях резкого падения цен на нефть, обусловленного глобальным кризисом, внимание снова начинает привлекать атомная энергетика, растёт ин-

интерес к «нетрадиционным» месторождениям природного топлива, таким как нефтеносные пески Атабаска (Канада) и океанические ресурсы.

С другой стороны, можно напомнить и о том, сколь стимулирующее воздействие на прогресс техники и технологии, на сферу НИОКР, а через неё — на качественные параметры экономики способно оказывать даже кратковременное обострение энергетической или сырьевой ситуации (хорошо известно, например, что энергокризисы 70-х годов дали мощный толчок работам по энергосбережению). Впрочем, подобный же эффект могут порождать и экологические ограничители и угрозы. Ярким примером совместного побудительного воздействия на технику и производство со стороны ресурсных и экологических ограничителей может служить начавшийся бум вокруг «гибридных» и «водородных» моделей автомобилей.

Но особенно существенным может быть влияние рыночных пределов, как в этом ещё до кризисных потрясений не раз имели случай убедиться развивающиеся страны. Недоразвитость внутреннего рынка при недоступности рынков внешних может сделать индустриализацию — и вообще экономическое развитие — попросту невозможными, в то время как благоприятные экспортные перспективы способны существенно подтолкнуть рост экономики. Для многих стран глобализация и означает не что иное, как «рост, стимулируемый экспортом». Например, в Азии политика развития «догоняющего» типа с самого начала была сфокусирована на том, чтобы создать и отладить мощные «машины для форсирования экспорта», отмечалось в специальном выпуске журнала «Ньюсуик»¹.

Как показывает новейший опыт, внешние рынки, как и внешние источники финансирования, способны играть видную, а иногда и преобладающую роль в экономическом развитии отдельных стран. Вспомним хотя бы вклад Японии в индустриализацию Южной Кореи, Европейского союза — в развитие и модернизацию Испании и других его членов, или надежды, которые страны Юго-Восточной Азии связывают с развитием регионального сотрудничества в рамках «АСЕАН плюс Три» и «АСЕАН плюс Шесть». В принципе, независимо от состояния мировой конъюнктуры, в мире сейчас столько свободных денег, что только совсем уж обездоленные природными богатствами и непривлекательные для инвесторов страны (либо государства с совсем уж бездарными и ленивыми политиками) вынуждены полагаться только на внутренние финансовые ресурсы.

¹ Prestovitz C. Op. cit.

В то время как усилия по всеобъемлющей либерализации торговли через ВТО натолкнулись на серьёзные препятствия, во многих регионах мира и в отношениях между странами различных регионов множатся двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле и сотрудничестве. Заметим, что и в деле пополнения оказывающихся недостаточными людских ресурсов международные факторы и процессы — в частности, институт «гастарбайтеров» и другие формы «трудовой миграции», в том числе под воздействием региональной интеграции — зачастую выдвигаются на первый план. Вместе с пожилыми людьми и женщинами иммигранты всё чаще фигурируют как часть «скрытой армии труда», т.е. как дополнительный источник рабочей силы. Не только в Европе, но и в Японии с её быстро «седеющим» населением привлечение рабочих из-за рубежа уже приходится рассматривать как «необходимое зло». Правда, в условиях кризиса наличие в стране большого количества иностранных рабочих-мигрантов зачастую становится фактором, способным заметно затруднить борьбу с безработицей среди местного населения.

Как ни взгляни, мировая экономика — «дама» капризная, которая любит молодых, энергичных и политически грамотных, если воспользоваться словами популярного литературного персонажа. Так что от того, в какой форме находится экономический механизм той или иной страны и какова её система приоритетов, во многом зависит эффект ее участия в международных экономических отношениях, на который она может рассчитывать.

Глава 4. Наука в информационном обществе

Грядущее научное бытие видится противоречивым. Причина этого прежде всего в том, что за последние пятьдесят лет отношение к науке во всемирном масштабе сменилось с восторженного на сдержанное. Повсеместно познание подчиняется требованиям эффективности и незамедлительной востребованности на рынке. В результате дух познания уступает духу предпринимательства. Последнему также свойственны творческие порывы. Но они не тождественны научному творчеству, науке как бескомпромиссному поиску истины. Не склоняет чашу весов в её сторону и оценка современным обществом науки на основе соотнесения затрат и результатов.

Между познанием и предпринимательством

Время научных открытий ныне сменяется временем использования их плодов, временем инноваций, в которых объединяются социально востребованные наука и технология. Иными словами, постиндустриальная эпоха нуждается в такой науке, которая отвечает не столько на вопрос «почему», сколько на многозначительное «как».

Технологические реалии современной науки нашли отражение и в названиях крупнейших исследовательских достижений конца XX в.: информационные технологии, биотехнологии, технологии клонирования. Разумеется, исследовательская активность XXI столетия будет, как и прежде, распределена по всей совокупности направлений. Но приоритетными, видимо, станут те сферы, в которых инновационный цикл окажется наиболее коротким.

Наука эпохи глобализации переходит к воплощению интернационализации посредством реальной мобильности учёных и сетевой виртуализации объектов исследований. Вместе с тем, глобализация с её финансово-экономической и компьютерно-технологической доминантами выступает как нечто внешнее по отношению к научной деятельности, реализуя социокультурное влияние общества на науку. Уже в этом последнем отражается потенциальная противоречивость взаимодействия двух противоположностей: эгалитарности глобализации (по крайней мере, провозглашаемой идеологией данного кросскультурного проекта) и сущностной элитарности науки. Глобализация несет с собой потенциальную опасность растворения науки в других видах деятельности. Дабы предотвратить это, исследовательскому сообществу профессионалов приходится ревностно оберегать себя от «дилетантизма глобализации».

Ярчайшим примером последнего выступает социокультурный диалог чтения и телевидения, в котором безусловная пальма первенства принадлежит ныне последнему. Между тем телевидение «во многих отношениях отбрасывает нас назад, в мир неграмотности. Человеку приходится учиться читать. Это требует труда и времени. Учиться смотреть телевизор не нужно. Разница очень велика»¹.

Телевидение апеллирует к эмоциям, письменная речь — к логике. В ситуации, когда логика в культуре уходит на второй план, не лучшие времена переживает и наука. И если для социума в целом глобализа-

¹ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 218.

ция в ближайшей перспективе становится важнейшей целью, то для науки — это лишь технологическое средство повышения эффективности интеграционных и кооперационных процессов.

Продуктивности научной деятельности явно не пойдет на пользу национальная нивелировка исследовательского процесса — как в общемировом, так и в региональном масштабе. Кроме того, как свидетельствует опыт конца XX в., между существующими ныне центрами мировой науки сложилось своеобразное, весьма важное «разделение труда» по узким специализациям. И весомых оснований для отказа от него пока не обнаружено. Наука в США специализируется главным образом на прикладных промышленных разработках и на распространении новых технологий. Сильной стороной науки в странах Западной Европы остаётся ориентация на фундаментальную науку. Правда, каждый из национальных лидеров мировой науки нацелен на завоевание ведущих позиций по всему спектру НИОКР.

В целом мировая наука становится все более прикладной и, с технологической точки зрения, все заметнее сближается с производственным процессом: «Разделение труда существовало в научном познании всегда. Но если до конца XIX в. этот процесс был растянут в десятилетиях и даже в веках, то с возникновением научных учреждений процесс разделения труда удалось сконцентрировать в пространстве и во времени. Эта концентрация, ничего не изменяя в самом процессе порождения знания, существенно ускоряет циркуляцию идей в научном сообществе. Огромные людские ресурсы, колоссальные материальные затраты, многообразие учреждений, характеризующие “большую науку”, создают впечатление, что производство научных идей поставлено “на поток”, индустриализовано, стало делом коллективного творчества и с технологической точки зрения все более приближается к производству вещей»¹. Однако постиндустриальная научная деятельность «выпадает» из общей тенденции нынешнего развития общественного производства, которая характеризуется стремлением к минимизации ресурсов всех типов — от людских до сырьевых и финансовых. В науке ситуация пока является противоположной.

Промышленное производство породило современную большую науку в её индустриальных формах. Постиндустриальное же общество не только унаследовало последние, но и возвело их в абсолют. Эту тенденцию Пётр Капица зафиксировал ещё в 1938 г., когда написал в своих заметках, что наука превратилась в производительную силу, став более богатой и одновременно порабощенной. На языке же сего-

¹ Чернякова И.С. Истина как смысл человеческой деятельности. СПб., 1993. С. 85, 86.

дняшних реалий вполне правомерно говорить о порабощенности науки инновациями.

Нищей, но свободной осталась наука фундаментальная. Правда, справедливости ради следует отметить, что в промышленно развитых странах постепенно утрачивает значимость тезис о самодостаточности и незначительной востребованности практикой фундаментальных исследований. Тем не менее их удельный вес в общем объеме научной деятельности сокращается. «Все больший упор делается на прикладные дисциплины, и всё чаще свертываются исследования в тех областях, где привычные “показатели продуктивности” не работают»¹. И дело здесь вовсе не в чьей-то злой воле, а в стандартах массовой науки, где организация знаний по промышленному образцу означает наличие полного жизненного цикла в науке, простирающегося от идеи через её разработку до практического внедрения.

Богатство, обретенное прикладной наукой, стало платой за потерю академической свободы и отход от бескорыстного поиска новых знаний. Все быстрее растет количество научных центров, принадлежащих производственным корпорациям. Учёные всего мира работают сегодня над созданием разработок для IBM, Motorola, Siemens и других гигантов. Приоритеты научной деятельности данных структур во многом отличны от их аналогов в университетах. Для большинства патронируемых промышленностью научных центров приоритет конкурентоспособности является ведущим мотивом при выборе предмета исследований. Так, исследовательские центры фармацевтических компаний скорее углубятся в изучение показаний к применению того или иного лекарства, нежели сосредоточатся на исследовании отдаленных побочных действий вновь созданного препарата.

Ещё один сегмент исследовательского процесса в постиндустриальном обществе — гибкие малые венчурные фирмы. Большинство таких фирм исчезает вскоре после появления, но некоторые достигают выдающихся результатов, измеряемых, прежде всего, доходами от их продажи. Доходами измеряются и нынешние стратегии многих банков, активно скупающих патенты — зримое подтверждение коммерческой значимости современной науки.

Наконец, постиндустриальная наука полностью придает забвению доставшееся в наследство от Нового времени стремление учёного к энциклопедизму и универсализму в процессе создания нового знания.

Общество, ведомое к своим высотам интеллектуалами, казалось бы, предлагает последним максимальные возможности для самореа-

¹ Теории информационного общества. М., 2004. С. 346.

лизации. Однако это представляется справедливым лишь на первый взгляд, поскольку информационная эпоха диктует социуму, и учёным в частности, правила игры, принципиально отличные от тех, которые доминировали в предшествующий индустриальный период.

Отчего в постиндустриальную эпоху меняется и становится всё более прагматичной мотивация учёных? «Я хочу понять и узнать» — таков исходный посыл классического исследовательского процесса. Ведь познание в его незамутнённом соображениями выгоды виде это, прежде всего, поход за истиной. Интерес, вызванный проблемой, исходно формирует общую, абстрактную цель выявить истину и понять причину того или иного явления. По мере прогресса науки эти цели конкретизируются, уточняются и, увы, сужаются. Тем самым формируются условия для роста значимости специализаций и сокращения сферы абстрактно-универсального поиска. Соответственно, и цели научной деятельности начинают формулироваться не столько с помощью понятия «хотеть», сколько ориентируясь на глагол «уметь». Но уметь все одинаково хорошо невозможно, а вот овладеть навыком некоего, пусть и исследовательского ремесла вполне реально.

Именно таким образом и построена американская наука. Её потрясающие результаты уже несколько десятилетий достигаются, прежде всего, посредством слаженной работы узкоспециализированных исследователей, объединённых в научные коллективы. Немалую роль при этом играет то, что деятельность современного учёного неотделима от умения эффективно осуществить поиск в компьютерных базах данных, спектр которых столь широк, что возможность более полного знакомства с ними, безусловно, выше у группы, нежели у отдельного исследователя. При таком коллективном поиске и обработке информации, безусловно, повышается скорость работы. Главное здесь — успеть первым. В результате темп научной гонки растет все быстрее. Издержками подобной деятельности — полнотой, а подчас и точностью получаемой информации — приходится пренебречь в угоду потенциальной прибыли.

И хотя идеи по-прежнему являются прерогативой отдельных ученых, их реализация под силу ныне лишь организациям. В результате наука утрачивает индивидуальный характер и становится интерперсональной.

Итак, с одной стороны, от учёного в условиях преимущественно коллективной научной деятельности требуется сосредоточение на определенных функциях, на специализации. С другой — рост неопределённости в системе постиндустриального общества делает ориентацию исследователя на специализацию рискованной. Ведь, как отме-

чают теоретики информационной эпохи, к экономике «третьей волны» наиболее безболезненно адаптируются лишь те, кто готов к быстрому приспособлению к изменениям и способны переносить идеи из одной сферы в другую.

Поэтому есть основания утверждать, что для постиндустриальной науки наиболее важен режим гибкой специализации, который, прежде всего, означает умение исследователей обучаться, а главное — постоянно переобучаться. Для современного учёного высшей квалификации важны и вхождение в проблему (проект), и своевременный выход из неё, и плавный переход к новой проблеме. Последнее в качестве условия эффективности предполагает уже не классическую абстрактно-энциклопедическую, а прагматическую универсальность. Именно навык подобного типа позволяет верно избрать новый проект, компетентно войти в него и, наконец, эффективно его реализовать. Всё это, в свою очередь, возможно лишь в условиях глубокой погруженности в виртуальные исследовательские сети, поскольку предполагает не только широкую ориентацию в огромном информационном поле научных проблем, но и сетевое общение с коллегами, а также внешнюю экспертизу ими результатов, полученных отдельным учёным.

Гибкая специализация неотделима от мобильности исследователей и их жажды перемен в том, что касается содержания деятельности, а также от смены научных коллективов и места работы. Разумеется, такая технология существенно видоизменяет традиционную специфику творческого процесса, сложившуюся в рамках общества индустриального типа.

Коллективность и высокая специализация современной науки связаны и с необходимостью нахождения ответов на поставленные социумом задачи. Это, в свою очередь, оставляет меньше возможностей для фундаментального теоретического знания, прикладная востребованность которого, как правило, не очевидна.

Таким образом, в основе сложившейся ситуации лежит комплекс социальных, а также внутринаучных причин. Сетевое общество информационной эпохи делает главным своим субъектом группу, без которой не может существовать сеть. В свою очередь, исследовательский процесс требует коллективного взаимодействия, поскольку оказывается перед необходимостью решать сложные и крупномасштабные задачи, обращенные к науке обществом.

Большинство этих задач уже сформулировано. К числу основных из них относятся: предотвращение глобальных природных катаклизмов; снятие остроты экологических проблем; решение продовольственных проблем во всемирном масштабе; возможность эффективно-

го лечения многочисленных опасных заболеваний, в том числе повсеместное распространение и всеобщая доступность генной терапии, биопротезирования и широкого спектра биотехнологий; создание условий для экспансии человеческой жизнедеятельности в океанское и подземное пространства; автоматизация и роботизация производства и быта.

Итак, в информационном обществе и в науке, как утверждают её теоретики, подлинную отдачу дает только организация. Однако нынешний социум — это лишь первый этап становления постиндустриального общества. Сохранится ли данная тенденция в перспективе? Утверждать это однозначно было бы неверным. Постиндустриализм порождает новый сетевой индивидуализм. А уж кто, как не учёный, самым характером своей деятельности объективно приспособлен к автономии в условиях «одиночества в сети» и в состоянии максимально эффективно его использовать. Уже сегодня коллективная деятельность экспериментаторов весьма специфична: оборудование часто находится в одной стране, а подготовка и обработка данных осуществляется в другой. Результаты экспериментов вообще сразу же «сбрасываются» в сетевое пространство. Что же касается поисковой деятельности в информационных массивах, то не за горами появление «ноуроботов», с помощью которых человек будет в состоянии успешно аккумулировать знания и перерабатывать их в любом необходимом объёме.

Виртуализация научного поиска

Значительный вклад в усиление прагматического характера науки вносит виртуализация исследовательского поиска. Это новая тенденция, видимо, постепенно будет окончательно встроена в стандартную модель современной науки. Данный свершившийся факт также нет оснований оценивать однозначно.

Виртуальная реальность исходно формировалась как новая ипостась моделирования. Традиционно под моделированием в науке понимают возможность осуществить исследование процессов, характерных для оригинала, в отсутствие его самого. Таким образом, виртуальный образ объекта и есть модель того процесса, который исследует наука. Данная функция виртуализации вполне может быть отнесена к инструментальным составляющим науки и в этом качестве вряд ли привела бы к революционным изменениям в характере исследовательского процесса. Наука с успехом использовала технико-технологические

новшества и в прежние века. В качестве средства научного поиска компьютер не слишком отличается от микроскопа. Принципиальная разница между ними состоит в принципиально новом вкладе компьютерной техники в становление виртуализации как способа и стиля коммуникации в научном сообществе. Таким образом, для нынешней науки коммуникативная функция виртуализации более значима, нежели функция моделирования.

Наиболее яркой иллюстрацией позитивной эволюции научной коммуникации, безусловно, являются использование Интернета для исследовательских контактов, обратная связь с незнакомыми коллегами, узнавшими о ваших результатах, и публикации при посредстве компьютерных сетей.

Однако Всемирная паутина генерирует и иные процессы, ходом которых движет стремление не к истинному, а к выгодному знанию. Происходит отделение научности от истинности. «В деятельности учёных и студентов все больше времени и сил отводится созданию и презентации образа, необходимого для успеха в конкурсах на получение грантов, стипендий для обучения за границей, заказов на консалтинговые услуги»¹. Данные процессы являются всемирными и создают в большей степени имиджевую, а не реальную науку.

Подобная деятельность превращается в бег по кругу и квазиактивность, где условиями получения нового гранта являются значительное число ранее полученных грантов и навык оформления заявок на них. Научные результаты при этом, как правило, никого не интересуют, а вот сугубо ремесленные навыки самопрезентации оказываются весьма кстати. Стипендии для обучения за границей — особенно для молодых учёных — также преимущественно оказываются комплексным результатом хорошего знания языка избранной для поездки страны и оживленной интернет-переписки с её учёными и научными фондами, а отнюдь не поиском истины ради неё самой. Преодолев две этих первых ступени современной научной карьеры и став грантополучателем и стипендиатом, учёный выходит на рынок консалтинговых услуг в образе успешного прагматика.

Известно, что исследовательская продуктивность в значительной степени зависит от верно выбранной учёным (или научным коллективом) собственной «роли» или набора ролей (функций) в познавательном процессе. Так существует специфика труда генераторов идей, собирателей фактов, синтезаторов и т.д. Виртуализация современной

¹ *Иванов Д.В.* Критическая теория и виртуализация общества // Социс. 1999. № 1. С. 38,39.

науки требует и порождает новое научное «амплуа», совмещающее функции менеджера и маркетолога. Назовем это амплуа: прагматик, цель которого «рыночная деятельность, работа для “продажи”, вместе с другими и для других, требующая взаимных денежных оценок и признания их обществом»¹. Так посредством функциональной составляющей научного поиска объединяются виртуализация и прагматизм науки.

Научная деятельность, таким образом, начинает осуществляться в координатах параллельных миров: реального исследовательского процесса и его имитации. Возможно, ничего трагичного в этом нет. Особенно если рассматривать проблему с позиций технологического развития, при котором деятельность стран — имитаторов научно-технологических достижений оказалась весьма эффективной и востребованной во всемирном масштабе. Кроме того, имитаторы в технологиях невозможны без новаторов.

Но в классических координатах научности имитация исследовательского процесса посредством квазиактивности и сугубо коммерческой результативности в конечном счёте в состоянии свести на нет саму сущность деятельности учёного с её системообразующей установкой на новизну. Что же касается упомянутых квазиактивности и псевдорезультативности, то эти термины достаточно точны, поскольку отражают нацеленность постиндустриального научного сообщества не столько на поиск новых результатов, сколько на поддержку спонсоров. Последней жаждут и гении, и посредственности. Обратной стороной данной ситуации как раз и служит устремление потенциальных доноров науки получить быструю прибыль от своих вложений, а значит сэкономить на финансировании преимущественно бесприбыльной фундаментальной науки.

Всё это позволяет считать пророческими слова Митчела Уилсона, который в 1949 г. в романе «Живи с молнией» прозорливо предсказывал закат классической науки. Характеризуя оценку труда учёного социумом, он писал: «Общество нас не преследует, нет, гораздо хуже — оно почти не знает о нашем существовании. Нас не считают за людей. Так что славы настоящей у нас нет и денег тоже, и в том, что может дать нам жизнь, не слишком много счастья, — вот почему я не понимаю, чем может привлекать научная карьера молодого человека в расцвете сил»².

¹ Васьчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 17.

² Уилсон М. Живи с молнией. М., 1965. С. 28–29.

Оправданность его пессимистических рассуждений в том, что касается науки, обусловлена применительно к нынешнему времени тем, что экономика требует ныне вовсе не универсального знания, необходимого для понимания сути, т.е. идеала классической науки. Напротив, информационное общество формирует заказ на знание, применяемое непосредственно на производстве, оказывающее влияние на повседневную жизнь человека. Между тем, такой продукт производят ныне не только учёные, но и финансовые менеджеры, рекламные аналитики, практикующие юристы и иные интеллектуалы. Ценность и престиж «чистой науки» в таких условиях неотвратимо снижается.

Эволюция дисциплинарных приоритетов

Но, вернемся к внутринаучным реалиям. Осмысление тенденций в развитии науки невозможно без анализа эволюции дисциплинарных приоритетов в исследовательском поиске XXI в. В определённой степени они подготовлены всем предыдущим развитием. Далеко позади остался пик гуманитарной и религиозной образованности, свойственной Античности и Средневековью. Новое время принесло с собой триумф техникознания, символом которого стала механика. В XX в. её сменила физика, возможности которой ещё 40 лет назад казались безграничными. Конец XX в. вывел на авансцену нового фаворита: комплекс «наук о жизни» (название, ставшее общепринятым и подразумевающее систему биологических и медицинских знаний). Эвристический потенциал наук о жизни действительно огромен и сулит человечеству немалые перспективы.

Разумеется, не все они будут реализованы, а иерархию тех, которые станут явью, определит общество, а не учёные.

Очевидно, что биология не решит всех текущих, а тем более вечных проблем человечества, так же как не сумели сделать это античная философия, механика Нового и физика Новейшего времени. Однако, по крайней мере, в том, что касается первой половины нынешнего века, приоритет наук о жизни очевиден. Целью постиндустриального общества является совершенствование человека с использованием его биологических резервов, поскольку прежние технические рецепты совершенствования лишь преумножали комфорт, но человеческую жизнь принципиально не изменили.

Сегодня учёные точно знают, как устроен космический корабль, но куда менее точно представляют себе работу человеческого мозга и уж тем более почти бессильны перед его «ремонтом». Двухтысяче-

летняя история западной цивилизации наглядно подтвердила, что техническое развитие не в состоянии осуществить деятельность подобного рода, поскольку оно не внесло ничего нового в физиологические и биохимические законы функционирования человеческого организма. Все это объективно подтверждает прогнозы футурологов, исходящих из того, что «царицей наук» в XXI в. будет уже не физика, а биология.

Эффективность науки о жизни подобно эффективности других базовых направлений исследований будет определять их практическая востребованность. Как известно, для человека нет ничего важнее здоровья. Именно поэтому медицинские инновации, видимо, обеспечат наукам о жизни наивысший рейтинг в наступившем веке.

Рассматривая эту проблему в контексте потенциальной прикладной востребованности, медико-биологическое исследовательское сообщество уже сегодня формулирует предварительный прогноз на ближайшие два десятилетия. Так, по мнению экспертов, на протяжении этого периода вполне возможен ряд революционных достижений в исследованиях генома человека и, следовательно, в генной терапии¹.

Для человечества это будет означать внедрение геннозамещающих технологий, возможность генетической корректировки психических характеристик индивида и даже применение «генетической косметики» с целью выбора цвета глаз, волос и, возможно, роста. Углубление в тайны мозга, безусловно, внесет вклад в улучшение способностей человека и позволит лучше понять загадки его духовного мира. В свою очередь, освоение технологий клонирования органов и выращивания тканей человеческого организма с использованием для этого биологического материала пациента позволит снять проблему отторжения органов и дефицита доноров. Уже сегодня стволовые клетки используются (правда, пока лишь экспериментально) в качестве удобного транспорта для вводимого в геном генетического материала. С помощью этой методики генетическая медицина будущего сумеет, как предполагается, определять функции любого гена, отключать «вредные» и активизировать «полезные» гены, выращивать нужную ткань взамен поврежденной, а, следовательно, ликвидировать пока ещё неизлечимые болезни². Произойдут и иные революционные перемены в процессе врачевания. В этой связи можно упомянуть, например, перспективу передачи ряда функций клинического наблюдения за состоянием организма в руки самих пациентов.

¹ См.: Наука и общество на рубеже веков. М., 2000. С. 64, 65.

² См.: В мире науки. Октябрь-ноябрь 2007 г.

Став предельно субъективизированными, науки о жизни будут в то же время предельно насыщены информационными технологиями. Важнейшие медико-биологические достижения будут опираться на перспективную компьютерную технику, которая позволит моделировать и демонстрировать в трехмерных координатах природные процессы любой сложности.

Что касается собственно биологической составляющей, то от цикла наук о жизни ожидают, прежде всего, качественного совершенствования биотехнологий. Эксперты полагают, что в ближайшие два десятилетия с их помощью будет решена продовольственная проблема и модифицирована система питания людей. Биотехнологии станут доминировать не только в сельском хозяйстве, но и в производстве лекарственных препаратов. Принципиально новым может стать повсеместное использование органических форм жизни для различных видов трудовой активности, простирающейся от экологически чистых производств до сферы проведения досуга.

Правда, уже сейчас, когда большинство из перечисленных выше достижений ещё не стали реальностью, высказывается немало опасений относительно возможного перехода биологических исследований в неуправляемую фазу. Такие опасения неправильно отметить как бесосновательные. Люди обычно ждут чудес, игнорируя возможные угрозы.

Известно, что общество располагает той суммой знаний и той системой образования, которые созданы предшествующей эпохой. В той эпохе физики спорили с лириками, однако ни одна из сторон не проявляла интереса к аргументам биологов и медиков. И хотя со времён тогдашнего спора прошло полвека, к биологическому восприятию мира не приблизилось массовое сознание населения даже развитых стран. Бэконовский девиз «знание — сила» по-прежнему в большей степени относится к точным и техническим наукам, навыки из сферы которых формируются и укореняются в сознании легче, нежели взгляды на мир сквозь призму наук о жизни. Последним ещё предстоит пройти долгий и тернистый путь, прежде чем они завоеуют доверие масс.

Трудно, однако, представить себе, что науки о жизни когда-либо полностью заменят собой науки об искусственном, т.е. комплекс технических знаний. Ведь даже в случае некоего, пока лишь прогнозируемого, триумфа биологического знания исследовательское поле для техникосознания по-прежнему останется широким.

Как лидеры, так и аутсайдеры исследовательского поиска объективно вынуждены выстраивать стратегию научных изысканий на стыке предметного рассмотрения объекта и информационных техноло-

гий. Комплекс наук о жизни тоже не может функционировать вне информационно-технологического пространства. Таким образом, *синтез наук в XXI в. — это во многом синтез естественного и искусственного, органического и неорганического, природного и социального начал бытия.*

Таковы контуры века биологии, как они представляются в начале наступившего столетия. Массовому сознанию предстоит долгая и болезненная перенастройка на биологическое доминирование в мире XXI в. Несомненно, что этот процесс будет тяжелее, чем практически уже происшедшая адаптация к технологиям информационным. Последние предстают как результат объединения: вычислительных машин и процессов передачи цифровой информации по телекоммуникационным сетям. Данная научно-технологическая сфера является в своей основе искусственно-технической, но в ходе своего развития приобрела новое качество, поскольку рост кодифицированных научных результатов знаменует собой переход от знания преимущественно технического к обработке различных типов информации. Кроме того, информационные технологии являются самой «размытой» и одновременно самой интегративной сферой научного поиска.

По самой своей сути информационные технологии более других исходно призваны играть роль средств оптимизации того или иного вида деятельности. Инструментальную сущность информационных технологий хорошо иллюстрируют слова одного из руководителей корпорации «Intel» — крупнейшего в мире производителя микропроцессоров: «Дело в том, что микропроцессор сам по себе не нужен ни вам, ни нам — никому. Микропроцессоры — лишь инструмент для достижения определённых целей»¹.

К уже осуществлённым и воплощённым в информационном пространстве социальным целям относятся:

- постоянный рост быстродействия компьютеров и их повсеместное использование;
- формирование сетевых информационных технологий, действующих в режиме реального времени, всемирной финансовой индустрии и электронной торговли, а также дистанционного образования;
- революционные изменения во всех типах коммуникаций — от интернет-конференций до виртуальных научных парков;
- автоматизация и компьютерный контроль различных производственных циклов;

¹ НГ-Наука. Декабрь 2000 г. № 11.

- оптимизация научного поиска;
- качественные изменения в способах и стилях организации частной жизни.

Дальнейшая эволюция информационных технологий, видимо, в ближайшей перспективе будет происходить в направлении все большей адаптации компьютерных комплексов к человеческим «слабостям»: техника должна будет «научиться» распознавать звуки речи и жесты.

Относительно перспектив информационных технологий делаются неоднозначные прогнозы. Самые революционные из них стыкуются с проблемой искусственного интеллекта. Как только появится первая машина с интеллектом, близким по мощности к человеческому, у нас, как считают специалисты, уже не будет возможности её выключить. В этом случае интеллектуальному господству человечества придёт конец. Думается все-таки, что последнее предположение — из области фантастики. Реальностью же является то, что информационная интенсификация вышла на первый план по сравнению с масштабами и темпами использования сырья (в том числе в энергетических целях). На этом фоне наукам о жизни ещё предстоит доказать приоритет, решив в обозримой перспективе те задачи, которые ставит перед ними человечество.

Человеческое сообщество третьего тысячелетия, судя по всему, не намерено отказываться от уже достигнутого уровня комфорта, обретенного в результате взаимодействия с технико-технологической средой, а, напротив, стремится углубить его. Ведь технологии постиндустриальной экономики — это, прежде всего, результат реагирования на социальный заказ общества. Так, в частности, даже констатируя появление таких новых реалий, как, например, сетевое пространство Интернета или виртуализация, невозможно отрицать их энергетическую обусловленность. В этом случае вполне резонно заметить, что если функционирование энергетики в крайнем случае возможно и без информатики, то информатика без энергетики просто мертва.

Разумеется, современность вносит свои коррективы и в энергетическую стратегию. «В будущем наша энергетическая инфраструктура, скорее всего, сосредоточится вокруг использования двух неуглеродных источников: атомной энергии и энергии солнца. Атомная энергетическая промышленность будет развиваться по образцу французской: использование унифицированных конструкций, экономический масштабный эффект, взаимозаменяемость деталей, узлов и персонала. Солнечная энергетика пойдет двумя путями. Один из них — прямое преобразование света в электричество с помощью солнечных батарей,

второй — использование тепловой составляющей солнечного излучения для нагрева воды.

Ещё одним важным источником энергии станет ветер. За последние пять лет в этой области достигнуты значительные успехи»¹. Для иллюстрации достаточно упомянуть современные немецкие «сюрреалистические» природные ландшафты, богато украшенные лопастями «ветряков». Специалисты-энергетики относятся к возможностям ветряной энергетики по-прежнему в основном скептически: её потенциал действительно не столь уж велик. Тем не менее Западная Европа уже сегодня выступает одной из испытательных экспериментальных площадок по производству альтернативных источников энергии.

Что же касается энергетики классической, индустриальной и основанной на углеродных источниках, то даже если в результате новых исследований и выяснится меньшая, чем принято считать сегодня, потенциальная опасность горючих полезных ископаемых, используемых для производства электрической энергии, то все равно вряд ли будущее этой отрасли будет определяться данными энергоносителями. Ведь кроме столь остро обсуждаемого ныне феномена «парникового эффекта», продукты сгорания угля, нефти и газа небезопасны и для здоровья человека. Это обстоятельство ещё не скоро удастся минимизировать.

Следовательно, как утверждают учёные-энергетики, будущее этой отрасли за энергетикой атомной. Среди её неоспоримых преимуществ ныне уже доказаны два: крупномасштабное генерирование электроэнергии и практически полное отсутствие вредных выбросов в атмосферу при нормальном производственном цикле. Таким образом, если в ближайшие десятилетия будут созданы технологии, полностью гарантирующие безопасное функционирование АЭС, а так же безусловно эффективное захоронение отходов атомного производства, триумф атомной энергетики будет бесспорным.

В любом случае энергетические технологии и в XXI в. останутся среди доминирующих. Самим фактом своей востребованности они подтверждают невозможность функционирования постиндустриального мира вне индустриального фундамента, причем не только ввиду синтеза естественного и искусственного, но и вследствие преемственности исторического развития. Ведь точно так же, как индустриальная эпоха была бы невозможна вне фундамента традиционного общества, так и постиндустриализм строит свое процветание на гребне промышленной основы «второй волны».

¹ Наука и общество на рубеже веков. С. 56.

Ещё одним показателем значимости техникознания для постиндустриального миропорядка XXI столетия является материаловедение. Цели, которые преследует комплекс наук о материалах, сводятся к двум основным:

- создание принципиально новых материалов с исходно заданными свойствами;
- изготовление материалов, которые затем могут быть неоднократно использованы в качестве сырья и представляющих собой элементы цикла безотходного производства.

Данные цели научно-техническое сообщество в промышленно развитых странах стремится реализовывать не только на традиционном макроуровне, но и на микроуровне. Ныне уже вполне очевидны два направления этих усилий. Первое базируется на парадигме технического и искусственного — таков вектор микроминиатюризации (в том числе нанотехнологий) и модульности. Второе стремится воспроизвести в искусственных условиях природу, разрабатывая материалы, имитирующие естественные.

Коротко остановимся и на содержании термина «нанотехнологии». Нанотехнология («нано» — в переводе с греческого «карлик») оперирует масштабами измерения, равными одной миллиардной доли метра. Данный вид технологий нацелен на создание микроскопических машин размером с молекулу с целью конструирования из отдельных атомов структур практически любой сложности с заданными свойствами. Нанотехнологии базируются, прежде всего, на достижениях генетики, оперирующей микроскопическими масштабами, однако имеют целью искусственно-технологические манипуляции в микромире.

Таков спектр дисциплинарных приоритетов в исследованиях, иницируемых наступившим веком. Одновременно каждый из них представляет собой ещё и фундамент для изысканий на стыке наук. Сам принцип формирования новых предметных областей междисциплинарных исследований уже вполне определился: чем более отдалены (вплоть до уровня кажущейся полной «несовместимости») друг от друга предметные области науки, тем значительнее может быть потенциальный эффект от разработок, проводимых на их стыках. Количество последних давно уже не сводится к двум и в принципе неограниченно. Исследования междисциплинарного характера требуют от учёного достаточно специфической подготовки, значимость которой в ближайшей перспективе, видимо, будет расти.

Основными проблемами научного сообщества в нынешних условиях, безусловно, являются элементы триады: оптимальное перераспределение ограниченных ресурсов, объективная оценка полученных результатов и организация процесса передачи научных знаний в промышленность. Они — наследие ушедшего века, в котором не были решены полностью. И от того, насколько сумеет решить их нынешняя эпоха, зависит будущее науки. Причем наука будущего, скорее всего, окажется будничной. «Будничность» в данном случае выступает как синоним «повседневности». По-видимому, именно повседневной, необходимой, привычной, но отнюдь не ярко неожиданной станет наука для человечества XXI в.

Эпоха триумфа науки вряд ли повторится. Но в этом нет ничего трагичного. Не повторялись же в истории культуры античный триумф прекрасного и религиозно-философские искания Средневековья. Сегодня к этому готовы и общество, и учёные. Каждая из этих социальных групп принципиально изменилась по сравнению с индустриальной эпохой. Но информационное общество в состоянии найти общий язык только с современной ему наукой, и очевидно, что именно этот диалог как раз и предопределяет, будут ли решены ею задачи, поставленные «экономикой знаний».

Глава 5. Теория и практика федерализма: международный опыт

Эффективное функционирование входящих в систему евроатлантической цивилизации государств, а в эпоху глобализации — также и их многостороннего общения — во многом обусловлено наличием общей для многих политической самоорганизации общества — *федерализма*¹. В основу созданной на его базе формы государственности заложена необходимость формирования геополитического пространства государства как объединения на договорной основе территорий членов (субъектов) федерации. Они, в свою очередь, наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая наличие собственной конституции.

¹ Термин происходит от латинских слов «*feodus*», «*foederatio*» — соглашение, союз, объединение.

Особенность федеративного устройства в отличие от *унитаризма*, с одной стороны, и *конфедерации* — с другой, состоит в том, что наряду со сложившейся в евроатлантическом мире практикой горизонтального разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная ветви) оно предусматривает также вертикальное разделение властных полномочий между различными уровнями — федеральный центр, субъекты федерации, местные органы власти. Полномочия и компетенции федеративного центра и субъектов федерации определяются союзной конституцией, которая предусматривает наличие единого (федеративного) гражданства и/или гражданства федеративных единиц. Наконец, в современных условиях во многих странах, включая также государства западной цивилизации, заявляет о себе проблема соотнесения принципов федерации с необходимостью решения национальных проблем, что становится особенно актуальным в связи с усилившимися тенденциями роста национально-го самосознания, а также колоссально возросшими миграционными потоками.

В российской и зарубежной политологической и правовой литературе существует множество определений и трактовок понятия «федерализм»¹. Обобщая их, известный теоретик Д.Дж. Элейзер указывал на наличие целого ряда подвидов федерализма².

Прежде всего это собственно *федерация*, предполагающая наличие наделённого властными полномочиями центрального правительства. При этом составляющие федерацию субъекты получают право на самоуправление и на соучастие в общем конституционном управлении. Для роспуска федерации необходимо согласие всех или большинства входящих в её состав субъектов.

Важной ступенью в развитии современных форм федерализма стала *конфедерация*, при которой её участники сохраняют суверенитет, законодательные полномочия и располагают правом свободного выхода. По мнению Д.Дж. Элейзера, наиболее характерный пример конфедерации в современных условиях — Европейский союз.

Менее известно такое понятие, как *федератизм* (*federacy*), предполагающий установление асимметричного типа взаимоотношений между субъектом и более крупной федеративной державой при наличии широкой автономии субъекта. Иногда этот тип взаимоотношений определяется как *содружество* (*commonwealth*), его примеры —

¹ См.: Фарушкин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Изд.-во Казанского университета, 1998. С. 14–20.

² Элейзер. Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. №5.

отношения США с Пуэрто-Рико или Гуамом. Одна из форм федератизма — *ассоциированная государственность* (associated statehood).

Существуют также *унии* (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии), *лиги* (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), *кондоминиумы* (Андорра под совместным протекторатом Франции и Испании).

Что касается собственно федерации, то учёные-правоведы выделяют три её наиболее известные категории, отражающие различные формы взаимоотношений между центром и субъектами, преимущественно в сфере экономики — договорную, централистскую и кооперативную федерации, позволяющие проследить тенденции исторического развития социально-экономических основ федеративной государственности¹.

Договорная форма основана на передаче объединяющимися субъектами (государствами) части своих прав новообразованному центру, и федеральное правительство не может приобрести дополнительных прав, прежде всего, в сфере экономики, без предварительного согласия субъектов, поскольку оно сформировано ими.

Централистская форма основывается на том, что социально-экономическая (соответственно, и политическая) жизнь в отдельных частях государства должна регулироваться решениями общегосударственных органов. Идеологическим обоснованием этого служит тезис, что только народ страны образует единственно законный источник суверенной власти, и потому решения центрального правительства являются приоритетными и обязательными.

Кооперативная форма получает в Европе всё большее распространение, будучи основана на социальном и экономическом сотрудничестве между федеральным центром и субъектами федерации, подверженном в то же время коррективам в соответствии с возникающими новыми условиями. При этой форме широкое распространение получают целевые программы развития, в ходе реализации которых повышается роль субъектов федерации, развиваются конкурентные отношения между ними.

В процессе исторического развития конкретные формы федеративного устройства подверглись изменениям в вопросах взаимоотношений между федеральным центром и субъектами федерации, преимущественно в сторону их ужесточения. Нельзя, однако, не признать, что заложенные в основу федерализма общетеоретические

¹ Обобщённые характеристики этих форм см.: Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 245.

постулаты и сложившиеся на практике «правила игры» сохраняются по сей день. На современном этапе вырисовываются также и перспективы утверждения *Европейского федерализма* — особой, находящейся в становлении формы экономического и политического союза государств Западной и Центральной Европы.

Сегодня из общего числа политически суверенных государств мира лишь 24 отвечают критериям федерализма, но в них проживает более 2 млрд человек, или около 40% населения планеты¹. Федерализм сохранился в большинстве развитых европейских стран, несмотря на то, что в годы Второй мировой войны их территории подвергались изменениям. После войны преимущества федерализма по сравнению с унитаризмом были признаны целым рядом ранее унитарных и в то же время многонациональных и многоконфессиональных государств. Постепенно эти страны приходили к соответствующим конституционным решениям, исходя из того, что лучшим способом совместного проживания являются децентрализация власти, передача властных полномочий на более низкие этажи политико-управленческой системы и превращение находившихся под угрозой раскола государств в федерации. Такого рода решения были приняты в конце 1948 г. Индией, в 1969 г. Бельгией, в 1975 г. Испанией. Устойчивая тенденция к возрождению федерализма отмечается сегодня и в других странах, ориентирующихся на экономически наиболее развитые государства — США, ФРГ, Канаду, где, несмотря на все проблемы, продемонстрированы преимущества федеративного устройства. Показателен также возросший интерес исследователей к изучению причин, породивших распад федераций на территориях бывших СССР, СФРЮ, ЧССР.

В зарубежной и отечественной литературе последних лет постоянно подчёркивается взаимная зависимость развития федерализма и демократии. Именно процессы либерализации и демократизации общественно-политических систем на протяжении всего Нового времени и особенно в XX в. способствовали как появлению теорий и концепций федерализма, так и становлению федеративных государств². Примечательно в этой связи наблюдение автора изданной в США книги И. Дукачека: федерализм — это «территориальное выражение внутреннего кредо демократии»³. А Д.Дж. Элейзер полагает, что, бу-

¹ Watts R. Federalism in an era of globalization // International Social Science Journal. March 2001. № 167. P. 9.

² Мелкумов А.А. Федерализм и демократия // Федерализм. Энциклопедия. М., 2000. С. 561.

³ Duchacek I. Comparative Federalism: the Territorial Dimension of Politics. Lanam, 1987.

лучи средством укрепления демократического республиканизма посредством последовательного проведения в жизнь принципа разделения властей, как по горизонтали, так и по вертикали, федерализм был поэтому неприемлем для тоталитарных режимов.

Идеологические и теоретические истоки

Элементы федерализма (конфедерализма) существовали ещё в античности (Древняя Греция, античный Рим) и в период Средневековья, но в их современном понимании идеи федерализма возникли в западно-европейской общественно-политической мысли в эпоху раннего Нового времени. Одним из первых, кто обратился к этой проблеме, был Иоханнес Альтзузиус (1562–1638), разработавший «федеральную теорию народного суверенитета», согласно которой государство характеризовалось как союз общностей, возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особыми соглашениями¹.

Разработку идей федерализма продолжил один из лидеров квакерского движения в Северной Америке Уильям Пенн (1644–1718), опубликовавший книгу «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе» и изложивший в ней план создания на договорной основе «всеобщего союза (федерации) государств», не только западноевропейских, но также России и Турции под управлением Верховного совета, Парламента или Палаты государств Европы². Эти же идеи развивал Жан-Жак Руссо (1712–1778), подчеркнув те моменты, которые казались ему особенно важными, в частности, мысль о том, что государственное устройство и характер внутренней политики страны являются существенным условием для обеспечения внешнего мира: «Создайте европейскую республику на один день — этого будет достаточно, чтобы она существовала бесконечно, так как каждый из людей обнаружит на собственном опыте множество выгод для самого себя в общем благе», — утверждал он в опубликованной в 1761 г. статье «Суждение о вечном мире»³.

К осмыслению идеи европейского федерализма обращались многие, но первым, кто выявил объективную закономерность, которая принудила людей к созданию государства и должна неизбежно способствовать созданию союза народов, несомненно, был Иммануил

¹ Гаджиев К.С. Федерация // Федерализм. С. 550.

² Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 22, 88.

³ Там же. С. 139.

Кант (1724—1804). Отвергая деспотический образ правления, Кант впервые установил связь между республиканизмом как формой правления, основанной на конституции («на акте общей воли, благодаря которому масса становится народом»), и принципом отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной. Им же было сформулировано положение, по сей день сохраняющее принципиальную важность: о федерации, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путём к всеобщему миру. «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств»¹, — утверждал И. Кант.

Таким образом, европейская общественная мысль уже к началу XIX в. выдвинула принципиально важные положения, которые могли быть положены в основу практической политики федерализма. Но опыт федерализма в Европе пока ещё был недостаточным. Одной из первых европейских федераций был созданный в 1291 г. конфедеративный союз трёх кантонов — Швиц, Ури, Унтервальден. Вся дальнейшая история свидетельствовала о тенденции к трансформации швейцарской конфедерации в федерацию, что фактически и произошло уже в XIX в. Швейцарская Конфедерация (таково официальное название государства) остаётся одним из самых прочных государственных образований в Европе. Её основным закон — окончательно утверждённая в 1874 г. конституция — действует по сей день. Большую роль в жизни страны играют также проводимые ежегодно референдумы, принимающие и утверждающие новые законы.

Федерацией семи соединённых провинций была основанная в 1579 г. и недолго просуществовавшая Нидерландская республика, оставившая имя современному государству Нидерландам.

Принципиальным шагом в развитии и утверждении федеративных начал стало образование *Соединённых Штатов Америки*.

Во времена обсуждения американской конституции 1787 г. принадлежавшие к плеяде «отцов-основателей» американской нации А. Гамильтон, Д. Мэдисон и Д. Джей опубликовали под общим названием «Записки федералиста» серию статей, пропагандировавших единство США на федеративной основе, и в результате, получив поддержку Т. Джефферсона, эти идеи сумели завоевать общественное мнение. Согласно конституции в США была установлена федеративная форма государственного устройства, предусматривавшая жёсткое разграничение полномочий и компетенций между центром и штатами. К исключительному ведению центра были отнесены: регулирова-

¹ Тракаты о вечном мире. С. 158—159.

ние внутренней и внешней торговли, установление налогов и сборов, чеканка монеты и определение её стоимости, учреждение федеральных органов власти, набор и содержание армии, осуществление внешних сношений, регламентация авторского права и вопросов натурализации, управление территориальными владениями США¹.

За штатами сохранялась «остаточная» компетенция: т.е. вопросы, которые не были отнесены основным законом или принятыми поправками к ведению федерации. Но в последней трети XX в. роль штатов и местных органов власти на практике стала возрастать, и в этой связи многие исследователи и наблюдатели отмечали наступление эры «нового федеративного порядка». Так, ряд штатов пошёл на дополнение перечня основных прав и свобод человека, не перечисленных в федеральной конституции (в сфере защиты окружающей среды, образования, прав на медицинские услуги и совершение актов гражданского состояния, не говоря уже о различиях в налоговом законодательстве)².

В современном евроатлантическом мире федеративная система США представляется наиболее сложившейся. По оценке специалистов, федерализм окончательно утвердился как одна из фундаментальных основ построения и развития американской государственности и политической организации общества, став частью американского образа жизни³. И всё то главное, что присуще федерализму в его американском измерении, связано с фактом его превращения из чисто правового феномена (формы государственного устройства) в эффективное средство решения многочисленных проблем, в неотъемлемый образ жизни и систему ценностей всего американского общества.

Некоторые американские штаты по численности населения, размерам территории и возлагаемым на их руководителей полномочиям сопоставимы с независимыми государствами современного мира (в качестве примера можно привести Калифорнию с населением 34 млн человек и правительственным бюджетом почти 100 млрд долларов). По показателю объёма ВВП 10 штатов США не уступают 25-ти ведущим странам мира, а с 75-ю странами сопоставимы все 50 штатов США, и это не может не сказаться на характере отношений властей различного уровня — от федерального до муниципального.

¹ Конституция Соединённых Штатов Америки. М., 1993. С. 16.

² Howard D. Protecting Human Rights in a Federal System // Comparative Constitutional Federalism: Europa and America. Wash., 1990.

³ Шило В.Е. Федерализм как часть американского образа жизни: общая теория и практика развития: Доклад на конференции 30—31 января 2002 г. в Казанском институте федерализма // www.kazanfed.ru/actions/konfer1/doklad5.

По свидетельству американских специалистов, вопросы федеративного развития и межправительственных отношений сегодня «занимают крайне важное место», хотя пока ещё не смогли «трансформироваться в риторику предвыборных президентских кампаний или оказаться в фокусе общественного мнения»¹.

Глобализация способствовала появлению новой составляющей американского федерализма, имеющей стратегический и геополитический характер. Конкуренция таких мощных экономических соперников, как Европейский союз, Япония, страны АТР, на практике привела к возрождению, хотя и в новых формах, доктрины Монро, созданию под эгидой США зоны свободной торговли первоначально с Канадой, а затем по оси Канада—США—Мексика. В дальнейшем это не исключает нового типа конфедеративных союзов в западном полушарии и уже сегодня привело к значительно более широкому участию субъектов американской федерации в международных связях и контактах. Если в 1970 г. только четыре штата США имели свои агентства за рубежом, то в настоящее время уже 42 штата и Пуэрто-Рико располагают сетью в 180 международных агентств и миссий в 30-ти странах мира².

По оценке специалистов, американский федерализм наряду с системой «сдержек и противовесов» сегодня приобрёл роль достаточно эффективного балансира в перераспределении властных полномочий между центром, штатами и местным самоуправлением. Его способность к «самонастройке» не позволяет противоречиям между различными уровнями власти выливаться в конфликты, предлагая их политико-правовое разрешение на более ранних стадиях, что также характеризует качественно новый, «зрелый» уровень в развитии федеративных отношений.

Значительный интерес представляют процессы утверждения федерализма в *Германии*, где его истоки уходят в далёкое прошлое.

Священная Римская империя германской нации существовала в Средние века как союз феодалов, не сделавших ни шага к формированию единого государства и в этом смысле затормозивших формирование немецкой нации. Германский (Северогерманский) союз (1815–1866) был всего лишь конфедерацией без центральной исполнительной власти. Реализацию национальной идеи затруднял и постоянный антагонизм между Австрией и Пруссией³.

¹ The Journal of Federalism. Vol. 27. № 2.

² Подробнее об этом см.: *Шило В.Е.* Современный федерализм в контексте международных отношений // США-ЭПИ. 1998. № 4.

³ *Релинг Й.* Федерализм и демократия. Конституционный порядок в ФРГ // Практика федерализма. М., 1999. С. 172.

Тем не менее специалисты усматривают федеративный элемент в государственном устройстве Германии уже с начала XIX в., когда формирование необходимых для дальнейшего социально-экономического развития структур федеративного типа затруднялось противоречивыми устремлениями разобщённых княжеств: объединению (созданию союзного государства — *Bundesstaat*) препятствовало сохранение локальной самобытности баварцев, баденцев и т.д., их менталитету больше соответствовал Союз государств (*Staatenbund*)¹.

Созданная в 1871 г. Германская империя сочетала в себе различные традиции и принципы при доминировании прусской государственности (доля прусского населения превышала 60%, а прусский король стал императором Германии). К началу XX в. в империи сложилась устойчивая тенденция к унитаризму, при которой понизилось влияние бундесрата (федерального совета) и повысилась роль рейхстага (парламента) как выразителя общих интересов империи².

В дальнейшем германский федерализм испытал на себе последствия поражений в двух мировых войнах, господства тоталитаризма, оккупации и расчленения Германии после Второй мировой войны.

Конституция Веймарской республики вобрала в себя различного рода настроения, однако централистские тенденции в ней возобладали, в результате чего был утверждён приоритет общегосударственного права над законодательством земель. Президент получал возможность использовать против вышедшей из повиновения земли вооружённую силу. Были расширены и другие его полномочия, что сыграло, как известно, трагическую роль в начале 1930-х годов³.

Государство национал-социалистов положило конец не только парламентаризму и демократии, но и федерализму как принципу государственного устройства.

Вполне осознанное и поддержанное европейскими структурами стремление к преодолению абсолютной централизации времён нацизма во многом определило последующие шаги государственного строительства в ФРГ в направлении создания федерального (союзного) демократического устройства. При этом федерализм со свойственной ему системой сдержек и противовесов был противопоставлен унитаризму, который ассоциировался с политикой гитлеровского «Третьего рейха».

¹ Бусыгина И. М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал формирования // Полис. 2000. № 5. С. 110.

² Релинг Й. Указ. соч. С. 173.

³ Бусыгина И. М. Указ. соч. С. 111.

В ходе федеративного строительства в Западной Германии была проведена перекройка земель (при сохранении их исторической специфики и названий), что частично объяснялось необходимостью преодоления диспропорций в их экономическом развитии, частично же — необходимостью избавления от «антипруссского комплекса». В отличие от этого в государственном строительстве ГДР преобладали централистские начала, стремление к нивелированию регионального разнообразия. В результате накануне объединения (в 1990 г.) в западной части Германии было 11 земель, включая Западный Берлин, а в ГДР — 5 земель, которые в 1952 г. были расчленены на административные единицы и восстановлены лишь в 1990 г. Тогда же Западный Берлин был объединён с Восточным в качестве новой федеральной земли. Но и сегодня всё ещё остаются различия в демографическом¹ и экономическом² потенциале земель ФРГ, что проявляется в не преодоленном разрыве между западными и восточными землями.

Тем не менее сегодня уже можно говорить о государственном устройстве ФРГ как о «работающем федерализме», относя его к категории *кооперативного федерализма*. Это подразумевает существенную роль переговоров с целью согласования интересов и позиций федерального центра и земель. Поэтому современный германский федерализм иногда называют «переговорной демократией»³. В то же время для него характерны чёткое разграничение компетенций и полномочий, а также равноправие земель в отношениях с федеральным центром.

Согласно конституции в ведении федерального центра находятся внешние сношения, оборона и безопасность, финансовое и валютное регулирование, федеральный транспорт, федеральная государственная служба. К сфере «конкурирующей компетенции» относятся гражданское, уголовное и процессуальное право, законодательство по использованию ядерной энергии, земельное и жилищное законодательство. Всё, что не относится к исключительной компетенции федерации и «конкурирующей компетенции», входит в законодательную компетенцию земель (внутреннее административное устройство земель,

¹ «Большая четвёрка» — Северный Рейн-Вестфалия (17,9 млн жителей), Бавария (11,6 млн), Баден-Вюртемберг (9,2 млн) и Нижняя Саксония (7,2 млн) — составляет более половины населения ФРГ, тогда как четыре малонаселённые — Мекленбург-Верхняя Померания, Гамбург, Саар и Бремен — в совокупности менее 7% жителей ФРГ. См.: Релинг Й. Указ. соч. С. 175.

² См.: Германия. Вызовы XXI века. М.: Весь Мир, 2009. С. 82–83.

³ Luthardt W. Abschied vom Deutschen Konsensmodell? Zur Reform des Foederalismus // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1999. Bd. 13. S. 20.

культура, средства массовой информации, школа, законодательство о местном самоуправлении).

Федерализм в Германии работает успешно, несмотря на все невзгоды, которые пришлось пережить немецкой нации за последние два века. За это время Федеративная Республика Германия стала классической симметричной федерацией, весь ход развития которой подтверждает мысль о том, насколько большое, если не решающее значение имеет «почва», на которую «высаживается» федерализм. Прижиться и заработать федеративным институтам позволили давние региональные традиции в сочетании с проявленной на всех уровнях общества последовательностью в восстановлении демократических свобод после падения нацизма.

В XX в. федеративные черты в различной степени проявлялись в ходе «автономизации» многих, в прошлом унитарных европейских государств. В 1958 г. новой Конституцией (Пятая Республика) было оформлено *Французское сообщество*, федерация Франции, её заморских территорий и бывших французских колоний, изъявивших желание остаться в Сообществе после получения независимости (в 1962 г. на основе подписанных после многолетней войны Эвианских соглашений получил независимость Алжир).

В конце 60-х годов во Франции предпринимались попытки реформирования административно-территориального устройства. Планировалось укрупнение административных единиц — 96-ти департаментов, повышение уровня их автономии и реального статуса, что сократило бы возможности их управления из центра. Но поскольку позиции сторонников сильного центра во Франции традиционно сильны, эти планы вызывали постоянное противодействие, особенно среди правых. Против них высказались и левые, усмотревшие в их продвижении влияние антидемократизма.

Тем не менее Франции пришлось расширить автономные права наиболее проблемных регионов, к числу которых относится Корсика, самая отсталая в экономическом отношении часть Франции и в то же время по уровню жизни превосходящая большинство французских департаментов. Несмотря на достаточно крупные «вливания» (по некоторым данным, в середине 1990-х гг. остров ежегодно получал 11 млрд франков только в виде правительственных субсидий, не говоря о финансовой поддержке со стороны Евросоюза), вооружённое противостояние сепаратистов, объединённых вокруг Национального фронта освобождения Корсики — НФОК, не прекращалось.

В 1991 г. Корсика получила статус «нового территориального образования», и обсуждение этого вопроса вылилось в ожесточённые дис-

куссии о том, не нарушится ли принцип неделимости республики, если какая-либо часть метрополии будет располагать автономными институтами. В конечном счёте была одобрена формулировка, согласно которой «Французская республика гарантирует... корсиканскому народу — составной части французского народа — право на сохранение его культурных особенностей и на защиту его специфических социальных и экономических интересов, если они не наносят ущерба национальному единству и целостности Франции»¹. Договор, закрепивший особое положение Корсики в составе Франции, можно рассматривать не только как вынужденный компромисс между центром и одной из территорий, но и как появление федеративных черт в унитарном государстве, что не могло не усилить тенденции к расширению самостоятельности других областей (Бретань, Бургундия и др.).

Постепенное расширение федеративных тенденций заметно также и в *Испании* — формально унитарном государстве, которое современные эксперты в области конституционного права нередко определяют, как «федерацию де факто»², хотя в конституции 1978 г. термин «федерация» отсутствует. Характерно, что по причинам противоположного свойства против употребления этого термина выступали националистические партии Каталонии и Страны Басков. По мнению их лидеров, федеративное устройство уравнило бы их особый статус «исторических регионов» со статусом провинций, не обладающих особой культурно-исторической идентичностью. Центр же отвергал идею федерализма как представляющую опасность для целостности государства. В конституции 1978 г. в этой связи специально записано: «Ни в коем случае нельзя принимать форму федерации для автономных общностей»³.

После падения режима Франко и восстановления монархии в Испании получила развитие своеобразная модель, которую специалисты определяют как «государство автономий». В каждой из существующих 17 автономных общностей принимаются местные законы, создаются местные органы управления, деятельность которых контролируется правительством, Конституционным судом, Счётной палатой. Но в целом государство остаётся унитарным, его основу составляет единый, хотя и далеко не бесспорный суверенитет.

В отличие от Франции и Испании в *Италии* после Второй мировой войны были проведены административные реформы, которые опреде-

¹ Цит. по: Подколзин А.В. О политико-правовом пространстве федерализма. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

ляются как «конституциональная регионализация». В 1948–1963 гг. в стране были образованы 5 автономных областей, наделённых широкими полномочиями, впоследствии их число расширилось до 20¹. В автономных областях (регионах), которые, в свою очередь, разделяются на провинции и коммуны, действуют выборные органы власти, осуществляющие законодательные, исполнительные распорядительные и другие функции, а председатели советов представляют области вовне. По мере внедрения практики деления на регионы Италия стала приобретать черты федеративного государства.

В специальном разделе опубликованного в 2003 г. обширного труда итальянского научно-исследовательского института EURISPES «Федерализм: Италия трёх скоростей» отмечено, что заложенные в конституции 1948 г. фундаментальные принципы регионализации и децентрализации власти не реализовывались до принятия в 1970 г. закона, расширявшего круг полномочий регионов. Принятый в 2001 г. конституционный закон об изменении пятой главы второй части итальянской конституции подтверждал административные и налоговые компетенции коммун, провинций и регионов, предоставление большей власти местной администрации и усиление ответственности гражданского общества в делах управления на местах.

Не случайно и само название раздела: вывод авторов сводился к тому, что интенсивность процессов федерализации на Севере, в Центре и на Юге позволяет вести речь об «Италии трёх скоростей». Особенно активны на этом направлении правоконсервативные партии Севера. В связи с обсуждением в парламенте в феврале 2004 г. правительственного законопроекта о реформе государственных институтов и внесении изменений в конституцию глава Лиги Севера, сенатор У. Босси заявил, что для него реализация федерализма является «категорическим императивом»: «Я буду добиваться этого, даже если придётся вступить в союз с дьяволом». В практическом плане речь шла о реорганизации парламента и создании Федерального сената, и в центр дискуссии был вынесен вопрос о принятии «смешанной модели» формирования этого органа или более определённой модели по типу немецкого бундесрата, на чем настаивала «Лига Севера»².

Можно, таким образом, утверждать, что в Италии на смену *конституционной* регионализации постепенно идёт *федерализация рес-*

¹ Российские специалисты подвергают сомнению правомерность употребления ранее принятого термина «область», считая его неудачным для обозначения итальянского «Regione». Более точным, по их мнению, представляется термин «регион». См.: Любин В.П. Федерализация Италии // Современная Италия. М., 2004. С. 52.

² Там же. С. 53.

публики, однако интересы и позиции различных политических партий, а также Севера, Центра и Юга затрудняют завершение назревших реформ. Переходный период расставания с исторически обусловленным централизмом может поэтому, согласно оценкам итальянских специалистов, растянуться на длительное время.

Таким образом, общим вектором политики европейских государств остаётся тенденция к расширению демократических начал, децентрализации властных и управленческих структур и предоставлению дополнительных прав регионам, имеющим национальную специфику.

Это подтверждает и переход в 1989 г. от унитарной формы правления к федерализму одного из старейших государств Европы — *Королевства Бельгия*, событие, которое, по словам тогдашнего премьер-министра Бельгии, стало для страны такой же исторической датой, как само её образование в качестве независимого государства в 1830 г. Суть федеральной реформы свелась к следующему. Признано существование трёх равноправных лингвистических общин — фламандской, франкоговорящей (франкофоны) и немецко-говорящей. В соответствии с этим принято решение о разделении страны на четыре региона: Фландрия, Валлония, Брюссель и район немецко-говорящего населения. Центральное правительство сохранило полномочия в области внешних сношений, обороны, безопасности, внутренней безопасности, финансов и валютной политики. Остальные полномочия, включая широкий круг экономических и социальных вопросов, просвещение, культуру и здравоохранение и переданы в ведение регионов и общин, наделённых собственным бюджетом. Официальным языком во Фландрии является фламандский, в Валлонии — французский. Соответственно, на этих языках осуществляется и делопроизводство.

Местные наблюдатели констатируют, что спустя два десятилетия после децентрализации в стране останется ещё много проблем, но к унитарной форме не хочет возвращаться ни одна из национальных общин Бельгии.

Проблема самоуправления национально окрашенных территорий актуальна и для тех европейских стран, где эти территории и населяющие их этнические группы составляют абсолютное меньшинство. Так, например, в Финляндии 93,6% населения страны говорят по-фински. Тем не менее конституцией Финляндии предусмотрены два государственных языка — финский и шведский. Широкой автономией располагают шведы, проживающие на Аландских островах, переданных Финляндии по решению Лиги Наций в 1921 г. За Хельсинки сохранено лишь право решения проблем внешней политики. Жители островов не только самостоятельно решают все вопросы внутренней

политики, но и располагают помимо финского ещё и собственным гражданством, что ограничивает имущественные и иные права переселенцев с материка. Но конфликты на этой почве, как правило, не возникают¹.

Концепции современного европейского федерализма появились в результате серии разрушительных катастроф XX в., кризиса национальных государств и прихода к власти диктаторских режимов. При этом просматривалась непосредственная связь между идеями проповедников европейской федерации — Ж. Моннэ, А. Спинелли и философским видением И. Канта, который считал, что импульсом к созданию такой федерации могут стать «разрушительные силы войн». Можно поэтому утверждать, что эпоха двух мировых войн XX в. стала началом перехода к утверждению идей федерализма и созданию основ европейской федерации.

Под воздействием глобализации в Европе наметился также процесс дальнейшего ограничения государственного суверенитета и расширения межгосударственных связей на основе *конституционного федерализма*². Соответственно активизировались усилия, направленные на создание более прочного союза европейских федераций как исходного рубежа на пути к европейскому единству или, как сейчас его принято обозначать, *Европейскому федерализму*.

Глава 6. Особенности развития современной культуры

Сущность феномена

Представление о культуре в современном обществе уникально. Оно объединяет повседневные представления о культуре как процессе приобщения к ценностям, созданным человечеством, об определённых канонах поведения в обществе, а также, принципиально отличающиеся от обыденных размышления о ней исследователей.

¹ Новые известия. 23.08.2000.

² Watts R. Federalism in an era of globalization // International Social Science Journal. March 2001. № 167. P. 9.

Последние ещё со времён античности пытаются постичь тайну культуры. Для учёных всегда было очевидно, что понятие культуры принципиально нельзя сводить лишь к её внешним проявлениям и уж тем более — к досуговым реалиям.

Сегодня количество определений культуры измеряется четырёхзначными цифрами, что одновременно отражает и значимость, и чрезвычайную сложность постижения данного явления. Подобная статистика не столько формирует потребность в новых дефинициях, сколько обязывает чётко обрисовать тот социальный фон, на котором они возникают. В качестве такового выступает исторически взрослеющее человечество. Каждый из его представителей является существом, которое в отличие от животных чувствует себя дискомфортно в естественной природной среде и поэтому вынуждено формировать для социальной жизни среду искусственную, т.е. культуру.

Последние десятилетия прошлого века во многом кардинально трансформировали глобальный социум. Локомотивом этой трансформации оказалась культура. Возможно, впервые в человеческой истории универсальное влияние культуры распространилось практически на всё цивилизованное население. Именно это обстоятельство позволяет нынешним культурологам с уверенностью заявлять: «Там, где раньше было общество, стала культура» (Г. Беркинг). Последняя по сравнению с предшествующими эпохами, безусловно, изменилась, вобрав в себя все те классические параметры, которые сформировали её на протяжении двух тысячелетий как целостный и гармоничный механизм. Сам же культурный универсализм современной эпохи изменился до неузнаваемости.

Каковы же контуры этой новой культуры и что она несёт личности и обществу?

Феномен современной культуры может быть достаточно удачно описан в двух измерениях: постиндустриальном и постмодернистском. Культура развивается как результат взаимодействия этих двух глобальных подходов к преобразованию, а также к оценке действительности. При этом оказывается, что первый непосредственно регулирует способы формирования современных социальных и технологических реалий. Второй же создаёт и транслирует ценности, возникающие внутри современной культуры.

Постиндустриальное общество принято трактовать как структуру, основанную на знаниях. Однако что такое знание для современной культуры? В постиндустриальных координатах знание — это, прежде всего, информация, имеющая практическую ценность и служащая

для получения конкретных результатов. Такой тотальный практицизм выступает одной из базовых характеристик современной культуры.

Роль постиндустриального вектора эволюции всё же сильнее власти постмодерна при всей их взаимодополнительности прежде всего потому, что в мире, по меткому выражению Ж. Бодрийяра, появляется всё больше информации и становится всё меньше смысла.

Постиндустриальный социум как бы задаёт постмодернистской ментальности «правила игры» в предметном и информационном мирах, формируя становление последнего в его новом качестве. Влияние же постмодерна проявляет себя, скорее, в способах осознания постиндустриального направления общественного развития, нежели в реальных возможностях шагов по его изменению. Постмодернистское восприятие мира, скорее, ориентирует на пассивное принятие постиндустриальных процессов, отказываясь от попыток их корректировки как отдельными личностями, так и обществом в целом.

Культура неотделима от истории. Однако и само «культурное строительство» проходит в своей эволюции различные этапы. «Во всякой культуре, — писал Н.А. Бердяев, — после расцвета и утончения начинается иссякание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется все направление культуры. Она направляется к практическому осуществлению могущества, практической организации духа в сторону все большего её расширения по поверхности земли»¹. Эта практическая организация духа постепенно отдаляет культуру от её сути, нивелируя духовное начало и превращаясь в цивилизацию.

Бердяев, безусловно, прав в своём утверждении, что все продукты культуры, в том числе и материальные, имеют духовную основу. Когда же культура ставится «на поток», то, перерождаясь в цивилизацию, она неизбежно приходит к этапу кризисного развития. Этот этап никогда не протекает эволюционно. Девятый вал культурных революций, разрушая системы традиционных духовных ценностей и превращая гармоничное целое в разрозненные фрагменты прошлого, несёт с собой предвестие нового культурного смысла.

При этом, однако, нет никаких оснований для утверждений о том, что культурные новации подразумевают тотальное забвение традиций прошлого. Скорее, новый тип культуры формирует себя через полемику с предшествующим, а затем и через его возрождение в новом качестве. Так, Средневековые выстроили свой культурный космос на по-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 163.

лемике с античностью, однако последняя оказалась не только объектом критики, но и основой теоретических построений средневековой теологии. Голоса же современных культурологов звучат ещё более интригующе, когда применительно к нынешней эпохе констатируют, как, в частности, Умберто Эко, что «Средние века уже начались». Таким образом, можно утверждать, что кризисы в культуре являют собой фактор актуализации социальной памяти человечества.

Ещё древние мудрецы сумели понять, что культура — это духовные скрепы социума, вне которых невозможны ни человек, ни его становление в истории и развитие в обществе того или иного типа. Она объединяет людей в общество и обеспечивает связь поколений. Но каков механизм формирования общества посредством культуры? Начиная с Платона исследователи различных эпох отвечали на этот вопрос по-разному. Это, однако, не помешало исследователям новейшего времени классифицировать весь массив сложившихся теоретических представлений о культуре по четырём основным направлениям, фиксирующим такие уровни данного явления, как:

- развитие и продолжение природы, либо Божественного замысла;
- единство ценностей, созданных человечеством;
- аккумуляция и передача социального опыта;
- процесс производства жизненных стилей.

Для целей настоящего исследования наиболее значимы три последних представления. Именно они дают возможность проследить процесс перехода от современного к «постсовременному», как его ныне именуют учёные, обществу. Источником этой трансформации выступает культура как способ производства жизненных стилей, который невозможен без аккумуляции и трансляции социального опыта прошлого. И хотя мыслители практически всех эпох вносили уточнения в эту базовую трактовку культуры, сущность её остаётся неизменной и означает социальную память поколений, а также способы, нормы и ценности восприятия мира человеческим сообществом.

Представленный набор определений в значительной степени объясняет, почему сегодня, когда развитие науки и техники отражает реалии информационного периода, культура запаздывает, воспроизводя индустриальные эталоны, главным из которых выступает её свойство массовидности. Мы не найдём в этом ничего удивительного, если вспомним, что жизненный стиль промышленного общества всё ещё воспроизводится в массовых масштабах, и понадобится время, чтобы аккумулировать в повседневности формирующиеся информационные реалии.

Парадоксы массовой культуры

Становлению в социокультурном пространстве индустриального общества феномена массового сознания как унифицированной формы существования множества людей способствовали массовый характер производства и потребления, а также урбанизация. Омассовление общества, в свою очередь, требовало создания канала трансляции социально и культурно значимой информации и смыслового «перевода», адаптации этой информации к языку обыденного понимания, а также способа контролирования и манипулирования сознанием потребителя в интересах производителя. В качестве ответа на эту социокультурную потребность возникала массовая культура.

Усвоение продуктов массовой культуры — в отличие от культуры классической — не требует ни труда, ни особых знаний. Так формируется взгляд исследователей на современное общество как на новое средневековье, либо новое варварство XXI столетия, в котором происходит переход от текстовой к экранной форме передачи информации и культурных инвариантов. Вектор этого движения характеризуется эволюцией триады «ТВ + радио + газета» в направлении «компьютер + ТВ + видео». В этом заключается суть негативных оценок массовой культуры, прочно утвердившаяся в сознании интеллектуалов.

Намного реже воспроизводится тезис о такой базовой функции массовой культуры, как рекреационная, он основан на понимании того, что для восстановления нервно-психических затрат организму человека действительно требуются куда более сильные рекреационные воздействия, нежели при возмещении энергетических потерь вследствие физического труда. Стрессогенность современного социума объективно способствует поиску эффективных механизмов адаптации к изменившимся условиям среды. И в этом смысле феномен массовой культуры оказался весьма удачной социальной инновацией.

Сошлемся на личный опыт восприятия Лас-Вегаса, изначально нагруженный негативными оценками по поводу масскульта в целом и его стандартных проявлений в электронных СМИ. Однако американская реальность заставила отказаться от шаблонных предубеждений.

Лас-Вегас предлагает абсолютно эгалитарную, однако, одновременно индивидуализированную, рукотворную модель праздника жизни. Давно подсчитано, что 30% приезжающих сюда не играют вообще. Они ищут здесь не выигрыша в казино, а ощущения праздника. А он здесь повсюду: в удобстве и комфорте дизайнерских интерьеров отелей, (холлы которых открыты для визитов всех и каждого), в ярких бесплатных

уличных шоу, в распродажах бесконечных торговых центров. Даже аэропорт Лас-Вегаса находится всего лишь в десяти минутах ходьбы от главной улицы города, в котором всегда тепло и солнечно.

Конечно, данный апофеоз массовой культуры товар штучный. Эта уникальность лишь подтверждает, что новаторская идея в любой сфере человеческого бытия всегда оригинальна и креативна, пусть даже, как в данном случае, рассчитана на реализацию в обществе массового потребления. Вопрос о перспективах последнего весьма важен и с точки зрения эволюции современной культуры.

Существенный вклад в исследование данной проблемы внесли работы теоретиков постиндустриального информационного общества и, прежде всего, Э. Тоффлера. В контексте данного рассмотрения наиболее значимы два базовых тезиса американского футуролога. Первый касается эволюции современного общества от индустрии потребления продуктов к индустрии ощущений, от материального к психическому удовлетворению. Пример Лас-Вегаса, а также нынешний всемирный туристический бум оказываются вполне уместными для иллюстрации этого тезиса. Как и замечание Тоффлера, что человеческие ощущения есть самый недолговечный, но и самый устойчивый продукт. В плане развития личности этот вектор может, с одной стороны, рассматриваться как позитивный, поскольку известно, что стремление к самореализации через покупки свидетельствует о распаде личности. Другой тезис, напротив, указывает на то, что погоня за ощущениями отнюдь не всегда может принимать социально приемлемые формы. Здесь исследователь иллюстрирует свою позицию ссылкой на известный американский фильм «Афера Томаса Крауна», главный герой которого, профессионал и весьма состоятельный человек, в свободное время организует кражу картины из музея Метрополитен. Вероятно, данный пример даёт весьма красноречивое подтверждение тому, что преодоление этапа массовой культуры вовсе не будет означать достижения полной гармонии в социокультурном взаимодействии индивида и социума.

Культура, технология, рынок

Культура сегодня неотделима как от технологических аспектов организации социума, так и от процессов становления новых ценностных ориентиров человека. К первым относят:

- развитие сервисно-информационного сектора экономики, а также его лидирующее по масштабам и значимости положение в производстве;

- изменяющиеся по сравнению с индустриальным обществом ресурсные приоритеты;
- высокие технологии и сетевые структуры как основу прогресса социума;
- инновационный характер эволюции общества: так, «если человечеству потребовалось 112 лет для освоения фотографии и 56 лет для организации широкого использования телефонной связи, то соответствующие сроки для телевидения, транзистора и интегральной микросхемы составили 12,5 и 3 года»¹. Инновации сегодня сознательно продуцируются обществом и культурой и предстают как своеобразный регулятив, некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то по крайней мере доминирующее над ней;
- резкое и чрезвычайно динамичное изменение структуры занятости, при котором на смену реальным социальным группам приходят виртуальные сети.

Отметим ещё и то обстоятельство, что постиндустриальный мир существенно расширил сообщество интеллектуалов, не без оснований отнеся к ним сегодня не только сферу академической науки (в её общемировом, а отнюдь не только российском понимании), но и ведущих специалистов конструкторско-технологической сферы, а также идеологов СМИ, стратегов банковско-финансового дела и менеджмента. Основа их успеха — творческие навыки, т.е. классическая установка на новизну.

Именно креативность становится одной из важных характеристик интеллектуального работника нового типа и воплощает вместе с тем потребности современного производства. Таким образом, «разумно трудящийся» человек индустриальной эпохи, образ которого сформирован каждодневным рутинным трудом, привычно обеспечивающим его существование, в эпоху информационных технологий, когда характер интеллектуального труда приобретает творческий оттенок, превращается в «человека играющего» с высоким креативным потенциалом.

Между тем нет никаких оснований считать, что данное качество станет для современной культуры повсеместно распространенным. Для большинства населения наступающий «цифровой век» отличается явным переносом акцентов с творческой деятельности на деятельность репродуктивную, причём во всех отраслях человеческого труда:

¹ Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 28.

от самого алгоритмизированного до науки и искусства. Они становятся таким же производством, как и производство материальное. Как заметил В.С. Библер, «кооперация теоретической деятельности, направленная на “дифференциацию — специализацию — упрощение” отдельных научных разработок и теоретических проблем, приводит к продуцированию не уникального, но массовидного, серийного результата. Такой результат всё более пригоден как товар и всё менее может служить дальнейшим провокатором и катализатором творческой активности»¹.

Уже сегодня в развитых странах в широких масштабах идёт процесс изменения структуры занятости населения в промышленности и сфере услуг. При этом чрезвычайно уменьшается число рабочих мест для квалифицированных рабочих и рядовых инженеров, так называемых «синих воротничков». Одновременно увеличивается число рабочих мест в сфере неквалифицированного труда. Ярko иллюстрирует сказанное пример автомобилестроения. Так, если ранее автомобили на конвейере собирали квалифицированные рабочие, использовавшие хорошие инструменты и станки, которые ремонтировали и настраивали находящиеся здесь же инженеры, то ныне автомобили собирают роботы. А ими управляют на уровне «включить-выключить» неквалифицированные рабочие, программное же обеспечение для этих роботов унифицировано и произведено небольшой группой интеллектуалов «белых воротничков». Для последних также увеличивается количество рабочих мест, хотя и значительно медленнее, нежели для представителей неквалифицированного труда.

Ряд западных авторов утверждает, что средний класс в промышленно развитых странах размывается, и тенденция — хотя и отдалённая — такова, что в будущем он исчезнет практически полностью. Произойдёт разделение общества на узкий круг интеллектуалов и всех остальных, умеющих выполнять лишь простейшие в профессиональном смысле мыслительные операции, которых будет вполне достаточно для обеспеченного существования. Таким образом, если средний класс возникал, отчуждаясь от крупной собственности и власти, то в будущем его исчезновение будет инициировано отчуждением от творчества. О том, что указанная тенденция вполне может воплотиться в жизнь, свидетельствует, в частности, нынешняя структура безработицы в Западной Европе и США, где наибольшие трудности на рынке труда испытывает сейчас именно средний класс. Професси-

¹ Библер В.С. О культуре мышления теоретика Нового времени // Науковедение и история культуры. Ростов-на-Дону, 1973. С. 158.

ональные навыки многих его представителей лишь частично востребованы, либо не востребованы вовсе.

Соответственно, при освобождении значительных групп населения из сферы труда и значительном числе безработных человек стремится заполнить образовавшийся вакуум занятости посредством активности в сфере потребления. С какими ценностями он утверждается в ней? Прежние ценности рационального «общественного договора» современные масс-медиа провозглашают архаичными, апеллируя не столько к логике, сколько к эмоциям. Потребление объявляется сферой свободного выбора: «Если в прошлом субъект находился в полном подчинении закону, Божескому или общественному, то в современном мире ему грозит стать жертвой общества потребления, которое, с одной стороны, манипулирует им, а с другой — постоянно подталкивает его к гонке за новыми и новыми благами»¹. Именно такова ситуация в современной России.

Между тем духовные скрепы общества не могут оставаться прочными в условиях преобладания зрелищности над оценочными суждениями и отказа от свойственных классической культуре противопоставлений прогресса и регресса, высокого и низкого, морального и аморального. Над «человеком потребляющим», безусловно, нужен контроль, осуществлять который может либо организованное по бюрократическому принципу, либо самоорганизованное общество. Последнее, безусловно, предпочтительнее, хотя и значительно труднее достижимо, поскольку подразумевает локальность управленческих действий на разных уровнях социума. Но в условиях обвального роста сетевых структур и укоренившейся уже к середине XX в. массовой культуры об этом можно лишь мечтать.

Носящая откровенно коммерческий характер постмодернистская культура провозгласила время исполнения желаний. По Делезу и Гваттари, сфера бессознательного (сфера Желания) — это сфера свободы и творчества, и не стоит стремиться установить над ней контроль. А ведь именно к этому и призывал основоположник психоанализа Фрейд, хотя и утверждая одновременно, что культура как система нормативных ценностей оставляет на человеческой психике следы ранений.

Человек стал таковым не только благодаря биологическому фактору — эволюции мозга, но и при посредстве такого элемента социальности, как система запретов (табу). Вседозволенность неприемлема

¹ Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая технократическая волна на Западе. М., 1999. С. 469.

и для человека современной культуры, желания которого хотя бы в некоторой степени должны регулироваться разумом, а не ангажированными СМИ. Между тем последние «нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации — рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усечёнными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки»¹.

Именно к такой культурной нестабильности и вынужден адаптироваться современный человек. Одним из её символов в 1959 г. стала кукла Барби. Тогда впервые было предложено расстаться со старыми, часто служившими нескольким поколениям куклами во имя взаимозаменяемой стандартной пластмассовой игрушки. В мир пришла одноразовость, модульность и изменчивость, сопровождающая человека на протяжении всей жизни. Ныне от него требуется, прежде всего, приспособление к постоянным изменениям в обществе и культуре, к «вечному настоящему» (М. Кастельс).

Задачи такой сложности, пожалуй, ещё не стояло перед человечеством с момента его становления. Ведь инертное большинство, ведомое творческим меньшинством, во все эпохи осуществляло свой выбор жизненных стилей и ценностей пассивно и несамостоятельно.

Ещё в начале XX в. Н.А. Бердяев вполне обоснованно утверждал, что массы не любят свободы и боятся её. Между тем только ею бредили интеллектуалы во все времена. К концу второго тысячелетия её, наконец, подарили — прежде всего, благодаря масс-медиа — не ожидавшему такого дара человечеству, которое оказалось лицом к лицу со свободой в сфере экономики, политики, морали, искусства. При этом лишь немногие из тех, кто силой творческой мысли оказался в состоянии следить за происходящим как бы извне, с горечью констатировали, что обрётённая «свобода от» не подразумевает «обязательств перед». Более того, ныне впервые в истории человечества культура как способ производства жизненных стилей «формируется электронными СМИ, ориентированными на максимальные прибыли. Никогда прежде общество не допускало, чтобы коммерческий рынок практически полностью определял его ценности и ролевые модели»².

В результате всего лишь за четыре десятилетия к интеллектуальной элите пришло чисто эмпирическим путём понимание того, что в от-

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 278.

² Туроу Л. Будущее капитализма // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 217–218.

личие от культуры индустриальной действительности проблема современной культуры вовсе «не в том, может ли человек выдерживать строгую регламентацию и стандартизацию жизни... Проблема, состоит в том, может ли он выдержать свободу»¹.

Итак, свобода вышла из-под контроля. Более того, вышла из-под контроля общества и культура. Значительность современной культурной автономии в существенной степени отражает и сравнительно недавно возникший термин «индустрия культуры», означающий как непосредственное влияние технологических инноваций на мировую культуру, так и любые коммерческие начинания, которые используют творческое начало. Это касается всех традиционных видов искусства и широкого круга всякой деятельности, связанной с дизайном, модой, аудио, видео, кинопроизводством, мультимедиа и прочим — вплоть до производства компьютерных программ.

Одновременно происходит обширное включение различных сфер культуры, таких как экономика, политика, образование, наука, искусство, в электронное пространство коммуникативной сети Интернет. Следствием этого, в свою очередь, выступает виртуализация как самих процессов деятельности в данных областях культуры, так и её продуктов. В результате грань между реальным и воображаемым становится в сознании субъекта всё более подвижной. Обнаружение в современной общественно-культурной реальности данных процессов делает очевидным происходящую в настоящий момент виртуализацию культуры.

Причём именно в русле современных компьютерных технологий и предоставляющихся ими возможностей термин «виртуальная реальность» получил наиболее масштабное применение и широкий резонанс в современной культуре. С развитием компьютерных сетей и глобальным распространением Интернета данный термин стал применяться и к электронно-коммуникативной среде взаимодействий внутри единого конгломерата сетей.

Действительно, как предсказывал еще в 60–70-х годах прошлого века М. Маклюэн, электронные средства коммуникации становятся нервной системой человечества. И если мы обратимся к конкретному рассмотрению различных областей культуры, то обнаружим, что все они обязательным образом присутствуют в сетевой виртуальной реальности. Во многом сохраняя традиционные формы производственного взаимодействия, они переводят их в интерактивный режим.

¹ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Создание новой цивилизации. Политика Третьей Волны // <http://www.net.kg/jornal/n5/JRNAL511.htm>.

Так, в экономике на сегодняшний день функционируют такие явления, как электронный рынок, электронная коммерция, виртуальный продукт, виртуальное производство, виртуальная фабрика, виртуальный банк и, конечно, виртуальные организации (предприятия, корпорации) в целом. Первоначально виртуальная сфера экономики складывалась как «вторая экономика», воспроизводящая в отражённых денежных формах процессы и отношения, существующие в реальном секторе. Однако затем она стала превращаться из «второй» в «первую», определяя глобальное доминирование финансового спекулятивного капитала над производственным со всеми хорошо известными ныне последствиями¹.

Политика использует сегодня глобальную информационную сеть как средство и среду своей деятельности. Практически все политические акции сопровождаются созданием специализированных серверов и web-страниц, посредством которых формируется имидж политика, ведётся агитация, осуществляется общение со сторонниками и т.д. Через сеть возможно получение консультаций, а также обращение за информацией в различные государственные политические структуры.

Высшее образование представлено в сети виртуальными университетами дистанционного обучения; информационными web-сайтами реальных образовательных структур, виртуальными конференциями, организованными научно-образовательными сообществами; образовательными порталами, базами данных виртуальных электронных библиотек.

Искусство наличествует в киберпространстве во всей широте своих проявлений: виртуальные музеи, виртуальные галереи, виртуальные мастерские. Более того, с формированием мультимедийной среды Интернета возникает своеобразное интерактивное интернет-искусство, появляется сетевая литература.

Таким образом, виртуализация культуры в информационно-технологическом аспекте происходит как своего рода погружение в единую электронную виртуальную среду, образующую новую культурную реальность, начало которой положили появление персонального компьютера и образование компьютерных сетей.

Согласно известному представителю постмодернистской мысли Ж. Бодрийяру, наша жизнь сегодня — это непрерывная циркуляция знаков. Данный процесс включает в себя то, что произошло в мире

¹ Пчелинцев О.С. Проблемы формирования экономической системы устойчивого развития // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 7.

(знаки новостей), впечатление, которое человек хочет произвести на окружающих (знаки самого себя), положение личности в обществе (знаки статуса и уважения), функциональную нагруженность инфраструктурной среды (архитектурные и интерьерные знаки), существующие эстетические предпочтения (афиши, сервировка, реклама, дизайн) и т.д. Однако если раньше знаки, прежде всего, указывали на скрытую за ними реальность, то сегодня действуют знаки-фантики, которые только симулируют и, скорее, скрывают сущность, нежели дают о ней реальное представление

Структурной единицей, доминирующей в современной культуре, по мнению Ж. Бодрийяра, становится «симулякр», т.е. псевдовещь, замещающая «агонизирующую реальность» посредством симуляции. Как следствие, с воцарением искусственности исчезает различие между реальным и нереальным, аутентичным и неаутентичным, между истинным и ложным. И современная культура, таким образом, предстаёт в качестве своеобразной виртуальной системы, где подлинная социокультурная реальность подменяется симуляционной — гиперреальностью.

Так, если в сфере экономики основными характеристиками прежде являлись производительность и платёжеспособность, а главным считалось создание товара, т.е. вещи, чьё объективное свойство — это благо, то сегодня всё изменилось. Производство товара не вызывает больше сложности, главное теперь придать ему привлекательность в глазах покупателя и продать. И, соответственно, производится не столько вещь, сколько образ (модного стиля, уверенности, силы, привлекательности, респектабельности). Собственно экономический процесс, т.е. производство стоимости, покидает конструкторские бюро и конвейеры и перемещается в отделы маркетинга, рекламные и PR-агентства, в студии СМИ и т.д. Образ вещи в рекламном послании экономически превалирует над самой вещью.

Рассмотрим данные процессы на частном примере. Одна из наиболее ярких иллюстраций происходящего — это динамика рынка мобильной связи. Ныне внимание производителей и маркетологов приковано не столько к основной функции мобильного телефона — обеспечению связи, сколько к его дизайну, декорированности корпуса и наличию массы второстепенных функций. Причём реклама поощряет такой стиль потребительского поведения, как непрерывная смена моделей, успешно продвигая на рынок всё новые дополнительные функции мобильных телефонов, фактически забывая о главной.

В сфере политики борьба за власть ведётся во всё большей мере в форме теледебатов и рекламы. Клип, рейтинг, имиджмейкеры,

пресс-секретари и «звезды» шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний, потеснили партийных функционеров. Власть становится во многом функцией политического имиджа. Политический процесс покинул кабинетные заседания функционеров, а сама политика ныне преимущественно творится в телестудиях и на концертных площадках. Партии, первоначально возникавшие с целью представления классовых, этнических, конфессиональных, региональных интересов, превратились в «знаки» — эмблемы и рекламные слоганы, традиционно привлекающие электорат посредством эффективных политтехнологий.

Основные компоненты художественных практик — произведение, стиль, эстетическая оценка — симулируются, равно как и само произведение искусства. Главным базовым приёмом последнего становится цитирование. При этом публика ищет в искусстве не новизну и оригинальную трактовку вечных проблем бытия, а отыскивает «следы» — узнаваемые отсылки к хрестоматийным произведениям и стилям. Создание произведения превращается в «проект», в комплекс PR-акций, в котором утрачиваются различия между рекламой и художественными практиками в традиционном понимании¹.

Один из примеров такой эстетики — выход в свет романа американского автора Дэна Брауна «Код да Винчи», его экранизация и полемика вокруг него. В этом проекте публика во всём мире нашла полный комплекс постмодернистских эстетических изысканий: от узнаваемых библейских героев, традиционного детективного жанра до в значительной степени рекламных скандалов вокруг проката одноимённого фильма.

Кроме того, читатели романа используют его ещё и в качестве популярного путеводителя в экскурсиях по Риму и Лувру. Так история «вечного города» сводится к иллюстрации модного детективного сюжета, а богатства Лувра к трём указанным в «Коде да Винчи» его шедеврам: Джоконде, Венере Милосской и Нике Самофракийской. Так превращаются в «знаки-фантики» не только реалии современности, но и наследие ушедших эпох.

«У всякого нормального человека, — по Г. Честертону, — бывает период, когда он предпочтёт вымысел. Фикцию — факту, ибо факт — это то, чем он обязан миру, в то время как фикция — это то, чем мир обязан ему»². Анализ представленных сфер культуры иллюстрирует симуляцию социокультурных практик, осуществляемую посредством

¹ См.: *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. С. 77–116.

² Цит. по: Вопросы литературы. 1981. № 9. С. 219.

информационных и рекламных технологий, а также превращение культуры в рыночный товар.

Зафиксированные выше социокультурная унификация и примитивизация практически повсеместно обращают культуру в цивилизацию. При этом «культуры не получают импульса для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Везде то же самое надевают, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и Макдоналдс»¹. В связи с этим чрезвычайно значимым для человечества становится вопрос сохранения многообразия культур и их равноправия. Пожалуй, именно этот элемент стандартной модели культуры сегодня наиболее востребован и знаменует собой, что каждая из существующих на Земле культур самоценна, оригинальна и уникальна. Ныне этот подход лег в основу мультикультурализма.

Теория и практика мультикультурализма

По сравнению с такими названными выше элементами классической модели культуры, как постулаты цивилизационной трансформации и взаимосвязанности с историческим процессом, идея равноправия культур, преодолев этапы различных культурных «центризмов», появилась много позже. Между тем на сегодняшний день именно она объединила в методологической, а в перспективе и в прогностической схеме такой современный образ культурного процесса, который описывается диадой «постиндустриализм — постмодернизм».

Идеи культурной толерантности и мультикультурализма как особой практики и политики бесконфликтного сосуществования в одном национально-государственном пространстве множества разнородных культурных групп приобретают всё больше приверженцев.

Мультикультурализм предлагает интеграцию культур без их слияния. Попытки проводить стратегию ассимиляции в полиэтничной среде практически повсеместно принесли с собой массу общеизвестных негативных результатов. Кроме того, ныне национальные культуры испытывают давление как со стороны нарождающейся глобальной культуры, так и со стороны возрождающихся локальных и этнических культур, находившихся прежде под доминированием культур национальных². При этом глобальная культура постулирует гомогенность, локальные же культуры, напротив, абсолютизируют автономность.

¹ www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalizm.html.

² См.: Идеи в культурологии XXI века. М., 2000. С. 75.

Не вызывает сомнений, что как толерантность, так и диалог в контексте взаимодействия культуры большинства с культурами, привносимыми извне, следует всячески поощрять. Однако вряд ли случится, что «эпоха толерантности» в одночасье снимет все те противоречия, которые уже накопила «эпоха плюрализма». Ведь даже над культурой большинства сегодня нависла угроза унификации в контексте реалий мировоззрения постмодерна. Ныне классическая культура подвергается столь массивному давлению электронно-сетевых структур, что уже ей самой приходится искать некие опоры, дабы не потерять накопленной в веках самобытности. Кроме того, толерантность коллективизирует субъекта, нивелируя его способности к индивидуальному выбору и определению собственной самобытности.

Вряд ли мультикультурное мировоззрение следует рассматривать как универсальное средство от всех культурных бед современности. Последние же на сегодня предстают, прежде всего, как утеря индивидуальной самобытности и погружение в океан массового потребления.

Неявным же образом мультикультурная стратегия способна внести свой вклад в сохранение самобытных народных культур. Как известно, культура современной эпохи состоит из трёх уровней: элитарной («высокая»), массовой («низкие жанры») и народной составляющих. А наиболее трудная судьба уготована современной постмодернистской культурой именно её элитарной составляющей и классическому наследию прежних эпох. Постмодернизм объявляет последнее сущностью отнюдь не универсальной и однозначно позитивной, разоблачая претензии классической культуры на трактовки истин в последней инстанции.

Проистекая из авангарда, постмодернизм в то же время противопоставляет себя этому направлению. Если эстетика авангарда была направлена на исключение и разрушение образцов классического искусства, то постмодернизм, наоборот, не исключает классику, а бесконечно апеллирует к ней, иронически конструируя образы и формы классических произведений в своих сочинениях.

Отсюда же снятие противопоставления массового и элитарного искусства: постмодерн обращается ко всем, совмещая, с одной стороны, тематику и технику популярной массовой культуры, а с другой — пародийное осмысление и ироничную трактовку сюжетов и приёмов предшествующего искусства. Так он становится востребованным и массами, и интеллектуальной элитой.

Главная проблема современной культуры, прежде всего, заключается не в эстетическом, а в социальном. Она предстаёт как невозможность выстраивания эффективного взаимодействия между установками потребительского индивидуализма и социально значимыми ценностями. И только через рациональное осознание угроз по отношению к культуре со стороны современного общества лежит путь к сохранению плодов Просвещения в противовес хаосу Потребления. При этом справедливости ради следует заметить: ещё Плутарх говорил, что нас делает счастливыми именно излишнее, а не то, что нам необходимо.

В современной же культуре в качестве противовеса постмодернизму выступает постиндустриализм с его технологической доминантой общества, не только построенного на инновациях, но и насаждающего образование в течение всей жизни, в том числе и как форму проведения досуга. А ведь именно оно, — процитируем античного мудреца Диогена, — «сдерживает юношей, утешает стариков, бедных обогащает, богатых украшает»¹. Таким образом, в перспективе всевластия Потребления может быть противопоставлен образовательный рационализм постиндустриального миропорядка, без которого общество не выживет. И, наконец, современной культуре всё же не суждено стать «новым средневековьем» ещё и потому, что человеческая история, к счастью, развивается не по кругу, а по спирали. И в этом заключены как высшая мудрость, так и надежда.

Глава 7. Исламский экстремизм и террористическая угроза

Ещё в конце 2003 г. Збигнев Бжезинский предрёк: «В течение следующих нескольких десятилетий самым нестабильным и опасным регионом планеты, готовым в любой момент взорваться и ввергнуть мир в пучину хаоса, будет часть Евразии между Европой и Дальним Востоком». Её можно назвать «новыми Глобальными Балканами»².

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 256.

² Бжезинский З. Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. 2004. № 2. Т. 2. С. 187.

Действительно, регион, который иногда именуют Большим Ближним Востоком, вступает сейчас в длительную стадию нестабильности. Основные взрывные центры — Иран, Ирак, Афганистан. Усугубляет ситуацию непрекращающийся конфликт между Израилем и Палестиной. Всё уязвимее прозападные режимы в Саудовской Аравии, Египте, Турции и Пакистане, уже владеющем ядерным оружием.

Ближний Восток и район Персидского залива становятся всё менее надёжными поставщиками нефти для США, Западной Европы, Китая и Японии.

Но в первую очередь дестабилизация района Большого Ближнего Востока чревата распространением экстремизма и терроризма. Идеологи всемирного джихада, такие как Усама бен Ладен и Айман аз-Завахири, добиваются свержения сохранившихся там секулярных режимов и объединения расположенных в нём стран в единый халифат. И это не пустые мечты. Огонь терроризма, питаемого этой установкой, постоянно нарастает, и уже мало кто сомневается, что в регионе зреет угроза всему человечеству.

Рост и причины террористической угрозы

О росте террористической угрозы наглядно свидетельствуют, в частности, данные о терактах, собранные Американским антитеррористическим центром и приведённые в приложении к докладу государственного департамента США о терроризме в 2006 г.: «За указанный год в мире было совершено 14 352 террористических акта. При этом численность убийств, травм и похищений составила 74 545»¹. И хотя число терактов в последующие годы снизилось — в 2008 г. их было во всём мире 11 725, а в 2009 г. — 10 999, их жертвами становятся всё большее число людей. Только в 2009 г. в мире погибло почти 15 тыс. человек².

Теракты происходят и у нас. Одно время их число снизилось. По данным МВД, в 2004 г. в России было зарегистрировано 9523 преступления террористического характера, из них раскрыто 1689. В 2007 г. их было, соответственно, 759 и 667³. А вот данные за 9 месяцев 2008 г., приведённые директором ФСБ А. Бортниковым: «Пресечено 59 террористических преступления. В июле-августе сорвана попытка “Аль-Каиды” ор-

¹ Washington Post. 13.07.2007.

² http://www.gazeta.ru/politics/2010/08/06_a_3405077.shtml.

³ Независимое военное обозрение. 20–26.02.2009.

ганизовать теракты на курортах Сочи и Анапы. Изъято 344 самодельных взрывных устройства. На Северном Кавказе в ходе антитеррористической операции ликвидировано 170 бандитов, в том числе 13 главарей банд. Задержано свыше 350 активных членов бандформирований»¹.

В общем, и нам есть над чем задуматься. Тем более что и 2009 г., и 2010 г. ознаменовались серией демонстративных покушений на жизнь простых людей и ряда руководящих деятелей северокавказских республик.

Нельзя не отметить в этой связи, что, несмотря на нарастающую опасность, мировое сообщество до сих пор не готово к борьбе с террористическими угрозами. В ООН даже не смогли договориться об определении терроризма. В разных странах под ним подразумевают порой диаметрально противоположные явления. Россия, например, объявила террористическими ряд чеченских экстремистских объединений. Но США и ЕС таковыми их не считают. Противоположная ситуация сложилась в том, что касается партий Хамас в Палестине и Хезболлы в Ливане. Запад объявил их террористическими. Россия же к этой оценке не присоединилась.

Между тем вспышки террористических акций, фиксируемые в разных уголках земного шара, есть все основания рассматривать как сигнал, своего рода преддверие новых потрясений. И, если не бояться этого утверждения, их можно считать симптомами назревающего столкновения цивилизаций.

Дело в том, что идеологическим фундаментом современного терроризма служит исламский экстремизм. Это утверждение вовсе не означает попытки поставить знак равенства между исламским вероучением и экстремизмом. Разница между ними принципиальна. Вместе с тем нельзя не видеть следующего: подобно тому, как в прошлом веке религией обездоленных и униженных был, по сути, коммунизм, ныне такой религией для них стал исламский экстремизм.

Ислам сегодня — самая растущая религия. Его исповедуют от 1,2 млрд до 1,5 млрд человек. Численность исламских экстремистов неизвестна. Но их немало. Их основная зона размещения — Большой Ближний Восток — становится главным пороховым погребом. Его население охвачено ненавистью, но не по отношению к христианству как таковому, а к политике США и его ближайших союзников из числа стран Запада.

Вместе с тем неуклонно созревает ещё один потенциальный очаг терроризма — наиболее развитые страны Европы, в которых послед-

¹ <http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2008/10/14/n-1282750shtml>.

ние годы образовался свой собственный «третий мир» — многочисленная совокупность бедных и безработных, в основном выходцев с Юга. Террористы, действующие в этом регионе, — это нередко молодые, зачастую европейски образованные люди, пользующиеся Интернетом, знакомые с современными технологиями.

Показательно в этом смысле обращение Глобального исламского медиафронта, являющегося одним из рупоров «Аль-Каиды», помещённое на одном из экстремистских сайтов. «Новые солдаты Аль-Каиды, — подчёркивается в этом «документе», — рождены в Европе от европейских и христианских родителей. Они употребляют алкоголь и едят свинину. Но Аль-Каида принимает их, поскольку они тайно исповедуют ислам, восприняли философию Аль-Каиды и готовы использовать оружие. Они ходят по улицам Европы и Америки, занимаясь подготовкой к новым атакам»¹.

О масштабах и потенциях этого очага терроризма можно судить, в частности, по следующим цифрам. С 1950 по 2000 г. доля мусульман в Северной Америке выросла в 14 раз. Ныне их там 6–7 млн, что составляет 2,5% населения.

За эти же годы доля мусульман в населении Западной Европы утроилась. Сегодня их проживает там от 15 до 24 млн, т.е. от 4 до 7% всего населения. Предполагается, что к 2015 г. их численность может удвоиться. Как утверждает один из известных демографов — Бернард Льюис, «мусульмане скоро смогут захватить всю Европу»².

В качестве примера можно сослаться на ситуацию в Великобритании. Её мусульманская община насчитывает свыше 1,5 млн человек. За год она увеличивается на десятки тысяч. Одно время считалось, что это, в основном, выходцы из бывших британских колоний — Пакистана, Бангладеш, Ближнего Востока и Африки. Недавние подсчёты, однако, показали, что почти половина из них родились в Великобритании.

Вследствие террористического акта в июле 2005 г. в метро и автобусах Великобритании погибло 52 человека. По горячим следам в мусульманской общине был проведён анонимный опрос. Он показал, что 25% опрошенных испытывают симпатии к террористам, а 6% считают террористические акты оправданными и готовы принять в них участие. Если перевести эти 6% в абсолютные числа, то окажется, что в стране террористические акты готовы (пусть на словах) совершить более 100 тыс. человек.

¹ Независимое военное обозрение. 2006. № 35.

² Коммерсантъ. 30.01.2007.

До недавнего времени одной из самых спокойных стран считалась Германия. И это несмотря на то, что там проживают более 3 млн турок, сотни тысяч боснийцев, арабов и ливанцев. Однако летом 2006 г. спецслужбы ФРГ обнаружили, что группа исламских экстремистов готовит взрывы в аэропорту на американской базе в Рамштейне, а также в дискотеках земли Северный Рейн — Вестфалия. Одновременно стало известно, что в стране готовятся масштабные действия террористов. В этой связи генеральный прокурор ФРГ Моника Хармс заявила, что Германия находится буквально в миллиметрах от терактов, сравнимых с теми, которые произошли 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а также в Лондоне и Мадриде.

В ночь на 5 сентября 2006 г. немецкими спецслужбами была проведена операция по захвату группы подозреваемых в терроризме. При этом были изъяты мощные взрывчатые вещества, в том числе 20 канистр со специальным водородным раствором, сравнимым по взрывной мощности с полутонной тротила. Показательно, что среди задержанных оказалось двое обращённых в ислам немцев. Главарём банды был коренной баварец. Все трое оказались членами Исламского союза джихада, созданного в своё время в Узбекистане. В общем, по данным Федерального ведомства криминальной полиции Германии, в категории лиц, симпатизирующих террористическим группам, в стране числится 890 человек.

Как мы видим, рост численности мусульманского населения происходит не только за счёт иммигрантов, но и в результате обращения в ислам иноверцев. Судя по экстраполированным данным по Шотландии, где во время переписи населения задавались вопросы о вероисповедании, ежегодно в Великобритании принимают ислам до 14 тыс. коренных англичан. Во Франции соответствующий показатель составляет не менее 50 тыс. Эти данные побудили некоторых демографов к выводу, что именно Франция станет первой новой мусульманской страной Европы, из которой ислам начнёт своё победное шествие по континенту. В Соединённых Штатах ежегодно обращается в мусульманство 135 тыс. От 20 до 30% всех мусульман США — это новообращённые. В основном это афроамериканцы¹.

Разумеется, воинствующие исламисты, как уже отмечалось, составляют их меньшинство. Но оно явно растёт. Это ещё раз подтвердил шеф американской разведки Майкл Макконелл. Выступая в феврале 2008 г., он сообщил, что в предыдущем году удалось предотвратить террористические акты, которые были намерены осуществить

¹ Коммерсантъ. 04.09.2006.

исламистские радикалы в штатах Нью-Джерси и Иллинойс. По его мнению, в ближайшие годы опасность террористических акций боевиков, вдохновляемых воинственной исламской идеологией, скорее всего, возрастет¹.

В чём же притягательная сила исламского экстремизма? Почему люди, живущие в самых разных районах мира — на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии, в Африке и даже в странах Европы, подвержены его влиянию? Почему, например, выходец из Пакистана, многие годы живший в Великобритании и не подвергавшийся в ней ни травле, ни насилию, идёт взрывать своих новых соотечественников? Получить ответы на эти вопросы крайне важно, поскольку, только зная их, можно успешно бороться с терроризмом.

Главная причина, толкающая людей (прежде всего, молодёжь) в объятия воинствующих исламистов, — несопоставимые условия существования населения в различных регионах земного шара, глубокая нищета на одном полюсе и относительное благополучие на другом. Вот некоторые конкретные иллюстрации.

В странах Еврозоны доля ВВП на душу населения составляла до последнего времени 28 тыс. долларов в год; в России — 3,4 тыс. долларов, в странах Ближнего Востока — примерно 2 тыс. долларов, а в странах Африки была ещё ниже.

Вторая, не менее важная причина — национальное унижение жителей мировой периферии, их неравноправное положение в обществе, считающем себя развитым, недовольство существующим в нём порядком.

Не секрет, что в странах Еврозоны и в США к населению стран, не причисленных к числу избранных, относятся как к совокупности людей второго сорта. Разумеется, об этом не говорят вслух и не пишут в газетах — это противоречит законам и этике. Но выходцы из этих стран чувствуют такое отношение повседневно и повсеместно. Не минует оно образованных и богатых. Показателен в этом смысле феномен Усамы бен Ладена — выходца из очень богатой семьи, многократного миллионера, вложившего в организацию террора все свои немалые деньги.

Нельзя в этой связи не согласиться с заместителем министра США, отвечавшим в своё время за борьбу с терроризмом и заявившим в апреле 2008 г., что Саудовская Аравия остаётся главным в мире источником средств для Аль-Каиды и других террористических организаций. Это, по его словам, означает, что американцы, платившие бо-

¹ Независимое военное обозрение. 15–21.02.2008.

лее 100 долларов за баррель нефти, фактически поддерживали терроризм¹.

В качестве одной из причин, порождающих радикализм, выступает также растущее опасение мусульман за свою цивилизационную идентичность, подвергающуюся размыванию под влиянием глобализационных сдвигов. Остроту их реакции на эти процессы подогревает конкретная политика США и их союзников, нередко воспринимаемая как заведомо антиисламская. Как точно сформулировал эту ситуацию известный российский востоковед Г. Мирский, «религиозная и культурная составляющая сливается здесь с протестом против конкретных политических акций Запада»².

В чём особая опасность исламского радикализма?

Прежде всего, в том, что основным методом его борьбы — террор. Но с терроризмом человечество сталкивается давно и главной угрозой безопасности его не считало. Что же здесь принципиально нового?

Во-первых, современные террористические сети глубоко децентрализованы и располагают распространённой по всему миру «мелкоячеистой» структурой. Объединяют их идеология и цели. Террористические организации во всё большей степени превращаются в самодостаточные транснациональные органы, независимые от национальных государств или политических партий. Выявить их нелегко. Тем более что для теракта не требуется ни множества людей, ни больших денег.

Во-вторых, раньше террор не был массовым явлением и не располагал столь распространённым сочувствием населения, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке.

В-третьих, существенно возросла уязвимость современного постиндустриального общества, особенно крупных городов. Этому в значительной степени способствует информационная открытость современного общества, позволяющая к тому же поддерживать моральное состояние «бойцов джихада».

В-четвёртых, особую опасность составляет высокий уровень жертвенности участников террористических актов. Обычно для человека смерть — наибольшая угроза. Но для исламских радикалов — это вы-

¹ Коммерсантъ. 03.04.2008.

² Мирский Г. Жизнь на скважине // Коммерсантъ. 21.09.2006.

сокая награда. Они верят, что гибель в борьбе за правое дело гарантирует им пребывание в раю со всеми свойственными ему благами.

Как это выглядит на практике, автору довелось увидеть в начале 80-х годов — в разгар войны Ирака с Ираном. Недалеко от города Басра иранские войска развернули наступательную операцию. В первых рядах атакующих шли безоружные студенты. Иракские войска открыли по ним шквальный огонь. Тем не менее они продолжали идти вперёд, смеясь и умирая со счастливыми улыбками. Иракские военные находились в полной растерянности. Действительно, как воевать с людьми, не боящимися смерти?

Угроза ядерного терроризма

Величайшую опасность таит создание или приобретение террористами ядерного и иного оружия массового уничтожения. Она вполне реальна, ибо применение ими оружия мотивировано как убеждениями, так и принятой установкой на необходимость поднятия планки террора. В этом состоит коренная разница в подходе к применению такого оружия западного мира и исламских экстремистов. Для первого оружие массового уничтожения изначально было не столько инструментом ведения войны, сколько средством сдерживания. Вторые ориентированы на нанесение максимального ущерба врагу. Остальное не так уж и важно.

Естественен вопрос: а насколько реально получить желаемое?

По мнению специалистов, технология создания атомной бомбы уже не является тайной. В современных условиях при наличии плутония или высокообогащённого урана собрать простейшее ядерное взрывное устройство можно в любом подсобном помещении. А заказать необходимые компоненты не столь уж и сложно. Самое трудное добыть оружейный плутоний или высокообогащённый уран, производство которых до сих пор не по силам многим государствам.

Наиболее вероятным сценарием могут оказаться попытки украсть плутоний или высокообогащённый уран для создания своей атомной бомбы. И успех таких попыток не исключён. Даже в такой стране, как США, которые кичатся защищённостью своих ядерных объектов. В ходе учений 1997 г. группа армейского спецназа не только проникла в одну из наиболее охраняемых лабораторий Лос-Аламоса, но и вывезла из неё высокообогащённый уран в количестве, достаточном для создания нескольких ядерных боезарядов. Сделали они это с помощью тележек из ближайшего супермаркета, на которых вывезли соответствующие ёмкости.

О возможности попадания ядерных материалов в руки террористов можно судить и по предостережению МАГАТЭ, выразившего в сентябре 2007 г. озабоченность участвовавшими случаями незаконного оборота, потери и бесследной пропажи радиоактивных материалов. Так, по данным этого агентства, с января 1993 по декабрь 2006 г. было выявлено 1080 случаев их незаконного использования (или хранения). При этом 275 случаев были связаны с уголовной деятельностью, а 15 — с попытками частных лиц продать или незаконно перевезти за границу высокообогащённый уран, плутоний и торий. МАГАТЭ обратило внимание также на то, что в 2006 г. значительно возросло число случаев незаконного оборота радиоактивных материалов, что свидетельствовало об уязвимости систем контроля.

И всё же приобретение террористами ядерных материалов в размерах, достаточных для создания атомной бомбы, маловероятно. Гораздо вероятнее приобретение ими радиоактивных материалов, необходимых для создания так называемой грязной бомбы. В этой связи можно сослаться на доклад руководителя Антитеррористического центра СНГ генерал-полковника А.П. Новикова на совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов, состоявшемся в сентябре 2007 г. в Хабаровске. Ссылаясь на данные МАГАТЭ, он подчеркнул, что с 2002 г. число фактов контрабанды радиоактивных материалов, пригодных для изготовления так называемой грязной бомбы, в Европе удвоилось.

«Потенциальными объектами устремления террористов, — подчеркнул генерал-полковник Новиков, — являются законсервированные урановые рудники, заброшенные предприятия, использовавшие радиоактивные материалы, медицинские и научные учреждения». Наиболее уязвимы с этой точки зрения промышленные объекты по обработке, утилизации и хранению ядерного топлива, а также места хранения радиоактивных отходов¹.

Загадки ядерных программ Ирана

Серьёзная угроза исходит ныне и от Ирана — самой крупной страны Большого Ближнего Востока, явно претендующей на роль лидера и оплота исламского экстремизма. Если Иран сумеет обзавестись ядерным оружием, то его региональное влияние неизмеримо возрастет. Соответственно, усилится и поддержка, оказываемая им террори-

¹ Независимое военное обозрение. 21–27.09.2007.

стическим организациям. Это, в свою очередь, стимулирует тревогу в суннитском мире, где и без того с опаской относятся к «шиитскому центру силы». По мнению известного американского специалиста Р. Блэкуилла, «как только у шиитов появится бомба, точно такой же обзаведутся сунниты. Примеру Ирана последуют Египет, Саудовская Аравия, Турция и другие страны»¹.

Что ж, такого варианта развития событий исключать нельзя. Но есть и иной, противоположный вариант. Политика Ирана, особенно при президенте Ахмадинежаде, направлена не только на то, чтобы сделать Иран ведущей региональной державой. Главная цель — превратить его в лидера всех мусульман мира, сгладив традиционные противоречия между суннитами и шиитами и сделав упор на общему-мусульманские ценности.

При этом руководство Ирана сознательно идёт на конфронтацию с мировым сообществом, продолжая работы по обогащению урана. И вызов, который оно бросает миру, делает его кумиром не только собственного населения, но и миллионов мусульман на Земле. Оно не боится ни войны, ни санкций. Под его эгидой уже проросла Хезболла, завоевавшая огромный авторитет в арабском мире после успешной операции на юге Ливана.

Громогласно объявляется о намерении стереть с лица Земли Израиль, а если Израиль или США нанесут удар по Ирану, заблокировать Ормузский пролив, разрушить нефтяные промыслы Саудовской Аравии и осуществить массовые террористические акты в странах Запада.

Возможны также работы по созданию и совершенствованию Ираном другого оружия массового уничтожения — химического и бактериологического. Опыт в этом у него уже есть. В 1983 г. Ирак применил в войне против Ирана химическое оружие. Использовалось оно в ходе военных действий и позже. Но и Иран не сидел сложа руки. Хотя и с опозданием, он тоже создал химическое оружие и применил его на заключительной стадии войны.

Вернёмся, однако, к проблеме появления у Ирана ядерного оружия. Каковы реальные основания для таких опасений?

В Иране, согласно официальным данным, функционирует 6 центров по исследованию ядерной энергии. Имеется завод по обогащению урана в Натанзе (320 км к югу от Тегерана). Там строится центрифужный комплекс. Действует также реактор на тяжёлой воде в Эраке. На этих объектах и ведётся обогащение урана. Вместе с тем, согласно

¹ Блэкуилл Р. Эволюция успеха. Америка на Большом Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2006. № 3. Т. 4. С. 164.

национальной разведывательной оценке США за 2007 г., Иран, вероятно, располагает ещё 10–15 подобными объектами, которые также могут быть использованы для обогащения урана¹.

В феврале 2010 г. президент Ирана Ахмадинежад объявил, что страна уже может обогащать уран более чем на 80%, т.е. превратить его в оружейный.

Проблема здесь в том, что формально-юридически, являясь членом Договора по нераспространению ядерного оружия и МАГАТЭ, Иран имеет право обогащать уран, но под контролем МАГАТЭ. И до 2002 г. претензий к нему не было. Кризис возник осенью 2002 г., после того как США обвинили Иран в проведении скрытых работ по созданию ядерного оружия. Основанием для этого стали информация иранских эмигрантов, а также данные американской разведки. Но главным послужило разоблачение нелегальной торговли материалами и технологиями оружия массового поражения, которой руководил отец пакистанской атомной бомбы Абдул Кадир Хан. Этот чёрный рынок называли тогда «ядерным супермаркетом». Им широко пользовалась Ливия. В декабре 2002 г. её лидер Муамар Каддафи признал, что она тайно приобрела на этом рынке сотни тонн ядерного оборудования. Тогда он обязался сдать всё запрещённое международными соглашениями оружие и материалы. Но, судя по всему, услугами «супермаркета» Абдул Хана пользовались также Северная Корея и Иран, что и позволило последнему скрытно приступить к осуществлению собственной военной ядерной программы.

По требованию США МАГАТЭ начало проводить интенсивные проверки на иранских ядерных объектах — до 50–60 инспекций в год. Они выявили ряд серьёзных нарушений обязательств, которые Иран должен выполнять в качестве участника Договора о нераспространении ядерного оружия, хотя прямых доказательств создания Ираном такого оружия выявлено не было.

Имелись, однако, косвенные признаки. Оказалось, что на протяжении 18 лет Иран, не ставя МАГАТЭ в известность, скрытно приобретал на чёрных рынках важные материалы и технологии. Втайне им был построен завод по обогащению урана в Натанзе, где были обнаружены 164 центрифуги. Затем, уже в октябре 2006 г., он запустил там же второй каскад из 164 центрифуг. Наконец, в докладе МАГАТЭ, распространённом в Вене в сентябре 2008 г., указывается, что Тегеран уже запустил в действие 3820 газовых центрифуг по обогащению урана и продолжает работы по монтажу и установке ещё 2000 центрифуг².

¹ Независимая газета. 15.04.2009.

² Коммерсантъ. 16.09.2008.

Тут достаточно напомнить, что для превращения в ядерную державу Пакистану оказалось достаточно 5000 центрифуг. Через 5 лет после их создания, в 1984 г. пакистанский завод в Кахуте был способен производить до 15 кг оружейного урана ежегодно.

Оказалось также, что на заводе в Натанзе проводились и другие незадекларированные опыты по обогащению урана. Инспекторы МАГАТЭ обнаружили там частицы высокообогащенного урана, весьма близкого к тому, что используется в ядерном оружии. Иран объяснил, что эти частицы — следы загрязнения на оборудовании, купленном у продавца. Но продавец, как и страну производителя и фирму, назвать отказался. Считается, что к сделке причастен Пакистан.

Кроме того, американские спутники обнаружили строительство туннеля в районе исследовательского ядерного центра в Исфахане. Существуют также серьёзные опасения, что центрифуги в Натанзе не единственный действующий центрифужный каскад.

Постепенно выяснились и другие нарушения. МАГАТЭ, например, не было сообщено о попытках приобрести технологии лазерного обогащения урана, о покупке металлического урана и о многих других аналогичных прегрешениях.

Таковы факты. Но они, разумеется, ещё не доказательства. Руководство Ирана не раз официально заявляло, что в стране не ведутся работы по созданию ядерного оружия. И они правы, когда говорят, что МАГАТЭ не нашло свидетельств того, что мирная ядерная деятельность в стране переключена на военные цели. Но МАГАТЭ после более 5 лет расследований не может доказать и обратного, что в Иране не ведётся скрытых военных ядерных программ.

Судя по поведению иранского руководства и его амбициям, есть все основания полагать, что его стратегический курс — превращение Ирана в полноценную ядерную державу, обладающую ядерным оружием. Причём тайные работы по его созданию уже ведутся. Поэтому тактическая линия страны — тянуть время, чтобы максимально приблизить эту цель с минимальным уроном в отношениях с мировым сообществом. Об этом наглядно свидетельствует долгий и нелёгкий ход переговоров.

Начиная с 2003 г., когда иранская ядерная программа стала предметом обсуждения на Совете управляющих МАГАТЭ, Иран постоянно призывали предоставить данные, которые позволили бы прояснить полную картину ядерной деятельности в стране. Эти призывы сопровождались давлением со стороны США, заявлявших о несомненной военной направленности иранской ядерной программы.

Иранская сторона постоянно заявляла, что её ядерная программа преследует исключительно мирные цели. Однако при этом Тегеран предоставлял требуемую информацию только под нажимом и, как говорили инспекторы МАГАТЭ, «неполными порциями». То и дело возникали проблемы с допуском инспекторов на подозреваемые объекты. Зачастую им выдавали неверную информацию, которую потом иранская сторона либо корректировала, либо предоставляла совсем другие данные.

Ряд заинтересованных государств посчитал, что сложившуюся ситуацию надлежит решать дипломатическими средствами. Инициативу проявили Франция, Великобритания и Германия, которые провели ряд встреч с иранцами, чтобы найти выход из назревавшего кризиса. Суть их позиции сводится к тому, чтобы, чередуя давление и поощрения, используя вовлечённость и предоставление дивидендов, побудить иранское руководство приостановить ядерную программу и подрывную деятельность в соседних странах. А если не получится, то разработать модель оптимального и безопасного сосуществования уже с ядерным Ираном.

Осенью 2004 г. выход из кризиса, как казалось, был найден. На встрече в Париже удалось достичь соглашения, которое назвали тогда «прорывом». Иран согласился приостановить работы по обогащению урана, которые вызывали озабоченность в западном мире. Взамен «тройка» обещала начать с ним переговоры о выработке мер по выводу Ирана из политической и экономической изоляции и вовлечению его в диалог по укреплению региональной безопасности.

Иран, действительно, приостановил тогда обогащение урана, и это избавило его от передачи иранского ядерного досье в Совет Безопасности ООН для принятия санкций, которых добивались США. Но споры продолжались. Иран настаивал на своём праве проводить работы по обогащению урана, а в ответ ему говорили: это право неотделимо от обязанности предоставлять доказательства, что обогащение урана производится исключительно в мирных целях. Споры закончилась тем, что летом 2005 г. Иран прервал мораторий и официально возобновил работы по обогащению урана.

В ответ МАГАТЭ после долгих прений передало иранское досье в Совет Безопасности ООН. Тридцать первого июля 2006 г. он принял резолюцию, требующую, чтобы Иран прекратил обогащение урана. Но, выждав почти месяц, Иран ответил на неё отказом. В Совете Безопасности ООН вновь начались споры — применять или не применять санкции. А Тегеран снова выжидал.

Только после того, как дискуссии стали приближаться к финалу, президент Ирана объявил, что готов возобновить диалог. В октябре 2006 г. он подписал указ, согласно которому ядерные объекты Ирана могут беспрепятственно посещать иностранные туристы. Инспекторы МАГАТЭ при этом упомянуты не были. Одновременно было заявлено, что Иран не приемлет ядерного оружия и мечтает о мире, свободном от него. Вопрос о санкциях снова повис в воздухе.

Споры, применять или не применять санкции против Ирана, а если применять, то какие, продолжались не один год. Европейские страны предлагали умеренные санкции. Но США считали их слишком мягкими, а Россия и Китай — чересчур жёсткими. В итоге Совету Безопасности ООН удалось принять ещё 2 резолюции, требующие, чтобы Иран прекратил обогащение урана и допустил инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты. Введённые против него санкции были умеренными. Однако Ирак их игнорировал.

В июне 2010 г. Совет Безопасности ООН принял уже четвёртую резолюцию, вводящую новые, более жёсткие санкции. Она требует от Ирана приостановить все работы с ураном, тяжёлой водой и сотрудничать с МАГАТЭ. Одновременно всем государствам было предложено прекратить продажу или поставки Ирану тяжёлых вооружений, танков, БМП, крупнокалиберных артиллерийских систем, боевых самолётов, вертолетов, кораблей и ракетных катеров. Они должны запретить на своей территории иранские инвестиции в деятельность по добыче урана или по использованию и производству ядерных материалов и технологий. Резолюция ужесточила меры по досмотру грузов, следующих в Иран и из Ирана. Она ввела ограничительные меры на открытие в других странах новых отделений, филиалов и представительств иранских банков. А в приложении к ней приводится перечень юридических и физических лиц, подпадающих под режим санкций.

Разведывательная эквилибристика США

До сих пор остаётся неясным ответ на вопрос — способен ли Иран в действительности производить обогащённый уран, и если да, то когда он сможет создать свою атомную бомбу.

Не проясняют положение дел и чудеса разведывательной эквилибристики американских спецслужб. Так, в 2005 г. в их докладе

по Ирану говорилось о «решимости Тегерана создать ядерное оружие». И, опираясь на эти данные, то же самое твердил глава Белого дома. Однако в декабре 2007 г. был опубликован рассекреченный доклад Национальной разведки США «Иран: ядерные намерения и возможности», в котором суммировались данные, полученные 16 американскими спецслужбами, включая ЦРУ и АНБ. В нём утверждалось, что, оказавшись под международным дипломатическим давлением, Тегеран был вынужден свернуть свою программу создания ядерного оружия ещё осенью 2003 г. и что он не возобновлял её реализацию, о чём можно говорить «со средней степенью уверенности».

Тут же, однако, как это принято в докладах американской разведки, делался шаг назад: «Мы не знаем, намерен ли Иран создавать сейчас ядерное оружие». Одновременно указывалось, что если Тегеран примет решение разморозить свою военную ядерную программу, то сделать атомную бомбу он сможет не ранее 2010 г. «Мы, — отмечалось в этом докладе, — оцениваем со средней степенью уверенности, что Иран, вероятно, будет технически способен произвести высокообогащённый уран в достаточном количестве для создания ядерного оружия во временных рамках 2010–2015 гг.».

В общем, понимай как хочешь. Не станет Иран обогащать уран — спецслужбы об этом говорили. Создаст Иран свою атомную бомбу — они об этом предупреждали.

Впрочем, на сей счёт у многих американских специалистов другое мнение. Так, в американском Институте предпринимательства — мозговом центре неоконсерваторов — в начале декабря 2008 г. прошла конференция на тему «Временная шкала ядерного Ирана и дилеммы Запада». В своих выводах её участники ссылались не на двусмысленный доклад американских спецслужб, а на выводы независимых экспертов, изложенные в специальном докладе МАГАТЭ от 19 ноября 2008 г., согласно которому Иран уже произвёл 425,9 кг низкообогащённого урана. В частности, Гарри Милхолин, уже 20 лет возглавляющий в Висконсине проект по контролю за ядерным оружием, пришёл к выводу, что с помощью имеющихся у Ирана центрифуг он сможет за 2–3 месяца получить 16,2 кг обогащённого урана гр. 235. Этого уже будет достаточно для производства одной атомной бомбы.

Более того, согласно докладу МАГАТЭ, Иран производит за один месяц 48,3 кг низкообогащённого урана. Следовательно, при дальнейшем обогащении он может получать из этого количества 1,8 кг урана гр. 235. Таким образом, к июню 2009 г. Иран будет располагать

обогащённым ураном, достаточным для создания двух, а к ноябрю 2009 г. — трёх атомных бомб¹.

К аналогичным выводам пришли и в Израиле. Шеф военной разведки генерал-майор Амос Ядлин заявил, что Иран уже перешагнул технический рубеж и способен теперь собрать ядерный заряд. «Иран, — считает он, — продолжает накапливать сотни килограмм низкообогащённого урана и надеется использовать диалог с Западом, чтобы выиграть время, нужное для развития способности создать ядерную бомбу»².

Между тем американская разведка продолжает опровергать эти выводы. Директор Национальной разведки США Дэннис Блэр заявил 10 марта 2009 г., что Иран располагает только низкообогащённым ураном, а решение о производстве высокообогащённого урана Тегераном ещё не принято. Но тут же, как это принято в ЦРУ, оговорился: «Наша текущая оценка такова, что минимальный срок, за который Иран технически способен произвести достаточно высокообогащённого урана для изготовления одного боезаряда, — это 2010–2015 гг.»³.

Той же весной в печать проникли сообщения, что в начале апреля Вашингтон посетил высокопоставленный израильский чиновник, который без всяческих экивоков заявил: «Обама должен до конца 2009 г. убедить Иран прекратить обогащение урана. Если этого не произойдёт, Израиль может принять решение остановить завод в Натанзе силой, т.е. нанести по нему удар, как это произошло в 1981 г. с ядерным реактором в Ираке»⁴.

Иначе говоря, вопрос, способен ли Иран изготовить атомную бомбу и когда это произойдёт, приобрёл критическую остроту.

Зато загадочно молчит российская разведка. Во всяком случае, её оценки в печать не проникали. Российские учёные-атомщики, в том числе работавшие на Бушере, в свою очередь, считают, что работы по созданию ядерного оружия в Иране ведутся и он сможет создать свою атомную бомбу в 2012–2017 гг.

В конечном счёте, из американской разведывательной эквилибристики можно сделать лишь один вывод: успехи Ирана в овладении полным ядерным циклом налицо. Это уже открыло ему доступ к созданию ядерного оружия. Вот только когда? Но это уже не столь важно. Мировому сообществу уже сейчас нужно срочно определяться — что делать. И времени для этого осталось совсем немного.

¹ Коммерсантъ. 04.12.2008.

² Независимая газета. 12.03.2009.

³ Там же.

⁴ New York Times. 14.04.2009.

Что меняется в политике США?

Нынешний президент США Барак Обама ещё в ходе предвыборной кампании заявил, что превращение Ирана в ядерную державу недопустимо. Но тут же пообещал начать диалог с иранским руководством. А вступив в должность, послал 20 марта 2009 г. новогоднее поздравление иранскому народу, в котором объявил о «новом начале» в отношениях между Ираном и США. Но без какой-либо конкретики. После словесных реверансов последовали заверения, что он, Обама, хочет установить конструктивные отношения, которые основывались бы не на угрозах, а на взаимном уважении.

Ответ не заставил себя ждать. Духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи заявил, что не видит каких-либо изменений в политике администрации США. После чего последовали прямые вопросы: «Вы сняли жёсткие санкции? Вы прекратили безусловную поддержку сионистского режима? Вы отказались от обвинений великой иранской нации и её властей? Скажите, что вы изменили?».

И тут в иранском руководстве полное единство. Ещё в конце января президент Ирана предупредил Вашингтон: если вы заявляете об изменениях, «положите конец американскому военному присутствию во всём мире. Выведите свои войска и разместите их в пределах своих границ».

Короче говоря, начало архижёсткое и никакой конкретики с обеих сторон. Но обычно так и бывает в переговорной дипломатии — начинают с максимально жёстких позиций и ждут, кто первый моргнёт.

Но неясно главное — способен ли диалог, предлагаемый США, изменить нынешний ход событий, когда, вопреки международному давлению, Иран может уже за считанные месяцы присоединиться к таким де-факто ядерным державам, как Израиль, Индия и Пакистан. Или же он предусматривает возможность образования ядерного Ирана, дружественного Соединённым Штатам, каким является, например, Пакистан? Но можно ли будет тогда создать режим сдерживания между такими ядерными державами, как Иран и Израиль, по примеру того, как это худо-бедно, но существует между Индией и Пакистаном?

А самое главное — пойдёт ли нынешний Иран на это? И что тогда — появление ядерного Ирана, который тут же превратит Большой Ближний Восток в «ядерный погреб» всего мира, подобный тому, какими были в своё время Балканы, слывшие «пороховым погребом» Европы? И чем смогут расплатиться США за смену курса нынешнего

иранского руководства и его отказ от создания ядерного оружия? Да и смогут ли?

Скорее всего, речь тут может идти о выходе Ирана из международной изоляции и предоставлении ему экономических и финансовых субсидий, которые превратили бы его в процветающую страну Большого Ближнего Востока. И Иран вроде бы должен быть заинтересован в этом. Ведь по статистическим данным, опубликованным в Тегеране, инфляция в стране равна 26%, а дефицит бюджета в 2009 г. составит 44 млрд долларов.

С точки зрения американского менталитета, всё правильно: большие деньги, материальное благополучие — это главное. Поэтому Иран должен быть заинтересован в получении обещанных благ, а это побудит его пойти на уступки и в конце концов отказаться от создания ядерного оружия.

Но тут-то и кроется серьёзный просчёт — не учитывается менталитет, присущий иранскому руководству и, судя по всему, большинству иранского народа. Суть его выразил президент Ахмадинежад, который в конце 2008 г. заявил: «Исламская революция была движением, которое не может быть ограничено только территорией Ирана. Это движение было направлено не только на создание новой системы, но также и на материализацию обещаний Бога. Исламская революция была фундаментальным и определяющим движением для всего человечества, соответствующим пути божественных пророков... Великий день, когда люди избавятся от своих злодеев и идиолов, очень близок»¹.

И было бы большой ошибкой надеяться, что иранское руководство в предвидении «больших денег» откажется от создания ядерного оружия, делающего неуязвимыми завоевания исламской революции в её победоносном шествии по Большому Ближнему Востоку и за его пределами.

Возможные пути решения иранского кризиса

В этой непростой ситуации учёные-политологи всего мира задаются вопросами — чего ждать и что делать? И вариантов ответа появилось немало. В том числе и возможность нанесения Израилем бомбовых ударов по иранским ядерным объектам. Сами США вряд ли пойдут на такую акцию и скорее попытаются уговорить Израиль воздержаться от этого шага. Ведь в случае удара по Ирану полыхнёт весь Ближний Восток.

¹ Коммерсантъ. 16.12.2008.

Вероятнее всего, реалистичный подход будет проложен в диапазоне между продолжением переговоров с Ираном о прекращении им обогащения урана и выстраиванием отношений с ним уже как с ядерной державой на основе взаимного сдерживания.

И начинать надо с переговоров «шестёрки» — пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН плюс Германии. А шансы для их успеха пока ещё есть. Вашингтон уже заявил о готовности участвовать в таких переговорах, не ставя предварительных условий. После затяжного молчания последовал двусмысленно позитивный ответ Тегерана. Ахмадинежад заявил, что Иран готов забыть прошлое, и предложил начать переговоры с чистого листа. Однако, если позиция противной стороны не изменится и сведётся к навязыванию своей воли, подчеркнул он, то ответ иранского народа «будет тем же, что в своё время был дан господину Бушу». И сообщил, что Тегеран готовит новый проект предложений для «шестёрки», на основе которого и будет вести переговорный процесс.

Позиция Европейского союза — готовность к поиску свободных от крайностей путей мирного разрешения иранского кризиса. Политика ЕС предполагает сочетание кнута и пряника: с одной стороны — обещание экономических и других благ, если Тегеран откажется от обогащения урана и откроет доступ инспекторам МАГАТЭ ко всем ядерным объектам. А с другой — угроза введения санкций, которые отрежут Иран от внешнего мира и, если не перекроют полностью, то сильно затруднят ему возможность создания ядерного оружия и затянут этот процесс на многие годы.

В соответствии с такой политикой «евротройка» (Германия, Франция, Великобритания) при поддержке России выработала пакет предложений, который был передан Ирану ещё 6 июня 2006 г. По сути дела, ему был предложен выбор — сотрудничество или изоляция и санкции. Но Иран то отвергал этот пакет, то соглашался на возобновление диалога. США отвечали на это угрозами, а Россия и Китай стремились максимально ослабить давление на Иран. Обосновывая эту позицию, тогдашний министр обороны России Сергей Иванов подчёркивал: «Весь мировой опыт показывает, что санкции, как правило, оказываются неэффективными».

Каковы же интересы России?

Нередко их сводят к тому, что она построила АЭС в Бушере, получив за это немалые деньги. И к тому, что в нынешней обстановке, когда

иранский атомный энергетический рынок закрыт для большинства конкурентов, у России есть неплохие шансы получить новые контракты. Кроме того, Россия многие годы продавала Ирану военную технику и в состоянии расширить выгодное военно-техническое сотрудничество. По этим-де причинам российский военно-промышленный комплекс и предприятия атомной промышленности усиленно лоббируют примирительный курс по отношению к Ирану.

Разумеется, Москва заинтересована в том, чтобы участвовать в развитии мирной ядерной энергетики Ирана и получать от этого прибыль. Но сейчас речь идёт о куда более важных проблемах — об обеспечении национальных интересов и основ безопасности страны.

Появление у наших южных границ ядерной державы, возглавляющей мировое движение исламского экстремизма, не отвечает потребностям российской безопасности. Посмотрим правде в глаза: если бы США и их союзники не вторглись в Афганистан, то весь военный и идеологический потенциал талибов обрушился бы на среднеазиатские и кавказские государства бывшего СССР. Под ударом оказалась бы и Россия. И тогда нам одним пришлось бы вести борьбу против исламских экстремистов и террористов.

По многим параметрам нынешняя ситуация с Ираном похожа на несостоявшийся афганский сценарий. Не трудно себе представить, что произошло бы, если бы Россия, позиционируя себя, наряду с США, в качестве врага исламских радикалов, вызвала бы на себя их огонь. Ведь тогда они, чувствуя за спиной такого могучего покровителя, как Иран, могли бы избрать в качестве первоочередной цели не далёкие Европу или США, а нестабильный Кавказ и центральноазиатские республики СНГ. Не следует забывать, что, с точки зрения экстремистов от ислама, США это «Большая сатана», а Россия — «Малая сатана». Не случайно в нашумевшем воззвании Аль-Каиды Папе Бенедикту XVI в списке стран, где происходит война между христианами и мусульманами, фигурирует, наряду с Афганистаном и Ираком, и Чечня.

Иначе говоря, перед Россией стоит сложная задача выработки политики, которая совмещала бы её геополитические интересы, стратегию нераспространения ядерного оружия с потребностями нашей атомной и других отраслей промышленности, экспортирующих товары и технологии двойного назначения. Разумеется, приоритет должен быть отдан обеспечению национальной и международной безопасности.

Не следует, однако, забывать, что Иран вёл себя вполне сдержанно во время конфликтов в Чечне и Таджикистане. А хорошие отношения с Ираном позволяют укреплять позиции России в «южном тылу» — постсоветской Центральной Азии.

У России должна быть ясная и твёрдая цель — не допустить появления ядерного оружия у Ирана. На этом должна строиться стратегическая линия её поведения. Но одновременно нужно учитывать и другой стратегический интерес — необходимость проводить эту линию так, чтобы не стать врагом Ирана и исламского мира в целом. При этом нужно иметь в виду и перспективу того, что Иран, несмотря на все усилия, всё же завладеет ядерным оружием. Но и в этом случае России надлежит сохранять с ним добрососедские отношения, основанные на взаимной безопасности.

На первый взгляд, цели эти внутренне противоречивы. Но они отражают объективные противоречия, обусловленные глобализацией мира и возможностью обострения конфликта цивилизаций.

Естественно, встаёт вопрос: возможно ли проводить столь непростую политику и в чём она должна заключаться?

Россия всегда находилась на стыке цивилизаций. Их сосуществование и взаимовлияние были залогом её выживания. Отсюда уникальная роль, которую она играла на протяжении веков. Аналогичные функции она может взять на себя и сейчас.

Россия может и должна способствовать диалогу между Ираном и мировым сообществом. И вести его следует без предварительных условий. Залог его успеха — уяснение того, при каких обстоятельствах Иран готов отказаться от создания ядерного оружия. В их числе могли бы быть гарантии безопасности, предоставление политических и экономически преференций, согласие на создание в Иране центра по обогащению урана, но под строгим повседневным контролем МАГАТЭ. Стоило бы подумать и над тем, чтобы подключить Иран к решению иракского кризиса.

К такому диалогу следует приступить немедленно, рассматривая его как одну из важнейших целей нашей политики. И только если этот диалог потерпит неудачу, приступить совместно с США и Европой к разработке модели сосуществования с ядерным Ираном.

А главное — нужно, наконец, прийти к единому пониманию того, что такое терроризм и как с ним бороться. В противном случае мировое общество ожидают, мягко говоря, непредвиденные неприятности.

Простой пример. После разрушения экономической и жилой структур Ливана в результате израильской бомбардировки именно экстремистская Хезболла занялась их восстановлением, затратив на это сотни миллионов долларов. Населению были выделены большие средства на возведение и приобретение жилья. А что делало в сложившихся условиях мировое сообщество? В лучшем случае посылало продовольствие, палатки и оказывало иную гуманитарную помощь. Поступала она не-

регулярно, с трудом преодолевая блокаду Израиля. Не удивительно, что симпатии и поддержка населения Ливана, в том числе христиан, сдвинулись в пользу не мирового сообщества, а Хезболлы, т.е. исламского экстремизма.

Ещё о сотрудничестве в борьбе с терроризмом

Россия может предложить своим партнёрам по антитерроризму многое. Это, прежде всего, политическое влияние в важных районах исламского мира, возможности своей разведки, а также опыт предотвращения террористических актов и ликвидации их последствий.

Ещё в основополагающем акте Россия—НАТО от 1997 г. борьба с терроризмом была обозначена в качестве конкретной области консультаций и сотрудничества. Но в то время ни у НАТО, ни у России не было ясного понимания того, как развивать сотрудничество и на чём сосредоточить своё внимание.

В Римской декларации «Отношения России—НАТО», принятой в мае 2002 г., когда был создан Совет Россия—НАТО, борьба с терроризмом уже выделена в качестве ключевой области практического сотрудничества. В ней были также определены новые совместные механизмы и процедуры, позволявшие достичь лучшего взаимопонимания и сближения партнёров.

Одним из таких механизмов стала Специальная рабочая группа по терроризму, в которой обсуждаются концептуальные подходы к противостоянию террористической угрозе и идёт поиск путей практического сотрудничества. К настоящему времени эта группа разработала и приняла ряд совместных документов. К ним относятся оценки угроз и вызовов со стороны Аль-Каиды, террористических угроз силам по поддержанию мира на Балканах, террористических угроз самолётам гражданской авиации, угроз государствам — членам Совета Россия—НАТО, исходящих от исламского экстремизма и радикализма в Центральной Азии, современных и будущих террористических угроз грузовому и пассажирскому транспорту.

Установлено сотрудничество между военными. В целях разработки практических рекомендаций, касающихся совместных действий, в Норфолке (США), Москве и Риме были проведены на высоком уровне конференции о роли вооружённых сил в борьбе с терроризмом. Под эгидой Конференции руководителей национальных военно-технических ведомств были организованы выставки и презентации разработанных рос-

сийскими и западными компаниями новых технологий, которые могут быть использованы в контртеррористических операциях.

Научный комитет Совета Россия—НАТО сфокусировал внимание на научно-исследовательской работе в сфере борьбы с терроризмом. Так, была создана группа экспертов по социально-психологическим последствиям террористических актов. Группа провела анализ серии последних терактов в России, США и некоторых европейских странах. Были подготовлены рекомендации для подобных случаев. В другой группе ведётся работа по обнаружению взрывчатых веществ, самодельных взрывных устройств и поясов террористов-смертников. Создаются группы экспертов по уязвимости транспортной инфраструктуры, по научно-техническим аспектам возможного применения террористами ядерных, биологических и химических устройств.

Летом 2005 г. в Любляне (Словения) под эгидой Совета Россия—НАТО прошла международная конференция по урокам последних террористических актов. На ней встретились представители правоохранительных органов, спасательных и медицинских ведомств, участвовавших в операциях по реагированию на террористические акты. Конференция способствовала взаимному ознакомлению с практическим опытом предотвращения террористической деятельности, ликвидации её последствий и освобождения заложников.

Весьма полезными оказались совместные учения. Так, на учениях «Калининград-2004» были отработаны процедуры оптимального распределения обязанностей при ликвидации крупномасштабных катастроф, на учениях «Авария-2004» — отработаны задачи безопасного хранения ядерного оружия. В 2005 г. Россия приняла участие в анти-террористических учениях НАТО в Средиземноморье «Активные усилия».

Пиком совместных усилий стала договорённость о разработке ежегодного плана действий по борьбе с терроризмом, достигнутая на Стамбульской встрече на высшем уровне в июне 2004 г. В декабре того же года министрами иностранных дел Совета Россия—НАТО был одобрен план действий по борьбе с терроризмом, в котором излагалась стратегия предотвращения терроризма, борьбы с террористической деятельностью и ликвидации последствий терактов. В общем, от протоколов о намерениях и учений произошёл переход к исследованию совместных действий, в том числе связанных с применением военных средств.

Существенным элементом антитеррористического партнёрства в рамках Совета Россия—НАТО явилось сотрудничество в борьбе с торговлей наркотиками в Афганистане. Важность такого сотрудни-

чества очевидна. Ведь деньги от продажи наркотиков зачастую идут на финансирование террористических организаций.

На встречах экспертов по этой проблеме были определены следующие области сотрудничества: обмен информацией, в том числе и секретной; обучение специалистов для подразделений по борьбе с наркотиками; практическая поддержка служб по борьбе с наркотиками в транзитных странах. Осуществляется пилотный проект по подготовке специалистов для подразделений по борьбе с наркотрафиком. В рамках проекта используются как мобильные, так и стационарные группы преподавателей, а также существующие учебные заведения, такие, как, например, российский Центр «Домодедово».

Военные акции против террористов должны, конечно же, продолжаться. Но их не следует рассматривать как главное оружие в борьбе с ними. Опыт войн прошлого для борьбы с терроризмом мало пригоден, о чём свидетельствует, в частности, ход военных действий Израиля в Ливане. Нужны новые способы и методы борьбы. На первый план должны выдвигаться экономические, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы.

Примером успешного антитеррористического сотрудничества можно считать Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), ядро которой образуют Россия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В её рамках создана специальная Региональная антитеррористическая структура (РАТС), в функции которой входят проведение совместных антитеррористических учений, обмен информацией (в том числе и секретной) и создание общего банка данных по терроризму.

Главная цель РАТС — борьба с терроризмом — рассматривается не как внутреннее дело государств, а как платформа международного сотрудничества. И результаты такого подхода налицо. Удалось составить единый список 14 террористических организаций, объявленных вне закона. Среди них — Аль-Каида, Исламское движение Узбекистана, Братья-мусульмане, Высший военный Маджлисуль Шура Объединённых сил моджахедов Кавказа и др.

В конце марта 2009 г. Советом РАТС были одобрены программы сотрудничества стран ШОС на 2010–2012 гг. Совет утвердил список международных террористов, подлежащих розыску, аресту или уничтожению.

Благодаря совместным усилиям антитеррористические структуры ШОС, согласно информации, представленной заместителем директора ФСБ России Сергеем Смирновым, пресекли в 2008 г. более 100 преступлений террористической направленности, из которых более 50

планировалось совершить в местах массового скопления людей. В том же году из незаконного оборота были изъяты 429 самодельных взрывных устройств, 2,2 тонны взрывчатых и 2,5 тонны ядовитых и отравляющих веществ. При этом выявлены и ликвидированы 180 баз подготовки террористов, задержаны более 500 боевиков, изъято большое количество оружия и боеприпасов¹. В июне 2009 г. Советом ШОС была утверждена Конвенция по борьбе с терроризмом. В общем, результаты налицо.

А вот Соединённым Штатам явно не удаётся справиться с международным терроризмом. Их силовые акции пока привели к противоположным результатам. Весьма негативные последствия имели вторжение в Афганистан и оккупация Ирака. Политическая нестабильность там не ослабевает, а во многом нарастает.

Неудачи США лишь укрепляют моральный дух экстремистов. Рост их популярности в мусульманских странах, особенно с низким уровнем жизни, после 11 сентября 2001 г. стал устойчивым явлением. Источником всех бед слывут там США и западные правительства, рассматриваемые как их марионетки.

Без устранения причин, порождающих экстремизм и терроризм, военные действия против них будут напоминать попытки вытереть пол, не перекрывая кран, из которого хлещет вода.

Что же в этой ситуации делать?

Во-первых, развернуть борьбу с нищетой и низким качеством жизни. Её не следует ограничивать гуманитарной помощью. ООН уже предпринимает серьёзные шаги в этом направлении. Утверждена программа «Цели развития в новом тысячелетии», предусматривающая сокращение на 50% числа лиц, живущих в крайней нищете, обуздание эпидемии СПИДа и обеспечение всеобщего доступа к начальному образованию. Эту программу поддержали Всемирный банк и МВФ.

Теперь, однако, необходимо идти дальше. Следует разработать своего рода «план Маршалла» для экономического подъёма отставших в развитии регионов. Такой план должен привести к созданию в странах Большого Ближнего Востока развитых, современных национальных экономик, которые вписались бы на равных в глобальную народно-хозяйственную систему. Разумеется, для этого потребуются не только «планы», но и крупные инвестиции.

Во-вторых, надлежит преодолеть фобии национального унижения. Пожалуй, это и есть самое трудное. Западу надлежит начать с са-

¹ Военно-Промышленный Курьер. 15–21.04.2009. №14. С. 3.

мого себя, внося коррективы в знания (точнее незнание) людей о роли и месте западной истории и культуры в истории человечества.

Письменная история человечества насчитывает 5 тысячелетий. Но из них только на протяжении семи-восьми веков Европа играла ведущую роль в мире. Всё остальное время в нём господствовала культура азиатская. Расцвела она, прежде всего, на Ближнем Востоке, в Индии и Китае. Да и сравнительно недавно, начиная с VII в. н.э., в мире почти тысячу лет доминировала блистательная арабская цивилизация. Так что Европе не следует самодовольно надувать щёки и высокомерно помыкать миллионами неевропейцев.

Таким образом, стратегия устранения причин, порождающих исламский экстремизм и терроризм, должна состоять из двух частей. Первая предполагает осуществление эффективной программы подъёма экономики, качества жизни и благосостояния народов Большого Ближнего Востока. Вторая — принятие эффективных мер по устранению причин национального унижения этих народов.

Инициативу в этом должны проявить именно Россия и Евросоюз, начав такую работу на уровне учёных и экспертов. Было бы полезным провести ряд конференций, на которых выработать единые подходы к определению того, что такое терроризм, а также методов борьбы с ним. Соответствующие рекомендации можно было бы разослать для ознакомления всем государствам — членам ООН. Это позволило бы сдвинуть дело с мёртвой точки, привлечь к нему внимание общественности, оживить межгосударственные переговоры и сблизить позиции сторон, что способствовало бы выработке соответствующих решений в Совете Безопасности или Генеральной Ассамблее ООН.

Полезным было бы предпринять усилия, способствующие образованию своего рода зон экономического процветания вдоль границ с Израилем. Это, конечно, не панацея от террора. Но когда людям есть что терять, они не раз подумают, прежде чем давать приют и оказывать поддержку террористам.

Начать, видимо, следует с финансирования развития образования и науки в менее развитых и бедствующих странах, с совместных действий по борьбе с болезнями и с разработки ключевых элементов современной инфраструктуры.

И медлить с этим явно не следует.

Глава 8. Вопросы международной безопасности

Связь между национальной и международной безопасностью существовала всегда, а в условиях глобализации стала практически нераздельной. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», утверждённой президентом Д. Медведевым 12 мая 2009 г., безопасность трактуется как единство внутренней и международной безопасности. Угроза национальной безопасности определяется в ней как «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства».

Ущерб «конституционным правам, свободам и достойному качеству жизни граждан» России могут нанести и внешняя агрессия против государства, и глобальный финансовый кризис, и не знающая государственных границ пандемия гриппа, равно как и действия сепаратистов внутри страны, коррупция или некомпетентность чиновников.

В конечном итоге безопасность государства сводится к созданию условий для полноценной жизни его граждан. Такие понятия, как территориальная целостность, идеология, независимость, при всей их значимости должны, по сути, рассматриваться как долговременный инструмент её обеспечения.

Правда, таковыми они являются не всегда. Нередко за мерами по укреплению безопасности стояли и продолжают стоять интересы отдельной личности или групповые интересы, а то и интересы государства. Их реализация нередко служит противоположным целям.

Доминирование интересов государства над интересами граждан, например, неизбежно ведёт к вызреванию тоталитаризма, который часто прикрывается патриотической демагогией. Соответственно, происходит подмена главных источников угрозы национальной безопасности. Так, в России, где численность внутренних силовых структур превышает численность армии, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» в качестве такого источника угроз ставит на первое место «разведывательную и иную деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленную на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации».

В XX в. мир пережил две мировые войны, множество локальных войн, революций и переворотов. Долгие годы над человечеством висела угроза глобального ядерного взаимоуничтожения. Многие рассчитывали, что в XXI в. человечество войдет поумневшим. Надежды на стабильную безопасность внушали окончание противостояния между США и СССР, а затем и исчезновение самого Советского Союза. Однако в XXI в. мир не стал более безопасным.

Снижение уровня угрозы глобальной ядерной войны привело к интенсификации локальных конфликтов и малых войн. Исчезло то, что политологи называли «дисциплиной холодной войны», когда почти любой конфликт оставался в системе отношений между Москвой и Вашингтоном. Развитие такого рода конфликтов шло в рамках противостояния сверхдержав, масштабы которого не выходили за рамки взаимного ядерного сдерживания. Теперь на смену традиционным военным угрозам пришли нетрадиционные — межэтнические и межконфессиональные конфликты, терроризм, разрушение окружающей среды, эпидемии, преступность.

Конечно, всё, что принято сегодня называть нетрадиционными угрозами, на самом деле всегда сопровождало человечество. Крестоносцы воевали с мусульманами. Китайцы в 1840 г. поднялись против англичан, пытавшихся легализовать в их стране наркотики. Организованная преступность не раз угрожала стабильности государств. Чума уничтожала города средневековой Европы. Террористы убивали царей и министров. Бездумность человеческого поведения превращала цветущие оазисы в пустыни.

Вместе с тем характер нетрадиционных угроз значительно изменился. Они эволюционировали одновременно с развитием науки и техники, с процессами глобализации. Интернет создал всемирную сеть, а террористы Аль-Каиды и других экстремистских организаций создали внутри неё собственную сеть насилия. Произошла миниатюризация вооружений и увеличение их способности к поражению и т.д.

Многие из сегодняшних угроз безопасности уходят корнями в неравномерность развития мира, другие являются следствием прежнего глобального противостояния между капитализмом и социализмом. В годы холодной войны США и СССР использовали в борьбе друг против друга третьи силы. Вашингтон вскармливал талибов и Аль-Каиду, Москва готовила палестинских бойцов и иных «солдат революции». Сегодня многие из них находятся в авангарде терроризма.

Свою лепту в глобальную нестабильность вносит и религиозный экстремизм — ровесник появления и формирования конфессий. Римляне преследовали христиан, христиане искореняли еретиков и му-

сульман, мусульмане расправлялись с «неверными», буддистские секты в Японии не на жизнь, а на смерть сражались друг с другом.

Политкорректность нередко побуждает умалчивать о преступлениях религиозных экстремистов против национальных законодательств и международного права. Однако такая сдержанность становится причиной эскалации насилия, ибо попустительство и безнаказанность стимулируют террористов. Противоправные действия не могут оставаться без законного наказания. Мир должен ясно и безоговорочно продемонстрировать экстремистам непереносимые последствия их поведения.

Продолжают повсеместно полыхать территориальные и этнические конфликты. Развал СССР и Югославии привёл к тотальной перекройке карты Европы и как бы снял запрет на пересмотр границ, принятый в 1975 г. на Совещании по безопасности Европы в Хельсинки. В результате на континенте возник ряд очагов взаимных претензий, часть из которых сохраняет острый характер. Немало таких очагов и на других континентах. Угрозу безопасности всё ещё несёт стремление США с помощью военной силы устранять реальные, а иногда и мнимые угрозы миру.

Безопасность и мировой порядок

Важной предпосылкой глобальной стабильности является качество миропорядка. Исторически его формирование сопровождалось становлением национальных государств и, соответственно, системы международных отношений, с которой и связано само понятие международной безопасности.

Её основы, заложенные Вестфальским мирным договором 1648 г., базировались на принципах абсолютного суверенитета национальных государств, признания ими друг друга и, следовательно, взаимного невмешательства во внутренние дела. Вместе с тем изначально утверждение суверенитета, национальных интересов и безопасности неизбежно приводило к противоборству государств, что не только не исключало, но, напротив, обуславливало использование военно-силовых инструментов международной политики.

В этих условиях в рамках вестфальской договорной системы стали формироваться различные противостоящие коалиции, объединявшиеся вокруг общих целей политического и территориального устройства. Восстановление и поддержание политических балансов, нарушенных в результате войн, вело к эрозии сложившейся системы, институ-

циональным стержнем которой становились отношения стран (коалиций) — победителей и побеждённых.

Окончание наполеоновских войн ознаменовалось попытками нового геополитического переустройства, прежде всего, Европы. Однако решения Венского конгресса 1815 г. не привели к устойчивому миру и были сломлены новыми противоречиями государств-победителей и последовавшими изменениями политического облика континента (в частности, в результате бельгийской революции и преобразования Италии и Германии в единые государства). Первая мировая война завершилась новым геополитическим переделом Европы, который был закреплён Версальским мирным договором, вступившим в силу в январе 1920 г., и рядом последующих международно-правовых актов.

Версальский порядок, с одной стороны, закрепил тенденцию к урегулированию международных отношений, определив права и обязанности победителей и побеждённых. Но, с другой стороны, эрозия вестфальской системы, слабость и неустойчивость существовавших институциональных инструментов потребовали поиска новых форм поддержания международной стабильности, создания действенных механизмов межгосударственного урегулирования. «Новые явления, созревшие или проявившиеся во время войны, ограничили свободу манёвра победителей и впервые определили то, что ни одна европейская держава не могла больше самостоятельно решать проблемы, связанные с мирными договорами и с определением нового соотношения сил на континенте»¹.

Выдвинутое Великобританией ещё в 1915 г. предложение создать международную организацию, призванную обеспечить мир на континенте, приобрело практическое звучание. В итоге в январе 1920 г. на базе Версальского договора была образована первая всемирная международная организация, ориентированная на сохранение мира и развитие международного сотрудничества — Лига Наций. По замыслу её создателей и, в первую очередь, американского президента В. Вильсона, подобная институализация международной политики должна была обеспечить возможность мирного разрешения конфликтов и коллективное противодействие агрессорам, в том числе путём санкций вплоть до скоординированных военных ответов. Предполагалось, что тем самым удастся сломить порочную систему тайной дипломатии и великодержавной политики. Иными словами, создание

¹ Ди Нольфо Э. История международных отношений. 1918–1999. М.: Логос, 2003. Т. I. С. 33.

Лиги Наций было ответом на проявившуюся потребность в демократизации послевоенной международной политики, в обстановке, когда она не могла более определяться лишь сверху, одними правящими элитами, вне учёта позиций общественности.

Возникновение коллективной системы международной безопасности в рамках Лиги Наций определило общее направление дальнейшего институционального развития этой системы, как её достоинств, так и внутренних противоречий. По существу была оформлена организация международной безопасности с глобальной ответственностью.

При этом речь шла не только о численности участников¹, но и о том, что по своему содержанию система безопасности превращалась в мировую. Это проявлялось в постоянно возрастающем значении внеевропейских объектов и субъектов политики. Данное обстоятельство имело и негативные последствия. Выход системы безопасности за пределы европейской географической зоны способствовал её эрозии. Этому в значительной степени содействовали Соединённые Штаты Америки. Оказав существенное влияние на формирование нового европейского порядка и, в частности, на создание международной системы коллективной безопасности, они, не став членом Лиги Наций ввиду сопротивления Конгресса, продолжали влиять на европейскую политику — причём далеко не всегда в конструктивном плане.

Несмотря на то, что созданная на базе Лиги Наций институциональная система международной безопасности формально признавала равные права суверенных государств, такое равенство в решении вопросов безопасности и развития на деле обеспечено не было — ни организационно, ни политически. Совет Лиги состоял из «основных держав-союзниц и объединившихся с ними государств». Политически в организации доминировали Франция и Великобритания, и это, как писал в 1923 г. Г. Ландау в книге «Сумерки Европы», предопределяло характер «мирового правительства» как «мировую диктатуру Антанты».

Крупнейшая страна Европы, Россия, оказалась за пределами новой институциональной организации, которая строилась без её участия и без учёта её законных интересов. Неучастие России в Лиге Наций вплоть до 1934 г. отнюдь не было парадоксальным. Напротив, оно отражало не только сложившуюся политическую ситуацию, но и характер версальской системы. Во-первых, Советская Республика не была признана европейскими державами и, более того, являлась одно

¹ Из 65 крупных государств, существовавших в 1920 г., все, за исключением США и Саудовской Аравии (образованной в 1932 г.), в тот или иной период состояли членами Лиги.

время объектом агрессии с их стороны. Во-вторых, сама Россия не была готова согласиться с «мировой диктатурой Антанты» (в лице, прежде всего, Франции и Англии) и войти в созданные ими европейские институты. В-третьих, позиции послереволюционной России основывались на коммунистической идеологии и классовом подходе, что в корне противоречило идеологии основных стран — учредителей Лиги Наций. В-четвёртых, существовала опасность, что эти противоречия, будучи привнесены в рамки институциональной системы безопасности, превратили бы её в арену политической и идеологической борьбы¹.

Пребывание СССР в Лиге Наций с 1934 г. (вплоть до его исключения в декабре 1939 г. из-за военных действий против Финляндии) подтвердило эти опасения. Вместе с тем оно сделало предельно очевидным, что неучастие в международной системе безопасности значимых игроков (будь то, например, США, Германия или Россия) практически лишает её возможности выполнять функцию универсальной организации, способной сохранить мир².

Механизмы коллективной безопасности окончательно утратили своё значение с началом Второй мировой войны³, но поиск модели послевоенного мироустройства продолжался. Созданная на завершающем этапе войны Организация Объединённых Наций, хотя и не копировала Лигу Наций, тем не менее учитывала её позитивный и негативный опыт⁴. Наделение ООН и её Совета Безопасности самостоятельными полномочиями, механизмами и инструментами разрешения международных споров позволило обеспечить эффективность новых институтов. Предоставление права вето пяти державам — членам Совета Безопасности ООН позволило добиться необходимого баланса между принципом юридического равенства субъектов международных отношений и задачей практической эффективности организации. Особое значение это имело в годы холодной войны, когда главной функцией ООН стало обеспечение стабильности биполярного мира.

¹ См.: *Иноземцев В. К. Воссозданию вестфальской системы: хаос и порядок в международных отношениях* // МЭиМО. 2005. № 8. С. 205.

² См. например: *Ди Нольфо Э.* Указ. соч. С. 36.

³ Деятельность Лиги Наций к этому времени, по существу, прекратилась, хотя формально организация была ликвидирована в апреле 1946 г. решением специально созванной Ассамблеи.

⁴ Предложения по будущей международной организации по поддержанию мира и обеспечению безопасности народов, согласованные союзниками в 1944 г. (Думбартон-Окская конференция) и доработанные на Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г., были положены в основу Устава Организации Объединённых Наций, принятого по итогам Сан-Францисской конференции 1945 г.

Основными принципами международных отношений, заложенными в Устав ООН, стали признание нерушимости границ, права наций на самоопределение и неприменения силы в международных отношениях, а также права государств на самооборону от агрессии, уважение прав человека и основных свобод личности. Введение и поддержание режима санкций в отношении стран-нарушителей вплоть до международного вмешательства, в том числе путём проведения операций миротворческими силами ООН, реализуются через механизм консенсусных решений постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Правда, в послевоенные годы ООН далеко не всегда удавалось эффективно решать встававшие перед ней задачи. Послевоенная конфронтация привела к образованию двух противостоящих друг другу военно-политических блоков — НАТО и Организации Варшавского Договора, что существенно мешало принятию согласованных решений. Это, в свою очередь, потребовало поиска дополнительных институциональных механизмов, способных обеспечить международную безопасность. В 1975 г. был подписан Хельсинский акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), положивший начало институализации встреч представителей государств — участников СБСЕ. Это, в свою очередь, позволило постепенно запустить «хельсинкский процесс», «ставший символом диалога и сотрудничества в годы “холодной войны” и во многом способствовавшим регулированию перемен в отношениях между Востоком и Западом на рубеже 80—90-х годов в условиях окончания “холодной войны”»¹.

Политика перестройки в СССР, породившая, по определению Парижской хартии для новой Европы (СБСЕ, 1990), надежды на новую «эру демократии, мира и единства», способствовала упрочению принципов хельсинкского процесса и его институционализации путём преобразования СБСЕ в особую организацию — ОБСЕ.

В своё время многие рассматривали ОБСЕ как прообраз общеевропейской системы безопасности, действующей на «безблоковой основе». К сожалению, возлагаемые на неё надежды реализовались лишь частично. Рудименты многолетней конфронтации, выбор стран Запада в пользу укрепления собственных структур безопасности, и, прежде всего, НАТО, с одной стороны, и относительная слабость механизмов ОБСЕ, с другой — не позволили ей выступить в этой роли. Влияние Организации постоянно падало, а усилия теряли свою эффективность. Соответственно уменьшался интерес к ней России.

¹ См.: Загорский А. Хельсинкский процесс. М.: Права человека, 2005. С. 6.

Особенно очевидным это стало в конце 90-х годов, после кризиса в отношениях между Россией и Западом, когда НАТО по собственной инициативе, не заручившись согласием Совета Безопасности ООН, осуществила военную операцию против Югославии, и затем расширила зону ответственности за пределы прежних территорий на восток Европейского континента. Стремление сторон избежать скатывания к новой конфронтации стимулировало поиск новых институциональных возможностей укрепления вектора сотрудничества. Россия активизировала диалог по вопросам безопасности непосредственно с Европейским союзом, который инициировал становление собственной Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), и восстановила замороженные в 1999 г. отношения с НАТО.

После теракта против США 11 сентября 2001 г. намечилось новое сближение в сфере безопасности между Россией и Западом. Были укреплены и получили новые стимулы институты сотрудничества как между Россией и Евросоюзом, так и между Россией и НАТО. Большое значение имело создание в 2003 г. Совета Россия–НАТО, который фактически стал первым органом равноправного практического российско-западного сотрудничества в сфере безопасности.

Одновременно Россией были предприняты усилия по совершенствованию институциональной структуры безопасности на пространстве Содружества Независимых Государств. В 2003 г. была создана Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую ныне входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Шанхайская Организация Сотрудничества, образованная в 2001 г. первоначально в целях регионального экономического сотрудничества, распространяет теперь свою деятельность также на сферу безопасности, уделяя первостепенное внимание противодействию обороту наркотиков и борьбе с терроризмом.

Предполагается также наладить взаимодействие между западными структурами безопасности и институтами, развивающимися на пространстве СНГ, в первую очередь — по линии ОДКБ–НАТО. Однако соответствующие идеи пока далеки от практического воплощения, прежде всего, ввиду различия в потенциалах и международной роли обеих организаций, сложных отношений между Россией и Западом на постсоветском пространстве и незавершённости его реструктуризации.

Россия и внешний мир: политические и цивилизационные аспекты

С точки зрения международной безопасности для России всё большую актуальность приобретает характер внешних отношений. После распада СССР она оказалась перед необходимостью найти своё место в мире. Её первоначальные наивные попытки установить равноправные отношения с ведущими мировыми державами не дали ожидаемых результатов.

Россия с её больной экономикой конца XX в. не могла, да и не умела проводить внешнюю политику в условиях конкуренции, в которой поднаторел Запад. Были упущены также возможности укрепления отношений со странами постсоветского пространства, а те страны дальнего зарубежья, где СССР имел серьёзные политические и экономические позиции, оказались вне сферы интереса Москвы.

С цивилизационной точки зрения Россия оказалась в условиях изоляции: её принадлежность к Европе не разделяли в полной мере ни европейцы, ни россияне. Не было соответствующей ясности и у самого руководства страны, провозглашавшего Россию то самостоятельной цивилизацией, то евразийским государством, следующим по собственному историческому пути развития.

Для Европы наша «чуждость» определялась рядом факторов. С одной стороны, она была связана с укоренившимся ещё с XVIII в. стереотипом восприятия нашей страны как тоталитарной, в которой государство подавляет свободу как внутри своих границ, так и за их пределами. Ни XIX в., ни советский период отечественной истории не способствовали разрушению подобных представлений. С другой стороны, отчуждённость питалась всё ещё существующими реальными цивилизационными и поведенческими различиями.

Прежде всего, это относится к таким категориям, как отношения человека и государства (в России до сих пор человек существует для государства, а не наоборот), к фактическому отношению российской власти к правам человека, к инвалидам и ко многому другому, не всегда укладывающемуся в западные стандарты. Причиной отчуждения было и наше постоянное противопоставление себя Западу, укоренившееся в России ощущение враждебного окружения, поиск объяснения любых трудностей «происками Запада».

До сих пор ни Россия, ни, тем более, Запад не могут найти ответа на вопрос о месте, которое должна занять наша страна в мире. Между тем выбор модели развития является определяющим для формирова-

ния концепций безопасности страны, включая отношение к обороне, военному строительству и внешним угрозам, формированию внутренней экономики и внешнеторговых связей.

Не может не настораживать и то, что, к сожалению, у России не осталось очевидных и долговременных союзников, кроме Абхазии и Южной Осетии. Ведь даже наше единственное «союзное государство» — Беларусь в лице своего президента постоянно пребывает в конфликте с Москвой. Назвать союзниками наших партнёров по СНГ можно лишь весьма условно. Они, хотя и в разной степени устойчивости, находятся в поиске баланса между Россией, Западом и Китаем и, к сожалению, в большинстве случаев склоняются не в нашу сторону. Пока их не устраивает наша модель развития. Что касается Китая, то, сохраняя теснейшие экономические связи с Западом, он является нашим устойчивым партнёром, но отнюдь не союзником.

Возникает вопрос: насколько отличия от европейской модели способствуют нашему развитию, созданию нами мощной современной экономики, завоеванию прочных политических и экономических позиций, приобретению статуса уважаемой страны, обеспечению безопасности граждан? Объективно Россия, вероятно, выиграла бы от приобщения ко многим западным стандартам. К сожалению, до сих пор мы лишь копируем далеко не лучшие образцы западной массовой культуры.

Укрепление экономической безопасности путём «стимулирования и поддержки развития рынка инноваций, наукоёмкой продукции и продукции с высокой добавочной стоимостью», как это записано в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», невозможно без принятия западных стандартов демократии, поскольку инновационная экономика может развиваться только в условиях экономической и политической свободы.

Речь не идёт об отказе от национальных традиций или о слепом копировании западных стандартов. Япония стала второй экономикой в мире и демократическим государством в западном понимании этого слова, но от этого не перестала быть страной уникальной культуры, оставаясь в поле и конфуцианства, и западной цивилизации.

Далеко не все из того, что существует в общественной жизни Запада, для нас приемлемо. У нас никогда не приживётся доведённая до абсурда «политкорректность». Мы сами будем решать, быть или не быть у нас смертной казни, разрешать или не разрешать гей-парады. Но вместе с тем следует помнить, что соблюдение прав человека — не провокация Запада, а объективная необходимость, что судить надо исключительно по закону, что без гражданского общества стране будет трудно развиваться дальше.

На словах наша власть признает это, но на практике нередко отвергает. В 1956 г. поэт Давид Самойлов произнес знаменательные слова: «Отгородившись стеной всех видов бюрократии от истинных стремлений общества, власть вообразила себя единственным носителем общественной правды»¹. К сожалению, они актуальны и ныне, полвека спустя.

Решение этих проблем зависит, прежде всего, от нас самих. Необходимо определить собственный путь развития, который сочетал бы национальные чаяния народа, здравый смысл и понимание современного мира. Хочется верить, что Россия в конечном итоге сможет найти модель развития, которая наряду с открытостью миру обеспечит безопасность страны и своих граждан, не скатываясь к гонке вооружений, определявшей отношения между СССР и США в годы холодной войны.

Императив коллективной безопасности

Выше уже шла речь о том, что со второй половины XX в. содержание понятия безопасности стало расширяться. Появилось представление об экономической, социальной, экологической, демографической безопасности и т.д. Численность «вариантов» безопасности продолжает быстро увеличиваться.

Вместе с тем, если представить себе их совокупность в виде пирамиды, то на самой её вершине всё равно останется — по крайней мере на обозримую перспективу — военная безопасность: способность государства и общества защитить себя от любой традиционной военной угрозы, противодействовать ей политическими, экономическими и иными средствами, но, в первую очередь, наращиванием военной мощи. А если сдерживание не сработает, победить в военном конфликте. Обеспечить эту способность можно только наращивая готовность к борьбе, войне и победе.

С этой точки зрения не существует принципиальной разницы между каменным топором, при помощи которого решалась эта задача миллионы лет назад, и водородной бомбой, химическим и бактериологическим оружием, точными ракетами или иными вариантами того самого каменного топора, которые развивает и совершенствует современное человечество.

Создание и содержание вооружённых сил и военно-промышленного комплекса — задача нелёгкая и во многом неблагоприятная. Она

¹ Самойлов Д. Подённые записи. М., 2002. Т. 1. С. 268.

требует огромных усилий, которые в ином случае могли бы быть направлены на решение мирных задач, развитие жизненно необходимых сфер общественной жизни.

Военные нужды требуют участия огромного количества людей, отрывааемых от мирного производства и — пусть на время — от мирной жизни. На финансирование этих нужд уходят бесчисленные средства, использование которых в своей основе непроизводительно. Конечно, всякое военное производство, особенно высокотехнологичное, двигает вперёд научно-технический прогресс, и это в конечном итоге приносит пользу обществу. Тем не менее данное обстоятельство компенсирует лишь малую часть потраченного.

И всё же страны осознанно идут на жертвы, понимая, что они необходимы, поскольку решают главную национальную задачу — обеспечивают безопасность. Это своего рода императив истории.

У всякого оружия два лица — страшное и необходимое. Это особенно ярко проявляется в той кульминационной точке, которой достигли в наше время системы вооружений — в ядерном оружии. Оно внушает нормальному человеку ужас. Охватить умом тот факт, что пятидесятимегатонная бомба в восемь с лишним раз превосходит мощь всех взрывчатых веществ, применённых на протяжении всех шести лет Второй мировой войны, не то что трудно, но просто невозможно. И при всём этом именно ядерное оружие и паритет, который существовал несколько десятилетий между СССР и США, стали залогом того, что человечество избежало третьей мировой войны, чреватой взаимоуничтожением человечества.

Общепризнано, что гонка вооружений и без войны истощает экономику её участников, дестабилизирует внутреннюю политическую жизнь, порождает локальные конфликты и международную напряжённость. Рано или поздно человечество должно было прийти к осознанию того, что обеспечить собственную безопасность от военной угрозы усилиями отдельного государства не просто трудно, но невозможно. Рецидивы таких попыток в истории были, и все они кончались плачевно. Тем более что понятие победы в современной глобальной войне радикально изменилось по сравнению с прежними временам. В ядерной войне — это «победа» над всем человечеством, так как, скорее всего, погибнут и побеждённые, и «победители».

Поэтому важнейшей особенностью современной ситуации стало растущее понимание того, что обеспечение международной безопасности — это комплексная проблема, решить которую можно только совместными усилиями, путём компромиссов и взаимоприемлемых шагов навстречу друг другу.

Осмысление этой важнейшей истины давалось человечеству трудно. Тем не менее, несмотря на препятствия и сложности, она прокладывала себе дорогу. Это происходило даже в годы холодной войны.

Казалось бы, что с её прекращением открылись широчайшие возможности коллективных усилий, направленных на прекращение гонки вооружений. На первых порах так оно и было. Достаточно привести только один пример. Согласно Договору 1990 г. об обычных вооружённых силах в Европе на её востоке и западе было уничтожено более 63 тыс. единиц тяжёлых вооружений — танков, артиллерийских орудий, бронетранспортеров и т.п. На основе соглашений, заключённых СССР и США, произошло существенное сокращение численности ядерного оружия.

Складывалось впечатление, что гонка вооружений всерьёз обращена вспять. Об этом свидетельствовала и официальная статистика. На протяжении первых семи лет после прекращения холодной войны глобальные военные расходы сократились примерно на одну треть.

Однако радужные надежды оказались преждевременными. После 1998 г. глобальные военные расходы начали снова расти, причём с ускорением. К 2005 г. они превысили один триллион долларов и достигли уровня последних лет холодной войны. Почти половину этого показателя составили военные расходы США (в 1990 г. на их долю приходилось только около трети)¹.

Стоит ли человечество перед новым туром гонки вооружений или то, что произошло, — лишь временный рецидив — пока неясно. Но происходящее порождает тревогу.

Признаки надвигающихся военных угроз требуют новых усилий, направленных на укрепление международной безопасности. Только она отвечает подлинным интересам развития человечества.

Большая ответственность ложится в этой связи на Россию. Как одна из двух мощнейших ядерных держав, она неоднократно подтверждала, что готова выработать и предложить миру далеко идущие и реалистические инициативы, способные укрепить международную безопасность. Верится, что эта конструктивная традиция даст реальные, позитивные результаты.

* * *

¹ SIPRI: Yearbook. 2006. Armament, Disarmament and International Security. Oxford—N.-Y., 2006. P. 298, 301.

Сейчас становится всё яснее, что институциональная система международной и европейской безопасности нуждается в серьёзной трансформации. Пока можно определить лишь некоторые главные направления её возможной эволюции.

Прежде всего, очевидно назрел переход от межгосударственных союзов и уний к международным организациям регионального и глобального характера, от преимущественно политической к международно-правовой системе.

Должны быть сделаны необходимые выводы из того, что международная система безопасности становится де-факто и де-юре глобальной. Вместе с тем происходящая ныне регионализация миропорядка стимулирует — и будет стимулировать впредь — появление наряду с ООН как глобальной организации безопасности новых региональных структур и механизмов.

Процессы, происходящие в современном мире, кардинально меняют содержание того, что мы именуем международной безопасностью. В иерархии её приоритетов на первый план выдвигаются безопасность личности и обеспечение прав человека. Продолжается переход к всеобъемлющей безопасности. Соответственно, меняются инструменты её обеспечения. Её военно-силовая составляющая дополняется «мягкой силой». Растёт число и влияние неправительственных акторов её реализации — как международных организаций, так и сетевых структур.

С окончанием холодной войны диалектика поддержания безопасности и стабильности определяется переходом, хотя ещё далеко не завершённым, от противостояния и взаимного сдерживания к взаимодействию и сотрудничеству, от дискриминационной, по сути, системы — к системе равноправных отношений.

Пока, однако, революционные изменения в системе международной безопасности не сопровождаются революционной трансформацией институциональной структуры. Её неадекватность современным угрозам и вызовам определяется относительной слабостью и неэффективностью традиционных институтов и отсутствием видимой перспективы возникновения принципиально новой институциональной системы обеспечения безопасности.

Часть II. ЕВРОПА ГЛАЗАМИ РОССИИ

Глава 9. Европейские ценности

Одним из самых расхожих терминов в современном политическом лексиконе стали «ценности». Под ними имеются в виду основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан. Вводя нравственные критерии в оценки отношений не только между людьми и их объединениями, но и государствами, система ценностей служит сеткой координат, вне которой утрачивается идентичность (если не сам смысл существования) любой цивилизации.

Хотя со временем ценности могут эволюционировать, их основа сравнительно стабильна. Они закреплены в нравах и обычаях, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства. Их олицетворяют образы подлинных или мифологизированных героев прошлого — пророков и святых, гениев науки и культуры, великих государственных деятелей и полководцев.

«Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — всё же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное

идейное наследие этих народов, — писал один из выдающихся русских мыслителей XIX в. П.Я. Чаадаев. — ...Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, чем история, больше, чем психология: это физиология европейского человека»¹.

Этапы становления

Формирование общей системы европейских ценностей прошло ряд этапов, каждый из которых оставил после себя глубокий след. Она напоминает не монолитный обелиск, а, скорее, пирамиду, сложенную веками из разных строительных материалов.

Фундаментом этой пирамиды служит наследие античности. «На берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, имеющая исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальная по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живем до сих пор», — писал британский историк Европы Дж.М. Робертс².

Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного строя — автократию, аристократию и демократию, предупредив об опасности вырождения их при определённых обстоятельствах в тиранию, олигархию или анархию. Хотя демократические Афины потерпели поражение в войне против аристократической Спарты, после чего ослабевшая Греция подпала под власть Македонии, затем Рима, афинская демократия, даже ограниченная рабовладением, навсегда осталась в сознании европейцев символом народовластия — решения стоящих перед государством проблем по воле большинства.

В древней Элладе родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской культуры — литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, наконец, спорт, о чем до сих пор напоминают Олимпийские игры.

Не менее важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко го-

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 44–45.

² Roberts J.M. The Penguin History of Europe. L., Penguin Books, 1997. P. 23.

ворят, что римское право является одним из устоев европейской цивилизации. Это действительно так», — констатирует британский историк Европы Норманн Дэвис¹.

Само латинское слово *lex* («закон») переводится как «связь», то есть взаимозависимость между членами общества. Хотя своды законов существовали уже — в деспотиях Древнего Востока от Хаммурапи до Моисея, где они переплетались с религиозными установлениями, именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, в рамках которого суд выносит приговор на основе писаного законодательства. «*Dura lex sed lex*» («Суров закон, но это закон») — гласит латинская формула, украшающая до сих пор судебные учреждения многих европейских стран.

Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени гражданской и военной администрации — чётко структурированной системы управления государством, где каждый носитель власти имел строго определённый круг полномочий и ответственности. Она продолжала бесперебойно функционировать даже при правлении императоров-тиранов вроде Калигулы или Нерона.

Важнейшим истоком европейских ценностей стало христианство. Придя в Европу с Ближнего Востока и превратившись за три столетия из гонимой иудейской секты в государственную религию Римской империи, оно образовало в Европе основу духовной культуры. Десять заповедей Ветхого Завета и евангельская проповедь любви к ближнему, милосердия, покаяния на протяжении двух тысячелетий служили десяткам поколений европейцев моральным компасом в житейском море.

Это особенно характерно для Европы Средних веков, когда христианская вера безраздельно определяла общественное сознание. С христианством тесно связаны такие кардинальные ценности европейского феодального общества, как кодекс рыцарской чести, верность вассала сеньору, куртуазное служение Прекрасной даме, мечта о мистическом Граале — кубке с обращенной в вино кровью Спасителя, символизировавшая вечный поиск идеала. Романтическую тоску по этим ценностям, тронутую грустной иронией, олицетворяет «рыцарь печального образа» — Алонсо Кихана Добрый, известный у нас под именем Дон Кихота.

¹ Davies N. Europe. A history. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press, 1996. P. 821.

В истории европейского христианства было немало мрачных страниц — жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, костры инквизиции, иступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев (к сожалению, до сих пор далеко не всех) такие фундаментальные понятия, как веротерпимость, уважение к религиозным меньшинствам.

Вековая борьба за первенство между светской и духовной властями — императорами и папами на Западе, басилевсами или царями и патриархами на востоке Европы завершилась в конечном счёте отделением в большинстве европейских стран церкви от государства и школы от церкви, закреплением в конституциях секулярного принципа свободы совести, не допускающего дискриминации за религиозные убеждения или их отсутствие.

Если античность и христианство послужили истоками европейских ценностей, то решающими вехами в их исторической эволюции стали эпохи Ренессанса и Просвещения. Аппелируя к античным образцам, мыслители-гуманисты Ренессанса поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Широко раздвинув горизонты Европы в ходе великих географических открытий, а Земли — во Вселенной, Колумб, Магеллан, Коперник помогли европейцам осознать безграничные возможности человеческого ума и воли, а Леонардо да Винчи и Микеланджело — величие творческого гения¹.

В годы Ренессанса и Реформации состоялось формирование такой характерной черты психологии западноевропейцев, как либеральный индивидуализм. Под этим термином, имеющим нередко негативные коннотации, понимается отнюдь не просто черствое себялюбивое равнодушие к окружающим и способность жертвовать интересами других людей во имя своих. Речь идёт о чувстве собственного достоинства, независимости от чьих-либо милостей, о готовности к риску, к личной ответственности за свои поступки.

Материальными предпосылками Ренессанса стало бурное развитие торговли, банковского дела, потеснивших свойственное феодализму натуральное хозяйство. Средневековая культура деревни, замка, монастыря уступала городской с её ремесленными цехами, купеческими гильдиями, выборными магистратами и коммунальными свободами. Мануфактурное, затем фабричное производство на осно-

¹ См.: Винтер Б.Р. Итальянский Ренессанс XIII—XVI века. М.: Искусство, 1977. Т. I—II.; Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986.

ве наемного труда брало верх над крепостничеством и земельной рентой.

«Традиция частной собственности подготовила подъем рыночной экономики, являющейся одной из характерных черт Европейского континента. Со времён Ренессанса обмен товарами между ведущими европейскими странами, путешествия ради торговли, отправленные в путь суда, груженные тканями, продовольствием, винами или инструментами, становится повседневной практикой», — писал бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен¹.

Поистине капитальный вклад в формирование системы европейских ценностей внесло Просвещение. Блестящая плеяда философов XVIII в. — Вольтер, Руссо, Дидро, Даламбер — провозгласили критический разум, не признающий ни предрассудков, ни традиционных авторитетов, единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Среди интеллектуальных элит Европы наука начала постепенно теснить религию как ведущая форма общественного сознания.

Именно энциклопедисты ввели понятие естественных прав человека и гражданина, нашедших выражение в бессмертном лозунге Великой Французской революции 1789 г. — Свобода, Равенство, Братство. Нанеся сокрушительный удар по сословным привилегиям дворянства и духовенства, по неограниченной власти абсолютных монархов, она стала решающим этапом в утверждении европейской демократии.

Эта революция дала мощный импульс пробуждению у европейских народов национальных чувств. Якобинцы недаром называли себя патриотами. И это не ограничивалось одной Францией. В ходе революционных, а затем наполеоновских войн подданные лоскутных династических империй и княжеств, подняв оружие против иноземного гнета, впервые почувствовали себя полноправными гражданами, главными защитниками свободы и независимости своих отечеств.

«Весна народов» — революция 1848 г. оставила европейцам в качестве не только принципа международного права, но и моральной ценности право наций на самоопределение. Оно стало мощным катализатором объединения раздробленных веками Германии и Италии, освобождения народов Балкан от османского господства, Ирландии — от британского, Польши — от русского и немецкого, Чехии и Словакии — от австрийского. Демократия и национальная идея стали, каждая по-своему, основными двигателями модернизации общественной жизни Европы XIX в., обогатив систему её духовных ценностей.

¹ Semprun J., Villepin D. *de. L'Homme européen*. Plon. P., 2005. P. 36—37.

К середине этого столетия начавшаяся в Англии первая промышленная революция выдвинула на повестку дня грозный «социальный вопрос». Стремительное развитие индустрии на базе капиталистического способа производства сопровождалось подъемом рабочего движения, послужившего питательной почвой для идей социализма.

На уровне ценностей основой всех социалистических течений — утопических, социал-христианских, марксистских, анархо-синдикалистских, социал-демократических, наконец, коммунистических, было стремление к социальной справедливости, преодолению неравенства между меньшинством собственников средств производства и большинством работников наемного труда. Конкретные формы борьбы европейских социалистов за достижение этих целей варьировались в широком диапазоне — от частичных реформ в рамках рыночной экономики до бескомпромиссной классовой борьбы.

На рубеже XX в. европейская цивилизация достигла апогея своего расцвета. Европа, население которой составляло четверть человечества, далеко превосходила все остальные континенты в том, что касалось науки, экономики, культуры, военной мощи. Европейские державы разделили планету на колониальные империи и сферы влияния¹. Именно в европейских странах были сделаны величайшие открытия, изменившие представления людей о законах мироздания — теория относительности, квантовая теория, явление радиоактивности и т.д. Изобретение двигателя внутреннего сгорания, создание автотранспорта, авиации, радиосвязи предвещали вторую промышленную революцию. Модернизм в искусстве обновил каноны художественного творчества.

Именно в этот момент внутри, казалось, прочно сложившейся системы европейских ценностей появились глубокие трещины. Идеология либерализма столкнулась не только с сопротивлением вчерашнего противника — традиционалистских авторитарных монархий в преимущественно аграрных странах, но и с вызовом нового — в лице социализма. Вместе с тем всем им стала все серьезнее угрожать волна воинствующего национализма.

Единство в многообразии

Французский философ XVIII в. Блез Паскаль как-то иронически заметил, что «истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Действительно, исторически сложившаяся общ-

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. L., Fontana Press, 1988. P. 255.

ность основных цивилизационных параметров европейских народов отнюдь не означала их слияния в единую континентальную нацию. Британский историк Европы Норманн Дэвис обоснованно указывает на различие между самими понятиями европейской цивилизации и составляющих её культур, которые сохраняют национальную самобытность: «Цивилизация есть сумма всех идей и традиций, унаследованных от античности и христианства, которая была привита на местные культуры народов Европы извне, сформировав общее наследие. Напротив, культура вырастает изнутри, из повседневной жизни каждого народа. Она формируется из всего того, что является специфической особенностью данной нации — её родного языка, фольклора, религиозных течений, неприятия чужих»¹.

Система ценностей является, по сути дела, связующим звеном между общей европейской цивилизацией и её национально-культурными компонентами, своего рода равнодействующей между центробежными и центростремительными силами на континенте.

Основными этнолингвистическими группами народов Европы, говорящих почти исключительно на индоевропейских языках, являются германская, романская и славянская. Помимо языков, их разделяют разные масштабы, территории, численность населения, климатические условия, конфессии, а главное — исторические судьбы.

Южные, средиземноморские народы — итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны, бывшие некогда под властью Рима, унаследовали от него романскую языковую основу и писанное римское право. В конфессиональном отношении они принадлежат в основном (кроме православных греков и румын) к римско-католической церкви, управляемой Ватиканом.

Со своей стороны, северная германская группа (немцы, голландцы, англичане, шведы, норвежцы, датчане, исландцы), где римское присутствие было менее чувствительным или не существовало вообще, сохранили, помимо собственных языков, многие черты обычного, прецедентного права и исповедуют, главным образом, различные формы протестантизма — лютеранство, кальвинизм, англиканство.

Стоящие лингвистически особняком угро-финские народы (венгры, финны, эстонцы, мордва, черемисы и т.д.), а также баски и албанцы культурно тяготеют к соседним ареалам.

Культурно-конфессиональный водораздел между Севером и Югом Европы не всегда совпадает с государственными границами. Он проходит порой внутри отдельных государств — не только многонацио-

¹ Davies N. Op. cit. P. 821.

нальных Бельгии и Швейцарии, но также Германии. Если её южные и западные земли, составлявшие некогда часть Римской империи, после религиозных войн XVI в. остались католическими, то северо-восточные приняли протестантизм.

Особое место в группе занимают народы Британских островов: если англичане являются в основном потомками пришельцев из Германии и Скандинавии — англосаксов и норманнов, то шотландцы, валлийцы и ирландцы ведут свое происхождение от кельтских этносов и принадлежат к римско-католической церкви. Они существенно отличаются культурно, конфессионально и психологически от народов континентальной Европы.

Еще более заметны внутрицивилизационные грани на востоке Европы. Хотя все славянские народы принадлежат к одной языковой группе и культурно созвучны, история разделила их на три различные ветви.

Западные славяне — поляки, чехи, словаки, словенцы после раскола христианской церкви остались преимущественно католиками и используют латинский алфавит. Экономически, а отчасти и культурно одна часть их была долго связана узами истории со Священной Римской империей германской нации, а затем — с Австро-Венгрией, в то время как другая, особенно поляки — скорее, с романским культурным ареалом.

Напротив, южные славяне — сербы, черногорцы, македонцы, болгары (как и восточные славяне) приняли христианство от греческой Византии, сохранив после раскола 1054 г. верность православию и кириллице. Подпав на 500 лет под владычество мусульманской Оттоманской империи, они отстояли в упорной борьбе свои языки, культуру, религию, но сохранили в быте и праве некоторый восточный колорит.

Результатом оказались свойственная Балканам этноконфессиональная чересполосица и острота национальных противоречий, превратившая полуостров в «пороховую бочку» Европы. Именно там вспыхнула Первая мировая война, поводом для которой послужило убийство сербским националистом Гаврилой Принципом австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. В ходе кровавого распада Югославии в 90-х годах XX в. размежевание прошло во многом по бывшим границам между Австро-Венгрией и Оттоманской Портой, оставив с одной стороны, католиков — словенцев и хорватов, а также косовских и боснийских мусульман, с другой — православных сербов.

Самая многочисленная и значительная по территории подгруппа восточных славян — русские (великороссы), украинцы и белорусы, об-

щей колыбелью которых была Киевская Русь, смыкаются с южными в верности православию и кириллице. Тем не менее цивилизационные, в том числе ценностные факторы нередко отступают у них перед геополитическими. Например, Болгария, обязанная России освобождением от турецкого владычества, тесно связанная с ней конфессионально, культурно, на уровне традиций, оказалась в двух мировых войнах в лагере её противников, тогда как романская и католическая Франция, нуждавшаяся в противовесе германской угрозе, стала союзницей России.

Со времён крещения Владимиром киевлян в 988 г. восточное славянство точно так же, как южное или западное, оставалось органической составной частью христианской Европы, разделяя систему её ценностей. Дочери великого князя Ярослава Мудрого вышли замуж за королей Франции, Венгрии и Норвегии, купеческие республики Великого Новгорода и Пскова тесно сотрудничали с немецкими и скандинавскими городами Ганзейского союза на Балтике.

Церковный раскол, а затем вторжение в середине XIII в. татаро-монголов, за которым последовало 240-летнее господство принявшей вскоре ислам Золотой Орды, существенно изменили ситуацию. Русь оказалась надолго отрезанной от Западной и Центральной Европы, оставшись в стороне от важнейших этапов формирования её культурной идентичности. Даже после того, как русские княжества, преодолев усобицы, сплотились вокруг Москвы и сбросили монгольское иго, последствия этой изоляции давали о себе знать очень долго.

Именно тогда возник спор о пределах Европы, который продолжается до сих пор. На западе границей Европы считается Атлантический океан, на севере — Северное и Балтийское моря, на юге — Средиземное море. Между тем на востоке эта граница, формально проходящая по Уралу, сугубо условна. Уже в XVI в. Московское царство завоевало Сибирь, раздвинув свои пределы далеко вглубь Азии — до Тихого океана, а на некоторое время даже до Аляски и восточного побережья Тихого океана. Сложившееся в результате гигантское евроазиатское пространство оказалось ввиду крайней малочисленности коренного населения цивилизационно практически однородным.

В связи с этим вопрос о восточной границе Европы превратился из географического в культурный и политический — о принадлежности России к европейской цивилизации вообще и о системе её ценностей в частности.

Мнения на этот счёт разделились как на Западе, так и в самой России. Западноевропейские путешественники и дипломаты, посещавшие Московию в XV–XVII вв., — посол императора Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн, посланник шведского

короля — епископ Пауль Юуустен, представитель Папы Римского — иезуит Антонио Поссевино и многие другие рисовали нашу страну в мрачных красках¹.

«Россия Ивана III, затем Василия III (1505–1533) выглядит в западном понимании варварской страной — антиподом европейской культуры и обычаев. Убежденные в превосходстве западной культуры, на олицетворение которой они претендовали, редкие западные наблюдатели, путешествовавшие тогда по России, наперебой подчеркивали в своих записках варварство и грубость нравов русского двора и его глубокое культурное невежество, сочетающееся с самодовольством»², — пишет современный историк отношений Западной Европы с Россией Мари-Пьер Рей.

Эта инерция сохранялась и после реформ Петра I, который модернизировал по европейским образцам административную систему страны, её армию, образ жизни и вкусы правящей элиты. Представление об имманентной цивилизационной несовместимости Европы и России из-за её континентальных масштабов, евроазиатской географии, сложной истории, наконец, этноконфессиональной неоднородности прочно укоренилось в сознании значительной части западноевропейских элит.

Концентрированным отражением этого устойчивого психологического стереотипа стали путевые заметки Астольфа де Кюстина, вышедшие в свет в Париже в 1843 г.

Типичный представитель легитимистской аристократии, оппозиционной режиму либерально-буржуазной Июльской монархии во Франции той эпохи, маркиз де Кюстин отправился в самодержавную Россию в поисках подтверждения своих взглядов и был принят в верхах тогдашнего российского общества, включая самого императора Николая I, довольно благосклонно. Однако увиденное шокировало французского визитера до такой степени, что отчет о его путешествии стал суровым обвинительным актом российскому самодержавию и продолжает играть немалую роль в борьбе мнений вокруг России на Западе вплоть до наших дней³.

Отмечая многие реальные черты николаевской действительности — произвол верхов, бесправие и раболепие низов, мздоимство и казно-

¹ La Moscovie du XVIe siècle vue par un ambassadeur occidental Herberstein. P.: Calmann-Levy, 1965.

² Rey M.-P. Le Dilemme russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. P.: Flammarion, 2002. P. 27.

³ Marquis de Custin. La Russie en 1839. Т. I—II. P.: Solin, 1990 (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф. В 2 т. М., 2000*).

крадство чиновничества, полицейскую слежку и недоверие к иностранцам, смесь враждебности к Западу со спесью и тайной завистью к нему, Кюстин пытался объяснить их некими перманентными геополитическими особенностями страны.

Его основной тезис сводился к тому, что необходимость сохранить контроль над огромной территорией с плохими средствами сообщения и этнически неоднородным населением чуть ли не фатально придает российскому государству черты азиатской деспотии, где власть самодержца не ограничена, по сути, никакими законами или автономными общественными институтами. В поисках легитимности эта власть окружает себя квази-византийским ритуалом обожествления и гонится за военно-имперским величием вовне путем территориальной экспансии, стимулируемой отсутствием естественных границ. Результатом оказывается хроническое истощение потенциала страны, препятствующее превращению её в процветающую цивилизованную нацию.

Хотя тенденциозность автора имела следствием множество фактических ошибок, преувеличений и просто передержек (например, обвинений русских в неспособности к оригинальному творчеству и в слепой подражательности достижениям Европы), его памфлет имел значительный успех, который объяснялся вполне определёнными причинами.

Хроническое отставание России от Западной Европы в экономике, технике, но особенно по жизненному уровню и бытовой культуре, обрекавшее её на догоняющее развитие, внушало европейцам чувство превосходства. Вместе с тем, гигантские масштабы страны, её значительный военный потенциал, закрытость от внешнего мира порождали недоверие и страх. Стремление России к незамерзающим морям — Чёрному и Балтийскому, дававшим выход к мировым торговым путям, сталкивало её с западными соседями — Швецией, Ливонским орденом, Польшей, Литвой и их союзниками на Западе, подкрепляя представление о якобы извечном русском экспансионизме. Эта типично фрейдистская комбинация противоположных комплексов наносила образу России в глазах европейской общественности значительный ущерб¹.

Однако на Западе негативный образ России никогда не был ни общепринятым, ни однозначным. Немалая часть политико-интеллектуальной элиты западноевропейских стран всегда проявляла к России пристальный интерес, окрашенный порой искренней симпатией.

¹ *Malia M. Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. The Belknap Press of Harvard University Press, 1999.*

Этот интерес определялся, прежде всего, геополитическими причинами. Уже в XV в. Папа Римский искал после падения Константинополя помощи у царя Ивана III против мусульманской Османской империи, чьи войска подходили к стенам Вены. Со своей стороны, Москва не раз пыталась создать антитурецкий союз, причем иногда небезуспешно (до тех пор, пока ослабление Порты не сделало её объектом соперничества между Россией, Австрией и Англией).

Реформы Петра I сделали Россию одним из главных участников европейского «концерта держав», в рамках которого она выступала союзницей в альянсах, направленных против гегемонистских притязаний наполеоновской Франции и имперской Германии. В свою очередь, вплоть до объединения Германии в конце XIX в. Россия играла роль арбитра между ведущими германскими государствами — Австрией и Пруссией. Династия Романовых породнилась со многими немецкими и датскими княжескими фамилиями, представительница которых принцесса Ангальт-Цербстская вошла в историю как императрица всея Руси Екатерина II. С ней переписывался Вольтер, её посещал в Санкт-Петербурге Дидро, они считали её олицетворением «просвещённого абсолютизма». Общность интересов России, Пруссии и Австрии цементировалась тремя разделами Польши — до тех пор, пока создание Бисмарком Германской империи, нарушившее прежний баланс сил в Европе, не привело к франко-русскому союзу в 1891 г. и англо-русскому в 1907 г.

В постпетровской России выходцы из прибалтийско-германского дворянства («балтийские бароны») играли видную роль в придворных кругах Российской империи, в её армии, дипломатии, администрации, промышленности и торговле, науке и культуре. Десятки тысяч немецких крестьян и ремесленников, приглашенных Екатериной II на постоянное жительство в Россию, способствовали развитию городских ремесел и создали процветающие сельскохозяйственные колонии в Причерноморье и Поволжье¹.

После Великой Французской революции 1789 г. в Россию хлынул поток эмигрантов, спасавшихся от якобинского террора. Некоторые представители аристократических фамилий Франции заняли высокие посты на русской службе (губернатор Одессы герцог Ришелье, губернатор Южной Новороссии — граф де Ланжерон, морской министр маркиз де Траверсе). Многие французские эмигранты стали гувернерами и гувернантками, воспитав поколения русской дворянской элиты.

¹ В 1850 г. численность постоянно проживавших в России немцев достигала 90 тыс. См.: *Rey M.-P. Le Dilemme russe. P. 150.*

Ещё во времена Ивана Грозного английский капитан Ченслер открыл торговый путь в Россию через Белое море, результатом чего стало развитие русско-британских торгово-экономических, а позднее — уже в XIX в. — и промышленных связей. Основа могущества Великобритании — её королевский флот в значительной мере зависел от ввоза русского леса, льна, пеньки и сала.

Интенсивные дипломатические, военные, торгово-экономические связи Российской империи с Европой дополнялись культурными. Мережковский, Готье, Дюма и многие другие представители западной интеллектуальной элиты открыли для Европы богатства русской культуры. Благодаря гению Толстого, Достоевского, Чехова она стала органической частью европейской цивилизации, открыв духовному миру Европы особое, свойственное русской культуре гуманистическое послание.

В западноевропейской общественной мысли утвердилось своеобразное русофильское течение. Наиболее широкое распространение оно получило в Германии, прежде всего в творчестве Иоганна Готфрида Гердера. Последователь Канта, предтеча немецкого романтизма конца XVIII в., друг Гёте, он страстно искал противовеса рационализму французского Просвещения в возврате к корням народной культуры, её образной мифологии и мистике. Концентрированное выражение всех этих черт он видел в России.

Резюмируя взгляды Гердера на историческую миссию русского народа, историк и политолог А.И. Уткин пишет: он отмечал в русских «умственную подвижность, гениальную восприимчивость, широту охвата, талантливость, живость, отзывчивость, природное дружелюбие, твердость, упорство, а также несомненную противоречивость, излишнюю податливость внешним впечатлениям... Гердер увидел в России то необходимое дополнение Западу, которое, как он надеялся, совместит рационализм и сердечность, энергию и эмоциональность, твердость воли и отзывчивость души. Гердер увидел в русских носителей высокой гуманности, чуткой совести, самоотверженного человеколюбия»¹.

После Великой Французской революции самодержавная, крепостническая Российская империя стала оплотом контрреволюционных коалиций, а с 1815 г. — Священного союза монархов. Естественно, что к ней идейно тяготели представители консервативных сил, которые всячески пытались приукрасить российскую действительность, причем иногда в весьма гротескной форме. «Все книги полны утверждений о русском деспотизме и рабстве. Однако я могу вас заверить, что

¹ Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1997. С. 92.

нигде человек не является столь свободным делать все, что захочет. Крайности смыкаются таким образом, что правление произвола отличается во многие республиканские формы»¹, — писал виднейший идеолог европейской реакции Жозеф де Местр, долго живший в Санкт-Петербурге в качестве посланника короля Сардинии.

В свою очередь, демократические движения, враждебные самодержавному «жандарму Европы», видели своих естественных союзников в российских революционерах — от декабристов до социал-демократов. Половинчатые, незавершённые, но всё же реальные реформы в годы царствования Александра II — отмена крепостного права, судебная, земская, административная, военные реформы, затем появление после революции 1905 г. легальных политических партий, зачатки парламентаризма приветствовались либеральной общественностью на Западе как свидетельство движения России к Европе.

Зеркальным отражением двойственности образа России на Западе (но как бы с обратным знаком) оставалось восприятие Европы Россией, в котором не менее причудливо переплетались противоположные чувства — тяготение и отталкивание.

Со времён раннего Средневековья русские княжества были вынуждены противостоять не только степным кочевникам, а затем ордынскому господству, но и немецким рыцарям и Польско-литовской державе на западе. Хотя цивилизационно азиатская Золотая Орда была несравненно более чуждой Руси, чем западные соседи, последние воспринимались ею порой ещё более враждебно. Первые несли с собой грабеж, необходимость уплаты дани, увод в рабство, тогда как вторые — потеряли не только части территории и населения, но и культурной и духовной самобытности. Ордынцы, принявшие ислам, не стремились навязать его покоренным славянским народам, тогда как геополитическая экспансия европейцев сопровождалась прозелитизмом — систематическими попытками обращения, нередко принудительного, православных христиан в католичество. Между тем для Руси времен владычества Орды православная церковь служила гарантом сохранения национально-культурной идентичности и важным инструментом сплочения в единое государство, способное сбросить чужеземное иго. Не удивительно, что окончательному освобождению в 1480 г. Великого княжества Московского предшествовали перенос из Киева в Москву митрополии, а затем учреждение собственной православной патриархии.

После захвата Константинополя турками-османами Папа Римский Павел II активно содействовал браку Зои (Софьи) Палеолог, племян-

¹ Цит. по: *Luigi Mascilli Migliorini. Napoleon. P.: Perrin, 2004. P. 369.*

ницы последнего византийского императора, жившей в изгнании в Риме, с великим князем Московским Иваном III. Папа надеялся не только получить тем самым сильного союзника против Османской империи, но и подготовить почву для перехода русской православной церкви под эгиду Ватикана.

Брак состоялся 12 ноября 1472 г., но не оправдал расчётов папского престола. Зоя Палеолог вернулась к православию, приняв имя Софьи, а Иван III стал называть себя «царем всего православия», провозгласил себя наследником византийских императоров, равным императору Священной Римской империи германской нации¹. Идеологической основой Российского государства стал тезис, сформулированный монахом Елизарьевского монастыря Филофеем, провозгласившим Москву оплотом истинного христианства — «третьим Римом» — («Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать»).

Оценивая смысл этого тезиса, историк русского православия Дмитрий Стремоухов отмечал, что в контексте эпохи он отражал не агрессивно-наступательные, мессианские, а, скорее, изоляционистские установки: «Христианский универсализм Византии ревизовался, превратившись в узких рамках московского национализма в свою противоположность»².

Стремление Московского государства подчеркнуть свое отличие от «латинской» Европы, сохранить верность традициям старины значительно усилилось после Смутного времени начала XVII в., когда под угрозой оказалось само существование государства.

Вместе с тем в московских верхах постепенно зрело понимание того, что, будучи изолированной от западного образования, науки, техники, специалистов, страна обречена на маргинализацию, на положение полуазиатских провинциальных задворков европейской цивилизации. Именно это подготовило почву для беспрецедентных по решительности, а порой и по варварской жестокости реформ Петра Великого, прорубивших России «окно в Европу».

Петровская «революция сверху» была сопряжена с огромными издержками — не только людскими и материальными, но также духовными. Между европеизированным, причем весьма поверхностно, тонким слоем служилого дворянства, бюрократии, нарождавшейся городской буржуазии и интеллигенции, с одной стороны, и народны-

¹ Это подчеркивалось принятием в качестве герба России эмблемы Византии и Священной Римской империи — двуглавого орла, смотрящего на запад и на восток, в Европу и в Азию.

² *Streemoukhov D. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine // Cherniavsky M. The Structure of Russian History: Interpretative Esseys. N.-Y., 1970. P. 108–125.*

ми массами, прежде всего закрепощенным, темным, неграмотным крестьянством, с другой — возник глубокий разрыв не только в культуре, образе жизни, быте и нравах, но даже в языке. По существу, в послепетровской России сложились две разные, во многом даже противоположные системы ценностей. Такого разрыва в Западной Европе не бывало нигде¹.

Отрыв российских элит от народа усугублялся не менее глубоким расколом самих элит на тех, кто стремился довести модернизацию общества до европейских стандартов — отмены крепостного права, конституционных гарантий основных гражданских свобод, создания выборных представительных учреждений, и их противниками, сопротивлявшимися переменам во имя защиты исконных традиций.

Хотя борьба между консерваторами и либералами, а затем между либералами и социалистами была общей чертой общественно-политической жизни всех европейских стран, в России культурный раскол вылился в жёсткое противоборство несовместимых ценностей. По существу, это был конфликт между двумя моделями развития страны — азиатским и европейским, выбор между которыми был крайне затруднен двойственностью — географической, исторической и культурной.

При этом оба лагеря были крайне неоднородны. Так, эстафета сторонников европеизма передавалась от Новикова и Радищева либеральному окружению молодого Александра I, затем декабристам, либеральным «западникам», творцам реформ Александра II, кадетам и в конечном итоге социал-демократам.

Символ веры российского западничества наиболее четко сформулировал один из его духовных отцов П.Я. Чаадаев: «Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьёзные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения. Но вот уже век и более как она не ограничивается этим. Величайший из наших царей, тот, который, по общему мнению, начал для нас новую эру, которому, как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, которыми мы теперь обладаем, полтора столетия назад отрёкся от старой России... С тех пор мы принадлежим Европе и Западу»².

Напротив, защитники особого, отличного от Европы пути для России, резко осуждая деятельность Петра I, обвиняли его в разрыве с духовными ценностями русского народа, в насильственном навязыва-

¹ См.: *Oliva L.J. Russia and the West from Peter to Khrushchev.* Boston, 1970.

² *Чаадаев П.Я.* Указ. соч. С. 149—150.

нии ему чуждых порядков, следствием чего стала утрата нравственных ориентиров, органично присущих России.

Лагерь традиционалистов был идейно не менее разношерстен, чем западников. Он включал не только твердолобых реакционеров — охранителей, поклонников известной формулы графа Уварова «Самодержавие, православие, народность» или черносотенных погромщиков-националистов. В нём пребывали и либеральнее славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники-эсеры.

Русские путешественники от Карамзина до Салтыкова-Щедрина, а порой даже непримиримые по отношению к царизму политэмигранты в своих заметках о европейских порядках зачастую бывали не менее суровы в их оценке, нежели европейцы в отношении России. Восхищаясь европейским уровнем жизни, комфортом, культурой, они резко осуждали мещанское самодовольство многих европейцев, их меркантильную расчётливость, черствый эгоизм, вседозволенность (разумеется, по российским меркам) нравов, лицемерие.

Тем не менее, как уже отмечалось, в целом к началу XX в. могло показаться, что в эволюции европейской системы ценностей, в том числе по оси Восток—Запад, равнодействующая направлена на сближение. При этом европейцы по-прежнему претендовали на то, что обладают системой, представляющей собой совокупность общечеловеческих ценностей, а, следовательно, вершину мировой цивилизации.

Однако события пошли иным путём. Никогда за долгую историю Европе не приходилось переживать столь тяжёлых испытаний, приведших континент на грань катастрофы. Роковой датой для судеб Европы стало 1 августа 1914 г. — день начала Первой мировой войны.

Кризис и возрождение

История Европы во многом была историей войн. Важнейшими вехами в становлении культуры Древней Греции явились воспетая Гомером в «Илиаде» Троянская война, персидские, Пелопоннесская войны, наконец, победоносные походы Александра Македонского. Древний Рим строил свое мировое величие на итальянских, пунических войнах, на завоевании господства на Средиземном море, поглощении половины Европейского континента, Ближнего Востока, Северной Африки. После Галльской войны Юлия Цезаря армия окончательно стала главной силой в государстве, выдвигая и свергая императоров.

Феодалная Европа Средних веков жила в условиях перманентных междоусобных войн, являвшихся источником и смыслом существования рыцарства. Столетняя, Тридцатилетняя, Семилетняя войны, войны за испанское, австрийское, польское наследства, кровавая череда наполеоновских походов, Крымская, Австро-прусская, Франко-прусская, многочисленные балканские войны определили границы современных европейских государств.

Однако все эти войны в основном сохраняли внутрицивилизационный характер. Напротив, мировые войны XX в. дважды приводили к межкультурному расколу. Тем самым возникла почва для появления в Европе качественно нового феномена — тоталитаризма, несовместимого с традиционной системой европейских ценностей.

Мировые войны оказали сильнейшее психологическое воздействие на умы европейцев, заставив их существенно пересмотреть прежние представления о месте Европы в мире, о сути и историческом призвании европейской цивилизации вместе с присущей ей системой ценностей.

«Мы, цивилизации, — мы знаем теперь, что мы смертны, — с горечью писал вскоре после окончания Первой мировой войны французский эссеист Поль Валерии. — ...Мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь»¹.

В межвоенный период Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби смело выступили против высокомерного европоцентризма, признав культурное, а, следовательно, и ценностное равноправие всех цивилизаций, неизбежно проходящих, по их мнению, через одни и те же последовательные циклы с фазами зарождения, подъема, расцвета и упадка².

В приложении к Европе этот тезис имел в виду беспрецедентный факт — исход военных действий, начавшихся между европейцами внутри Европы, был впервые решен двумя автономными, отпочковавшимися от неё ветвями европейской цивилизации, расположенными — полностью или частично — за её географическими пределами — Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, которые и определили последствия этих войн.

Главным из них был раскол Европы на противоположные общественные системы и военные блоки с несовместимыми ценностными

¹ Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1976. С. 105.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.

ориентирами. Каждая из них стала сферой влияния одной из двух сверхдержав — СССР и США, столкнувшихся в холодной войне за торжество своих идеологий в глобальном масштабе.

Другим, не менее важным следствием двух мировых войн явился распад колониальных империй европейских держав, ускоренный ослаблением метрополий и падением их престижа в глазах коренного населения. Завоевавшие в ходе деколонизации независимость страны «третьего мира» стали наряду с самой Европой важнейшим объектом, а порой и полем боя в холодной войне.

В условиях биполярного мира, относительная стабильность которого покоилась на советско-американском ядерном «равновесии страха», европейские страны должны были волей-неволей расстаться с притязаниями на мировое лидерство не только в экономическом и военно-политическом, но в цивилизационном плане. В первые годы после окончания Второй мировой и в начале холодной войны могло показаться, что удел стран Западной Европы — растворение в евроатлантическом пространстве под эгидой США, а Восточной и Центральной Европы — в «социалистическом лагере» под эгидой СССР.

Однако такое представление оказалось ошибочным. Естественной реакцией на упадок роли Европы как одного из важнейших центров мироустройства стало движение за её объединение.

Проекты такого рода, вдохновлявшиеся воспоминаниями о средневековой империи Карла Великого, которая объединяла все будущие государства континента (без Византии), восходят к XVII–XVIII вв. В 1613 г. герцог Сюлли, министр короля Франции Генриха IV, выдвинул план создания своего рода федерации всех христианских монархий Европы с ограничением их суверенитета. В 1713 г. аббат Сен-Пьер предложил разрешать впредь споры между монархами Европы не оружием, а путем арбитража, третейского суда на основе международного права.

Столетие спустя великий социалист-утопист Сен-Симон опубликовал на эту же тему объемистый труд под заголовком «О реорганизации европейского общества или необходимости и средствах объединить народы Европы в единую политическую организацию при сохранении каждым политической независимости». Европейцев призывали к единству Байрон, Мадзини, Гюго, видевшие единственный путь к миру и прогрессу европейских народов в создании Соединенных Штатов Европы. В начале XX в. этот же лозунг получил хождение в кругах II Интернационала.

После Первой мировой войны аналогичные планы пропагандировали австрийский граф Рихард Куденхове-Калерги и министр иност-

ранных дел Франции Аристид Бриан, чей план федеративной «пан-Европы» долго, но безрезультатно обсуждался в Лиге Наций.

Все эти планы терпели крушение по одной и той же причине — столкновения экономических и политических интересов национальных государств, крупнейшие из которых (Франция, Германия, Великобритания) безуспешно пытались осуществить объединение Европы под своей эгидой. Однако к середине XX в. подобные притязания утратили реальную почву. Победенные во Второй мировой войне — Германия, расколотая на два государства, и Италия были временно вычеркнуты из числа субъектов мировой политики, победители — Великобритания и Франция пребывали в крайне ослабленной ситуации.

Последнее, однако, не помешало бывшему британскому премьеру Уинстону Черчиллю выступить 19 сентября 1946 г. в Цюрихе с очередным призывом к созданию Соединенных Штатов Европы путем примирения между двумя ведущими континентальными державами — Францией и Германией, конфликты между которыми на протяжении XX столетия служили главной причиной европейских и мировых войн. Этот призыв прозвучал всего через полгода после речи того же Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.), которая дала сигнал к началу холодной войны против СССР и его доминирования на Востоке Европы.

За цюрихским призывом Черчилля последовали первые практические шаги — формирование общественно-политического Европейского движения, которое провело в 1948 г. в Гааге конгресс, давший импульс к созданию Совета Европы (СЕ). Объединив впоследствии 46 европейских государств, СЕ, обосновавшись в Страсбурге, провозгласил целью принятие европейской Декларации прав человека (1949) и её претворение в жизнь. Тем самым традиционные европейские гуманитарные и демократические ценности впервые стали приобретать международно-правовую основу.

Следующей важнейшей вехой в процессе строительства единой Европы стала речь французского министра иностранных дел Робера Шумана. 8 мая 1950 г. он предложил объединить две базовые тогда экономические и военно-стратегические отрасли (производство и сбыт угля и стали) Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, с тем чтобы сделать впредь «материально невозможными» франко-германские войны. Год спустя на основе плана Шумана было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), верховный орган которого возглавил известный французский промышленник и политик Жан Моне. Двадцать пятого марта 1957 г. в Риме шесть стран — участниц ЕОУС подписали договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сооб-

щества по атомной энергии (Евратом). Тем самым был дан старт экономической, а затем политической интеграции, ставшей с тех пор вплоть до наших дней основным содержанием общественной, а в какой то степени и культурной жизни стран Западной и Центральной Европы. Важнейший плод этой интеграции — Европейский союз, число членов которого увеличилось за полвека с 6 до 27, — превратился в один из основных полюсов силы глобализирующегося мира.

Успехи евростроительства были изначально во многом обусловлены внешними факторами. Создание ЕОУС, затем ЕЭС произошло в годы, когда политическое мышление западноевропейских элит определял, прежде всего, страх перед мощью СССР и контролируемым им коммунистическим движением. Именно этот страх толкал их на поиски экономической помощи и военных гарантий безопасности за океаном. Со своей стороны США были заинтересованы в создании в Западной Европе единого экономического пространства — значительного рынка сбыта, сферы приложения капиталов и военно-политической опоры перед лицом СССР.

Хотя на первых порах общеевропейские институты выглядели всего лишь как экономическое продолжение Североатлантического союза, смысл происходившей интеграции не исчерпывался императивами холодной войны. Она с самого начала отражала интересы самих западноевропейских стран — как побежденных во Второй мировой войне, прежде всего Германии, стремившейся к равноправию, так и победителей, искавших рамки для контроля над возрождением мощного экономического и военного потенциала вчерашнего противника.

Главным же было то, что интеграция отвечала объективной необходимости, обусловленной выходом производительных сил Европы за узкие рамки национальных границ в условиях, когда на фоне распада колониальных империй основные интересы бывших метрополий оказались сосредоточенными в Европе. Именно сама динамика интеграционных процессов обеспечила их неуклонное развитие, несмотря на конфликты между участниками, кризисы и откаты.

При всём этом одних экономических и геополитических факторов было недостаточно для достижения цели, поставленной инициаторами евростроительства — создать прочное сообщество европейских народов, невзирая на разделяющие их этнические, культурные, языковые и конфессиональные различия. Для этого была необходима единая система ценностей. И она, действительно, сложилась: «Европейский союз основан на ценностях, которые мы все разделяем — уважении к правам человека, свободе, справедливости, демо-

кратии и господстве закона — ценностях, постепенно развивавшихся на протяжении веков и во многом обязанных христианской традицией и Просвещению. Успех европейской интеграции будет всегда уходить своими корнями в эти ценности»¹, — констатировала канцлер ФРГ Ангела Меркель, принимая обязанности председателя ЕС в первой половине 2007 г.

Это общее ценностное измерение, закрепленное впоследствии в так называемых копенгагенских критериях для кандидатов на вступление в Евросоюз, помогло ему расширить свои рамки от первоначального «твердого ядра» (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург) на Британские острова, Скандинавию, Средиземноморье, Балканы. Именно оно позволило добиться сначала эрозии рудиментов фашизма на юге Европы — авторитарных и тоталитарных режимов в Испании, Португалии, Греции, а затем, после падения Берлинской стены, присоединения бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Конец холодной войны и биполярного мира, крушение режимов советского образца поставили ребром вопрос о дальнейших судьбах европейской цивилизации — её отношениях с США, государствами постсоветского пространства, прежде всего Россией, великими цивилизациями Азии, Африки, Латинской Америки.

По мере того как общий враг — «призрак коммунизма», уходил в прошлое, отношения Европы и США подвергались все более серьёзной переоценке. Несмотря на заверения обеих сторон о незыблемости союзнических обязательств в рамках НАТО и солидарности Запада на основе общих ценностей, разрыв между их интерпретациями по обе стороны Атлантики постепенно углублялся. «Пришло время перестать делать вид, что у европейцев и американцев один и тот же взгляд на мир, и даже что они живут в одном и том же мире, — писал один из идеологов американского неоконсерватизма Роберт Кейган. — Пути Америки и Европы расходятся по самому важному вопросу — о силе, о её эффективности, морали и желательности»². Причину различий Кейган видел в коренном изменении баланса военных сил между Европой и США в пользу последних. Отметая ссылки европейцев на различие геостратегического положения партнёров по НАТО и их исторического опыта, он обвинял Европу в малодушном капитулянтстве перед новыми глобальными угрозами, продиктованном заботой о сохранении своего материального комфорта под прикрытием

¹ *Merkel A. An agenda for Europe. The World in 2007 // The Economist. 21st edition. P. 50.*

² *Kagan R. Power and Weakness // Policy Review. 2002. № 113.*

щита американской мощи. А это-де возлагает на США не только задачу обеспечения, как и во времена холодной войны, безопасности Запада, но и миссию продвижения его демократических ценностей в мировом масштабе.

Со своей стороны, так называемая старая Европа — государства — основатели ЕС, прежде всего Франция и Германия, примирение которых положило начало евростроительству, а тесное сотрудничество послужило его мотором, стали все больше сомневаться в эффективности и целесообразности американской стратегии. Провалы Вашингтона в Ираке, Сомали, Судане, тупик в Афганистане, бессилие в урегулировании израильско-палестинского конфликта, неспособность предотвратить распространение ядерного оружия, особенно в связи с иранским ядерным досье, вызвали мощную волну антиамериканских настроений в «третьем мире», особенно мусульманском.

Между тем обрушившееся на США финансовое цунами, положившее начало сильнейшему мировому кризису, со всей очевидностью поставило под вопрос притязания США на роль единственного лидера, навязывающего миру в качестве образца свою экономическую модель («вашингтонский консенсус»).

Тяжёлый удар по той самой системе ценностей, на стопроцентное воплощение которой претендуют США, нанесли в глазах европейцев ограничение гражданских прав и нарушения прав человека (Гуантанамо, Ирак, «секретные тюрьмы» ЦРУ в Европе и т.д.) в ходе борьбы против международного терроризма.

В результате между американской и европейской моделями общества, объединённых рамками евроатлантических структур, американизацией бизнеса, быта, «массовой культуры», намечилось психологическое размежевание: если основные принципы рыночной экономики и плюралистической демократии остаются для них общими, то в трактовке ряда немаловажных ценностных установок налицо многочисленные нюансы.

В устах европейских критиков англо-саксонского «финансового капитализма» его основной порок имел не столько технико-экономическую, сколько ценностную природу.

Топ-менеджеров крупнейших частных корпораций, прежде всего американских, обвиняли в том, что в погоне за многомиллионными бонусами или субсидиями при поступлении на должность и уходе с неё в виде пакетов акций управляемых компаний вне зависимости от их прибыли («золотые парашюты») руководители шли на безответственные риски в ходе биржевых спекуляций, фальсифицировали от-

четы своих компаний, строили дутые финансовые пирамиды, заведомо обреченные на крах. Тем самым подрывалась моральная основа капитализма, построенная на описанной М. Вебером протестантской этике — упорном труде, экономии, жёстком самоограничении, сочетании смелой предпринимательской инициативы с точным расчётом и чувством ответственности — не только индивидуальной, но и социальной — работодателя перед обществом, которая приносилась в жертву безграничной алчности, пропитывающей «общество потребления». «Вскрывая масштабы перекосов финансового капитализма, предоставленного самому себе, его непомерные издержки для общества, кризис продемонстрировал срочную необходимость определения нового кодекса правил, способного предотвратить подобные перекосы в будущем и переместить центр тяжести финансовой системы в сторону её подлинной функции — финансирования реальной экономики»¹, — подчеркивал президент Франции Николя Саркози в октябре 2008 г., когда его страна осуществляла председательские функции в Евросоюзе.

Внешнеэкономические провалы и мировой экономический кризис заставили большинство американского общественного мнения и правящих кругов существенно пересмотреть свою стратегию как внутри страны, так и во вне. Это нашло непосредственное отражение в курсе, провозглашенном Б. Обамой, вступившим на пост президента США в начале 2009 г.

Его первоначальные шаги, вызвавшие волну сочувствия в мире, явно улучшили образ США за рубежом, в том числе в Европе, смягчили климат трансатлантического партнёрства. Вместе с тем Обама не скрывает, что его целью остаётся «мировое лидерство» США, достижение которого вооруженная «жёсткая сила» (прежде всего в Афганистане) будет лишь более широко дополняться «мягкой» — многосторонней дипломатией, помощью развития, сотрудничеством перед лицом глобальных вызовов, прежде всего экономических. Иными словами, притязания Вашингтона на роль цивилизационного образца, в том числе на уровне общечеловеческих ценностей, полностью остаются в силе.

Между тем Европа сохраняет в этом коренном вопросе собственную позицию. Суровые уроки мировых войн, кризисов и тоталитарных диктатур побудили европейцев искать и находить компромиссы между категориями, которые выглядели ещё в недавнем прошлом противоречивыми, а порой даже несовместимыми: верой и разумом,

¹ World policy conference. Premiere йdition. 6–8 octobre 2008. Evian, France. P. 691.

индивидуализмом и солидарностью, свободной конкуренцией и социальной защитой, рынком и государственным регулированием, наконец, ревнивой защитой национально-культурной идентичности и сознанием принадлежности к единому цивилизационному центру с общей судьбой — к Европе. Именно этот синтез, пусть далеко не идеальный, объясняет сохранение европейской системой ценностей всеобщего измерения. «Хотя того или нет, но евростроительство осуществляется *de facto* на базе ценностей, которые подаются как универсальные»¹, — отмечает директор Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль.

Однако важнейшим козырем современной Европы в глазах представителей иных цивилизаций является отказ от претензий на исключительность, от попыток навязать себя неевропейским народам, принадлежащим к иным цивилизационным ареалам, в качестве принудительного образца для подражания с помощью силы («жесткой» или «мягкой»). Для Европы романтика кипплинговского «бремени белого человека» навсегда принадлежит прошлому.

Если в годы деколонизации жители бывших колоний решительно отторгли наследие метрополий, то полвека спустя оно порой оборачивается для них ценным подспорьем в борьбе за преодоление отсталости. Именно это объясняет сохранение тесных культурных связей Великобритании не только с США и Канадой, но и с Индийским субконтинентом, Франции — с Африкой, Нидерландов — с Индонезией, Испании и Португалии — с Латинской Америкой.

Европу сближает с ними общее стремление сохранить свою духовную идентичность в глобализованном мире, грозящем стереть национально-культурное своеобразие народов, стран и регионов: «Европа колеблется между стремлением определить свою территорию, обычаи, правила и духом завоевания, открытия внешнему миру, духом который толкает её всё дальше вперед. Она не может сделать выбора между сосредоточением на себе самой, подкрепляющим её идентичность, и поисками новых пространств, которые отвечают её особому гению. Это беспрестанное колебание между консерватизмом и движением является характерной особенностью европейской судьбы»², — отмечал Доминик де Вильпен.

Разумеется, поиск баланса между противоречивыми стремлениями дается не просто. Это особенно проявляется в отношениях между За-

¹ Montbrial T. de. Il est Nécessaire d'Espérer pour Entreprendre. Penseurs et bâtisseurs / Editions des Syrtes. P., 2006. P. 281.

² Semprun G., Villepin D. de. Op. cit. P. 15.

падом Европы — Евросоюзом и постсоветским пространством, прежде всего Россией. Раскол Европы после Второй мировой войны — не только социально-экономический и военно-политический, но также идеологический и, следовательно, ценностный добавил к прежним разделительным линиям между её Востоком и Западом новую. Даже через два десятилетия после падения Берлинской стены, за которым последовали крах режимов советского образца, а затем вступление стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюз и НАТО, контрасты как в уровнях развития экономики, так и в менталитете жителей западных и восточных земель воссоединенной Германии ещё ощутимо дают себя знать.

Двойственность отношений между Западной Европой и Россией, вызывавшая раскол внутри элит, по-своему давала о себе знать не только в послепетровской Российской империи, но и в советский период. Партия большевиков пришла к власти как сугубо «западническая» сила — революционное крыло международной, прежде всего, европейской социал-демократии — под флагом родившихся в Европе марксистских идей. Для В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого Октябрь 1917 г. должен был стать началом мировой социалистической революции, для которой Россия была лишь отправной точкой.

Поэтому на протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских идей, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции. Прошлые России осуждалось как «тёмное царство» реакции, православная церковь подвергалась гонениям, а из национально-культурных традиций принималось только те, которые выглядели как предтеча революции. При этом жёсткое противостояние капиталистическому Западу, включая Европу, сочеталось с активной поддержкой там коммунистического движения.

Однако по мере того, как мечты о мировой революции рассеивались, а Сталин приступал к строительству «социализма в одной стране», идейное кредо режима претерпевало существенные изменения. Сбылось предвидение философа-эмигранта Н. Бердяева, считавшего, что Третий, Коммунистический, Интернационал на российской почве рано или поздно станет лишь советским изданием идеи «Третьего Рима»¹. Модернизационный пафос индустриализации все сильнее подкреплялся мотивами советского патриотизма. В истории России подчеркивалась позитивная роль царей — строителей империи (Ивана Грозного, Петра I).

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1992. С. 139.

Эта смена вех получила новый мощный стимул в период Второй мировой войны, когда Сталин стал апеллировать к патриотическим ценностям русского народа, памяти «великих предков». В официальной идеологии победа в Великой Отечественной войне оттесняла на задний план поблекшие воспоминания о революционной романтике Октября в качестве главного источника легитимации режима.

С расколом антигитлеровской коалиции и началом холодной войны национал-патриотические мотивы советской пропаганды переросли в антизападную, в том числе антиевропейскую агрессивность. Кампании против «безродного космополитизма», за утверждение «отечественного приоритета» во всех науках способствовали самоизоляции СССР от внешнего мира, в том числе от Западной Европы, где начавшийся процесс евростроительства изображался как симптом возрождения германского реваншизма под эгидой США.

Однако открытый разрыв руководства СССР с интернационалистскими истоками режима был невозможен. Только коммунистическая идеология, даже окостеневшая и потерявшая кредитоспособность, оправдывала ценностями социализма провалы экономики, подавление инакомыслия, привилегии номенклатуры внутри страны. Она же обосновывала навязывание странам Центральной и Восточной Европы режимов советского образца, обеспечивала наряду с материальной помощью контроль КПСС над международным коммунистическим движением, наконец, распространяла влияние Москвы на ряд стран «третьего мира» благодаря поддержке антиколониальных, затем просто любых антизападных движений.

Двойственность ценностного багажа Советского Союза — сочетание консервативно-охранительного и национал-изоляционистского кредо внутри страны и «соцлагеря» с революционным прогрессизмом вовне объясняла контрастность образа СССР в представлении европейских элит вплоть до 70-х годов XX в. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР представлялся если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то, во всяком случае, единственным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества, угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах их противников — от консерваторов и правых либералов до многих социал-демократов он выглядел смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех её традиционных ценностей.

В конечном счёте именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с политикой послесталинского

СССР между интернационалистским мессианством и имперским высокомерием, сыграла важную роль в крахе режима.

Традиционная дихотомия между Европой и Азией как на духовном, цивилизационно-ценностном уровне, так и в поисках оптимальной социально-экономической модели, государственного строя, внешнеполитического курса сохранилась и в постсоветской России.

С середины 80-х годов, когда заканчивалась холодная война, в политико-интеллектуальных кругах перестроечного СССР преобладали западнические, особенно европеистские настроения. «Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство, — утверждал первый и последний президент СССР М.С. Горбачёв. — ...Европа “от Атлантики до Урала” — это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX–XX веков»¹. Отсюда вытекала формула «Европа — наш общий дом», которой так и не было суждено обрести конкретное воплощение.

Данная инерция ещё более усилилась в первой половине 90-х годов, когда в коридоры власти правопреемницы бывшего СССР — Российской Федерации на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной интеллигенции. Их целью были решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, а также сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем.

Определённые результаты на этом пути были, безусловно, достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась ограниченной, а социальная цена — чрезмерно высокой. Между тем значительное ослабление военного потенциала России, зависимость её экономики от кредитов международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк), контролируемых США, серьёзно подорвали позиции Москвы на международной арене, что вылилось в серию унижительных внешнеполитических неудач, особенно на Балканах.

В результате уже в конце 90-х годов XX, но особенно в начале XXI в. в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошел коренной перелом настроений. В официальном дискурсе представителей правящих кругов зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находят идеологическую подпитку

¹ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира // Горбачёв М.С. Собрание сочинений. Т. 8. Октябрь–ноябрь 1987. М.: Весь Мир, 2009. С. 178–184.

в подъеме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, отстаивающих для России особый «евразийский» путь и свою систему ценностей, представленную формулой «Державность, духовность, соборность»¹.

Материальной основой подобных тенденций определённое время служило ускорение темпов экономического роста, прежде всего благодаря высоким мировым ценам на энергоносители — основной статьи экспорта России, и увеличение доходов её бюджета, обеспечивших политическому руководству поддержку большинства общественности.

На фоне ряда конфликтов между ЕС и Россией может показаться, что европейская ориентация России, в том числе на ценностном уровне, снята с повестки дня.

Такое мнение разделяют некоторые западные аналитики, считающие, что ответственность за это лежит на обеих сторонах. «Европа понимает — со всех сторон она может столкнуться с серьёзными вызовами. Но чувствует себя, как всегда, центром мира и считает, что должна поэтому стабилизировать свое окружение через экспорт так называемых гуманитарных ценностей, или западных либеральных ценностей, — констатирует директор программ России и СНГ Германского совета по внешней политике Александр Рар. — ...Интересный пример — попытки интегрировать Турцию в Европу через либеральные ценности. Ведь можно было бы подумать о том, чтобы Россию тоже в Европу включить. Но этот вариант сейчас отключают, понимая, что это слишком дорого и трудно, приведёт к слишком большой неразберихе. Все меньше и меньше людей сейчас будет придерживаться идеи России внутри Европы. Процесс идёт в противоположную сторону»².

Стремясь преуменьшить такую опасность, некоторые российские политики предлагают гипотезу, согласно которой ценности России и Европы, по существу, идентичны, а западная критика России за отступления от демократии или нарушение прав человека отражают всего лишь банальные конфликты финансово-экономических интересов «хозяйствующих субъектов», в частности продавцов и покупателей энергоресурсов.

«Сегодня с Россией пытаются вести дела с упором на «разрыв в ценностях». Это непродуктивно. Ценности могут быть близкими, а интересы — расходиться. Даже у стран Евросоюза интересы подчас

¹ Эти течения черпают свой идейный арсенал у «евразийского» направление межвоенной «белой» эмиграции (кн. Трубецкой, Савицкий и др.).

² Независимая газета. 30.01.2007.

разные. Россия принимает европейские ценности. Они нисколько не угрожают её интересам»¹, — считает председатель Комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов, призывая «приспособить европейские ценности» к условиям всех стран европейского континента. Данная точка зрения выглядит явно противоречиво — если ценности одни и те же, то нет и необходимости приспосабливать их к тем или иным противоречивым интересам, будь то России к ЕС или наоборот.

Высказываются, однако, и иные оценки. Они исходят из того, что объективные реалии глобализованного многополярного мира начала XXI в. властно диктуют России и Евросоюзу необходимость поисков общего знаменателя на уровне как интересов, так и ценностных установок, которые больше совпадают, нежели сталкиваются.

Такая необходимость особенно подчеркивается суровыми реалиями мирового кризиса, в которой России, глубоко интегрированной в глобализованную мировую экономику, не удалось остаться, как надеялись её лидеры, «островом стабильности».

Следует, однако, иметь в виду, что попытки обусловить компромиссы по конкретным вопросам предварительными уступками России по ценностным подходам заведомо контрпродуктивны: «В отношениях с ЕС помогла бы деидеологизация наших обсуждений, взаимный выбор в пользу перевода нашего сотрудничества на прагматическую основу, поиска выверенного баланса между общими ценностями, интерпретации которых неизбежно разнятся, и общими интересами. Всё остальное пройдет само — по мере выработки взаимодействия в совместной работе»², — отмечал Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров.

* * *

Подводя общий итог, можно констатировать, что к началу третьего тысячелетия европейские ценности по-прежнему представляют собой важный, хотя и не единственный элемент ценностей общечеловеческих. Главная проблема, с которой сталкивается мир в XXI в., — поиск модели гармоничных взаимоотношений различных цивилизаций путем взаимной «притирки» присущих им систем ценностей, которые должны не исключать, а дополнять и обогащать друг друга. Любой иной путь чреват сползанием к катастрофе.

¹ Независимая газета. 21.03. 2007.

² Лавров С. Мир не стал безопаснее // НГ-Дипкурьер. 25.12.2006.

Глава 10. Парадоксы национализма и национальные проблемы

О настоящем и будущем национализма в Центрально-Восточной Европе

Системно-цивилизационные процессы, столь стремительно развернувшиеся в 80–90-е годы XX в. на просторах «второго мира», оказались настолько неожиданными, что спровоцировали своего рода «эвристический ступор». Ярким примером тому может служить воздействие, которое оказало на сообщества профессионалов «триумфальное шествие» национализма по странам, где многие десятилетия до того одной из несущих опор официальной идеологии был пролетарский/социалистический интернационализм. А ведь, как отмечает в своей книге швейцарский историк и политолог У. Альтерматт, «большинству западных специалистов еще в 60-е годы казалось, что националистические движения больше не имеют в Европе никаких шансов и что вообще эпоха национализма в ней закончилась вместе с окончанием Второй мировой войны»¹.

Да и на рубеже конца 80-х — начала 90-х годов наиболее опытные и авторитетные нациеведы — Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, Т. Нейрн, М. Манн и др. не предвидели скорого появления в ней «девятого вала» национализма. Как раз напротив, прогнозировалось, что образование новых национальных государств в будущем маловероятно. И говорилось это именно накануне возникновения в Евразии большой группы новых государств².

Нельзя в связи с этим не отметить, что наименование «век национализма», закрепившееся за XIX столетием, давно перестало хронологически покрывать европейский феномен становления современных наций и национализма. Даже если принять вполне оправданное «удлинение» Э. Хобсбаумом XIX в. за счёт первых 13 с половиной лет календарного XX в. (до начала Первой мировой войны), то и в этом случае последний имеет не меньше оснований считаться «веком национализма». Ведь даже при этом допущении он начался с образования на тер-

¹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 27.

² Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 44, 47, 62, 103, 113 и далее.

риториях рухнувших империй 9 новых национальных государств, а также с обретения независимости Ирландией и Исландией. Закончился же XX в. ещё более масштабным «переформатированием» бывшего социалистического лагеря и возникновением в Европе и в бывшей советской Азии более двух десятков новых государств.

В общем и целом национализм в рассматриваемую эпоху занял и продолжает занимать в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) и бывшей советской Евразии особое место. Он, а, точнее говоря, десятки его ипостасей и вариаций, сумел превратиться в фактор, сравниться с которым по масштабам и воздействию не может абсолютно никакой другой. Именно национализм явился главным идейным и политическим орудием, покончившим с «реальным социализмом». И, в частности, именно поднятая им волна «трайбалистского варварства» разрушила целых три федерации — СССР, Чехословакию и Югославию. Как оказалось, «мнимый федерализм» в странах соцлагеря, воспринимавшийся многими как декоративный, на самом деле предоставил готовые рамочные формы для возникновения новых государств Евразии с общим населением почти в 330 млн человек.

В итоге в современной Центрально-Восточной Европе на оставшиеся 5 «старых» государств ныне приходится 18 новых. Даже чисто номинальное соотношение числа тех и других иллюстрирует, насколько генеральным оказалось национально-государственное «переформатирование» этого огромного региона. Ещё более существенно то, что в ряду этих новых государств находится самая крупная страна Европы — Россия, а, кроме того, и вторая (после России) крупнейшая страна Восточной Европы — Украина. В целом Россия, Украина и другие государства экс-СССР по своим совокупным размерам доминируют не только в группе «переформатированных» стран, но и в рамках всей Восточной Европы¹.

В годы распада «второго мира» многие восточноевропейцы, отвергая тоталитарную политическую систему, увидели в нации «сосуд для реализации гражданской свободы»². На самом деле, однако, националистическая идея и на этот раз была использована, прежде всего, в ка-

¹ Так, в «старых» странах Восточной Европы на начало XXI в. проживает 82,5 млн жителей (2001), тогда как в новых — 286,7 млн, с учётом экс-ГДР (15,5 млн) и трёх государств Закавказья (17,4 млн). Из них 232,7 млн приходится на бывшие союзные республики европейской части СССР. Подсчитано по: Все страны мира. 2001 // Население и общество. Август 2001. № 56. Даже если вычесть из последней цифры около 30 млн жителей азиатской России, то и в этом случае на государства СНГ и Балтии приходится абсолютное большинство населения Восточной Европы.

² *Альтерматт* У. Указ. соч. С. 217.

честве эффективной интеграционной идеологии, мобилизовавшей народные массы на поддержку предпринятых элитами кардинальных изменений политико-идеологической и социально-экономической систем. В итоге, делает вывод У. Альтерматт, — национализм в современной ЦВЕ стал ныне «псевдорелигиозным опиумом для народа, дезориентированного и страдающего» от посткоммунистических трансформаций¹.

Метафора швейцарского учёного удачна ещё в одном отношении. Ведь вместе с «мёдом» гражданской свободы в «сосуде» национализма оказалось более чем достаточно и «дёгтя» — войн, ксенофобии, внутри- и межгосударственной напряжённости. Чего стоят одни только войны «всех против всех» в Югославии в 90-х годах. А что делать XXI столетию с доставшейся ему «эстафетной палочкой» войн в Молдове и, тем более, на Кавказе?!

Да ведь и в целом в обновлённой ЦВЕ этнонационализм создал и продолжает поддерживать повышенный фон многоликой ксенофобии². Произошло общее снижение толерантности по отношению к этнокультурным и конфессиональным меньшинствам внутри большинства «старых» и «новых» стран.

Достаточно сослаться на негативистские установки и даже проявления враждебности по отношению к венгерскому меньшинству в Румынии и Словакии, к туркам — в Болгарии и Македонии, к хорватам и другим выходцам из экс-Югославии — в Словении, к цыганам — в Венгрии, Румынии, Словакии, Чехии и других странах, к русским и русскоязычным — в странах Балтии и Украине, к вьетнамцам — на территории бывшей ГДР, к «кавказцам» — в России³. Более того, современные общеевропейские процессы, особенно движения этно-территориального регионализма⁴, будут, по всей очевидности, и в предстоящие годы стимулировать усиление национально-культурных требований со стороны меньшинств в различных странах ЦВЕ. В частности, со стороны русских и русскоязычных — в Украине, в Молдове

¹ Там же. С. 306.

² Ксенофобия в современном мире. СПб., 2008. С. 31–55, 75–88, 107–122, 140–209, 216–224. Подборку материалов на этот счёт см. также: Известия. 08.02.2008. С. 1–2.

³ Ксенофобия в современном мире. С. 75–84, 114–122, 142–178, 266–295; *Леонова А.* Настроения ксенофобии в электорате основных политических сил в России // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007 и далее.

⁴ О различных аспектах регионализма как «своего рода универсального процесса» и «ярко выраженной общемировой тенденции» см.: *Бусыгина И.М.* Проблемы современного регионализма. Южное направление // Европа и Россия: проблемы южного направления. М., 1999. С. 49–55.

и в государствах Балтии, гагаузов и болгар — в Молдове, крымских татар — в Украине, сербов — в Хорватии и Косово, албанцев — в Македонии, Сербии и Черногории, венгров — в Румынии, Словакии, Сербии и Украине, словаков и немцев — в Венгрии, турок — в Болгарии и Македонии, русин — в Украине.

Это, по всей очевидности, осложнит внутривнутриполитическую обстановку во многих государствах и создаст серьёзные внешнеполитические проблемы для региона в целом¹.

Едва начавшись, XXI столетие ознаменовалось острыми и масштабными этническими конфликтами, в частности, в Словакии, Косово и Македонии. Апогеем этнополитической напряжённости на постсоветском пространстве, очевидно, останутся события августа 2008 г. на Кавказе. Грузинское руководство попыталось тогда «железом и кровью» вернуть «отложившуюся» Южную Осетию, что привело к военному столкновению с Россией, закончившемуся окончательной утратой Грузией контроля и над Южной Осетией, и над Абхазией.

Концентрированным выражением «варваризации» межэтнических отношений в «национализировавшейся» Центрально-Восточной Европе явилась «сверхнормативная» для невоенного периода миграционная активность. Естественный миграционный обмен населением между странами во многом превратился в «выдавливание» различными способами нежелательного населения и стал, по-существу, превращённой формой этнических чисток².

Однако, с другой стороны, у нынешней «сверхнормативной» миграции в ЦВЕ имеется и потенциал противоположного действия. В результате разрушения «железного занавеса» данный регион оказался в общеевропейском контексте чрезвычайно интенсивных миграций. Благодаря им страны Западной Европы, начиная ещё с 60–70-х годов, постепенно становятся всё более и более пёстрыми в этническом и культурном отношении. Происходящий вследствие этого рост локальных идентичностей и группового этнического сознания увеличил культурную гетерогенность и этнорасовое многообразие многих западно-европейских наций³.

Между тем, коль скоро большинство стран ЦВЕ уже стало составной частью Евросоюза, в этом же направлении аналогичные

¹ См. об этом: *Ковальский Н.А.* Реструктуризация геополитического пространства от Гибралтара до Каспия в 90-е гг. // Там же. С. 33–34.

² См. об этом: *Буховец О.Г.* Постсоветское «великое переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и другие. М., 2000. С. 13–17, 24–27, 53–57; Ксенофобия в современном мире. С. 107–122, 140–178 и далее.

³ *Тишков В.* Этнология и политика. М., 2001. С. 237; *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 16, 316.

процессы начали развиваться и в них. Это, в свою очередь, будет способствовать (и уже способствует) росту национализма и этнизации конфликтов. При этом велика вероятность, что они будут характеризоваться большей остротой и массовостью, нежели западные прототипы, в силу значительно менее глубоких традиций толерантности.

Следует в полной степени учитывать и воздействие на данные процессы общей макрополитической, социокультурной и идеологической ситуации в Европе. Оно представляется весьма значительным, особенно в перспективе. По двум, как минимум, причинам.

Причина первая. Нынешний националистический подъём в пост-социалистической ЦВЕ, как напоминает М. Крох, происходит в иных условиях, чем в XIX и начале XX века¹. Идея европейской интеграции в беспрецедентной степени уже воплотилась в историческую реальность на западе континента и начинает реализоваться в его центре и на востоке. Конечно, успешным процесс этот может стать лишь при условии скорейшего преодоления негативных последствий плохо подготовленного «залпового» расширения ЕС в 2004–2007 гг. и разразившегося затем мирового финансово-экономического кризиса, особенно больно ударившего по большинству стран «новой Европы».

Вторая причина состоит в том, что современная ЦВЕ, находясь на гораздо более высокой стадии экономического, политического развития, чем тогдашняя (XIX — начала XX в.) Западная Европа, даже на нынешнем, начальном этапе уже довольно глубоко втянута в процессы европейской субглобализации.

Противоречивые процессы на западе континента

Крайняя неоднозначность хода и последствий рассматриваемых процессов характерна не только для ЦВЕ. Результаты их чрезвычайно противоречивы и для Западной Европы.

Историческая беспрецедентность того, что уже осуществлено в рамках реализации евросоюзного проекта, равно как и неясность ближайших и отдалённых перспектив расширения зоны интеграции, а также её качественного углубления, порождают повышенную на-

¹ Крох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 141.

пряжённость дискуссий о вероятных последствиях евростроительства для дальнейшей судьбы наций и государств, а, следовательно, и национализма.

Так, В. Иноземцев во введении к своей книге «На рубеже эпох» определяет в качестве «одной из важнейших» политических проблем «открывающейся ныне эпохи» наметившийся кризис организации мира как «совокупности наций — государств»¹.

Наиболее отчётливое проявление этого кризиса он вслед за другими авторами находит в Европе, где Евросоюз выступает, согласно их представлениям, в роли будущей модели государственного устройства, «совершенно отличной от существующих ныне», и «первой формы организации международной жизни, адекватной принципам постмодернити»².

С иной трактовкой сути и тенденций развития тех же процессов на континенте выступает известный специалист в области европейских исследований Ю. Рубинский в коллективном труде «Европа: вчера, сегодня, завтра», выпущенном в свет Институтом Европы РАН в 2002 г. Суть его позиции хорошо передаётся приведённым им ироничным высказыванием евроскептика У. Пфаффа о том, что «некролог государству — нации ещё далеко не написан»³.

По мнению Рубинского, концепции «конца национального государства» К. Охмэ, «мирового общества» Н. Элиаса и подобные им «не выдерживают критики, особенно в Европе»⁴. С расширением ЕС, отмечает он, всё сложнее становится находить равновесие между наднациональными (федеративными) и межгосударственными (конфедеральными) принципами функционирования его институтов. На этом фоне «единственным источником легитимности» любой публичной власти для «подавляющего большинства европейцев» остаётся национальное государство: «никакая международная структура такой легитимностью не обладает...»⁵. Даже, добавим, избираемый гражданами ЕС напрямую Европарламент.

Разительная контрастность приведённых точек зрения имеет реальный источник. Точнее — источники. Размах, многомерность и неоднозначный характер европейских процессов задают их развитию разнона-

¹ Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003. С. XXIX.

² Там же. С. XXXI.

³ Рубинский Ю.И. Государство, политические системы и гражданское общество // Европа: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Н.П. Шмелёва. М., 2002. С. 64.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

правленность. Поэтому многое в них «работает» на, условно говоря, модели понимания «по Иноземцеву»⁶. Посмотрим, что именно.

Начать логичнее всего с вопросов идентичности, многообразные формы которой станут, как прогнозируется, «главной социальной проблемой XXI в.»². В данном отношении послевоенная Западная Европа претерпела в последние десятилетия XX в. поразительные метаморфозы. Процессы экономической, политической, социальной и культурной интеграции на фоне общей атмосферы нейтрализации опасности войны привели к тому, что «на место традиционных национальных различий»³ пришли новые духовно-ментальные и социально-психологические феномены. Наиболее важным в их ряду следует назвать то, что у жителей различных европейских стран появилось ощущение особой европейской культурной общности.

Проявления этого нового качества очень многообразны, впечатляющи.

Так, исследователи отмечают, что формирование общей европейской культурно-цивилизационной идентичности, «европейского человека» стимулируется в современной повседневной жизни ЕС «благодаря мириадам “городов-близнецов”, студенческих обменов, профессиональных и научных конференций и возможностей для проведения отпуска»⁴. В последние годы на основе депутатских групп Европарламента, создающихся по итогам выборов уже не по национальному, а по политическому принципу, происходит оформление панъевропейских партий. Уход в прошлое эпохи «вооружённых (друг против друга) наций» в Западной Европе приводит к постепенному угасанию главного энергетического источника национализма⁵.

Показательна в этом отношении трансформация образа государственных границ, которые в эпоху «вооружённых наций» максимально нагружались сакральным смыслом. Вот как описал в своей яркой манере потерю политическими границами в современной Европе «навязчивого символизма» Э. Геллнер. «Теперь люди уже не так озабоче-

¹ Именно «условно говоря», так как В. Иноземцев практически формулирует/переформулирует позицию и многих других авторов со схожим пониманием природы и перспектив указанных процессов.

² Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. XXXIV.

³ Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм. М., 2002. С. 279.

⁴ Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма. Западная Европа // Европа: вчера, сегодня, завтра, М., 2002. С. 399; Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 393, 399.

⁵ Балакришнан Г. Указ. соч. С. 279.

ны тем, чтобы «наша» граница проходила по этой реке или по гребню этой горной гряды. Никто уже не проливает слёз, не пишет и не декламирует стихов в связи с тем, что таможенная служба расположена вдали от этой прекрасной местности, за которую наши прекрасные мальчишки проливали свою кровь»¹.

Абсолютно нестандартными последствиями обернулась общеевропейская культурно-цивилизационная идентичность для националистических движений на континенте. Можно говорить с достаточной определённости, что в ряде отношений ей уже удалось, в известном смысле, «приручить национализм», о чём Геллнер всего только 10 лет назад писал лишь как о принципиальной возможности².

Так, совершенно новым для феномена национализма явилось в европейском ареале заметное ослабление традиционных разделительных этнокультурных барьеров между националистическими движениями, уход в прошлое старой вражды между ними. Одно из последствий этого — распространение в их рядах идеи интеграции европейского национализма. Согласно этой идее националистические движения всех европейских цветов должны интегрироваться в политическую общность. Насколько далеко зайдёт этот процесс — судить ещё рано. Пока попытки создать объединённую панъевропейскую партию националистов зримых результатов не дали. Можно, однако, не сомневаться, что успех ультранационалистов на июньских 2009 г. выборах в Европарламент даст новый импульс планам создания такой политической силы.

Вместе с тем многие рассматриваемые процессы и явления содержат весомые аргументы для трактовки происходящего в «духе Рубинского». Возьмём, в частности, «этнокультурную разрядку» национализма. Она вовсе не означает, что бывшие междоусобицы европейских националистов «уступили место всеобщей ненависти к иммигрантам-неевропейцам»³. Они как бы сосуществуют.

Впрочем, утверждение о «всеобщей ненависти» к иммигрантам — явное преувеличение. Об этом свидетельствует электоральное поведение граждан ЕС. На общенациональном уровне поддержка даже наиболее успешных праворадикальных партий — Национального фронта во Франции, Фламандского блока в Бельгии, популистского движения П. Фортейна в Голландии — устойчиво находится в диапазоне между одной десятой и одной пятой голосующих избирателей. Единственное

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 179.

² «Национализм теперь можно приручить, как удалось приручить в своё время религию» (Там же).

³ Балакришнан Г. Указ. соч. С. 282.

исключение — Австрийская партия свободы (АПС), которая, завоевав на парламентских выборах 1999 г. 27% голосов, сумела таким образом «пробить» психологически важный рубеж в четверть проголосовавших граждан. Однако выдержать испытание этим успехом ей не удалось: уже на следующих выборах (2002) АПС получила только 10,2%, т.е. потеряла почти 2/3 ранее набранных голосов. Ещё через полтора года этот неуспех был «закреплён» неудачей АПС и на выборах в Европарламент и в 2004 г., и в 2009 г.

Нельзя в связи с вышесказанным не предъявить претензии к ситуационной аналитике и научной публицистике за постоянную склонность к алармистским, а то и просто истерическим трактовкам опасности, исходящей от правопопулистских сил в зоне Евросоюза.

Сказанное не равнозначно недооценке роста в «старой Европе» массовой иммигрантофобии. Это факт, причём неоспоримый. Одна из важнейших причин этого — в мощном миграционном движении в Европу¹. Не вполне ясно лишь, является ли нынешняя иммигрантофобия новым изданием традиционного национализма или это — в большей мере — что-то качественно иное?

М. Манну, например, она представляется «обычным расизмом», который «апеллирует почти исключительно к рабочему классу, привлекая его внимание к проблемам материальной сферы»². У. Альтерматт трактует её то как националистический «рефлекс против огромной иммиграции», то как выражение европейского «шовинизма благосостояния»³.

Г. Балакришнан вообще предпочёл уклониться от прямого суждения на этот счёт, ограничившись лишь вопросом в следующей формулировке: «...разве ненависть к культуре чужаков, не “искупленная” любовью к “своим”, является национализмом?»⁴. Его позицию, как и вторую версию понимания У. Альтерматта, можно сформулировать примерно так: неприязнь к «понаехавшим», пусть даже широко распространённая, — условие само по себе для национализма недостаточное. Чтобы трансформироваться в таковой, необходима особая атмосфера «вооружённой нации». В современной Западной Европе её нет.

Трудно не обратить внимание и на то, что многие авторы, так или иначе затрагивающие тему иммиграции в нынешней Европе, как бы «засматриваются» на её впечатляющие внешние параметры и необычные формы. То, что теперь «японцы живут в Бразилии, турки обитают

¹ Альтерматт У. Указ. соч. С. 16.

² Манн М. Указ. соч. С. 399.

³ Там же. С. 302, 316.

⁴ Балакришнан Г. Указ. соч. С. 282.

на Майне, а индеец встречает индуса в Бирмингеме» воспринимается как зримые образы размывания национальных границ и процесса культурной интеграции, как то, что процесс этот «воистину приобрёл почти универсальное значение»¹.

В то же время необычные внешние проявления в немалой мере мешают восприятию качественной новизны и специфики современных миграций. В последние десятилетия в них проявились существенные изменения: обновился и усложнился набор причин и следствий, развитие процессов приобрело отчётливо выраженный нелинейный характер и разновекторность, принципиально иными с точки зрения содержания стали результаты.

Говоря о месте и роли миграций в современном мире, аналитики в своём большинстве менее всего склонны проявлять умеренность в употреблении превосходной степени. В них усматривают «центральную проблему нашего времени»², вопрос исключительной важности для всего мира. Их расценивают как не имеющее по своим масштабам исторических прецедентов «ненасильственное воздействие на сложившиеся социокультурные общности»³. Важнейшим их следствием видится то, что теперь «каждый человек имеет возможность наблюдать такое бесконечное человеческое многообразие — расовое, национальное, этническое, религиозное, интеллектуальное, — которого он не мог представить себе пятьдесят или сто лет назад»⁴.

Но отсюда — и принципиально новые проблемы. Если в XIX — в первой половине XX в. миграционные потоки перемещали по миру и по Европе в основном представителей европейской цивилизации, то теперь доминирующим является «перетекание» населения с мировой «периферии» в «центр» (явление это резонно получило название «обратной глобализации») ⁵.

Совершенно по-иному обстоят ныне дела и с адаптацией иммигрантов. Если политическая и социокультурная, ментальная и конфессиональная дистанции между основной массой мигрантов и населением принимающих стран в XIX — первой половине XX в. были, как правило, небольшими, то в современную эпоху они, по преимуществу, близки к максимальной. Поэтому в первом случае интеграция в общество на «новой родине» проходила относительно быстро и завершалась ассимиляцией переселенцев. Причём самым существенным здесь было

¹ Герц К. Польза разнообразия // THESIS. Осень 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 177.

² Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. XXXVI.

³ Там же. С. XXXV; Ксенофобия в современном мире. С. 107–108, 140–142 и далее.

⁴ Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. XLII.

⁵ Там же. С. XXVIII.

то, что успешная интеграция всех волн иммиграции всякий раз обеспечивала в конечном итоге гомогенность принимающих обществ.

Начиная с 50-х годов XX в. миграция в мире и Европе следует иной парадигме. Иммигранты в своём большинстве «везут» с собой в культурно модернизованную Европу ментальные и поведенческие стереотипы традиционного общества. Для успешного приспособления к новому и непонятному укладу они пытаются, естественно, так или иначе, задействовать ресурс привычных для них общинно-родовых адаптивных стратегий. Отсюда — стремление селиться там, где уже много родственников, знакомых, соплеменников. Совокупная реализация таких стремлений не могла не привести к высокой концентрации выходцев из определённых стран «третьего мира» в различных государствах Западной Европы. В Германии, например, проживает до 80% всех живущих в Европе турок, а во Франции — 86% тунисцев, 61% алжирцев и 61% всех марокканцев Европы¹.

Стремительные темпы роста миграции в страны Европы привели к тому положению, когда в считанные десятилетия в них образовались практически инокультурные анклавы. Впечатляющая многолюдность наиболее крупных из них — приблизительно по 3–5 млн человек во Франции, Германии, Великобритании и Италии — дополняется компактностью проживания, в основном в больших городах. Данные факторы вполне благоприятствуют сохранению своеобразного режима культурно-цивилизационной автономии. Соответственно, действие этих факторов существенно лимитирует возможности евроаккультурации иммигрантов. Хотя, разумеется, полностью её и не блокирует, но локализует настолько, что гомогенизацию общества, как в предыдущую эпоху, она обеспечить уже не в состоянии.

Итак, миграционные потоки последних десятилетий обеспечили этнорасовую гетерогенность стран «старой Европы», а мультикультурность уже стала новым атрибутивным признаком современных западноевропейских наций. И поскольку процесс «обратной глобализации» постоянно усиливается, будут мультиплицироваться и этнорасовая гетерогенность, и мультикультуризация. Причём данный процесс, по существу, безальтернативен: ведь, несмотря на все попытки регулировать и сдерживать его, значение фактора иммиграции в Евросоюз, согласно прогнозам, будет возрастать и в перспективе — среднесрочной и даже долгосрочной².

¹ Там же. С. XXXVI.

² *Тэвдой-Бурмули А.И.* Бельгия: праворадикальный вызов // Европа: партии и выборы. М., 2003. С. 54.

Но коль это так, то легко можно прогнозировать и дальнейший рост группового этнического самосознания, что будет дополнительно стимулировать разделённость социумов и на национальном, и на все-европейском уровнях. Следовательно, будет расширится поле эвентуальных конфликтов: и за счёт умножения собственно этнических, и, в гораздо большей степени, за счёт «этнизации» прочих форм конфликтов, приобретения ими «необратимого характера»¹.

Эта констатация не исключает и противоположных тенденций. В высокой степени вероятным представляется усиление стимулирующей влияние подобных конфликтов (или их угрозы) на дальнейшие поиски путей институционализации этнокультурного многообразия в евросоюзном ареале. Чтобы представить, сколь нестыкуемыми могут быть исходные позиции, промежуточные результаты и конечные цели контрагентов этого процесса, имеет смысл обратиться к практике трёх последних десятилетий.

В 80–90-е годы Евросоюз начинал проводить курс на усиление регионального фундамента европейской интеграции. Для Испании, Англии, Франции, Италии, как и для некоторых других западноевропейских стран с сильными этнорегионалистскими движениями, он обернулся весьма противоречивыми последствиями. С одной стороны, эти движения через взаимодействие со специализированными органами ЕС были активно подключены к процессу евростроительства, т.е. в той или иной степени подверглись «еврокультуризации». Однако, с другой, отдельные регионы (например, Каталония, Страна Басков, Корсика, Бретань) получили благодаря непосредственному взаимодействию с евроструктурами возможность выхода напрямую, «через голову» своих государств, на политическую арену Европы. Как отмечает российский исследователь А. Тэвдой-Бурмули, идея федеративной «Европы народов», базирующейся на этнокультурных началах, нашла интенсивную поддержку шотландских, валлийских, бретонских, корсиканских, баскских и других националистов².

Следует также иметь в виду, что политика поощрения регионов, проводимая Евросоюзом, отличалась явным социально-экономическим редукционизмом. Специальные фонды ЕС по своим целям и методам были и остаются инструментами социально-экономического регулирования, отражая тем самым изначальный примат экономической интеграции. Они поэтому фактически игнорировали различия

¹ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 16.

² *Тэвдой-Бурмули А.И.* Европейский национализм. С. 18–19.

между регионалистскими и националистическими типами центробежных политических движений.

В целом опыт региональной политики Евросоюза убедительно показал, что, минимизируя социальные и экономические составляющие националистической мотивации, региональные мероприятия не затрагивают «“устойчивые” этнокультурные и идейно-ментальные компоненты». Лишь в отдалённой перспективе можно надеяться на то, что евросоюзная региональная политика «цивилизует» националистические движения и «приведёт к ослаблению этнических настроений»¹. Пока, однако, западноевропейские сепаратисты всех национальных цветов рассчитывают обрести в будущем независимость благодаря размыванию в результате европейской интеграции существующего национально-государственного суверенитета своих стран². По этой причине они с энтузиазмом (но небескорыстно) поддерживают приверженцев проекта «двухуровневой» единой Европы, в соответствии с которым будущей единой Европе предстоит стать Европой двух уровней — наднационального и регионального³.

О том, какими последствиями чревато подобное развитие, можно судить, обращаясь к опыту Канады, где слышущий умеренным «квебекский сепаратизм» неоднократно ставил страну на грань развала⁴.

Таким образом, исходя из реальной ситуации, нельзя исключать вероятности возникновения серьёзной угрозы государственно-территориальному единству ряду стран Евросоюза, в том числе Бельгии, Испании, Великобритании, Франции и Италии. Во всяком случае, в обстановке острого экономического кризиса, приобретающего системный характер, такая вероятность значительно выше, чем в «тучные годы».

В этой связи нельзя не задаться вопросом: не последуют ли этому примеру регионалистско-радикалистские силы в странах Центрально-Восточной Европы?

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 32.

³ Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма. Западная Европа. С. 400.

⁴ См.: Барановский К.Ю. Канада и Квебек после референдума // Канада после референдума о суверенитете Квебека: Материалы научной конференции. М., 1996. С. 7–17; Квебекский сепаратизм — острая проблема Канадской федерации // США — Канада: ЭПК. 2001. № 11.

«Образы» и «нации» до эры национализма

Вернёмся, однако, к истокам.

Развал СССР и исчезновение с исторической арены бывшего «второго мира» актуализировали проблему воссоздания социальными науками «образов» (имиджей) различных наций, этнических групп и религий в общественном сознании. В обстановке сохраняющейся (а в ряде стран даже нарастающей) социальной и политической энтропии эти образы во многом претерпели и продолжают претерпевать далеко идущие трансформации.

Но дело отнюдь не только в бурных переменах. Большую роль играет качественная природа рассматриваемого феномена. Дошедшие из глубины веков исторические данные свидетельствуют, что изменчивость, подвижность таких представлений и образов имела место даже в Средневековье и тем более на пороге Нового времени. Религиозные конфликты и войны, распад одних и создание других династических союзов, упадок старых центров промышленности и торговли и возвышение новых — всё это существенно сказывалось на образах государственных образований и межгосударственных союзов у жителей различных городов и стран.

Однако совершенно новое качество феномен изменчивости образов и представлений, динамической их мультипликации и синкретичности приобрёл лишь после Великой французской революции 1789 г., когда в ходе и в итоге наполеоновских войн в Европе началось строительство современных наций-государств.

Именно Французская революция наделила нацию принципиально новым смыслом и осуществила замену самого субъекта нации. Ведь в предшествующей средневековой традиции слово «nation» (от *nassi* — рождён) имело то же значение, что и «gens». Оно означало родовую общность, а критерии отнесения к той или иной «нации» оставались неопределёнными и произвольными. Так, в Парижском университете в середине XIII в. полагали, например, что итальянцы, испанцы и греки принадлежат к галльской «нации», а немецкие, польские, скандинавские студенты, находящиеся на учёбе в Англии, входят в состав английской нации¹. В свою очередь, как свидетельствуют материалы Констанцкого церковного собора (1414—1417), к *natio germanica* причислялось наряду с немецкоязычными духовными лицами «Священ-

¹ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 33.

ной Римской империи» также духовенство Англии, Венгрии, Польши, Скандинавии. С другой стороны, на том же Соборе в состав «итальянской нации» были включены и представители Греции, Славонии и Кипра¹.

Однако самым главным (и общим) для Средневековья было то, что право именоваться «нацией» принадлежало тогда лишь привилегированным сословиям. Массы же «частных подданных» — т.е. подавляющее большинство населения — подобным правом не располагали².

Поэтому-то объявление в 1789 г. представителями французского «третьего сословия» себя нацией и стало этапным событием европейской истории. К тому времени теоретическая платформа для такой декларации уже была выработана философами Просвещения. На пороге XVIII в. Французская академия дала принципиально новое определение, послужившее затем, уже в Новое время, основой для оформления концепта гражданско-политической нации. Согласно этому определению, нация — это совокупность всех жителей «одного и того же государства, одной и той же страны, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык...»³.

Теория и практика национального строительства

Осуществив революционный акт отождествления нации и народа, Франция попыталась привнести этот принцип «на кончиках штыков» в Испанию, Германию, Италию и другие страны, всюду, куда дошли французские войска. Но «национализирование» Европы вызвало, как это продемонстрировали наполеоновские войны, сильную столь же националистическую реакцию, которая и положила начало эре национализма.

Не следует, однако, упускать при этом из виду, что в начальной фазе исповедовать новые ценности нации оказалось в состоянии лишь образованное меньшинство. А чтобы последнее превратилось в большинство, понадобилась целая историческая полоса, на протяжении которой силами учёных и деятелей культуры создавались национальные «мифо-символические комплексы». Остро конкурируя друг

¹ Там же.

² *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 366.

³ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 33–34.

с другом, они вместе с тем содержали и типологически важные общие черты. Во-первых, нации изображались в них не как современное политическое оформление культурных различий, а как нечто существовавшее «от века». Во-вторых, они содержали в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагалось неременное наличие внешних и внутренних недругов, не заинтересованных в таком «пробуждении»¹.

Абсолютно незаменимым «ноу-хау» для создания мифо-символических комплексов послужило изобретение т.н. национальных традиций. Решающая роль в этом принадлежала националистической «колонизации истории, исходящей из современности»². В её новаторской парадигме «рекомбинация» исторического материала позволяла, в зависимости от конкретных задач по «изобретению», либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было³.

Массовизация идеи «народа-нации» (Volksnation) потребовала идентификационной индоктринации широких слоёв населения. Для этого стали необходимы не просто глубокие, но именно системные изменения в политическом менталитете масс. Прежде всего, потребовалось распространение и укоренение в народе коллективного имени собственного: «мы — французы», «мы — итальянцы», «мы — немцы» и т.д. Ведь даже во второй половине XIX в. во Франции (с её многовековым централизованным государством!) «всякий новопоселенец, даже прибывший из соседней округи, был чем-то вроде “иностранца”, вызывая подозрение и враждебность»⁴. А в Италии и Германии в это время национальные государства вообще были только-только созданы, и там национальная задача формулировалась достаточно парадоксально: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев»⁵. Применительно к Германии в этой формуле нужно лишь заменить «Италию» и «итальянцев» на «Германию» и «немцев».

¹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. С. 206; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Там же. С. 173.

² Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. С. 256; Тишков В.А. Нация: теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы Международного Симпозиума 18–19 апреля 1994 г. Ч. 1. М., 1994. С. 68.

³ Геллнер Э. Указ. соч. С. 192.

⁴ Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France. 1870–1914. Stanford, 1976. P. 90.

⁵ Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе // Нации и национализм. С. 335.

Объективно ещё более сложной была аналогичная задача для народов Австро-Венгрии, России и Османской империи, не имевших своих национальных государств вплоть до конца Первой мировой войны.

Далее, требовалось внедрение в массовое сознание мифов об общих предках и патриотических версий «общенационального» исторического прошлого. Понятно, что обеспечить это в домодернизационный период Нового времени было невозможно. Лишь во второй половине XIX в. в Западной и Центральной Европе в ходе осуществления программы всеобщего обучения, продиктованной потребностями модернизации, появились условия для форсированной националистическо-патриотической индоктринации населения.

Беспрецедентность размаха и интенсивность работы государства по патриотической аккультурации народа иллюстрирует такой пример. В 1877 г. вышла в свет книга для детского чтения «Путешествие по Франции» Г. Бруно, в которой излагалась история о постижении Родины двумя крестьянскими мальчиками, которым их отец, умирая, завещал жить как должно настоящим французам. Так вот, к 1884 г. она успела выдержать 108 изданий (в среднем по 18 изданий на год!), а к 1900 г. в общей сложности было продано уже более 8 млн экземпляров этой книги — цифра феноменальная для той эпохи¹.

Необходимыми условиями успеха проекта «народа-нации» выступают также повсеместное использование населением государственного языка, возникновение в массовом сознании образа общей «родной земли», появление в менталитете народа чувства общенациональной солидарности. В домодернизационный период, с характерным для него количественным преобладанием замкнутых на себя и в основном неграмотных сельских «миров», слабой сетью общегосударственных коммуникаций, обеспечить это оказалось в полной мере невозможным. Даже в давно существовавших централизованных государствах.

В частности, во Франции централизация в языковой политике начала осуществляться ещё за несколько столетий до XIX в. Королевские указы 1539 и 1738 гг. фиксировали притязания французского языка на исключительное применение, а Национальное собрание в 1792 г. сделало его символом национального единства Франции². И тем не менее даже в начале 60-х годов почти четверть учеников не знала французского, а многие дети школьного возраста либо вообще

¹ Weber E. Op. cit. P. 311, 335.

² Альтерматт У. Указ. соч. С. 166.

не понимали литературного языка, либо понимали, но не могли на нём писать, поскольку местные диалекты существенно отличались от нормативного французского. Как отмечают исследователи, правительству Третьей республики в ходе специальных обследований открылась парадоксальная картина: «Для половины граждан страны французский оставался иностранным языком»¹.

Ещё более острые проблемы в этом случае стояли перед этнически «чересполосной» Австро-Венгрией и созданными по «политическому расчёту», но культурно весьма неоднородными Германией и Италией. При всем этом верх брали в конечном счёте такие факторы модернизации, как индустриализация, урбанизация, культурная революция, совершенствование общенациональной инфраструктуры.

Так, во Франции обязательное бесплатное образование, введённое правительством Третьей республики, обеспечивало кардинальные изменения в общей картине мира у крестьянских детей, тогда как традиционную изоляцию периферии страны разрушило беспрецедентное по масштабам строительство путей сообщения (ведь только новых железных дорог было построено более 16 тыс. км). Бурное промышленное строительство, потребовавшее множества новых рабочих рук, стимулировало мощный отток в города сельских жителей, вырывая их из «локализованного микрокосма» общины и вводя в национальный макрокосм. Существенным фактором социального лифтинга для французских селян явилась даже всеобщая воинская повинность, введённая в 1873 г. Нередко из рекрутов, призванных в армию из деревни, до половины после окончания службы туда уже не возвращались².

Иными словами, школы и внутренняя миграция, рельсы и шоссе, экономическая революция, городская жизнь и армия — всё это в совокупности порождало представление о принадлежности к чему-то неизмеримо большему, нежели местная община, выковывало постепенно патриотическое чувство французов, ощущение единой Франции³.

В том же направлении, что и во Франции, представлявшей, по типологии У. Альтерматта, первую временную зону национального строительства в Европе, работали процессы модернизации на «национализацию» стран второй (Германия и Италия) и третьей (Австро-Венгрия, Россия и Османская империя) временных зон. Однако ввиду несходства стартовых условий были иными и результаты.

¹ Weber E. Op. cit. P. 69-70.

² О роли различных факторов, обеспечивших указанные системные перемены, см. главы 12–18 исследования Ю. Вебера: Weber E. Op. cit.

³ Ibidem. P. 338.

Так, в Германии, кроме такого осложняющего фактора, как недавнее возникновение единого государства, дело «национализации» существенно затруднялось установкой на строительство этнокультурной нации. Это требовало, прежде всего, нивелирования значительных языковых и культурных различий между субэтническими группами самих немцев путём последовательного продвижения в народ через систему образования и сети массовых коммуникаций литературного немецкого языка. Но унифицирующая роль последнего оказалась успешной только в деле выработки общенемецкого самосознания. Что же касается диалектов, то литературный немецкий язык смог лишь потеснить, но не полностью вытеснить их. Ведь и ныне, в XXI в., берлинский, саксонский, франконский, северогерманский, баварский и иные диалекты не только пребывают в лингвоприменительном обороте, но даже транслируются на массовую аудиторию как учебный материал.

Немалое значение имело и то, что Германская империя поставила своей целью ассимилировать оказавшиеся в ней многочисленные не-немецкие этнические группы — поляков, лотарингцев, датчан, мазуров, литовцев, чехов, кашубов и сорбов. Особенно жёсткая политика германизации осуществлялась в отношении самого многочисленного меньшинства — поляков. К примеру, в 1901 г. на польском языке были запрещены преподавание в народных школах и даже религиозные службы. По отношению ко второму по численности этническому меньшинству — лотарингцам — программа их германизации проводилась несколько мягче. Но и здесь, в Эльзас—Лотарингии, после её присоединения к Германской империи началось планомерное «выдавливание» французского языка и культуры.

Однако, несмотря на всю жёсткость, политика германизации не сумела преодолеть упорного сопротивления меньшинств. Поэтому в силу общего неуспеха подобной политики Германия длительное время оставалась «неполным национальным государством»¹.

Сказанное относится и к Италии. Ей также не удалось достичь существенного успеха в деле интеграции неитальянских этнических меньшинств, равно как и нивелировать субэтнические различия, дабы обеспечить примерно тот же уровень культурной унификации, которого достигла тогда Франция. Экономическая, социальная, духовно-ментальная дистанция между итальянским Севером и Югом, сохраняющаяся и поныне, всё ещё остаётся источником постоянной внутриполитической напряжённости. Чего хотя бы стоит получивший

¹ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 165.

широкую известность проект, предусматривающий выход из состава Италии «Республики Падания», состоящей из территорий, расположенных в долине реки По.

В третьей временной зоне национального строительства — империях Восточной и Центральной Европы — феномен «национализации» характеризовался ярко выраженной многомерностью, разноречивостью устремлений, куда большим драматизмом событий и катастрофичностью результатов. Причина в том, что империи и составлявшие их народы в отличие от наций и даже «государств-протонаций» первой временной зоны (Англии, Франции, Швеции, Дании, Нидерландов, Швейцарии) были слабее интегрированы и удерживались в основном благодаря твёрдой централизованной власти монарха. Поэтому пришедший к ним с Запада принцип «каждой нации — государство» пал на благодатную почву: к тому времени пребывавшие здесь этнические группы ещё не выработали политических рамок общей культурной идентичности.

Самой пёстрой по этническому составу была «лоскутная Австро-Венгрия». В 40-е годы Австрия — «первая среди равных» государство-образующих «наций» империи — взяла курс на германизацию населения и укрепление централизма. Однако этот курс был неприемлем для «второй среди равных» — Венгрии. В ответ на замену Веной в качестве официального языка латыни немецким Королевство Венгрия объявило государственным венгерский язык. В империи началась «битва языков», под знаком которой проходили вся вторая половина XIX — начало XX в.

Внутренняя логика эры национализма требовала, чтобы главный оппонент германизации в «лоскутной» империи — сословно-аристократическая «*natio hungarica*» (венгерская нация) вовлекла в эту «битву» и народ. Точнее — народы полиэтнического королевства, превосходившего по населению современную Венгрию почти в два раза. В качестве главных рычагов «национализации» выступали образование на венгерском языке, массовое распространение историко-патриотических знаний, пропаганда национального фольклора, расширение ареала венгерской культуры посредством ассимиляции этнических меньшинств, осуществляемой методом «кнута и пряника». Магьяризация образования, имён, фамилий и географических названий, «обращение в венгры» как пропуск в правящую элиту и возможность сделать успешную карьеру — всё это немало способствовало беспрецедентному расширению ареала венгерской культуры. К примеру, знаменитый поэт Ш. Петефи, гордо заявлявший в одном из своих стихотворений: «Венгр — я», в действительности был по происхождению словаком.

Форсированной мадьяризации способствовали, кроме упомянутого выше акта 1844 г. о статусе венгерского языка, закон о национальностях 1868 г., а также закон о народных школах 1879 г., сделавший обязательным преподавание на венгерском языке от детских садов до средней школы¹. Динамично мадьяризовалось высшее образование. В дополнение ко второму по значимости в империи Будапештскому университету между 1872-м и 1912-м гг. было открыто ещё три².

Весьма способствовала «национализации» урбанизация. «Плавильным котлом мадьяризации» для переселявшихся сельских жителей служили тогдашние города³.

Вместе с тем культурная интеграция в Венгрии не зашла (и не могла зайти) так далеко, как во Франции. В последней нормативная культура имела дело с региональными общностями. Поэтому она сумела в конечном счёте поглотить их почти полностью. В Венгрии же предстояло «национализировать» по-венгерски иноэтнические меньшинства — хорватов, словаков, румын, немцев, весьма далеко отстоявших от венгров в культурно-языковом отношении. Поэтому произошло неизбежное. Подобно тому, как курс Австрии на германизацию дал мощный импульс венгерскому национальному строительству, так мадьяризация, в свою очередь, дала толчок этнонациональному ренессансу проживающих в Венгрии немадьярских народов.

Иную модель «национализации» избрали чехи. Поскольку у чешских земель не было тех политических и административных ресурсов, которыми располагало Королевство венгров, то здесь набор соответствующих рычагов изначально был значительно уже. Зато эти рычаги — народное образование, культура, средства массовой коммуникации, урбанизация — в экономически и культурно более передовой и динамичной Чехии могли быть использованы интенсивнее и результативнее, чем в Венгрии.

Чешский опыт в этой области может рассматриваться как модельный. Если в 1853 г. в Чехии ещё не было ни одного чешского лица, то в 1913 г. в ней функционировали 63 гимназии и 45 технических учебных заведений⁴. Чешских крестьян, переселявшихся в города, встречала налаженная система образования на родном языке. Города, столетиями служившие центрами немецкого культуры, поразительно быстро

¹ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 170, 171.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 91.

«чехизировались». Консул Германии в Праге писал в 1898 г.: «В то время как ещё 25 лет назад тип города был совершенно немецким, сегодня Прага, без сомнения, совершенно чешский город»¹.

Заделы национального строительства

Беспрецедентная скорость, с которой национальная идея овладела народами и благодаря которой она стала к началу XX в. безусловной нормой, была бы невозможна без фундаментальных изменений в народном сознании². Специалисты в области национальных отношений почти единодушны в понимании природы этих изменений. В условиях, когда у людей пошатнулась вера в то, «что Священное Писание открывает... доступ к истине» и что иерархия в обществе предопределена Богом, они, будучи вырванными модернизацией из социально-ролевых ячеек доиндустриального сословного общества, сталкиваются в новом для них мире с идеей нации, которая «да пребудет вечно!»³.

Данной идее суждено было стать для нового — социально диффузного, анонимного, атомизирующего мира — секулярной религией. «Нация», которая по природе своей является, как это показал Б. Андерсон, «воображаемым сообществом», укореняясь в массовом сознании благодаря деятельности интеллектуалов, превращалась затем в фундамент социокультурной связанности и групповой интеграции, в реальную основу продуцирования многочисленных образов «иного» — этносов, культур, конфессий. Это и позволило одному из «отцов-основателей» мировой науки о нациях Э. Геллнеру предложить поразившую многих специалистов формулу соотношения между нацией и национализмом, согласно которой не нации порождают национализм, а национализм порождает нации⁴. (Думается, эта формула по достоинству могла бы быть названа «парадоксом Геллнера».)

Изучение процессов, происходящих в массовом общественном сознании, позволило уже к началу XX в. сформулировать следующий вывод: массовое образование народа в сочетании с урбанизацией, индустриализацией, развитием национальных систем коммуникации, всеобщей воинской повинностью привело к невиданному до той поры расширению и уплотнению социального пространства. Познавание «се-

¹ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 166.

² *Бройи Дж.* Указ. соч. С. 231.

³ *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 51.

⁴ *Геллнер Э.* Указ. соч. С. 127.

бя через другого» перестаёт быть уделом лишь образованного меньшинства и становится постоянной социальной практикой всё более широких слоёв населения. Последнее предельно афористично сформулировано в 1882 г. Э. Ренаном: «Существование нации представляет собой ежедневный плебисцит...»¹.

При этом результаты использования ресурсов модернизации в государствах разных временных зон национального строительства отличались весьма существенно. Так, в странах первой временной зоны заметно уменьшались не только субэтнические, но и межэтнические культурно-ментальные дистанции.

Даже в массовом общественном сознании Великобритании, с её отягощённой острыми внутренними конфликтами историей, наблюдалось явное сокращение дистанции между традиционно «колючими» по отношению друг к другу образами «англичанина», с одной стороны, и «шотландца» и «валлийца» — с другой. Во Франции же, с её унитарной административно-территориальной системой, подобные процессы шли гораздо быстрее и зашли куда дальше. В результате продвижения через массовое образование патриотических версий истории, появления в менталитете народа чувства общенациональной солидарности и представления об «общей родной земле» «среднефранцузское» сознание включило в общность «французов» также и иноэтничных эльзасцев, корсиканцев и басков.

Значительно более скромных успехов сумели добиться в этом смысле, как уже отмечалось, государства второй временной зоны, созданные лишь во второй половине XIX в.: Германия и Италия. Там субэтнические дистанции оставались гораздо большими, чем в тех же Франции и даже Британии. В результате для массового сознания вопрос о том, насколько сицилийцы являются итальянцами, а баварцы — немцами, оставался не до конца проясненным и во второй половине XIX столетия, благополучно перейдя затем в XX и даже XXI в.

А вот вектор аналогичных процессов в Австро-Венгрии, входившей в третью временную зону, был вообще иным. Здесь массовизация практик познания «себя через другого» была использована главным образом для умножения идентичностей, подготовившего и падение монархии, и распад самого скрепляемого ею «лоскутного» государства.

¹ Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? P., 1882. P. 55.

Российский случай

В какой степени соответствующие явления получили распространение в Российской империи? Конец XIX — начало XX в. были для неё временем быстрого развёртывания процессов модернизационного типа — индустриализации, урбанизации, динамичного развития всех видов образования. Вместе с тем, учитывая низкие стартовые характеристики, эти процессы вряд ли можно было назвать модернизацией. Это, скорее, была предмодернизация. Ведь, несмотря на мощную динамику индустриального развития, в 1913 г. промышленность обеспечивала лишь 27% национального дохода. Сравнительно невысокими оставались темпы урбанизации: к 1913 г. доля городского населения составляла лишь 15%. Противоречиво проходила и культурная модернизация. После первой всеобщей переписи населения 1897 г., показавшей, что 72,3% жителей оставались неграмотными, государство начало наращивать усилия по развитию народного образования. Однако ресурсов для введения всеобщего начального образования так и не нашлось вплоть до крушения императорской России¹.

Ввиду дефицита модернизации иными возможностями располагал и национализм. Правда, роль последнего как «незапланированного спутника» модернизации представляется специалистам спорной. Одни «вменяют» ему функцию содействия модернизации, другие считают, что он нередко использовался и против неё². Бесспорно, однако, другое: национализм не преуспеет, если в его распоряжении не будет ресурсов в виде модернизационных процессов. А в Российской империи эти ресурсы были куда меньшими, чем в схожей с нею по полиэтничности Австро-Венгрии.

Абсолютно необходимым условием «национализации» служит народное образование. В деле обретения населением элементарной грамотности Россия сильно уступала даже Австро-Венгрии, не говоря уже о других европейских странах. В 1914 г. в ней на 1 тыс. жителей приходилось 59 учащихся, тогда как в Австро-Венгрии — 143, в Великобритании — 152, а в Германии — 175³.

Например, то обстоятельство, что на пороге XX в. более 58% поляков Российской империи в возрасте старше 10 лет оставались негра-

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX веков). СПб., 1999. Т. 2. С. 284–305.

² Бройи Дж. Указ. соч. С. 213.

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 387.

мотными¹, существенно сдерживало массовизацию польской национально-государственной идеи. А ведь именно поляки, имея собственную «аристократическую нацию», литературный язык и высокую культуру, как раз и представляли собой наиболее «перспективный» в отношении «национализации» этнос Российской империи.

Факторами, безусловно тормозившими «национализацию», были также слабая урбанизированность различных этносов России и сохранение в ней сословного строя. Если взять другие наиболее «перспективные» этнические меньшинства западной части империи, то окажется, что на пороге XX в. к крестьянскому сословию ещё принадлежали 95% эстонцев, 94,9% латышей и 93,3% литовцев². Конечно, урбанизация уже начала ломать сословные перегородки: крестьяне всё активнее переселялись в города, в результате чего там к началу XX в. уже проживали 16% всех латышей и 13,9% всех эстонцев. Литовский этнос этот процесс тогда ещё практически не затронул: в городах насчитывалось всего-навсего 3,2% литовцев³.

Отсутствие даже у названных выше «перспективных» этносов собственной элиты, своего городского среднего класса, их превалирующая «крестьянскость» и низкий уровень урбанизированности — всё это предопределило запаздывание «национализации» этнических меньшинств по сравнению с той же Австро-Венгрией.

Однако вспыхнувшая в 1905 г. революция решительно изменила положение. Национальные активисты сумели «перезагрузить» поначалу доминировавшую социальную энергетику революции на «работу» по «национализации». В результате локализованные до того в среде интеллигенции «национальные идеи», начиная с весны — лета 1905 г., превратились в феномен массового общественного сознания.

Красноречивое подтверждение тому — буквально повальное принятие в 1905–1907 гг. латышскими, литовскими и эстонскими сельскими общинами и волостями петиций, содержащих широкий набор национально-культурных требований⁴. Иначе говоря, революция обеспечила переход национального движения, если пользоваться ти-

¹ Kappeler A. Russland als vielvölkerreich. Entstehung-Geschichte-Zerfall. München, 1992. S. 331.

² Ibidem. S. 328.

³ Ibidem. S. 326.

⁴ Сотни таких петиций и наказов в Государственную Думу хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге. См., например: РГИА, Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1191. См. также: Ганелин Р.Ш. Петиции эстонских, латвийских и эстонских крестьян по Указу 18 февраля 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л., 1987.

пологией М. Кроха, из фазы В (патриотическая агитация) в фазу С (массовое политическое движение)¹. Массовизация прибалтийских национальных движений, в свою очередь, сопровождалась их политической радикализацией.

Впрочем, тогда планы националистов ещё не шли дальше национально-культурной и административно-территориальной автономии. Ярким примером тому может служить «Мемориал», направленный 22 февраля 1906 г. русскому правительству съездом 169 литовских национальных активистов, которые проживали в США и представляли, по их словам, «все классы и слои разных частей Литвы, Латвии и Сувальской губернии». В нём содержались требования конституции для Литвы, объединения Литвы и Латвии в автономную территорию с Сеймом в Вильно и гражданством, возвращения Литве Сувальской губернии, отказа от политики русификации, введения демократических свобод и равноправия для всех национальностей². В связи с последним пунктом (равноправие для всех национальностей) нелишне заметить, что балтийские националисты век назад, как видим, были куда более плюралистичны, нежели сейчас, в начале XXI столетия.

Сильное воздействие на ход и исторические результаты «национализации» всех автохтонных этносов в западных и юго-западных регионах России оказало сосредоточение в них благодаря правительственной политике («черта оседлости») основной части 5-миллионного еврейского населения. В конце XIX — начале XX в. удельный вес евреев в Кишинёве составлял почти 45,9%, в Минске — 43,3, в Вильно — 40, в Екатеринославе — 35,4, в Одессе — 30,8%, тогда как молдаван, белорусов, литовцев и украинцев проживало в названных городах соответственно 17,6%, 8,2%, 2%, 15,8% и 9,4%³. А поскольку на протяжении XIX в., особенно после реформ Александра II, происходила, в первую очередь в наиболее крупных городах, ускоренная культурная модернизация евреев, их интеграция с господствующей культурой империи делала из них уже не только носителей, но и проводников русского языка и культуры. Немалую роль играло и то, что в крупнейших городах запада и юго-запада — от Литвы до Бессарабии и юга Украины — доля самого русского населения не опускалась ниже одной пятой (Вильнюс) и четверти (Кишинёв).

¹ Крох М. Указ. соч. С. 125.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 1(Изоыв). Д. 270. Л. 76-77.

³ Kappeler A. Op. cit. S. 327, 18, 11.

Таблица 10.1

**Этническая структура населения крупнейших городов запада
и юго-запада Российской империи конца XIX — начала XX в.
(основные этносы)**

Города	Русские	Украинцы	Белорусы	Поляки	Евреи	Молдаване	Русские и евреи
Вильно	20,0	0,3	—	30,9	40,0	—	60,0
Минск	34,8	—	8,2	11,4	43,3	—	78,1
Киев	54,2	22,2	1,1	6,7	12,1	—	66,3
Харьков	63,2	25,9	0,4	2,3	5,7	—	68,9
Екатеринослав	41,8	15,8	1,2	3,0	35,4	—	77,2
Одесса	49,1	9,4	—	4,3	30,8	—	79,9
Кишинёв	27,0	3,1	—	3,0	45,9	17,6	72,9

Источник: Kappeler A. Op. cit. S. 22, 327; Шибеко З.В., Шибеко С.Ф. Минск: Страницы жизни дореволюционного города. Минск, 1990. С. 11.

Как явствует из таблицы, даже самый скромный, относительно других городов, удельный вес евреев и русских в Вильно это, что ни говори — три пятых всего его населения. В Киеве, Харькове и Кишинёве доля русских и евреев составляла уже до двух третей и более, а Екатеринослав, Минск и Одесса, вообще, без малого на четыре пятых были русско-еврейскими.

Поэтому переселявшиеся в эти города в поисках лучшей доли белорусские, украинские, молдавские и литовские крестьяне попадали там совсем не в те «рамочные» условия, которые обеспечивали бы их «национализацию» по «венгерской» или по «чешской» модели. Наоборот, им, особенно белорусам и украинцам, предстояла своеобразная культурно-языковая «переналадка». У молдаван и, тем более, у литовцев этот процесс тоже проходил изначально, хотя, естественно, не с такой скоростью, как у белорусов и украинцев: ведь их отделяла от русских куда бо́льшая культурно-языковая дистанция. После отпадения Литвы и Бессарабии от России в результате Первой мировой войны и революции данные процессы, как известно, пошли вспять.

Напротив, неудача, постигшая позднее белорусские и украинские национальные силы в деле создания независимых Украинской и Белорусской народных республик, была прежде всего результатом отсутствия в массовом сознании украинцев и белорусов образа России как «Другого». Убедительнейшим подтверждением справедливости такого вывода могут служить те же (аналогичные прибалтийским) петиции в адрес царя, правительства, обращения и наказания избирателей депутатам Государственной Думы от Белоруссии и Украины. В целом в них присутствует широчайший спектр тем экономического, финансового, политического, культурного, национального, религиозного свойства, поднимавшихся перед властями жителями всех белорусских и украинских губерний в годы революции 1905–1907 гг. И при этом на почти 2 тыс. проанализированных нами документов, исходивших от этнических белорусов и украинцев, приходится лишь считанные единицы, в которых авторы говорят о себе в той или иной связи как о «белорусах» и «малороссах». В подавляющем же большинстве петиций и наказов их авторы прямо идентифицируют себя с «русскими людьми», «людьми русского происхождения» и т.п.¹

Национальная политика империи в свете новых фактов

В этой связи есть необходимость пролить дополнительный свет на часто затрагиваемый в «национальных концепциях истории» новых независимых государств (а также автономий Российской Федерации) вопрос о роли царского правительства и советского строя в русификации различных этносов империи. Так, в соответствующей литературе применительно к XIX — началу XX в. можно нередко встретить утверждения, согласно которым, например, царизмом «существование белорусского этноса полностью игнорировалось» или что русское правительство воспринимало украинское движение исключительно лишь как продукт иностранных интриг, а не как выражение «аутентичных и законных стремлений населения Малороссии»². Но не огрубляют ли историческую действительность столь жёсткие и однозначные формулировки?

¹ Источниковедческо-методическому анализу комплекса петиций и наказов посвящено наше исследование См.: Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в. Новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

² См., например: Нарысы гісторыі Беларусі ў 2-х частках. Мінск, 1994. Ч. 1. С. 423, 59; Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д.Е. Фурман. М., 1997. С. 59.

Возьмём хотя бы более известный сюжет — правительственную политику по отношению к Украине. В литературе уже отмечалось, что даже знаменитые запретительные меры в отношении украинского языка по Валуевскому декрету 1863 г. и Эмскому указу 1876 г. отнюдь не были всеобъемлющими. К примеру, в 1896 г. цензура разрешила к опубликованию более половины (58%) рассмотренных украинских текстов¹.

Новые и очень важные данные в подтверждение сказанному выше дают результаты архивных изысканий автора этих строк в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Остановлюсь на некоторых из них. Большой, в частности, интерес представляют некоторые документы из фонда Совета министров, содержащие обзоры правительственной политики во второй половине XIX — начале XX в. в белорусских, литовских, украинских губерниях, предложения по её изменению и совершенствованию. Особую ценность им придаёт то, что они представляют как минимум четыре уровня административной государственной системы — от губернатора до императора Николая II.

В нашем распоряжении имеется разнообразная документация, отражающая подходы государственных деятелей и чиновников различных министерств и ведомств к национально-религиозной политике, а также проекты её реформирования. Так, в пространной «Записке», подготовленной Канцелярией министра внутренних дел в 1904 г. и одобренной министром П. Святополк-Мирским 17 января 1905 г., прямо ставилась задача «пробуждать национальное самосознание местных уроженцев» (украинцев, белорусов, литовцев. — *О.Б.*)².

О том, насколько далеко заходили высокопоставленные деятели царской администрации в планах не просто поддержки, но и «стимулирования» национальных движений, свидетельствует «Прошение» Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора К. Кршивицкого, представленное им в марте 1906 г. С. Витте. В нём он с симпатией высказывается о литовском национальном движении. Он сочувственно относится даже к лозунгу «Литва для литовцев», отмечая заключённые в нём «страстность и упорство, свойственные недавно пробудившейся нации»³. При этом генерал-губернатор называл русские школы в крае «орудием малопригодным» как для русификации, так и для просветительских нужд и предлагал расширить сферу приме-

¹ *Миллер А.* Россия и Украина в XIX — начале XX века: непредопределённая история // Украина и Россия. С. 78.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 114. Л. 5—7.

нения литовского языка, особенно в богослужении и народном просвещении¹.

Большое место в обращении К. Кршивицкого отводилось также предложениям по изменению правительственной политики и на белорусских землях. Полагая, что деятельность польского костёла здесь чревата ассимиляцией белорусов-католиков, он для предотвращения этой угрозы считал, в частности, необходимым введение католического богослужения на «белорусском наречии»².

Разумеется, проекты, предусматривавшие столь решительный поворот в национально-религиозной политике, в немалой степени подпитывались импульсами революционного кризиса. Но именно подпитывались, а не вызывались. Это важно подчеркнуть, ибо предложения, подобные процитированным выше, циркулировали в административной системе еще задолго до революции 1905–1907 гг. Так, во «Всеподданнейшем отчёте» Ковенского губернатора за 1896 г. говорилось о необходимости достижения того, «чтобы литвин осознавал себя таковым». Данные слова губернатором были подчёркнуты и, что чрезвычайно примечательно, Николай II в своей пометке на отчёте согласился с этим мнением губернатора³.

Чем же мотивировались эти предложения и проекты, предполагавшие столь принципиальные изменения в традиционно-охранительном правительственном курсе? Они были продиктованы растущими опасениями в связи с сильным польским влиянием в крае и, как следствие, вытекающей из этого угрозой польской ассимиляции «слабого национальным сознанием» и «культурно неопределённого» местного населения.

По этой-то причине правительство, как указывалось в упомянутой «Записке» МВД, должно было содействовать развитию национального самосознания малороссов, белорусов и литовцев. Предполагалось, что самосознание таковое «нанесёт последний удар полонизму»⁴. Равным образом и генерал-губернатор К. Кршивицкий в своём обращении к С. Витте исходил из задачи борьбы с «воинствующим полонизмом»⁵.

Обстановка первой российской революции побудила правительство объявить о некоторых существенных реформистских мерах в области национальной политики. В частности, как явствует из «Проекта Особо-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 114. Л. 5–7.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

го журнала» Комитета министров 15, 22 и 23 марта 1905 г., намечалось ввести в Западном крае преподавание ряда предметов на литовском и польском языках¹. Правда, в том, что касается украинского и белорусского языков, их преподавание, ввиду близости к русскому было признано не отвечающим «потребностям дела». Однако, как бы то ни было, но за ними всё-таки признавался статус «языков» (а не всего лишь «наречий», как в предыдущий период)². Примечательно, что в тексте Особого журнала, утверждённого царем 1 мая 1905 г., все положения проекта, касающиеся языков, были оставлены без изменений³.

После подавления революции 1905–1907 гг. проекты реформ положили под сукно. Это, однако, не означало полного отказа власти от признания украинцев или белорусов в качестве этносов, обладающих своей культурой и языками. Об этом свидетельствует, в частности, обширная документация персонального учёта по выборам в Государственную Думу всех четырёх созывов, включавшая сведения о «родном языке» и «народности»⁴.

Уникальность итогов советского национального строительства

Демонизация советской национальной политики в «национальных концепциях истории» основывается лишь на репрессивных страницах прошлого. О них, разумеется, следует говорить во весь голос⁵. Но при этом не следует упускать из виду другую сторону, которую можно было бы назвать «этноохранительной». Дело в том, что марксистско-ленинская догматика однозначно требовала, чтобы все советские нации и народности «развивались». И политику, проводимую в рамках её реализации, специалисты называют просто уникальной.

Английский русист Д. Ливен усматривает такую уникальность в том, что «большевики сделали упор на модернизацию нерусских республик, стремились поднять их экономику до уровня самой России»⁶. И что, реа-

¹ РГИА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 431. Л. 22 об.

² Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 221.

³ Там же. Л. 398, 419.

⁴ Там же. Ф. 1327. Оп. 1. 1905. I созыв. Д. 117; II созыв. Д. 107 и др.

⁵ Только прямые потери депортированных народов СССР оцениваются демографами в более чем полмиллиона человек. См.: *Эдиев Д.* Демографические потери депортированных народов СССР // *Население и общество.* Апрель 2004. № 79. С. 1.

⁶ *Ливен Д.* Русская, имперская и советская идентичность // *Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России.* М., 1999, С. 306.

лизуя эти задачи, советский режим на окраинах страны «сам создавал нации из в большинстве неграмотных клановых и племенных обществ»¹. Или, что массовые насильственные депортации народов Советского Союза внешне как бы парадоксальным образом сочетаются с тем, что, по данным академика В. Тишкова, «в СССР не исчезла ни одна, даже самая малая группа или язык, тогда как в других регионах мира ассимиляция малых групп имела (и имеет. — *О.Б.*) массовый характер»². «Существование в СССР множества наций воспринималось в мире как уникальный исторический феномен и, — по свидетельству этносоциолога В. Иванова, — вызывало повышенный интерес, особенно в странах с полиэтническим составом населения». О чём свидетельствует, в частности, и значительная научная литература по данному предмету³.

Знаменитая «идея исключительности советского народа как новой исторической общности оказалась, — по твёрдому убеждению социального философа В. Бабакова, — привлекательной не только для идеологизированной многонациональной правящей прослойки...». Она стала таковой «...и для широких масс, в том числе и для многих представителей национальных меньшинств...», увидевших в ней «...свой шанс найти достойное место в жизни»⁴.

Борьба с «буржуазным национализмом» в советских республиках в конце 20-х — начале 30-х годов и в последующие периоды свидетельствует, что в русификации был, конечно, и элемент сознательной политики большевиков. Однако в главном русификацию обеспечили модернизационные трансформации советского общества, прежде всего урбанизация и культурная революция. Вот в этом смысле русификация и была естественным процессом: ведь при относительно неразвитых белорусском и украинском языках, их близости к русскому перейти на русский было значительно проще, чем развивать белорусскую и украинскую терминологию и создавать на этих языках среду современного производства и жизни в городах, где к тому времени уже царили рус-

¹ *Ливен Д.* Российская империя и Советский Союз как имперские государства // Там же. С. 191.

² *Тишков А.* Интервью // Журнал Социологии и Социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 22.

Так, специальные демографические исследования показывают со всей определённой, что даже в отношении малочисленных народов Севера давно уже существующее представление об их «неизбежном вымирании» оказывается на поверку не более чем «мифом». См.: *Богоявленский Д.* Вымирают ли народы Севера? // Население и общество. Август 2004. № 83. С. 1—4.

³ *Иванов В.Н.* Межнациональные отношения в России. Постановка проблемы // Соисс. 1994. № 6. С. 32.

⁴ *Бабаков В.Г.* Кризисные этносы. М., 1993. С. 165.

ский язык и культура. Поэтому называть её «насильственной» можно не с большими основаниями, чем называть искусственной и насильственной «коренизацию» 20-х годов. Да и сопротивление ей было не больше, чем в своё время «белорусизации» и «украинизации».

О советской власти в свете приведённых выше данных можно даже сказать, что, следуя догматам «ленинской национальной политики», она как раз и не позволила завершиться «естественному» процессу растворения в условиях модернизации белорусов и украинцев в русском народе. И те, и другие могли таким же образом ассимилироваться, как это произошло с белорусами Псковщины, Смоленщины и Брянщины, украинцами Воронежской и других губерний, оказавшимися по итогам «нарезки» территорий союзных республик не в БССР и УССР, а в РСФСР и на удивление быстро «перешедшими в русские». И это, справедливо отмечает Д. Фурман, было бы не более «неестественным» и «преступным» актом «этноцида», чем, скажем, «растворение» провансальцев во французской нации, сицилийцев и сардинцев — в итальянской, баварцев — в немецкой¹.

Сам факт существования равноправных союзных республик, в частности БССР и УССР, достижения белорусами и украинцами статуса их титульных наций приобрёл своего рода «догматическое» значение (невзирая даже на декоративный характер их государственности). На протяжении XX в. история «сыграла» с обоими народами в довольно причудливую игру. Белорусские и украинские крестьяне начала XX в. обладали аутентичной народной культурой, отличной от великорусской, и говорили на языках, значительно отличавшихся от русского литературного. Но при этом они не считали себя представителями белорусского и украинского народов (т.е. не имели коллективной идентичности) и не знали, что их языки — «великие и могучие, правдивые и свободные» — равноценны с русским и польским.

Белорусские и украинские (негалицийские) советские горожане, практически ничем не отличаясь по культуре от русских, говорили (и продолжают по сию пору говорить) по-русски, а литературных белорусского и украинского не знают или знают плохо. Зато они при этом чётко знают, что являются белорусами и украинцами, гражданами республик — равноправных членов ООН, а их родные языки — белорусский и украинский. Иначе говоря, советская национальная политика не дала возможности завершиться ни растворению, ни становлению обеих наций.

¹ Фурман Д.Е., Буховец О.Г. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 60.

Парадоксы постсоветского развития

Последнее превосходно иллюстрируется результатами комплексного исследования «Развитие белорусской нации», проведённого уже в суверенной Республике Беларусь в 1992 г. Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ)¹. В нём опрашиваемым из общенациональной выборки, которая представляла всё взрослое население Белоруссии (от 16 лет и старше), задавалось множество вопросов по методу стандартизированного интервью и, в частности, об их отношении к России и русским. В наиболее информативном контексте это отношение представлено в совокупности ответов на вопрос: «Согласны ли Вы допустить представителей указанных национальностей в качестве: 1) членов семьи; 2) близких друзей; 3) соседей; 4) коллег по работе; 5) граждан Республики Беларусь?». Результаты ответов в % представим в виде таблицы.

Таблица 10.2

Отношение населения Беларуси к различным этническим группам

Национальность	Членов семьи (мужа, жены, зятя, и др.)	Бликих друзей	Соседей	Коллег по работе	Граждан Беларуси	В среднем
белорусов	95,5	91,0	90,5	89,6	90,3	91,38
русских	85,2	85,8	85,5	84,8	81,3	84,52
украинцев	66,9	70,6	72,1	70,8	67,2	69,52
поляков	59,1	64,5	65,3	66,5	68,9	64,86
евреев	32,9	36,5	44,3	47,6	54,6	43,18
литовцев	33,3	40,2	44,5	48,0	52,9	43,78
белорусских татар	24,4	28,3	32,1	33,7	48,7	33,44
цыган	14,1	16,2	19,1	22,3	39,4	22,22
представителей народов Кавказа	14,1	18,4	20,5	23,8	36,6	22,68

¹ Ермолаев Ю.С., Карбалевиц В.Н., Ламако В.Н. и др. Развитие белорусской нации: Анкета республиканского опроса. Минск, 1992. С. 5–6, 10–12, 15. Результаты исследо-

Данные последней колонки отражают степень расположения опрашиваемых к перечисленным национальностям по всем пяти позициям в аккумулятивном виде. При этом сразу же обращает на себя внимание ярко выраженная выпуклость результатов. Из восьми присутствующих в таблице национальностей сами собой образуются 4 близкие или просто однородные группы: 1) белорусы и русские; 2) украинцы и поляки; 3) литовцы и евреи; 4) цыгане и кавказцы. Особняком остаются одни лишь белорусские татары.

С точки зрения задач данного исследования, главный интерес для нас представляют показатели благорасположения в славянской «четвёрке». Самый высокий рейтинг, как видим, у белорусов. Это легко объяснимо: хотя в предоставленных нам НИСЭПИ материалах сведений об этническом составе респондентов нет — в выборке, представляющей взрослое население Белоруссии, доля белорусов составляет (с учётом ошибки репрезентативности) около четырёх пятых опрашиваемых. Поэтому большая предрасположенность последних к тому, чтобы видеть среди членов семьи, друзей, соседей, коллег и сограждан прежде всего белорусов — вполне ожидаема.

А далее идут уже вещи довольно удивительные. Так, показатель у русских оказался лишь ненамного ниже, чем у белорусов, он составил почти 93% белорусского рейтинга. Какую содержательную трактовку можно этому дать? Думается, у нас есть все основания заключить следующее: представители титульной национальности независимой уже в то время Беларуси, оказывается, не рассматривали русских как «Других». Они, практически, включали русских в «Мы» — общность. Это — первый парадокс.

Второй парадокс — неожиданно большое отставание по показателю благорасположения украинцев. И это несмотря на их очевидную для белорусов близкую родственность. Украинский рейтинг составил только лишь 76% белорусского и 82% русского. Добавив к этому очень близкое к нему значение соответствующего показателя у поляков, мы получаем то, что наряду с последними украинцы, в отличие от русских, фактически включены опрашиваемыми в категорию «Другие». Вместе с тем из таблицы явствует, что белорусы и русские (составлявшие большинство респондентов) воспринимали украинцев и поляков как самых близких «Других».

вания в освещаемых нами аспектах полностью не публиковались, и я выражаю глубокую признательность его авторам и НИСЭПИ за предоставленные мне в пользование материалы из Архива современной политики названного института.

В анализируемом комплексном исследовании изучался ещё ряд аспектов темы «Россия и русские». Вкратце об их результатах. Так, отвечая на вопросы о ментально-культурной близости и о предпочтительных для Белоруссии партнёрах по сотрудничеству, респонденты на бесспорно первое место ставили Россию и русских. А на вопрос «Представляет ли опасность для существования белорусской нации то обстоятельство, что значительная часть белорусов разговаривает на русском языке?» в общей сложности 77% опрошенных ответили «нет».

Прошло 10 лет. Что изменили (если вообще изменили) годы независимого существования Республики Беларусь в настроениях и установках белорусов в отношении России и русских? Включают ли они русских по-прежнему в «Мы» — общность, как это было в первый год независимости?

Автор этих строк изучал данный вопрос, в частности, по материалам, отражающим массовое сознание населения Беларуси в связи с интеграцией и планами объединения РБ и РФ в единое государство¹. В рассматриваемом сейчас нами аспекте Беларусь — самый показательный пример, поскольку на всём протяжении 90-х годов прошлого века, да и в наступившем XXI в. её население оставалось и остаётся наиболее просоюзным и пророссийским на территории бывшего СССР.

Так вот, будучи таковыми, «среднестатистические» белорусы, по данным мониторинга общественного мнения, высказываются весьма квалифицированным большинством в 69–71% (по состоянию на конец 2002 — весну 2003 г.) за союз с Россией как «Союз независимых государств». А соотношение тех из опрошенных по общенациональной репрезентативной выборке, кто выступал за взаимоотношения РБ и РФ как независимых стран, и тех, кто высказался за объединение в одно государство, составляет три с половиной к одному.

Из этого можно сделать вывод, что процесс привыкания «среднестатистических белорусов» к независимости, по всей очевидности, завершается. Иными словами, не только для представителей элиты, но и для большинства «средних белорусов» государственная независимость Республики Беларусь стала частным проявлением общей политической нормы для постсоветского, и вообще современного мира. Более того, выбираемые ими во время опросов и голосований позиции свидетельствуют, что «белорусская нация — государство»,

¹ Буховец О.Г. Союз РБ — РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией // Доклады Института Европы. № 128. М., 2003. С. 46–49.

в гражданско-политической её версии, для них — уже нормативная реальность. Даже, если, подобно Журдену, они могут и не вполне осознавать это.

Таким образом, если в 1992 г., т.е., образно говоря, на «другой день» независимости, в которую Белоруссия была практически «вытолкнута» историей, подавляющее большинство её жителей включало русских в «Мы» — общность, а России отводило эксклюзивную роль самого желаемого партнёра, то к началу XXI в. ситуация кардинально изменилась. Теперь для менталитета жителей Беларуси Россия — это, хотя и близкое, но уже «Другое». А глубокие симпатии к ней (выпукло проявившиеся даже на неблагоприятном фоне громкого «мухотлетного» скандала 2002 г.) и белорусский суверенитет стали, можно сказать, «несообщающимися сосудами!».

* * *

Подводя итоги данной главы, стоит привлечь внимание читателей к весьма неустойчивому балансу между добытым в ходе анализа новым знанием и общим состоянием предметной области науки, где отсутствует даже «минимальный консенсус по поводу базовых категорий и понятий», а сами понятия «меняются от автора к автору и от контекста к контексту»¹.

Трудно, пожалуй, представить другую предметную область науки, где был бы такой большой разброс в оценках и интерпретациях одних и тех же явлений и процессов. Так, к примеру, по мнению одних авторов, общеевропейская идентичность, появившаяся в последние десятилетия в Западной Европе, привела к поразительной «этнокультурной разрядке» даже наиболее радикальных националистических движений, в рядах которых практически исчезла старая национальная вражда². Другие же, напротив, полагают, что именно «конструирование европейской идентичности» удваивает активность ксенофобии и расизма, «добавляя ему собственную специфику»³.

Одно совершенно ясно: на протяжении XIX–XX вв. национализм не раз обманывал линейно-эволюционные ожидания учёных и образованной публики, и вряд ли его «демонические» свойства и энерге-

¹ *Тевдой-Бурмули А.И.* Старые теории и новые проблемы // Национализм. Новейшие исследования. Политическая наука. 2002. № 4. С. 100.

² *Дунаева Ю.В.* Проблемы национализма и этнической идентичности в странах Центрально-Восточной Европы (обзор) // Национализм. С. 157; *Балакришнан Г.* Указ. соч. С. 282.

³ *Тевдой-Бурмули А.М.* Указ. соч. С. 117.

тика перестанут действовать в нынешнем столетии. Да и в полной мере неожиданные для мира качественные и количественные характеристики недавней националистической революции в Евразии никак не дают оснований для какого-то наивного вывода, в духе Ф. Фукуямы, о «конце истории национализма».

Нет также серьёзных оснований предполагать, что в наступившем XXI в. иссякнет энергетика мощного импульса к построению наций-государств, посланного ещё Французской революцией. Реальные этнополитические процессы, наблюдаемые сегодня как в «старой», так и в «новой Европе», не оставляют сомнений, что «топлива» в националистическом «реакторе» хватит ещё не на одно десятилетие нового тысячелетия¹. Иными словами, несмотря на впечатляющие успехи беспрецедентного по своим масштабам евросоюзного проекта, эра национализма в Европе продолжается.

Глава 11. Экономика Европы в международных сопоставлениях

Европа — огромный экономический и научно-технический анклав, гигантский рынок и субъект мировой торговли — переживает ныне важный этап в своём развитии. В экономическом плане она неоднородна. Различные её части несхожи и требуют сравнительного анализа. На агрегированном уровне можно выделить три части Европы: Западную, Центрально-Восточную и Постсоветскую. Уровни экономического развития, его тенденции и внутренние пружины «трёх Европ» также весьма различны.

Рассмотрим некоторые из них, имея в виду под Западной Европой ЕС-15 («старая Европа»), под Центрально-Восточной Европой (ЦВЕ) — 12 вновь принятых в ЕС стран («новая Европа») и под Постсоветской — Россию, Украину, Молдавию и Беларусь.

¹ См.: Буховец О.Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М., 2004. С. 7–29.

Уровни экономического развития

Уровень экономического развития лучше всего определить на основе показателей ВВП в расчёте на душу населения, производительности труда и конкурентоспособности производства. Появившийся в последние годы богатый статистический материал, основанный на разработках различных международных организаций и институтов (Статбюро ООН, ЕЭК ООН, МВФ, Всемирный экономический форум и пр.), а также ИМЭМО РАН, позволяют сравнить три группы европейских стран по этим показателям.

Начнём с показателя ВВП на душу населения, исчисленного на базе паритета покупательной способности (*табл. 11.1*).

Таблица 11.1

Сопоставления ВВП в расчёте на душу населения
(тыс. долл. в ценах 2000 г. в период 1950–2000 гг.,
в ценах 2005 г. в период 2005–2008 гг.)

Страны	1950 г.	1970 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Западная Европа					
Германия	6,4	14,5	26,4	30,5	32,2
Франция	7,1	16,1	25,4	29,6	31,1
Италия	5,1	14,2	25,3	27,8	28,9
Великобритания	8,8	13,5	24,9	31,6	33,7
Нидерланды	7,7	16,0	29,1	34,7	35,6
Швеция	7,8	15,0	25,3	32,0	33,6
Финляндия	6,1	11,5	25,1	30,5	32,7
Страны ЦВЕ в целом	5,1	11,8	15,2	—	—
Россия	4,7	11,7	6,9	11,9	14,8
<i>Справочно:</i>					
США	14,2	21,6	35,1	41,7	43,8
Япония	2,7	12,9	26,4	30,3	32,1

Источники: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003. С. 511, 512; Мировая экономика: прогноз 2020 г. М., 2007. С. 398–404 (расчёт); Россия в цифрах. 2008. М., 2008. С. 505–510.

Мы видим, что по такому компоненту уровня экономического развития, как ВВП в расчёте на душу населения, Западная Европа намного опережает Центрально-Восточную, хотя и существенно отстаёт от США. Среди западноевропейских стран первое место по этому показателю занимает Люксембург, не представленный в таблице. Но если брать более крупные страны Западной Европы, то здесь впереди Нидерланды, Швеция, Финляндия, Великобритания, Германия, которые превышают средний уровень по названной группе стран. Всё это свидетельствует о том, что в современной мировой экономике не только усиливается дифференциация между странами и регионами, но и происходит выравнивание уровней развитых стран с ориентацией на государства с наиболее высокими показателями экономического развития.

Страны ЦВЕ отстают по данному показателю от стран Западной Европы более чем в 1,5 раза. Что же касается Постсоветской Европы, то, по данным, применительным к России, она находится на самом низком уровне, отставая от Западной Европы более чем в 3 раза (от США — в 4,5 раза) и от Центрально-Восточной Европы — в 2 раза. Между тем в 1950 г. она была по этому показателю почти на уровне стран ЦВЕ и отставала от Западной Европы и США значительно меньше, чем сейчас.

С принятием в ЕС новых членов, находящихся на более низком уровне экономического развития, показатели душевого ВВП в среднем по региону на какое-то время снизились, а разрыв между ЕС и Россией сократился.

Посмотрим теперь, как складывается соотношение рассматриваемых стран по уровню народно-хозяйственной производительности труда (*табл. 11.2*).

Таблица 11.2

Сопоставление уровней производительности труда
(тыс. долл. в ценах 2000 г. в период 1950–2000 гг., в ценах 2005 г.
в период 2005–2008 гг.)

Страны	1950 г.	1970 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Западная Европа					
Германия	14,8	32,9	56,2	68,8	71,2
Франция	15,8	35,4	54,2	75,4	80,0
Италия	12,7	34,1	58,8	66,9	71,2

Продолжение таблицы 11.2

Страны	1950 г.	1970 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Западная Европа					
Великобритания	29,2	30,8	55,8	63,5	68,0
Нидерланды	20,8	40,8	64,6	72,8	76,0
Швеция	16,5	31,5	50,0	62,5	66,0
Финляндия	12,5	23,9	53,2	65,9	70,5
Страны ЦВЕ в целом	12,2	27,8	33,6	—	—
Россия	10,7	26,8	15,4	22,3	26,5
<i>Справочно:</i>					
США	35,3	49,6	73,1	85,0	92,6
Япония	6,2	27,6	54,9	61,0	67,5

Источники: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. С. 539, 540; Россия в цифрах. 2008. С. 507–510; Main Science and Technology Indicators // OECD. 2008. No 1. Р. 91, 93 (расчёт).

Данные, приведённые в таблице 11.2, свидетельствуют, что уровень производительности труда в экономике стран Западной Европы в среднем в 1,4 раза выше, чем в странах Центрально-Восточной Европы. Этот разрыв сейчас больше, чем в 1950 г.

Россия отстаёт от ЕС-15 по уровню производительности труда в большей степени, чем страны ЦВЕ. Сейчас этот разрыв составляет почти 3 раза, хотя в 1950 г. был равен 1,4 раза. Отставание России от стран ЦВЕ также увеличилось. В 1950 г. оно составляло 1,14 раза, в 2004 г. — 2,13 раза. Правда, после 1950 г. СССР заметно сократил своё отставание по уровню производительности труда, но после его развала ситуация резко ухудшилась. Улучшение наступило лишь с 1999 г. и продолжается до сих пор. Тем не менее отрыв Постсоветской Европы от двух других Европ остаётся существенным.

Среди западноевропейских стран передовые позиции занимают Нидерланды, где уровень производительности труда заметно выше, чем в Германии, а также Швеция, Финляндия и Великобритания, существенно продвинувшиеся по этому показателю.

Страны ЦВЕ и Россия до конца 70-х годов прошлого века сокращали свой отрыв от стран Запада как по производству ВВП в расчёте на душу населения, так и по уровню народно-хозяйственной производительности труда. Это им удавалось в результате использования командно-административных, мобилизационных методов управления, централизованного планирования, нерыночной модели экономики, создававшей искусственный эффект «организованного экономического роста». Однако на деле с учётом качественных параметров экономического роста они продолжали отставать от государств Западной Европы. Более того, по уровню конкурентоспособности и инновационности производства это отставание нарастало.

Сейчас страны Постсоветской и Центрально-Восточной Европы сближаются с уровнями душевого ВВП и производительности труда в Западной Европе. Улучшаются их позиции по конкурентоспособности и инновационности производства. Однако это происходит непросто и требует времени.

Обратимся к конкурентоспособности экономики «трёх Европ». Наиболее авторитетные оценки соответствующего рейтинга разных стран приводятся в ежегодных докладах Всемирного экономического форума (ВЭФ).

В основе оценок ВЭФ лежат около 200 показателей, группируемых на основе восьми факторов конкурентоспособности: 1) открытость, 2) государство, 3) финансы, 4) инфраструктура, 5) технологии, 6) управление, 7) труд, 8) институты. Каждому из этих факторов придаётся вес: например, по открытости, государству и финансам 16,7%, по управлению и институтам — 5,5% и т.д. На базе восьми факторных индексов определяются сводный индекс и общий рейтинг по конкурентоспособности.

В расчётах ВЭФ, к сожалению, постоянно меняется число стран и базовых показателей. В 1996 г., например, они охватывали 49 стран, а в 2008 г. — 131 страну. Поэтому места в рейтинге за разные годы неполовностью сопоставимы. Тем не менее определённое представление о ситуации они дают (*табл. 11.3*).

Приведённые данные свидетельствуют о высоком уровне конкурентоспособности Скандинавских стран, Нидерландов и Германии. Последняя идёт по этому показателю впереди Великобритании и Франции, Франция — впереди Испании и Италии.

Таблица 11.3

**Место стран Европы в мировой экономике по глобальной
(национальной) конкурентоспособности***

Страны	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2004 г.	2005 г.	2008 г.
Западная Европа							
Финляндия	11	6	1	2	1	1	6
Швеция	19	13	9	5	3	3	4
Великобритания	6	9	12	11	11	13	9
Германия	25	15	17	14	13	15	5
Нидерланды	9	4	8	15	12	11	10
Испания	26	27	22	22	23	29	29
Франция	23	22	20	30	27	30	18
Италия	35	30	26	39	47	47	46
Страны ЦВЕ							
Эстония	—	—	29	26	20	20	27
Чехия	39	32	37	40	40	38	33
Венгрия	38	26	28	29	39	39	47
Словакия	45	39	40	49	43	41	41
Польша	43	35	41	51	60	51	51
Болгария	56	58	59	62	59	58	79
Румыния	—	—	56	66	63	67	74
Словения	—	—	31	28	33	32	39
Постсоветская Европа							
Россия	59	55	63	64	70	75	58
Украина	58	57	69	77	86	84	73
Общее количество стран	59	59	74	80	104	117	131

* Страны сгруппированы по принципу «трёх Европ».

Источники: The Global Competitiveness Report. 2002–2005 — World Economic Forum. Geneva, 2005; Ibidem. 2008–2009. Geneva, 2008.

На Лиссабонской встрече на высшем уровне в марте 2000 г. была поставлена задача сделать экономику ЕС самой конкурентоспособной, динамичной и наукоёмкой к 2010 г. Для этого потребуется резко увеличить расходы на НИОКР (до 3% ВВП), ослабить засилье чиновников, дать большую свободу предпринимательской инициативе и значительно увеличить занятость в экономике¹.

Что касается стран ЦВЕ, то некоторые из них уже превосходят по конкурентоспособности отдельные страны Западной Европы, например, Испанию и Италию. Более того, в группе стран ЦВЕ появились свои «молодые тигры» — страны Балтии, Чехия, Словакия и Словения. Россия и Украина явно плетутся в хвосте сопоставляемых стран.

В целом, по данным ООН, объём ВВП в Западной Европе в 2005 г. уже превышал 10 трлн долларов (ВВП США составлял тогда около 12 трлн долларов), в регионе ЦВЕ — 1,3 трлн долларов, в Постсоветской Европе — 1,8 трлн долларов. Следовательно, по общему объёму ВВП Большая Европа уже превосходит США.

Темпы экономического роста

По современной оценке на базе международной статистики темпы роста ВВП на рубеже XX–XXI вв. в разрезе трёх Европ были следующими (*табл. 11.4*).

Судя по данным табл. 11.4, в рассматриваемые годы для стран Западной Европы были характерны стабильные, но сравнительно низкие темпы роста ВВП. Это частично компенсировалось высоким качеством экономического роста, опиравшегося на инновационную модель развития. Развивались эти страны медленнее, чем США, но быстрее, чем Япония.

В 2008 г. экономика региона вслед за США вступила в фазу очередного экономического кризиса, который по своей глубине превзошёл все предыдущие экономические кризисы, имевшие место в послевоенный период.

Обращают на себя внимание слабый экономический рост и трудности в реформировании устаревшей модели экономики Германии — главной опоры ЕС. Прирост ВВП Германии в 2005 и 2008 гг. составил порядка 1%, а в 2009 г. минус 6%.

Помимо кризиса самой модели германского капитализма на темпы экономического роста этой страны негативное влияние оказывала не-

¹ Европа, декабрь 2004. С. 6.

Таблица 11.4

Годовые приросты ВВП (1995–2008) (%)

Страны	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Западная Европа															
Германия	1,9	0,8	1,4	2,0	2,0	3,2	1,2	0,0	-0,2	1,2	0,9	2,8	2,8	1,1	-6,0
Франция	2,3	1,1	1,9	3,4	3,2	4,0	1,9	1,0	1,1	2,3	1,2	2,2	2,7	0,7	-1,7
Италия	2,8	1,1	2,0	1,8	1,7	3,6	1,8	0,3	0,0	1,2	0,6	1,9	1,9	-0,6	-2,3
Великобритания	2,9	2,8	3,3	3,1	2,9	3,8	2,4	2,1	2,7	3,3	1,9	2,8	3,4	0,7	-2,6
Испания	5,0	2,4	4,0	4,3	4,2	5,1	3,6	2,7	3,1	3,2	3,5	3,9	4,1	1,1	-2,3
Нидерланды	3,0	3,0	3,8	4,3	4,0	3,9	1,4	0,1	0,3	1,9	1,5	2,8	3,6	2,8	-4,0
Швеция	3,9	1,3	2,4	3,6	4,6	4,3	1,0	2,0	1,7	4,1	2,9	4,2	2,7	0,7	-2,3
Финляндия	4,4	3,8	6,2	5,0	3,4	5,0	1,0	2,2	2,4	3,6	2,1	4,9	4,2	1,5	-2,5
Страны ЦВЕ															
Польша	7,0	6,0	6,8	4,8	4,1	4,3	1,0	1,4	3,9	5,3	3,2	5,8	6,6	4,8	2,0
Чехия	5,9	4,2	-0,7	-1,1	1,2	3,7	2,6	1,9	3,6	4,2	6,1	6,1	5,5	3,0	-2,3
Венгрия	1,5	1,9	4,6	4,9	4,2	6,0	3,8	3,8	3,4	5,2	4,1	4,0	2,1	0,4	-3,0
Румыния	7,1	3,9	-6,1	-4,8	-1,2	2,1	5,7	5,2	5,2	8,5	4,1	7,6	6,0	2,0	-1,3
Болгария	2,9	-9,4	-5,6	4,0	2,3	5,1	4,1	4,9	4,5	5,8	6,2	6,1	5,5	2,3	-2,0
Словакия	7,6	6,1	4,6	4,2	1,5	0,7	3,8	4,1	4,2	5,4	6,0	8,3	9,0	4,1	1,5
Словения	4,1	3,6	4,8	3,6	5,6	4,1	2,7	3,5	2,7	4,4	4,0	5,2	5,3	3,0	1,5
Постсоветская Европа															
Россия	-4,1	-3,6	1,4	-5,3	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	5,6	7,9
Украина	-12,2	-10,0	-3,0	-1,9	-0,2	5,9	9,2	5,2	9,6	12,1	2,7	7,3	6,9	5,0	-11,0
Беларусь	-10,4	2,8	11,4	8,4	3,4	5,8	4,7	5,0	7,0	11,4	9,4	10,0	6,9	7,1	3,5
Молдова	-1,4	-5,9	1,6	-6,5	-3,4	2,1	6,1	7,8	6,6	7,4	7,5	4,8	6,1	4,2	-4,0
Сравнения:															
США	2,5	3,7	4,5	4,2	4,4	3,7	0,8	1,6	2,5	3,6	2,9	2,9	2,6	1,0	-2,5
Япония	2,0	3,4	1,8	-1,0	-0,1	2,8	0,2	0,3	1,3	2,7	1,9	2,2	2,3	-0,4	-5,3

Источники: Economic Survey of Europe. 2005. No 2. N.-Y., Geneva, UN, 2005. P. 59, 70; Россия и страны мира. 2008. М., 2008. С. 78–79; The Economist. January 2010. P. 105.

обходимость перестройки экономики восточных земель. В целом за период 1991—2005 гг. Западная Германия вложила в неё более 1,5 трлн долларов. Больших затрат потребовало и преобразование общего облика городов, посёлков и территории бывшей ГДР.

Страны ЦВЕ к середине 90-х годов прошлого века вышли в своём большинстве из периода трансформационного спада. Темпы их экономического роста в целом были выше, чем в Западной Европе, хотя и оставались менее качественными. Болгария и Румыния вышли из трансформационного спада заметно позднее. Их экономический рост начался в конце 90-х годов, и только в настоящее время они достигли объёма ВВП 1989 г.

Страны этого региона твёрдо встали на путь интеграции в Западную Европу, что и позволило ЕС включить большинство их в свой «коллектив» в мае 2004 г. и январе 2007 г. Присоединение стран ЦВЕ к Евросоюзу увеличило численность населения ЕС на 23%, а ВВП — на 14%. Более высокие темпы роста производства присоединившихся стран увеличили темпы роста производства и в ЕС в целом, хотя и сделали их менее качественными. Правда, пока страны ЦВЕ всё ещё серьёзно отстают от Западной Европы по уровню экономического, социального и научно-технического развития, что вызывает разногласия и даже конфликты в расширенном Евросоюзе.

Совсем иная ситуация сложилась в странах Постсоветской Европы. В России, Украине, Беларуси и Молдове в 90-е годы прошлого века она характеризовалась значительно большим падением производства, чем в странах ЦВЕ. За 1989—1996 гг. ВВП региона сократился почти в 3 раза. Трансформационный шок породил множество проблем. Продвинутость и эффективность рыночных реформ оказались намного ниже, чем в странах ЦВЕ. Приватизация государственных предприятий шла туго и противоречиво. Капитализм, созданный в этих странах, оказался маргинальным, государственно-корпоративным, с наличием серьёзных криминальных и клановых структур и с множеством негативных черт «реального социализма».

Правда, с 1997 г. наметился экономический рост. При этом темпы экономического роста здесь оказались выше, чем в странах ЦВЕ. Однако их качество оставалось низким. В отличие от региона ЦВЕ, который по объёму ВВП уже превзошел уровень базового 1989 г., этот рубеж всё ещё не преодолели Украина и Молдова.

Конечно, ситуация в отдельных странах Постсоветской Европы неоднозначна. Формально наилучшие показатели в регионе имеет Беларусь, где практически сохраняется советская командно-административная система. Падение её ВВП в 1989—1995 гг. составило 36%, что за-

метно меньше, чем в других странах региона. И в последующие годы ВВП здесь рос высокими темпами и в 2004 г. превысил уровень базового 1989 г. на 10%.

В России спад ВВП в 1989–1998 гг. составил 44,3%. Его рост начался лишь в 1999 г. За 1998–2008 гг. он составил в среднегодовом исчислении более 7%. Примерно половина этих темпов пришлась на наращивание производства и экспорта нефти и газа, а также на рост мировых цен на них. Давая внушительные валютные доходы, этот фактор тормозил диверсификацию промышленности и становление страны на путь инновационного развития.

В Украине спад производства в 1989–1998 гг. был сильнее, чем в России, составив почти 61%. Впоследствии среднегодовые темпы роста этого показателя, вплоть до 2004 г., составляли 7,4% и были выше, чем в России. Однако в 2005 г., на втором этапе системной трансформации, они снизились до 2,7%, и затем развитие шло неравномерно и непредсказуемо в силу возникших внутривнутриполитических проблем.

В Молдове падение ВВП в 1989–1999 гг. было самым значительным во всей Постсоветской Европе — 67%. В дальнейшем среднегодовые темпы его роста составили 5,6%, что ниже, чем в других странах региона.

Крупнейшей страной Постсоветской Европы является, естественно, Россия. На неё приходится 75% ВВП всего региона. Душевой ВВП России ниже, чем в среднем в регионе ЦВЕ, ниже жизненный уровень населения, ниже норма накопления, выше инфляция.

Оценивая ситуацию, не следует забывать, что в каждой из «трёх Европ» экономический рост шёл в последнее десятилетие разными темпами и имел разное качество. Самые высокие темпы роста ВВП были у России, Украины, Беларуси. Однако этот экономический рост начался позднее, чем у стран ЦВЕ, а до этого происходило беспрецедентное падение производства. Следовательно, подъём имел чисто восстановительный характер.

Вплоть до 2008 г. страны ЦВЕ обладали явным преимуществом в том, что касается темпов роста производительности труда, но отставали от Постсоветской Европы по темпам роста ВВП. В обоих этих регионах темпы экономического роста не отличались высоким качеством. Высокое качество было свойственно экономическому росту Западной Европы, однако в количественном выражении он не был столь высок.

В 2008 г. экономика практически всех рассматриваемых стран погружилась в глубокий кризис. В 2010 г. начался экономический рост.

Динамика занятости и жизненного уровня населения

Занятость и безработица — исконно больной вопрос для Европы, особенно для Западной и ЦВЕ. США всегда обгоняли Европу в том, что касается позитивной динамики занятости, и сохраняли более низкую норму безработицы. Посмотрим, каковы же темпы роста численности занятых в странах трёх регионов Европы в последнее время (см. табл. 11.5).

В странах Западной Европы динамика численности занятых многие годы была хотя и умеренной, но поступательной и вполне стабильной. Норма безработицы (отношение численности занятых к численности работоспособного населения) оставалась выше, чем в США. В 1995 г. она составила в среднем по региону 10,1%, в 2008 г. — 8,0%, а затем стала нарастать в связи с экономическим кризисом.

В странах ЦВЕ после «бархатных революций» не только наступил естественный трансформационный спад производства, но и произошло падение численности занятых.

В рассматриваемый период вплоть до 2008 г. более или менее заметный рост занятости был зафиксирован только в Словакии, Словении и Польше. В других странах ЦВЕ численность занятых, как правило, сокращалась, что не только вызывало рост безработицы, но и стимулировало эмиграцию.

В странах Постсоветской Европы снижение общей численности занятых было большим, чем в странах ЦВЕ. Так, в России численность занятых с 1994 по 1998 г. снизилась почти на 7%. Затем по мере развития производства она увеличилась к 2006 г. на 3%. Однако норма безработицы оставалась небольшой: в 1995 г. она составила 9,4%, в 2008 г. — 7%. На Украине численность занятых в 2006 г. была на 7% ниже, чем в 1995 г., а норма безработицы — 7% против 5,6% в 1995 г. Наиболее значительным было падение занятости в Молдове (почти на 13% в 1994–2008 гг.). При этом норма безработицы снизилась с 9% до 7%. Из страны шёл поток массовой эмиграции рабочей силы.

В Беларуси численность занятого населения оставалась практически на одном уровне (4,4 млн чел.), норма безработицы была на низком уровне. Массовой эмиграции из страны зафиксировано не было. При этом ВВП страны возрос почти вдвое. Не очень понятно, как можно увеличить ВВП за 9 лет на 90% при стабильной численности занятых и стабильной норме безработицы? Но это, прежде всего, вопрос к белорусской статистике.

Таблица 11.5

Индексы роста занятости в Европе (1995–2006) (1994 г. = 100)

Страны	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Западная Европа												
Германия	100,2	99,9	99,7	100,8	102,0	103,8	104,2	103,6	102,6	103,0	105,6	107,6
Франция	100,9	101,3	101,7	103,2	105,3	108,1	109,9	110,7	111,3	112,0	112,4	112,9
Италия	99,9	100,5	100,9	101,9	103,0	105,0	107,1	106,5	105,4	106,3	107,3	109,3
Великобритания	100,9	102,5	104,3	115,6	107,2	108,7	109,5	109,7	110,5	111,3	112,1	112,7
Испания	101,9	103,2	106,7	110,3	114,2	118,2	120,9	122,7	125,0	128,4	135,5	140,5
Нидерланды	102,3	104,7	108,1	110,9	113,8	116,3	118,4	119,5	118,9	117,7	117,7	117,7
Швеция	101,5	100,6	99,3	100,8	102,9	105,4	107,4	107,6	107,3	107,8	109,4	109,4
Финляндия	101,8	103,2	106,7	108,8	111,5	114,1	115,8	116,8	116,3	116,6	116,6	121,5
Страны ЦВЕ												
Польша	101,9	103,8	106,7	109,2	106,2	103,4	103,2	100,8	100,1	99,9	102,1	105,7
Чехия	102,7	103,3	101,9	100,0	97,5	97,2	97,6	97,1	98,0	97,4	99,4	99,4
Венгрия	98,1	97,2	97,2	98,56	101,5	102,8	103,1	103,1	104,5	104,0	104,0	104,0
Румыния	94,8	109,2	110,4	108,3	107,5	107,4	106,8	92,2	92,1	91,4	90,4	92,4
Болгария	101,2	101,3	97,3	97,3	97,2	95,2	91,9	91,5	93,1	95,1	97,0	98,2
Словакия	102,0	105,5	104,9	104,5	101,3	99,9	101,0	101,1	102,9	103,2	103,2	107,8
Словения	99,7	99,2	99,1	99,2	101,1	102,4	103,8	104,4	104,7	105,3	105,3	117,0
Постсоветская Европа												
Россия	96,9	96,2	94,5	93,2	93,4	93,9	94,5	95,5	96,0	98,3	100,5	101,4
Украина	103,0	100,1	98,1	97,0	94,8	92,4	91,3	92,8	93,2	93,9	95,8	95,8
Беларусь	93,8	92,9	93,0	94,0	94,6	94,5	94,0	93,3	91,6	91,5	91,5	93,6
Молдова	99,5	98,8	97,9	97,6	88,9	90,2	89,2	89,6	81,2	78,8	78,8	78,8
Справочно:												
США	102,2	103,9	106,3	108,6	110,7	112,8	112,7	112,1	113,0	114,2	116,1	118,3
Япония	100,2	100,7	101,7	101,0	100,2	100,1	99,6	98,3	98,1	98,3	98,8	99,1

Источники: Economic Survey of Europe. 2005. No 2. N.-Y., Geneva, UN, 2005. P. 67, 73; Россия и страны мира. 2008. С. 58–79.

Поскольку статистика ООН не даёт подробных данных о динамике реальных доходов населения и тем более о динамике реальной заработной платы, динамику жизненного уровня населения лучше всего проследить по движению реальных потребительских расходов населения, отражающих изменение физического объёма (как материальных, так и нематериальных) потребительских благ (*см. табл. 11.6*).

Как следует из данных таблицы 11.6, в странах Западной Европы средний жизненный уровень населения, и так достаточно высокий, в 1994–2006 гг. стабильно повышался на 2–3% в год с некоторым замедлением в 2001–2003 гг. (годы рецессии). Этот рост был, однако, ниже, чем в США, хотя и выше, чем в Японии.

Очевидно, что без повышения жизненного уровня населения не может быть расширения платёжеспособного спроса, а значит, и роста производства. Чисто теоретически крах мирового социализма — главного критика капиталистической системы — увеличил возможности предпринимателей экономить на заработной плате в интересах повышения конкурентоспособности своего производства и бизнеса. Однако, как показывают цифры, странам Западной Европы удалось, хотя и не без труда, найти взаимоприемлемое соотношение между ростом жизненного уровня и сохранением конкурентоспособности.

В странах ЦВЕ рост жизненного уровня, как и рост ВВП, происходил в целом более высокими темпами, чем в странах Западной Европы. Однако в страновом аспекте картина складывалась неоднозначно.

Высокие темпы роста жизненного уровня населения были зафиксированы до наступления нынешнего кризиса в таких странах, как Болгария и Румыния. В Польше рост жизненного уровня населения в начале рассматриваемого периода был высоким, но затем стал снижаться. С некоторыми колебаниями в темпах заметное повышение жизненного уровня населения происходило в Словакии и Словении.

В России и Украине падение (причём значительное) жизненного уровня населения продолжалось на протяжении всего трансформационного спада, вплоть до 1999 г. В Молдове падение жизненного уровня произошло в 1998 и 1999 гг. В остальные годы имел место значительный рост, обусловленный, прежде всего, тем, что прежний базовый уровень жизни был очень низким. В Беларуси снижение жизненного уровня населения, по официальным данным, отмечалось только в 1995 г. Но это опять вопрос к статистике.

В целом Западная и Центрально-Восточная Европы экономически явно сближались. Постсоветская Европа продолжала отставать, образуя своего рода «Дальнюю Европу».

Таблица 11.6
Годовые приросты реальных потребительских расходов населения (1995–2006) (%)

Страны	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Западная Европа												
Германия	2,2	1,3	0,8	1,5	3,0	2,4	1,8	-0,4	0,3	-0,1	0,0	0,9
Франция	1,7	1,6	0,4	3,9	3,5	3,6	2,6	2,3	1,4	2,1	2,4	2,3
Италия	1,7	1,2	3,2	3,2	2,6	2,7	0,8	0,4	1,4	1,0	0,9	0,9
Великобритания	1,7	3,6	3,6	4,0	4,4	4,6	3,0	3,5	2,6	3,6	1,4	2,1
Испания	1,7	2,2	3,2	4,4	4,7	4,1	2,8	2,9	2,9	4,4	4,3	3,4
Нидерланды	2,9	4,0	3,0	4,8	4,7	3,5	1,4	1,3	-0,9	0,3	0,1	-0,1
Швеция	1,0	1,6	2,7	3,0	3,8	5,0	0,4	1,4	1,5	1,8	2,4	2,3
Финляндия	6,2	3,6	3,4	4,2	3,6	2,9	1,9	1,5	4,4	3,2	4,5	4,3
Страны ЦВЕ												
Польша	3,2	8,5	6,9	4,8	5,2	2,8	2,0	3,4	3,1	3,2	2,0	5,2
Чехия	5,9	8,8	1,3	-1,5	2,1	2,9	2,6	2,8	4,6	2,1	—	—
Венгрия	-6,9	-3,6	1,9	4,8	5,6	5,5	5,7	10,3	7,7	3,0	3,3	1,9
Румыния	10,8	7,0	-4,3	1,1	-2,5	1,5	6,3	4,9	6,9	10,3	10,0	12,6
Болгария	-1,9	-8,2	-9,6	4,0	8,8	5,7	4,4	3,6	6,6	5,0	—	—
Словакия	5,4	7,9	5,5	6,5	3,2	-0,8	4,7	5,5	-0,6	3,5	—	—
Словения	9,2	2,6	2,5	3,0	5,9	0,4	2,3	0,3	2,7	3,5	—	—
Постсоветская Европа												
Россия	-2,7	-2,6	2,8	-2,1	-1,2	5,6	6,8	7,0	6,2	9,2	11,8	11,1
Украина	-3,6	-8,4	-1,8	-0,1	-3,7	2,0	9,3	5,0	12,8	12,2	—	—
Беларусь	-9,4	3,7	10,0	11,8	8,4	7,4	13,7	8,1	5,4	10,3	—	—
Молдова	9,4	10,4	11,8	-2,0	-15,8	17,2	4,4	9,7	15,4	2,3	—	—
Сравочно:												
США	2,7	3,4	3,8	5,0	5,1	4,7	2,5	3,1	3,3	3,8	3,6	2,8
Япония	1,9	2,5	0,8	-0,2	—	0,5	1,1	0,5	0,2	1,5	0,9	0,9

Источники: Economic Survey of Europe. 2005. No 2. N.-Y., Geneva, UN, 2005. P. 60, 71; Россия и страны мира. 2008. С. 108–109.

В период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. в большинстве рассматриваемых стран произошло падение уровня занятости и серьёзное увеличение числа безработных. Что касается жизненного уровня населения, то в этот период он, конечно, в большинстве рассматриваемых стран снизился и начал расти в 2010–2011 гг.

Инновационные пути развития

Принято считать, что человечество в своём экономическом развитии прошло две исторических стадии: аграрную и индустриальную. С последней трети XX в. оно вступило в третью стадию — постиндустриальную. И поныне одни страны находятся на первой, другие — на второй, третьи — на третьей стадии.

В прошлом неспособность отдельных стран вовремя перейти от аграрной экономики к индустриальной приводила их к потере прежнего места в мировом хозяйстве. Так было с Китаем, Индией и Персией, которые некогда были намного более развитыми и сильными, чем Западная Европа, но затем, начиная с XVIII в., резко откатились назад. Так было с Османской империей, переставшей существовать, оказавшись неспособной встать на путь индустриального развития.

Россия тоже долго отставала от Западной Европы. Во второй половине XIX в. она сделала рывок вперёд в деле индустриализации. Однако серьёзно она продвинулась на этом пути только в советский период. При этом упор был сделан прежде всего на ВПК, при доминировании командно-административных и даже мобилизационных методов управления экономикой и централизованного планирования.

Ныне наиболее развитые страны мира уже вышли на третью стадию — постиндустриальную. Последнюю можно характеризовать по-разному: и как экономику услуг, и как экономику *high-tech*, и как информационную экономику и т.д. Но главное в том, что продвинутая постиндустриальная экономика это, как сейчас принято говорить, «экономика знаний» — инновационная экономика, основным содержанием которой является не расширенное воспроизводство обычных товаров и услуг, а выпуск новых продуктов, ценнее, качественнее и разнообразнее обычных и привычных. Поэтому заводы, фабрики и иные структуры, производящие товары и услуги, заняты, прежде всего, поиском технологических, производственных и организационных инноваций. На это ориентирован и спрос. Главным становится постоянное стремление к нестандартному и оригинальному. Такой установкой определяется набор персонала, в первую очередь, менедже-

ров, учёных, конструкторов и инженеров. Соответственно меняется само деловое мышление.

Вертикаль управления, основанная на отношениях «начальник — подчинённый», уступает место горизонтальному партнёрству, сотрудничеству, предполагающему творческий подход и нетривиальное мышление всех его участников. Складывается не просто «экономика знаний». Ведь знание — основа любой бизнес-деятельности, не только экономической или производственной. Суть новой экономики не в знаниях вообще, а в масштабном творческом поиске, в постоянном обновлении, т.е. в знаниях, слившихся с творчеством и ориентированных на инновации.

Такое возможно лишь в условиях зрелой экономики, при наличии мощной инфраструктуры в виде рынка основных факторов производства, бесперебойной работы механизмов спроса и предложения, свободного ценообразования, устойчивой защиты прав собственности, включая интеллектуальную, грамотной, ориентированной на инновации государственной налоговой и иной политики.

Это можно осуществить лишь в том случае, если в обществе задействована мощная внутренняя мотивация к прогрессу, подстёгиваемая механизмом конкуренции, при таком уровне жизни населения, когда люди не думают, как дожить до зарплаты, и надёжно подстрахованы в своих творческих устремлениях.

Используя термин «инновация», люди нередко не задумываются над истинным содержанием этого понятия. Базой инноваций, естественно, являются новые знания. Однако инновация — не только технический или производственный продукт в виде нового товара или услуг. Это ещё и новый производственный и организационный процесс, новый производственный аппарат и менеджмент и даже новый (модернизированный) человек, как производитель, так и потребитель.

Очевидно, что инновация как принципиально новый продукт знаний или НИОКР, может быть заимствованной, т.е. созданной в другой стране, отрасли или фирме. В этом случае, в строгом смысле, она инновацией не является. Другое дело, что отделить «своё» от «чужого» в инновационном процессе трудно, иногда даже невозможно. Поэтому практически любые новинки слывут инновациями — вне зависимости от происхождения. Однако, как свидетельствует опыт ряда стран, ориентация на одни лишь заимствования может в конечном итоге завести в тупик.

В условиях острейшей конкуренции на международных и национальных рынках создание инновационной модели стало главным

фактором конкурентного преимущества в мировой экономике и базой для качественного и устойчивого роста.

Каковы же очевидные условия создания такой модели?

Фундамент инновационной экономики образует, как уже отмечалось, зрелая рыночная система с современной инфраструктурой, обеспечивающей в рамках правового поля здоровую конкурентную борьбу. Этого, однако, недостаточно. Второй обязательной предпосылкой инновационной модели является грамотное и целенаправленное участие государства в формировании национальных и транснациональных инновационных сетей, в финансировании фундаментальных исследований и НИОКР.

Важный (третий) элемент инновационной системы образует сфера образования. Особенно значима в этой связи роль университетов, готовящих профессионалов, способных не только воплотить в жизнь идеи конструкторов и изобретателей, но и самим быть изобретателями и первооткрывателями. Четвёртый элемент — это исследовательские центры, конструкторские бюро, научные структуры крупных фирм и корпораций, независимые исследователи. В качестве пятого элемента можно рассматривать малые и средние инновационные фирмы. Шестой элемент составляют предъявляющие платёжеспособный спрос пользователи инноваций: государство, частные фирмы-потребители, продавцы новой техники и технологий, импортёры инноваций и т.д. Немалую роль играют в этой связи благотворительные и венчурные фонды, инвестиционные банки, частные и государственные инвесторы (всё то, что можно было бы назвать седьмым элементом). Наконец, восьмой элемент образуют национальное и международное законодательства, патентные агентства, экспертные сообщества — в той мере, в какой они выступают как защитники интеллектуальной собственности.

Все перечисленные элементы объединяются в национальные инновационные сети и территориальные кластеры, часто на базе неформальных, чисто коммерческих партнёрских контактов с использованием совместных проектов и средств их технического и производственного воплощения.

В числе европейских стран, вступивших на путь практического создания национальной инновационной политики, следует отметить прежде всего Финляндию и Швецию.

Финляндия сумела перейти от сырьевой экономики, основанной на экспорте леса и лесопродуктов, к высокотехнологичной инновационной экономике с большим экономическим эффектом. Становление в ней инновационной модели было тесно связано с бурным раз-

витиём электронной промышленности. В результате страна заняла первое место в мире по уровню развития информационно-коммуникационных технологий.

Бурное развитие электронной промышленности, равно как химической и общего машиностроения, было неразрывно связано с серьёзным укреплением научно-технического потенциала. Если в 1984 г. доля затрат на НИОКР в Финляндии составляла всего лишь 1% ВВП, то к концу первого десятилетия нового века она превысила 3,5%, что заметно больше, чем в США, а, тем более, чем в среднем по ЕС.

При этом нельзя не обратить внимания на то, что восприимчивыми к инновациям оказались не только финский бизнес, но и большинство населения. Ныне Финляндия занимает одно из ведущих мест в мире по изобретательской активности, уступая в этом качестве лишь Японии, США и Германии¹. В мировом рейтинге по индексу растущей конкурентоспособности Финляндия занимала на протяжении всех первых лет XXI в. то первое, то второе места, чередуясь с США².

В стране создана сеть особых «центров превосходства» (*centres of excellence*), объединяющих самые сильные и успешные лаборатории и НИИ в каждой области знаний. Помимо этого сформировано национальное технологическое агентство TEKES, основная задача которого состоит в налаживании сотрудничества между исследовательскими отделами частных фирм и университетами в целях создания новых высокотехнологичных продуктов. Существует также государственный фонд SITRA по финансированию венчурных научно-исследовательских проектов.

Наряду с общенациональным Инновационным и технологическим агентством на муниципальном уровне действуют региональные инновационные кластеры. Кроме того, имеются региональные центры экспертизы, которые оказывают консультационные и информационные услуги по 45 направлениям научно-технического прогресса — от нанотехнологий до производства упаковочных материалов³.

С конца 90-х годов прошлого века осуществляется программа создания инновационных территориальных кластеров, прежде всего в таких отраслях, как лесоперерабатывающая промышленность, телекоммуникации и строительство. Многие малые города и даже деревни Финляндии превращены в своеобразные инновационные бизнес-инкубаторы.

¹ Общество и экономика. 2006. № 7–8. С. 137.

² Там же. С. 147.

³ Экономист. 2007. № 10. С. 32.

Инновационная система Финляндии ставит перед собой весьма амбициозные цели: сохранить ведущее место в мире по инновационности и конкурентоспособности, превратить страну в самую привлекательную по уровню и качеству жизни населения, по предпринимательству, культуре труда, быта и бизнеса, укрепить социальное государство, а также обеспечить качественный и стабильный экономический рост.

Инновационную модель развития во всё большей степени демонстрирует и Швеция. По наукоёмкости производства она находится в группе мировых лидеров. Доля её затрат на НИОКР в ВВП, так же как и Финляндии, достигла почти 4%. На границе между Данией и Швецией после возведения моста через пролив уже сложился регион Эресунн-центр — своего рода европейский вариант американской Силиконовой долины. В стране разработан план «Инновационная Швеция», включающий конкретные программы для ключевых отраслей промышленности.

В экспорте Швеция специализируется на информационных технологиях, лекарствах, биотехнологиях и автомобилях. Оказывается весьма эффективная поддержка малым и средним предприятиям в том, что касается инновационного развития. С 2002 г. осуществляется национальная программа инновационного развития 1126 компаний, большую часть которых (56%) составляют малые предприятия. Учреждено государственное «Управление инновационной системой Швеции», призванное формировать национальную инновационную систему и территориальные инновационные кластеры¹.

Особого внимания заслуживает ситуация с инновационным развитием России.

Рост производительности труда, начавшийся в ней лишь в 1999 г., происходил, прежде всего, за счёт производства обычной продукции. Инновационные товары производят лишь около 10% российских промышленных предприятий. Крупные, а тем более массовые отечественные инновации представляют собой редкое исключение.

Страдающая «голландской болезнью» вследствие чрезмерной ориентации на сырьевой сектор, наша страна до сих пор не сумела в должной мере интегрироваться в мировое научно-техническое пространство, стать достойным партнёром в области инноваций. Между тем возможности для этого всё ещё сохранились.

В России работает 12% всех учёных планеты (четвёртое место после США, Японии и Китая). Это одно из наших преимуществ. Главное же препятствие на пути инновационного развития состоит в крайне сла-

¹ Экономист. 2007. № 10. С. 31.

бом развитии инновационного предпринимательства, в неудовлетворительной системе производственно-технологического воплощения НИОКР в инновационную продукцию. Её доля в общем объёме промышленного производства составляет всего лишь 3,5%.

Одна треть наших промышленных предприятий убыточна и требует санкций или банкротства с заменой на новое производство. Такие отрасли, как гражданское авиастроение и автомобильная промышленность находятся на грани утраты своего научно-технического потенциала¹.

Несмотря на провозглашенную «открытость» и «рыночность» нынешней российской экономики, большинство даже более благополучных предприятий боится жёсткой конкуренции, царящей на западных рынках, чурается научно-технического прогресса и инновационной активности, предпочитая держаться за те отечественные рыночные ниши, в которых им привычно и спокойно.

По существу, российский бизнес не заинтересован в инновациях. Под ними нередко подразумевается всего лишь усовершенствование уже существующих продуктов и технологий, на что в основном и тратятся средства, выделяемые на инновации.

Технологически Россия серьёзно отстаёт от современных научно-технологических лидеров — США, Евросоюза и Японии. Новейшие российские технологические разработки существенно уступают по своему уровню передовым западным. По оценке международных экспертов, Россия сохранила лидирующие позиции лишь по двум из семидесяти особо значимых технологий². К тому же сохранившееся превосходство распространяется лишь на технологии, имеющие узкую сферу практического применения — «трубопроводный транспорт угольной суспензии» и «нетрадиционные технологии добычи и переработки твёрдого топлива и урана».

Конечно, на протяжении истекшего неполного десятилетия наша страна продемонстрировала относительно высокие темпы роста производства, капиталовложений и жизненного уровня населения. Известно, однако, что произошло это прежде всего благодаря высоким мировым ценам на сырьё. Но устойчивый и эффективный экономический рост возможен только на основе высокотехнологичных производств, инноваций и их масштабного применения.

Характерно, что ещё до кризиса, в сравнительно благополучные годы, ситуация в инновационной сфере России продолжала ухудшаться. Весьма показательны в этой связи следующие факты.

¹ Экономист. 2008. № 6. С. 11.

² Форсайт. 2007. № 1. С. 14.

В начале 90-х годов прошлого века доля России в мировом объёме заявок на изобретения превышала 16%, а в мировом числе выданных патентов составляла более 33%. К концу первого десятилетия нового века доля российских заявок на изобретения снизилась в семь раз (2,9%), а по патентам почти в 13 раз (2,6%). За это же время численность персонала, занятого исследованиями и разработками, уменьшилась в два раза.

Объём внутреннего российского рынка инновационной продукции сейчас в 192 раза меньше, чем в США, в 85 раз — чем в Японии, и в 15 раз — чем в Китае¹. Россия занимает лишь 40-е место в мире по числу статей в ведущих научных журналах мира в расчёте на 1000 исследователей².

Почти ничего не сделано за последние годы для увеличения инвестиций в высокотехнологичное производство. Количество инновационных наукоёмких предприятий в стране сократилось более чем в два раза. Из общего объёма проводимых НИОКР лишь 5% становятся объектами коммерческих сделок, получающих воплощение в новой продукции³. Отставание в этой области привело к тому, что в хозяйственном обороте страны находится всего лишь 1% результатов НИОКР, в то время как в США и Великобритании — 70%⁴. Россия регистрирует патентов в десять раз меньше, чем Япония, в шесть раз — чем США, и в два раза — чем Южная Корея. А из наших немногих изобретений реально внедряется в производство менее 1%⁵.

Поступления от экспорта Россией технологий в 2005 г. составили 389 млн долларов, а выплаты по импорту технологий — 954 млн долларов. В Швейцарии же эти показатели достигли 7,5 и 8 млрд долларов, в Великобритании — 29 и 14, а в США — 57 и 24,5 млрд долларов⁶.

Но главное — в стране отсутствует системность в создании инновационной модели экономики, единой цепи, связывающей образование, науку, бизнес и государство. Разговоров на эту тему ведётся немало. Осуществляются даже некоторые шаги в правильном направлении (например, значительное увеличение расходов на НИОКР). Тем не менее эффективной инфраструктуры инновационной модели экономики так и не создано. Похоже, что мы устойчиво пребываем в стороне от современного мейнстрима мирового инновационного процесса.

¹ Форсайт. 2007. № 1. С. 29.

² Там же. С. 46.

³ Общество и экономика. 2007. № 9—10. С. 131, 150.

⁴ Коммерсантъ. 26.02.2008; 22.04.2008.

⁵ Известия. 29.06.2006.

⁶ Модернизация экономики и общественное развитие. М., 2007. Т. 1. С. 52.

В подтверждение этого вывода приведём показатели инновационной активности российских промышленных предприятий за период 2003–2007 гг. (см. табл. 11.7).

Таблица 11.7

Виды активности (%)	Годы			
	2003	2004	2005	2007
Уровень технологической инновационной активности	10,3	10,5	9,3	9,4
Уровень организационной инновационной активности	25,6	28,5	25,7	25,0
Доля инновационной продукции в общем объёме отгруженной продукции	4,7	5,4	5,0	5,5

Источник: Индикаторы науки: 2007, М., 2007. С. 264–284; 2009. С. 22.

Последние годы показали, что простое увеличение затрат на НИОКР не даёт у нас нужных результатов. Снижаются не только наукоёмкость и инновационность нашей экономики, но и растёт число антиконкурентных действий со стороны государства, неисполнение законов по предотвращению монополизма, усиливается вмешательство чиновников в бизнес. Поэтому так необходимы намечаемые сейчас стратегические решения по созданию институциональной базы для инновационной модели, по разработке соответствующих проектов государственной политики. Нужно преодолеть и криминализацию экономики.

* * *

Экономика России пребывает сейчас в состоянии выхода из кризиса. Продолжительность этого выхода и последующего подъёма предсказать пока трудно. Очевидно, однако, что он может быть либо на путях инновационного развития, либо в результате наращивания прежнего «вала» и сохранения неэффективных производств. Жизнь покажет, каким будет выбор.

Глава 12. Инновационная политика Евросоюза: опыт для России

Страны, образующие костяк Евросоюза, активно формируют ныне инновационную социально ориентированную экономику, интенсивно используя в этих целях передовые научные, технологические, экономические и социальные знания. Там отчётливо осознают, что от того, насколько успешно удастся осуществить начатый переход к новой парадигме экономического развития и сформировать постиндустриальный, инновационный технико-экономический уклад, будут зависеть судьбы интеграции и возможности перспективного развития. Главным инструментом осуществления такого перехода служит инновационная политика.

В главе рассматриваются концептуальные подходы к формулированию этой политики, а также её содержание, первоочередные приоритеты и цели, главные меры и механизмы осуществления. Также дана общая характеристика европейской инновационной системы и сформулированы предложения по совершенствованию отечественной инновационной сферы исходя из европейского опыта.

Концептуальная основа

Переход развитых стран на новую, инновационную модель хозяйствования, формирование инновационной экономики, экономики знаний основывается на концепции нелинейности научно-технического прогресса (НТП) и так называемой открытой инновации. Эти же теоретические подходы используются и при разработке инновационной политики, призванной обеспечить такой переход и последующее развитие.

Использовавшаяся ранее линейная модель НТП считала инновации результатом «доведения» идеи по цепочке стадий инновационного цикла (фундаментальные научные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки) до рыночного продукта. На этой концепции основывалась научно-техническая политика индустриального уклада. В числе её главных приоритетов были поддержка стратегических отраслей и сотрудничества в сфере НИОКР, передача технологий и другие важные ориентиры технологического развития. Инновационная же модель исходит из понимания сущности

научно-технического прогресса (НТП) как комплексного, системного и интерактивного процесса, когда идеи генерируются на всех этапах инновационного цикла, результаты исследований используются на всех его стадиях, а фундаментальные исследования перестают быть иницилирующим началом. Этот процесс имеет открытый, сетевой характер, формализуется в виде инновационной системы.

Именно такой нелинейный тип НТП лежит в основе формирования новой экономики и обеспечивающей его инновационной политики. Инновации становятся не столько результатом НИОКР, проводимых в лаборатории какой-либо компании, сколько результатом деятельности объединённых в сети инновационных акторов, таких как поставщики, потребители продукции и услуг, учёные и инженеры, рисковые компании, университеты. Совместное использование ими идей и ноу-хау стимулирует появление нововведений и формирует новые рынки. Развитие таких процессов требует благоприятного социального и культурного окружения.

Такой подход к проявлению НТП поддерживает и концепция открытой инновации, получившая своё признание на основе работ американских учёных Э. Хиппеля и Г. Чесброу¹. Существует много определений открытой инновации. Г. Чесброу рассматривал открытую инновацию как «понятие, которое предполагает возможность и обязательность для фирмы использовать как собственные, так и внешние идеи, как собственные, так и внешние пути продвижения на рынок...»².

Иными словами открытую инновацию можно определить как инновацию, полученную при соучастии внешних партнёров и основных потребителей с целью лучшего учёта их насущных потребностей и снижения издержек в случае вероятных неудач проекта. Здесь полезно отметить, что и определения самого базового понятия весьма разнообразны. В соответствии с международными стандартами³ инновация определяется как «конечный результат инновационной деятельности, получившей воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедряемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к предоставлению социальных услуг». Иными словами, но более кратко, инновацию можно определить как эко-

¹ См.: *Hippel E. von*. The Sources of Innovation. N.-Y., Oxford, 1988; <http://web.mit.edu/evhippel/>; <http://www.haas.berkeley.edu/faculty/chesbrough.html>.

² *Ebersberger B.* Management Center Innsbruck. Innsbruck, february 2009 (презентация).

³ В соответствии с новой редакцией Руководства Фраскати, документа, принятого ОЭСР в 1993 г. в итальянском городе Фраскати.

номически значимое новшество в форме изобретения, технологического процесса, продукта или услуги.

В основе экономических концепций, используемых для формирования современного инновационного развития, лежат также и многие другие ставшие уже традиционными теоретические подходы, разработанные как западными, так и российскими учёными. При этом используются представления, характерные как для моделей неоклассического синтеза, предусматривающих либерализацию экономической деятельности и усиление государственного воздействия, так и для подходов, свойственных эволюционным и институциональным моделям хозяйственного развития. При рассмотрении внутренних закономерностей воспроизводства нововведений применяется, главным образом, хорошо развитый аппарат теории инноваций и инновационных систем, базирующийся на известных работах западных учёных Й. Шумпетера, Г. Менша, Б. Лундвалля, К. Фримена, Р. Нельсона и др.¹ Общим же вектором продвижения конкретных мер хозяйственной политики можно считать эволюционное, институциональное и системное направления.

Согласно принятым на вооружение странами Евросоюза и институтами ЕС концептуальным представлениям об инновационном развитии, т.е. развитию, воплощающемся в новом технико-экономическом укладе или в новой экономике, или иначе, экономике, основанной на знаниях, его формализация происходит посредством инновационных систем. Европейские эксперты определяют инновационную систему, например, как «совокупность действующих институтов, организаций и политик, созидательно взаимодействующих с целью достижения социальных и экономических целей и использующих инновации в качестве ключевого инициатора перемен»². Такую систему можно представить и в виде тесно взаимодействующих ядра и оболочки. Первое состоит из субъектов инновационной деятельности — всевозможных организаций, институтов, фирм частного и государственного секторов, которые собственно и генерируют знания для инновационного развития. Вторая включает в себя комплекс правового, финансового, социального и прочего обеспечения этой деятельности и процесса расширенного воспроизводства нововведений. Концепция такой

¹ Среди отечественных авторов, внёсших вклад в разработку данной проблематики, можно назвать Н. Кондратьева, А. Анчишкина, С. Глазьева.

² *Palerson A., Adam R, Mullin J.* The Relevance of the National System. Approach to Mainstreaming Science and Technology for Development in Nepal and Canada. October 2003. P. 3.

системы разрабатывалась для национального уровня. Однако интеграционный характер экономического развития европейских стран объективно предопределяет вплетение начавших образовываться национальных инновационных систем стран Европы в общую канву европейской региональной инновационной системы. Именно формирование такой системы, отличающейся высокой конкурентоспособностью, составляет стратегическую цель инновационной политики ЕС.

Перевод экономики Евросоюза на инновационную модель развития потребовал серьёзного пересмотра принципов выработки и реализации мер совершенствованию инновационной сферы. Превалирующим в их разработке стал подход, предполагающий комплементарное двухуровневое воздействие как на инновационную систему в целом, так и на её отдельные ключевые составные части¹. В первом случае предполагается использование широкого спектра рамочных мероприятий, нацеленных, главным образом, на устранение узких мест инновационной системы в целом. Эти меры, представляющие собой инструментарий общеэкономической политики, призваны содействовать повышению потенциала саморазвития системы, главным образом, за счёт привлечения инвестиционных ресурсов частного сектора. Во втором речь идёт о мероприятиях, сфокусированных на поддержке отдельных элементов этой системы, их взаимодействии и решении отдельных проблем инновационного развития. Основное предназначение инструментов второго уровня — обеспечение эффективного взаимодействия между различными сферами инновационной деятельности, придание ей сетевого характера, содействующего развитию открытых инноваций. К ним, например, можно отнести финансовые и налоговые меры, расширяющие возможности доступа мелких и средних предприятий к источникам рискового финансирования.

Организация, ориентиры и меры инновационной политики

Инновационную политику ЕС можно определить как комплекс иницилирующих, ориентирующих и координирующих мер по достижению декларированных целей Евросоюза в области инновационного и в це-

¹ См.: Raising EU R&D Intensity. Improving the Effectiveness of the Mix of Public Support Mechanisms for Private Sector Research and Development // Report to the European Commission from an Independent Expert Group / European Communities. 2003. P. 39–65.

лом хозяйственного развития¹. Данные меры отвечают принципу субсидиарности² и реализуются в рамках компетенции Союза, оговоренной в документах об его образовании. Формально не существует единой европейской политики в области инноваций. Инновационная политика стран Евросоюза и политика самого ЕС осуществляется параллельно, обычно на комплементарной основе, но не обязательно составляя единое целое.

Разработка и реализация инновационной политики базируется сегодня на комплексном, системном и сетевом подходах, использование которых стало объективно необходимым в процессе становления национальных и региональных инновационных систем как формализованного проявления современного инновационного развития.

Однако эта политика не имеет самостоятельной законодательной базы, закреплённой в соответствующих документах, и опирается на комплекс правового обеспечения составляющих её компонентов (политика ЕС в области образования, научных исследований, промышленная, региональная политика и др.).

Вбирая в себя наиболее эффективные составные элементы общеэкономического регулирования, такие, как финансовые, налоговые, инвестиционные, социальные, региональные, внешнеэкономические, — инновационная политика превращается, по сути, в его сердцевинную часть, приобретая одновременно «зонтичный» характер. В числе её первостепенных приоритетов — построение эффективной инновационной системы, содействие углублению интеграции и рациональному вхождению Евросоюза в глобальное инновационное пространство.

Особо следует отметить хорошо развитый организационный и институциональный аппарат, на котором базируется данная политика:

¹ В истекшем десятилетии Лиссабонский саммит ставил задачу для ЕС «стать самой конкурентоспособной и наукоёмкой экономикой в мире, способной к постоянному росту с увеличением занятости и социальных гарантий». Новая стратегия «Европа 2020», принятая в 2010 г., в качестве ориентиров предусматривает рост занятости, улучшение условий для осуществления НИОКР, повышение эффективности энергетического сектора, уровня образования и социальной востребованности для всех групп населения. См.: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/115346>. Р. 4, 11, 12.

² Принцип субсидиарности — один из базовых принципов интеграционного строительства ЕС, который состоит в передаче полномочий, когда это целесообразно и возможно, на более низший уровень. При этом европейский уровень выступает как дополнительный по отношению к национальному и более низким его ступеням. Это происходит в том случае, когда для выполнения поставленных задач у высшего уровня только собственными силами не хватает компетенции или же когда его деятельность оказывается не эффективной.

соответствующие управленческие подразделения Еврокомиссии, исследования, проводимые в принадлежащих Евросоюзу научных институтах (прямые действия), рамочные программы научных исследований ЕС, программы научных исследований Еврокомиссии (совместные действия), фланкирующие программы и действия, позволяющие привлекать для решения коммунитарных задач потенциал общеевропейских программ и институтов, таких как Эврика, КОСТ, Европейский научный фонд и др. (косвенное участие).

Можно выделить следующие три основные группы субъектов, призванных осуществлять инновационную политику Евросоюза. Первая группа состоит из национальных правительств, включая ведомства по управлению экономикой, стандартизации, государственным закупкам. Сюда же входят региональные, местные правительства, многочисленные инновационные и региональные агентства. Вторая — это Еврокомиссия и её специализированные подразделения, разрабатывающие и координирующие исполнение инновационных инициатив. Третья представлена Советом министров ЕС и Европейским парламентом, через которые проходит законодательное утверждение положений инновационной политики по предложению Еврокомиссии.

Финансирование мер инновационной политики, разрабатываемых на наднациональном уровне, осуществляется сегодня из бюджета ЕС и направлено на выполнение мероприятий в основном в рамках трёх специальных программ Евросоюза, рассчитанных на 2007–2013 гг. Это, прежде всего, следующие три программы.

Седьмая рамочная программа научных исследований с бюджетом в 54 млрд евро. Она ориентирована на поддержку сотрудничества в проведении научных исследований в промышленности, подготовку научно-исследовательских кадров, повышение их мобильности и наращивание научно-исследовательского потенциала региона.

Специализированные программы структурного фонда, около 24% бюджета которого, равного 308 млрд евро, т.е. примерно 74 млрд евро, идёт на реализацию инновационных проектов.

Программа «Конкурентоспособность и инновации» с объёмом финансирования 3,6 млрд евро нацелена на реализацию европейских инициатив «PRO INNO Europe» и «Europe INNOVA».

Формулирование и реализация инновационной политики ЕС относится, главным образом, к компетенции действующих в тесном взаимодействии генеральных директоров Еврокомиссии, среди которых к основным можно отнести директораты, ответственные за научные исследования, развитие предприятий и промышленности, а также образование.

Цель деятельности первого из них — содействие проведению научных исследований. Основные политические ориентиры второго включают стимулирование инновационной активности компаний и предприятий промышленности. На третий возложены обязанности по поддержке образования, профессиональной подготовки кадров и молодёжи.

Специальная сессия Евросовета, прошедшая в Лиссабоне 23–24 марта 2000 г., обозначила кардинальный поворот ЕС от традиционной научно-технической к инновационной политике. Были определены и согласованы новые стратегические цели, реализация которых, как надеялись, позволила бы к 2010 г. сделать европейскую экономику самой конкурентоспособной и динамичной. Лейтмотивом итогового документа сессии стал тезис о необходимости формирования постиндустриальной экономики, базирующейся на знаниях.

На Стокгольмской встрече руководителей стран ЕС (март 2001 г.) были одобрены стратегические цели политики в области образования: повышение качества и эффективности систем образования и профессиональной подготовки; облегчение доступа ко всем их видам всех слоёв населения а также «раскрытие» систем образования для мирового сообщества.

Десятого декабря 2001 г. Еврокомиссия одобрила доклад о плане действий в сфере «Наука и общество»¹. Мероприятия, предусмотренные этим планом, были призваны стать важным инструментом формирования Европейского исследовательского пространства. В нём, в частности, принципиальное значение придавалось поддержанию регулярного диалога по проблемам взаимоотношений науки и общества.

В марте 2002 г. главы государств и правительств стран ЕС, оценив уже на встрече в Барселоне прогресс в продвижении к целям, обозначенным Лиссабонской сессией Евросоюза, пришли к заключению о необходимости увеличить в ВВП Евросоюза долю инвестиций в НИОКР с 1,9% в 2000 г. до 3% к 2010 году².

На Барселонской встрече была принята также «Программа работ до 2010 г.» по достижению названных выше стратегических целей в области образования. Главным инструментом программы должен был стать новый, так называемый открытый метод координации, призванный усилить координирующие и контролирующие функции ЕС в области инновационной политики в странах-членах. Он предпо-

¹ См.: Science and Society Action Plan // European Communities. 2002.

² См.: More Research for Europe. Towards 3% of GDP / Communication from the Commission. Brussels, 2002.

лагал широкое распространение передового опыта и высокую степень согласованности в достижении продекларированных главных целей.

После Барселонской встречи на высшем уровне начались широкие обсуждения направлений и конкретных мер по реализации его установок. Результаты этих обсуждений нашли концентрированное выражение в информационном документе ЕС «Инвестиции в исследования: план действий для Европы», опубликованном в марте 2003 г. Положения данного плана предлагались в нём в качестве ориентиров для конкретных действий по достижению целей, продекларированных на Лиссабонской и Барселонской встречах. Они включали в себя следующие четыре комплекса мероприятий¹.

Первый комплекс был нацелен на поддержку консолидации и согласованности предпринимаемых усилий (координация действий между странами-членами и государствами-кандидатами на вступление в ЕС, формирование общего видения экономического и технологического развития, разработка согласованного комплекса политических инструментов, активизация регионального инновационного развития).

Второй комплекс был направлен на существенное совершенствование государственной поддержки НИОКР и технологических новаций. Внимание, в частности, сосредотачивалось на мерах по улучшению возможности карьерного роста учёных, по приближению государственных исследований к нуждам промышленности, направленных на полную реализацию потенциала существующих государственных финансовых инструментов.

Третий комплекс мероприятий исходил из необходимости увеличения объёма государственного финансирования исследований. Большое внимание уделялось соответствующей ориентации бюджетной политики, которая могла бы обеспечить устойчивое развитие в будущем, прежде всего, за счёт приоритета, оказываемого фундаментальным научным исследованиям.

И, наконец, четвёртый комплекс мероприятий был призван улучшить условия проведения исследований и осуществления технологических инноваций, в частности, усовершенствовать защиту интеллектуальной собственности, правовое регулирование товарных рынков и связанных с этим норм и стандартов.

В соответствии с установками Барселонской встречи практически все страны Евросоюза, а также кандидаты на вступление в него стали

¹ Investing in Research: an Action plan for Europe, 30.04.2003, COM (2003) 226 final. Brussels. P. 3, 4.

вносить коррективы в соответствующие национальные программы. При этом активно использовались взаимные консультации и согласования, проводимые в рамках «открытой координации». Большинство наиболее развитых стран ЕС (Германия, Бельгия, Дания, Франция, Нидерланды и некоторые др.) полностью приняли установки «Барселона» на 2010 г. Многие обозначили конечные и/или промежуточные значения показателей общих затрат и расходов бизнеса на НИОКР в процентах ВВП, хотя для отдельных из них установленные цели оказались заведомо «неподъёмными» (Греция, Испания, Италия, Португалия и новые члены ЕС).

Практически все страны стали осуществлять или наметили к осуществлению меры по активизации НИОКР и совершенствованию управления ими. Однако, по общему признанию, большинство мер, реализуемых во исполнение принятых документов, не дали пока желаемых результатов. Возникла необходимость в разработке и реализации дополнительных мероприятий. Это стало особенно актуальным в связи с развёртыванием глобального экономического кризиса, имеющего системный характер.

Так, поддержка перехода экономики на инновационную модель развития рассматривается в качестве одного из первостепенных приоритетов Европейского плана восстановления экономики, предложенного в 2008 г. Еврокомиссией с целью выхода из мирового кризиса¹. Этим планом предусмотрены, в частности, активизация мер в рамках лиссабонской стратегии в области поддержки формирования человеческого капитала и спроса на него, малого инновационного предпринимательства, модернизации хозяйственной инфраструктуры и энергетического сектора, а также увеличение коммунитарных и национальных инвестиций в научные исследования и разработки, в образование и в инновационные проекты. Так, например, только на мероприятия по совершенствованию трансевропейского взаимодействия в энергетической сфере и развитие инфраструктуры широкополосной системы связи Еврокомиссия предложила выделить на 2009 и 2010 гг. дополнительно 6 млрд евро².

К мерам аналогичной направленности можно отнести и инициативу Генерального директората Еврокомиссии «Предприятия и промышленность», предпринятую в рамках проводимого в Европе

¹ См.: Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the European Council. A European Economic Recovery Plan. Brussels, 26.11.2008, COM(2008) 800 final.

² Ibidem. P. 17.

в 2009 г. «Европейского года созидания и инноваций» и получившую название «PRO INNO EUROPE»¹. Эта инициатива нацелена на активизацию изучения передового опыта проведения национальных и региональных инновационных политик и его использования для поддержки инновационных предприятий и других заинтересованных участников в ходе осуществления совместных действий. В осуществлении проводимых в её рамках мероприятиях задействовано сегодня более 200 политиков и других участников инновационных преобразований из 33 стран.

Высокой практической значимостью отличается реализуемая в числе многих других важных мер этой инициативы масштабная программа «Европейское руководство по инновациям», включающая такие важные инструменты, как «Европейская шкала инноваций». Она является сегодня главным статистическим инструментом оценки европейской инновационной политики, позволяя, в частности, осуществлять её картографирование путём формирования баз данных, содержащих информацию об инструментах инновационной политики, о мерах национальных и коммунитарной политик, субъектах инновационных систем.

INNOVA — другая важная инициатива, поддерживаемая в рамках программ научных исследований Евросоюза². Она направлена на структурирование Европейского научно-исследовательского пространства и предусматривает поддержку объединения в сетевые структуры главных участников инновационных процессов в предпринимательской среде — управленческого звена компаний и кластерных образований, инвесторов, политиков, профессиональных ассоциаций. В этом проекте предусмотрен отраслевой подход, стратегически ориентированный на обнаружение и анализ резервов и препятствий инновационной деятельности в отдельных секторах экономики. Такое кооперирование даёт возможность его участникам приобщаться к компетенции сторонних партнёров инновационных процессов, создавая обучающие платформы для обмена информацией, передовым опытом и знаниями. Этот проект объединяет более 200 участников из 23 стран — членов ЕС³.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, ЕС не удалось достичь главных целей, провозглашенных на Лиссабонском саммите. Одна из важных причин этого — отсутствие должной координации

¹ <http://www.proinno-europe.eu/>.

² <http://www.innova-eu.net/>.

³ <http://www.europa-innova.org>.

усилий между странами Евросоюза. Поэтому в новой стратегии «Европа 2010», приоритеты которой в большей своей части повторяют, по сути, лиссабонские ориентиры, особое внимание уделено так называемой «тематической координации», предусматривающей, в частности, мониторинг структурных реформ в инновационных секторах экономики стран Евросоюза.

Западноевропейский опыт показывает, что главным критерием использования того или иного набора мер инновационной политики служит достижение приемлемого баланса между общественным и частным «благом»¹. Налоговые льготы для инвестиций в сферу НИОКР, например, рассматриваются в качестве «блага» для частного сектора, в краткосрочной перспективе и для общества в целом в долгосрочной перспективе в том случае, если они содействуют повышению, в частности, уровня ресурсного обеспечения НИОКР. Но эти льготы являются «благом» только для частного сектора, и их введение оказывается неоправданным тогда, когда они не стимулируют привлечения дополнительных ассигнований в сферу НИОКР, а используются просто в качестве инструмента субсидирования научно-производственной деятельности, осуществляемой компаниями.

Таким образом, главными критериями признаются «общественная полезность» проводимых мероприятий, их вклад в формирование инновационной системы. Отсюда следует чрезвычайно важный для российских условий вывод о том, что меры по стимулированию инновационной активности предпринимателей могут быть оправданы только в том случае, если их конечным результатом становится повышение параметров национального инновационного потенциала.

Первоочередная задача осуществления мероприятий «целостного воздействия» видится сегодня экспертам ЕС в расшивке узких мест развития региона, которые лежат вне сферы компетенции инновационной политики. Для этого считается целесообразным использовать комплекс инструментов важнейших направлений макроэкономической политики. Среди них особое внимание уделяется созданию благоприятных общих макроэкономических условий, политике в области конкурентоспособности, норм и стандартов, предпринимательства, охраны прав интеллектуальной собственности, преумножения человеческого капитала, государственных НИОКР.

Меры по формированию целостной инфраструктуры инновационной системы и поддержке деятельности составляющих её основных

¹ Подробнее о мерах поддержки см.: Циренчиков В.С. Европа: тенденции инновационного развития. М., 2004. С. 22–86.

элементов дополняются инструментами концентрированного воздействия. Эти инструменты, призванные создавать необходимые благоприятные условия для обеспечения эффективного взаимодействия между всеми участниками инновационного процесса, формируют следующие три группы мероприятий, оказывающих, как показывает европейский опыт, наиболее действенное воздействие на формирование инновационной системы: мероприятия прямого действия, мероприятия косвенного действия, мероприятия, оказывающие иницилирующее воздействие.

К мероприятиям прямого действия относят целевое бюджетное субсидирование, предполагающие передачу средств из общественно-го сектора в частный, а также другие прямые меры воздействия, такие как оказание консультационных и посреднических услуг, формирование научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры. К этим мерам относят и прямую финансовую поддержку общественного сектора сферы образования и научных исследований, хотя такая поддержка и оказывает обычно не прямое, а косвенное воздействие на инновационную деятельность частного сектора.

Среди косвенных мер финансового поощрения преобладают различные виды налоговых скидок. Разнообразие применяемых при этом схем предоставления налоговых льгот и их преимущественного использования в той или иной стране или в группе стран определяется особенностями национального экономического развития, в частности, различиями в существующих системах налогообложения, а также корпоративного законодательства. Наибольшее распространение получили амортизационные схемы, специальные налоговые скидки на капиталовложения в сферу НИОКР, а также схемы, снижающие корпоративную задолженность по налоговым платежам.

Иницилирующее воздействие на инновационное развитие представлено, главным образом, разнообразными мерами по стимулированию рискованного финансирования. С этой целью активно используют инструменты налоговой политики, банковского законодательства, законодательства о защите прав на интеллектуальную собственность, государственной поддержке и правилах конкуренции.

Особое место среди мер поддержки инновационного развития в ЕС занимает его прогностическое обеспечение.

Основным видом прогнозирования, используемого для поддержки инновационного развития, в наши дни стали так называемые форсайт-исследования. Их относят к совокупности системных и целенаправленных процессов, предполагающих ориентированное на пер-

спективу обсуждение заинтересованными сторонами определённой проблематики с намерением выявления действий, которые следует предпринять сегодня для обеспечения «лучшего завтра». Результаты таких обсуждений, которые приняли сегодня в европейских странах широкий общественный характер, активно используется Еврокомиссией и национальными правительствами при принятии решений по вопросам инновационной политики.

Среди наиболее важных компонентов этого инструментария — эмпирические изыскания, критическая оценка теоретических представлений о природе нововведений и о перспективном анализе, совершенствование стратегического планирования для процессов принятия решений.

В отличие от традиционного прогнозирования, которое обычно, по мнению экспертов Евросоюза, предполагает видение одной картины будущего, современный форсайт исходит из посылки её множественности. Причём каждый из возможных вариантов фактически представляется в виде результатов действий, сформулированных и предпринимаемых нами сегодня.

Ныне этот вид прогнозирования совершенствуется в том, что касается формирования адекватных институциональных структур, а также разработки новых и модернизации используемых инструментов прогнозирования.

Организационно форсайт-исследования, осуществляемые в ЕС, можно рассматривать в трёх плоскостях — наднациональном, регионально-страновом и корпоративном, и говорить уже о европейской системе прогностического обеспечения инновационного развития, охватывающей практически все страны Западной, Центральной и Восточной Европы. Причём деятельность Евросоюза в этой области является системообразующей. Она формирует организационно-институциональную и координационную основу форсайт-прогнозирования в рамках всего европейского региона, для реализации практически всех форсайт-проектов регионального, национального и корпоративного уровней.

Организации, занимающиеся форсайт-прогнозированием, уже превратились в важный элемент формирующейся инфраструктуры европейской инновационной экономики. Центральное место среди них занимает Институт перспективных технологических исследований (IPTs) — один из восьми институтов Объединённого исследовательского центра ЕС и входящие в него две информационно-аналитические сети. Одна из них — ERAWATCH (наблюдение за развитием Европейского научно-исследовательского пространства) — представляет

собой сервисный портал, предназначенный для сбора информации по вопросам национальных научно-исследовательских политик, программ и организационных структур, обеспечивающих формирование Европейского научно-исследовательского пространства¹. Эта информация поставляется национальными подсетями сети ERAWATCH, в рамках которых происходит сбор и анализ данных, имеющих отношение к инновационной политике в каждой из стран ЕС и за его пределами. Формирование сети ERAWATCH — результат общей инициативы Совместного научно-исследовательского центра и Генерального департамента научных исследований Европейской комиссии. В настоящее время в сети задействованы 43 государства: 27 стран — членов ЕС и 16 его основных торговых партнёров².

Другая — ETEPS (European Techno Economic Policy Support Network) — сеть поддержки Европейской политики в области технологического и экономического развития представляет собой объединённые в сетевую структуру европейские организации, обеспечивающие IPTS-институт высококачественной информацией по широкому кругу вопросов, касающихся его деятельности. Эта сеть, заменив прежнюю аналогичную сеть ESTO, явилась её более совершенным преемником. В 2005 г. IPTS-институт инициировал консорционное соглашение с 19 странами Евросоюза и 17 его ассоциированными членами с целью налаживания сотрудничества между ведущими национальными институтами в области технологического и экономического прогнозирования.

Это позволило осуществлять экспертизу теперь уже во всех 27 странах — членах Евросоюза в таких важных областях, как сельское хозяйство, защита потребителей, энергетика, охрана окружающей среды, предпринимательство, здравоохранение, информационное общество, научные исследования, транспорт и инновационное развитие в целом.

Общая характеристика инновационной системы

Анализ показателей развития инновационных систем стран — членов ЕС, взятых в отдельности, а также их суммарных значений с использованием 29 индикаторов Европейской шкалы инноваций, позволяет

¹ <http://ipts.jrc.ec.europa.eu/ata glance/networks.cfm>.

² <http://cordis.europa.eu/erawatch/>.

сделать следующие выводы о состоянии инновационной сферы региона на 2008 г.¹.

Все страны Евросоюза можно условно разделить на 4 группы в зависимости от результатов их инновационной деятельности.

В первую группу лидеров инновационного развития сегодня входят Швеция, Финляндия, Германия, Дания и Великобритания, из которых ФРГ отличается наибольшей динамикой, а Дания стагнирующим развитием.

Вторую группу представляют Австрия, Ирландия, Люксембург, Бельгия, Франция и Нидерланды, у которых показатели инновационного развития ниже, чем у стран-лидеров, но выше средних значений по ЕС. Среди этих стран быстрее других совершенствуется инновационную сферу Ирландия, за которой следует Австрия.

Кипр, Эстонию, Словению, Чешскую Республику, Испанию, Португалию, Грецию и Италию относят к третьей группе — стран с умеренными инновационными преобразованиями, ниже среднего для ЕС уровня. Среди них наиболее благоприятна динамика Кипра. За ним следует Португалия.

Четвёртую группу образуют Мальта, Словакия, Польша, Литва, Румыния, Латвия и Болгария, показатели инновационной деятельности которых значительно ниже средних значений для ЕС. Однако все они, за исключением Литвы, улучшают свои позиции. Причём наиболее быстро это происходит у Болгарии и Румынии.

Данные рисунка 12.1 показывают, что страны — лидеры инновационного развития и их последователи обладают наиболее сбалансированными агрегированными показателями состояния инновационной сферы. Различия между ними в этих группах стран наименьшие. Это отражает то обстоятельство, что условием успешного инновационного развития является сравнительно хорошее развитие всех основных элементов инновационной системы. Ущербность одного или нескольких из них не позволяет достичь высоких показателей функционирования всей сферы инноваций, свидетельствуя о необходимости комплексного и системного подхода к формированию инновационных систем и их управлению.

¹ Европейская шкала инноваций «European Innovation Scoreboard» — главный статистический инструмент для сравнительной оценки инновационной деятельности в странах ЕС. Он построен по принципу «затраты — выпуск» на базе 29 показателей, агрегированных в 7 функциональных блоках, отражающих различные её виды. На их основе рассчитывается суммарный инновационный индекс «Summary Innovation Index» (SII), дающий общую суммарную оценку инновационной активности.

Рис. 12.1. Группирование стран — членов ЕС по важнейшим показателям развития инновационной сферы

Источник: European innovation scoreboard 2008. Comparative analysis of innovation performance // PRO INNO Europe, paper No 10 / European Communities. 2009. P. 11.

Приведённые 7 агрегированных показателей развития инновационной системы Евросоюза представляют следующие три основных измерителя инновационной деятельности.

Ресурсная база, охватывающая главные движители нововведений, которые являются внешними по отношению к фирме:

- человеческие ресурсы — наличие высококвалифицированных и образованных кадров;
- финансирование и поддержка — наличие финансирования и государственной поддержки инновационной деятельности.

Активность фирм, характеризующая их новаторскую деятельность, основанную на осознании ими фундаментальной важности корпоративной деятельности в инновационном процессе:

- различные виды корпоративных инвестиций, направляемых на инновационную деятельность;
- взаимодействие и предпринимательство — усилия предпринимателей по активизации инновационной деятельности, межфирменного и государственно-частного партнёрства в этой сфере;

- отдача — приобретённые права на интеллектуальную собственность в ходе инновационной деятельности, баланс торговли технологиями.

Результаты деятельности компаний:

- инноваторы — количество фирм, выпустивших технологические или прочие нововведения на рынок либо для использования внутри собственных организаций;
- экономическая эффективность — влияние инновационной деятельности на занятость, экспортную выручку и продажи.

Оценки приведённых показателей позволяют проследить динамику изменений в инновационной сфере. Как это видно из рисунка 12.2, общий прирост инновационной деятельности (т.е. суммарного для всех стран Евросоюза инновационного индекса — SII), оценённого экспертами ЕС за период 2004–2008 гг. в 2,3%, сопровождался существенными различиями в динамике рассмотренных выше показателей инновационной системы.

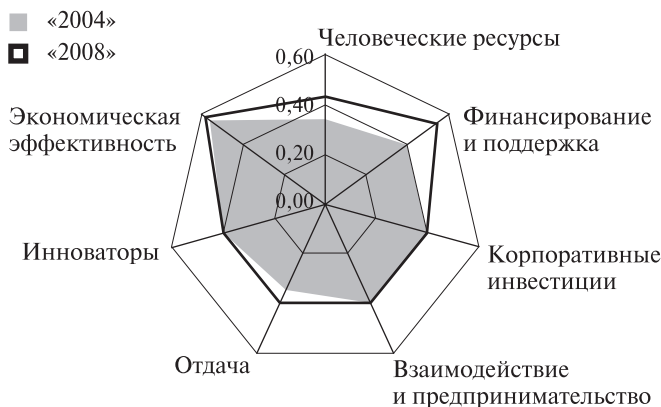

Рис. 12.2. Динамика показателей развития инновационной сферы ЕС

Источник: European innovation scoreboard 2008. Comparative analysis of innovation performance // PRO INNO Europe, paper No 10 / European Communities. 2009. P. 16.

Наибольший вклад в её совершенствование внесли меры по финансированию и поддержке инноваторов (прирост 7,1%), а также по активизации передачи знаний и технологии (4,0%) и обеспеченности человеческим капиталом (4,0%). Увеличение показателя, характеризующего

экономическую эффективность, оказалось незначительным (1,1%), а активность корпоративного инновационного инвестирования (–0,9%) и инноваторов по продвижению своей продукции (–1,3%) несколько снизилась. Не претерпела изменений активность предпринимателей в деле сотрудничества в инновационной сфере.

Выявление степени влияния отдельных разноразмерных факторов на суммарный инновационный индекс на основе регрессионного анализа позволило экспертам ЕС прийти к важным выводам о причинах страновых различий в результативности инновационной деятельности. Расчёты показали, что наибольшее и примерно одинаковое влияние на неё оказывают наличие социального капитала, степень восприимчивости компаний к абсорбции новых технологий, а также плотность взаимодействия университетов и промышленности в области научных исследований. Причём особое внимание в этой связи обращают именно на состояние социальной сферы, отмечая, что поддержание доверия между членами общества (социальный капитал), недопущение чрезмерного разрыва в доходах и подавление коррупции стоят в ряду необходимых условий успешной инновационной деятельности.

Отмеченные тенденции позволили несколько сократить отставание Евросоюза от США и Японии в инновационной сфере, хотя оно и остаётся ещё весьма значительным (см. рис 12.3).

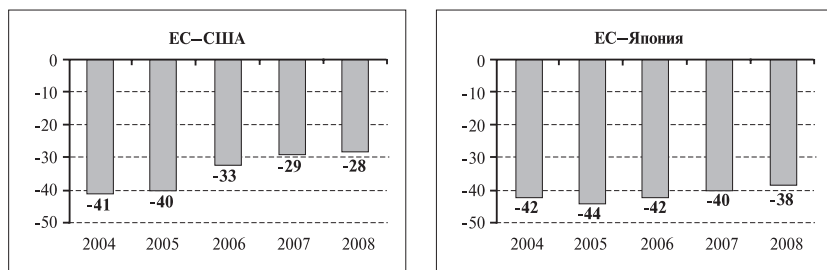

Рис.12.3. Отставание Европейского союза от США и Японии по уровню развития инновационной сферы в расчёте по суммарному инновационному индексу

Источник: European innovation scoreboard 2008. Comparative analysis of innovation performance // PRO INNO Europe, paper No 10 / European Communities. 2009. P. 19.

Из рисунка 12.3 видно, что при расчёте по агрегированному индикатору — суммарному инновационному индексу (SII) наиболее зна-

чительно за последнее пятилетие сократилось отставание Евросоюза от США и в меньшей степени от Японии.

Главными факторами сравнительного улучшения позиций ЕС по сравнению с США признаются относительно более высокие темпы прироста практически всех используемых в расчётах частных показателей инновационной активности в европейских странах, за исключением затрат на НИОКР, осуществляемых частным сектором, и получаемых прав на интеллектуальную собственность. Это относится, прежде всего, к таким показателям, как численность выпускаемых учёных и инженеров, баланс торговли технологиями, занятость на предприятиях по выпуску продукции средней и высшей технической сложности. Отмеченное отставание рассматривается для ЕС как обобщенный показатель для всех стран-членов. Если же взять группу государств — европейских лидеров инновационного развития, то результаты их инновационной деятельности, по оценкам экспертов, оказываются даже более высокими, чем в США.

Уменьшение «инновационного разрыва» между ЕС и Японией происходит заметно медленнее, чем в случае с США. По всем принятым в расчётах показателям инновационной активности она лидирует, опережая страны Евросоюза. Однако странам этой интеграционной группировки удаётся сокращать имеющееся отставание по многим важным показателям, например, таким как объём экспорта наукоёмкой продукции, государственные затраты на НИОКР, численность научных кадров.

Уроки для России

Анализ изложенных выше и других значимых фактов европейского опыта, а также результаты последних многочисленных исследований состояния и перспектив развития отечественной экономики позволяют определить причины, препятствующие должной реакции России на вызовы инновационного развития.

Наиболее важная из них — неспособность государства обеспечить принципиально важные рамочные организационно-экономические и правовые условия для перевода экономики на инновационную модель развития. Эту точку зрения разделяет подавляющее большинство политически не ангажированных представителей научного и делового сообщества¹.

¹ См., например: *Шмелёв Н.П.* До каких же пор? (Некоторые ключевые российские вопросы, ответа на которые всё ещё нет.) М., 2003; Инновационное развитие — основа

Современная новая, интерактивная экономика базируется на системных и комплексных подходах в организации её регулирования, требует особого внимания к накоплению человеческого и социального капитала, недопущения разящего неравенства в доходах населения и максимально возможного снижения уровня коррупции. Принципиально важным считается также проведение общественных обсуждений, предлагаемых для модернизации общественной жизни решений. Однако, к сожалению, именно в этих областях нам не удаётся добиться каких-либо существенных прорывов.

Особую озабоченность вызывает неснижающаяся системная коррупция, которой поражены и отечественные ведомства, ответственные за формулирование и проведение инновационной политики¹.

К тому же в официальных документах, посвящённых вопросам инновационного развития, правительство и федеральные ведомства исходят из ложных концептуальных положений, рассматривая инновационную политику как дополнение к уже существующей научно-технической и промышленной практике, а не как интегрирующую составляющую экономической политики в целом². По сути, нам не удалось пока сформулировать насущно необходимую национальную инновационную политику и сопроводить её соответствующим законодательным обеспечением.

Обществу постоянно навязывают политические решения, не прошедшие обстоятельной экспертной оценки и «общественной экспертизы». Достаточно вспомнить в этой связи разработанные Минобрнауки проекты реформирования, ориентированные, в первую очередь, на то, чтобы прибрать к рукам управление государственным имуществом в сфере НИОКР и приватизировать научные учреждения.

Вопреки западноевропейской практике, ищущей выход из сегодняшнего системного мирового кризиса на путях создания благоприятных условий для инновационного обновления экономики, центральное место среди антикризисных мер российского правительства заняла, как

ускоренного роста экономики Российской Федерации: Основные положения доклада Ассоциации Менеджеров, АФК «Система» и концерна «Sitronics» // Общество и экономика. 2006. № 4. С. 22; *Кричевский Н.* Экономика без знаний // <http://mk.ru/economics/312485.html>.

¹ См., например, серию критических статей в газете «Троицкий вариант» (в частности: 2008. № 19 и 2009. № 11), о якобы «конкурсном» направлении крупной части бюджетных средств, выделенных на проведение прогностических исследований в ОАО «МАЦ», совет директоров которого состоит из высших чиновников отечественных ведомств, ответственных за проведение инновационной политики.

² Основные направления политики развития инновационной системы Российской Федерации до 2010 г. М., 2005.

это стало очевидно сегодня, весьма неоправданная поддержка отечественного банковского и прочего олигархического бизнеса, который в очередной раз показал свою полную несостоятельность. И это происходит на фоне неуклонного реального снижения образовательного и научного потенциала России, несмотря на упорно насаждаемое мнение о его росте.

Развитию негативных тенденций содействует и делящаяся вот уже около 20 лет непрерывная реорганизация правительственных ведомств, отвечающих за развитие науки, техники, промышленности, образования, что ведёт к снижению эффективности их деятельности и порождает устойчивую безответственность за принятие и исполнение решений. И это в условиях, когда в России утвердилась адаптивная модель переходной экономики, для которой характерна устойчивая тенденция к формированию неэффективных (неформальных) институтов. Итогом такого развития становится вхождение в так называемую институциональную ловушку, когда экономическая система обычно «выбирает неэффективную траекторию, и со временем переход к эффективному развитию может оказаться весьма трудным, если вообще возможным»¹.

В этой связи представляются вполне оправданными постоянно повторяющиеся тревожные экспертные суждения как отдельных чиновников высокого ранга, так и представителей науки. Суть их в том, что фактор времени приобрёл критический характер и что, если в кратчайшие сроки не будут предприняты кардинальные меры по модернизации отечественной экономики, то итогом реализуемой ныне инерционно-рыночной стратегии станет усиление деградации структуры экономики, научно-технического и инновационного потенциала.

Сложившееся положение усугубляет недостаточное проявление должной политической воли, направленной на формулирование, принятие и реализацию кардинальных решений по вопросам инновационного развития.

Незавершённость реформ, которые эксперты Всемирного банка определяют как «перемены без перехода к рыночным отношениям»², сопровождается устойчивый разрыв между формальными и неформальными институтами. В стране за редкими исключениями отсутствуют главные конституирующие элементы современного рыночного хозяйства — эффективный собственник и адекватная оценка главного ры-

¹ См.: *Польтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. С. 3–20.

² От знаний к благосостоянию: преобразование российской науки и технология создания современной экономики, основанной на знаниях. Доклад. Всемирный банк. 1 апреля 2002. С. 14.

ночного товара — рабочей силы. Неэффективный собственник не способен создать ни инновационное предложение, ни инновационный спрос, а разящая «недоплата» «человеческого капитала» ведёт к его деградации. Поэтому зачастую активная государственная поддержка российского бизнеса не приводит к заметному повышению инновационной активности. Соответственно возникает вопрос, с одной стороны, о целесообразности такой политики, а с другой — о правомерности владения неэффективными собственниками объектами научно-производственной сферы. К тому же отторжению нововведений способствует высокая степень монополизации и криминализации экономики.

Вопреки мировой практике у нас продолжает сохраняться радикально-либеральный экономический курс, ориентированный на «уход» государства из экономики, на пренебрежительное отношение к человеческому капиталу, на, мягко говоря, прохладное отношение к науке, образованию и инновационной сфере в целом. Усилия правительства предпринимавшиеся в последнее время и направленные на то, чтобы, переломить эти негативные тенденции, представляются запоздавшими, бессистемными, недостаточно обеспеченными финансово и, следовательно, малоэффективными. Они, что принципиально недопустимо, осуществляются с оглядкой на устаревшие догмы рыночного фундаментализма в обстановке продолжающегося «разрушения без созидания» многих действующих формальных институтов.

Попытки перехода на инновационную парадигму развития без кардинального изменения экономического курса представляются бесперспективными. Об этом убедительно свидетельствует и западная практика, о которой шла речь выше.

Перевод отечественной экономики на инновационную платформу, скорее всего, будет крайне затруднён или вообще невозможен и без одновременного исправления грубых ошибок, допущенных в ходе приватизации, и без принятия кардинальных мер по искоренению системной коррупции.

Речь в данном случае, разумеется, идёт не об огульной деприватизации и не о карательных полицейских мерах. Европейский опыт показывает, что достижение поставленных целей вполне возможно при использовании конституционных норм, обеспечивающих переход собственности к эффективному собственнику в результате применения адекватного законодательства и обеспечения жёсткого режима правоприменения в целом. Без выполнения названных условий нельзя будет добиться ни соответствующей мобилизации и консолидации интеллектуальных сил, ни объединения усилий органов власти, бизнеса, гражданского общества и всех жителей страны, которые, по обще-

признанному мнению, являются необходимой предпосылкой инновационного прорыва.

В этом случае «телега» мер по инновационному преобразованию отечественной экономики постоянно будет оказываться впереди «лошади», призванной обеспечить формирование экономической среды, необходимой для их успешной реализации на базе концептуальных положений, отвечающих требованиям времени — со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Анализ европейского опыта наглядно показывает, как выстраиваются фундамент инновационных преобразований и основанная на них конструкция инновационной экономики, какие для этого используются институционально-организационные формы, инструменты и механизмы¹. Этот опыт при известном критическом осмыслении мог бы с успехом быть использован в российских условиях. Речь, по сути, идёт об адаптации к нашим реалиям и об освоении уже выработанного и опробованного зарубежной практикой комплекса мер по формированию инновационной системы.

Особо важным представляется осуществление следующих первоочередных инициатив.

Переходу России на инновационный тип развития следует придать статус общенациональной идеи, как это было сделано, например, в послевоенной ФРГ и как это осуществляется сейчас в ЕС в ходе формирования инновационной экономики. Поскольку решение данной проблемы — единственный способ предотвратить превращение страны в «интеллектуальное и технологическое захолустье», может оказаться оправданным ужесточение регулирования соответствующих процессов — вплоть до установления «инновационного диктата» государства по отношению к любым препятствующим им действиям.

Необходимо законодательно пресечь пропаганду идеологии наживы, корыстолюбия, обмана, иждивенчества, насилия, а также прославление «великих свершений» и похощений отечественных нуворишей и спекулянтов. Эта пропаганда делает практически невозможным формирование в стране гражданского общества, наличие которого необходимо для создания современной экономики. Средства массовой информации должны, напротив, отстаивать истинные ценности и прин-

¹ Среди недавних работ, посвящённых разработке данной проблематике, можно упомянуть: Национальные инновационные системы в России и ЕС. Инновационное развитие и коммерциализация технологий в России и странах ЕС: опыт, проблемы, перспективы / Центр исследования проблем развития науки РАН. М., 2006. С. 278; Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России. Состояние и пути развития. М., 2006. С. 395; Циренищев В.С. Указ. соч. С. 149.

ципы функционирования современной экономики, сообщать гражданам об опыте успешного освоения её социально ориентированных рыночных моделей, содействующих объединению общества и мобилизации его усилий для инновационного рывка.

Продолжающееся насильственное насаждение в России модели «базарного», «бандитского», а теперь уже и «мародёрского» капитализма давно себя уже исчерпало. Необходимо активное и широкое использование в хозяйственном строительстве идеологии и принципов социального рыночного хозяйства с элементами «инновационного порядка», адаптированными к российским условиям. Нельзя допускать того, чтобы старые стратегии оборачивались для России новыми проблемами. Игнорирование на деле науки, технологии, человеческого и социального капитала как уникальных факторов современного развития, как основы «экономики знаний» недопустимо.

Следует существенно усилить роль государства в проведении хозяйственной политики при соблюдении принципа subsidiarности, адекватно отражающего российские реалии. Прежде всего это необходимо осуществить в сфере управления (функционирования демократических институтов) и правоприменения, на плацдармах борьбы с коррупцией, с хозяйственными преступлениями, в области современной кредитно-финансовой, промышленной и научно-технической деятельности. Надо ясно отдавать себе отчёт в том, что при отсутствии в России конституирующих основ развитого рыночного хозяйства ключевая роль в создании такой системы должна принадлежать государству.

В кратчайшие сроки необходимо приступить на системной основе к разработке концепции, политики и способов финансового обеспечения инновационного развития с участием всех заинтересованных сторон — государства, бизнеса, представителей науки и нарождающегося гражданского общества. Следует определить приоритеты целей и задач инновационной политики, установить жёсткую, в том числе персональную, ответственность органов государственной власти за их выполнение. Исходной базой для этого должны стать результаты прогностических исследований, выполненных с учётом критического использования передового западного и отечественного опыта. Неотъемлемой составной частью этого процесса является широкое общественное обсуждение.

Особое внимание нужно уделить комплексному финансированию мероприятий по реализации политики формирования национальной инновационной системы. Необходимо осуществить уже в ближайшие годы резкое повышение уровня затрат на НИОКР. В свете требований новой экономики размеры этого показателя оцениваются в 2–3% ВВП.

Попытки решить проблемы инновации «методами кавалерийской атаки», затратив на неё крайне ограниченные средства, в конечном итоге обречены на провал.

В ходе выработки стратегии инновационного развития целесообразно ориентироваться на совмещение стадий инвестиционного и инновационного развития. Это позволит быстрее преодолеть «инвестиционную дистанцию», пройденную развитыми странами.

Необходимо комплексное государственное регулирование инновационной сферы с использованием системного подхода, что обеспечит рациональное формирование как ядра, так и оболочки национальной инновационной системы. Представляется целесообразным широко использовать с этой целью адаптированный к российским условиям комплекс мер прямой и косвенной поддержки новаторских компаний, а также создание хозяйственной инфраструктуры, позитивно зарекомендовавшей себя в европейской практике (налоговые льготы, рынок рискованного капитала, государственно-частные партнёрства, центры по передаче технологий, технологические платформы и т.п.).

Особое внимание следует уделить региональной составляющей инновационной системы, для чего необходима активизация имеющихся на местах и не используемых в полном объёме научно-технологических ресурсов. Это не только экономическая, но и социально-политическая задача, требующая для своего решения усилий не только федерального правительства, но и региональных и местных органов власти.

Надо, наконец, начать осуществление действенных мер по предотвращению или хотя бы по существенному ограничению продолжающегося перетока на Запад интеллектуальной составляющей российского национального богатства. Мы допускаем, не без «внешней помощи», беспрецедентную безвозмездную эмиграцию учёных, инженеров и даже целых научных школ, обескровливая тем самым национальную сокровищницу человеческого капитала.

В дополнение ко всему сегодня стала реальной угрозой утраты значительной доли прав на интеллектуальную собственность в сфере нововведений и её стремительного обесценения. Ранее она принадлежала государству, а теперь, во многом имея неопределённую принадлежность, нередко «де-факто» передаётся частным компаниям, которые часто не способны выполнять функции её рачительных владельцев.

Государству необходимо организовать действенный контроль над инвентаризацией, коммерциализацией и передачей интеллектуальной собственности. Эти функции начали активно «брать на себя» западные фонды и финансовые структуры, используя с этой целью,

в частности, методы рискованного финансирования и участия в совместных программах.

Осуществление государственного протекционизма в отношении отечественных научно-технологических разработок является ныне не менее актуальной задачей, чем создание климата, препятствующего крупномасштабной «утечке умов».

Требуется существенно усилить организационную и финансовую поддержку государством инновационного сотрудничества с европейскими странами и Евросоюзом в целом. Главный акцент при этом следует делать на комплексности этого процесса и на тех его направлениях, которые в наибольшей мере отвечают задачам строительства национальной инновационной системы и её включения в европейское и мировое инновационное пространство. Необходимо добиваться системного, скоординированного широкого участия в международных проектах и программах, отражающих различные стадии инновационного цикла, прежде всего, в рамках Европейского научного фонда, КОСТ, Эврики, и рамочных программ научных исследований ЕС, особенно в тех из них, которые ориентированы на развитие регионального сотрудничества и формирование инновационной инфраструктуры в масштабах европейского региона.

Принципиально важно наладить на системной основе сотрудничество в области прогностического обеспечения с соответствующими европейскими организационными структурами. Это позволило бы расширить наши возможности по выработке информации, необходимой для принятия стратегических и тактических решений в сфере инновационного развития.

Меры, осуществляемые по данным направлениям, явно недостаточны и должны быть расширены и усилены, в том числе — с использованием научного и методического потенциала соответствующих институтов РАН.

Высокая вероятность дальнейшего проявления и развития негативных тенденций в инновационной и научно-технической сфере настоятельно требует от России активизации исследований инновационной проблематики и широкого обсуждения возможных путей кардинального реформирования отечественной экономики. Представляется крайне необходимым широкое вовлечение в подобные открытые дискуссии представителей органов законодательной и исполнительной власти. Сегодня во всё большей мере становится очевидным, что мы нуждаемся не в навязываемой нам «караоке капитализма» прошлого и позапрошлого веков, а в инновационной экономике, ориентированной в будущее с учётом российской специфики и мирового опыта.

Глава 13. Европейская модель социального развития

Приступая более полувека назад к строительству интегрированного Сообщества, государства Западной Европы взяли на себя обязательство кроме обеспечения безопасности (что было главным мотивом после Второй мировой войны) и благосостояния своих граждан также достижение равновесия между экономическим ростом и социальной справедливостью.

Форма социально-политической организации Западной Европы, предложенная Ж. Моне и Р. Шуманом, не только сделала возможным примирение победителей и побеждённых, но и позволила им вместе пойти по пути восстановления экономики и создания основ благосостояния своих стран.

Постепенно от решения насущных социальных проблем и признания значимости социальной интеграции, Сообщество перешло к выработке общеевропейской политики в социальной сфере и к построению единого социального пространства.

Становление социальной политики

Социальная история Европы развивалась неоднозначно и непросто, через взлёты и падения, тяготение к сплочению и разобщённости. Роль социальной политики выступала как очевидная и особо значимая на переломных этапах интеграционного процесса, когда необходимым условием экономического и политического сплочения становилась социальная стабилизация.

Три «славных десятилетия» в жизни европейцев (1950—1980) привели к серьёзным экономическим успехам. Вместе с тем в ведущих странах сложились эффективные и надёжные национальные системы социальной защиты.

Немаловажную роль сыграла в этом международная обстановка, при которой каждая из сложившихся на континенте социально-политических систем стремилась доказать свою жизнеспособность и социальную привлекательность. Модель развития общества, предложенная Западом, должна была продемонстрировать преимущество капитализма над социализмом. Пошедшие на уступки правящие круги старались представить высокий уровень жизни как неотъемлемую ха-

рактеристику «цивилизованного капитализма». Стандарты быта и потребления стали своего рода его витриной. Это был продуманный стратегический выбор. Последовательность такого курса привела к положительному результату и позволила говорить о Европейской социальной модели (ЕСМ).

Традиции западноевропейских государств сделали возможной разработку такой модели на основе консенсуса. Строилась она на базе капитализма, определяемого, в отличие от американского и японского, как «солидарный» или «социальный». В основу модели был положен принцип совмещения экономической эффективности и социальной солидарности. При этом ЕСМ с самого начала не рассматривалась как застывшая схема, но постоянно совершенствовалась и дополнялась, отражая изменения, происходящие в обществе.

Решение о разработке основ общей социальной политики было принято в кризисные 70-е годы прошлого века. И это было не случайно. Она должна была стать инструментом, стимулирующим такие функции Сообщества, как регулирование, управление и поддержка процессов, которые способствовали бы эффективному раскрытию и использованию общего экономического потенциала. Как показал последовавший ход событий, целеустремлённое проведение этого курса дало положительные результаты, подтвердив адекватность принципов, лежащих в основе ЕСМ.

Потребность в таких принципах ощущалась ещё в первые послевоенные годы, когда во многих западноевропейских странах возникло массовое движение за восстановление экономики и установление справедливого социального порядка. Путь к этой цели оказался длительным и тернистым. Первоначально в правящих кругах практически всех западноевропейских стран недооценивалось значение социальной базы интеграции. Трудящееся население рассматривалось не как субъект, но как объект интеграционного процесса. Источником нестабильности служили также различия в уровнях социальной защиты и социального обеспечения в различных государствах. Некоторые из них не желали поступаться даже малой долей суверенитета и социальных показателей, игнорируя потребность в социальной интеграции на общеевропейском уровне.

Вопрос о формировании общеевропейской социальной политики, которая должна была стать самостоятельным направлением, встал со всей остротой на повестку дня в 80-е годы прошлого века. Реализация принятых тогда решений спустя непродолжительное время ощутимо сказалась на условиях жизни массовых категорий населения. Высокие стандарты социальной защиты обеспечивали приемлемый уровень

быта и потребления. Важную роль в этой реализации сыграла борьба левых политических партий и профсоюзов. Однако она не дала бы столь значительных результатов, если бы не понимание влиятельной частью правящей элиты объективной необходимости социальной политики, стремление продемонстрировать привлекательность системы западноевропейского «цивилизованного капитализма».

Таким образом, изначально одной из первостепенных задач складывающейся Европейской социальной модели было стремление убедить население в превосходстве капитализма над социализмом. И это в значительной степени удалось.

Определяющие черты модели, как и основные направления основанной на ней социальной политики, были сформулированы в ряде документов. В частности, в Хартии основных социальных прав трудящихся Сообщества 1989 г., дополненной в 2000 г. Хартией основных прав Европейского союза, в текстах договоров о Евросоюзе, в проекте его Конституции, подписанном в 2004 г. в Риме, но встретившем трудности при ратификации отдельными государствами-членами, наконец, в одобренном на саммите 2007 г. Лиссабонском договоре о реформировании ЕС — своего рода «облегченном варианте» Конституции. На протяжении последних десятилетий был принят и введён в действие набор директив, регламентов и решений руководящих институтов Союза, касающихся социальной политики.

На основе этих документов шла работа над построением единого социального пространства — той территориальной общности, на которой — в соответствии с нормами и законодательством Европейского союза — и реализуется его социальная политика.

Сегодня регион Европейского союза является одним из самых продвинутых в плане социальной защиты населения. В государствах — членах ЕС сложился многочисленный средний класс, к которому ныне причисляют себя не менее двух третей граждан.

На решение социальных вопросов тратятся значительные финансовые средства. Согласно подсчётам Евростата, на социальную защиту населения в Евросоюзе расходуется до 30% внутреннего валового продукта. Отдельные страны Сообщества тратят на эти цели ещё больше. Так, соответствующие затраты Швеции составляют около 59%¹.

Западные европейцы в своём большинстве гордятся тем, что они именуют «социальным стержнем Европы», хотя немалое число экспертов (главным образом, американских) считают его тормозом, ме-

¹ Social Europe. A Continent' Answer to Market Fundamentalism, European Research Forum at London Metropolitan University. 2006, P. 3.

шающим развитию конкурентоспособной экономики, и даже клеймят его как «социальную болезнь»¹.

Вопреки этой критике Европа продолжает следовать своим путём. Можно даже сказать, что она выступает в роли своеобразного полигона, на котором испытываются разные варианты социально ориентированной рыночной экономики и реализуются различные типы национальных моделей развития. Накопленный ею опыт используется ныне далеко за пределами континента².

Типы социальных систем, существующие в странах Евросоюза, отличаются друг от друга по организационной структуре и формам деятельности. У каждой из них есть свои особенности, обусловленные политической ситуацией, национальными традициями, менталитетом населения, уровнем развития экономики и социальной сферы. Однако всё это не противоречит их принадлежности к Европейской социальной модели. И, не упуская из виду национальные интересы, многочисленные социальные государства вносят свой вклад в её совершенствование.

В частности, повсеместно рассматривается новый подход к участию населения в социально-экономическом развитии. Акцент с благотворительности и социальной поддержки, оказываемой наиболее ущемлённым группам населения, переносится на предоставление каждому члену общества возможности как участвовать в создании общественного богатства, так и пользоваться его плодами.

Выработка новой стратегии в области социальной политики — убедительный показатель стремления найти адекватный ответ на вызовы XXI в. В обобщённом виде этот ответ видится в том, что ключевым вопросом постиндустриальных обществ признаётся социальная ответственность участников экономической деятельности как держателей капитала, так и непосредственных производителей материальных благ. А ответственность за обеспечение социальной безопасности и стабильности возлагается в равной степени на государство, бизнес, гражданское общество и на отдельных граждан. При этом осознание социальной ответственности всеми субъектами политики надлежит рассматривать как важнейший фактор общественного развития в XXI в.

¹ См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998; *Беккер Г.* Социальная защита — социальная болезнь. М., 1996.

² См.: *Калашников В.* Становление социального государства в России. М., 2003; *Храмцов А.* Социальное государство: Россия и зарубежный опыт. М., 2005; *Социальное государство: концепция и сущность* / Отв. ред. М.В. Каргалова // Доклады Института Европы РАН. № 138. М., 2005.

Естественно, что европейская интеграция, как любой процесс в глобализующемся мире, подвержена влиянию множества факторов — как внутренних, так и внешних. Соответственно, её эволюция приводит порой к непредсказуемым результатам, порождая социальное недовольство и конфликты.

Будучи убеждённым в привлекательности и непогрешимости своей социальной модели, Европейский союз не раз демонстрировал намерение «осчастливить» ею остальные страны континента. Определённые объективные основания для этого были. Ведь Европейская социальная модель, как и социальная политика Евросоюза, соответствуют курсу, проводимому такими международными организациями, как ООН, Совет Европы, ОБСЕ, МОТ, ВТО. Однако, констатируя это, нельзя упускать из виду разные экономические возможности, государственные особенности и национальные традиции отдельных стран.

Глобализация, как известно, не только создаёт дополнительные стимулы развития, но и влечёт за собой серьёзные негативные последствия. Ещё в 1995 г. на Всемирной встрече на высшем уровне, состоявшейся в Копенгагене и посвящённой социальным аспектам глобализации, были рассмотрены проблемы, обусловленные воздействием глобализации на социальные измерения¹. Участвовавшие в ней представители 186 стран признали необходимость включения социальных стратегий в экономическое планирование, указали на важность социального развития и выразили намерение поставить заботу о человеке в центр усилий по обеспечению устойчивого развития. В принятой на встрече декларации была подчеркнута значимость социального анализа и сформулированы десять обязательств, предусматривавших содействие социальному развитию и социальной справедливости, соблюдение международных стандартов труда, мобилизацию ресурсов развития на базе социальной ответственности всех составляющих сил общества.

На специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам социального развития (Женева, 2000) подчёркивалось: «Проблема, которую, несомненно, придётся решать современному поколению, заключается в обеспечении гарантий того, чтобы человеческие и социальные ценности руководили ходом экономической глобализации»².

Однако пока ещё нет оснований говорить о единой, чётко сформулированной концепции социальной политики в условиях глобализа-

¹ The Copenhagen Declaration and Program of Actions. World Summit for Social Development. 6-10 March. N.-Y., UN, 1995.

² United Nations General Assembly Special Session on the Outcome of. The World Summit for Social Development and Further Initiatives. Geneva, Switzerland. 25-30 June 2000.

ции. Налицо разброс мнений относительно её основных параметров и содержания у государств с разным уровнем социально-экономического развития.

По истечении десяти лет после принятия Копенгагенской декларации в документе, озаглавленном «Расширить преимущества социального измерения глобализации», группа экспертов Евросоюза, формулируя его позицию, отмечала: «Преимущества глобализации распределяются ещё неравномерно как между странами, так и внутри их. Результаты экономической интеграции на мировом уровне несбалансированны и зачастую неблагоприятны для основных её акторов, идёт ли речь о регионах, отраслях промышленности или трудящихся. Чтобы быть процессом стабильным, глобализация должна обеспечить равномерное социальное развитие для всех. Европейский союз уже длительное время старается как внутри себя, так и на международном уровне, добиться того, чтобы экономические успехи глобализации сопровождались социальным прогрессом».

Можно констатировать, что, несмотря на последовательную работу в области социальной интеграции по выработке общей социальной политики, на попытки найти ответы на вызовы XXI в., у Европейского союза пока ещё отсутствует чётко сформулированная концепция социальной политики, которая полностью отвечала бы потребностям сегодняшнего дня. Предстоит решить несколько ключевых вопросов, от которых во многом зависит социальное будущее Европы.

Социальное партнёрство и социальный диалог

Социальная политика напрямую связана с социальной структурой общества, поскольку в любом государстве все слои и группы в ходе развития и совершенствования общества, стремясь обеспечить свои интересы и благосостояние, вынуждены взаимодействовать друг с другом. Основой сотрудничества и испытанным инструментом социальной политики остаётся социальное партнёрство. Европейский союз имеет богатый опыт его использования в различных формах и на разных уровнях: на предприятиях, на отраслевом, национальном и международном.

В своё время политика социального партнёрства была инициирована предпринимателями, а профсоюзы, выступавшие их оппонентами, были вынуждены принять её как необходимость. Сегодня социальный диалог идёт в основном не на фоне острых социальных конфликтов в трудовых отношениях, как это было несколько десятилетий назад.

Его возможности и преимущества оценили все партнёры. Представители капитала и менеджмента сделали это быстрее, чем профсоюзы. Однако и последние, в конце концов, научились извлекать из него пользу. Постепенно сложились соответствующие шкала ценностей и баланс взаимных уступок. Об этом свидетельствуют содержание многих коллективных договоров и соглашений, появление социальных кодексов предприятий, закрепление достигнутых договорённостей в трудовом и социальном праве ЕС¹.

Несмотря на очевидные успехи европейской политики социально-го партнёрства, следует признать, что противостояние социальных партнёров не исчезло, хотя приняло иные формы и проявляется по-другому. Как предприниматели, так и профсоюзы в равной степени заинтересованы в применении взаимоприемлемых форм улаживания конфликтов и в снятии социальной напряжённости без ущерба для развития производства.

Исключительный интерес в данном контексте представляет корпоративная социальная политика. Ведь на этом поле сливаются интересы чётко обозначавшихся ранее социальных оппонентов.

В Европе, как, впрочем, и в остальном мире, социальные потрясения, даже бедствия, порождаются несоответствием многих современных ситуаций старым социальным порядкам. Процессы, определяющие развитие современного мира, в первую очередь, глобализация, привели к появлению инноваций во многих областях, в том числе и в социальной.

Коснулись они и социального партнёрства. Особое значение в развитии экономики приобрела деятельность предприятий крупного масштаба, перешагнувшая национальные границы. Пришлось корректировать социально-трудовые отношения на международном рынке труда. В этом плане транснациональные компании (ТНК) лучшее других в состоянии улавливать значение инноваций, в том числе и социальных, способны определить потенциал социального партнёрства. Это не удивительно: будучи вынуждены действовать в глобальном измерении, они в большей степени располагают глобальным видением проблем.

В Евросоюзе ТНК весьма активны в сфере социального партнёрства нового типа и используют его для улучшения работы своих предприятий. Не случайно они стремятся получить статус так называемых

¹ См.: Европейское право. Учебник для ВУЗов / Отв. ред. Л.М. Энтин. М: МГИМО МИД России, 2005; *Каргалова М.В., Егорова Е.Н.* Социальное измерение европейской интеграции. М.: Европейский учебный институт МГИМО МИД России, 2010.

Европейских компаний и принимают на себя обязательства в области социального партнёрства, закреплённые в юридических документах. Другими словами, Евросоюз узаконивает продиктованные жизнью социальные инновации. Именно в ТНК, где администрация успешно сотрудничает с сильными профсоюзными объединениями, можно наблюдать появление новых форм и нового уровня социального партнёрства, в том числе связанных с функциями контроля.

Конечно, новый феномен приживается не везде и не сразу. Приходится преодолевать сопротивление бизнеса, далеко не всегда готового допускать организации трудящихся к получению информации о деятельности предприятий, к управлению и планированию. Нередко сдерживающую роль играют национальные традиции, приходящие в столкновение с общеевропейскими целями.

В соответствии с требованиями времени Евросоюз перешёл на стратегическое планирование как экономического развития, так и социальной сферы. Он позиционирует себя как «сетевое государство», вкладывая в это понятие идею управления и построения по сетевому принципу организаций, призванных решать глобальные проблемы с участием всех социальных партнёров. Современные технические и информационные возможности это позволяют, а развитие экономики, основанной на знаниях, предполагает наличие кадровых ресурсов, способных воплотить эту идею в жизнь.

В начальном звене создаются локальные сети, обеспечивающие связь профсоюзов с местными властями и совместную работу. Не имея собственных ресурсов, профсоюзы получают доступ к муниципальным средствам и приобретают право контроля над их расходованием на благо локального сообщества.

На другом полюсе находятся международные сети, которые складываются вне рамок традиционной системы национальных государств. Они основываются на взаимодействии ТНК, научных сообществ, НПО, многие из которых по своему характеру являются транснациональными. Большее развитие получают такие сети благодаря «всемирной паутине» — Интернету. Созданная на его основе неофициальная мировая система весьма способствует упорядоченному и всеохватывающему партнёрству.

Многие западные эксперты с удовлетворением констатируют в этой связи, что социальные партнёры приспособливают свои организации к условиям новой экономики¹.

¹ Bockstein H. European model of sectoral dialogue. EU Project «Labour, legislation and arbitration». 2005.

Действительно, в нынешних условиях необходимо подходить к социальному партнёрству не только как к способу защиты и обеспечения групповых интересов, но и как к возможности соединить усилия социальных партнёров, сконцентрировать их на задачах, жизненно необходимых обществу. При этом важно чётко определять участок работы каждого и долю его социальной ответственности — не только перед теми, кого он представляет, но и перед обществом в целом.

Социальные партнёры располагают разными политическими и финансовыми возможностями. И все стремятся закрепить своё положение и полученные результаты с помощью законодательства. Доступ к нему получить непросто. Для достижения этой цели нужна причастность к политической власти. Именно поэтому практически все активные общественные силы стремятся заручиться поддержкой общества и государственных структур, особенно органов исполнительной власти. Отсюда тенденция к усилению социально-политических и социально-психологических аспектов социальной политики — как государственной, так и корпоративной и, следовательно, потенциала её действенного инструмента — социального партнёрства.

Разумеется, новая модель социального партнёрства далека от картины «благостного слияния в объятиях». Социальные группы продолжают стремиться отстаивать свои интересы. Тем не менее многим участникам этого процесса всё более очевидна необходимость, не забывая о своих интересах, соединять усилия, концентрируя их на задачах, жизненно важных для преодоления трудностей, с которыми сталкивается общество. В этих условиях особенно ценится готовность партнёров к достижению компромиссов, их способность внести вклад в обеспечение стабильного социального климата.

Одной из чётко проявившихся тенденций стало возрастание роли государства в системе социального партнёрства. Это вполне объяснимо: оно обладает огромным административным ресурсом, большими бюджетными средствами, соответствующим законодательством, имеет в своём распоряжении разнообразные структуры исполнительной власти. Всё это государство может эффективно использовать для достижения социальных компромиссов, поддержки или, наоборот, сдерживания активности отдельных социальных партнёров.

Современное социальное государство

Что же представляет собой сегодня социальное государство? Ведь европейские государства, как правило, позиционируют себя именно в этом качестве. Со времён Д. Кейнса и Л. Эрхарда они стремятся работать на основе социального контракта, предполагающего взаимодействие между основными социальными партнёрами.

Социальный контракт — это исторически апробированный акт, демонстрирующий свой потенциал на трудных этапах общественного развития. В обстановке мирового финансово-экономического кризиса общество неизбежно сталкивается с его негативными социальными последствиями. Соответственно, вырисовывается роль государства как ведущего социального партнёра, призванного внести решающий вклад в преодоление не только самого кризиса, но и его болезненных социальных последствий. В этой связи меняются формы его деятельности, его взаимоотношения с социальными партнёрами. Возрастает необходимость укрепления функций управления и регулирования, контроля над рыночной стихией.

Широко распространено представление о социальном государстве главным образом как о благодетеле, оказывающем помощь социально ущемлённым группам общества. Соответственно, социальная политика рассматривается исключительно как защитная реакция общества на последствия негативных процессов в экономике и обществе в целом. Между тем этот подход чреват однобокостью при оценке социальных реалий.

Вызовы XXI в., усугублённые финансово-экономическим кризисом, меняя детерминанты социальных измерений, побуждают расширять сферу приложения социальной политики. Главная задача социального государства — обеспечить стабильность развития страны и социальную защиту граждан в новых условиях. При этом оно должно проводить свою политику с учётом интересов всех, без исключения, социальных слоёв и профессиональных групп, составляющих современное общество. Ему надлежит также отрегулировать социально-трудовые отношения таким образом, чтобы достичь понимания необходимости компромисса между социальными и профессиональными группами. Социальное государство должно продемонстрировать способность сбалансировать права и обязанности различных частей общества, его заботу должны ощущать не только бедные, но и более благополучные слои, что, разумеется, предельно сложно.

Социальное государство стоит как бы на трёх китах: социальная справедливость, социальная ответственность и социальное партнёрство. Внедрение этих идей и их реализация во многом зависят от степени социальной ответственности бизнеса, а также от наличия гражданского общества и уровня его организованности.

Глобализация, проявляющаяся, в частности, в усилении конкуренции, вынуждает предпринимателей любыми путями сокращать издержки производства, что они и делают, в первую очередь, за счёт экономии расходов на рабочую силу. Это влечёт за собой падение платёжеспособного спроса и расшатывание социальной стабильности. В этих условиях перед современным государством стоит сложная задача: обеспечить эффективное взаимодействие с частным предпринимательством, что необходимо для стимулирования экономики, не допуская при этом снижения планки социальной защиты наёмных работников.

В странах Евросоюза многие считают, что в кризисное время государство должно сокращать финансовые расходы, в том числе и в социальной области, перекладывая их отчасти на предпринимателей. В таких сравнительно небольших странах, как Швеция, Дания, с их особой моделью развития таким образом удалось достичь положительных результатов и облегчить бремя, лежащее на государстве. Значительно труднее осуществить подобные преобразования в странах с давними государственническими традициями и разветвлёнными системами социальной защиты (Франция, Германия). Социальные волнения в них вспыхивают регулярно, а позиции представителей бизнеса, несмотря на такие шаги со стороны государства, как упрощение бюрократических процедур и отчётности, предоставление ряда налоговых льгот, практически не меняются. Сохраняется их нежелание брать на себя какие-либо дополнительные нагрузки.

Европейский союз, строя свою деятельность в области социальной интеграции в новых условиях, придаёт особое значение развитию социального партнёрства и социальной ответственности бизнеса. При этом, что особенно важно, подчёркивается сохранение принципа субсидиарности и социального сплочения в обществе.

О социальной ответственности бизнеса

С призывом к социальной ответственности бизнеса выступили участники Лиссабонской встречи на высшем уровне (2000). Они указали на необходимость обмена опытом и практики согласования действий

с организациями трудящихся, их равноправного участия в развитии производства и социальной интеграции. В первую очередь они обращались к флагманам европейской экономики ТНК и крупным корпорациям, определяющим в значительной степени экономическое развитие ЕС, с призывами сознавать свою ответственность перед обществом. Важно, что их призыв был принят к сведению не только представителями крупного бизнеса. Ныне принцип социальной ответственности бизнеса внедряется на самых разных предприятиях, включая мелкие и средние. Однако именно крупный бизнес находится в центре данного процесса. Это связано с возросшей ролью транснациональных корпораций, получивших статус Европейских.

В 2001 г. вышли в свет специальная «Зелёная книга», а затем её продолжение «Белая книга» (2003), посвящённые проблеме социальной ответственности корпораций на территории Евросоюза¹. В Великобритании в 2001 г. было создано Министерство социальной ответственности в корпоративном секторе. В Дании Министерством по социальным вопросам разработан специальный индекс для оценки степени социальной ответственности компаний. Особые параграфы французских правовых документов посвящены регламентирующим требованиям к компаниям с учётом экологических и социальных последствий их деятельности.

В «Социальной повестке дня» (Agenda 2001–2006), принятой на саммите в Ницце в 2000 г., особо подчёркивалась роль корпоративной социальной ответственности². Та же линия была продолжена в «Социальной повестке дня 2006–2010 гг.», одобренной в Лиссабоне в 2005 г. Европейская комиссия одним из основных направлений своей работы рассматривает подготовку к внесению в Европарламент и в Европейский совет предложений по совершенствованию социальных стандартов и технических правил, а также по установлению критериев социальной ответственности интегрированного менеджмента в контексте глобализации.

Цель стратегии корпоративной социальной ответственности — достижение взаимодействия с теми, с кем приходится совместно работать: с наёмными работниками, потребителями, неправительственными организациями и т.д. Взаимодействуя с различными группами населения, компании как бы «инвестируют в будущее», просчитывая степень допустимых уступок и учитывая при этом не-

¹ Green Paper: Promoting a European framework for Corporate Social Responsibility. Brussels, 2001.

² Social Agenda. Strasbourg, 2001.

обходимость решения не только своих проблем, но и проблем партнёров. Социальные инвестиции рассматриваются не как дополнительные расходы и социальные издержки, но как залог последующих успехов.

В рамках стратегии корпоративной социальной ответственности интенсифицируется включение представителей трудящихся в управление производством, расширяется их доступ к информации, касающейся деятельности предприятия. Иными словами, углубляется промышленная демократия.

Необходимость и целесообразность подобных действий зафиксированы ещё в 1989 г. в параграфе 17 Хартии основных социальных прав трудящихся Сообщества и конкретизированы в соответствующей директиве¹.

Большой резонанс получило решение Европейской комиссии от 2006 г. о запуске проекта создания Европейского Альянса в области социальной ответственности бизнеса. Основопологающий принцип деятельности Альянса — партнёрство. Инициатива формировалась в дискуссиях с социальными партнёрами. Но, по мнению руководства ЕС, выдвижение на первый план (о чём, кстати, свидетельствует и название Альянса) социальной ответственности бизнеса не случайно. Он в значительной мере консолидирует европейский образ жизни, влияет на рост экономики, её конкурентоспособность и эффективность, на занятость, на условия и содержание труда, развитие образования, на будущее общества в целом.

Инициаторы проекта предложили всем без исключения предприятиям поддержать его, объявив, что речь идёт не только о крупных, но и о средних и мелких фирмах. Проект предполагает добровольное включение в коммерческую и производственную деятельность предприятий, в их отношения с партнёрами, рекомендует серию социальных и экономических мер, выработанных совместно с гражданским обществом.

Следуя положениям Лиссабонской стратегии, «Зеленой книги» о корпоративной социальной ответственности 2001 г., Специального Сообщения Еврокомиссии от 2002 г., решения Евросовета 2005 г. об оказании поддержки предприятиям в развитии их социальной ответственности, многосторонний Форум представителей гражданского общества Евросоюза поддержал идею создания Альянса, оценив его как новую форму социального партнёрства. Альянс должен работать на базе полной открытости. Предполагалось, что социальный диалог

¹ Community Charter of the Fundamental Social Rights of Workers. Luxembourg, 1990.

как эффективный инструмент взаимодействия поможет обмену практическим опытом. Результаты работы Альянса должны ощущать те, кто трудится на предприятиях, те, кто живёт на территориях их деятельности, потребители, местные власти, инвесторы, подрастающие поколения.

Альянс уже в полной мере оценён как один из инструментов реализации Европейской социальной модели. Но планы инициаторов этого проекта идут дальше. Они намерены поднять свои действия на международный уровень, опираясь на Глобальное соглашение о корпоративной социальной ответственности бизнеса, предложенное ООН, и сотрудничая с МОТ, ОБСЕ и т.п.

Как говорится в Сообщении Еврокомиссии Европарламенту, Европейскому совету и Экономическому и социальному комитету от 2006 г. под названием «Поставить партнёрство на службу экономическому росту и решению проблемы занятости, сделать из Европы образец в области социальной ответственности предприятий»: «Альянс намерен находить и поддерживать новаторские методы обмена опытом и распространения успешной практики, учитывать интересы специалистов, политиков, широких масс населения на всех уровнях в Европе и вне её границ». Декларируется необходимость опоры на комплексные научные исследования, использование новейших достижений науки и техники, развитие образования. При этом особо подчёркивается необходимость для успешной работы Альянса взаимного доверия и социального диалога.

Можно по-разному оценивать эти планы Евросоюза и надежды, возлагаемые им на европейский бизнес, но тем не менее очевидно: проблемы социального партнёрства и позиции социально ответственного бизнеса взаимосвязаны. Без их сбалансирования современное общество и его экономика столкнутся с множеством барьеров.

Таким образом, в этой сфере предстоит сделать ещё многое. Вряд ли потеряют значимость профсоюзы как защитники интересов трудящихся, прекратится их борьба за занятость, адекватную оплату и нормальные условия труда, достойное качество жизни. Пока существует экономическое и социальное неравенство, их защитная функция останется востребованной. Вместе с тем возникает объективная необходимость активного участия профсоюзов в деятельности с целью повышения эффективности производства и совершенствования планирования, в управлении на всех уровнях. Иными словами, социальное партнёрство должно подняться на более высокий уровень и проявляться в непрерывно обновляющихся формах. Для этого потребуются сломать многие устоявшиеся стереотипы.

Заметную роль на этом пути могут сыграть, в частности, Европейские советы по труду (ЕСТ), создаваемые по инициативе профсоюзов при поддержке руководящих институтов ЕС на предприятиях общеевропейского масштаба. Директива, узаконившая их существование, появилась ещё в 1994 г.¹ и неоднократно дополнялась, расширяя и детализируя возможности доступа членов трудовых коллективов к информации о деятельности предприятий и к участию в управлении производством.

Семнадцатого декабря 2008 г. увидела свет новая Директива Европейской комиссии об увеличении роли ЕСТ. В ней речь шла об изменении законодательства, касающегося ЕСТ, с тем чтобы максимально приспособить их деятельность к изменившейся ситуации. Кроме того, Директива предусматривала организацию обучения рабочих представителей в этих советах и обеспечение режима, благоприятствующего их деятельности².

В 2008 г. число компаний, в которых действуют такие Советы, достигло 820. На них уже было занято 14,5 млн работников³. Специальная директива о «статусе Европейской компании» определила критерии, которым должны соответствовать претенденты на получение этого статуса, в том числе — степень социальной ответственности бизнеса. В 1999 г. доклады о своей социальной политике и социальных обязательствах обнародовали 35% действовавших в Европе транснациональных корпораций. Затем их доля поднялась до 45%⁴.

На протяжении ряда лет под эгидой Европейской комиссии проходят весенние Форумы социальной политики. В них принимают участие все заинтересованные социальные партнёры, и их положительное воздействие на утверждение стратегии корпоративной социальной ответственности не вызывает сомнений.

Противодействие движению в этом направлении исходит от части предпринимателей и их организаций. Достаточно упомянуть в этой связи о позиции Парижской торгово-промышленной палаты, которая дала резко негативную оценку иницилируемой Европейской комиссией политике информирования и консультаций с трудящимися в рамках социального диалога. Французские предприниматели сочли её посягательством на принцип субсидиарности, заявив, что сами в состоянии определить необходимость и степень вовлечения рабочих в управле-

¹ О.Ж. — L 254. 30.09.1994

² Social Agenda. 2009. No 20. P. 4.

³ Europe. Bulletin quotidien. 2008. No 9636.

⁴ См.: Корпоративные соглашения в сфере социально-трудовых отношений. М., 2005.

ние производством. Их точку зрения поддержала ассоциация «Еврокоммерс», представляющая интересы европейских оптовиков и внешнеторговых компаний. По её мнению, решение о том, какую информацию и в каком объёме предоставить трудящимся, — прерогатива предпринимателей, опирающихся на сложившуюся практику и традиции. Неприятие «Еврокоммерс» вызвали также усилия Европейского союза, направленные на гармонизацию норм и правил информирования трудящихся на общесоюзном уровне.

Несколько объединений, в частности, предприниматели из Business Europe и представители Центра работников госпредприятий (СЕЕР), даже обратились в апреле 2008 г. с письмом к комиссару Еврокомиссии по вопросам занятости, социальной политики и равным возможностям В. Шпидлу, в котором просили помощи и содействия при организации переговоров с Европейской конфедерацией профсоюзов (ЕКП). ЕКП отказалась от переговоров, направленных на пересмотр прав, закреплённых за Европейскими советами по труду специальной директивой. ЕКП, в свою очередь, обратилась к Комиссии с призывом неукоснительно следовать принятым документам и противостоять посягательствам предпринимателей на права трудящихся и получила поддержку руководства Евросоюза¹.

Вместе с тем немало компаний и ассоциаций всё же реализуют в своих внутрикорпоративных отношениях принципы социальной ответственности и партнёрства, заложенные в Европейской социальной модели, демонстрируя тем самым понимание того, что современная экономика во всё большей степени зависит от качества людских ресурсов, интеллектуального капитала, способного обеспечить высокотехническое производство, инновации, а, следовательно, конкурентоспособность предприятий, что рабочая сила такого типа требует к себе особого отношения, а экономия на социальных издержках приводит не к дополнительным доходам предпринимателей, а к росту социальной напряжённости и снижению конкурентоспособности производства.

Важность роли бизнеса в социально-экономическом и политическом развитии любого государства не подлежит сомнению. Однако и гражданское общество, частью которого является социально-ответственный бизнес, всё более явно демонстрирует своё намерение держать руку на пульсе развития. Намерение профсоюзов и других неправительственных организаций не только выступать в защиту интересов групп, которые они представляют, но и держать под общественным

¹ Europe. 2008. No 9642.

контролем деятельности своих партнёров, также налицо. Ответ на вопрос: сумеет ли (и как скоро) Европейский союз сформировать хорошо организованную «Европу граждан», требует длительных размышлений и осторожного подхода.

Палитра мнений

Современное общество предельно мобильно. Свойственные ему перемены чреваты множеством последствий. Далеко не все из них позитивны. Как избежать негативных социальных воздействий? Какая из моделей развития общества окажется наиболее жизнеспособной? Глобальный экономический и социальный кризис, потрясший мировое сообщество в конце первого десятилетия XXI в., выдвинул эти вопросы в центр оживлённых и острых дискуссий.

У Евросоюза есть все шансы, опираясь на Европейскую социальную модель, предложить человечеству свой уже частично опробованный вариант ответа на вызовы XXI в. Разумеется, оценка значимости Европейской социальной модели далеко не однозначна. Одни считают ЕСМ образцом общественного устройства, возможного при сложившихся обстоятельствах, а её основные принципы — качественной основой для совершенствования. Другие сводят её суть к простому набору прагматических реакций на актуальные социальные проблемы общества: социального обеспечения, занятости, доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, оплаты труда и т.д. Третьи вообще отрицают существование общеевропейской модели, утверждая, что либеральная социальная система Великобритании, корпоративистские системы ФРГ и Франции, социал-демократическая система Скандинавии, Средиземноморская система — принципиально различные и самодостаточные модели развития общества.

Для уяснения сути ЕСМ и её перспектив на будущее в 2005 г. была создана специальная международная экспертная группа («ЕСМ-ПРОЕКТ»). Под её эгидой проводятся международные конференции и публикуются многочисленные исследования. При этом различие подходов всё ещё сказывается.

Приведём некоторые примеры.

Вот мнение известного английского исследователя Э. Гидденса: «ЕСМ — не только идея или концепция, но соединение ценностей, достижений и стремлений. Только общность их восприятия позволит прийти к государству всеобщего благосостояния. Глобализация всех процессов, происходящих в обществе, делает решающим фактором

реализации Европейской социальной модели не только экономическую, но и политическую интеграцию. Поэтому “не следует тащить на европейский уровень национальные особенности”»¹.

Противоположной точки зрения придерживается, например, вице-председатель Еврокомиссии Г. Верхайден, отражая тем самым позиции «евроскептиков», опасаящихся ущемления суверенитета своей страны. О его позиции можно судить по интервью, данному им газете «Монд»: «Не существует Европейской социальной модели. У каждой страны свои традиции»².

Более осторожно, хотя и не менее скептически, высказывается генеральный секретарь Итальянского института экономических, политических и социальных исследований профессор М. Риччери. «Европейский опыт построения социальной рыночной экономики, — считает он, — показывает, что между различными государствами существуют значительные различия. На мой взгляд, трудно говорить о какой-то универсальной всеобъемлющей Европейской модели. Способы, которые находят в разных странах для решения социальных проблем, не похожи друг на друга, и скорее уместно говорить не о единых рецептах, а о поисках синтеза между национальными моделями... Хочу подчеркнуть, что нет единой Европейской модели, это некоторая натяжка. В Европе есть общепринятое понимание того, что вопросы экономического развития должны решаться с учётом их социальных последствий. Есть общепризнанный принцип неразрывного рассмотрения экономического и социального развития. Но как нет единства по вопросу о том, какую единую экономическую политику проводить в ЕС, так и нет единого мнения и по вопросу о Европейской социальной модели»³.

Д. Амато — тогдашний министр внутренних дел Италии полагал, что Европа «примеряет новые башмаки» и что, учитывая её «смешанную природу», следует избрать новый путь управления общественным развитием, который базируется не на иерархии, а на кооперации, не на командах, а на диалоге, не на собственной исключительности, но на взаимной толерантности и взаимопонимании⁴.

Профессор Бременского университета Д. Альберс, руководитель международной экспертной группы, редактор журнала «Социальная Европа», исходит из того, что Европейская модель развития общества

¹ Social Europe. A Continent' Answer to Market Fundamentalism, European Research Forum at London Metropolitan University, 2006. P. 3.

² Le Monde. 03.09.2005

³ Гражданское общество: общественный контроль и социальная ответственность бизнеса // Доклады Института Европы РАН. № 183. М., 2006. С. 47.

⁴ Amato D. The Future of Europe // Social Europe. P. 33.

никогда не ограничивалась проблемой создания государства всеобщего благоденствия. Она стремилась к эффективному контролю над «волчьей природой» капитализма, обеспечивая народу социальную безопасность, материальную независимость и право на демократическое участие в управлении¹.

По мнению главы Парижского отделения Европейской народной партии Ф. Гараболя, «социальная модель — это не просто слова» и её реализация неразрывно связана с продолжением европейского строительства².

Конфедерация европейских профсоюзов, горячо поддержав ЕСМ, отмечала, что «именно этот аспект отличает Европу, где за социальным прогрессом после войны последовал экономический рост, от американской модели, в рамках которой узкий круг пользуется преимуществами в ущерб интересам населения. Европа должна поддерживать эту социальную модель, чтобы показать пример другим странам в разных уголках мира»³.

Международные эксперты, анализируя содержание Европейской социальной модели, обращают внимание на её различные векторы.

Так, генеральный секретарь Института Лазер А.-М. Грозелье (Франция) констатировала: «Специфика ЕСМ опирается на тот факт, что она не ограничивается предоставлением защиты наиболее ущемлённым группам населения, чтобы помочь им выжить, не отрицая в то же время важность этого направления деятельности. Прежде всего, она создаёт условия, чтобы функционирование рыночной экономики не порождало социального отторжения. Но, чтобы социально значимая экономика могла действовать эффективно, она должна опираться на социальных партнёров, способных вмешаться и высказать свою позицию, присутствуя в центрах принятия решений»⁴.

Заместитель директора французского Института экономических и социальных исследований («АЙРЕС») К. Дюфур исходит из того, что Европейская социальная модель — это не плод абстрактных рассуждений, а результат социальной истории. «Социальная модель, о которой идёт речь, — отмечает он, — становится игрой, скорее символической, нежели реальной, если не приложить совместных усилий. И наоборот, решения, принятые в результате социальных изме-

¹ *Albers D.* The Great Adventure of Europe // Social Europe. P. 46.

² *Garabiol Ph.* Le modele social europeen ou la creation d'une identite sociale europeenne. Fondation Robert Schuman. Questions d'Europe / Les policy papers de la Fondation. 2005. No 5. http://www.robert-schuman.org/supplement/questions_eu.05.04.2006.

⁴ *Grozelier A.-M.* Definition (version francaise) du Modele social europeen. Rapport a la conference sur le VSE, Rome, mai 2007.

нений и участия социальных акторов, воздействуют непосредственно на трансформацию во всех национальных системах». Дефур определяет ЕСМ как «интеллектуальную конструкцию, которая синтезирует общие креативные черты оригинальных национальных моделей»¹.

Своё мнение по поводу ЕСМ высказал также уже упоминавшийся выше комиссар Еврокомиссии В. Шпидла. «Европейская социальная модель, — заявил он, — базируется на наборе общих фундаментальных ценностей. Эти ценности должны разделяться всеми государствами — членами ЕС. Среди них: приверженность демократии, отказ от любых форм дискриминации, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, гендерное равенство, солидарность и справедливость, признание роли социальных партнёров и социального диалога. Европа кончается, когда эти ценности не разделяются»². Выступая на слушаниях в Европарламенте, посвящённых ЕСМ, 14 февраля 2008 г., В. Шпидла назвал ЕСМ «богатством Европейского Союза и его граждан», «фактором равновесия на службе европейцам» и призвал сделать всё для её «защиты, усиления и реализации»³.

«Платформа»

Плодом работы международной экспертной группы «ЕСМ-ПРОЕКТ» явился документ, получивший название «Платформа предложений по реформе Европейской социальной модели»⁴. Уже отмечалось, что ЕСМ постоянно совершенствуется. В новом документе к уже упоминавшимся принципам, на которые она опирается, добавлен ещё один — человеческое достоинство. Эта корректура отражает возросшее значение человеческого ресурса, интеллектуального капитала для дальнейшей эволюции общества, в том числе для обеспечения конкурентоспособности экономики и безопасности государства.

«Платформа» исходит из определения ЕСМ как «комплексной системы ценностей, опыта, проектов, политики, институтов, которые сложились в прошлом и дополняются сегодня»: «Европейская социальная модель — это не только сформулированная идея, интеллекту-

¹ *Dufour Chr.* Modele social europeen et les acteurs sociaux. Rapport a la conference sur le MSE. Rome, mai 2007

² *Spidla W.* Some Reflections on the Social Europe // Social Europe. P. 111.

³ *Spidla W.* A European Social Model for the Europe // Discours d'ouverture, 14.02.2008.

⁴ European Group of Search. European Social Model (ESM — PROJECT). «For a reform of the ISM. Proposals platform». Rome, August 2007.

альная конструкция или рекомендация. Это конкретный, главный составной элемент европейской идентичности, её демократии, экономического развития, социального и культурного прогресса».

Правда, сами авторы признают, что пути и инструменты реализации ЕСМ ещё неясны. В качестве необходимого условия они называют строительство качественно новой системы отношений между государством, рынком и гражданским обществом. «Такая система должна обеспечить баланс между требованиями равенства, эффективности и ответственного участия». Иными словами, наряду с административными и финансовыми ресурсами государства планируется использовать как материальный, так и интеллектуальный потенциал бизнеса, а также массовых неправительственных организаций и всех граждан. Но для этого придётся преодолеть не только кризисные явления, имеющие экономическую и финансовую природу, но, прежде всего, «кризис идентичности и управления», который является реальностью в современном обществе.

Одним из рычагов, способных помочь справиться с проблемой, «Платформа» считает «наведение мостов между социальным, политическим и гражданским диалогами». Децентрализация процесса, т.е. организация подобного диалога на разных уровнях — от общеевропейского и национального до местного — может привести к конкретным результатам.

Авторы «Платформы» предлагают создать постоянно действующую координационную структуру по социальной политике ЕС, разработать новую редакцию Европейского социального контракта, а также провести мониторинг гражданского общества, что позволит получить полную картину деятельности НПО и вовлечь их в процесс более активного участия в осуществлении социальной интеграции.

Построение на основе общей социальной платформы единого социального пространства является стратегической целью европейской интеграции, отмечает «Платформа». Это такой же ответ на глобальные процессы, как Европейский валютный союз, Общий рынок, единое экономическое пространство.

Учитывая разнообразие и национальную специфику государств — членов ЕС, авторы документа предлагают использовать опыт создания финансовой Еврозоны. Следует постепенно расширять однородное социальное пространство за счёт государств, соответствующих критериям, определяемым специально разработанными индикаторами (правила регулирования экономической и социальной жизни, юридические нормы, качество управления и пр.). Это поможет лучше

адаптировать институциональные структуры к нуждам сбалансированного развития.

Для формирования общеевропейского социального пространства, по мнению авторов, необходима централизация власти вплоть до политического решения о создании единого правительства. На данном этапе имеется в виду отход от практики двусторонних соглашений и передача больших компетенций, касающихся социальной сферы, коммунитарным органам.

Как известно, кое-что в этом направлении уже делается. Вопросы массовой миграции, трудовой типологии, образования, профессиональной подготовки, основанной на новых технологиях, здравоохранения, экологии, уже переданы в компетенцию Евросоюза. Правда, зачастую шаги в этом направлении наталкиваются на сопротивление государств — членов ЕС, рассматривающих вмешательство наднациональных структур в социальную политику как вторжение в их традиционную вотчину.

Формирование единого социального пространства предполагает также поддержку его необходимыми финансовыми ресурсами, особо предусмотренными общеевропейским бюджетом. Пока решающую роль в финансировании социальной сферы играют национальные бюджеты. А это неизбежно создаёт дополнительные трудности.

Рассматривая роль ЕСМ, авторы «Платформы» подчёркивают также её связь с глобализацией и предлагают искать организационные формы, позволяющие участвовать в глобальных процессах, воздействуя на их последствия для человека. Поэтому необходимы постоянные коррекционные реформы, которые позволят ответить на вызовы времени, используя специальные организационные структуры, создаваемые на разных уровнях — от локального до глобального.

Авторов «Платформы» можно, конечно, упрекнуть в излишней амбициозности. Так, слишком большое внимание они уделяют рассуждениям о высоком потенциале ЕСМ и о возможности использования её на международном уровне (своего рода «экспорте»). Присутствует в «Платформе» и следующее утверждение: «Сравнение опыта разных государств подтверждает, что это — наилучший путь для строительства нового общества». Сопоставляя европейскую ситуацию и условия, сложившиеся в других регионах мира, создатели документа делают всё, чтобы подчеркнуть оригинальные и самобытные отличия ЕСМ от других социальных моделей. Но эту слабость можно и игнорировать.

Как комплексная система, ЕСМ не ограничивается проблемами социальной защиты и социального обеспечения. Она рассматривает

проблемы в более широком плане, анализируя самые различные сферы жизни общества: экономическое развитие, экологическое равновесие, новое качество труда и образования, совершенствование управления и промышленной демократии, уровень политизации, взаимодействие социальных партнёров.

Развернувшаяся дискуссия и появление таких синтезирующих документов, как «Платформа», свидетельствуют о возрастающей роли социального измерения в современном мире. Очевидно, что Европейская социальная модель окажет заметное влияние на дальнейшее развитие современного общества. Но не менее очевидно и то, что предстоит ещё очень серьёзная работа по уточнению, дополнению, конкретизации путей реформирования и способов внедрения. А это потребует немалых совместных усилий политических, экономических и социальных сил.

Подводя итоги изложенному выше, есть все основания констатировать: несмотря на эмоциональные обсуждения и детальный анализ Европейской социальной модели, её чёткой характеристики выработать так и не удалось. Представляется правомерным в качестве вклада в дискуссию предложить следующее её определение. *ЕСМ — это стратегическая схема развития общества, основанная на принципе уважения человеческого достоинства, социальной солидарности и справедливости, опирающаяся на социально ориентированную, конкурентоспособную экономику и оберегаемую окружающую среду.*

Социальные инновации и ухабы на пути интеграции

Европейская интеграция продолжает расширяться и углубляться, следуя по пути, намеченному более полувека назад. Вместе с тем она стремится адаптироваться к новым обстоятельствам, обусловленным глобализацией, а в последнее время — и последствиями мирового финансово-экономического кризиса.

Согласно стратегии развития, принятой в Лиссабоне в 2000 г., в первое десятилетие XXI в. на территории Европейского союза должна была быть построена основанная на знаниях конкурентоспособная и динамичная экономика, способная обеспечить поступательный экономический рост, сопровождаемый социальным сплочением¹.

¹ Questions d'Europe // Fondation Robert Schuman. 2005. No 5.

В рамках этой стратегии стимулировалось построение единых пространств. Вслед за экономическим были созданы образовательное, научное и информационное пространства. На повестку дня встала необходимость построения инновационного пространства, обеспечивающего оптимальное соотношение экономического, научно-технического и социального потенциалов.

В этой связи следует, прежде всего, ответить на вопрос: каким силам предстоит реализовывать внедрение инноваций и готово ли общество воспринять их? Представляется, что социальные партнёры, о которых шла речь выше, — государство, социально ответственный бизнес и гражданское общество — могли бы справиться с этой задачей. Во всяком случае, в Европейском союзе для этого созданы необходимые предпосылки.

Новые технологии и их разумное использование в силах помочь социальной политике справиться со сложными задачами, возникающими в меняющейся ситуации. Особый смысл в этих условиях приобретает ориентация на «социальные инновации», в том числе применительно к совершенствованию Европейской социальной модели. Одно из проявлений социальных инноваций — более высокий уровень социального партнёрства. Новая ситуация требует совершенствования отношений между партнёрами — чёткого определения их обязательств и методов взаимодействия. Более эффективным должно стать соединение социального диалога с диалогом политическим и гражданским.

Поступательное развитие рыночного хозяйства предполагает установление более тесного социального контракта между государством, бизнесом и гражданским обществом. Этого особенно требуют меняющиеся обстоятельства. У государства сузились возможности самостоятельного формирования и проведения социальной политики. Груз социальных расходов становится непосильным. Удержать на прежнем уровне качество жизни широких слоёв населения становится всё труднее. Отсюда акцент на социальную ответственность бизнеса. В основе этого акцента лежат не только моральные, но и прагматические соображения, в том числе стремление сохранить социальную стабильность. Ведь только при этом условии можно обеспечить климат, необходимый для устойчивого экономического развития, и рационально использовать человеческий потенциал. Следовательно, социальная ответственность бизнеса становится важнейшим залогом нормального существования социума.

Одновременно существенно возрастает роль гражданского общества. Участвуя в социально-экономическом развитии, оно всё решительнее и настойчивее претендует на контроль за деятельностью как

бизнеса, так и государства. Пока Евросоюз не может похвастаться отлаженной системой отношений гражданского общества с государством и бизнес-структурами. Над этим не первое десятилетие работают руководящие институты Евросоюза, политические партии и неправительственные организации. Однако их успехи в этой области, мягко говоря, не очень значительны.

Совершенствование структуры общества предполагает возникновение нового типа управления, основанного не на диктате и давлении, а на диалоге и взаимодействии. А это требует от представителей государственной власти, политических партий и неправительственных объединений толерантности и готовности к разумным компромиссам.

В числе социальных новаций можно назвать также наметившееся усиление влияния профсоюзов и как организаций, представляющих интересы наёмных работников, и как социальных партнёров, и как носителей контрольных функций на производстве, и как силы, влияющей на государственную экономическую политику и гарантирующую её социальную направленность.

Внедрению новых социальных технологий могут помочь возросшие потенции информационного общества, если их привлечь для информационного обеспечения социальной политики. Структуры Европейского союза результативно используют открывшиеся возможности. Свидетельство тому — наличие множества сетей, расширяющих базу реализации общеевропейских социальных проектов. В их числе, помимо Интернета, — компьютерная сеть «ЕС-ЕССАНЕТ», Европейская информационная сеть по международным отношениям и региональным исследованиям — «ЭНИРАС», региональные сети типа «ОЙРЕС» и ТЕСС, регулирующие сферы занятости и социального обеспечения. В Евросоюзе на основе обширной базы данных введены единые карты здравоохранения. Однако многое ещё предстоит сделать.

Ещё в Лиссабоне были обозначены вызовы, с которыми придётся столкнуться Евросоюзу в новых условиях, и была подтверждена необходимость реформ, способных обеспечить сочетание конкурентоспособности и социального сплочения государств — членов ЕС. Соответственно, были сформулированы конкретные задачи, касающиеся важнейшей проблемы — занятости, которые могут быть решены только путём координации действий на общесоюзном уровне:

- общий уровень занятости должен был составить к 2010 г. 70% экономически активного населения;
- занятость женщин планировалось довести к этому времени до 60%;

- занятость пожилых людей должна была вырасти до 50%;
- ежегодный экономический рост должен был составлять не менее 3%.

Однако реализация этой стратегии оказалась ЕС не под силу. Кризис опрокинул все, казалось бы, обоснованные планы. Всплеск безработицы поднял её на уровень свыше 10%, обострив многие социальные проблемы. Ситуация, характеризующаяся спадом экономики, закрытием предприятий, разорением банков, массовыми увольнениями, не способствует сохранению социальной стабильности, которой так дорожит объединённая Европа. Обусловленные кризисом реальные неудачи обернулись серьёзным ущербом репутации и прогнозов, и Европейской социальной модели в целом¹.

Сейчас Европейским союзом принят специальный Европейский план восстановления экономики. Он координирует и регулирует помощь странам, сильнее других пострадавшим от кризиса. Так, через Европейский социальный фонд с 2007 по 2013 г. намечено направить на эти цели 18,5 млрд евро. В 2007–2008 гг. государства — члены ЕС получили 18 млрд евро. В 2009 г. в рамках Плана выделено дополнительно 1,92 млрд евро через ЕСФ и 8,62 млрд евро через новые фонды, как, например, Фонд глобализации (Globalization Fund). На 2009 г. удваиваются выплаты государствам — членам Евросоюза. В основном помощь предназначена для поддержки занятости и для мелкого бизнеса².

Вместе с тем меры по поддержанию конкурентоспособности продукции, производимой в странах Евросоюза, по оказанию материальной поддержки пострадавшим предприятиям предполагают проведение глубоких реформ, которые неминуемо затрагивают условия жизни и труда населения, ведут к «национальной десолидаризации», осложняют отношения между государствами — членами ЕС и внутри отдельных стран. У значительной части граждан появилось ощущение, что европейское строительство не принесло ожидаемых позитивных результатов. На повестку дня встал, в частности, вопрос: в состоянии ли Европейская социальная модель в полной мере обеспечить социальный прогресс и способствовать сохранению европейской идентичности, не нанося при этом ущерб экономическому росту и конкурентоспособности?

Столкновения приверженцев «европейского строительства» и «евроскептиков» стали приобретать острый характер. Очевидно, что соци-

¹ Communiqué de presse d'Eurostat enquête sur les forces de travail. 2005. No 112.

² Social Agenda. 2009. No 20. P. 16–17.

альная стабильность Европы, которую призвана обеспечить ЕСМ, даёт трещины.

Тем не менее, пока Европейская социальная модель, несмотря на критику, по-прежнему располагает поддержкой большинства граждан Евросоюза. На вопрос: способна ли Европейская социальная модель стать компасом преодоления трудностей на пути социально-экономического развития в новых условиях, без ущерба для «социальной сущности» Европы, они дают пока положительный ответ.

Глава 14. Эволюция партийно-политических систем

Конституирование в 1992 г. Европейского союза, хотя и дало новый импульс реализации давней идеи об общем политико-экономическом и социальном пространстве Старого Света, однако не сняло проблем разнотемпного продвижения к этой цели. Сегодня, в начале второго десятилетия XXI в., очевидно наличие европейских государств, пребывающих на разных этапах развития политических систем: так называемой старой Европы; стран, находившихся после Второй мировой войны в зависимости от Советского Союза, и совокупности государств, возникших на постсоветском пространстве. Эти системы складывались под воздействием различных факторов внутригосударственной региональной и общеконтинентальной динамики, на которую накладывали отпечаток существенные подвижки в мировой экономике и политике.

С учётом данных обстоятельств эволюцию элементов властной пирамиды следует рассматривать, учитывая вышеназванные особенности. При этом очевидно, что решающую роль играет ситуация в странах Западной Европы, прежде всего, с точки зрения её влияния на восточную часть Старого Света.

Новые проблемы «старой Европы»

Симптомы кризиса

Издержки развития западноевропейской многопартийности не возникли в одночасье. Некоторые вызревали ещё в годы благополучной последней трети XX в. Другие стали давать о себе знать на рубеже тысячелетий. Третьи отражали кризисные явления в мировой экономике и политике последнего времени. Одна часть этих издержек имеет национальный либо региональный характер, другая охватывает всех акторов политического процесса без исключения.

К последним относится, в частности, практически повсеместное снижение численности членов партий. Даже крупнейшие партии в таких странах, как Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Австрия (список можно продолжить), потеряли за истекшие десятилетия до одной трети членов. Между тем процент европейцев, приходящих к избирательным урнам (если иметь в виду национальные парламентские выборы), сравнительно стабилен и колеблется в среднем на уровне 65–75% электорального корпуса.

Утверждать в этой связи, что сокращение численности партий непосредственно связано с тем, что избиратели разочаровались в системе власти, существующей в их государствах, было бы явным упрощением. В таком случае граждане должны были бы становиться не только беспартийными, но и абсентеистами. Поскольку, однако, подобная тенденция в целом не прослеживается, то происходящее может быть объяснено только тем, что люди теряют веру в возможность влиять на определение позиций партий. В этом же направлении действуют регулярные коррупционные скандалы, бюрократизация партийной жизни. Парламентские фракции, по существу, превращаются в «партию в партии», решая многие проблемы не только не консультируясь с партийными низами, но и подчас пренебрегая мнением партийного ареопага, что нередко ведёт к острым внутрипартийным кризисам.

Налицо и другая причина снижения потребности в партийной идентификации. В истекшие два-три десятилетия партийный билет перестал быть важным фактором карьеры западного европейца. В прошлом членство в одной партии с руководством страны имело карьерный смысл даже на уровне отдельных предприятий и учреждений, поскольку единомышленник при прочих равных условиях располагал большими шансами на продвижение по служебной лестнице. Сейчас ситуация стала в корне меняться. Научно-техническая рево-

люция выдвинула на передний план проблему профессиональной квалификации. Соответственно, значение политической ориентации начало уступать место деловым качествам кандидата.

Это наблюдается даже в высших эшелонах государственной власти. Всё чаще при формировании правительств, причём не только коалиционных, но и однопартийных, на посты министров иностранных дел, обороны, здравоохранения, культуры и т.д. приглашают не партийных функционеров, а авторитетных специалистов. На президентских выборах — вне зависимости от идейной ориентации — нередко выдвигаются беспартийные кандидаты, пользующиеся достаточно значимым общественным авторитетом.

Показательна в этой связи крайняя незначительность интереса общества к партийной прессе. Многие партийные газеты и журналы прекратили существование. На них не подписываются даже партийцы.

Для поддержания современных органов массовой информации требуются значительные средства. Однако у большинства партий нет средств ни на печатные издания, ни на радио и телеканалы. Не решена пока и проблема выхода на партийную среду через Интернет. Трудности этого порядка существуют не только у маловлиятельных и финансово малоомощных партий, но и у тех, которые слыт «тяжеловесами».

Негативное воздействие на значимость партий как несущих конструкций политического процесса оказывает возрастающее изменение способов и форм борьбы за электорат. Активистов-функционеров, традиционно обращавшихся непосредственно к избирателям с изложением программных партийных установок, во всё большей степени сменяют специалисты-политтехнологи, подчас обслуживающие несколько конкурирующих партий. При этом определяющее значение приобретает не столько содержание, сколько форма. Идеино-политические послы уступают место методам коммерческой рекламы, а позитивные установки — средствам дискредитации политических конкурентов. Соответственно распределяются и партийные средства, затрачиваемые на избирательные цели. В результате снижается и идентичность самих партий.

Ослабление партий как главных носителей политической культуры вызывает у части граждан стремление найти альтернативу сложившейся схеме взаимодействия населения и государственной власти. Всё большую силу обретают гражданские инициативы, участники которых связаны не формальными отношениями, но духовной общностью.

К экологистам и альтернативщикам 70–80-х годов присоединяются современные антиглобалисты. Их действия, нарушающие порой

правила и нормы демократического общества, отражают нерешённость (а в ряде случаев и нерешаемость) проблем, порождённых новым этапом общественного развития. Многие из тех, кто разочаровался в политических партиях, проявляют оправданное желание решать насущные проблемы посредством референдумов — как формы, при которой граждане могут добиться необходимых результатов без посредников и рутины партийных словопрений.

Взрослое население «старой Европы» ныне более дифференцировано, чем ещё четверть века назад. Гражданские инициативы, являясь непартийными объединениями, отражают реакцию, главным образом, индивидов, обладающих достаточным политическим кругозором. И таких становится всё больше. Одним из последствий нынешнего этапа научно-технической революции явилось возрастание численности образованных, а, следовательно, политически более активных граждан, которые склонны самостоятельно определять формы участия в общественной жизни. Их самоопределение явно переросло рамки такой формы политической организации, как партия. Они ищут способы участия в общественных процессах, которые не сдерживали бы их инициативы бюрократическими рамками партийной дисциплины. Для многих непартийные движения привлекательны, прежде всего, открытыми формами политического самовыражения, возможностью непосредственной постановки наболевших проблем.

В свою очередь, сверху в качестве противовеса партийному принципу организации политического процесса выступает система корпоративного решения насущных проблем общества. Это, прежде всего, проявляется в сфере экономики. Хозяйствующие субъекты мирового рынка всё чаще договариваются с государственными институтами, избегая тем самым сложных процедур внутри- и межпартийных согласований. Это происходит даже в тех случаях, когда партнёры формально являются членами соответствующих партий.

Подобный подход особенно откровенно реализуется на межгосударственном уровне. По существу, современный корпоративизм является частью механизма глобализации, в котором политические партии, как правило, не представлены. Авторитарный, глобализационный некорпоративизм во всё большей степени становится антиподом демократической системы многопартийного регулирования национальных экономик. В условиях кризиса партий это обстоятельство представляется особо опасным.

Скорее всего, новые властители мира не обязательно будут открыто оттирать партии от решения глобальных проблем. Возможно, будет использован аналог «общеευропейской модели», в соответствии с ко-

торой Европарламент, формально представляющий широкий спектр партий, фактически выступает лишь как рекомендательный орган. Аргументом для сторонников такого подхода может стать низкая популярность у населения стран — членов ЕС выборов в Европарламент.

Европарламент через год после выборов

Вялотекущий абсентеизм

За десятилетия своего существования Европарламент не стал величиной, сопоставимой с парламентами государств — членов ЕС. Неудивительно, что в каждой стране в отдельности на местные национальные выборы приходит в 1,5–2 раза больше избирателей, чем на традиционное июньское общеевропейское волеизъявление. Так сложилось со времён первых (1979) прямых выборов в ЕП, когда в девяти странах, находившихся на первоначальной стадии интеграции, пришло к урнам для голосования 63% имевших право голоса. Правда, тогда о Европарламенте мало кто знал, а те, кто знали, считали его второстепенной бюрократической инстанцией без определённых полномочий. Показательно, однако, что по мере роста числа стран, где выборы в эту евроструктуру происходили в последующие годы (от 12–15 в 1990-е гг. до 27 в первом десятилетии XXI в.), процент неголосовавших неуклонно повышался. В 1999 г. абсентеизм превысил пятидесятипроцентный рубеж (50,2%), а в 2004 г. рубеж вплотную подошёл к 54% воздержавшихся от голосования. В 2009 г. незаинтересованность в евровыборах проявили почти 56% электората. Здесь следует учесть, что, согласно национальной избирательной статистике в ряде стран, где проводилось голосование, в урнах обнаруживалось от двух до пяти процентов пустых бюллетеней. Эта форма «активного абсентеизма» свидетельствует о высказанном частью электората недоверии к партиям и партийно-политическим системам как таковым, что связано и со стабильной разочарованностью в эффективности этого инструмента отправления демократии, и с растиражированными через СМИ фактами коррупционных и аморальных действий чиновников законодательной власти практически всех стран Европы.

Усилившиеся в первом десятилетии XXI в. абсентеистские тенденции как симптом недоверия не только к партийно-политической системе Европы в целом, но прежде всего к её наднациональному компоненту во многом объясняются обстоятельствами, связанными с весьма противоречивыми результатами деятельности Европейского союза.

Широко разрекламированное расширение ЕС не принесло желаемого результата ни старым, ни новым членам этого объединения. Многие «старые европейцы» увидели в новичках пусть временный, но тем не менее балласт, снижающий экономический потенциал Союза и требующий от него донорских вливаний. Подобное восприятие остаётся весьма ощутимым до сих пор, поскольку у порога Евросоюза стоят новые страны-маргиналы. Заметно ослаб энтузиазм и у «новобранцев» ЕС. Не оправдываются надежды на скорый подъём экономики посредством донорских вливаний от крупных европейских держав. Финансово-экономический кризис серьёзно ударил по надеждам на скорейшее преодоление трудностей, а в некоторых вопросах ещё более их усугубил, показав, что «старожилы» ЕС готовы решать проблемы своих государств за счёт неофитов.

Кризис, охвативший все страны как Западной, так и Восточной Европы, посеял в рядах европейского электората дополнительные сомнения в способности коллективных согласованных и лишённых национального эгоизма действий Евросоюза и Европарламента как органа, способного аккумулировать антикризисную энергию объединённой Европы. Все принятые ЕП начиная с осени 2008 г. резолюции имели весьма общий и расплывчатый характер, а выдвигавшиеся в стенах парламента некоторые дельные предложения не находили воплощения в конкретных действиях как ЕС в целом, так и государств — членов этой организации. Спасение разорившихся банков, борьба с банкротством целых отраслей промышленности, преодоление усилившейся безработицы, энергетические проблемы, кризис иммиграционной политики и многое другое — все это решалось отнюдь не на общеевропейском уровне, а лишь усилиями (причём далеко не всегда эффективными) правительств отдельных государств.

Среди факторов, ослаблявших интерес европейцев к выборам в Европарламент, не последнюю роль играл и очевидный кризис политических структур Евросоюза. Провал в 2005 г. после референдумов во Франции и Нидерландах первого варианта европейской конституции, к которым в июне 2008 г. добавился такой же результат в Ирландии, где был забаллотирован Лиссабонский договор, одобренный лидерами ЕС в декабре 2007 г., — всё это поставило под сомнение формирование политического каркаса объединённой Европы.

Нельзя не упомянуть и неопределённость международной ситуации, которая подспудно ослабляла желание европейцев сказать свое слово посредством участия в выборах. Ограниченная внешнеполитическая активность ЕП, его по существу вспомогательная роль в процессе принятия судьбоносных для Европы решений резко контрасти-

ровала с необходимостью выработки Старым Светом новой политики, связанной с обострением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, с новым курсом, заявленным президентом США Б. Обамой, со стремлением России стать более влиятельным, чем прежде, игроком на европейской и международной арене.

Среди факторов, не способствовавших ослаблению имманентно присущих выборам в ЕП абсентеистских тенденций, следует упомянуть и очевидный дефицит собственно европейских проблем в избирательной компании абсолютного большинства политических партий. Они явно подстраивались под «национальный менталитет» потенциальных избирателей, делая упор не на проблемы европейского будущего, а на текущие задачи собственных стран, без их увязки с общеевропейскими. Тем самым отодвигался в тень главный предмет предстоявшего голосования — судьбы Европы не только как совокупности составляющих её стран, но и как цельного механизма их взаимодействия, в данном случае посредством работы в Европарламенте. Неудивительно, что в таком контексте евровыборы неизбежно приобретали характер промежуточных национальных выборов.

Не оправдала себя и широко развернутая по инициативе руководства ЕС перед проведением евровыборов пропагандистская кампания, призывавшая избирателей Европы активно участвовать в намеченном мероприятии. К традиционным средствам наружной агитации — плакатам, листовкам, транспарантам, популярной литературе о выборах — была подключена также аудио- и видеоинформация, Интернет и многие национальные телевизионные каналы. Особую активность проявил финансируемый Евросоюзом телеканал «Евроньюс», регулярно сообщавший телезрителям о деятельности Европарламента, его структурах, фракциях всех представленных в нём политических партий и движений. Их лидеры получили возможность излагать свои взгляды как в формате интервью с журналистами «Евроньюс», так и посредством «круглых столов» с участием авторитетных лидеров фракций и руководства Европарламента.

Очевидное снижение электоральной активности европейцев, участвующих в выборах в ЕП, требует и более дифференцированной оценки по двум основным группам стран. Первую представляют 15 западноевропейских государств, подписавших и ратифицировавших в 1992–1994 гг. Маастрихтский договор. Вторую — 12 новичков, ставших членами Союза в начале — середине первого десятилетия XXI в. Эта дифференциация основывается не только на сроках нахождения в ЕС, но также и на степени развития рыночной экономики и системы представительной демократии. Данные обстоятельства, безусловно,

влияют на политический менталитет граждан, осознание ими своей «европейскости», сопричастности к решению проблем общеконтинентального характера. Для большей наглядности сопоставим результаты явки на выборы 2009 г. с аналогичным событием июня 2004 г. — шестыми прямыми выборами в ЕП. Средний показатель явки в Е-15 понизился с 53,3 до 51,5%, в Е-12 — с 38,6 до 38,2%¹.

Страновые показатели свидетельствуют о практически повсеместном снижении интереса избирателей к евровыборам. Исключение в Е-15 составили Дания (+11,7%), Швеция (+6,0%) и Финляндия (+0,9%). В первых двух случаях это объясняется прежде всего острой дискуссией о возможности вступления скандинавов в зону евро. Дополнительным стимулом стало для датчан назначение А.Ф. Расмуссена на пост Генерального секретаря НАТО, а для шведов — председательство их страны в ЕС во второй половине 2009 г. Крупные потери евроэлектората в Греции (–11,1%) также лежат на поверхности с учётом той близкой к социальному взрыву ситуации, которая сложилась в этой стране. В других странах Е-15 резких колебаний активности электората не отмечено. Даже британский результат (34,8%) не выглядит сенсационно, учитывая традиционное пренебрежение местного населения ко всему происходящему вне территории своей страны.

Что касается стран Балтии, Восточной и Юго-Восточной Европы, а также Средиземноморья, условно объединённых в Е-12, здесь перепады электоральной активности более разновекторны: от +16,4% в Эстонии и +11,7% в Латвии до –27,5% в соседней Литве. По-видимому, в эстонском случае свою роль сыграла относительная стабильность, несмотря на кризис, национальной экономики, а латвийском фактор катастрофического для страны кризиса сработал противоположным образом, повысив в стране градус политической борьбы. Литовская же «европатия» объясняется прошедшей незадолго до выборов в ЕП борьбой за президентское кресло, вызвавшей определённую усталость электората от выборов иного формата. В других государствах Е-12, за исключением Кипра, по-видимому, не видевшего в результатах евровыборов 2009 г. ничего нового для своей страны, а также Болгарии (+8,3%) и Польши (+6,6%), поглощённых межпартийными разборками, результаты явки на выборы не дали особых отклонений от статистики пятилетней давности. В целом же новички ЕС явно уступали в плане электоральной мобильности старожилам Евросоюза, что отчасти объяснялось недостаточным сроком их пребывания в ЕС, небольшим представительством местных политиков в европейских структу-

¹ <http://www.elections.com/2009-results.en.html> 08 06 2009.

рах власти и разочарованием населения первыми результатами нахождения соответствующих государств в казавшемся им «манной небесной» Европейском союзе.

Завершая тему «электоральной спячки» на выборах в ЕП, постараемся ответить и на вопрос: чей же избиратель игнорирует данное голосование. С учётом того, что большинство европейцев видят в традиционном июньском волеизъявлении лишь дополнительные национальные выборы, не влияющие на события в собственном государстве, разумно предположить меньшую активность именно электората правящих партий, уже вынесшего им «вердикт доверия». Однако это наблюдение отнюдь не ведёт к выводу о том, что победителями на евровыборах становятся национальные партии «второго ряда», слабо представленные либо вообще не присутствующие в парламентах своих государств.

Фиаско власть имущих

Сухая статистика по итогам евровыборов 2009 г. свидетельствует, что, как и в прошлые годы, главными политическими игроками Старого Света остаются партии консервативно-клерикального толка, социал-демократической ориентации и либеральных воззрений. Соответствующим образом они образуют фракцию Европейской народной партии (христианские демократы) — 265 депутатов; фракцию Европейских консерваторов и реформистов — 54 депутата; Прогрессивный альянс социалистов и демократов в Европейском парламенте — 184 депутата, фракцию Альянс либералов и демократов за Европу — 84 депутата. В процентном отношении названные четыре группы составляют 80% всего депутатского корпуса ЕП. Их представительство там в целом соответствует партийно-политической субординации в абсолютном большинстве стран — членов ЕС. Практически все они в различных комбинациях входят в состав коалиционных правительств, либо в более редких случаях образуют однопартийные правительства. Однако именно непосредственная причастность к отправлению власти в своих странах делает их как на последних выборах, так и на европарламентских волеизъявлениях прошлых лет наиболее уязвимыми в электоральном отношении. Самоустранимость от выборов части избирателей правящих партий в сочетании с традиционным «протестным голосованием» за малые партии даёт основание говорить о неудачном итоге евровыборов для находящихся у власти партий в абсолютном большинстве государств ЕС.

Прослеживается определённая закономерность: наиболее существенные потери понесли (за исключением Франции) партии, в одиноч-

ку управляющие своими странами (Великобритания, Испания, Португалия, Греция). Неудачи постигли и партии стран, где образованы коалиции демохристиан и социал-демократов (Германия, Австрия, Люксембург). Более сбалансированными выглядят результаты в странах, где правят консерваторы и либералы (Швеция, Дания, Финляндия). Наконец, там, где у власти комбинации из трёх вышеназванных «партийных семей», проиграли все партнёры по коалиции (Бельгия), либо демохристиане и социал-демократы (Нидерланды).

В странах, условно обозначаемых как Е-12, картина более мозаична, но и здесь далеко не все правящие партии вышли победителями. К последним можно отнести консерваторов Польши, социал-демократов Словении и Словакии, либералов Эстонии. Зато с треском провалились власть имущие социалисты Венгрии и литовские консерваторы. С минусом (относительно выборов 2004 г.) завершили выборы правящие консерваторы Чехии и Мальты.

Парламентские выборы в ряде стран — членов ЕС, состоявшиеся после евровыборов, также подтвердили в целом вышеобозначенные тенденции. В Германии относительно результатов общенациональных выборов понесли потери, правда в разной степени, и ХДС/ХСС и СДПГ, в Португалии недобрали голоса электората социалисты, а в Греции — местные консерваторы. В Болгарии был очевиден ущерб для правящего блока партии социалистической ориентации.

В целом же правящие партии добились успеха там, где их лидерам удалось найти хотя бы временное противоядие распространявшемуся кризису, а оппозиция не смогла предложить населению действенных мер его преодоления. Проиграла оппозиция и вследствие внутрипартийных разборок, хотя последние также подтачивали и правящие партии.

Констатация этих обстоятельств отнюдь не снимает вопроса о победителях и побеждённых не только по схеме «власть — оппозиция», но и по сугубо партийным критериям, ибо общий итог выборов красноречиво свидетельствовал о практически безоговорочном преимуществе партий консервативно-клерикальной направленности над социал-демократической «семьей» Европы, а также об известном ослаблении позиций либерального лагеря.

Потери социал-демократии

Тенденция к усыханию электората социал-демократии «большой Европы» наметилась уже на евровыборах 1999 г. и получила новое развитие в 2004 г. Однако на выборах 2009 г. она приобрела особое качество — практически повсеместного проигрыша основным политиче-

ским противникам: демохристианам и консерваторам. Причём проигрыш очевиден по всем четырём уровням властной субординации. Сокрушительное поражение относительно результатов 2004 г. потерпели однопартийно правящие партии социал-демократической направленности в Португалии (–13, 4%), Великобритании (–12%) и Испании (–3,7%). Не лучше обстоит дело в Австрии (–5,9%), где социал-демократы возглавляют коалиционный кабинет. Да и будучи «младшими партнёрами» в связке с демохристианами-консерваторами, социал-реформаторы практически вчистую проиграли им евровыборы: Германия (–17,1%), Люксембург (–12,4%), Нидерланды (–7,8%), Бельгия (–7,7%). Не извлекли они выгоды и из положения оппозиции, которая, как уже говорилось, традиционно получает шанс обойти правящие партии. Во Франции соответствующий показатель равнялся (–11,2%), в Италии (–8,4%), в Финляндии (–5,7%). Некоторым утешением социалистам и социал-демократам послужили итоги евровыборов в Греции (+4,4%). Обошли они партии консервативной направленности в Дании (+8,2%) и Швеции (+1,1%). Однако здесь исторически основными противниками местной социал-демократии являются партии либерального толка. В Ирландии местные лейбористы также несколько опередили либералов (+2,5%), однако, оказались далеко позади консерваторов (–15,2%). Общий итог выборов в Е-15, если использовать спортивную терминологию, составил 12 : 3 в пользу демохристиан/консерваторов.

Не лучше обстояло дело в группе новичков Евросоюза. Здесь практически во всех странах, вне зависимости от степени участия во властных структурах, партии социал-демократической ориентации уступили своим христианско-демократическим, либо консервативным оппонентам. Вчистую проиграла социал-демократия стран прежнего «социалистического лагеря». Наиболее ощутимым было поражение правящих венгерских социалистов (–39%), причём их консервативные соперники из партии ФИДЕС установили европейский рекорд национальной популярности, получив 56,4% голосов венгерского электората. Крупно проиграли и оппозиционные социалисты Польши (–33,2%). В соседней Чехии социал-демократия также сдала позиции (–9%). Уступили пальму первенства и социалисты Болгарии, отстав от консерваторов на 7,3%. Примерно с таким же разрывом проиграли основной консервативной партии Словении социал-демократы этой страны (–8,5%). Более ровным выглядело соотношение сил между социал-демократами и консерваторами Румынии (+0,3%). Единственно сильнее местной консервативной партии Словацкий демократический и крестьянский союз социалисты из СМЕР (+15%). Однако

с учётом других правых оппонентов — Венгерской коалиционной партии и Крестьянского демократического движения и здесь в целом социал-демократы проиграли.

В странах Балтии диспозиция между членами социалистической фракции в ЕП и представителями консервативных сил также не в пользу левых: Латвия (–27,2%), Эстония (–8,5%), Литва (–6,7%). Причём латвийские социал-демократы в этот раз даже не попали в ЕП. Некоторым утешением для европарламентской фракции социалистов стало появление в ней социалистов Кипра, хотя разрыв между ними и христианскими демократами огромен (–25,7%). Единственными чистыми победителями в своей стране среди Е-12 стали лейбористы Мальты, уверенно победившие своих единственных реальных противников из Национальной партии (+14%).

Столь провальные результаты для социал-демократии Европы как в Западной и в Восточной её частях нельзя объяснить исключительно местными условиями, особенностями конкретной социально-экономической ситуации. Речь лишь об общеевропейском процессе.

Правый поворот

Предпочтения, отданные избирателями в 2009 г. демохристианам-консерваторам, вполне объяснимы. В них европейский избиратель с учётом как ситуации, так и многолетнего опыта политической борьбы увидел более перспективный вариант отправления власти. Сделанные главным лозунгом требования вливания средств, как частных, так и государственных, в поддержку экономики, сокращение налогов для бизнеса, выглядели более надёжным векселем, чем традиционный социал-демократический акцент на исправление бюджета в сторону чисто социальных мероприятий. Если социал-демократы были озабочены поддержкой безработных, то демохристиане предлагали создать новые и восстановить старые рабочие места.

Но противники социалистов отнюдь не игнорировали социальные проблемы. Просто они ставили их в зависимость от конкретных хозяйственных возможностей своих государств. И избиратель счёл более востребованным этот вариант политики. В целом электорат посчитал демохристиан и консерваторов более компетентными в качестве силы, способной найти выход из сложившейся ситуации.

Важным обстоятельством, повлиявшим на итоги выборов, было отсутствие в рядах социалистов ярких личностей, лидеров типа В. Брандта, Ф. Миттерана, Б. Крайского, Ф. Гонсалеса, М. Соареша и К. Сорсы, с именами которых были связаны успехи социал-демо-

кратии последней трети XX в. Ныне же лидерами не только национального, но и континентального масштаба выступают консервативные и христианско-демократические политики: А. Меркель, С. Берлускони, Н. Саркози. На европейской арене весьма заметны также нидерландец Я.-П. Балкенэнде и люксембуржец Ж.-К. Юнкер. В качестве первого лица в ЕС утвердил себя за время председательства в Еврокомиссии Ж.М. Баррозу, длительное время бывший ведущим консервативным политиком Португалии.

Неоднозначными стали итоги евровыборов и для либералов Старого Света. По сравнению с выборами в ЕП 2004 г. успеха добились соответствующие партии в Германии (+5,9%), Италии (+5,9%), Нидерландах (+5,3%), Люксембурге (+4,3%). В Восточной Европе усилились либералы Эстонии (+21,6%). В остальных странах налицо неудачи этого крыла европейской партийно-политической системы. Во Франции либералы недобрали 3,4% голосов избирателей, в Ирландии — 4,8%, Финляндии — 3,9%. Ослабили электоральные позиции либералов Бельгии (–1,8%), Дании и Великобритании (по 1,2%). Среди восточноевропейских либералов наиболее пострадали венгры (–5,6%). Уменьшился электорат либеральных партий в Латвии, Литве, Словении. В Болгарии и Румынии местные партии либерального толка оказались на третьих ролях. В целом же ни в одном из европейских государств соответствующие партии не смогли обойти ни успешных демохристиан/консерваторов, ни проигравших им социал-демократов.

Причины этого обусловлены не только дряхлеющим уже несколько десятилетий процессом ослабления либерального компонента в европейской политике, но и неконструктивным подходом этого течения европейской мысли к путям выхода из нынешнего финансово-экономического кризиса. В отличие от демохристиан и консерваторов либералы фактически пренебрегли социальными задачами. Ретроградными выглядели и попытки видных представителей либерального лагеря противиться политике правительств, использовавших государственные рычаги для спасения банковской сферы и производственных мощностей. Тезис о свободном нерегулируемом рынке явно вступал в противоречие с необходимостью применения дирижистских методов в условиях спада экономики.

Евроскептики: умеренные и радикалы

Хотя абсолютное большинство политических партий в ЕП относятся к категории еврооптимистов и еврореалистов, тем не менее в рядах консервативного блока партий образовалась брешь, которую пробили

ещё несколько лет назад британские консерваторы. Их особое мнение о неприемлемости для Великобритании подчинения всем решениям Евросоюза привела после нынешних выборов к образованию самостоятельной фракции Европейских консерваторов и реформистов. В её состав помимо британцев вошли также депутаты из чешской Гражданской партии и Венгерского демократического форума, ранее тоже состоявшие во фракции Европейской народной партии. К ним добавились представители польской партии клерикальной ориентации «Закон и справедливость», а также одиночные депутаты из Бельгии, Нидерландов, Латвии, Литвы. В целом членов фракции, чья консервативная ориентация не вызывает сомнения, можно охарактеризовать как умеренных евроскептиков, не выступающих против ЕС как такового, но делающих акцент на несовершенство многослойного интеграционного процесса расширения ЕС. Можно предположить, что этот императив новой группы поставит её в нынешней легислатуре ЕП по другую сторону баррикад от их идейных единомышленников — христианских демократов и других консерваторов.

Весьма близкими к вышеназванной фракции в оценке перспектив развития Евросоюза будут депутаты также вновь образованной группы «Европа мира и демократии», 32 члена которой представляют 12 партий из девяти стран ЕС. И здесь закопёрщиками являются британцы, а именно укрепившая свои позиции после выборов 2009 г. Партия независимости Великобритании. Её представители требуют выхода своей страны из ЕС при сохранении с ним партнёрских отношений. Менее радикален другой крупный отряд группы: итальянская «Лига Севера». Ключевым требованием этой партии является изменение конфигурации в ЕС; предоставления крупным регионам, прежде всего итальянскому Северу, прав, фактически равных с правами самостоятельных стран — участников Евросоюза.

Для «Лиги Севера», равно как и для таких партий, входящих в группу как «Европа мира и демократии», Народная партия Дании, ЛАОС Греции, «Истинные финны» Финляндии, а также Словацкой народной партии и других, важным элементом политики является скептицизм в отношении иммиграционной проблемы. Правда, разброс мнений здесь достаточно велик: от ограничения иммигрантов в их политических и социальных правах до насильственной высылки за пределы ЕС.

Однако большинство партий радикал-националистического толка остались по разным причинам, в том числе и личного характера, вне фракций и групп. Статистика ЕП отнесла их к разряду «внефракционных» (non-attached). Практически все они являются отнюдь не мало-

заметными игроками на политической арене своих государств. Выступающая с требованием жёсткого отношения к мусульманам Партия Свободы Нидерландов получила на выборах в ЕП 17% голосов избирателей, став по этому показателю второй партией страны. 14,2% голосов венгров получила партия «Иобик», требующая жёстких мер против цыган. 13%-ный рубеж преодолела в Австрии Партия свободы. 10,3% в общебельгийском зачёте получила партия «Фламандский интерес», предшественник которой, Фламандский блок, был в своё время запрещён за пропаганду расизма. Укрепили свои позиции в электорате Румынии и Болгарии националистические «Великая Румыния» (7,2%) и «Атака» (11,4%). Несколько ослабили позиции во французском электорате Национального фронта (6,5%). Радикал-национализм укрепил своё влияние и на британских островах: в ЕП прошли два депутата от Британской национальной партии (6,2%).

В конце прошлой легислатуры ЕП националисты разных стран уже предпринимали попытку соединиться в особую группу, названную «Самобытность, традиции, суверенитет». В неё первоначально вошли Национальный фронт Франции, «Великая Румыния», болгарская «АТАКА», Партия свободы из Австрии, «Фламандский интерес» Бельгии, ряд отдельных депутатов из Италии и Великобритании. Были выполнены формальные требования ЕП, касавшиеся численности группы и её странового представительства. Политическими лозунгами группы были объявлены защита христианских ценностей и семейных традиций, борьба с массовой иммиграцией, противодействие созданию «европейской супервласти».

Факт усиления позиций радикал-националистов в политических структурах Европейского союза привлёк не меньше внимания, чем перевес христианских демократов над социал-реформаторами. Очевидно, что нерешённость либо нерешаемость комплекса иммиграционных проблем на фоне опасения европейцев потерять рабочие места, перспективы вступления Турции в ЕС, что усилит и приток дешёвой рабочей силы, и влияние нехристианского конфессионального фактора — всё это в совокупности даёт дополнительный политический шанс деструктивным праворадикальным силам.

Зелёная волна с розовым оттенком

Менее обсуждаемым, но не менее значимым обстоятельством, проявившемся на выборах в ЕП в 2009 г., стало заметное укрепление «зелёного» лагеря. Фракция «Зелёные/Европейский свободный альянс», несмотря на общее сокращение мест в ЕП, оказалась единственной,

кто увеличил численность своей фракции (с 42 до 55 депутатов). В странах Е-15 «зелёные», за исключением Австрии (–3,1%) и Ирландии (–2,6%), везде в большей или меньшей степени обеспечили себе рост электоральных позиций. Наиболее востребованными оказались партии экологической ориентации в Люксембурге (17%), во Франции (16,2%), в Бельгии (13,1%), Финляндии (12,4%), Германии (12,1%), Великобритании (10,7%). Добились прироста голосов партии этой группы в Нидерландах (8,9%) и Дании (7,1%). Впервые вошли в ЕП «зелёные» Греции (3,5%). Кроме того, фракции «зелёных» в ЕП дополнили представители ряда близких к экологистам течений из Испании и Латвии. Правда, в странах Восточной Европы «зелёные» ещё не обрели статуса силы, востребованной в политическом отношении.

Представляется, что успех западноевропейских «зелёных» в первую очередь связан с актуализацией в последнее время темы поиска альтернативных энергетических источников. Топливный кризис осени 2008 г. — зимы 2009 г. вновь сделал важной проблему мирного использования атомной энергии. Убеждённые противники расконсервации старых и строительства новых АЭС смогли найти аргументы для той части населения Европы, которая ещё помнила уроки Чернобыля. Актуальной осталась тема охраны природы от загрязнений промышленными отходами. Наконец, международный диалог о глобальном потеплении как результате неразумной индустриальной политики также направил ветер в паруса экологических партий. Характерно и то, что они смогли предложить программу, где конструктивный компонент был не менее весом, чем критический. «Зелёные» также смогли увязать свойственную им проблематику с темой реформирования Евросоюза.

Электоральным источником пополнения рядов сторонников «зелёных» стали левые партии. В целом группа «Объединённых левых» в Европарламенте сократила своё представительство с 41 до 35 депутатов.

Новая система координат

Меняющийся мир, естественно, не только оказывает влияние на роли партий как таковых, но и побуждает вносить коррективы в оценку западноевропейской партийной структуры. В этой связи возникает ряд сложных, во многом спорных вопросов. Один из существенных — не устарела ли привычная схема этой структуры — членение партии на левые, правые и центр.

На стадии становления и развития капиталистической общественной формации такое деление не вызывало никаких сомнений. Правы-

ми именовали себя сторонники консервативно-либеральных сил и апологеты политического клерикализма. Они представляли интересы наиболее состоятельных слоёв общества и ориентировались либо исключительно на упрочение традиций, либо на осмотнительное реформирование сложившихся структур при безоговорочном сохранении ценностных установок прошлого. Левые рассматривались как защитники социально и политически ущемленной части социума, выступая в одних случаях за эволюционное, а в других — за радикальное преодоление капиталистической системы. В обоих лагерях присутствовали крайние фланги: фашиствующие радикалы в одних и радикально левые у других. Центризм воспринимался обычно как политический эвфемизм — синоним практики согласия, компромисса, договорённости. Умеренные (центристские) силы, как правило, пребывали внутри основных — правых и левых — «политических семей»¹.

К концу XX в. в Европе, прошедшей сложный и противоречивый путь, сложилась общественная система, которую можно условно обозначить как *социализированный капитализм*, — триединство социальной рыночной экономики, социального государства и социально-политического партнёрства. Мотором развития экономики были, главным образом, правые партии, зачинателями социальных преобразований — левые. Правовое государство складывалось совместными усилиями правых и левых, стремившихся воздвигнуть барьер на пути экстремистов с обеих сторон. Они же сформировали партнёрские институты, стремившиеся решать классовые разногласия в рамках переговорного процесса.

Социализированный капитализм, бывший плодом совместных усилий основных политических лагерей правой и левой ориентации, свидетельствовал об ограниченности одностороннего подхода к перспективам общественного развития. Консерваторы и либералы не сумели создать общество, руководствующееся исключительно традициями и основанное на утверждении неограниченного права частной собственности. В свою очередь, социал-демократам удалось лишь частично реализовать модель «демократического социализма», воплотив её постулаты в надстроечных структурах капиталистических общественных отношений. Поражение общественного строя, именовавшего себя «реальным социализмом», продемонстрировало уязвимость коммунистического варианта общественных преобразований.

¹ Не противоречит этому выводу и самоидентификация партий как «центристских». Например, в период Веймарской республики существовала Католическая Партия центра. Под такими же названиями действуют в послевоенный период некоторые партии либерального толка Скандинавских стран, ориентирующиеся на городские и сельские средние слои.

В результате процессов, обрисованных выше, на рубеже нового тысячелетия традиционные структурные единицы политики утратили многие родовые черты, свойственные им в прошлом. Схема левые-правые как самоидентификация основных политических игроков полностью не исчерпала себя, ибо сохранились идеологические различия и политическая конкуренция. Однако на практике всё заметнее проявляется превращение осевых партий как левой, так и правой ориентации в организации, добывающиеся электоральной поддержки, апеллируя к самым различным социальным слоям и группам. Приходя к власти в коалиции или в одиночку, и те, и другие проводят курс, в котором — вполне логично с точки зрения нынешнего этапа развития — присутствуют элементы разного содержания. Тем более что законодательная база не позволяет пришедшим к власти силам выходить за рамки, очерченные законом.

Сказанное, конечно, не исключает, что в случае обострения социальной ситуации отношения между, условно говоря, левыми и правыми могут вновь приобрести остро конфликтный характер. Существует также вероятность того, что потеря альтернативности в политике, обусловленная стиранием граней между основными партиями различной ориентации, приведёт не только к реанимации, но и к существенному укреплению позиций радикальных политических сил.

Набирающая обороты интеграция, развивающаяся не только вглубь, но и вширь, выводит ныне на передний план новую форму группировки политических сил: их членение на тех, кто безоговорочно или с определёнными оговорками *поддерживает* сложившуюся в странах ЕС экономическую и политическую *систему*, и тех, кто её категорически отвергает, на тех, кто выступает за дальнейшую интеграцию стран Западной и Центральной Европы, и тех, кто видит в интеграции и глобализации главным образом негативные последствия.

Просистемными, на наш взгляд, являются либеральные и консервативные партии (включая теряющих свои прежние позиции политических клерикалов), а также социал-демократы, к которым в ряде случаев примыкают некоторые партии, считавшиеся в прошлом коммунистическими. Этот лагерь, в свою очередь, распадается на тех, кто продолжает делать упор на трансформированные в духе глобализации рыночные ценности (либералы, консерваторы и демохристиане), и тех, кто уделяет главное внимание вопросам социально-экономического и экологического развития (социал-демократы, примыкающие к ним реформировавшиеся коммунистические партии и часть зелёных).

Антисистемный лагерь образуют крайне разнородные силы. Прежде всего, это совокупность анти(ино)глобалистских движений, добыва-

ющихся изменения основного вектора глобализационного и интеграционного развития. В своей основе эти движения интернационалистские и могут в какой-то степени рассматриваться как продолжатели традиций прежних левых движений. В заметной степени представлены в их рядах радикальные левые: сохранившиеся коммунистические партии, иные коммунистические группировки, радикальные экологи и т.д. Противоположный фланг антисистемного лагеря составляют бывшие и сохранившие прежние установки радикал-националисты, отстаивающие взгляды, отличающиеся зоологическим национализмом, ксенофобией и патологическим неприятием всего того, что воспринимается ими как неприемлемые новшества, измена традиционному прошлому. К антисистемному лагерю могут быть причислены и регионал-сепаратисты, которые в своих крайних проявлениях добиваются не только разрушения соответствующих государств, но и, как правило, занимают ретроградские позиции по большинству вопросов современного развития.

Вхождение Европы в новую систему политико-экономических, культурных и информационных отношений делает также весьма сомнительной схему «политических волн», время от времени захлестывающих Старый Свет. Вводимые, хотя и с большим трудом, единые правила игры в хозяйственном, правовом и социальном пространстве не дают возможности правящим партиям предпринимать решительные шаги, нарушающие установленные границы. В ряде случаев просистемные силы оказываются перед необходимостью, исходя из тактических соображений, включать в состав правительства представителей антисистемных организаций, препятствуя тем самым нарушению последними принятых правил игры. Это даёт в целом положительные результаты, хотя присутствие, например, в конце 90-х годов — начале XXI в. в правительствах Австрии, Италии, Португалии, Нидерландов, возглавляемых консерваторами, представителей местных радикальных националистов заметно осложнило жизнь лидерам соответствующих коалиций. Немалые проблемы создавало в эти же годы правящим партиям — членам Социнтерна во Франции и Италии участие в парламентском большинстве местных коммунистов.

В целом можно констатировать, что кризисные явления, от которых страдают политические партии Евросоюза, не только отражают глубинные сущностные процессы, но и вполне осязаемо сказываются на их текущей практической деятельности. Именно этим во многом обусловлены те метания электората, которые можно наблюдать в последние годы. Доля постоянно голосующих за одни и те же партии неуклонно снижается. Всё более массовыми становятся пограничные

электоральные слои, политические предпочтения которых имеют не стабильный, а ситуационный характер.

Обозначенные выше подвижки в электоральном поведении избирателей осложняют не только достижение консенсуса на уровне Европарламента. Они объективно препятствуют и согласию верхов на национальной политической арене. Расколы традиционных партий, появление партий-однодневок, нарастающие сложности при формировании коалиционных правительств, усиление межфракционной борьбы даже в тех случаях, когда у власти находятся однопартийные правительства, гиперболизация роли лидеров — вот лишь неполный перечень симптомов того состояния, в котором многопартийность Западной Европы завершает первое десятилетие XXI в.

Кризис партийно-политической системы Запада не даёт тем не менее оснований для вывода о близящемся завершении функционирования этой формы представительной демократии. Партии, являющиеся наиболее чутким барометром общественных настроений, скорее всего, будут и в дальнейшем выполнять функции организатора многих сторон жизни меняющегося мира. Иное дело, что содержательной стороне партийной деятельности надлежит приобрести такие качества, которых требует кардинально обновляющаяся ситуация.

В первом приближении можно предположить необходимость формирования устойчивых связей партийных, движенческих и корпоративных структур. Очевидно, что подобная система представительства интересов, скорее всего, появится в странах, претендующих на роль лидеров мирового сообщества.

Партийная система не распадется также и потому, что глобализационные процессы, скорее всего, постепенно распространятся на всё европейское пространство. Формирование общности европейских экономических, политических, социальных, оборонных, культурных систем предполагает повсеместное стабильное функционирование политической надстройки. Десятилетия господства однопартийных режимов не искоренили естественную для населения государств прежнего «социалистического содружества» тягу к плюрализму идей и действий. Политическая культура жителей стран, небольших по территории, непосредственно граничащих с западной частью континента, стран, где многопартийность сохранилась в исторической памяти народа, благоприятствует становлению политических партий, а, следовательно, и более-менее успешному функционированию системы представительной демократии.

Власть и партии в постсоветской России

На исходе 80-х годов XX в. в России обозначились перспективы эволюции общественно-политического развития от авторитарного к демократическому строю. Становление многопартийной системы на практически не освоенном пути неизбежно столкнулось с трудностями как объективного, так и субъективного свойства. Два десятилетия этого противоречивого процесса дают возможность оценить его первые результаты, а также обстоятельства различного рода, сопутствовавшие или же затруднявшие выход на новые рубежи политической истории России.

Политический плюрализм поздней перестройки

Переход от моно- к многопартийности как организационному выражению разномыслия в широких общественных кругах начался уже на последней фазе существования СССР. Именно тогда обнаружилось, что политический авангард, каким являлась КПСС, оказался неспособным переварить тот вал проблем, который обрушился на Советский Союз в 80-е годы. Кризисные явления во всех областях жизни советского общества, казавшегося ещё недавно преуспевающим, исподволь подтачивали веру масс в руководящую роль КПСС, заставляя партию постоянно перестраиваться на марше. Смена трех генсеков (с ноября 1982 г. по март 1985 г.) совпала с тремя основными тенденциями в тогдашнем партийном руководстве: реформаторско-силовой (Ю. Андропов), консервативно-охранительной (К. Черненко) и демократически-реформаторской (М. Горбачёв).

Появление Б. Ельцина на политической арене лишь чисто внешне казалось рождением героя-одиночки. На самом деле его борьба с консерваторами из Политбюро отражала недовольство широких слоёв коммунистов низшего и среднего звена всем тем, что получило название «застойные явления», которые отнюдь не исчезли в одночасье с приходом к власти перестройщиков. С другой стороны, существование консервативной группировки Лигачёва—Полозкова также не было только проявлением персональных амбиций оппозиционной Горбачёву провинциальной номенклатуры.

Наряду с явной эрозией в рядах КПСС намечился ещё один пласт протопартийной деятельности. В крупных промышленных центрах России, в рамках неформальных общественно-дискуссионных клубов

всё более проявляла себя активность нечленов КПСС, прежде всего, из рядов творческой и научно-технической интеллигенции. Именно они впервые поставили проблему формирования политических объединений западного типа: социал-демократических, либерально-консервативных, национально и религиозно ориентированных.

1989–1991 гг. стали периодом бурной партийно-политической активности. Новая система выборов в Верховный Совет СССР, а также выборы в высший законодательный орган РСФСР поставили на повестку дня возможность выдвижения кандидатов, не только не связанных с КПСС, но и в отдельных случаях выступающих в качестве политических оппонентов курсу компартии. И межрегиональная депутатская группа Съезда народных депутатов СССР, и возникшая в процессе выборов в Верховный Совет РСФСР организация «Демократическая Россия», в ряды которой влились многие выходцы из неформальных объединений, могли стать прототипом параллельной КПСС (в масштабе, как России, так и СССР) мощной политической силы, способной конкурировать с ней в борьбе за власть.

В марте 1990 г. III Съезд народных депутатов СССР создал условия для легитимизации многопартийной системы, изменив редакцию статьи 6 Конституции СССР и упразднив тем самым политическую монополию КПСС на власть. Принципиальное значение имела и новая редакция статьи 51 Конституции, в которой декларировалось право советских граждан на создание партийных структур. В октябре того же года был принят закон «Об общественных объединениях», заложивший основы правового регулирования деятельности политических партий. Была зафиксирована возможность участия партий в деятельности органов законодательной и исполнительной власти. С 1 января 1991 г. закон вступил в силу, что дало толчок к формализации многопартийной системы.

Последний год существования СССР не привел к становлению в России единой политической партии для тех, кто называл себя демократами. Смерть в декабре 1989 г. А. Сахарова как морального лидера новых сил и фактический отказ Б. Ельцина от руководства «Демократической Россией» свели последнюю лишь к конгломерату всё более амбициозных лидеров мелких движений.

Б. Ельцин полагал, что пришёл к власти в России (вначале как председатель ВС РСФСР, а затем, после выборов 12 июня 1991 г., как президент РФ) в качестве некоего общенационального лидера, а не как представитель оппозировавших КПСС кругов. Характерно, что, объявив с трибуны XIX партконференции КПСС (июль 1990 г.) о своём выходе из компартии, он мотивировал этот шаг не столько несогласием

с курсом её руководства, сколько своими новыми надпартийными функциями в качестве председателя ВС РСФСР.

Одним из своих первых указов (1 июля 1991 г.) президент РСФСР запретил любую политическую деятельность в учреждениях и на предприятиях. Таким образом, нарождавшееся, прежде всего, в трудовых коллективах под брэндом «Демократической России» объединение тех, кто готов был стать членами новой партии, было пресечено на корню.

Явно не способствовал укоренению в России многопартийности и такой силовой шаг Ельцина, как приостановка после путча ГКЧП в августе 1991 г. деятельности КПСС и последующее судебное разбирательство. Создавался прецедент для подобного рода действий против любых политических противников. Те, кто готов был на волне невиданной политической активности масс включиться в партстроительство, должны были задуматься над своей возможной судьбой. С другой стороны, в новых условиях президент РФ и его разношерстное окружение в одночасье превратились в государственную элиту высшего ранга. Для такого превращения не понадобились ни партийная победа на выборах, ни даже активность партий, представленных отдельными деятелями из окружения Ельцина.

Сформированное осенью 1991 г. правительство Е. Гайдара также состояло в своём большинстве не из партийных лидеров, а из чиновников, близких к президенту. В результате Россия вступила в 1992 г. (первый год её существования как независимого государства) со структурами законодательной и исполнительной власти, сформированными на излёте прежней общественно-политической и социально-экономической системы.

Хаотичная многопартийность 90-х годов

Экономические и политические потрясения России 1992–1993 гг. не создали в стране благодатной почвы для партийной деятельности. С одной стороны, многие депутаты Верховного Совета РФ стремились, используя своё должностное положение, вербовать сторонников, прежде всего, в тех округах, от которых были избраны. Создавались партии, в названии которых причудливо сочетались слова «демократия, социализм, народ» и обязательно — «Россия». Но партии эти, как вскоре стало ясно, были подобны карточным домикам, не выдерживая даже умеренного ветра политической борьбы. По существу же, аппарат этих так называемых партий состоял в основном из помощников тех или иных депутатов, т.е. тех, кто, в свою очередь, сам рас-

считывал в обозримом будущем занять «тёплое место» в системе законодательной власти с дальним прицелом на карьеру в системе власти исполнительной.

Чередой постоянных конфликтов Б. Ельцина и его окружения со всё более фрагментировавшимся Верховным Советом РФ, депутаты которого, несмотря на изначально заявленные, подчас полярные идейно-политические позиции, неуклонно сдвигались к жёстко оппозиционной борьбе с властью, отдаляла и ослабляла процесс формирования в России нормальной по европейским меркам партийно-политической системы. Президент РФ всё очевиднее ощущал на себе враждебное отношение большинства представленных в ВС РФ партий. Это укрепляло у него стойкую неприязнь к партиям как таковым, к их участию во властных структурах России в центре и на местах.

Получив в апреле 1993 г. на референдуме поддержку большинства голосовавших, Ельцин окончательно уверовал в то, что парламент должен стать декоративным приложением к институтам исполнительной власти. В этом мнении президента и его окружения укрепляло то, что лагерь демократической ориентации, который в своё время поддерживал Ельцина, находился в плачевном состоянии: происходившие в нём «разборки» катастрофически подрывали престиж демократов в обществе. Ещё более существенный удар по этому престижу был нанесён экономическим хаосом начала 90-х годов, который ассоциировался у значительной части прежнего ельцинского электората с понятием «демократы».

«Жаркая осень» 1993 г., завершившаяся разгоном и расстрелом Верховного Совета, стала существенным рубежом в процессе создания в России многопартийной системы. В течение нескольких месяцев власть провела выборы в новый парламент — Государственную Думу, наскоро составила и добилаcь принятия путём референдума, совпавшего по срокам с парламентскими выборами, новой Конституции России. Последняя явно умаляла роль органов законодательной власти, непомерно усиливая власть исполнительную, прежде всего президентскую.

Государственная Дума, ощущая свою изначальную неполноценность, уже в свою первую легислатуру 1993—1995 гг. попыталась, приняв Закон об общественных объединениях, как-то регламентировать деятельность участников политического процесса. Напомним, что в тексте Конституции 1993 г. субъекты российской политики были обозначены лишь контурно. В законе, вступившем в силу в мае 1995 г., было введено нормативное понятие «политическое общественное объеди-

нение», устанавливались параметры регистрации этих объединений, обозначались условия такой регистрации в качестве субъектов политической жизни. Определённые ограничения накладывались и на легитимных участников политического процесса. Им запрещалось получать финансовую помощь из-за рубежа, хотя возможность участия в международных партийных объединениях не отрицалась.

Отметим, что упомянутый выше Закон никаким образом не регламентировал финансирование объединений внутри России. Это впоследствии создало немало проблем для деятельности целого ряда политических партий. В Законе также не было чётко зафиксировано различие между понятиями «политическое общественное объединение» и «политическая партия». Последнее обстоятельство способствовало переводу стрелки партийного строительства в русло чисто электорального, ограниченного очередными выборами, формирования персональных блоков с целью получения их лидерами заветных думских кресел. Блоки, а их число превышало количество партий, как правило, делали упор не на идейно-политическую сущность представляемого ими движения, а на личную популярность лидеров, которые профессионально подчас были далеки от политической сферы.

Выборы в Государственную Думу 1993, 1995 и 1999 гг. показали определённые, вполне осязаемые тенденции электорального поведения избирателей. Часть из них, порядка 20–25%, твёрдо стояла на позициях поддержки КПРФ, которая представлялась им не только защитницей явно ущемлявшихся властью экономических и социальных прав малоимущих слоев населения, но и наследницей КПСС, с которой связывались надежды на частичную реанимацию советской союзной системы.

Резкий электоральный рывок ЛДПР на выборах 1993 г. (22,9%) сменился ощутимым спадом поддержки партии Жириновского в 1995 г. (11,2%) и 1999 г. (6%). Являясь вначале выразителем запроса части электората на национал-патриотизм, она по мере оформления других политических защитников подобных позиций вынуждена была потесниться. В целом партии подобного толка набирали порядка 20% голосов избирателей. С учётом электората некоторых малых «антиэлитных» партий протестный, прокоммунистический и национал-патриотический избирательный корпус составил на выборах 90-х годов не менее половины всех избирателей.

В сложившихся условиях власть, понимая, что партии не только играют особую роль на парламентских, региональных и местных выборах, но и во многом определяют предпочтения избирателей на вы-

борах президента, попыталась создать российский вариант «партии власти». Поскольку сам Ельцин поставил себя изначально над партиями, её лидером должен был стать кто-либо из его ближайшего окружения. Однако ни С. Филатову, ни А. Яковлеву не удалось сформировать такую структуру между выборами 1993 и 1995 гг. Не удалось создать партию поддержки президентского курса, именующую себя левой, и председателю Государственной Думы И. Рыбкину. Более надёжным с точки зрения электоральной перспективы выглядело выдвижение на роль лидера «партии власти» премьер-министра В. Черномырдина. Но и созданная им партия «Наш дом — Россия» получила в 1995 г. всего лишь 10% голосов, а на следующих выборах 1999 г. даже не преодолела пятипроцентный барьер — условие для попадания в Думу.

Удручающая картина сложилась в это время в стане тех, кого можно было условно отнести к лагерю «критически солидарных» с властью. Опиравшиеся на поддержку части сформировавшегося российского олигархата и сохранившие верность принципам демократии и рыночной экономики такие деятели, как Е. Гайдар, Г. Явлинский, И. Хакамада, Б. Немцов, С. Шахрай и др., не смогли найти взаимоприемлемую, консенсусную основу для формирования единой партии. Это во многом объяснялось не только их ориентацией на различные электоральные прослойки, главным образом, в крупных промышленных центрах, но и непомерными личными амбициями, стремлением оттеснить от руководящих функций в будущей партии своих соратников-соперников из идейно-родственной политической силы.

Поиск нового варианта «партии власти» был связан с неизбежной подготовкой к смене высшего должностного лица. Первоначально на этот пост предполагался Е. Примаков как наиболее приемлемая по своим взглядам фигура не только для московской и Санкт-Петербургской элит, но и для части провинциального истеблишмента. Под будущего президента был создан блок «Отечество — вся Россия». Однако ближайшее окружение Ельцина и он сам полагали, что бывший премьер-министр не будет в новом качестве лоялен президенту и его семье.

С подачи людей, близких президенту, прежде всего, из Санкт-Петербургского окружения, последним председателем правительства «ельцинской эры» был назначен В.В. Путин, ставший в первые месяцы 2000 г. и.о. президента РФ. Электоральную поддержку ему должен был оказать блок «Единство», делавший упор на успешность проведённой Путиным антитеррористической операции в Чечне и на некоторые меры по преодолению последствий дефолта августа 1998 г.

Результаты выборов 19 декабря 1999 г. выявили новую электоральную тенденцию. Избиратель активно (23,3%) поддержал новичка — «Единство», причём во многом этот результат был достигнут за счёт эффективного вхождения во власть В.В. Путина. Менее впечатляюще выглядел другой претендент на роль «партии власти» — приматовско-лужковское «Отечество — вся Россия» (13,3%). На позициях, близких к 25%, осталась КПРФ. Невнятно выглядели результаты «Яблока» (около 6%) и «Союза правых сил» (8,5%).

Хаотичная многопартийность 90-х годов воспринималась значительной частью политической элиты России как следствие множества нерешённых проблем. Тем самым новый президент России и его ближайшее окружение объективно были поставлены перед необходимостью решить вопрос адекватности всей системы законодательно-исполнительной власти, в том числе определения роли и места российского партийного сообщества.

Партии в пирамиде власти начала XXI в.

На первый взгляд могло показаться, что восьмилетний срок пребывания В.В. Путина на посту президента привёл к радикальным переменам в партийно-политической системе России. На самом деле новый глава высшей исполнительной власти лишь придал ускорение тем тенденциям, которые начали формироваться при его предшественнике. Неустойчивость внутривластной и социально-экономической ситуации 90-х годов при невнятном и склонном к колебаниям внешнеполитическом курсе — тормозила и без того вялотекущий характер партийного строительства в России. Известная стабилизация её хозяйственного развития в «эру Путина», улучшившая социально-экономическое положение зажиточной части населения, определённым образом облегчившая жизнь среднего класса и сохранившая «порог выживаемости» для малообеспеченных категорий граждан России, как и некоторые другие обстоятельства, позволили власти реформировать политическую систему без особых помех со стороны оппозиции разного толка.

Складывавшаяся при Б. Ельцине пирамида власти, которую венчал сам президент, реализуемая его администрацией и правительством при запрограммированном в большинстве случаев согласии законодательного органа, была в «эру Путина» «отточена» до предела. Тщательный подбор руководящих кадров, опиравшийся на полузабытое с брежневских времён землячество, на личные дружеские связи, профессиональную корпоративность с добавлением возникших после

1991 г. олигархических скреп, позволил предельно усовершенствовать властную вертикаль.

Собственно партийная составляющая, прежде всего в думском исполнении, не могла в первую легислатуру Путина стать помехой его новациям. Во второе же четырёхлетие она постепенно превратилась, хотя и не главную, но всё же существенную опору исполнительной власти.

При Ельцине партии делились на те, которые поддерживали власть, либо, не без критики, но всё же солидаризировались с ней, и те, которые составляли реальную оппозицию. Последующие же годы характеризовались безусловной гегемонией сподвижников режима, сопровождаемых «оппозицией её величества». Роль последней послушно выполняла КПРФ, которая, дорожа благосклонностью власти, не решалась всерьёз вынести её критику за пределы здания на Охотном ряду. ЛДПР усилиями её лидера заняла апробированную в девяностые годы демократами позицию «критической солидарности» с властью. Пропрезидентское большинство было представлено, прежде всего, «Единой Россией», включившей в себя канувшие в лету «Единство» и ОВР.

Что касается таких критиков власти, как СПС и «Яблоко», то выборы 1999, 2003 и 2007 гг. показали стабильное снижение их влияния в электоральном корпусе России. СПС, ранее опиравшийся на средний класс с небольшим добавлением части олигархата, постепенно утрачивал доверие последних, которые (особенно предприниматели в центре и на местах) предпочли иметь дело с новой «партией власти». Постоянные колебания «Яблока» между интересами интеллигенции «в стоптанных ботинках» и состоятельным бизнес-сообществом также не способствовали сохранению им хотя бы части влияния на потенциально оппозиционные слои населения. Правозащитность как традиционный конёк «яблочников» после окончания военных действий в Чечне в глазах избирателей постепенно утрачивала актуальность.

Кроме того, власть умело «отщипывала» от СПС и «Яблока» тех, кто готов был сотрудничать с правящим режимом. Венцом этих усилий стало формирование, правда, уже при президенте Медведеве, ручной партии «Правое дело», где главную роль получили конформисты из почившего в бозе СПС.

Выборы в Государственную Думу 2003–2007 гг., при всех сомнениях в абсолютной точности подсчёта голосов, показали, что в условиях стабилизации социально-экономического внутри- и внешнеполитического положения избиратель предпочёл отдать голос тем, кто нахо-

дился у власти или был ею поддержан. Широко растражированная солидарность президента Путина с «Единой Россией», заявлявшей о себе как о партии эффективных управленцев, в сочетании с её практически полной идентификацией с властью на местах, позволила «единороссам» получить в Государственной Думе вначале относительное, а затем и абсолютное большинство.

Родившийся в недрах президентской администрации проект создания партии-дублёра ЕР был успешно реализован в виде «Справедливой России», во главе которой встал лояльный президенту председатель Совета Федерации С. Миронов. Ряды «Справедливой России» пополнили бывшие национал-патриоты из «Родины», экс-коммунисты из «Партии пенсионеров» и, собственно, мионовцы из невятно ориентированной «Партии жизни». Возникший таким образом гибрид стал претендовать на роль российского варианта социал-демократии. В этом ему была оказана поддержка Социнтерном и некоторыми европейскими реформистскими кругами.

Сомнительные, с точки зрения приверженности власти, кандидаты и даже целые партии были поставлены в неравные условия при организации предвыборных митингов и шествий, а в ряде случаев даже отстранялись от электорального процесса. Суды любого уровня в абсолютном большинстве случаев выносили решения не в их пользу.

Ограничительная и даже запретительная практика в отношении партий, не присягнувших на лояльность власти, опиралась на принятый в 2002 г. Государственной Думой и впоследствии неоднократно корректировавшийся Закон о политических партиях. Вопреки демократическим нормам этот документ фиксировал минимальную численность партии (в настоящее время она составляет 45 тыс. членов), а также необходимость наличия низовых парторганизаций более чем в половине субъектов РФ. Пристрастные проверки наличия соответствующих критериев позволяли власти провозглашать юридическую нелегитимность тех, кто хотя бы потенциально мог составить конкуренцию благонадёжным участникам политического процесса.

Под предлогом борьбы с сепаратизмом Закон о политических партиях исключал возможность создания региональных партий, которые теоретически могли бы составить конкуренцию федеральным партиям в органах местной власти. Вопреки общепринятой политической практике партии не могли создаваться на конфессиональных либо профессиональных основах. Не разрешалась партийная деятельность на производстве и по месту учёбы.

Президентские выборы 2008 г., приведшие к появлению в российской иерархии двух фактически равнозначных по властным полномо-

чиям фигур — В. Путина и Д. Медведева, позволили несколько ослабить жёсткие рамки «суперпрезидентской республики». Если президент, в данном случае Д. Медведев, несмотря на формально звучавшие предложения со стороны «Единой России», сохранил своё реноме внепартийного человека, то В. Путин взял на вооружение ноу-хау в виде некой «полупартийности». Он согласился стать председателем ЕР, не становясь при этом членом партии. Эта не имеющая аналога в политической практике ситуация объясняется как желанием иметь политическую поддержку для возможного возвращения на высший государственный пост, так и опасениями идентифицировать себя с партией, функционеры которой, прежде всего на региональном и местном уровнях, могут стать фигурантами громких коррупционных скандалов.

Таким образом, налицо своеобразная политико-управленческая декоративность. Полностью отмежеваться от партийно-политической системы власть не хочет, ибо рассчитывает, что лояльные ей партии — в случае резкого ухудшения социально-экономической обстановки — станут страховочной «подушкой безопасности», канализирующей недовольство масс в русло парламентской активности «избранников народа». Эта стратегия может, по мнению властей, сработать не только в центре, но и в регионах, где ответ перед населением будут держать местные лидеры «партии власти». Для придания видимости участия партий в формировании власти на местах теперь им позволено, в случае победы на местных выборах, предлагать президенту кандидатов на губернаторские кресла.

Рассматривая возможные сценарии реакции «партии власти» на стихийное недовольство низов, нельзя сбрасывать со счёта и вариант не просчитанного пока руководством дробления «Единой России» и «Справедливой России» на более мелкие политические образования. Олигархический триумvirат — государственные чиновники, хозяйственники (как частного, так и государственного сектора) и силовики — вряд ли сможет в критической ситуации полностью согласовать свои позиции. На крутых поворотах кризиса вероятно выпадение из эшелонов власти тех или иных сегодняшних единомышленников, которые могут попытаться предложить населению России собственные пути выхода из кризисной ситуации. Однако такое развитие могло бы вызвать крах так тщательно выстроенной вертикали власти. Поэтому политическая элита, скорее всего, постарается найти компромиссное решение, реформирующее эту вертикаль.

Глава 15. Церковь, государство и общество в Европе

Религия и насилие

В наши дни, когда этнический и религиозный состав населения континента претерпевает серьёзные изменения, полезно бросить взгляд в прошлое, чтобы извлечь из него уроки и, восприняв всё лучшее, не повторить ошибок, совершённых теми, кто ходил по этой земле и считал её своей задолго до нас. Для большинства участников форума сегодняшняя Европа, вне всяких сомнений, сформировалась на базе христианских ценностей. В то же время некоторые политики и учёные сочли необходимым напомнить о богатом наследии великих европейцев дохристианской эпохи. Не забыли они и о том, что немалый вклад в создание и развитие того, что мы называем европейской цивилизацией, внесли также последователи других религий и люди, далёкие от веры.

Христианство получило право свободной проповеди в пределах Римской империи по Миланскому эдикту 313 г., однако всего 12 лет оставалось отделённым от государства и сохраняло юридически одинаковое положение по сравнению с другими разрешёнными культами совсем недолго. Самым ярким проявлением его непродолжительной независимости от государства стало принятие Первым Вселенским собором (325 г.) постановления, в котором говорилось: «Благодатию призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности, явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся... таковые 10 лет да припадают к Церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе»¹.

Отношение христиан к произволу властей стало меняться после того, как их Церковь превратилась в государственную. Светские и церковные владыки сделали все, чтобы использовать новую религию в своих корыстных целях для оправдания насилия над согражданами и агрессивных войн против жителей других стран. Поэтому, отдавая должное достижениям христианской культуры и государственности, было бы ошибкой закрывать глаза на большое зло, причинённое якобы во имя Бога одними христианами другим христианам, не говоря уже о преследовании инаковерующих.

¹ Цит. по: Толстой Л.Н. Круг чтения. В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 391.

Расколы первых веков христианства предшествовали его поистине драматическому разделению на западное (католичество) и восточное (православие) в 1054 г., когда представитель Папы Римского кардинал Гумберт и Патриарх Нового Рима — Константинополя Михаил Керуларий взаимно предали друг друга анафеме и объявили каждый свою церковь единственной носительницей благодати Божией, а другую, соответственно, средоточием ереси. Разделение христианства на западное и восточное породило многовековую вражду, которая не раз приводила к сведению счётов на полях сражений регулярных армий, а также к коллективным и индивидуальным актам террора.

Другим трагическим событием начала второго тысячелетия стал крестовый поход западных христиан на Ближний Восток (1096—1099). Целью похода было объявлено завоевание Иерусалима, и на какое-то время этот город действительно стал католическим, но пострадали от этого не только мусульмане, но и православные. «Жестокость и бессмысленные кровопролития, — констатирует в наши дни католический историк отец Романо Скальфи, — характеризуют и этот крестовый поход, и все остальные»¹.

В дальнейшем состоялось ещё несколько крестовых походов, каждый из которых предпринимался под знаменем религии. Во время начавшегося в 1229 г. шестого похода Иерусалим снова перешёл к католикам, правда, не благодаря их военной победе, а в результате дипломатического торга с египетским султаном — в обмен на отказ от помощи сирийским христианам. Католическим этот город, однако, оставался недолго. В 1244 г. мусульмане завладели им, на сей раз на века².

На крайнем юго-западе Европы мусульмане, пришедшие из Африки, несколько столетий, с VIII по XV в., владели Испанией, проявляя веротерпимость по отношению к проживавшим там христианам и иудеям. Напротив, после изгнания мусульман католические короли Испании подвергли преследованиям всех, чья вера отличалась от их собственной. Они установили в своей стране первый в Западной Европе режим широкомасштабного государственного терроризма, сравнимый с тем, который на Востоке континента был создан московским царём Иваном Грозным.

Иноверцы в массе бежали из Испании в другие страны, однако практически повсюду их ждал приём, далёкий от сердечного. В му-

¹ Скальфи Р. «Я с вами до скончания века»: Краткая история католической церкви. М., Милан, 1998. С. 88.

Среди последних работ современных католических авторов о крестовых походах особый интерес представляют исследования Франко Кардини. См.: *Cardini F., Negri L. Processi alla Chiesa. Mistificazione e apologia*. Casale Monferrato, 1994. P. 229—258.

сультанах видели пятую колонну — союзников тех, кто наступал на Европу с Востока. Что касается последователей иудаизма, ещё византийский император Юстиниан (527–565) лишил их права на защиту по закону. В 1215 г. собор Римской католической церкви предписал евреям носить особую форму и отличительный жёлтый знак. А в 1239 г. Папа Григорий IX открыл очередной этап кампании антисемитизма, объявив Талмуд богохульной книгой¹.

Западные христиане вступали в конфронтацию не только с мусульманами, иудеями и православными, но и друг с другом. Констанцский собор католической церкви (1414–1418) вошёл в историю как форум, на котором был отправлен на костёр чешский богослов Ян Гус. Этот религиозный деятель пропагандировал осуждённые к тому времени взгляды англичанина Уиклифа, который выступал против светской власти пап и требовал преобразования церкви по образцу раннехристианских общин. Казнь Гуса привела к длительной вооружённой борьбе его сторонников в Чехии против официальных структур церкви, поддерживавшихся императором.

Средневековый террор свирепствовал не только в Европе, но и в открытой в 1492 г. Америке. Известный специалист по проблемам Латинской Америки М.И. Лазарев отмечает, что конкистадоры (завоеватели западного полушария) находились в плену средневековых суеверий и восприняли представителей незнакомой цивилизации как нелюдей и даже слуг дьявола².

В XVI в. католическая церковь столкнулась с мощным движением против повседневной практики и богословия Святого престола — протестантизмом. По Европе прокатилась волна войн и восстаний, которые потрясли до основания сложившийся в предыдущие века образ жизни европейцев и в корне изменили картину церковно-государственных и церковно-общественных отношений.

Тридцать первого октября 1517 г. немецкий католический священник и библиист Мартин Лютер (1483–1546) прибил к воротам храма в германском городе Виттенберге листовку с осуждением продажи папами индульгенций — отпущения грехов верующих за деньги. По словам Ф. Энгельса, в исторических условиях той эпохи тезисы Лютера оказали воздействие, подобное «удару молнии в бочку пороха»³.

¹ Христианско-иудейский диалог. Хрестоматия. М., 1998. С. 22–23.

² Лазарев М.И. Открытие Америки глазами юриста-международника // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 144–149.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. С. 392.

Человека, осмелившегося поставить под сомнение prerogативы Святейшего престола, поддержали многие тогдашние католики. Церковное руководство, со своей стороны, отреагировало на выражение инакомыслия угрозой наказания. Папа направил Лютеру буллу (указ), отлучавшую его от церкви. Тот ответил актом открытого неповиновения и публично предал папскую буллу огню. Это было равнозначно объявлению войны.

Антипапское движение в Европе быстро приняло массовый характер. Реформаторы выступали уже не только против индульгенций. Они вообще отрицали право Церкви выступать в роли посредника между Богом и человеком. Судьба человеческой личности, утверждали протестантские богословы, определяется не Церковью, а исключительно милостью Божьей.

Если для католиков (и православных) спасение человека для жизни вечной признаётся возможным исключительно через принадлежность к церкви, лютеране и другие протестанты пришли к иному выводу: путь к спасению пролегает не через церковь, а через личную веру в Спасителя. И уж во всяком случае, заявляли они, не имеет права считать себя викарием Христа епископ Римский — один из многочисленных церковных иерархов.

Появились и новые вожди протестантизма: Ульрих Цвингли (1484—1531), Жан Кальвин (1509—1564), Фауст Социн (1539—1604). Религиозный спор быстро приобрёл политический характер. Папу поддержал император, за протестантов вступились германские князья — главы формально входивших в состав империи, но фактически самостоятельных государств. Одни из них стали протестантами по убеждению, другие — и их оказалось немало — увидели в появлении новой христианской конфессии возможность обогатиться за счёт Церкви, присваивая, якобы «по идейным мотивам», её имущество.

Вспыхнувшая война велась без каких-либо правил, и её жертвами были, прежде всего, мирные жители разных стран. Массовый террор практиковался в равной степени всеми конфликтующими сторонами. Яркие примеры этой жестокости приведены в уже упоминавшейся выше книге Ф. Руффини «Религиозная свобода», которая была впервые издана по-русски в 1914 г. и переиздана в 1995 г. по случаю Международного года ООН, посвящённого терпимости. Говоря о зачинщиках трагедии, автор исследования констатировал: «Все эти люди добивались терпимости только для истинного учения... в конечном счёте, только для самих себя»¹.

¹ Руффини Ф. Религиозная свобода: история идеи. М., 1995. С. 68.

Во Франции вооружённая борьба за признание гражданских прав местных протестантов (гугенотов) заняла всю вторую половину XVI в. Самым драматическим эпизодом этой борьбы стало массовое убийство гугенотов в «ночь длинных ножей» на праздник Св. Варфоломея 24 августа 1572 г. Начавшиеся в Париже убийства продолжались несколько дней в провинции, в том числе в Лионе, Орлеане, Руане и других городах страны. Их жертвами стали около 30 тыс. человек. Для резни в столице «католическая партия», опиравшаяся на поддержку королевского двора, воспользовалась приездом туда дворян-гугенотов, приглашённых на свадьбу одного из протестантских вождей — Генриха Наваррского. Того самого, который в дальнейшем перешёл в католичество, чтобы стать королём Франции Генрихом IV и произнёс вошедшую в историю фразу: «Париж стоит обедни». Что, впрочем, не поставило точку в конфронтации католиков и протестантов, которая привела к тому, что, в конце концов, и те, и другие оказались в лагере гонимых после Великой французской революции XVIII в.

Непосредственным поводом для церковной реформации в Англии послужил отказ Папы Римского дать согласие на развод короля Генриха VIII с его женой королевой Екатериной Арагонской и на новый брак монарха. В 1533 г. король в одностороннем порядке отменил юрисдикцию Святейшего престола в английских делах, а год спустя провозгласил себя главой церкви Англии. При этом было объявлено, что в силе останутся все догматы католицизма и изменится только характер церковного управления, а также язык богослужения — вместо латыни оно будет отныне вестись на английском.

Выступивший против церковной реформы лорд-канцлер Англии Томас Мор был обвинён в измене, причём одним из оснований для выдвижения этого обвинения стала написанная при его участии по указанию того же короля (до конфликта с папством) книга против лютеранства. Римская католическая церковь канонизировала Томаса Мора как святого¹.

Решение Генриха VIII о разрыве с католичеством было подтверждено его преемником Эдуардом VI, однако сменившая этого короля на престоле дочь Генриха от первого брака Мария объявила о реставрации прежней веры. Впрочем, католики торжествовали недолго. Прошло всего пять лет, и после смерти Марии на престол взошла дочь Генриха от второго брака Елизавета. И снова официальная религия англичан поменялась, и начались преследования католиков. Ещё од-

¹ Сикари С.А. Портреты святых. Милан, 1991. Т. 1. С. 41—59.

на попытка вернуться к католицизму была предпринята сто лет спустя, когда король Карл II, а затем его брат Яков II намеревались предоставить свободу всем религиям. Этому воспротивился парламент, и Яков II должен был даже признать принадлежность к англиканству условием для занятия государственных должностей.

XVI и XVII столетия принесли с собой насилие при утверждении лютеранства в качестве государственной религии в Скандинавии. Провозглашённый в 1523 г. королём Швеции и Финляндии Густав I одним из первых порвал с католицизмом. Он конфисковал имущество монастырей и назначил своим канцлером реформатского пастора Олауса Петри, а когда тот попытался выйти из-под контроля светской власти, приговорил его к смертной казни, помиловав затем в обмен на уплату высокого штрафа. В результате жёсткой репрессивной политики властей лютеранская церковь стала важной частью государственной системы Скандинавских стран. Как отмечает финский историк Матти Клингге, особенно это проявилось в Швеции, которая приобрела вид фундаменталистского лютеранского государства. Духовенство заботилось о лояльности народа по отношению к правительству. Жёсткая церковная дисциплина и целеустремленная пропаганда лояльности были направлены на то, чтобы сделать из крестьян старательный и по-военному эффективный народ¹.

Военные действия в Европе приостанавливались дважды. В первый раз это произошло после заключения в 1555 г. Аугсбургского религиозного мира, когда было решено предоставить право выбора религии гражданам главам их государств. А во второй — в 1648 г. в результате подписания Вестфальского мира, которым завершилась Тридцатилетняя война. В этой войне друг другу противостояли католики и протестанты, чехи и немцы, император Германии и немецкие удельные князья. Война, в которую были втянуты также Франция, Швеция и некоторые другие европейские страны, велась с огромным ожесточением и привела к опустошению обширных районов континента.

Между Западом и Востоком

Народы Центральной и Юго-Восточной Европы всё это время испытывали давление с двух сторон — с Запада и Востока. В X–XIII вв. они сдерживали наступление немецких завоевателей, которые методично продвигались на земли западных славян и прибалтов. Главной удар-

¹ Клингге М. Мир Балтики. Хельсинки, 1995. С. 76.

ной силой немцев были рыцарские ордена и прежде всего наиболее мощные из них — тевтонский и ливонский, а главной сдерживающей силой выступило молодое польское государство, которое, впрочем, приняло христианство в 966 г. из рук тех же немцев.

Южнее, как могла, пыталась сохранить независимость Чехия. Она приобщилась к христианству в конце IX в. благодаря просветителям славян грекам Кириллу и Мефодию, которые представляли одновременно Папу Римского и Патриарха Константинопольского и сегодня канонизированы как католиками, так и православными. Хозяевами положения в Чехии в течение почти всего второго тысячелетия были более сильные немецкоязычные государства, и реальную независимость чехи и этнически близкие им словаки получили только после Первой мировой войны.

Тысячелетняя христианская история венгров (мадьяр), перекочевавших в конце IX в. на занимаемую ими сейчас территорию из предгорий Южного Урала, началась в 1000 г. Именно в этом году Папа Сильвестр II короновал венгерского монарха Стефана I (997–1038), после чего в страну были приглашены миссионеры из Германии и Италии, крестившие практически всё местное население. За истекшие 10 столетий в этой части Европы произошло много драматических событий, среди которых — монгольское нашествие в середине XIII в., длительное противостояние туркам и последующая жизнь под владычеством австрийской династии Габсбургов.

Далее к югу и юго-востоку греки, болгары, сербы и румыны, принявшие крещение от Константинополя, повторили судьбу Византийской империи, попав, в конечном итоге под владычество турок. Досталось им, однако, и от западных христиан. Поистине катастрофическим для них, как и для отношений между христианским Западом и Востоком в целом, стал четвёртый крестовый поход 1202–1204 гг. Объявив, что отправляются на борьбу с мусульманами, крестоносцы двинулись на Византию. Они взяли штурмом столицу империи, учинили там страшнейший разгром, перебили многих жителей, сожгли несколько кварталов. И более полувека удерживали под своим контролем Константинополь, сделав его главным городом собственной «Латинской империи».

К северу от Польши пытались сохранить самостоятельность предки нынешних эстонцев, латышей и литовцев. Большая часть прибалтов не смогла противостоять внешним завоевателям: немцам, шведам и восточным славянам, которые решали их судьбу, сражаясь друг с другом. Выстояла только Литва, где сформировалось мощное государство (Великое княжество Литовское), впоследствии объединивше-

еся с Польшей. Перипетии истории много раз меняли географическую карту этого региона, а собственную государственность эстонцы, латыши, словаки, венгры впервые получили лишь по окончании Первой мировой войны.

Одним из ярких эпизодов борьбы народов Восточной Европы с захватчиками с Запада стало знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере 1242 г., где воины новгородского князя Александра Невского нанесли поражение псам-рыцарям. Совпадение интересов западных славян, восточных славян и прибалтов оказалось, однако, временным. Оно превратилось в соперничество, когда Польша и Литва, нанеся поражение Тевтонскому ордену в битве при Грюнвальде 1410 г., попытались утвердить контроль над территориями, которые прежде входили в состав Киевской Руси¹.

Тем временем с Востока на Европу двинулся новый поток вооружённых пришельцев с явным намерением установить там своё политическое и экономическое господство. Это были турки-османы. Начав (в XIII в.) с завоевания обширных территорий в Малой Азии, они подошли к берегам Мраморного и Эгейского морей и стали совершать набеги на Балканы.

Как на Руси, где враждовавшие между собой удельные князья систематически обращались за помощью к татаро-монголам, вступая с ними во временные союзы, так и на Балканском полуострове, особенно в Сербии, местные правители в тех же самых целях приглашали турок. В результате будущие завоеватели полуострова смогли воочию убедиться в слабости тех, кто вскоре станет жертвой их имперских амбиций, и сделали из этого вполне адекватные выводы.

В 1389 г. турецкая армия, продвигаясь на запад, нанесла сербам поражение в битве на Косовом поле. Сербский король Лазарь был взят в плен и казнён, после чего его преемники признали вассальную зависимость от молодой мусульманской державы. Несколько лет спустя турки завоевали Болгарию и взяли в кольцо то, что к тому моменту ещё оставалось от Византийской империи. Развязку конфликта с Византией отсрочило лишь столкновение турок с воинством Тамерлана, одержавшим победу в битве под Анкарой в 1402 г.

Турецкая угроза побудила православную Византию искать союзников для спасения империи. Не рассчитывая на солидарность единоверцев с севера, которые в этот момент были целиком поглощены ре-

¹ Важно отметить, что митрополичья кафедра была фактически перенесена из Киева во Владимир ещё в XIII в. и окончательно укоренилась в Москве в XIV столетии, после чего интерес церкви к её бывшей канонической территории на юге резко снизился.

шением своих собственных проблем (освобождение от подчинения Орде, создание великой Московии), император и Патриарх обратились к католикам. Для папства, однако, на первом месте стояла другая задача — вернуть отступников в лоно Западной церкви. Что же касается судьбы Нового Рима, то она волновала их значительно меньше.

В 1439 г. Флорентийский церковный собор провозгласил унию, т.е. союз двух церквей на основе признания православными верховной власти Пап при сохранении прежнего восточного обряда. Вот как характеризовал это событие дореволюционный богословский словарь: «Волей-неволей греческие отцы должны были согласиться на требование императора. ...Те же греческие епископы, которые согласились на унию во Флоренции, по приезде в Константинополь отказались от неё. ...Да и сам император, не получив с Запада ожидаемой помощи, относился холодно к делу унии»¹. В итоге произошло то, что только и могло произойти. В 1453 г. Константинополь был взят войсками мусульман, подвергнут трёхдневному грабежу и разгрому, переименован в Стамбул и провозглашён столицей Османской империи.

В это время территория Великого княжества Литовского охватывала, помимо собственно литовских земель, обширные территории к югу и востоку от Литвы. В неё входили вся нынешняя Беларусь, значительная часть Украины, включая практически всю бывшую Киевскую Русь, и многие западнорусские города, в том числе Смоленск, Дорогобуж, Козельск, Брянск и Курск. Постепенное сближение Литвы и Польши подготовило их юридическое объединение в одно государство под названием Речь Посполитая. Во главе этого государства со смешанным составом населения стоял король, избиравшийся сенатом — своего рода парламентом, в состав которого входили высшие должностные лица, представители знати и духовенства. Права короля были строго ограничены законами. Он не мог, в частности, самостоятельно объявлять войны и принимать некоторые другие важные решения.

После того как в 1572 г. умер последний польско-литовский король из рода Ягеллонов (Сигизмунд II Август), новым монархом был избран француз Генрих Валуа. Вскоре, однако, он вернулся в Париж, чтобы стать королём Генрихом III у себя на родине. И тогда монархом Речи Посполитой стал венгр Стефан Баторий (1576–1586), а его, в свою очередь, сменил шведский принц Сигизмунд Ваза (1587–1632), правивший под именем Сигизмунда III. Ради трона в Варшаве он перешёл

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992 (репринт). Т. II. С. 2450–2451.

из лютеранства в католичество. Именно при этом короле 9 октября 1596 г. в один день в Бресте на Буге состоялись два православных собора, один из которых провозгласил унию (переход Украинской церкви под омофор Папы Римского при сохранении прежнего обряда), а второй — предал униатов анафеме.

Так родилась проблема, которая до сих пор подпитывает напряжённость в отношениях между Русской православной и Римской католической церквями¹. Официальный историк русского православия митрополит Макарий отмечает в своём многотомном труде, что уния не была бы введена без «решительного участия» Сигизмунда III, однако тот «был самым сильным», но «не главным виновником унии»: идея перехода под юрисдикцию Папы, по словам митрополита Макария, родилась внутри самой Украинской православной митрополии, которая переживала кризис идентичности².

В 1601 г., рассчитывая сохранить за собой большую часть Украины, Сигизмунд III предложил русскому царю Борису Годунову «вечный мир», предусматривавший свободное посещение русскими Польши и Литвы, а поляками и литовцами — Московского государства; свободное исповедание в пределах двух государств православия и католичества; возможность избрания на престол как одного, так и другого государства кандидата, не обязательно принадлежащего к религиозному большинству. Царь Борис отверг предложения Сигизмунда III, увидев в них, и не без основания, угрозу «латинизации» православной Руси.

Вслед за смертью Годунова (апрель 1605 г.) в Москве начался период Смутного времени. Не прошло и двух месяцев, как в столицу русского государства вступил польский отряд во главе с беглым монахом Григорием Отрепьевым, который выдавал себя за сына Ивана Грозно-

¹ Подробнее об этом см.: *Історія православної церкви в Україні*. Київ, 1997. С. 87–90.

² Вот как описывает ситуацию, приведшую к унии, этот церковный историк: «Православное духовенство в Литве и Польше при господствовавшей там системе раздачи епархий, монастырей, иногда и церквей и оставленное почти без надзора со стороны Цареградского патриархата, естественно, не могло отличаться и не отличалось соответствием своему высокому призванию. Уже на Вселенском Соборе 1509 г. слышались жалобы, что архиерейские, настоятельские и священнические места покупаются некоторыми за деньги и притом при жизни архиереев, настоятелей и священников, занимавших те места; что архиереи не имеют попечения о своих паствах, а занимаются мирскими делами. ...К 1546 г. бесчиние и беспорядки в православном духовенстве и особенно распущенность и заблуждения (“блуды”) между владыками усилились до того, что сам король приказал митрополиту созвать собор и принять какие-либо меры против этого бесчиния и распущенности. А к концу периода нравственный упадок в православном духовенстве достиг последней степени». См.: *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский*. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 370.

го царевича Дмитрия. В первый момент самозванец сумел заручиться поддержкой части русской аристократии, городских низов и крестьян, однако его политика и поведение поляков, которые держали себя так, как если бы они находились в завоёванной стране, вызвали недовольство москвичей. В мае 1606 г. в столице вспыхнуло восстание, во время которого Лжедмитрий I был убит.

Летом следующего года в пределы Русского государства вторгся отряд другого самозванца — Лжедмитрия II. К началу лета 1608 г. этот отряд подошёл к Москве, начал её осаду, но взять так и не смог. А годом позже началась шведская интервенция. Планы интервентов, однако, не сбылись. Народное ополчение, сформированное князем Дмитрием Пожарским и земским старостой из Нижнего Новгорода Кузьмой Мининым, сумело осенью 1612 г. освободить Москву. И поляки-католики, и шведы-лютеране были постепенно вытеснены за пределы Московского государства.

Эти эпизоды истории, слившись в генетической памяти народа с прекращением фактического междоусобицы, которое началось в 1598 г. со смертью последнего из Рюриковичей царя Фёдора Иоанновича и окончилось с приходом к власти в 1613 г. династии Романовых, правившей страной 300 с лишним лет, приобрели для россиян характер знаковых. Они стали нередко восприниматься как свидетельство торжества одной христианской конфессии над другой. На это обстоятельство обращал внимание один из самых известных американских специалистов по России Джеймс Биллингтон, который в своем фундаментальном исследовании «Икона и топор» взглянул на русско-польский конфликт глазами аналитика «со стороны».

«Конфронтация с Польшей представляла собой первое лобовое столкновение с западной идеологией. Этот могущественный западный сосед являлся почти полным антиподом Московии. Польско-Литовская уния была, скорее, свободным образованием, нежели монолитной автократией. Её космополитическое население включало не только польских католиков, но и православных, а также крупные обособленные сообщества кальвинистов, социниан¹ и евреев... Военное поражение Польши осознавалось восточными славянами как поражение римского католицизма»².

¹ Течения европейского протестантизма, названные так по именам своих основателей франко-швейцарца Жана Кальвина (1509–1564) и итальянца Фауста Социна (1539–1604).

² Биллингтон Дж.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 136–139.

Объективные аналитики, отнюдь не оправдывая интервентов, не должны однако забывать о последующих событиях, ставших знаковыми для другой стороны. О том, прежде всего, что за сравнительно недолгим присутствием поляков в Москве в начале XVII в. последовали участие России в трёх разделах Польши в конце XVIII в.¹ и исчезновение независимого польского государства с политической карты Европы на целых 120 лет. В этот промежуток времени вписываются включение «Царства Польского» в состав Российской империи (1815–1918), подавление Русской армией восстаний поляков в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.², а также участие России в подавлении выступления венгров за независимость от Австрии в 1848 г. Список претензий к России со стороны соседних с ней государств существенно вырос в XX в.

Нетерпимость после религиозных войн

Религиозная нетерпимость, трагическим проявлением которой стали войны и насилие, подорвала доверие европейцев не только к организационным структурам обеих западных христианских конфессий, но и к религии вообще. Немало повредил религии и её разлад с наукой. Наступала новая эпоха европейской истории — эпоха Просвещения, которая породила несколько поколений интеллектуалов — борцов за права человека, в том числе и за свободу совести. Возникнув в Англии в XVII в., идеология Просвещения проникла на континент и в XVIII в.

¹ В умирении волнений в 1768 г. и подавлении восстания Костюшко в 1794 г. дважды участвовал А.В. Суворов. В первом случае он разгромил отряд инсургентов во главе с рюриковичем М. Огинским — автором знаменитого полонеза «Прощание с Родиной», во втором сжёг предместье Варшавы Прагу. Вот как описывается этот второй эпизод в переизданной недавно монографии профессора Императорской Николаевской военной академии генерал-майора царской армии А.Г. Елчанинова: «Поляки не ждали нападения, и наступление наше было замечено поздно... Быстро овладели наши валами и отрезали врага от моста (через Вислу. — А.К.). ...Вслед за мостом запылала Прага, превратясь в настоящий ад. Суворов разослал офицеров, чтобы те направили жителей в русский лагерь, но большая часть их погибла раньше. Побойще кончилось только к полудню. Поляки потеряли 23 тысячи человек и 104 орудия, мы — до 3 тысяч воинов. Варшава содрогалась от ужаса». См.: *Елчанинов А.Г. Боевая деятельность Суворова // История Русской армии от рождения Руси до войны 1812 г.* СПб., 2003. С. 391–393.

² Среди причин, побуждавших поляков на борьбу за независимость от России, были попытки царской администрации ущемить права католиков и перевести систему образования и делопроизводство в местных властных структурах и даже в католической церкви с польского на русский язык. См.: *История XIX века. Т. 6 / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. С. 88–89.*

получила мощный импульс в работах Монтескьё, Гельвеция, Вольтера, Гольбаха.

Назревал взрыв. В 1789 г. произошла Великая французская революция. Самым важным её документом стала Декларация прав человека и гражданина, провозглашавшая свободу личности, свободу слова и свободу убеждений. Впервые законодательно было зафиксировано понятие естественных, священных, неотчуждаемых прав человека. Лозунгами революции стали свобода, равенство и братство. Однако практически сразу же вслед за объявлением прекрасных принципов последовало их нарушение. Место прежней государственной религии занял воинствующий атеизм.

Уничтожавшие друг друга французские революционеры вскоре добрались и до священнослужителей. Под угрозой казни их заставляли отрекаться от сана. Разрушались или превращались в конюшни и казармы для солдат шедевры религиозной архитектуры. После того как Папское государство разорвало дипломатические отношения с Парижем, французы вторглись в Италию, захватили Папу Пия VI (который вскоре умер в плену) и провозгласили Римскую республику.

Восстановление Папского государства на Апеннинском полуострове после поражения Наполеона не привело к укреплению позиций Церкви в европейском обществе, которое всё более отдалялось от религии. «Ушли в прошлое режимы «христианских монархов», та система христианства, которая основывалась на взаимодействии и взаимопроникновении светской и церковной власти, — пишет известный итальянский историк, руководитель влиятельной католической организации «Общество св. Эгидия» профессор Андреа Риккарди. — Был разорван союз трона и алтаря, в котором целое тысячелетие виделась единственная возможная форма отношений между церковью и обществом. Причём не только в католическом мире, но и в тех странах, где были созданы национальные протестантские церкви»¹.

Вслед за Францией на путь конфронтации с Церковью вступили другие европейские страны, в том числе колыбель папства Италия. В то время как интеллектуалы всё более проникались идеями Французской революции, в разных областях раздробленной дотоле Италии практически одновременно развернулось движение за её воссоединение. В феврале 1831 г. восстали Умбрия и Романья, за ними последовали другие, в Болонье было сформировано временное правительство. Были сделаны первые шаги по национализации церковного иму-

¹ Riccardi A. Intransigenza e modernità. La Chiesa cattolica verso il terzo millennio. Roma, 1996. P. 5.

щества, включая здания храмов и монастырей. Постепенно процесс секуляризации охватил всю страну.

В годы пребывания на престоле Папы Пия IX (1846–1878) папство сначала частично, а потом и полностью утратило контроль над принадлежавшей ему обширной территорией («Папской областью»). Противники Папы выдвинули лозунг «свободная церковь в свободном государстве». Пий IX, в свою очередь, опубликовал в 1864 г. (в приложении к энциклике «*Quanta cura*») знаменитый «Силлабус Эррорум», или «перечень главных заблуждений нашего времени». Среди 80 «заблуждений» в нём числились: либерализм, рационализм, протестантизм, свобода науки и философии, взгляд на государство как на источник права, отделение церкви от государства и многое другое¹.

Этой энциклике предшествовала другая — «*In suprema Petri Apostoli Sede*» (1848). В ней Папа перечислил условия, на которых православные «схизматики» могут милостиво рассчитывать на «возвращение» под омофор Рима. Заведомую неприемлемость подобной постановки вопроса для православных отмечает современный католический исследователь Вильгельм де Фрис². И действительно, энциклика Пия IX была отвергнута собором четырёх восточных патриархов, который был проведён в Константинополе в мае того же 1848 года³.

Дальше был I Ватиканский собор Римской католической церкви (1869–1878), создавший новые препятствия на пути к сближению католиков с православными и протестантами. В принятой им Догматической конституции «*Pastor aeternus*» повторялось (вслед за решением Флорентийского собора 1431–1449 гг.), что «Святой Апостольский престол и Римский Папа обладают первенством надо всем на Земле». После чего заявлялось: «Если кто-либо говорит, что Папа Римский имеет лишь обязанность контроля или указания, а не полную и верховную юрисдикцию надо всей церковью не только в том, что касается веры и нравственности, но и в том, что касается порядка и управления церковью, распространённой по всему миру, или что он обладает одной лишь важной частью этой власти, а не всею её полнотой, или что его власть не является ни обычной, ни непосредственной на-

¹ Le encicliche sociali dei Papi. Da Pio IX a Pio XII (1864–1946). Roma, 1946. P. 3–13, 737–749.

² Фрис В. де. Православие и католичество. Противоположность или взаимодействие? Брюссель, 1992. С. 129–130.

³ Тексты папской энциклики и ответа на неё православных патриархов опубликованы в сборнике: Православие и католичество от конфронтации к диалогу. М., 2001. С. 102–130.

до всеми и каждой в отдельности церквями, как надо всеми и каждым в отдельности пастырями и верными, то он должен быть предан анафеме»¹.

Собор был прерван победой борцов за воссоединение Италии. Двадцатого сентября 1870 г. отряды гарибальдийцев взяли штурмом Рим, который тут же был объявлен столицей Итальянского королевства. Папа лишился светской власти и объявил себя «ватиканским узником». Тем временем решения собора подверглись жёсткой критике со стороны не только протестантов и православных, но и части самих католиков. Вышедшие из подчинения Папе его недавние единоверцы создали «параллельную» старокатолическую церковь, которая существует и по сей день.

«Старокатолики» вступили в переговоры о возможности объединения с православными, англиканами и восточными христианами — дохалкидонитами², которые оказались вне единой Церкви ещё до IV Вселенского собора (451). В 1902 и 1904 гг. Константинопольский Патриарх Иоаким дважды выступал с посланиями (энцикликами), в которых предлагал автокефальным православным церквям обменяться мнениями об отношениях с неправославными христианами. Святейший правительствующий синод православной российской церкви положительно откликнулся на это предложение и в мае 1913 г. направил своего представителя на проведённое в Нью-Йорке по инициативе Епископальной церкви (правопреемницы Церкви Англии в США) заседание комиссии по подготовке Всемирной конференции движения «Вера и церковное устройство»³.

Диалог православных, протестантов и старокатоликов был затруднён вспыхнувшей в 1914 г. Первой мировой войной.

В 1920 г. Вселенская (Константинопольская) патриархия обратилась ко всем христианским церквям с предложением создать Лигу Церквей — содружества христиан для взаимной помощи, сотрудничества и достижения в будущем их единства. Идея Константинополя была поддержана православными церквями Александрии, Антиохии,

¹ Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. М., 2001. С. 134–135.

² Халкидонский, он же IV Вселенский собор принял в 451 г. догмат о богочеловеческой природе Иисуса Христа. Те, кто признавал только его божественное и отрицал человеческое естество, подлежали казни. К числу дохалкидонских принадлежит, в частности, Армянская апостольская церковь. По объективным причинам она не была представлена на соборе и до сих пор видит в Христе только Бога, но не человека. Однако в наши дни это не препятствует её добрым отношениям с другими христианскими общинами.

³ Православие и экуменизм. Документы и материалы. 1902–1998 гг. М., 1999. С. 25, 60–64.

Иерусалима, Сербии, Румынии, Болгарии, Кипра и Греции, но смогла воплотиться в жизнь в форме Всемирного совета церквей лишь в середине XX в.

Между двумя войнами православные и протестанты провели целую серию межконфессиональных конференций, на которых обсуждались пути и формы движения к искомому единству христиан. Наиболее важные из них прошли в Лондоне и Стокгольме (1925), Лозанне (1927), Эдинбурге (1936), Оксфорде (1937). Представители церкви из СССР не могли тогда участвовать в экуменическом движении ввиду её изоляции от внешнего мира, однако все свободные православные церкви и русские богословы, находившиеся вне России, принимали активное участие в экуменическом движении¹.

Что касается католиков, то внутренняя жизнь их церкви продолжала регулироваться решениями Ватиканского собора, что исключало возможность сотрудничества с протестантами и православными. На протяжении почти 60 лет после 1870 г. сменявшие друг друга на троне папы Лев XIII (1878–1903), Пий X (1903–1914) и Бенедикт XV (1914–1922) оставались узниками, не покидавшими пределов Ватикана. Затворничество пап закончилось в 1929 г., когда на политической карте мира появилось Государство Град Ватикан (другое название — Святой престол), 44 га земли внутри городской черты Рима с населением, стабильная численность которого составляет около тысячи человек.

Решение «римского вопроса» было оформлено двумя соглашениями, подпись под которыми поставили от имени Папы Пия XI (1922–1939) кардинал Гаспарри, а от имени итальянского короля фактический хозяин Италии Бенито Муссолини. Один из этих документов (конкордат) касался положения католической церкви в Италии, второй (трактат) признавал статус Святого престола как субъекта международного права, гарантировал экстерриториальность и независимость Папы Римского в управлении наднациональной церковью в мировом масштабе.

В своё время советские исследователи не раз обращались к вопросу о союзе Ватикана с фашизмом. Современная исследовательница католицизма Е.С. Токарева показала, что к этому стремился режим Муссолини, однако, в конечном итоге фашизму не удалось подчинить церковь и включить её в свою политическую систему². Четырнадцатого марта 1937 г. Пий XI выступил с энцикликой «*Mit brennender Sorge*» («С огромной обеспокоенностью»), адресованной христианам Герма-

¹ Там же. С. 31.

² Токарева Е.С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. М., 1999. С. 301.

нии, а пять дней спустя, 19 марта, подписал другой документ того же уровня — энциклику «*Divini Redemptoris*». Понтифик осудил в ней как коммунизм, так и фашизм, поскольку оба они — при всех различиях — были в равной степени антихристианскими.

Если для Пия XI противостояние коммунизму и фашизму было вопросом принципа, то для его преемника Пия XII (1939–1958) он перешёл в область выбора практических решений в условиях Второй мировой войны. Итальянский историк Эннио Ди Нольфо, который впервые ввёл в научный оборот секретные документы, связанные с миссией в Ватикан личного представителя президента США Майрона Тэйлора, пришёл к выводу, что Святой престол испытывал опасения по поводу обоих возможных исходов Второй мировой войны. Как полагали папские дипломаты, в случае победы Гитлера Европа оказалась бы перед фактом разгула нацистского фанатизма, победа же союзников, со своей стороны, могла обернуться распространением советского атеизма, противовесом которому стала бы Англия с её традиционным антипапизмом¹.

Пий XII постоянно уходил от выбора, и в результате к нему с большим подозрением относились как Гитлер и его союзники, так и участники антигитлеровской коалиции. А. Риккарди согласен с такой оценкой и называет политику папства времен войны «дипломатией, ориентированной на поражение». «Святой престол, — констатирует он, — не имел хороших отношений ни с одной из воюющих сторон... Ватикан оказался в изоляции»².

Добавим, что до середины XX в. Святой престол не нашёл в себе сил превозмочь стереотипы прошлого и вступить на путь христианского экуменизма, предложенный протестантами. Для него и протестанты, и православные оставались еретиками, которые должны были отказаться от своих «заблуждений» прошлого и, покаившись, «вернуться» под омофор Римского Первосвященника.

Поиски примирения и согласия

Коренной поворот в истории европейского христианства произошел в середине XX в. В орбиту Второй мировой войны (1939–1945) оказалось втянуто более трёх четвертей населения земного шара, число погибших перевалило за 50 млн человек, а материальный ущерб от раз-

¹ *Storia delle relazioni internazionali*. 1998. № 1. P. 8.

² *Riccardi A. Le politiche della Chiesa*. Milano, 1997. P. 32–33.

рушений и отвлечения средств от удовлетворения мирных нужд стран — участниц конфликта достиг 4 трлн долларов¹.

Война побудила народы, принадлежащие к евро-атлантической цивилизации, переосмыслить своё прошлое и приступить к строительству общества, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей. Этому способствовала активная позиция религиозных объединений, прежде всего христиан всех конфессий.

Трагический опыт стимулировал активизацию усилий христиан по сближению под флагом экуменизма, который предполагает покаяние, обновление и постепенное устранение препятствий на пути к восстановлению христианского единства. Используя наработки конца XIX — начала XX в., представители ряда протестантских и православных объединений приступили к практическому осуществлению идеи создания общей международной структуры.

В 1948 г. был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ), куда вошли протестантские организации либерального направления и две автокефальные православные церкви: Константинопольская и Элладская (Греческая). Создатели ВСЦ с самого начала стремились к установлению сотрудничества со всеми православными церквями. Они не согласились с позицией представителя американской пресвитерианской церкви Джона Фостера Даллеса, будущего государственного секретаря США (1953–1959.), который возражал против контактов с РПЦ. Однако не в их силах было преодолеть вето, наложенное на межхристианские контакты политическим руководством СССР, взгляды которого по данному вопросу совпали, хотя и по причинам противоположного характера, с мнением г-на Даллеса. В результате вступление в ВСЦ Московского Патриархата и близких к нему других канонических структур православия задержалось на несколько лет и произошло в 1961 г. уже при Н.С. Хрущёве².

К серьёзному пересмотру взаимоотношений с внешним миром приступил и Ватикан. Избранный в 1958 г. на папский престол Иоанн XXIII начал с того, что дал указание изменить тексты молитв, которые оскорбляли религиозные чувства мусульман и иудеев. Он созвал Второй Ватиканский собор (1962–1965), а незадолго до кончины в 1963 г. опубликовал важный догматический документ — энциклику «*Pasem in Terris*» («Мир на Земле»), в которой обратил внимание на возникновение в мире принципиально новой ситуации в связи с тем, что по-

¹ Всемирная история. М., 1965. Т. X. С. 598–599.

² Документы и материалы по истории контактов православных с протестантами можно найти в сборнике: Православие и экуменизм. 2-е изд., перераб. М., 1999.

следние научные открытия и их практическое применение в военных целях ставят под вопрос само выживание человечества.

Окончательное официальное отмежевание от религиозной нетерпимости католиков произошло в 1965 г. при следующем Папе Павле VI. Принятая собором и утвержденная понтификом «Декларация Церкви об отношении к нехристианским религиям» («*Nostra aetate*» — «Наш век») разворачивала буквально на 180 градусов тот курс, которому Римская католическая церковь следовала в данном вопросе на протяжении многих веков. Декларация начиналась с указания на необходимость обращать внимание прежде всего на то, что объединяет людей и что ведёт их к совместному общению. Далее подчёркивалось, что католическая церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свято в других религиях. Она с искренним уважением рассматривает тот образ действия и жизни, те предписания и учения, которые, во многом отличаясь от того, чего она придерживается и чему учит, всё же нередко доносят луч истины, просвещающей всех людей¹.

Отдельный параграф Декларации был посвящён мусульманам, к которым «церковь относится с уважением», памятуя о том, что «они ценят нравственную жизнь и высоко чтят Бога». Ключевое положение документа, касающееся взаимоотношений между последователями двух наиболее распространённых в мире религий, гласило: «Хотя в течение веков между христианами и мусульманами возникали немалые разногласия и вражда, Священный Собор призывает всех предать забвению прошлое и искренне стремиться ко взаимопониманию, а также совместно оберегать и поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу»².

В следующем параграфе содержалось напоминание о том, сколь велико духовное наследие, общее христианам и иудеям. И «хотя иудейские власти и их приверженцы настояли на смерти Христа, однако то, что было совершено во время Его страстей, не может быть огульно вменено в вину ни всем жившим тогда иудеям, ни иудеям современным». Поэтому «иудеев не следует представлять ни отверженными Богом, ни проклятыми».

Не забыли на соборе и о тех преследованиях, которым подвергались последователи иудаизма на протяжении веков, нередко с благословения, а то и по прямому указанию христианского, в том числе католического священноначалия: «Церковь, осуждающая (отныне. — *Ред.*) всякие гонения на кого бы то ни было, памятуя об общем

¹ Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 233–234.

² Там же. С. 235.

с иудеями наследии и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и обо всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев»¹.

На соборе была принята также Декларация о религиозной свободе, которая признала право выбора религии за каждым конкретным человеком. Не менее сенсационным результатом собора стало обещание «всеми силами стараться предуготовить то время, когда по общему согласию всех стран можно будет полностью запретить любую войну»².

В документе под названием «Пастырская Конституция о Церкви в современном мире» («Gaudium et Spes», «Радость и надежда»), напомнив о «непреходящем значении естественного права народов и его универсальных принципов», Римская католическая церковь заявила: «Действия, сознательно им противоречащие, а также приказы, предписывающие совершать такие действия, являются преступными, и слепое послушание не может извинить тех, кто эти приказы исполняет»³.

В день окончания собора (7 декабря 1965 г.) Папа Римский Павел VI и Патриарх Константинопольский Афинагор подписали Декларацию, в которой оповестили мир об их решении «изъять из памяти и среды церковной акты отлучения» 1054 г., чтобы открыть новую страницу в отношениях между католиками и православными⁴. Через год после вступления на престол Папы Иоанна Павла II (1978–2005) во время его встречи с преемником Афинагора Патриархом Димитрием было решено начать официальный православно-католический богословский диалог, призванный открыть путь к восстановлению полноты канонического общения западных и восточных христиан.

С именем Иоанна Павла II, первого в истории христианства папы-славянина, связаны два беспрецедентных шага, способных приблизить решение этой задачи. Речь идёт:

- о покаянии католиков за все грехи и преступления, которые были совершены ими когда-либо в прошлом;
- о выражении готовности пересмотреть содержание понятия «примат Римского престола» в христианстве.

¹ Там же. С. 236.

² Там же. С. 455–456.

³ Там же. С. 453–454.

⁴ Полный текст декларации см. в журнале Библейско-богословского института св. апостола Андрея «Страницы» (1996. № 2. С. 39–40). Три недели спустя после оглашения Декларации, 28 декабря 1965 г., Патриарх Московский и всея Руси Алексий I откликнулся на неё телеграммой Патриарху Константинопольскому. В ней говорилось: «Богословского значения для всей Полноты Святой Православной Церкви этот акт, по нашему мнению, не имеет». См.: Журнал Московской Патриархии. 1996. № 2. С. 4.

В июне 1994 г., созвав заседание своих ближайших помощников — кардиналов, Папа передал им записку, в которой говорилось: «В то время как завершается второе тысячелетие христианства, Церковь должна ясно осознать, что на протяжении этого исторического периода её члены своими грехами многократно нарушали верность Христу и Его Евангелию». В качестве примеров таких нарушений в записке были упомянуты «религиозные войны, суды инквизиции и другие проявления нарушений прав личности». А далее следовал вывод: «Необходимо, чтобы, исходя из положений, сформулированных Вторым Ватиканским собором, церковь по своей инициативе пролила свет на тёмные стороны собственной истории в свете принципов Евангелия».

Окружение Римского первосвященника встретило изложенные в записке идеи и предложения более чем сдержанно. Сотруднику итальянской газеты «Коррьере делла сера» Луиджи Аккаттоли¹ удалось раздобыть подготовленный государственным секретариатом Ватикана материал, резюмирующий первую реакцию членов кардинальской коллегии. В нём указывалось, что «некоторые высокопреосвященные кардиналы призывали к максимальной осторожности и осмотрительности, учитывая деликатный характер этого трудного вопроса». Однако Папа настоял на необходимости такого шага, и официальная церемония покаяния была проведена в храме святого Петра в Риме 12 марта юбилейного 2000 г. в день, когда православные христиане отмечали Прощёное воскресенье².

В мае 1995 г. Папа подписал энциклику «*Ut unum sint*» («Да будут все едино»), в которой сообщил, что проинформировал Патриарха Константинопольского Димитрия I о готовности приступить к обсуждению вопроса о миссии Римского престола в христианстве. Напомнив о том, что до разделения церквей в XI в. «на протяжении целого тысячелетия христиане были объединены братским общением веры и сакраментальной жизни, причём Римский престол по общему согласию был руководящим началом в тех случаях, когда возникали разногласия относительно веры или дисциплины», Иоанн Павел II писал, что согласен с идеей найти «такую форму первенства, которая позволила бы, никоим образом не отступая от своего прямого предназначения, быть готовым к любым новым ситуациям».

«По весьма разнообразным причинам и вопреки воле как одних, так и других, — продолжал понтифик, — то, что должно было быть

¹ В 1997 г. Л. Аккаттоли обобщил собранные им материалы в книге, озаглавленной «*Quando il Papa chiede perdono*» («Когда Папа просит прощение»).

² L'Osservatore romano (edizione quotidiana). 13 marzo 2000.

служением, иногда получало своё проявление в совершенно ином виде. ...Горячо молю Святого Духа даровать нам Свой свет и просветить им всех пастырей и богословов наших Церквей, чтобы мы вместе смогли найти такие формы исполнения этой миссии, в которых могло бы осуществляться признанное и теми, и другими служение любви». И в заключение — знаменательное признание: «Это величайшая задача, от которой мы не вправе отказаться и выполнить которую мне одному не по силам»¹.

Практически все православные церкви откликнулись на инициативу римского первосвященника согласием. При новом Папе Бенедикте XVI² она в 2006 г. была вынесена на обсуждение участников проходившего в Белграде заседания Совместной международной комиссии по богословскому диалогу между католиками и православными³. Дискуссии однако не получилось, поскольку вместо вопроса о смысле «первенства чести» Папы в христианстве в центре внимания оказалось содержание «первенства чести» Патриарха Константинопольского в православии, причём ни одна из православных делегаций не поддержала позицию, изложенную представителем Русской православной церкви. После чего — уже в 2007 г. — внутриправославные разногласия стали предметом двусторонних переговоров тогдашнего председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Кирилла с членами Синода Константинопольской Церкви.

Неудачей закончилось и следующее заседание той же комиссии, которое проходило в итальянском городе Равенна 8–14 октября 2007 г. Делегация Московского патриархата ушла с этой встречи в знак протеста против присутствия на ней представителя Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ) — структуры, не признаваемой РПЦ. После чего все оставшиеся на заседании делегации православных церквей вместе с католиками проголосовали за итоговый документ, озаглавленный: «Экклезиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви». Он подтверждает, что до разделения церквей в XI в. первенство Римской кафедры никем не оспаривалось.

¹ Ut unum sint («Да будут все едино»). Энциклика Святого Отца Иоанна Павла II об экуменическом служении // Иоанн Павел II. Сочинения. М., 2003. Т. II. С. 67.

² Иоанн Павел II скончался 2 апреля 2005 г. после долгой, продолжительной болезни, и 19 апреля на папский престол был избран префект Конгрегации священной канцелярии кардинал Йозеф Ратцингер, нынешний понтифик Бенедикт XVI.

³ Речь идёт о структуре, созданной в соответствии с упомянутой выше договорённостью Папы Римского Иоанна Павла II с Патриархом Константинопольским Димитрием.

В параграфе 39 итогового документа было процитировано 28-е правило Халкидонского собора (451), согласно которому Патриарху Константинополя, «города царя и синклита», должна оказываться такая же честь, как и епископу «Древнего Рима», т.е. Папе. Параграф 41 вновь констатировал, что епископ Рима занимал в неразделённой церкви первое место среди патриархов. Наконец, параграф 45 уточнял, что «роль Римского епископа в общении всех церквей должна быть изучена более основательно»¹. Москва отреагировала на принятие этого документа отказом признать его легитимность.

Попытка найти *modus vivendi* в отношениях между православными церквями в ожидании окончательного решения вопроса о прерогативах «Второго» и «Третьего Рима» была предпринята 11–12 октября 2008 г., когда в официальной резиденции Патриарха Константинопольского в Стамбуле в очередной раз встретились их высшие руководители и личные представители. Как заявил журналистам по окончании этой новой встречи секретарь по межправославным связям Московского патриархата (ныне — заместитель председателя ОВЦС) протоиерей Николай Балашов, «в мире, раздираемом политическими, экономическими и иными противоречиями, которые иногда оказывают определённое влияние и на межцерковные отношения, для церквей жизненно важны усилия, направленные на утверждение и видимое проявление их единства»². При этом РПЦ не признала ЭАПЦ, учреждённую Константинопольским патриархатом, а Константинополь, в свою очередь, сохранил прежнюю отстранённость по отношению к признанным РПЦ Японской автономной православной церкви, автокефальной Православной церкви в Америке и четырём самоуправляемым церквям в составе Московского патриархата: Украинской, Молдавской, Латвийской и Эстонской.

Достижению компромисса в более чем деликатных взаимоотношениях между автокефальными (самостоятельными) православными церквями и прежде всего — между «Вторым» и «Третьим Римом», по мнению наблюдателей, способствовало отмежевание Московского патриархата от официальной позиции Кремля в грузино-российском конфликте в августе 2008 г.

После кончины в декабре 2008 г. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и избрания 27 января 2009 г. новым предстоятелем РПЦ бывшего председателя ОВЦС митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла некоторые зарубежные наблюдатели ожи-

¹ Цит. по копии документа.

² Портал-Credo.Ru. 14 октября 2008 г.

дали, что какие-то изменения произойдут и в православно-католическом диалоге. Пока эти ожидания не оправдались. Очередное пленарное заседание Смешанной международной комиссии, проведённое в октябре 2009 г. на Кипре, оказалось безрезультатным. Рассмотренный на нём документ «Роль Римского епископа в церковном общении первого тысячелетия» (его подготовил Координационный комитет Смешанной комиссии годом ранее) был расценен Москвой как «попытка навязать православному миру модель управления, свойственную Католической Церкви, которой управляет Папа».

Предполагалось продолжить и завершить обсуждение этого документа на следующей встрече переговорщиков, намеченной на конец сентября 2010 г. — на этот раз в Вене. Однако случилось иное. Как сообщил руководитель делегации РПЦ, преемник митрополита Кирилла на посту руководителя церковно-дипломатического ведомства митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), много времени заняло обсуждение статуса данного текста. Православные участники с самого начала заседания настаивали на том, что «Критский документ» не может быть ни официально опубликован от имени комиссии, ни подписан ее членами. С нашей точки зрения, сказал митрополит Иларион, данный документ нуждается в существенной переработке и даже после такой переработки может иметь лишь статус «рабочего документа» (*instrumentum laboris*) и не получит никакого официального статуса.

«Критский документ», пояснил далее председатель ОВЦС, имеет сутобо исторический характер и, говоря о роли римского епископа, почти не упоминает епископов других Поместных Церквей первого тысячелетия, что создает неправильное представление о том, как распределялись полномочия в Древней Церкви. Кроме того, в документе нет ясного и четкого утверждения о том, что юрисдикция римского епископа в 1-м тысячелетии не распространялась на Восток. Остаётся надеяться, добавил владыка Иларион, что эти лакуны и опущения будут восполнены при доработке текста. Окончательное решение о его статусе будет вынесено на следующем пленарном заседании комиссии, т.е. предположительно через два года¹.

Неясными остаются и перспективы сближения католиков и православных, с одной стороны, и протестантов, с другой. К изначальным догматическим разногласиям добавились новые. Первые не приемлют всё более широкого выдвижения вторыми женщин на руководящие посты в их религиозных структурах и благожелательного отношения некоторых протестантских общин к гомосексуалистам. Вторые,

¹ Официальный сайт ОВЦС. 30 сентября 2010 г.

в свою очередь, открыто обвиняют католических иерархов в сокрытии фактов педофилии, ставших известными, благодаря разоблачениям последнего времени. Единственным продвижением вперёд диалога между протестантами и католиками стало принятие состоявшейся в феврале 2006 г. в Порту-Алегри (Бразилия) IX Генеральной ассамблеи ВСЦ порядка, согласно которому большинство решений различных органов Совета будут отныне приниматься не путём простого голосования, а через консенсусные процедуры, учитывающие позицию всех членов организации. Это правило, за введение которого особенно активно выступала наряду с Константинопольской Русская православная церковь, будет в обязательном порядке применяться при рассмотрении вопросов, затрагивающих вероучение и этику. Новый модератор ЦК ВСЦ лютеранин В. Альтманн назвал Варфоломея I «ведущей фигурой современного экуменического движения» и подчеркнул его «активную роль в области межрелигиозного диалога и сотрудничества»¹.

* * *

К началу III тысячелетия процесс размежевания государств и конфессиональных структур в Европе практически завершился. Несмотря на редких исключений лишь подтверждают неодолимость этой тенденции, поскольку сохранение государственного статуса местной национальной церкви в таких странах, как Англия, никак не отражается на правах других религиозных объединений и их реальном равенстве перед законом.

Этот процесс не только не помешал, но, наоборот, содействовал проповеди религий, как исторически укоренившихся в тех или иных странах, так и всех остальных, включая новые религиозные движения. Мерилом легитимности объединений верующих стали разработанные при активном участии христиан после Второй мировой войны международно-правовые документы, которые базируются на «золотом правиле» Христа: «Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12).

На рубеже II и III тысячелетий кардинально изменился характер отношений между христианами различных конфессий. Всемирный совет церквей, куда вошли официальные представители протестантизма и православия, и Католическая церковь после Второго Ватиканского собора не относятся более к православным и протестантам

¹ <http://www/patriarchia.ru/db/textr/172464.html>.

как к вероотступникам и считать их «отделившимися братьями». Отмена отлучений 1054 г., спровоцировавших первый крупномасштабный раскол христианства; покаяние Папы за ошибки и преступления прошлого; участие западных и восточных христиан в работе многочисленных миротворческих структур и форумов — от созданной в 1959 г. Конференции европейских церквей (КЕЦ) до трёх Европейских экуменических ассамблей (1987, 1997 и 2007 гг.); начало богословского диалога по самым острым вопросам межхристианских отношений — всё это создаёт предпосылки превращения христианства в фактор мира и безопасности в Европе.

Не следует, однако, недооценивать и трудностей, связанных с происходящими в последние десятилетия изменениями в составе населения Европейского континента (наплыв иммигрантов, в том числе мусульман, из Азии, Африки и бывшего СССР).

Не преодолены сложности в отношениях между церковными структурами и наукой. В прошлом они нередко сдерживали свободу поиска научной истины. Сколько достижений человеческого разума было похоронено вмешательством церковной бюрократии, цеплявшейся за произвольную интерпретацию Священного писания! Среди тех, кто так и не реабилитирован Римской католической церковью, — погибший на костре в Риме в 1600 г. Джордано Бруно, который подверг критике религиозную картину мира. До сих пор ватиканская Конгрегация по вопросам вероучения не сочла возможным признать ошибочным его осуждение, ограничившись выражением сожаления по поводу выбранной для него меры наказания.

Теперь, правда, церкви начали осознавать важность союза веры и разума. Выводы из исторического опыта сделали и западные христиане. Об этом свидетельствует, в частности, полная реабилитация Ватиканом польского каноника, основателя современной астрономии Н. Коперника (1473–1549) и итальянского учёного монаха Г. Галилея (1564–1642), который при жизни едва не поплатился за сделанные им открытия.

Отныне католическая церковь внимательно следит за новостями науки и техники. Этим занимается созданная в 1936 г. Папская академия наук, которая в соответствии со своим уставом призвана содействовать развитию математических, физических и естественных наук и изучению связанных с этим проблем познания. Члены академии назначаются лично Папой, но не подчинены Папскому престолу. Ими могут быть известные научные деятели разных стран, независимо от национальности и религиозных взглядов. В папской энциклике «Fides et ratio» («Вера и разум»), подписанной в сентябре 1998 г., рим-

ский первосвященник подчеркнул, что «вера в возможность познания истины, имеющей универсальную ценность, является необходимым условием искреннего и подлинного диалога между людьми»¹.

Но познать истину — это не всё. Надо ещё научиться воплощать её в практические дела. Сегодня никто не станет отрицать, что в числе главных и поистине универсальных ценностей — мир и справедливость. Об этом говорилось и в заключительном документе всемирной встречи религиозных лидеров, которая была проведена в Москве 3–5 июля 2006 г. в канун Санкт-Петербургской встречи руководителей Большой восьмёрки. В нём, в частности, выражалось пожелание, «чтобы религия продолжала служить прочным основанием мира и диалога между цивилизациями, а не использовалась в качестве источника распрей и конфликтов»².

Глава 16. Демографические перспективы Европы

Тревожная динамика

Среди проблем, с которыми столкнулась Европа в начале XXI в., одной из наиболее серьёзных, безусловно, является неблагоприятная демографическая ситуация. Это со всей очевидностью вытекает из динамики численности европейцев и их удельного веса в мировом населении.

В 1900 г. их общее число составляло 390 млн — четверть тогдашнего населения планеты, в 1940 г. — 525 млн (23%), в 1950 г. — 549 млн (менее 22%), в 1975 г. — 676 млн (19,6%), в 2000 г. — 728 млн (12%). На протяжении XX в. население земного шара выросло вчетверо — с 1,57 млрд в 1900 г. до 6,2 млрд в 2000 г., а Европы — только вдвое. По оценке демографических служб ООН, к 2025 г. численность населения Европы уменьшится не только относительно, но и абсолютно — до 713 млн (9,1%)³.

¹ Иоанн Павел II. Сочинения. М., 2003. Т. II. С. 288.

² Послание Всемирного саммита религиозных лидеров (Москва, 3–5 июля 2006 г.) // RELTGARE / Религия и СМИ: URL: <http://www.religare.ru/2=31156.html>.

³ Включая азиатскую часть России. См.: Géopolitique. Juin. 2001. No 74. P. 3.

К середине XXI в. эта тенденция может усилиться. Согласно прогнозу статистической службы Евросоюза, с 1 января 2004 г. по 1 января 2025 г. население 25 государств — членов ЕС увеличится на 13 млн человек — с 456,8 до 470,1 млн, но рост будет происходить в основном за счёт притока иммигрантов из Азии и Африки. После 2025 г. этот фактор уже не будет компенсировать превышения смертности над рождаемостью: ожидается, что к 2050 г. население ЕС составит 499,8 млн, т.е. на 20 млн меньше, чем четвертью века ранее¹.

В то же время удельный вес других континентов в мировом населении, согласно прогнозам, заметно увеличится. В 2025 г. доля Латинской Америки вырастет с 6,6 до 8,5%, Азии — с 55 до 60%, Африки — с 8,9 до 13,2%². При общей численности населения мира в 2025 г. порядка 7,9 млрд в Азии будут жить 4776,6 млн, в Африке — 1358,1 млн, в Латинской Америке — 694,8 млн, в Европе — 683,5 млн, в Северной Америке — 383,7 млн, в Океании — 40 млн³.

Сокращение рождаемости в Европе началось уже в конце 60-х годов в странах Северной Европы (Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии). В середине 70-х годов оно распространилось на Западную Европу — Германию, Великобританию, Францию, в 80-х годов на Южную — Италию, Испанию, Португалию, Грецию, в 90-х — на Восточную Европу.

В 2005 г. численность населения сокращалась абсолютно уже в семи странах — членах ЕС: Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, Венгрии, Польше и Словакии. До 2025 г. она начнёт уменьшаться ещё в шести — в Италии (с 2013 г.), в Германии и Словении (с 2014 г.), Португалии (с 2018 г.), Греции (с 2020 г.) и Испании. Всего к 2025 г. отрицательный рост будет наблюдаться в 22 из 27 членов ЕС. Последней на этот путь встанет Великобритания (с 2040 г.)⁴.

Во второй половине XXI в. европейское население будет продолжать расти только в Ирландии, Франции, на Кипре, в Люксембурге, на Мальте и в Швеции. В 2004–2050 гг. самые большие потери понесут новые страны — члены ЕС: Латвия (–19,2%), Эстония (–16,6%), Литва (–16,4%), Чехия (–12,9%), Венгрия и Словакия (по –11,9%), Польша (–11,8%). Возрастёт население лишь в Люксембурге (+42,3%),

¹ Европа. Журнал Европейского Союза. 2005, май. No 5(50). С. 16.

² Géopolitique. 2001. Juin 2001. No 74. P. 10.

³ La Population du monde. Géant démographiques et défis internationaux. INED. P., 2002. P. 761.

⁴ Европа. Журнал Европейского Союза. 2005, май. No 5(50). С. 16.

в Ирландии (+36,0%), на Кипре (+33,5%), на Мальте (+27,1%), во Франции (+15%)¹.

В абсолютных цифрах за тот же период больше всего население сократится в Германии (–7,9 млн человек), Италии (–5,2 млн) и Польше (–4,5 млн). Наибольшее увеличение прогнозируется во Франции (+15 млн), Великобритании (+4,7) и Ирландии (+1,5)².

Среди европейских стран, не входящих в ЕС, самые большие потери может понести Россия, население которой, по оценкам ООН, сократится за следующие полвека почти на треть³. Столь же тревожно выглядит демографическая ситуация и в остальных европейских странах постсоветского пространства — Украине, Беларуси, Молдове.

Ещё до Второй мировой войны французский демограф Адольф Ландри отметил, что рост населения во всех странах проходит три стадии.

Первая характеризуется высокой рождаемостью и почти столь же высокой смертностью: из 5–6 детей спустя год выживают максимум два-три, а средняя продолжительность жизни едва превышает 30 лет. Эта стадия характерна для статичных, патриархально-традиционалистских обществ, основой экономики которых служит натуральное сельское хозяйство. Уровень образования и просто грамотности у них крайне низок, женщины в семье и обществе полностью подчинены власти мужчин, а смертность усугубляется постоянными войнами и массовыми эпидемиями — чумы, холеры, оспы и т.д., во время которых погибает значительная часть жителей. Так случилось в Европе в 1346–1353 гг., когда от чумы вымерла треть всего населения. Результатом является крайне медленный прирост — для удвоения числа жителей страны требуется около столетия, т.е. четыре поколения, если не больше.

В Европе первая стадия охватывает Средние века и начало Нового времени вплоть до разложения феодализма. В Азии, Африке, Латинской Америке она сохранялась до европейской колонизации, подорвавшей устои традиционных обществ. Правда, наблюдались и исключения: например, взрывы рождаемости у азиатских скотоводов-кочевников (арабов, монголов, тюрков), толкнувшие их из-за нехватки пастбищ к завоевательным походам в более развитые и богатые земледельческие цивилизации — Китай, Индию, Европу.

¹ Там же. Уточнённый прогноз по Франции см.: *Figaro économie*, Jeudi 12 mai 2005. Р. III–IV.

² Там же.

³ *La Population du monde...* Р. 761.

Вторая стадия отличается резким сокращением смертности (особенно детской) благодаря прогрессу медицины при сохранении высокой рождаемости. В это время прирост населения значительно ускоряется: его удвоение или даже утроение происходит в среднем за полвека, т.е. вдвое быстрее, чем раньше. Такой демографический переход был характерен для европейских стран в эпоху начального развития капитализма и первых промышленных революций.

Европа по темпам рождаемости далеко опережала тогда остальные континенты. Массовый исход из деревни крестьян, не находивших работы в городе, питал мощные волны европейских переселенцев, направлявшихся после великих географических открытий в Северную и Южную Америку.

Прецеденты европейского колониализма бывали и раньше — от торговой экспансии греков в Средиземноморье, завоеваний Александра Македонского и Римской империи до крестовых походов Средневековья. Наряду с социально-экономическими причинами в числе важнейших их предпосылок всегда являлись демографические дисбалансы, периодически подрывавшие внутреннюю стабильность рабовладельческих и феодальных обществ. Вместе с тем европейские переселенческие потоки имели важную цивилизационную, особенно конфессиональную составляющую: подобно тому, как завоевательные походы арабов или тюрок проходили под зелёным знаменем ислама, европейская колониальная экспансия обосновывалась не только расистскими теориями («Эссе о неравенстве человеческих рас» графа Жозефа-Артюра Гобино, вышедшее в 1855 г.), но, прежде всего, распространением христианства и глобальной цивилизаторской миссией¹.

Вторая стадия, при которой смертность снижается, а рождаемость остаётся чрезвычайно высокой, продолжается до сих пор во многих развивающихся странах, причём обычно самых бедных и отсталых. Так, в Западной Африке на тысячу жителей в начале XXI в. приходится 41 рождение и 15 смертей (в Нигере даже 55 и 20).

На третьей стадии, в которую Европа окончательно вступила в последней трети XX в., происходит падение как рождаемости, так и смертности. При такой демографической модели рост населения замедляется, наступает его стагнация, а затем и абсолютное сокращение. В 13 странах Южной Европы на тысячу жителей в том же 2003 г. приходилось 10 рождений и 9 смертей, в 11 странах Восточной Европы —

¹ Классическим образцом цивилизаторской мифологии европейцев может служить творчество певца Британской империи писателя Редьярда Киплинга («Время белых»).

9 и 14, а в 25 странах Евросоюза естественный прирост составил всего 0,5, а с иммиграцией — 2,5 человека на тысячу¹.

Объективные социально-экономические и субъективные психологические причины этих тенденций хорошо известны. Индустриализация и урбанизация сопровождаются значительным повышением жизненного и, что немаловажно, образовательного уровня большинства населения, в том числе женщин, которые всё шире включаются в производственную, общественную и культурную жизнь. Этому способствует развитие общественного питания, механизация быта и прочих традиционно семейных обязанностей женщин. В современной Европе они уже составляют более 40%, а с учащимися — половину самодостаточного населения. В результате средний возраст европейских женщин, создающих семью и принимающих решение о рождении детей, возрос за последние полвека с 19–20 до 27–28 лет, что неизбежно отражается на плодovitости.

К этому добавляются широкое распространение семейного планирования благодаря эффективным противозачаточным средствам, кризис моногамной семьи (в Европе на три брака приходится один-два развода), значительное увеличение в связи с этим числа одиноких мужчин и женщин, семей с одним родителем.

Ушло в прошлое использование крестьянами (удельный вес которых в населении большинства европейских стран упал до нескольких процентов) взрослых детей как даровой рабочей силы в хозяйстве. С другой стороны, создание пенсионной системы подорвало прежнюю взаимозависимость поколений — содержание престарелых родителей детьми встречается всё реже, что также снижает стимул к увеличению их числа в семьях.

Наконец, присущие западному «обществу потребления» индивидуализм и гедонизм делают тяготы, неизбежно связанные с рождением и воспитанием нескольких детей, всё менее привлекательными.

Упорное сопротивление христианских церквей, особенно католической, планированию семьи, абортam, расширению прав сексуальных меньшинств становится всё менее успешным не в последнюю очередь в результате общего падения значимости религиозных этических ценностей в повседневной жизни европейцев. Среди традиционалистских католических стран Европы только Ирландия сохраняет относительно более благоприятную динамику рождаемости, тогда как в Италии, Испании, Португалии, Литве, Польше она даже ниже, чем в протестантских или православных государствах.

¹ Population et Soci ét és. 2003. Juillet-Aout No 392.

Среди «дехристианизированных» антиклерикализмом светских стран сравнительно благоприятная картина сохраняется лишь во Франции.

Значительно более эффективным в этом плане оказался ислам: рождаемость среди 15–17 млн иммигрантов-мусульман в Европе в 3–4 раза выше, чем среди коренного населения. Из европейских государств высокий прирост его численности сохраняет только мусульманская Албания и албанские диаспоры на Балканах — в Косово, Македонии и Боснии.

Одним из важнейших, если не главным, фактором, влияющим на рождаемость и, соответственно, на темпы прироста (или сокращения) человеческого потенциала европейских стран, является соотношение демографической и социально-экономической динамики.

Всплески рождаемости на протяжении XX столетия в Европе приходились на периоды, последовавшие за Первой и Второй мировыми войнами. Огромные людские потери, усугублённые материальными трудностями и мобилизацией в армию молодых мужчин самых плодотворных возрастов, образовывали «демографические ямы», которые давали о себе знать на протяжении многих поколений. Однако сразу же после окончания военных действий (20-е, 50–60-е годы) почти повсюду наблюдался бурный демографический подъём, связанный с надеждами людей на лучшую жизнь.

Для этого имелись реальные предпосылки. Восстановление разрушенной войной экономики давало мощный толчок производству, повышался спрос на рабочую силу, а воспоминания о дефиците и лишениях военных лет стимулировали скромный по устойчивости потребительский спрос. В итоге «бэби-бумы» первых послевоенных десятилетий существенно улучшили демографический пейзаж Европы: природа как бы сама восполняла урон, нанесённый человеческому потенциалу Европы самими европейцами.

Постепенно, однако, позитивный экономический эффект послевоенных лет, усугублявшийся научно-техническим прогрессом, снижался. Темпы роста ВВП сокращались, чему способствовали насыщение потребительского рынка, а также циклические и отраслевые кризисы (особенно Великая депрессия 1929–1933 гг. и глобальный кризис, начавшийся в 2008 г.), обострялась проблема занятости.

Естественно, что в таких условиях материальные и психологические мотивы, побуждающие людей к увеличению семьи, значительно приуменьшались. Согласно данным опросов, в начале XXI в. большинство европейцев считали, что их детям предстоит в жизни более значительные трудности, чем у них самих в молодости.

Этот пессимизм имеет под собой реальные основания: усугубление смягчившейся было в середине XX в. имущественной дифференциации тормозит демографическую динамику.

Перечисленные факторы не могли не отразиться на главном для демографической динамики показателе — коэффициенте фертильности (плодовитости), т.е. на среднем числе детей, приходящихся на женщину, способную по возрасту к деторождению (16–54 года). Порог этого показателя, необходимый для замены выбывающих поколений, составляет 2,1, будучи ниже его, рождаемость уже не компенсирует смертности.

С начала 70-х годов XX в., когда завершился период высоких темпов роста экономики первых послевоенных десятилетий, связанный с восстановлением производства на новой технической основе, а главную роль в постиндустриальных обществах приобрела сфера услуг, Европа переступила этот порог — средний коэффициент фертильности составил в ней 1,4. Самый низкий коэффициент наблюдался в 2003 г. в Чехии (1,17), самый высокий — в Ирландии и во Франции (1,9; с учётом иммигрантов — более 2,2). В результате рождаемость европейцев сократилась за полвека почти наполовину — с 12,6 млн в 1950 г. до 7,3 млн в 2000 г.¹

Негативное влияние спада рождаемости на численность населения Европы отчасти смягчается уменьшением смертности и значительным ростом средней продолжительности жизни (на языке демографии — «надежды на дожитие» при рождении).

Особенно существенно упала детская смертность: если, например, во Франции в середине XX в. из тысячи детей в возрасте до года умирало 60, то в 2003 г. — всего 4, т.е. в 15 раз меньше. За полвека среднегодовая смертность в стране стабилизировалась — 544 тыс. в год в 1950–1955 гг., 533 тыс. в 1970–1975 гг., 549 тыс. в 1995–2000 гг., тогда как численность населения (включая заморские департаменты и территории) выросла с 41,8 до 62,7 млн. В результате француз, родившийся в 1961 г., мог рассчитывать прожить до 65 лет, французенка — до 71 года, а родившиеся в 2003 г., соответственно, — до 76 и 83 лет. Таким образом, средняя продолжительность жизни за четыре десятилетия увеличилась у мужчин на 11 лет, а у женщин — на 12².

Более благоприятные показатели отмечались лишь в Японии (81 год в среднем у мужчин и женщин), а в Европе — в Швейцарии, Швеции и Италии (80) при среднем по ЕС порядка 78 лет, а в США — 77 лет.

¹ Les naissances ralentissent la cadence. Libération. 5 octobre 2004.

² Jacques Marseille. La guerre des deux France. P.: Perrin, 2005.

Вместе с тем по смертности и, соответственно, средней продолжительности жизни в европейском ареале налицо значительные различия. В странах Центральной и Восточной Европы и на постсоветском пространстве средний уровень смертности составляет 14 на тысячу — на треть выше, чем в Западной Европе.

Самое тяжёлое положение со смертностью складывается в России: в 2003 г. она составила 16 на тысячу жителей — уровень Центральной Африки. Средняя продолжительность жизни российских мужчин оценивается в 59–60 лет, женщин — в 72 года. Это ниже, чем в Китае, большинстве арабских стран и Латинской Америке.

В поисках причин этого демографы Александр Авдеев и Ален Блюм отмечали не только исторические трагедии (огромные потери в двух мировых и гражданской войнах, в годы коллективизации и голода в 1921, 1932 и 1947 гг., в результате массовых политических репрессий и нескольких волн эмиграции), но и негативные явления современности — алкоголизм, наркоманию, преступность, самоубийства (второе место в мире на тысячу населения), производственный, транспортный и бытовой травматизм, ухудшение медицинского обслуживания и т.д.

Эти причины объясняют, в частности, столь значительный разрыв средней продолжительности жизни у российских женщин и мужчин. Они усугубили гендерный дисбаланс, восходящий к ещё первым послевоенным десятилетиям и не смягчившийся даже полвека спустя. Естественно, что такой дисбаланс неизбежно отражается на числе браков и рождаемости¹.

Возрастная пирамида

Увеличение средней продолжительности жизни в Западной Европе является бесспорным историческим завоеванием. Однако оно имеет и оборотную сторону, которая беспокоит европейцев не меньше, чем снижение рождаемости — прогрессирующую эволюцию возрастной пирамиды в пользу старших поколений. Если в 1945 г. удельный вес европейцев старше 65 лет составлял менее 10%, то полвека спустя он повысился более чем наполовину — до 16%².

Как уже отмечалось выше, вплоть до середины 50-х годов эта тенденция компенсировалась всплеском рождаемости после окончания

¹ La Population du monde... Р. 388. Ещё больше дисбаланс образовался только в КНР, где он связан с жёсткой государственной политикой ограничения рождаемости.

² Géopolitique. Juin. 2001. No 74. Р. 11.

Второй мировой войны, когда возвращение мужчин из армии и надежды на лучшее будущее, а в ряде стран и целенаправленная государственная политика помощи многодетным семьям значительно увеличили коэффициент фертильности. В 1950–1955 гг. его среднегодовой уровень во Франции повысился до 2,73, в Италии — до 2,32, Великобритании — до 2,18, Германии — до 2,16¹.

Однако с начала 70-х годов этот «бэби-бум» прекратился, сменившись стагнацией, а затем сокращением. В 1995–2000 гг. среднегодовой прирост населения снизился по сравнению с 1959–1955 гг. во Франции с 830 до 730 тыс., в Великобритании с 808 до 706 тыс., Италии с 877 до 525 тыс., Германии с 1106 до 763 тысяч². Удельный вес детей и подростков до 15 лет, составлявший в конце «бэби-бума» 25% населения Европы, упал четверть века спустя на треть — до 17%, почти сравнявшись с долей пожилых возрастов старше 65 лет³.

В XXI в. тенденция к расширению верхушки возрастной пирамиды и сужению её основания будет, видимо, усиливаться. В 25 странах Евросоюза доля людей старше 65 лет, согласно прогнозам, увеличится с 16,4% в 2004 г. до 29,9% в 2050 г., а в абсолютных цифрах — с 75,3 до 134,5 млн. Наиболее высокой доля старших возрастов будет в Испании (35,6%), Италии (35,3%) и Греции (32,5%); наименьшая — в Люксембурге (22,1%) и Нидерландах (23,5%)⁴.

Значительно увеличится численность самых пожилых людей, которым перевалило за 80. Если в 2004 г. в 25 странах ЕС их было только 4%, то в 2050 г. их число почти утроится, достигнув 11,4%. Самым высоким процент будет в Италии (14,1), Германии (13,6) и Испании (12,8)⁵.

Если эти прогнозы сбудутся, то возрастная пирамида населения Европы грозит опрокинуться с основания на вершину, что повлечёт за собой далеко идущие последствия. По мере того, как численность вступающей в трудовой возраст молодёжи будет сокращаться, а выбывающих из него пенсионеров увеличиваться, самодеятельное население неизбежно уменьшится. В 25 странах — членах Евросоюза численность работоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет, составлявшая в 2004 г. 306,8 млн (67,2%), сократится в 2050 г. на 56,7 млн (до 56,7%).

¹ La Population du monde... P. 766.

² Ibidem.

³ Géopolitique. Juin 2001. No 74. P. 11.

⁴ Европа. Журнал Европейского Союза. С. 16.

⁵ Там же.

«В результате, — констатирует демограф В. Шашков, — уровень зависимости лиц пенсионного возраста (процентное соотношение числа людей старше 65 лет к числу людей в возрасте от 15 до 64 лет) увеличится с нынешних 24,5 до 52,8% в 2050 г. Принимая во внимание уровень детской зависимости (соотношение людей работоспособного возраста и детей моложе 15 лет), общий уровень зависимости в 25 странах ЕС вырастет за этот период с 48,9 до 76,5%. Это означает, что если сегодня на двух работоспособных приходится один ребёнок или престарелый, то к 2050 г. эта пропорция составит 4 к 3»¹.

Сокращение самостоятельного населения — сначала относительное, а теперь и абсолютное, влечёт за собой ряд весьма важных последствий социально-экономического, а отчасти и политико-психологического плана.

Самое очевидное из них — растущий дефицит средств в системе социального обеспечения. Раньше она достаточно успешно финансировалась за счёт взносов предпринимателей и лиц наёмного труда в кассы соцстраха (пенсионную, страхования по болезни, инвалидности, от безработицы и т.д.), а в известной мере и из госбюджета. Тем самым дети и учащаяся молодёжь получали как бы аванс на будущее, а пенсионерам возвращался долг за годы их трудовой деятельности.

Однако в последней четверти XX в. демографические сдвиги привели к тому, что обязательные отчисления от прибылей предприятий и заработной платы превысили во многих европейских странах треть, а, считая вместе с прочими налогами, — половину ВВП. Это отразилось на себестоимости, а, следовательно, и конкурентоспособности европейских товаров. Это, в свою очередь, усилило так называемый аутсорсинг — отток капитала в развивающиеся страны, тормозя темпы экономического роста и обостряя проблему занятости.

В результате усилился кризис европейской модели социальной рыночной экономики, сложившейся в первые послевоенные десятилетия. Сначала Великобритания, а за ней (хотя и менее решительно) Германия, Франция и Италия стали искать выход из возникшего положения, сокращая пособия, увеличивая возраст выхода на пенсию или продолжительность трудового стажа, необходимого для их начисления, добиваясь дополнения перераспределительных механизмов накопительными — по образцу американских пенсионных фондов и т.д. Однако эти усилия порождают в Европе крайне болезненную реакцию — вызывают продолжительный паралич исполнительной вла-

¹ Шашков В. Перспективы не обнадеживают; Европа. С. 16.

сти, а порой даже провоцируют события, выходящие за рамки правового поля, в виде уличных беспорядков (Франция).

При этом, как отмечает французский академик Жак Дюпакье, «поколения, родившиеся в первой половине XX в., приобретают всё больший политический вес. Государство, которое должно осуществлять трансферты, не осмеливается затронуть привилегии, постепенно сложившиеся почти повсюду»¹.

По мере роста доли старших возрастов в избирательном корпусе европейских стран он становится всё консервативнее, будучи заинтересованным в большей степени в сохранении существующего положения вещей, чем в реформах, неизбежно сопряжённых с риском.

Социальные проблемы усугубляются экономическими. Повышение удельного веса людей пенсионного возраста, на которых приходится растущая доля общих доходов населения, существенно меняет объём и структуру потребительского спроса. Если молодёжь, несмотря на ограниченные финансовые средства, остаётся локомотивом спроса на новые высокотехнологичные товары (бытовая электроника, информатика, телекоммуникации), то старшие возраста делают упор на традиционные товары и услуги, предпочитая тратить деньги на приобретение недвижимости, фармацевтику, медицину. Это всё заметнее тормозит научно-технический прогресс. Да и по объёму спрос старших поколений меньше, чем у молодёжи.

Сбережения пенсионеров, составляющие всё более значительную часть денежной ликвидности, не используются для перспективных, но рискованных вложений в отрасли «новой экономики». Предпочтение отдаётся невысокому, но зато гарантированному доходу от облигаций, полисов страхования жизни и т.п. Это неизбежно ограничивает мобильность европейских финансовых рынков и тормозит назревшие структурные сдвиги, особенно по сравнению с экономиками азиатских гигантов — Китая, Индии, стран АСЕАН, где возрастная структура населения гораздо моложе и, следовательно, динамичнее, чем в Европе, а система социальной защиты развита слабее, если существует вообще.

В будущем эти тенденции, скорее всего, усилятся. В 2006 г. начался массовый уход на пенсию поколений послевоенного «бэби-бума». Их место занимают значительно менее многочисленные поколения детей и внуков. Соответственно, неизбежно усилится миграционное давление на Европу с юга. Если в начале XXI в. численность иммигрантов из стран Азии и Африки, особенно из бывших колоний евро-

¹ Dupéquier J. Vers une dépopulation de l'Europe // *Géopolitique*. 2001. Juin. No 74. P. 6.

пейских держав (из Магриба и Тропической Африки во Францию, из Пакистана и Индии в Великобританию, из Индонезии в Нидерланды, а также из Турции в Германию), составляла 15–17 млн человек, т.е. от 5 до 10% коренного населения, то, по подсчётам демографических служб ООН, для сохранения нынешнего баланса между общим и самодеятельным населением Европа должна будет принять до 2025 г. в десять раз больше — 159 млн, а до 2050 г. — 700 млн иммигрантов. Иными словами, на каждого коренного европейца придётся один иммигрант.

В Соединённых Штатах такая перспектива тоже вполне реальна: к 2050 г. доля в населении лиц европейского происхождения опустится ниже 50%-ной планки, а неевропейского — превысит её. Среди этой части населения треть будут составлять латиноамериканцы, четверть азиаты, 12% афроамериканцы (коэффициент фертильности у первых составляет сейчас 3,0, у вторых и третьих — от 2,1 до 2,3, а у «белых» — только 1,8).

Эта перспектива уже сейчас вызывает там острую политическую борьбу вокруг иммиграционной политики¹. Однако пока большинство американцев, каждый из которых является в каком-то поколении иммигрантом, такая угроза не слишком тревожит. Большинство всё ещё верит в эффективность стратегии «плавильного котла», который до сих пор справлялся, пусть не без издержек, с нелёгкой задачей «переваривания» пришельцев разного этнического происхождения, культурно-языковой и конфессиональной принадлежности.

Упадок не фатален

В Европе, состоящей в основном из устоявшихся мононациональных государств, двойной вызов депопуляции, с одной стороны, и массовых миграций из стран иного цивилизационного ареала, с другой — воспринимается гораздо болезненнее. Он провоцирует, как реакцию отторжения пришельцев коренным населением, выливающуюся в голосование за ультраправые группировки расистского толка (Национальный фронт Ле Пена во Франции и т.д.), так и бунты в иммигрантских «этнических гетто», а также распространение идей исламистского фундаментализма.

В сложившихся условиях «евроскептики» приходят к мрачным выводам о кризисе всей европейской цивилизации, которая, как до неё

¹ Buchanan P. The Death of the West. Wash., N.-Y., 2001.

другие великие цивилизации, прошла этапы подъёма, процветания и клонится ныне к неотвратимому упадку. Подобная концепция, восходящая к взглядам Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, вновь входит в моду благодаря работам Хантингтона об угрозе «столкновения цивилизаций».

Представляется, однако, что факты не подтверждают подобную схему. Хотя демографические и цивилизационные тенденции, бесспорно, связаны, их взаимозависимость отнюдь не линейна. Бывали случаи, когда высокие темпы роста населения тормозили развитие экономики и культуры, а его ограничение разумными пределами оказывалось необходимым условием общественного прогресса. Наиболее ярким примером могут служить гиганты Азии — Китай, который проводит жёсткую политику ограничения рождаемости («одна семья — один ребёнок»), вдвое опережает по темпам роста ВВП и его объёму на душу населения Индию, где эта политика по ряду политических и культурных причин провалилась.

Более того, все статистические прогнозы говорят о том, что к середине XXI в. дальнейший рост населения планеты достигнет предела, после чего рождаемость и смертность в глобальном масштабе стабилизируются на примерно равном уровне. Иными словами, человечество в целом вступит в третью стадию демографической динамики (низкая рождаемость — низкая смертность), в которую Европа вступила ранее других континентов и цивилизаций из-за более интенсивного развития в ней урбанизации, индустриализации и эмансипации женщин.

За истекшие полвека коэффициент фертильности в мире сократился в среднем более чем вдвое — с 5,4 до 2,7. Причём даже этот уровень колеблется в широком диапазоне не только между Европой и развивающимися странами, но и среди них самих. В ряде государств, в том числе в таких густонаселённых, как Китай, Бразилия или Таиланд, данный показатель уже сейчас ниже порога простого замещения выбывающих поколений. В Иране он составляет 2,1 — ровно столько, сколько у его злейшего врага — США. Высокая фертильность и, соответственно, рождаемость сохраняются лишь в двух десятках самых бедных, главным образом, африканских стран, застрявших на второй стадии.

К середине XXI в. тенденция к выравниванию уровня плодovitости приобретёт всемирный характер. В 2045–2050 гг. её среднегодовой уровень составит, по прогнозам ООН, в Африке 2,39 (вместо 5,27 в 2000 г.), Азии — 2,08 (2,7), Латинской Америке — 2,1, Европе — 1,81, Северной Америке — 2,08. Очевидно, что такой разрыв нельзя считать драматическим.

Главным фактором, способствующим такому нивелированию, является не столько повышение уровня экономического развития, сколько распространение образования, если не просто грамотности, среди женщин бывшего «третьего мира». Это происходит даже в мусульманских странах, где их роль в семье и обществе оставляет желать лучшего¹.

Та же тенденция даёт о себе знать в отношении смертности и средней продолжительности жизни. В 1995–2000 гг. европеец мог рассчитывать при рождении дожить до 73,2 лет, азиат — до 65,8, латиноамериканец — до 69,3, африканец — до 51,4. Полвека спустя эти цифры должны составить, соответственно, 80,8 лет у первого, 77,1 — у второго, 77,8 — у третьего и 69,5 — у четвёртого. В таких условиях равновесие между младшими и старшими поколениями в мире будет постепенно выравниваться².

Динамика народонаселения в Европе за длительные периоды времени свидетельствует, что там действовали те же самые закономерности, которые сегодня дают о себе знать за её пределами. Это опровергает тезис о примате биологических или антропологических факторов в демографии над социокультурными и цивилизационными.

Наиболее убедительным примером может служить Франция. Число французов, обосновавшихся в канадской провинции Квебек в XVIII в., увеличилось с тех пор в 100 раз — с 60 тыс. до 6 млн, тогда как численность их соотечественников на исторической родине только втрое. Дело в том, что именно во Франции, являвшейся до Революции 1789 г. самой населённой страной Европы, — в период царствования Людовика XIV или наполеоновских войн, каждый четвёртый европеец был французом — уже в первой трети XIX в. началось неуклонное сокращение рождаемости.

Создание в результате революции компактного слоя мелкособственнического крестьянства и городской мелкой буржуазии, составивших большинство населения страны и не желавших дробить наследуемое имущество, привело к сознательному ограничению числа детей в семьях. В результате Франция отстала по численности населения сначала от России, затем от Германии, оказавшись на одном уровне с Англией и Италией, которых ранее превосходила по населению

¹ *Todd E. Après l'Empire. Essai sur la décomposition du système américain.* P.: Gallimard, 2002. P. 42.

² Если ещё недавно демографы предсказывали, что к 2100 г. численность населения планеты достигнет 15 млрд человек, то сейчас они снизили свой прогноз на треть — до 10 млрд. Это немногим больше, чем ожидается в 2050 г. См.: *La Population du monde...* P. 765; *Libération.* Mardi 5 octobre 2004. P. 11.

вдвое-втрое. В конце 30-х годов XX в. смертность во Франции впервые в истории Европы превысила рождаемость.

Однако после Второй мировой крутые сдвиги в экономике и социальной структуре страны в сочетании с активной государственной политикой помощи многодетным семьям переломили ситуацию. Темпы роста как экономики, так и рождаемости в 1946–1973 гг. оказались выше, чем в большинстве западноевропейских стран. Даже после окончания «бэби-бума» коэффициент фертильности у французов до сих пор остаётся (наряду с Ирландией) самым высоким в Европе — он составляет 1,9 против 1,7 в Великобритании, 1,33 в Германии, 1,23 в России, 1,20 в Италии.

* * *

Столь значительные колебания в одной и той же европейской стране на фоне постепенной стабилизации динамики народонаселения за пределами Европы говорят о том, что нынешний демографический упадок континента вовсе не является фатальным. Для его смягчения и тем более преодоления потребуется, конечно, немалое время, а главное — осознание судьбоносной важности решения данной проблемы как элитами, так и общественностью всей Европы — «от Атлантики до Урала» и дальше — вплоть до Тихого океана.

Характерно, что если вплоть до конца 80-х годов XX в. коэффициент фертильности в США отставал от европейского, то с начала 90-х годов, когда американская экономика вступила в десятилетнюю полосу устойчивого высокого роста, рождаемость тоже последовала за ней, обогнав европейские показатели. Причём это произошло не только в семьях недавних иммигрантов или «цветных» диаспор, но и у американцев европейского происхождения. В связи с этим лондонский еженедельник «Экономист» предсказывал, что к 2050 г. США опередят по численности населения Евросоюз и будут насчитывать 400–500 млн жителей, а средний возраст американцев составит 35,5 лет против 52,7 в Европе¹. Теперь, в связи с экономическим кризисом в ходу менее оптимистические прогнозы. Независимо от того, какие из них сбудутся, очевидно, что рождаемость по обе стороны Атлантики следует за экономическим ростом, а не наоборот.

Поэтому важнейшим средством смягчения демографического кризиса Европы должно стать, прежде всего, резкое усиление роста и конкурентоспособности экономики Евросоюза и постсоветского

¹ The Economist. 24.08.2002. P. 21.

пространства на основе наукоёмких высоких технологий. Пока, однако, стратегия ЕС по достижению этой цели, намеченная на встрече на высшем уровне в Лиссабоне в 2000 г., не принесла ощутимых результатов. Коренного перелома не зафиксировано и на постсоветском пространстве.

Глава 17. Центробежные и центростремительные тенденции в зоне западноевропейской интеграции

Европейский союз уже перевалил за полувековую рубеж своей истории. Поэтому исторических, политических и хозяйственных итогов его деятельности достаточно для оценки и анализа как плюсов, так и минусов интеграционного проекта.

Евросоюз на карте Европы

В своё время Виктор Гюго мечтал о том, что «настанет день, когда все нации нашего континента сольются друг с другом в высокой степени единства, в братство народов Европы, не теряя при этом ни своих отличительных качеств, ни своей яркой национальной индивидуальности»¹. В какой же степени сбылись в наше время эти прогнозы великого французского романиста?

Действительно, за истекшие 50 лет Западная Европа неузнаваемо и радикально изменилась. После столетий раздоров и войн на её землю пришёл устойчивый мир. Причём в отличие от ранних европейских империй (Карла Великого, Карла V) Европейский союз создавался не мечом или на основе династических комбинаций, а в результате добровольно проявленной политической воли интегрирующихся государств.

Начав в 1957 г. всего с шести государств-основателей, Евросоюз разросся ныне до 27 стран-членов. Его суммарный ВВП ныне уже пре-

¹ EU. Europe in 12 Lessons. Luxembourg, Office of Official Publications (OOP), 2004. P. 54.

восходит американский (хотя по душевому ВВП ЕС отстаёт от США в 1,5 раза). Евросоюз обладает ныне второй по силе валютой мира, зарплата в подавляющем большинстве его стран-членов находится на уровне выше средней по ОЭСР, а инфляция долгие годы удерживалась на отметке 2%¹.

Европейская интеграция экономически создала крупнейший рынок в мире с населением полмиллиарда человек. Вопреки первоначальным опасениям, Евросоюз не стал протекционистской «Крепостью Европа». И хотя внутри его единого рынка концентрируется ныне до 2/3 прежней внешней торговли его стран-членов (а у Люксембурга, Словакии и Чехии — даже до 88%), он выступает как активный и ведущий участник мировой торговли вне своих пределов, обеспечивая около 1/5 её оборота против 1/6 у США и занимает первое место в импорте товаров из стран СНГ и из развивающихся государств, а также лидирует по объёму оказываемой помощи этим государствам². Этому, в частности, способствует относительно низкая тарифная защита им внутреннего рынка (80% российских товаров — т.е. почти все, за исключением аграрной продукции, — ввозятся беспошлинно или на преференциальной базе). Поэтому участие в процессах глобализации, по оценке Председателя Комиссии ЕС Ж.М. Баррозу, добавляет в личный доход каждого из граждан Евросоюза до 2,5 тыс. евро в год³.

Конечно, такие хозяйственные результаты во многом определяют сложением экономических потенциалов стран, присоединявшихся к первоначальному ядру ЕС. Однако и сама интеграция, через становление внутреннего рынка и валютного союза стран-участниц, только с 1993 г. синергически добавила к суммарному ВВП около 800 млрд евро и не менее 2,5 млн рабочих мест из общего их прироста в более чем 6 млн⁴.

Скромнее обстоят дела в сфере научно-технического прогресса. Евросоюз пока существенно отстаёт от США и Японии (и частично также и от КНР и Индии) по размерам и темпам роста затрат на НИОКР. Вместе с тем и здесь, на путях научно-производственной кооперации, удалось осуществить ряд проектов мирового уровня. В их числе можно назвать проект создания «Аэробуса», способного успешно конкурировать с продукцией «Боинга», и систему «Галилео», превосходящую по ряду качественных показателей нынешнюю американскую и спо-

¹ EU. Jobs and Growth in the European Union. Brussels, OOP, 2004. P. 17.

² <http://europe.eu/abc/kegfigurs>.

³ <http://www.Euractiv.com>. 26.10.2008.

⁴ EU. Time to Move up a Gear. Luxembourg, OOP, 2007. P. 5.

собную обеспечить услугами космической навигации, позиционирования и связи практически весь современный мир.

При этом европейская наука в отличие от американской и бывшей советской не ориентирована исключительно на военный спрос, а развивается преимущественно как гражданская. В гораздо большей степени она является и международной, что находит выражение, в частности, в формировании «общего европейского исследовательского пространства». При этом и проект «Аэробус», и система «Галилео», а также рамочные программы ЕС по поощрению НИОКР во многом открыты для участия фирм третьих стран. Этим уже активно пользуются КНР, Индия, Бразилия, Швейцария, Израиль, Норвегия и даже США, но пока ещё, к сожалению, не Россия.

Существенно изменилась корпоративная структура промышленности Евросоюза. Её концентрация и централизация, выйдя за национальные рамки, активно продолжают на уровне ЕС и за его пределами. При этом тон в основных отраслях промышленности (а постепенно и в сфере финансов) задают немногочисленные межстрановые консорциумы («Миттал» — чёрная металлургия, ЕАДС — авиакосмос, оборонная промышленность и др.), способные выдержать международную конкуренцию и сумевшие оседлать такие современные тенденции развития производства, как специализация, кооперирование, интернационализация и переход на интенсивную ресурсосберегающую модель развития.

Конкурентоспособность промышленности ЕС — вопреки рыночным догматам — пользуется широкой государственной поддержкой. В формирующихся производственных структурах отводится должное место мелкому и среднему бизнесу (около 60 млн фирм), обеспечивающему основную массу рабочих мест и играющему подчас самостоятельную роль в производственной кооперации, а также в обновлении товаров и услуг на рынке.

Западная Европа впервые за многие столетия (хотя и не без субсидий) не только достигла самообеспечения продовольствием, но и стала его крупным экспортёром.

Узким местом интеграции остаётся энергообеспечение. К 2030 г. оно, согласно прогнозам, может оказаться на 70% зависимым от импорта. И, хотя нынешнюю политику либерализации энергорынка вполне можно назвать догматической, Евросоюз всё же имеет практически самые низкие в мире показатели удельной энергоёмкости ВВП и далеко продвинулся вперёд по пути освоения нетрадиционных (возобновляемых) источников энергии. К 2020 г. поставлена задача повысить энергоэффективность экономики по сравнению с началом века

и довести долю таких источников в энергобалансе до тех же 20%¹. И если эта последняя цифра выглядит не весьма убедительной (в 2008 г. их доля была равна всего 8%), то намётки по энергоэффективности выглядят вполне реальным делом. Евросоюз первенствует и в систематизированной борьбе с неблагоприятными изменениями климата, поставив себе цель через технический прогресс и квотирование сократить выброс вредных газов в атмосферу на те же 20% к 2020 г.²

Ввиду отсутствия в руководстве ЕС рьяных апологетов приватизации должное место в корпоративной структуре здесь занимают государственные предприятия, выпускающие продукции более чем на 56 млрд евро в год. Существует развёрнутая система государственной поддержки предпринимательства, размеры которой зашкаливают за 86 млрд евро в год (чего нет ни в США, ни в СНГ). Только на поддержку аграрного сектора тратится до 40% бюджета ЕС. Именно государственная поддержка (проекта «Аэробус А-380» — 1 млрд евро, системы «Галилео» — 2,3 млрд) выступает ныне как одна из основ международной конкурентоспособности Евросоюза, особенно ввиду его общего отставания от конкурентов в сфере технического прогресса.

На фоне общего экономического роста и в результате политики регионального развития (до 30% расходов бюджета ЕС) постепенно, хотя и медленно, происходит выравнивание уровней развития стран и регионов Союза³. Уже превысила средний уровень развития по Евросоюзу в целом прежде сугубо аграрная Ирландия. Сократилось число бедствующих регионов в Испании, Италии, Греции, Португалии. Они практически исчезли в Бельгии, Нидерландах, Скандинавии. Не видно, правда, пока особого прогресса на восточных землях Германии.

Иными словами, страны — участники ЕС получают от членства в этой интеграционной группировке весомые хозяйственные преимущества. Экономика здесь явно шествует впереди политики. И всё это, конечно, активизирует центристские силы интеграции.

В институциональном плане Евросоюз представляет собой крайне специфическое образование, базирующееся на государственном строительстве уже не на национальном, а на региональном уровне. При этом многие суверенные компетенции переходят под наднациональную юрисдикцию прежде всего в тех случаях, когда они реализуются на этом уровне более эффективно. Вместе с тем до сих пор, как отмечала газета «Юропиен войс», Евросоюз всё ещё застрял «между двумя ступе-

¹ EU. 2020. Vision. Luxembourg, OOP. 2007. P. 2.

² EU. Energy and Environment Report. 2008. Brussels, OOP. 2008. P. 5.

³ EU. Panorama of the European Union. Brussels, OOP. 2009. P. 6.

ниями интеграционной лестницы — выше модели сообщества, ограниченного экономикой, но ниже уровня политического союза»¹. Отсюда и расхожие определения ЕС как экономического гиганта и политического карлика, равно как и известное ехидное высказывание Г. Киссинджера, заявившего в своё время, что он никогда не знал, кому можно звонить в Брюссель по внешнеполитическим вопросам.

Действительно, Евросоюз исторически начинался с экономики (и это, наверное, было правильным, если вспомнить судьбу СЭВ и Варшавского договора, аморфное состояние СНГ и, наоборот, удачный опыт реформ в Китае). Вместе с тем в ЕС выдержали испытание временем: передача части национального суверенитета наднациональным властям, разделение полномочий и совместное ведение дел союзными институтами и властями стран-членов, формирование «европейского права» при сочетании его прямого применения и транспозиции в национальное законодательство, реализация принципа субсидиарности (разделение властных функций в зависимости от того, какой уровень способен их наиболее эффективно реализовать), сочетание в бюджете взносов стран-членов и собственных средств и т.д. «По существу, на протяжении нескольких десятилетий после создания Евросоюза (т.е. в итоге принятия Лиссабонского договора) и нынешнего экономического кризиса, — отмечала Комиссия ЕС, — полученные при интеграции результаты были сопоставимы с её целями».

При этом сам бюджет ЕС установлен на уровне всего 1,27% совокупного ВВП стран-участниц при фактических объёмах 1,05–1,1%. Нестандартным, но конструктивным с точки зрения обеспечения динамики интеграции оказалось наделение Комиссии ЕС не только исполнительными, но и определёнными законодательскими функциями, а также отсутствие необоснованной спешки с формированием полномочий Европарламента.

На нынешней правовой базе Лиссабонского договора Евросоюз сумел существенно продвинуться вперёд в деле унификации условий предпринимательства, в стандартизации, в сфере экологии, в обеспечении свободы движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, в борьбе с организованной преступностью, в выстраивании «европейской оборонной самобытности», в экономической ассоциации с сопредельными и развивающимися странами и т.д. Поставлена задача сократить бюрократические барьеры на путях организации ведения бизнеса к 2012 г. на 25%².

¹ European Voice, 18-24.09.2005.

² EU. Jobs and Growth in the European Union. P. 9.

В итоге многонациональное, многоконфессиональное, а теперь уже и многорасовое гражданское общество Евросоюза остаётся, в целом, управляемым. Органы ЕС укомплектованы, преимущественно, грамотными специалистами (хотя бывает наоборот). Брюссель уже вжился в роль столицы Европы, тем более что она обеспечивает ему 70 тыс. рабочих мест и 15% доходов городского бюджета.

Главное же, на смену принципу «мы сами» (из-за которого распались СССР и СЭВ и всё ещё не может выйти на наднациональные форматы работы ряд стран СНГ) пришло убеждение большинства европейских стран, что их дальнейший прогресс и даже выживание в современном мире возможны только в кооперации. «Страны-члены осознали, — отмечал Х. Солана, — что их влияние и возможности оказываются неизмеримо большими, когда они едины и действуют вместе. И это не игры с нулевой суммой, а на деле выигрышная ситуация для каждой из них... Поэтому сегодня у нас гораздо больше общего, чем того, что нас разделяет»¹.

Итак, западноевропейская интеграция состоялась и стала привлекательной для других стран именно потому, что порождённые ею центростремительные силы, несмотря на все приливы и отливы, оказались более мощными и устойчивыми, чем центробежные. Кроме того, сами механизмы интеграции тоже постоянно модернизировались.

Всё это, однако, отнюдь не исключает противоборства со стороны тенденций, о которых пойдёт речь ниже.

Объективные предпосылки интеграции

Начнём рассмотрение этой проблемы с характеристики той геополитической обстановки, которая сложилась в Западной Европе после Второй мировой войны. Противостояние социализму спланировало ряды западноевропейских стран, делало невыносимыми прежние силовые столкновения между ними. В свою очередь, распад колониальных империй заставил бывшие метрополии вплотную заняться собственными делами. Немалую роль играло и то, что с набравшими силу заморскими конкурентами было бессмысленно бороться в одиночку. Всё это побуждало к отказу от прежней склонности решать возникающие противоречия силовыми приёмами. На смену пришла ставка на взаимозависимость и взаимодополняемость. В результате концепция панъевропеизма, воспринимаемая прежде как некая «утопия», пре-

¹ European Voice. 24–31.05.2006.

вратились в своего рода императив. Соответственно, Римский договор выглядел как полная противоположность Версальскому.

Немалую роль сыграло и то, что послевоенному воспроизводственному процессу явно мешали ограниченные рамки национальных хозяйств. Конкурентная величина серии в современном автостроении, например, превышает миллион машин, в авиастроении — сотню самолётов на одну модель и т.д. В условиях научно-технической революции и глобализации это сделало производственную специализацию западноевропейских стран строго выборочной, резко повысило их зависимость от внешних рынков, превратило большинство заводов в своего рода цехи, в звенья европейской производственной кооперации.

Экономический обмен превратился едва ли не в главный фактор экономического роста. Это стало всё интенсивнее размывать прежние изоляционистские установки, доминировавшие в промышленных кругах. В итоге главными сторонниками интеграции стали уже и бизнесмены, в том числе и потому, что существенной особенностью западноевропейской интеграции (опять-таки в отличие от СЭВ и СНГ) было то, что она с самого начала определялась не только по командам сверху, а покоилась на двух взаимосвязанных уровнях — межгосударственном и фирменном, производственном. При этом последний сплошь и рядом опережал и подталкивал к действию как свои столицы, так и Брюссель. Играло немалую роль и то, что, «делая европейские компании конкурентоспособными у себя дома, — как отмечалось в одной из брошюр Комиссии ЕС, — единый рынок наделяет их аналогичными преимуществами над соперниками и в глобальном масштабе»¹. В целом поддерживали интеграцию и потребители, ибо она способствовала расширению ассортимента товаров и услуг и большей ценовой конкуренции при их предложении. Например, интеграция рынков телефонной связи в ЕС сократила стоимость звонка лишь до незначительной доли того, что он стоил за десять лет до этого, были запрещены и злоупотребления при международном роуминге².

Центростремительной силой, способствующей интеграции, стала также необходимость создания общеевропейской инфраструктуры и логистики деловых операций. Правда, пока этот процесс ещё далеко не завершён. Бизнес начинает задыхаться в условиях, когда, как это происходит до сих пор, две трети трансграничных газоперекачивающих узлов работают с перегрузкой, когда действуют три различные закольцованные системы электроснабжения, когда из нефтегазо-

¹ EU. Better Off in Europe. Luxembourg, OOP. 2006. P. 5.

² http://europe.eu/abc/12_lessons/lesson_6/index_en.htm.

вой сети Евросоюза всё ещё выпадают Скандинавия, Иберийский полуостров, Греция, Ирландия, Кипр и Мальта.

Тяжёлые грузовые машины простаивают часами в пробках на автодорогах Евросоюза, поскольку его железнодорожный транспорт способен перевозить на международных линиях лишь 16% грузов и 7% пассажиров. Ещё ниже возможности (6%) водного транспорта. Всего на 7–8% используется Дунай. И это несмотря на то, что издержки транспортировки по воде составляют 10 евро за т/км против 35 евро при перевозке на автомобилях. Сейчас Брюссель пытается расшить узкие места. В этих целях создана Трансевропейская система коммуникаций. Ею разработано около 300 проектов. Однако отставание одной лишь транспортной инфраструктуры обходится ЕС до 1% ВВП ежегодно¹.

Ещё показательнее ситуация в банковской системе. Хотя введение евро упростило и удешевило взаимные расчёты, сохраняющиеся различия в организации банковской деятельности приводят к тому, что, например, в Италии клиентское обслуживание физических лиц обходится в 250 евро в год, тогда как в Нидерландах — 34 евро. Просрочка доставки переводов распространяется примерно на 50 млрд евро ежегодно. В целом несовершенство банковской системы обходится бизнесу Евросоюза в 200–300 млрд евро в год. И справиться с этим можно опять-таки лишь на общесоюзном уровне, что и пытается делать Брюссель.

Современное наукоёмкое, специализированное производство требует оперативной миграции рабочей силы. Однако из-за различий в трудовом и социальном законодательстве за рубежами своих стран в ЕС работают всего 15 млн человек, в основном фронтальеров. Вместе с тем эти страны захлёстывает волна арабо-африканской иммиграции, в том числе незаконной, криминальной и иждивенческой, уже изменившей этнический фон многих городов и предприятий. Число иммигрантов во Франции составляет ныне 6,5 млн человек, в Германии — 10 млн человек, а в Великобритании в следующие десять лет половина рабочей силы, выходящей на рынок труда, будет представлять нетитульные нации². Тем самым конкуренция на базе технического прогресса подменяется конкуренцией по условиям труда. Решение этих проблем — и экономическое, и социальное — опять-таки не может быть ни национальным, ни сепаратным.

¹ Euractiv. 27.07.2006.

² EU. Jobs and Growth in the European Union. P. 13; ИМЭМО. Миграционные процессы: социально-экономический аспект. М., 2007. С. 11.

Налицо и другие, даже более серьёзные вызовы, перед которыми стоит ЕС и которые не имеют решения на национальном уровне.

Это, прежде всего, уже упоминавшееся выше отставание Евросоюза и его стран-членов от своих конкурентов в сфере науки и техники (расходы на НИОКР здесь составляют всего 1,8% ВВП против 2,6% в США и 3,3% в Японии)¹. По темпам роста расходов на НИОКР ЕС отстаёт ныне уже и от КНР и Индии. Это не позволяет Евросоюзу, вопреки декларациям Лиссабонского договора, стать «обществом, основанным на знаниях», а, следовательно, и лидером мировой конкурентоспособности. Особо отстаёт здесь частный сектор, который тратит на НИОКР менее половины от уровня расходов американских и японских компаний. Продолжается отток научных кадров.

Для решения и этой проблемы привлекается, хотя и непоследовательно, интеграция. Исследовательские потенциалы стран ЕС собираются в «общее европейское исследовательское пространство». Наряду с национальными ассигнованиями осуществляются шестилетние рамочные программы финансирования НИОКР из бюджета ЕС. Поставлена задача довести к 2010 г. уровень расходов на науку до 3% ВВП. Определены восемь чётких приоритетов в развитии науки, происходит концентрация сил и средств на отдельных прорывных проектах.

Острый характер сохраняют проблемы экологии. Компактная и густонаселённая Европа является рекордсменом по переносу трансграничных загрязнений. Её атмосфера уже потеплела на один градус. Наводнения на Севере соседствуют с засухами на Юге, происходят обезлесение и обеднение флоры и фауны. Вместе с тем Евросоюз занимает ведущие позиции в деле реализации протокола Киото, установлены перспективные лимиты сокращения выбросов (к 2020 г. на 20%), развивается неуглеводородная энергетика, реабилитируются атомные электростанции².

Значение международной угрозы приобретает ныне борьба с терроризмом и организованной преступностью. Одни лишь манипуляции с субсидиями и тарифами обходятся бюджету ЕС примерно в 6 млрд евро ежегодно. Пиратская продукция — как импортная, так и собственная — заполняет до 1/10 потребительского рынка Евросоюза. Это стоит владельцам популярных брендов потери 200 тыс. рабочих мест, а государствам сокращения налоговых поступлений³.

¹ Ibidem. P. 6.

² См. подробнее: EU. Energy and Environment Report. 2008.

³ Euronews. 03.05.2009.

По-иному в условиях интеграции звучат голоса западноевропейских стран, особенно малых, на международном уровне. В МВФ страны ЕС имеют в сумме 32% голосов против 17% у США. В ВТО на последних раундах торговых переговоров представители Евросоюза, выступая коллективно, добились заметных успехов. Предпочтительнее и полнее, чем прежде, выглядит договорная база ЕС в отношениях с третьими странами.

Как общеевропейский вызов рассматривается ныне в ЕС конкуренция США, а в последнее время — и КНР. В первом случае недовольство вызывает даже не баланс торговли и инвестиций (в торговле он по традиции складывается в пользу ЕС, а европейских инвестиций в США ныне больше, чем американских в Европе), а воспринимаемое как недопустимое доминирование США над Евросоюзом в ключевых отраслях — от науки до обороны. «Европейский Союз, — подчёркивал тогдашний президент Франции Ж. Ширак, — должен быть способен действовать здесь самостоятельно, опираясь на собственные силы, либо беря то, что ему нужно, у НАТО. Он в обязательном порядке должен иметь собственную логистику для анализа, оценки и лидерства в военных операциях, чего он пока всё ещё лишён»¹. Действительно, в операциях на Балканах ЕС на 90% зависел от американской логистики, хотя эти операции на 60% финансировались из Брюсселя, а американцы там только ломали, тогда как Евросоюзу предстоит восстанавливать разрушенное.

Правда, задача, сформулированная Шираком, вряд ли выполнима. Расходы ЕС на военные НИОКР и на закупку вооружений составляют едва 1/3 от уровня США, в том числе объём военных НИОКР — 1/5. Задачей коллективной политики ЕС в этой сфере является вовсе не выход на показатели, опережающие американские, а концентрация сил и средств на создании европейских систем вооружений на базе собственного ВПК, который сложился в результате интеграции. Именно так уже готовятся истребитель нового поколения «Еврофайтер», боевой вертолёт «Еврокоптер», военно-транспортный самолёт «АМ-400» и т.д., причём по техническим характеристикам ряд этих систем вооружений не уступает американским. Например, «Галилео» технически совершеннее, чем прежняя американская система глобальной связи и позиционирования GPS. В европейских системах вооружений сокращается американская составляющая. В числе прочего для этих целей при ЕС создано Европейское оборонное агентство. Проводятся собственные миротворческие операции, взламывается рынок США в интересах спецтехники ЕС и т.д.

¹ European Foreign Affairs Review. Autumn, 2005. P. 362.

Что касается конкуренции с КНР, то, чисто поверхностно, бросается в глаза борьба стран Евросоюза против лавинообразного импорта китайского (в том числе контрафактного) ширпотреба. В этих целях задействовано множество антидемпинговых процедур. Однако ряд экспертов настойчиво указывает на возможность того, что в ближайшей перспективе КНР, оттеснив Евросоюз, займёт второе место в мировой экономике. Чтобы предотвратить подобный ход событий, предлагается, в частности, ограничить поставки в КНР наукоёмкой продукции и технологий. Действительно, подобное развитие — в пределах возможного. При скромных темпах роста в Европе КНР за последние 30 лет утроила ВВП, имеет норму накопления в 35%, а её экспорт растёт на 15% в год. Доля страны в мировой торговле увеличилась с 1% в 1980 г. до 5,9% в настоящее время. Наукоёмкие производства КНР формируют 6% её ВВП, иностранные капиталовложения уже превысили полтриллиона долларов. Все эти показатели несравненно выше, чем в Старом Свете. То же можно сказать и об Индии и Бразилии. В итоге КНР уже обошёл по объёму ВВП все страны ЕС, Индия вполне в состоянии обогнать в 2019 г. Италию, в 2022 г. — Францию, в 2024 г. — Великобританию и в 2026 г. — Германию, а для Бразилии эти вехи прогнозируются на 2022 г., 2028 г., 2029 г. и 2032 г.¹

В качестве центростремительной интеграционной силы Евросоюза выступает также кредит доверия к ней бизнеса и общества. Им ясно, что, несмотря на недостатки и гримасы интеграции, удержаться в первом эшелоне мировой экономики Европа сможет только на её хребте (без интеграции страны ЕС не добирали бы ежегодно до 200 млрд евро в ВВП)². В конце концов, именно в условиях интеграции Евросоюз сумел добиться самообеспечения продовольствием. Более того, экспорт продовольственной продукции из стран ЕС постоянно растёт, несмотря на сокращающиеся субсидии.

На региональном уровне доверие к интеграции поддерживается тем, что в рамках Евросоюза происходит, хотя и медленно, выравнивание уровней развития входящих в него стран и сокращается число депрессивных территорий. Предполагается, что таких же позитивных результатов раньше или позже удастся достичь и в других областях, в том числе в науке, в технике и в области «европейской оборонной самобытности». Во всяком случае, в показателях опросов «Евробарометра» удовлетворение итогами интеграции не разу не падало ниже 50% респондентов.

¹ Goldman and Sachs. Beyond the BRICK's. L., Mc.MiUan, 2007. P. 132.

² EU. Europe in 12 Lessons. P. 31.

Моментом истины для европейской интеграции стал мировой финансово-экономический кризис 2008—2010 гг. — первый, в котором ЕС потерял, по разным оценкам, от 5 до 8% своего годового ВВП. Вместе с тем, тот факт, что единый внешний рынок, в отличие от сократившейся международной торговли, не был обременён рецидивами протекционизма, а в сферах финансовой и хозяйственной политики, отошедших в наднациональную компетенцию Евросоюза, страны — члены ЕС действовали относительно единообразно и синхронно, помогло удержать падение производства на уровне меньшем, чем в США и Японии. «Новые европейцы» получили поддержку примерно в 50 млрд долларов из бюджета ЕС, был расширен кредитный ресурс Европейского инвестиционного банка.

В целом предсказуемо сработали и механизмы Еврозоны, где Европейский центральный банк практически обнулил свою базовую ставку, позволив сделать то же странам, перешедшим на евро. Сама эта валюта обесценилась по отношению к доллару на отрезке март 2008 — март 2009 гг. на 18,8%, тогда как оставшийся вне Еврозоны английский фунт стерлингов — на 27,7%¹.

Технически борьбе с кризисом преимущественно путём закачки бюджетных денег «сверху» страны ЕС предпочли, в отличие от США и России, прежде всего стимулирование спроса «снизу». «Только бюджетная помощь, — декларировала своё кредо Комиссия ЕС, — ещё никогда не решала проблем экономики, перерождённой рецессией». Это сделало антикризисные меры более универсальными (а не точечными), а их конкретными инструментами здесь выступали в основном не кредиты, а льготы, гарантии и страховка. Национализации отдельных фирм и банков, поражённых кризисом, предпочиталась их реорганизация, в том числе через поглощения и слияния. Аналогично антикризисные меры затрагивали не только финансовые институты, но и в большей степени, чем в остальном мире, реальный сектор и социальную сферу. В пределах установленных правил конкуренции были максимально либерализованы разрешительные процедуры Комиссии ЕС по госсубсидированию. Подобные подходы были в ходе преодоления кризиса общими для всех стран ЕС, хотя единой стратегии подчас не придерживалась Великобритания, воспринявшая отдельные элементы антикризисной политики США².

Конкретно определённая рекапитализация банков имела место в Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Ирландии,

¹ Euractiv. 04.04.2009.

² http://europe.eu/abc/12_lessons/lesson_6/index_en.htm.

Испании, Латвии, Нидерландах, Португалии, Франции, Швеции и др. Причём это обуславливалось, как правило, представлением бенефициарами бизнес-планов по выходу из кризиса и привлечением дополнительного капитала со стороны самих акционеров («АБМ-АМРО», Нидерланды, «Сантандер», Испания и др.). В иных случаях предприятия получали стабилизационные кредиты, в том числе на условиях «до востребования» (stand by), как это осуществлялась в Австрии, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Португалии, Франции и ряда других стран. В свою очередь, реорганизация предприятий практиковалась в Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландах, Румынии, Чехии, в том числе как в форме расчистки балансов от «токсичных» активов («Ай Эн Джи банк», Нидерланды), так и смены владельцев («Фортис» — во Франции и в Бельгии, «Даймлер-Крайслер» и «Опель» — в Германии), причём такие активы также могли становиться объектами государственных гарантий и страховок.

В свою очередь в сфере спроса налицо был переход во главе с ЕЦБ от антиинфляционной политики к стимулированию роста, в том числе в виде налоговых льгот (Австрия, Германия, Дания, Италия, Франция, Швеция). При этом в Бельгии, Латвии, Литве, Польше, Словакии, Финляндии, Чехии и Эстонии снижена налоговая нагрузка на лиц с малыми доходами, а в Австрии, Бельгии, Германии, Дании и Франции конкурентоспособность повышалась за счёт расходов на рабочую силу иных, чем зарплата. Имели место расширение государственных закупок (Болгария, Италия, Испания, Словения, Франция, Чехия), ограничение государственных заимствований на национальных финансовых рынках, а также повсеместная поддержка малого и среднего бизнеса. В целевом порядке оказывалась государственная помощь автостроению, авиакосмической промышленности, освоению новых источников энергии, информатике, агробизнесу. Наоборот, гораздо меньшим вниманием государства, в силу избранной им инновационной промышленной политики, пользовались, например, металлургия, судостроение, нефтепереработка, лёгкая промышленность, рыболовство. Практически повсеместно сохранились по объёму государственные бюджеты НИОКР. Наконец, антикризисные меры сопровождались интенсивным энергосбережением, ибо, хотя энергокризис в ЕС и оказался в тени общеэкономического, его по-прежнему никто не отменял.

Визитной карточкой Европы всегда была активная социальная политика, и поэтому спрос населения поддерживался путём фиксации объёмов социальных льгот (Австрия, Германия, Дания, Испания, Италия, Финляндия, Франция, Швеция), мерами по сохранению ра-

бочих мест и учёту социальных факторов при банкротствах (Великобритания, Германия, Ирландия, Италия, Испания, Франция) и ограничением трудовой миграции (Австрия, Бельгия, Греция, Италия, Нидерланды, Франция). Ирландия, а вслед за ней Бельгия, Германия и Дания увеличили государственные гарантии банковским вкладам физических лиц. Повсеместно были запущены программы переобучения и адаптации рабочей силы. В итоге в мае 2009 г. в большинстве стран ЕС было решено не начинать каких-либо дополнительных антикризисных программ, ибо сработали уже принятые, а Комиссия ЕС собрала в Брюсселе форум, посвящённый уже и посткризисным изменениям в экономике Евросоюза.

Особо отметим, наконец, что уроки кризиса в Евросоюзе начинают получать и своё законодательное оформление. В Великобритании, Греции, Испании, Латвии, Нидерландах, Польше и Франции пошло вперёд развитие законодательства, регулирующего формы государственно-частного партнёрства. В Бельгии, Греции, Испании, Швеции и Чехии упрощены администрирование и создание новых предприятий, а в Венгрии, Греции, Италии, на Кипре, в Латвии, Литве, Люксембурге, Нидерландах, Польше, Словакии и Словении было реформировано законодательство о банкротствах, в том числе в направлении сохранения деятельности ценных для экономики предприятий вместо их ликвидации.

Поэтому в целом можно согласиться с оценкой французского Института изучения проблем безопасности, что именно интеграция позволяет экономикам стран ЕС функционировать эффективнее, чем это было бы в её отсутствие¹.

Конечно, финансисты Евросоюза также внесли свой вклад в вызревание кризисных явлений. Здесь наблюдался такой же «аппетит к рискованным операциям», что и в США, накопление спекулятивных активов за последние десять лет утроилось, достигнув к 2007 г. более 6 трлн долларов, половина всех инвестиционных фондов была зарегистрирована как транснациональные, в спекуляции ударились даже такие консервативные инвесторы, как страховые компании и пенсионные фонды, а столицами необеспеченных сделок во многом были Лондон и Люксембург. Как и остальные глобальные игроки, банки ЕС пренебрегли предупреждением МВФ в апреле 2007 г. о том, что «в нынешние золотые времена нужно готовить себя к таким периодам, когда операционная обстановка станет менее благоприятной»².

¹ ISS. The New Global Puzzle. P., 2006. P. 204.

² IMF. Global Financial Stability Report. Wash., April 2007. P. 1, 68, 71.

Не пошли впрок и первые тревожные звонки о банкротствах банков «Херштадт», «Баринг», «Банк дю креди э коммерс интернасиональ» и тех пришедших с мирового рынка «шоках», которые только с июня 2003 г. по август 2006 г. 17 раз испытывали банки Еврозоны и 19 — банки Великобритании (в мае 2000 г. — мае 2003 г. таких шоков было всего 14 и 4)¹.

Поэтому от финансового кризиса, когда он разразился, серьёзно пострадал и Евросоюз. Вместе с тем, как признаёт сама Еврокомиссия, «ничто не является до конца совершенным, и единый рынок не исключение»². Мощным центростремительным факторам в Евросоюзе противостоят не менее заметные центробежные тенденции.

«Евроскептицизм»

Центробежные силы в ЕС питаются выявившимися пределами возможностей интеграции, помноженными на противоречия между её участниками, и сохраняющимся несовершенством управления её ходом.

Даже в формате единого внутреннего рынка Евросоюзу пока не удалось преодолеть отставания от конкурентов по темпам экономического роста и его качеству, а также в сфере науки, техники и обороны, о чём уже говорилось выше. Нередки провалы стратегических европрограмм, например Лиссабонской, которая обещала превратить Евросоюз к 2010 г. в наиболее конкурентоспособный район мира, в «общество, основанное на знаниях» и изжившее безработицу. Вязко и медленно идёт становление совместной внешней и оборонной политики. У Брюсселя нет пока общего энергетического, технического, космического, иммиграционного и социального курса. Лишь 17 из 27 стран входят пока в «зону евро».

Перечисленного достаточно, чтобы породить «евроскептицизм», который уже превратился в политическую позицию, располагающую достаточно массовой поддержкой. Однако Евросоюзу нередко «не по зубам» и некоторые вполне конкретные проблемы. Так, около 30 лет было потрачено на согласование статута «европейской компании». После 20 лет дебатов всё ещё не отработан статут «европейского патента», что тормозит развитие предпринимательства и научно-технический прогресс. Не гармонизировано (кроме НДС) налогообложение.

¹ Ibidem. P. 113, 122.

² EU. Better Off in Europe. P. 7.

Мощным фактором экономического роста в масштабах Евросоюза мог бы стать государственный спрос, поскольку государственные закупки всех уровней составляют в нём 1,5 трлн евро (16% ВВП). Но в каждой из стран ЕС эта сфера остаётся заповедником для отечественных компаний, и с участием инофирм осуществляется лишь 16% всех тендеров.

Либерализация вслед за товарами внутреннего рынка услуг позволила бы Евросоюзу увеличить оборот торговли на 15–30%, инвестиции в услуги — на 20–35% и добавила бы в ВВП до 130 млрд евро. Однако единый внутренний рынок услуг в ЕС пока ещё не сложился. Проволочки с гармонизацией правил работы банков задерживают развитие безналичного оборота, тогда как поддержание наличного оборота в его нынешних размерах обходится в 30–50 млрд евро в год. Отсутствие аналогичной гармонизации правил оборота акций и облигаций стоит ЕС потери потенциальных 1,1% ВВП. Наконец, даже на едином рынке товаров сохраняются резкие различия в ценах, и число таких примеров можно было бы умножить.

Подобная организационная немощь коренится как в постоянных разногласиях между странами-членами, так и в самой практике регуляторной деятельности Евросоюза. Несмотря на полвека совместной интеграции даже «коренные» страны ЕС остаются достаточно разными, в том числе по своим интересам.

Политически, не говоря уже о хрестоматийных примерах, например, курса, касающегося Ирака и Ирана, ядро стран — основателей ЕС выступает чаще всего в духе «европеизма», тогда как Великобритания, десяток новых членов ЕС и иногда Италия и Испания ведут себя, скорее, как «атлантисты». В том, что касается «европейских ценностей», бывший председатель Еврокомиссии Ж. Делор выделял внутри Сообществ целых четыре модели демократического устройства¹. Отношение рядовых европейцев к этим ценностям пошатнул и кризис, а на сайте отслеживания общественного мнения ЕС можно встретить и такие записи в блогах, как «европейские ценности включают обман налогоплательщиков на миллионы евро» или даже «неизбираемая и никому не подотчётная Комиссия ЕС не может считаться европейской»².

Экономически всё ещё сохраняются различия в уровнях развития отдельных стран. При этом с начала XXI в. богатые (10 из 12 стран с уровнем душевого ВВП выше среднего по ЕС) стали ещё богаче,

¹ Europe. 18.01.2006.

² <http://www.youtube.com/watch?v=LFxznWCGa7m>.

а бедные (5 из остальных 13) — ещё беднее. В 2005 г. население пяти беднейших стран ЕС располагало всего 1/3 покупательной способности своих земляков из пяти богатейших членов Евросоюза¹.

Технически в Евросоюзе всё ещё действуют две системы национальных счётов, четыре режима допуска рабочей силы, четыре различных политики инноваций, два подхода к налоговой гармонизации, две трактовки положений «пакта стабильности», на котором держится евро, и т.д. Поэтому, находя общий язык (или формулировки) в общеполитических декларациях, особенно на перспективу, страны — члены ЕС остаются весьма эгоистичными при решении конкретных вопросов. Например, не оспаривая наличия экологических угроз для Европы, 19 стран ЕС отсрочили принятие на себя обязательств по сокращению выбросов в атмосферу на 2008 г.²

Многие правовые акты ЕС, будучи формально документами прямого применения, оставляют конкретную трактовку своих положений на усмотрение национального законодательства стран-участниц. С гармонизацией законодательства тесно связан принцип взаимного признания правовых документов, например, при определении квалификационных требований в условиях свободы передвижения рабочей силы или в сфере стандартизации и сертификации. Противоречия между соответствующими документами не раз создавали правовые коллизии. Однако работа по их унификации находится до сих пор в самом начале.

Нередко Совет, Еврокомиссия и Европарламент вносят различающиеся предложения по аналогичным вопросам и даже прибегают к взаимным тяжбам в Верховном Суде ЕС. Аппараты Еврокомиссии и Совета нередко дублируют друг друга. Общая внешняя политика ЕС пока еще не располагает в Брюсселе единой организационно-правовой базой. Для серьёзных международных переговоров делегациям ЕС каждый раз приходится утверждать жёсткий и обязывающий общий мандат, что делает Евросоюз негибким партнёром при переговорах.

Такая конфигурация функций и органов порождает огромные межаппаратные бумажные потоки, способные сами по себе заstopорить любое нужное дело. Только в 2005 г. Европарламент направил в Еврокомиссию 5303 запроса, а в Совет ЕС — ещё 1033. Не менее громоздкой и бюрократической структурой является Еврокомиссия. В 2005 г. она не только ответила на полученные запросы Европарламента, но и отреагировала на них ещё 378 аналитическими посланиями.

¹ European Voice. 16—22.03.2006.

² www.Euractiv.com. 26.07.2006.

К этому времени в ней числились 17 571 постоянный и 366 временных сотрудников. Кроме того, 2224 и 100 человек соответственно работали в так называемых исполнительных агентствах¹.

Крайне многоходовой и медлительной остаётся процедура принятия решений Европарламентом, особенно когда речь идёт о совместных решениях с Советом ЕС и Еврокомиссией.

Отсюда — множество претензий к наднациональным органам Евросоюза и, соответственно, концентрация «евроскептицизма» именно на деятельности «евробюрократов». Нередко это, как уже указывалось, высококвалифицированные специалисты. Тем не менее им постоянно предъявляются следующие претензии.

1. *Принятие недостаточно продуманных решений.* Примером может служить серия директив по либерализации рынков газа и электроэнергетики ЕС. Вместо обеспечения надёжного внешнего энергоснабжения (а к 2030 г. Евросоюз будет импортировать 70% потребляемой энергии) путём установления конструктивных и взаимовыгодных отношений с её поставщиками (за что выступал Генеральный директорат по транспорту и энергетике Еврокомиссии), под влиянием победившего в аппаратной борьбе Генерального директората по конкуренции был сделан упор на «максимально рыночное» распределение наличного топлива, причём в формах, ущемляющих интересы поставщиков. Итогом этого стали недоинвестирование отрасли, а также волна концентрации, ограничившая конкуренцию и вызвавшая взлёт цен на энергию. Фактически вся энергетика Евросоюза находится ныне в руках четырёх гигантских концернов, к которым теперь уже сама Еврокомиссия грозит применить антитрестовские санкции. А ведь Ж. Делор в своё время предупреждал, что «сегодня уже никто не может утверждать, что свобода торговли ведёт к прогрессу для всех людей абсолютно во всех аспектах»². К намеченной реформе совершенно не готова и энергетическая инфраструктура ЕС, испытывающая критические перегрузки в узлах трансграничной передачи энергоносителей.

Столь же много нареканий, особенно в странах-донорах, вызывает инерционное продолжение субсидирования (до 40% бюджета ЕС) аграрного производства, ведущее уже не к самообеспечению, а к затовариванию и снижению качества сельхозпродукции (ибо покупателем сельскохозяйственных товаров выступает при этом не потребитель, а бюджет). В конечном итоге местные производители, например, шаг за шагом теряют европейский рынок вина, уступая его ЮАР, Австра-

¹ EC. General Report on the Activities of the European Union. Brussels, OOP. 2006. P. 16, 22.

² Europe. 14.01.2006.

лии, Чили и даже США, причём Комиссия ЕС, тратящая на государственную поддержку виноградарства и виноделия до 1,8 млрд евро в год, нашла выход из сложившегося положения в переработке до 300 млн литров вина ежегодно в моторное топливо¹.

2. *Запоздалая и некачественная подготовка законодательных актов и решений.* Несмотря на свой впечатляющий штат, Комиссия ЕС и Европарламент регулярно запаздывают с подготовкой законодательных инициатив и документов или готовят их без должной проработки. К середине 2006 г. из 96 законодательных инициатив, числившихся в плане Еврокомиссии, было оформлено лишь 11. С учётом сложной процедуры одобрения и времени, необходимого на перенос этих актов в национальное законодательство, рекордом их прохождения по инстанциям считается срок в 2–3 года, а ряд уже принятых актов подвергается неоднократной правке уже в первые годы их действия.

3. *Отсутствие чувства меры при регуляторных решениях, их бюрократический характер.* Нередко Евросоюз без особой надобности вторгается во второстепенные сферы хозяйственной деятельности (дебаты, можно ли считать «водкой» алкогольный продукт, сделанный не из зерна, а из винограда, определение понятия «лес» при принятии мер против сведения лесных массивов, проталкивание для выращивания одного сорта клубники — «камаросса», скороспелой, но безвкусной и т.д.), что вызывает серьёзное недовольство общественности на далёком от Брюсселя региональном уровне.

«Как робот, потерявший ориентир, Европа стала вдруг заниматься навязчивым до абсурда саморегулированием, — возмущается французский публицист В. Лупан. — Здесь не коси, там не сажай, так не выращивай, это не ешь, а то не пей. Постепенно гражданам Евросоюза, которые с таким энтузиазмом поддерживали идеи Европы в течение десятилетий, брюссельское чиновничье сумасбродство надоело так, что они перестают интересоваться европейскими делами. А когда предоставляется возможность, а происходит это не всегда, попросту голосят против... В нашей деревне, в Провансе, на юге Франции слово Брюссель — просто ругательство, а еврочиновники воспринимаются как навязчивая каста, которая лезет в душу и мешает жить»².

4. *Непрозрачность, кулуарность работы органов Евросоюза, отсутствие у них должной связи с гражданским обществом.* Формально любая инициатива Комиссии ЕС или Европарламента должна проходить стадию консультирования с теми кругами общества, которые она затраги-

¹ Русская мысль. 14–20.07.2006.

² Там же.

вает — от бизнеса до пенсионеров. Для этого существует множество различных консультативных органов. В Брюсселе работают представительства более чем 200 крупных фирм и примерно столько же представительств регионов стран — членов ЕС. Действует также немало специальных дискуссионных сайтов. Однако основными партнёрами органов ЕС в итоге оказываются профессиональные лоббисты, которых в Брюсселе около 15 тыс. Существует также механизм «комитологии», когда Комиссия ЕС интерпретирует рамочные акты ЕС, превращая их в регуляторные документы своими внутренними решениями. В итоге проект либерализации услуг морских портов вызвал бунты докеров, в ходе которых был нанесён имущественный ущерб в 550 тыс. евро. В то же время информационный бюджет ЕС для связи с общественностью составляет всего один евро на каждого жителя Евросоюза.

5. *Наконец, сам Лиссабонский договор вносит в процессы принятия решений в Брюсселе неопределённость, превращая их при вводимой процедуре голосования в поле разнообразнейших парламентских комбинаций.* Так, по подсчётам Е. Дегтярёвой, только число возможных блокирующих комбинаций меньшинством всего из четырёх стран равно 17 550, число блокирующих комбинаций в ЕС без участия Германии составляет 68, Франции — 138, Великобритании — 143, Испании — 151, Италии — 177, а без участия Германии и Франции — 12¹. Кроме того, сам акт явно перегружен термином «солидарность», дающим даже отдельным странам возможность односторонне блокировать решения всех остальных стран. Кроме деструктивных действий по линии сотрудничества Россия—ЕС, например, со стороны Польши или стран Балтии, это открывает путь и к вымогательству «новыми европейцами» у Брюсселя финансовых средств в обмен на их голоса в Совете ЕС и в Европарламенте.

Разумеется, мяч при всём этом не обязательно находится на поле ЕС. «Мы можем унифицировать правила, — мудро предупреждал бывший Председатель Комиссии ЕС Ж. Сантер, — но мы никогда не смогли бы унифицировать наши народы», например, «по образу и подобию Соединённых Штатов Америки»², ибо у каждой из стран есть не только союзники, но и интересы, подчас берущие верх над нормами Евросоюза.

В экономике, например, Франция, Греция, Ирландия, Испания и Великобритания нарушают предельный рекомендованный дефицит госбюджетов в 3% ВВП. Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Италия,

¹ Современная Европа. 2009. № 2. С. 118—120.

² The European. 13—19.02.1997.

Кипр, Мальта, Португалия и Франция превышают лимит государственной задолженности в 60% ВВП, также выступающий как интеграционная норма¹. Кризис показал, что не только Греция и другие страны ПИГС (Португалия, Ирландия, Испания), но и Австрия, Бельгия, Литва, Словакия, Словения, Франция и Эстония излишне «открыли» свои экономики, отдав предпочтение экспорту за счёт внутреннего рынка. В свою очередь, Бельгия, Венгрия, Ирландия, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Португалия, Словения были слишком неразборчивы в привлечении спекулятивных иностранных капиталов².

В политике демонстрацией индивидуальных предпочтений стал процесс согласования второй версии Лиссабонского договора. Согласно перечню возникающих при этом противоречий, подготовленному Д. Хирлеманом («Фонд Бертельсмана») и С. Зигер («Центр прикладных политических исследований» Германии), Великобритания выступала при этом лишь за символические поправки к Ниццкому договору: ограничение наднациональных полномочий Брюсселя, единогласие при принятии решений и снятие из документа любой конституционной атрибутики с тем, как это формулировала член британского комитета М. Бекетт, чтобы «сохранять нашу способность проводить независимую внешнюю и оборонную политику» и самостоятельно использовать своё место в Совете Безопасности ООН. Франция также поддерживала снятие из документа элементов конституционной символики, но выступала за расширение мандата Брюсселя, а также круга вопросов, решаемых большинством голосов и в порядке совместных решений с Европарламентом. На сходных позициях стояли Нидерланды, тогда как Польша была озабочена чуть ни не единственно реформой системы голосования, в том числе для противостояния Германии, и в итоге эта система была чрезвычайно усложнена³.

После первой «пробы сил» с «новыми европейцами» по проекту Конституционного акта Брюссель, видимо, понял политическую цену своих действий по расширению ЕС. «Радикальное расширение, принятое в 2004–2007 гг., главным образом, за счёт Восточной Европы, серьёзно ослабило управляемость Евросоюза, — сетовала газета «Хандельсблатт». — Внутри ЕС сформировалась агрессивная фракция новых европейцев, получившая возможность блокировать любое решение, принятое Брюсселем»⁴.

¹ http://ec.europa.eu/news/economy/090324/_eu.htm; EU. Time to Move up a Gear. P. 7.

² Ibidem. P. 18.

³ www.Euractiv.com. 22.06.2007; 23.06.2007.

⁴ Handelsblatt. 16.04.2009.

Но, кроме политической, расширение имеет для ЕС и свою экономическую цену. Во взаимоотношениях в Евросоюзе теперь всё более выделяется перераспределение его централизованных финансовых ресурсов в пользу «новых европейцев» за счёт и в обход «старых», чему при принятии решений способствует согласованное в процессе расширения непропорционально раздутое, по сравнению с их экономическим потенциалом, представительство ЕС-10 в коридорах власти Брюсселя, Страсбурга и Люксембурга. Всего шести странам-донорам в ЕС ныне противостоит 21 страна-бенефициар при переносе центра тяжести всех программ развития (Структурные фонды, Фонд сплочения и пр.) на восточные районы блока вместо прежних южных. Об этом со всей наглядностью свидетельствует распределение бюджета развития ЕС на 2007–2013 гг.

Таблица 17.1

Бюджет развития ЕС на 2007–2013 гг. (млн евро)

	I	II	III	IV	Всего
Всего	69 081	198 776	8 680	43 556	320 511
в том числе «Ядро» ЕС	10 301	86 620	5 958	42 638	145 517
ЕС-10	58 780	112 156	2 722	918	174 994
в том числе Польша	22 176	44 377	731	—	67 284
В % к итогу	100	100	100	100	100
в том числе «Ядро» ЕС	15	43	69	98	45
ЕС-10	85	57	31	2	55
в том числе Польша	32	22	8	—	21

Примечание. I — по Фонду сплочения; II — по Структурным фондам; III — по программам межтерриториального сотрудничества; IV — по фондам повышения конкурентоспособности и занятости. Не включая данные Кипру, Мальте и остальным фондам регионального развития «ядра» ЕС.

Источник: подсчитано по EU. Cohesion Policy, 2007–2013, Brussels, 2008. P. 2.

Таким образом, страны ЕС-10 явно доминируют среди бенефициаров помощи по Фонду сплочения и преобладают по Структурным фондам, причём львиную долю этих средств поглощает Польша, в том числе, видимо, в порядке «умиротворения» её обструкционистской политики в ЕС. Аналогично Польша, Чехия и Румыния получают по структурным фондам больше средств, чем восточные земли Германии, Польша (67 284 млн евро) и Чехия (26 692 млн евро) больше, чем любая страна «ядра» ЕС, кроме Испании и Италии.

Характерно, что средства тратятся вопреки идеалам интеграции в основном внутри этих стран (в фондах межтерриториального сотрудничества на ЕС-10 приходится всего 1,08%) и, видимо, с потребительским уклоном, ибо в сфере ассигнований на повышение конкурентоспособности (а это квинтэссенция Лиссабонской стратегии) на долю всех ЕС-10 приходится всего 2%, а из стран этой группы здесь представлены только Чехия и Словакия.

Сходная картина складывается и при географическом подходе к вопросу. Так, среди бенефициаров первой и второй групп, упомянутых в таблице, на долю ЕС-10 приходится 50 регионов, тогда как в «ядре» ЕС — всего 26, а в главной для ЕС четвёртой — только три (Прага, Брно и Будапешт), тогда как в «ядре» ЕС — более 50. Наконец, если в четырёх землях Германии, трёх — Греции, двух регионах Ирландии, Испании и Италии и по одному — в Португалии, Великобритании и Бельгии, а также на Мальте помощь ЕС региональному развитию сворачивается, то в ЕС-10 таких регионов нет¹.

В своё время расширение ЕС существенно ухудшило сводные макроэкономические показатели его экономики, и, в частности, темп роста ВВП здесь упал в 2001–2007 гг. до 1,9% в среднем в год против 2,8% в 1995–2000 гг. Тогда же оформилось и отставание темпов роста ВВП ЕС от США (2,7% в 2001–2007 гг.). Так что стремление во чтобы то ни стало иметь «бесхозных» восточных соседей в своей орбите явно выглядит плохим презентом «ядру» ЕС на фоне нынешнего экономического кризиса. Не случайно в Евросоюзе множатся демарши против дальнейшего расширения (а в кандидатах на него — Хорватия, Черногория, Албания, Турция и даже Израиль), в том числе членства в нём Украины, Грузии и Молдовы. В частности, госсекретарь Франции по европейским делам Б. Лемер прямо предостережёт от дальнейшего расширения Евросоюза «восточнее Балкан»².

¹ Cohesion Policy. 2007–2013, P. 3.

² Handelsblatt. 16.04.2009.

Автономность и неподотчётность органов ЕС ещё давно вызывала опасения патриархов европейской интеграции. «Трудно согласиться с тем, — сетовал, например, Л. Эрхард, — что мы передали власть другим, хотя они являются не политически контролируемыми институтами, а всего лишь брюссельской бюрократией»¹.

Вне Евросоюза его расширение воспринимается как имперский акт, а внутри вновь возникает интерес к «разноскоростной» интеграции, т.е. к разделению ЕС на старое ядро и новую периферию, тем более что такая возможность с 1990 г. предусмотрена правом ЕС, хотя пока ни разу не реализовывалась практически. Теперь за этот путь ратуют уже не только публицисты, но и премьер Бельгии Г. Ферхофштат в своей последней книге «Соединённые штаты Европы».

Все эти критерии оказывают своё несомненное влияние и на отношения Россия—ЕС, о чем будет сказано в специальной главе.

Глава 18. Россия и ЕС: потенциал и практика экономической взаимодополняемости

На первых этапах западноевропейской интеграции политическое руководство СССР относилось к ней с недоверием, считая её, согласно известному выражению, «либо невозможной, либо реакционной». В дальнейшем Советский Союз выступал за взаимное признание СЭВ и ЕЭС, но в итоге стал развивать отношения с Евросоюзом по двухсторонней линии. Ныне стороны рассматривают друг друга как стратегических партнёров в экономике, политике и борьбе с преступностью и терроризмом в Большой Европе и в мире в целом. В 1989 г. между ними было заключено первое широкомасштабное соглашение о сотрудничестве. Его сменило в 1997 г. более содержательное многоаспектное Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве (СПС).

Однако жизнь в своём развитии регулярно опережала подписанные документы. Сейчас на повестке дня — замена СПС новым соглашением, полнее отражающим современные реалии, достигнутый уровень отношений и новые полномочия ЕС, а именно Соглашением о стратегическом партнёрстве стран.

¹ European Voice. 16—22.03.2006.

Постановка вопроса

В цивилизационном плане Россия, оставаясь евроазиатской и многоконфессиональной страной, безусловно, принадлежит к европейскому типу. Не говоря уже о нашей исторической и географической принадлежности к Старому Свету и об экономической взаимодополняемости с остальной территорией континента, новая рыночная экономика и формирующееся гражданское общество России воспринимают в качестве вклада извне прежде всего европейский опыт. Особенно активны в этой связи контакты политиков, бизнесменов, учёных, деятелей культуры, молодёжи, спортсменов. Для их обменов стороны создали благоприятный визовый режим. Евросоюз занял место главного торгового и инвестиционного партнёра России.

Вместе с тем сказанное не означает, что в своей внешнеполитической и внешнеэкономической политике Россия безальтернативно обречена быть привязанной к европейскому направлению. Как держава мирового калибра, она предпочитает сохранять свободу рук во внешней деятельности по всем азимутам, руководствуясь принципами национального прагматизма. Более того, ныне стоит задача форсировать сотрудничество именно в регионе АТЭС (возможном лидере в мировой экономике будущего), ибо Сибирь и Дальний Восток заметно отстают по уровню развития от Европейской России, а сигналы к экономическому росту из ЕС поступают сюда крайне слабо, если поступают вообще. В числе приоритетов экономической политики России остаются страны СНГ. В частности, идёт активная подготовка к завершению к 2011 г. Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, к которому проявляют интерес и ряд других стран постсоветского пространства.

В Евросоюзе эти реалии интерпретируются подчас как сознательное и искусственное умаление интереса России к ЕС. Однако такой тезис представляется необоснованным, ибо в равной степени нашим партнёрам можно было бросить упрёк за особые отношения с США или заключение торгового пакта с МЕРКОСУР. Наоборот, Россия своими действиями объективно способствует более устойчивому ходу европейской интеграции, причём на её важнейших направлениях. Так, учитывая, что энергетическая безопасность важна прежде всего для обделённого ресурсами Евросоюза, наша страна выступает как основной и надёжный поставщик туда энергоносителей. В науке и технике именно российская система космической навигации, связи

и позиционирования «Глонасс» была состыкована с системой «Галилео», а своевременный вывод на орбиту спутников последней обеспечили ввиду неготовности европейского носителя «Ариан-5» наши ракеты «Союз». Российская промышленность снабжает компонентами «Аэробус», а в случае с «А-380» служит ещё и источником ряда технических концепций. На транспортную систему России замыкается (и без неё не может быть эффективной) Трансевропейская система коммуникаций. Наконец, Сибирь является кратчайшим транзитным коридором между Европой и Азией.

В торгово-экономических отношениях стороны руководствуются нормами и принципами ВТО, многие из которых воспроизведены в СПС. Идёт и работа по формированию между сторонами четырёх «Общих пространств», включая экономическое, для реализации которых утверждены «дорожные карты». Ведутся 17 систематизированных отраслевых диалогов, в том числе по энергетике, стандартизации, транспорту и модернизации. Ежегодно проходят по два саммита Россия—ЕС, функционирует сеть рабочих органов сотрудничества. В качестве стратегических партнёров России выступают индивидуально и некоторые крупные страны ЕС.

Вместе с тем в отношениях Россия—ЕС существует ещё и немало проблем. Прежде всего, различаются подходы сторон к сотрудничеству, отражённые в их стратегиях по отношению друг к другу. Если Россия, взаимодействуя с ЕС, делает акцент на сотрудничестве как таковом, не затрагивая вопросы чужой государственности, то в ЕС, многие лидеры и идеологи которого склонны к мессианству, оно видится, не в последнюю очередь, как канал и инструмент преобразования нашей государственности и общества по западноевропейскому образу и подобию. Отсюда — менторство в политических заявлениях и программах технической помощи, двойные стандарты в политике, стремление строить связи исключительно на базе права ЕС, шум, поднимаемый СМИ, если и когда Россия делает что-то по-своему. Частично это объясняется сложившейся асимметрией взаимного влияния. Евросоюзу удалось привлечь на свою сторону часть российской политической элиты, тогда как наша страна пока ещё всерьёз не предпринимала встречных усилий по формированию дружественного ей лобби в Брюсселе. Между тем такие усилия необходимы, особенно если учитывать масштабы общеевропейских и мировых вызовов, перед которыми стоят обе стороны.

Подходы и позиции сторон

«Налаживание стратегического партнёрства России и Европейского Союза, — отмечалось в “Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010)”, — будет воплощаться в активном взаимодействии сторон в решении отдельных крупных задач, представляющих общий интерес, и общеевропейских и мировых проблем, в укреплении позитивных элементов европейской самостоятельности и самобытности в экономике и политике»¹.

Такой подход обеспечил зримые позитивные результаты в сотрудничестве России с ЕС, несмотря на все приливы и отливы и несовпадение мнений. При этом важно подчеркнуть, что сложившийся характер партнёрства «означает не только опору России на потенциал Европейского Союза, — отмечалось в той же Стратегии, — но и поддержку ею усилий самого Европейского Союза на важных для него направлениях, где интересы сторон объективно совпадают»².

В своё время этот добрососедский сигнал был услышан западными архитекторами европейского строительства. «Проблемы всего континента, — констатировалось в документе ЕС, именовавшемся “Коллективной стратегией Европейского Союза по отношению к России”, — могут быть разрешены только путём ещё более тесного сотрудничества между Россией и Европейским Союзом»³. Поэтому десятилетие, прошедшее со времени заключения первого Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве между Россией и Евросоюзом (1997), обусловило необходимость заключения нового, более продвинутого Соглашения о стратегическом партнёрстве (ССП), переговоры по которому уже начались.

Вопреки позиции некоторых «новых европейцев», страдающих от исторических комплексов, необходимость ССП не раз отмечалась в официальных документах Брюсселя. «Россия, — констатируется на сайте Комиссии ЕС, — является важным партнёром, создание и выстраивание стратегического сотрудничества с которым представляет со-

¹ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010), утверждённая Президентом Российской Федерации 6 июня 2000 г. С. 3.

² Там же.

³ Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России, одобренная Европейским Советом 4 июня 1999 г. С. 1.

бой значительный интерес. Она является крупнейшим соседом Евросоюза... В 2003 г. наша Стратегия европейской безопасности совершенно справедливо аттестовала Россию как ключевого игрока в сфере геополитики и безопасности как на глобальном, так и на региональном уровнях. Она же является авторитетным членом Совета Безопасности ООН и оказывает значительное воздействие на ход событий в нашем общем поясе соседних государств, а также в Средней Азии. Наконец, Россия выступает также как крупнейший поставщик энергопродуктов в Европейский Союз... и крупный рынок для товаров и услуг ЕС со значительным потенциалом для дальнейшего роста»¹. Поэтому «ЕС и Россия вместе могут сделать многое, — подытоживал председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу. — Я надеюсь на создание между нами прочных отношений как для решения общих проблем, так и для использования возможностей более разностороннего сотрудничества»².

«Опираясь на имеющийся потенциал, — говорится в упомянутой выше Стратегии, — Россия на основах взаимности могла бы содействовать решению ряда проблем Европейского Союза и укреплению общих позиций Европы в мире; обеспечению роста экономики и занятости в Европе по торгово-инвестиционным каналам; долгосрочному и стабильному снабжению Европейского Союза на договорной основе топливными и сырьевыми ресурсами; углублённой интеграции научного потенциала сторон и коммерциализации на рынке Европейского Союза достижений российских фундаментальных и оборонных исследований, кольцевания инфраструктурных (транспорт, трубопроводы, линии электропередач) и информационных систем; исследованию и освоению космоса, включая создание систем глобальной навигации, связи и мониторинга окружающей среды; участию в модернизации и обеспечении безопасности ядерной энергетики Европы; становлению евро в качестве международной валюты путём официального её включения в валютные резервы Центробанка России; военно-техническому сотрудничеству с учётом перспективы создания европейской «оборонной идентичности»; совместному предотвращению и ликвидации локальных конфликтов и организованной преступности в Европе»³. И хотя продвижение по всем этим направлениям было

¹ <http://ec.europa.eu/comm/external-relations/russia>.

² <http://www.delrus.cec.eu.int>.

³ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010). С. 4–5.

в последние годы разносторонним, подчас тормозилось сиюминутными интересами и нервозностью в Брюсселе, а также местечковой антироссийской риторикой в столицах отдельных стран-членов, в большинстве случаев в отношениях между ЕС и Россией брал верх здравый смысл.

В общеевропейском измерении тандем ЕС—Россия, безусловно, укрепляет позиции Европы в мировой политике, повышая динамику её ВВП за счёт высоких темпов роста в России. Большая Европа в целом выглядит более энергообеспеченной, чем другие индустриальные районы мира. Наконец, возврат нашего континента на передовые позиции мирового научно-технического прогресса опять-таки возможен только при сложении и взаимодействии научно-технических потенциалов сторон.

По отдельным направлениям сотрудничества его состояние, проблемы и перспективы выглядят следующим образом.

Торговля товарами и услугами

Основной объём хозяйственного взаимодействия Россия—ЕС приходится на товарообмен, в котором в наибольшей степени реализуются взаимодополняемость наших экономик, а также географическая и историко-культурная близость сторон. Масштабы такого обмена на протяжении истекших 15 лет последовательно возрастали, а темпы его роста опережали темпы роста мировой торговли в целом. В результате к 2009 г. Россия, потеснив на рынках Европы ряд серьёзных конкурентов, вышла на третье место (после США и КНР) в импорте ЕС-27 и на то же третье место в его экспорте (после США и Швейцарии). За период с 2000 по 2008 г. оборот торговли между Россией и ЕС утроился, а её доля во внешней торговле достигла 8% в экспорте и 10% в импорте при сохранении все эти годы положительного сальдо торговли в пользу России (по размеру которого мы уступаем только КНР). В свою очередь, доля ЕС во внешней торговле в России устойчиво превышает половину¹.

Конечно, существенное отставание экспорта ЕС от импорта легче всего объяснить взлётом мировых цен на энергию. Однако Россия сохраняла положительное сальдо в торговле с ЕС-25 даже в периоды низкого уровня этих цен на рубеже XXI в., так что очевидно можно гово-

¹ Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 1.

речь о самой существенной роли России в обеспечении ЕС природными факторами производства, а, с другой стороны, о возросшей конкуренции за российский рынок, которую фирмы ЕС, видимо, не всегда выдерживают. Тем не менее в последние годы экспорт ЕС в Россию рос быстрее, чем импорт. На российском несырьевом экспорте сказывается и то, что он пользуется на рынках ЕС определёнными тарифными преференциями, хотя их масштаб и был сокращён в 2005 г. примерно на 20%¹.

Таблица 18.1

Внешняя товарная торговля Евросоюза с Россией
(млрд евро)

	2000 г.	2001 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.
Экспорт	22,5	31,4	37,1	56,4	89,1
Импорт	60,9	63,8	67,8	106,7	143,6
Доля России	–38,4	–31,6	–30,7	–50,3	–54,5
в импорте	6,11	6,4	7,2	8,1	10,1
в экспорте	2,6	3,5	4,2	5,3	7,2

Источник: Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 1; <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal>.

Менее отрадная для России картина складывается при анализе товарной структуры взаимной торговли. Здесь (независимо от цен на топливо) наблюдаются постепенная деиндустриализация российского экспорта, застой технологического прогресса, утеря в ходе «либеральных» реформ зарубежной сети маркетинга российских промышленных изделий (через которую во времена СССР сбывалось от 50 до 100% наших машин и оборудования), разрыв технологических связей с предприятиями в других странах СНГ (лишивших наших экспортёров необходимой им комплектации, прежде всего в машиностроении, станкостроении, автомобильной и авиационной промышленности), а, главное, отсутствие в России эффективной государственной системы поддержки промышленного экспорта, функционирующей почти во всех странах

¹ Подсчёты Миссии России при ЕС в Брюсселе.

мира. Вместе с тем деиндустриализация в торговле с ЕС менее выражена, чем на других направлениях экспорта вне СНГ, ибо новинки нашего экспортного сектора обычно проходят апробацию на географически близких и знакомых российской промышленности рынках Евросоюза, в том числе после его последнего расширения.

Таблица 18.2

**Товарная структура товарооборота ЕС с Россией,
2000–2007гг.* (млрд евро)**

	2000	2001	2003	2005	2007
Продовольствие					
экспорт	2,8	3,4	3,8	4,6	6,7
импорт	0,7	0,9	0,8	0,7	0,9
Сырьё					
экспорт	0,7	0,8	0,7	0,8	1,3
импорт	3,6	3,1	3,0	4,3	5,0
Топливо					
экспорт	0,1	0,1	0,2	0,3	0,5
импорт	34,7	37,2	41,4	70,6	94,8
Химикаты					
экспорт	3,2	4,5	5,1	8,2	12,4
импорт	2,5	2,6	2,7	3,6	4,8
Машины и оборудование					
экспорт	8,4	12,9	16,6	26,6	43,3
импорт	1,0	0,9	1,0	1,2	1,5
Прочие готовые изделия					
экспорт	6,8	9,0	10,1	14,7	—
импорт	9,8	8,7	8,4	12,0	—

* Без остальных товаров.

Источник: Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 1; <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal>.

Деиндустриализация может быть отмечена и в экспорте Евросоюза в Россию, ибо в годы реформ и при кризисе в промышленности он обслуживал по преимуществу потребительский спрос, а экспорт продовольствия из Евросоюза ещё и субсидировался. Однако с началом модернизации отечественного производства импорт инвестиционных товаров из ЕС начал заметно расти, в том числе с опорой на его кредитную поддержку после того, как наша страна получила необходимый для этого рейтинг ОЭСР.

Таким образом, в торговле в формате ЕС-25 Россия выступала как чистый импортёр продовольствия (отечественный агробизнес не сумел существенно наполнить отечественный рынок даже при резком удешевлении рубля в период дефолта), машин и оборудования, но как чистый экспортёр по сырью и топливу. Одновременно наша страна близка к балансу товарообмена по химикатам и прочим промышленным изделиям. В области химикатов наши позиции здесь поддерживают экспорт удобрений и растущий вывоз продуктов нефтехимии, а по прочим промышленным изделиям — металлов. Такие тенденции особенно рельефно видны при анализе торговли России с «ядром» ЕС-15.

Таблица 18.3

**Сальдо обмена товарами для России в торговле с ЕС
по отдельным отраслям (млрд евро)**

	2000 г.	2001 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.
Продовольствие	−2,1	−2,5	−3,0	−3,9	−5,8
Сырьё	2,9	2,3	2,3	+3,5	3,7
Топливо	34,6	37,1	41,2	+70,3	93,8
Химикаты	−0,7	−1,9	−2,4	−4,6	−7,6
Машины и оборудование	−7,4	−12,0	−15,6	−25,4	−41,8
Прочие готовые изделия	3,0	−0,3	−1,7	−2,7	−6,9

Источник: Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 1; <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal>.

Статистика по обмену услугами между Россией и ЕС стала более или менее надёжной лишь в последние годы. Сальдо обмена здесь складывается в пользу ЕС по всем позициям, кроме транспорта

и страхования, причём наибольший дефицит для России складывается по туризму. Обращает на себя внимание весьма малый объём обмена технологиями, что, видимо, объясняется тем, что российские компании предпочитают не самостоятельно осваивать новые технологические разработки (патенты, лицензии), для чего в стране не создано благоприятных регулярных условий, а импортировать уже готовые машины и оборудование, которые зачастую представляют собой уже вчерашний день нации и техники.

Таблица 18.4

Оборот обмена услугами между ЕС и Россией
(млн евро)

	Продажи ЕС			Покупки ЕС		
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Всего услуг	12 308	14 221	18 173	9 122	10 774	11 529
в том числе транспорт	3 217	3 462	3 881	4 203	5 218	5 267
туризм	2 686	3 207	3 844	1 938	1 977	1 765
прочие услуги	6 263	7 548	10 442	2 970	3 576	4 474
из которых						
связь	160	248	280	194	234	242
строительство	829	712	853	440	390	520
страхование	84	125	143	107	179	175
финансы	716	1 109	1 435	116	276	318
информатика	656	766	1 216	39	74	120
передача технологии	224	242	456	19	24	76
прочие деловые	3 367	4 108	5 774	1 918	2 255	2 864
культура, медицина	97	73	92	36	41	50
официальные	130	166	194	100	106	109
Доля России в общем международном обороте услуг ЕС (%)	3,1	3,2	3,6	2,6	2,9	2,8

Источник: Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 1.

К сожалению, режим обмена услугами лишь в самой общей форме регулируется СПС, и потому в интересах России как можно быстрее присоединиться к соглашению ГАТС в рамках ВТО, где также регулирование является гораздо более подробным, и включить продвинутый режим по услугам в новое соглашение ССП. Доля ЕС в экспорте услуг Россией составляет около 2/5 его общего объёма.

На дальнейшее развитие торговли будут влиять как сдерживающие, так и стимулирующие факторы, действующие с обеих сторон. При достаточно скромных прогнозируемых темпах экономического роста ЕС-27 будет отставать по увеличению импортной ёмкости от динамики мирового рынка в целом (хотя и способен поглотить все предлагаемое ему российское топливо). Скажется и продолжающееся отставание Евросоюза в сфере технического прогресса, т.е. в экспорте наукоёмкой продукции и технологии. Со своей стороны в России всё возрастающий спрос на качественную и современную продукцию будет предъявлять внутренний рынок, берущий на себя вместо экспорта роль локомотива развития при определённом сокращении нынешней гипертрофированно высокой экспортной квоты в ВВП, сложившейся в 90-х годах в условиях коллапса внутреннего спроса.

Часть экспортных фондов страны будет безусловно отвлечена на рынки Азии и СНГ, чего требует восстановление симметрии в наших внешнеэкономических связях и, особенно, преодоление отставания Сибири и Дальнего Востока. Свою часть отечественного рынка у импорта отвоюют российский агробизнес и «промышленная сборка» (автомобили, сельхозмашины), а также умножающиеся холдинги российских компаний, созданные с целью объединения усилий в борьбе за обновление продукции и рынки (авиастроение, космос, химия, сельхозмашиностроение, чёрная и цветная металлургия, лес, текстиль и др.)¹. Они же помогут и индустриализировать российский экспорт.

¹ Российские экспортёры, даже крупнейшие, как правило, уступают своим конкурентам из ЕС по корпоративной мощи. Например, даже РАО ЕЭС уступает германскому «Е.ОН» по деловому обороту в 5 раз, «Северсталь» — «Тиссен» в 19, «Сибур» — «БАСФ» в 20 раз и т.д. (См.: Вести. 2006. № 1. С. 30). Поэтому по государственной или самостоятельной инициативе в последние годы созданы холдинги прежде разрозненных предприятий в авиапромышленности (ОАГ), освоении космоса (вокруг ГКНПЦ имени М.В. Хруничева), чёрной металлургии («Евраз», «Мечел», «Северстальгрупп»), производстве алюминия («Русал» — «СУАЛ»; цветных металлов «Норникель», УГМК, «Русская медная компания»), химии («Сибур», «Еврохим», «Амтель»), машиностроении («Объединённые машиностроительные заводы», «Силовые машины», «Энергомашкорпорация», «Трансмашхолдинг»), стройматериалах («Евроцемент»), телекоммуникациях («Система», «Альфагруп», «Телекоминвест»), агробизнесе («Продимпекс», «Агромашхолдинг») и ныне создаются в судостроении, лесной и текстильной промышленности и в освоении новых источников энергии («Корпорация Биотопливо»).

Вместе с тем достаточно действенными представляются и факторы в пользу увеличения торговли. В России уже накоплен солидный экспортный потенциал в нефтехимии (и по мономерам, и по полимерной продукции), осуществляются программы реновации в металлургии (например, Магнитка, Липецк, Череповец), определены приоритеты в развитии науки, прикладные результаты которой через Федеральную целевую программу «Национальная технологическая база» на 2007–2013 гг. (с ассигнованиями в 98,4 млрд рублей) вполне могут сказаться и на экспорте (новые материалы, общемашиностроительные технологии, базовые технологии энергетики, двигательные установки, химия и катализ, медицина, микросистемная техника и микроэлектроника и др.). Только на Урале в 2007–2008 гг. запускается 140 проектов модернизации предприятий на сумму 27,8 млрд долларов, т.е. вдвое больше, чем в 2005–2006 гг., причём до 80% из них частично ориентированы на экспорт¹. Своими резервами располагает технологическая кооперация (см. ниже).

Конечно же, по развитию российской обрабатывающей промышленности и её конкурентоспособности тяжёлый удар нанёс экономический кризис при неспособности Центробанка и Минфина передать господдержку в реальный сектор под разумный процент. Однако промышленность боролась с кризисом на путях того же экспорта при уточнении своей специализации.

Совершенно очевидно, что российское государство должно в корне изменить своё отношение к экспорту, т.е. снять повышенное налоговое бремя с обрабатывающей промышленности, не злоупотреблять экспортными пошлинами, превратить таможенный тариф из орудия фиска в инструмент предсказуемой промышленной политики, положить конец волюнтаристским просрочкам возврата предприятиям НДС при экспорте и, наконец, создать базу государственной кредитно-страховой и иной поддержки (сопоставимую с мировой практикой), которая ранее недофинансировалась и была крайне забюрократизирована, а ныне ещё и находится в процессе ведомственной реорганизации.

Стимулами дальнейшего расширения торговли располагает и Евросоюз. К ним относятся вывод со своей территории ресурсоёмких и экологически неблагонадёжных (для перенаселённой Западной Европы) производств, снятие оставшихся ограничений на кредитование и страхование торговли с Россией, подключение к такому кредитованию Европейского инвестиционного банка, обновление номенклатуры экспорта на базе «Рамочных программ» поощрения НИОКР и всё

¹ Эксперт. 16–22.10.2006. С. 15.

та же технологическая кооперация. Немалые резервы здесь могут таиться в приграничном сотрудничестве, особенно если к его проектам будут подключены структурные фонды ЕС и вновь создаваемый финансовый механизм добрососедства и партнёрства.

Наконец, Россия начинает формировать путём синтеза сил рынка и государственной промышленной политики новую постсоветскую хозяйственную специализацию, которая в отличие от прежней безбрежной и изоляционистской советской в гораздо большей степени опирается на открытость экономики, международное разделение труда, сравнительные издержки и качество производства. При всей постепенности и многовариантности этот процесс является необратимым, создавая тем самым для России новые «ударные» направления экспорта, а для ЕС — новые «ниши» на российском рынке.

Всё это позволяет со значительной долей уверенности прогнозировать дальнейший рост взаимной торговли между Россией и Евросоюзом, причём не только благодаря суммированию данных присоединяющихся к нему стран, но и в результате глубинного взаимного структурного приспособления в экономике и корпоративном секторе при благоприятствующей политике государства.

Надёжность опоры на рынки друг друга даёт, кроме коммерческих выгод, ещё и социальные. В Евросоюзе торговля с Россией позволяет обеспечивать занятость примерно 2 млн человек, что немало, учитывая нынешний высокий уровень безработицы. В России во многом благодаря такой торговле формируется современная модель потребления.

Говоря о взаимодополняемости экономик России и ЕС, не нужно уводить в тень, как это иногда делается, и тот факт, что если ЕС зависит от российского топлива, то и мы зависим от его рынка по многим направлениям торговли, в которой при недостаточном развитии товарообмена по другим азимутам, особенно с Азией и СНГ, сложился близкий к гипертрофированному евроцентризм. Именно на ЕС ориентированы 85% наших экспортных газонефтепроводов, все экспортные порты, кроме Находки, основная железнодорожная сеть, а также преобладающая часть (кроме трубопровода ВСТО) нового инфраструктурного строительства¹. Не являются дружественными и ряд торгово-политических акций ЕС в адрес российского экспорта, чего не позволяют себе иные наши партнёры в торговле.

Подчас здесь небезгрешна и Россия, особенно в связи с нашей бюрократической чехардой и растаскиванием функций внешнеэкономичес-

¹ Подробнее о характере зависимой России от рынка см.: Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века / Под ред. В.В. Журкина (Доклады Института Европы РАН). М., 2008.

кого регулирования по отдельным ведомствам. Это, например, усложнённые и мало предсказуемые режимы ввоза продовольствия и цветов (кроме случая справедливой реакции на поставку недоброкачественной продукции, например, из Польши), насаивающиеся друг на друга 19 ведомственных режимов стандартизации и сертификации импорта и экспорты с регулированием оборота алкогольной продукции.

Новые, продвинутые формы взаимодействия

В отличие от прошлых лет уже стало улицей с двусторонним движением инвестиционное сотрудничество сторон, а российские инвестиции в ЕС ныне растут даже быстрее капиталовложений в противоположном направлении.

Кризис смешал многие карты, особенно по портфельным инвестициям, однако кумулятивный объём капиталовложений фирм Евросоюза в российскую экономику в 2008 г. составлял около 70 млрд долларов против 6 млрд долларов в 2000 г. (и около 75% общей суммы зарубежных инвестиций), а их приток в ЕС из России на начало 2009 г. только в прямой форме оценивается примерно в 8 млрд долларов¹. Статистически лидером в ЕС по инвестициям в Россию являются Кипр и Люксембург, но в основном через эти страны идёт реинвестирование ранее покинувших её российских капиталов. Поэтому на деле крупнейшими реальными инвесторами выступают Нидерланды, Великобритания, Италия и Германия. Обратный отток российских капиталовложений направляется в основном в Германию и Австрию.

Таблица 18.5

Обмен прямыми инвестициями между Россией и ЕС, 2004–2007 гг. (млрд евро)

	2004	2005	2006	2007
из ЕС в Россию	6 013	9 596	10 662	17 106
из России в ЕС	261	2 777	1 516	957

Источник: Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 3.

¹ Российский статистический ежегодник. 2008. М., 2008. С. 698; Современная Европа. 2007. № 1. С. 39; Eurostat. Newsrelease. 2008. No 90. P. 3.

В отраслевом разрезе инвесторов ЕС интересуют, прежде всего, российская энергетика, пищевая, вкусовая, лесобумажная, автомобильная промышленность, а также розничная торговля и сфера деловых услуг. При том, что до 2/3 этих инвестиций идут в отрасли, интересующие в первую очередь европейский капитал и 1/3 — развитие хозяйства России.

Российские инвестиции выглядят более многоцелевыми. Так, значительная часть из них направляется в заключительные звенья цепочки продвижения отечественных товаров к конечному потребителю ЕС, т.е. в зарубежный маркетинг продукции. Такова, например, направленность инвестиций «Газпрома» (в «Рургаз», венгерскую МОЛ, литовскую «Лиетувос дуйос», британскую «Пеннин нейчурал газ», газопровод «Интерконнектор» между Бельгией и Великобританией, ряд подземных хранилищ и т.д.) и «Лукойла» (новые НПЗ в Европе мощностью в 13–16 млн т, сети бензоколонок) и таким образом компания контролирует 34% рынка моторного топлива в Прибалтике, 12% бункеровки на Кипре и 29% в Финляндии¹.

В чёрной и цветной металлургии речь идёт о достраивании технологической цепочки производства и об оптимизации сортамента её отдельных звеньев, а также о «зачистке» рынка от конкурентов. Так, холдинг «Евраз» приобрёл заводы итальянской «Палини и Бертоли» и чешскую «Виктовице стил», «Северсталь» — британскую «Кэррингтон» и итальянскую «Луччини», «Русал» — итальянскую «Евроалюмина», причём делалось это как через конкурсы, так и путем индивидуальных сделок.

Менее заметно пока российское присутствие в современных наукоёмких отраслях. Кроме покупки «Внешторгбанком» 6% акций ЕАДС, здесь можно упомянуть инвестиции телекоммуникационного холдинга «Система» в Греции и Чехии. По-прежнему функционирует в ЕС сеть государственных российских загранбанков. Наконец, под рубрику инвестиций попадают и обычные переводы капитала, сбор под чужие флаги нашего торгового флота, а в самое последнее время — строительство и скупка туристической инфраструктуры в Средиземноморье.

Говоря о перспективах переплетения капиталов между корпоративными секторами России и ЕС, нужно сделать и ряд оговорок. Так, идеологией фирм и руководства Евросоюза при инвестировании является прежде всего доступ в наш ТЭК под флагом «общеевропейской энергетической безопасности», что было бы правильнее читать как

¹ Эксперт. 30.10 — 05.11.2006. С. 32–34.

«европеизацию» российских природных ресурсов. Нечто похожее отмечается и в лесной промышленности. При этом гораздо меньше внимания уделяется инвестициям в российские наукоёмкие и просто машиностроительные производства (кроме «промышленной сборки» в автостроении и сельхозмашиностроении)¹.

Это объективно выглядит как курс на сохранение России в качестве сырьевого лимитрофа ЕС, что, конечно же, не входит в планы нашего хозяйственного развития. Ныне чётко прописаны стратегические отрасли, где иностранный контроль над производством исключён или ограничен, а в ТЭК выдвинут в отличие от формулы ЕС («доступ к рынку в обмен на доступ к активам») принцип «доступ к активам в обмен на доступ к активам», т.е. всё тот же допуск наших энергокомпаний к конечному потребителю в обмен на освоение наших энергетических кладовых на акционерной основе. Этот принцип пока отвергается Евросоюзом, который стремится изолировать российский энергобизнес от проводимой ЕС внутренней реструктуризации своей энергетики. Так, если А. Меркель в ходе своей избирательной кампании и говорила, что «сближение через переплетение» капиталов России и ЕС это правильная мысль, то в период германского председательства в ЕС она уже заявляла о нежелательности покупки российскими компаниями энергоактивов Евросоюза, хотя тот же «Рургаз» уже владеет 6,5% акций «Газпрома»².

Не способствуют нашим инвестициям и отдельные положения самой реструктуризации («либерализации»), например, запрет привязки поставок к определённым адресатам, разъединение операций по поставкам и транспортировке энергии, меры по направлению каспийских и среднеазиатских энергоносителей в обход России, навязывание нам дискриминационных условий транзита и т.д. В свою очередь, Европарламент при обсуждении третьего либерализационного пакета по энергетике предлагал перевести инвестиции России в ТЭК ЕС чуть ли не на разрешительный режим³. Другими словами, Брюссель неосмотрительно портит отношения со своим важнейшим, ближайшим и надёжным поставщиком энергии.

Немало препятствий встречают российские инвестиции и по бюрократической линии, когда каждый такой шаг рассматривается вла-

¹ См. подробнее: *Иванов И.Д.* Внешнеэкономический комплекс России. Взгляд изнутри. М., 2009. С. 190–191.

² <http://ec.europa.eu/comm/external-relations/energy/energy-conference>. 2006, 15, 10.01.2007; Вести. 2006. № 8. С. 53.

³ Deutsche Welle. 23.04.2009.

стями стран ЕС как «особый случай» или даже «угроза» и подвергается правительственному контролю, даже если это разрешено действующим законодательством (например, запрет на приобретение «Газпромом» английской энергокомпании «Центрика», повышенные формальности для работы наших загранбанков и т.д.). Зачастую неудача сделок по слияниям и поглощениям объясняется неопытностью (а подчас самонадеянностью) наших бизнесменов в этой новой для них сфере. Так случилось, например, при несостоявшемся альянсе «Северстали» и люксембургского «Арселор» и при оформлении приобретения «Сургутнефтегазом» пакета акций венгерской МОЛ.

Следует также учитывать, что в своей зарубежной экспансии нашим инвесторам подчас не на что опереться в самой России. У нас нет ни системы государственного стимулирования и гарантирования инвестиций за рубежом, ни частной кредитной системы, способной ссужать под это «длинные» деньги, ибо почти весь их объём искусственно «стерилизован» Минфином в Резервном и иных фондах под не профессионально поставленные цели борьбы с инфляцией. Поэтому приобретение активов за рубежом идет за счёт либо собственных средств компаний («Норильский никель»), либо синдицированных кредитов зарубежных банков («Евраз»). По этим же причинам в последнее время стала стремительно развиваться такая форма привлечения капитала, как размещение российскими компаниями своих акций и облигаций на фондовых рынках ЕС, способствуя преобретению зарубежных активов и росту рейтинга компаний-эмитентов. Такая практика, однако, резко расширила, при «отключении» отечественных источников накопления, внешнюю задолженность нашего бизнеса и фактически вынесла базу его финансирования за рубеж. В 2008—2009 гг. эта база попала в кризис, который таким путём (плюс огульная либерализация движения капиталов) перекинулся и в российскую экономику. Несмотря на госпомощь в размере 50 млрд долларов, ведущие российские зарубежные инвесторы вынуждены были расстаться с частью активов, а заёмщики — урезать инвестиционные программы. Кризис и эклектичная программа борьбы с ним снизили внешнюю инвестиционную привлекательность России, хотя в том числе и во имя этой цели Центробанк наивно держал свою базовую на уровне 13%, так закупорив все каналы перелива государственной антикризисной помощи в реальный сектор.

Современный научно-технический прогресс и конкуренция привели к тому, что готовые промышленные изделия, в том числе экспортные, крайне редко целиком создаются на каком-то одном предприятии или даже в отдельной стране. Крупные фирмы имеют десят-

ки тысяч субпоставщиков, а технологические цепочки ТНК распределяются по многим государствам. Эти тенденции в значительной мере затронули и товарооборот России—ЕС. По оценке РСПП, комплектацию для своей конечной продукции из-за рубежа получают ныне до 40% российских предприятий, особенно машиностроения, химии и лёгкой промышленности. Только в «промышленной сборке» автостроения уже запущено 40 проектов, в том числе половина с участием автокомпаний ЕС. «Окская судовой верфь» получает для своих судов типа «река—море» комплектацию от «Альфа Лаваль» (Швеция), «Роллс-Ройс» (Великобритания), «Вяртсиля» (Финляндия), «Десми» (Дания). На 70% из инокомплектации состоит новый внедорожник УАЗ «Патриот».

Высокую активность проявляют и российские заводы. КАМАЗ поставляет коробки передач германской «Запард», северодвинская «Звёздочка» — гребные винты для финских суперлайнеров класса «Фэнтези» и др., уральская «Ависма» удовлетворяет 10–20% потребностей в титановом прокате фирм «Роллс-Ройс» и СНЕКМА (Франция) и до 50% — ЕАДС. В чёрной металлургии многие заводы ЕС работают на переделе наших слябов и заготовок, в цветной на экспорт идёт половина алюминиевого проката. Особенно широкие масштабы такая практика приобретает в нефтехимии (по мере углубления переработки нефти на отечественных заводах) и авиастроении, видящим в технологической кооперации один из путей выживания.

Устойчивый спрос в Евросоюзе имеют, например, наши метанол (на экспорт идёт 50% производства), стирол (64%), ортоксилол (45%), а параксилол экспортируется полностью. ЕАДС и новый российский холдинг ОАГ рассматривают проект совместного производства на автозаводе в Луховицах транспортного варианта «Аэробуса». К 2010 г. планируется переоснастить таким образом 30 самолётов «А-320» и «А-321», а к 2025 г. объём заказов оценивается в 400 машин. Здесь, действительно, существует обширный рынок, ибо «Эйрбас» до сих пор самостоятельно производит до 60% необходимой ему комплектации (что и послужило одной из причин ухудшения финансового положения фирмы), тогда как «Боинг» — лишь 1/3. Поэтому, в проекте «А-350» долю внешней комплектации планируется увеличить до 50%¹.

Ещё более перспективные возможности открывает научно-техническое сотрудничество сторон, потенциал которого ныне явно недоиспользуется. И Евросоюз, и Россия в последние годы отстали от мирового уровня техники, но пытаются ликвидировать этот разрыв по-

¹ РБК Daily. 29.01.2007.

рознь, тогда как сделать это можно только совместными усилиями, ибо иных возможных союзников, кроме друг друга, у них в этой сфере нет. В частности, Россия всё ещё сильна в фундаментальной науке (которая в ЕС развита слабее всего), тогда как Евросоюз занимает передовые позиции в прикладных инженерных разработках и в коммерциализации новой техники. Таким образом, они могут составить вполне эффективный тандем.

Конечно, верно то, что централизованный бюджет НИОКР в ЕС составляет на 2006–2013 гг. всего 52 млрд евро, и основная часть (95%) исследований рассредоточена по отдельным странам. Но и Россия тратит на эти цели всего 0,95% ВВП (в 2003 г. было затрачено 1,28%, а причины трёхлетнего падения следует искать в политике ответственного за это Министерства). Однако в масштабах Европы Россия всё ещё остаётся, как подчёркивал Гендиректор по науке ЕС Х. Родригес, одним из наиболее важных партнёров в исследованиях, и, «по любым меркам, это наиболее успешная держава в данной сфере в Европе вне ЕС»¹.

Действительно, анализ показывает, что приоритеты России и ЕС в фундаментальных НИОКР (нанотехнологии, телекоммуникации, космос, энергетика, в том числе новые источники энергии, ядерная физика, науки о жизни, экология, здравоохранение и т.д.) совпадают почти на 60%. Россия вполне могла бы при минимальном финансовом участии выступать в рамочных программах ЕС по поощрению НИОКР в статусе генерального подрядчика, вписаться в «общее европейское исследовательское пространство», создаваемое Брюсселем. Ряд проектов 7-й Рамочной программы ЕС на 2006–2013 гг. объявлены «целевым образом открытыми», другие — открыты, если партнёрами российских учёных в них станут не менее двух исследовательских учреждений ЕС и ассоциированных с ним стран. Именно так в рамочных программах Евросоюза участвуют США, КНР, Израиль, Канада, Швейцария, Норвегия.

Однако из примерно 2 тыс. тендеров на проведение НИОКР по 7-й Рамочной программе Россия подала заявки на участие лишь менее чем в 1% случаев (вдвое меньше, чем КНР), бенефициарами проектов в статусе субподрядчиков (информатика, автоматизация, нанотехнологии, солнечные батареи) стали пока всего 36 российских исследовательских организаций, 40% полученного финансирования приходится всего на три проекта, а средний размер гранта по ним равен всего 132 тыс. евро².

¹ <http://www.delrus.cec.eu.int>.

² Ibidem.

Причины этого коренятся в характере работы нашего Министерства науки и образования, относящегося к контактам с Евросоюзом недостаточно заинтересованно. Безнадёжно устарело и Соглашение Россия—ЕС о сотрудничестве в науке и технике. Однако, никто не ставит вопроса о его изменении, хотя именно по той же причине начаты переговоры о пересмотре прежнего базового Соглашения о партнёрстве о сотрудничестве, срок которого истёк в 2007 г. Отстаёт и исполнение научно-технической части «общего пространства» Россия—ЕС в сфере науки и образования, продвижение по «дорожной карте» к нему. Доля вины за это лежит и на Российской академии наук, где международные связи структурированы по отдельным странам, в результате чего сама тема сотрудничества с ЕС последние годы крайне редко фигурирует на её отчётных собраниях.

Как на контраст этому, можно сослаться на сотрудничество с ЕС и с Европейским космическим агентством (ЕКА) нашего Роскосмоса. Выше уже упоминалась идея «стыковки» систем космической навигации, связи и позиционирования ЕС («Галилео») и России («Глонасс»). Вывод основной части спутников этой системы на орбиту осуществляет наша ракета «Союз», для чего специально (и за счёт ЕКА) расширяется французский космодром в Куру. С участием ФГУП «Полёт» были в последние годы запущены спутники «Астрид-1» и «Астрид-2» (Швеция), «Абрикса», «Чам», «Бирдрубин» (Германия), «Мегсат» и «МИТА» (Италия), «Снап-1», «Сальсат», «ЮК-ДМС», «Билсат-1» и «Найджериасат-1» (Великобритания) и т.д. На очереди — сотрудничество сторон в проекте космического мониторинга земной поверхности («ГМЭС»). Кроме ценной научной информации, эти проекты принесут для российской стороны ещё и коммерческую прибыль, хотя мы зарабатываем пока на запусках, а не на бортовой аппаратуре или реализации космических заслуг, чьи рынки гораздо объёмнее и перспективнее.

Транспорт, финансы, приграничное и иное сотрудничество

Размах и динамика товарооборота Россия—ЕС непосредственно зависят от степени развития инфраструктуры. В ряде случаев это становится тормозящим фактором, ибо с распадом СССР Россия лишилась по крайней мере десятка морских портов на европейском направлении, а в ходе «реформ» — и торгового флота, в результате чего собственным тоннажем перевозится только 5% внешнеторговых грузов.

При нынешней структуре экспорта страну выручают экспортные газонефтепроводы. Однако с завершением строительства газопроводов «Северный поток» и «Южный поток» страна подойдёт к разумному пределу объёмов экспорта первичных энергоносителей. Для будущей индустриализации экспорта ей потребуется уже принципиально иная экспортная товаропроводящая сеть. Это понимают обе стороны, и потому территория европейской части России была включена в состав создаваемой ЕС Трансевропейской системы коммуникаций (ТСК). Конкретно речь идёт о трёх общеевропейских транспортных коридорах (Хельсинки—Калининград—Гданьск; Берлин—Минск—Москва—Нижний Новгород и Хельсинки—Санкт-Петербург—Москва—Киев—Бухарест—Александропулос), о развитии портов, пограничных переходов и телекоммуникационной связи.

Вклад Евросоюза в транспортное сотрудничество с Россией неравномерен. Например, все отечественные экспортные газонефтепроводы и хранилища строились за наш счёт или же с привлечением частных займов. Подключение к этим операциям Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), отвечающего в ЕС за финансирование ТСК, пока так и не осуществлено (а попытка профинансировать из этого источника до 30% стоимости газопровода, проходящего по дну Балтики, была торпедирована Польшей и странами Балтии). Практически не участвует ЕС и в финансировании указанных выше транспортных коридоров; средства ТАСИС привлекались лишь для модернизации пограничных переходов в Карелии и Калининградской области и при строительстве окружных дорог в Выборге и Санкт-Петербурге. Развитие портового хозяйства, в том числе в Финском заливе, идёт с участием частного капитала ЕС. В сфере телекоммуникаций фирмы ЕС контролируют до 40% рынка этих услуг.

До недавнего времени в транспортной сфере не возникало особых проблем. Однако затем Брюссель начал в рамках новой энергетической политики не только диверсифицировать свои внешние источники энергоснабжения, но и делать это целенаправленно в обход России. Под аккомпанемент призывов покинуть российскую «энергетическую тюрьму» интенсифицируются усилия по выводу среднеазиатской и каспийской нефти и газа через Кавказ и Турцию в ЕС (трубопроводы «Набукко» и «Белый поток»). Уже сооружены нефтепроводы Баку—Супса и Одесса—Броды, рассчитанные на конкуренцию с нашим КТК по северной губе Каспия, и нефтепровод Баку—Джейхан как альтернативный канал для нефти Каспия и Казахстана. Это делается в сугубо политических целях, даже без гарантий заполнения таких магистралей и вопреки тому, что существующие в Средней Азии транзитные мощности

через территорию России в ЕС остаются недогруженными (а нефтепровод Одесса—Броды работает даже на реверс, транспортируя на Чёрное море российскую нефть). Такая политика Брюсселя выглядит крайне близорукой, ибо на фоне энергетического кризиса Евросоюз могут выручить только традиционные и надёжные поставщики, а не игра в рулетку под ещё недоказанные и неосвоенные запасы, в том числе в конфликтных районах мира. Результатом такой игры стало, в частности, установление Туркменией «европейских цен» при вывозе топлива через её границы.

Не является полностью «невинной» в таком развитии событий и российская сторона. Мы пока «проедаем» запасы топлива, не ведя должной дополнительной геологоразведки. Официальная Энергетическая стратегия России, на показатели которой вроде бы должны были ориентироваться наши партнёры, целиком не оправдалась уже к 2005 г., зависив возможности добычи основных энергоресурсов на 4–8%, их экспортные фонды — на 7–17% и, наоборот, занизив ожидаемый экспорт Россией угля — на 32,4%, нефти — 34,9% и газа — на 44%¹, в связи с чем этот документ нужно срочно пересматривать. Не более достоверной была и Стратегия 1995 г., не оправдавшаяся по более чем половине показателей. Россия пока не сумела выйти и на европейский рынок сжиженного природного газа, который при ожидаемой доле в общем газовом импорте в Евросоюзе в 20% к 2020 г. объективно становится альтернативой российскому топливу, во всяком случае, в быту и в биржевой торговле.

В части финансов проблематика взаимоотношений после урегулирования вопроса об обслуживании Россией своего долга перед странами ЕС концентрируется вокруг судеб евро. Эта валюта уже заняла определённое место в «корзине» валютных резервов страны (около 40%), равно как и, пусть неофициально, в качестве меры стоимости (так называемые условные единицы в торговле уже перестали быть долларowymi) и средства накопления для населения. Однако российский сырьевой экспорт котируется в долларах даже на биржах самого Евросоюза (в евро деноминируется, скорее, российский импорт из этой зоны), и никто в мире объективно не заинтересован в крахе американской валюты. Зона евро охватывает пока далеко не всю территорию ЕС, а с вхождением в неё стран из десятки новых членов эта валюта может только ослабеть. По преимуществу в долларах всё ещё определяется международный переток капиталов, в десятки раз превышающий оборот международной торговли и фактически обособившийся

¹ ИЭФ. Экономическое обозрение. Март 2007. С. 27.

в самостоятельную сферу операций. Наконец, на руках у населения в самой России долларов пока больше, чем евро, равно как доллар чаще фигурирует и в розничных обменных операциях. Поэтому пока разумнее говорить о евро как о состоявшейся региональной валюте, хотя ничего, кроме пользы, не принесли бы систематизированные контакты между Центральным Банком России и Европейским центральным банком, которые пока всё ещё не налажены.

Общая граница между Россией и ЕС составляет ныне 2200 км, и поэтому особый интерес сторон вызывает развитие приграничного сотрудничества между ними. Оно уже включает в себя такие проекты, как модернизация сети пропускных пунктов на границах Финляндии, Литвы и Польши, коммунальных очистных сооружений в Санкт-Петербурге и Калининграде, охрана лесов в Карелии, рыбных популяций на Мурмане и т.д. Часть этих проектов финансируется за счёт фондов ЕС ТАСИС и «Интеррег». Крупнейшей программой в этой области является «Северное измерение», распространяющееся на северо-восток России.

Однако пока налицо дубляж каналов сотрудничества, поскольку кроме «Северного измерения» действуют ещё две отдельные программы в бассейне Балтийского и одна — Баренцева морей. К тому же, если сходная программа по Средиземноморью (МЕДА) соприкасается при финансировании со структурными фондами ЕС, то на Севере всё до сих пор сводится, в основном, к добровольным взносам стран-участниц.

Многое зависит от политической воли сторон. Например, Польша никак не соберётся достроить свой участок шоссе Эльблонг—Калининград—Вильнюс, входящий в систему ТСК, хотя и строит усиленными темпами дорогу в Литву в обход Калининграда через заповедную Беловежскую пушу, вызывая протесты экологов.

Как известно, приступив к выработке и осуществлению своей общей внешней оборонной политики и политики безопасности, Евро-союз объявил их составной частью достижения «европейской оборонной самобытности» внутри НАТО. В свою очередь, Российская Федерация в своей Стратегии развития отношений с Европейским союзом до 2010 г. заявила о готовности, в том числе в рамках реализации данной «самобытности», при определённых условиях пойти на военнотехническое сотрудничество с ЕС и его странами-членами в согласованных сторонами формах.

Распространение общеевропейского сотрудничества на данную сферу было бы только логичным. Россия является вторым в мире экспортёром оборонной продукции. Под общую оборонную политику

ЕС подпадают вооружённые силы десятка его новых членов, всё ещё оснащённые российской техникой, требующей модернизации. Российская спецтехника эксплуатируется также в Германии и Греции. Часть российских предприятий двойного назначения уже открыта для иностранных инвестиций, а такие проекты, как «Галилео» и «ГМЭС», где участвует Россия, имеют свою оборонную составляющую. Кроме того, технологическое сотрудничество в «оборонке» могло бы подвигнуть стороны к миру и доверию сильнее, чем многие международные договоры.

В чисто техническом отношении Евросоюз не имеет такой базы фундаментальной военно-ориентированной науки, как Россия. И если одной из причин прокламирования Брюсселем «европейской оборонной самобытности» был тот факт, что операции 90-х годов на Балканах на 60% опирались на бюджет ЕС, а на 90% — на американскую логистику, то ясно, что без общеевропейских усилий такую логистику ЕС просто не построить. Технологиями, знаниями и товарами, нужными, но не всегда доступными ЕС, располагает наш авиакосмический комплекс, в частности, такие предприятия, как ФГУП им. Баранова, ГУП «Иртыш», ОАО «Сибкриотехника», ОАО «Сатурн», ПО «Полёт» (запуск спутника Минобороны Германии «Сар-Лупо»), «Эллипс» (магнитопроводы), ММПП «Салют» (авиадвигатели), ГКНПЦ имени М.В. Хруничева сотрудничает с «ОХВ-Систем» (Германия).

Компетентные российские органы вышли на контакты с оборонно-промышленным агентством ЕС. Однако данный вопрос пребывает пока в замороженном состоянии.

Содействие через инструменты торговой политики

Состояние торгово-экономических отношений Россия—ЕС во многом зависит от регулирующих механизмов, а здесь, в свою очередь, требуются существенные изменения. Во-первых, после 14 лет переговоров Россия всё ещё стоит у дверей Всемирной торговой организации (ВТО). Во-вторых, как уже отмечалось, в 2007 г. истёк первоначальный срок действия Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве Россия—ЕС, и стороны намерены заменить его другим, более продвинутым и учитывающим новые реалии и опыт Соглашением о стратегическом партнёрстве.

Присоединение России к ВТО принципиально важно потому, что оно во многом переводит прежнее межгосударственное регулирова-

ние хозяйственных связей с двухсторонней на многостороннюю договорную базу, т.е. на общепризнанное международное торговое право. Между тем нормы и правила ВТО представлены в Соглашении о партнёрстве и сотрудничестве выборочно и либо в отсылочной, либо в описательной форме.

Конкретно, по балансу обязательств и выгод, ВТО предоставляет России в отношениях с ЕС:

- более благоприятные условия для развития отечественного экспорта путём «связывания» применяемых к нашим товарам ставок Единого внешнего тарифа ЕС, получения Россией в ЕС принципа наибольшего благоприятствования и национального режима для экспорта многих категорий услуг и перевода антидемпинговых процедур на более чёткие и предсказуемые правила ВТО;
- инструментарий борьбы с субсидируемым экспортом ЕС путём ограничения круга и степени субсидий, разрешённых при производстве и экспорте, особенно в агробизнесе; а также возможности собственного регулируемого субсидирования экспорта;
- правовую позицию при требовании компенсаций за ущерб или угрозу ущерба российским торговым интересам в случае расширения ЕС. До этого подобные компенсации если и предоставлялись, то в виде односторонних и частичных уступок Евросоюзу;
- возможность разрешать торговые споры в авторитетных арбитражных институтах ВТО;
- возможность сохранить и легализовать такие специфические инструменты нашей торговой политики, как экспортные пошлины и внутреннее регулируемое ценообразование на энергоносители.

Кроме того, перенос в российское национальное деловое законодательство норм и правил ВТО существенно повысило бы качество нашего правового поля и его сопоставимость с мировым в том, что касается операций отечественного бизнеса и иностранных инвесторов, страховало бы его от дефектов в нашем спонтанном законотворчестве, особенно в сфере охраны промышленной собственности, инвестиций, предоставления услуг, технического регулирования и применения защитных мер в торговле.

Разумеется, присоединение к ВТО будет иметь для России и свою экономическую цену. Вместо нынешних средневзвешенных 10,2% новый уровень таможенного обложения импорта в Россию из зоны ВТО после окончания семилетнего переходного периода составит 7% по промышленным и 18–19% — по аграрным товарам. Вкупе с други-

ми мерами по либерализации торговли, в том числе в сфере услуг, это может обострить конкурентную ситуацию на отечественном рынке для ряда отраслей, регионов и особенно моноспециализированных градообразующих предприятий.

Однако эти обязательства содержат в себе и позитивные начала, а именно:

- в корне меняются сама концепция и конструкция построения нашего таможенного тарифа. Из слепого орудия фиска он превращается в инструмент цивилизованного протекционизма и проведения осознанной промышленной политики страны. Прежние четыре уровня обложения (5, 10, 15 и 20%), введённые для «удобства собираемости» пошлин, но непригодные ввиду своей укрупнённости и маловариантности и для избирательного протекционизма, и для торговых переговоров, меняются на ставки «тонкой подстройки» по всей цифровой гамме от нуля до 25%, включая и дробные значения.

При этом делаются различия между товарами, производимыми внутри страны и требующими защиты (например, растительные масла, древесина хвойных и лиственных пород), и продукцией, отсутствующей в стране или находящейся в дефиците (тропические масла и древесина). В целях содействия модернизации промышленности резко снижены пошлины на машины и оборудование, комплектацию и полупродукты. По ряду направлений (электронные компоненты, сложная бытовая электронная техника) отечественный рынок практически целиком открыт для импорта. Снижены пошлины на импортную продукцию для национальных программ (медоборудование, медикаменты, товары для села). Те же принципы заложены в Единый таможенный тариф Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана;

- для облегчения адаптации отечественного бизнеса к новым условиям торговли оговорены переходные периоды для окончательного введения новых пошлин от одного до семи, а в среднем пяти лет. По наиболее «чувствительным» товарам (мебель, автомашины) снижение пошлин в течение этого времени будет «нелинейным», т.е. сконцентрированным на последних годах переходных периодов;
- из переговоров были исключены около 20% ставок российского таможенного тарифа и 30 из 155 секторов услуг. Из оставшихся 125 секторов для свободной конкуренции заявлено 30, и ещё в 39 секторах Россия вправе не допускать на свой рынок иностранные товары;

ранных провайдеров, а в 86 — ограничивать их деятельность. Страна не присоединилась к многосторонним соглашениям ВТО о беспошлинной торговле авиатехникой (защитив тем самым свой авиапром) и о государственных закупках (сохранив их для отечественного бизнеса). Особые формы регулирования согласованы для банковского сектора, страхования, ввоза автомашин и авиатехники (либерализуется ввоз дальнедистанционных широкофюзеляжных лайнеров при защите производства региональных самолётов средней вместимости);

- наконец, Россия получила право на легальное применение при импорте тарифных квот и специальных защитных мер (антидемпинговые, компенсационные пошлины), а также на частичное субсидирование своего агробизнеса.

В итоге расчётный эффект присоединения к ВТО для экономики России, по расчётам экспертов РАН и сходным оценкам других российских аналитических центров, определяется в один дополнительный процентный пункт при росте производства и в тот же дополнительный минусовый процентный пункт в случае его падения, хотя в отдельных отраслях и регионах можно ждать отклонений от этих величин. В отношениях с ЕС, видимо, придётся отказаться от существующих у нас ныне тарифных преференций, ибо в ВТО право на них имеют только развивающиеся страны. В корпоративном секторе экономики ВТО станет своеобразным катализатором процессов концентрации, централизации и специализации.

Присоединение к ВТО окажет несомненное влияние и на содержание нового Соглашения о стратегическом партнёрстве Россия–ЕС. В условиях, когда и ЕС, и Россия в равной степени подчиняются нормам и правилам ВТО, в его торговом разделе уже не нужно будет их иносказательное или косвенное воспроизведение. Соответственно, стороны смогут сосредоточиться на выработке более углубленных форм сотрудничества («ВТО+»). В сфере товарообмена предполагается, например, возможность поэтапного перехода к зоне свободной торговли Россия–ЕС, но, естественно, лишь после адаптации российского бизнеса к правилам ВТО, с учётом уроков присоединения к ней и в тех секторах, в которых стороны наиболее готовы к такому углубленному сотрудничеству.

В рабочем порядке формат нового Соглашения видится сторонам в виде развёрнутой общей части, в которой предполагается прописать основные принципы и механизмы сотрудничества, раскрыть понятие «стратегического партнёрства» и содержание секторальных документов, конкретизирующих отношения сторон в сферах, представляю-

щих общих интересов. Именно здесь найдут свою правовую кодификацию договорённости, формирующие «общее экономическое пространство», а также те из положений Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, которые сохранили свою значимость или были, по тем или иным причинам, до конца реализованы.

Говоря о формате Соглашения о стратегическом партнёрстве, эксперты первоначально употребляли понятие «рамочное». Однако такое определение признано, по крайней мере российской стороной, неудачным. Дело в том, что мы заинтересованы в новом Соглашении как документе прямого действия по праву Евросоюза (каким было прежнее Соглашение в силу решения Верховного Суда ЕС), тогда как «рамочное» соглашение на такой статус претендовать не может. Поэтому предлагается заменить данное определение на термин «базовое» или же вообще отказаться от уточняющих квалификаций.

Из всех секторальных разделов в наибольшей степени привлекает к себе внимание энергетический, который в Брюсселе рассматривают как ключевой. Здесь предстоит прописать те меры, которые стороны готовы были бы предпринять для обеспечения энергетической безопасности Европейского континента и где нашли бы отражение результаты энергодиалога, который ведётся между ними последние семь лет. Здесь позиция ЕС пока двойственна. С одной стороны, Брюссель придаёт приоритетное значение данному разделу. С другой — продолжает оказывать давление на Россию в пользу ратификации ею Договора об «Энергохартии» и Транзитного протокола к нему.

К сожалению, позиция России по отношению к Энергохартии (подписанной вопреки мнению российской переговорной делегации по прямому требованию Б. Ельцина и его МИДа) долгое время была уклончивой. Мы применяли её на временной базе, без ратификации, и продолжали вести консультации по Транзитному протоколу, хотя потенциал согласия по нему был давно исчерпан. Лишь в апреле 2009 г. правительство России заявило об отзыве своей подписи под Хартией, выдвинув взамен этого «картеля потребителей» свой концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики¹, который ныне находится на рассмотрении сторон и может быть положен в основу энергетической части ССП.

Новые инициативы были выдвинуты российской стороной и в ходе остальных отраслевых диалогов Россия—ЕС.

¹ <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/04/215303.shtml>.

«Общие пространства» и ход их создания

Главным содержанием очередного этапа развития экономического и политического сотрудничества России с Европейским союзом станет реализация сторонами четырёх «общих пространств» — в экономике, науке, образовании и культуре, а также «пространств» свободы, безопасности, правопорядка и внешней безопасности.

Эти «общие пространства» являются наглядным примером сотрудничества России и Евросоюза в строительстве «Большой Европы» будущего без разделительных линий, поворота к стратегическому характеру партнёрства, выходящего за пределы прежних договоров. Указанные «пространства» превосходят и политику «нового добрососедства», провозглашённую ЕС в отношении остальных сопредельных стран по периметру Евросоюза, хотя бы потому, что они являются плодом общей договорённости сторон, тогда как матрица «добрососедства» была сформирована в Брюсселе и продиктована партнёрам уже в готовом виде.

«Общие пространства» предполагается создать на базе «дорожных карт». Их содержание идёт существенно дальше экономических и политических положений действующего СПС. Поэтому именно им предстоит наполнить формат «ВТО+» в новом СПС, особенно в сфере экономики. При создании «общего пространства правопорядка» имеется в виду создать «плюс» по сравнению, например, с функциями Интерпола, а также включив нормы, смягчающие для России ограничения Шенгенской визовой системы. «Общее пространство внешней безопасности» предполагает принятие норм международных отношений, ещё не кодифицированных международными договорами, например, в сфере совместной борьбы с терроризмом.

Решено также, что реализация и наполнение «общих пространств» и «дорожных карт» к ним будут происходить в ходе секторальных диалогов сторон, к которым там, где это целесообразно, будут привлекаться представители бизнеса и неправительственных организаций России и Евросоюза. Всего таких диалогов ведётся 17.

Первый из них — по энергетике — начат в 2000 г. С тех пор руководством соответствующих стран представлено семь промежуточных докладов. Со стороны России головными участниками диалога выступают МИД и Минэнерго. Всего в нём уже приняли участие с обеих сторон свыше ста экспертов и официальных лиц. Диалог по транспорту начат в 2005 г. Головная организации со стороны России —

Минтранс. Диалог по стандартизации, техническим регламентам и процедурам соответствия начал в 2005 г. За истекшее время проведено три заседания и ряд конференций. Головные организации, представляющие Россию, — Ростехрегулирование и Минпром. В центре этих консультаций находится система аттестации в ЕС химических товаров и компонентов «РИЧ», которую должны пройти российские фирмы, намеренные экспортировать такую продукцию в Евросоюзе. Диалог по промышленной политике и предпринимательству начал в 2006 г. Россию представляет в нём Министерство экономического развития. Диалог по информационному сообществу начал в 2006 г. Ранее сторонами был принят Меморандум о намерениях в данной области. Головная организация от России — Министерство связи. Диалог по защите интеллектуальной собственности начал в 2006 г. Представитель России — Роспатент. Диалог по сотрудничеству в области космоса начал в 2006 г. Ранее было заключено соглашение о сотрудничестве между Роскосмосом и Европейским космическим агентством. Головная организация, представляющая Россию — Роскосмос. Диалог по сельскому хозяйству начал в 2006 г. Участник со стороны России — Минсельхоз. Диалог по режиму государственных закупок начал в 2006 г. Представитель России — Министерство экономического развития. Диалог по окружающей среде начал в 2006 г. Россия представлена Росгидрометом. В свою очередь, диалоги по инвестициям и макроэкономической политике ведёт Минэкономразвития, финансовой политике — Минфин, таможенному делу — ФТС, правилам конкуренции — ФАС и строительству — Росстрой. В 2010 г. начал и объёмный диалог об участии ЕС в модернизации экономики России.

Следует отметить, что названные диалоги начинаются отнюдь не с нуля. Например, сотрудничество таможенных органов осуществляется с 1989 г., а Таможенный кодекс России после проведённых консультаций вполне стыкуется с Таможенным кодексом ЕС. И Россия, и ЕС следуют международным техническим стандартам ИСО, которые покрывают до 1/3 их торговли товарами, подпадающими под сертификационные требования.

Хотя тематика диалогов выглядит, в основном, экономической, продвигается вперёд и реализация политически ориентированных «пространств». Прорывным здесь является Соглашение об упрощённом визовом режиме для дипломатов, бизнесменов, учёных, деятелей культуры и спорта, которое предусматривает возможность выдачи многократных виз на срок до пяти лет. Ранее положения этого соглашения уже были опробованы в двусторонних визовых соглашениях России с ФРГ, Италией и Францией и доказали свою выгоду и на-

дѣжность. Особенно активный обмен упомянутыми выше категориями лиц шёл с Италией, где срок получения многократных мультигидовых виз был сокращѣн до двух недель.

Разумеется, в «картах» и диалогах, как и в новом ССП, найдут отражение и те положения ныне действующего СПС, которые всё ещё не осуществлены полностью. Реализацию отдельных положений СПС в рамках диалогов решено пока не форсировать. Это относится, прежде всего, к вопросу о возможном создании «зоны свободной торговли». Для этого нужно сначала оформить членство России в ВТО, равно как и проанализировать, в какой мере отечественная промышленность справляется с адаптацией к её условиям.

Подводить итоги всех диалогов пока рано. Тем не менее не следует проходить мимо того опыта, который в них уже обозначился. Это касается прежде всего наиболее продолжительного из них — энергодialogа. Среди его положительных результатов можно отметить снятие Евросоюзом рекомендации странам-членам ограничить импорт газа из одного источника потолком в 30% общего импорта, что дискриминировало бы Россию, выработку совместной инициативы по мерам экономии энергии (Россия тратит её на единицу ВВП в 3,5 раза больше, чем ЕС), создание совместного Технологического центра по энергетике, обмен опытом управления в ТЭК и т.д.

В целом, однако, результаты энергодialogа не соответствуют первоначальным ожиданиям. Виноваты в этом обе стороны. Dialog не побудил пока Брюссель осознать новые реалии, сложившиеся в топливно-энергетическом комплексе и корпоративном секторе России. То и дело звучат призывы к «интернационализации» углеводородных ресурсов в интересах Евросоюза и другие дискриминационные требования, о которых, в частности, уже шла речь выше. Под «энергией» эксперты ЕС упорно подразумевают лишь первичные энергоносители, но не их производные (электроэнергию, моторные топлива, нефтехимикаты, энергоёмкие товары). Евросоюз фактически закрывает дверь перед экспортом российской электроэнергии. Не нашли в ходе dialogа объективной оценки недружественные акции Брюсселя в отношении российских экспортѣров (стремление организовать транзит каспийских и среднеазиатских энергоносителей в обход России, позиция, занятая в ходе споров России с Украиной и Белоруссией).

Опять-таки здесь выглядит полностью «невинной» и российская сторона. Dialogам мешали постоянная смена переговорщиков, их лень в изучении *aquis communautaire* (общего свода законодательных актов ЕС), бюрократические барьеры, нежелание наших представителей готовить собственные варианты итоговых докладов. Продолжи-

тельное время диалоги велись в «камерном» режиме, без должного участия деловых кругов. Этот недостаток, к сожалению, был свойственен даже диалогу по стандартизации, хотя у его истоков стоял РСПП. Правда, последнее время ситуация меняется в лучшую сторону.

Очевидно, что «общие пространства» и «дорожные карты» содержат значительный потенциал развития сотрудничества России с Евросоюзом, и задача состоит ныне в том, чтобы максимально реализовать его в интересах обеих сторон.

Организационно переговоры по Соглашению о стратегическом партнёрстве будут проводиться, в основном, в Брюсселе силами Миссии России при ЕС, усиленной для этого случая представителями российских отраслевых министерств и ведомств.

Достигнута принципиальная договорённость с МИД РФ об оперативном взаимодействии в ходе переговоров с организациями деловых кругов России на площадке российской части «Круглого стола» бизнеса сторон. Для этих же целей, а также возможного лоббирования установлены контакты РСПП с организацией крупного бизнеса ЕС «Бизнес Юроп» и ТПП России с Ассоциацией торгово-промышленных палат Европы «Еврошамбрс».

Нужно отметить, что такое вовлечение деловых кругов нередко придаёт переговорам дополнительный динамизм и делает их более конкретными. Так, в позиционном документе РСПП и «Бизнес Юроп» в развитии торгово-экономических отношений России–ЕС прямо указывалось, что «несмотря на наблюдающийся в последнее время быстрый рост трансграничного бизнеса, объём двусторонней торговли, и особенно инвестиций, остаётся скромным по сравнению с огромным потенциалом и интересом, проявляемыми со стороны деловых сообществ ЕС и России», и потому «прозрачность и регулярные консультации с представителями бизнес-организаций по вопросам подготовки, реализации и мониторинга соглашений по торговле и инвестициям между ЕС и Россией помогут гарантировать успешный результат».

Наконец, эти процессы все более стыкуются в России по руслу создания Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана¹.

Таким образом, стороны ещё далеко не исчерпали потенциал сотрудничества, и его освоение выступает для России и Евросоюза как генеральная стратегическая задача XXI в.

¹ См. подробнее статью автора в журнале «МЭиМО». 2010. № 9.

Глава 19. Два взгляда на будущее Европы

Крушение Европы (взгляд первый)

*Будущее вызывает у меня, скорее, грусть
и страх, чем желание творить.*
Станислав Лем, февраль 2005 г.

Международная жизнь, подобно гигантскому миксеру, преобразовывает порой до неузнаваемости страны и континенты, причудливо передвигает, устраняет или вновь чертит национальные границы. Нельзя раз и навсегда утвердить неизменную политическую карту мира. Перспектива всегда многовариантна, но кто может гарантировать, что развитие не пойдёт по описанному ниже руслу?

Успехи интеграции

Приобщение к европейским духовным ценностям является для некоторой части российской элиты важнейшей задачей дня. Если бы это зависело только от наших европейцев-западников, страна присягнула бы указанным ценностям сразу и сейчас. В Брюссель, номинальную столицу объединённой Европы, были бы поданы два прошения — о приёме в Европейский союз и в НАТО. Считается, сто тем самым Россия совершит скачок по пути прогресса под стать петровским деяниям. А пока надо загоя готовиться к столь желательному развороту событий и вводить принятые в европейском общежитии нормы.

Что же это за ценности? Из длинного перечня назовём две главенствующие — демократическое устройство государства и права человека. Обе настолько взаимообусловлены, что при перечислении можно менять их местами. Другие позиции также значительны¹.

¹ Известный автор Майкл Эмерсон, старший научный сотрудник Центра по изучению европейской политики в Брюсселе, назвал следующие десять европейских заповедей, отражающих ценности и системные черты европейской модели:

- 1) демократия и права человека;
- 2) общая юридическая основа для четырёх свобод (для единого экономического рынка, пространства для свободного передвижения, обитания и занятости граждан ЕС);

Прилагательное «европейские» поясняет происхождение ценностей. В их curriculum vitae начало было положено в Древней Греции, и затем они приумножались и отшлифовывались. Ввиду их универсальности и привлекательности достижения переносились за географические пределы Европы и закреплялись там, будь то США, Новая Зеландия или другие страны, заселённые выходцами из Европы.

Время торжества европейских принципов в более или менее полном объёме наступило после Второй мировой войны. Это и понятно. Средневековая инквизиция, колониальные войны и захваты со всеми их жестокостями, два мировых пожара, начавшиеся в Европе, Освенцим, конечно, далеки от провозглашённых идеалов континента. Европейский союз, начавшись с шести стран и сменив несколько названий, сплотил ныне почти три десятка государств и, несмотря на предупреждения экспертов о перенасыщении, делает авансы новым кандидатам на вступление.

Успехи интеграции стран Старого Света в самом деле впечатляющи. Им удалось устранить возможность крупномасштабных междоусобных битв, полностью открыть границы друг для друга, обеспечить населению приемлемый жизненный уровень. Параллельно с интеграцией Евросоюз проводит с 2002 г. «европейскую политику добрососедства», смысл которой состоит в создании пояса дружественных государств.

Однако хотелось бы обратить внимание на следующее. Всё, что делает Объединённая Европа (в дальнейшем для краткости — просто Европа), она делает прежде всего и больше всего для себя, а для находящихся за её бортом — постольку поскольку. Вот тут-то и зарыта собака. Европейская интеграция — это триумф региональный, а отнюдь не мировой. Конечно, земной шар выигрывает от того, что, скажем, Германия и Франция вновь не схватятся друг с другом и его вращение вокруг оси не будет нарушено, или от того, что Европа в отличие, например, от Ближнего Востока сняла тему тлеющего внутреннего военного конфликта. Но эта оказанная миру услуга не предмет главной заботы Европы о спокойствии во всём подлунном пространстве,

-
- 3) социальная модель;
 - 4) многонациональный характер общества, отрицание национализма;
 - 5) светский мультикультурный подход;
 - 6) антитоталитаризм и антимилитаризм, но без пацифизма;
 - 7) многосторонний подход в международной политике, а также во внутриевропейских делах;
 - 8) многоярусное управление;
 - 9) открытость;
 - 10) постепенно меняющиеся, эволюционирующие границы ЕС, а не жёсткое разделение Европы на своих и чужих. См.: Вестник Европы. 2005. Т. XV.

а производная от хлопот по собственному обустройству. Как бы то ни было, этот плюс надо зафиксировать. Это одна, незамутнённая, сторона медали.

Есть и другая. На немецком языке это называется *Schönheitsfehler* (переведём вольно как «помарка в чистописании»). Любой человек, изучавший философию и усвоивший закон единства противоположностей, легко обнаружит негативные аспекты европейской интеграции.

Начнём с того, что ЕС отгородил себя от окружающего мира крепостной стеной в виде таможенных пошлин и прочих барьеров. Имеет место сознательное обособление альянса в эпоху глобализации. Экономические отношения с не членами этого союза регулируются по выбору, посредством специальных соглашений. В научной литературе закрепилось обозначение двоякого (хорошего и плохого) эффекта интеграции — эффект открытости (*trade creating effect*) и эффект закрытости (*trade diverting effect*). Рикардианский закон сравнительного преимущества (сравнительных издержек) встречает препятствие в виде отгороженности европейского рынка. Ситуация настолько общеизвестна, что повсеместно излагается в экономических учебниках для вузов¹.

Приведём один пример взаимодействия старого континента с мировым рынком. Производство сахара в Таиланде, Бразилии и Австралии обходится в среднем в 122 евро за тонну, тогда как в Европе — 700 евро². Что делает ЕС? Он закрывает входящие в него страны посредством таможенных пошлин и квот от дешёвого импорта, продаёт своему населению дорогой сахар, а с помощью дотаций собственным сахаропроизводителям (фермерам и переработчикам свёклы) удерживает экспортные цены за рубежом на низком уровне, тем самым конкурируя с другими странами. Делается это в целях сохранения собственного производства, предотвращения разорения фермеров и связанной с ними перерабатывающей промышленности. Зато от такой политики особенно страдают развивающиеся государства, у которых аграрные продукты и текстиль являются часто единственными видами национального производства.

Их попытки избавиться от монопроизводства приносят слабые результаты. В целях закрепления такого положения в недрах ЕС родилось предложение создать европейское министерство сотрудничества с развивающимися странами с одновременной ликвидацией соответ-

¹ См., например: *Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох Й.* Основы экономической теории. СПб., 2000; *Популярная экономика. Основные принципы и понятия.* М., 2003.

² *Wirtschaftswoche.* 2005. No 4. S. 23.

ствующих национальных ведомств. Жалобы во Всемирную торговую организацию ощутимых результатов не приносят. Часто повторяемым аргументом ЕС в свою пользу служат цифры добровольной финансовой помощи бедным странам и регионам, что, однако, не находит особого признания со стороны последних. «Африка существовала ещё до вас, европейцев, и дела у нас были не так уж плохи», — заявляет, например, кенийский экономист Джейли Шиквати, указывая на такие последствия западной помощи, как коррупция и присвоение денег правящей элитой¹. Африка стала своего рода «кружкой для сбора пожертвований, а мы являемся жертвами помощи, которая нас колонизирует», — вторит ему другой африканский эксперт Темба Сонно. Нам нужна не милостыня, считают представители развивающихся стран, а свободный допуск на рынки, либерализация мировой торговли, поскольку потери из-за дискриминации намного превышают перевозносимые благодетения. Эти требования, в частности, усилились в связи с тяжёлыми последствиями цунами в Индийском океане на рубеже 2004—2005 гг. Пострадавшим странам была обещана щедрая помощь. Однако, как показывает опыт, проходит время, обещания забываются, а дискриминация остаётся. Интересно, что одним из последовательных критиков европейского интеграционного протекционизма является Маргарет Тэтчер, доказывающая необходимость в большей мере ориентироваться на мировой товарообмен². Высказывает возражения относительно углубления европейской интеграции и нынешний президент Чехии Вацлав Клаус, называя Европейский союз постдемократическим институтом³.

Заслуживает внимания в этой связи мнение известного американского аналитика Митчелла Риса: «Как у США, так и у европейцев есть протекционистские тарифы и квоты на импорт. Страны третьего мира оказываются в проигрыше, поскольку не могут экспортировать свою продукцию на рынки США и Европы. Это новая проблема, и я знаю, что работа над ней идёт полным ходом»⁴. Новой эта проблема явилась для Риса, в действительности же речь идёт о традиционном подходе Запада к развивающимся странам.

Вступая в ЕС, страна меняет свой режим внешнеэкономических отношений с индивидуального на коллективный. Вопрос о том, лучше или хуже становится от этого самой стране, нас не волнует (оче-

¹ Der Spiegel. 2005. No 27. S. 106—107.

² Тэтчер М. Искусство управления государством. М., 2003. С. 432.

³ Die Zeit. 17.03. 2005.

⁴ Политический журнал. 2005. № 35.

видно, лучше, если она вступает), а вот обделённые таким статусом государства сразу замечают изменение ситуации не в свою пользу.

Страдают и гуманитарные нормы, эти, казалось бы, священные коровы всех европейских хартий. Например, созданная в 1985 г. в люксембургском местечке Шенген визовая система прямо ударила по населению многих стран — не членов ЕС, которое теперь должно получать разрешения на въезд в ту или иную страну Шенгенской зоны. Это создаёт условия для чиновничьего произвола. После распада СССР россияне могли свободно ездить в бывшие соцстраны, пока те не вступили в ЕС. Теперь введены въездные визы, и ни в какой международный суд в этой связи не пожалуешься. Ян Чарногурский, бывший премьер-министр Словакии, пишет: «К сожалению, после падения “железного занавеса” ЕС пытается натянуть новый “занавес” между собой и восточноевропейскими странами. Так, под давлением ЕС Словакия была вынуждена ввести визовый режим для граждан России и Украины»¹.

Тенденции к «самозамыканию», свойственные ЕС, явно усилились в связи с мировым экономическим кризисом.

Когда-то большим достижением мирового сообщества было становление международного права. На него в той или иной мере стали равняться национальные правовые системы. Чем не всеобщий прогресс? Но для организованных в интеграционный союз европейцев этот прогресс маловат или великоват (пусть разбираются юристы), и они создали европейское право, *acquis communautaires*. Как считают специалисты, «право Европейского союза в настоящее время превратилось в самостоятельную правовую систему. Она имеет сходство и во многом пересекается с “классическими” правовыми системами (с национальным и международным правом), но не сводима полностью ни к той, ни к другой»².

В частной жизни можно иногда услышать по отношению к преуспевающим соседям такие слова: «Надо же, как они умеют устраиваться в жизни». То же самое, но без всякой зависти или осуждения хочется сказать в адрес участников ЕС. Вместе с тем автора этих строк корбит другое, а именно поучительная манера общения интеграторов если не со всеми, то со многими странами и народами. Делайте, как мы, делайте, как мы говорим, и у вас будет так же хорошо — таков смысл европейских наставлений «городу и миру». Когда-то своей назидательностью отличались советские идеологи, и поскольку ничто

¹ Мир перемен. 2004. № 2. С. 128.

² Право Европейского союза / Под ред. С.Ю. Кашкина. М., 2002. С. 105.

в мире совсем не исчезает, сейчас это зная развернули европейские интеграторы. Но если бы другие действовали в духе европейцев, то мир был бы поделён на региональные интеграционные группировки. В этой связи можно отметить, что в Северной Америке множатся голоса за ускорение интеграционных процессов между тремя участниками соглашения о свободной торговле (NAFTA) и введение по примеру ЕС единого внешнего тарифа. А чем блоковая разбивка лучше групповой?

И всё-таки главное в другом.

Иммиграция — коварная добродетель

Государственный флаг Германии имеет три цвета: чёрный, красный, золотой. Если спросить рядового немца, как расшифровать такое сочетание цветов, он, возможно, даст следующее объяснение: выйдя из мрачного прошлого, народ своей борьбой обеспечивает светлое будущее. Но ожидаемое светлое будущее — это не более чем «сон золотой». Такова уж человеческая психология: стремление надеяться на лучшее. И вот когда немцам и всему континенту отказывают (как, например, в данном случае) в счастливых грядущих временах, появляется желание уличить автора в мизантропии. Для этого, однако, нет оснований. Не обвиним же мы агронома в желании извести людской род, если он из-за засухи или ливней оценит виды на урожай как неблагоприятные.

Европа преуспела в создании общества высокого благосостояния. Там, конечно, есть и бедность, но в силу своей относительности она не способствует формированию революционных настроений. Значительная часть «золотого миллиарда» живёт в Европе. Эта «старушка» обладает мощной притягательной силой, и под её крыло, даже в условиях кризиса и растущей безработицы, стремятся попасть миллионы и миллионы из тех, кого угораздило родиться в менее благополучных регионах мира, люди разного цвета кожи, вероисповедания и национального происхождения. И тут устремления совпадают с обеих сторон.

Высоко подняв жизненный стандарт, Европа не может удержать его собственными силами. Держать эту штангу ей помогают пришлые работники. Сравнение, как ему и положено, хромает. Положение в действительности хуже. Нужно не только держать, но и двигаться вперёд, иначе конкуренты оттеснят на обочину. Между тем демография не только грозит пальцем, но и делает своё злое дело — численность коренного населения падает. Эта естественная убыль и старение населения обусловлены улучшившимися условиями жизни. Если раньше

молодожёны думали о детях, то сейчас больше заботятся о себе. Пожилые становятся долгожителями, получая приличную пенсию.

Чтобы почувствовать действие наркотика, не обязательно самим принимать дозу. В Европе такую роль играют иммигранты. Будь они только носителями рабочей силы, никаких проблем не существовало бы. Но, не желая ни интегрироваться, ни ассимилироваться в принимающем их обществе, они требуют равноправия, получают его и утверждают собственный стиль жизни. Шаг за шагом пришельцы отнимают пространство у коренных жителей, которые, сокращаясь в численности, сдают его без особого сопротивления. Пространство следует понимать здесь в прямом и переносном, то есть духовном, смысле. Другая религия и культура восходят на благодатной почве.

Эта почва — упомянутые демократия и права человека. Национальное законодательство европейских стран, оставаясь не полностью унифицированным, тем не менее имеет общую точку зрения на права человека. Она сводится к созданию благоприятных условий для иммигрантов, которые не должны чувствовать никаких ущемлений. Конечно, часто наблюдается дискриминация иммигрантов, особенно нелегальных. Однако это не санкция сверху, а всегда местная самодеятельность. В свою очередь, амнистирование нелегалов даёт лишь временное решение, поскольку усиливает приток новых искателей счастья (опыт Испании и Италии).

Иммигранты, обустроивающиеся в ЕС, имеют свою специфику в зависимости от принимающих стран. Так, в Англию и Францию устремляются лица, знающие, соответственно, английский и французский языки и проживавшие до этого в бывших колониях, тогда как Германия получает иммигрантов без знания немецкого языка. Даже этнические немцы из России и других бывших соцстран испытывают большие трудности с языком. При этом отмеченная специфика не позволяет сделать вывод о том, что лучше и что хуже для стран-реципиентов. Недоброжелатель, знающий язык, может быть опаснее, чем тот, кто его не знает.

Дальнейший процесс развивается уже по собственной логике. Признание прав человека влечёт за собой признание прав компактно проживающих меньшинств со всеми вытекающими из этого атрибутами: свои школы, религиозные обряды, теле- и радиопередачи, культурные центры, магазины. При этом масштабы теневой экономики и преступности превышают среднестатистические показатели по стране. Это ещё не государства в государстве, но уже прототипы его. Этническое меньшинство имеет обыкновение превращаться в большинство. К тому же оно нередко проявляет агрессивность по отношению к существ-

вующим порядкам. Эти особенности, даже без сочетания друг с другом, весьма опасны для коренного населения, которое до поры до времени не замечает ступающих туч. Следующие этапы — борьба за автономию, государственное самоопределение народа, которому некогда было позволено в виде иммигрантов осесть на территории. А это почти всегда насилие. Образ врага не нужно культивировать специально, многим иммигрантам он явился в готовом виде, как только они впервые вступили на чужую землю. Здесь будет к месту сослаться на следующее наблюдение американского психиатра и психоаналитика Валика Волкана: «Все межнациональные конфликты развиваются по сценарию паранойи». Эту идею поддерживает российский психолог Михаил Решетников и развивает её в своих работах¹.

Новое качество текущему процессу придаёт приобретение иммигрантами гражданства страны пребывания. Если в обращении с иностранцами власти могут позволить себе относительную свободу действий, например, лишить вида на жительство или выдворить из страны, (хотя это нередко расценивается общественностью как нечто неправомерное), то против собственных граждан из числа прибывших они ничего предпринять не могут, как бы активно те ни пропагандировали чуждые духовные ценности. Этот вызов устоям общества остаётся безнаказанным. Гостеприимство даже в сказках не всегда воспринимается с благодарностью, а в реальной жизни тем более.

Весьма поверхностны наблюдения некоторых западных авторов, согласно которым лица, родившиеся и выросшие в Европе, больше интересуются футболом и мыльными операми, чем событиями и религией на их прародине². Эта беспечность может дорого стоить Западу.

Кроме трудовых мигрантов, без которых Европа не может обойтись и поэтому терпит их, стиснув зубы, есть ещё категория лиц, обращающихся с просьбой о предоставлении политического убежища из-за преследований на родине. Принимать или не принимать этих людей — дело добровольное, и их, обычно, принимают. В этом, как правило, сказывается европейский гуманистический менталитет, который оборачивается против самих же европейцев: политические беженцы, обладая высоким интеллектуальным ресурсом, подключаются к борьбе своих земляков-иноверцев за новые уступки властей и общества.

¹ См., например: *Решетников М.М.* Психология и психопатология терроризма. СПб., 2004.

² The New York Times — Известия. 2005. March 14.

А можно ли забыть о полчищах нелегалов, осаждающих европейскую крепость? Немалая их часть прорывается в неё и растворяется в среде своих соплеменников, усиливая тем самым маргинализацию общества. В официальную статистику они не попадают, и можно лишь строить догадки об их численности.

Итак, если в основе проблемы народонаселения Европы лежат демографические причины, то затем эта проблема стала превращаться в этническо-религиозное противостояние: кто кого?

Заселение Европы пришельцами из других частей мира существенно меняет её общественную атмосферу, возникают национальные и религиозные конфликты, стычки, демонстрации и контрдемонстрации, терпит ущерб национальная идентичность страны. Титульный народ перестаёт быть полным хозяином в своём доме, как в «добрые старые времена». Откликаясь на ситуацию, поднимают голову правоэкстремистские группировки и партии. Запрет последних ничего не даст — тотчас же появятся преемники и последователи. Восхождение событий по спирали остановить невозможно, и оно означает сдвиги от плохого к худшему. Сначала происходят необратимые изменения в обществе, а затем в государстве. Идёт процесс колонизации наоборот, как бы странно это ни звучало.

Во избежание упреков в сгущении красок надо отметить, что новации входят в жизнь постепенно на протяжении десятилетий. Вместе с тем такая постепенность является главным методом преобразований. Революция может потерпеть поражение, а эволюция — никогда.

Общественные волнения, чем бы они ни подогревались, дестабилизируют экономику, а это уже сверхсерьёзно. Так же, как сейчас пришельцы подпитывают своим трудом экономику Европы, в будущем они послужат, сами того не желая, её разрушителями. Никакого *corpus delicti* им не припишешь. Вступят в противоречие две функции их собственной жизни. С одной стороны, они — прилежные работники, с другой — граждане с иным мировоззрением, которое не разделяется титульной нацией. Экономика падёт жертвой борьбы двух миров с глубоким культурным разрывом.

Если кому-то такой сценарий покажется недостаточно реальным (подчеркну, в отдалённой перспективе), то для иллюстрации можно взять трагический опыт Косова. На наших глазах произошло то, что грозит всей Европе и что предотвратить она не в состоянии. Впрочем, для албанцев, заселивших Косово, причём достаточно быстро, ничего трагического в произошедшем нет, и их можно понять.

«Независимость Косова неприемлема для меня, я никогда не одобрю такого решения», — повторял президент Сербии Борис Тадич во

время посещения этого края в 2005 г.¹ Однако трудно привести другой пример расхождения реальности и словесных заверений.

Отказ составителей проекта конституционного Европейского союза вставить туда упоминание о христианских истоках Европы очень показателен. Не помогли ни обращение понтифика, ни нажим со стороны некоторых стран. Это уступка не столько светскому характеру государственного устройства в Европе, сколько другим вероисповеданиям, набирающим силу на континенте. Одновременно она — предвестник будущих уступок.

Когда-то казалось, что мир навсегда прогнулся под тяжестью ленинской теории, доказывающей неизбежность социалистического прорыва империалистической цепи. Слабые страны-звенья выпадали из неё и образовывали разрастающийся социалистический лагерь. Но восторжествовал принцип обратимости, и прорванная цепь была восстановлена. Нечто подобное может произойти с Европой, но уже без шансов на восстановление прежнего статус-кво. Имеется в виду дезорганизация той или иной страны, которая и станет слабым звеном вследствие религиозно-националистических беспорядков. Причём пожар найдёт способ перекинуться на другие квартиры общеевропейского дома. Плохую услугу здесь могут оказать время от времени происходящие мировые экономические кризисы. Расстройство любой, не говоря уже о крупной, национальной экономики, входящей в Евроланд, чревато предсказуемыми последствиями для всей группы. Негативную роль может сыграть при этом система единой валюты — евро. С введением евро окончательно исчезла защитная стена, позволявшая отгородиться от напастей, поразивших соседей.

Крупный американский учёный И. Валлерстайн ввёл в 70-е годы прошлого века термин «антисистемное движение». Этой формулировкой он объединил «две различные — и во многих отношениях соперничающие друг с другом — разновидности массового движения: одну, известную как “социальные” движения, и другую, получившую название “национальные” движения»². Между тем среди названных национальных движений мы не найдём связанных с нашей проблемой — заселением европейских стран выходцами из других регионов мира с последующей ожесточённой борьбой за права, которых они, возможно, не имели у себя дома, но полны решимости приобрести на чужой земле. Валлерстайн относит к национальным

¹ Коммерсантъ. 16.02.2005.

² Европа. Журнал Польского института международных дел. 2004. Т. 4. № 3 (12).

движениям «те, что боролись за создание национальных государств либо путём объединения различных политических единиц, считавшихся частями одной нации (как то было, например, в Италии), либо путём отделения от государств, бывших, по мнению соответствующих национальностей, имперскими и построенными на угнетении (например, колониальные территории в Азии или Африке)». Можно предположить, что последующее нарастание иммиграционного фактора в принимающих странах исправит отмеченное упущение и пополнит перечень национальных движений, направленных «против системы».

Автор статьи в журнале «Уорлд Тудей» Паола Субаччи задаётся вопросом о том, какой будет Европа в 2030 г. Предчувствия автора лишены оптимизма: «Неуклонный, хотя и постепенный, упадок — таков вероятный сценарий для Европы»¹. Перечисляются многие факторы упадка, как внутренние (структурные проблемы, старение населения, бюджетный дефицит, государственный долг, падение темпов роста и др.), так и внешние (экономический подъём Китая и, возможно, Индии). Но решающий вопрос об иммигрантах автором упущен.

Расскажи о своих планах и тем самым рассмеши бога — гласит народная поговорка. В самом деле, отцы — основатели Общего рынка и их нынешние продолжатели предусмотрели, казалось бы, все потенциальные зигзаги при совместном шествовании, зорко следили и следят друг за другом, чтобы пресечь в зародыше нарастание тоталитарных и профашистских тенденций в обществе и, тем более, в государственном управлении. Ещё памятна многомесячная дипломатическая изоляция Австрии в 2000 г. из-за включения в правительство представителей праворадикальной Австрийской партии свободы (отмена визитов, приглашений, информационная блокада). Новые участники ЕС, прежде чем стать таковыми, проходят длительную процедуру согласований, должны выполнить сотни условий, в том числе внутриполитического характера. Венчает эту европейскую солидарность под прямо-таки мушкетерским девизом «один за всех и все за одного» военный союз с США в виде НАТО.

Но один канал, приток иммигрантов, оказался непокрытым — не потому, что интеграторы в чём-то ошиблись, а по той причине, что через него поступает жизненная энергия в Европу. В ЕС сознают связанные с этим опасности, но поставленные перед дилеммой — экономическая деградация вследствие гипотетического прекращения иммигра-

¹ World Today. July 2005.

ции или накапливающийся иностранный национально-религиозный динамит, грозящий взорваться в будущем, — лидеры Европы выбирают второе. «А, может быть, гром и не грянет», «на наш век стабильности хватит» или того хуже: «после нас хоть потоп» — не эти ли мысли приходят им в голову? Раздаются призывы создать интеллектуально ориентированную экономику, с тем чтобы больше полагаться на собственные головы, нежели на силу рук (Жан-Клод Юнкер, премьер-министр Люксембурга, во время своего председательства в Совете министров ЕС в 2005 г.). Это — не третий путь, как может показаться, ибо даже в случае некоторого успеха шлюзы для иммиграции нельзя закрыть полностью.

Население европейских стран и их столиц изменилось даже визуально, имеет место так называемая креолизация, как выразился однажды голландский автор. Выходцы из южных стран переселяются туда правдами и неправдами, создавая родственные связи между двумя мирами и тем самым облегчая путь на север для своих многочисленных сородичей. А тут ещё на горизонте появился такой кандидат в члены ЕС, как Турция, которая по численности своих жителей в перспективе опередит все другие страны Европы. По прогнозам ООН, в 2050 г. там будет проживать почти 100 млн человек, т.е. на намного больше, чем в Германии, сейчас самой крупной по населению стране Европы. Символичен график численности народонаселения европейских стран и Турции на десятилетия вперёд. Если для первых кривые идут более или менее параллельно нижней оси координат с общей тенденцией к падению, то турецкая линия демонстрирует резкий подъём, как бы перечёркивая снизу вверх европейские кривые и демонстрируя тем самым быстрый рост населения. Между тем шансы этой страны на вступление в ЕС отнюдь не призрачны. Заметим, что по классификации ООН Турция относится к Западной Азии. Сторонники её приобщения к «благородному европейскому семейству» ссылаются на то, что таким образом произойдёт её европеизация, что исходящий из Турции ислам, получив приставку евро, перестанет представлять опасность для Старого Света. По представлениям их оппонентов, переварить Турцию в случае её членства в ЕС не только не удастся, но, учитывая существование пятой колонны в виде многомиллионной армии гастарбайтеров (турецких и прочих), придётся считаться с возникновением мощной антиевропейской коалиции внутри самой Европы. Слово «армия» приобретает здесь смысл, близкий к её исходному значению. К 2014 г. планирует вступить в ЕС и Албания. Со временем дойдёт очередь и до Боснии.

Политические партии и их лидеры в своих предвыборных программах вынуждены учитывать требования некоренных этнических и религиозных общин. В зависимости от масштабов этого отступления можно говорить о том или ином ущербе государственным интересам соответствующих стран как во внутренней, так и во внешней политике. Например, руководство Франции уже сейчас в силу значительной арабской прослойки в структуре собственного населения испытывает определённые трудности при проведении внешнеполитического курса на Ближнем Востоке.

Свеча горит с обеих сторон, поскольку иммиграция дополняется эмиграцией, а отчасти даже является её причиной. Европейцы покидают родные места из-за ухудшающегося социального климата, навязывания иммигрантами чуждых нравов и усиления криминогенной напряжённости. Многие переселяются в Австралию, Новую Зеландию и Канаду, где влияние радикальной иммиграции ощущается не столь остро. Но этническое благополучие этих стран — тоже лишь вопрос времени.

Коль скоро выше допускалась мысль о волнениях иммигрантов в слабых звеньях Европейского союза, то логично продолжить эту канву рассуждений и задаться вопросом о том, какие средства самозащиты могут применить соседи. Если исключить участие в силовом подавлении выступлений, отрицательные последствия которого были бы настолько очевидны, что на них излишне останавливаться, то альтернативным вариантом можно считать введение своего рода карантина. Самым радикальным его проявлением было бы «удаление нарушителей», как удаляют школьника из класса за плохое поведение. Но даже если напречь воображение, эти шаги не приведут к оздоровлению ситуации и способны лишь подлить масла в огонь. Интеграцию часто уподобляют альпинистскому покорению труднодоступных вершин, когда группа в целом подстраховывает каждого участника при падении. Однако эта метафора может быть применена в противоположном смысле — соскальзывание одного чревато гибелью остальных.

Введение евро коренным образом изменило отношения на континенте. Если раньше там боялись чрезмерного усиления одной страны, которое влекло за собой возрастание у неё гегемонистских стремлений, то сейчас опасаются ослабления любого государства, входящего в зону евро, ибо через денежную брешь несчастья могут затопить всё евровалютное пространство. Не останется никаких островков стабильности. Во имя собственной выгоды каждое еврогосударство должно желать своему партнёру по Союзу стандартной триады — ми-

ра, спокойствия и экономического процветания. Приведу следующую аналогию. Допустим, несколько стран имеют общий нефтепровод. Тогда каждая из них заинтересована в его нормальной работе, ибо любая нештатная ситуация ударит по национальным интересам каждого участника.

Показательна ситуация, сложившаяся в ЕС вокруг ФРГ и Франции. Немного истории. На протяжении нескольких лет их бюджетный дефицит превышал 3% валового продукта. Не нормализовалось положение и сейчас, после кризиса 2008–2009 гг. Иными словами, прямо нарушался и нарушается Пакт стабильности и экономического развития. По регламенту на них должны были быть наложены финансовые санкции. Однако ФРГ и Франция обладают в органах ЕС достаточным влиянием для того, чтобы пресечь такие попытки. При этом использовался своего рода шантаж: ссылка на то, что штрафы только ухудшат положение, а это никому не нужно. Менее крупные страны, конечно, не могли отказать себе в удовольствии пожурить гигантов, но, и это главное, не скрывали обеспокоенности по поводу затянувшегося дефицита. Евровалютная система выдвигает властное требование — её участники не имеют права на длительную болезнь, иначе эта болезнь станет всеобщей. Критическое положение с Грецией в 2008–2010 гг. показало это со всей очевидностью.

В резерве у Европы находится верный союзник — США, которые, по выражению американского республиканца Ричарда Перла, представляют собой «Рим и Афины вместе взятые». Имеются в виду, вероятно, положительные стороны обоих столпов древнего мира, ибо можно назвать и такие менее привлекательные, как демагогия, родившаяся вместе с демократией в Элладе, и рабство на Апеннинах. Но эта гипердержава будет бессильна помочь своим собратям на другом берегу Атлантики в их полугражданской войне, причём это бессилие проявится, пожалуй, ещё больше, чем в крестовом походе против международного терроризма. Здесь не поступишь, как с Афганистаном и Ираком. Безответный вопрос «что делать?» перестанет быть российской спецификой. Не следует забывать также, что внутреннее положение США претерпит те же самые изменения, что и в Европе. Демографическая ситуация в Соединённых Штатах только в одном пункте лучше европейской — там общая численность населения растёт. Вместе с тем доля лиц европейского происхождения за океаном угрожающе падает. Соответствующие факты, содержащиеся в нашей книге американского политика Патрика Дж. Бьюкенена «Смерть Запада», никто не опроверг, а его худшие опасения никто не развеял. Если корни одни и те же, то и плоды одинаковы.

Исходя из апокалиптической версии будущего для белых европейцев, следует отметить бесполезность в описанной ситуации международных договоров и соглашений. В подтверждение можно сослаться на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. В этом документе приведены очень хорошие формулировки о неприменении силы или угрозы силой, о нерушимости границ, о невмешательстве во внутренние дела, об уважении международного права. Прежде чем поставить свои подписи, участники беспрецедентного форума застраховались в тексте от всякого рода превратностей. Однако за прошедший с тех пор небольшой период времени Европа радикальным образом изменилась.

Провал референдумов во Франции и Нидерландах по Конституции ЕС, а также негативные результаты первого референдума в Ирландии по вопросу о ратификации Лиссабонского пакта показали, что население острее, чем политические деятели, ощущает грядущие опасности, исходящие из интеграционного давления извне. Можно предположить, что если бы, например, в Германии подобный вопрос решался не в бундестаге, который проголосовал за, а путём всенародного опроса, то итог был бы таким же неутешительным.

Итак, в будущем страны Евросоюза вследствие национального и религиозного перерождения окажутся перед лицом тяжких испытаний. Преобладающая сейчас схема «государство — нация» превратится в схему «государство — много наций», в которой некоренные народы продолжают требовать для себя всё новые и новые права. Традиционная государствообразующая нация ради умиротворения будет сдавать свои позиции, и в конце концов под вопрос будет поставлен сам её приоритет. Если правильно, что все войны кончаются миром, то столь же верно, что мир кончается войнами. Гражданские битвы не такое уж редкое событие в европейской печальной хронике, и нет оснований считать, что последняя к настоящему времени завершилась.

А что же Россия в этом коловороте событий?

***Желательна равноудалённость
или равноприближённость России
к Европе и Азии***

Россию не минуют превратности иммиграционного цугцванга. Дискуссия о том, что является злом или благом — замещающий поток гастарбайтеров или отсутствие его, никогда не прекратится ни среди экспертов, ни среди населения. Опыт подсказывает, что отечественные власти будут действовать без чёткого представления о проблеме,

бессистемно и с опозданием. Жизнь заставит время от времени открывать шлюзы для иностранной рабочей силы, которая параллельно будет пробиваться в страну нелегальными путями. Как бы то ни было, российское население будет численно сокращаться. Одновременно будет уменьшаться доля русских.

Картина для России осложняется тем, что страна построена по этническому принципу. Из республик, считающихся по Конституции Российской Федерации государствами, происходит отток представителей нетитульных наций. Местный национализм часто сочетается с сепаратистскими устремлениями. Последние, в свою очередь, поощряются демократической Европой в лице её интеграционных органов и отдельных государств. Все эти угрозы весьма велики, однако не осознаются в полной мере.

В годы президентства В. Путина были предприняты шаги в правильном направлении, как то: создание семи федеральных округов и активная роль главы государства при определении состава руководителей субъектов Российской Федерации. На очереди такое естественное продолжение, как укрупнение субъектов федерации, которое, однако, будет иметь смысл только при одном условии — нужно отказаться от статуса этнических республик как государств. Такой статус представляет чрезвычайную опасность для целостности России. Речь должна идти либо о переходе к унитарности, что типично для подавляющего большинства стран мира, либо о замене основы федеративного устройства — этнического принципа на территориальный, или административный.

Наши поклонники западного уклада жизни торопятся, стремясь прописать российский триколор в Европейском союзе. Географического присутствия России в Европе им недостаточно, хотя оно даёт огромный геополитический козырь. Гражданский брак они хотят перевести в официальный, чтоб неповадно было смотреть в другую сторону.

В преддверии шторма корабли отдают швартовы, т.е. отходят от причала и становятся на рейд. Так безопаснее пережить разгул стихии. А разве будущие превратности Европы не следует воспринимать как предупреждение о том, что бесшовное слияние с ней может иметь нежелательные результаты? Чем дальше, тем сильнее проявляется тот факт, что на Западе нарастает присутствие Востока в виде накопительной иммиграции и вытекающей из неё межнациональной напряжённости. Происходит деевропеизация Европы.

У нас нет оснований выступать на чьей-то стороне в будущем споре Европы с объединившимися внутренними и внешними ниспровергателями. Россия сама сидит в слишком хрупком «стеклянном» доме,

чтобы ввязываться в проигрышную для Европы борьбу. Злорадство по поводу терпящей бедствие ныне благополучной Европы было бы также не к лицу.

А на Востоке тем временем ощущается «больше Запада». Последнее утверждение требует пояснения. Если исходить из законов общественного развития, то демократия со всеми её составляющими не является национальной или региональной характеристикой, она универсальна, хотя по-разному и в разное время пробивает себе дорогу в странах. Так вот, демократизация охватывает и Восток, несмотря на временные сбои и откаты. Япония или Южная Корея вряд ли во многом уступят на этом поприще европейским государствам и уступят ли вообще? В этот общий фарватер направляются другие страны обширного азиатского региона.

Здесь не остаются без последствий и старания западных стран внедрять свободу и демократию за своими пределами. Так, события на площади Тяньаньмынь в КНР используются Западом как мощное средство давления на Китай. Збигнев Бжезинский при всём своём недоброжелательстве отмечает тот факт, что политические перемены в Китае, хотя и достаточно медленные и ещё очень далёкие от демократизации, в то же время улучшают ситуацию в общественной жизни¹.

Нынешний Восток отнюдь не та азиатчина, какой она, возможно, кажется нашим евrorадикалам. Не исключено, что со временем он даст фору Европе в том, что касается организации общественных отношений. По крайней мере ему не грозит прогрессирующая деградация вследствие вынужденной иммиграции и этнического перерождения. Это, конечно, не значит, что вместо Европы надо бросаться в другие объятия. Термин «равноудалённость», если в него не вкладывать изоляционный смысл, мог бы правильно выразить суть требуемой оптимальной позиции России в её отношениях с Востоком и Западом, на которые приходится соответственно 44 и 48 стран.

Выражение «Европа от Атлантики до Урала» часто употребляется в международном общении и носит, как надо полагать, благожелательный оттенок в отношении иностранцев к России. Иногда западные политики проявляют большую щедрость и сдвигают восточную границу Европы до Владивостока, что, возможно, льстит кое-кому из россиян: мол, нас всех без исключения тоже признают европейцами. Между тем ни ту, ни другую постановку вопроса нельзя считать правильной. Обе они лукавы.

¹ Известия. 21.03.2005.

Что значит «Европа до Урала»? Если с географической точки зрения всё выглядит корректно, то политическая интерпретация, будучи расшифрованной, звучит примерно так: Россия слишком велика для Европы, а потому не может рассматриваться как подходящий партнёр для Старого Света — вот если бы она была чуть поменьше... А ведь это «чуть» составляет ровно две трети территории России (Сибирский и Дальневосточный федеральные округа). Таким образом, целостность России не находит своего отражения в девизе «Европа до Урала», и, следовательно, с этой расхожей формулировкой нельзя согласиться.

Что касается «Европы до Владивостока», то и от этой чести тоже нужно отказаться, и не только по причине прямого противоречия этой формулы географии. Здесь просматривается желание видеть в перспективе нашу страну в составе Европейского союза, разумеется, с делегированием жизненно важных рычагов управления Брюсселю. Возникает вопрос: насколько целесообразно передавать судьбу страны в чужие руки? Одновременно это означало бы отдаление России от южных и восточных соседей, чьи воззрения в отношении «излишних» земель у России рано или поздно могут совпасть с представлениями членов Европейского союза. Россию никто не будет защищать, кроме неё самой. Кстати, по официальной российской терминологии, «Россия расположена на Востоке Европы и Севере Азии».

Не европеизация, а евразийство — судьба России. Не европейский выбор, лишаящий Россию свободы маневра, а продвижение по всем направлениям — вот что отвечает её государственным интересам. Европоцентризм для неё так же противопоказан, как и азиатские приоритеты. Не буриданов персонаж, а расчётливый актер на двух родных континентах — такую роль предназначило ей геополитическое положение. В наступившем столетии ей незачем испытывать *cauchemar des coalitions*, если цитировать Бисмарка.

В 2004 г. в издательстве «Наука» под редакцией академика В.В. Алексеева вышло фундаментальное исследование «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века». Оно вносит существенный вклад в понимание роли в судьбе России нашего восточного пространства, к которому кто-то, возможно, относится как к придатку или даже обузе. Академик В.В. Алексеев подводит следующий итог в заключении книги: «Таким образом, открытие и освоение Сибири превратило не слишком устойчивое Московское государство в мощную, богатую природными ресурсами, многонациональную и мультикультурную Российскую империю». Указывая на уроки геопо-

литического развития Азиатской России в XX в., автор подчёркивает: «Присутствие России на побережье Тихого океана, подключение ресурсов всей Азиатской России для эшелонированного продвижения страны к более тесному взаимодействию с мощным Азиатско-Тихоокеанским экономическим сообществом становится фундаментальной задачей, которую России необходимо решать для того, чтобы остаться в ряду ведущих мировых держав»¹.

«Может быть, в один прекрасный день Европа и Азия будут соперничать за благосклонность России?» — предполагает известный германский знаток России Александр Рар и связывает это с энергетическим богатством нашей страны². Поскольку дальнейшее освоение российских недр потребует применения современного оборудования, которого у России не хватает, то Европа, по его мнению, должна воспользоваться данной возможностью, чтобы, так сказать, привязать Россию к себе. Фиксируя одновременный интерес к России со стороны Европы и Азии, следует отметить, что он выходит далеко за рамки энергетики. Здесь нужно назвать науку, транспорт, экологию и др.

Происходящее обезлюдение (трудно привыкнуть к этому слову) Сибири и Дальнего Востока стало необратимым. Никакая экономическая политика не остановит этот процесс. Во-первых, правительство почти бездействует либо по причине растерянности, либо из-за непонимания катастрофической перспективы. Во-вторых, даже если бы оно вдруг стало реагировать адекватно, то ему не удалось бы изменить вектор переселения людей с Севера и Востока страны на Юг и Запад. Почему? Потому что такой экономический курс потребовал бы огромных средств, которыми наш бюджет не располагает. Закрываются сотни населённых пунктов, и их жители перебираются в Центральную Россию, а производства переводятся, в лучшем случае, на вахтовый метод, а в худшем — тоже закрываются.

В экономике часто используется военная терминология. Так вот, наше Зауралье из укрепрайона превращается в недееспособное территориальное образование, над которым уменьшается контроль и из которого происходит беспорядочная самоэвакуация. Такое состояние обычно предшествует капитуляции и приходу новых хозяев. Переломить падающую кривую в демократических условиях можно лишь крайним методом — перенесением столицы из Моск-

¹ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2004. С. 575.

² Европа. С. 52.

вы далеко на Восток, например, в Иркутск, Новосибирск, Красноярск...

В лице Москвы-2 начал бы складываться новый гравитационный центр экономики на пользу Зауралья и всей стране. На вопрос о новой столице не должно быть наложено табу ни правительством, ни обществом. Выбор главного города диктуется державной целесообразностью, и мы знаем это из собственной истории. Тем, кто настроен априори против переноса столицы из Москвы на Восток, можно напомнить перемещение советских руководящих органов в Куйбышев в ходе войны в 1941 г. Обстановка заставила пойти на это. Сейчас России снова грозит опасность, которая, нарастая, может приобрести взрывной характер.

Впечатляющим международным примером может служить решение Казахстана сделать столицей Астану (Акмолу) вместо Алма-Аты именно с целью ускорения развития его северной части и увеличения там доли этнического населения. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сказал в 2005 г.: «Когда я впервые в 1994 г. озвучил идею переноса столицы государства из тёплой обжитой Алма-Аты в почти голую степь, многие восприняли это как чудочество». Переместив столицу в Астану, Назарбаев упредил гипотетические вопросы России относительно земель, отошедших к Казахстану после распада СССР, издавна принадлежавших российскому государству.

Перемещение российской столицы в Зауралье продемонстрирует решимость нашего государства отстаивать свои дальние рубежи, что примут к сведению потенциальные соперники, охотники за чужими землями.

Надо сознать, что возможность благоприятно повлиять на прогресс Сибири и Дальнего Востока посредством переноса столицы не будет существовать вечно, она ограничена определённым временным интервалом. Если он будет пропущен, то утратит смысл и эта акция. Для подготовки новой столицы потребуются длительный период. Неизвестно, сколько времени займёт осознание необходимости самого этого шага. Может статься, что мы спохватимся слишком поздно. Для России актуальным является вопрос, каким городом заменить «золотую мою Москву» в её столичных функциях, а отнюдь не поход за вассальной зависимостью в европейскую столицу Брюссель, к чему призывают наши поклонники Европы. Ориентироваться на Брюссель — это значит расстаться с нынешней Россией. Об отсутствии понимания складывающейся обстановки свидетельствуют и заявления тех деятелей, которые предлагают передать часть столичных прерогатив Санкт-Петербургу. На фоне обозначившейся дезинтеграции восточных прост-

ранств России всё это выглядит как региональная игра, а не ответственная политика.

* * *

Ответ на вопрос, правомерно или нет ссылаться в подтверждение приведённых выше положений на Освальда Шпенглера, зависит от интерпретации его знаменитого двухтомника «Закат Европы», где «первые предпринята попытка предугадать историю»¹. Красивое заглавие труда, как известно, не вполне отражает его содержание. Речь в нём идёт о западноевропейско-американском мире. В этом смысле обращают на себя внимание названия на немецком и английском языках — *Der Untergang des Abendlandes* и *The Decline of the West*. «Слово “Европа”, — пишет автор, — вообще следовало бы вычеркнуть из истории... “Европа” — пустой звук... Всё, что называется европейской культурой, возникло между Вислой, Адриатикой и Гвадалквивиром...»². Автор настолько нетипичен, что к Западу относил уже тогда и Японию.

Напомню, что тома вышли соответственно в 1918 и 1922 гг. По Шпенглеру, каждая культура суть живой организм, а потому рано или поздно умирает. Эта неизбежность заложена внутри неё.

Между тем разрушение крепости Европы, о котором шла речь выше, происходит под воздействием внешних чужеродных сил, становящихся внутренними. Таким образом, мы имеем дело с иной природой явления. С чем, однако, хотелось бы решительно согласиться, так это с предсказываемым Шпенглером подъёмом России, хотя и это пророчество завершается вопросительным знаком: «И чего следует ожидать от будущей России теперь, когда — именно в решающем для неё столетии — препятствие в виде учёной ортодоксии оказалось сметено?»³ К сожалению, возможно и другое толкование. Возвышение России в виде Советского Союза действительно состоялось в XX в. и, увы, тогда же исчерпало себя.

И всё-таки, *summa summaum*, хочется надеяться на лучшее, на то, что наша страна реализует предпосылки своего исторического подъёма, которыми она по-прежнему, несмотря ни на что, обладает.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. 2003. Т. 1. С. 18.

² Там же. С. 35.

³ Там же. 2003. Т. 2. С. 289.

Преображение Европы: другой сценарий — чуть более оптимистичный (взгляд второй)

Тревожный, алармистский сценарий будущего Европы, обрисованный В. Фёдоровым, не только понятен, но, к сожалению, и во многом оправдан. Латентные, а кое-где уже и достаточно открыто проявившие себя негативные тенденции на Европейском континенте привлекают растущее внимание отнюдь не только в Европе, но и во всём мире, поскольку они так или иначе затрагивают интересы и судьбы всех стран и всех народов.

Следует, однако, сразу оговориться: в любом, а в особенности общественном, прогнозе неизвестно ещё, что важнее — логика или вера. Анализ В. Фёдорова почти безупречен с точки зрения логики, если к тому же добавить, что она основывается преимущественно на текущем состоянии умов, человеческих предпочтений, экономических и социальных реальностей, этнических, религиозных, государственных и межгосударственных отношений и т.д.

Что же касается веры, то она у В. Фёдорова, по-видимому, одна: глубокий (и, подчеркну, по меркам отдельной человеческой жизни безусловно оправданный) пессимизм, неверие в гармонию мира, в способность человека обуздать свои губительные страсти и инстинкты, убеждённость в невозможности достичь какой-то надёжной договорённости между народами, столь различными по цвету кожи, языку и образу жизни. Да и история, нужно признать, в основном убеждает в том же: бесконечные кровавые войны и насилие на всех континентах, во все времена и при всех режимах и идеологиях — что ещё другое знал мир?

Даже после самой разрушительной в истории человечества Второй мировой войны 1939–1945 гг. род людской не успокоился: корейская война, вьетнамская война, афганская война, арабо-израильские и индо-пакистанские конфликты, постоянная резня в различных районах Африки и проч. Вряд ли был в последней половине XX в. хоть один день, чтобы где-нибудь в мире не шла война. Да и XXI в. в этом отношении начался ничем не лучше: США и, казалось бы, успокоенная навсегда Европа не удержались от искушения развалить и разбомбить ни в чём не повинную Югославию, а потом ввязались в безнадёжный конфликт в Ираке, который, как было очевидно с самого начала, не имел и не мог иметь никакого военного решения.

И всё же, соглашаясь во многом с В. Фёдоровым, хотелось бы высказать иную, более оптимистичную точку зрения на нынешние тенденции в Европе и, может быть, даже шире — во всём мире.

Весь его исторический пессимизм относительно будущего Европы основывается, по существу, на трёх важнейших моментах: во-первых, растущая легальная и нелегальная миграция извне на Европейский континент; во-вторых, безудержная «паранойя», всё шире и шире распространяющаяся среди лидеров и наиболее активных участников экстремистских религиозных и этнических движений; в-третьих, неспособность современного европейского общества осознать грозящие ему опасности и либо так или иначе подавить реальную угрозу разрушения его изнутри, либо выработать какой-то жизнеспособный компромисс между теми, кто жил и намерен дальше жить в атмосфере европейской культуры, и теми, кто хотел бы, используя все материальные достижения Европы, приспособить континент к своим, а не европейским ценностям и к своему, а не европейскому образу жизни.

Но не случайно я подчеркнул выше, что логика В. Фёдорова оправдана, прежде всего, с позиций отдельной, столь, как известно, короткой человеческой жизни. Чем были процессы миграции в истории мира, если измерять её не годами и даже не десятилетиями и поколениями, а веками? Естественным, хроническим явлением, не прекращающимся никогда. Памирские таджики, к примеру (между прочим, белокурые до сих пор), нередко утверждают сегодня, что они прямые потомки Александра Македонского, оставлявшего своих раненых воинов-греков в этих местах на лечение во время его восточных походов. Греки, армяне, евреи в древности были белокурыми и голубоглазыми (кстати, многие армяне, живущие в окрестностях озера Севан, и сегодня такими же остаются). Откуда это всё взялось, нынешняя мешанина? Кто такие современные итальянцы или испанцы, если не помнить об исторической судьбе левантийцев, лангобардов, арабов и других народов? Куда девались европейские кельты и сколько их крови течёт в жилах современных британцев или французов? Откуда появился такой ныне совершенно европейский народ с более чем тысячелетней уже европейской историей, как венгры? Да и мы, русские: как говорил когда-то С. Есенин, «родина милая, Русь и мордва». Половцы, печенег, берендеи, угро-финны, татаро-монголы, кавказские народы — чего только не намешано в русском человеке и кто только не передвигался взад-вперёд по территории нынешней России.

А такие грандиозные мировые «плавильные котлы», как Мексика, Бразилия, Аргентина и в первую очередь, конечно, Соединённые

Штаты и Канада? Если процессы миграции и смешения народов были всегда, то они и будут всегда, в том числе и в Европе. Чаще всего, конечно, это были вторжения извне. Но, как свидетельствует история, не менее эффективны были и мирные, так сказать, «ползучие» формы «вливания» одних народов в другие.

При таком взгляде на вещи вполне естественно ожидать, что со временем (когда — это уже другой вопрос) этническая структура Европы в очередной раз изменится если не радикальным, то, во всяком случае, достаточно ощутимым образом. Впитали же когда-то немцы и растворили в своей среде несколько отнюдь не малочисленных славянских народов. Сегодня в Германии идёт процесс медленного поглощения и «переваривания» пришлого населения из Турции, бывшей Югославии, России, Албании, Румынии и других стран.

Это длительный процесс, и, конечно, он несёт в себе многочисленные трудности, зачастую весьма болезненные. Неизвестно ещё, кто кого в конце концов «переварит»: коренные пришлых или пришлые коренных. Но сам по себе процесс, несомненно, идёт по нарастающей. И пресловутый «польский водопроводчик» всё заметнее становится вовсе не символической, а вполне реальной (и действенной) фигурой жизни объединённой Европы. То же, что и о пришельцах в современной Германии, можно сказать об арабах во Франции, иммигрантах из Чёрной Африки в Италии, Бельгии, странах Скандинавии, выходцев из бывших британских колоний в Англии и т.д.

Собственно говоря, это тот же «плави́льный котёл», что и в обеих Америках, только, может быть, несколько замедленного действия.

Европейская интеграция — наверное, самое грандиозное мирное достижение человечества за всю его историю. Конечно, как всё на свете, она должна иметь свои пределы, выход за которые чреват разрушительными последствиями для этого исторического проекта. Пока, однако, интеграционные процессы в Европе лишь углубляются, охватывая всё новые регионы и новые сферы жизни. В экономике длительное успешное движение вперёд делает развал единого европейского рынка и единого интеграционного механизма маловероятным при любых, даже самых драматических обстоятельствах. Медленно, с перспективой на десятилетия, но вырабатывается общеевропейский подход к социальной политике. Где стихийно, а где и весьма целенаправленно идёт культурное сближение стран и народов Европы. Выработана общая Конституция Евросоюза, не важно, что под другим названием.

И, конечно же, планы перехода к совместной внешней и оборонной политике тоже построены отнюдь не на песке: объективная логика развития и в этой области сулит конечный успех, если... Если в один печальный день всё здание Евросоюза вообще не рухнет по причине того, что не сможет «переварить» принятие (как о том мечтают некоторые излишне амбициозные европолитики) новых мало-предсказуемых, но потенциально весьма влиятельных членов — Турции, Балканских стран, Украины и др.

Таким образом, по состоянию дел на сегодня перед Евросоюзом вырисовываются две реальные и серьёзнейшие угрозы: во-первых, возможное чрезмерное его расширение под давлением стран, желающих полностью и окончательно влиться в единую Европу, и, во-вторых, как отмечает В. Фёдоров, опасность перерождения нынешнего этнического состава Европы в процессе неконтролируемой иммиграции и столкновения пока ещё чужеродных друг другу культур.

Но если первая угроза зависит главным образом от здравого смысла и чувства реальности европейских правящих кругов и, конечно же, широкой европейской общественности, то другая всё более и более выходит из-под контроля любых властей и любого общества — что Брюсселя, что национальных и местных администраций, что, так сказать, «человека с улицы». Качественное изменение этнического состава Европы в течение, скажем, трёх-четырёх поколений, по всей вероятности, действительно неизбежно. И какой оттенок кожи будет у будущего европейца (между прочим, около половины детей, рождающихся ныне в Берлине, — потомки иммигрантов), и какие культурные традиции будут определять по преимуществу его образ жизни, предсказать с уверенностью сегодня, думаю, не возьмётся никто.

Но совсем не обязательно, что формирование нового «плавильного котла» в Европе должно быть связано с кровью, насилием, каким-то новым «Великим переселением народов», как это было в Раннее Средневековье, или разрушительными внутренними межэтническими столкновениями. Обезумевшие, «параноидальные» лидеры религиозного и этнического экстремизма и всякие там шахиды-самоубийцы — это одно. А простой человек, обыкновенный обыватель любой религии и любой национальности — совершенно другое.

Правда, мне могут возразить: совсем ещё недавно «паранойя» охватывала целые народы — Советский Союз, Германию, Японию, Италию, Испанию и др. Но после всего, что в мире случилось за последнее столетие (имея в виду истребительные мировые войны и чудовищный прогресс в сфере вооружений), ожидать каких-то новых

массовых движений — хоть из «Великой степи», хоть из иных неспокойных районов мира, хоть от внутренних иноплеменных диаспор — было бы, наверное, нерезонно. Люди всё-таки не лемминги: поднять какому-то новому полоумному вождю целые народы на массовое самоубийство всего лишь из-за националистических или религиозных лозунгов — эта опасность из истории, видимо, исчезла уже навсегда.

Но какие есть гарантии, что вновь образующийся европейский «плавильный котёл» сможет со временем примирить то, что сегодня кажется непримиримым — расы, национальности, языки, религии, манеру жить, питаться, одеваться, воспитывать детей и пр.? Упрощённо говоря, исчезнет ли когда-нибудь «хиджаб» из французских школ и перестанут ли когда-нибудь франко-алжирские и другие «цветные» подростки жечь автомобили на парижских улицах? Думаю, ответ должен быть всё-таки положительным. Основные нынешние европейские тенденции тому явно способствуют. Для европейской экономики, по большому счёту, это всё вообще не вопрос: единому рынку как таковому в принципе безразлично этническое происхождение всех его участников — и продавцов, и покупателей, и работников, и работодателей. Социальная сфера также в принципе нейтральна к подобным различиям: опыт, терпение и умелая административная практика дают реальную надежду, что потенциально опасные социальные напряжения будут и впредь подвергаться общественному контролю и сдерживанию. Политические и юридические права граждан единой Европы в принципе вытекают из презумпции равноправия всех и каждого, и в этой области тоже нет никаких оснований ждать какого-то отката назад. Ну, а что касается европейских условий жизни и быта, то, как показывает опыт, новые пришельцы вообще привыкают к ним чуть ли не в одночасье.

Остаются, однако, два важнейших, принципиальнейших вопроса: язык (и, соответственно, культура) и религия. Думаю, в языковой сфере не следует ожидать ни «войны языков», ни возникновения какого-то нового европейского эсперанто. Европа, видимо, пойдёт (и уже идёт) по другому пути — многоязычия, когда рядовой европеец будет свободно говорить на трёх-четырёх (а может, и больше) главных европейских языках, сохраняя вместе с тем на неопределённое время и язык своего этнического происхождения. Пример стран Бенилюкса и Скандинавии уже сегодня свидетельствует о том, что такой путь весьма вероятен.

В религиозной сфере тоже вопрос вряд ли когда-нибудь встанет в плоскости или-или. Конечно, можно сожалеть, что из общего кон-

ституционного договора Евросоюза исчезли любые ссылки на христианские основы европейской культуры. Но, с точки зрения перспективы, это, видимо, правильно: будущая Европа обречена быть многоконфессиональной. И для неё вопрос веры — это не только вопрос христианского экуменизма, но и сосуществования и сближения других религий, особенно тех, которые исповедуют единобожие. Кстати, для Европы в этом отношении бесценен опыт России, в истории которой многоконфессиональность и веротерпимость всегда были основой её общественной жизни.

С этно-религиозной «паранойей» и порождаемым ею терроризмом Европа, убеждён, так или иначе справится: её силовые возможности и крепнущее осознание грозящих опасностей не вызывают сомнений в исходе борьбы с этим новым-старым варварством. Сомнения и опасения вызывает другое: а хватит ли у далеко пока ещё не единого европейского общества терпимости, терпеливости, гибкости, стойкости в принципах и в то же время способности прощать, готовности мириться с зачастую весьма болезненными и раздражающими последствиями происходящих этнических трансформаций? Не рванёт ли это всё когда-нибудь изнутри?

Исходя из чистой логики и этот вариант полностью исключать нельзя. Мало ли что может случиться с людьми? И вот в этом-то отношении логика и вера связаны самым тесным образом. В. Фёдоров верит в одно, я — в другое. А кто из нас окажется в итоге прав — ответ на этот вопрос можно получить, к сожалению, не раньше, чем через несколько поколений.

* * *

Будущее России в Европе ставит, что очевидно, не менее сложные вопросы, чем будущее самой единой Европы. По тем же соображениям «предельности всего на свете» интеграция нынешней России (в современных её размерах) в Евросоюз невозможна: он её не выдержит. Может быть, Европа когда-нибудь выдержит интеграцию России до Урала, но и то неизвестно, сколько десятилетий и поколений на это потребуется. Есть свидетельства, что о благотворности подобного «сужения» России задумывался ещё Пётр I. Но с тех пор прошло уже 300 лет. И за это время страна потратила колоссальные усилия, чтобы так или иначе освоить Сибирь и Дальний Восток и превратить их в органическую, неотъемлемую часть самого понятия «Россия».

Но неотъемлемую ли? К сожалению, история страны в XX–XXI вв. делает этот вопрос отнюдь не риторическим. Процесс запустения

и обезлюдения Сибири и Дальнего Востока в последние полтора десятилетия пошёл ускоренными темпами. Виной тому была прежде всего бездумная политика «младореформаторов», по сути дела объявивших огромные пространства России «балластом», «бременем» для государства и резко сокративших их бюджетную поддержку. Общее ухудшение экономического и финансового состояния Сибири и Дальнего Востока, неразвитость и последовательный развал даже существующей слабенькой их инфраструктуры, резкое ухудшение жизненных условий населения, отсутствие действенных стимулов для местного частного бизнеса, особенно мелкого и среднего, и многое другое вызвали вместо традиционного притока массовый отток населения из-за Урала в европейскую часть России.

Подобные тенденции не остались без внимания ведущих центров мировой политики. Не следует забывать, что даже в Китае всё ещё широко распространены карты с указанием на давние территориальные претензии к России. Не стоит упускать из виду известный геополитический проект З. Бжезинского относительно грядущего расчленения России. В последние годы зазвучали на Западе уже и голоса, что Россия вообще «отхватила» слишком много мировых ресурсов, которые было бы справедливо поделить между заинтересованными странами или, на худой конец, корпорациями. Достаточно сослаться, например, на известное высказывание бывшего госсекретаря США М. Олбрайт.

Некоторые американские эксперты советуют, в частности, не только не препятствовать (а тем более пытаться повернуть вспять) оттоку населения из районов восточнее Урала, а наоборот — форсировать его, оставляя там вымирать население пенсионного возраста и поощряя отъезд в европейскую часть страны молодых и трудоспособных: «Осваивать ресурсы Сибири нужно, но это следует делать, меньше опираясь на содержание огромного стационарного резерва рабочей силы в этой части страны».

Конечно, пока существует у России эффективный ракетно-ядерный щит (а отказываться от него она, судя по всему, не собирается), все эти явные и неявные претензии носят скорее умозрительный, чем практический характер. Но тем не менее факт остаётся фактом: чисто российская, казалось бы, проблема северных и восточных её территорий постепенно становится общемировой.

Но не гипотетическая прямая или ползучая внешняя угроза является сегодня главной причиной растущих опасений, что российское Зауралье может в относительно недалёком будущем развалиться на несколько самостоятельных частей. Причины прежде всего внутрен-

ние, ни от кого извне не зависящие: недостаточность финансовых ресурсов и недостаточная инвестиционная активность (как государственная, так и частная) в этой части России и ставшее уже, по мнению профессора В. Фёдорова (с которым я согласен), необратимым «обезлюденье» Сибири и Дальнего Востока.

Правда, в последнее время намечается несколько крупнейших проектов, прежде всего в нефтегазовой сфере, которые могут отчасти переломить эту тенденцию. Но одновременно десятилетия, например, уходят на постройку трансроссийской автомагистрали, в частности на важнейшем её участке Чита—Хабаровск. А такой многообещающий метод создания транспортного коридора Восток—Запад в России, как развитие международных контейнерных перевозок по Транссибу, сводится почти к нулю бездумной нашей тарифной политикой. Немало и других свидетельств пренебрежения задачей освоения этих доставшихся нам от прародителей российских территорий.

Всё это говорит о том, что необходимость первоочередного развития Сибири и Дальнего Востока не осознаётся ещё ни руководством, ни российским обществом как, возможно, национальная задача номер один, без чего Россия эти регионы в будущем удержать не сможет просто в силу естественного хода вещей.

Ещё труднее положение с оттоком населения из Сибири и Дальнего Востока на Запад. По-видимому, любые чисто внутренние меры по стимулированию рождаемости, снижению смертности, закреплению уже осевшего здесь населения и организации переселенческого движения (даже по типу столыпинских реформ) ничего принципиального в этом процессе изменить уже не смогут: слишком далеко зашло дело. Выход, видимо, один: массовая иммиграция из-за пределов России.

Но откуда? И как? И готовы ли мы к этому? Вопросы в высшей степени неудобные, неприятные, но если страна собирается сохранить в своём составе регионы, освоение которых началось более 400 лет назад, ответа на них не избежать, сколько бы мы ни прятали, как страусы, головы в песок.

Не избежать, думаю, и глубоких этнических изменений в составе населения не только этих проблемных регионов, но и всей России. Вполне реальна перспектива, что уже к концу текущего столетия русских, например, в составе населения страны будет существенно меньше половины даже без какой бы то ни было серьёзной иммиграции извне. Остаётся лишь надеяться, что многовековой (и в целом успешный) опыт российского «плавильного котла» позволит в конце концов решить эту проблему без насилия и драматических межэтнических

ких столкновений. Но нечего и говорить, что это будет труднейший, зачастую мучительный процесс, требующий мобилизации всех моральных, экономических и политико-административных ресурсов нации. Терпимость, терпеливость, гибкость, стойкая принципиальность и в то же время умение прощать и забывать обиды — условия успеха работы российского «плавильного котла» те же, что и европейского, да и всех других «плавильных котлов» в мире.

Но даже и в этом случае стопроцентной гарантии успеха история дать не может. Не следует забывать, что даже такой, казалось бы, успешный эксперимент Екатерины II, как приглашение в Россию переселенцев из Германии, через 150—200 лет закончился всё же почти полной неудачей. И нельзя забывать о самопроизвольном развале самой, казалось бы, «органичной» империи в мире, каким был Советский Союз.

Россия, конечно же, Европа. Но это «другая Европа». И корни её культуры, и её основные ценности, несомненно, европейские, но её история, национальный состав, климат, ресурсы и территории делают нашу страну во многом самостоятельной цивилизацией и обеспечивают её самодостаточность почти во всех отношениях. Речь не идёт, конечно, об изоляционизме, изолированности от мира: это мы уже, как говорится, проходили, и ничего хорошего это нам не принесло. Но конструктивная «равноудалённость» (или «равноприближённость») как от Запада, так и от Востока, по-видимому, в наибольшей мере отвечает и традициям, и перспективным интересам России. Надо дружить со всем миром, надо сотрудничать, торговать, обмениваться технологиями и капиталопотоками, надо впитывать в себя чужие культуры и щедро делиться с другими своей. Но следует всегда помнить, что у нас своя дорога, свои боли, свои задачи, решить (или не решить) которые не удастся никому, кроме нас самих. При всех впечатляющих успехах глобализации.

Под таким ракурсом мне хотелось бы также решительно поддерживать родившееся ещё в 20-х годах прошлого века понятие «евразийство». Мода на него сегодня, судя по всему, вновь возвращается. Думаю, однако, что это не просто мода — это реальность. «Евразийство» — не лозунг, не идейное течение, не призыв — это просто констатация того состояния, в котором всегда находилась и находится наша страна. Помимо всего прочего, в нынешних условиях «евразийство» отражает надежду, что нам, если повезёт, удастся сохранить в составе России не только чисто европейскую её часть (и она не станет простым придатком Евросоюза), но и Сибирь, и Дальний Восток. Одним словом, всё, чем благословила (или, наоборот, прокляла?) нас Судьба.

И с этих позиций не такой уж причудливой кажется и идея профессора В. Фёдорова о целесообразности переноса столицы России в её действительный центр — Иркутск, Новосибирск или Красноярск. Идея, конечно, до невероятия спорная, но в ней есть, как говорится, «зерно» и некий здравый смысл. А что, в самом деле? Подобный метод собирания и централизации той или иной страны уже достаточно распространён в мире. Может, и нам стоит подумать о таком?

Глава 20. Европа о России, Россия о Европе

Прорубая «окно в Европу», Пётр I закладывал основу для постепенного формирования и распространения в России представлений о существовании наряду с отдельными европейскими государствами (с некоторыми из них она поддерживала связи на протяжении веков) Европы как некоей социокультурной и цивилизационной целостности, т.е. как совокупности государств, не просто расположенных в одной части света, но имеющих общие или близкие исторические корни, населённых представителями одной расы, объединённых некоторыми общими культурно-цивилизационными (прежде всего, христианскими) ценностями и экзистенциальными интересами, и особенно остро ощущающих эту общность и это единство при соприкосновении с не-европейским миром.

В самом Старом Свете идея Европы как более или менее единого и целостного образования вызревала и оформлялась постепенно и скачкообразно, причём вопрос о её культурных и политических границах всегда был предметом острых споров, а представление о европейской идентичности (находящей отражение в европейском самосознании) рождалось в муках. «При Карле Великом понятие “Европа”, означавшее в римские времена части империи, лежавшие севернее Средиземного моря, получило новое политическое значение. “Патер Европэ” означало новую империю франков, простиравшуюся далеко за границы традиционного поселения франкских племён. “Европа” значила “христианство”, что в политико-духовном отношении давало ей преимущество по сравнению с Византией. При поздних Каролингах политическая нагрузка понятия “Европа” потеряла свою актуаль-

ность, однако сверхнациональное единство латинского мира осталось живо в Священной Империи, претендовавшей объединить в своих границах всё западное христианство. В позднем Средневековье идея единой империи теряет свою притягательную силу, народы отворачиваются от него. Однако чувство единого европейского сообщества оживает каждый раз при внешних угрозах, особенно со стороны Турции и ислама. Отголоски этого чувства слышны даже в эпоху национальных государств, когда кайзер Вильгельм Второй, снаряжая многонациональную карательную экспедицию против Китая, призывал: «Народы Европы, защищайте ваши святыни!»¹.

Так или иначе к XIX в. можно было уже достаточно определённо говорить о существовании «европейского самосознания» (разумеется, вторичного по отношению к самосознанию составлявших Европу наций-государств и, в общем, всё ещё зыбкого), наглядно проявлявшегося при взаимодействии с Америкой, Азией и Африкой, т.е. не-Европой. А одним из проявлений этого самосознания как раз и были представления о Других, в том числе, о России и россиянах (русских)².

Разные по содержанию, масштабу, глубине проникновения в предмет, значимости и влиянию, эти образы в чём-то дополняли, в чём-то исключали друг друга. В общем, как верно заметил немецкий историк А. Каппелер, «в Европе существовало и существует не одно представление о России, а множество конкурирующих вариантов»³. Но, как это бывает во всякой конкуренции, какие-то из образов оказывались в тот или иной исторический момент в центре внимания и занимали доминирующее положение в общественном сознании, какие-то находились на периферии. Потом ситуация менялась, а вместе с ней менялись диспозиция и значимость различных европейских образов России. При этом некоторые из них совпадали, по крайней мере частично, с представлениями русских о самих себе, хотя интерпретации этих образов в России и Европе оказывались нередко неодинаковыми.

Примечательно, что большинство представлений о России и русских формировалось в русле поисков ответа на вопрос, который ещё несколько столетий назад попал в поле внимания европейцев, а на протяжении последних двух веков активно обсуждался мыслящими

¹ Изензее Й. Европа — политическая идея географической части света // Политическая философия Германии. М., 2005. С. 413.

² Понятия россияне и русские используются в этом тексте как взаимозаменяемые.

³ Россия и Европа глазами историков. Анкета НЗ и Osteuropa. Ч. 1. См.: <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=10010434>. С.4.

умами и в Европе, и в России, а позднее и в Америке. Это вопрос о *европейской идентичности России*. Входит она или не входит в число европейских стран, принадлежит или не принадлежит к Европе? Если не принадлежит, то как её тогда идентифицировать? Если принадлежит, то в каком качестве: является полноценным членом «европейской семьи» или ютится в ней на правах «бедного родственника»? Ответы на эти и другие, стоящие в одном ряду с ними вопросы имели важное значение как для России (поскольку во многом определяли отношение к ней со стороны европейцев), так и для самой Европы, ибо идентификация Другого является одним из условий и одной из граней самоидентификации субъекта, будь то индивид, группа, страна или даже целый континент.

Как показано в ряде исследований¹, решался этот вопрос в разное время и в разных ситуациях по-разному, тем более что осуществлялась идентификация на основе разных критериев, а представления о границах и «формате» Европы, как, впрочем, и России, не раз менялись по ходу истории. В XV–XVI вв. важнейшим критерием «европейскости» страны была её приверженность христианской религии. Но принимались во внимание и со временем начинали играть всё большую роль или даже выходить на передний план и другие критерии, как-то: степень цивилизованности (как она понималась в тот или иной момент в Европе), уровень культурного, политического, а затем и экономического развития, а также военные, социальные и интеллектуальные практики. В конце XX — начале XXI в. в число таких критериев вошли приверженность страны идеалам демократии и соблюдение прав человека.

¹ См., в частности: Russia under Western Eyes 1517–1825 / Ed. by A Cross. L., 1971; *Desjardins R.* The Soviet Union through French Eyes, 1945–1985. Basingstoke, 1988; *Gleason J.N.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion (1815–1841). Cambr., Mass., 1950; *Naarden B.* Socialist Europe and Revolutionary Russia: Perception and Prejudice, 1848–1923. Cambr., Mass., 1992; *Sodaro M.J.* Moscow, Germany, and the West: From Khrushchev to Gorbachev. Ithaca, N.-Y., 1990. Особо следует выделить работы норвежского учёного И.Б. Нойманна, посвятившего исследованию проблемы восприятия одних народов другими (в том числе восприятия России и русских европейцами) несколько серьёзных монографий. См.: *Neumann I.B.* Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. L., 1996; *Нойманн И.Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

Четыре образа России

В итоге к началу XX столетия или даже несколько ранее в европейской культуре выкристаллизовались по меньшей мере четыре устойчивые и наиболее (хотя и в неодинаковой степени) распространённые группы образов России, которые мы для простоты будем называть просто четырьмя основными образами.

Образ первый: Россия — не Европа. Это, пожалуй, одно из самых давних и глубоко укоренившихся в сознании европейцев представлений о России. Кто-то утверждал, что в ней неважно обстоит дело с религией, кто-то говорил о её нецивилизованности или недоцивилизованности, о невысокой культуре россиян, позднее стали делать упор на неразвитость её политических, экономических и социальных институтов, этнический состав населения, существенно отличающийся от европейского и т.п., а кто-то утверждал, что по всем этим параметрам Россия принципиально отличается от Европы. Порой дело доходило до курьёзов. Ф. Рабле считал русских неверующими и «в своей обычной карнавальной манере перечислял в одном ряду “москвитов, индийцев, персов и троглодитов”»¹. А датский дипломат Я. Ульфельдт, посетивший Россию в конце XVI в., сообщал, что «их священники необразованны, они не понимают никакой другой речи, кроме русской, учёных людей там вообще нет»². Современный датский исследователь У. Меллер, анализируя представления некоторых европейцев XVIII в. о России, предлагает интерпретацию, в соответствии с которой «Россия соотносится с Европой так же, как природа с культурой»³.

Мысль о «неевропейскости» России высказывали многие известные писатели, политики, философы Старого Света. Ярче других это сделали, пожалуй, Ж.-Ж. Руссо, Р. Киплинг (мы к ним вернёмся чуть позднее) и О. Шпенглер, автор всемирно известного «Заката Запада» (почти во всех русских переводах — «Закат Европы»), который не раз обращался к вопросу о судьбе и исторической роли России и россиян. «Я, — писал он в работе “Прусская идея и социализм”, — до сих пор умалчивал о России; намеренно, так как здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчёркивать самым решитель-

¹ Нойманн И.Б. Указ. соч. С.102.

² Там же.

³ Там же. С.119.

тельным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но пред русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир... Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времён задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и «Европой»»¹.

Ну а как же тогда идентифицировать «матушку Россию»? Куда её отнести? Послушаем Киплинга. «...Русский человек — милейший человек, покуда не напьётся. Как азиат, он очарователен. И лишь когда настаивает, чтобы к русским относились не как к самому западному из восточных народов, а, напротив, как к самому восточному из западных, превращается в этническое недоразумение...»². Вот и ответ: русские — не европейцы, они — азиаты. И Россия — страна не европейская, а азиатская, не западная, а восточная³.

Образ второй (представляющий собой в какой-то мере модификацию первого, но всё-таки отличный от него): *Россия — не просто неевропейская, но полудикая страна, ещё не завершившая переход от варварства к цивилизации*. А Ж.-Ж. Руссо полагал даже, что «русские никогда не станут истинно цивилизованными...»⁴. Не станут потому, что «...подверглись цивилизации чересчур рано. Пётр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создаёт всё из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он ещё не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было ещё приучать к трудностям этого.

¹ Шпенглер О. Прусская идея и социализм // Шпенглер О. Пессимизм. М., 2003. С. 248–249.

² Киплинг Р. Стихотворения, роман, рассказы. М., 1998. С. 9.

³ Именно Киплинг отчеканил (почти сто лет назад) знаменитые строки: «East is East, and West is West, and never the twain shall meet». Под «Востоком» он имел в виду Индию, Китай, другие страны и Россию в их число, похоже, не включал. Но прошло несколько десятилетий, и холодная война, развернувшаяся между двумя мировыми блоками во главе с СССР и США, стала именоваться войной «между Востоком и Западом». Последний ассоциировался с Америкой и Европой, а в «Восток» теперь включали Советский Союз, восточноевропейские страны и ряд стран Азии. Географическое понятие обрело в очередной раз политический смысл.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. М., 2000. С. 235.

Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских»¹.

Такое представление о России и русских получило распространение в Европе вскоре после завершения Наполеоновских войн. И немалый вклад в него внесли рафинированные европейские интеллектуалы типа мадам де Сталь и Жозефа де Местра². Но классическим выражением этой позиции считается — и считается по праву — книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.», которую некоторые исследователи называют не столько даже антирусской, сколько русофобской, т.е. книгой, продиктованной «фобией», страхом перед Россией, «которая-де жаждет завоевать весь остальной мир и — что наиболее важно — в самом деле способна это совершить, о чём многократно и подчас с предельной тревогой вещает француз»³.

Какими же предстают Россия и русские на страницах книги Кюстина? Это страна рабов. «...Можно сказать, что весь русский народ, от мала до велика, опьянён своим рабством до потери сознания»⁴.

Это страна, близкая к первобытности. «Только здесь, в глубине России, можно понять, какими способностями был наделён первобытный человек и чего лишила его утончённость нашей цивилизации. Повторяю ещё раз: в этой патриархальной стране цивилизация портит человека. Славянин по природе сметлив, музыкален, почти сострадателен, а вымуштрованный подданный Николая — фальшив, тщеславен, деспотичен и переимчив, как обезьяна. Лет полтораста понадобится для того, чтобы привести в соответствие нравы с европейскими идеями, и то лишь в том случае, если в течение этого длинного ряда лет русскими будут управлять только просвещённые монархи и друзья

¹ Там же.

² Проживший несколько лет в Санкт-Петербурге (в качестве посланника Сардинского Королевства при дворе Александра I), де Местр много писал о России. Особый интерес представляют его письма, в которых он откровенно — и зачастую нелицеприятно — высказывается о «стране пребывания». «Здесь вокруг одни чины, и не существует никакого другого разделения людей; даже происхождение почти несущественно. Вся Империя состоит из шестнадцати классов; не входят в них лишь рабы». См.: *Местр Ж. де*. Петербургские письма 1803–1817. СПб., 1995. С. 56. «...в день Пасхи гарнизон парадировал всё утро, и солдаты не могли побывать ни на улицах, ни в церкви, ни выпить допьяна, хотя соблюдение всего перечисленного составляет здесь насущную необходимость... В управлении армией никто не заботится взять в соображение национальный характер. Можно подумать, что Великий Князь, который держит её в своих руках, только вчера приехал из глубин Африки». (Там же. С. 120.) И далее в том же духе.

³ *Кожин В.* Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России. См.: <http://www.kozhinov.voskres.ru/articles/kustin.htm>. С. 3.

⁴ *Кюстин А. де*. Николаевская Россия (Россия в 1839 году). М., 1930. С. 58.

прогресса, как ныне принято выражаться»¹. «Я не осуждаю русских за то, каковы они, — продолжает маркиз, — но я порицаю в них притязание казаться теми, что и мы. Они ещё совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если бы они не были поглощены желанием по-обезьянни подражать другим нациям, осмеивая в то же время, как обезьяны, тех, кому они подражают. Невольно возникает мысль, что эти люди потеряны для первобытного состояния и непригодны для цивилизации»².

Это страна-тюрьма. «Нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу, предоставленную народам в других странах Европы, каков бы ни был принятый там образ правления.

Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: “Поезжайте в Россию”»³.

Это страна крайностей и необузданных страстей. «Россия — страна необузданных страстей и рабских характеров, бунтарей и автоматов, заговорщиков и бездушных механизмов. Здесь нет промежуточных степеней между тираном и рабом, между безумцем и животным»⁴.

Образ третий: Россия — страна европейская, но это всё-таки какая-то другая Европа. У России своя специфика, к тому же она сильно отстала — по крайней мере, в некоторых отношениях — от передовых европейских стран. Ей предстоит, став прилежным «учеником», пройти долгий и, скорее всего, трудный путь, чтобы превратиться в «нормальную страну», то есть страну европейского типа. Этой или близкой к этой позиции придерживались в основном некоторые европейские политики и мыслители левого толка (как, скажем, Энгельс) и либералы. Один из ярких примеров — первый чехословацкий президент философ и историк Т. Масарик, опубликовавший в 1913 г. большой труд «Россия и Европа». «Россия, — писал Масарик, — это тоже Европа. Поэтому, противопоставляя Россию и Европу, я сравниваю две эпохи; Европа не чужда России по своей сути, но она всё же пока ещё и не совсем своя»⁵.

Образ четвёртый: Россия — страна будущего, которой ещё предстоит сказать миру своё слово, т.е. явить (возможно, с помощью других и, прежде всего, европейских стран) нечто новое, что, возможно, обога-

¹ Кюстин А. де. Указ. соч. С. 244.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ См.: <http://www.Radio.cz/print/ru/59595>.

тит или даже спасёт человечество, в том числе и Запад. Отзвуки подобных мотивов можно уловить у того же О. Шпенглера, который, резко противопоставляя Европу и Россию и не видя в последней спасительницу Запада, тем не менее предрекал России большое будущее. «Русские вообще не представляют собой народа, как немецкий или английский. В них заложены возможности многих народов будущего, как в германцах времён Каролингов. Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее и длиннее... Будущее скрытой в глубоких недрах России заключается не в разрешении политических и социальных затруднений, но в подготавливаемом рождении новой религии, третьей из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве, подобно тому, как германско-западная культура начала к 1000 году создавать вторую... Русский дух отодвинет в сторону западное развитие и через Византию непосредственно примкнёт к Иерусалиму»¹.

Но, пожалуй, самое яркое воплощение идея величия России и её исторической миссии нашла у немецкого философа В. Шубарта, опубликовавшего в 1938 г. книгу «Европа и душа России». «Запад, — писал он, — подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе...

Поэтому только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род, и это верно, несмотря на то, что в настоящий момент сама она корчится в судорогах большевизма. Ужасы советского времени минуют, как минула ночь татарского ига, и сбудется древнее пророчество: *ex oriente lux* (свет с Востока). Этим я не хочу сказать, что европейские нации утратят своё влияние. Они утратят лишь духовное лидерство. Они уже не будут больше представлять господствующий человеческий тип, и это станет благом для людей...

Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу... Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нём народам Земли»².

Надо, впрочем, сразу сказать, что образ России как страны будущего, как спасительницы человечества никогда не был популярным в Европе и никогда не имел широкого распространения. Представле-

¹ Шпенглер О. Прусская идея и социализм. С. 247, 253—254.

² См.: <http://www.russdom.ru/1998/19980304html>. С. 1—2.

ние о «свете с Востока» всегда подавлялось представлением об «угрозе с Востока». Поэтому, оценивая спектр образов России, доминировавших в европейском сознании на протяжении XVIII, XIX и начала XX вв., приходится признать, что как бы ни воспринимали европейцы Россию, они в большинстве своём никогда не считали её «своей», никогда не видели в ней такую же органическую часть Европы, как, скажем, Францию, Италию или Великобританию. Даже многие из тех, кто предрекал России большое будущее, исходили из презумпции, что это потому и возможно, что у неё нет истории и нет достойного настоящего. Россия — *tabula rasa*.

Жупел для Европы

При всём своём критически-настороженном и высокомерном отношении к России, при всех своих страхах перед ней Европа вплоть до Октябрьской революции не рассматривала Российскую империю как прямую угрозу утвердившемуся на европейских просторах буржуазному обществу, буржуазной цивилизации, т.е. как своего социально-политического врага. Более того, тесные политико-династические связи между властителями России и многих европейских государств, контакты между национальными элитами, культурные связи, сближавшие европейских и российских интеллектуалов и деятелей культуры, либерально-буржуазные реформы, проводившиеся в стране с 60-х годов XIX в., давали Европе основания полагать, что Россия, оставаясь во многом отсталой или даже дикой, в целом движется в единственно правильном направлении — направлении европеизации. И это вселяло в европейцев надежду на то, что, возможно, когда-нибудь русские всё-таки «дорастут» до европейских стандартов.

Октябрьская революция изменила ситуацию радикальным образом. Она фактически отколола Россию от Европы и в конечном счёте противопоставила их друг другу политически и цивилизационно («два мира — две системы»). Принявшая большевистский облик Россия стала рассматриваться как источник не только военно-политической, но и социальной угрозы, как смертельный вызов буржуазной цивилизации. К тому же в первые послереволюционные годы она воспринималась как страна, погружившаяся во «мглу» (если воспользоваться образом Г. Уэллса) и погрязшая — возможно, на долгие годы — в разрухе и нищете, что тоже настораживало Европу. Когда же выяснилось, что большевики способны, опираясь на мобилизационные методы развития общества, в сжатые сроки восстановить Россию и ценой огромных

усилий и жертв двинуть её вперед, ситуация несколько изменилась. Советский Союз был признан законным игроком на европейской политической сцене, но игроком по-прежнему чужим для остальной Европы и опасным для неё. Страхи перед ним ещё больше возросли после сближения СССР и нацистской Германии в конце 30-х годов.

Картина была бы, однако, неполной, если бы мы не упомянули о том, что программа радикального переустройства России на социалистических началах и особенно успехи первых пятилеток возродили в Европе давний образ России как «страны будущего», земли, на которой суждено сформироваться «новой цивилизации» — той самой, о которой на протяжении веков мечтали лучшие умы человечества. Над созданием этого образа трудился набиравший год от года силу советский агитпроп. Формированию этого образа способствовали европейские социалисты, коммунисты и левые интеллектуалы (супруги Уэбб, Б. Шоу, А. Барбюс и ещё ряд видных лиц). Конечно, этот образ Советской России не был доминирующим, но он был частью европейского сознания.

С началом Великой Отечественной войны и, особенно, с созданием антигитлеровской коалиции, отношение к России со стороны западного мира, включая те страны Европы, которые выступали против фашизма, несколько смягчилось: героическая борьба Красной армии, страдания народа, подвергшегося тяжелейшим испытаниям, породили симпатию если и не к советскому строю (который всегда был предметом острой критики со стороны большей части европейского буржуазного общества), то к советскому народу, в котором Европа стала видеть спасителя (или по крайней мере одного из спасителей) от «гитлеровской чумы».

Но то был лишь краткосрочный «зигзаг». С расколом мира на две системы и началом холодной войны ситуация резко изменилась. Сопровождавшая эту войну идеологическая борьба не только воскресила (правильнее сказать — вновь подняла на поверхность) прежние негативные имиджи России/Советского Союза, но и усилила их. Так родился «образ врага», просуществовавший несколько десятилетий и прочно укоренившийся, а точнее, укоренённый западной пропагандой в массовом европейском и американском сознании. Разрядка международной напряжённости практически ничего не изменила в этом плане, тем более что советское руководство продолжало упрямо твердить: разрядка на сферу идеологии не распространяется, а западная идея конвергенции потерпела фиаско.

Как пишет, обобщая ситуацию послевоенного сорокалетия, И. Нойманн, существовали «две преобладающих репрезентации Со-

ветского Союза в период холодной войны. Господствующей была версия об азиатской варварской державе, которая воспользовалась возможностью, предоставленной Второй мировой войной для военного вторжения в Европу. Говорят, что в 1945 г. Черчилль, имея в виду Советский Союз, утверждал, что варвары добрались до сердца Европы, а на следующий год К. Аденауэр писал У. Соллману, что «Азия стоит на Эльбе».

Эта версия получила широкую поддержку в научной литературе. В серии книг о формировании Европы, опубликованной во Франции в 1950 г., первый абзац первой главы тома, посвящённого России, озаглавлен «Россия — азиатская страна...» «Здесь мы снова обнаруживаем тему “варвара у ворот Европы”, которая муслировалась на протяжении всего XX века...»¹

Что касается альтернативного образа, то он преподносил Советский Союз «не только как освободителя Европы от ига нацизма («ореол Сталинграда»), но и как модель, на которую должна ориентироваться Европа... В рамках тотализирующей, эволюционистской и идеологической историософии Советский Союз считался более передовым государством, чем государства капиталистической Европы, главным образом, не с эмпирической точки зрения, а в силу самой своей политико-экономической модели»². Понятно, что это представление было маргинальным и не оказывало существенного влияния на политику буржуазной Европы в отношении СССР.

Сопоставляя друг с другом образы России, доминировавшие в европейском сознании начиная с XVI в., И. Нойманн приходит к наводящему на серьёзные размышления выводу: Россия всегда была для Европы своего рода «панголином». Панголин, или чешуйчатый муравьед, обладает качествами, которые указывают на его аномальный характер. Так и Россия: она всегда воспринималась Европой как аномалия. «Безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные), Россия неизменно рассматривалась как аномалия»³.

¹ Нойманн И.Б. Указ. соч. С. 144.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 153.

От рассвета до заката

Перестройка, распад мировой социалистической системы, а затем и Советского Союза, появление на политической карте мира нового государства — Российской Федерации открыли очередной этап в эволюции европейских образов России. Этап, отмеченный большими надеждами и ожиданиями с обеих сторон. Новая Россия, объявившая, что порывает с социалистической теорией и практикой и вступает на путь строительства либерально-демократического общества, на путь ученичества у Европы и Америки и заимствования их опыта и социально-экономических и политических моделей, рассчитывала на то, что Запад, не посягая на российский суверенитет и самобытность, примет её с распростертыми объятиями в «семью цивилизованных народов» и будет оказывать ей бескорыстную помощь. Запад, в свою очередь, надеялся получить в лице России страну, которая, оставив в прошлом державные притязания, превратится, наконец-таки, в его верного и прилежного ученика и сговорчивого партнёра — правда, младшего. И на первых порах всё, казалось, развивалось по этому сценарию.

Конечно, европейцы не могли не видеть и не фиксировать в своих представлениях о новой России, что страна лежит в руинах; что провозглашённые либерально-демократические преобразования идут с большим трудом и не приносят ожидаемых результатов; что «интеграция России в Европу» займёт гораздо больше времени, чем казалось на первых порах; что русские пребывают в растерянности, а о консолидации всё более расслаивающегося российского общества можно только мечтать.

Именно в эти годы начинает закладываться то неуважительное, а в чём-то и откровенно недружественное отношение европейских журналистов, политиков и рядовых граждан к России и россиянам, о котором хорошо сказала германская писательница и специалист по формированию имиджа доктор Г. Кроне-Шмальц: «В ходе горячей фазы холодной войны Советский Союз, конечно, критиковали, причём без какой-либо оглядки на его чувства, но относились к нему с определённым уважением. После Горбачёва уважение исчезло. Изменился тон. Он стал непочтительным, презрительным, издевательским и обвинительным»¹.

¹ Кроне-Шмальц Г. Политика мира: разум и предубеждения // Независимая газета. 14.10.2005.

И всё же в образе России, доминировавшем в Европе где-то с конца 80-х годов до начала нового столетия, наряду с отрицательными чертами (развал экономики, неэффективное функционирование государственного аппарата, рост преступности, коррупция, моральная и физическая деградация населения и т.п.) было немало черт положительных с точки зрения европейцев. Перед ними открывалась страна, радикально отличавшаяся от Советского Союза, что имело для них, да и не только для них принципиальное, жизненно важное значение.

Главное из этих отличий, не раз подчёркивавшееся многими экспертами, заключалось в том, что новая Россия перестала быть для Европы и Америки врагом и перестала восприниматься ими как источник угрозы для западной цивилизации. Была эта угроза мнимой или реальной — вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Факт, однако, остаётся фактом: Запад считал советскую угрозу реальной, и это определяло многие черты его поведения на международной арене, в том числе в отношении своего главного соперника. И вот теперь угроза перестала существовать.

Следует отметить, что освобождение от страха перед бывшей супердержавой и отказ видеть в ней источник угрозы были связаны у европейцев не только, а, быть может, и не столько с радикальными изменениями в социально-политическом статусе России, её идеологии и ценностных ориентациях, сколько с её ослаблением — военным, политическим, экономическим, геополитическим. Сила новой России как мирового игрока не шла ни в какое сравнение с силой Советского Союза. То же можно было сказать о её фактическом международном статусе и роли. В отличие от СССР, являвшегося супердержавой и воспринимавшегося как империя, Европа и Америка перестали признавать Россию даже в качестве великой мировой державы. Одни характеризовали её как «державу среднего уровня», другие — как «региональную державу», третьи — как «европейскую державу» (имея при этом в виду региональный, а не мировой масштаб её влияния).

Тем не менее в общем и целом новая Россия воспринималась Европой и Америкой как страна, вставшая на «правильный путь»: она публично отреклась от марксистской идеологии; отказалась от социалистических методов хозяйствования и взяла курс на построение рыночной экономики и интеграцию в мировое хозяйство; провозгласила курс на построение демократического общества, закрепив это в конституции страны. И, что не менее важно, Россия поверила Западу и согласилась стать его прилежным учеником. За это можно было многое и простить, выдавая младшему партнёру авансы, обещавшие принести немалые дивиденды.

Однако пройдёт несколько лет, и европейцы скажут, что их «первоначальные ожидания были слишком завышенными»¹.

Изменения, происшедшие в России за последние годы, привели к заметной и всё ещё продолжающейся трансформации её образа, доминирующего в европейском сознании, в худшую сторону. Конечно, в Брюсселе, Лондоне или Берлине по-прежнему считают, что нынешняя Россия предпочтительнее Советского Союза. Большинство европейцев, включая крупных политиков, и сегодня не видят в России врага и не считают её источником военной угрозы для Европы². Для них Россия по-прежнему остаётся крупным политическим игроком, с которым следует считаться, поддерживать и развивать контакты. Признаются определённые достижения в области экономики, связываемые, впрочем, с привалившими в страну нефтедолларами. Однако в целом образ России, доминирующий ныне в многочисленных публикациях европейских СМИ, выступлениях политических деятелей, оценках экспертов и мнениях рядовых европейцев, носит скорее отрицательный, нежели положительный характер.

Примечательно, что в этом образе воспроизводятся — разумеется, в превращённой форме — те (рассмотренные выше) негативные представления о российском обществе, которые сложились у европейцев ранее и которые, по-видимому, представляют собой — по крайней мере отчасти — устойчивые мифологизированные структуры коллективного сознания и коллективного бессознательного (в последнем случае они могут быть отождествлены с «архетипами» Карла Юнга.), активизирующиеся в определённых, прежде всего переломных, ситуациях.

Снова инициируются разговоры о нецивилизованности, отсталости России и россиян, об их диких нравах, шокирующих Европу. Правда, сегодня у Лондона нет своего Киплинга, а у Парижа — своего Кю-

¹ Эксперт. 23.02.2004. № 7(408). См.: ИноСМИ.RU/<http://www.expert.ru/printises/expert/2004/07/07ex-terma-ru/>.

² Это подтверждается опросами общественного мнения, проводившимися в последние годы авторитетными исследовательскими центрами. Большинство европейцев, включая тех, кто критически оценивает российскую политическую систему и деятельность президента Путина, не видят в России источник угрозы. Так, согласно данным опроса, проведённого в пяти европейских странах (Великобритании, Франции, Германии, Италии и Испании) службой Харриса в июле 2006 г., только 18% европейцев полагают, что из России может исходить угроза для Европы. См.: Harris Interactive // Financial Times. 20.07.2006. Не видят европейцы в России и источник угрозы глобальной стабильности. Как показали опросы, проведённые той же службой в сентябре 2006 г., только 2% (!) европейцев считает Россию источником наибольшей угрозы глобальной стабильности, в то время как 30% (!) полагают, что таким источником являются Соединённые Штаты, 23% — Иран, 15% — Китай, 14% — Ирак и 8% — Северная Корея. См.: Harris Interactive // Financial Times. 05.09 2006.

стина. Зато есть десятки колумнистов, готовых так отбрить «несчастных русских», как не решился бы и сам маркиз. «Неудовлетворённые жизнью, хамоватые, неотёсанные, грубые, циничные, безразличные к собственной бедности и к тиранству властей, русские изумляют европейцев. Порой они даже вызывают возмущение. Возмущение тем, что в прошлом смиренно выносили все ужасы, а сейчас верят в ложь, которую им скармливают. Тем, что мирятся с несправедливостями, которые сваливаются на их голову. Со всеми убийствами, которые остались нераскрытыми. И, что ещё хуже, они считают, что это — в порядке вещей». Это из статьи во французской «Фигаро», поприветствовавшей Москву по случаю 7 ноября 2006 года¹. И таких «приветствий» — сотни и сотни.

Снова актуализируется и предстаёт как открытый, казалось бы, давно уже закрытый вопрос о принадлежности России к Европе. «...Вопрос о том, относится ли Россия к Европе, — это центральный компонент непрекращающегося дискурса о системе европейской безопасности. Этот вопрос попадает в центр большинства ежедневных дискуссий об институциональной конкретике, например, о расширении таких организаций, как ЕС и НАТО. Этот же вопрос постоянно всплывает в дискуссиях об экономическом развитии — не только в спорах о рынках нефти или алюминия, но и в общих дебатах о том, что чаще всего называют переходным периодом бывших коммунистических экономик»².

Снова рассуждают о том, что Россия — это совсем другой мир, и если даже она и Европа, то другая Европа, не своя. Причём говорят это не

¹ См.: Ино.Ру <http://www.inosmi.ru/translation/230905.html>. 07.11.2006.

² Ноймани И.Б. Указ. соч. С. 98. Следует вместе с тем заметить, что большинство профессиональных европейских историков считает вопрос о принадлежности России к Европе решённым и закрытым: Россия — органическая часть Европы. Как замечает Клаус Мюллер, было бы исторической иронией, если бы спустя 16 лет после падения железного занавеса принадлежность России к Европе снова стала считаться открытым вопросом. См.: Клаус М. Трудный путь России в Европу // <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=5010401>. С. 1. Так же полагает и другой известный специалист — Ларри Вульф: «Постсоветский переходный период 1990-х годов действительно прояснил отношение России к Европе в том смысле, что показал её однозначную принадлежность к Европе и приверженность базовым европейским культурным ценностям. Нынешнее стремление к политической демократии и рыночной экономике подчёркивает сходство с остальными европейскими странами... именно крах коммунизма и исчезновение Советского Союза позволили историкам чётче осознать, что Россия никогда не переставала быть европейской». См.: Россия и Европа глазами историков. Анкета «НЗ» и «Osteuropa». Ч.1 // <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=10010434>. С. 1. Но мнения профессиональных историков практически не принимаются в расчёт теми, кто формирует европейские образы нынешней России.

только откровенные русофобы, число которых, увы, увеличивается, но люди, в целом доброжелательно относящиеся к нынешней России. Неизвестно, читал ли А. Пар, директор программ по России и странам СНГ Германского совета по внешней политике, сочинения О. Шпенглера, но он фактически цитирует автора «Заката Европы»: «Россия и Европа — это не просто разные государства (!), это разные миры, разные планеты»¹. Особенно много говорят об этом после вступления в Евросоюз в странах Центральной и Восточной Европы и Балтии, где ныне настойчиво пытаются доказать (а это лучше всего сделать «на контрасте») свою «европейскость». «Россия всегда будет другим миром. Это огромная страна с другой историей, с другими традициями»². Так говорил в интервью французской «Le Monde» писатель и бывший президент Чешской Республики В. Гавел, заметивший при этом, что «страны, познавшие российское (?) господство», лучше других знают, что такое Россия.

Сегодня Россию пытаются представить, прежде всего, как страну, в которой произошло чуть ли не принципиальное изменение вектора политического развития. Страну, которая изменила провозглашавшимся ею ранее демократическим идеалам, отходит, а во многом уже отошла, от демократических ценностей и отбросила демократические модели, на которые прежде ориентировалась.

Особый — и, надо сказать, весьма жёсткий — акцент делается в последние три-четыре года на внутриэкономической политике российского государства, которая тоже оценивается как антидемократическая. Дело ЮКОСа было использовано для подтверждения выдвинутого западными критиками тезиса, что государство ведёт целенаправленное наступление на крупный бизнес, ограничивает его свободу и что всё это делается при грубом нарушении существующего в стране законодательства. Словом, Россия в очередной раз представляется как страна, опасная для инвестирования и российских, и тем более западных капиталов, как ненадёжный партнёр западного бизнеса.

Образ России, вставшей на путь построения авторитарного государства, дополняется ныне образом страны с возрождающимися имперскими амбициями, беспардонно вмешивающейся во внутренние дела других стран — прежде всего, бывших союзных республик, оказывающей на них (тут идут ссылки, прежде всего, на Украину и Грузию) экономическое и политическое давление и пытающейся не допустить их сближения с Западом.

¹ Эксперт. 2004. № 7.

² Гавел В. Необходимо задать г-ну Путину несколько неудобных вопросов // Le Monde. 24.02. 2005.

Но, возможно, самой неприятной и опасной чертой доминирующего ныне в Европе образа России стало возрождающееся в два-три года представление о ней как об источнике новой угрозы для европейских стран. Угрозы, связываемой с усилением России, вызванном наступлением, как называет её обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман, «газовой эпохи»¹, изменяющей традиционные представления о силе и могуществе. Как признаётся известный немецкий эксперт Йозеф Йоффе, «десять лет назад мы думали, что Россия вышла из игры. Мы, конечно, понимали, что рано или поздно она вернётся. Но никто не ожидал, что это произойдёт так внезапно — стоило нефтяным ценам подскочить, и вот она вновь на арене, но на сей раз ведёт себя куда искуснее. В нашем восприятии образ России — это мурманский порт, где ржавеет у причалов её военный флот, но могущество выражается в разных формах. И сегодня из этих форм особой популярностью пользуются нефть и газ»².

Не использует ли Россия «трубу» в качестве орудия давления на Европу? Не сделает ли её средством шантажа западных политиков? Ведь, по образному выражению того же Йоффе, Россия способна воздействовать на Западную Европу своими трубопроводами «куда сильнее, чем СССР — ракетами СС-20». Это, конечно, преувеличение. Да и для тревог Запада, по мнению серьёзных аналитиков, нет оснований: «В официальных кругах Германии, конечно, не считают, что Россия действительно перекроет газовый вентиль, если не добьётся своего по какому-то конкретному вопросу. В конце концов этого не делал даже СССР в ходе прошлой холодной войны, а Россия куда больше зависит от западных рынков сбыта. Однако из-за многовековых непростых отношений между Европой и Россией мысль о том, что тепло в их домах в зимние холода зависит от Кремля, вызывает у немецких чиновников нервозность»³. Добавим, что не только у чиновников, и не только немецких. И это тревожный сигнал, свидетельствующий о том, что червь сомнения в собственной безопасности по отношению к России продолжает точить европейские души — пусть в самой их глубине.

По мнению А. Рара, «сейчас Европа не знает, что с Россией делать: принять её в Евросоюз нельзя, сама она этого тоже не хочет. Наверное, европейцы считают, что у них достаточно времени, чтобы отодвинуть вопрос о том, что делать с Россией на потом»⁴. Рар прав в том,

¹ The New York Times. 27.10.2006.

² Ibidem.

³ См.: <http://www.expert.ru/printissues/eexpert/200407/07ex-terma-ra/>.

⁴ Ibidem.

что у Европы нет проработанной согласованной долгосрочной политической стратегии в отношении России. Но отсюда вовсе не следует, что у европейцев, по крайней мере у большинства европейских политиков, нет представления о том, какой они хотели бы видеть нашу страну в обозримом будущем.

Говоря коротко, они желали бы видеть Россию — скажем так — приближённой к Европе, к Западу в целом. Речь идёт о стране с развитой рыночной экономикой, гарантированными гражданскими и политическими правами, развитым гражданским обществом и ограниченным по своим масштабам и функциям государством. Иными словами, Европа хотела бы видеть Россию страной либеральной, капиталистической и демократической. Но при этом не слишком сильной, лишённой великодержавных амбиций и готовой если не следовать в фарватере Запада, то прислушиваться к его советам и идти на уступки. Именно эти качества, по мнению европейских политиков (далеко не всегда выражаемому публично, но довольно отчётливо проглядывающему в высказываниях многих политических деятелей), способны сделать Россию неопасной для Европы и западного мира в целом.

Поэтому резонно предположить, что они не только будут проводить политику, направленную на достижение этой цели, но и формировать и распространять в мире такой имидж России, который способствовал бы решению этой задачи.

Европа своя, Европа чужая

Ну а как обстояло и обстоит дело по другую сторону границы? Какие образы Европы и европейцев формировались и формируются в России?

Уже со времён Петра I она проявляла устойчивый интерес к своему западному соседу. И определялся он не только географической близостью и всё возраставшей потребностью в политическом, экономическом, культурном взаимодействии с европейскими народами. Вопрос об отношении России (Востока) к Европе (Западу) был, как отмечали многие отечественные мыслители, важнейшим вопросом, в ходе решения которого формировались русское национальное самосознание и представление о собственной идентичности.

Правда, образы Европы, формировавшиеся в России, были во многом асимметричны по отношению к образам России, складывавшимся в Европе. И этому есть свое объяснение. Две стороны прожили истории, которые хотя порой и переплетались, но во многом суще-

ственно отличались друг от друга по своей длительности, содержанию, интенсивности и т.д. Они пребывали в разной системе пространственно-временных координат, смотрели друг на друга разными глазами.

Но подобно тому, как в Европе существовали разные представления о России, так и в России существовали разные представления о Европе. Наиболее отчётливо это проявилось в идейном противостоянии двух течений русской общественной мысли: славянофильства, в основе которого лежала идея самобытности русской национальной — православной по своему духу — культуры, и западничества, в целом ориентированного на западные либеральные ценности и следование России по пути Европы. И хотя в тех конкретно-исторических формах, которые они обрели в 40–50-х годах XIX в., оба течения просуществовали сравнительно недолго, заложенные ими традиции, то несколько угасая, то вспыхивая вновь, сохранились до наших дней, породив ряд устойчивых образов Европы.

Первый из образов — образ Европы как воплощение цивилизованности, образец для подражания, живая модель — политическая, экономическая, культурная — в соответствии с которой должна строиться и перестраиваться отсталая Россия. Основы этого образа были заложены Петром Великим и позднее получили воплощение в западничестве, представленном в 40–50-е годы XIX в. такими крупными фигурами, как П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, П.В. Анненков, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, а позднее — С.М. Соловьёв, Б.Н. Чичерин и т.д.

Западники и их последователи считали, что Россия остро нуждается, в том, что позднее назовут модернизацией. Но сама эта модернизация мыслилась не иначе как вестернизация, а вестернизация — как европеизация, ибо вплоть до начала XX столетия именно Европа рассматривалась как основной источник политических, экономических, военных, научно-технических идей и моделей их практического воплощения, способных подтянуть отсталую Россию до уровня передовой страны.

Первым западником, открыто заявившим о превосходстве Европы над Россией, был Чаадаев. Россия, писал он в «Философических письмах», лишена «тех обширных духовных сокровищ, которые веками скапливались в других странах (речь идёт о Европе. — Э.Б.) и находятся там в распоряжении человека». Мало того, в этих странах имеются «мощные традиции, обширный опыт, глубокое осознание минувших времён, прочные умственные навыки — все эти последствия огромного напряжения всех человеческих способностей», которые «и состав-

ляют нравственную природу народов Европы и дают им подлинное превосходство»¹.

Мысль о превосходстве Европы над Россией предопределяет другую фундаментальную идею западников — идею необходимости учёбы у европейцев. Такая учёба, настаивали они, не только необходима, но и — что не менее существенно — возможна, ибо не существует непреодолимых культурно-цивилизационных препятствий, разделяющих Россию и Европу. «...Наша история шла иначе, чем история Европы, и наше очеловечение должно было совершиться совсем иначе. Нецивилизованные народы образуются безусловным подражанием цивилизованным. Сама Европа доказывает это: Италия называла остальную Европу варварами, и эти варвары, безусловно, подражали ей во всём — даже в пороках. Могла ли Россия начинать с начала, когда перед её глазами был уже конец?»²

Но ученичество у Европы вовсе не предполагает, настаивал Белинский, превращения русских во французов или немцев. Мы, утверждал он, хотели бы и уже «становимся европейскими русскими и русскими европейцами, и становимся со времён царствования Екатерины II, и со дня на день преуспеваем в этом в настоящее время. Мы... хотим быть русскими в европейском духе»³.

Позитивное отношение к Европе определялось тем, что западники видели в ней черты, которые отсутствовали в России, но являлись, с их точки зрения, необходимой предпосылкой её социального, политического, экономического, научно-технического и культурного прогресса. Речь идёт, прежде всего, о свободе человека (определяемой ориентацией на либеральные ценности) и системе правовых отношений, закрепляющих эту свободу, о буржуазно-парламентском строе и капиталистической системе, о высоком уровне развития науки и техники.

Постепенное становление капитализма в России и более близкое знакомство с Европой вызвали среди западников раскол на либералов, продолжавших ориентироваться на европейскую модель, и революционных демократов, которые хотя и не перешли в лагерь славянофилов, однако критически оценивали возможность построения в России нового общества по европейскому образцу и связывали дальнейший прогресс страны с реализацией её внутреннего потенци-

¹ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо второе // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 339.

² Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Полное собрание сочинений. М., 1954. С. 127.

³ Там же. С. 141.

ала — в частности, с ориентацией на сельскую общину и рабочую артель, т.е. они уже не рассматривали Европу ни как универсальную модель социально-политического развития, ни как идеал, на который должна равняться Россия, но при этом оставались приверженцами демократических ценностей и противниками самодержавия.

Пожалуй, самой яркой фигурой в этом лагере был А. Герцен, позиция которого в отношении Европы менялась не раз (от любви — до настороженности, а где-то и неприязни), но который стал в конечном счёте типичным представителем разочарованных западников.

Разочарованный западник начинает с заочной любви к Европе, с грёз о ней. Он мечтает вырваться из душной России на Запад, как заключённый мечтает о свободе. «Русский вырывается за границу в каком-то опьянении — сердце настежь, язык развязан; прусский жандарм в Лауцагене нам кажется человеком, Кёнигсберг — свободным городом»¹. Но потом, при непосредственном знакомстве с Европой, наступает отрезвление.

Он понимает: «Мы, русские принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, *genus europium*»². Но он видит и то, что мы приходимся «общей семье народов европейских» «каким-то двоюродным братом»³.

Герцен отдаёт себе отчёт в том, что Россия многим обязана Европе и что она во многом от неё отстаёт. Но он видит и то, что Европа становится царством торжествующего мещанства, видит «поблёкшую нравственность, не человеческую и не христианскую, существующую только в риторических упражнениях, в воскресных проповедях, в прокурорских разглагольствованиях, видит «двоедушную ложь» европейских законов⁴, «непоследовательность революционных людей»⁵, видит нежелание Европы избавиться от наследия прошлого, тянувшего её ко дну. «Европа идёт ко дну оттого, что не может отделаться от своего груза»⁶, накопленного в дальнем и трудном плавании, но теперь ставшего балластом.

В этих условиях России не надо пытаться слепо копировать Европу. «...Ваше прошедшее служит нам поучением, но не больше...»⁷.

¹ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Сочинения. В 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 223.

² Герцен А.И. Концы и начала // Там же. М., 1958. Т. 7. С. 531.

³ Там же. С. 533.

⁴ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С. 227.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 226.

«Пора стать на свои ноги, зачем же непременно на деревянные, потому что они иностранной работы»¹. И сделать это России под силу: «мы в некоторых вопросах потому дальше Европы и свободнее её, что так отстали от неё...»².

Иной образ Европы формировался в русле славянофильства — раннего, представленного, в частности, такими видными фигурами, как И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, и позднего в лице Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и др. Они рассматривали Европу как чужака, живущего по законам и принципам, отличающимся от российских, и ориентирующегося на ценности и идеалы, в целом не приемлемые для России.

Россия, ведомая Петром, писал «почвенник» Ф. Достоевский, обратила свои взоры к Западу и устремилась было по пути Европы. Но русские так и «не сделались европейцами. Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность к европеизму. Теперь мы думаем иначе. Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных...»³ И вот теперь, «убедившись, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная», — говорит Достоевский, — русские должны «создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»⁴.

Впрочем, Достоевский тут же замечает, что, не пойдя «по пути Европы», Россия не стала и антиевропейской страной. «...Нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама»⁵.

Однако, не «отказываясь» от Европы, Россия, настаивал Достоевский, не вправе «отказаться» и от Азии. «...Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и ази-

¹ Герцен А.И. Концы и начала. С. 534.

² Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С. 13.

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 18. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 25. С. 23.

ат. Мало того: в Азии, может быть, ещё больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход»¹.

Наличие существенных различий между Европой и Россией констатировали многие русские мыслители и писатели. «Иные начала Западной Европы, иные наши», — говорит один из основоположников классического славянофильства Алексей Хомяков². «Россия — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на Европейские государства и страны», — настаивает К. Аксаков³. О том же писали в разные времена Гоголь, Тютчев, Леонтьев, Ильин и многие другие.

Что же не нравилось славянофилам и почвенникам в Европе? Что их отталкивало от неё? Пожалуй, полнее и жёстче других об этом сказал И. Киреевский в своём знаменитом эссе («Письме к гр. Комаровскому») «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852). Послушаем его:

«...Весь круг дальнейшего развития Европы» определили «римская церковь, древнеримский мир и возникшая из завоевания государственность», которые были совершенно «чужды России»⁴.

Вся жизнь Европы — начиная от жизни церковной и кончая отношениями между людьми — проникнута иссушающим духом формализма и рационализма. «Религия римская» «за внешними обрядами» почти забыла «их таинственное значение»⁵.

«Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений... при всём блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни, самая жизнь лишена была своего существенного смысла»⁶.

«...Европейские общества, основанные насилием, связанные формальностью личных отношений, проникнутые духом односторонней рассудочности, должны были развить в себе не общественный дух, но дух личной отдалённости, связываемой узлами частных интересов и партий»⁷.

«Живое, цельное понимание внутренней, духовной жизни и живое, непредубеждённое созерцание внешней природы равно изгоня-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 33.

² Хомяков А. С. Письмо в Петербург // О старом и новом. М., 1988. С. 75.

³ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 1. Сочинения исторические. М., 1861. С. 7.

⁴ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Ранние славянофилы / Сост. Н. Л. Бродский. М., 1910. С. 13.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 20.

лись из оцепленного круга западного мышления...»¹ Отсюда «...полускотское равнодушие ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчётов» и «эгоистическая жизнь»².

Европейцу не хватает внутренней целостности. «Западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и, хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек... Западный человек легко мог поутру молиться с горячим, напряжённым, изумительным усердием; потом отдохнуть от усердия, забыв молитву и упражняя другие силы в работе; потом отдохнуть от работы, не только физически, но и нравственно, забывая её сухие занятия за смехом и звоном застольных песен; потом забыть весь день и всю жизнь в мечтательном наслаждении искусственного зрелища. На другой день ему легко было опять снова начать оборачивать то же колесо своей наружно-правильной жизни»³.

И вот — итог: «Европа высказалась вполне. В девятнадцатом веке она, можно сказать, dokonчила круг своего развития, начавшийся в девятом»⁴.

Почти теми же красками описывает Европу и Хомяков. «Там (в Западной Европе. — Э.Б.) всё возникло на римской почве, затопленной нашествием германских дружин; там всё возникло из завоевания и из вековой борьбы, незаметной, но беспрестанной между победителем и побеждённым. Беспрестанная война беспрестанно усыплялась временными договорами, и из этого вечного колебания возникла жизнь вполне условная, жизнь контракта или договора, подчинённая законам логического и, так сказать, вещественного расчёта. Правильная алгебраическая формула была действительно тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов»⁵.

Надо, впрочем, оговориться, что этот образ Европы-чужака существовал в разных формах (вариантах), порой заметно отличающихся друг от друга по ряду характеристик.

Это был, во-первых, образ Европы как вчерашнего учителя, от которого Россия переняла много полезного (хотя и не только полезного), но который теперь, когда она обрела (или успешно идёт по этому пути) свою идентичность, не может быть для России образцом, ибо во многом чужд ей. Этот образ выпукло вычерчен среди прочих истори-

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Хомяков А.С. Письмо в Петербург. С. 75.

ком Д.А. Валуевым. Оправдывая «государственный подвиг, начатый Петром Великим», он писал: «Задача России была узнать Запад, уроки его вековой опытности, богатые плоды его долгой, трудовой жизни.

Такова наука была ей необходима. Оставаясь в тесной исключительности своего быта, государство не могло развить своих вещественных сил, и даже для духовных сил России едва ли была возможность когда-либо прийти к своей полной и сознательной жизни иначе как через знакомство с Западом и его умственным достоянием. Но для того, чтобы Россия могла понять этот Запад, — было также необходимо, чтобы она, хотя на время, перенесла на себя некоторые его явления и формы»¹.

Валуев разъясняет, чем Россия обязана Европе (а она «обязана многим»): «На Западе впервые были подняты и пробуждены все вопросы науки и жизни к их мировой деятельности и во всём живом многообразии их развивавшей и ими развиваемой личности; у западного человека достало мужества, чтобы не остановиться ни перед одним вопросом и не испугаться ни одной крайности умственного или нравственного мира». И этот опыт оказался полезен для России².

Но теперь подвиг России «на этом поприще кончен»³. «Мы многому научились у Запада, но не следует забывать и того, что уроки учителя только тогда достигают своего назначения, когда они пробуждают в ученике его собственные силы, и он сумеет основать на них свою самостоятельную жизнь и сознательное мышление...»⁴.

Впрочем, среди славянофилов были люди (например, тот же А. Хомяков), убеждённые в том, что России следует и дальше учиться у Запада: если это делать с умом, то она только выиграет от этого. «Мы должны принимать, сохранять и развивать её (европейскую науку. — Э.Б.) во всём том умственном просторе, которого она требует; но в то же время подвергать её постоянно своей собственной критике, просвещённой теми высшими началами, которые нам исстари завещаны православием наших предков»⁵.

Но был у славянофилов и другой образ — образ Европы не просто как чужака, но как сильного и опасного (пусть только потенциально-го) врага России, против которого она должна вести борьбу путём из-

¹ Валуев Д.А. Россия и Запад (Предисловие к Сборнику исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М., 1845. Ч. 1) // Славянофильство: Pro et Contra. СПб., 2006

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 213.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Хомяков А.С. Сочинения. М., 1914. С. 57.

живания тех европейских черт, которые были «искусственно» привиты к древу российской культуры Петром и его сподвижниками.

Как писал Н. Данилевский, один из самых твёрдых и последовательных выразителей этой позиции, «с общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составною частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению...»¹, она «чужда европейскому миру по своему внутреннему складу»². Поэтому «европейничанье», на путь которого встала Россия со времён Петра и которое проявлялось в «искажении народного быта и замене форм его формами чуждыми, иностранными», «заимствовании разных иностранных учреждений»³ и «взгляде как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения»⁴, оказалось чрезвычайно болезненным и пагубным для России.

Но Европа — не просто чужак, она — враг России. «Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных её интересах. Бывшие в ней зародыши внутренней борьбы развились именно в недавнее время; но весьма вероятно, что они из числа последних: с улажением их или даже с несколько продолжительным умиротворением их Европа опять обратится всеми своими силами и помыслами против России, почитаемой ею своим естественным прирождённым врагом»⁵.

Отсюда и общий вывод: «Борьба с Западом — единственное спасительное средство, как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями»⁶.

Был у славянофилов и третий образ — образ Европы не просто как чужака, а то и урага, но как деградирующей, «загнивающей», «смердящей» части мира, по сравнению с которой Россия обладает рядом преимуществ.

«Запад гибнет!.. Пока он собирает свои мелочные сокровища, пока предаётся своему отчаянию — время бежит, а у времени есть собствен-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 397.

² Там же. С. 402.

³ Там же. С. 267.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Там же. С. 401.

⁶ Там же. С. 433.

ная жизнь, отличная от жизни народов; оно бежит, скоро обгонит старую одряхлевшую Европу — и, может быть, покроет её теми же слоями недвижимого пепла, которыми покрыты огромные здания народов древней Америки...»¹. Так писал в 1844 г. «любомудр» В. Одоевский.

Ещё более резко высказывался о гибели Запада К. Леонтьев. Многие исследователи не считают его последовательным славянофилом, но некоторые фундаментальные идеи этого направления он всё-таки разделял, в том числе идею о том, что Запад отжил своё и вступил в пору гниения. «...Европа в XIX веке переступила за роковые 1000 лет государственной жизни»² и вступила в стадию разложения, — писал он в 1875 г. — «Вместо организованного разнообразия больше и больше распространяется разложение в однообразии!»³

Порой Леонтьев высказывается ещё жёстче: «“Запад гниёт”. Согласен»⁴. И потому России нет никакого резона копировать Европу и пытаться следовать по её пути. Напротив, «нам по мере возможности необходимо остерегаться сходства с Западом»⁵. И мы правильно делаем, полагал Леонтьев, что «стараясь теперь затормозить хоть немного свою историю, в надежде на то, что можно будет позднее свернуть на вовсе иной путь»⁶. «Конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и ещё скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв! Надо, чтобы памятник «нерукотворный» в сердцах наших, то есть идеалы петербургского периода, поскорее в нас вымерли»⁷. «И пусть тогда бушующий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас к неизбежной бездне социальной анархии»⁸.

¹ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 180.

² Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Избранное. М., 1993. С. 96. Согласно историософской концепции Леонтьева наибольшая долговечность государственных организмов — это 1000 или 1200 с небольшим лет (Там же. С. 84).

³ Там же. С. 96. По Леонтьеву, для долговечности государства необходимо разнообразие не смешанное, но организованное в единстве; разнородность положений и воспитания, поставленные в некоторые юридические пределы для избежания разнородности хаотической, для предотвращения слишком быстрого смешения социальных типов и неопределённости, неустойчивости тех простых и основных душевных навыков, которыми, главным образом, определяется роль человека в жизни и сила его к ней приспособления...». См.: Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Славянофильство: Pro et Contra. Антология. СПб., 2006. С. 534.

⁴ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни. С. 535.

⁵ Там же. С. 538.

⁶ Там же. С. 537.

⁷ Леонтьев К. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Избранное. С. 168.

⁸ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни. С. 537.

Был, впрочем, и иной взгляд на отношение России к «гниющему» Западу, разделявшийся, в частности, тем же В. Одоевским: Запад надо... спасти. И сделать это может и должна Россия — во имя человечества. «Чтобы достигнуть полного гармоничного развития основных, общечеловеческих стихий, Западу, несмотря на всю величину его, недоставало другого Петра, который бы привил ему свежие, могучие соки славянского Востока!

Между тем, что не совершилось рукой человека, то совершается течением времени... Чует Запад приближение славянского духа, пугается его, как наши предки пугались Запада... Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке — узнайте его, и вы в том уверитесь; вы найдёте у нас частию ваши же силы, сохранённые и умноженные, вы найдёте и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами»¹.

Так выглядели, в общем и целом, основные образы Европы, которые сложились и доминировали, конкурируя друг с другом, в российском обществе на протяжении XIX и начала XX вв. Ситуация заметно изменилась с приходом к власти большевиков. Теперь Россия смотрела на Европу одновременно с двух сторон: извне, из Советского Союза, и *изнутри*, из самой Европы, куда были заброшены судьбой сотни тысяч изгнанников из России, среди которых оказалось немало людей не только выдающихся, но ещё и остро переживавших своё положение и пытавшихся заново осмыслить отношение к старой и новой Родине. И поразительная вещь: они и там, за рубежом, снова разделились на две группы, в принципе воспроизводившие две отечественные традиции — западническую и славянофильскую.

«Дореволюционная Россия была частью Европы, хотела быть и была европейскою страной. В начальные её времена никакое средостение не отделяло её от тогдашнего западного мира. Только разгром Константинополя крестоносцами и последовавшее вскоре татарское нашествие привели к боязни «латинства» и к тому отчуждению от остальной Европы, которое наложило на Московское царство такую тяжёлую печать. Но и в течение этих четырёх с лишним веков отчуждение было менее полным, чем обычно думают, а главное, после того, как оно кончилось, очень скоро стало ясно, что, преодолев его, Россия обрела подлинный свой путь, который именно отчуждение ей и преграждало»².

¹ Одоевский В. Ф. Указ. соч. С. 182.

² Вейдле В. Пора России снова стать Россией // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. II. С. 355.

Так писал в 1967 г. (специально приурочив свою публикацию к 50-й годовщине Октябрьской революции) проживавший в Париже известный русский историк и художественный критик В. Вейдле. Примечательно, что, призывая «плечистого недоросля СССР» восстановить связи со своим историческим прошлым, он хотел, чтобы последний стал «вновь Россией — той, что выросла в Европу тысячелетней своей историей»¹. Надо ли говорить, что взгляды Вейдле на Европу разделяли в принципе многие русские эмигранты?

Многие, но не все. Были среди российских изгнанников — в том числе людей выдающихся — и такие, кто придерживался представлений о Европе, прежде всего Западной, как земле, чуждой России, о «неевропейскости» последней — причём не в силу её отсталости, а в силу специфики её природы. «М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин первые поняли своеобразие России, её особенность от Европы, её “неевропейскость”, — писал философ И. Ильин. — Ф.М. Достоевский и Н.Я. Данилевский первые поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были прозорливы и правы»².

Что же разделяет Европу и Россию? Налицо, отвечает Ильин, «глубокое различие между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура — иная, своя, и притом потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы её видим, изучаем, знаем, и если есть чему, то учимся у неё; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая всё на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мёртвое сердце — мертво и для нас»³.

Ильин вовсе не проявляет высокомерия по отношению к Европе и не прочит её в ученики России. Но не считает Запад и учителем:

¹ Вейдле В. Пора России снова стать Россией. С. 354.

² Ильин И. Против России // Наши задачи. М., 1992. Т. 1. С. 58.

³ Там же. С. 59.

«Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя самим себе»¹. И потому предостерегает против неоправданных заимствований — в частности, в сфере религии («все попытки заимствовать у католиков их волевую и умственную культуру — были бы для нас безнадёжны»²) и права («русское право и правосознание должны оберегать себя от западного формализма...»³).

Взгляды на Европу Вейдле и Ильина являли собой две экстремы, между которыми располагались промежуточные позиции, тяготевшие либо к одному, либо к другому полюсу. Но все они были пронизаны патриотическим духом, ибо даже те мыслители, которые стояли на проевропейских позициях и утверждали, что России следует обратить свои взоры, прежде всего, к Западу, к Европе, были убеждены в том, что это пойдёт на пользу России, которую они в душе по-прежнему считали своим домом.

Это в полной мере относится и к представителям так называемого евразийства — идейно-политического течения, сложившегося в 20-х годах XX в. за пределами России и представленного, в частности, такими видными мыслителями, как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, Л.П. Карсавин и др.

Евразийцы критически относились к Европе и европейской цивилизации как чуждой России. «Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго», — говорилось в опубликованном в 1926 г. «Опыте систематического изложения» — этом своеобразном манифесте евразийцев. Борьбу против европеизации они провозглашали одной из важнейших задач России. «...Если европейская цивилизация ничем не выше всякой другой, если полное приобщение к чужой культуре невозможно и если стремление к полной европеизации сулит всем неромано-германским народам самую жалкую и трагическую участь, — писал Н. Трубецкой, — то очевидно, что с европеизацией этим народам надо бороться изо всех сил»⁴.

Через семьдесят лет — на круги своя?

А что происходило в самой послеоктябрьской России — теперь уже большевистской? Её отношение к Европе за годы советской власти

¹ Там же. С. 328.

² Там же. С. 327.

³ Там же. С. 330.

⁴ Трубецкой Н. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 82.

менялось не раз. Ленин и его соратники (многие из которых, включая самого вождя, прожили за границей значительную часть жизни), будучи марксистами-интернационалистами, ориентировавшимися на формационную теорию исторического развития, в принципе разделяли западническую позицию. Они не видели фундаментальных различий между Европой и Россией. Конечно, последняя рассматривалась ими как страна, отставшая от европейского авангарда в социально-экономическом и политическом отношениях. Но это отставание предполагалось преодолеть — в том числе, путём заимствования передового европейского опыта, тем более что и сама Европа должна была, по замыслу Ленина и европейских вождей Третьего интернационала, пройти через очистительные социалистические революции.

В этом революционном процессе, полагал Ленин, Россия и Европа, связанные общностью судеб, будут выступать друг по отношению к другу в качестве сменяющих один другого образцов. «...После победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, а именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в “советском” и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалёкого будущего»¹.

Однако со второй половины 20-х годов отношение большевиков к Европе начинает меняться. Становится очевидным, что наступила, как тогда говорили, «стабилизация капитализма», и строить социализм советской России придётся в одиночку, в условиях капиталистического окружения. Усилиями Сталина и его соратников (опиравшихся на мощную машину агитпропа) в стране формируется устойчивый образ капиталистического Запада, который не просто «загнивает», но является источником смертельной угрозы для СССР. «Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его»².

¹ Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Избранные произведения. В 3 т. М., 1966. Т. 3. С. 285.

² Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Сочинения. М.,

Антигитлеровская коалиция просуществовала слишком недолго и была слишком непрочной, чтобы устранить взаимную враждебность капиталистической Европы и социалистического Советского Союза, а начавшаяся в 1947—1948 гг. холодная война на четыре десятилетия закрепила сложившееся отношение СССР к Западной Европе и США как к источникам внешней угрозы и, как говорили тогда, имея в виду возможность перерастания холодной войны в горячую, «вероятному противнику».

После смерти Сталина накал холодной войны несколько ослабел, а так называемая разрядка международной напряжённости («детант») и признание советской стороной возможности и желательности «мирного сосуществования государств с различным общественным строем», позволившие приподнять «железный занавес», смягчили отношение СССР к Западной Европе и Америке. Однако принципиальных изменений не произошло. Запад по-прежнему рассматривался Москвой как источник военной и идеологической угроз, а капитализм — как «загнивающий» общественный строй, на смену которому рано или поздно придёт социализм.

Надо, однако, заметить, что наряду с официальным образом Европы и Запада в целом в советском общественном сознании потаённо существовал (по крайней мере с 60-х годов, когда стали налаживаться культурные контакты между СССР и западными странами и советские люди, пусть очень немногие, получили возможность увидеть «загнивающий мир» своими глазами) и другой образ, в формировании которого активное участие принимала западная пропаганда (прежде всего, радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна» и др.). То был образ Западной Европы как царства свободы и демократии, где есть, конечно, свои тени, но где тем не менее люди живут богато, радостно, счастливо — гораздо лучше, чем в Стране Советов.

Распад СССР поставил выделившуюся из его состава Россию перед необходимостью нахождения своей новой национальной идентичности. Этот процесс продолжается по сей день. Причём поиски

1997. Т. 14. С. 154—155. Тезис о «враждебном окружении» появился задолго до 1937 г. и эксплуатировался Сталиным вплоть до его смерти. Нельзя забывать и о личном неприязненном отношении вождя к Западу, где он практически не бывал и который не любил. Константин Симонов, вспоминая о своих встречах со Сталиным, приводит весьма любопытное высказывание «отца народов». «У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами... Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал, — засранцами...». См.: *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 59.

своего нового «я» Россия, как и прежде, ведёт путём сопоставления себя с Западом. Правда, теперь на горизонте появились и в некоторых отношениях выдвинулись на передний план Соединённые Штаты Америки. Но Европа не ушла в тень и продолжает оставаться для России важным ориентиром.

Крушение Советского Союза, казалось, окончательно разрушило создававшийся властью негативный имидж капиталистического мира, и потаённый миф о райском Западе вышел на поверхность, подкрепляя наивные ожидания и части «низов», и большинства новых российских властителей, что вчерашний противник, будучи на самом деле истинным ревнителем демократии и свободы, тут же заключит рвущуюся к «общечеловеческим ценностям» Россию в братские объятия, одарит неограниченной и бескорыстной помощью и примет в «семью цивилизованных народов». «Россия, — уверял своих зарубежных друзей Б. Ельцин в июле 1991 г. — сделала окончательный выбор. Она не пойдёт путём социализма, она не пойдёт по пути коммунизма, она пойдёт по цивилизованному пути, которым прошли Соединённые Штаты и другие цивилизованные страны Запада».

Однако уже через несколько лет, когда выяснилось, что США и Европа не столь хороши, как это казалось издали, что они не так бескорыстны, как полагали те, кто рассчитывал на их помощь, и что советы многочисленных западных экспертов, наводнивших Россию, не дают ожидавшегося эффекта, прозападные иллюзии стали быстро таять. Правда, представление о том, что Европа идёт к закату или даже «загнивает», развивавшееся в своё время К. Леонтьевым и его единомышленниками, а потом подхваченное большевиками, — это представление разделяется сегодня (в отличие от европейцев, которые всеерьёз озабочены будущим Европы и Запада в целом) лишь сравнительно немногими россиянами.

Тем не менее в целом мы снова стали свидетелями возобновившегося противоборства образов Европы, имеющих в основе своей либо западническую, либо славянофильскую «закваску». Это отчётливо проявляется в ходе многочисленных дискуссий о судьбе России, развернувшихся в стране с начала 90-х годов и достигших своего пика к концу минувшего века. Особо следует выделить многолетнюю, высекающую искры дискуссию (она продолжается до сих пор, хотя и не столь активно, как прежде) о так называемой национальной русской идее¹, в которой приняли участие Н. Моисеев и А. Солженицын,

¹ Подробнее об этом см.: Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009.

Л. Копелев и А. Зиновьев, Н. Шмелёв и В. Аксютин, Г. Греф и И. Чубайс, Л. Анненский и Л. Трофимов и ещё сотни философов, журналистов, литературных критиков, историков, «схватившихся» друг с другом в поисках истинного облика нынешней России и нынешней Европы вместе с Северной Америкой. И при всей оригинальности их частных суждений, не выходящих в принципе за пределы того круга образов, который был очерчен век-другой назад Чаадаевым и Аксаковыми, Белинским и Киреевским, Герценом и Данилевским. Споры продолжаются, и спешить с «подведением итогов» не стоит. Но перевес — и перевес всё растущий — на стороне критиков Запада.

Примерно ту же картину дают нам многочисленные опросы общественного мнения последних лет. Как показал анализ социологических замеров, проведённых ФОМ в 2000–2002 гг., «с Европой себя ассоциирует лишь малая часть россиян. Более того, треть общества отодвигает границы Европы от российских. Европа как место и как идея маркирует в массовом сознании не столько географическую реальность, сколько образ жизни, богатство, успех, удовольствия, отдых, культурные достопримечательности»¹. Ну и, конечно, специфику самих европейцев с их менталитетом, с их ценностными и политическими ориентациями, порой существенно отличающимися (в представлении наших соотечественников) от российских².

Результаты последующих исследований, проведённых разными социологическими службами, показали, что ситуация в принципе не изменилась: подавляющее большинство россиян по-прежнему не считают свою страну частью Европы, а себя — европейцами. Весьма показательны в этом отношении итоги опроса, проведённого ВЦИОМ в феврале 2007 г. в 46 областях, краях и республиках России. С утверждением «Россия — часть Европы, и в XXI в. их судьбы будут теснее всего связаны» согласилось — в масштабах всей страны — лишь чуть более трети респондентов. В наибольшей мере европейцами себя чувствуют, как и следовало ожидать, жители Москвы и Санкт-Петербурга — 47%. А вот в глубинке таковых — на 10–12% меньше.

¹ Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. М., 2003. С. 76.

² О том, как современные россияне представляют себе специфику российского менталитета и его отличие от менталитета западного, можно судить, в частности, по любопытной статье вологжанина Гурия Судакова, победившую в организованном «Российской газетой» в середине 90-х годов конкурсе на лучшую национальную идею. См.: Судаков Г. Шесть принципов русскости, или Когда в России появится праздник Датского королевства? // Российская газета. 17.09.1996.

У современных россиян амбивалентное отношение к Европе. С одной стороны, у большинства из них (и какого большинства: 77%!) понятие Европа вызывает «скорее положительные чувства» против всего-то 11%, у которых это понятие вызывает «скорее отрицательные чувства»¹. «Европа как экономический, культурный и цивилизационный феномен остаётся ориентиром для россиян. Большинству россиян хотелось бы жить именно как в Европе, отдыхать на европейских курортах, пользоваться всеми благами европейской цивилизации»². Они ратуют за развитие контактов, укрепление экономических и политических отношений с европейскими странами.

С другой стороны, большинство наших соотечественников убеждены, что с этими странами надо держать ухо востро: и потому, что многие из них входят в НАТО (к которому негативно относится 57% россиян), и потому, что эти страны «не заинтересованы в подъёме и укреплении России» (49%), поскольку в сильной России видят угрозу для себя. Так что не следует стремиться любой ценой «интегрироваться в Европу», а тем более — рваться в Евросоюз.

В целом же, как полагают отечественные аналитики, россияне хотели бы, «чтобы при сохранении общего вектора (сложившегося к настоящему времени. — Э.Б.), Россия продолжала бы искать «свой путь», ещё в меньшей степени ориентируясь на интересы и позицию Запада».

Как россияне представляют себе этот путь, показывают и упомянутые дискуссии, и опросы общественного мнения, и столь частое обращение многих российских политиков и общественных деятелей к образу символизирующего Россию двуглавого орла, одна голова которого повёрнута в сторону Европы, а другая — в сторону Азии, равно как и образ моста, соединяющего Европу и Азию, Восток и Запад. Отсюда и участвовавшие в последние годы суждения о росте «евразийских» («новоевразийских») ³ настроений в нашем обществе.

¹ Для сравнения заметим, что в отношении Америки (без уточнения, идёт ли речь только о Соединённых Штатах или они берутся вкупе с другими американскими странами) отрицательные чувства перевешивают положительные (соответственно 50% и 34%).

² Время новостей. 2007. № 42.

³ Такую идентификацию следует считать условной, ибо «евразийство», как отмечалось выше, — это сложное идейно-политическое течение со своей идеологией и программой, которые известны лишь немногим россиянам. Когда сегодня говорят о «евразийской» ориентации (её правильнее было бы назвать «евро-азиатской»), то имеют ввиду представление о том, что Россия расположена не только в Европе, но и в Азии и её культура несёт в себе не только европейские, но и азиатские черты.

Действительно, согласно данным опроса, проведённого в феврале 2007 г., с утверждением «Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр её интересов будет смещаться на Восток» согласились 45% россиян. Причём в крупных городах с населением более 500 тыс. жителей процент поднимался до 50. Близкие данные дают и другие опросы.

Это, конечно, вовсе не означает, что россияне готовы повернуться спиной к Европе. Тут другое: поддерживая хорошие отношения с ней, ориентируясь в чём-то на неё, они не хотели бы в то же время и поворачиваться спиной к Азии, отчётливо сознавая, что она совсем не чужая для России и её граждан.

Сойдутся ли Запад и Восток?

История эволюции европейских представлений о России и россиянах и российских — о Европе и европейцах убедительно свидетельствует о том, что радикальных изменений за последние два века не произошло. Менялись формы выражения, нюансы, частные характеристики, но сущность базовых позиций оставалась неизменной, отливаясь в традиционные стереотипы.

Европейцы в массе своей всегда смотрели на Россию свысока, а если и признавали наличие «семейных связей», то видели в ней родственницу дальнюю и неотёсанную, европейскую «деревенщину». И хотя некоторые черты создаваемых ими образов России и россиян соответствовали реальному положению вещей, в целом эти представления, порождённые комплексом величия, были далеки от «подлинника» и порой просто оскорбительны. Так было раньше, так обстоит дело и теперь. Это признают и некоторые из европейцев. По словам Г. Кроне-Шмальц (проработавшей несколько лет в Москве), «в случае с Россией налицо громадный разрыв между существующими в этой стране реальностями, с одной стороны, и стереотипами, всё ещё сохраняющимися в западных головах, — с другой»¹.

Отношение россиян к Европе было более сложным. Часть из них рвалась на Запад, видела в нём образец для подражания, а то и свой завтрашний день. Другая часть утверждала, что Россия вполне самодостаточна и спокойно проживёт вне Европы и без Европы. Но порой и они (имевшие, как правило, прекрасное образование, нередко европейское) выглядели, по словам К. Леонтьева, «людьми с самым обык-

¹ Кроне-Шмальц Г. Указ. соч.

новенным европейским умеренно либеральным образом мыслей»¹. В целом же российские представления о Европе и европейцах (розовые ли, чёрные ли), рождённые в борьбе комплекса неполноценности и комплекса величия, тоже искажали европейские реалии. И сегодня в этом отношении мало что изменилось.

Возникает естественный вопрос: а в каком направлении будут эволюционировать рассматриваемые образы в обозримой перспективе? Это особенно волнует россиян, которые всегда чутко, а то и болезненно реагировали на мнение Запада о себе и своей стране.

Резонно предположить, что улучшение положения дел в России, её сближение с Европой, совершенствование информационной инфраструктуры, повышение уровня дипломатического искусства, разумная внешняя политика, умелое целенаправленное конструирование позитивного образа нашей страны и его внедрение в европейское сознание могут изменить к лучшему нынешнее представление европейцев о современной России и россиянах.

Вместе с тем не следует питать иллюзий, что это улучшение может быть радикальным и устойчивым. Когда европейцы говорят, что Россия — «другой мир», намекая на её второсортность, или прямо заявляя о ней, о её дикости и отсталости, они искажают реальное положение вещей. Другое дело, если речь идёт о самобытности, которой отмечена практически каждая страна. Россия слишком велика и самобытна, чтобы полностью интегрироваться в Европу. Она была, есть и будет страной одновременно и европейской, и азиатской, сохраняющей неизбывные отличия от стран Европы и по языку, и по религии, и по культуре, и по менталитету, и по быту, и по многим другим проявлениям жизни, которые в обозримом будущем не сотрёт никакая глобализация. Да и перспективы дальнейшего развития у России иные, чем у Европы.

И потому надо быть готовыми к тому, что даже при тесном сближении с ней — будь то на уровне Евросоюза или отдельных стран — и распространения позитивного имиджа России между нами всегда будет дистанция, а в сознании европейцев сохранятся и время от времени, возможно, будут воскресать (особенно в тревожных и критических ситуациях) негативные архетипические представления о России и её людях. Те самые представления, которые мы находили прежде

¹ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни. С. 536. «И Государь Николай Павлович, — добавлял Леонтьев, — был прав, подозревая постоянно, что под широким парчовым кафтаном их величавых “вещаний” незаметно для них самих скрыты узкие и скверные панталоны обыкновенной буржуазности».

у Кюстина, Шпенглера, Киплинга, а теперь обнаруживаем в сотнях статей, докладов, книг и «экспертных оценок». Это плата за самобытность, самостоятельность, свободу, независимость.

Немного оснований и для радикального изменения формирующихся в России образов Европы. Как бы ни сложилась её судьба в долгосрочной перспективе (а на этот счёт высказывается немало тревог), в обозримом будущем она, конечно же, сохранит свою цивилизационную идентичность, основанную на чуждых России ценностях католицизма и протестантизма; сохранит свой существенно отличающийся от российского менталитет, взращённый эпохами гуманизма, Реформации и Просвещения. Она долго ещё будет опережать Россию по уровню экономического развития, а тем более — по уровню жизни её граждан. И всё это вместе взятое, плюс критическое отношение к России неизбежно будет воспроизводить то отношение россиян к Европе, которое существовало вчера и сегодня, и те её образы, которые формировались на основе этих отношений.

Конечно, искажённые представления стран и народов друг о друге мешают их взаимопониманию и взаимодействию, и следует делать всё возможное, чтобы эти искажения исправить. Но при этом надо отдавать себе отчёт в том, что складывавшиеся десятилетиями, а то и веками стереотипы обладают высокой степенью устойчивости и продолжают жить в сознании людей и после изменения породившей их реальности. Для их существенного изменения требуется время — и немалое.

Часть III. РОССИЯ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Глава 21. Россия о России

Историософская, проективная мысль о судьбе России зародилась сравнительно недавно. В нашем отечестве ей от роду лет двести, не больше.

Глубокое самосознание — черта, в общем-то, не свойственная ни нашей национальной природе, ни нашей исторической науке. В основе русской мысли лежат мечтательность и религиозный порыв. Древние летописи регулярно редактируются в зависимости от политической ситуации (эта традиция благополучно дошла до советских времён). Знаменитые историки прошлого, как правило, — блестящие писатели, но значительно проигрывают как учёные, как объективные аналитики «преданий старины глубокой», даже когда в их распоряжении имеются неподдельные редкие факты и документы. Главный жанр наших исторических штудий — сказка или утопия, их хорошо читать на ночь, перед сном.

Великая когорта — В. Татищев, Н. Карамзин, С. Соловьёв, В. Ключевский, Н. Костомаров — гордость и слава нашей историко-научной беллетристики. Одновременно это готовое несжатое поле для всякого рода современных культурологических и социологических прогнозов. Самое важное, что необходимо было понять, — это место России во всемирном движении народов, и, угадывая, предсказать её будущее, как цель исторического существования.

Спор, которому нет конца

Нефилософский (а по преимуществу художественно-религиозный) ум России нуждался в европейской (сначала французской, а затем германской) прививке. Этого не может отрицать никто: ни западники, ни славянофилы. Трансцендентная прививка к православному дереву, в конце концов, дала миру замечательные плоды идеалистической философии и историософии от П. Чаадаева и К. Аксакова, от Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева до Н.А. Бердяева и С.П. Франка. А это уже был оригинальный и всемирно значимый опыт постижения отечественного бытия и будущего.

Россия, расширяясь на восток, одновременно умом и опытом постигала христианскую Европу. Приливы и отливы европоцентристского сознания мыслящей части русского общества чередовались с утверждением особого пути России. В основе радикальных идей лежала религиозная доктрина: православие и католицизм (как и протестантские ветви западной веры) диктовали разные условия и этику государственного устройства и его развития. Разумеется, эти идеи во многом опирались и на геополитические обстоятельства.

Остановимся (поневоле конспективно) на магистральном направлении историософских построений, которые в России обрели свою систему лишь к середине XIX в.

Как известно, у славянофилов не было чёткого представления о будущем отечества, они были против имперской программы и «вестернизации», вели жаркие дискуссии с западниками, но их идеалы, как правило, были повернуты вспять, к традициям допетровской России. Народники, вслед за А. Герценом и Н. Чернышевским, грезили социалистической общиной как основой будущей русской государственности. Особый путь предложил России известный социолог и публицист Н.Я. Данилевский — идеолог так называемого панславизма. Для нашей темы его идеи имеют немаловажное значение, особенно в свете возрождения в наши дни неославянофильских и евразийских идей.

Данилевский выдвинул теорию обособленных цивилизаций, которые он называл «культурно-историческими типами». По его мнению, они развиваются параллельно, подобно «биологическим организмам», лишь слегка соприкасаясь взаимовлияниями. Качественно новым Данилевский считал «славянский тип», славянскую цивилизацию, противостоящую враждебной ей Европе. В своём главном труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-римскому» он писал:

«Чем искреннее и бескорыстнее усваивали мы одну из европейских точек зрения, тем глубже ненавидела нас Европа, никак не хотевшая верить нашей искренности и видевшая глубоко затаённые властолюбивые планы там, где была только задушевная преданность европейскому легитимизму и консерватизму»¹. И далее: «Рано или поздно, хотим мы или не хотим, но борьба с Европой (или по крайней мере со значительной частью её) неизбежна из-за восточного вопроса, т.е. из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Царьградом — из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а, по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование её исторического призвания»².

Данилевский призывал к созданию «Всеславянского федерального союза». На Балканах в 1875 г. началась вооружённая борьба с Оттоманской империей, вылившаяся в войну Сербии и Черногории с Турцией. В военных действиях на стороне славян выступила и Россия. Восточный вопрос определял всю историософию Данилевского, Тютчева, Бакунина и многих других видных представителей русской мысли. «Мы не вложим меч в ножны, — писал Михаил Бакунин, — пока хоть один славянин останется в немецком, турецком и другом каком рабстве»³.

В России многие верили в подъём общего национального православного движения против турецких поработителей. Однако, как свидетельствует беспристрастная история, дело обстояло не так просто. Два главных славянских народа Балканского полуострова — болгары и сербы — относились друг к другу иногда не менее враждебно, чем к туркам. Потеряв двести тысяч убитыми и ранеными, Россия помогла славянским братьям освободиться от турецкого ига, но сама не получила тех геополитических результатов, о которых мечтали Данилевский и другие панслависты. До сих пор, кстати, мы пожинаем плоды бесперспективности достижения балканского единства, основанного на национально-этнических принципах.

Интеллектуальная элита России отвергала капитализм как цивилизацию, разрушающую земледельческие идеалы, по причинам этическим, ибо он губит цельность и гармоничность человеческой личности, а также по причинам эстетическим. Здесь неозападники внезапно объединились с неославянофилами: первые воочию видели

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 5-е изд. СПб., 1889. С. 321.

² Там же. С. 474.

³ Бакунин М. Избранные сочинения. Т. 3. С. 89.

социальные пороки капитализма, порождающие классовое неравенство и новые революционные конфликты; вторые увидели угрозу «русскому духу» и православному коллективизму¹.

Одним из самых ярких и непримиримых противников нового общественного строя был Константин Леонтьев, виднейший теоретик русского национализма, который писал: «Нужно подморозить Россию, чтобы она не гнила». И далее: «...пусть бушующий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас в бездну социальной анархии»².

Как писатели и мечтатели славянофилы XIX в. были глубже и интереснее западников. Последним мешал ортодоксальный материализм, прагматические принципы, часто настроенные на социалистический регистр. Между тем в полемике терялись решающие моменты, характеризующие наиболее видных представителей славянофильства как мыслителей синтеза, а не нигилизма, который был, скорее, свойственен крайним европофилам.

Приведу очень точное замечание А.Ф. Лосева о Константине Аксакове: «Если под славянофильством понимать философско-историческую концепцию отрицания Запада и возврата к допетровской России, то А. является страстным критиком такой концепции

Допетр. = *тезис*

Запад — *антитезис*

Новая свободная принципиальность = *синтез*»³.

Другой наш выдающийся современник, С.С. Аверинцев назвал нынешних уже «неославянофилов» «этнографическими провинциалами». Впрочем, не пощадил он и русофобию «неозападников»⁴. Уйти от крайностей для русского сознания — вещь почти невероятная, но необходимая, особенно в сегодняшние смутные времена. Больше всего России не хватает духовного здоровья и нормы. Не стоит высокомерно отмахиваться от А.И. Солженицына: «Труднее всего прочерчивать среднюю линию общественного развития: не помогает, как на краях, горло, кулак, бомба, решётка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твёрдого мужества, самого расчётливого терпения, самого точного знания» («Красное колесо»).

¹ См.: Геллер М. История российской империи. М., 1997. Т. 3. С. 140.

² Леонтьев К. Моя литературная судьба. Автобиография. Репринт. 1965. С. 39.

³ Лосев А.Ф. Имя. Алтея. СПб., 1997. С. 95.

⁴ См.: Литературная учёба. 1997. Кн. 5—6. С. 9.

В жанре утопии

Русская социал-демократическая мысль, воспринявшая марксизм как своё кровное, личное дело, выдвинула двух выдающихся лидеров — Плеханова и Ленина.

Вот что сказано о В.И. Ленине в капитальной «Истории человечества», изданной ЮНЕСКО в 2003 г.:

«Социо-психологический архетип, олицетворённый Лениным, мог реализоваться именно в России. Беспредельный фанатизм и уникальная целеустремленность, беззастенчивость в выборе средств, ведущих к цели, явились квинтэссенцией его личности и одновременно устремлений русской интеллигенции, поколения которой фетишизировали революцию. Именно Ленин стал как бы высшей и крайней точкой всего так называемого “Освободительного движения”, деятеля которого, ратуя за “свободу” и “счастье народное”, видели материализацию своих идеологических устремлений лишь в ниспровержении существующих форм организации общества и государства. И именно Ленину суждено было стать самым последовательным и бескомпромиссным проводником этой утопической мечты»¹.

Историко-философские концепции развития России активно разрабатывались после революции русскими эмигрантами. Основные темы, поднятые, к примеру, Н.А. Бердяевым, касались русской религиозной идеи и государства, национального самосознания, русского психического склада, типов русских революционеров, соотношения христианства, коммунизма и революции. В исследованиях эмигрантских учёных и политических деятелей традиционно поддерживалось противоборство в русской душе восточных и западных элементов. В построениях философов ставились вопросы не только методологического общетеоретического, но и конкретно-исторического плана: Пётр I и его реформы, социально-политические преобразования Екатерины II, общественно-политическая деятельность Н.Г. Чернышевского, народников рассматривались в контексте общеисторических особенностей России. Об этом шла речь на чрезвычайно интересной международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940», которая состоялась в Москве в сентябре 1993 г. В прозвучавших на ней докладах и выступлениях (вошедших затем в двухтомный сборник²) были рассмот-

¹ История человечества. Т. VIII. Россия. ЮНЕСКО. С. 521.

² Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994.

рены многие сюжеты и прогнозы, связанные с русской историей и будущим России.

Нельзя в этой связи пройти мимо сборника статей о русской революции «Из глубины», который гораздо менее известен, чем знаменитые «Вехи», но по своему пророческому пафосу и исследовательской силе ничуть им не уступает. В предисловии к этой книге, которая бесцензурно, свободно вышла лишь через полвека после того, как была создана¹, её издатель Никита Струве пишет: «Нигде более с такой ясностью и остротой не были вскрыты те свойства русской души и условия русской истории, приведшие к взрыву 1917 г.».

Наиболее сильное впечатление в этом сборнике производит статья С.Я. Франка «De profundis», написанная в Берлине в 1922 г. Вот слова, которые, на мой взгляд, заставляют задуматься каждого, кому дорога судьба нашего Отечества:

«Вся наша жизнь и мысль должны быть пропитаны духом истинного, высшего реализма — того реализма, который сознаёт духовные основы общественного бытия и потому включает в себя, а не противопоставляет себе, творческий идеализм внутреннего совершенствования. Для этого реализма общественным идеалом может быть не выдуманная, оторванная от жизни отвлечённая идея извне, вторгающаяся в жизнь и коверкающая её, а лишь живая сила устремления, органически вырастающая из самой жизни и движения народного сознания, — сила, которая только потому способна творить новое, что укреплена в старом и неразрывно связана с ним. В учреждениях, правах, быте, имеющих историческое прошлое, он видит не зло, которое должно и может быть механически устранено и механически же заменено новыми, данным поколением придуманными сторонами жизни, а проявление и следы нравственного и духовного прошлого народа, которые могут изменяться и развиваться лишь через органическое перевоспитание и внутреннее совершенствование народной воли и мысли *не в отрицании и нивелировании, не в упрощении и рационализировании, а, наоборот, в любовно внимательном, бережном охранении и развитии всей органической сложности и полноты исторических форм жизни усматривает он путь к развитию культуры* (выделено мною. — Е.С.).

Это развитие Франк мыслит поэтому только в конкретно-исторических, органически произрастающих из народной веры и воли коллективных единствах нации, государства, церкви. Лишь в таких непосредственных, не искусственно создаваемых, а исторически слагающихся

¹ Из глубины. Сборник статей о русской революции. Р., 1967. С. V.

и растущих формах жизни он усматривает проявление истинной народной воли, то есть осуществление подлинного идеала демократии как внутренней обоснованности общественных отношений и политического строя на живом духе, конкретных нуждах и идеальных устремлений народа»¹.

Пусть простит меня читатель за столь обширную цитату, но она одна стоит целого трактата. И насколько актуально звучат приведённые здесь мысли для строительства сегодняшней новой России!

После Великой Октябрьской революции ни о какой норме, ни о какой середине не могло быть и речи. Кроме того, сама Россия как субъект истории была поглощена Советским Союзом и постепенно потеряла свою национальную и государственную идентичность. В этом был программный смысл пролетарского (а затем общесоветского) интернационализма. Новая историческая общность — советский народ — на практике отрицала (или, во всяком случае, не приветствовала) национальную самобытность как основу этнически и религиозно многоликого государства.

Во времена перестройки накопленные национально-исторические фобии привели к вполне естественному взрыву. Но зато Россия вдруг вновь обрела «отдельность», голос, и начался новый этап её самопознания и историософской рефлексии.

При этом надо учесть, что готовность нашего русского общества к демократической свободе была равна нулю. Страна рабской политической покорности, нравственной индифферентности не может проснуться по приказу или призыву, ибо привыкла тревожно дремать в течение многих и многих десятилетий. Поэтому именно Россия позже других включилась в дискуссию о своей идентичности. Имперская привычка быть первой среди равных часто ведёт к национальному аутсайдерству в период революционных изменений.

События конца 1980-х — начала 1990-х гг. на территории бывшего СССР характеризуются общей тенденцией: многие социальные процессы в условиях глубоких преобразований приобретают этническую окраску, причём зачастую весьма радикальных оттенков. Это был период борьбы за самостоятельность, суверенитет, создание независимых национальных государств. И противостояние активных политических сил, и размежевание населения за редким исключением проходили в политическом измерении «демократия—тоталитаризм», а этничность выступала в роли консолидирующего фактора.

¹ Там же. С. 329.

Главный элемент самоидентификации русских — определение себя в первую очередь как «граждан государства» — к середине 1990-х гг. утрачивает доминирующее положение.

Представления русских о себе были основаны, главным образом, на идентификации с советской властью, игравшей роль некоего «заместителя» национальной истории и культуры. Ныне же, по данным ВЦИОМ, миллионы россиян смешанного происхождения, проживающие в бывших республиках СССР, предпочитают сменить свою этничность под воздействием социально-политических и культурных обстоятельств. Условно говоря, молодой житель Киргизии, имеющий отца-киргиза и русскую мать, становится киргизом по паспорту, хотя до этого был русским и по паспорту, и по языку, и по воспитанию¹.

Впрочем, имеется и обратная тенденция, связанная с миграцией в Россию низкооплачиваемой рабочей силы, особенно из Таджикистана и Молдавии.

Распад Советского Союза мгновенно высветил слегка модернизированные евразийские идеи с налётом доморощенного эзотеризма в стиле известного французского философа Рене Генона. Должен заметить, что религиозно-философской мистики нам только и не хватало в переходный период. Как иронически выразился бы вождь мирового пролетариата, «материя исчезла». Наиболее популярный евразиец этого типа, конечно, Александр Дугин, который бесхитростно называет Россию последнего семидесятилетия воплощением Вавилонской Блудницы.

Углубляясь в историю, А. Дугин более концептуален. Он пишет о «бутафорских, но грандиозных инсценировках Апокалипсиса зловещим императором Петром I», о гротеске пародийного русского просвещения времён Екатерины II и, наконец, о тревожной русской литературе — о Гоголе, Достоевском, Чехове, Сологубе и о построенной на парадоксах философии Хомякова, Вл. Соловьёва, Розанова, в сочинениях которых росли «цветы Русского Зла», постепенно погубившие святость русского православия, ибо склонились к «Чёрному Солнцу»² и другим «тайнам русского бытия».

По А. Дугину, «евразийцы», идеологи особого «третьеputerистского» крыла первой русской эмиграции — наиболее глубокие русские мыслители XX в. «Для них Евразия сводится к России, а российский этнос (в сверхнациональном смысле этого слова) рассматривается как совре-

¹ Подробно об этом процессе см.: Культурная политика России. История и современность, 1996. С. 48–49.

² Милый ангел. II. М., 1996. С. 27.

менный носитель *туранизма* — кочевнической имперской психоидеологии, переданной собственно руссам тюрко-монгольскими племенами Орды. Таким образом, евразийцы, в отличие от представителей монархического лагеря, были не столько “панславистами”, сколько тюркофилами... Россия — Туран для многих евразийцев была сверхполитическим понятием, ценность которого определялась геополитической миссией»¹.

Надо сразу признать, что, когда адепты этой концепции говорят «Евразия», они имеют в виду именно «Азию», а вовсе не Европу (на равных с Азией). Здесь прикровенно идёт атака тюрко-исламской цивилизации на цивилизацию христианскую, русскую православную доктрину. Пока дело касается теории, можно и нужно спокойно внимать аргументам и оспаривать их, если не согласен. Но одновременно, опираясь на историческую почву, надобно видеть перспективу подобных воззрений, толкающих Россию в просторные объятия чингизханского наследия.

Возродившееся же неославянофильство принимает эстетически и социально более привлекательную и опирающуюся на православную традицию форму. Эта утопия (или антиутопия, что едино) близка по настроению к библейской стилистике.

Моё внимание в этой связи привлекла отлично написанная статья Ю.С. Пивоварова «Русская идея. Культурно-цивилизационные предпосылки»². Эта работа буквально дышит историко-философским апокалипсисом. Идея невозможности индивидуализма на Руси (он непременно становится «лишним», своего рода духовно-социальным изгоем) — вот, по Пивоварову, что такое «русская идея», проведённая через творчество крупных отечественных мыслителей и пророчески настроенных писателей. Для доказательств привлекаются Чацкий, Онегин, Печорин и даже Андрий из «Тараса Бульбы», чеховские интеллигенты и, разумеется, Самгин из горьковского романа. Автор идёт дальше — от Серебряного века к советскому, уж неизвестно какого металла литературному процессу; возникают имена Мандельштама, Платонова, Заболоцкого и других и подчёркивается (вслед за Н.Я. Данилевским), что русская идея интенционально антизападническая. Утопление личности в коллективном, в «мы» есть, по Пивоварову, ядро русского национального характера.

Пушкин, конечно, «наше всё», по словам Аполлона Григорьева, но всё же он не был славянофилом, не был апологетом «мы», как

¹ Дугин А. Мистерии Евразии. М., 1996. С. 27.

² Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. М., 2003. С. 68—113.

и Чаадаев, как и колеблющийся во взглядах князь Вяземский, которого уж совсем напрасно цитирует автор. Мотивы «Святой Руси» можно найти повсюду в нашей русской библиотеке (включая великого Блока), но это ещё не основание для категорического утверждения имперсоналистской идеи как основной задушевной отечественной мысли. Многих — от Чаадаева до Франка, от Достоевского до Розанова — волновал всё же синтез, а не резкое отчуждение. Несколько упрощая, схематизируя, можно сказать, что вырваться из круга имперсонализма, объединить соборность и выделенную из него личность как *персону хоровой интенции*, без которой нет и соборности, — вот в чём, на мой взгляд, главная и перспективная дума многих печалующихся о России поколений мыслителей и поэтов. Возьмите хоть Тютчева, хоть Вл. Соловьёва, не говоря уже о западниках типа Н.А. Бердяева.

В рассуждениях Ю. Пивоварова поневоле сквозит неверие в демократическую будущность России. Автора тоже то и дело одолевают сомнения на этот счёт. Но, отодвигая в сторону реальную государственную практику и политику, чувствуя за спиной дыхание надвигающейся китайской громады, я всё же верю, что «византизм» не есть нечто непреложное и вечное для нашего отечества. К примеру, намечающийся сегодня путь экуменического диалога между двумя главными ветвями христианской религии, возможно, способен постепенно преобразовать и социально-политические, и антропологические парадигмы Запада и Востока.

Из «бесконечного тупика» (Ю. Пивоварову нравится эта метафора Дмитрия Галковского, которого он называет «главным русским писателем последних лет»¹), из дурной массовости и пошлости, из замкнутого круга коллективного сознания требуются выход, пролом, разрыв, иначе в государственном полутоталитарном отравленном воздухе задохнётся не только мыслящая личность, но и само общество. Фатальный пессимизм хорош в литературе (Л.Н. Толстой), но опасен в общественных науках, будь ты хоть Шопенгауэром, особенно когда они увлекаются беллетристическими сюжетами. Социалистический реализм, как и сталинский тоталитаризм, отражает две стороны одной старозаветной русской общественно-политической медали. Но научная рефлексия по этому поводу не должна уподобляться поэзии. Всё-таки это разные вещи — научный и художественный образ².

¹ Синтез цивилизации и культуры. С. 111.

² Небольшое примечание по ходу дела. Читать философский роман Д. Галковского (Бесконечный тупик. М., 1998) одно удовольствие. Мысленно представляешь себе рождественскую ёлку русской литературы, обязательно свечи, в намерении, поблёскивая стеклами очков, Василий Васильевич Розанов, слева, чуть ниже, до конца понятый и

О национальной стратегии России

Какой же в этих условиях должна быть национальная стратегия России? Ведь она даже вчера не сформулирована властью.

Любопытный эксперимент осуществила газета «Московские новости», поручив аналитической группе «Политический класс» систематизировать отдельные тезисы из тогдашних президентских выступлений, которые хотя бы отчасти носили характер стратегических размышлений¹. Стоит обратить внимание на эту компиляцию, и, прежде всего, с точки зрения разрыва между политической риторикой и практикой социально-государственного строительства.

Вызовы и угрозы, с которыми сталкивается постсоветская Россия, хорошо известны. Это научно-техническое отставание от ведущих мировых держав, неуклонное сокращение населения, слишком большой разрыв в уровнях достатка между богатым меньшинством и подавляющим большинством, порождающий бедность и нищету, проедание национальных ресурсов, коррупция на всех этажах власти, терроризм и рост ксенофобских настроений, непоследовательная внешняя политика, организованная преступность, низкий уровень доверия граждан к судебной и государственной власти². «Может ли Россия всерьёз противостоять этим угрозам, если наше общество разобщено, — спрашивают авторы исследования, — если мы будем продолжать жить узкими, только своими групповыми интересами?»

испелённый страстью Достоевский, справа (ещё ниже) Гоголь, злой хохол, но всё же чем-то фантастически притягателен, потому всё же свой, как всякая неразгаданная тайна; дальше, конечно, Одинокое (сам Галковский), человек и писатель великих пророчеств, но скромно знающий своё место. А уже совсем внизу, уже не на качающихся ветвях, незабвенный В.В. Кожин (Царствие ему небесное!) указывает вверх весёлым и хмельным пальцем: «Я же вам говорил, вот оно!» Всякий литературно-философский хлам вроде Чаадаева и Владимира Соловьёва до Бердяева включительно образуют хвою, подножие этой ёлки, смешанное с ватой марксистских утопий и евразийских причуд. Разумеется, пыльных русских провинциалов, вроде интеллигентов Чехова, не знающих, куда себя девать, на этом рождественском празднике быть не может. Разве можно после всего этого спорить по существу с Д. Галковским и безжалостно гасить его философско-беллетристические фантазии, вырвавшиеся наконец из подполья? Ведь он не столько мыслитель, сколько герой своего собственного одинокого романа, романа с самим собой.

¹ Политический класс. 2006. № 05/06.

² Неприятие новой идеологии в России определяется не столько предыдущим советским воспитанием, сколько давней исторической памятью народа, его этническим архетипом (коллективным бессознательным, по Карлу Юнгу), — считает Игорь Гундарев, директор Международного центра мониторинга качества жизни.

Разумеется, не сможет. Без консолидации хотя бы вокруг базовых общенациональных ценностей и приоритетов стратегического развития противостоять этим угрозам будет невозможно. Следует чётко обозначить эти приоритеты.

В качестве стратегических приоритетов, выделенных группой аналитиков на основе президентских выступлений, предлагаются следующие.

- *Эффективная власть для эффективного государства.* Консолидация народа, соединение усилий государственной власти, гражданского общества, всех людей в стране; прекращение чрезмерного вмешательства государства в те сферы экономики, где его не должно быть, и, напротив, стимулирование его большего вовлечения в те области, где оно необходимо; защита частных инициатив и всех форм собственности.
- *Гражданское общество «суверенной демократии».* Граждане — главный источник развития страны. На сегодняшний день построен лишь каркас гражданского общества. Инициатива в этом вопросе должна исходить от власти. Ей надо научиться говорить и сотрудничать с гражданами. Понять, наконец, что быть с общественностью в постоянном и ответственном диалоге политически целесообразно и экономически выгодно.
- *Инновационный прорыв.* Сегодня, чтобы в непростых условиях глобальной конкуренции занимать ведущие позиции, мы должны развиваться быстрее, чем остальной мир. Для такого прорыва нужна инновационная экономика — экономика знаний и технологий.
- *Мобильный бюджет* — эластичные налоги.
- *Надёжная экономика* — прозрачный рынок, инициативный бизнес.
- *Интеграционный федерализм.* Мотором нашей политики должны стать инициативные и ответственные федеральные органы исполнительной власти, согласованно работающие с регионами и местными властями на реализацию единой стратегии развития страны. Особая забота — чтобы жители Северного Кавказа, Калининградской области, Сибири и Дальнего Востока в полном объёме ощущали себя гражданами единой страны.
- *Социальное государство в действии.* «Сбережение народа» как комплексная программа мер, направленных на радикальный перелом демографической ситуации в стране путём снижения смертности, эффективной миграционной политики и повышения рождаемости.

- *Основания обороноспособности.* Вооружённые силы России должны быть способны вести борьбу одновременно в глобальном, региональном и в нескольких локальных конфликтах.
- *Снешнеполитические приоритеты.* Внешняя политика России строится на безусловном верховенстве внутренних целей над внешними. Её основа — прагматизм, экономическая эффективность, приоритет национальных задач. Её содержание — защита интересов государства в целом, российского предприятия и российского гражданина, наших соотечественников за рубежом, а также поддержание устойчивого и предсказуемого мирового порядка.

Вчитываясь в этот компилятивный документ, из которого мы извлекли наиболее концептуальные моменты, сразу замечаешь некую абстрактность заявленных намерений. Почти нигде не ощущаешь попытку определить механизмы решений той или иной масштабной задачи. Это именно «протокол о намерениях» без лишней (даже стилистически) отточенности державной мысли, которая по идее должна наличествовать в программных заявлениях подобного рода. Сам набор приоритетов не позволяет с ясностью понять, что здесь главное, первоочередное, немедленное, где тот мотив, лозунг, резкий и точный, который обнимает части в целое?

Наверное, это должен быть человек, *гражданин новой России*, ради которого всё и затевалось. Хорошо и верно писал об этом в своё время известный русский философ и политический публицист Иван Ильин: «Призвание государства состоит в том, чтобы при всяких условиях обращаться с каждым гражданином как с духовно свободным и творческим центром сил, ибо труды и создания этих духовных центров составляют живую ткань народной и государственной жизни. Никто не должен быть исключён из государственной системы защиты, заботы и содействия; и в то же время все должны иметь возможность работать и творить по своей свободной творческой инициативе. Каждый гражданин должен быть уверен, что и он защищён, принят во внимание и найдёт себе справедливость и помощь со стороны государства; и в то же время каждый должен быть самостоятелен и самостоятелен. Государство может требовать от граждан службы и жертв; но оно само должно служить и жертвовать»¹.

Однако гуманитарные, антропологические сюжеты на деле мало интересуют нашу исполнительную, законодательную и судебную власти. Да есть ли у нас реальное разделение властей?

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1933. С. 266.

Десятки политических деклараций, каждая из которых несёт в себе зерно истины, не складываются в стратегическое целое. Российский парламентаризм, партийное строительство мерцают, как миражи, так же, как гражданское общество. Все властные сигналы идут из одного источника — кремлёвской общины. Геополитические предпочтения тоже достаточно таинственны: сегодня США, завтра Европа, послезавтра Китай. Россия сегодня почти ничего не знает о себе с твёрдостью, и потому талантливые публицисты и экономисты, философы и социологи имеют редкую возможность играть каждый на своём инструменте, не вступая в союз с единомышленниками, дабы образовать хотя бы небольшой, но слаженный оркестр. Истина рождается не в спорах. Её надо поднять с земли, с исторической почвы, отряхнув от утопического и корыстного сора групповых элитных влияний.

Необходимо констатировать, что определение ближайших и долгосрочных целей развития России не стало до сих пор предметом конструктивного коллективного поиска. Настойчивое желание государственной власти самостоятельно выработать систему ценностей и предложить её обществу в готовом виде на самом деле не становится идейно-консолидирующей и, самое главное, социально-мобилизующей задачей. В десятках и сотнях публикаций, где обсуждается коренной вопрос российской действительности — откуда мы? кто мы? где мы? куда мы? — где осмысливается проблема судьбы России в современном мире, места и роли в этой судьбе личности, власти, социальных субъектов, снова и снова воспроизводятся типичные и многократно повторявшиеся в истории России способы деструктивно отстаивать наиболее желанные авторам взгляды, идеи и убеждения. Социально-политическая стабильность не только не отменила глубинной борьбы мировоззрений, которая продолжается сегодня в нашей стране, а, напротив, даже стимулировала явную конкуренцию доктрин, носители которых с разной степенью настойчивости и убедительности апеллируют каждый к своему сегменту населения России. Конструктивный диалог между представителями различных мировоззренческих позиций, тех или иных концептуальных программ или системно выраженных доктрин практически отсутствует¹.

Когда-то Герцен, сравнивая Россию с Европой, писал: «В нашей жизни в самом деле есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего мещанского». Он имел в виду общественную русскую жизнь.

¹ Бурбулис Г. Человек политософский: воля к одухотворенной власти. М., 2006. С. 12.

Но вот прошло полтора столетия, и мы можем констатировать, что именно пошлость захватывает всё новые и новые социальные институты России. Пожалуй, Европу мы начинаем перегонять, если иметь в виду коррупцию и замечательное отсутствие какой-либо идейности. Взамен, не утратив безумия, мы получили некое подобие прагматизма, как раз то, что так отвращало лучших русских мыслителей XIX в.

«Исторический бег на месте» — так образно охарактеризовал это состояние известный публицист и историк Юрий Афанасьев¹.

Рискну в заключение предположить, что перед Россией реально открыты два пути. Либо она примкнёт к будущим «Соединённым Штатам Европы», удержав своё мультикультурное своеобразие, либо она будет поглощена восточным (китайским по преимуществу) экспансионизмом. Удержать прочное промежуточное положение между Востоком и Западом наша страна уже не в силах и по демографическим, и по геополитическим (атака исламского юга), и по социально-экономическим причинам. Мы опоздали присоединиться к демократическому поезду, и наш авторитарный состав мчит уже сам по себе, не разбирая ни дороги, ни цели.

Говоря о первом пути, я, разумеется, не ратую за слепое копирование западноевропейской политической и социальной модели. Вспомним, кстати, известный спор П. Столыпина и Л. Толстого, где премьер отстаивал перспективу индивидуального, фермерского развития русского земледелия, а Толстой упрямо держался общинной её формы. Скорее всего, России на новом этапе развития предстоит вобрать и творчески переработать обе тенденции, разумно сочетая рыночный капитализм и социалистический опыт хозяйствования при несомненном государственном участии. Это участие должно быть строго ограничено законами, достаточно либеральными и не сковывающими частную инициативу.

Не о советских коллективных хозяйствах и не о Госплане здесь речь, назад историю не повернуть, но опыт скандинавского развития, к примеру, учесть бы не грех. Правда, здесь для успеха требуются новая психология производителя и новая государственная политика, основанная не на средневековом трайбализме и классическом русском взяточничестве и проедании природных ресурсов, а на строгой, рассчитанной на новые поколения стратегии возрождения отечества с опорой на плодотворные традиции и современные инновации, где немалую, а может, и решающую роль призвана сыграть

¹ Афанасьев Ю. Мы — не рабы. Публичная лекция // Новая газета 2008. № 47. С. 20.

современная русская культура в самом широком смысле этого понятия, находящаяся сегодня в плачевном состоянии и коммерческом плену.

Возродив культуру — возродим Россию. Третьего не дано.

Пора опомниться и остановиться хотя бы на время, чтобы ясно определить, с кем Россия и что ей предстоит в будущем, не заглядывая далеко, а хотя бы на два-три десятилетия.

Глава 22. Советское цивилизационное наследие

Некоторые методологические подходы

Периодам повышенной исторической динамики свойственны некоторые общие параметры и режимы общественного развития. В ряду таковых наибольшее значение имеют:

во-первых, сверхвысокие скорости протекания различных социальных, экономических, политических процессов и явлений, к «которым люди не только не успевают приспособиться, но которые они даже не способны порой адекватно осмыслить»¹;

во-вторых, чрезвычайное в связи с этим «уплотнение» исторического времени, релятивизирующее линейно-эволюционную протяжённость в истории. В результате ординарными становятся ситуации, когда, образно говоря, тот или иной «тектонический год» равнозначен, а то подчас и превосходит одно-другое десятилетие в обычную эпоху.

В конечном итоге эпохи перемен обеспечивают ускоренные системные трансформации всего и вся. Однако темпы и, главное, глубина этих трансформаций в различных сферах различны. В частности, в том, что касается политического устройства, экономики, социальных отношений — они намного выше и больше, нежели в отличающейся особо «глубокой осадкой» духовно-культурной и ментальной сфере. Последняя, будучи, как справедливо отмечает А. Галкин, продуктом накопленного столетиями индивидуального и группового

¹ *Иноземцев В.Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003. С. XLIII.

опыта, определяющего бытовое и общественное поведение миллионов и миллионов людей, обладает гораздо большей автономностью и инерционностью¹.

Если широко известную трёхчленную схему продолжительности в истории Ф. Броделя экстраполировать на эпохи повышенной исторической динамики, то духовно-культурные и ментальные явления и процессы достаточно определённо корреспондируют с понятием длительной исторической протяжённости². Данное качество и обеспечивает каждой национальной культуре настолько сильную инерционность, что, как полагают некоторые специалисты, даже «15–20 лет — слишком короткий срок для того, чтобы господствующие социальные нормы, ценности, верования, мораль и типы правового сознания могли существенно измениться»³.

Как ни странно, но в цивилизационных дискуссиях именно этому весьма существенному атрибуту национальных культур и не уделяется должного внимания. А ведь в многоцветном калейдоскопе определений цивилизации культура — не просто неперенный, а, по существу, главный элемент. С. Хантингтон, вызвавший более 10 лет назад своими работами по межкультурным отношениям бурную, продолжающуюся и поныне полемику планетарного масштаба, кратко определяет цивилизацию как «культуру в широком смысле слова» и как «самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации»⁴.

Великое множество самих понятий «культура» и «цивилизация», их многозначность, весьма существенные различия в наборе и иерархии дифференцирующих признаков, берущихся за основу разными учёными, имели результатом впечатляющую разногласицу в определении самого количества цивилизаций на Земле: и уже ушедших в историю, и существующих ныне.

¹ Галкин А.А. О глобальных вызовах XXI века // Вызовы XXI века. Альманах. Вып. II. Общественные сдвиги и цивилизации. М., 2006. С. 30.

² Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1–3. М., 2002–2044; Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue duree // Annales. E.S.C. 1958. No 4.

³ Заславская Т. Человеческий потенциал и общественные трансформации // Вызовы XXI века. Альманах. Вып. II. Общественные сдвиги и цивилизации. М., 2006. С. 65.

⁴ Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Весна 1997. Т. 2 № 2. С. 115, 117. Такое отождествление цивилизации и культуры позволяет его критикам называть хантингтонское определение «постмодернистским маскарадом» понятий, ничего существенного не дающим «для понимания истории и политики». См.: Янов А. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006, сентябрь–октябрь. Т. 4. № 5. С. 59.

Подобно другим цивилизациям, русская православная цивилизация являет собой историческую реальность, более давнюю и более глубокую, чем государства, существовавшие и существующие в её ареале. Как и в других цивилизациях, именно она раскрывает закономерности и порядок, по которому шло развитие. А порядок этот, как пишет М. Эмар, организован вокруг четырёх ключевых понятий: 1) специфических признаков культуры; 2) пространства, которое занимает цивилизация; 3) продолжительности её жизни; 4) обществ, которым «она дала лицо»¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов о смене в XX в. цивилизационной парадигмы в ареале русской православной цивилизации, о противоречивых последствиях этого, и о том, в какой степени могут пригодиться сохранившиеся элементы советской цивилизации для «устроения» постсоветского мира, выскажем некоторые соображения теоретико-методологического порядка. В их контексте, как представляется, понимание всех указанных вопросов будет более разносторонним, полным и точным, чего постсоветскому гуманитарному познанию как раз и не хватает.

Эпохи более или менее масштабных общественных перемен создают принципиально новые условия и возможности для социально-гуманитарного познания (собственно и призванного обеспечить их постижение), переформатируют рамки научного мышления, изменяют «познавательный хабитус»² гуманистики в целом. Во многом это, в частности, происходит вследствие значительного расширения в такие периоды возможностей «включённого наблюдения».

Другое дело — насколько в каждом конкретном случае учёные *субъективно* в состоянии реализовать этот объективный потенциал в конкретных исследованиях, с тем чтобы реально обеспечить повышение «разрешающей способности» социальных наук в эпоху перемен. Не раз ведь уже случалось, когда именно использование несовершенных моделей понимания тех или иных процессов и явлений в переходные эпохи, выбор неадекватных путей и методов их анализа обрекали гуманитарное познание на эпистемологические «пробуксовки», а то и просто ввергали его в состояние определённого «эвристического ступора».

Системный кризис «реального социализма» второй половины 80-х — начала 90-х годов, быстро переросший затем в коллапс, застал

¹ Эмар М. Цивилизации в историческом контексте // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М., 2002. С. 270.

² Понятием «хабитус» (*habitus*) в современной гуманистике, вслед за П. Бурдьё, определяются ментальные модели постижения социального мира. См.: Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 137, 143.

социальную науку «второго мира», можно сказать, врасплох. Обретя интеллектуальную свободу и освободившись от жёсткого, в большей или меньшей мере, контроля со стороны официальной идеологии, она, взятая в совокупности, по существу, успела приступить лишь к обновлению своих *внешних форм*, «упаковки», «этикеток». Сущностно-содержательная же её «начинка», аналитический потенциал на уровне не отдельно взятых учёных, а в совокупности успели измениться слишком мало, для того чтобы она смогла в то время выработать *самостоятельные* стратегии познания начавшегося уже в большинстве стран второго мира «транзита» — политического, экономического, социального, духовно-ментального. В духе тогдашней эпохи выход из такой ситуации виделся очень простым: импорт. В данном случае — «научный импорт».

Самым ярким и, увы, оказавшимся по истечении времени самым укоризненным примером такового явился «импорт» в наше научное пространство зарубежных теоретических моделей восприятия и интерпретации транзитивных процессов и явлений. Ведь в предшествующие полтора-два десятилетия западные экономисты, политологи, социологи, историки, культурологи исследовали и обобщали обширный материал о транзите в разных регионах «третьего мира», прежде всего в Латинской Америке. Он-то и был востребован в странах «реального социализма» как особо ценная статья научного импорта, призванного компенсировать острый дефицит аналогичных исследований по второму миру.

В считанные несколько лет в социально-гуманитарной сфере знания большинства социалистических стран происходит генеральная инверсия научных норм и авторитетов. Уже в конце 80-х — начале 90-х годов в трудах наших обществоведов место обязательных прежде ритуальных положений классиков марксизма-ленинизма занимают ссылки на западных авторов. «Смена научных вех» была настолько всеобъемлющей, что уже к середине 90-х годов западные учёные становятся для постсоветской, не говоря уже о постсоциалистической, науки не просто авторитетными и часто цитируемыми иностранными коллегами-специалистами, а, по существу, *нормативной референтной группой*.

Конечно, были и скептики, которые выражали сомнения по поводу универсальной применимости соответствующих наработок зарубежных специалистов. Высказывались, в частности, предостережения, что простое принятие «импортированных» моделей «к исполнению», без предварительной их настройки на то особенное и индивидуально-неповторимое, которое присуще нашей части мира, может завести на-

уку в очередную «эпистемологическую ловушку»¹. Однако в обстановке снизившихся критериев истинности научного знания голоса скептиков почти не были слышны в «хоре» тех, для кого не существовало сомнений, что модель транзита, сработавшая в Аргентине или Чили, будет эффективна и в постсоветских странах.

Но приписывавшиеся названным теоретическим схемам политического и экономического транзита «универсальность» и «классические характеристики» не просто не получили подтверждения в ходе конкретных трансформационных процессов, которые пережили и продолжают переживать бывшие социалистические страны. Они, кроме того, с редкой наглядностью свидетельствуют ещё и о *фундаментальности* заложенной в них ошибки отождествления «второго» и «третьего мира». Нельзя не добавить также, помимо прочего, что идея «нормативности» транзитологических концепций не только для тех частей мира, на чьём эмпирическом материале они вырабатывались, но и для других, в которых на момент оформления таких концепций данные явления абсолютно никак ещё и не проявлялись, — просто сама по себе заслуживает места в какой-нибудь «хрестоматии по научной наивности».

Ныне некоторые учёные, ссылаясь на вышеупомянутые системные ошибки в познавательных стратегиях транзитологии, говорят уже о необходимости перехода к «посттранзитологии»². Это очень резонное предложение. И одновременно поучительный пример, предостерегающий от того, каким путём не нужно идти и в других областях социально-гуманитарного познания. Ведь аналогичные опасности подстерегают и довольно тесно связанные с транзитологией цивилизационные исследования, которые так стремительно в последнее десятилетие развиваются в России и других странах СНГ.

Единственным перспективным направлением для таких исследований представляется не механическое проецирование «западного взгляда» на незападные ареалы и реалии «сверху», а выстраивание теории «снизу», на основе историко-цивилизационного опыта и современной действительности тех частей мира, к которым принадлежат пространственно и геокультурно те или иные страны. Тем более актуальным видится такой курс в ситуации нарастающей плюрализации путей общественного развития, усиления нелинейного характера ны-

¹ См., например: Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. Зима 2000. Т. 5 № 1; Пантин В. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? // Pro et Contra. Весна 2000. Т. 5 № 2.

² См.: Шириков А.С. Транзитология: затянувшееся прощание? // Полис. 2005. № 2. С. 178.

нешних политических, экономических, социальных, национально-этнических, духовно-ментальных процессов и явлений. И в соответствии с этим всё более настоятельной становится необходимость «двустороннего», а не «одностороннего», как это в преобладании имеет место по сию пору, «движения по путям научного сообщения» между западными и незападными частями мира.

Специфика советской модели «догоняющей модернизации»

Вторая половина XIX–XX вв. — эпоха глубоких трансформаций, затронувших в большей или меньшей мере все выделяемые специалистами «живые» цивилизации. Но если для западной и существенно позже для японской цивилизации самыми масштабными и мучительными стали процессы модернизации, две мировые войны и закат колониальных империй, то для китайской, индуистской и исламской — борьба за освобождение от колониальной зависимости, предмодернизация, а затем и модернизация в последние десятилетия XX в.

Самые глубокие и далеко идущие трансформации претерпела, несомненно, русская православная цивилизация, сменив в итоге потрясений Первой мировой войны, революций и Гражданской войны саму цивилизационную парадигму почти на 75 лет. И именно модернизационные процессы оказались для неё наиболее тяжёлым бременем.

Модернизация как многомерный процесс преобразования традиционных (т.е. основанных на аграрной экономике, с преобладанием сельского, в большинстве неграмотного или малограмотного населения) обществ в современные началась в Российской империи на несколько десятилетий позже, нежели в соседних странах западной цивилизации — Германии и даже Австро-Венгрии. Основные модернизационные инструменты — индустриализация, урбанизация, культурная революция и демографический переход — в ускоренном режиме в России начали, за исключением демографического перехода, действовать в конце XIX — начале XX в.. Однако из-за низкого стартового уровня «домашние задания» по экономическому, социальному, культурному развитию огромной страны на XX в. объективно оставались заданиями повышенной сложности ещё накануне Первой мировой войны и последовавших затем великих потрясений. Так, в частности, несмотря на высокую динамику индустриального развития, в 1913 г. на промышленность приходилось ещё только 27% ВВП, тогда как на сельское

хозяйство — 51%. Низкими оказались и темпы урбанизации: вследствие этого доля городского населения к 1913 г. достигла лишь 15%.

Противоречивым был и ход культурной модернизации. При всём том, что в первые десятилетия XX в. государство прилагало большие усилия для развития народного образования, в том же 1913 г. удельный вес грамотных (в элементарном понимании) поднялся только лишь до 54% среди мужчин и всего-навсего до 26% — у женщин. При этом функциональная грамотность была гораздо ниже.

Поскольку демографический переход — «арьергардный» фактор модернизации (производный от действия трёх вышеуказанных), то в этом плане значительные системные изменения, конечно, были ещё впереди. Ведь жизнь значительной части населения (особенно сельского) по-прежнему продолжала протекать в рамках патриархальных составных (расширенных) семей. Они представляли собой, по сути, маленькие «абсолютистские государства», в которых женщины и дети были социально неполноценным, дискриминируемым большинством.

Взяв в 1917 г. власть и отстояв её в ходе Гражданской войны, большевики волей-неволей получили в качестве «эстафетной палочки» и указанные «домашние задания». Да ещё и в варианте, чрезвычайно отягощённом семью годами военного и революционного лихолетья.

Для выполнения их советскому государству объективно необходимо было выработать особую модель ускоренной «догоняющей» модернизации¹. Согласно исследованиям российских учёных А. Вишневого, Б. Миронова и др., сутью советского варианта модернизации являлось обеспечение технологического и материального прогресса страны на основе воссозданных социальных институтов традиционного общества, прежде всего общинных. Особенно много проявлений общинного социального строя специалисты находят в сталинской эпохе. Притом что именно к этому времени русская православная цивилизация была окончательно оттеснена коммунистической диктатурой далеко на обочину социальной жизни и превратилась в *субцивилизацию*².

¹ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 332–335; Наумова Н. Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 6; Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М., 1997. С. 159–160.

² Термин С. Соколова См.: Соколов С. Проблемы цивилизационной целостности постсоветской России // Свободная мысль. 2006. № 7–8. С. 161.

Но отсюда и выраженная противоречивость результатов стремительной по историческим меркам советской модернизации. С одной стороны, данная модель модернизации не сумела создать адекватные социальные механизмы ни для саморазвития экономики, ни для обеспечения необходимой гибкости социальной структуры, ни для функционирования институтов гражданского общества и политической демократии. Однако, с другой стороны, она, сделав СССР страной по преимуществу городской, оказалась способной не только воспринять, но отчасти даже развить многие инструментальные достижения западных обществ — современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.

Наряду с этим советская модель обеспечила также секуляризацию массового сознания, рациональную мотивацию поведения, поразительно высокую социальную мобильность, демографическую революцию и становление современного типа малой демократической семьи¹. Эти явления советской модели модернизации и привели некоторых известных западных учёных (Р. Арон, Ф. Бродель, Дж.К. Гэлбрет) в конце 1960-х гг. к выводам, согласно которым советский и западный миры «представляют собой единую реальность — индустриальную цивилизацию» и конвергенция между советской и западной индустриальными системами «идёт по всем основным направлениям»².

Особенным образом эта вторая сторона советской модернизации дала знать о себе уже в послесталинскую эпоху. В условиях внутрисистемной «демократизации» и либерализации духовной жизни в СССР 50–60-х годов стало обнаруживать себя противоречие между общинно-патерналистскими социальными институтами советского государства и появившимся в результате модернизации грамотным человеком с секуляризованным сознанием, рациональным мышлением и поведением. Превращение же такого человека в массовый тип предопределило в последующем, в 60–70-е годы последовательную переориентацию большинства населения страны на ценности городской, в преобладающем индивидуалистической культуры.

В 1970-е — первой половине 1980-х гг. усиленное стимулирование этой социокультурной трансформации обеспечивалось действием целого комплекса факторов. Во-первых, процесс возвышения потребностей в тогдашнем советском урбанизированном социуме шёл в условиях «затухающей» динамики экономического, социального, политического развития. Во-вторых, тогда же происходит массовиза-

¹ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 418; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 332–333.

² Цит. по: Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. XII.

ция критических и негативистских установок и стереотипов в отношении институтов и персоналий власти, «геронтократии», имитируемой демократии, казённой идеологии и культуры. В-третьих, «информационные окна», появившиеся в условиях мирного сосуществования и разрядки и позволившие населению советской страны «заглянуть» в мир за «железным занавесом», обеспечили наибольший демонстрационный эффект от его созерцания именно в 70–80-е годы.

Особенности формирования постсоветского массового сознания

Перестройка, системный кризис и развал СССР, слом основных несущих опор «советской цивилизации» создали принципиально новые рамочные условия для формирования постсоветского массового сознания и культуры. Теперь уже советская цивилизация, которая господствовала в СССР и во «втором мире» большую часть XX в., превратилась в субцивилизацию. В России, как и в других новых независимых государствах, в этот период происходит «посттоталитарная атомизация», которая выражается в разрушении, либо существенном ослаблении старых социальных, этнонациональных, социокультурных связей и идентификаций. Это дало сильные импульсы для дальнейшей индивидуализации сознания. Выступая в элементарных («классических») своих формах, она привела к беспрецедентному ослаблению межличностных связей, атрофии групповых структур и к далеко зашедшей дискредитации в массовом сознании каких бы то ни было общественных начал¹.

Но нельзя не отметить, что в постсоветском мире отчётливо обозначился и такой вид индивидуализации, как *персонализация*, которая в Западной Европе заявила о себе в последние десятилетия XX в., наиболее выпукло и широко при этом проявившись в Скандинавских странах. А её, как свидетельствует опыт последних, изначально отличает именно ориентация на культивирование различных форм социальности.

И поскольку указанные процессы отнюдь не затухают, а, напротив, развиваются далее, то через их призму совершенно неубедительными выглядят предостережения аналитиков либерал-западнического направления о том, что, мол, «Россия по своей природе страна автори-

¹ См.: Бухарин Н. И. Демократическое правовое государство и гражданское общество Центрально-Восточной Европы // Мир перемен. 2004. № 1. С. 88.

тарная, если не сказать — тоталитарная», что её социокультурная модернизация отстала от экономической якобы, «на целый век», и что она-де вообще может «превратиться в своего рода Евро-Китай»¹.

Минусы советской модернизационной модели², усиливаемые процессами постсоветской «демодернизации» (С. Коэн), «антимодернизации» (В. Красильщиков)³, общей тенденцией к «цивилизационному регрессу» (П. Кандель) и «третьемиризации» российского и других обществ — наследников СССР⁴, — всё же не в состоянии (во всяком случае, в ближайшей перспективе) «перекодировать» системные, фундаментальные характеристики этих уже так или иначе модернизированных социумов. Ведь по-прежнему Россию, как и многие другие постсоветские государства, от стран «третьего мира» отличает более высокий уровень урбанизированности, грамотность подавляющего большинства населения, качественные и количественные показатели уровня высшего образования и науки, развитая промышленная инфраструктура⁵.

По-прежнему, несмотря даже на весьма ощутимые потери 90-х годов, дают о себе знать «тотальная сциентизация и пиетет перед образованием», имевшие место в советском обществе⁶. Равно как и реальным дифференцирующим фактором остаются «наличие больших групп населения, профессионально подготовленных к научной и инженерной деятельности», высокое качество инженеров, конструкторов и учёных⁷.

¹ Кудров В.М. Экономика «Трёх Европ» на подъёме. Сопоставительный анализ. М., 2005. С. 65; Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 43; Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1. С. 17.

² Нередко понимаемые западными авторами просто как «дефицит модернизации». См.: Воронков В., Освальд Н. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. СПб., 1997. С. 7.

³ Коэн С. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии // АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. Вып. 4. М., 1999. С. 17–21, 25–27 и далее; Красильщиков В. Россия и мировые модернизации // Pro et Contra. Лето 1999. Т. 4 № 3. С. 97–98.

⁴ Там же. См. также: Буховец О.Г. Постсоветское «великое переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и другие // АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. Вып. 11. М., 2000. С. 46 и далее; Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идёт Россия? М., 1999. С. 23–27; Кандель П.Е. Россия — СНГ: баланс центробежных и центростремительных тенденций // Европа: вчера, сегодня, завтра. М., 2002. С. 549.

⁵ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998. С. 29.

⁶ Водопьянова Е.В. Европа и Россия на карте мировой науки. М., 2002. С. 119.

⁷ Там же; Кудров В.М. Указ. соч. С. 56.

Данные характеристики, а именно: 1) сильная урбанизированность, делающая крупные города всё более похожими на мегаполисы Запада¹; 2) высокий уровень образования, науки и культуры; 3) современная социальная структура; 4) открытость общественного сознания мировым влиянием; 5) его доминирующая секуляризованность и рационализм — как раз и позволяют некоторым западным аналитикам оспаривать, например, цивилизационный детерминизм (если не фатализм) С. Хантингтона и, вопреки всем «свинцовым мерзостям» постсоветской повседневности, обосновывать уверенность в неизбежном присоединении России, как и других новых независимых государств, к «постсовременным сообществам»².

Выбор модели интеграции, или как идти в постсовременность?

Но как раз самые жаркие дебаты в России и других странах СНГ происходят вокруг вопроса о том, каким же нам путём идти в «постсовременность». Трудно найти другую сферу общественных и государственных интересов, в которой было бы так много категоричности, передержек, политической ангажированности и так мало дальновидности, системности в подходе и взвешенности в суждениях, как в этой. Одни считают, что происходящее в условиях глобализации формирование крупных региональных экономических союзов вокруг основных цивилизационных центров современного мира делает ситуацию для отдельно взятых государств практически безальтернативной: они либо входят в зону влияния «полюсов» экономической мощи (от чего их экономика выиграет), «либо маргинализируются»³.

Но немало и тех (причём их становится все больше), кто так или иначе оспаривает глобально-интеграционный детерминизм. По крайней мере — для России. Их позиции варьируются в довольно большом диапазоне — от бескомпромиссного, неконструктивного изоляционизма до умеренно прагматичного, вполне допускающего взаимовы-

¹ Малахов В. Вызов национальному государству // Pro et Contra. Весна 1998. Т. 3 № 2. С. 152.

² См. например: Таршис Д. Русские корни российской демократии // Вестник Московской школы политических исследований. 2000. № 15. С. 8, 9, 11 и далее; Коукер К. Постсовременный мир и Россия // Там же. С. 28, 29, 32.

³ Сорокин Д. Цивилизационные изменения социально-экономической эволюции России // Вызовы XXI века. С. 82.

годное сотрудничество Российской Федерации с различными интеграционными группировками, но без формального вступления в них¹.

Впрочем, между позициями сторонников глобально-интеграционного детерминизма тоже «дистанция огромного размера». Для либерал-западников главная интеграционная дорога России и других постсоветских стран очевидна — Объединённая Европа. Очень резко и чётко расставляет здесь акценты С. Кортунов, убеждённый в том, что «главный вектор движения России может быть только один — Большая Европа без разделительных линий, в которой Украина, например, не стояла бы перед выбором: ориентироваться на Восток или на Запад?»². Он с лёгкостью отмахивается от аргумента западных лидеров, сводящегося к тому, что Российская Федерация «слишком велика для Европы», находя его «по меньшей мере, несерьёзным в XXI в.»³.

Ещё большая «лёгкость в мыслях» у этого автора прослеживается в отношении постсоветской интеграции: «России следовало бы незамедлительно (!) выйти из СНГ и прекратить игру в “дружбу народов”, в которой выигрывают лишь новые независимые государства»⁴.

Диаметрально противоположную точку зрения отстаивает другой специалист по внешней политике — А. Михайленко. Проведя инвентаризацию всех слабых мест нынешнего СНГ, он выделяет 3 сценария возможного будущего Содружества: 1) распад СНГ; 2) его эффективное развитие; 3) постепенное противоречивое развитие⁵. Автор уклоняется от чёткого определения того, какой из них более вероятен. Вместе с тем из общего контекста его рассуждений и выводов явствует, что более вероятным ему видится все-таки третий — постепенное, хотя и противоречивое развитие. В частности, он полагает, что к началу XXI в. руководящие элиты СНГ уже распрощались с первоначальными иллюзиями относительно того, что Запад решит проблемы их стран. Вот почему развитие интеграции в рамках СНГ явилось бы, по мнению Михайленко и других специалистов, «эффективным ответом» государств Содружества на императивы экономической модернизации, конкурентоспособности

¹ См.: *Фёдоров В.П.* Россия: внутренние и внешние опасности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 265 и далее.

² *Кортунов С.* Россия: не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. 2005, сентябрь-октябрь. Т. 3. № 5. С. 56.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ *Михайленко А.* Перспективы развития Содружества Независимых Государств // Вестник аналитики. 2004. № 2 (16). С. 68, 73, 74.

на мировом рынке, равно как и на другие глобальные вызовы современности¹.

В свете острейшей дискуссионности темы «куда интегрироваться?» нельзя не задаться вопросом, на каком пути наличествуют действительные возможности и условия и на каком преобладают всего лишь желаемые?

Начнём с Запада. Прежде всего, какие могут быть реальные предпосылки для вступления стран СНГ в Евросоюз в ближайшие годы, если он после «залпового» расширения 2004–2007 гг. оказался в тяжелейшем за всю свою историю кризисе? Дополнительную и очень немалую остроту последнему придали ещё и разразившийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис, так до сих пор ещё непреодоленный. В частности, он принёс качественно новое, беспрецедентное для истории ЕС явление — перспективы государственного дефолта у целой группы стран «старого» и «нового» Евросоюза. Некоторые аналитики считают расширение ЕС в 2004–2007 гг. вообще «провалившимся», поскольку теперь на много лет одним из сложнейших вопросов в Европе будет выравнивание уровней жизни в старых и новых странах-участницах, притом что новые «не принесли ни новых технологий, ни продвинутого человеческого капитала»². Уже вскоре после первого тура расширения (2004) специалисты констатировали усиление имевшихся в восьми новых членах диспропорций между центром и периферией, городом и деревней, востоком и западом, областями, граничащими с ЕС, и прочими приграничными территориями³.

Разногласия между старыми и дюжиной новых членов ЕС достигли, как показала состоявшаяся в 2007 г. встреча руководителей стран — членов ЕС в Брюсселе, небывалого уровня. Обычно не склонный впадать в уныние бывший председатель Еврокомиссии Р. Проди констатировал по её итогам, что «многие страны совершенно утратили чувство локтя, теряется и дух европейской солидарности...». В разгар же теперешнего кризиса западные аналитики не останавливаются перед самыми мрачными выводами и дают далеко идущие безрадостные прогнозы в отношении будущего «новой Европы». Говорится, в частности, о том, что мо-

¹ Михайленко А. Указ. соч. С. 74–80; Гринберг Р.С. Уроки рыночных преобразований в постсоциалистических странах // Мир перемен. 2004. № 1. С. 59–60.

² Расширение Европейского Союза: взгляд из Москвы, Берлина и Варшавы. М., 2006. С. 48.; Заико Л. Расширение Европы на Восток: опыт для Беларуси // Беларусь и «большая Европа»: в поисках геополитического самоопределения. Новосибирск, 2007. С. 97, 109.

³ Вошта М. Основные диспропорции в некоторых новых странах — членах ЕС // Мир перемен. 2006. № 3. С. 156.

дель экономического роста стран ЦВЕ в постсоциалистический период «оказалась несостоятельной», а «Лиссабонская стратегия» содействия новым членам «в либерализации и модернизации их экономик» кажется тем временем «почти полностью забытой»¹. В краткосрочном плане Катинка Барыш (зам. директора Лондонского Центра по исследованию европейских реформ) прогнозирует «риск утраты стабильности в ЕС», а в среднесрочном — нарастание «евроскептицизма среди политиков» и рост настроений среди граждан «к переезду на Запад»².

А тем временем у «проходной» ЕС образовалась уже длинная «очередь» из других стран-кандидатов. И страны эти — не из СНГ, о чём регулярно напоминают и официальные представители государств — членов Евросоюза. Думается, что, не говоря уже о Российской Федерации (пугающей Евросоюз своими размерами), другие новые независимые государства раньше, чем через 20–25 лет шансов попасть в этот «список» также не имеют. Даже Украина, у которой после победы «оранжевой революции» особенно велики были надежды, что наградой Запада станет ускоренное принятие её в Евросоюз.

Некоторое время тому назад был выстроен дополнительный интеграционный канал, которому надлежало открыть соседям ЕС путь на Запад — «Европейская политика соседства» (ЕПС), разработанная институтами Евросоюза в 2003–2004 гг. и рассчитанная на создание по всему контуру его границ зоны безопасности и сотрудничества («кольца дружественных стран»), в которую в нашем регионе Европы предполагалось включить Россию, Беларусь, Украину и Молдову. Чтобы создать необходимые условия для реализации этого масштабного проекта, Евросоюз предложил пограничным государствам-партнёрам привилегированные отношения в сферах экономики, политики, культуры, безопасности и нераспространения оружия массового поражения, борьбы с нелегальной миграцией, соблюдения прав человека и норм международного права.

Нельзя, однако, не отметить, что задолго до начала самой реализации планов действий, призванных претворить в жизнь базовые принципы и цели ЕПС, Евросоюзом была введена для Беларуси целая система рестрикций. Начало им было положено ещё в 1997 г. решением Совета ЕС, в соответствии с которым существенно ограничивались различные формы сотрудничества с нею и объёмы технической помощи. Осуществление планов действий, таким образом, выявило отчёт-

¹ Барыш К. Новая Европа и экономический кризис ЕС // Мир перемен. 2009. № 3. С. 156.

² Там же. С. 71.

ливо выраженное доминирование политических критериев в решении сугубо экономических вопросов сотрудничества ЕС с его соседями¹.

Напомним в этой связи о сущностно важной особенности истории самого ЕС: изначальным и бесспорным в «евростроительстве» на протяжении почти четырёх десятилетий был примат экономической интеграции над остальными её формами. Не будь этого, успехи объединительного проекта для Европы были бы, несомненно, гораздо скромнее. Следовательно, применяя политические критерии к экономическому сотрудничеству, нынешний Евросоюз так или иначе ревизует задним числом фундамент своего собственного возникновения и роста.

Россия, как известно, имеет свою программу стратегического партнёрства и сотрудничества с Евросоюзом, формально не привязанную к ЕПС. Но её успешному выполнению также препятствуют всё более отчётливо звучащие в последние годы политические обертоны. Геостратегически ослабленный, парадоксальным образом из-за расширения 2004–2007 гг., ЕС всё более настойчиво пытается навязать ей статус «младшего партнёра». Как и другие страны СНГ, её всё чаще подвергают «жёсткому политическому аудиту» на предмет соответствия «европейским нормам», практически «закрепляют» за ней роль «объекта инспекций и поучений»². Повышение уровня конфликтности во взаимоотношениях ЕС и России будет, как представляется, долговременным. Прежде всего, это связано с вхождением в Евросоюз зависимых от США стран «новой Европы», правящие элиты которых при всяком подходящем случае, как показали последние годы, будут пытаться ужесточить традиционную для ЕС политику «ограниченного допуска» России в Европу. Этому, в частности, служит и запущенная в 2009 г. новая программа ЕС «Восточное партнёрство». Она, как уже отмечено специалистами, практически полностью повторяет положения предыдущей инициативы ЕПС, что и «заставляет усомниться в способности нового проекта Евросоюза укрепить влияние на постсоветском пространстве»³.

Таким образом, следует признать, что признаков, свидетельствующих о сколько-нибудь существенном отходе руководящих органов ЕС от примата политики и «нормативной» идеологии в отношениях с Россией и другими странами Содружества, пока нет и появление их в ближайшие годы маловероятно.

¹ Стрелков А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели // Современная Европа. 2009. № 3. С. 119–126.

² Бордачёв Т. На пути к стратегическому союзу // Россия в глобальной политике. 2006, январь–февраль. Т. 4. № 1. С. 193, 195; Фёдоров В.П. Указ. соч. С. 261; Расширение Европейского Союза: взгляд из Москвы, Берлина и Варшавы. С. 38.

³ Стрелков А. Указ. соч. С. 124.

В силу изложенного выше самыми приоритетными для России, как и для других стран постсоветского пространства, в обозримой исторической перспективе остаются экономические связи в рамках СНГ и других интеграционных объединений, расширение и углубление внутренней интеграции.

«Некрологический» уклон в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве, столь характерный для публикаций даже в научных журналах, не только мешает их объективному изучению, но и свидетельствует о порче научных нравов. Думается, что прогнозы и пророчества конца СНГ, кроме всего прочего, основываются на сознательном или бессознательном приписывании ему свойств федерации, которая, конечно, неприемлема для его членов ввиду неизбежной «россиицентричности». Но СНГ — содружество конфедерального типа, которое не просто может, но вынуждено будет существовать и развиваться, в частности, по причине глубокого кризиса ЕС, делающего его неспособным расширяться на Восток — по крайней мере в обозримое время.

Категорический интеграционный императив конца первого десятилетия нового века куда в большей степени, чем это показал исторический опыт сосуществования ЕЭС и ЕАСТ, предрасполагает к *плюрализму интеграционных форм*. Конечно, постсоветская «интеграционная матрица», представляемая СНГ, СГРБ, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, стала дежурной мишенью для насмешек не только массмедиа, но и экспертов, называющих эти союзы «формальными», «квазиинтеграционными объединениями» и даже «пустоцветами». Думается, что подобные определения грешат односторонностью и являются следствием механического переноса евросоюзных «норм» на все другие регионы мира. Но ведь до евросоюзного «канона» не дотягивает ни одна из ныне действующих на планете интеграционных группировок. Те же североамериканская НАФТА или латиноамериканская МЕРКОСУР, как и ранее ЕАСТ, сравнения с ЕС, конечно, не выдерживают. Но разве на этом основании их можно называть квазиинтеграционными?

Пишущие на эти темы то ли не знают, то ли делают вид, что не знают, какой промежуток времени уходил на прохождение тех этапов евросоюзной интеграции, которые сейчас проходит постсоветский мир. Российский экономист Н. Кондратьева обоснованно напоминает своим читателям о том, что только на построение Таможенного союза западноевропейской шестерки ушло, ни много ни мало, 11 лет!¹

¹ Кондратьева Н. Таможенный союз ЕврАзЭС: по стопам Европы? // Современная Европа. 2009. № 3. С. 102.

Историзм, геополитический и геоэкономический реализм диктуют сбалансированный подход к вопросам постсоветской интеграции, когда существующие проблемы не замалчиваются, пути, методы и инструменты определяются многомерно, а перспективы оцениваются трезво. Примером такого подхода может служить статья российского экономиста И. Иванова. Предметно «перебрав» слабые места СНГ, он предлагает затем 11 своего рода «рычагов», которые в совокупности могли бы переместить постсоветскую интеграцию в созидательную парадигму¹.

О значении общих культурно-цивилизационных кодов

На интеграцию стран постсоветского мира сейчас во всё большей степени начинают работать факторы их общей истории, сходство менталитета, сохранившиеся ещё в достаточной мере общие культурно-цивилизационные «коды». Сейчас в гораздо большей мере, чем 10–15 лет назад, и представителями властвующих элит Содружества, и рядовыми гражданами осознаётся, что, как удачно это выразил Н.П. Шмелёв, «слишком многое и слишком долго связывало все эти страны, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого “постсоветского развода как исторически кратковременного замешательства”»². В этом принципиальная разница между нынешним временем и периодом коллапса Советского Союза.

Тогда, в конце 80-х — начале 90-х годов, в союзных республиках, превратившихся в 1991–1992 гг. в новые независимые государства, шёл активный поиск «подлинных корней», переписывалась, во многом в антироссийском ключе, история, конструировались новые национальные, конфессиональные, цивилизационные идентичности. Однако в последующие годы многократно возросшие контакты представителей элит и населения этих государств с «дальним зарубежьем» запустили механизм познания «себя через иное».

Оказалось, что советская социокультурная модернизация вопреки тогдашним националистическим представлениям на самом деле успела существенно сократить культурно-ментальные дистанции в полиэтническом и многоязычном советском мире. Не говоря уже о Бела-

¹ *Иванов И.* Россия на экономическом пространстве СНГ // Мир перемен. 2008. № 3. С. 114–123.

² *Шмелёв Н.П.* Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Современная Европа. 2006. № 1. С. 18.

руси и Украине, даже представители мусульманских постсоветских государств, общаясь с ближайшими «братьями по вере и этносу» в дальнем зарубежье, с удивлением обнаруживали, что русские и русскоязычные жители их республик культурно и ментально во многом ближе им, чем эти «братья». К примеру, именно такие «открытия» делает большинство образованных азербайджанцев на опыте общения с формально такими же, как они, иранскими шиитами и с «почти азербайджанцами» в этническом смысле — турками. То же самое обнаружили казахи, общаясь с этническими казахами, переселившимися в Казахстан из Китая. А таджики и тем более узбеки чем дальше, тем больше понимают, что они и их афганские соплеменники давно уже «разошлись» по разным цивилизациям.

Первые и последующие годы независимости экс-советских республик убедительно показали, что национально-романтическое «исправление истории», замена кириллицы на латиницу, переконструирование идентичностей не сумели разрушить существующие общие культурно-цивилизационные коды¹. Ведь подавляющее большинство представителей их интеллектуальных, политических, деловых элит получили образование на русском языке, которым и сейчас, хотя уже и не в той мере, как в советские времена, владеет практически всё их население. С другой стороны, миллионы граждан этих стран работают в России, причём число желающих постоянно растёт.

Эти обстоятельства самым парадоксальным образом сказались даже на попытках создания откровенно «антироссийских» интеграционных объединений². Что, к примеру, может объединять такие маленькие, расположенные за тысячи километров друг от друга и экономически друг от друга не зависящие государства, как входящие в ГУАМ Грузию и Молдову? Только их, созданная Россией, общая историческая судьба, общее культурное пространство, общий для них ареал русского языка³.

¹ Фурман Д.Е. Введение // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001. С. 8; Цыбурский В. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. Лето 1997. Т. 2. № 3. С. 172, 173; Атанесян А. Стратегия «перетягивания» и перераспределения сил на постсоветском пространстве // Мир перемен. 2004. № 2. С. 131; Буховец О.Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М., 2004. С. 37–42, 56–93.

² Иванов И. Указ соч. С. 121.

³ Лактионова Н. Постсоветское пространство: тенденции развития // Мир перемен. 2008. № 4. С. 185.

О большей, чем просто коммуникативная, роли русского языка может свидетельствовать знаковый пример из недавней истории, когда на 1-м саммите по проблемам Каспия (2002) Президент Ирана М. Хатами чувствовал себя в неформальном общении «не в своей тарелке», поскольку среди лидеров пяти прикаспийских стран он единственный не владел русским.

Вот эти сохранившиеся ещё, несмотря на постсоветскую демодернизацию, общие культурно-цивилизационные коды могут и должны помочь в решении острейших демографических проблем в постсоветском пространстве. Ведь если в России уже 18 лет идёт настолько масштабная депопуляция, что, по мнению некоторых учёных, пора уже «ударить в набат», то южные страны СНГ страдают как раз от переизбытка населения, которое нечем там занять. И коль современная Россия во всё большей степени становится центром притяжения многих миллионов жителей СНГ, то это должно расцениваться как наиболее оптимальный в контексте современных мировых тенденций путь решения острейших демографических проблем всего Содружества.

Ведь ни у России, ни у её постсоветских партнёров одних только собственных сил заведомо не хватит для их решения, ибо российскую проблему («рождаемость, как в Европе, а смертность, как в Африке») стимулированием только рождаемости не решить. Гораздо больше затрат и куда более длительного ожидания первых положительных результатов потребует широкая программа мер по снижению смертности. И поскольку правительство делает в этом направлении лишь первые серьёзные шаги, то любой серьёзный демограф мог бы подтвердить, что нынешняя Россия ещё долгие годы будет собирать недопустимо высокий, с точки зрения современности, «урожай скорби». С другой стороны, опыт наиболее успешных в последние десятилетия экономик юга СНГ — Казахстана и Азербайджана — показал, что даже они не в состоянии справиться с избыточным предложением рабочей силы в их странах. О Таджикистане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане, Грузии, Молдавии, Украине и говорить не приходится. Поэтому массовая трудовая миграция из них в ближайшие годы абсолютно неизбежна. Безвариативны в обозримом будущем и главные её векторы в СНГ: с Юга — на Север, с Запада — на Восток, страна прибытия — Россия (напомним, что согласно недавнему исследованию Всемирного банка, через семь лет дефицит рабочей силы в Российской Федерации прогнозируется уже на уровне 10 млн человек).

В мировом контексте миграции этот вариант — самый социально динамичный и результативный. Благодаря культурно-цивилизационной близости адаптация и социализация «СНГ-ных» мигрантов происходит гораздо быстрее и эффективнее, нежели жителей бывших колоний стран Евросоюза. К примеру, даже таджики, которые, безусловно, в наибольшей для СНГ степени пострадали от постсоветской культурной демодернизации, несравненно быстрее и легче проходят в российской среде аккультурацию, чем афганцы, пакистанцы или жители бывших английских африканских колоний — в Великобрита-

нии, алжирцы, марокканцы и выходцы из франкоязычной Чёрной Африки — во Франции, турки — в Германии, индонезийцы — в Голландии и т.д. Почему? Потому что в первом случае это «переезд» одной части бывшего «второго мира» в другую часть этого же мира, тогда как все последующие примеры — это совсем другое: «третий» мир передвигается в «первый».

С пониманием таких очевидных отличий как раз большая проблема в современной России. Существующие во властной элите, обществе и в значительной мере даже в науке представления, опасения и страхи по этому поводу сильно преувеличены. Особенно в том, что касается имеющихся в Закавказье и Средней Азии людских ресурсов для «подселения» в Россию. Ведь ресурсы эти с учётом размеров и численности населения России иначе как скромными не назовёшь. Даже общее число жителей всех трёх закавказских государств (16,7 млн человек) всё-таки меньше, нежели население Москвы и Московской области. Если же их брать по отдельности, а именно так ввиду непохожести их и нужно брать, то вся Армения (3,1 млн) — это пара административных округов Москвы, а вся Грузия (4,6 млн) — каких-нибудь 3–4 округа. И даже Азербайджан (9 млн) значительно уступает Москве по численности жителей.

Практически равняется населению Москвы и области общее число жителей трёх из пяти среднеазиатских государств (Туркмении, Киргизии, Таджикистана). Численность населения громадного по территории Казахстана (16,3 млн) тоже не дотягивает до показателя столичного региона. И один лишь Узбекистан с его 28,1 млн жителей обладает существенным миграционным потенциалом. Но, как известно, в отношении готовности к миграциям узбеки не слишком легки на подъём, в чём смогли убедиться ещё советские власти, безуспешно пытавшиеся стимулировать их миграцию как средство борьбы с аграрным перенаселением в регионе.

В свете вышесказанного, чрезвычайно распространённые ныне страхи по поводу возможного этнокультурного «перекодирования» огромной России столь малочисленными на её фоне этническими группами представляются не просто безосновательными, но даже наивными. Советская культурно-цивилизационная парадигма самым убедительным образом показала совершенно другое: там, где этнические группы не имели рамочных «поддерживающих» условий советского этнического федерализма, там они в процессе культурной модернизации претерпевали рано или поздно аккультурацию в русском ключе. И поскольку в современной России создать такие рамочные условия для представителей титульных этносов стран СНГ просто не-

мыслимо, то же самое будет происходить и с ними. Тем более что, напомним, в случае с жителями Содружества процесс этот начинается не с «чистого листа». Причём проходить он будет тем быстрее, чем более последовательно и твёрдо российские власти будут проводить в жизнь программу дисперсного расселения мигрантов. Ни в коем случае нельзя допускать возникновение компактных замкнутых моноэтнических инокультурных анклавов в Российской Федерации и «этническую монополизацию определённых сфер деятельности»¹. Ведь имеющийся богатый негативный опыт стран Западной Европы — прежде всего Франции, Голландии, Великобритании и др. — уже показал и ещё покажет, какую высокую цену государству и обществу приходится впоследствии платить за близорукую политику «laissez faire, laissez passer» в этом вопросе.

* * *

Вне всякого сомнения, европейская интеграция — мощный фактор мирового масштаба. Порождаемый деятельностью ЕС демонстрационный эффект, естественно, воспринимается другими интеграционными объединениями как «ноу-хау» для их собственного развития, для переноса евросоюзного интеграционного эталона на их почву. Вот почему многим представителям политических элит новых независимых государств становится всё более ясной необходимость перенимания евросоюзного опыта, создания и функционирования наряду с межгосударственными (конфедеральными) также и наднациональных (федеративных) институтов.

Таким образом, практика ЕС могла бы стать своего рода средством «опыления» интеграционных организаций постсоветского пространства. В любом случае, для нынешнего мира они скорее вариант *нормы*, а не тупиковая аномалия. И лишь дальнейшее развитие покажет, какие на имеющемся культурно-цивилизационном фундаменте формы интеграции проявят себя в этом регионе мира как *магистральные*, а какие окажутся *промежуточными*.

Вместе с тем, чем дальше уводит история новые независимые государства от советской эпохи, тем в большей степени актуальным, как это ни парадоксально, становится вопрос о том, в какой мере могут пригодиться сохранившиеся элементы советской цивилизации для «устройства» постсоветского пространства. Тем более что мир в целом

¹ Кандель П.Е. Европа перед этнополитическими конфликтами нового типа // Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Ч. III: Политические аспекты. М., 2006. С. 28.

стремительно плюрализируется. Сошлюсь хотя бы на такой пример, как исторический первый саммит группы БРИК, состоявшийся в июне 2009 г. в Екатеринбурге. Не секрет, что странам этой группы мировые аналитики пророчат наиболее высокие темпы развития в предстоящие десятилетия.

Так вот, из 4 этих стран одна (Россия) находится в самом постсоветском пространстве, другая (Китай) граничит с 4 государствами бывшего СССР, а третья (Индия) расположена в непосредственной близости от них. Вот почему государства постсоветской цивилизации могут и должны спокойно и невозмутимо воспринимать «сверхценные» советы, «от которых нельзя отказаться», кто бы из соседей по региону таковые ни давал.

Глава 23. Основные тенденции развития российской экономики

Смысл и содержание экономических реформ 90-х годов всё ещё остаются объектом ожесточённых споров. При этом позиции противостоящих сторон во многом определяются ценностными установками и политическими предпочтениями их участников. Это, однако, требует особого рассмотрения. В данном случае можно ограничиться анализом некоторых предварительных итогов по развитию российской экономики, подтверждаемых наличным эмпирическим материалом, и размышлениями о путях движения в будущее.

Реформы 1990-х годов: некоторые итоги

В процессе системной рыночной трансформации российская экономика, начиная с 1992 г., прошла в своём развитии через 4 этапа.

Первый этап: 1992–1994 гг. Для него характерно кризисное развитие, сопровождавшееся резким спадом производства и инвестиций, а также жизненного уровня населения. Основные причины такого развития: развал СССР и СЭВа, приведший к разрушению важных для России внешних рынков, а также традиционной специализации производства по единым технологическим цепям; быстрая демилитаризация

экономики и, как следствие, резкое сокращение выпуска военной продукции, прекращение производства тех товаров гражданского назначения, которые были во многом заменены более качественным и разнообразным импортом, и, наконец, серьёзные трудности, связанные с системной трансформацией страны, её экономики и общества.

По реальному счёту настоящей «шоковой терапии», подобно реформам Эрхарда в ФРГ в 1948 г., в России не было, если не считать обвала денежных сбережений населения, которые в советские времена не находили необходимого товарного покрытия и являлись по существу денежным навесом. Либерализация цен привела к резкому взлёту инфляции и снижению реальных доходов населения. Однако социальный мир нарушен не был, хотя большое распространение получили неплатежи и натурообмен, что весьма неблагоприятно сказалось на развитии экономики.

В июле 1993 г. была проведена денежная реформа, отменившая старые рублёвые банкноты и заменившая их новыми. Эта реформа взорвала рублёвую зону в СНГ и заставила её страны создать собственную валюту, прекратив их былую подпитку за счёт России. Несмотря на падение производства, в том числе сельскохозяйственного, Россия стала постепенно освобождаться от тяжёлого импорта зерна. В 1992 г. он составлял 26 млн тонн (в 1985 г. — 45 млн тонн), но уже в 1993 г. — 14 млн тонн и продолжал сокращаться.

Второй этап: 1994–1996 гг. Стала формироваться рыночная инфраструктура. В 1995 и 1996 гг. удалось ослабить инфляцию. Однако спад производства хотя и замедлился, но всё же продолжался. Нарастающими темпами проводилась приватизация. На базе советской номенклатуры, в том числе выходцев из прежней комсомольской верхушки, активно формировалась новая элита российского бизнеса. Реформаторам удалось преобразовать торговлю, общественное питание и сферу обслуживания населения. Полки магазинов наполнились товарной массой. Вместе с тем сокращалась доля ВВП, направляемая на науку, образование, культуру и социальные нужды.

В ходе приватизации были допущены массовые нарушения законов, имели место правовые преступления, столь характерные для периода первоначального накопления капитала. Напрямую в них принимали участие и государственные чиновники.

Важнейшей проблемой времени был большой (до 10% ВВП) бюджетный дефицит, т.е. превышение государственных расходов над доходами. Росла также налоговая задолженность предприятий. Стремясь найти выход из создавшегося положения, государство прибегло к эмиссионному финансированию бюджета, наращивая долги на вну-

треннем и внешнем финансовых рынках. Расчёты показывали, что на протяжении следующих 10 лет погашение внешних долгов потребует 3,5–5,0 млрд долларов ежегодно, а в 2003 г. — 17 млрд долларов. Всё это повышало уязвимость экономики страны. Однако темпы инфляции стали снижаться.

Третий этап: 1996–1998 гг. Главным и наиболее острым к этому времени стал вопрос о возобновлении экономического роста. Темпы инфляции продолжали снижаться. Вместе с тем проблема растущего бюджетного дефицита всё ещё не находила своего решения. По-прежнему сокращались инвестиции. В 1997 г. был достигнут прирост ВВП на 1%, что можно было рассматривать как признак экономического оздоровления. Однако в августе 1998 г. произошёл дефолт со всеми сопровождавшими его эксцессами.

Причинами дефолта стали неудачные финансовые манипуляции с государственными финансовыми облигациями (ГКО) и облигациями федерального займа (ОФЗ), выпускающимися для покрытия бюджетного дефицита. Другими причинами стали мировой финансовый кризис, начавшийся в Юго-Восточной Азии в 1997 г., и низкая мировая цена на нефть, составившая к декабрю 1998 г. всего 9,7 доллара за баррель.

Четвёртый этап: 1999–2008 гг. В это время начался рост производства, вызванный, в частности, последствиями дефолта, в результате которого возросли цены (в рублях) на импортные изделия и появился стимул к замещению импорта наращиванием товаров отечественного производства. Отечественные производители получили возможность серьёзно укрепить свои позиции на российском рынке. Росту производства в России помог также рост мировых цен на нефть и газ, достигших в конце 2007 г. наиболее высокого уровня.

С 2000 г. начали расти реальные доходы населения, обгоняя при этом рост производительности труда. Экономика монетизировалась не только благодаря росту денежной эмиссии, но и вследствие изживания бартера, неплатежей и взаимозачётов. Центробанк начал накапливать золотовалютные резервы. В августе 1998 г. они составляли 10 млрд долларов, а осенью 2008 г. — 560 млрд долларов.

Вместе с тем этот этап экономического развития России всё ещё характеризовался недостаточной стабильностью роста производства, особенно в промышленности, чрезмерной зависимостью от мировых цен на сырьё, недостаточной опорой на внутренний платёжеспособный спрос как со стороны населения (потребительские товары), так и со стороны производителей (инвестиции). На экономической ситуации сказывались также слабость институциональной базы современ-

ных рыночных механизмов (финансово-банковская система, фондовые рынки, государственная политика проведения реформ и т.д.), а также то, что значительных сегментов экономики (ЖКХ, наука, естественные монополии и т.д.) рыночные реформы либо вообще не затронули, либо коснулись чисто косметически.

В конце 2008 г. недореформированную экономику страны поразил мировой экономический кризис. Начались падение производства, банкротство фирм, компаний и банков, снижение жизненного уровня населения и рост безработицы. Пришлось принимать срочные антикризисные меры, ориентированные на последующую модернизацию производственного аппарата и всей экономики в духе инновационного развития.

Рассмотрим теперь основные макроэкономические показатели официальной российской статистики, характеризующие развитие экономики России (*см. табл. 23.1*).

Данные таблицы 23.1 свидетельствуют о том, что спад производства в России начался ещё в советские времена. ВВП РСФСР в 1990–1991 гг. сократился почти на 8%, промышленное и сельскохозяйственное производство — более чем на 8%, народно-хозяйственные капиталовложения почти на 15%. За один только 1991 г. потребительские цены выросли в 2,6 раза. Объём розничной торговли в 1990 г. увеличился на 12%, а в 1991 г. снизился на 5%.

На первом этапе реформ ВВП страны снизился почти на 30%, промышленное производство на 32%, сельскохозяйственное производство на 16%, капиталовложения на 33%. Однако объём розничного товарооборота увеличился на два с небольшим процента, а рубль стал конвертируемой валютой.

На втором этапе ВВП страны снизился почти на 20%, промышленное производство на 27%, сельскохозяйственное — на 23%, капиталовложения на 43%. Потребительские цены выросли почти в 9 раз, розничный товарооборот сократился более чем на 5%, реальные денежные доходы населения снизились на 4%. Одновременно стал заметно увеличиваться экспорт. В 1996 г. его объём превысил 85 млрд долларов: тем самым он стал в 1,6 раза больше, чем в 1992 г.

На третьем этапе ВВП страны снизился почти на 7%, промышленное производство — почти на 8%, сельскохозяйственное — почти на 16%, капиталовложения — на 32%. Потребительские цены за этот период выросли в 2,5 раза, розничный товарооборот — на 1,5%, реальные денежные доходы населения сократились на 10%. Объём экспорта снизился до 71 млрд долларов в 1998 г., главным образом, из-за падения мировых цен на сырьё.

Таблица 23.1

Динамика основных макроэкономических показателей Российской Федерации (1989–2008)

Показатели	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
<i>ВВП, в % к:</i>																			
предыдущему году	97,0	95,0	85,5	91,3	87,3	95,9	96,4	101,4	94,7	106,4	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2	106,4	107,7	108,1	106,4
1989	97,0	92,2	78,8	71,9	62,8	60,2	58,0	58,8	55,7	59,3	65,2	68,5	71,4	76,6	82,1	87,2	93,0	100,5	107,8
<i>Промышленность, в % к:</i>																			
предыдущему году	99,9	92,0	84,0	85,9	79,1	95,4	95,5	102,0	94,8	111,0	108,7	102,9	103,1	107,9	108,3	104,0	103,9	105,3	104,3
1989	99,9	91,9	75,4	64,8	51,3	49,6	47,4	48,3	45,8	50,8	56,8	59,6	61,9	66,2	71,7	74,6	77,5	81,6	86,9
<i>Сельское хозяйство, в % к:</i>																			
предыдущему году	96,4	95,5	90,6	95,6	88,0	92,0	94,9	101,5	86,8	104,1	107,7	107,5	101,5	101,3	103,1	102,0	103,6	104,0	104,5
1989	96,4	92,1	83,4	79,7	70,1	64,5	61,2	62,1	53,9	56,1	60,4	64,9	69,6	69,6	71,8	73,2	75,8	78,8	80,4
<i>Капиталовложения в % к:</i>																			
предыдущему году	100,1	84,5	60,3	88,3	75,7	89,9	81,9	95,0	88,0	105,3	117,4	110,0	102,8	112,5	111,7	110,7	113,7	121,1	112,0
1989	100,1	84,6	51,0	45,0	34,1	30,6	25,1	23,8	20,9	24,5	28,8	31,4	33,6	37,4	41,8	46,3	52,6	63,7	74,6
<i>Розничная торговля, в % к:</i>																			
предыдущему году	112,4	95,3	100,3	101,6	100,2	93,8	100,3	104,9	96,8	94,2	109,0	111,0	109,3	108,8	113,3	112,8	113,9	114,5	111,0
1989	112,4	107,1	107,4	109,1	109,3	102,5	102,8	107,8	104,1	97,9	106,3	117,6	128,0	138,2	154,9	174,7	199,0	231,4	256,9
<i>Потребительские цены, в % к:</i>																			
предыдущему году	260,4	260,8	939,9	315,1	—	231,3	121,8	111,0	184,4	136,5	120,2	118,6	115,1	112,0	111,7	110,9	112,5	111,9	113,4
<i>Реальные денежные доходы населения в % к:</i>																			
предыдущему году	—	120,9	52,5	116,4	112,9	85,0	100,6	105,8	84,1	87,6	112,0	108,7	111,1	115,0	110,4	112,4	113,3	110,4	111,0
1989	—	120,9	52,5	61,1	69,0	58,6	58,9	62,4	52,3	45,1	49,3	53,5	62,4	71,2	79,9	88,5	101,0	114,2	126,8

Источники: Российский статистический ежегодник. М., 2003. С. 164, 281, 341, 400, 595; Россия в цифрах. 2008. М., 2008. С. 35–36; Известия. 15.02.2009.

В год дефолта (1998) ВВП и промышленное производство снизились почти на 5%, сельскохозяйственное производство — на 13%, капвложения — на 14%. Потребительские цены возросли более чем в 1,8 раза. Розничный товароборот сократился почти на 4%, а реальные доходы населения — почти на 16%.

Курс рубля по отношению к доллару упал более чем в 3 раза. В этой связи, а также из-за взлёта розничных цен население понесло существенный ущерб. Его денежные сбережения вновь обесценились. Началось бегство иностранных инвестиций, практически развалилась банковская система. Власть, чтобы сохранить свои позиции, прибегла к поддержке крупного бизнеса.

На четвёртом этапе в развитии российской экономики наметились новые тенденции. В 1999 г. ВВП вырос на 6,4%, в 2000 г. — на 10, в 2001 г. — на 5, в 2002 г. — на 4,7, в 2004 г. — на 7,2, в 2006 г. — на 7,7, в 2007 г. — на 8,1 и в 2008 г. — на 6,4%. Объём промышленного производства увеличился в 1999 г. на 11%, в 2000 г. — почти на 9, в 2001 г. — на 3, в 2002 г. — на 3,1, в 2004 г. — на 8,3, в 2006 г. — на 3,9, в 2007 г. — на 5,3 и в 2008 г. — на 4,3%, сельскохозяйственное производство, соответственно, — на 4,1, 7,7, 7,5, 1,5, 3,1, 3,6, 4 и 4,5%.

Особенно динамично росли капвложения: в 1999 г. они увеличились на 5,3%, в 2000 г. — на 17,4%, в 2001 г. — на 10, в 2002 г. — на 12,8, в 2004 г. — на 11, в 2006 г. — на 13,7, в 2007 г. — на 21,1 и в 2008 г. — на 12%. Соответственно, выросла и норма накопления. Опережающий по сравнению с ВВП рост инвестиций свидетельствовал о повышении роли такого важного фактора, как внутренний спрос на инвестиционные товары.

Потребительские цены выросли в 1999 г. на 36,5%, в 2000 г. — на 20,2, в 2001 г. — на 18,6, в 2002 г. — на 15, в 2004 г. — на 12, в 2006 г. — на 12,5, в 2007 г. — на 11,9 и в 2008 г. — на 13,4%. Реальные денежные доходы населения в 1999 г. снизились из-за дефолта на 12,4%, но затем начали расти. В 2000 г. они увеличились на 12%, в 2001 г. — на 8,7%, в 2002 г. — на 11, в 2004 г. — на 10,4, в 2006 г. — на 13,3, в 2007 г. — на 10,4 и в 2008 г. — на 11%. Опережающий по сравнению с ростом ВВП рост реальных доходов населения свидетельствовал о возрастании роли такого важного фактора внутреннего спроса, как спрос на потребительские товары.

Благодаря высоким мировым ценам на сырьё экспорт возрос до 468 млрд долларов в 2008 г. Положительное сальдо внешнеторгового баланса составило впечатляющую величину: 201 млрд долларов. Несмотря на рост внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, экспорт стал важнейшим фактором, определяющим темпы роста эко-

номики. Монетизация экономики на протяжении 1998–2008 гг. выросла с 14 до 35%.

Правда, анализ отраслевых составляющих темпов экономического роста Российской Федерации рисует не столь благоприятную картину. Начиная с 1999 г. особенно быстро росли химическая промышленность, машиностроение, промышленность стройматериалов. При этом, однако, сохранялась серьёзная зависимость от экспорта сырья, а, следовательно, — и от мировых цен на него.

В 2007 г. общий объём ВВП России превысил советский уровень 1989 г. Превысили этот уровень добывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, производство резиновых и пластмассовых изделий, электрооборудования. Однако большинство отраслей промышленного производства не достигло уровня не только 1989 г., но и дореформенного 1991 г.

На фоне начавшегося в 1999 г. экономического роста доля конечного потребления, равно как и доля потребления домашних хозяйств (т.е. личного потребления населения) в ВВП стала сокращаться. Уменьшилась и доля фонда оплаты наёмного труда. Зато возросла доля валового накопления, что следует рассматривать как свидетельство экстенсивного экономического роста. Его качественная сторона явно страдала, в частности, потому, что Россия не производила в достаточных количествах главных инвестиционных продуктов — современных машин и оборудования.

Сохранялась низкая доля оплаты труда. В последний год существования СССР она составляла в России 51,2% ВВП. К середине первого десятилетия нового века она сократилась до 45,6%. Оба эти показателя свидетельствовали о высокой норме эксплуатации — значительно большей, чем в странах Запада (такое имело место и в бывшем СССР). Но сейчас данная норма выше, чем в бывшем СССР. Выше, чем в СССР и в промышленно развитых странах Запада нынешняя норма рентабельности¹. Характерно также, что чрезмерный уровень нормы эксплуатации и рентабельности (25%) сопровождается низкой нормой накопления, иными словами недостаточными вложениями в обновление, модернизацию и рост основного капитала.

Официальные данные о ситуации в отраслевой структуре промышленности в середине первого десятилетия нового века содержит таблица 23.2.

¹ См.: *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004. С. 260.

Таблица 23.2

Отраслевая структура промышленного производства России (%)

	1990	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Промышленность в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>в том числе:</i>									
Электро-энергетика	6,6	10,5	11,2	10,1	9,2	8,8	8,5	8,1	7,6
Топливная промышленность	12,5	16,9	18,1	16,9	15,8	15,9	16,4	16,9	17,1
Черная металлургия	6,7	7,7	7,8	8,3	8,6	8,1	8,1	8,3	8,2
Цветная металлургия	8,3	9,0	10,0	10,1	10,3	10,3	10,5	10,5	10,3
Химическая и нефтехимическая	6,8	6,3	6,5	7,3	7,5	7,4	7,3	7,1	7,2
Машиностроение и металло-обработка	24,2	19,2	17,9	19,2	20,5	20,8	20,5	21,1	22,2
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	5,9	5,1	4,5	4,8	4,8	4,7	4,7	4,5	4,3
Производство стройматериалов	4,4	3,7	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9
Легкая	6,4	2,3	1,6	1,7	1,8	1,8	1,7	1,5	1,4
Пищевая	14,9	15,3	15,5	14,7	14,9	15,3	15,8	15,6	15,4

Источники: Промышленность России. М.: Госкомстат России, 2002. С. 38.; Российский статистический ежегодник. 2003. С. 344; Россия в цифрах. М., 2004. С. 184; Там же. М., 2005. С. 186.

Данные таблицы 23.2 свидетельствуют, что после заметного падения в 1990–1998 гг. доля машиностроения и металлообработки в структуре промышленного производства, как уже отмечалось, стала возрастать и сейчас превышает 20%. Возрастала и доля такой сырьевой отрасли, как чёрная металлургия. Что касается доли электроэнергетики, то в годы общего падения производства она возрастала, но после начавшегося общего роста производства стала снижаться.

Особенно серьёзно снизилась доля лёгкой промышленности, производства стройматериалов, а также лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Главным фактором падения доли лёгкой промышленности служил, несомненно, неограниченный импорт изделий её профиля. Вместе с тем импорт пищевых продуктов до поры до времени не приводил к снижению доли российской пищевой промышленности в общем объёме промышленного производства. К сожалению, вследствие изменения отраслевой классификации промышленного производства в статистике Российской Федерации теперь невозможно привести данные за период после 2004 г., сопоставимые с прошлым.

В механизме воспроизводства российской экономики налицо расчленение её структуры на крупные отраслевые и территориальные блоки. К отраслевым блокам следует отнести, во-первых, финансово-банковскую систему и торговлю — две рыночные отрасли, получившие опережающее развитие в период рыночной трансформации. Во-вторых, в эту категорию входит блок получивших опережающее развитие сырьевых экспортно-ориентированных отраслей, а также комплекс отраслей, производящих товары и услуги для внутреннего спроса. Здесь много проблем с темпами роста и особенно с эффективностью, новизной и конкурентоспособностью производства. Доля второго сектора в ВВП снижается, а доля первого — растёт.

Что касается территориальных блоков, то нельзя не видеть резкой дифференциации по уровню экономического развития и рыночных отношений таких регионов, как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и остальной России. Только в Москве сосредоточено до 70–80% финансового капитала страны и преобладающая часть иностранных инвестиций (до 50% прямых и свыше 80% портфельных)¹.

Правда, проблема соотношения развития центра и периферии существовала и в Советском Союзе. Сейчас, однако, разрыв между ними по уровню экономического развития вырос. Отсюда настороженно-враждебное отношение окраин к центру.

¹ Рязанов В. Экономическое развитие России. М., СПб., 1997. С. 671.

Особо следует остановиться на положении российской науки. Доля затрат на НИОКР в ВВП России составляет всего чуть более 1%, что почти в три раза меньше, чем в США. По абсолютному объёму, исчисленному по паритету покупательной способности для всего ВВП, общая сумма этих затрат составляет лишь 20 млрд долларов (в США — 400 млрд долларов). Если же подсчитать эту сумму по паритету, рассчитанному для сферы НИОКР, то реальный объём наших затрат на НИОКР, по приблизительной оценке, составит примерно 40 млрд долларов, что в 10 раз меньше, чем в США.

Между тем у российской науки, помимо крайне низких затрат на НИОКР, немало других нерешённых проблем, в том числе связанных с определением тематики исследований, выходом результатов исследований на уровень производства и бизнеса, а также с созданием инновационной модели для российской экономики.

Серьёзные изменения произошли в области оплаты труда. Установление ставок заработной платы было децентрализовано. Предприятия и фирмы обрели самостоятельность при определении уровня и дифференциации оплаты труда персонала. Прямое государственное регулирование сохранилось лишь в бюджетной сфере. На рынке труда возникла конкуренция за его цену. В условиях инфляции предприятия были вынуждены всё время не только индексировать, но и пересматривать ставки оплаты. Ввиду высокой ставки социального налога российские предприятия часто подменяют официальную оплату неофициальной на основе разнообразных хитрых «серых» и «чёрных» схем¹.

К 2008 г. уровень реальной оплаты труда и душевого потребления в России был уже выше, чем в 1989 г., но примерно в 4 раза ниже, чем в США. В 2008 г. он превысил уровень 1989 г. примерно на 27%. Однако около 20% населения страны живёт на уровне ниже прожиточного минимума, который не обеспечивает не только достойной жизни, но и расширенного воспроизводства рабочей силы. Мировой экономический кризис дополнительно ухудшил и так неблагоприятную ситуацию.

Одновременно резко выросла дифференциация доходов населения. Если в советские времена децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самого богатого и 10% доходов самого бедного населения) составлял 1 : 4,5, в 1992 г. — 1 : 8,0, в 1997 г. — 1 : 13,5, то в 2008 г. — 1 : 17 (в США 1 : 15,7). По имеющимся оценкам, доходы 70% населения России меньше, чем доходы самых бедных 10% населения США.

¹ 1000 лучших предпринимателей России. М., 2003. С. 121.

В целом с 1989 по 1998 г. ВВП России, как уже упоминалось, сократился более чем на 40%, объём промышленного производства — более чем в 2 раза, народно-хозяйственных капиталовложений — почти в 5 раз. Масштабы падения производства и производительности труда у нас больше, чем в странах Центральной и Восточной Европы.

Степень износа основных фондов в целом по народному хозяйству составляет около 48%, в том числе в промышленности 53%, на транспорте 54%, а износ машин и оборудования значительно превышает эти данные. Правда, в большинстве стран СНГ дело обстоит намного хуже, чем в России.

Следует упомянуть также о чрезмерных размерах и низкой эффективности сохранившегося нерыночного сектора. В нём нередко не только не создаётся добавленной стоимости, но и имеет место реальное проедание капитала.

Как оценить путь, пройденный за рассматриваемые годы экономикой России? Чтобы убедительно ответить на этот вопрос, следует, прежде всего, ознакомиться с тем, какое место занимает она сейчас в мировой экономике.

Объёмы производства в России и в наиболее развитых странах мира

Начиная с 1968 г. ООН осуществляет Проект международных сопоставлений (ПМС), в рамках которого сравниваются объёмы ВВП разных стран мира по паритетам покупательной способности (ППС) валют¹. Советский Союз долгие годы отказывался принимать участие в этом проекте, используя собственные оценки национального дохода и ряда других показателей, которые намеренно завышались по сравнению с другими странами. Лишь в 1990 г., незадолго до своего распада, он принял участие в названной программе.

Российская Федерация была включена в ПМС ООН с показателями за 1993 г. и впоследствии стала постоянной участницей проекта, предоставляя в его распоряжение необходимые базовые данные. Соответствующие расчёты были произведены за 1996, 1999, 2002 и 2005 гг. с использованием расширяющегося числа данных о ценах на сравнимые товары и услуги — компоненты ВВП.

Ниже приводятся результаты международных сопоставлений ВВП России за 2005 г., проведённых ООН для 146 стран (*см. табл. 23.3*).

¹ См.: Россия и страны — члены Европейского союза. М., 2003. С. 85.

Таблица 23.3

**Сопоставление объёмов ВВП России
и других главных стран мира за 2005 г.**

Страны	ВВП (млрд долл.)	В % к уровню США	ВВП на душу населения (долл.)	В % к уровню США
Россия	1 697,5	13,7	11 861	28,5
США	1 2376,1	100,0	4 1674	100,0
Китай	5 333,2	43,1	4 091	9,8
Япония	3 870,3	31,3	30 290	72,7
Германия	2 514,8	20,3	30 496	73,2
Индия	2 341,0	18,9	2 126	5,1
Великобритания	1 901,7	15,4	31 580	75,8
Франция	1 862,2	15,0	29 644	71,1
Италия	1 626,3	13,1	27 750	66,6
Бразилия	1 583,2	12,8	8 596	20,6
Канада	1 133,0	9,2	35 078	84,2
Мексика	1 175,0	8,5	11 317	27,2
Западная Европа	11 894,0	96,0	39 900	71,7

Источник: Россия в цифрах. 2008. М., 2008. С. 505–510.

Таблица свидетельствует, что ВВП России в 2005 г. был равен почти 1,7 трлн долларов и наша страна занимала 8-е место в мире, отставая от США и Западной Европы примерно в 7 раз, от Китая — в 3 раза, от Японии — более чем в 2 раза, от Индии — в 1,7 раза. По ВВП в расчёте на душу населения мы отставали от США в 2005 г. в 3,1 раза, от Японии и Германии — в 2,6 раза, от Канады — в 3 раза, от Великобритании, Франции и Италии — в 2,3–2,7 раза. Мексику мы опережали на 5%, Бразилию на 38%, Китай — почти в 6,3 раза, Индию — в 5,6 раза.

По общему объёму своего ВВП Россия превзошла Бразилию. Но самое главное: по объёму своего ВВП она заметно приблизилась к уровню Франции, Великобритании и превзошла Италию, в 2008 г. мы превзошли и эти страны, но мировой экономический кризис затем отбросил Россию назад в большей мере, чем страны Запада, и ситуация серьёзно изменилась.

Обратимся теперь к данным о промышленном производстве. К сожалению, ни ООН, ни Росстат не приводят в своих публикациях международных сопоставлений по промышленному производству в долларах. Поэтому источником используемых данных служат разработки Института мировой экономики и международных отношений РАН на базе международной статистики и мировой экономической литературы. Основные результаты представлены в таблице 23.4.

Таблица 23.4

**Сопоставление объёмов промышленного производства
и строительства России
и других главных стран мира за 2005 г.**

Страны	Млрд долл.	В % к США
Россия	546	20,9
США	2 616	100,0
Китай	3 943	150,7
Япония	1 223	46,8
Германия	701	26,8
Индия	1 030	39,4
Великобритания	501	19,2
Франция	403	15,4
Италия	467	17,9
Бразилия	651	24,9
Мексика	274	10,5

Источник: Мировая экономика: прогноз до 2020 г. М., 2007. С. 426–428.

Судя по приведённым данным, место России в мире по объёму промышленного производства и строительства было — до нынешнего мирового экономического кризиса — заметно выше, чем по показателю ВВП. По объёму промышленного производства и строительства мы занимали в 2005 г. 7-е место в мире (немногим более 20% от уровня США). В Европе Россия находилась по этому показателю на 2-м месте — после Германии, превосходя Францию, Великобританию и Италию. Во всём этом сказывалось наличие у нас мощной добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса.

Обратимся теперь к международным сопоставлениям по производительности труда — этому важнейшему показателю эффективности производства. Соответствующие оценки были — на середину первого десятилетия нового века — рассчитаны также в ИМЭМО РАН (см. табл. 23.5).

Таблица 23.5

**Сопоставление производительности труда в России
и других главных странах мира за 2006 г.**

Страны	Выработка на 1 занятого по ВВП (тыс. долл.)	В % к США
Россия	24,1	27,4
США	88,0	100,0
Китай	12,8	14,5
Япония	64,0	72,7
Индия	9,5	10,8
Германия	63,8	72,5
Франция	75,4	85,7
Великобритания	72,3	82,2
Италия	74,1	84,2
Бразилия	18,0	20,5
Канада	67,2	76,4

Источник: МЭиМО. 2008. № 12. С. 35.

Данные таблицы 23.5 свидетельствуют, что по производительности труда в народном хозяйстве Россия в 2006 г. отставала от США почти в 4 раза, от Канады — почти в 3 раза, от стран Западной Европы — также почти в 3 раза, от Бразилии в 1,4 раза. Превосходила она по этому показателю Китай почти в два раза, а Индию — в 2,5 раза.

В мировом рейтинге по национальной конкурентоспособности Россия в 2008 г. заняла всего лишь 51-е место из 131 страны, что заметно ниже, чем место таких стран, как Малайзия, Индия и Китай. По уровню инновационности экономики Россия также серьёзно отстаёт от многих стран мира.

В России лишь 9,3% промышленных предприятий можно считать инновационно активными, в то время как в Ирландии 75%, Германии — 65,8, Канаде — 67,4, Эстонии — 38, Латвии — 35, Литве — 23, Польше — 18%. За период 2000—2008 гг. Россия, согласно международному рейтингу, опустились с 6-го на 9-е место в мире по результативности научной деятельности. При этом, как считает Министр образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко, «почти все показатели, которые характеризуют нашу науку, имеют отрицательную динамику»¹. Лишь 5% наших расходов на НИОКР становятся объектами коммерческих сделок и получают реальное воплощение в нововведениях².

Экономика России отличается высокой ресурсозатратностью, что выражается не только в удельных затратах труда, но и в удельных затратах сырья и материалов. Удельное потребление металлов, топлива, электроэнергии и т.д. в России в разы больше, чем в странах со зрелой рыночной экономикой, особенно в тех из них, которые почти не имеют запасов природных ресурсов (Япония, Швейцария, Финляндия).

Институциональные проблемы

Многие западные эксперты усматривают причины отставания России, прежде всего, в отсталости российской общественной системы.

Страна отказалась от советской социально-экономической модели, базировавшейся на государственной собственности, централизованном планировании и командно-административном управлении. Сейчас в ней создана реальная рыночная экономика. Однако институциональный фундамент этой экономики и общественного устройства всё ещё фрагментарен и неустойчив.

¹ Наука Москвы и регионов. 2005. № 3. С. 6.

² Общество и экономика. 2007. № 9—10. С. 150.

Важнейшим институтом рыночной экономики является защита государством прав собственности, частного предпринимательства. Но российская судебная система не гарантирует реализацию этих прав на деле. Явно страдает малый бизнес. Защита его со стороны государства недостаточна. Для его нормального функционирования требуется преодолеть серьёзные ограничения и многочисленные бюрократические барьеры.

Большую проблему составляют расширяющиеся масштабы незаконного захвата и присвоения чужой собственности, так называемого рейдерства, в котором участвует и государство. Около 30% российских промышленных предприятий убыточны и, по существу, являются банкротами. Их большую часть составляют государственные предприятия.

Рыночная инфраструктура и банковская система крайне несовершенны. Уровень капитализации банков низок и не сравним с уровнем их капитализации в странах Запада. Недопустимо слабо используются нашими банками современные финансовые технологии. Отсюда их низкая конкурентоспособность и яростное сопротивление любым формам их появления на российской территории.

Немошен и российский фондовый рынок. Он не в состоянии ни противостоять ползучей девальвации российского рубля, ни эффективно регулировать потоки инвестиций. И, вообще, его роль в экономике нашей страны незначительна.

Очевидно, что без серьёзного совершенствования рыночной инфраструктуры российская экономика решить назревшие задачи не сможет.

Системную институциональную проблему образует состояние конкурентной среды. Пока она ограничена и не продуктивна. В такой среде органично функционируют лишь немногим более 30% российских предприятий. Остальные используют давно устоявшиеся рыночные ниши, что не стимулирует их к новациям.

Остро встаёт потребность в обновлении основного капитала, который старел не только в годы падения производства, но и продолжал стареть во времена интенсивного экономического роста. Сейчас свыше 50% машин и оборудования, используемых в российской экономике, старше 20 лет, а в некоторых, особенно машиностроительных, отраслях этот показатель превышает 70%.

Создание современной рыночной модели и адекватных ей институтов — дело, прежде всего, государства. Без его поддержки бизнес не в состоянии обрести необходимую ему институциональную и материальную почву. Разговоров на эту тему ведётся много. Сделано же пока

очень мало. Не существует практически разработанной программы, предусматривающей институциональное обеспечение модели инновационного развития на ближайшую и среднесрочную перспективы. Её пытаются подменить концепцией и практикой государственно-частного партнёрства (ГЧП), которое сводится, прежде всего, к массовому внедрению работников государственного аппарата в бизнес, к замене предпринимательской инициативы государственным целеполаганием и административным нажимом.

Происходит скрытая деприватизация, т.е. национализация частной собственности. В 2006 г. доля акций, принадлежащих государству, в общей капитализации российских компаний составляла 29,6%, в начале 2007 г. — 35,1 %, а в начале 2008 г. уже 40–45%¹. В 2007–2008 гг. было создано несколько крупных государственных корпораций, в том числе такие гиганты, как Ростехнологии, Росатом, Роснано, Олимпийский. Конечно, можно сослаться на то, что происходящее ныне огосударствление российской экономики — это форма борьбы с финансовым и экономическим кризисом. В определённом смысле это так. Но останется ли огосударствление лишь временной антикризисной мерой? Не исключено, что в основе принимаемых решений лежит стремление заменить созданную ранее рыночную модель всеобъемлющей системой государственного участия в экономике, заменить частный бизнес государственным. А это может подорвать основы рыночной экономики и негативно сказаться на эффективности производства и будущем страны.

Необходимость модернизации общественного сознания

Общественное сознание определяется социально-психологическим и культурологическим состоянием общества, обусловленным особенностями национально-этнической специфики его формирования в прошлом и настоящем.

В России не сложилось гармоничного общественного сознания, позволяющего осуществить такую общественную реформу, которая была бы необратима и свободна от разрушительных противоречий. Не появились в ней и сильные личности, знающие вектор необходимого общественного развития и практически представляющие, как ориентировать на него массы.

¹ Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 25.

В сознании россиян велика роль идеологии, склонность не к взвешенности решений, а к крайностям, готовность мириться с противоречием между декларируемыми общественными интересами и повседневной действительностью. Им не присущ трезвый прагматизм, столь характерный для общественного сознания многих других народов. К тому же у них нет объединяющей цивилизационной идентичности. Свойственное им мировосприятие основано на противоположных критериях и принципах. Прав Ф. Достоевский, считавший, что главная проблема России — переучить, перевоспитать, изменить свой народ, сделать его современным, модернизировать его общественное сознание.

Огромным тормозом на пути прогресса служит обычное для российского общества неприятие реформ. Их неоднократные попытки обычно отличались рядом важных особенностей. Во-первых, реформы проводились сверху, властью, а не снизу, в результате воздействия внутреннего мотивационного механизма. Во-вторых, они, как правило, оставались незавершёнными. В-третьих, вскоре после их начала нередко первоначальные цели сменялись другими, иногда даже противоположными, и движение вперед сменялось разрушением достигнутого.

Вот что писал о нашем национальном менталитете выдающийся российский философ Н. Бердяев. Россия — «страна, лишённая сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти. Россия... страна чиновников, никогда не переступающих пределов замкнутого и мёртвого бюрократического царства... Везде личность подавлена в органическом коллективе... Но необходимо понять, что исконный русский коллективизм есть лишь преходящее явление первоначальной стадии натуральной эволюции, а не вечное явление духа...»¹.

Отсюда неотложная необходимость энергично формировать в России современное общественное сознание, способное принять ценности рыночной экономики, демократии и гражданского общества. Естественно, что эту роль должно взять на себя государство. Но пока эта задача не ставится.

¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 14, 15, 21, 22.

Экономическая и социальная политика

Сегодня следует говорить не столько о застое в рыночных и демократических преобразованиях, сколько об отступлении от их принципов. Конечно, рыночные реформы 90-х годов XX в. сопровождались широкомасштабным спадом производства и обострением социальных отношений. Но всё же страна обрела основы рыночной экономики. В 90-е годы шёл — пусть противоречиво, с крупными извращениями и провалами — процесс системной трансформации общества. Затем он прекратился. Реформы не продолжались, возникшие в их ходе пороки не исправлялись. Правда, к концу первого десятилетия нового века, по мере углубления мирового экономического кризиса руководители страны заговорили о соблюдении законности, о борьбе с коррупцией, о поддержке предпринимательства, прежде всего малого и среднего бизнеса, о расширении масштабов конкуренции. Однако перспективы реализации этих намерений вырисовываются весьма туманно. Это, во-первых.

Во-вторых, отсутствует чёткая государственная политика модернизации производства, замены устаревших техники и технологии на современные. Не случайно доля машиностроения в нашем промышленном производстве находится сейчас на самом низком уровне за истекшие 30–40 лет. Сейчас она составляет чуть более 20% общего объёма промышленного производства. Это намного ниже, чем в США (36%), Германии (46%), Великобритании (34%), Венгрии (49%) и Словении (30%)¹. Крайне малы доли машиностроения в народно-хозяйственных капиталовложениях (2,7%) и экспорте (5,6%)².

В-третьих, ближайшие перспективы экономики в решающей степени зависят от того, есть ли в экономической политике эффективная антикризисная составляющая. Она пока не просматривается. Государство проводит лишь разрозненные, порой мало обоснованные меры. Огромные средства по-прежнему заморожены и не поступают в инвестиционные каналы.

В-четвёртых, диверсификация производства, повышение доли отраслей обрабатывающей промышленности, ликвидация сложившихся дисбалансов в нашей экономике происходят не благодаря включению «мозгов» и повышению качества труда и инноваций, а за счёт развития традиционных производств. Продолжаются выкачивание

¹ Россия и страны мира. 2006. М., 2006. С. 155.

² Экономист. 2008. № 4. С.9.

и форсированный экспорт природных ресурсов. «Сырьевое проклятье» — реальный рок нашей экономики не ослабевает. Практически Россия остаётся сырьевым придатком многих, даже не всегда развитых стран мира.

В-пятых, налицо низкий уровень инновационности российской экономики. Хотя в стране сохранился серьёзный научно-технический потенциал, использующийся крайне слабо. Пустых разговоров о создании инновационной модели хоть отбавляй. Однако требуются не разговоры, а реальные практические действия и результаты. А их пока нет.

В-шестых, остаётся непреодоленной низкая конкурентоспособность российской экономики. По данным Давосского экономического форума, в 2008 г. Россия занимала лишь 51-е место в рейтинге национальной конкурентоспособности бизнеса, в котором учитывалась 131 страна. В мировом рейтинге делового климата Россия занимает 120-е место среди 181 стран, учтённых в исследовании¹. Наиболее слабые позиции у нас по качеству общественных институтов, современной технике, использованию информационных технологий и эффективности рыночных институтов.

В-седьмых, несмотря на меры по борьбе с инфляцией, довести её до уровня развитых стран Запада (3—4% в год) всё ещё не удаётся. Инфляция, даже в условиях глубокого кризиса, стремится к двухзначным цифровым показателям и съедает значительную часть доходов населения, особенно — его социально наименее защищённой части.

В-восьмых, вновь вырисовывается опасность масштабной милитаризации российской экономики. Нынешние расходы на силовые структуры и ВПК² при отсутствии реальной военной угрозы и наличии реального финансового кризиса не могут не вызывать беспокойства. Чрезмерное внимание этой стороне дела может подорвать усилия, которые надлежит направить на повышение инновационности и конкурентоспособности российской экономики, что ныне важнее первенства в военном противостоянии.

И, наконец, нельзя не сказать о такой проблеме, как ущемление свободы регионов в принятии экономических программ и недостаточное финансирование субъектов Российской Федерации. В условиях борьбы с кризисом важно, чтобы составлялись и грамотно проводились в жизнь не только народно-хозяйственные, но и региональные программы.

Не менее важна и грамотная социальная политика государства (но об этом см. ниже, главу 25).

¹ Коммерсантъ. 10.09.2008.

² Независимая газета. 06.12.2008.

Россия в мировой экономике к 2020 году: попытка прогноза

У экономики свои законы. Они в конечном счёте определяют динамику производства при доминировании рыночных отношений. Это, однако, не исключает того, что политика государства может оказывать — и реально оказывает — существенное влияние на направление, содержание и темпы экономического развития. Оба обстоятельства должны обязательно учитываться при любых попытках народно-хозяйственного прогнозирования.

С точки зрения автора, можно представить себе два варианта государственной экономической политики до 2020 г. Первый: после преодоления экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., продолжение частичного возврата к методам прямого государственного воздействия на развитие экономики, с усилением государственного вмешательства в производство на базе государственно-частного партнёрства. Второй — более решительное продолжение начатых ранее реформ с признанием допущенных ошибок, с их исправлением и корректировкой рыночного курса, более решительная государственная поддержка бизнеса и рыночных механизмов, дальнейшее сотрудничество с передовыми странами Запада, ориентация на ценности правового государства и гражданского общества с целью создания инновационной модели экономики и конкурентоспособного производства. Оба эти варианта будут исходить из необходимости положить конец рыхлости экономической политики и сохранят ориентацию на рост экономики. Ресурсы для этого в стране есть.

Автор отдаёт предпочтение второму варианту. Но для его реализации потребуются существенно обновить законодательную базу, подрезать крылья чиновникам-бюрократам, вмешивающимся в корыстных интересах в естественный процесс конкурентной хозяйственной деятельности, и провести давно назревшую, но так и всерьёз не осуществлённую административную реформу. Не менее важно обеспечить сохранение и эффективную работоспособность демократических институтов, особенно в том, что касается их влияния на определение и реализацию грамотного экономического развития страны. Предполагается также, что стране удастся избежать до 2020 г. катастроф, подобных дефолту августа 1998 г. и экономическому кризису конца первого десятилетия XXI в.

В этих условиях в перспективе до 2020 г. после преодоления последствий экономического кризиса можно ожидать нормального

и качественно улучшенного роста ВВП и промышленного производства. Сегодня надо учитывать, что в 2009 г. ВВП России сократился почти на 8%, в 2010 г. его прирост, по оценкам МЭРТа, составит всего лишь 4%, в 2011 г. — 3,5, а в 2012 г. — 4,5%. И лишь после этого начнётся нормальный экономический рост. Среднегодовой темп роста ВВП в 2012–2020 гг. может составить порядка 5%, промышленного производства — несколько меньше — 3,5%. Некоторое отставание темпа роста промышленности от темпов роста ВВП характерно для стран, находящихся на постиндустриальной стадии развития экономики, и, естественно, скажется у нас.

Место России в мировой экономике в значительной степени будет, разумеется, зависеть и от того, как в эти годы станет развиваться экономика главных стран мира. Прогнозируя темпы их экономического роста, следует обратиться к их показателям как за долговременные периоды в прошлом, так и за 90-е годы XX в.

В США долгосрочные среднегодовые показатели темпов роста ВВП составляют порядка 2,7%. Однако в 90-е годы XX в. экономика США демонстрировала и более высокие темпы — порядка 4% в среднем за год, хотя в 2001–2003 гг. и особенно в 2008–2009 гг. темпы заметно снизились. Исходя из этого, можно предположить, что на перспективу до 2020 г. среднегодовой прирост ВВП США будет не менее 2,8%. Поскольку темпы роста американской промышленности обычно составляют немногим более 70% темпов роста ВВП, для промышленности и строительства США можно принять на перспективу среднегодовой прирост в размере 2%.

В Германии долгосрочный ретроспективный среднегодовой прирост ВВП был выше, чем в США. Однако, начиная с 1970-х гг., ФРГ стала отставать по темпам развития экономики. Это отставание чётко проявилось в 90-е годы прошлого и, особенно, в первые годы нового века. Изменения к лучшему наметились лишь в 2007 г., но вскоре наступил экономический кризис. На перспективу до 2020 г. после 2012 г. для ФРГ можно принять среднегодовой темп роста ВВП в 2,3%, а промышленного и строительного производства — 1,6%.

Во Франции долгосрочные темпы роста ВВП были ниже, чем в Германии и США. В последние годы, однако, ей удалось несколько приблизиться к показателям США. На перспективу 2012–2020 гг. вряд ли целесообразно исходить из среднегодовых темпов роста французских ВВП и промышленности, превышающих соответственно 2,2 и 1,2%.

В Великобритании экономика на протяжении многих десятилетий развивалась существенно медленнее, чем во многих других ведущих капиталистических странах. Однако после реформ, осуществлённых

М. Тэтчер, ситуация начала меняться. В 1980-е гг. среднегодовой прирост ВВП Великобритании (2,7%) был выше, чем в США, Германии и Франции. Однако к началу нового века темпы роста её экономики вновь замедлились. Тем не менее они были выше, чем в Германии, Франции, Италии и Японии, но ниже, чем в США. В целом на перспективу 2012–2020 гг. есть основания исходить из среднегодовых темпов роста ВВП Великобритании в 2,4%, а промышленного и строительного производства — 1,3%, т.е. примерно на уровне Франции.

Что касается Италии, то здесь среднегодовой прирост ВВП в 2012–2020 гг. можно предвидеть на уровне 2%, промышленного и строительного производства — 1,2%.

По Японии давать прогноз по экономике на перспективу до 2020 г. сложно. Эта страна в период 1955–1975 гг. продемонстрировала феномен «японского экономического чуда» со среднегодовым приростом ВВП, превышавшим 10%. Но затем она испытала период сначала замедления (до 1991 г.), а затем, по существу, и прекращения экономического роста (1992–2002). Лишь начиная с 2002 г. после преодоления длительной депрессии начался экономический рост, который превысил 2% в год.

Кризис, начавшийся в 2008 г., подорвал этот рост. Тем не менее на перспективу 2012–2020 гг. можно предположить, что среднегодовые темпы прироста ВВП Японии в дальнейшем составят 2%, промышленного и строительного производства — 1,4%.

Весьма непросто давать прогноз темпов экономического роста таких стран, как Китай, Индия и Бразилия. В Китае после начавшихся в 1978 г. экономических рыночных реформ среднегодовой рост ВВП вплоть до 2008 г. превышал 10%. В прогнозируемом будущем столь высокие темпы вряд ли сохранятся. Китаю предстоит решить много серьёзных институциональных и политических системных проблем, что едва ли совместимо со столь высокими темпами экономического роста ещё на длительный срок. Поэтому сегодня прогнозы китайских экспертов исходят из их понижения. Так, в соответствии с прогнозом Главного стратегического управления КНР на период до 2030 г., в Китае среднегодовой прирост ВВП составит 7,2%. Поэтому можно ожидать, что на отрезке времени от 2010 до 2020 г. среднегодовые темпы прироста ВВП составят примерно 7%, промышленного и строительного производства — 8%. На деле эти показатели могут оказаться завышенными.

Для прогноза экономического развития Индии имеет смысл взять среднегодовой прирост её ВВП в 6%, промышленного и строительного производства — 7%. В отношении ВВП Бразилии можно предполо-

жить среднегодовой темп, равный 3,2%, промышленного и строительного производства — 4%. Обе эти страны, как и Китай, ещё не встали на путь развития постиндустриальной экономики, и поэтому следует предположить, что темпы роста промышленности и строительства у них будут опережать темпы роста ВВП.

Наши расчёты показывают, что к 2020 г. Россия займёт примерно шестое место в мире по объёму ВВП. При этом её отставание от Китая и Индии намного увеличится, а от Японии и Германии сократится. Россия практически займёт в Европе первое место по этому показателю, сравнявшись с Германией. По общему объёму производства она серьёзно превзойдёт Великобританию, Францию, Италию и Бразилию и заметно приблизится к уровню США.

Доля России в мировом ВВП составляла в 2005 г. 3,1%. В 2020 г. она вряд ли поднимется выше 3,5%. Примерно в аналогичных масштабах изменится её положение в мировой экономике по общему объёму промышленного производства. По этому показателю Россия к 2020 г. займёт также шестое место в мире и первое в Европе. Отставание от Китая и Индии увеличится. Возрастет и отставание от Бразилии. Что касается США, от них мы будем отставать почти в 4 раза (по объёму ВВП более чем в 5 раз).

По оценкам ИМЭМО РАН, в 1913 г. доля нашей страны в мировом промышленном производстве в современных границах России была равна 8,9%, в 2000 г. — 4,4%, в 2020 г. она вряд ли превысит 5%. И по ВВП, и по промышленному производству мы будем иметь в мировом формате самый низкий показатель за много столетий.

Некоторые условия успешного экономического развития

Выше уже указывалось, что предпочтительный вариант поступательного экономического развития России предполагает систему целенаправленных действий. Попытаемся теперь представить себе некоторые главные черты стратегии дальнейших трансформаций, необходимых, чтобы добиться успеха.

Главными, на наш взгляд, являются готовность и твёрдая политическая воля руководства страны, направленные на дальнейшее проведение реформ и стабилизацию темпов экономического роста в интересах всего общества.

Второе условие предполагает укрепление доверия населения к проводимым реформам. Для этого необходимо не только поддержи-

вать экономический рост, но и заметно повышать жизненный уровень людей. Они должны почувствовать, что перевод экономики на рыночные рельсы отвечает и их интересам, и национальным интересам страны в целом. Это, в свою очередь, делает необходимым существенное увеличение реальных доходов основной массы населения и уменьшение социальной дифференциации, прежде всего разрыва в оплате труда.

Третье условие — принятие системы законов, создающих убедительную правовую основу защиты всех форм собственности, предпринимательства и прав инвесторов от деприватизации или новой национализации.

Четвёртое условие — признание главным приоритетом в политике экономики, подчинение политических решений её интересам, а значит, и обстоятельствам жизни простых людей.

Пятое условие — укрепление таких важнейших институтов рыночной экономики, как банковская система и фондовый рынок.

Шестое условие — формирование профессионально состоятельного корпоративного менеджмента. Главную роль в этом должны сыграть сами корпорации. Российский бизнес должен, наконец, стать честным, законопослушным, прозрачным и предсказуемым. Предпосылки и процедуры банкротства устаревающего и формирования нового бизнеса должны быть чёткими и ясными.

Седьмое условие — придание реформам морально-нравственного стержня, предполагающего, прежде всего, соблюдение прав человека, его права на жизнь и труд, безбедное существование, качественное образование и раскрытие личностного потенциала. Люди должны быть свободны и от криминального диктата, и чиновничьего беспредела.

Восьмое условие — наращивание конструктивной роли государства в ускорении и углублении реформ. Главные его задачи — реализовывать те функции, которые не в состоянии осуществлять бизнес: защищать страну, гарантировать внутреннюю безопасность, инициировать действенную систему социального обеспечения, оказывать поддержку образованию, здравоохранению, культуре, проводить грамотную, стимулирующую политику в сфере экономики и науки и т.д. Всё, что связано с производством, бизнес может брать на себя. В свою очередь, государство, помогая бизнесу, должно испытывать его на прозрачность и честность.

Девятое условие — оказывая поддержку реформам и бизнесу, государству надлежит опираться на сильные, эффективные и конкурентоспособные предприятия, постепенно избавляясь от слабых и неэффективных. Надо всячески стимулировать здоровую конкуренцию

между предприятиями и фирмами, ввести в действие механизм санаций в отношении нерентабельных предприятий.

В-десятых, исключительно важно преодолеть всё ещё существующие расхождения интересов бизнеса и власти. Отечественный бизнес, как известно, власти не доверяет, а власть то и дело обращается к привычным командно-административным методам решения болезненных проблем.

Хотим мы того или нет, но мы живём в условиях рыночной экономики. С ними необходимо считаться. Это, естественно, не предполагает игнорирования того, что она подвержена множеству далеко не детских болезней. Поэтому её надо лечить и совершенствовать.

Основные пути укрепления экономики России в посткризисный период

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг., которому предшествовали два кризиса в США — ипотечный и финансовый — является нормальным циклическим кризисом, характерным для рыночной экономики. Его отличие от предшествующих (1991–1993 и 2001–2003 гг.) состоит лишь в том, что он глубже, порождён более фундаментальными причинами и охватывает не только развитые капиталистические страны, но и всю мировую экономику. К тому же в нём присутствуют системные элементы кризиса современной мировой экономики, особенно в её финансовом секторе. В этом смысле он напоминает мировой экономический кризис 1929–1933 гг. («великую депрессию»), хотя таким тяжёлым не стал.

Россия, в которой экономических кризисов не было почти 100 лет и которая не имела опыта их преодоления, оказалась в особо трудном положении. Власть по-настоящему не подготовила экономику и общество к кризисному обвалу. Последствия этой неподготовленности приходится преодолевать по ходу дела и во время кризиса, и, конечно, после него.

Исходя из мирового опыта, можно в качестве основных соображений по эффективному послекризисному развитию предложить следующее:

1. Надлежит срочно разработать программу индустриализации экономики страны, предусматривающую форсирование машиностроительного производства, а также химической, лёгкой и лесоперерабатывающей промышленности с упором на современные высокие технологии. Эта программа должна опираться не только на механизмы государственного управления, но и на рыночные механизмы и реали-

зовываться не только «сверху», но и «снизу». Основная задача — обеспечить общий подъём и модернизацию всей обрабатывающей промышленности и диверсификацию отраслевой структуры. При этом чрезмерный акцент на поддержку ВПК нежелателен. Необходимо начать решительную перестройку экспорта, ориентируя его не на сырьё, а на готовые качественные изделия.

2. Необходим переход к новой модели развития, наращиванию инноваций и научно-технического прогресса в качестве главного мотора экономического роста. Отсюда насущная потребность в разработке целенаправленной стратегии создания инновационной модели экономики. Эта модель по определению должна работать, прежде всего, на рыночных основах. Вместе с тем она нуждается в постоянной поддержке со стороны государства, участии его структур в комплексном научно-производственном процессе на отраслевом, межотраслевом, региональном и национальном уровнях.

3. Требуется также разработка программы повышения конкурентоспособности экономики. За конкурентоспособную, новую и качественную продукцию больше должен платить не только потребитель, но и государство в виде системы временных льгот, дотаций и иного рода поощрений. Особой поддержки заслуживают производства, конкурентоспособные на мировых рынках.

4. В целях дальнейшего укрепления инновационного и конкурентоспособного секторов надлежит создать благоприятные условия для притока в российскую экономику новых прямых иностранных инвестиций (ПИИ), прежде всего из США, Японии и Евросоюза. Важно также стимулировать приток в Россию из передовых стран мира современных управленцев и специалистов по национальным инновационным сетям, территориальным инновационным кластерам, модернизации устаревших производств и т.д.

5. Кризис должен дать толчок разработке и принятию государственной программы качественной модернизации российского сельского хозяйства, грамотному преодолению последствий засухи летом 2010 г. Главное при этом — не допускать роста цен за счёт ограничения дешёвого импорта сельскохозяйственной продукции. Дешёвые цены и оптимальный импорт отвечают интересам населения.

6. В условиях массовой безработицы необходима конкретная программа создания такого количества новых рабочих мест, которая могла бы обеспечить занятость основной части освобождаемых работников. Это предполагает развёртывание работ по совершенствованию и развитию экономической инфраструктуры (в частности, совершенствованию транспортной сети, всеобщей газификации и т.д.). Нельзя

также допускать серьёзного сокращения масштабов жилищного строительства. Особая стратегическая значимость должна быть придана программам по освоению Сибири и Дальнего Востока.

7. Крупнейшей проблемой российской экономики в послекризисный периоды остаётся борьба с инфляцией. Как уже указывалось выше, проводившаяся до сих пор антиинфляционная политика у нас провалилась. В дальнейшем её надо чётко сочетать с аграрной политикой. Решительные меры по борьбе с инфляцией должны стимулировать конкурентоспособное производство и бизнес. В качестве мер по такому стимулированию следует также использовать снижение ставок налогообложения, налоговые льготы, увеличение государственных заказов на качественную и высокотехнологичную продукцию, льготное кредитование, ускоренную амортизацию, штрафы за низкое качество продукции, за использование устаревшего оборудования. Перечень таких моторов экономического роста можно было бы и продолжить.

8. Снижение жизненного уровня населения, вызванное сокращением производства, должно тормозиться и преодолеваться грамотной социальной политикой государства и бизнеса. Этому направлению деятельности также необходимо программное оформление. Социальные программы должны предусматривать меры по сохранению рабочих мест, сокращению притока иммигрантов, поддержанию выплаты зарплат, формированию новых производств. Необходимы также дальнейшие развёртывание и совершенствование системы образовательных учреждений по переподготовке рабочей силы.

9. В поддержке и модернизации нуждается всё ещё слабая и малоэффективная финансово-банковская система. Задача состоит не только в увеличении её капитализации и уменьшении числа банков. В совершенствовании нуждаются и крупные, срывающиеся успешными банки. Во многих из них наличествует сверхзанятость. Недостаточно используются современные технологии. Весьма слаба их связь с мировой банковской системой и т.д. Иными словами, нужна решительная чистка нашей банковской системы. Представляется целесообразным создать для поддержки современного бизнеса особый Инвестиционный (кредитный) фонд для финансирования успешных предприятий по низкой процентной ставке.

10. Необходимо предотвратить дальнейшую девальвацию рубля. Сохранение его прочности позволит укрепить и стабилизировать экономику, поддержать доверие к нему в мире, создать предпосылки для превращения рубля в региональную валюту.

Сказанное выше исходит из необходимости временного усиления экономической роли государства. Вместе с тем масштабное, а тем более чрезмерное и долговременное усиление роли государства в рыночной экономике может принести большой вред. Поэтому после преодоления негативных последствий кризиса надо будет всерьёз заняться укреплением рыночных институтов. Оптимальное соотношение между бизнесом и государством у нас ещё не сформировалось. Соблазн ослабления бизнеса за счёт простого усиления государственного вмешательства в производство у нас ещё очень велик. Но этой простоте поддаваться нельзя.

Глава 24. Аграрная политика и сельское хозяйство России

Колхозно-совхозная система в Советском Союзе была создана как контролируемая государством структура по производству сельскохозяйственной продукции, способная также высвободить рабочую силу для индустриализации. При этом колхозникам сохранили приусадебные участки и часть скота. Такой симбиоз крупного и мелкого хозяйства не был изобретением советской власти. Он доказал свою жизнеспособность как форма поддержания сельского населения и сосредоточения в руках государства основных продовольственных ресурсов ещё в странах Древнего Востока.

Особенностью советской системы было то, что крупные сельские хозяйства превратились в большей или меньшей степени в механизированные комплексы. Значительное участие в них государства осуществлялось не только путём изъятия продукции, но и в форме поставки техники, удобрений, новых сортов, проведения мелиоративных работ. Тем не менее в целом вплоть до 1965 г. система действовала, преимущественно, односторонне — как донор индустриализации.

Естественно, до бесконечности так продолжаться не могло. Растущая потребность в продовольствии, а также необходимость во избежание социальной напряжённости повысить уровень жизни сельского населения сделали неизбежным существенное наращивание поставок селу средств производства. В стране была создана крупнейшая в мире отрасль сельскохозяйственного машиностроения, налажено

широкомасштабное изготовление искусственных минеральных удобрений. На селе были внедрены гарантированная оплата труда и пенсионная система. В результате во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов наметился существенный рост сельскохозяйственной продукции.

Однако затем эти, казалось бы, рациональные новации стали выдыхаться. Темпы роста сельскохозяйственного производства резко снизились. Существенно упала эффективность капиталовложений. В три раза снизилась фондоотдача. Эффективность применения минеральных удобрений по зерновым упала в 2,5 раза, по сахарной свёкле более чем в 2 раза. То же самое было зафиксировано и по другим сельскохозяйственным культурам. Резко сократились также показатели использования техники, в частности, сменная выработка на трактор и комбайн. И это в условиях, когда в сельское хозяйство поступали непропорционально большие средства (27% капиталовложений, невозвратный кредит, огромные субсидии за счёт низких цен на средства производства и т.д.). Всё это не давало адекватной отдачи. Достаточно сослаться на то, что в эти годы страна стала одним из самых крупных в мире импортёров зерна.

Пользуясь классической марксистской терминологией, можно сказать, что производственные отношения (в виде колхозно-совхозной системы) вступили в противоречие с научно-техническим прогрессом, т.е. с производительными силами.

Это противоречие дополнительно обострялось издавна сложившимися структурными диспропорциями аграрно-промышленного комплекса (АПК). В то время как первая сфера (производство средств производства) стала быстро развиваться, третья сфера (хранение и пищевая промышленность), и по своим мощностям, и по идеологии сформировавшаяся на основе американского опыта 1930-х гг., продолжала отставать от потребностей сбережения и переработки сельскохозяйственного сырья. Это, естественно, порождало серьёзные потери сельскохозяйственной продукции.

Неэффективность сложившейся системы была очевидна специалистам. Однако к тому времени она уже приобрела облик укоренившейся государственной практики. К тому же она была в значительной степени идеологизирована и даже воспринималась как один из элементов теоретического представления о социалистической экономике. Поэтому любые предложения реформировать эту сферу были чреваты серьёзными неприятностями.

Отсюда поиски обходных путей решения отдельных проблем, не затрагивающих идеологические постулаты. Использовались при этом

и некоторые западные концепции, в частности, труды В. Леонтьева, разработавшего с группой учеников Продовольственную программу по структурной перестройке АПК в США в годы войны. Под тем же названием, с учётом американского опыта, группой наших учёных была подготовлена соответствующая советская программа. Более того, необходимость её осуществления была вписана в речь Л.И. Брежнева на майском (1982) Пленуме ЦК КПСС. Основной идеей этой программы была структурная перестройка советского АПК путём существенного развития третьей сферы, снижения потерь и ориентации всего комплекса на конечный результат — расширение продовольственного снабжения населения. С использованием индийской программы «Интегрированное сельское развитие», была разработана также советская система «Комплексное социальное развитие села».

К сожалению, в силу инерции мощных, традиционно ориентированных бюрократических структур эти программы, особенно продовольственная, в процессе реализации были настолько искажены, что в конечном счёте привели к весьма негативным последствиям.

Так, продовольственная программа во многом свелась к повторению концепций 1965 г., исходивших исключительно из необходимости повышения закупочных цен и субсидирования розничных цен на продовольствие (прежде всего, на животноводческую продукцию). Это потребовало колоссальных бюджетных затрат, возросших до 80 млрд рублей. Одновременно резко обострились противоречия между отдельными регионами, так как субсидированные цены на практике существовали лишь в Москве, Ленинграде и приравненных к ним городах. Во всей остальной стране цены на продовольствие, отражая рост закупочных цен, существенно повысились. При этом правительство, ссылаясь на принцип регионального самоснабжения, сняло с себя ответственность за продовольственное снабжение регионов. Это, в свою очередь, привело к «колбасным поездкам», распаду единого продовольственного рынка и заложило мину замедленного действия под единой экономической системой страны.

Приход к власти М.С. Горбачёва в стране не привел к разработке сколько-нибудь стройной системы реформирования экономики, в том числе и в отношении аграрного сектора. Не был создан мозговой центр, способный подготовить соответствующие реформы. Принимались отдельные, на первых порах позитивные постановления, целью которых было стремление оздоровить положение на селе и усилить эффективность производства, не подвергая угрозе сложившуюся колхозно-совхозную систему и вместе с тем не привлекая дополни-

тельные бюджетные ресурсы, поскольку государство уже терзал глубокий финансовый кризис.

К числу мер, принятых в это время, можно отнести снятие ограничений на размеры приусадебных участков и поощрение подрядной системы, в том числе семейных подрядов. Последняя, будучи опробованной в зерновых хозяйствах Западной Сибири с её малочисленным населением, привела к резкому росту производительности труда. Однако кампания по её распространению на регионы с высокой плотностью населения и давно сложившимся крупным животноводческим производством (а по-иному партаппарат и не умел работать) не дала сколько-нибудь позитивных результатов. Она и не могла быть реализована, так как крупные предприятия физически не могли быть переведены на семейный подряд. Одновременно возникла угроза серьёзного роста сельской безработицы в случае заметного повышения производительности труда. Поэтому вскоре соответствующая директива властей была фактически спущена на тормозах.

Непрерывно усложнявшееся экономическое и финансовое положение вынудило переключить внимание на другую острую проблему. Началось повышение розничных цен на продовольствие. Тем самым была занесена дубина над священной коровой коммунистических правил. Ведь стабильные розничные цены на продовольствие всегда рассматривались ими как важная часть негласного общественного договора между властями и обществом. Нарушение этого принципа не могло не иметь серьёзных политических последствий. Не вызывает сомнений, что произошедшее в это время удвоение розничных цен на продовольствие стало одним из важнейших факторов падения Горбачёва.

Приход к власти реформаторов, стоявших на экстремистско-либеральных позициях в вопросах экономики, в том числе в аграрной сфере, сопровождался реализацией рекомендаций (а точнее говоря, требований) Международного валютного фонда и Всемирного банка. В том, что касалось аграрного сектора, эти рекомендации со всей очевидностью находились в явном противоречии с общепринятыми теориями и реальной политикой развитых стран. У самих реформаторов сколько-нибудь серьёзных разработок в этой области не было. Отсюда полная свобода рук, которая была предоставлена многочисленным, прежде всего, американским экспертам и множеству появившихся из ниоткуда российских псевдоэкспертов, не имевших в действительности представления ни о российской аграрной системе, ни о реальной аграрной политике на Западе.

В основу их поведения были положены несколько весьма сомнительных тезисов.

Во-первых, предположение о необходимости резкого уменьшения государственного участия в экономике, в том числе государственной поддержки сельского хозяйства и свёртывания регулирования рынка продовольствия. При этом ставка делалась на то, что рыночные силы сами по себе уравнивают спрос и предложение и станут стимулировать рост как производства, так и потребления. Учитывая мировой, да и российский опыт, трудно представить себе аналог подобной фантастической и разрушительной концепции.

Во-вторых, ориентация на использование методов шоковой терапии применительно к аграрной сфере. Любому разумному человеку должно было быть ясно, что осуществление серьёзных реформ такой сложной экономики, как российская, потребует длительного времени. Достаточно вспомнить в этой связи о реформах Петра I, Александра II и П.А. Столыпина. Все они продолжались или планировались на срок в 20–25 лет. Как следовало из бесед с работниками Международного валютного фонда, характер их рекомендаций определяли, в первую очередь, политические факторы — намерение побыстрее разрушить прежнюю плановую модель экономики, чтобы потом, в случае повторного прихода к власти коммунистов (а это считалось тогда вполне вероятным), восстановить её было бы невозможно.

В-третьих, установка на мелкое или среднее землевладение, которое должно было, сломив старую колхозно-совхозную систему, стать основным производителем товарной сельскохозяйственной продукции. Первоначально предполагалось просто раздать землю крестьянам. При этом считалось, что возникшие на этой основе 4 миллиона крестьянских хозяйств прокормят Россию. Потом утвердилась идея создания товарных фермерских хозяйств, которые станут костяком аграрной структуры страны. Бюджетные средства на сельское хозяйство выделялись лишь на развитие фермерских хозяйств, хотя тем, кто непосредственно наблюдал за этим процессом, с самого начала было ясно, что деньги в большинстве случаев до фермеров не доходят.

Как российские власти, так и международные организации, принявшие на себя роль экспертов, выступали категорически против создания на селе кооперативов, составляющих костяк АПК в Западной Европе, Японии и в значительной мере в США. В соответствии с этой позицией была осуществлена спешная приватизация закупочных и торговых систем, а также предприятий пищевой промышленности. Это крайне отрицательно сказалось на экономической инфраструктуре, необходимой сельскохозяйственным предприятиям, и поставило их в негативную по своим последствиям зависимость от поставщиков и закупщиков.

Не учитывалось и то, что идея фермерских хозяйств американского типа была органически чужда российской деревне. Фермерские хозяйства в Великобритании, а затем и чаще всего в США строились на основе ценностей протестантского индивидуализма и обусловленных ими типе расселения и методах ведения сельского хозяйства. Между тем деревенской России всегда были свойственны групповое расселение, устойчивый общинный дух и своеобразное, выражаясь церковным языком, чувство соборности.

Сломать в одночасье старые крупные, и вместо них построить мелкие фермерские хозяйства было просто невозможно. Это, как свидетельствовали расчёты, осуществлённые независимыми экономистами, потребовало бы фантастических затрат, непосильных тогдашней обнищавшей российской экономике.

Важный компонент реформ в аграрной сфере составили радикальная либерализация внешней торговли и массовый импорт из-за рубежа продовольствия. Оправдывалось это отсутствием продовольственных запасов в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов. Подобное утверждение поныне остаётся одним из главных аргументов в пользу проводимой тогда шоковой терапии. Действительно, острый дефицит продовольствия в больших городах был налицо. Поэтому соответствующий аргумент всё ещё вызывает доверие. В действительности же он притянут за уши.

Продовольствие в стране было. Однако была разрушена система закупок и снабжения крупных городов продовольствием, вследствие чего прежде всего Москва и Ленинград остались без продовольственных ресурсов, а примитивный рынок не мог заменить старой снабженческой системы.

В ходе реформ происходило падение сельскохозяйственного производства. До сих пор оно, особенно животноводческие отрасли, не вышло на предреформенный уровень, а совокупный уровень потребления в целом по всем социальным уровням ещё существенно ниже тех лет.

То же самое можно сказать о продовольственном балансе. Так, в 1990 г. производство мяса составляло 10,1 млн тонн, а в 2006 г. — 5,2 млн тонн. И это при резком росте импорта. Аналогично выглядит ситуация с молоком и молокопродуктами. Их производство (в пересчёте на молоко) оценивалось в 1990 г. в 55,7 млн тонн, а в 2006 г. — в 31,2 млн тонн. Производство яиц сейчас на 20% меньше, чем в дореформенные годы.

В общем, перед реформами продовольствие в стране было, хотя и без того разнообразия импортных товаров, которое наблюдается сейчас.

Что же произошло в дальнейшем?

В результате реформ потребление продовольственных продуктов стало быстро сокращаться. Ухудшалась и структура потребления. Об этом убедительно свидетельствуют данные приводимой ниже таблицы.

Таблица 24.1

**Потребление основных видов продовольствия
(кг на душу населения в год)**

	Рациональ- ная норма потребления	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Мясо и мясопродукты (в пересчёте на мясо)	81	75	45	57
Молоко и молокопродукты (в пересчёте на молоко)	392	386	216	237
Яйца (шт.)	292	297	229	257
Рыба и рыбопродукты	25	20	10,4	12,0
Масло растительное	16	10,2	10,0	12,0
Сахар и кондитерские изделия	41	47	35	39
Картофель	118	106	118	137
Овощи и бахчевые культуры	139	89	86	106
Фрукты и ягоды	...	35	34	47
Хлеб и хлебопродукты	110	119	118	122

Только благодаря высоким ценам на нефть и, соответственно, резкому росту импорта потребление основных видов продовольствия увеличилось. Тем не менее дореформенного уровня оно всё же не достигло. Каков будет уровень потребления при резком падении цен на нефть, сказать пока трудно. Однако очевидно, что оно не возрастёт и, следовательно, не достигнет дореформенного (или рационального) уровня.

Разрушение общегосударственного рынка и своеобразная феодализация областей начались ещё при советской власти. В 1990-е гг. в ходе дезорганизации управления страной и на пике реформ уничтожение прежней (хотя и несовершенной) системы закупок, хранения

и распределения продовольствия стало повсеместным. Межрегиональные связи оказались разрушенными, а новые, цивилизационные рыночные системы созданы не были. Последствия всего этого были катастрофическими. Области стали замыкаться. Каждая из них пыталась предотвратить вывоз сельскохозяйственной продукции за свои пределы. Дело доходило даже до создания милицейских кордонов на административных границах.

Этот процесс ещё больше усилился с распадом СССР. Многие российские регионы крайне болезненно ощутили исчезновение ряда важных поставщиков продовольствия, в первую очередь Украины. Тогда-то и начался серьёзный продовольственный кризис, с которым реформаторы-либералы пытались справиться путём дальнейшего свёртывания государственного участия и автоматизации рыночных механизмов. В условиях общего экономического упадка и потери управляемости страной принятие и осуществление этой программ ещё больше углубило катастрофическое положение в сельском хозяйстве. Его доля в расходной части бюджета сократилось с 17–18% в предреформенный период до менее 1% в середине первого десятилетия нового века. Финансовая поддержка сельскохозяйственного производства была, по существу, прекращена. Реформаторов не останавливало то, что в это время на Запад власти продолжали интенсивно финансировать аграрную сферу, в результате чего ассигнования в неё составили в среднем (с учётом всех видов поддержки) порядка 30% от стоимости валовой продукции.

Результатами прекращения почти всех видов поддержки отрасли стали ухудшение в пять раз паритета цен (между сельскохозяйственной продукцией и средствами производства) и колоссальный рост цен на продовольствие. Одновременно был нарушен весь процесс сельскохозяйственного воспроизводства. Закупки техники резко сократились. Это, в свою очередь, привело к резкому сокращению её парка: в 1990 г. было задействовано 1365 тыс. тракторов, сейчас — 470, комбайнов соответственно — 407 тыс. и 127 тыс. То же самое можно сказать и о положении с остальными видами техники. Естественно, резко сократилось и её производство. Крупнейшие заводы, выпускавшие сельхозтехнику, либо были закрыты, либо работают не на полные мощности.

Несколько по-иному сложилась ситуация с производством минеральных удобрений. Приватизированные заводы этой отрасли быстро восстановились. При этом, однако, взяла верх ориентация на экспорт. Используя преимущество, которое обеспечивало наличие дешёвого газа, сырья, электроэнергии и рабочей силы, их владельцы направили основную часть своей продукции за рубеж. Ныне внутри страны используется лишь 9% производимых удобрений.

Соответственно, резко сократилось внесение в почву органики. Производство осуществляется сейчас, по существу, за счёт использования лишь естественного плодородия почв. В длительной перспективе это не может не подорвать общий агрофон основных сельскохозяйственных районов. Из оборота уже выведено 35 млн гектаров земли.

Особенно тяжело последствия реформ сказались на животноводстве. Поголовье крупного рогатого скота сократилось с 57 млн в 1990 г. до 21,5 млн в 2006 г. А это существенно меньше, чем даже в 1916 г. — 33 млн голов. Близко к этому положение с поголовьем свиней — 38,3 млн голов в 1990 г. и 15,8 млн голов в 2006 г. (немногим больше, чем в 1916 г. — 11,3 млн). Но сильнее всего сократилось поголовье в овцеводстве: с 58 млн голов в 1990 г. до 19,7 млн (включая коз) в 2006 г. В этой отрасли поголовье сейчас значительно ниже дореволюционного — 47,0 млн голов в 1911 г.

В целом животноводство сократилось наполовину и было отброшено на дореволюционный уровень. Резко ухудшились и перспективы его восстановления, так как в животноводстве оно гораздо сложнее, чем в растениеводстве. Подобное развитие, конечно, не могло не повлиять на общее положение в сельскохозяйственном производстве.

Это был беспрецедентный спад, зафиксированный в современной истории. В Советском Союзе он был зарегистрирован лишь в результате Великой Отечественной войны, когда подверглись разорению лучшие сельскохозяйственные районы страны. В критические годы коллективизации сельскохозяйственное производство в СССР сократилось на 14%. Даже в потерпевших сокрушительное поражение Германии и Японии, несмотря на повсеместные разрушения, спад сельскохозяйственного производства составил лишь около 30%.

Удельный вес сельского хозяйства в экономике страны серьёзно сократился. Если в 1990 г. его доля в ВВП составляла 16,4%, то в 2006 г. — 5,3%, т.е. уменьшилась более чем втрое. Правда, следует принимать во внимание, что уменьшение значимости сельского хозяйства было обусловлено не только сокращением соответствующего производства, но и структурными изменениями в экономике — в частности, расширением непроизводственных секторов — торговли и финансов. В свою очередь, радикально сократилось производство в обрабатывающей промышленности. В общем, однако, генеральная тенденция была очевидной: из индустриальной страны с относительно развитым, механизированным сельским хозяйством мы превратились в государство с сырьевой ориентацией народного хозяйства, во многом схожее со странами «третьего мира».

Выше уже отмечалось, что в основу реформ были положены не столько экономические, сколько сугубо политические цели. Реформаторы имели в виду незамедлительное создание многомиллионного класса мелких собственников, которые стали бы прочной социальной базой для либерального курса новой правящей элиты. По существу, они пытались воспроизвести политические установки П.А. Столыпина и его реформы. Ради этого было коренным образом изменено земельное законодательство: установлена частная собственность на землю, введено право её аренды, провозглашён (теоретически) принцип наделения крестьян долями в общих земельных массивах колхозов и совхозах, заявлено о поощрении создания крестьянских и фермерских хозяйств¹. Завершением всего этого стало принятие Земельного кодекса и Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения.

До сих пор остаётся как бы подвешенным вопрос о самом принципе частной собственности на землю. Все дореволюционные левые партии относились к этому принципу резко отрицательно. В 1918 г. на Учредительном собрании был принят Конституционный акт, запрещавший частную собственность на землю. Чисто юридически он до сих пор не отменён, что противоречит современному российскому земельному законодательству.

Конечно, сама по себе кодификация земельного законодательства, произошедшая в последние годы, явление в основном позитивное. Другое дело, насколько оно реалистично, учитывая сложившуюся ситуацию. Одной из центральных установок этой кодификации была передача земли во владение крестьянам. Конечно, нельзя не приветствовать намерение ликвидировать отчуждение сельскохозяйственного производителя-крестьянина от земли. Вместе с тем, хотя реализовать его на практике, как показал опыт бывшей ГДР, теоретически и возможно, сделать это крайне сложно.

Выделение и юридическое оформление земельных долей в крупных хозяйствах — весьма длительный и дорогостоящий процесс. Даже правовое закрепление земельных участков, находящихся в пользовании членов садово-огородных товариществ, занимает много месяцев и обходится в десятки тысяч рублей. Для крестьян же эта операция нередко просто непосильна. Поэтому лишь незначительной части крестьянских хозяйств удалось выделить в натуре свою долю в общей земельной площади. По существу, их земельные доли существуют до сих пор в основ-

¹ Хотя у нас принято ставить знак равенства между этими хозяйствами и в юридических документах они выступают как единое понятие, исторически и типологически это разные формы хозяйствования.

ном теоретически. Между тем в ряде хозяйств на них начисляется дополнительная оплата в виде арендных платежей за использование.

В целом основная часть крестьян осталась в реформированных или не реформированных колхозах и совхозах. Так что идея «земля крестьянам» осталась всего лишь абстрактным политическим лозунгом.

Согласно материалам сельскохозяйственной переписи 2006 г. 64,1% земель остались в распоряжении крупных и средних сельскохозяйственных организаций, 14,6% приходилось на малые предприятия, 12,9% — на крестьянские (фермерские) хозяйства, 5,2% — на личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства, 1,5% принадлежало индивидуальным предпринимателям, 1,2% — подсобным хозяйствам несельскохозяйственных организаций и 0,5% — некоммерческим объединениям граждан (см. также табл. 24.2).

Таблица 24.2

**Структура сельскохозяйственных предприятий
по формам хозяйствования (%)**

	1997 г.	2006 г.
Открытые акционерные общества	1,9	7,0
Закрытые акционерные общества	17,4	10,6
Общества (товарищества) с ограниченной ответственностью	19,1	21,1
Товарищества на вере (коммандитные)	0,7	0,7
Ассоциации крестьянских хозяйств	2,3	0,2
Сельскохозяйственные кооперативы	21,5	44,9
Колхозы	15,7	—
Коллективные предприятия	6,6	—
Совхозы	5,6	—
Государственные предприятия	4,3	8,6
Другие муниципальные предприятия (сортсемучастки, семеноводческие станции и др.)	4,9	6,9

Среди современных крупных предприятий основную роль играют сельскохозяйственные кооперативы и различные типы акционерных обществ, созданных на базе колхозов либо просто сменивших устав.

Их внешнее разнообразие далеко не всегда отражает экономическую сущность. Это, в частности, касается акционерных обществ, прежде всего закрытого типа, которые зачастую представляют собой частные имения бывших председателей колхозов или других представителей местной властной элиты и пользуются их поддержкой. Реально же шел интенсивный процесс концентрации земельной собственности в руках немногих (большей частью частных) хозяев. По переписи 2006 г. 60% земли сельскохозяйственных предприятий принадлежало 560 собственникам различного типа со средним размером землевладения больше 90 тыс. гектаров. По существу, утвердился строй крупного землевладения, обычно под названием агрохолдингов.

Особого разговора заслуживает фермерско-крестьянский сектор. На протяжении всех реформенных лет он либо находился в центре аграрной политики, либо занимал в ней существенное место.

Первоначально, рассчитывая на активную государственную поддержку и стремясь к самореализации, значительная часть крестьян и многие лица некрестьянского происхождения пытались стать самостоятельными мелкими производителями. Если в 1990 г. их насчитывалось 4,4 тыс., то в 1995 г. их численность составила 280 тыс. Однако затем этот процесс стал сходиться на нет. При этом многие из этих новых, но не состоявшихся сельскохозяйственных производителей, по существу, прекратив производственную деятельность, оставили за собой земли и постройки. Согласно переписи 2006 г. в стране числилось 285 тыс. крестьянских и фермерских хозяйств, но только 146 тыс. из них производили сельскохозяйственную продукцию. Казалось, что фермерско-крестьянские хозяйства находятся в стадии затухания. Во многих случаях это и верно, но по другим показателям их удельный вес значителен.

Выше уже говорилось о крупных хозяйствах, которые можно определить как помещичьи или латифундистские. Процесс концентрации земельной собственности шел и в так называемых фермерских хозяйствах. Так, по переписи 2006 г. в стране насчитывалось 827 хозяйств с земельной площадью от 2001 до 3000, 352 хозяйства с площадью от 3001 до 4000, 265 хозяйств с площадью от 4001 до 6000, 150 предприятий с площадью от 6001 до 10 000 и 101 хозяйство — с площадью более 10 000. Естественно, что такие хозяйства никак нельзя отнести к числу семейных.

В первую очередь огромные (не фермерские) латифундии с площадью в 70–100 тыс. гектаров возникли в чернозёмном центре страны, на самых плодородных площадях — в Белгородской, Липецкой и Воронежской областях. Механизм создания таких латифундий был весьма прост: крестьянам предлагалось сдавать свои номинальные пай на зем-

лю во вновь создаваемые компании. За это им обещали арендную плату. Не обладая юридическими знаниями, они не понимали, что, соглашаясь на превращение своих паев в своеобразную форму вложений в создаваемые компании, они перестают быть собственниками этих паёв.

Частично земля просто скупалась. Происходило это в огромных масштабах, чему способствовали некоторые правовые огрехи. В первоначальном варианте закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения был пункт, согласно которому размер продаваемого земельного участка не должен был быть меньше 30 тыс. га. Позднее, понимая всю несуразность этого положения, его из закона убрали.

Созданию латифундий способствовало и положение Земельного кодекса, которое предусматривает, что равными правами на покупку земли обладают как физические лица (т.е., предположительно, крестьяне, намеренные обрабатывать приобретённую землю), так и юридические лица, не имеющие отношения к сельскому хозяйству. Это уникальное для земельного законодательства (по сравнению с мировой практикой) положение позволило скупать землю банкам и коммерческим компаниям. При этом в законе весьма неопределённо был установлен максимум размера частной земельной собственности — не более 10% от площади муниципального образования. Это огромные площади даже в масштабах области. А в крупных краях это предполагало необъятные территории, в том числе содержащие ценные полезные ископаемые.

Известно, что международный опыт убедительно доказал неэффективность латифундистской формы ведения сельского хозяйства, поскольку латифундии плохо управляемы и слишком зависят от экономической конъюнктуры. Однако в данном случае привлекательной, видимо, оказалась возможность приобрести земли очень дёшево, почти бесплатно, поскольку средняя кадастровая оценка гектара земли в России составляет 2 тыс. рублей, её приобретение (с учётом потенциального роста стоимости земли) представляло чрезвычайно выгодную форму вложения капитала¹.

Особого упоминания заслуживает существующий в России (а раньше в Советском Союзе) такой тип фактически частных, а теперь и официально частновладельческих хозяйств, как личные подсобные хозяйства и садово-огородные товарищества городских жителей.

Согласно переписи 2006 г. в стране насчитывается 17,4 млн личных подсобных хозяйств со средней площадью 0,51 га, 14,5 млн садоводов, 5 млн огородников, 1,8 млн членов животноводческих товариществ.

¹ Для сравнения можно указать, что цена гектара в США колеблется от 2 до 30 тыс. долларов, а в Европе от 4 до 25 тыс. евро, т.е. на несколько порядков выше, чем в России.

Всего зафиксировано 37 млн таких мелких владельцев. А если добавить владельцев дачных участков, то общая численность составит значительно более 40 млн. Соответствующие хозяйства обычно не являются товарными или даже мелкотоварными. Они ориентированы главным образом на покрытие внутренних потребностей семей, а во многих случаях выполняют также важную социально-рекреационную роль.

Падение производства затронуло, в первую очередь, крупные сельскохозяйственные предприятия. Тем не менее по основным видам продукции они продолжают играть важнейшую роль. Однако в валовом (хотя и нетоварном) производстве доля мелких сельских хозяйств весьма значительна (см. табл. 24.3).

Таким образом, в стране сложилось своеобразное разделение труда между различными категориями хозяйств. Сельскохозяйственные предприятия в основном заняты производством полевых культур, прежде всего, относительно экстенсивных. При этом они резко сократили производство трудоинтенсивной продукции (картофеля, овощей), а также продукции животноводства (за исключением производства яиц, в котором всё ещё доминируют птицефабрики). Хозяйства населения почти полностью заняты производством трудоинтенсивных культур, а также производят чуть больше половины мяса и молока.

Крестьянские (фермерские) хозяйства (с учётом того факта, что в эту категорию статистически попадают и крупные частные предприятия) почти целиком специализируются на наиболее рентабельных видах производства — подсолнечника, зерновых, частично сахарной свёклы и фактически не участвуют в трудоинтенсивном растениеводстве и животноводстве. При этом налицо определённый рост их значения в производстве за счёт наиболее крупных хозяйств. Нетоварные типы хозяйств могли бы, при создании соответствующей закупочной системы кооперативного типа, поставлять на рынок немалую часть своей продукции. Но пока этих условий нет.

В общем, социально-экономическая структура сельского хозяйства, отражавшая ситуацию распада, уже устоялась. Вряд ли в обозримом будущем можно ожидать её существенного изменения. Однако развал такой жизненно важной отрасли экономики длительное время терпеть невозможно. Необходимо отказаться (хотя бы частично) от экстремистско-либеральных догм и перейти к более прагматическому курсу, предполагающему повышение роли государства в сфере сельскохозяйственного производства и увеличение затрат на неё. Это может быть осуществлено путём сначала поддержки сельского хозяйства за счёт лизинга и льготных кредитов, а затем расширения финансирования приоритетного национального проекта «Развитие АПК».

Таблица 24.3

**Структура производства основных видов сельскохозяйственной продукции
по категориям хозяйств (в % от хозяйств всех категорий)**

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2006 г.
<i>Сельскохозяйственные предприятия</i>				
Зерно (в весе после доработки)	99,7	94,4	90,7	80,2
Сахарная свекла (фабричная)	99,9	95,9	94,4	87,8
Семена подсолнечника	98,6	86,3	84,4	72,6
Картофель	33,9	9,2	6,5	6,3
Овощи	69,9	25,3	19,9	14,0
Скот и птица на убой (в убойном весе)	75,2	49,9	40,3	46,9
Молоко	76,2	57,1	47,3	44,9
Яйца	78,4	69,4	71,4	74,1
<i>Хозяйства населения</i>				
Зерно (в весе после доработки)	0,3	0,9	0,9	1,5
Сахарная свекла (фабричная)	0,0	0,6	0,7	1,8
Семена подсолнечника	1,4	1,4	1,4	0,9
Картофель	66,1	89,9	92,4	91,6
Овощи	30,1	73,4	77,9	80,3
Скот и птица на убой (в убойном весе)	24,6	48,6	57,9	50,7
Молоко	23,8	41,4	50,9	51,9
Яйца	21,6	30,2	28,7	25,2
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства</i>				
Зерно (в весе после доработки)	0,01	4,7	8,4	18,3
Сахарная свекла (фабричная)	0,01	3,5	4,9	10,4
Семена подсолнечника	0,0	12,3	14,2	26,6
Картофель	0,0	0,9	1,1	2,1
Овощи	0,0	1,3	2,2	5,7
Скот и птица на убой (в убойном весе)	0,01	1,5	1,8	2,4
Молоко	0,0	1,5	1,8	3,2
Яйца	—	0,4	0,5	0,8

Определённые сдвиги в этом направлении налицо. В 2004 г. затраты федерального бюджета на сельское хозяйство составляли 24,5 млрд рублей, в 2005 г. — 26,6 млрд, в 2006 г. — 38,5 млрд, а в 2007 г. — 60,3 млрд. По оценкам на 2008 г. они составили порядка 80 млрд рублей, а в 2009 г. должны были возрасти до 180 млрд рублей. Мировой финансово-экономический кризис существенно подорвал финансовое положение сельского хозяйства. Но и до этого оно оставалось крайне недофинансируемым. Его доля в расходной части федерального бюджета составляла: 0,92% в 2004 г., 0,64 — в 2005 г., 0,76 — в 2006 г. и 0,99% — в 2007 г. правда, сейчас несколько больше 1%. Если вспомнить, что в бюджете ЕС на сельское хозяйство идёт более 50% всех затрат, а в США по министерству сельского хозяйства — более 100 млрд долларов, то несопоставимость вырисовывается предельно ясно. Необходимость существенного увеличения государственной поддержки сельского хозяйства, несмотря на нынешний кризис, очевидна.

Ограниченные меры поддержки и в значительной мере лучшие погодные условия последних лет позволили в определённой степени восстановить уровень производства. Произошло это в основном в растениеводческих отраслях, прежде всего в зерновом хозяйстве. Наибольшее падение в растениеводстве по сравнению с 1990 г. (если принять его за 100) было в 1998 г. — 66,0, а в 2008 г. соответствующая продукция уже составляла 110%. Произошло это, прежде всего, за счёт роста производства зерна, сахарной свёклы и подсолнечника.

Вместе с тем не следует забывать, что в стране с таким экстенсивным земледелием, как Россия, как вновь показали события 2010 г., очень важную роль играет погодный фактор, особенно увеличение вегетационного периода в связи с общими климатическими изменениями. Конечно, никто не может предсказать, что будет в случае очередной засухи или ранних заморозков, имея в виду общее снижение агрофона и ослабленную материально-техническую базу.

По-иному выглядят перспективы в том, что касается животноводства. Его восстановление — намного более сложная задача. Для того, чтобы её решить, необходимо, прежде всего, существенно увеличить поголовье крупного рогатого скота и добиться общего повышения эффективности этой низкорентабельной отрасли. А это потребует дополнительных финансовых вливаний, направленных на её стимулирование. При этом нужно иметь в виду и сильную конкуренцию импортной животноводческой продукции.

Пока здесь радикального восстановления производства, по существу, не произошло. Если вычислить его индекс, приняв ситуацию 1990 г. за 100, то в 1998 г. он упал до минимума — 50%, а в 2008 г. под-

нялся до 58%. При этом рост был достигнут, в первую очередь, за счёт протекционистской политики по отношению к бройлерам и введения квот на импорт других видов мяса.

Многие проблемы, требующие решения, находятся за пределами самого сельского хозяйства. Так, под влиянием рыночных сил серьёзно изменилась структура аграрно-промышленного комплекса, в частности, за счёт ускоренного развития сферы торговли, в особенности розничной. Важнейшей проблемой остаётся развал отечественного машиностроения, о чём уже шла речь выше.

Стране со столь разнообразными климатическими условиями и относительно коротким вегетационным периодом требуется мощный парк сельскохозяйственных машин. Между тем негативные тенденции в этой сфере не только сохраняются, но и нарастают. Если в 1990 г. на 1000 га пашни приходилось 10,6 трактора, то в 2007 г. — 5,1. На один зерновой комбайн, соответственно, приходилось 152 га, а теперь 291 га. При этом подавляющая часть техники уже превысила сроки амортизации: её возраст составляет в среднем 12–13 лет. Старая ремонтная база сельхозтехники почти полностью разрушена. Всё это не может не повлечь за собой серьёзных последствий.

Ввиду упадка отечественного сельскохозяйственного машиностроения на рынке стала доминировать импортная техника. Сейчас на неё приходится 40% всех поставок. По прогнозам на 2020 г., их объём может составить около 80%.

В целях стимулирования этой важнейшей отрасли машиностроения были повышены таможенные ставки на импортную технику. Однако этот шаг дал весьма ограниченные результаты. Учитывая реальное состояние заводов, производящих сельскохозяйственную технику, для этой отрасли потребуются серьёзные государственные капиталовложения.

Решение проблем, которые предстоит преодолевать в условиях рынка в рассматриваемой сфере, требует не рабского следования чуждым российской действительности императивам экстремально-либеральной теории, а обращения к общепринятым в мире как теоретическим, так и практическим принципам аграрной политики. А это, в свою очередь, предполагает существенное увеличение роли государства, наращивание поддержки им сельского хозяйства, в том числе возрождение развитой системы государственного регулирования. При этом надлежит в полной мере учитывать две важнейшие особенности аграрного сектора:

- его высокую капиталоемкость, относительно низкую рентабельность, а также неустойчивость в производстве и доходах;

— низкую эластичность как спроса, так и предложения на рынке продовольствия и очень высокую эластичность цен, имеющих жизненно важное значение как для производителей, так и для потребителей.

Наметившиеся ныне признаки возвращения государства в аграрный сектор можно только приветствовать. К числу этих признаков следует отнести уже упомянутый выше национальный проект. Однако план развития АПК пока ещё не разработан. Не реализовано полностью намерение ввести частичное государственное регулирование рыночных цен. Положительную роль может сыграть создание государственной зерновой компании — весьма актуальное ввиду того, что до сих пор 60% российского рынка зерна контролируют иностранные, прежде всего американские фирмы — ситуация неприемлемая для суверенного государства. Разумеется, всё это — только первые ограниченные шаги в направлении к современной рыночной экономике.

Необходимо также приступить к выработке общетеоретической концепции желательной аграрной политики. Одной из центральных проблем такой концепции является достижение приемлемого уровня продовольственной безопасности. Страна, особенно такое традиционное аграрное государство, как Россия, должна обеспечивать себя собственным продовольствием.

Мы уже отмечали, что развал отечественного сельского хозяйства и либеральный подход к сфере внешней торговли привели к быстрому росту импорта продовольствия. Сейчас наше население тратит на продовольствие более 40% своих доходов. Согласно так называемому закону Энгеля, это весьма высокий показатель, обратно пропорциональный среднему жизненному уровню.

На протяжении многих лет львиная доля затрат наших граждан шла на приобретение импортных продуктов. Если в 1998 г. импортировалось продовольствия на 5 млрд долларов, то в 2009 г. — 35 млрд.

При оценке этих цифр следует, конечно, учитывать не только физический объём импорта, но и рост мировых цен на продукты питания. Тем не менее динамика была весьма значительной. Сейчас доля импорта поднялась до 40% общего объёма сельскохозяйственного рынка. На закупку продовольствия до сих пор шла весьма существенная часть доходов от нефти и газа. Подобный уровень импортной зависимости, особенно по животноводческой продукции, можно с полным основанием оценить как беспрецедентный. Ситуацию, особенно в мегаполисах и крупных городах, дополнительно обостряет интенсивный рост западных систем розничной торговли.

Согласно установкам ФАО, предельный объём импорта не должен превышать 20% от объёма потребления. Это — граница продовольственной безопасности, которую Россия уже серьёзно преступила. Отсюда всё более очевидная, в том числе политическая, зависимость страны от иностранных поставщиков, а, следовательно, и от определённых иностранных правительств. Поставка продовольственных товаров, основанная на кредитных линиях, сложной структуре транспорта, оптовой и розничной торговле, может быть при определённых обстоятельствах прервана в любой момент. Обеспокоенность по этому поводу нашла отражение в Доктрине продовольственной безопасности. Но следует иметь ввиду, что это связано с обеспечением высоких темпов роста производства и, соответственно, государственных затрат на сельское хозяйство.

Разрабатывая долговременные, продуманные меры по обеспечению продовольственной безопасности, следует также иметь в виду, что мир вступил в своеобразную фазу неомальтузианского развития. При сравнительно быстром росте населения площадь сельхозугодий остаётся стабильной. Более того, во многих странах происходят прогрессирующая эрозия и деградация почв. Вследствие этого постоянно снижается обеспеченность населения сельскохозяйственными землями. Так, в 1980 г. в мире на одного человека приходилось чуть более одного гектара. Сейчас эта доля составляет 0,74 га, а к середине века не будет превышать 0,5 га.

Частично снижение обеспеченности населения сельскохозяйственными землями компенсируется научно-техническим прогрессом и внедрением трудоинтенсивных технологий во многих странах Запада и частично в Китае. Однако в целом этот процесс остановить невозможно, и каждое государство должно находить своё решение проблемы. Для России это, прежде всего, восстановление посевных площадей и вообще сельхозугодий, возобновление поставок удобрений, восстановление широкомасштабного производства отечественной техники, активная помощь государства собственным сельхозпроизводителям.

Необходимо также радикально пересмотреть стратегию и практику внешнеторгового регулирования. Можно в качестве примера привести торговые взаимоотношения между Россией и Евросоюзом. Сельскохозяйственное производство ЕС в десять раз превосходит российское, так что на этом рынке сталкиваются партнёры разных весовых категорий. И руководствуются они различными правилами. В России сельхозпредприятия действуют в условиях либерального внешнеторгового режима со средними пошлинами порядка 13–14%,

легко перекрываемыми экспортными субсидиями стран-экспортёров. В Евросоюзе существует шлюзовая система с импортными сборами и экспортными субсидиями, выравнивающими относительно высокие цены ЕС с ценами всего остального мира и создающими надёжную систему защиты внутреннего рынка.

Учитывая это, становится очевидным, что для решения проблем продовольственной безопасности надлежит серьёзно продумать вопрос об изменении внешнеторгового регулирования, желательно руководствуясь моделью ЕС. Это, конечно, не значит, что России следует перейти к политике аграрной автаркии. Тем не менее отдельные подобные меры позволили бы последовательно снижать импортную зависимость. Одновременно можно было бы усилить внешнеторговую активность России, наращивая в перспективе возможный (после преодоления последствий засухи 2010 г.) экспорт высококачественной пшеницы, успешное производство которой в стране обусловлено, прежде всего, климатическими условиями.

В этом же духе должна решаться и проблема нашего присоединения к ВТО. Следует иметь в виду, что в аграрной сфере ни одна из ведущих западных стран и группировок — ни США, ни Евросоюз, ни Япония не следуют правилам ВТО. Они весьма активно поддерживают своих отечественных производителей, в ряде случаев возводят протекционистские заслоны либо, как в Японии, отстаивают концепцию множественности аграрных политик, следуя лишь тем правилам ВТО, которые считают для себя приемлемыми.

Поэтому было бы вполне справедливым, если бы Россия, со своей стороны, выдвинула ряд неперенных условий присоединения к ВТО:

- право на субсидирование сельского хозяйства, исходящее из средних показателей стран — членов ОЭСР и рассчитанное по методике этой международной организации;
- право на введение шлюзовой системы регулирования внешней торговли наподобие той, которая практикуется Евросоюзом;
- признание принципа множественности аграрных политик и исключение из сфер регулирования ВТО ряда наименее конкурентоспособных, но жизненно важных отраслей сельского хозяйства.

Если суммировать изложенное выше, цель нашей политики в том, что касается аграрной сферы, должна заключаться в переходе от экстремистско-либеральной концепции к общепринятым принципам государственно-рыночного социально ориентированного хозяйства.

Глава 25. Социальные контуры новой России

Общие закономерности

Во второй половине XX — начале XXI в. в Европе и России как её неотъемлемой части существенно возросла роль социального измерения. Это потребовало совершенствования производственных, трудовых и общественных отношений и, прежде всего, решения накопившихся проблем социальной защиты населения. Дополнительную остроту такому подходу придали мировой финансово-экономический кризис, нанёсший серьёзный удар по условиям жизни граждан, прежде всего работников наёмного труда. Он актуализировал необходимость реализации новой, адекватной современному этапу развития, социальной политики, способной учитывать необходимость как поддержки оказавшейся под ударами кризиса экономики, так и сохранения качества и уровня жизни людей.

Проблемы экономического порядка, как известно, обостряют социально-трудовые отношения, ломают стереотипы поведения людей. Меняется их отношение к государству и власти вообще.

Социальная адаптация человека к новым условиям становится основой достижения стабилизации в общественном развитии. Эта проблема стоит одинаково остро практически во всех странах, как развитых, так и находящихся на переходном этапе развития.

Основным направлением совершенствования ситуации являются усилия, направленные на выравнивание социальных условий существования по высшему уровню, достигнутому в наиболее развитых странах. В России это, естественно, не может быть осуществлено в обозримое время, поскольку исходные позиции по сравнению с ведущими европейскими государствами неравны. Тем не менее движение в данном направлении необходимо и возможно.

Широкие демократические и рыночные реформы в сегодняшней России исторически обусловлены. Вместе с тем они должны быть, прежде всего, социально состоятельными и реализовываться силами ответственных акторов, выступающих как равноправные партнёры в рамках социального контракта. Следовательно, одним из самых важных остаётся вопрос о достижении социального контракта нового типа, о согласованном понимании целей социального развития и путей их достижения, о сбалансированных действиях государства, бизнес-сообщества и гражданского общества. При этом результаты во многом

зависят от наличия общественно признанной системы оценки усилий партнёров и адекватных форм контроля над их действиями.

Первым этапом движения в этом направлении должны стать позитивные сдвиги в решении вопросов социальной защиты населения, занятости, в формировании регулируемого рынка труда, в сбалансировании оплаты труда и доходов различных социальных и профессиональных групп и в региональном выравнивании. Всё это в значительной степени зависит от множества конкретных обстоятельств: от экономической ситуации, степени интеграции в глобальные процессы, уровня региональных связей, характера государственной власти, степени зрелости и активности гражданского общества.

Российская специфика

Россия находится ныне на этапе, когда остро необходимо существенно оздоровить и преобразовать социальную сферу. Основные угрозы её дальнейшему развитию исходят от отставания «социальных тылов», неотрегулированности социальной сферы, неспособности в полной мере учесть социальный эффект реформ. Они должны обеспечить создание стабильной обстановки и, прежде всего, способствовать формированию прочной социальной базы, на которую сможет опираться власть, осуществляя преобразования.

Всё это побуждает российское общество особо внимательно отнестись к предстоящему выбору модели социальной политики.

Следует учитывать, что именно социальная сфера, чётко организованная и функционировавшая в советские времена, оказалась наиболее пострадавшей во время рыночных реформ. Стране ранее практически не была знакома безработица, не было проблем с всеобщим медицинским обслуживанием, доступом к бесплатному образованию, летним семейным отдыхом. Они решались централизованно, через государственные структуры и профсоюзы.

Ситуация в корне поменялась в ходе «шоковой терапии» с изменением форм собственности, приведшим к частичной приватизации социальной сферы. В результате большинство россиян утратило значительную часть прежних социальных гарантий. Одновременно стали мало доступными многие жизненно необходимые услуги. При нынешних доходах не более 13–15% россиян могут позволить себе пользоваться платным образованием и лишь 5% — платной медициной.

В обществе на всех уровнях — территориальном, отраслевом, профессиональном, возрастном — возникла удручающая социальная диф-

ференциация. В 2008 г. соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных групп населения России (так называемый децильный коэффициент), как следует из официальных данных, составило 1:16,9. По данным Росстата, в июле 2010 г. этот показатель снизился до 14,4 раза¹. По мнению же ряда независимых экспертов, соответствующий разрыв в реальности составляет от 1:40 до 1:60. Для сравнения укажем, что в странах Евросоюза он равен в среднем 1:3,3. На долю 10% наиболее обеспеченного населения России приходилось 32,7% общего объёма денежных доходов, а на долю наименее обеспеченных — 2,3%.

Неоправданно занижена в России и оплата труда. Если её доля в ВВП развитых стран составляет 70—75%, то в России она менее 30%. И это при том, что основной вид доходов россиян (68%) составляет именно зарплата (5518 рублей).

Бичом миллионов стала неприкрытая бедность. Ещё до мирового финансово-экономического кризиса в первом полугодии 2008 г. за порогом бедности пребывали 21 млн человек, т.е. 14,7% населения. По мере углубления этого кризиса возрастал и объём бедности. Есть данные, что малообеспеченные граждане составляют ныне свыше 60% населения.

Новая социальная реальность в России требует принятия фундаментальных, неотложных мер по исправлению ситуации.

В ноябре 2008 г. общество получило возможность ознакомиться с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., подготовленной в соответствии с поручением президента². Концепция определяет тип экономического развития России как инновационный, социально ориентированный. Его стратегическая цель — достижение соответствующего статусу России как «ведущей мировой державы» уровня экономического и социального развития, который позволил бы ей занять передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надёжно обеспечить национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. По уровню доходов и качеству жизни населения наша страна должна приблизиться к современным развитым государствам.

Конечно, концепция сформулирована чрезмерно оптимистично. Пока в реальности по душевому ВВП Россия находится на 55-м месте,

¹ Здесь и далее использовались материалы НИИ системного анализа Счётной палаты Российской Федерации и Росстата. 2008—2010 гг.

² См. официальный сайт Минэкономразвития РФ: www.economy.gov.ru.

а по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) — на 73-м месте в мире. Если в странах ЕС на социальные нужды расходуется от 30 до 70% бюджета, то в России — 7%¹. По данным специалистов Всемирного банка, потенциал экономического развития передовых стран на 64% формируется человеческим капиталом и только на 20% — сырьевым. В России же эти показатели составляют, соответственно, 14 и 72%².

Социальное государство в России, провозглашённое Конституцией 1993 г., к сожалению, до сих пор не построено. Российское государство не соответствует пока стандартам, присущим социальным государствам, существующим в развитой Европе. Государство, стремящееся быть социальным, должно выступать в качестве ведущего социального партнёра и взаимодействовать с остальными акторами общественно-экономического развития страны на основе социального контракта. Именно оно, обладая финансовыми средствами, юридическими возможностями и административным ресурсом, призвано в рамках стратегии социально-экономического развития страны бороться с негативными социальными последствиями глобальных процессов, в частности, с трудностями, привнесёнными финансово-экономическим кризисом.

В России именно государство традиционно выступало гарантом реализации социальной политики, было практически монополистом в этой сфере. И сейчас преодолеть хаос, царящий в социальной системе страны, невозможно без твёрдой деятельности государства, сильной вертикали исполнительной власти. На государственном уровне разрабатывается стратегия социального развития, планируются бюджетные социальные расходы. Например, сегодня 90% расходов по борьбе с безработицей финансируются из госбюджета.

К сожалению, расходы на социальную политику всегда были в нашей стране невелики по сравнению с другими статьями бюджета. Об этом свидетельствует, например, распределение расходов федерального бюджета на 2007 г. по разделам и подразделам классификации расходов (*см. табл. 25.1*).

Тенденция практически не меняется до настоящего времени. Так, из запланированных расходов федерального бюджета на 2009 г. на минимизацию негативных последствий кризиса менее 5% приходилось непосредственно на социальные нужды населения (200–250 млрд руб-

¹ Мир и политика. 2009. № 3, С. 3–4.

² Особенности российского рынка труда в условиях финансово-экономического кризиса / НИИ системного анализа Счётной палаты Российской Федерации. М., 2008. С. 6.

лей из общей суммы 7 трлн рублей). Для борьбы с безработицей в России выделено 6 млрд, в то же время на нужды банков и крупных бизнес-структур уже перечислено 140 млрд и планируется ещё 250 млрд.

Таблица 25.1

Статья расходов	Трлн руб.	%
Всего	5,4	100
<i>Традиционные функции</i>	2,2	41,8
Общегосударственные вопросы	0,8	14,7
Национальная оборона	0,8	15,0
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	0,6	12,1
<i>Современные функции</i>	0,7	13,8
Образование	0,2	5,0
Культура, кинематография и СМИ	0,06	1,2
Здравоохранение и спорт	0,2	3,7
Социальная политика	0,2	3,9

Источник: Министерство финансов Российской Федерации. Из приложения 8 к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2007 год».

В условиях кризиса роль государства в социальной сфере не только не уменьшается, но и возрастает. Об этом свидетельствует крах влияния неолибералистской идеологии в странах Запада. Повсеместно совершенствуются формы деятельности государства, характер его взаимоотношений с социальными партнёрами: бизнес-сообществом и представителями гражданского общества. Расширяются функции регулирования, контроля над рыночными отношениями, возрастает значение управления экономическими процессами.

Главная задача социального государства — обеспечение социально-го развития в новых условиях. Ведь оно не только оказывает поддержку наиболее ущемлённым группам населения. Ему надлежит строить свою политику с учётом интересов всех, без исключения, социальных слоёв и профессиональных групп, составляющих современное обще-

ство, с тем чтобы в рамках разумного компромисса сбалансировать соотношение прав и обязанностей различных частей общества с учётом неизбежного различия их интересов. Заботу с его стороны должны ощущать не только бедные, но и благополучные группы населения: предприниматели, крупный бизнес, держатели капитала, тем более что их роль в преодолении кризиса весьма значительна.

Определить роль и место каждой социальной группы в системе социального партнёрства, чётко обозначить долю их ответственности — чрезвычайно трудная задача. Сложность ее дополнительно обусловлена тем, что система социального партнёрства в нашей стране до сих пор не сформирована, не определены функции партнёров, их права и обязанности. Она во многом насаждается сверху, хотя жизнь требует обратного. Так, создание в России Трёхсторонней комиссии на высшем уровне вовсе не предопределяет равноправие сотрудничества партнёров в её рамках. Её деятельность декларативна и не наполнена реальным содержанием.

Если государство — ведущий актор социального контракта, на основе которого оно должно работать, и выступает как руководитель, управленец и работодатель, а бизнес имеет возможность защищать свои интересы и оплачивать свою деятельность, то положение гражданского общества неопределённо и невнятно. Наличие же полноценного, четко организованного гражданского общества, связанного общими целями и взаимопониманием, нацеленного на стратегические цели социального и экономического развития, — необходимое условие для появления социального государства.

Между тем до сих пор возможности участия граждан России в формировании социальной политики и контроле над её исполнением остаются минимальными, несмотря на то, что согласно Конституции они обладают правом «участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» (ст. 32), получать информацию по вопросам, непосредственно затрагивающим их права и свободы (ст. 24). Кстати, и Европа ещё далеко не справилась с задачей построения «Европы граждан», хотя в последние годы уделяет этому повышенное внимание.

В настоящее время ни представители бизнеса, ни чиновничий аппарат управления, который превратился уже в 25-миллионную бюрократическую армию, как правило, не обращают должного внимания на свою социальную ответственность. Это наряду со ставшей национальной трагедией коррупцией ведёт к падению доверия к власти и росту социальной напряжённости. Кроме недостатка доверия к властным структурам есть серьёзные моменты, осложняющие ситуа-

цию, — неподотчётность власти обществу, недостаточная прозрачность её действий, неполная доступность информации. В этой связи встаёт вопрос о степени понимания населением целесообразности мер, принимаемых государством и правительством. Людям должны быть понятны перспективы социально-экономического развития страны. Только тогда возникает доверие. А ведь, только завоевав его, можно сформировать социальную базу, опираясь на которую государство сумеет вывести страну из экономического кризиса и создать тем самым материальную основу для решения социальных проблем.

С деятельностью социального государства связано решение проблемы внутренней и внешней безопасности. Распад системы социальной защиты и слабость социальных институтов становятся причинами роста протестных, порой экстремистских настроений, оказывают отрицательное влияние на экономику, мешают преодолению последствий кризиса внутри страны. Вместе с тем глобальность множества современных проблем настоятельно требует взаимодействия государств, международного сотрудничества и международной солидарности.

Путь социальных реформ

Как уже отмечалось выше, к числу национальных приоритетов в среднесрочной перспективе должны быть отнесены повышение качества жизни населения страны и сокращение численности бедного населения. Если верить данным Росстата, в последние предкризисные годы сформировалась устойчивая тенденция роста зарплаты. Минимальная заработная плата за 2000—2006 гг. возросла в 8,3 раза, средняя увеличилась с 2223 рублей до 10 975 рублей, или в 4,9 раза. Следствием этого роста стало сокращение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума с 41,9 млн человек в 2000 г. до 26,6 млн человек в 2005 г. и 21 млн в 2009 году¹.

Согласно этим же данным, в 2008 г. доля оплаты труда в распределении ВВП составила 45,6%, хотя ряд экспертов считает эту цифру явно завышенной. При этом доходы на душу населения в зависимости от региона различаются более чем в 20 раз.

¹ См.: материалы, подготовленные НИИ системного анализа Счётной палаты Российской Федерации: Особенности российского рынка труда в условиях финансово-экономического кризиса. М., 2008; официального сайта Росстата (http://www.gks.ru/bgd/reg/b10_01/JSSwww.exe/stg/d07/3-2htm).

Повышение среднего размера оплаты труда происходило в основном за счёт сохраняющегося роста зарплат в экспортно ориентированных отраслях экономики, и в меньшей степени — за счет осуществления мер по повышению оплаты труда работников бюджетной сферы. И, судя по всему, существующие межрегиональные различия не только сохраняются, но, скорее всего, увеличатся.

Существенное влияние на динамику заработной платы оказывает государственная политика по отношению к минимальной оплате труда. Размеры и сроки дальнейшего повышения такой оплаты связаны с возможностями бюджетов всех уровней и, в первую очередь, региональных и муниципальных. Установленный в 2007 г. уровень МРОТ 2300 рублей и к 2010 г. не сумел превысить рубежа в 3000 рублей.

Повышение минимального размера оплаты труда, осуществленное, в частности, в 2009 г., безусловно, факт положительный. Тем не менее минимальный размер оплаты труда в России всё ещё составляет лишь чуть более 20% средней зарплаты, тогда как в большинстве европейских стран он превышает 50%. Это, а также сохраняющаяся значительная дифференциация в уровне оплаты труда свидетельствуют о необходимости дальнейших реформ в данной области, настойчивого поиска более эффективных механизмов определения тарифных ставок.

Важно в этой связи иметь в виду, что рост доходов населения и, в первую очередь, заработной платы с учётом последствий кризиса практически не привел к снижению численности бедного населения. В бюджетной сфере численность бедных работников по-прежнему весьма высока.

В условиях кризиса расширилась практика неполной занятости и так называемых неоплачиваемых отпусков. Жертвами этой практики ежегодно становятся до 15% общей численности работников.

Больно ударяет по уровню жизни населения такое явление, как задержка или, более того, невыплата зарплаты. В конце 2008 г. возобновился рост задолженности по зарплате. К 1 января 2009 г., по сведениям организаций малого бизнеса, суммарная задолженность оплаты труда в этой сфере достигла 4,674 млн рублей, т.е. 1% месячного фонда зарплаты. Несмотря на меры, принятые правительством, задолженность в 2010 г. превысила 3 млрд.

Главной причиной задолженности этого типа стала нехватка у предприятий собственных средств, а в социальной сфере — несвоевременное финансирование из бюджетов всех уровней. Из общей суммы просроченной оплаты труда 52,5% составила задолженность по оплате выполненных госзаказов и оказанных услуг бюджетным организациям. Заметнее всего это ощущается на обрабатывающих про-

изводствах, на транспорте, в сельском хозяйстве и строительстве. На них приходится 80% всего объёма задолженности.

Проблемы с задержкой выплаты зарплат существуют в 34 регионах. Особенно острое положение с этим сложилось в Красноярском крае и в Чеченской Республике.

Решение данной проблемы требует не только дополнительных средств, но и тщательной научной проработки, сопровождаемой тесным сотрудничеством власти и общества. Недостаточно просчитанные и бездарно реализуемые реформы в этой области чреваты для власти крупными неприятностями.

Убедительным примером таких последствий были принятие и реализация пресловутого 122-го Закона о монетизации льгот, потребовавшего предварительного изменения более чем 150 законодательных актов и утверждённых бюджетов всех уровней. Почти сразу после вступления в силу закона выяснилось, что 173 млрд рублей, заложенных в федеральном бюджете на выплаты федеральным льготникам, не хватит. Следовательно, бюджеты министерств и Пенсионного фонда исполнены не будут. Поскольку финансовое обеспечение значительной части льготников было передано в регионы, в аналогичном положении оказались и региональные бюджеты. Под вопросом оказалось исполнение статьи 55 Конституции, запрещающей издавать законы, «отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»¹.

Сторонники замены льгот денежной компенсацией уверяли российских граждан, что принятое ими решение объективно оправдано, поскольку соответствует передовым тенденциям развития социальной сферы в наиболее развитых странах. Но в действительности в этих странах социальная поддержка осуществляется и в денежной, и в целевой материальной форме. Последняя в разных государствах неодинакова. Тем не менее на её долю приходится в среднем около 40% социальной помощи бедным слоям населения.

Объективная оценка ситуации, сложившейся в России, свидетельствует, что, с одной стороны, у власти есть возможность использовать богатый зарубежный опыт в социальной области, позволивший западноевропейским странам обеспечить материальное благополучие населения, а, с другой — национальные особенности и специфика развития страны ставят под вопрос реальные возможности применить этот опыт путём копирования.

¹ См.: Россия как социальное государство: конституционная модель и реальность / Совет Федерации. М., 2007, С. 22.

В свое время группой учёных была подготовлена Концепция социального государства¹. Она не только содержала его характеристику, но и определяла направления деятельности, обеспечивавшей его построение. Примечательно, что официального одобрения Концепции пока не последовало. Между тем, проводимая социальная политика всё ещё сводится к «латанию дыр» — к оказанию минимальной помощи самым обездоленным слоям населения и к тушению «социальных пожаров», возникающих в проблемных регионах.

Государственная политика последних лет в социальной сфере даёт основания констатировать наличие определённого поворота в правильном направлении. В соответствующей тональности выдержаны ежегодные послания президента. Налицо растущее понимание властью того, что важнейшей предпосылкой сохранения ею руководящей роли в обществе является стабильная социальная ситуация. Насколько глубоко это понимание, покажет будущее.

Российские парадоксы

Обстановка, сложившаяся в России в последние предкризисные годы, выглядела, мягко говоря, парадоксальной. С одной стороны, статистика свидетельствовала о росте заработной платы, пенсий и социальных пособий, о возрастании инвестиций в народное хозяйство, с другой — весьма плачевным оставалось состояние многих сторон социальной действительности. Достаточно напомнить в этой связи о размере государственных ассигнований на образование и здравоохранение — сфер, во многом определяющих качество жизни населения. Расходы консолидированного бюджета России составляли в 2004 г. на образование 3,5% ВВП, на здравоохранение — 2,2%. Для сравнения укажем, что к тому времени они достигали в Великобритании соответственно 4,5% и 6,4%, в Германии — 4,6% и 8%, а во Франции — 5,6% и 7,4%².

Выше уже шла речь о непомерной дифференциации доходов, раскалывающей российское общество. Она, в свою очередь, усугублялась неравенством регионов. В этой связи весьма показателен анализ информации, поступающей от субъектов Российской Федерации, прове-

¹ Россия, XX век. На пути к социальному государству. Академия труда и социальных отношений. М., 2003.

² Россия и страны — члены Европейского Союза. Статистический сборник. М., 2005. С. 87.

дённый Счётной палатой¹. Он показал, что разница уровней бюджетной обеспеченности граждан в российских регионах (без учёта финансовых вливаний из федерального бюджета) составила в 2004 г. 1:8,7, в 2005 г. — 1:9,5, в 2006 г. — 1:7,7, а доходы ряда консолидированных бюджетов регионов (без учёта финансовых вливаний из федерального бюджета) покрывали их расходные обязательства лишь на 70–90%. В 2006 г. 27 субъектов Российской Федерации (или 1/3 часть всех субъектов) покрывали расходы доходами на 60% и даже ниже².

В то же время российская социальная политика не только не сглаживала межрегиональное неравенство и дисбалансы, но даже увеличивала их. Регионы-доноры имели возможность направлять средства на социальную защиту населения, у бедных регионов такая возможность отсутствовала. Ведь разрыв в уровне доходов регионов — пятнадцатикратный, а уровень безработицы разнится почти в 10 раз.

В условиях финансово-экономического кризиса эта ситуация обострилась в еще большей степени.

Искоренение бедности считается одной из первостепенных задач даже в высокоразвитых европейских странах (правда, понятие бедности трактуется там несколько иначе). Однако в России она весьма специфична и особенно остра. Прежде всего, в России не знают точного числа проживающих в ней бедных. По официальным данным, в 2004 г. их было 25 млн. Подсчёт по регионам давал цифру в 34 млн. В свою очередь, прямые обследования выводили на уровень 35% населения, что составляло 51 млн человек³. Между тем знать количество потенциальных получателей социальной помощи совершенно необходимо для планирования соответствующих программ.

Нуждающимися в социальной поддержке и обделёнными материальными благами считаются по традиции так называемые ущемлённые группы общества: престарелые, инвалиды, многодетные семьи и т.д. Россия, выступив своего рода «новатором», породила «новых бедных»: рабочих, занятых в производстве, а также наёмных работников в сфере образования, здравоохранения, культуры и социальных услуг. Они получают за свой труд зарплату, несоизмеримую с вкладом в экономику, культурную и научную жизнь. Уровень оплаты их труда не обеспечивает достойного существования самих работников и их семей.

¹ Уровень бюджетной обеспеченности граждан Российской Федерации в 2004–2006 гг. Аналитическая записка.

² Россия как социальное государство... С. 89.

³ Общество и экономика. 2007. № 4. С. 46.

Приведём в этой связи данные Росстата, которые свидетельствуют о значительном разрыве в уровне оплаты труда по отраслям промышленности (данные на первое полугодие 2007 г.). У работников, занятых добычей топливно-энергетических полезных ископаемых, средняя зарплата составляла 30 317 рублей (в 2005 г. — 21 993 рубля), превосходя общероссийский уровень в 2,4 раза (12 439 рублей). В банках и других финансовых организациях она превосходила этот уровень в 2,7 раза — 33 889 рублей (в 2005 г. — 18 313 рублей). В то же время в сфере образования зарплата (8298 рублей) равнялась лишь 67% общероссийского уровня (в 2005 г. — 5756 рублей), в здравоохранении и сфере предоставления социальных услуг составляла 76% — 9418 рублей (в 2005 г. — 6117 рублей), а в сельском хозяйстве — 42% (5259 рублей).

Официальная статистика утверждает, что дифференциация по доходам сопровождается ростом общего уровня благосостояния населения. Тем не менее даже из приведённых цифр следует, что около 40% населения России имеют доход ниже прожиточного минимума, который везде превышает 5 тыс. рублей, а в крупных городах (например, в Москве) — 7 тыс. рублей. И всё это, не считая ежегодного роста цен. Минимальная же зарплата составляет с января 2009 г. 4330 рублей. Для сравнения: в Швеции она равна 2141 долл. США. Разумеется, отрицать постепенный рост доходов населения в докризисные годы не приходится. Вместе с тем, как справедливо отмечал в своё время академик Д. Львов, происходящее повышение доходов — классический пример исчисления средней температуры в больнице.

Исследование динамики душевого дохода за истекшие 10 лет по отдельным категориям населения — у богатых, среднего класса, у бедных, проведённое Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, показало: богаче стали 20% населения, причём у 2% из них доходы возросли в 10 раз. Вместе с тем 80% населения России обеднело.

Мировой финансово-экономический кризис усугубил положение. Впервые за несколько лет в 2009 г. Росстат зафиксировал снижение реальных доходов граждан на фоне неоправданного роста цен на потребительские товары и услуги. Причём продолжение этого процесса прогнозируется и на будущее. По прогнозу социально-экономического развития страны на 2009–2011 гг. рост цен на газ для промышленности составит 19,6%, а для населения — 25%, на тепловую энергию — 22%, железнодорожные перевозки — 18,7%.

С 1 января 2009 г. цены на электричество возросли на 25%, тепло-снабжение — на 25%, плата за жильё — на 20%, стоимость железнодо-

рожного проезда стала дороже на 12–13%, общественный транспорт подорожал на 10%.

По данным Института экономики переходного периода, инфляция больше всего поразила рынок продовольственных товаров. За 2008 г. цены выросли на 16,5%, а в сфере услуг — на 15,9%. Стоимость минимального набора продуктов питания за первое полугодие 2009 г. возросла на 17,5%¹. Доходы россиян за первое полугодие 2009 г. уменьшились на 10%. Данное обстоятельство только подчёркивает необходимость первоочередного решения проблемы несправедливого распределения доходов. Основной доход большинства россиян, как уже отмечалось, составляет зарплата. Поэтому начинать надо с корректив именно в этой сфере. Это протяжённый и сложный путь, который предстоит пройти России.

Движение в указанную сторону связано с преодолением множества препятствий: тут и демографические проблемы, и сокращение продолжительности жизни, и сложившееся положение в области охраны здоровья, и нищета, и влияние неблагоприятных факторов, влияющих на экономику, и суровый климат ряда российских регионов. Всё это определяет качество жизни граждан, требует особого внимания центральных и региональных властей, совместных усилий всего общества и, естественно, значительной финансовой подпитки социальной сферы. Возникающие на этой почве социальные риски разнообразны и проявляются в различных формах для разных социальных групп и регионов. Преодоление их связано, в первую очередь, с разработкой специальных государственных программ, координацией и контролем над их выполнением.

Хотя в Конституции достаточно подробно изложены государственные социальные гарантии и установлены соответствующие стандарты, современное российское законодательство в социально-трудовой сфере зачастую не содержит норм прямого действия, чётко определённого механизма исполнения законов и контроля за их исполнением. Это важный недостаток нормативной правовой базы в сфере социальной политики, ограничивающий возможности выполнения государством своих социальных обязательств.

Национальные проекты и программы

Осознав сложившуюся ситуацию, российское руководство разработало и приступило к реализации национальных проектов, которые были направлены на решение наиболее насущных социальных проблем.

¹ Экономико-политическая ситуация в России. М., 2009.

Предполагалось, что эти проекты станут эффективным инструментом оздоровления общественной ситуации. Как же сказалась реализация национальных проектов на условиях жизни населения? Принесла ли она ожидаемые результаты?

Национальные проекты были провозглашены приоритетными составляющими развития страны, и их реализация находилась под непосредственным контролем президента. Строились они на основе особого управления с помощью специально созданной структуры и с использованием сквозного планирования. Такой структурой стал Совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

Модернизируя соответствующие секторы, проекты должны были стать, по замыслу инициаторов, «многорядным движением к эффективному здравоохранению, образованию, сельскому хозяйству и развитому рынку жилья». Предварительные результаты реализации национальных проектов дают возможность зафиксировать ряд положительных моментов. Так, в 2006–2007 гг. наметились позитивные сдвиги в кадровом обеспечении медицинской сферы. На 13 848 человек увеличилось число врачей, прошедших дополнительную подготовку. Была повышена зарплата участковым врачам, медработникам скорой помощи и фельдшерско-акушерских пунктов. Закуплено новое диагностическое оборудование для 5500 учреждений и санитарный автотранспорт (12 120 машин). Выросли суммы, выделяемые на обеспечение населения лекарствами.

Вместе с тем авторы национального проекта «Здоровье», работая над ним, очевидно, недостаточно хорошо знали и понимали проблемы российской медицины. Не были в должной степени учтены и соображения о возможных последствиях внедрения новой системы управления здравоохранением, высказанные авторитетными медиками и социологами. Несмотря на оптимистичные прогнозы, в стране почти сразу возникла сложная ситуация со снабжением бесплатными лекарствами льготных категорий населения. Появились труднопроходимые барьеры на пути их получения. Ассортимент лекарственных средств оказался суженным. В ряде регионов возник их устойчивый дефицит. Предпринятые в связи с эти «пожарные меры» выправили ситуацию лишь частично.

Радикальное (и вполне оправданное) повышение заработной платы участковым врачам и медсестрам первого приёма привело к парадоксальной ситуации, когда не только врачи-специалисты, но даже главные врачи поликлиник стали в ряде случаев получать зарплату меньшую, чем младший медицинский персонал. Отсюда — массовый

отток ценных специалистов из госучреждений, в том числе и из специализированных больниц, в коммерческий сектор, туда, где оплата намного выше, а работа легче.

Самым бесппроблемным национальным проектом слыла система образования. Тем не менее расходы на 1 учащегося в год в нашей стране оставались в 8 раз ниже, чем в Германии.

И здесь в рамках национальных проектов было сделано немало. Для работников как школьного, так и высшего образования была введена система материальных стимулов. 600 лучших школ получили по 1 млн рублей в целях дальнейшего совершенствования учебного процесса. Улучшилось обеспечение оборудованием и транспортом школ. Проводится массовая компьютеризация средних учебных заведений. Введена доплата за классное руководство. Реальным успехом можно назвать создание федеральных «Университетов XXI века», оснащённых самым современным оборудованием: Сибирского (г. Красноярск) и Южного (г. Ростов-на-Дону).

Тем не менее в целом национальный проект «Образование» социального положения учителей не улучшил. Острой остаётся нехватка преподавательских кадров. Не решена проблема обеспечения школы качественными учебниками.

В агропромышленном секторе возросло кредитование малых форм хозяйствования. Оказывается поддержка потребительским кооперативам. На программу газификации деревни выделены дополнительные средства.

Однако существенных перемен в жизни деревни и сельскохозяйственном производстве не наметилось. Не сняты проблемы с обеспечением сельскохозяйственной техникой и горюче-смазочными материалами.

Одним из самых сложных и проблемных остаётся национальный проект «Доступное и комфортное жильё гражданам России». Он готовился весь 2005 г. Стратегической целью государственной жилищной политики было провозглашено создание достаточного и комфортного жилищного фонда, доступного для всех категорий населения. Были сняты многие административные барьеры, тормозившие жилищное строительство, получила дополнительные стимулы ипотека. Однако принципиального сдвига к лучшему так и не произошло.

В целом есть все основания констатировать, что в ходе осуществления национальных проектов было допущено множество ошибок и даже нелепостей. Нередко бюджетные деньги просто «уходили в песок». Закупалось дорогое медицинское оборудование, для обслуживания которого не было мало-мальски подготовленного медицинского

персонала. Интернет, проведённый в школы, нередко некому обслуживать. Закупка породистого скота порой завершалась его гибелью (например, отправка австралийских коров на Сахалин). Махинации строительных компаний создали в стране массовую категорию обманутых, оставшихся без жилья пайщиков. Многие социальные начинания оказались сорванными или скомпрометированными резко возросшей коррупцией.

Было бы неверным игнорировать то обстоятельство, что некоторые категории населения почувствовали положительный эффект реализации национальных проектов. Тем не менее, многочисленные поспешные, непродуманные действия, недобросовестность чиновников, отсутствие эффективных взаимосвязанных механизмов реализации и, главное, слабость контроля нанесли (и продолжают наносить) удар за ударом по объективно оправданному курсу.

Пока национальные проекты и программы не только не избавили общество от множества накопившихся диспропорций, но и порождают немало новых социальных проблем, вызывающих очередные перекосы на рынке труда и стимулирующих поляризацию доходов в обществе. Это болезненно воспринимается населением.

Согласно опросам ВЦИОМ, с октября 2006 г. по июль 2007 г. доля россиян, положительно оценивающих национальный проект «Здоровье» выросла с 26 до 29%, а проект «Образование» — с 24 до 30%. Но доля тех, кто рассматривает эти проекты как неудачные, увеличилась гораздо значительней — с 36 до 61% и с 35 до 55% соответственно. Доля граждан, поставивших «неуд» проекту «Доступное жильё», выросла с 47 до 75%¹.

Нельзя обойти ещё одну жизненно важную для России проблему — демографическую. От её правильного решения зависят не только рост населения нашей страны, но и потенциал её рабочей силы, обеспечение промышленности квалифицированными кадрами. С начала 90-х годов началась естественная убыль населения, причиной которой стал не только низкий уровень рождаемости, но и высокая смертность населения трудоспособного возраста. Одновременно увеличилось число пенсионеров, обостряя проблему их социального обеспечения.

Решение демографической проблемы заложено в реализации ряда мер по поддержке семьи, увеличению семейных пособий и размера «материнского капитала», а также в целевой программе действий до 2012 г., основанной на указе президента «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию

¹ Smart Money. Аналитический деловой еженедельник. 2007. № 34.

соотечественников, проживающих за рубежом». Претворение в жизнь этой программы тесно связано с множеством различных нормативных актов и специальных подпрограмм. Они уже сформулированы, изложены на бумаге, но для реализации на практике этому начинанию предстоит пройти долгий путь.

Особое внимание надлежит уделить социально-психологическому и социально-политическому аспектам социальной политики. Реформы могут быть успешно осуществлены лишь в том случае, если опираются на прочную социальную базу, т.е. если их поддерживает и одобряет население. Положение с этим сейчас далеко не блестящее.

Стабильность общества всегда определялась наличием в нём среднего класса и его отношением к власти. Проблемы и перспективы реформирования социальной сферы в России во многом зависят от его численности и экономической мощи. Это подтверждается выявленной на опыте многих стран зависимостью между его экономическим благополучием и благосостоянием всего общества.

Поляризация доходов и размывание среднего класса ведут к снижению экономической эффективности и падению внутренней инвестиционной активности. Это в полной мере относится и к странам с переходной экономикой, какой является Россия. Важно и то, что средние слои, особенно занятые в СМИ и в сферах образования и культуры, имеют большие возможности воздействия на общественное мнение по социально-политическим вопросам. Слабая развитость среднего класса в России является причиной возникновения и консервации многих диспропорций и перекосов в социальной сфере и затрудняет её реформирование.

Что представляет собой средний класс России? По данным опросов, хотя в их точности нередко возникают сомнения, люди, причисляющие себя к среднему классу, составляют 7–8%. На Западе таковых как минимум 60%.

Из кого обычно состоит средний класс? Его составляют в основном три категории: чиновники, предприниматели (в основном малый и средний бизнес) и научно-техническая, научная и так называемая творческая (деятели культуры) интеллигенция.

Первая категория по размерам оплаты труда и должностным возможностям, безусловно, должна быть причислена к среднему классу. Это весьма многочисленный и стабильный слой. Только в сфере управления на всех уровнях занято, как отмечалось, почти 25 млн человек.

Сложней обстоит дело со второй категорией. Положение и доходы малого и среднего бизнеса весьма нестабильны. Их незначительной верхушечной части свойственна тенденция смыкания с крупным ка-

питалом. Этого, однако, нельзя сказать об основной массе мелких и средних предпринимателей. Им приходится постоянно бороться за сохранение основ своего существования, за то, чтобы в конечном счёте не выпасть «в осадок» из состава среднего класса.

Это же относится к интеллигенции. Некоторые её группы до поры до времени сохраняют относительно стабильные позиции. Однако к наиболее массовым категориям интеллигенции данная констатация не относится. Чувствует себя более-менее уверенно та её часть, которая работает в коммерческих крупных и устойчивых фирмах, хотя нынешний кризис подтачивает и её позиции. Гораздо хуже положение основного слоя интеллигенции, занятого в сфере образования, здравоохранения и науки. Все они оплачиваются за счёт бюджета, а, следовательно, крайне скупо. Во многих случаях их материальное положение не даёт оснований безоговорочно причислять их к среднему классу. Достаточно напомнить, например, что расходы бюджета на науку составляют всего 2%, что значительно меньше, чем в странах, слывущих развитыми. Это, естественно, не может не сказываться на экономических показателях России.

Ныне общепризнанно, что результаты интеллектуального труда — наиболее ценный капитал XXI в., а знания и информация — главный конкурентный ресурс. Очевидно, что комплекс усилий, предпринимаемых в стране, должен быть направлен на сохранение и возрождение её интеллектуального потенциала, а, следовательно, кадровых резервов, на поддержание и развитие апробированного многими десятилетиями опыта школьного, профессионального и высшего образования, на оснащение научных учреждений и учебных заведений современной информационной базой. Поэтому любые усилия в этом направлении заслуживают всяческой поддержки.

Условия успешного развития социальной сферы

Успешное развитие социальной сферы предполагает присутствие нескольких элементов, определяющих её функционирование. Это, прежде всего, наличие проработанной концепции социальной политики и социальной стратегии, в рамках которой решаются тактические задачи и новые проблемы, неизбежно возникающие в ходе развития общества. Выработка и реализация такой стратегии зависят, в первую очередь, от совместной деятельности научного сообщества и государства. Именно она определяет направление общего движения, создаёт

механизм реализации социальной политики, обеспечивает культуру управления социальной сферой, вносит решающий вклад в консолидацию общества. Происходит это с помощью политики социального партнёрства, в рамках которой плодотворно сотрудничают равноправные и социально ответственные партнёры: государство, гражданское общество и социально ответственный бизнес.

Апробированный десятилетиями в Европе, этот стиль общения необходимо прививать и в России, от формальных отношений между представителями государственной власти, бизнеса и профсоюзов переходить к социальным инновациям, уже выведшим социальное партнёрство на международный уровень.

Важной предпосылкой выработки и обоснования социальной стратегии является, прежде всего, наличие надёжной статистики и обширной объективной информационной базы. Расхождения между данными, представляемыми Росстатом и многочисленными независимыми центрами и агентствами, зачастую настолько велики, что не позволяют выстроить статистическую модель, на основании которой можно было бы чётко определять потребность в финансовых средствах и регулировать их потоки. Сведения о нецелевых расходах на социальные нужды поступают со всех уровней распределительного механизма. А отсутствие точных данных о подлинном количестве людей, затрагиваемых реформами, заставляет прибегать к дополнительному финансированию, не предусмотренному бюджетом. Вопиющим примером такого хода событий была описанная выше реализация политики монетизации льгот, когда оказалось, что число пенсионеров, подпадавших под реформу, почти на 1,5 млн превысило первоначально определённое.

Правомерно утверждать, что основные угрозы продвижению страны к демократии и социально ориентированной рыночной экономике исходят от неспособности власти в полной мере учитывать социальные последствия рыночных реформ. Не случайно в публичных выступлениях и печати всё чаще звучат призывы к «социальной стабильности», «социальной солидарности», «социальной справедливости». Современная социальная политика должна не только оказывать материальную помощь нуждающимся. Её главная задача — сформировать сплочённое общество, готовое защищать интересы своих граждан, и реализовать эту готовность путём социального партнёрства, т.е. через соединённые усилия равноправных партнёров: государства, социально ответственного бизнеса и организаций гражданского общества.

Несмотря на то, что некоммерческие (неправительственные) организации (НПО) и в целом гражданское общество проявляют себя в политической и социально-экономической жизни в разных регио-

нах нашей планеты с различной эффективностью, рост внимания к их деятельности практически повсеместен. Не является исключением и Россия.

В настоящее время проблеме построения гражданского общества в России уделяется серьёзное внимание. Это тем более важно, что у нас ещё нет до сих пор разработанной и нацеленной на перспективу концепции социального развития, как нет и гражданского общества в современном смысле этого понятия. В стране существует более 250 тыс. неправительственных организаций (НПО), но из них лишь 22% занимаются социально ориентированной деятельностью. А именно они и должны составлять лицо гражданского общества.

Созданная несколько лет назад Общественная палата, где собраны представители различных социальных и профессиональных групп, политических движений, призвана демонстрировать потенциал общества, его способность к достижению разумных компромиссов, озвучивать позиции населения, оценивать работу законодательных органов, контролировать деятельность исполнительных структур.

Многие акции Общественной палаты заслуживают бесспорного одобрения. Представляется, однако, что её деятельность была бы эффективнее, если был бы усовершенствован принцип её формирования. Пока же дееспособность палаты крайне ограничена. Да и сами НПО, как свидетельствуют опросы общественного мнения, слабо связаны с нуждами и запросами большинства граждан России. Это относится и к тем из них, которые по положению должны в полной степени проявлять свою социальную ориентированность, в частности, профсоюзам. Такие факторы, как потеря влияния и раздробленность профсоюзного движения, отрицательно сказываются на гражданственности активной части населения.

Возьмём, например, такой важнейший показатель, как доля наёмных работников, охваченных колдоговорным урегулированием в странах ЕС и в России.

Если в Европейском союзе этот показатель колеблется от 100% (Словакия) или 95% (Франция, Италия, Швеция, Бельгия) до 48% (Люксембург, Словакия), то в России же доля предприятий, охваченных колдоговорами, остаётся мизерной даже по сравнению с европейскими аутсайдерами¹.

Исследование, проведённое специалистами «Профцентра» в 2005 г., показало, что на более чем 3 млн предприятий России заключено менее

¹ Бонвичини Р. Социальное партнёрство и трудовые отношения в Европе. Приемлемы ли для России европейские модели? М., 2005. С. 50–51.

200 тыс. коллективных договоров, т.е. охват организаций колдоговорами составляет менее 7%¹.

Большую роль может сыграть установление конструктивного диалога НПО с социально ответственным бизнесом, тем более что вопрос о корпоративной социальной ответственности является одним из самых актуальных. Ассоциация менеджеров России при поддержке правительства разработала индекс КСО (корпоративной социальной ответственности). Доклад на эту тему включает данные о 300 российских компаниях, приводит показатели их вложений в социальную сферу, представляет динамику социальных инвестиций бизнеса в России, называет примеры позитивной практики². Российский союз промышленников и предпринимателей порекомендовал российским бизнесменам внедрять в своих компаниях международные стандарты социальной отчётности, принятые ООН и МОТ. Стандарт, предложенный Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, «Социальная отчётность предприятий и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации. Основные положения» подготовлен с учётом базовых принципов международных стандартов в области корпоративной социальной ответственности. К сожалению, попытки Минздравсоцразвития, которое в 2006 г. предложило унифицировать стандарты «социальной отчётности» в России, опираясь на международные образцы, не нашли поддержки. В то же время некоторые российские компании: «Уралсиб», «Норильский никель», «Полюс золото», РАО ЕЭС России, «УРСА Банк» направили свои социальные отчёты в международную базу данных GRI.

При поддержке руководства компании «ЛУКОЙЛ» профсоюзная организация МОПО «ЛУКОЙЛ» в 2002 г. приняла Социальный кодекс, а с 2005 г. там введена практика представления Отчётов о деятельности в области устойчивого развития³.

Отстаивая принципы корпоративной социальной ответственности, Правительство Российской Федерации активно ориентирует частный сектор на участие в решении социальных проблем в рамках взаимовыгодного диалога с властью.

Очевидно, что для России на повестке дня стоит необходимость решения проблемы создания равновесных партнёрских отношений

¹ Опыт и проблемы социального диалога в России и странах Европейского союза. Материалы международной научной конференции. М., 2005. С. 193.

² Цели развития тысячелетия в контексте России / Представительство ООН в РФ. 2005. С. 29.

³ Гражданское общество: общественный контроль и социальная ответственность бизнеса // Доклады Института Европы РАН. № 183. М., 2006. С. 70.

гражданского общества, бизнеса и государства. Это предполагает не только определение доли социальной ответственности каждого из них, но и формирование механизма взаимодействия, обеспечения общественного контроля над выполнением социальных обязательств.

Управление процессом социального развития, учитывая особенности России, среди которых неэффективность профсоюзного движения и слабость гражданского общества, — сложная задача, решающая роль в выполнении которой принадлежит государству. Учитывая специфику страны, традиции социальной ответственности государства, следует с осторожностью подходить к поспешной либерализации в этой области. При этом социальное развитие нужно рассматривать не как следствие экономического роста, но как его катализатор.

Размывание ответственности государства наряду с организационной неподготовленностью и финансовой слабостью средних и низших уровней власти могут создать множество дополнительных, трудно преодолимых проблем в ходе реформирования социальной сферы в России. Даже при возобновлении экономического роста, преодолении негативных последствий мирового финансово-экономического кризиса, повышенном внимании руководства страны к социальной сфере потребуются чрезвычайное напряжение сил, мобилизация совместных усилий называющего себя социальным государством, социально ответственного бизнеса и формирующегося в России гражданского общества для стабилизации социальной обстановки в стране, повышения уровня и качества жизни россиян.

Глава 26. Национально-этнические проблемы

Зарубежный опыт

Характерная черта современности — повсеместное обострение межэтнических противоречий во многих регионах, в том числе и в развитых странах евро-атлантического мира. Проблемы межнациональных и межрасовых отношений существенно воздействуют на социально-политический климат даже таких благополучных государств, как США, Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Испания.

Обострение национально-этнических противоречий имеет в разных странах различные корни и причины. В ряде случаев оно опреде-

ляется нерешённостью проблемы сохранения языковой и культурной самобытности этнических меньшинств (шотландцы и валлийцы в Великобритании, баски в Испании, корсиканцы во Франции, южные тирольцы и сицилийцы в Италии, франкоязычное население Канады). Значительную остроту приобрели противоречия между коренным населением западных государств и возросшими потоками мигрантов с юга и востока, культурные и поведенческие нормы которых не всегда укладываются в европейские рамки.

Всё это повлекло за собой «размывание» сложившегося ранее более или менее однородного общества и привело к новым конфликтам или к обострению старых. Многочисленные встречи и конференции, посвящённые обсуждению национально-этнических проблем, свидетельствуют о поиске их участниками новых, нестандартных решений. Логика рассуждений по этому вопросу сводится в основном к следующему.

Практически все страны мира имеют сложный национально-этнический состав. Между тем далеко не все этносы, находящиеся в вынужденном или добровольном союзе с сильными, государствообразующими нациями, могут претендовать на создание «своих» государств. Во многих странах сложились представления о нации как социальном сообществе граждан, о «нации-государстве», основанном на сосуществовании этносов, объединённых общей государственной принадлежностью и титулом (англичане, французы, американцы). В современном мире нации-государства не являются единственной формой государственного образования. Вместе с тем их наличие уже повлияло на общий миропорядок и даже на формирование международного политического лексикона (отсюда — Организация Объединённых Наций, национальный доход, национальные интересы и т.д.).

Понимание нации как «нации-государства» сложилось ещё в эпоху Великой Французской революции и было связано с утверждением идей, выдвинутых идеологами французского Просвещения. Постулаты «суверенитета народа (нации)» были заложены в Конституции Франции 1791 г. и несколько ранее — в Декларации независимости США.

Принцип национального самоопределения, обоснованный в январе 1918 г. президентом США В. Вильсоном, стал в европейском мире господствующим после Первой мировой войны. Не только создатели национальных государств в Европе, но впоследствии и наиболее видные лидеры антиколониальных движений (Махатма Ганди, Нельсон Мандела) придерживались его в своей политической практике. На этой же основе выстраивались после Второй мировой войны концептуальные основы международного права.

Идея национального самоопределения была закреплена в Уставе ООН, но не как «право», а как «принцип», поскольку юристы так и не смогли договориться о том, как толковать термин «народы» — как этнические группы или группы, идентичные всему населению страны¹. В 60-е годы XX в. право народов на самоопределение было продекларировано в двух «твёрдых» (т.е. обязывающих) источниках международного права — Международных пактах о правах человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1966 г. Советский Союз ратифицировал эти документы в 1973 г.

Не все теоретики и практики соглашались с закреплённой в них постановкой вопроса, ссылаясь на то, что до сих пор не найдены реальные возможности выявления воли народа (или нации), в то время как в рамках существующих «государств-наций», в том числе и европейских, проходят сложные процессы формирования самосознания входящих в них этнических групп, утверждения их идентичности, и что они становятся мобилизующей силой общественных движений, направленных на достижение собственной государственности. Что же касается референдумов как возможного инструмента решения спорных вопросов, то большинство специалистов считает их проведение, особенно в современных условиях, когда межэтнические конфликты сопровождаются изгнанием большого числа жителей той или иной территории, необоснованным и даже опасным.

На этой основе возникли теории и практика национализма — термина, который в понимании одного из наиболее известных западных исследователей Э. Геллнера «не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения. Он употребляется для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали»². Иными словами, английский теоретик утверждает, что национализм возникает по мере роста этнической самоидентификации в условиях несовпадения государственных границ и ареалов расселения этнических (национальных) групп населения. На этой же основе формируются и сепаратистские движения в том случае, если идеи национального самоутверждения не находят возможности реализации в рамках существующих государств.

Попытки создания «государств-наций» в соответствии с принципом гражданской общности (некоторые из западных исследователей характеризуют его как принцип «этнического салата») не всегда приводили к позитивным результатам даже в западноевропейских госу-

¹ Право народов на самоопределение. Идея и воплощение. М., 1997. С. 11.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1992. С. 5.

дарствах (достаточно в этой связи упомянуть проблемы Ольстера, Страны Басков или Северной Италии). Что же касается молодых государств Азии, Африки или же регионов Балкан и Кавказа, то пренебрежение интересами этнических и национальных меньшинств неизбежно приводило (и приводит по сей день) к острым, в том числе и вооружённым конфликтам.

Соединённые Штаты Америки в силу особого характера формирования страны на основе постоянного притока мигрантов в течение долгого времени пропагандировали идею «плавильного котла» как оптимальную основу нивелирования и дальнейшего сосуществования этнических, национальных и расовых групп населения. Но в последнее время американские политологи постепенно склоняются к выводу о недостаточной эффективности «плавильного котла» и его способности привести разнородные этнические и конфессиональные группы населения к единому знаменателю. «Этнический салат», предполагающий необходимость должного уважения культурно-национальных и других прав меньшинств, представляется им более оптимальным решением в условиях общего нарастания процессов национального самоутверждения.

Какими же в свете сказанного представляются возможности решения национального вопроса в современной России с её весьма сложным национально-этническим составом, пестротой региональной специфики и множеством конфессий?

Этнический и конфессиональный состав российского общества, его формирование и эволюция

В силу исторических причин Россия складывалась веками как многонациональная держава, расширяя территорию в поисках безопасных границ, попутно присоединяя и в ряде случаев ассимилируя проживавшие на сопредельных территориях народы, не имевшие своей государственности. Согласно переписи 1897 г., в которой не было вопроса об этнической принадлежности, но был вопрос о родном языке, 47% населения Российской империи назвали таковым русский, 19% — украинский, 5% — белорусский. Если учесть, что многие жители тогдашней России, не будучи русскими, также говорили на русском языке, то можно предположить, что уже к концу XIX в. русские не были преобладающим по численности этносом.

Жившие в России народы отличались друг от друга не только языком, но и образом жизни, культурными традициями, уровнем общест-

венно-экономического развития, наконец, религией — православные составляли 70,8% населения, католики — 8,9%, мусульмане — 8,7%¹. К этому следует добавить, что в разделённой на губернии Российской империи этнические группы населения, за отдельными исключениями (Финляндия, Польша, Бухара), не имели «своих» территорий.

Не все этнические группы Российской империи пользовались равными правами — достаточно в этой связи вспомнить пресловутую «черту осёдлости» для еврейского населения. В целом же Россия была конгломератом народов и культур, так или иначе связанных государственностью. Можно предположить, что со временем на большей части территории России на основе синтеза множества национальных и этнических групп сложилась бы «нация-государство», т.е. гражданская нация в её современном понимании. Важно при этом учитывать, что на протяжении веков весомым фактором формирования российской государственности и русской культуры являлись «нерусские» (неславянские) этнические группы. Вливаясь в общее государственное и культурное пространство, они способствовали созданию образа России.

В этой связи достаточно вспомнить лишь несколько наиболее значимых имён. М.Ю. Лермонтов по отцовской линии был потомком шотландцев, по матери происходил из рода обрусевших татарских мурз, а воспитывала его бабушка Е.А. Арсеньева, принадлежавшая по отцу к известному русскому роду Столыпиных. Африканские корни А.С. Пушкина хорошо известны, но, согласно некоторым исследованиям, род Пушкиных восходил и к прямым потомкам Рюриковичей, т.е. имел скандинавские корни. Такие известные русские деятели, как М.И. Кутузов, А.П. Ермолов, Н.М. Карамзин, К.С. Аксаков, А.И. Куприн, И.С. Тургенев, П.Я. Чаадаев, имели татарское происхождение. А.А. Фет и А.А. Блок, не говоря уже о большинстве российских императоров, имели немецкие корни. Этот список можно было бы продолжить.

Вместе с тем идеи «особости» русских или их обособления от «иноплемен» неоднократно возникали на различных этапах российской истории. Становясь знаменем наиболее реакционных политических группировок, они не находили поддержки в широких слоях русского народа, который, по определению Ф.М. Достоевского, обладал умением «понимать и принимать все другие народы».

Русский национализм (если его понимать в уже упомянутой трактовке Э. Геллнера) в прошлом редко был обращён против «своих». Он, скорее, служил защитной реакцией от внешней угрозы. В этом сказывался инстинкт многовекового поиска безопасных границ и их защи-

¹ Национальная политика России. История и современность. М., 1997. С. 43.

ты от вторжения, но в ещё большей степени — само происхождение тех, кто сегодня называет себя русскими или великороссами.

Как это уже отмечалось, нынешние русские — это не просто потомки жителей Киевской Руси, Великого Новгорода, Пскова или Московии. В них течёт славянская, скандинавская, татарская кровь. Они ассимилировали множество финно-угорских и кочевых племён. Позднее в них влилась кровь приезжавших на службу к русским царям немцев, шведов, шотландцев, выходцев из Центральной Европы, Балкан, Ближнего Востока. Именно поэтому Россия была одной из немногих стран мира, где на предшествующих этапах истории «плавильный котёл» создал сильный в своей основе русский этнос, сформировавший Российское государство, в которое вошли другие народы с их государственными образованиями или не имея таковых¹.

Каким же видели национально-государственное устройство России политические партии и движения начала XX в.?

Как следует из документов, представлявшие правое крыло русского либерализма октябристы утверждали, что «жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для её внутреннего процветания» являются «ограждение единства её политического тела, сохранение за её государственным строем исторически сложившегося унитарного характера». В отличие от них главная политическая организация российских либералов — конституционалисты-демократы (кадеты) признавали за народностями империи право на самоопределение, но сводили его к праву на культурное самоопределение также в рамках унитарного государства². Российская социал-демократическая партия (оба её крыла — как большевистское, так и меньшевистское), провозглашая право народов на самоопределение, видела его в широком местном, областном самоуправлении для тех территорий, которые отличались «особыми бытовыми условиями»³.

Крушение Российской империи и последующее образование СССР внесли кардинальные изменения в характер национальной политики. На этапе борьбы против самодержавия В.И. Ленин исходил из необходимости сохранить унитарное государство. «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негод-

¹ Медведев Н.П. Национальная политика России. М., 1993. С. 101.

² Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 37, 43.

³ Там же. С. 47–49.

ный тип для одного государства», — утверждал он в письме С. Шаумяну в декабре 1913 года¹.

В период от Февраля к Октябрю 1917 г. идею федеративного устройства будущей России отстаивали, прежде всего, национальные партии и движения. «Свобода неотделима от федерации, спасение России в её федерализации» — это заявление главы украинской Центральной Рады М.С. Грушевского было поддержано лидерами других национальных движений. Эту же идею провозгласило и Временное правительство с оговоркой о необходимости решения вопроса Учредительным собранием².

Что же касается В.И. Ленина, то анализ сложнейших этно-национальных процессов поколебал его первоначальные представления о преимуществах централизованного унитарного государства. После Октября 1917 г. и начала Гражданской войны возникла также необходимость привлечения на сторону советской власти политиков национальных окраин бывшей империи. Это, в свою очередь, привело к признанию неизбежности федерации, правомерности появления самостоятельных национально-государственных образований, вступающих между собой в договорные отношения, а также к необходимости создания культурно-национальных автономий. Впрочем, широко известно, что значительная часть соратников Ленина (за исключением представителей национальных окраин) на первых порах оказалась не готова к принятию предложенной им принципиально иной трактовки решения национальной проблемы³.

При образовании СССР возобладали теоретические установки решения национального вопроса, ориентированные на признание территориального самоуправления наций и народностей в рамках единой государственности (выдвинутая Сталиным идея «автономизации»). Сегодня можно предположить, что, настаивая на её реализации, он уже тогда исходил из внутреннего убеждения о необходимости воссоздания «единой и неделимой Российской империи» (в этом он, как ни странно, сходиллся во мнениях с лидерами белой эмиграции), а также из тезиса о подчинённости национального вопроса вопросу о власти.

Нельзя не заметить, что в последующем утверждении новой, по определению А. Авторханова, «идеократической» империи, сыграли свою роль и всё ещё бытовавшие на уровне общественного сознания идеи великодержавия, высокомерного отношения к национальным меньшин-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. С. 234–235.

² Несостоявшийся юбилей... С. 56–63.

³ Там же. С. 9.

ствам («нацменам», как их пренебрежительно называли). В очевидном противоречии с «классовым подходом» к оценке политических проблем общие результаты интенсивной и весьма успешной территориальной экспансии России в XVIII–XIX вв. стали объясняться её особыми мессианскими свойствами, а насильственное присоединение нерусских народов — расцениваться как необходимый и объективно прогрессивный акт. Эта тенденция особенно усилилась в 30–40-е годы.

В итоге СССР сложился как союз «титulyных» наций (народов) в особом варианте, при котором одни имели ограниченную государственность в одной форме, другие — в другой, а третьи не имели её вовсе или, хуже того, были лишены государственности за «преступления нации»¹. Иерархическая соподчинённость союзных и автономных республик ещё более осложняла и запутывала положение. К тому же «титulyные» этносы этих республик далеко не во всех случаях были доминирующими — в 53 республиканских и автономных образованиях бывшего СССР лишь 10 народов насчитывали, по данным переписи 1989 г., две трети и более от общей численности населения «своих» образований. В 11 случаях титulyное население составляло от 50 до 30%, в четырёх — от 30 до 20%, в девяти — от 20 до 10%, в 14-ти — от 10 до 0,45%². В целом же в 80-е годы около 60 млн жителей СССР жили за пределами «своих» национальных образований.

В условиях господства тоталитарного (авторитарного) режима и присущих ему методов «национальной политики» этот своеобразный «этнический салат» не мог не породить подспудного роста национального самосознания, а в ряде случаев — и протеста, что было связано со стремлением сохранить и утвердить свою этническую самобытность. И уже к началу 80-х годов многие исследования зафиксировали массовый всплеск национального самосознания народов как на общественном, так и на личностном уровнях.

В начале 90-х годов это проявилось в стремлении многих этнических групп Российской Федерации расширить сферы применения родных языков, для чего были разработаны специальные программы их развития. В ряде республик (Чувашской, Тувинской, Калмыкии, Саха-Якутии, Татарстане, Коми, Мордовии, Дагестане и Башкортостане) были приняты законы о языках, придававшие им статус второго государственного языка³. В то же время у части населения националь-

¹ Кукушкин Ю., Барсенков А. и др. К вопросу о концепции национальной политики Российской Федерации // *Этнополис*. 1992. № 1. С. 86.

² Медведев Н.П. Указ. соч. С. 18.

³ Там же. С. 51.

ных республик, напротив, сохранился и даже возрос «языковой нигилизм», проявляющейся в нежелании знать родной язык из-за его «непрестижности».

После распада СССР и образования многоэтнической Российской Федерации проблемы национального самосознания не только не отошли на второй план, но ещё более обострились. Поиск своей национальной идентичности и своего отличия от других по принципу «мы» — «они» в ряде случаев стал перерастать в противостояние по формуле «они не такие, как мы» или «они хуже, чем мы». Положение усугублялось общим понижением жизненного уровня по мере проведения экономических реформ, расширением миграций, возникновением политико-этнических конфликтов. На этом фоне и появились такие термины как «лица кавказской национальности», «оккупанты», «пришлые», «чёрные», ставшие проявлением национальной нетерпимости и национального эгоизма, не свойственного многим прежним этапам российской истории¹.

Иными словами, процессы российской модернизации выдвинули на первый план категорию национальных интересов. Следующим шагом к раскрытию этой категории стала трактовка национальных интересов как государственных (общероссийских) или, напротив, достаточно узких интересов отдельных этнических групп.

Противопоставление «мы» — «они» приобретало особенно острый характер, когда речь заходила о возможности (необходимости) создания на основе или же в рамках России Русского государства. Эта идея наряду с предложениями о восстановлении губернизации России неоднократно выдвигалась ещё до распада СССР отдельными партиями и группировками. В 90-е годы она также обсуждалась в ходе парламентских дискуссий, на научных форумах и в научно-политических изданиях². Независимо от своей политической ориентации, её сторонники обосновывали свои позиции тем, что русские, составляющие в современной России большинство (более 80%), не имеют своей государственности в отличие от других, гораздо менее многочисленных этносов.

Обострение активных дискуссий о судьбах русских пришлось на середину 90-х годов, когда в обсуждение этой проблемы включились сторонники либерального направления. Некоторые из них (как

¹ Диалоги психологии национальных конфликтов // Дружба народов. 1992. № 7. С. 171–184.

² См., например: Абдулатипов Р.Г., Болотенкова Л.Ф. Россия: в чём суть своего бытия? М., 1994. С. 301–302.

Г.Х. Попов) возвращались к идее губернизации России, которую поддерживал и А.И. Солженицын. Наиболее опасными стали в этот период крайние формы «русского национализма». По оценке известного историка А. Янова, складывающаяся ситуация оказывала косвенное воздействие и на внешнеполитические решения, не соответствовавшие реальным интересам России¹.

Высказанные в те же годы предложения о создании Русской республики исходили, прежде всего, от сторонников так называемого «пансамоопределения»². Не только патриоты-почвенники, но, например, и имевший высокий дипломатический ранг В.П. Ступишин полагали, что Россия должна стать «Русским государством» для всех сознающих себя русскими людьми, независимо от конфессиональной принадлежности, что за инациональными общностями должно быть признано естественное право на самоопределение там, где они составляют компактное большинство — от культурно-национальной автономии до отделения и превращения в субъект международного права, в том числе и в отношениях с Русским государством³.

На протяжении 90-х годов велись также дискуссии по поводу самого этнонима: «русские» или «россияне». При этом понятие «россияне» нередко подвергалось критике. Между тем используемое для обозначения всех граждан России, независимо от их этнической принадлежности, оно могло бы в перспективе быть положено в основу формирования «нации-государства».

Национальная политика Российской Федерации (1990-е годы)

Созданная после распада СССР Российская Федерация, как уже отмечалось, в отличие от большинства других бывших союзных республик осталась многоэтничным государством, в границах которого проживают более 100 национальностей. Русские живут на всей территории Федерации, численно преобладая в большинстве регионов и городов страны. Другие крупные национальности: татары — 5,5 млн человек, украинцы — 4,4 млн, чуваша — 1,8 млн, башкиры — 1,3 млн, белорусы — 1,2 млн, мордва — 1,07 млн, чеченцы — 899 тыс. (до 1994 г.), немцы — 842,4 тыс. (до 1990 г.). В то же время некоторые на-

¹ Янов А. После Ельцина. М., 1995. С. 15.

² Медведев Н.П. Указ. соч. С. 43.

³ Ступишин В. Русская нация и Русская республика // Независимая газета. 15.02.1997.

роды Севера (орочи, алеуты, негидальцы) или же Северного Кавказа (шапсуги) насчитывают лишь по несколько сот человек¹.

Российские этносы различаются не только по численности, наличию или отсутствию своих автономных образований, но и по типу хозяйственно-культурной деятельности, социально-профессиональной структуре. Ареалы их расселения почти повсеместно не совпадают с границами внутрироссийских республик. А десятки миллионов россиян — это потомки смешанных браков или же члены этнически смешанных семей. В ходе длительного совместного проживания практически все нерусские этносы испытали на себе сильное воздействие русской культуры и обладают достаточным знанием русского языка.

В годы советской власти национальная политика в отношении этносов, не имевших своих автономий, имела противоречивый характер. С одной стороны, прилагались демонстративные усилия для «подъёма культуры и экономики отсталых народов», их приобщения к русской культуре и письменности, с другой же — не принималось во внимание наличие у них самобытных, по-своему уникальных ценностей культуры, многие из которых сегодня безвозвратно утрачены.

Неоднозначным было и положение самой Российской Федерации. С одной стороны, Россия была в СССР опорой союзного центра, с другой же — во многом утратила свою самостоятельность. Руководящие органы РСФСР были в значительной степени фиктивными по сравнению с аналогичными структурами союзных республик, и даже правящая коммунистическая партия до 1990 г. не имела в России своего руководства.

Положение изменилось в 1990 г. с избранием на пост председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина, который был сторонником расширения полномочий союзных республик. По сути, он выступал за свободную конфедерацию или создание на договорной основе союза государств, которые делегировали бы федеральному центру лишь ограниченный объём полномочий. После разрушения СССР он предложил подобную же модель национальным республикам России в соответствии с его знаменитым «мотто»: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»

Вместе с тем национальная политика России стала постепенно приобретать новые измерения — были отменены необоснованные акты, нарушавшие права отдельных народов и этнических групп, в апреле 1991 г. был принят закон «О реабилитации репрессированных на-

¹ Медведев Н.П. Указ. соч. С. 366.

родов». Будучи разработан без учёта сложившихся реалий, он впоследствии породил целый ряд новых противоречий, но первоначально он привлёк на сторону тогдашнего руководства РСФСР многих представителей ранее репрессированных народов.

В целом же в 1990-е гг. был взят курс на разработку новой концепции национальной политики, которая была бы ориентирована на разгосударствление сферы межнациональных отношений, преодоление ориентации на декларативность и в то же время недостаточное обеспечение реальных прав народов на сохранение и развитие своих культурных ценностей, использование природных ресурсов¹.

Общие контуры национальной политики были очерчены в Федеративном договоре (март 1992 г.) и закреплены принятой в декабре 1993 г. Конституцией Российской Федерации. По Конституции единственным носителем суверенитета России является её многонациональный народ. Следовательно, любые действия отдельных органов государственной власти, волеизъявления населения входящих в её состав республик, представляющих лишь часть многонационального народа страны, не могут считаться правовыми акциями. Тем более противоречит Конституции Российской Федерации провозглашение государственного суверенитета республик, не имеющее поддержки всего многонационального народа, хотя на практике именно такого рода положения закреплены в конституциях ряда национальных республик.

Согласно Конституции 1993 г., из тогдашних 89 субъектов Российской Федерации 21 являлись национальными республиками, 11 — автономными округами и один — автономной областью. Все субъекты Российской Федерации провозглашались равноправными, существующими в едином правовом пространстве. Конституцией были сохранены, как правило, прежние наименования национальных субъектов Федерации, что объяснялось желанием обеспечить историческую преемственность. Принятые в первой половине 90-х годов конституции республик считались частью общей правовой системы и должны были соответствовать Основному закону, хотя на практике наряду с уже упоминавшейся проблемой суверенитета вскоре выявился ряд несоответствий между республиканскими и общероссийскими законодательными актами.

Так, явно противоречат основному закону Российской Федерации, конституции ряда республик (Саха-Якутия, Тыва, Татарстан, Башкортостан, Бурятия, Дагестан), которые объявили землю, недра, воды, растительный и животный мир достоянием (собственностью) народов,

¹ Там же. С. 369.

проживающих на территориях республик¹. Что же касается государственных языков, то положение о них во всех конституциях национальных республик установлено в соответствии со статьёй 68 Конституции Российской Федерации, кроме Чеченской Республики и Тывы. В последней единственным государственным языком был признан тувинский, а русский определён как общефедеральный и государственный язык². Подобного рода разночтения в известной мере определялись несоответствием ряда положений Федеративного договора и Конституции Российской Федерации.

Предусмотренная Конституцией «асимметричная федерация» стала, тем не менее, одним из вариантов сохранения целостности Российской Федерации и в 1994–1995 гг. была закреплена Договорами между государственными органами Российской Федерации и государственными органами субъектов Федерации. При формировании правового пространства Российской Федерации и подготовке федеральным центром договоров с национальными республиками выявился конфликт с территориальными субъектами Федерации — областями и краями, проявившими недовольство сложившимся ещё в годы советской власти несправедливым, по их оценке, перераспределением национального дохода в пользу «отстающих национальных окраин»³. При этом указывалось также, что природные богатства «окраин» зачастую превышают соответствующие резервы центральных областей.

После продолжительного «перетягивания каната» области и края настояли на выравнивании прав всех субъектов, на упразднении в отношении республик слова «суверенные» и не включении в Конституцию Российской Федерации права на самоопределение вплоть до выхода из состава Федерации. В сложившихся условиях федеральным центром была выдвинута компромиссная идея национально-культурной автономии, и в 1996 г. был принят соответствующий закон, предоставивший этническим обществам право на сохранение, развитие и использование национального (родного) языка; на получение основного общего образования на родном языке, на выбор языка воспитания и обучения; на сохранение и развитие национальной культуры. Закон предоставлял национально-культурным автономиям право на получение бюджетного финансирования общественно значимых про-

¹ Дробизева Л.М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 179.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 53.

грамм национально-культурного развития¹. В действительности, однако, национально-культурная автономия не имеет, по мнению ряда исследователей, практического применения, рассчитанного на защиту меньшинств в любом смысле².

В конечном счёте вопреки настояниям сторонников «унитаризма» при определении национально-государственного устройства Российской Федерации возобладал промежуточный вариант, сочетавшийся с записанным в Конституции положением о равенстве прав всех граждан. При этом был учтён как российский, так и мировой опыт структурирования государства, состоящего из субъектов, входящих в него на разных основаниях (статус Польши и Финляндии, а также система управления среднеазиатскими землями в Российской империи, особый статус Луизианы и Пуэрто-Рико в США, провинции Квебек в Канаде, Баварии и Саксонии в ФРГ)³.

В целом можно констатировать, что в 90-е годы прошлого века в Российской Федерации сложилась сложная система отношений между Центром и республиками, постепенно присвоившими себе целый ряд полномочий, которыми по Конституции они не обладали. Во многих случаях «разделение предметов ведения» строилось на личных договорённостях между Б.Н. Ельциным и главами республик, в то время как их местные законодательные собрания в большинстве случаев находились в оппозиции Кремлю.

Несоответствия федеральной и республиканских конституций породили своего рода «войну законов», усилившуюся в результате противоречившего Конституции фактического разделения субъектов Федерации на «доноров» и «реципиентов» в зависимости от их участия в пополнении или использовании общефедеральных доходов. К тому же ряд национальных республик, игнорируя признанные ранее конституционные нормы, стал предпринимать действия, не согласованные с федеральным центром. Так, Тыва, Татарстан, Краснодарский край, Дагестан, минуя федеральный центр, подписывали международные договоры и создавали собственные силы безопасности; Башкортостан признал суверенитет международно не признанной республики Абхазия; Якутия ввела английский язык в качестве официального; Бурятия, Карелия, Северная Осетия и некоторые другие республики при-

¹ Национальные отношения. Отечественные и международные правовые документы. М., 1998. С. 57–72.

² *Осипов А.Г.* Является ли национально-культурная автономия в России инструментом защиты меньшинств? // Вестник Института Кеннана в России. М., 2006. Вып. 9. С. 53.

³ *Дробизева Л.М. и др.* Указ. соч. С. 179.

няли закон, позволяющий им самочинно объявлять чрезвычайное положение; Ингушетия легализовала многожёнство¹.

Огромный ущерб целостности и стабильности Российской Федерации нанесли военные действия на территории Чеченской Республики. Как первый, так и второй этап чеченской войны повлекли за собой дестабилизацию обстановки практически во всех северокавказских республиках, где и без этого уже в начале 90-х годов возник ряд острых конфликтов, обусловленных сложными межэтническими отношениями, в частности, проблемой разграничения территорий.

Всё это со всей остротой поставило перед властью проблему укрепления федерации и полного приведения в соответствие федеральных и республиканских правовых актов. Однако, как свидетельствует мировой опыт, отмена или ограничение уже существующих привилегий повсеместно сталкивается с упорным сопротивлением.

Что дальше? Возможные варианты национально-государственного развития России

Начало новому этапу национальной политики было положено разработкой и введением в действие в 1996 г. Концепции государственной национальной политики, в которой были сформулированы её общие цели, основные задачи и принципы. В дальнейшем был принят ряд федеральных законов, конкретизирующих положения Концепции, а в ряде субъектов Федерации — собственные местные законы, регулирующие сферу межнациональных отношений и имевшие преимущественно рестриктивный характер².

Дальнейшее развитие событий и «ограничительные» меры правоохранительных структур, принимаемые не только в отношении нелегальных мигрантов из стран СНГ, но и «лиц неславянской национальности» — граждан Российской Федерации, поставило под вопрос характер реализации правовых основ национальной политики. «Складывается ощущение, что идёт война, — комментировал ситуацию известный эксперт по проблемам межнациональных отношений Алексей Малащенко. — Причём воюют не с одними кавказ-

¹ Независимая газета. 19.01.2002.

² См.: Вынужденные мигранты на Северном Кавказе. Правовые основы и практика регулирования вынужденных миграций в субъектах Российской Федерации. М., 1997.

цами. Воюют со всеми — с узбеками, таджиками, евреями, украинцами. И в СМИ это воспроизводится изо дня в день»¹.

На этом фоне становится всё более заметной деятельность праворадикальных националистических групп, в числе которых наибольших «успехов» не только в центре, но и на местах добилось Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Используя смесь националистических и социальных лозунгов и отказавшись в пропаганде от антисемитизма, оно переформулировало этническую ксенофобию в социально «более приемлемое» отвержение мигрантов, под которыми подразумеваются приехавшие в «традиционно русские области» с Юга и Востока «этнически чуждые» элементы². Ориентация на антииммигрантские настроения в сочетании с поддержкой социального протеста выдвинула лидера ДПНИ А. Поткина (выступающего под псевдонимом «Белов») в число наиболее заметных представителей российского этнонационализма.

Антииммигрантские настроения являются сегодня лишь частью того явления, которое всё чаще обозначается как «русский национализм». Исследующие его практические аспекты социологи Лев Гудков и Борис Дубин указывают, в частности, на такие его существенные характеристики, как:

- убеждённость в превосходстве русских над другими народами и, соответственно, ориентация на их особые права и преимущества при весьма слабом оправдании этих претензий;
- представление об органическом единстве русских, их тождестве «по крови», которое обусловлено историческими судьбами Российской империи и воплощено в символическом характере единоначала верховной власти;
- изоляционизм, антиевропеизм и антизападничество, предполагающие использование идеологом «враг», «враждебное окружение», проекций подозрительности и недоброжелательства на другие страны в сочетании с представлениями о внутренней экспансии нерусских, угрожающих существованию России³.

Этот комплекс идей можно обнаружить у представителей самых разных политических и мировоззренческих лагерей и общественных страт. Как показывают многолетние социологические исследования,

¹ Малащенко А. Что прочтёшь сквозь газетные очки? // Панорама содружества. 2006, ноябрь. С. 25.

² Русский национализм. Идеология и настроение. М., Октябрь 2006. С. 1.

³ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма. Почему в нём отсутствует мобилизующее, модернизационное начало // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2(29). С. 8–9.

на протяжении всех лет после распада СССР в России наблюдался рост ксенофобии. В 2006 г. доля тех, кто полностью или частично принимали лозунг «Россия для русских», выросла до 55% (в 1998 г. она составляла 43%), а число тех, кто не согласен с этим лозунгом, упало с 32 до 18%¹.

Можно обозначить наиболее опасные последствия ситуации, сложившейся в сфере межнациональных отношений, для дальнейшего развития России.

Происходящие в различных городах и регионах убийства «инородцев» не только насаждают в окружающем мире негативный образ России, но и ограничивают приток трудовой миграции². Нарастание межнациональных противоречий в основных регионах России и всплеск «русского национализма», естественно, порождают ответную реакцию в национальных республиках Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Западной и Восточной Сибири. Усиливается отток из них русского населения, и, соответственно, повышается доля титульных этносов. Это, в свою очередь, при определённых обстоятельствах может стать предпосылкой нового оживления сепаратизма. Наконец, в отличие от «классических» западных версий национализма или национализмов стран «догоняющего развития» русский национализм не имеет модернизационной программы развития или хотя бы её отдельных элементов и поэтому должен рассматриваться как тупиковый. В его контексте любые программы реформ могут выглядеть как «антирусские» или «антинациональные»³.

В чём же состоит (или могла бы состоять) стратегия нашей национальной политики?

Начавшийся в 2003 г. процесс объединения граничащих и экономически взаимосвязанных субъектов Российской Федерации затронул, прежде всего, края и области с входящими в их состав автономными, т.е. национально окрашенными округами. В 2003–2009 гг. число субъектов Российской Федерации сократилось с 89 до 83 за счёт упразднённых автономных округов, входивших в состав Красноярского края и Иркутской области, а также Пермской, Читинской и Камчатской

¹ Русский национализм. Идеология и настроение. С. 264.

² См.: Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. С. 6–7.

³ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 9.

областей, повышенных до уровня краев. Все они вошли в состав восьми федеральных округов — Центрального, Южного, Северо-Западного, Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Приволжского и недавно созданного Северо-Кавказского, возглавляемых полномочными представителями Президента Российской Федерации.

Дальнейшее развитие процессов укрупнения приостановилось и уже не представляется однозначным и необходимым — в отличие от легко реализованной реинтеграции малонаселённых¹ и, как правило, дотационных областей, попытки реинтеграции встречают неприятие и противодействие со стороны самостоятельных и самобытных республик, не желающих утрачивать свою государственность. Это стало очевидным на примере национальных республик Северного Кавказа, где предполагалось объединение Чечни и Ингушетии, Адыгеи и Краснодарского края, создание Адыгской (Черкесской) республики посредством объединения Адыгеи, Кабарды и Черкесии, создание Караево-Балкарской республики.

О несостоятельности объединительных проектов на Северном Кавказе красноречиво говорит тот факт, что одно лишь обсуждение возможности объединения Адыгеи с Краснодарским краем вызвало взрыв возмущения на местном уровне и многочисленные протесты зарубежной черкесской (адыгской) зарубежной диаспоры. Несостоятельными оказались и попытки ограничить правосубъектность таких республик, как Татарстан и Башкортостан.

Очевидно, что восстановление в полном объёме «губернской» системы управления, которая исторически могла сыграть роль «плавильного котла» хотя бы на части территории Российской империи, сегодня невозможно. Национальный вопрос приобретал на различных этапах российской истории неоднозначные измерения, но в конечном счёте процессы формирования этнических и национальных групп в рамках территориальных ареалов их этногенеза возобладали над тенденциями к их ассимиляции. В российском варианте, который напоминает не «этнический салат», а, скорее, «слоёный пирог», чрезвычайно важно сочетать возможности этнической самобытности с интеграцией этнических групп в единое общероссийское пространство. Дальнейшее же развитие будет во многом определяться воздействиями информационной революции и общемировых процессов глобализации.

Другими аспектами национальной политики 2000-х гг. были: принятие в 2005 г. федерального закона, в соответствии с которым рус-

¹ Население 6 упраздненных областей — 0,3% населения России.

ский язык был объявлен государственным на всей территории России¹; отмена прямых выборов руководителей краев, областей и республик (президентов и губернаторов).

Первоначально, в соответствии с поправками к Закону о местном самоуправлении губернаторские выборы были отменены, и начиная с 2003 г. право выдвижения кандидатов на пост губернатора было передано президенту Российской Федерации, что было охарактеризовано оппозиционными СМИ как «шаг назад на пути движения к демократии»². Согласно принятому в 2009 г. Закону, процесс подбора и утверждения руководителей российских регионов проводится законодательными собраниями этих регионов (почти во всех законодательных собраниях на нынешнем этапе большинство имеет «Единая Россия»), но президент вправе согласиться с этими предложениями или отклонить их³.

Предложения о возвращении практики прямых выборов неоднократно выдвигались представителями ряда регионов — Татарстана, Башкортостана, Нижегородской области, Москвы, но, как разъяснил ситуацию представитель администрации президента В. Сурков, «мы не пойдём на поводу у некоторых либеральных деятелей, которые говорят, что чем больше выборов, тем лучше. Это не так»⁴.

Опираясь на международный опыт, специалисты указывают на три дальнейших возможных направления российской национальной и федеральной политики⁵:

- государственный патернализм, т.е. такой вариант, при котором с помощью государственных ресурсов оказывается целенаправленное воздействие на развитие тех или иных процессов, корректировка их темпов посредством предоставления соответствующих льгот, выделения квот и т.д. Такой подход практиковался в Советском Союзе в отношении коренных народов Севера. Его продолжением можно считать принятый в 1999 г. закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», хотя пока он существует лишь на бумаге;
- мультикультурализм, предлагающий не столько наращивание экономических или социальных гарантий развития национально-

¹ Закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ о государственном языке Российской Федерации.

² Вече Твери. 09.06.2009.

³ Закон был принят Госдумой в марте 2009 г. (390 депутатов — за, 55 - против, при отсутствии воздержавшихся).

⁴ Российская газета. 28.01.2009.

⁵ Жариков А.Е. Национальная политика России: плюсы и минусы трех вариантов // Вестник аналитики. 2004. № 3 (17). С. 100–101.

этнических групп, сколько создание равных условий для самореализации каждого народа посредством деятельности различных общественных организаций и национально-культурных автономий. Тем самым сохраняется этническое многообразие страны, а государство не столько помогает, сколько не мешает объективному развитию;

- унификация или ассимиляция, получившая наиболее яркое воплощение в концепции «плавильного котла».

Мировой практике не известны позитивные результаты насильственных ассимиляций, хотя в том или ином виде практическое сближение этнических групп и выравнивание параметров их развития происходит повсеместно. Что же касается многообразных идей унификации государственного устройства, то их реализация требует большой доли осторожности.

Эта констатация может быть отнесена к предлагаемым в последние годы проектам укрупнения российских регионов, сокращения их числа и фактической губернизации России. В дискуссиях на эту тему высказываются разные точки зрения. При этом наиболее разумная позиция исходит из того, что сложившееся на предшествующих этапах административное устройство обладает немалым запасом прочности. И не создадим ли мы, реализуя укрупнение субъектов Федерации и изменение избирательного законодательства, гораздо более хрупкую систему?

Не приведёт ли начавшееся в 2000-х гг. изменение «баланса сил» между федеральным центром и субъектами Федерации к такому ограничению их полномочий в жизненно важных сферах государственной и общественной жизни, которая неизбежно вызовет негативную реакцию? Будет ли оно в долгосрочной перспективе способствовать централизации или же уже не первой на протяжении российской истории децентрализации российского государства? Обеспечит ли всё это реализацию главной задачи — ускоренной модернизации и ликвидации структурных пороков, которые обуславливали нарастающее отставание СССР, а затем Российской Федерации от наиболее динамичных обществ мира? И в какой мере предпринятые шаги совместимы с нормами демократического развития и конституционного порядка?

Ответы на эти вопросы чрезвычайно важны для настоящего и будущего развития России. Пока, однако, они ещё не даны, поскольку ещё окончательно не избран магистральный вариант стратегии национально-государственного развития России.

Глава 27. Власть, общество и политический процесс: русская модель

Некоторые общие соображения

Политика может считаться оптимальной, если в её основе лежит адекватная реакция на совокупность точек, в которых перекрещиваются существующие в обществе основные интересы. Сложность такой реакции обусловлена тем, что эта совокупность весьма подвижна, осмысление интересов и степени их совпадения в значительной степени зависит от субъективных установок и предпочтений властных структур, а реализация сужена набором объективных ограничителей (так называемый коридор возможностей). Поэтому оптимальная политика представляет собой по преимуществу чисто теоретическую конструкцию. Тем не менее, более или менее реальное приближение к оптимуму не только возможно, но и является необходимой предпосылкой конечной эффективности политики. Условием приближения служит, в первую очередь, объективное осмысление реального положения дел.

Складывается такая политика в результате процесса, в основе которого лежат отношения между властными политическими структурами и обществом, а, следовательно, и индивидами. Эти взаимоотношения весьма существенны; они не только образуют мостик между субъектами и объектами политического процесса, но и в значительной мере модифицируют их¹.

Выстроив вертикаль: «властные политические структуры — общество — индивид» можно вычленить следующие группы импульсов, через которые осуществляются взаимосвязи: нисходящие (идущие от власти к обществу и индивиду) и восходящие (от индивида вверх — к власти), институализованные (поступающие по правовым, формализованным каналам) и неформальные, прямые (от власти к индивиду, от индивида к власти) и опосредованные (через институты гражданского общества). Импульсы различаются и по степени их интенсивности. При этом существует своего рода порог взаимодействия властных политических структур, общества и индивида, ниже которого взаимо-

¹ См.: *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

связь между ними распадается, следствием чего становится разрушение общественной системы.

Немалое значение имеет и то, что тип взаимодействия индивидов, общества и властных политических структур, а, следовательно, содержание и формы политического процесса в решающей степени зависят от исторически сложившейся социально-культурной среды. Следовательно, политический процесс, по определению, не может быть однотипным. В этой связи при исследовании в одинаковой степени недопустимы как игнорирование специфики взаимоотношений между индивидами, обществом и властью в социумах различного типа, относящихся к разным цивилизациям и находящихся на разных ступенях развития, так и рассмотрение этих взаимоотношений как своего рода инварианта (несмотря на высокую инерционность, в них постоянно накапливаются изменения, которые с течением времени вносят в сложившуюся систему существенные коррективы).

Важнейшее условие нормального протекания политического процесса — наличие у политических институтов необходимого уровня доверия и поддержки, который всё чаще именуют ныне *политическим капиталом*¹. По уровню устойчивости в зависимости от происхождения политический капитал может быть условно подразделён на три группы. Первую составляет политический капитал, уходящий корнями в сложившиеся столетиями традиции и подпитываемый мировоззренческо-конфессиональными представлениями. Высокая, хотя и сравнительно меньшая устойчивость свойственна политическому капиталу второй группы, накопленному в процессе утверждения и деятельности формализованных режимов постмонархического типа. Особыми свойствами обладает политический капитал третьей группы, который, следуя П. Бурдьё, можно было бы назвать *заёмным политическим капиталом*². В его основе лежит кредит доверия, который общество, будучи недовольным сложившейся ситуацией, предоставляет власти либо, — политическим силам, выступающим в роли её наиболее решительных противников.

Заёмный политический капитал может быть рациональным, основанным на взвешенной оценке возможностей существующей или новой политической силы, либо иррациональным, отражающим поддержку или неприятие существующих порядков, стремление к стабильности или к переменам, вне зависимости от их содержания. Однако в обоих случаях это, прежде всего, аванс, который нуждается

¹ См.: Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. М., 2004. С. 15 и далее.

² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 208 и сл.

в закреплении. Естественно, что заёмный политический капитал наименее устойчив. При благоприятных обстоятельствах получить его сравнительно несложно. Несравнимо сложнее удержать его.

Масштабы и тип политического капитала в решающей степени определяют уровень восприимчивости общества и индивидов к импульсам, поступающим сверху. При достаточной восприимчивости значительная часть (а в наиболее благоприятных случаях — и большинство) общественных объединений и групп, а также индивидов реагирует на импульсы, поступающие сверху, так (или примерно так), как на это рассчитывают властные структуры: добровольно подчиняются законодательным установлениям и административным предписаниям, регулярно выплачивают законно установленные налоги, не нарушают принятых норм поведения. Меньшинство, отличающееся пониженной восприимчивостью к импульсам, поступающим от власти, побуждается к подчинению с помощью различных форм давления.

При восприимчивости ниже средней большинство индивидов реагирует на импульсы неадекватно ожиданиям институтов власти: либо преобразуют эти импульсы, лишая их первичного содержания, либо игнорируют их, либо воспринимают как стимул и повод к различным формам протестных действий. Принудительные акции в состоянии на время обеспечить угодные власти реакцию и поведение. Однако в конечном результате подобные акции, как свидетельствует опыт, чаще всего приводят к дальнейшему ослаблению восприимчивости общества и индивидов по отношению к действиям институтов власти, а, следовательно, — и взаимосвязей, скрепляющих общественную систему.

Наряду с проблемой восприимчивости общества и индивидов к импульсам, поступающим сверху, существует проблема восприимчивости верхов к импульсам снизу. Способность властных политических структур к такому восприятию, оцениваемая выше средней, как правило, обеспечивает минимально необходимый обмен информацией между политической властью, обществом и индивидами, отсутствие такой способности служит признаком разложения системы.

Степень открытости властных политических структур импульсам, поступающим от общественных объединений и индивидов, в большой степени зависит от политического устройства, утвердившегося в данном социуме. Режимы самодержавного типа — абсолютные монархии, тоталитарные и авторитарные диктатуры, как правило, менее проницаемы для влияний со стороны общества и индивидов, чем те, которые опираются на демократические политические институты.

Характерные для последних свободы, прежде всего информации, публичное обсуждение общественных проблем, необходимость для

институтов власти считается с позициями парламента и политических партий, подтверждать свои полномочия на регулярно проводимых выборах постоянно прорывают стену отчуждения, которой свойственно окружать себя политической элите. Тем не менее указанная закономерность не является абсолютной. Как свидетельствует исторический опыт, при определённых обстоятельствах формально открытые режимы, опирающиеся на институты, сохраняющие внешние признаки демократического устройства, могут быть на деле менее проницаемыми для импульсов, поступающих снизу, чем общества с недемократическим, авторитарным и ему подобным политическим устройством.

Существует точка зрения, согласно которой одной из основных тенденций развития человеческого общества является движение к открытости верхов и низов по отношению друг к другу, к более интенсивному обмену импульсами, а следовательно — и к более эффективному взаимовлиянию. Действительно, в ряде случаев такое движение наблюдается. Однако характеризовать его как однозначное и повсеместное достаточных оснований нет. Возрастание открытости верхов к импульсам, идущим от общества и индивидов, и поныне фиксируется далеко не во всех общественных системах. В тех случаях, когда этот процесс налицо, он отличается недостаточной устойчивостью и способен двигаться вспять.

Ещё сложнее обстоит дело с динамикой восприимчивости общественных структур и индивидов к импульсам, поступающим сверху. Нередко бытует представление, будто восприимчивость общества к таким импульсам может быть в решающей степени искусственно стимулирована с помощью изощрённой властной технологии. В действительности ситуация в этой области крайне противоречива.

В принципе стимулирование возможно, но только в определённых, достаточно ограниченных пределах. Такие пределы существовали всегда. Фиксируются они и поныне — даже при современных информационных технологиях. С одной стороны, новые технические средства открыли перед властными структурами огромные возможности психологического давления на общество и отдельных индивидов в целях их подчинения своей воле. С другой — по мере повышения общего образовательного уровня населения, растущей доступности информации, поступающей по различным каналам, углубляющейся плюралистичности общественной жизни возрастает степень сопротивляемости индивидов и общественных объединений внешним воздействиям. В обществах, где этот рост достаточно серьёзен, восприимчивость низов по отношению к импульсам, поступающим от институтов власти, не только не увеличивается, но даже уменьшается.

Отталкиваясь от сказанного выше, можно перейти к более детальной характеристике системы взаимоотношений политической власти, общества и индивидов, а также способов использования имеющихся в их распоряжении каналов связи.

Властные политические структуры издавна имели возможность влиять на общество с помощью правовых установлений, административно-управленческих актов и идеологических воздействий. В последние десятилетия к этому, как уже отмечалось, добавилась возможность эффективно применять современную технологию социально-психологического давления.

Все эти средства интенсивно использовались и используются ныне в нескольких главных направлениях. Первое из них — усиление сил притяжения, скрепляющих существующую систему власти, второе — ослабление импульсов, способных её разрушить, третье — содействие принятию сторонами общих правил поведения, обеспечивающих нормальное функционирование системы, четвёртое — реализация и защита групповых интересов властвующей элиты или по меньшей мере её политической верхушки.

При этом обычно применяются следующие способы действий.

1. *Социальное маневрирование.* Смысл этого метода в том, чтобы ослабить коллизию между меняющимися механизмами и способами функционирования общественной системы и интересами ущемляемой переменами части общества, а, следовательно, максимально нейтрализовать обусловленные этим негативные политические последствия. Достигается такой эффект путём перераспределения части общественного продукта.

2. *Политическое маневрирование.* Социальное маневрирование обычно осуществляется с помощью политических средств — через деятельность соответствующих институтов: органов власти, управленческого аппарата, партий и т.д. В этом смысле оно тоже является политическим. Однако политическое маневрирование значительно шире социального. Оно включает широкий спектр мероприятий, призванных обеспечить преобразование разнообразных интересов (в том числе противоречащих потребностям существующей системы) в политические ориентации, способствующие (или по меньшей мере не препятствующие) её функционированию и упрочению.

3. *Политическое манипулирование.* Строго говоря, политическим манипулированием можно считать все действия, предпринимаемые властными политическими структурами для обеспечения необходимого им состояния системы. Вместе с тем у политического манипулирования в узком смысле есть своё специфическое содержание. Ис-

пользуя этот термин, имеют в виду, прежде всего, целенаправленное воздействие на общественное сознание с помощью массовых коммуникаций.

4. *Интеграция контрэлиты.* Отчуждению власти от общества и граждан и тем самым дестабилизации общественной системы в значительной степени способствует формирование контрэлит, которые играют роль бродила общественного недовольства и авангарда антисистемных движений. Наиболее интенсивно контрэлиты образуются в тех случаях, когда социально обусловленная, однобокая селекция кадров приводит к отсеву нестандартных, талантливых и честолюбивых людей. Не попав в состав элитарных слоёв общества, они концентрируются на противоположном общественном полюсе, развёртывая там антисистемную активность. Одна из существенных фундаментальных задач политического руководства, добивающегося в интересах общественной стабильности нормального взаимодействия с обществом и отдельными гражданами, состоит в том, чтобы предотвратить образование контрэлиты. Если она всё же сложилась, то возникает необходимость нейтрализовать её, либо скомпрометировав, либо интегрировав в структуры режима.

Не менее вариативна и система обратной связи. В обществах с эффективно действующими демократическими институтами одной из наиболее действенных форм влияния индивида на властные политические структуры является участие в выборах. Вместе с тем политические сигналы, поступающие от индивидов, не могут быть сведены к электоральным действиям, особенно если реальная эффективность их минимальна. По сути дела, любая акция, адресованная гражданином политическим институтам (будь-то письменное послание, пикеты и демонстрации, отказ платить налоги, абсентеизм, демонстративное нарушение закона, девиантное поведение), является политическим действием.

Властные политические структуры, заинтересованные в объективной информации о положении в обществе, обычно стоят перед необходимостью принимать во внимание и оценивать соответствующие импульсы, а также корректировать на их основе свои политические установки и решения. Интенсивность поступления таких импульсов, их отклонение от устоявшихся средних показателей могут быть использованы в качестве индикатора состояния общества.

В какой степени всё это относится к динамике политических процессов в нынешней России?

Становление системы

Перейдём к анализу её начального этапа.

Исходная ситуация, определившая этот этап, сложилась во второй половине 80-х годов прошлого века. К тому времени в полной мере выявилась амортизация прежней модели общественного устройства. Политический капитал, которым первоначально располагали властные структуры, сократился до предельного минимума. Понимание необходимости коренной трансформации системы зрело практически во всех слоях общества и всё очевиднее приобретало черты национального интереса. Реализацией этого интереса стала политика перестройки.

Жёсткое сопротивление этой политике традиционалистов («консерваторов»), боявшихся назревших перемен, и «прогрессистов» (в первую очередь радикальных либералов), требовавших немедленного и полного разрушения существовавших политических и хозяйственных структур, в совокупности с реальными ошибками, допущенными в ходе перестройки, привели к её насильственному удушению.

За неудачным путем «консерваторов» в августе 1991 г. последовал контрпуть, вознёсший к вершинам власти сторонников очередного абсолютного разрыва с историческим прошлым страны. Позитивное отношение значительной части населения к переменам снабдило новое руководство страны хотя и заёмным, но тем не менее значительным политическим капиталом. На практике этот капитал был воспринят новой властью как карт-бланш на проведение серии общественных экспериментов в соответствии с теоретическими выкладками группы модных неолибералов-западников. Список прегрешений и ошибок, повисших тяжким грузом на этой власти, — прямой результат их исходных подходов.

Стержень преобразований составили ускоренный демонтаж этаристско-бюрократических форм управления народным хозяйством и его перевод на рыночные рельсы. При этом власть ориентировалась на наиболее радикальные модели экономического развития, в основе которых лежали неолиберальные, монетаристские установки. Была осуществлена спешная приватизация государственной собственности, имевшая целью форсированное создание имущего класса, которому надлежало стать социальной базой новой власти. Одной из главных целей было провозглашено быстрое включение автаркистски организованного народного хозяйства страны во всеобщую систему мирохозяйственных связей.

В общественно-политической сфере были формально взяты на вооружение и даже закреплены конституционно возникшие в годы перестройки демократические процедуры. Одновременно на них исподволь накладывались ограничители, открывавшие путь к бюрократическому самовластию.

Подобная практика осуществлялась на протяжении 8 лет — вплоть до начала XXI в.

С аналитической точки зрения не столь важно, в какой степени принципы, провозглашённые постперестройкой 90-х годов, отражали стремление групп, оказавшихся у кормила власти (по меньшей мере их лучшей части), добиться позитивных сдвигов в экономике и в условиях жизни населения, имели ли они в виду действительную демократизацию общественных порядков и защиту интересов общества в целом¹. Есть все основания полагать, что значительную роль в их поведении играли эгоистические соображения — в том числе расчёт на то, что социально-экономический хаос, сопровождаемый массовым переделом государственной собственности, откроет для них возможности личного обогащения.

Главное, однако, в том, что получила страна в итоге.

Были недопустимо ослаблены рычаги государственного регулирования экономики. Ускоренная приватизация стала формой массового разбазаривания общественного достояния. Доведённый до абсурда антиэтатизм обернулся прогрессирующей деиндустриализацией. Отказ от внешнеэкономической монополии, широко открывший внутренний рынок для зарубежных товаров, существенно ослабил конкурентоспособность большинства внутренних производителей. Экономика страны не обрела качеств современного хозяйства. Возник мутант, соединивший олигархический капитал, остатки государственного социализма, элементы корпоративизма и примитивных рыночных структур, опутанных паутиной теневых и криминальных отношений.

Удручающими оказались и социальные последствия проведённых экспериментов. Ухудшение положения основной массы граждан с различной степенью интенсивности продолжалось на протяжении всех 90-х годов. Неуклонно снижались реальные денежные доходы населения. Беспрецедентные для России масштабы приобрела бедность. Произошёл обвал социальной сферы, худо-бедно, но защищавшей людей от материальных бедствий и лишений. Общество столкнулось с вопиющим социальным неравенством. Индивид оказался

¹ См.: *Гордон Л.А.* Общество «недовольных». Особенности массового сознания в переходный период // *Полис.* 1998. № 3.

одиноким и беззащитным перед ликом дикого рынка и бездушной бюрократии. Тем самым были заложены предпосылки для демографической катастрофы, проявившейся позднее.

Была бездумно сломлена вертикаль государственной власти. Как следствие начался разгул сепаратизма. Отношения между центральной властью и регионами стали предметом политического торга. В обмен на политическую поддержку, оказываемую центру, на минимальную лояльность федеральной власти региональные элиты добивались расширения своих полномочий — вплоть до полной бесконтрольности действий.

Распад СССР обернулся для России резким сокращением международного политического потенциала и, соответственно, её способности отстаивать свои внешнеполитические интересы. В основе этого сокращения лежали как территориальные, так и демографические потери, экономический упадок и острый кризис, практически парализовавший вооружённые силы.

Быстрыми темпами начали формироваться новые правящие государственные структуры и, соответственно, новая властвующая элита. На первом этапе постперестройки её пополняли три основные источника. Доминирующее место в ней заняли те, кто именовались в прошлом хозяйственниками — руководители промышленных министерств и управлений, ведущие работники административно-управленческих структур и та часть партийной номенклатуры, которая по своему происхождению и опыту работы была наиболее тесно связана с технократическо-хозяйственной деятельностью. Часть партийной номенклатуры (за исключением выбывшей по возрасту) ушла в частный бизнес.

Другим источником стали прежние деятели теневой экономики, ряды которых существенно пополнились за счёт кооператоров и скопорогачей времён перестройки. Заметное место в их рядах заняли выходцы из криминальных кругов, в том числе с тюремным прошлым. Представлена была, хотя и в меньшей степени, интеллектуальная контрэлита, вынесенная на поверхность на волне противостояния прежней системе.

Взаимная притирка групп, первоначально составивших властную элиту, происходила крайне сложно. В ходе этой притирки складывалась иерархия, определяемая степенью приближённости к верховной власти, характером внутригрупповых связей, степенью финансового «бэкграунда», публичной раскрученности и т.д. Со временем некоторые группы и первоначально «раскрученные» индивиды теряли влияние и вытеснялись из властной элиты. Наиболее наглядно это можно

проследить на примере интеллектуальной, именовавшей себя демократической, контрэлиты. Из числа её выдвиженцев позиции во властных структурах сохранили, как правило, не лучшие. Наиболее искренние и нравственно ориентированные были отодвинуты на политическую обочину. У тех же, кто остался у власти, стремление сохранить завоеванные позиции и извлечь из них персональные выгоды нередко приобретало доминирующий характер.

В то же время в основных группах общества утвердились дезориентация и растерянность. Возникла своеобразная расщеплённость общественного сознания. Его общий фон определялся интенсивным размыванием прежних ценностей и идеологических постулатов. На этот фон накладывались, с одной стороны, иллюзорные надежды на то, что ориентация новой власти на интенсивное развитие рыночных отношений в результате приватизации государственной собственности немедленно приведёт к повсеместному и значительному улучшению условий существования основной массы населения, а с другой — очевидная беспомощность перед лицом бурной криминализации всей системы общественных отношений. Результатом этой дезориентации и растерянности стала массовая безучастность по отношению к процессам в сфере политики, развязавшая руки утвердившимся властным структурам.

Одним из непосредственных результатов этого стало своеобразное расщепление политического процесса. После короткого периода хаоса и двоевластия, породившего силовое противостояние президента и его окружения, с одной стороны, и парламента (Верховного Совета) — с другой, в этом процессе выделились три автономные структуры: элитарная (реальная), в рамках которой принимались основополагающие властные решения; имитационная (сохранение избираемой Думы), призванная создавать виртуальную картину «демократического транзита», и латентная (протестная), сконцентрированная, в первую очередь, на уровне политического сознания и в скрытых формах политического поведения.

Первоначально это расщепление выступало в форме тенденции. Это объяснялось, с одной стороны, относительной слабостью и внутренней раздробленностью властных структур, с другой — непреодоленным на первом этапе стремлением парламента, созданного на основе новой Конституции, играть не только имитационную (квазипубличную) роль, но и принимать участие в реальной политике; с третьей — неполной латентностью протестного политического процесса, его периодическим выбросом на уровень открытого политического поведения (в частности, в электоральной форме).

Однако со временем тенденция стала во всё большей степени утверждаться в качестве реальности, определяющей политический процесс в целом.

Тем временем конкретные результаты политики, проводимой в 90-е годы и воспринимаемой во всё большей степени как сознательное и упорное нежелание верхов считаться с интересами основной массы населения, как свидетельство свойственного им эгоизма и некомпетентности, продолжали размывать политический капитал, полученный ими на первоначальном этапе. Это не могло не сказаться на текущих ориентациях населения. При этом, поскольку власть именovala себя демократической, была поколеблена вера граждан в моральные основы демократии и эффективность демократических институтов.

Описанная выше тенденция не была единственной. За годы трансформации сложились группы населения (составляющие до одной пятой экономически активных граждан), которые выиграли от перемен или полностью адаптировались к ним.

Подобное развитие привело к появлению своеобразного феномена — «двух России», население которых существенно отличалось одно от другого и по структуре потребления, и по образу жизни, и по ценностям, в том числе политическим, ориентациям. Одно, составляющее меньшинство, в своей основе было более или менее удовлетворено произошедшими переменами, хотя время от времени проявляло несогласие теми или иными действиями власти. Другое, объединяющее большинство (свыше 80%), накапливало недовольство.

Совокупность интересов, сложившаяся к этому времени, стала определяться следующими чертами: стремлением положить конец повсеместному разрушению, именуемому реформами, добиться перехода к сколько-нибудь позитивному, созидательному развитию, обеспечить стране такую степень стабильности, которая сделала бы возможным минимально необходимые для основной массы населения условия существования, положить конец оскорбительному для национального достоинства граждан России её униженному положению на внешнеполитической арене.

Укоренение

Глубокое недовольство стало определять настроения не только основной массы населения, серьёзно пострадавшего от трансформационных процессов, но и влиятельной части выигравшей от них властвующей элиты. Вращенная на повсеместном разрушении всего того, что

составляло основу государственности в прошлом, она внезапно возжаждала стабильности, которую стала рассматривать как решающий залог укоренения сложившихся порядков, и прежде всего упрочения приобретённых в предыдущие годы политических позиций и богатства. Поскольку команда, находившаяся в то время у кормила власти, обеспечить это была не в силах, возникла острая потребность в кадровых переменах.

Именно в этом следует искать ключ к пониманию последующего хода событий.

Прежде всего, властвующей элите потребовался новый лидер, не скомпрометированный в глазах общественности в предыдущие годы и обладавший личными качествами, отличавшими его от исчерпавшего свой политический кредит Ельцина и его окружения. Существовало несколько кандидатур на эту роль. В конечном итоге после долгих колебаний выбор пал на В.В. Путина¹.

Образ преемника был выстроен квалифицированно — на основе абсолютного противопоставления предшественнику. Вместо деградирующего старца — успешный спортсмен в расцвете сил. Вместо сибаритствующего любителя возлияний — трудоголик. Вместо мало сведущего импровизатора — компетентный администратор, за которого по крайней мере не стыдно.

Существенные изменения произошли и в самой властвующей элите. Наметившись уже к началу этапа укоренения, они продолжали нарастать на протяжении первых лет нового века.

Возрастные причины и жёсткая конкуренция 90-х годов сократили долю представителей в ней прежней партийно-хозяйственной номенклатуры. Правда, её удельный вес всё ещё оставался заметным. Однако главными источниками пополнения стали, с одной стороны, вытесненные из силовых структур начальствующие и командные кадры, а с другой — выходцы из выросшего в предшествующие годы бизнеса.

Заметное появление на центральной политической арене бывших силовиков дало основание некоторым критикам власти утверждать, что она сознательно милитаризует правящую страной верхушку. Соответственно, при анализе властвующей элиты главное внимание уделялось выходцам из силовых структур². Однако подобный подход вызывает сомнение. Сотни тысяч, а то и миллионы дееспособных людей, вынужденно покинув военные и правозащитные структуры, естественно, искали применения своим силам. И их, как людей деятельных,

¹ См.: Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo Vadis? М., 2003. С. 225 и далее.

² См., например: Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005.

имеющих неплохой организационный опыт, охотно брали в управленческие органы и политические институты. Работая в них, они вовсе не представляли (и не представляют) интересы военной (или шире — силовой) касты. Напротив, быстро и естественно интегрируясь в состав бюрократии, они, как правило, ревностно отстаивали её интересы.

Кроме того, как показывают последние исследования, доля бывших силовиков в управленческих структурах росла гораздо медленнее, чем доля бизнесменов, активно рвавшихся во властные сферы и не без успеха добивавшихся своих целей¹.

Гораздо более важным, с точки зрения динамики политического процесса, были изменения в иерархии отдельных групп в рамках властвующей элиты. Если на этапе становления наиболее влиятельные позиции в ней занимали нувориши, нередко с криминальным прошлым, превратившиеся вскоре в финансовых и промышленных магнатов (олигархов), то на этапе укоренения их оттеснила на менее заметное место у государственного «пирога» верхушка служилой касты, прибавшая к рукам и административные, и экономические рычаги.

Отличительной чертой властвующей элиты стала также возрастающая роль той её группы, которая связывала своё будущее с укоренением за рубежом (так называемой офшорной аристократии — по выражению главного идеолога кремлёвской администрации В.Ю. Суркова).

Разложение государственного аппарата, ставшее отличительной чертой системы власти, привело наряду с прочим к широкому распространению, а затем и укоренению клановости, основанной на родственных, земляческих и иных неделовых связях. В соответствии с этим произошла повсеместная подмена приверженности закону верностью главе клана или олигархической группировке.

Немалое значение имело и то, что, несмотря на заметные кадровые сдвиги, властвующая элита сохранила качественные характеристики, определявшие её поведение до и после потрясений второй половины 1991 г. Более того, ликвидация идеологических табу выдвинула на передний план наиболее негативные стороны этих стереотипов.

Конечно, среди представителей новой властвующей элиты немало энергичных и способных работников. Речь, однако, идёт не об оценке отдельных лиц, но о некоторых общих, групповых свойствах. В их

¹ Очень убедительны в этом отношении результаты исследования, проведённого под руководством О.В. Гаман-Голутвиной, опубликованные в книге: Самые влиятельные люди России. 2003 / Институт ситуационного анализа и новых технологий. М., 2004. См. также: *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 317 и далее.

числе можно выделить следующие, наиболее существенные: доминирование корпоративных интересов и дефицит общенациональной солидарности, преобладание группового и личного эгоизма, психология временщиков, высокая степень бюрократизации, всё ещё низкий уровень общей и профессиональной культуры.

Первостепенное значение имели в этой связи и внешние атрибуты их поведения. Чисто теоретически образ жизни и структура потребления верхов должны были бы демонстрировать то крайне важное для общественного сознания обстоятельство, что они не считают себя небожителями, возвышающимися над обществом, но осознают свою роль чиновников, наделённых определёнными функциями и несущих ответственность перед гражданами за их выполнение. Однако, как свидетельствует практика, до этого уровня понимания российская элита не доросла.

Одним из наиболее очевидных порождений её свойств, о которых шла речь выше, стали высокомерно-презрительное отношение к народу как к безликой, инертной массе, не способной быть источником и субъектом политического процесса, и вытекающая из такого отношения трактовка политики не как способа реализации всеобщего интереса, но как чистой технологии управления. Подобный подход к политике, зародившийся ещё в 90-е годы, стал постепенно доминирующим при принятии и реализации общественно важных решений.

Неадекватность такого подхода применительно к любому обществу не вызывает сомнений. И наша страна — не исключение.

За сменой высшего эшелона власти последовала корректировка программы первоочередных действий. На первых порах её особенностью стала большая степень учёта гетерогенности российского общества. В этой связи в качестве задач первого плана были вычленены вопросы, не обостряющие противостояния, а те, которые позволяли балансировать между кластерами политических интересов.

Первоначально внимание было сконцентрировано на восстановлении статуса и достоинства России. Это должно было выглядеть как адекватный ответ на болезненное восприятие гражданами национального унижения, последовавшего за развалом Советского Союза. Доказательством намерения решить эту задачу стал второй этап военных действий в Чечне. Власть без колебаний пошла на очередное использование силовых методов, чтобы положить конец активности сепаратистов, вторгшихся на соседние территории и совершивших ряд террористических акций в Москве и на периферии.

За этим последовали меры, направленные на обуздание региональных элит, обозначенные для публики как восстановление вертикали

власти, предприняты усилия по преодолению разложения, распространившегося на вооружённые силы и другие силовые структуры. Были осуществлены также некоторые первостепенные внешнеполитические действия по защите интересов России на международной арене.

Позитивные результаты того, что сделано, были налицо. Удалось частично укрепить оборонительный щит, позволявший существенно ослабить угрозу безопасности России. Её ракетный потенциал — в прошлом один из самых эффективных в мире — начал обновляться. Стал возрождаться разрушаемый на протяжении ряда лет военно-промышленный комплекс. Хотя и с большим опозданием, но началось обустройство границ. Неудача ряда попыток извне испытать на прочность готовность России отстаивать свои интересы привела к тому, что её перестали воспринимать как «бесхозную территорию», населённую «слаборазвитыми аборигенами», ждущими прихода «цивилизаторов» и «миссионеров».

Вопреки пессимистическим прогнозам Россия удержала за собой роль транспортного моста между Европой и Азией. Основные сухопутные транспортные каналы, несмотря на спорадические провокации отдельных транзитных стран, в целом продолжали выполнять свои функции. Одновременно наметилось развитие этих каналов, способное элиминировать возникающие угрозы (введение в строй и планирование новых подводных газо- и нефтепроводов, развитие дополняющей их сухопутной сети, расширение транспортных магистралей, способных гарантировать дешёвое транзитное сообщение между Западной Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом и т.д.).

Несмотря на потерю ряда приморских территорий, Россия сохранила выход ко всем морям, омывавшим территорию Советского Союза. Потеря важных морских гаваней пока не компенсирована. Тем не менее в результате строительства новых портовых сооружений севернее Санкт-Петербурга, расширения Новороссийского и Таганрогского портов, модернизации причалов в Архангельске и Мурманске негативная ситуация несколько смягчилась.

В целом появились все основания считать, что Россия мало-помалу возвращает себе роль влиятельного субъекта мировой политики.

Позитивные изменения произошли в экономической сфере. Во многом их обусловили объективные процессы, в первую очередь, длительный рост мировых цен на газ, нефть и нефтепродукты. Россия как один из крупнейших экспортёров энергоресурсов получила от этого существенный выигрыш. Начали расти как внутренний валовый продукт, так и объём промышленного производства. Существенно увеличился объём золотовалютных резервов.

Наметились и некоторые, хотя и не очень значительные, позитивные сдвиги в социальной сфере. Выросла упавшая в своё время оплата труда. Появились признаки растущего внимания к положению, в котором находились материально наиболее уязвимые группы населения. Стали увеличиваться ассигнования на нужды здравоохранения и т.д.

Общество по-прежнему продолжали терзать многочисленные проблемы, уходящие своими корнями в 90-е годы и частично обострившиеся в начале нового века: массовая бедность, растущий уровень материальной дифференциации, демографический кризис, чреватый вымиранием населения, продолжающаяся криминализация общества, коррупция и бюрократический произвол на всех уровнях власти, кризис системы здравоохранения и образования. Тем не менее в целом в стране сложилась ситуация, которая оценивалась многими как стабильная, во всяком случае, по сравнению с тем, что творилось в России в 90-е годы.

Казалось бы, позитивные тенденции в ряде областей общественно-го существования и стабильность, пусть даже относительная, успокаивающе действовавшие на массовые группы населения, должны были способствовать размыванию автократических тенденций, доставшихся российскому обществу в наследство от предыдущего периода, расчистить путь для движения к реальной демократии, начатого ещё в годы перестройки. Произошло, однако, нечто противоположное.

Каждый шаг в сторону стабилизации в годы укоренения, будь то в области внешней или внутренней политики, стал сопровождаться мерами по наращиванию авторитарных ограничений политического процесса.

Иногда, анализируя это явление, абсолютизируют значение знаменующих его юридических и управленческих актов. Между тем каждый из них в отдельности может трактоваться по-разному. Губернаторов, конечно, лучше избирать, чем назначать. Однако существует немало бесспорно демократических государств, где губернаторов (или аналогичных им руководителей) назначают центральные власти. И демократия от этого никак не страдает. Избирательная система может быть смешанной (как у нас до 2007 г.) или чисто пропорциональной (как сейчас). У каждой из этих систем есть свои плюсы и минусы. От этой перемены «демократическая сумма» не меняется. Уровень демократии не определяется тем, сколько лет длится парламентская легистратура и пребывает у власти президент страны и т.д. Дело в другом: взятые в совокупности приведённые выше (как и оставшиеся за скобками) политические шаги символизировали и интенсифицировали безуслов-

но фиксируемую тенденцию — методического откусывания долей от и так изъеденного пирога российской демократии.

Как же всё это сказалось на политическом процессе конкретно?

Размежевание между его отдельными сегментами, наметившееся уже в 90-е годы, стало приобретать всё более жёсткие формы. Заметное усиление властных структур повлекло за собой существенное расширение роли того сегмента, в рамках которого принимались уже не только основополагающие, но и все без исключения решения государственного значения.

Система обратной связи (от индивидов и общества к политическим структурам) оказалась в значительной степени перекрытой. К минимуму были сведены возможности сублимации латентного политического поведения в сколько-нибудь эффективные политические действия. Одним из наиболее очевидных проявлений этого стало сужение значимости электорального процесса, а в ряде случаев его полное выхолащивание. Резко упала значимость политических партий. Выросли диспропорции между партийной системой и структурой политических предпочтений различных групп населения. В результате политические силы нередко переставали узнавать свою электоральную базу, а избиратели — политическое представительство, способное отстаивать их интересы. Значимость представительных органов не просто продолжала сокращаться. Они даже начали терять успешно выполняемую в прошлом роль имитатора властной силы.

На обочину общественной жизни были оттеснены основные формы публичной политики, зародившейся в годы перестройки. Тем самым несогласие граждан с выбором, сделанным властвующей элитой, потеряло возможность быть снятым в результате гибких политических акций.

Многие специалисты, изучавшие в это время эволюцию общественного сознания, неоднократно выражали недоумение пассивностью, с которой подобные эксперименты и их последствия были восприняты населением. Действительно, они не только не вызывали массового движения протеста, но даже не снизили высокого рейтинга первых лиц в государстве. Это породило, в частности, вошедшие в моду рассуждения о народе как пассивной, безынициативной, рабской, а, следовательно, не созревшей для демократии массе¹.

Очевидно, что такие рассуждения отражают в большей степени эмоции, чем деловой подход к проблеме. У зафиксированного выше феномена есть свои реальные причины. Некоторые из них ещё требуют дополнительного изучения. Иные очевидны уже сейчас.

¹ Подробнее об этом см. главу 29.

Одна из них связана с утвердившейся в последние десятилетия неприемлемостью для большинства российских граждан насильственных действий, которые могли бы вызвать распад властных структур, анархию, вооружённое противостояние социальных и национальных групп. Другая обусловлена отчуждением между верхами и низами. В сознании большинства российских граждан укоренилось убеждение, что верхи ни при каких обстоятельствах не будут считаться с интересами народа; поэтому любые усилия, направленные на то, чтобы противостоять их действиям, не в состоянии дать позитивного результата. Весьма существенным является, видимо, то, что согласно ощущению основной части населения в начале нового века условия его существования, несмотря на множество несправедливостей и беззакония, стали всё же лучше, чем в 90-е годы. Отсюда опасение, не приведут ли новые потрясения и перемены во власти к тому, что простому человеку вновь станет хуже.

Следует также учитывать, что недовольство и отчуждение от власти сами по себе не рожают общественной активности. Первоначально наступает индивидуальное неприятие политики. Потом углубляется социальное раздражение, сопровождаемое унынием, предчувствием близящейся катастрофы. Они, в свою очередь, стимулируют тенденцию к уходу от реальности: массовое пьянство, наркоманию и т.д. При этом нередко происходит замещение объекта недовольства. Социальное раздражение сублимируется в повышенную агрессивность, направленную не столько на властные структуры, сколько на искусственно сконструированный образ «врага». И только затем происходит всеобщее откровенно враждебное отношение к власти, при котором большинство граждан со злорадством следит за её конвульсиями.

Сложнее ответить на вопрос, зачем в сравнительно благоприятных условиях и при относительной спокойной социально-политической ситуации верхушка властвующей элиты вступила на путь целеустремленного «завинчивания гаек»? Ответ, который дают на него некоторые критики системы, что «верхи, ввиду своей ограниченности и одностороннего жизненного опыта, не умеют действовать иначе», вряд ли может считаться серьёзным. Провозглашать оппонента глупцом — не значит понять его мотивы. Видимо, существовали некие обстоятельства, побуждавшие к соответствующим решениям.

Скорее всего, обладая необходимым объёмом информации, люди, находившиеся у власти, не очень уверовали в прочность того, что сами наименовали стабилизацией. Система, которую они создали, оказалась, перефразируя П. Гютца, назвавшего западноевропейские страны «госу-

дарствами «трёх четвертей»¹, «страной одной четвёртой». В России сложилось общество не богатых, а для богатых. Только четверть населения оказалась в состоянии с полным основанием, не кривя душой, считать утвердившиеся порядки «удобными для проживания». Из этого, естественно, следовало, что стабильность такого общества вряд ли сохранится. Любое изменение к худшему откроет шлюзы гнева, который, не медля, обрушится на «начальство». И к этому следует готовиться заранее.

Немалую роль в ставке на «завинчивание гаек», очевидно, сыграло обострение не всегда видимых противоречий во властвующей элите: между «волонтёрами первого набора» и «пришельцами» более поздних лет, между стремящейся обогатиться бюрократией и уже обогатившимися обладателями «большой мошны», между федералами и регионалами, между криминальными и посткриминальными выдвиженцами и т.д. Преуменьшать их не следует. Исторический опыт свидетельствует, что именно раздоры во властвующей элите нередко служат спусковым крючком общественно-политических потрясений.

Новые рубежи

На протяжении 2008 г. на поверхности политической жизни стали заметны первые признаки нового этапа в развитии политической сферы. На этот раз в отличие от конца 90-х годов они, вопреки многочисленным спекуляциям, не были прямо связаны со сменой президента. Такая смена, действительно, произошла. Но команда, правящая Россией, практически не изменилась. Прежним остался и стержень властвующей элиты. Не подверглись модификации, по крайней мере первоначально, и основные программные установки власти. Произошло нечто другое. Стали всё заметнее ощущаться истощение движущих сил системы, потеря ею вектора движения.

Мировой экономический кризис, начавшийся во второй половине года, обрушившись и на Россию, с особой силой высветил все те проблемы, которые накопились за годы её «трансформации» в нечто, первоначально выглядевшее «священным Граалем». Стало предельно ясно, что ориентация на добычу и экспорт водородного и иного сырья превращает страну в придаток мировой экономики и делает полно-

¹ П. Гютц — видный теоретик немецкой социал-демократии. Использованное им понятие «общество двух третей» служило объяснению причин стабильности западноевропейских обществ, которая, по его мнению, была обусловлена благополучием трёх четвертей населения при одной трети нуждающихся и неблагополучных.

стью зависимой от её состояния. Стоило Соединённым Штатам «заболеть гриппом», как у нас началось «воспаление лёгких». Наметилось заметное ухудшение условий существования массовых групп населения. Увольнения без выплаты выходных пособий, сокращение заработной платы, перевод сотрудников на неполный рабочий день, неоплачиваемые отпуска, рост цен на товары массового потребления стали повседневным явлением. Последствия этого в полной мере ощутили на себе работники не только физического, но и умственного труда. В ряде случаев удары по «белым» воротничкам оказались даже болезненней, чем по «синим». Повсеместно вылезли наружу многочисленные общественные болячки, о которых до поры до времени упоминалось как бы мимоходом. Всё это стало размывать описанное выше пассивно-терпимое отношение населения к власти. В этих условиях перед нею чётко вырисовалась необходимость новой политики, во многом альтернативной той, которая проводилась прежде. Предполагается осуществить ее под лозунгом модернизации.

Параметры модернизации могут быть различными. Есть, однако, несколько предпосылок, без учёта которых она не даст желаемых результатов. Во-первых, уже на исходном этапе такая политика должна располагать устойчивой поддержкой большинства населения. Во-вторых, ей надлежит учитывать сложившуюся дифференцированную структуру общественного сознания, господствующие в нём установки и ценностные ориентации, интересы социальных и этнических групп. В-третьих, каждый последующий шаг в осуществлении намеченного курса должен сопровождаться хотя бы небольшими позитивными сдвигами, которые не только фиксировались бы статистически, но и были бы ощутимы для каждого отдельного гражданина. Имеющиеся ресурсы должны быть использованы так, чтобы можно было гарантировать выживание групп населения, наиболее пострадавших от кризисных потрясений.

Следует всячески избегать ощущения, что в основе обновленной политики лежит не всеобщий, а групповой интерес. Это, в свою очередь, предполагает отказ от неоправданных идеологически мотивированных решений, которые могут быть восприняты гражданами как эгоистические. Необходимо проявлять осторожность и взвешенность в осуществлении практических действий.

Первоочередной задачей в данной связи следует считать преодоление приобретшей опасные масштабы отчуждённости между гражданами и властью. Это может быть достигнуто лишь в том случае, если обществу будет представлено убедительное свидетельство готовности верхов действительно принять новый курс. Таким свидетельством, насколько можно судить на основании опыта других стран, обычно

служат институциональные изменения, открывающие большие, чем прежде, возможности влияния общества на политические решения, и выдвижение на решающие государственные позиции деятелей, обладающих безусловным общественным авторитетом.

Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как искренняя забота о благе рядовых граждан. Оно проявит готовность взвалить на себя тяготы, неизбежные в процессе выхода из очередного системного кризиса, только в том случае, если эти тяготы будут распределяться, по возможности, равномерно. А в готовность власти положить конец коррупции и массовой преступности оно поверит, только если убедится, что провозглашённый поход против них не является чисто словесным, что удары наносятся не только по «стрелочникам», что за массовые хищения и поборы последует реальное возмездие тем, кто его действительно заслуживает.

Очень важно также, чтобы структурные преобразования, являющиеся составной частью модифицированного политического курса, осуществлялись с учётом новых реалий мирового развития, создавая тем самым предпосылки для дальнейшего движения вперёд. В противном случае вновь возникшее доверие очень быстро сменится очередным разочарованием.

Умная, взвешенная политика, учитывающая интересы всех слоёв населения и состояние массового сознания, поможет минимизировать опасности, которые накапливаются ныне в обществе. В этом случае политический процесс, грозящий потрясениями российскому обществу, приобретёт упорядоченные формы. Если же нормальная политика будет подменяться административными ухищрениями, это, скорее всего, выйдет боком не только российским гражданам, но и самим властным структурам.

Глава 28. Религии в России

После социальных и политических потрясений 1917 г. в Советской России, а затем в СССР была развёрнута борьба против религии, не прекращавшаяся на протяжении семи десятилетий. Выдержать испытания, выпавшие на долю религиозных организаций страны, в том числе самой крупной из них — Русской православной церкви, было непросто, учитывая:

- почти полный разгром административных структур этих организаций;
- массовые репрессии, которым подверглись миллионы верующих;
- раскол РЦП на две части: большую, оставшуюся на родине, и меньшую — оказавшуюся в эмиграции;
- вынужденное согласие части священнослужителей на сотрудничество со спецслужбами.

При всём этом значительная часть общества не приняла постулаты воинствующего атеизма и сохранила позитивное отношение к религии. Более того, жёсткое подавление любой оппозиции притягивало в лоно религиозных организаций многих из тех, кто отвергал официально насаждавшееся единомыслие.

Первые шаги к восстановлению религиозной свободы были сделаны в канун празднования 1000-летия крещения Руси. Двадцать девятого апреля 1988 г., за полтора месяца до проведения юбилейных торжеств, М.С. Горбачёв пригласил в Кремль тогдашнего Патриарха Пимена и находившихся в столице членов Синода РПЦ и сделал в их присутствии сенсационное для того времени заявление: «Верующие — это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения. Перестройка, демократизация, гласность касаются и их, причём сполна, без всяких ограничений. В особенности это относится к сфере нравственности, где общечеловеческие нормы и обычаи могут способствовать нашему общему делу. ...У нас общая история, одно Отечество и одно будущее»¹.

1990 г. принёс с собой перемены в руководстве РПЦ. После кончины патриарха Пимена Предстоятелем Церкви 10 июня был избран митрополит Ленинградский и Ладожский Алексей II. А осенью того же года были приняты сразу два закона: общесоюзный «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября) и российский «О свободе вероисповеданий» (25 октября). Начался новый этап в отношениях между государством и религиозными объединениями страны.

Трудный путь к правовому государству

Сразу же после вступления на престол новый Патриарх проявил себя сторонником реального отделения церкви от государства. Отвечая на приветствие Священного синода и поздравления гостей на приёме, который был устроен в его честь по случаю интронизации, Алексей II

¹ Правда. 30.04.1988.

заявил: «По воле Вседержителя наше Отечество населено многими народами, исповедующими различные религии. Верим, что нам промыслительно определено братски вместе трудиться по укреплению нравственного фундамента нашего обновляющегося общества, поддерживать и развивать отношения дружбы и взаимопонимания между всеми народами нашего государства»¹.

Новый предстоятель церкви лично участвовал в разработке законодательства о свободе совести. Выступая с трибуны высшего органа государственной власти, он подчёркивал: «У наших предложений есть серьёзное отличие от многих требований, которыми сейчас засыпаны Верховный Совет и другие органы государства. Мы не требуем какого-то, как это принято сейчас говорить, куска общественного пирога, не требуем: “дайте”... Единственное наше предложение — снять ограничения, которые сдерживают наше служение, убрать преграду между нашим желанием помочь людям и самими людьми»².

Согласно новому законодательству ни одна религия или религиозное объединение не должны были пользоваться никакими преимуществами и не могли быть подвергнуты никаким ограничениям. Особо подчёркивалось, что «государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально, т.е. не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения». Все религиозные организации могли приобрести статус юридического лица. Для этого было достаточно разработать устав, отвечающий требованиям закона, и зарегистрировать его в органах юстиции.

Патриарх критиковал тех церковных деятелей, которые «уверяют себя и нас, что православие — это некая национальная идеология»³. Он предостерегал против буквальной и прямолинейной трактовки формулы «Церковь служит России». Мы служим Богу, напоминалось в одном из написанных им в этот период текстов. Служа Богу, Церковь способствует возрастанию света и добра в людях, а рост или упадок этой внутренней возделанности человеческого сердца, в свою очередь, определяет взлёты и падения человеческого общества, т.е. в конечном итоге — судьбы России⁴.

Алексий II постоянно подчёркивал, что отношения между государством и Церковью в России должны характеризоваться «невмешатель-

¹ *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Сборник избранных трудов к годовщине интронизации (1990-1991). М., 1991. С. 11.*

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 138.

ством Церкви в политическую жизнь и невмешательством государства во внутреннюю жизнь Церкви». «Не сливаясь с государством и сохраняя свою внутреннюю свободу, — писал он, — Церковь стремится максимально расширить сферу нестеснённого партнёрства с властью везде, где последняя к этому благорасположена... Наши отношения можно назвать критической солидарностью — Церковь поддерживает власть во всяком добром деле, решительно противостоит попыткам её ослабить, но одновременно возвышает свой пророческий голос, когда видит со стороны власти нравственно неоправданные поступки или бездействие в какой-либо важной области»¹.

В дни кратковременной узурпации власти в Москве Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) в августе 1991 г. Патриарх трижды обращался к соотечественникам с призывом не допустить кровопролития². Его позиция совпала тогда с настроениями не только начинавшего формироваться гражданского общества, но и значительной части военных и сотрудников спецслужб.

Перестройка отношений между РПЦ и другими религиозными объединениями, с одной стороны, и государством, с другой, происходила на фоне сложных процессов в политической и экономической жизни страны. На важные, а порой и ключевые посты в государственном аппарате стали приходить люди, озабоченные интересами не столько общества, сколько личного обогащения. Как писал академик Н.П. Шмелёв, в результате первого этапа по существу бесплатной приватизации моральный климат в обществе был испорчен, страну поразили цинизм, апатия, растерянность, всеобщее ощущение обманутости³. Слово «демократия» стало восприниматься многими как синоним жульничества и коррупции.

Возник системный кризис, внешним проявлением которого стало противоборство президента и Верховного Совета РСФСР. В конце сентября 1993 г. обе конфликтующие стороны обратились к Патриарху с просьбой о посредничестве. Прервавший свою поездку за рубеж и досрочно возвратившийся в Москву Алексей II дал на неё согласие, но успеха это посредничество не принесло.

¹ *Алексий II*. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 223–225.

² В обращении Патриарха, подписанном в ночь с 20 на 21 августа 1991 г., говорилось: «Церковь не благословляет незаконные, насильственные, кровопролитные действия. Остановитесь! Я прошу солдат и их командиров вспомнить, что цену за человеческую жизнь не может назначить и уплатить никто». См.: Патриарх / Общ. ред. И. Комаровой. М., 1993. С. 38.

³ *Шмелёв Н.П.* До каких же пор? М., 2003. С. 3–8.

В декабре 1993 г. церковь поддержала одобренную на референдуме Конституцию Российской Федерации, которая провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 1), установила идеологическое многообразие (ст. 13), наложила запрет на огосударствление религиозных объединений, подтвердила их равенство перед законом (ст. 14), признала свободу совести, «включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28).

Весной 1995 г. на волне надежд, порождённых ориентацией Основного закона страны на построение в России современного правового государства, указом Президента Российской Федерации Ельцина был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при главе государства. В него на основе полного равноправия вошли высшие руководители десяти наиболее крупных общин верующих (с правом приглашения на заседания представителей других общин). За одним общим столом оказались руководители РПЦ, старообрядцев, мусульман, иудеев, буддистов, католиков, лютеран, адвентистов, баптистов, пятидесятников.

Свобода политического и религиозного выбора граждан не могла, однако, быстро и безболезненно утвердиться в стране, привыкшей жить в условиях сначала монархического абсолютизма, а затем — однопартийной диктатуры. Утрата прежних ориентиров расчистила путь православному фундаментализму, лидером которого в первые годы патриаршества Алексия II стал сменивший его на ленинградской кафедре митрополит Иоанн (Снычёв). В своих проповедях, статьях и выступлениях по радио и телевидению Иоанн проповедовал идеи великорусского мессианства, заимствованные из времён царизма. Согласно его утверждениям:

- Богу «угодно было сделать Русь ковчегом Своих святых, их хранителем, стражем и усердным защитником»;
- «разгадка русской истории» заключается в том, что «Россия стала средоточием, узловым пунктом вселенской борьбы добра и зла»;
- отсюда — «страх могущественных международных сил перед возможностью воскресения Святой Руси»;
- эти силы трепещут, поскольку «ни одна религиозная конфессия, за исключением Православия, не обладает необходимой духовной мощью для успешного сопротивления» их планам.

Митрополит Иоанн предлагал вернуться к старой уваровской формуле XIX в.: «Православие, Самодержавие, Народность», предусматривавшей слияние церкви и монархического государства.

Примечательно, что эти взгляды поддержало немалое число епископов. После кончины Иоанна в ноябре 1995 г. они воспроизвели их в сборнике «Выбор судьбы»¹. В Москве и Екатеринбурге были организованы демонстративные сожжения книг, в том числе трудов известного богослова священника Александра Меня², ставшего жертвой так и не обнаруженного убийцы.

Тем большее значение приобрела публикация 28 декабря 1996 г. совместного заявления Патриарха и Священного синода, в котором «несомненным успехом развивающейся российской демократии» были названы такие ценности, как «свобода самовыражения, познания, поиска истины, выбора жизненного пути, передвижения, реальная, а не декларированная свобода совести» и была сформулирована самостоятельная, отличающаяся от правительственной позиция по вопросу о тех средствах, с помощью которых достигается благая цель (*реформы*) в условиях, когда «для многих свободы, обретенные в результате перемен, обесцениваются из-за отсутствия экономической базы для их реализации»³.

В 1997 г. проблема государственно-конфессиональных отношений разделила российское общество на два лагеря. Произошло это в связи с подготовкой и принятием закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Новый закон не только вводил разрешительный порядок создания и деятельности религиозных организаций вместо прежнего заявительного, но и предусматривал их всеобщую перерегистрацию. При этом оговаривалась возможность ликвидации уже признанных ранее общин верующих, в том числе по основаниям, не упоминавшимся ни в Конституции, ни в законе 1990 г., в соответствии с которым они были зарегистрированы.

Инициаторы закона 1997 г., принятого при активном лоббировании со стороны официальных структур РПЦ, не скрывали, что рассчитыва-

¹ Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб., 1996. С. 50–52, 55, 66, 68, 75.

² Однажды, отвечая на заданный ему радиослушателями вопрос о течениях внутри русского православия, о. Александр сказал: «Довольно мощным является течение консервативное, которое резко противопоставляет себя Западу, враждебно относится ко всем реформам, идеализирует прошлое, берёт из прошлого наиболее жёсткие модели, я бы сказал, средневековые... Одна из причин — искусственный отбор, потому что все живые, экспериментирующие силы внутри Церкви беспощадно уничтожались в течение нескольких поколений... В 60-х годах среди духовенства были люди свободные, передовые. Их оттеснили. Консервативные силы сейчас господствуют. Это реакция на разрушение национальных ценностей. Раз не устраивают коммунисты — сразу давай монархию... Давайте восстановим церковь в том виде, как она была до революции. Хотя забываем, что именно потому, что она была такой, произошла катастрофа». См.: Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М., 1999. С. 228–229.

³ Церковно-общественный вестник. 16.01.1997.

ют резко сократить число признанных государством общин верующих, исключив из государственного реестра те из них, которые не являются «неотъемлемой составной частью исторического наследия народов России». Конституционный суд, однако, не позволил придать закону обратную силу, и в результате список зарегистрированных централизованных и местных объединений различных религий не только не сократился, но даже расширился. Это была победа сторонников истинной свободы совести.

Ещё одной их победой стало включение в одобренные юбилейным Архиерейским собором в августе 2000 г. «Основы социальной концепции Русской православной церкви» положения, согласно которому **«Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству», а «государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви»** (выделено в тексте документа)¹. Таким образом, вопреки давлению тех, кто тянул Церковь назад, в прошлое, тезис, который на протяжении десяти лет настойчиво озвучивался Патриархом, впервые нашёл отражение в официальном документе русского православия.

В начале 2001 г. достоянием гласности стала записка о положении дел в Московской патриархии, составленная в Администрации Президента Российской Федерации уже при В.В. Путине². Внутри церкви, констатировали её авторы, происходят важные и весьма бурные процессы, мало заметные для внешнего наблюдателя. Борьба эта в разной степени захватила все уровни церковной иерархии, начиная от рядовых мирян и заканчивая членами Синода. Патриарх, формулируя курс церковной политики, всё время вынужден оглядываться на постоянно меняющийся баланс внутрицерковных сил, учитывать взаимные отношения различных группировок епископата и позицию наиболее активных и популярных представителей православной общественности.

По словам составителей записки, «господствующей тенденцией во внутрицерковной жизни последних лет является постепенное, но неуклонное усиление консервативно-охранительных, традиционалистских сил. Эти силы одновременно несут в себе явно выраженный заряд государственного патриотизма. Поэтому именно на них можно опираться, выстраивая новую концепцию отношений государства и церкви». События последующих лет свидетельствуют, что часть действующих политиков восприняла этот совет как руководство к действию.

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви. III. 3. <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>.

² Текст записки был напечатан в газете «Община», которую издаёт известный православный деятель А. Огородников.

Нередко возникающие несовпадения между позицией Предстоятеля РПЦ, с одной стороны, и реальными действиями церкви, с другой, видны невооружённым глазом. И это объяснимо. Окончательные решения по наиболее важным вопросам, требующим официальной позиции, принимаются не единолично Патриархом, а «соборно».

Популярный церковный журнал «Фома» как-то обратился к Патриарху с вопросом: «В римском католичестве точка зрения Папы — это и есть точка зрения Церкви. В православии голосом Церкви является собор епископов. Бывает ли так, что соборное мнение и Ваше личное — не совпадают? Если такое случается, то чей голос берёт верх?» В своём ответе Патриарх признал: «Да, иногда случается. Но в этом-то и суть православной соборности — отказаться от своего мнения перед волей Церкви. Естественно, каждый епископ имеет право высказать свою точку зрения на Соборе и не согласиться с мнением большинства. Однако подчиниться воле Собора он обязан, в том числе и Патриарх, являющийся первым из епископов Поместной Церкви»¹.

Перевернутая страница, или «воспоминания о будущем»

Недолгая история постсоветской России чётко делится на два этапа: до и после вооружённого конфликта на Северном Кавказе. Вопреки воле и желанию лидеров двух наиболее крупных общин верующих: православных и мусульман, их «пасомые» оказались по разные стороны не только воображаемой, но и реальной линии фронта. Опасность создавшейся ситуации была очевидна всем сколько-нибудь серьёзным аналитикам: по различным оценочным данным, в стране проживает от 14 до 20 млн мусульман (в том числе более миллиона в одной Москве). Поэтому, приобрети конфликт религиозный характер, он поставил бы под угрозу будущее Российской Федерации.

Конфликт возник на фоне событий конца 80-х — начала 90-х годов, когда Б.Н. Ельцин в ходе борьбы с «союзным центром» провёл через Верховный Совет Российской Федерации декларацию о государственном суверенитете России и предложил всем желающим брать столько суверенитета, сколько те «смогут проглотить». Как и следовало ожидать, «парад суверенитетов» отдельных субъектов Федерации сразу же перекинулся на периферию. Титул «флагмана сепаратизма» завоевал тогда Татарстан, чья Конституция, вступившая в силу ещё до

¹ Фома. 2005. № 7 (30).

принятия российской, провозгласила республику «суверенным государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией — Россией на основе договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения»¹.

К счастью, у российских руководителей хватило разума удержаться от силовых действий по отношению к Татарстану. Не пошли они войной и на Башкортостан, Ингушетию, Калмыкию, Тыву, Кабардино-Балкарию, на другие бывшие автономные республики РСФСР, придавшие своим конституциям юридическое верховенство над российской². А вот в Чечне коса нашла на камень. Пришедший там к власти в 1991 г. на волне «суверенизации» генерал-майор Советской армии Джохар Дудаев не был признан Москвой, и развивавшаяся по нарастающей конфронтация его республики с федеральным центром привела в конце концов к трагедии. Одиннадцатого декабря 1994 г. Ельцин подписал секретный указ «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». Это и был приказ начать войну, которая официально получила название «операции по восстановлению конституционного порядка».

Сейчас мы знаем, что такого поворота событий можно было избежать. Дудаев слал Ельцину одно письмо за другим, прося о встрече, но, как стало известно впоследствии, его письма Президенту России просто не передавали. А другого реального собеседника в Чечне, по запоздалому признанию бывшего руководителя Администрации Президента С.А. Филатова, у России не было³. Как рассказывают в своей коллективной монографии члены группы помощников Президента России, его указ был подготовлен за их спиной. Более того, помощник по национальной безопасности (ныне космонавт) Юрий Батурин настоятельно убеждал Ельцина, что «военного решения вопроса нет»⁴.

Аналогичную позицию занял тогда Экспертный совет при Президенте. По свидетельству военного историка генерала Д.А. Волкогонова, который в 1994 г. входил в состав этого совета, все 15 членов этого консультативного органа выступили за политическое урегулирование в Чечне. «Мы все как один, — пишет генерал, — высказались категорически против военного решения: ни в коем случае! В конце ноября конфликт в принципе можно было решить за 2–3 часа, пригласив Дудаева

¹ См.: <http://www.tatar.ru/president/more.php?type=pubs&id=281>.

² Парламентская газета. 07.04.1998.

³ Филатов С.А. Совершенно несекретно. М., 2000. С. 252.

⁴ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 598–608.

в Кремль. Можно вполне предположить, что в ответ на признание его Президентом Дудаев согласился бы с тем, что Чечня является неотделимой частью России. А потом очередные выборы в Чечне поставили бы всё на место мирным и конституционным путём»¹.

Сходной точки зрения придерживается генерал ФСБ А.Г. Михайлов, который, по его словам, находился в гуще событий 1994–1997 гг. и «видел ситуацию с позиций собственного положения». Вспоминая о жертвах войны в самой Чечне и за её пределами, он на трёх первых страницах своей книги перечисляет упущенные возможности предотвратить эту трагедию. И начинает один из абзацев словами: «Если бы Джохара Дудаева восприняли как перспективную фигуру... допустим, дали бы ему звание генерал-лейтенант (чеченцев с таким рангом не было)...» Забегая вперёд, отметим, что Москва упустила и пришедшего на смену погибшему в 1996 г. Дудаеву полковника той же Советской армии Аслана Масхадова, который, как отмечает автор книги, «высказывался за особый статус Чечни, но в составе России», «втянулся в войну вынужденно» и «стал выдающимся военачальником в условиях локального конфликта»².

Среди скрытых пружин конфликта с самого начала не было ни одной, которая реально затрагивала бы религию. Религиозный фактор в нём проявился намного позже, когда в горах и долинах Чечни зазвучали взрывы и полилась кровь. Незадолго до начала боевых действий, 2 декабря 1994 г., на еженедельном пятничном богослужении в Московской соборной мечети было принято обращение к Ельцину с призывом «найти путь к мирному разрешению чеченского кризиса». В нём, в частности, говорилось: «Серьёзность сложившейся внутригосударственной ситуации, затрагивающей интересы всех слоёв российского общества, все традиционные религии, заставляет нас, мусульманское духовенство, обратиться к Вам, господин Президент, с настоятельной просьбой предотвратить военную эскалацию в Чечне». Не нужно быть крупным военным стратегом, чтобы понять, что за циничным выбором в пользу силового решения чеченского вопроса стоит безответственность за судьбу многонациональной России, помноженная на плохо усвоенные уроки бесславной войны в Афганистане³.

Мусульман поддержали православные. Шестого декабря 1994 г. Патриарх Алексей II выступил с заявлением, в котором напомнил, что

¹ Куранты. 15.02.1996.

² Михайлов А.Г. Чеченское колесо. Генерал ФСБ свидетельствует. М., 2002. С. 4, 192, 194, 196.

³ Асадуллин Ф. Москва мусульманская. М., 2004. С. 251.

насилие порождает не мир, а лишь ответное насилие¹. На четвёртый день войны, 15 декабря, предстоятель РПЦ и лидер чеченских мусульман Мухаммад-Хусейн Алсабеков подписали совместный документ, в котором констатировали, что в Чечне «во множестве проливается кровь христиан и мусульман». Авторы документа требовали «возобновить переговоры между чеченским руководством и федеральной властью России». Назвав случившееся «богопротивным конфликтом», они предупредили, что «использование святых для христиан и мусульман символов и понятий в целях разжигания вражды... есть грех и беззаконие перед лицом Всевышнего».

Несколько дней спустя, 26 декабря, было распространено новое, может быть, самое драматическое заявление Патриарха: «Никакие, даже самые справедливые и законные, соображения государственной пользы не могут оправдать жертв и страданий мирного населения. Никакие, даже самые благие, цели не должны достигаться методами, могущими привести к огромной несправедливости и в итоге породить многократное умножение насилия, что будет губительно для всей России»².

Предостережения Патриарха и мусульманских муфтиев услышаны не были. Ни теми приближёнными к Ельцину и оставшимися в тени людьми, которые делали ставку на насилие в своих личных или корпоративных интересах, ни внутри РПЦ. Войну в Чечне активно поддерживала, в частности, созданная в 1993 г. по инициативе Отдела внешних церковных сношений РПЦ (с 2000 г. — связей) церковно-общественная структура Всемирный русский народный собор (к её деятельности мы вернёмся ниже, в следующем параграфе).

Алексий II приветствовал прекращение военных действий в 1996 г., а незадолго до их возобновления осенью 1999 г. вновь предостерёг против ставки на военное насилие. В большой статье, опубликованной на страницах «Независимой газеты», Патриарх с сожалением отмечал: «Российская элита не могла себе представить, что ни военный “кнут”, ни экономический “пряник” не заставят чеченский народ отказаться от своей самобытности, от права устроить жизнь согласно собственным представлениям о добре и зле»³.

И опять предстоятель РПЦ не был услышан российскими политиками. Как не был услышан ими и самый влиятельный мусульманский

¹ Информационный бюллетень ОВЦС. 13 января 1995. С. 3.

² Там же.

³ *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Мир на перепутье. Глобальные общественные процессы перед лицом новых нравственных вызовов // Независимая газета. 11.06.1999.

руководитель шейх Равиль Гайнутдин, выступивший 15 ноября 1999 г. с заявлением, в котором обратил внимание на происки «разрушительных сил, заинтересованных в расколе страны по национальному и религиозному принципу». «Эти силы, — констатировал Гайнутдин, — используют трагические события на Северном Кавказе, террористические акты в центре России для развязывания оголтелой антиисламской пропаганды, создания в лице мусульманина образа врага»¹.

Известный специалист по исламу профессор Л. Сюкияйнен напомнил в этой связи, что «мусульмане... не пришлый народ. В отличие, например, от турок или алжирцев, которые приехали в шестидесятые годы работать в Германию и Францию, да так там и остались». Учёный выражал сожаление в связи с тем, что представители власти воспринимают порой российских мусульман как «чужаков», забывая, что «даже на московских улицах, где у них милиция то и дело проверяет документы, эти люди — у себя дома. Каково же им слышать: “Чего чёрным здесь надо?” Можете представить, какие ответные чувства рождаются в душах»².

А рождались тогда чувства обиды, горечи чем угодно, но — всё же — не религиозной враждой. Проживающий в Москве вице-президент Фонда поддержки демократии и социального прогресса, министр иностранных дел в дудаевском правительстве Шамиль Бено пояснял в интервью интернетовскому изданию Портал-Credo.Ru, что «в первые годы независимости доминирования исламизма в Чечне не могло быть по определению». По его словам, дело не только в том, что там ещё не существовало соответствующей религиозной инфраструктуры, но и в том, что большинство образованных людей «были носителями общесоветской, необольшевицкой культуры».

Первые фундаменталистские школы в Чечне появились после военной кампании 1994–1996 гг. «Совершались преступления, чему я сам свидетель, — продолжал Ш. Бено. — Мой сын, которому тогда было пять лет, чудом спасся от игольчатой кассетной бомбы. Тогда эта бомба убила более ста человек гражданских лиц. Чеченцы смотрели на это с ужасом и думали: как может Москва, федеральная власть так истреблять людей? Это всё приводило к поискам ответа на вопросы. В дальнейшем ассоциирование себя с исламским джихадом в чеченском сопротивлении укрепилось»³.

«Чеченизация» конфликта после прихода к власти в России В.В. Пুтина позволила изменить вектор военной конфронтации, переведя её

¹ Цит. по ксерокопии документа с личной подписью шейха.

² Общая газета. 13–19.08.1998.

³ Портал-Credo.Ru. 3 мая 2005.

в плоскость борьбы между местными кланами за доминирование в Чечне. К этому моменту многие боевики решили отодвинуть проблему отношений с Москвой на второй план, чтобы обеспечить собственные стратегические интересы. Заметными вехами «чеченизации» стали переход на сторону федералов бывшего муфтия Чечни Ахмада Кадырова и его назначение Путиным в 2000 г. на пост руководителя чеченской администрации, а затем избрание в 2003 г. президентом республики; бегство за рубеж и убийство в феврале 2004 г. его соперника Зелимхана Яндарбиева; ответное убийство в мае того же года самого А. Кадырова; физическое устранение в 2005 г. перешедшего на нелегальное положение Аслана Масхадова; эмиграция других реальных и потенциальных претендентов на руководство Чечней; постепенное возвышение Кадырова-младшего вплоть до его избрания президентом в марте 2007 г.

Между тем нельзя не согласиться с бывшим советником Б.Н. Ельцина генеральным директором Центра этнополитических и региональных исследований профессором Э.А. Паиным, который отмечает, что «Чечня времён Рамзана Кадырова фактически более независима, чем во времена Дудаева и Масхадова». Место этнической консолидации местного населения, констатирует учёный, заняла религиозная. «Всё изменилось с усилением нового, нетрадиционного для России течения ислама — салафитского, который часто некорректно называют ваххабитским. Именно он привёл к сплочению некогда враждовавших этнических групп. Через него усиливается роль мировых исламских движений как идейной, организационной, да и финансовой опоры новых, теперь уже больше религиозных, чем этнических движений. Изменились и цели борьбы — вначале боремся за замену светской власти духовной, а затем уже определим, где закончатся границы великого имамата»¹.

Действительно, дух «конфликта цивилизаций» всё шире распространяется по территории, где до 1994 г. никто не ведал о его существовании. Как отмечается в обзоре российского исламского аналитического центра «Амаль», «мир не вернул сюда русских, кроме сотрудников силовых структур и всё более малочисленных чиновников». Среди московских экспертов нередко слышится: «Чечня — это чемодан со взрывчаткой, но без ручки. Хочется выбросить, но тогда он взорвётся»². А что если за этим чемоданом появятся новые? Ведь утверждают же некоторые аналитики, что Чечня была тем полигоном, на котором тестировались ва-

¹ Паин Э.А. Распутица. Полемиические размышления о предопределённости пути России. М., 2009. С. 172–173.

² Медина аль-Ислам. 21–27.09.2007. № 11 (35).

рианты дальнейшего дробления географического пространства, именовавшегося прежде Российской империей, а затем Советским Союзом.

«Главенствующая», «традиционные» и «секты»

Слова, вынесенные в заголовок этой части главы, обычно употребляются представителями РПЦ для обозначения:

- самой этой церкви;
- религиозных объединений мусульман, иудеев и буддистов;
- всех остальных религиозных организаций страны (некоторые из них при этом именуются даже не просто «сектами», но «тоталитарными сектами»).

На самом деле все эти слова соответствуют (в переводе с церковно-сленга) терминам, использованным в преамбуле к закону 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» для обозначения неодинаковой степени вклада различных вероисповеданий в историческое наследие народов России¹.

В ходе ожесточённых словесных баталий во время подготовки и принятия закона 1997 г. его поборники успокаивали своих оппонентов заверениями, что преамбула не является регулирующей нормой закона (что соответствовало действительности) и не будет использоваться для ущемления прав неправославных религиозных организаций (что оказалось неправдой). В итоге Россия до сих пор дрейфует между свободой совести и разделением граждан на «своих» и «чужих».

Неправомерность широкого использования терминологии РПЦ в официальных документах государственных учреждений убедительно доказали наши ведущие юристы, социологи и религиоведы, такие как покойный зав. кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации Н.А. Трофимчук, ушедший недавно из жизни председатель Экспертного совета для проведения государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации М.П. Мчедлов, а также сопредседатели Славянского правового центра А.В. Пчелинцев и В.В. Ряховский.

Отмечая, что термин «господствующая», по определению, не может использоваться у нас ввиду его несовместимости со статьёй 14 Кон-

¹ В преамбуле говорится, что Федеральное Собрание принимает закон, «признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

ституции, А.В. Пчелинцев пишет: «Термины “традиционная религия” и “секта” довольно часто употребляются на бытовом уровне и в средствах массовой информации. Однако ни в Конституции Российской Федерации, ни в законодательстве они не встречаются. Термину “традиционные религии” непросто дать нормативно чёткое и однозначное толкование. С какого момента начинается традиция? Где хронологические, количественные и качественные критерии этого понятия? Что касается термина “секта” (производное — “тоталитарная секта”), то он не является научным термином и в религиозной научной литературе практически не используется. Живучесть данного термина в современном русском языке связана с предрассудками, уходящими в историю Отечества. При наличии господствующей государственной православной религии все остальные религии были терпимыми либо гонимыми. В дореволюционном законодательстве даже присутствовало понятие «зловредная и менее зловредная секта». К таковым царский режим относил, например, ряд протестантских течений. Напомню, что все крупнейшие религии в начале своего пути были не более чем сектами»¹.

Требование обеспечить РПЦ «главенствующую роль среди других традиционных конфессий в России, где большинство населения — православное», было впервые сформулировано незадолго до начала первой чеченской войны церковно-общественной организацией под названием Всемирный русский собор (с декабря 1995 г. — Всемирный русский народный собор). В дальнейшем, между 1993 и 1999 гг., аппарат ВРНС разработал стратегию, ориентированную на отказ от принципов светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом.

Согласно этой стратегии мусульмане, буддисты и последователи иудаизма могут мирно сосуществовать с православными в одном с ними российском (синоним — русском) государстве лишь постольку, поскольку они адресуются: первые — к татарам (башкирам, северокавказцам), вторые — к бурятам, тувинцам и калмыкам, третьи — к евреям. При этом они должны признавать «главенствующую» роль православия и его особое положение в государстве, обозначенное в преамбуле к закону 1997 г.

Претензии на подобное распределение на «канонической территории» РПЦ аргументируются принадлежностью чуть ли не всего русского населения к православию². отождествление «русскости»

¹ Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. М., 2007. С. 103–106.

² Видеозапись диалога митрополита Кирилла с радиослушателями доступна по интернет-адресу: mms://pit.vor.ru/efir/180304_low.wmv. Мы цитируем его высказывания по тексту, опубликованному в Информационном бюллетене ОБЦС. Март 2004. № 3. С. 68–80.

и «православности» не является оговоркой. Оказавшись в условиях религиозной свободы лицом к лицу с «инославными» религиозными объединениями, которые обращаются ко всем россиянам, независимо от их этнической принадлежности, в том числе и к славянам, церковно-административные структуры РПЦ часто проигрывают протестантам и — хотя и в меньшей степени — католикам. Против них-то и был направлен, по существу, закон 1997 г.

У буддистов и последователей иудаизма претензии РПЦ на монопольное обладание правом на проповедь среди этнических славян особых эмоций не вызывали. Признание в преамбуле к закону этих религий «неотъемлемой частью исторического наследия народов России» дало им своего рода охранную грамоту.

Антисемитизм в России тоже не связан с религией. Он просто «вписался» в линию поведения, нацеленную не на консолидацию общества, а на поиски врага, констатирует в своей монографии «Как живут евреи в России» Р.В. Рывкина. Врагами были объявлены чеченцы, напоминает автор монографии. Занявшись «поиском врагов», можно «списывать» негативные элементы нашей жизни равным образом и на евреев¹.

Российские мусульмане, естественно, также не возражали против закона и преамбулы к нему. Как и следовало ожидать, они не собирались порывать с собственной национально-культурной идентичностью и менять её на русско-православную. Единственным мусульманским лидером, демонстрирующим безграничную преданность православию, оказался муфтий из Уфы Талгат Таджуддин. Он даже переименовал свою централизованную структуру в Исламское центральное духовное управление мусульман Святой Руси².

¹ Рывкина Р.В. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М., 2005. С. 426–429.

² В начале апреля 2003 г., выступая на митинге в Уфе, Т. Таджуддин удивил своих единоверцев, объявив, что в ответ на вторжение американских войск в Ирак начинает сбор пожертвований на закупку оружия и создание отрядов добровольцев для отправки в зону боевых действий. Заместитель председателя ОВЦС архимандрит Марк, подтвердив, что РПЦ всегда активно сотрудничала с Таджуддином, заявил, что «не стоит придавать значения его эмоциональным высказываниям». В Госдуме на инициативу Таджуддина отреагировал заместитель председателя Комитета по обороне генерал-майор Н.М. Безбородов. Он сказал, что «с юридической точки зрения никто не может помешать мусульманам России собирать деньги на закупку продовольствия и медикаментов для Ирака», но при этом добавил, что поставка оружия в Ирак противозаконна и российское руководство её не допустит. Генеральная прокуратура России, со своей стороны, сообщила, что начинает проверку соответствия действий главы ИЦДУМ Святой Руси российскому законодательству. После чего скандал потихоньку был погашен. См.: <http://religion.sova-center.ru/events/13B74CE/146FE60/173F910?print=on>.

В 1996 г. был создан Совет муфтиев России. Его возглавил шейх Равиль Гайнутдин, председатель Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР). К Совету примкнули и другие Духовные управления мусульман, в том числе поволжское и сибирское. При своём избрании и впоследствии Гайнутдин не раз возвращался к тезису о том, что «ничего, кроме вреда, не могут принести раздающиеся в последнее время всё чаще и чаще утверждения о единственном — православном — прошлом, настоящем и будущем России»¹.

Первого апреля 1999 г. Гайнутдин направил руководителям государства письмо, в котором вслед за лидерами ряда других религиозных организаций (главным образом, протестантских) подверг критике практику предоставления православным священникам права решать судьбу инаковерующих. «Мусульмане России с искренним уважением относятся к Русской православной церкви, — указывал он. — Но мы не можем и по закону не должны каждый случай появления новой общины, строительства мечети согласовывать с деятелями РПЦ». А этого от них часто требовали местные власти.

Приведя несколько конкретных примеров того, как мусульманам отказывают в регистрации общин и препятствуют строительству мечетей под тем предлогом, что речь идёт об «исконно русских территориях», Р. Гайнутдин предостерегал: подобная практика может привести к ответным действиям со стороны тех, кто живёт на «исконно татарских, башкирских, балкарских, узбекских, азербайджанских, дагестанских и т.д. землях. Но на сей раз они будут направлены против русских, против православия». «Споры о том, кому какая территория принадлежит, ни к чему хорошему не приведут», — убеждён муфтий.

Церковно-административные структуры РПЦ придерживаются иной точки зрения. В частности, ими была предпринята попытка поставить под свой «духовный» контроль Российскую армию и другие силовые структуры. Восемнадцатого июля 1995 г. в рамках РПЦ был создан специальный Отдел по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями (далее — Военный отдел). Как сообщил в докладе на Архиерейском соборе РПЦ в августе 2000 г. первый председатель отдела епископ Красногорский Савва, в основу его повседневной работы были положены подписанные к тому времени эксклюзивные соглашения РПЦ с Минобороны, МВД, МЧС, Федеральной пограничной службой, Главным управлением казачьих войск и другими силовыми ведомствами.

¹ Гайнутдин Р., муфтий. Обращения, выступления, статьи. М., 1998. С. 78.

С самого начала в штат отдела наряду со священнослужителями был включён кадровый офицер, занявший должность руководителя информационно-аналитической службы. Кроме того, по одному дню в неделю в отделе стали трудиться в качестве консультантов офицеры силовых структур, подписавших соглашения с церковью. Выступавший на Архиерейском соборе в октябре 2004 г. новый председатель Военного отдела протоиерей Димитрий Смирнов сообщил, что отдел работает сейчас по пяти направлениям: армия, милиция, тюрьма, остальные структуры плюс издательско-миссионерское направление.

О содержании работы отдела, его сотрудничестве с соответствующими государственными структурами и о взглядах представителей обеих сторон можно судить по материалам, публикуемым в официальном печатном органе отдела «Победа, победившая мирь». Эта газета ставит под сомнение принцип отделения церкви от государства, более того — призывает к слиянию РПЦ и государственных структур в некий «единый организм», разжигает межконфессиональную вражду, бездоказательно обвиняя неправославных верующих в шпионаже в пользу иностранных государств¹.

¹ «Действовать как единый организм» — так озаглавил свой доклад в Академии Генштаба на XIII Рождественских чтениях зимой 2005 г. председатель отдела. По мнению докладчика, следовало бы взять на вооружение «опыт наших богобоязненных предков, сумевших победить могучего врага, превратив страну, по сути, в один военный лагерь, в одну общину, в один большой монастырь». См.: Победа, победившая мирь. 2005. № 2/30. Полгода спустя он продолжил критику основ конституционного строя России: «Отделение Церкви от государства — это термин, придуманный Французской революцией, и до сих пор настоящего юридического толкования не имеет». См.: Там же. 2005. № 7/35.

Газета более чем ясно, сформулировала свою позицию в вопросе об отношениях с христианами других конфессий: «У нас в России баптисты, а также многие другие сектанты (иеговисты, новоапостолы, адвентисты седьмого дня и многие другие), финансируемые из-за рубежа, традиционно являются “пятой колонной”, и их деятельность направлена на расшатывание государственных устоев и дискредитацию воинской службы». А вот цитата из другой статьи, напечатанной в том же номере: «Иностранные миссионеры активно используют официальные возможности общественных и религиозных организаций по осуществлению разведывательной деятельности и продвижению своих интересов». См.: Там же, 2005, № 3/31.

«Волки в овечьей шкуре» — так озаглавил свою публикацию представитель Новосибирской епархии РПЦ. «Сегодня и Сибирская земля, и Россия в целом находятся в состоянии идеологической оккупации, — бьёт он тревогу. — Секты делают всё, чтобы показать мускулы и заявить о себе как о непреходящем факторе российской действительности». См.: Там же, 2005, № 2/30.

Все представляемые Военным отделом в качестве врагов неправославные религиозные объединения имеют официальную государственную регистрацию, а некоторые даже входят в состав президентского Совета. Но и это не помешало руководителю отдела прийти 23–25 апреля 2001 г. на конференцию «Тоталитарные секты — угроза XXI века», чтобы предложить свой оригинальный рецепт борьбы с ними: «Двум человекам в лю-

В том же направлении совместно работали некоторые сотрудники ОВЦС и их коллеги из аппарата ВРНС. Их очередной стратегический проект, разработку которого спонсировали фонд «Русский предприниматель» и Федеральное агентство РФ по военно-техническому сотрудничеству, получил наименование «Русская доктрина». Проект вышел из-под пера 70 разработчиков в виде 800-страничного текста и был признан «в основном готовым». Двадцатого августа 2007 г. после «соборных слушаний» было объявлено, что сформулированные в «Русской доктрине» предложения «могут стать основой идеологии и разумной модернизации России на ближайшие годы»¹.

Выпущенный по этому поводу пресс-релиз пестрил такими терминами как «динамичный консерватизм», «миродержавие», «сверхнационализм», «смыслократия», «сетевая империя», «макрос государственности» и т.д. Своим идейным предшественником авторы документа считали покойного митрополита Иоанна. При этом они довели его идеи до логического завершения, объявив, что «Россия стоит в ряду таких духовных символов, как Бог, святыня, вера»².

Представляет интерес реакция на «Русскую доктрину» российских мусульман. Её резюмировал перешедший в 1999 г. в ислам бывший православный протоиерей и член Президиума Верховного Совета РСФСР доктор философских наук Али Вячеслав Полосин, ныне советник Совета муфтиев России. По его словам, часть исламских аналитиков готовы «вовсю противостоять любым попыткам православной клерикализации». Другие, однако, «считают, что «Русская доктрина» и ей подобные — это фактически скопированная с некоторых мусульманских государств модель, идеально подходящая для того, чтобы после демографического прироста мусульман и формирования

бом городе вполне под силу узнать адреса, фамилии, имена, отчества, домашние адреса руководителей всех существующих сект. Ну, можно создать плакаты и на ксероксе их размножить. И можно их сфотографировать при выходе из дома. Чтобы каждый житель города знал их в лицо. И пусть продолжают жить. ...И я думаю, для многих будет достаточно, чтобы отсюда уехать. По крайней мере, не один кирпич полетит в эту форточку». См.: Независимый психиатрический журнал. 2001. № III. С. 57–58.

Слово «ислам» упоминалось в газете, как правило, только в связи с конфликтом на Северном Кавказе и в негативном контексте. В остальном же его в России как бы и нет вообще. Выступая 21 июня 2005 г. на «круглом столе» в Москве, посвящённом религиозному обучению, председатель Военного отдела заявил: «Ни о каком реальном влиянии ислама и исламской культуры в нашей стране говорить нельзя». В этой связи он вступил в полемику с верховным главнокомандующим: «Существует ряд мифов, которые тиражируются, к сожалению, даже нашим президентом. Один из них - что Россия многонациональная страна». См.: Известия. 22.06.2005.

¹ См.: <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=9#n17>.

² См.: <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=6&o=5>.

их элиты легко и естественно заполнить уже подготовленную чужими руками структуру, которую и менять не надо»¹.

Публикация манифеста «православных сверхнационалистов» совпала по времени с приближавшимся завершением срока президентских полномочий В.В. Путина и поставила РПЦ в щекотливое положение: «Русская доктрина» открыто призывала к насильственному изменению государственного строя нашей страны и установлению режима диктатуры². В итоге анонсированное ранее обсуждение доктрины на очередном форуме ВНРС не состоялось, а митрополит Кирилл дистанцировался от этого документа, заявив: «Мы должны осознать, что все, кто призывает нас к национально-религиозной обособленности, на самом деле просто хотят, чтобы Россия как великое государство более не существовала. Всё это не просто безответственное фантазирование, не просто конструирование абстрактных философских схем, это взрывоопасные идеи, которые могут обернуться катастрофой для нашей страны... Любовь к своему народу, религии, не должна ограничивать приятие и доброе отношение к представителям других взглядов. Истинный патриотизм не пренебрегает духовными достижениями иных стран и народов, он стремится постигнуть и усвоить их, чтобы обогатить свою культуру»³.

¹ Полосин Али Вячеслав. Размышления о «Русской доктрине»: Евразия или Азиопа? // Медина аль-Ислам. 5—21. 09. 2007. № 10 (34).

² Идеальный (с точки зрения авторов проекта) «глава Государства (президент, правитель и т.д.), являющийся одновременно верховным главнокомандующим, должен сосредоточивать в своих руках рычаги верховной законодательной, исполнительной власти, иметь право относить к своей компетенции любое решение и давать прямые указания на любой уровень управленческой вертикали». И далее: «Глава Государства должен выступать безусловным национальным лидером. Его избрание на этот пост должно осуществляться не столько “количественным” всенародным голосованием, сколько “качественной” общенациональной поддержкой — голосованием народных советов, одобрением Сената, Военного совета и Православной Церкви и, по возможности, мнением (завещанием или рекомендацией) прошлого Главы Государства». Согласно документу, «только репрессии способны восстановить органичную систему социальных статусов, расставить чиновников по надлежащим местам и устранить препятствия для нормализации положения несущих сословий». При этом отбор руководящих кадров предлагалось осуществлять «с помощью замаскированных под медицинские проверки методик (скрытое зондирование)», позволяющих «стопроцентно определить, кто искренне предан делу возрождения Русской цивилизации». См.: Русская доктрина. Сергиевский проект. М., 2008, С. 21—24, 264, 350, 411.

³ Информационный бюллетень ОВЦС. Февраль 2008. № 2. С. 23

Государство между церковью и конституцией

Сегодня мы живём в стране, половина населения которой утратила былую религиозность, а другая половина придерживается и, видимо, отныне всегда будет придерживаться самых различных религиозных взглядов. К 1 января 2007 г. в государственном реестре Российской Федерации¹ фигурировали в общей сложности 22 956 религиозных структур почти семидесяти различных направлений. 12 499 из них, т.е. несколько больше половины, относились к РПЦ. Второе и третье места поделили между собой мусульмане и протестанты (абсолютно точных цифр численности их структур не существует, так как многие мусульманские и протестантские общины по разным причинам функционируют без регистрации и, следовательно, выпадают из статистики Минюста). Далее с большим отставанием следуют иудеи (296), католики (250) и буддисты (203 структуры).

Среди тех, кого РПЦ именует сектантами, официальную государственную регистрацию имеют протестантские организации Свидетели Иеговы (413 структур), Новоапостольская церковь (83), Армия спасения (10)², не считающие сами себя протестантами мормоны (54)³, а также члены Общества Сознания Кришны (77), молокане (25), последователи Веры Бахаи (19), Церкви объединения Муна (8), Церкви последнего завета (7), саентологи (1) и некоторые другие.

Второй президент России заявляет о своей принадлежности РПЦ, что на самом деле не противоречит Конституции. Как таковой он принял самое непосредственное участие в преодолении унаследованного от Гражданской войны 1918–1922 гг. разделения российского православия на «советское», оставшееся на родине, и зарубежное, которое более 80 лет жило собственной жизнью в вынужденной эмиграции.

Когда в январе 2005 г. в недрах Госдумы родилось письмо группы ультранационалистов в Генпрокуратуру Российской Федерации с тре-

¹ Справка Минюста России «Состав и количество религиозных организаций и представительств иностранных религиозных организаций, состоящих на учёте в Федеральной регистрационной службе на 1 января 2007 г.» опубликована полностью в: Религия и общество. Ч. II. Религиозные традиции в условиях глобализации // Доклады Института Европы РАН. № 199. М., 2007. С. 114–118.

² Сведения об этих организациях можно найти в главе «Протестантизм в России», включённой в учебник «История религий в России», который был выпущен Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2001 г.

³ Почитая Библию Ветхого и Нового Завета, мормоны считают столь же священной «Книгу Мормона», повествующую о явлении Христа жителям американского континента.

бованием объявить вне закона иудаизм и еврейские общественные организации, реакция президента была однозначно негативной. Выступая в Кракове на церемонии по случаю 60-летия освобождения Освенцима, он заявил, что ему стыдно за проявления антисемитизма в России. «Хотя Путин и не упомянул об этом письме, — сообщало 3 февраля онлайн-агентство «Ньюс-Ру», — его краковское выступление было воспринято в России как прямой ответ тем, кто написал и подписал антисемитский документ»¹.

Личным успехом В.В. Путина можно считать принятие России в июне 2005 г. в качестве наблюдателя в Организацию Исламская Конференция — вторую по числу членов после ООН. А в феврале 2007 г. России был предоставлен статус наблюдателя в Исламской организации по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО)². Успех был двойным: упрочились позиции Российской Федерации в её диалоге с мусульманским миром, и понизился градус взаимного недоверия в отношениях Кремля с духовными управлениями российских мусульман.

Ещё одной успешной инициативой второго президента Российской Федерации стало проведение в Москве летом 2006 г. Всемирной встречи религиозных лидеров. Её номинальным организатором был функционирующий под эгидой ОВЦС Межрелигиозный совет России, но большую заинтересованность в ней проявили и государственные структуры. Они включили её проведение в план мероприятий по подготовке другой международной встречи — «Большой восьмёрки» в Петербурге. Конкретным итогом московского форума стало переданное через Путина послание «восьмёрке» с предложением о сотрудничестве государственных и конфессиональных структур в планетарном масштабе.

Казалось, можно было бы только радоваться тому, что на смену воинствующим атеистам недавнего прошлого в качестве «первого лица» в России выступает верующий человек. Однако «бегущие впереди паровоза» чиновники и подобострастные руководители СМИ сделали всё, чтобы породить в обществе опасения по поводу возможного отката страны к традициям царской России.

Второй президент множество раз заявлял, что не собирается вносить предложения об изменении действующей Конституции. Он неоднократно напоминал и о том, что Российская Федерация — много-

¹ См.: http://www.newsru.com/russia/03feb2005/worry_print.html.

² Копстелёв И.К. «Исламский вектор» во внешней политике современной России // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Нижний Новгород, 2007. С. 79.

национальное и многоконфессиональное государство. Это, однако, не помешало высокопоставленным должностным лицам вести себя вразрез с этой, официально объявленной позицией.

Анализ эволюции государственно-конфессиональных отношений в постсоветский период подводит к выводу, что после того, как у нас были заложены основы конституционного строя, в стране начался и продолжается обратный процесс, направленный на разрушение этих основ. Он не изменил своего вектора с приходом в 2008 г. нового главы государства — Д.А. Медведева и развивается по тем же двум основным, иногда пересекающимся, а в других случаях параллельным направлениям. Рассмотрим их по порядку.

1. Взаимопроникновение церковно-административного аппарата РПЦ и государственных структур.

Как сообщила издаваемая РПЦ газета «Церковный вестник» в ноябре 2006 г., Патриарх Московский и всея Руси включён в список «протокольного старшинства российских официальных лиц» под номером 5 (предыдущие четыре строки в нём занимают президент, премьер-министр, а также председатели Совета Федерации и Государственной Думы)¹.

Можно не сомневаться в том, что предоставление Патриарху официального статуса в номенклатуре государственных должностей было инициировано отнюдь не Алексием II. Как предстоятель церкви, он в этом не нуждался. Но таковы уж традиции аппаратной игры чиновников: игнорируя Конституцию, они не смогли удержаться от соблазна распространить принадлежащую им «каноническую территорию» на отделённые от государства религиозные объединения. При этом им невдомёк, что, демонстрируя свою «милость» они, тем самым компрометируют человека, бесконечно далёкого от суетности мира.

«Обхаживание» Патриарха сопровождалось непрекращающимся потоком заявлений о «главенствующей» роли РПЦ в жизни государства. А в стенах Думы то и дело рождаются законопроекты, призванные вознести РПЦ до высот, которые до 1990 г. занимала «руководящая и направляющая сила советского общества».

Распространённым нарушением законодательства, чреватых далеко идущими последствиями, стало массовое открытие храмов РПЦ на территории государственных учреждений, министерств и ведомств, чья деятельность должна служить интересам всего общества, независимо от религиозных (или нерелигиозных) взглядов его чле-

¹ Церковный вестник. Ноябрь 2006. № 22 (347). С. 3.

нов¹. Ещё в середине 90-х годов на этот путь вступили Министерства обороны и внутренних дел.

Шестого марта 2002 г. был освящён православный храм в честь Софии, Премудрости Божией на территории комплекса зданий Федеральной службы безопасности России. На церемонии освящения присутствовали тогдашний директор ФСБ Н.П. Патрушев и другие руководители ведомства. После богослужения директор службы в своём выступлении прямо связал открытие храма с профессиональной деятельностью «ведомства, сотрудники которого несут нелёгкую службу по защите Российского государства»².

Посещение богослужений стало своего рода показателем благонадёжности для всех работников бюджетной сферы, независимо от их реального отношения к религии. К «силовикам» присоединились другие правительственные учреждения, в частности Министерство иностранных дел, занявшееся за рубежом строительством и оборудованием православных храмов, в том числе в зданиях посольств и миссий Российской Федерации.

Тот же процесс начался в судебной системе. Двадцатого апреля 2006 г. руководители Славянского правового центра А.В. Пчелинцев и В.В. Ряховский обратились к Председателю Верховного Суда и Генеральному прокурору Российской Федерации с открытым письмом, в котором обратили их внимание на нарушение светского характера судопроизводства в Московском городском суде, где, вопреки действующему законодательству, сооружена православная часовня. В письме отмечалось, что на территории Мосгорсуда, по существу, создана состоящая из его сотрудников религиозная община, которую «окормляет» духовенство близлежащего православного храма.

Нужно ли после этого удивляться тому, что клерикально ангажированный состав суда отказался дать санкцию на перерегистрацию в столице московских отделений целого ряда неправославных религиозных организаций, внесённых в государственный реестр Министерства юс-

¹ Статья 17 подписанного В.В. Путиным закона «О государственной гражданской службе» от 27 июля 2004 г., исходя из норм Конституции, прямо запрещает создавать в государственных структурах структуры религиозных объединений или способствовать созданию указанных структур. Аналогичный запрет фигурирует в статье 8 закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. (с последующими изменениями и дополнениями): «5. Создание религиозных объединений в воинской части не допускается». См.: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты, судебная практика и заключения экспертов. М.: Юриспруденция, 2006. С. 263, 265.

² Сообщение ОВЦС. 6 марта 2002 г.

тиции Российской Федерации? А в сентябре 2005 г. группа мусульман, добившаяся через Мосгорсуд уважения своих прав, отозвала исковое заявление, посчитав для себя оскорбительным участие в разбирательстве его судьями, афиширующими свою принадлежность к РПЦ¹.

Резко обострилась в России и полемика относительно преподавания «Основ православной культуры». История этого вопроса подробно описана в монографии Э.Д. Днепров, министра образования России в 1991–1992 гг.²

Поводом для нынешнего накала страстей стало принятое в марте 2007 г. решение ВРНС добиваться закрепления и расширения практики преподавания этого предмета в российских школах³. Правозащитники, в том числе и те, кто был в принципе согласен с этим шагом, обращали внимание, что к этому не готовы ни общество, ни сами религиозные организации⁴. Специалисты-религиоведы высказывались в этой связи за более широкий подход — изучение истории мировых религий, включая все христианские конфессии, ислам, иудаизм и другие вероисповедания, распространённые в нашей стране и за рубежом.

Двадцатого июля 2007 г. председатель комиссии Общественной палаты по вопросам регионального развития и местного самоуправления В.Л. Глазачев, выступая при обсуждении ежегодного доклада

¹ При формировании православной общины Мосгорсуда во главе её изначально встало руководство этого судебного учреждения. На закладке первого камня будущей часовни Святителя Николая Чудотворца 31 июля 2004 г. присутствовали председатель Мосгорсуда, заместители председателя, судьи и другие работники судебного ведомства. Впоследствии по просьбе работников суда было решено провести ряд бесед о православном устроении жизни, а проповеди православного священника были распространены среди сотрудников Мосгорсуда как «руководство в их ответственной работе». См.: http://www.rlinfo.ru/press/pr200620_04a.html.

² «Ещё в 1992 г., — пишет он, — руководство РПЦ громогласно заявило в прессе, что “церковь завоюет школу”. После чего мне пришлось вести длительные переговоры с этим руководством по поводу того, что милитаристская лексика типа “завоюем” не свойственна духовному сану и что школа у нас отделена от церкви. ...От длительной противоправной осады сферы образования РПЦ перешла к откровенной демонстрации того, кто в доме хозяин. ...Вся эта клерикальная затея свидетельствует не о декларируемом всюду укреплении государства, а, напротив, о его ослаблении, о его прислужнической роли в своём собственном доме». См.: *Днепров Э.Д. Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования.* М., 2006. Т.2. С. 144–160.

³ См.: http://www.vrn.ru/syezd/detail.php?id=302&binn_rubrik_pl_news=170&binn_rubrik_pl_news=366.

⁴ «Уровень религиозной культуры и порог религиозной терпимости настолько низки, что завтра мы получим в стократ худшую ситуацию, нежели сегодня. А сами учебники по основам православной культуры не выдерживают критики. Чего только стоят разделы, посвящённые сектам и ересям. Эти пособия хороши для скинхедов». См.: *Пчелинцев А.В. Право должно быть выше политики и религии // Религия и право.* 2007. № 1(40). С. 4.

«О состоянии гражданского общества в Российской Федерации», призвал слушателей «уделить внимание защите светскости государства, ибо у нас сейчас распространяется ползучий клерикализм». «Я с уважением отношусь к церкви, но у нас она отделена от государства», — пояснил он в интервью газете «Коммерсантъ». Спустя два дня десять известных учёных, в том числе лауреаты Нобелевской премии Виталий Гинзбург и Жорес Алфёров, обратились к президенту Путину с выражением беспокойства, вызванного «возрастающей клерикализацией российского общества» и «активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни»¹.

Не разделяя атеистических взглядов учёных, их призыв фактически поддержали представители неправославных религиозных объединений, в том числе мусульмане. В этом духе высказались президенты Татарстана и Башкортостана, а также Совет муфтиев России. Судя по всему, этот вопрос будет ещё долго волновать общественность, вызывая напряжённость и отрицательно воздействуя на внутреннюю стабильность России.

2. Ограничение прав и возможностей неправославных религиозных структур.

Ещё одним типичным нарушением Конституции стало вмешательство государственных институтов во внутрирелигиозные дела. Одними из первых почувствовали на себе их тяжёлую длань иудеи. После нескольких публичных высказываний, причём достаточно осторожных, в поддержку мирного населения Чечни главному раввину России А.С. Шаевичу пришлось иметь дело с попыткой отстранения его от руководства религиозной общиной. Попытка в полной мере не удалась. Тем не менее в России вместо одного появились два главных раввина. Более того, при ближайшем переутверждении состава Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Прези-

¹ Ответ РПЦ не заставил себя долго ждать. Заместитель председателя ОВЦС протоиерей Всеволод Чаплин назвал высказывания В. Глазьева «рудиментом идеологии политических пенсионеров», которые «лет 10–15 назад... обладали в России идеологической властью, но навсегда её потеряли и теперь предпринимают последнюю попытку оставить идеологическую площадку пустой, чтобы на неё когда-нибудь вернулись их последователи». Отверг о. Всеволод и все обвинения академиков в адрес церкви. По его словам, «надо, наконец, развенчать химеру так называемого научного мировоззрения. На твёрдые факты могут опираться лишь естественные науки в некоторых своих аспектах, а также в известной степени история. В то же самое время наука не может со стопроцентной фактологической убедительностью объяснить происхождение мира». Выступление десяти академиков, по мнению представителя РПЦ, является попыткой утвердить «за счёт окрика и доноса» лишь одну из мировоззренческих позиций. В октябре 2007 г. позицию РПЦ публично поддержали 5 членов-корреспондентов и академиков РАН во главе с заведующим кафедрой государственного строительства Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

денте Российской Федерации в марте 2001 г. в Совет вместо Шаевича был включён его конкурент Берл Лазар.

Вскоре возникли трудности и у католиков. Когда в начале февраля 2002 г. Ватикан решил учредить в России вместо четырёх существовавших ранее апостольских администратур (временных структур Римско-католической церкви) архиепархию в Москве и ещё три епархии в Новосибирске, Саратове и Иркутске, в возникшую в связи с этим полемику между РПЦ и РКЦ вмешалось Министерство иностранных дел Российской Федерации. Не отрицая права католиков руководствоваться собственными каноническими нормами, российское дипломатическое ведомство, тем не менее, сначала попыталось не допустить осуществления решения, принятого Иоанном Павлом II, а потом выразило официальное сожаление в связи с тем, что «такое важное решение было принято без должного учёта мнения российской стороны». К антикатолической кампании подключилась и Государственная Дума.

Жертвой конфликта стал руководитель российских католиков граждан Российской Федерации митрополит Тадеуш Кондрусевич. Его просьбы о личной встрече были оставлены без ответа как политическим руководством страны, так и священноначалием РПЦ. Реагируя на ситуацию, Ватикан был вынужден перевести его из России в Белоруссию, назначив руководителем архиепархии в Москве итальянца Паоло Пецци. Впрочем, нового митрополита ожидал столь же прохладный приём. Место представителя католиков в Совете при Президенте Российской Федерации оставалось вакантным до середины апреля 2009 г., когда с согласия Д.А. Медведева его занял не участвовавший в спорах с властью священник Игорь Ковалевский, генеральный секретарь Конференции католических епископов России.

Своя доля неприятностей досталась российским протестантам. После того как вместо П.Б. Коновальчика, срок полномочий которого истёк, новым руководителем Российского союза евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ) был избран неоднократно выступавший с критическими замечаниями в адрес государственных и церковных чиновников епископ Ю.К. Сипко, место представителя этой религиозной организации в Совете при Президенте долгое время оставалось вакантным. В конечном итоге им был назначен другой человек, не «запятнавший» себя в глазах власти.

Особенно сложно складывается религиозная жизнь протестантов на местах, где они то и дело подвергаются притеснениям со стороны и государственных чиновников, и правосудия.

Предложение разделить религиозные общины России на «свои» и «чужие» исходило от ставшего достоянием гласности проекта докла-

да рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма от 30 октября 2002 г. В нём рассматривался как сугубо негативный уже сам факт увеличения числа зарегистрированных в России конфессиональных течений, поскольку он «нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс»¹.

Не отстают от центра и некоторые субъекты Федерации. Наиболее распространёнными там нарушениями можно считать:

- принятие нормативных актов дискриминационного характера, противоречащих Конституции и законодательству Российской Федерации, в том числе закону 1997 г. в той интерпретации, которую дал ему Конституционный суд (сегодня это, прежде всего, местное законодательство, позволяющее ввести преподавание в школах Закона Божьего под видом Основ православной культуры);
- отказы по сугубо формальным основаниям в регистрации или перерегистрации «чужих» религиозных организаций (очень часто к ним прибегают городские власти Москвы).

Особенно болезненно реагируют на ущемление своих прав мусульмане. Претензии Совета муфтиев России к государству подробно изложил в докладе, подготовленном к научно-практической конференции, состоявшейся в декабре 2005 г. в ИЕ РАН, председатель Совета шейх Р. Гайнутдин². В марте 2007 г. с открытым письмом к В.В. Путину обра-

¹ Составители документа так увлеклись поиском врагов, что зачислили в «тоталитарные» не только многие вероисповедания, получившие официальное признание после проведения государственной религиоведческой экспертизы, но даже организации, руководители которых введены — по решению главы государства — в Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России. В списке конкретных предложений значится среди других дополнительное включение в «список уполномоченных государственных органов, занимающихся контролем и регламентацией деятельности религиозных организаций» (как следует из этой формулировки, такой список уже существует) ещё одного подобного органа — «межведомственного экспертного совета». Публикация документа рабочей группы Государственного совета сначала в кратком изложении на страницах печати, а затем уже в полном виде на одном из сайтов Интернета произвела эффект разорвавшейся бомбы и вызвала публичные протесты лидеров религиозных общин.

² Среди этих претензий: «практическое отсутствие национальной и религиозной политики, отсутствие ситуативного анализа и прогнозов в этих сферах, пускание процесса на самотёк; систематическое воспрепятствование открытию духовных учебных заведений, строительству мечетей и регистрации общин в регионах, где мусульмане находятся в меньшинстве. Например, в Ставрополе более 10 лет блокировалось даже санкционированное Президентом России возвращение верующим мечети, построенной ещё православным царём; попытки некоторых чиновников на государственном уровне навязать преподавание в государственных и муниципальных школах только православное образование или сделать его обязательным для детей мусульман, чего не было даже в право-

тились два сопредседателя Совета муфтиев России, являющиеся одновременно главами Духовных управлений мусульман азиатской части России и Поволжья. Письмо подписали также лидеры ряда местных мусульманских общин и более 3000 верующих.

Приводя конкретные примеры нарушений религиозной свободы в различных субъектах Федерации — от запрета на публикацию и распространение «практически всей литературы, цитирующей Коран», до произвольных арестов и пыток, жертвами которых становятся невинные люди, — авторы письма отмечали: «Мы свидетельствуем, что мусульмане России не хотят и не требуют никаких привилегий для себя, никаких выгод, никакого “первенствующего” или “господствующего” статуса. Мы призываем следовать Конституции — основе стабильности и будущего процветания нашей многоконфессиональной Родины»¹.

Вместе с тем 16 ноября 2007 г. онлайн-информационный портал «Ислам. Ру» распространил как сенсацию сообщение о том, что Министр внутренних дел Российской Федерации Рашид Нургалиев в присутствии Минтимера Шаймиева «открыл уникальную в России мечеть, которая находится на территории мемориально-культового комплекса МВД Татарстана»². Сообщение «Ислам. Ру» представляет безусловный интерес, показывая, что российское руководство хотело бы ослабить напряжённость в отношениях с «традиционными» мусульманами, не отказываясь при этом от альянса с РПЦ. Тем более что мечеть на территории МВД в Казани «уникальна» и представляет собой тот вид исключений, которые лишь подтверждают общее правило. А оно в любом случае идёт вразрез с Конституцией и законами России, которые отрицают возможность взаимопроникновения религиозных объединений и государства.

Серьёзным предостережением тем, кто видит будущее России в виде лубочной «Святой Руси», стала публикация в газете «Всё об Исламе» статьи, озаглавленной «Почему распалась Российская Империя», где отмечается, что к полному краху и распаду государства

славной Российской империи; реализация таковых в ряде субъектов Российской Федерации; попытки некоторых чиновников на уровне государственной идеологии, а также в учебных программах, представить российскую историю как историю Московского княжества, а его победы над другими княжествами и ханствами в борьбе за лидерство в средние века — как победы общегосударственного масштаба, которые следует отмечать всей стране». См.: *Гайнутдин Р., шейх*. Свобода и нравственность // Свобода религии, нравственность и ответственность в российском обществе. М., 2006. С. 48—49.

¹ Известия. 05.03.2007.

² См.: <http://www.islam.ru/rus/2007-11-16/>.

в 1917 г. привела политика Николая II и его правительства. «Малые народы, целые регионы не хотели жить вместе с центром, который игнорировал их интересы, который их унижал, оскорблял национальное достоинство, навязывал им свою религию, не обеспечивал прав и свобод», — напоминала газета, добавляя: «Мы видим и сегодня некоторые из тех опасных тенденций, которые отдельные чиновники пытаются возродить тем, что подталкивают и без того урезанную Россию к ещё большему краху».

«Всё об Исламе» поместила также интересный архивный документ — заявление мусульманской группы депутатов Государственной Думы Российской империи IV созыва, которое было оглашено её представителем 11 февраля 1916 г. В нём, в частности, говорилось: «Понимание своего долга перед Родиной заставляет нас заявить, что в интересах обороны страны» требуется «провести в жизнь следующие необходимые и неотложные, с нашей точки зрения, меры: отменить все ограничения, связанные с принадлежностью к вероисповеданию или национальности; провести закон о переходе из одного вероисповедания в другое; изменить положение о выборах в Государственную Думу».

Публикация заканчивается словами: «В этом заявлении обозначены как раз те тенденции, которые привели к распаду. Имеющий уши — да слышит!»¹

Новые руководители Российского государства и РПЦ

2008 год принёс России нового главу государства — Д.А. Медведева. Как и ожидалось, он продолжил курс своего предшественника, в том числе и в государственно-конфессиональных отношениях.

Тот же 2008 год унёс жизни нескольких знаковых фигур нашего времени. Двадцать третьего апреля умер Б.Н. Ельцин, человек, с именем которого связаны распад СССР, появление Российской Федерации как самостоятельного государства и принятие её действующего Основного закона. А 5 декабря остановилось сердце Предстоятеля РПЦ Алексия II.

Незадолго до этого, в конце июня 2008 г., открывая очередной Архиерейский собор, Патриарх начал с перечисления отрицательных явлений последнего времени, среди которых он назвал широкий спектр социальных проблем, значительное падение уровня жизни многих

¹ Всё об Исламе. 2002. № 2.

людей, засилье массовой псевдокультуры, размывание общественной нравственности, рост нетерпимости и напряжённости в обществе. Беспокоили его и возникшие внутри РПЦ «нестроения» в связи с выступлениями ряда церковных деятелей против утверждённых ранее основ её социальной концепции (на одно из первых мест выдвинулись тогда нападки на священноначалие со стороны епископа Анадырского и Чукотского Диомида). Неясными оставались также перспективы преодоления раскола в Украине, где поныне существуют три православных церкви — Московского патриархата (каноническая), а также Киевского патриархата и «автокефальная» (их РПЦ считает раскольническими). Обсуждение на Соборе этих вопросов завершилось принятием специальной резолюции «О единстве Церкви».

До голосования Предстоятель Украинской православной церкви Московского патриархата митрополит Владимир информировал членов Собора о двух различных цивилизационных орбитах украинской культуры — «восточной» и «западной». Восточно-украинский мир, пояснил он, сформировался в результате творческого взаимодействия украинской и российской культур. Западно-украинская цивилизационная общность, расположенная, главным образом, на правом берегу Днепра, напротив, сложилась в результате взаимодействия с польской, австрийской, румынской, литовской и другими европейскими культурами. Именно поэтому для Правобережной Украины характерна культурная и цивилизационная ориентация на Запад. Таким образом, Украина — это самодостаточное социокультурное пространство, перед которым стоит задача обретения собственной внутренней целостности через синтез наследия Востока и Запада. Докладчик выразил надежду на то, что РПЦ должным образом оценит сложность этой проблемы.

А несколько недель спустя вспыхнул российско-грузинский конфликт. «Узнав о боевых столкновениях в Цхинвали и его окрестностях, — заявил Алексей II сразу же после начала боевых действий на Южном Кавказе, — призываю противостоящих прекратить огонь и вернуться на путь диалога. Среди тех, кто поднимает руку друг на друга, — православные христиане. Более того, столкнулись друг с другом православные народы, призванные Господом жить в братстве и любви»¹. Призыв этот, однако, оказался гласом вопиющего в пустыне.

Подготовка Поместного собора для избрания нового Патриарха Московского и всея Руси вместо скончавшегося Алексия II заняла два месяца. На нём преемником Алексия II, набрав 508 (75%) голосов, стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

¹ Сообщение Пресс-службы Московской патриархии. 8 августа 2008 г.

Поместный собор принял ряд «определений» (решений), главное из которых предусматривает «умножение усилий в области миссионерства и всенародного православного просвещения». «Миссия, равно как и духовное, нравственное воспитание личности, — указывается в документе, — должны сейчас встать в центр нашей деятельности». Одновременно Синоду было поручено «озаботиться созданием должного механизма общецерковного обсуждения вопросов, поставленных на заседаниях Поместного собора».

Тридцать первого марта Патриарх Кирилл созвал членов Синода для реализации своих идей, касающихся актуальных вопросов церковной жизни. Во исполнение поручения Собора Синодом было принято решение «начать подготовку к образованию Межсоборного присутствия РПЦ, в рамках которого могли бы получить общецерковное обсуждение требующие того вопросы церковной жизни». Этим, по поручению Синода, займётся специальная комиссия под председательством Патриарха. Косвенным ответом на обвинения в адрес Церкви в связи с реализацией товаров, ввозившихся в страну в обход таможенных пошлин, получившие широкое распространение в середине 90-х годов, стало создание Церковно-общественного совета по защите от алкогольной угрозы.

Отдел внешних церковных связей лишился прежнего могущества. За ним была сохранена только одна функция — руководство церковно-дипломатической деятельностью РПЦ. Председателем Отдела стал молодой епископ (отныне архиепископ Волоколамский) Иларион (Алфеев), известный как деятель высокой культуры. От ОВЦС отпочковался Секретариат по зарубежным учреждениям, подчинённый отныне непосредственно Патриарху. Его возглавил бывший заместитель председателя ОВЦС епископ Егорьевский Марк. Ещё одним самостоятельным подразделением Патриархии стал Синодальный информационный отдел во главе с церковным журналистом — мирянином В.Р. Легойдой.

На базе одного из секретариатов ОВЦС был создан Синодальный отдел по взаимодействию Церкви и общества во главе с протоиереем Всеволодом Чаплиным. Ему поручено осуществление связей с органами законодательной власти, политическими партиями, профессиональными и творческими союзами, а также иными институтами гражданского общества на канонической территории Московского патриархата. Своё видение проблем, которыми он будет заниматься отныне в ранге председателя Отдела, о. Всеволод чётко продемонстрировал на международной конференции «Политика и религия» на Теологическом факультете Университета в Лугано (Швейцария).

Основные тезисы его доклада дают выразительное представление о принципиальных установках РПЦ при новом Патриархе.

1. История земного шара развивается в сторону умножения зла. Православное сознание не верит в социальный прогресс.

2. По-настоящему обоснованным становится патриотизм, соединяющий Отечество и веру, а значит, немыслимый в отрыве от религиозно-общественных устремлений.

3. Православной цивилизации видятся искусственными и чуждыми вообще любые учения, говорящие о «правильности» политической и экономической конкуренции.

4. В православном мире тяга к персонифицированной власти очевидна: царь может то, чего не может простой смертный.

5. Нужны ли повсюду в мире политические партии, их представительство в парламенте и прочие атрибуты западной политической системы? Идеал народовластия присутствует и в шариате, и в православной политической мысли¹.

Были осуществлены и иные кадровые перестановки.

Синод разделил Управление делами. Его прежний руководитель митрополит Климент был выведен из состава Синода и назначен председателем Издательского совета. Из Управления делами, получившего нового руководителя (без права вхождения в Синод), вычленено самостоятельное Финансово-хозяйственное управление.

Лишился должности любимец Алексея II председатель Синодального отдела по религиозному образованию и катехизации Иоанн Экономцев. Ещё в начале 90-х годов он выпустил монографию, в которой доказывал, что подлинной симфонии церкви и государства ни на Руси, ни ранее — в Византии не существовало, кроме как, может быть, на протяжении коротких периодов, да и то в виде весьма далёком от совершенства. По убеждению автора, национально-религиозная идея вообще относится к сфере духовно-нравственной и «её брак с государством принципиально невозможен»². По нынешним временам — идея «весьма опасная».

* * *

¹ *Chaplin V. Stato secolare, appartenenza religiosa e legge: una prospettiva cristiano-ortodossa // Laicità dello stato, appartenenze religiose e ordinamento giuridico. Lugano, 2008. P. 76, 78, 79, 82.* Цитаты из доклада выверены по его русскому оригиналу, который мне любезно предоставил о. Всеволод.

² *Экономцев И., игумен. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 164.*

Не может быть сомнений в том, что гражданский мир в России напрямую зависит от того, сложится ли у нас новая многонациональная и многорелигиозная идентичность или возобладают заведомо тщетные попытки приспособить прежнюю русско-православную идентичность к условиям XXI в. Как представляется, события в дальнейшем могут развиваться по одному из двух вариантов.

Вариант первый. Государственные органы будут соблюдать не только на словах, но и на деле Конституцию, законодательство и международные обязательства Российской Федерации.

В этом случае:

- государство останется светским, никакая религия и никакая идеология не будут признаваться государственными, религиозным объединениям будет обеспечено действительное равенство перед законом;
- государство гарантирует гражданам реальное равенство прав и свобод независимо от их отношения к религии и запретит любые формы правовых ограничений по признакам религиозной принадлежности,
- каждому будет гарантировано право исповедовать, индивидуально или совместно с другими, любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения.

Русская православная церковь, в свою очередь, будет соблюдать (не только на словах, но и на деле) принятые Архиерейским собором в августе 2000 г. положения «Основ социальной концепции» согласно которым:

- церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству;
- существуют области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним; это а) политическая борьба; б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны; в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным Законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладах церковному Священноначалию;
- каноны возбраняют клирикам брать на себя участие в делах государственного управления.

Казалось бы, речь идёт об аксиомах. Однако им следует сегодня далеко не каждый представитель государства и не каждый руководящий деятель РПЦ. Приведение в соответствие слов и дел представителей го-

сударства, с одной стороны, и самой крупной религиозной организации России, с другой, означало бы поворот на 180 градусов от курса, проводимого сейчас весьма влиятельной частью политической элиты и не менее влиятельной частью православных архиереев — курса на фактическое огосударствление РПЦ и клерикализацию государства.

Вариант второй. Всё остаётся без изменений. Конституция, законы и международные обязательства Российской Федерации будут нарушаться, как и до сих пор. Определения Архиерейского собора РПЦ будут забыты. И, как неизбежный результат, продолжится постепенное сползание к конфронтации двух идентичностей: мультинациональной и многорелигиозной российской, с одной стороны, и ориентированной на опыт средневековой Московии, русско-православной — с другой.

Если разрыв между этими двумя идентичностями достигнет критической точки, Российская Федерация окажется перед лицом этнорелигиозного распада. А он, в свою очередь, будет облегчен другими, нерелигиозными факторами. В их числе — корыстные интересы местных элит, криминализация экономики, кризис силовых структур, нерешённость социальных проблем, огромные различия в плотности населения в европейской и азиатской частях страны на фоне перенаселённости наших восточных соседей.

Государственные интересы России диктуют необходимость избежать подобного развития событий. Для этого потребуется направить его по пути, обозначенному Конституцией Российской Федерации, законодательством и международными обязательствами. Русская православная церковь могла бы помочь этому, несколько не поступаясь постулатами православия.

Глава 29. Гражданское общество в теории и на практике

Чрезмерная политизация понятия гражданское общество, злоупотребление данным термином в ходе идеологических дискуссий имели результатом заметную потерю им существенного наполнения и придали ему лозунговый характер. Поэтому обращение к этому понятию в научных целях требует его смысловой реабилитации и, прежде всего, возвращения той определённости, без которой невозможно его использование в качестве аналитического инструментария.

Гражданское общество как подсистема

Гражданское общество обычно рассматривается как подсистема, расположенная между совокупностью индивидов, отстаивающих частные интересы, и политическими институтами, представляющими общий интерес, как форма выражения и защиты групповых интересов. Из этого вытекают следующие умозаключения.

Первое. Гражданское общество в зачаточном виде возникает тогда, когда в социуме обособливаются управленческие функции и возникают первичные политические институты. Первоначально гражданские структуры существуют слитно с политическими. Последующий за этим процесс становления и развития гражданского общества представляет собой последовательную дифференциацию политических и гражданских институтов.

Поэтому выглядит неправомерным распространенное представление, будто гражданское общество возникло спонтанно, как бы «из ничего» в момент становления буржуазных общественных отношений и во многом адекватно «бюргерскому обществу». Имеется гораздо больше оснований считать, что «бюргерское общество» следует рассматривать как этап, на котором гражданское общество с высокой степенью очевидности дистанцировалось от политических институтов и приобрело самостоятельное значение¹.

Второе. Дистанцирование гражданского общества от политических институтов выдвинуло на передний план проблему отношений между гражданским обществом и политическими институтами как важнейшего фактора большей или меньшей стабильности общественной системы².

Разветвлённая сеть общественных организаций, объединяющих на добровольной основе граждан, является необходимым, однако недостаточным признаком существования и функционирования гражданского общества. В полной мере о нём как о действенном механиз-

¹ *Арато Э., Козн Дж.Л.* Гражданское общество и политическая теория. М., 2003; *Политика и право. Гражданское общество. Истоки и современность.* М., 2006; *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы.* М., 1998; *Соесарева Г.Ф.* Гражданское общество в истории политической мысли Европы (от античности до первой трети XIX века). М., 2000.

² *Ильин М.В., Коваль Б.И.* Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // *Полис.* 1998. № 1–2; *Кин Д.* Демократия и гражданское общество. М., 2001; *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // *Полис.* 1996. № 5.

ме общественной системы можно говорить лишь в том случае, если эта сеть не замкнута сама на себя, а постоянно и эффективно взаимодействует с институтами государственной власти. Это значит, что для полноценного развития и функционирования гражданское общество нуждается в государстве, олицетворяющем публичный интерес. Только через это взаимодействие гражданское общество способно влиять на общественно-политический процесс, привнося в него гражданскую активность населения и тем самым препятствуя государственным структурам оградить его этатистско-бюрократическими барьерами.

Опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов как в прошлом, так и в настоящем показывает, что между ними постоянно возникает большее или меньшее напряжение. Энергия частных интересов и инициатив рождает потенциал критического отношения к политическим институтам, к произрастающим в их недрах бюрократическим тенденциям и бюрократической закостенелости. Поэтому власть, которая сознаёт значимость гражданского общества, должна быть готова не только к тому, что оно будет сотрудничать с нею, но и к тому, что оно будет оппозирующей силой, создающей порой дискомфортную ситуацию для властных органов и государственных чиновников.

Разумеется, отчуждение между гражданским обществом и государственной властью не может быть абсолютным. Взаимодействие между ними сохраняется в той или иной форме даже в условиях господства административно-бюрократической системы. Тем более оно неизбежно в условиях, когда в обществе утвердились демократические процедуры, а система общественных организаций получила значительное развитие. Однако, если такое взаимодействие не столь интенсивно, как это необходимо для нормального функционирования демократической системы, процесс внесения назревших изменений в проводимую политику существенно задерживается. В результате стабильность социума подвергается чрезмерным перегрузкам. Проблемы накапливаются. К их решению приступают лишь тогда, когда социально-политическое напряжение достигает критической точки и нависает реальная угроза развития событий по катастрофическому сценарию.

Третье. По своей целевой направленности управленческие импульсы, исходящие от властных политических структур, адресованы в конечном счёте индивидам. В действительности же они, как правило, так или иначе, но проходят через гражданское общество, усиливаясь, ослабляясь и видоизменяясь в зависимости от его состояния. Со своей стороны, гражданское общество аккумулирует, преобразует

и интенсифицирует импульсы, исходящие от индивидов. Укоренённость гражданского общества непосредственно в среде конкретных жизненных интересов граждан, преобладание в нём горизонтально-сетевых отношений обеспечивают ему потенциал демократизма, превращают в базовый источник народовластия.

Гражданское общество служит первичным источником правового нормотворчества, препятствующим окостенению демократических форм и способствующим их периодическому обновлению в соответствии с общественными потребностями. Здесь в сфере практической жизнедеятельности прежде всего ощущается устарелость изживших себя правовых норм. Здесь же накапливается живой опыт взаимоотношений, не укладывающийся в сложившуюся систему законов и требующий её развития.

Функции гражданского общества по отношению к индивидам в агрегированной форме могут быть описаны так:

- *социализация индивидов*: включаясь в гражданские взаимоотношения через частный интерес, они обретают возможности для самовыражения и развития своих потенций в качестве социальных субъектов;
- *самоорганизация и самоуправление* в обширной мозаичной сети частных интересов, для которых внешнее (государственное) регулирование создаёт лишь общие рамки упорядочения (гражданское право), а в них действуют устойчивые внутренние регуляторы — нравы, обычаи, традиции, моральные нормы и стереотипы поведения;
- *интеграция общества* через систему горизонтально-сетевых связей и каналов информации, функционирующих на базе данной социально-культурной общности, смысловых значений и символов, сложившихся веками форм социальной солидарности, что в конечном счёте обеспечивает целостность общественного организма, историческую преемственность в его развитии;
- *создание базовых форм межличностной солидарности*, основанной на общности или близости частных интересов, выработка механизмов согласования расходящихся интересов и урегулирования конфликтов, развёртывание широкого дискурса общественно-политических сил как средства достижения согласия и стабильности;
- *стимулирование правового нормотворчества* выдвижением требований юридического закрепления тех гражданских и политических прав и свобод, осознание необходимости которых вначале происходит в лоне гражданского общества.

Если гражданское общество выполняет эти функции, оно тем самым способствует стабилизации общественной системы. В противном случае оно может стать источником дестабилизации.

Четвёртое. Исключительно важная роль гражданского общества как промежуточного звена в процессе взаимодействия власти и граждан порождает соблазн его идеализации. Многие видят в нём определяющее условие решения всех острых социально-политических проблем, существующих в современных обществах. Гражданское общество, по существу, становится синонимом «хорошего общества», рассматривается как панацея от всех зол.

Между тем эта точка зрения не выдерживает сопоставления с действительностью. В широком историческом плане становление и развитие гражданского общества, безусловно, позитивно влияет на эффективное функционирование общественного организма и на утверждение в нём демократических начал. Тем не менее даже самое зрелое гражданское общество является слепком противоречий своего времени. В фундаменте его организаций — кластеры частных интересов, среди которых есть и такие, которые расходятся с интересами общества в целом и даже противостоят им. При этом нередко утрачивается важнейшее качество гражданского общества — быть источником гражданской культуры и гражданского сознания.

В кризисных ситуациях, когда государство ослаблено, возможно, в частности, стихийно-разрушительное давление гражданского общества, которое в состоянии подорвать способность власти решать свои задачи. В такие периоды гражданские институты склонны брать на себя не входящие в их функции властные полномочия. А это чревато ослаблением рычагов политического регулирования и даже анархией. Власть, оказавшись в руках гражданского общества и лишившись политических институтов, может стать носителем не столько общенациональных, сколько групповых интересов.

Иными словами, гражданское общество само по себе ещё не гарантирует демократии, справедливости и стабильности. Оно возникает и развивается в тесном взаимодействии с другими сферами общественной жизни: экономической, политической, духовной. Для того, чтобы максимально раскрылся потенциал гражданских отношений и были найдены эффективные средства нейтрализации негативных тенденций, в этом взаимодействии необходим оптимальный баланс сил и влияний.

В усложняющейся системе общественных отношений неизбежно возникают обширные, нередко жизненно-важные сегменты, в которых сталкивающиеся интересы конкурирующих социальных сил со-

поставляются и притираются в результате совместных обсуждений и выработки решений, приобретающих затем юридически легитимный характер. Важно, однако, чтобы такая форма не рассматривалась как универсальная для отношений между государством и обществом. Ибо это может свести публичную политику к закулисному сговору, превратить систему гражданских взаимоотношений в самоуправство неконтролируемых клик, а демократические институты — в корпоративных монстров.

Пятое. Становление и эффективность институтов гражданского общества в решающей степени зависят от отношения к ним самих граждан. При всей значимости остальных обстоятельств, обуславливающих жизнеспособность гражданских институтов, только осознание гражданами общности групповых интересов, своей идентичности с другими индивидами, обладающими аналогичными социальными признаками, готовность в той или иной форме поддерживать соответствующую общность, принимать участие в её деятельности и в конечном счёте активно отстаивать групповые интересы, рассматривая их как выражение своих собственных, наполняют институты гражданского общества необходимой им жизненной силой. Подобная позиция граждан может быть специально выделена и рассмотрена как культура гражданственности.

Предпосылки отношений индивид — институты гражданского общества закладываются уже в процессе первичной социализации личности: в рамках её деятельности, общения и развития самосознания. Итогом социализации является объективно обусловленное включение индивида в одну из существующих больших социальных общностей, существенно отличающихся друг от друга по степени сплочённости и организованности.

Новые проблемы гражданского общества

Происходящая ныне глобализация повлекла за собой существенные перемены, затронувшие все подсистемы современных общественных отношений, в том числе и гражданское общество. О его проблемах на протяжении последних десятилетий писали (и пишут) многие, в том числе отечественные исследователи¹.

¹ См., например: *Перегудов С.П.* Гражданское общество как политический феномен // Свободная мысль. 1992. № 9; *Он же.* Новейшие тенденции в изучении гражданского общества и государства // Полис. 1998. № 1; *Гаджиев К.С.* Концепция гражданского обще-

Среди наиболее значимых в числе этих проблем следует назвать возрастание роли и влияния гражданских институтов. Проявляется оно во многом. И в мультипликации свойственных им горизонтальных связей, образующих сложную эффективную сетевую систему. И в усилении плотности горизонтальных негосударственных объединений, составляющих ядро гражданского общества. И в появлении и укоренении общественных объединений нового типа, основанных не только на общности групповых интересов, но и на готовности реализовывать важные элементы всеобщего интереса (так называемые гражданские инициативы). И в образовании сети межстрановых общественных организаций, воздействующих на государственные институты не только изнутри, но и извне. И в переходе в руки общественных организаций ряда функций, осуществлявшихся прежде государством.

Наиболее заметны эти процессы в странах, находящихся в авангарде экономического и политического развития. Тем не менее аналогичные сдвиги отмечаются и в менее продвинутых государствах.

Существенной модификации подвергаются и отношения между гражданскими институтами и индивидами. Выше уже шла речь о функциях гражданского общества по отношению к индивидам. Применительно к прошлому (в том числе сравнительно недавнему) приведённое описание отображало не столько действительную, сколько идеальную теоретическую конструкцию, основанную на экстраполяции некоторых наметившихся тенденций. Перемены в гражданском обществе, обусловленные глобализацией, стали наполнять эту конструкцию реальным содержанием.

Чтобы максимально раскрылся потенциал гражданских отношений и были найдены эффективные средства нейтрализации негативных тенденций, гражданскому обществу необходим оптимальный баланс сил и влияний. Пока, однако, такой баланс ещё не найден. В самом гражданском обществе, в образующей его обширной сети гражданских ассоциаций возрастает опасность появления жёстко выстроенных, самодостаточных структур, лидеры которых в состоянии

ства: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7; Проблемы формирования гражданского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М., 1993; Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и её историческая эволюция. М., 1995; Данилевич И.В. Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии. М., 1996; Гражданское общество в России: западная парадигма и российская действительность. М., 1996; Герцунский Б.С. Гражданское общество в России: проблемы становления и развития. М., 2001; ИФОМ. Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М., 2008 и далее.

навязывать рядовым членам нормы поведения, ущемляющие их индивидуальные права и свободы. В условиях, когда гражданские организации приобретают дополнительные функции и завоевывают всё новые позиции, подобная опасность приобретает реальные очертания. Особенно очевидна она в тех случаях, когда в системе этих организаций начинают доминировать корпоративные начала.

От нормальных структур гражданского общества корпорации отличаются, во-первых, однозначной ориентацией на реализацию чётко осознанных, узких групповых интересов и, во-вторых, структурированностью не столько по горизонтали, сколько по вертикали, с выходом на политическую систему. В отличие от политических партий они добиваются своих целей не в рамках публичной политики, а путём прямого, чаще всего неофициального воздействия на политические институты, сотрудничая, а то и срашиваясь с ними. При этом используется изощренная система аппаратного продавливания управленческих и хозяйственных решений.

Форсируя становление и развитие международных корпораций, глобализация тем самым стимулирует угрозу корпоративного переорождения набирающего силу гражданского общества — со всеми связанными с этим последствиями.

Подобному развитию способствует и то, что высокий динамизм общественной жизни, стимулируемый глобализацией, обнаруживает относительность не только общественных структур, которые ранее казались устойчивыми, но и понятий, принципов, ценностей, которыми люди руководствуются в своём поведении. Релятивизм и дифференциация интересов фрагментируют гражданское общество и мешают добиться той степени согласия, которая необходима для демократического управления им. На этой почве возникает сциентистский соблазн «освободить» политику от громоздких институтов демократии, заменив их инструментарием «социальной инженерии» и различными формами закулисной деятельности.

Гражданское общество: российский вариант

Согласно широко распространённому мнению, гражданское общество в России крайне слабо и мало эффективно. Существует даже представление, будто в нынешних условиях оно ещё вообще не сложилось.

Исследователи, отрицающие существование в России гражданского общества, нередко опираются на уже упоминавшееся выше наивное представление, что гражданское общество — это, по определе-

нию, «хорошее общество». Поскольку же общественную ситуацию в России трудно назвать хорошей, то говорить о российском гражданском обществе — значит приукрашивать существо дела.

Однако если рассматривать гражданское общество не как этическую категорию, а как неотъемлемый элемент сложно структурированного социума, то в России не может не быть такого элемента. Другое дело, насколько развито и влиятельно российское гражданское общество, выполняет ли оно свои функции, каковы тенденции его развития, отвечает ли оно объективным потребностям?

С первого взгляда может показаться, что общая картина формирования структур гражданского общества в России вполне впечатляющая. Налицо множество организаций и объединений во всех сферах общественной жизни, в ряде случаев демонстрирующих заметную активность. Безусловно, это существенный сдвиг к лучшему по сравнению с прошлым, когда свободная гражданская жизнь протекала лишь в кулуарах официальных общественных организаций и в дружеских встречах на кухнях.

На этом, однако, нельзя ставить точки. Значительная часть возникших в последние годы гражданских союзов и объединений независима лишь формально. На деле же все они прочно привязаны к структурам, обеспечивающим им организационную или финансовую поддержку — будь то институты власти, частные корпорации или зарубежные (в том числе международные) организации. Да и сами гражданские объединения нередко по инерции воспроизводят в своих рядах бюрократические порядки, сдерживающие инициативу граждан. Не сложилась и целостная система гражданских организаций и движений.

Предельно ослаблены (либо вообще отсутствуют) механизмы воздействия гражданского общества на принятие властных решений. Правовая инфраструктура, предоставляющая гражданскому обществу необходимые условия для полного развёртывания деятельности и выполнения общественно значимых функций, сложилась лишь частично. Юридические акты, определяющие формы существования гражданского общества, приняты. Но они ещё несовершенны, нередко отсутствуют механизмы их реализации, часто они просто не соблюдаются. То и дело предпринимаются попытки дополнительно выхолостить эти акты.

Слабость нормативного обеспечения деятельности институтов гражданского общества нередко оборачивается для них тяжёлыми последствиями. Они то и дело попадают во внеправовое пространство, где становятся жертвами (а иногда и партнёрами) бюрократических

или криминальных структур, разрушающих их либо сводящих на нет их гражданское содержание.

Сложности становления гражданского общества в России обусловлены также рядом специфических обстоятельств.

Россия, как известно, является многонациональным и многоконфессиональным государством. Это, в свою очередь, сказывается на структуре гражданского общества. Его неотъемлемую составную часть образуют национальные и религиозные объединения. При благоприятных условиях они могут сыграть (и нередко играют) позитивную роль, налаживая сотрудничество, организуя дискурс, снимая исторически накопившиеся предубеждения и взаимные претензии. Однако, если указанные условия отсутствуют, возникает опасность под влиянием как внутренних, так и в ряде случаев внешних импульсов негативного воздействия этих организаций на межгрупповые отношения, чреватого подрывом общественной стабильности. В России такое воздействие не выходит пока за локальные рамки. Тем не менее, учитывая общую тенденцию к обострению межнациональных и межконфессиональных конфликтов, наблюдаемую во всём мире, его потенциальную опасность игнорировать неразумно.

Немалое значение имеет и то, что для ряда этнических и конфессиональных меньшинств, проживающих главным образом на Востоке и Юге страны, свойственно глубокое укоренение в поведенческих стереотипах традиционных общинно-родовых (клановых) межличностных отношений. В современных условиях эти отношения нередко выступают наряду с прочим как своеобразная форма гражданского общества, с одной стороны, выполняющая ряд его функций, а с другой — неправомерно изолирующая контролируемую ею общность от принятых в стране норм правового и нравственного поведения. Это обстоятельство ставит на повестку дня острую необходимость как интеграции указанных отношений в совокупное гражданское общество, так и минимизации их негативных проявлений.

Ещё одно обстоятельство порождено спецификой государственного устройства России. Несмотря на исходящие от верхов унификаторские импульсы, она до сих пор остаётся (и, видимо, будет оставаться) федерацией. Это делает неизбежной федеративную организацию самого гражданского общества. И организационно, и функционально ему приходится как бы воспроизводить ступени и иерархию властной вертикали. В результате появляются основания говорить о гражданском обществе на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. На каждом из них решаются специфические задачи и складываются свои особые отношения с административной и политической властью.

С чисто теоретической точки зрения такое устройство должно способствовать эффективности гражданских организаций. И потому, что в результате структурирования компетенций более чётко обрисовывается объём задач, которые должны решаться на каждом конкретном уровне. И потому, что на более низких уровнях управления значительно меньше дистанция между гражданскими институтами и местными органами власти, что, в свою очередь, существенно повышает результативность давления на центры принятия решений.

К России, однако, эти в целом правильные соображения применимы лишь частично. Установлено, что на местном уровне её гражданское общество слабее, чем на федеральном. Соответственно, его способность противостоять власти значительно ниже, чем в федерации в целом. В ряде регионов местные административные органы, опираясь на попустительство центра, полностью игнорируют гражданские институты. На карте Российской Федерации уже образовались своеобразные лакуны, где их влияние, по сути, сведено к нулю. В них, соответственно, возникла почва для локального самоуправления, отравляющего общественно-политическую атмосферу в целом.

Преодолеть это ненормальное положение можно лишь противопоставив ему разветвлённую систему местного самоуправления. Являясь средоточием как властных, так и гражданских отношений, его органы в состоянии не только противостоять самовластным устремлениям региональных властей, но и служить своего рода школой гражданской активности, в которой формируются кадры других общественных объединений и ассоциаций.

Пока, однако, в России местное самоуправление хотя и признано законодательно, но находится в зачаточном состоянии. Его реформа, на которую одно время возлагались большие надежды, до сих пор не дала ожидаемых результатов. Как стало очевидным, её основная цель состояла не в том, чтобы стимулировать активность гражданских институтов, а в том, чтобы облегчить функционирование институтов власти. Структура органов самоуправления излишне усложнена. Их функции ограничены и неполностью обеспечивают выполнение поставленных задач. Чрезмерно жёсткие формы приданы контролю за самоуправлением со стороны государственных органов. Объём финансовых поступлений плохо соотносится с объёмом зафиксированных обязательств. При этом укоренение системы местного самоуправления повсеместно наталкивается на жёсткое сопротивление региональных властей и с трудом прокладывает себе дорогу.

Есть все основания считать, что слабое развитие системы местного самоуправления — одна из наиболее важных причин существенной

слабости гражданского общества в России. Вместе с тем именно в этой области следует искать значительный резерв его предстоящего укрепления.

На поведении многих общественных организаций, составляющих костяк гражданского общества, в большой степени сказывается отчуждение от власти, издавна свойственное гражданам России. Это отчуждение оборачивается не только глубоким недоверием «низов» к «верхам», но и ещё большим недоверием «верхов» к «низам», в том числе к любым формам общественной самодеятельности, даже если она и не имеет антисистемной направленности.

Правда, в последние годы исполнительная власть в центре и в ряде регионов то и дело заявляет о своей поддержке гражданского общества и о конструктивном с ним сотрудничестве. Под эгидой президентской администрации, полпредов и губернаторов созываются пропагандистки «раскрученные» гражданские форумы. Последним новаторским актом в этой сфере следует считать создание скомплектованной на основе крайне сложной системы отбора Общественной палаты в качестве не то совещательного, не то надзирающего органа.

В целом такой поворот был бы позитивен, если бы, как это часто бывает, за ним не скрывалось желание «приручить» гражданские ассоциации, поставить их под контроль, создать сверху послушное власти квазигражданское общество. При этом полностью игнорируется то принципиально важное обстоятельство, что сила и мощь гражданского общества заключены в его корневой системе, в жизненных интересах и стремлениях людей. Поэтому нормальные гражданские ассоциации не могут быть искусственно встроены в вертикаль власти. Если же их насильно втискивают в неё, они превращаются в потерявшую содержание пустую оболочку.

В этих условиях распространённой формой взаимоотношений между гражданским обществом и политическими институтами становится феномен взаимного отторжения, представляющий собой развитие характерного для России внеправового поведения. Поступающие сверху правовые и управленческие импульсы плохо воспринимаются обществом и «увязают» в нём. Иногда эта ситуация является следствием саботажа местной бюрократии. Однако чаще всего она отражает и воспроизводит массовые критические настроения.

Аналогична картина, складывающаяся при поступлении импульсов снизу вверх. Они обычно либо игнорируются, либо не вызывают адекватного отклика у властных структур. Остаётся одно: автономные неправовые (или частично неправовые) действия, которые во многих случаях осуществляются по «наводке» местной власти при её имити-

руемом неведении. Такая форма взаимоотношений при всей её ущербности служит своеобразной компенсацией отсутствия нормального коммуникационного процесса.

Особую проблему составляет опасность корпоративистского пережизнения российского гражданского общества. При этатистско-бюрократических порядках теневое продавливание групповых интересов становится общепринятым способом деформированной реализации системы обратных связей. При этом эгоистическая основа отстаиваемых интересов чаще всего маскируется имитацией объективных потребностей общества.

В качестве лоббирующей силы чаще всего выступают элитные группировки, использующие для придания себе дополнительного веса патрон-клиентные отношения с массовыми слоями населения. Опираясь на клиентелу, эти группировки конкурируют между собой за влияние на государство, не опосредованное партийно-политической стратегией. В результате государство лишь реагирует на давление лobbyистов, выбивающих у него те или иные законодательные акты, выплаты и льготы. При этом степень криминализации таких групп как на федеральном, так и на региональном уровнях значительно выше, чем в стабильных общественных системах с устоявшимся гражданским обществом.

Нередко утверждения, будто в России вообще не существует (и долго не будет существовать) гражданское общество, подкрепляются ссылками на исторически обусловленное отсутствие у населения нашей страны не то что развитого гражданского самосознания, но и первичных элементов гражданственности. При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что гражданственность, как уже отмечалось выше, является существенной, но вовсе не определяющей и обязательной предпосылкой существования гражданского общества. Она лишь обеспечивает его высокую эффективность в отношениях с институтами политической власти.

В идеале развитое гражданское общество, опираясь на высокую гражданственность населения, в свою очередь, репродуцирует его движение к ещё большим высотам. Однако в действительности всё обстоит гораздо сложнее. Истории известны даже такие крайние случаи, когда гражданское общество оказывалось вполне эффективным при низком уровне гражданственности населения и, наоборот, высокий всплеск гражданственности происходил при мало влиятельном гражданском обществе.

Весьма сомнительны и исторические ссылки, служащие объяснению низкого уровня гражданственности, якобы присущего россиянам.

Утверждается, например, что историческое прошлое русского народа, на протяжении многих столетий находившегося под гнётом иностранных захватчиков и своих собственных абсолютных властителей, пережившего длительную полосу крепостных отношений, выродившихся на последнем этапе в неприкрытое рабство, не имевшего никаких традиций самоуправления, выработало у него устойчивый менталитет, основные черты которого — терпеливость, покорность, непритязательность, неверие в свои силы и общественная пассивность¹. Подобный менталитет исключает появление у индивидов и, соответственно, у их совокупности качеств, необходимых нормальному гражданскому обществу.

При этом допускается весьма вольное обращение с российской историей. Разумеется, в ней, как и в истории многих других народов, было немало тяжёлых и даже трагических страниц. И они, как правило, не проходили бесследно для общественного сознания, формируя массовые стереотипы восприятия и поведения.

Но реальное прошлое состоит не только из этих страниц. Оно содержит множество событий и эпизодов, вырабатывавших в общественном сознании россиян качества, противоположные тем, о которых шла речь выше. Огромные пространства, на которых расселялись восточнославянские и близкие им племена, сложившиеся впоследствии в русский народ, суровые условия существования не способствовали, а, напротив, препятствовали чрезмерной централизации и, следовательно, доминированию высшей государственной власти. Отсюда широкое распространение уже на ранних этапах становления национальной идентичности начал общинного самоуправления и социальной активности.

Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно присмотреться к общественному устройству регионов, ставших впоследствии главными очагами древнерусского национального самоопределения: к новгородским и киевским общинам, к доминирующему в них народному менталитету. Укрепление государственности, сопровождавшее становление Древней Руси, постоянно наталкивалось на решительное сопротивление вольнолюбивых граждан и требовало всё более жёстких и порой насильственных действий со стороны претендентов на государственную власть.

Даже на гораздо более поздних этапах, после того, как российская государственность уже окончательно сложилась, сопротивление власт-

¹ См. например: *Ранкур-Лаферрьер Д.* Рабская душа России. М., 1996; *Федотов Г.П.* Россия и свобода // Русские философы. Антология. М., 1996. С. 193.

ному насилию продолжалось, принимая различные формы. Именно на российских просторах возник такой специфический социально-политический феномен, как казачество, формировавшееся за счёт беглых крестьян, не желавших терпеть крепостнический гнёт и создавших на рубежах России своеобразную форму самоуправляющихся демократических общин. Народные бунты и смуты сопровождали всю историю становления Российского царства. Бунтовал простой московский люд (Соляной и Медный бунты), бунтовали жители окраин, стрельцы. О неискоренимом стремлении русских к свободе свидетельствовали крестьянские движения, связанные, в частности, с именами таких исторических деятелей, как Разин, Булавин, Болотников, Пугачёв.

XIX век характеризовался целой серией крестьянских волнений, подорвавших устои крепостнических порядков. В свою очередь XX в. стал временем революционных потрясений, сказавшихся далеко за пределами России.

Под воздействием этой стороны истории русского народа в его сознании (и, соответственно, поведении) утвердились такие черты, как вольнолюбие, стремление к самостоятельности в решениях и действиях, настороженно-негативное отношение к государственной власти и, вообще, к начальству в целом, пренебрежительно-насмешливая оценка поступающих сверху указаний и законов, готовность к объединению с себе подобными против «бар», склонность к анархизму и т.д. Отсюда крайняя противоречивость русского национального характера, объединившего в себе различные, в том числе противоречивые черты. Здесь терпеливость и нетерпимость, покорность и бунтарство, пассивность и взлёты крайней активности, нередко выходящей за рациональные рамки. При этом в различных группах общества эти черты, в зависимости от ситуации проявляются в различных сочетаниях.

О зрелой гражданственности в подобных условиях говорить не приходится. Однако предпосылки для становления такой гражданственности в России ничуть не слабее, чем в других странах, в том числе гордящихся ныне своей цивилизованностью.

Об этом же свидетельствуют события и менее отдалённого прошлого.

Любой специалист по отечественной истории подтвердит, что во второй половине XIX в. в России уже стало складываться гражданское общество. Оно было во многом ущербным, недостаточно развитым — особенно в том, что касалось взаимоотношений индивидов и гражданских объединений, а также гражданских объединений и органов политической власти. Тем не менее уже тогда появились и гражданские

институты, и заметные признаки становления культуры гражданственности.

Серия революций начала XX в. не погасила, а, напротив, стимулировала всплеск гражданской активности. В годы сталинского деспотизма этот процесс был насильственно прерван. Элементы, из которых могло сложиться гражданское общество — рыночные структуры, крестьянское хозяйство, независимые профессиональные, предпринимательские, конфессиональные и другие союзы и ассоциации, — были разрушены. Социально-экономическая база кристаллизации групповых интересов и возникновения гражданских организаций, пользующихся доверием снизу, практически перестала существовать.

Система держалась на гипертрофированных вертикальных связях, обеспечивавших всесторонний государственный контроль над общественной жизнью. В этих условиях нерегламентированная гражданственность стала восприниматься как опасное явление, враждебное существующему строю.

Вместе с тем на более поздних этапах развития стали просматриваться и иные тенденции. Режим для решения поставленных им задач нуждался в социальной и политической мобилизации. Для этого ему были необходимы негосударственные общественные организации, охватывающие практически всё население.

Эти организации создавались и действовали под строгим партийно-государственным контролем. Однако для эффективного выполнения ими предписанных функций нужны были не только пассивные номинальные члены, но и массовый актив, действия которого стимулировались идейными устремлениями. В рамках этого актива реализовалась, хотя и в деформированном виде, своеобразная гражданственность. Особенно явно она проявлялась на низовом уровне, на котором официальные организации и объединения нередко выполняли некоторые функции, аналогичные тем, которые обычно реализуют нормальные институты гражданского общества.

Таким образом, гораздо правильнее говорить не об атомизации советского общества (тезис, постоянно мелькающий в околонаучной литературе), а о деформации системы гражданских институтов. Одним из её последствий было не только глубокое членение социума на активных и пассивных граждан, но и крайне опасное для функционирования общественного организма углубление рва между ними на фоне постоянного и всё ускоряющегося роста доли общественно пассивной части населения.

Вместе с тем эта пассивность была далеко не абсолютной. Ею был поражён лишь поверхностный слой сознания. Его исторически сло-

жившиеся глубинные структуры не исчезли, о чём свидетельствовали и непреодолимое стремление не только к неформальному общению, но и к неподконтрольным властям совместным действиям, и тот бурный всплеск гражданской активности, который наметился, как только ослабли жёсткие скрепы государственных институтов.

Сохранению, пусть в деформированном виде, ориентации на общественную активность и гражданственность способствовало также идеологическое обрамление режима власти, сохранившее рудименты первых послереволюционных лет и при всём своём несоответствии реальной политике оказывавшее эффективное, хотя и далеко не однозначное, воздействие на общественное сознание.

Разумеется, длительное существование квазигражданского общества и квазигражданственности стало тормозом для формирования действительно гражданского поведения значительной части населения России. Однако рассматривать его как основную причину отстранённого отношения многих индивидов от участия в деятельности, как политических, так иных общественных институтов по меньшей мере неправомерно.

Доказательству непреодолимой гражданской пассивности, препятствующей формированию действенного гражданского общества, служат также ссылки на особенности социальной структуры современного российского общества. При этом упор делается на то, что в нём пока не сложились (или по меньшей мере не полностью сложились) групповые интересы. А это, в свою очередь, приводит к отсутствию (или в лучшем случае неполному осознанию) групповых интересов, мешает возникновению стимулов, необходимых для участия индивидов в объединениях или групповых действиях, генерирующих потенциал гражданского общества.

Такие рассуждения хотя и отражают некоторые реалии, тем не менее опираются на крайне упрощённое представление о складывающихся в России социальных институтах. В действительности же в процессе глубокой трансформации российского общества претерпели изменения многие параметры его социальной организации. Эти изменения уже привели к формированию новых, реальных групп интересов.

Постепенно возникали укрупнённые категории мелких и средних предпринимателей, представителей банковского и промышленного, национального и компрадорского капиталов, традиционных наёмных рабочих, работников наёмного труда, связанных с современным производством, кооперированного крестьянства, мелкого и среднего фермерства.

Разумеется, не следует преувеличивать реальные масштабы произошедших сдвигов. Во-первых, не исчезли социальные протогруппы, выступавшие в прошлом в мифологизированной форме как рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция. Во-вторых, что не менее важно, проявляет высокую устойчивость сложившееся в своё время представление значительной части общества о том, как выглядит и что представляет собой социальное членение общества. В-третьих, процесс становления новых элементов социальной структуры в ходе общественной трансформации оказался более сложным и противоречивым, чем представлялось либеральным адептам ничем не ограниченных рыночных отношений.

Границы между группами частных интересов остаются пока размытыми и неустойчивыми. По большей части они основываются на сходстве условий микробытия своих носителей и не достигают того уровня социальной определённости, которая побуждает к выраженной солидарности. Не определились достаточно ясно удельные веса и соотношения различных групп социально-экономических интересов, мера их совместимости и антагонистичности, характер и механизмы взаимодействия.

Кристаллизации узлов интересов не произошло и в других сферах общественной жизни: социально-политической и духовно-ценностной. Резкая ломка устоявшихся структур и привычных стереотипов восприятия действительности выбила значительную часть населения страны из наезженной колеи жизнедеятельности, ввергла его в хаотичный водоворот необычных взаимоотношений. Гражданин, по сути, лишился чётко очерченной идентификационной среды и ясных ориентиров, необходимых для определения своего места в обществе и своей социальной роли¹.

Вместе с тем определённый уровень групповых интересов, а, следовательно, групповой социальной идентификации частично сохранился, частично начинает складываться на новых основах². Это, в свою очередь, предполагает наличие стимулов к групповому объединению и тем самым — к той самой гражданской активности, на дефицит которой принято ссылаться. Пока эти стимулы реализуются не в полной степени. Однако отрицать их роль и влияние — значит игнорировать реальное положение дел.

¹ Подробнее см.: Социальное расслоение и социальная мобильность / Под ред. З.Т. Голенковой. М., 1999.

² Данилова Е.Н. Проблема социальной идентификации в постсоветской России // Социальная идентификация личности - 2. М., 1994. С. 12–19; Она же. Идентификационные стратегии: российский выбор. С. 6 и далее.

Как в специальной литературе, так и в политической публицистике можно также столкнуться с утверждением, что общественная пассивность значительной части населения представляет собой естественный процесс перехода индивидов от прежнего коллективистского, общинного к новому, более современному индивидуалистическому сознанию. Вырабатываемое изменившимися условиями существования, это сознание предполагает ориентацию личности на решение встающих перед ним проблем собственными усилиями и связанное с этим сознательное отчуждение от любого рода общественно-коллективистских контактов и действий.

Нельзя не согласиться с тем, что за годы радикально-либеральных реформ в России сложилась группа людей, для системы ценностей которых характерны подобные характеристики. Вопрос, однако, заключается в том, насколько массовой является эта группа и в какой мере свойственные ей ценности обладают перспективами на дальнейшее распространение?¹

Проведённые исследования в своём большинстве свидетельствуют о том, что основная масса населения, по крайней мере пока, не затронута этим процессом. Более того, налицо признаки того, что в ряде случаев наблюдается обратная тенденция

Это, в свою очередь, расчищает пути для перехода значительной части населения от отстранённо-пассивного к более осознанному и деятельному участию в функционировании институтов гражданского общества.

Очевидно, однако, что сказанное не освобождает от необходимости найти убедительный ответ на вопрос: где же таятся истоки той поражающей мир терпеливости, проявляемой значительной частью граждан России по отношению к системе власти, почему российское население, отличавшееся в прошлом на различных этапах, как уже отмечалось, не меньшим (а в ряде случаев и большим) гражданским активизмом, чем население многих других государств, в своём большинстве демонстрирует миру не только политическую, но и общественную пассивность?

Представляется, что решающую роль в этом играют два обстоятельства.

Первое связано с неприемлемостью для большинства нынешних российских граждан любого рода насильственных действий, которые могли бы вызвать распад властных структур, анархию, вооружённое

¹ Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 1, 2.

противостояние социальных и национальных групп. Исторический опыт, закодированный в общественном сознании, породил у населения России стойкое убеждение в том, что такие действия не принесут с собой решения назревших проблем, но лишь существенно ухудшат условия его существования.

Укоренившееся представление, что угроза социальных потрясений и анархии вполне реальна, придаёт связанным с этим опасениям дополнительную силу. Поэтому до тех пор, пока власти в своей политике не перейдут границы, за которыми терпеть уже физически невозможно, основная масса граждан — вне зависимости от их отношения к режиму и правящим политическим силам — не выйдет за конституционное поле.

Второе обстоятельство связано со сложившейся степенью доверия (и, соответственно, недоверия) к легитимным формам воздействия на власть, в том числе к институтам гражданского общества. Отчуждение между верхами и низами, которое по ряду исторических причин стало неотъемлемой составной частью общественной ситуации в России, распространилось не только на правящие верхи, выполняющие их волю политические институты и властвующую элиту, но и в значительной степени на многие институты гражданского общества, которые по традиции, сложившейся ещё в советские времена, рассматриваются как инструменты верхушечной политики.

И всё же есть все основания считать, что в обществе накопился большой потенциал не только социального недовольства, но и скрытой гражданской активности, который по причинам, изложенным выше, пока не находит адекватного выхода. Поэтому гражданственная отстранённость, о которой так много пишут в специальной литературе и в политической прессе, представляет собой крайне неустойчивое, переходное явление.

При оценке возможностей и перспектив гражданского общества в России следует учитывать и то, что его воздействие на общественные процессы и судьбоносные решения реализуется не только непосредственно, в виде политического давления на институты власти или соучастия в подготовке их решений, но и косвенно — в ценностной и духовной сферах и в конечном счёте через формирование общественного сознания и массового поведения, которые затем преобразуются в коллективную политическую волю и соответствующие коллективные действия.

Результаты этого воздействия внешне не очень заметны, но они есть. И их не так уж и мало. Постепенно, продираясь сквозь тернии предрассудков и ошибок, спотыкаясь на поворотах, набивая себе

шишки, люди учатся осознавать свои интересы, защищать их в ходе коллективных действий, отличать пустословие от искренних намерений, политических пройдох от людей доброй воли. И власти — вне зависимости от искренности её намерений — приходится во всё большей степени считаться с тем, что общество, которым она правит, — не серая, безликая масса, способная лишь выполнять предписания, спускаемые сверху, а сложный, структурированный организм, обладающий своей волей и инструментарием, способным воплотить её в жизнь.

Крот истории роет, как писал один весьма почитаемый экономист и философ. И итоги этих усилий проявятся именно тогда, когда их меньше всего ожидают.

Главное в этой связи добиться того, чтобы нынешняя внешняя пассивность большинства населения России не переросла в активизм, реализуемый в крайних формах, за пределами конституционного поля.

* * *

Подводя итоги сказанному выше, есть все основания констатировать, что в России вопреки скептически оценкам происходит становление современного гражданского общества. Экономический кризис, разразившийся в конце первого десятилетия XXI в., скорее всего, будет стимулировать этот процесс. Учитывая специфику общественной структуры России, складывающаяся в ней модель гражданского общества будет неоднородной — с элементами гражданских институтов «восточного» (азиатского) типа. Однако доминирующими в ней будут черты, сближающие её с моделью гражданского общества, исторически сложившейся в Западной Европе.

Путь к этой модели непрост. Соппротивление ему, по всей видимости, возрастет по мере продвижения вперёд. И оно будет тем сильнее, чем чаще понятие гражданское общество будет использоваться для прикрытия и оправдания эгоистических целей власть имущих.

Иногда задаются вопросом, не застрянет ли Россия надолго на нынешнем этапе, когда гражданское общество вроде бы и существует, но находится в некой «подвешенной», во многом виртуальной форме. Возможность этого, безусловно, велика. Но этот вариант вовсе не обязателен. В России уже созрели силы, способные придать развитию гражданского общества дополнительный мощный стимул. В этом стимуле остро нуждается и население нашей страны. Вопрос в том, найдут ли они вовремя друг друга.

Глава 30. Культура на переломе эпох

Кризис культуры как глобальная тенденция

Кажется, мало кто из серьёзных учёных (социологов, культурологов, историков) сомневается в том, что культура переживает сегодня серьёзный кризис, связанный с изменением парадигмы мирового общественного развития. Глобализация требует унификации: для культуры унификация чревата уничтожением или по крайней мере резким снижением уровня в сторону массовидности, стандартизации, упрощения смыслов. Эти процессы характерны и для Европы, где они особенно наглядны как раз в силу того, что им предшествовала динамичная, богатая, цветущая многовековая культура, имеющая источником древнегреческую и христианско-иудейскую традиции. Россия при всех своих восточных вкраплениях, безусловно, принадлежит к этой ветви интеллектуально-духовного развития человечества.

Широко известная дихотомия О. Шпенглера «культура — цивилизация» сегодня уже не работает и является чисто историческим переживанием. Цивилизация давно поглощает культуру, а вместе с ней и человека, носителя культурного кода, передаваемого из поколения в поколение. Экономический прагматизм, вытеснение гуманитарного начала из общественной жизни стали повседневной практикой и политикой, не говоря уже о военных конфликтах, терроризме, религиозной нетерпимости, криминализации жизни. Большая опасность исходит также от спекулятивного коммерческого приспособления культуры для огромных масс с помощью новых информационных технологий.

Бороться против этого процесса так же бессмысленно, как раньше было следовать луддитам в их борьбе с позднесредневековой модернизацией производства. Как показывает мировая практика, культурная политика может быть направлена лишь на оптимизацию и смягчение возможных негативных последствий, которые влекут за собой стандартизацию, разрушение наследия, сокращение удельного веса классики в художественной жизни общества, угрозу инновационным процессам, рассчитанным на дальнюю перспективу, и т.д.

Эпоха постмодерна, в которую вступило человеческое сообщество, вызвала невиданную прежде атаку визуальной культуры, которая занимает всё большее место и вытесняет традиционные институты. Однако даже такие крупные представители постмодернистской культуры, как

Умберто Эко, вовсе не склонны абсолютизировать эту глобальную тенденцию. Привлекательна его толерантность, когда речь идёт об истории культуры (этим он близок нашему Ю.М. Лотману). Культура — не соревнование, не отмена, а сложное сосуществование пластов, прежде всего, модернизация традиции.

В ЮНЕСКО любят поговорить об Интернете, о том, как ликвидировать нищету и неграмотность с помощью новых информационных, цифровых технологий. Это напоминает камлание шаманов в эпоху дорелигиозного сознания. Ведь только 5% населения Земли имеют доступ к глобальной сети, а неграмотных стало даже больше — почти каждый шестой не умеет читать и писать. Так вот: кино не отменяет театр, а ведь были пророчества о гибели театра в эпоху кинематографа. Телевизор не отменил книгу. «Глобальная деревня» Маклюэна — такой же миф, как и всемирное коммунистическое братство. Эко говорит: «Мы движемся к обществу с более значительным уровнем свободы. В нём свободное творчество будет сосуществовать с интерпретацией текстов. Я приветствую это. Но совершенно незачем вытеснять старое новым. У нас есть и то, и другое, слава Богу.. Не надо противопоставлять визуальную и вербальную коммуникацию: надо совершенствовать и ту, и эту»¹.

Неотменимость слова, буквы (буквально по «Евангелию от Иоанна») есть мощный аргумент в защиту от дурной визуальности, которая претендует на глобальное первенство. Борхес есть Борхес. Эко есть Эко. Игра есть игра, и это очень серьёзная вещь. Только поверхностно мыслящие поглотители текстов не понимают, что и Борхес, и Эко хранят и по-новому развивают традиции, а не сбрасывают их с корабля современности.

Приведу ещё одно авторитетное мнение.

Итальянский профессор-социолог Джанкарло Паллавичини так формулирует мировую культурную ситуацию: «В отсутствие серьёзных стимулов, способных сориентировать на правильную оценку культуры прошлого и на движение вперёд, общество и его отдельные члены остаются во власти дальнейшего развития техницизма и глобального рынка, тесно связанных друг с другом, которые без воздействия со стороны культуры могут начать функционировать только в своих интересах, а не в интересах человека»².

Разве нечто подобное не происходит в России сегодня? Именно отсутствие внятных стратегических стимулов и критериев непосред-

¹ Литературная газета. 2002. № 12. С. 13.

² Там же.

ственно искажает правильную оценку культуры прошлого. Современный человек загнан в глобальное технологическое гетто, где культура в лучшем случае — это музей подарков прошлого, почти не стимулирующий развитие, современность.

Но подобный процесс не может продолжаться до бесконечности. Душа будет проситься на свободу в самых неожиданных местах и проявлениях — протестуя, создавая сначала подпольную реальность, готовя культурный взрыв невиданной силы, объединяя людей в некое новое, гуманитарное единство. Возможно, в далёком будущем это приведёт и к единой религии — боюсь, к несчастью, через войны и техногенные катастрофы. Но сначала надо пройти до конца национальную стадию возрождения культуры в условиях постмодерна, ибо без сохранения и утверждения идентичности никакой дальнейший культурно-цивилизационный синтез невозможен.

Наши реалии

Во всём мире общественное строительство и укрепление демократических ценностей показывают, что экономические и политические права не могут быть реализованы в отрыве от социальных и культурных прав. Мы имеем дело с неделимой совокупностью целей. Экономические и политические факторы определяют образ и уровень жизни, выбор экономических моделей влияет на будущее. Но при этом, хотим мы это признать или нет, культурные факторы формируют восприятие обществом собственного будущего и определяют выбор средств для его строительства, в том числе выбор экономических и политических моделей поведения.

Культура формирует наше мышление и воображение, является источником знаний, осмысления себя в мире, признания и одновременно формирования системы ценностей. Культура выстраивает взаимопонимание и обеспечивает сосуществование народов. Культура формирует человека, а человек формирует мир, в котором живёт он сам и будут жить его дети.

В Европе идёт процесс переосмысления и перестройки тех взаимоотношений, которые долгое время воспринимались как непреложный жизненный факт. Человеку необходимо адаптироваться к этим изменениям.

Сегодня потребителю массовой культуры всё труднее отличать реальную жизнь от картины, рисуемой средствами массовой информации. Этот общий тезис в нашей стране имеет своё специфическое

проявление. Мы всё ещё находимся на периферии постмодернистских тенденций. Здесь есть, как ни странно, свои плюсы, но и свои большие минусы. Главная проблема современной России в том, что огромные массы её населения совершенно не приспособлены к жизни в посткоммунистическом обществе, в условиях рынка. Структурная реформа и антиинфляционная политика принесли с собой резкое снижение уровня и качества жизни большинства социальных слоёв. В этих условиях реформы воспринимаются не как вхождение в более цивилизованное общество, а как падение в неизвестность, которой эти массы либо опасаются, либо тайно ей противодействуют. Для осознания своего места в новых общественных отношениях, получения практических навыков жизни, опыта, каких ещё не было, они остро нуждаются в государственной поддержке.

Процесс вхождения людей в новое общество может быть относительно коротким, хотя и трудным, но может длиться и мучительные десятилетия. И это во многом зависит от адекватной государственной политики в области культуры. Государственная поддержка человека, его «осовременивание» — это функция культуры, которая должна быть катализатором процессов адаптации населения к новым условиям жизни. Таким образом, государственная поддержка культуры есть важнейший элемент строительства нового общества.

Опустимся на землю и посмотрим конкретно, что происходит сегодня в нашей культуре.

Сначала о художественном наследии. Надо со всей ответственностью признать, что резко снизилось пополнение музейных собраний произведениями прошлых лет. Кроме того, заморожено создание новых экспозиций в федеральных музеях субъектов Российской Федерации. Вне государственного музейного фонда в ряде случаев уже навсегда остались бесценные шедевры русского искусства, приобрести которые не могли ни сами музеи, ни Министерство культуры. Среди них — последние произведения М. Врубеля, работы Ф. Рокотова, И. Репина, В. Тропинина, В. Боровиковского, В. Сурикова, В. Васнецова, В. Серова, И. Левитана, И. Айвазовского. Зато на известных мировых аукционах русское искусство пользуется традиционным спросом.

Сократились поступления в библиотеки иностранной научной и социально значимой литературы. Даже в Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке они уменьшились по сравнению с 1995 г. почти в два раза, что наносит прямой ущерб национальной безопасности страны, поскольку скудное получение современной научной литературы усугубляет отставание Рос-

сии в освоении новейших научно-технических достижений и технологий, порождает информационный дефицит в науке, образовании и экономике.

Грустным явлением стала эмиграция лучших представителей российской культуры, утрата её бесценного творческого потенциала. Покидают Россию художники и поэты, вокалисты и танцовщики, а также педагоги вместе со своими учениками, музыканты мирового класса (Губайдулина, Рождественский, Кремер, Крайнев, Хворостовский), новое поколение российских звёзд (Венгеров, Кисин, Репин). Сегодня практически нет оркестра в мире, в составе которого не было бы наших соотечественников.

Лишь минимальной осталась государственная «подпитка» гастрольной деятельности; уменьшилось (а в ряде областей и просто прекратилось) культурное обслуживание населения депрессивных и отдалённых районов, сёл и деревень. Вообще налицо признаки спада культурной активности населения: только за последние годы почти на 60% снизилась посещаемость концертов, на 38% — театров, на 27% — музеев; посещаемость театров и концертов филармонической музыки сейчас ниже уровня конца 40-х годов прошлого столетия. Вместе с тем остатки культурной активности населения резко переключились на поглощение телевизионных сериалов и посещение всякого рода концертной «попсы», отнюдь не способствующих социально-культурному развитию России.

Согласно адептам радикал-либерального крыла экономической мысли культурный сектор в бывших социалистических странах был «гипертрофированно развит» и при становлении рынка должен быть существенно сокращён¹. С лёгкостью восприняв подобные взгляды, такой же позиции стали придерживаться представители отечественных финансовых ведомств — постоянные критики поддержки культуры, рассматривающие её лишь как ненужную нагрузку на государственный бюджет.

Наивно думать, что можно попробовать и посмотреть: выживет ли культура в таких условиях или нет, а потом уже, если потребуется, исправить положение дел. Не потребуется! Исправлять будет нечего. Эта точка зрения убедительно подтверждена, к примеру, известным специалистом из Колумбийского университета профессором Робертом Фитцпатриком.

Демонстрируя известное небрежение к доставшимся в наследство сокровищам отечественной культуры (нельзя считать правилом редкие

¹ *Friedman V. Four Steps to Freedom // National review. 14. 05. 1990.*

международные амбициозные проекты типа «Russia!» в нью-йоркском музее Гугенхайма за счёт некоторых русских олигархов) к признанным во всём мире создателям культурных ценностей, к народу — носителю замечательных культурных традиций, сегодняшняя Россия отстаёт от большинства развитых стран, давно осознавших роль государственной поддержки культуры. Статистика свидетельствует о глобальных различиях в финансировании культуры в России и в западных странах. Так, доля затрат на культуру в государственных расходах составляет 4,8% — в Швеции; 4,65 — в Исландии; 3,9 — в Дании; 3,58 — в Норвегии и Финляндии; 3,16 — во Франции; 2,52 — в Бельгии; 2,51% — в Германии. В России же этот показатель никогда не превышал одного процента.

Разумеется, мы толкуем здесь лишь о количественной, а не о качественной стороне дела. Наша страна по-прежнему остаётся одной из авторитетных культурных держав мира, особенно в области музыкального, театрального и художественного творчества.

Существующий же миф о России как о стране высокой материальной культурной обеспеченности не соответствует действительности. Именно в Российской Федерации, например, один из самых низких уровней обеспеченности населения театрами — 3,2 театра (в расчёте на 1 млн жителей). В Австрии же этот показатель равен 24; в Швеции — 13,6; во Франции — 9,6; в Великобритании — 8,9; в Японии — 8,7; в Италии — 5,9. При этом не учитываются театральные труппы, регулярно дающие представления, но не имеющие собственного помещения; во Франции, например, действует около 500 подобных театральных объединений.

Очень похожа ситуация с обеспеченностью музеями: 35 музеев (в расчёте на 1 млн жителей) — в Нидерландах; 34,1 — в Швеции; 33,6 — в Чехии; 25,1 — в Германии; 29 — во Франции; 20 — в Италии; 15 — в Японии и лишь 11,6 — в России. Даже по такой традиционно российской характеристике, как обеспеченность библиотеками, наша страна оказалась далеко не лидирующей в таблице о культурных рангах: в России этот показатель в расчёте на 1 млн жителей равен 368, в Хорватии — 586; в Чехии — 708; в Финляндии же, некогда входившей в состав Российской империи, он достиг уровня 2500.

Даже в Москве обеспеченность музеями, театрами, концертными залами, галереями, библиотеками существенно ниже, чем в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и т.д. Так, в Москве на 1 млн жителей приходится 8 музеев, в Риме — 36, в Париже — 39, в Лондоне — 41¹.

¹ Статистические данные взяты автором из официальных документов Министерства культуры Российской Федерации за период с 1992 по 1997 г.

В такой ситуации вряд ли можно говорить о гипертрофированной развитости культурного сектора России. Думать же о его сокращении просто непростительно. Нужно признать и явную ошибочность нынешней финансовой парадигмы. Российская культура, безусловно, находится в критическом положении и нуждается в немедленном восстановлении полноценной государственной поддержки.

С финансовой точки зрения, сфера культуры является единственной сферой социального блока (включающего также образование, здравоохранение, спорт, социальное обеспечение), где происходят хранение и накопление, производство весьма значительных материальных ценностей, составляющих национальное достояние. По своей реальной стоимости эта часть национального богатства превосходит стоимость основных фондов многих отраслей хозяйства и уникальна тем, что не подвержена инфляции и может быть реальным средством накопления. Материальные ценности культуры являются реальным политическим и финансовым ресурсом государства. Задача активной финансовой политики состоит в том, чтобы превратить этот ресурс в активно работающий капитал, построить адекватные финансовые технологии и механизмы, обеспечивающие стабильное и эффективное воспроизводство культурной среды.

Основное условие превращения культуры в объект активной финансовой политики — адекватное структурирование её сферы. Превалирующим принципом такого структурирования может стать выделение блоков, допускающих применение однотипных финансовых технологий и механизмов. Например, в первый блок могут быть сведены объекты культуры особо важного национального значения, во второй — музеи-заповедники, в третий — объекты культуры регионального значения, в четвёртый — деятельность по созданию культурных ценностей, в пятый — деятельность по реализации массовых культурных программ, мероприятий и акций, в шестой — деятельность по подготовке кадров нового типа для сферы культуры, в седьмой — деятельность по социальной поддержке деятелей культуры.

В дополнение к государственной поддержке культуры следует определить и принципиальные шаги, преследующие в качестве цели привлечение внебюджетных средств. Подчеркнём, что речь идёт только о дополнительных средствах, не заменяющих бюджетное финансирование культуры.

Вовлечение наследия в активную культурную жизнь — одна из наиболее существенных возможностей укрепления финансового потенциала культуры. Опыт других стран свидетельствует, что полную «музеефикацию» на государственном уровне следует проводить лишь

применительно к уникальному культурному наследию, имеющему мировое, национальное, а для России и межнациональное значение. Большая же часть памятников отечественной истории и культуры должна быть включена в экономическую жизнь, способствуя этим повышению культурной активности населения и обеспечивая немалые дополнительные доходы. Реализация данной стратегии требует решения уже давно назревшей проблемы приватизации в сфере культуры, где самая живучая государственная монополия по-прежнему препятствует осуществлению экономически осмысленных мер.

Обратим в этой связи внимание на такую форму приватизации, как превращение государственных и муниципальных учреждений культуры в независимые некоммерческие организации («некоммерческая приватизация»). В этой связи следует подчеркнуть, что разгосударствление не предполагает снижения объёмов бюджетного финансирования культуры, однако оно может существенно повысить эффективность использования выделенных государственных средств. Большое значение для сферы культуры имеет также возможность непосредственной передачи государственного имущества некоммерческим организациям.

Государство в этом случае выполняет лишь контрольно-надзорные функции, обеспечивающие сохранение объектов культурного наследия, а также функции одного из главных инвесторов реставрационных и восстановительных работ. В дополнение к этому государство обеспечивает и обязательную реализацию правил сервитута, т.е. тот или иной протекционизм в отношении юридических и физических лиц, инвестирующих средства в восстановление, реставрацию, содержание, изучение памятников истории и культуры, в другие мероприятия, способствующие сохранению и рациональному использованию объектов наследия.

Введение специальных налогов — традиционное направление пополнения «культурного бюджета». Опыт других государств, обладающих зрелым рыночным хозяйством, и стран с транзитной экономикой свидетельствует об эффективности подобных мер. Учитывая специфику российской экономической жизни, можно предложить следующие виды специальных налогов в пользу культуры.

Налог «культурная рента» устанавливается в виде определённого процента с доходов: от объёма реализации товаров и услуг, продажа которых осуществляется на территории культурных центров, памятников культуры, музеев, заповедников, а также в помещениях организаций культуры; от объёма реализации чистых аудио- и видеокассет; от объёма реализации туристических услуг; от коммерческой рекламы

в средствах массовой информации; от проведения национальных лотерей. Плательщиками данного налога являются все юридические лица, не принадлежащие к числу некоммерческих организаций культуры. Собранные средства от «культурной ренты» зачисляются в фонд поддержки искусства.

Налог на «культурную недвижимость» устанавливается в виде определённого процента с доходов от коммерческого использования (включая сдачу в аренду) нежилых помещений организаций культуры. Плательщиками настоящего налога являются все юридические лица, не принадлежащие к числу некоммерческих организаций культуры, а также физические лица, использующие (на правах собственника или арендатора) в коммерческих целях нежилые помещения памятников культуры или учреждений культуры. Собранные в соответствии с этим налогом средства зачисляются в фонд поддержки культурного наследия.

Налог на строительство устанавливается в виде определённого процента от стоимости строительства и перечисляется в фонд поддержки культурного наследия для осуществления реставрационных и других восстановительных работ недвижимых памятников культуры. Плательщиками указанного налога являются все юридические и физические лица.

Отечественная культура обладает тремя уникальными ресурсами — творческим потенциалом её создателей, накопленным веками и развиваемым из поколения в поколение; культурным наследием, являющимся результатом многовекового труда творцов; культурными традициями, материализованными в интересе населения к ценностям культуры. Это стратегические ресурсы России, которые, однако, могут быть утрачены за время жизни всего нескольких поколений.

Новые проблемы и противоречия

До сих пор мы говорили в основном о кризисе и о технологии культурного возрождения России. Теперь же необходимо остановиться на философии этого процесса, на проблеме вхождения многонациональной России в общеевропейскую культурную семью.

Либерализация политики в области культуры последних лет, легализация и нарастание плюрализма во многом изменили ситуацию. Возникли новые противоречия и несоответствия. Если при всех издержках удалось сохранить большую часть наследия, систему образования в творческих школах, студиях и вузах, то коммерциализация

культурной жизни привела к массовому распространению культурного ширпотреба, и в первую очередь западного производства, к унификации обычаев, традиций и образа жизни городского населения по зарубежным образцам, в то время как маленькие города и населённые пункты по укладу жизни остаются весьма и весьма традиционными.

Культурный корабль России всплывает в мировое сообщество, неся на себе груз не только советского прошлого, но и отголоски почти двухвековой и до сих пор не разрешённой полемики между, условно говоря, «западниками» и «славянофилами».

Видимо, надо согласиться с философом и культурологом Борисом Дубиным, что для среднего россиянина мир и сегодня разделён на «нас» и на «них». Репрезентативные опросы населения, проводимые, в частности, Левада-Центром, показывают, что примерно половина населения России не чувствует себя европейцами и предпочитает «особый путь» развития. К этому, в сущности, склоняется и наша государственная политика. При этом остаётся совершенно неясным, в чём же он заключается. Мы подмечаем недостатки западного пути, но столь же не уверены в своём завтрашнем дне, не зная или не умея определять твёрдые ориентиры собственного развития.

Вот почему в условиях (надеюсь, временной) утраты национальной и государственной идентичности стоит уповать на бесспорные, веками проверенные ценности нашей отечественной культуры и в этой перспективе прокладывать пути инновационным процессам, созвучным лучшим образцам мирового и, прежде всего, европейского культурно-художественного опыта.

Почти забыт поэт Николай Степанович Гумилёв, зато посмертно прославлен его сын, Лев Николаевич Гумилёв — талантливый географ и историк, тоже человек трагической судьбы, который своей теорией «пассионарности» и евразийской утопией способен увлечь не только невежд, но и достаточно зрелые образованные российские умы.

Не дай бог подобных пророчеств и прозрений! Начиная с эпохи Екатерины II русское общество не мыслило себя вне культуры Европы. Русский путь при всех (естественных) восточноазиатских вкраплениях был и остаётся частью европейской истории. Убедительно писал об этом Н.А. Бердяев. Его давние споры с евразийством, которое нередко принимает у нас формы антизападного национализма, чрезвычайно актуальны и по сей день.

Евразийская культурная утопия особенно опасна на фоне происходящих демографических процессов в нашей стране (уменьшение европейского русского населения за счёт людского наплыва с юго-востока) и в атмосфере тревожного обеднения лексического запаса

русского языка. По наблюдению М. Эпштейна, «во всех словарях русского языка советской эпохи, изданных на протяжении 70 лет, в общей сложности приводится около 125 тыс. слов. Это очень мало для развитого языка с великим литературным прошлым... Для сравнения: в Словаре В. Даля — 200 тыс. слов»¹. Сходна тревога А.И. Солженицына, который пишет о вымирании русского народа и безоглядном засорении русского языка².

У евразийцев, как замечает Ю. Каграманов, главные приоритеты — сильная центральная власть, коллективная воля (схожая с «народным единодушием» сталинского режима), могучее в международном плане государство³. Хотим ли мы изоляции, возрождения холодной войны, скифства и варварства под флагом самобытности? Тогда вперёд, по евразийской стезе, отвергая (внутренне, конечно, а не на словах) естественный синтез русско-европейского культурного опыта. Да и, к слову сказать, «русское» исторически никогда не означало «кровное», чисто национальное, а включало в себя представление о многонациональном народе, о культуре обширного государства, скреплённого русским языком, культурной почвой нашего Отечества.

Распад СССР в этом смысле можно смело назвать лингвистической катастрофой. Вот что пишет один из авторитетнейших общественных деятелей Востока, поэт и посол Казахстана в ЮНЕСКО Олжас Сулейменов: «Мы должны разрушить заборы между некогда братскими народами, заборы, которые нас разделяют. С ними может справиться лишь живая стихия русского языка. Новые поколения в некоторых республиках СНГ уже не изучают русский язык. Этим они наказывают сами себя, поскольку утрачивают очень важное средство межнационального общения.

...Через русский язык в республики приходила мировая культура и наука. Потеряв его, мы придадим нашим культурам островной характер. Островные цивилизации, населённые одним этносом, высокомерным носителем единственного языка, неминуемо столкнутся, что приведёт к глобальному конфликту»⁴.

Определить состояние так называемого «русскоязычного» творческого человека, проживающего в странах СНГ и Балтии, можно достаточно обобщённо и кратко: тоска по России. Второе чувство: оби-

¹ Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии // Знания. 2006. № 1. С. 193.

² Московские новости. 28.04—04.05.2006. № 15. С. 23.

³ Рубежи. Научно-философский и общественно-политический журнал конгресса интеллигенции Российской Федерации. 1997. №№ 8—9. С. 115.

⁴ Сулейменов О. Не стать островом // Из выступления на Конгрессе творческой и научной интеллигенции стран СНГ. М., 14.04.2006.

да (заброшенность). Лишь очень немногие свободны (или делают вид) от этих двух психологических состояний. Исходя из этого, должна строиться и «концепция».

Действительно обидно, что брошены. Несмотря на все демагогические заверения «метрополии» в обратном. На протяжении многих лет практически не было стратегической правительственной программы («руссофонии» подобно «франкофонии»), обеспеченной солидными бюджетными ассигнованиями. МИД и Росзарубежцентр старались что-то делать, но эти старания определялись не столько целеустремлённой политикой, сколько персональными усилиями энтузиастов. Только сейчас стали понимать, что так нельзя. Любая держава, которая уважает себя, должна с уважением относиться и к своим зарубежным соотечественникам, не бросая их на произвол судьбы.

Тем более это необходимо на территории бывшего СССР. Мы за последние годы потеряли в государственном авторитете столько, что требуется кардинально новая политика, и прежде всего в области культуры, образования и науки, ибо это единственная зона, способная нас вновь объединить и выручить из глобальной национальной катастрофы. Русский язык здесь главное средство не просто межнационального общения, но культурного дыхания и выживания миллионов людей. Ставить вопрос иначе не просто легкомысленно, но и исторически преступно.

Следующий важный момент: организационная раздробленность русских землячеств, споры за первенство представлять Россию пред лицом нового государства, часто не воспринимаемого как своё. Задача конференций и конгрессов соотечественников (и, конечно, посольств на местах) — постепенно способствовать сплочению диаспоры и в организационном, и в идейном плане. Здесь огромную роль призваны сыграть русскоязычные средства массовой информации. Вот звено, ухватившись за которое можно решить многие из накопившихся проблем.

Несколько лет назад, будучи представителем России при ЮНЕСКО, автор обратился к Президенту Российской Федерации со следующими предложениями.

Первое касалось защиты культурной идентичности русской диаспоры, её научного, архивного, художественного достояния. Признаем, что в настоящее время довольно редко удаётся возратить на Родину произведения искусства или документы отечественной истории.

Причины — как в юридических правилах, так и в пожеланиях владельцев. К глубочайшему сожалению, этот культурный материк с естественной сменой поколений всё дальше удаляется от России. Вот

некоторые красноречивые примеры: архив Добужинских, художественное наследие Серебряковой, дом Тургенева в Буживале, выставленный муниципалитетом на торги. И это только во Франции.

А надо ли всякий раз добиваться возвращения культурных ценностей в Россию? Может быть, стоит попытаться сделать их предметом собирания, охраны и научной обработки в месте пребывания? И, конечно, доступными для российской и зарубежной публики (сказанное, разумеется, не означает, что процесс возвращения культурного наследия на Родину тем самым приостанавливается).

Делу мог бы помочь Фонд (Центр) Российского культурно-исторического наследия за рубежом, который стал бы заниматься исследовательской, собирательской, музейной, выставочной и просветительской деятельностью. Такой Фонд (Центр) под патронатом Президента России и, скажем, Президента Франции можно основать в Париже или его окрестностях.

Именно Франция, где сконцентрированы большие духовные и материальные российские ценности, где диаспора продолжает в меру своих сил хранить и язык, и традиции, больше всего подходит для осуществления подобного проекта.

Известно, что наш Национальный резервный банк купил здание и парк близ Ле Бурже для создания делового российского центра (с весьма туманной пока программой). Так что возможности приобретения собственности во Франции для благих российских целей имеются. Важно политическое решение, и тогда можно начать серьёзную проработку всего плана. Это, конечно, должна быть именно президентская программа, дабы привлечь к проекту российских и зарубежных спонсоров. Несомненно, подобная программа будет работать на упрочение позитивного облика нашего государства.

Вторым, весьма важным и перспективным проектом является создание «Русской европейской газеты». Конечно, здесь требуется серьёзная подготовка, мониторинг, бизнес-разведка и т.п. Но дело явно стоящее и вполне реальное. Московская акционерная финансовая компания «Система» не даром делает попытки в этом направлении, но попытки эти достаточно локальны, лишены размаха и глобальной стратегии (к примеру, выпуск в Лондоне небольшой русскоязычной газетки, покупка обескровленной Парижской «Русской мысли» и т.п.). Между тем большую газету для соотечественников надо создавать не на развалинах эмигрантского антисоветизма, а на совершенно новой основе, например, в Германии — во Франкфурте-на-Майне или в Берлине, где издательские издержки меньше. Причём, это должно быть свободное, порой нелицеприятное и очень профессио-

нальное издание, не несущее на себе печати явно пропрезидентского или какого-либо партийного влияния. Русскоязычная читательская аудитория при умелом и талантливом подходе к делу будет достаточно репрезентативной как качественно, так и количественно. Пока ещё есть русскоговорящая Восточная Европа, Балтия, эмигранты в Германии и Франции, осуществление этого проекта может иметь успех. Да и в СНГ газета (скажем, под старинным карамзинским названием «Русский европеец»), если её правильно подать, найдёт своих читателей, а стало быть, будет объединять и готовить друзей русского слова и государства.

Откуда взять средства? Да всё оттуда же. Наши Алекперовы, Фридманы, Потанины, Дерипаски, Евтушенковы, Абрамовичи. Как утверждают квалифицированные эксперты, если вложить примерно 100 млн долларов в рекламу положительного образа России, то капитализация бизнеса спонсора может возрасти на миллиард, не меньше.

Впрочем, в 2007 г., торжественно объявленном «Годом русского языка», ситуация несколько изменилась. Создана неправительственная межрегиональная организация «Русский мир», активизировалась деятельность Московского правительства по связям с диаспорой. Фестивали и конференции наших соотечественников прошли в Париже, Брюсселе, Берлине, странах СНГ. Делаются попытки создания пособий для изучения российской истории и культуры в школах ближнего и дальнего зарубежья. Боюсь, однако, что по прошествии года-другого правительственный и общественный энтузиазм спадёт, не подкреплённый стратегией и финансовой поддержкой. Здесь вся надежда не на власть, а на самодеятельность граждан по обе стороны границ, на их способность к объединению на почве образования и культуры.

В поиске культурного возрождения

Итак, национальной культуре очень трудно в новых условиях сохранить своё неповторимое лицо. Тут не поможет, к примеру, французский опыт законодательного ограничения англо-саксонского нашествия — в кино, в быту, в «Макдоналдсах» и, самое главное, в языке, в речи как в обыденной, так и в изысканно-литературной. Изоляция и запреты — не путь, а тупик. Видимо, надо беречь и создавать свою культуру — только лучше. Только в напряжённом порыве национального гения, учитывающего высшие достижения всей мировой культуры, можно добиться свободы и победить! Вот почему необходим стро-

гий отбор — как внутренний, в душе творца, так и в публике. Истинное искусство не может быть разменной монетой популизма. Не к народу спускается оно, а народ, духовно взрослея, должен дотянуться и вкусить его духовные плоды. Если, конечно, будет на то народная воля.

Заметно усложнились взаимоотношения художника и публики. В принципе такой конфликт существовал всегда, но сегодня в переходную эпоху постмодерна возникает ситуация, когда литературный текст часто не находит своего адресата и к нему мало кто прислушивается. Причём публики стало в целом больше, чем в прошлом веке. Она пересаживается в другие кресла и уходит в Интернет или в бульварно-развлекательное чтиво. Кому что нравится. И художники, и писатели, и режиссёры, особенно молодые, как уже говорилось, начинают работать на экономику, на рынок, а не на культуру. Они пассивно переносят на бумагу некоторые черты общества, причём без особого разбора, без серьёзной творческой обработки. Этот процесс тесно связан с падением языковой культуры, стиля, который часто теряет национальную и индивидуальную неповторимость.

Тут нельзя сдаваться обстоятельствам. Следует регулировать процессы распространения массовой культуры, которая есть живая и неотменимая реальность. Здесь необходимы разумные усилия и государства, и с трудом нарождающегося у нас гражданского общества. Не отрицать на корню, а поддерживать лучшие творческие образцы коммерческих форм шоу- и артбизнеса — т.е. той зоны, которая покамест абсолютно не контролируется ни вкусом, ни здравым смыслом, ни воспитательными целями.

Ещё совсем недавно мы были «самой читающей страной». Потребовались социальные и политические потрясения девяностых годов, чтобы отчетливо понять: культура чтения — не в самом чтении, а в перечитывании. Настоящим читателем можно назвать человека, у которого есть потребность взять в руки, например, Гоголя и перечитывать знакомое — открываются иные глубины. К тому же выяснилось, что мы были, мягко говоря, странной читающей страной. К примеру, структура тогдашнего интеллигентского чтения была весьма ограниченной, мы все читали одни и те же журналы: «Новый мир», «Октябрь», «Иностранную литературу», самиздат и газеты. К 1990 г. уже были опубликованы все главные книги, находившиеся ранее под запретом. Тираж «Нового мира» достиг рекордной отметки в 5 млн экземпляров. Но потом всё схлынуло, и сегодня «новомирский» тираж составляет не более 7 тысяч. То же самое с другими «толстыми» литературными журналами.

Чтение переместилось из периодики в книжно-рыночные развалы. Расцвело коммерческое книгоиздание. Зайдите в магазин, особенно в мегаполисах, глаза разбегаются, столько всего глянцевого и яркого. Но при этом 60% населения (статистика ВЦИОМа) игнорирует серьёзное чтение. Внезапно возникает мода на современного примитивного бразильца Коэльо, сюда можно прибавить однообразно артистичного Б. Акунина и многочисленных «мастериц» детективно-криминальных и женских повествований.

Одновременно выяснилось, чего не хотят читать граждане России. Молодёжь быстро насытилась эротикой, люди старшего поколения сняли верхний слой мемуаров и политических разоблачений, и всё пришло к тому, что вкусы наших граждан, как правило, лежат совсем не в той плоскости, в которой хотелось бы. В чём же причины? Прежде всего, в образовании и просвещении, которые медленно, но верно отодвигаются на периферию общественной жизни и государственной политики.

Средняя школа переходит к американской тестовой системе (ЕГЭ). Резко поменялись приоритеты: гимназический принцип выветрился, явились на свет всякого рода поверхностные образовательные псевдоидеи, недоброкачественные пособия, особенно по истории и литературе. Само искусство чтения оказалось в плену плюрализма, когда стало можно всё и отсутствие критериев превратилось в правило.

Особо надо сказать о постмодернистском натиске в нашей современной литературе и изобразительном искусстве, который к счастью постепенно сходит на нет.

Весьма интересно судит о постмодернизме известный немецкий богослов и писатель, доктор Ханс Кюнг: «Не следует идти на поводу у модных тенденций; решающим является даже не слово “постмодернизм”, часто приобретающее весьма туманное, эссеистски расплывчатое истолкование, а сама суть дела, сам факт глобального перелома эпох. Слово “постмодернизм” следует использовать не столько в литературоведческом или искусствоведческом плане, связывая его с явлениями литературы и искусства, сколько во всемирно-историческом плане... В 1974 г. А. Тойнби употребляет его для определения современной эпохи западной культуры, появление которой он относит к периоду ещё до начала Первой мировой войны. У Тойнби это понятие заимствуют американские литературоведы, вкладывая в него теперь совершенно новый, гораздо более узкий смысл...»

Дело не в узко эстетическом понимании этого термина, используемого для обозначения весьма недолговечного художественного стиля в литературе, дело в необходимости трезвого анализа эпохи, смены вре-

мени, перелома эпох, в условиях которых мы сейчас, по всей видимости, живём. Короче говоря, речь идёт об эпохальной смене парадигм»¹.

Не будем сейчас останавливаться на глобальных проблемах смены модернистской парадигмы развития человеческого общества на постмодернистскую. Это не входит в нашу задачу. Остановимся на чисто культурологических аспектах темы.

Прежде всего, необходимо конвенциональное урегулирование терминов, самого языка критики, литературоведения в применении, скажем, к метаметафоризму, концептуализму (в отличие от искусствоведения, где хотя бы договорились о том, что такое поп-арт [соц-арт] и т.п.). Само понятие отечественного постмодернизма, его конститутивные признаки, его генезис, его связи и отталкивания в отношениях с западным постмодернизмом — всё это пока не очерчено с достаточно научной определённой и затрудняет серьёзный, доказательный разговор.

Разумеется, постмодернизм не может отменить реализм, классическую традицию в искусстве. Поминки по соцреализму — это одно, а по реализму — это совсем другое. Представим на мгновение широкую тысячелетнюю типологию мирового искусства, где, условно говоря, в одной эпохе и стране поэт Андрей Белый будет находиться в художественно-мировоззренческой оппозиции к поэту Ивану Бунину, а в другой — живописец Босх к живописцу Мемлингу. Ну и что из этого? Происходит не простая смена направлений и стилей, а их борьба, в результате которой рождается новый синтез, новый взгляд на человека, обогащается язык культуры. Кроме того, не забудем, что в направления и стили чаще всего сбиваются только слабые и начинающие. Пастернаку, Цветаевой или, допустим, Бродскому в такой литературоведческой типологии, в сущности, делать нечего.

Пока основной пафос нашего молодого постмодернизма — разрушение всех и всяческих табу. Сам процесс этого отрицания, освобождения слова и кисти от идеологии можно в принципе приветствовать. Но он быстро рождает новые условности, новый этикет и достаточно сектантское неприятие эстетического инакомыслия, т.е. новые табу. При этом некоторые из современных авторов обнаружили такие старые и такие резвые способности к саморекламе и проникновению на отечественные и западные художественные и книжные рынки, что всякие разговоры о служении чистому искусству, о культуре сами становятся по меньшей мере «штампами» или «концептами», немедленно требующими нового пародийного обыгрывания. Вместе с «перестройкой» до-

¹ Кюн Х. Религия и перелом эпох. // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 225.

верчивые западные университеты нередко и весьма охотно впускали в свои аудитории молодых и средних лет новых русских «гениев», в сущности, весьма сомнительной художественной репутации.

И уж, конечно, неприлично забывать о предтечах. То ли по старинной русской привычке самозабвенно изобретать велосипед, то ли по здравому пионерскому умыслу, но их имена и опыт несправедливо затухиваются нынешними молодыми лидерами. Между тем в русской поэзии, к примеру, были обэриуты, а, скажем, в Европе и США до сих пор существует большая традиция западной постмодернистской культуры. Подобная «забывчивость» сразу выводит наше отечественное явление из мирового культурного контекста, обрекая его на провинциализм.

И, наконец, не обойтись без одного тревожного вопроса. Речь идёт об идеальном начале в структуре постмодернистского художественного сознания. Здесь, как мне старомодно кажется, проходит тайная, незримая граница, которая отделяет текст от текста, отправляя один в кратковременную, пусть и шумную рекламную «тусовку», а другой — в литературу, а то и сразу в историю, как случилось с замечательной поэмой в прозе Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки».

Сколько бы мне ни объясняли, что искусство, культура не имеют никакого отношения к морали и нравственности, я никак не пойму, что же делать с традиционным русским культурным сознанием, с его стремлением отдать больше, чем взять, восторгом перед жизнью («прежде её смысла», по слову Достоевского) и осознанием любви как опоры подлинного творчества?

«Будущее культуры — в её арьергарде», — сказал как-то поэт, и, по существу, он, конечно же, прав. Потому что нет ничего в мире более консервативного и устойчивого, нежели подлинная национальная культура, пронизывающая всё человеческое существо от быта до художественных вкусов. Формально-смысловая актуализация необходима, но органичная, естественная, а не натужно-революционная.

Нелепо думать, что в России в тоталитарные времена не было прекрасной поэзии, основанной, в частности, на классической, пушкинско-ахматовской традиции. Она есть и сейчас и плодоносит — и внутри страны, и в русской диаспоре по миру. Другое дело, что в условиях нынешней рыночной России хорошим стихам как бы и не время, публике не до них. Но, кажется, поэзия вновь воскресает, судя по многочисленным премиальным сюжетам, растущим как грибы после дождя.

Постмодернистская культура принципиально аналитична. Она трясёт дерево и срывает с плодов застывшую плёнку обыденности.

При этом корни и ядро смысла остаются живыми и способными к новому плодоношению, вовсе не по проекту ниспровергающей иронии и культурного шока. Например, у наших писателей, причисляющих себя к этому модному направлению, явно внутри ощущается некая тоска по глубине и ответному отклику. Эха хочется, а где эхо — там и синтез, там человек и его душа, там космос дышит из распада, из развала, из разрухи. Там путь возвращения великой культуры к глубине и высоте. Вместе с критиком и культурологом Ириной Роднянской я мечтаю о таком европейском (и российском в том числе) возрождении: «Постмодернистский отказ от поисков абсолюта, идея культурного коктейля, всё пародирующего и всё снижающего, бесконечная цитатность и ирония не могут быть положены в основу большого творчества... Это переходный период, накопление эстетических сил и приёмов, артистическая игра-разминка перед выходом на сцену в трагической (а стало быть, подлинной) роли»¹.

Русская культура сегодня на большом распутье. Её судьба зависит от многих факторов, среди которых первостепенное место занимают осознанная, продуманная государственная политика и активная работа общества по защите и развитию её лучших образцов и традиций.

Глава 31. Россия: демографическая кривая

Население страны — сложная система с огромной инерцией. Демографическая ситуация в каждый период в значительной степени зависит от прошлого.

Прошлое и настоящее

Россия быстро прошла путь от «демографического взрыва» 20-х годов XX в. до суженного воспроизводства населения — недостатка рождений для количественного замещения родительского поколения (середина 60-х годов) и естественной убыли населения страны (с 1992 г.). В общих чертах результаты демографического развития России видны из таблицы 31.1.

¹ Новый мир. 2001. № 10. С. 212.

Таблица 31.1

Воспроизводство населения России (тыс. чел.)

	1926 г.	2007 г.
Родилось	4021	1610
Умерло	1920	2080
Естественный прирост	2101	—470
	<i>(человек на 1000 жителей)</i>	<i>(человек на 1000 жителей)</i>
Родилось	43,4	11,3
Умерло	20,7	14,6
Естественный прирост	22,7	—3,3
Чистый коэффициент воспроизводства населения	1,8	0,665

В таблице взяты типичные для своего времени годы: середина демографического взрыва 20-х годов, давших самое многолюдное в истории России поколение, и середина первого десятилетия XXI в. — середина очередного подъёма числа рождений, связанного со вступлением в период высокой повозрастной рождаемости последнего в истории страны многолюдного поколения, рождённого в 80-е годы.

Источники: Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998. С. 84; Россия в цифрах. 2006. М., 2006. С. 75; Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 109; Там же. 2008, М. 2008.

В целях пояснения приведём некоторые дополнения к таблице.

Великая Отечественная война принесла стране тяжелейшие демографические потери, которые были численно компенсированы только к середине 50-х годов. После Победы — из-за больших потерь потенциальных отцов — не было обычного после длительных войн «бэби-бума». Рождаемость после войны оказалась существенно ниже довоенной. Правда, вследствие появления и широкого применения новых медикаментов, особенно антибиотиков, послевоенные дети выживали гораздо чаще, чем довоенные. Поэтому ныне послевоенное поколение — самое многолюдное после поколения «детей перестройки».

В 60-е годы в стране произошёл глубокий демографический «провал». Если в 1960 г. родилось 2,8 млн детей, то в 1968 г. — всего 1,8 млн.

В 1964 г. Россия перешла к суженному воспроизводству населения, т.е. такому положению, когда рождающихся детей становится недостаточно для количественного замещения родительского поколения. Этот «недород» постоянно и быстро возрастал до начала 80-х годов. В 1981 г. было принято постановление, направленное на повышение рождаемости и улучшение воспитания подрастающих поколений. Были установлены продолжительные, частично оплачиваемые отпуска женщинам по уходу за рождёнными детьми и некоторые другие льготы. Это дало временное повышение рождаемости на 10%. Однако в конечном итоге произошло не столько увеличение числа детей, сколько «сдвиг» рождений во времени: первоначальное повышение числа рождений вскоре сменилось последующим («компенсационным») их снижением.

Затем наступила перестройка. Поначалу она вызывала заметный рост рождаемости. На несколько лет Россия возвратилась к уровню простого воспроизводства населения, т.е. к такому положению, когда рождающихся детей достаточно для количественного замещения родительского поколения. В 1986–1987 гг. в стране родилось по 2,5 млн детей — против 1,8 млн в 1968 г. Затем начался сначала медленный, а затем быстрый спад — до 1,2 млн рождений в самом «провальном», постдефолтном 1999 г.

С 1992 г. ежегодное число смертей стало больше, чем рождений. Иными словами, началась естественная убыль населения, которой не было в мирное время с 1933–1934 гг. Она быстро росла, приближаясь к миллиону человек в год.

Население России в её нынешних границах, достигнув абсолютно-го максимума к началу 1993 г. (148,6 млн человек), стало быстро сокращаться. В начале 2006 г. оно составляло 142,4 млн, а в начале 2009 г. — 141,9 млн (потеря в 7,5 млн).

Часть естественных потерь (перевес смертей над рождениями) была компенсирована чистым миграционным притоком из бывших союзных республик. Этот приток был значителен в первой половине 90-х годов, но затем стал снижаться.

Такое развитие демографических процессов привело к старению населения. Доля детей в населении страны уменьшилась, доля пожилых (старше 60 лет) и стариков (после 75 лет) росла. Соответственно повышался средний возраст жителей страны. Если перед Второй мировой войной дети (до 15 лет) составляли более трети населения, то в 2002 г. — году прошлой Всероссийской переписи населения — менее шестой части. В свою очередь, доля тех, кто перешагнул за шестидесятилетний возраст, возросла в 2,8 раза. Впервые в истории России пожилых и стариков стало больше, чем детей (см. табл. 31.2).

Таблица 31.2

Возрастной состав населения России (%)

Возраст, лет	1939 г.	1959 г.	1979 г.	2002 г.	2002 г. к 1939 г.
0–14	36,6	29,1	21,6	16,4	45
15–29	26,5	26,5	27,1	24,0	91
30–44	19,7	20,2	19,6	22,5	114
45–59	10,5	15,2	18,0	18,6	177
60 и более	6,7	9,0	13,7	18,5	276
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	

Источник: По данным всеобщих переписей.

После переписи среднегодовая численность рождений несколько выросла. Тем не менее число детей и их доля в населении страны продолжали снижаться. Это происходило потому, что к тому времени в юношеский возраст переходили (достигали 15 лет) более многочисленные годовичные когорты, чем нарождавшиеся.

Небольшое увеличение числа рождений после провального 1999 г., когда появились на свет всего 1215 тыс. детей, вызвал к жизни утверждения, будто в стране начался рост рождаемости. При этом упускалось из виду, что в эти годы в возраст высокой повозрастной рождаемости стало входить последнее относительно многочисленное поколение родившихся в 80-е годы. Кроме того, в это время рождались также дети «отложенные» из-за неблагоприятных обстоятельств (в частности, дефолта 1998 г.).

В целом годовичное число рождений возросло с 1999 по 2008 г. с 1717,5 тыс. до 1502 тыс., т.е. более чем на полмиллиона человек. Однако в 2005 г. оно вновь уменьшилось до 1457 тыс. Некоторый рост, зафиксированный последующие годы (до 1601 тыс. в 2007 г.), был обусловлен возрастанием численности молодых родителей. Затем позитивную роль сыграли дополнительные меры по государственному стимулированию рождаемости. Следует, однако, учитывать, что воздействие первого фактора весьма ограничено по времени. В связи с малочисленностью детей,

рождённых в конце прошлого и начале нынешнего века, и относительной близостью их вступления в возраст наивысшей возрастной рождаемости (20–30 лет) в сравнительно недалёкой перспективе России грозит новое резкое снижение числа рождений.

Следует иметь в виду, что общие (на 1000 жителей) демографические коэффициенты недостаточно точно отображают динамику демографических процессов. Это происходит из-за того, что структура населения — явление неустойчивое. Для России характерны «демографические волны» — чередование относительно многочисленных и малочисленных поколений. Когда в населении возрастает доля молодого взрослого населения, общий коэффициент рождаемости растёт при всех прочих равных условиях. При прохождении возраста наивысшей повозрастной рождаемости малочисленным поколением общий коэффициент рождаемости, соответственно, снижается. Элиминировать влияние демографических волн можно, рассмотрев долю рождений в реальных поколениях, вычисленных по годам рождения (см. табл. 31.3).

Таблица 31.3

**Итоговая рождаемость реальных
и условных женских поколений**

Годы рождения женщин	Реальные поколения	Календарные годы*	Условные поколения
1886–1890	5,49	1916–1920	5,23
1891–1895	5,50	1921–1925	6,16
1896–1900	5,23	1926–1930	6,38
1901–1905	4,59	1931–1935	4,51
1906–1910	3,66	1936–1940	4,74
1911–1915	2,82	1941–1945	2,60
1916–1920	2,46	1946–1950	2,89
1921–1925	2,25	1951–1955	2,86
1926–1930	2,20	1956–1960	2,67
1931–1935	2,15	1961–1965	2,33
1936–1940	2,01	1966–1970	2,03
1941–1945	1,91	1971–1975	2,01

Продолжение таблицы 31.3

Годы рождения женщин	Реальные поколения	Календарные годы*	Условные поколения
1946–1950	1,85	1976–1980	1,93
1951–1955	1,89	1981–1985	2,02
1956–1960	1,87	1986–1990	2,08
1961–1965	1,71**	1991–1995	1,48
1966–1970	1,56**	1996–2000	1,23

* Соответствует годам достижения возраста 30 лет реальными когортами, указанными в левой части таблицы.

** Оценка.

Источник: Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А. Вишневского. М., 2006. С. 157.

В таблице показаны реальная рождаемость поколений за весь советский период, её динамика от очень высокой в годы НЭПа до уровня простого воспроизводства в середине 60-х годов (у женщин, рождённых в первой половине 30-х годов), а также последующее плавное снижение рождаемости до уровня суженного воспроизводства, как и её стремительное падение в последнее десятилетие прошлого века.

В реальных поколениях рождаемость в России падала более плавно, чем в условных, а демографическая ситуация конца прошлого века выглядит не столь трагично, как при учёте рождаемости условных поколений.

Для простого воспроизводства населения (полного количественного замещения родительского поколения детским) итоговая рождаемость реального поколения должна быть не менее 2,1 (210 живорождений на 100 женщин). В последнем десятилетии прошлого века, как видно из таблицы 31.3, она составляла примерно 3/4 необходимой. После некоторых колебаний, зафиксированных в последующие годы, она вернулась ныне примерно на тот же уровень (в 2008 г. коэффициент рождаемости определялся как 1,5). Это предполагает неизбежность быстрого уменьшения численности населения.

Нынешнюю ситуацию с рождаемостью обычно называют демографическим кризисом. Представляется, что это не очень удачное наименование. То, что называют кризисом, продолжается более сорока лет. При этом он быстро углубляется, конца ему не видно.

Нередко ссылаются на то, что примерно такой же уровень рождаемости, как в России, характерен ныне для многих наиболее развитых стран (Япония — 1,24, Италия — 1,28, Великобритания — 1,66). Поэтому, дескать, в нынешней ситуации нет ничего опасного. Сторонники подобной точки зрения очень далеки от понимания сути дела. Ничего утешительного в таком сравнении нет. Констатация данного обстоятельства свидетельствует лишь о сокращении в населении мира его наиболее развитой части.

Кроме того, у сопоставимых с Россией по уровню рождаемости стран гораздо меньшая смертность и значительно большая средняя продолжительность жизни (см. табл. 31.4). Это позволяет им сохранить численность своего населения, а иногда даже иметь его некоторый прирост. Кроме того, высокий уровень и качество жизни в этих сравнимых с нами по уровню воспроизводства населения странах привлекают в них население извне.

Таблица 31.4

**Демографические показатели России на фоне всего мира
и Европы (расчёты по состоянию на 2000 г.)**

	На 1000 жителей в год		Коэффициент суммарной рождаемости	Средняя продолжительность жизни (лет)	
	рождений	смертей		мужчины	женщины
Россия	11	16	1,4	59	72
Весь мир	21	9	2,7	65	69
Европа	10	11	1,4	71	79
Германия	9	10	1,3	76	81
Испания	11	9	1,3	77	84
Италия	9	10	1,3	77	83
Великобритания	12	10	1,7	76	81
Норвегия	12	9	1,8	78	82
Франция	13	8	1,9	77	84
Ирландия	16	7	2,0	75	80

Источник: Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Сентябрь 2005. № 93.

Суженное воспроизводство населения характерно для всех стран Европы, но различия между ними весьма значительны. Так, например, во Франции и странах Скандинавии показатели воспроизводства населения много выше, чем в Германии, Италии, Испании и ряде других стран. Существует мнение, что эта разница обусловлена относительно недавним прошлым. Худшие показатели рождаемости имеют страны с тоталитарным историческим наследием. Механизм связи прошлого тоталитаризма с нынешним нежеланием иметь детей — неясен, однако сама эта связь, судя по объективным демографическим показателям, вполне вероятна.

Смертность в России была традиционно высокой вплоть до Отечественной войны. После неё она стала быстро снижаться, хотя и оставалась заметно выше, чем в наиболее развитых странах.

В мирное время наблюдались кратковременные катастрофические взлёты смертности. Так, чрезвычайно высокий её подъём был зафиксирован в 1933—1934 гг. Для иллюстрации сошлюсь на следующую цитату: «В период голода 1933—1934 гг. естественная убыль населения достигала 1,9%, младенческая смертность поднималась до 300 на 1000 родившихся, ожидаемая продолжительность жизни падала до 15 лет у мужчин и 20 лет у женщин, нетто-коэффициент воспроизводства восставлял 0,5, что соответствует режиму воспроизводства, при котором каждое последующее поколение будет в два раза менее многочисленным»¹.

Наиболее точный измеритель уровня смертности — ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Это число лет, которое может прожить средний человек, рождённый в данном году, при условии сохранения на всём протяжении жизни повозрастных коэффициентов смертности и года рождения.

Из таблицы 31.5 видно, что по продолжительности жизни Россия существенно отставала от наиболее развитых стран, особенно по мужчинам, у которых продолжительность жизни ниже среднемировой.

Отставание России в этом отношении и сейчас примерно такое же, как столетие назад, — более 15 лет.

Нигде в мире нет столь большого разрыва в средней продолжительности мужской и женской жизни — 13 лет. При этом разрыв с годами быстро рос. В начале 60-х годов он составлял менее 9 лет.

С середины 60-х годов средняя продолжительность жизни в России падала до 80-х годов. В годы перестройки она заметно поднялась и достигла уровня самого высокого за всю историю России (для всего населения — 70,13 года в 1986—1987 гг.). Затем она стала падать, сна-

¹ Новая российская энциклопедия. Т. 1: Россия. М., 2003. С. 161.

чала медленно, а затем — всё быстрее. В 1984 г. средняя продолжительность жизни составляла всего 63,9 года, снизившись более чем на шесть лет. После некоторых последующих колебаний она замерла на уровне 66,3–67,5 лет для всего населения.

Мировая статистика свидетельствует, что средняя продолжительность жизни зависит от уровня материального благосостояния и национального дохода на душу населения. Однако макроэкономические успехи России в начале первого десятилетия нового века, о которых так много говорилось, на продолжительности жизни населения сказались не очень значительно и только в самые последние «тучные годы» (см. табл. 31.5).

Таблица 31.5

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

Годы	Всё население	Мужчины	Женщины
1961–1962	68,8	63,8	72,4
1964–1965	69,6	64,6	73,3
1969–1970	68,8	63,2	73,4
1974–1975	68,6	62,8	73,4
1979–1980	67,5	61,4	73,0
1984–1985	68,1	62,3	73,3
1990	69,2	63,7	74,3
1995	64,5	58,1	71,6
2000	65,4	59,0	72,3
2001	65,2	58,9	72,2
2002	65,0	58,7	71,9
2003	64,9	58,6	71,8
2004	65,3	58,9	72,3
2005	65,3	58,9	72,4
2006	66,6	60,4	73,2
2007	67,5	61,3	73,9

Источник: Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 101; Там же. 2008. М. 2009.

В 2007 г. ожидаемая продолжительность жизни населения так и не достигла уровня 1990 г.

Большой урон наносит стране мужская сверхсмертность. Множество преждевременных мужских смертей создаёт значительные диспропорции на брачном рынке, дезорганизует семейные отношения, осложняет жизнь остающихся полусиротами детей и т.д. Очень велики экономические потери. Рынок труда теряет работников, затраты на них не возмещаются или возмещаются обществу не полностью, теряются потенциальные результаты недожитых лет и т.д.

Разница в уровне смертности мужчин и женщин постоянно и быстро растёт. К середине первого десятилетия нового века она составляла в рабочих возрастах почти три раза (см. табл. 31.6).

Таблица 31.6

Число смертей на 1000 человек в 2005 г. (чел.)

Возраст (лет)	Всё население	Мужчины	Женщины
15–19	1,2	1,6	0,7
20–24	2,4	3,8	1,0
25–29	4,0	6,5	1,6
30–34	5,2	8,2	2,2
35–39	6,5	10,3	2,9
40–44	9,0	14,3	4,0
45–49	12,1	19,4	5,6
50–54	16,6	26,9	8,1
55–59	21,7	34,4	11,8
60–64	28,8	46,9	16,5

Источник: Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 182.

При таких показателях смертности неизбежно увеличение в населении страны доли женщин, особенно очевидное в пенсионных возрастах. А старение населения (рост его среднего возраста и доли стариков) ведёт к повышению общего (на 1000 жителей) коэффициента смертности, т.е. к увеличению естественной убыли населения. В последние годы возрастные коэффициенты смертности мужчин уже

в возрасте от 45 до 50 лет стали выше средних коэффициентов смертности для всего населения России.

В условиях высокой естественной убыли населения возрастает значение внешней миграции.

В советское время существовала значительная миграция населения между Россией и союзными республиками. До середины 70-х годов Россия больше населения теряла, чем получала. Следствием было то, что перед распадом Союза в республиках оказалось (по переписи 1989 г.) 25,3 млн русских.

Распад СССР и связанные с этим события (падение жизненного уровня, рост агрессивного национализма, войны на окраинах бывшего Союза) вызвали усиление миграционных потоков в Россию и уменьшение оттока из неё. Самый большой чистый приток мигрантов в Россию был отмечен в 1994 г. (см. табл. 31.7). В начале нового века он стал сокращаться. Речь здесь идёт об официально зарегистрированных мигрантах. О фактических размерах миграции (включая нелегальную) ходят лишь слухи, не основывающиеся на точных данных.

Как следует из таблицы, за 14 лет после распада Союза официально учтённый миграционный прирост населения России за счёт бывших соотечественников и их потомков составил 4,7 млн человек.

В таблице чётко отразились такие события постсоветского периода, как начало и конец первой чеченской войны, вторая чеченская война, дефолт августа 1998 г. Сказалась также государственная миграционная политика начала нового столетия, направленная на сокращение притока мигрантов.

Итак, для предшествующего этапа демографического развития России характерны:

- низкая рождаемость, не обеспечивающая простого воспроизводства населения и ведущая к быстрому его старению и вымиранию;
- высокая смертность, какой давно нет ни в одной развитой стране мира;
- мужская смертность, демографическое следствие которого — половые диспропорции, особенно в старших возрастах;
- сравнительно невысокий официальный чистый миграционный приток в Россию.

Профессионалы-демографы давно и настойчиво ставят перед властью вопрос о необходимости преодоления этой ситуации. Верхам эта проблема известна. Президент Российской Федерации в одном из своих посланий Федеральному Собранию (май 2006 г.) назвал демографическую ситуацию самой острой проблемой современной России.

Каковы же возможности справиться с нею?

Таблица 31.7

Миграция населения между Россией и новым зарубежьем (тыс. чел.)

Годы	Прибыло в Россию	Выбыло из России	Сальдо	На 100 прибыв- ших выбыло (чел.)
1992	926	570	356	57
1993	923	369	554	40
1994	1146	232	914	20
1995	841	229	612	27
1996	631	191	440	30
1997	583	150	433	26
1998	495	133	362	27
1999	367	130	237	35
2000	350	83	267	24
2001	186	62	124	33
2002	177	53	124	30
2003	122	47	75	39
2004	112	38	74	34
2005	170	37	133	22
1992–2005	7 029	2 324	4 705	32

Источники: Демографический ежегодник России; Россия в цифрах. За разные годы.

Возможное будущее

Рассмотрим теперь процессы, которые будут формировать структуру населения страны, в перспективе.

В России ещё не завершён (хотя близится к завершению) первый демографический переход (демографическая революция) — от воспроизводства населения при высоких рождаемости и смертности к их низким показателям. Он начался в нашей стране в конце XIX столетия, и скорость его резко возросла в советский период. На первом

этапе перехода произошёл, как уже отмечалось, демографический взрыв 20-х годов, когда смертность резко понизилась, а рождаемость оставалась высокой. Затем рождаемость стала снижаться примерно сопоставимо со смертностью (если, разумеется, не учитывать эксцессы). Потом падение рождаемости шло быстрее, чем снижение смертности. С середины 60-х годов воспроизводство населения стало суженным.

Главным фактором, вызвавшим этот демографический переход, была, несомненно, урбанизация, обусловленная превращением досоветской аграрной России в индустриальное государство. Для села, как известно, характерна высокая рождаемость, для города — низкая.

В начале 60-х годов, когда в России ещё сохранялось расширенное воспроизводство населения, его показатели на селе были в 1,6 раза выше, чем в городе. Хотя разница между ними быстро уменьшалась, она всё ещё остаётся значительной (см. табл. 31.8).

Таблица 31.8

Чистый коэффициент воспроизводства населения России

Годы	Всё население	Горожане	Сельские жители	Село к городу (%)
1961–1962	1,095	0,882	1,425	162
1969–1970	0,934	0,816	1,218	149
1979–1980	0,874	0,783	1,192	152
1990	0,895	0,803	1,227	152
2000	0,559	0,511	0,719	141
2005	0,608	0,566	0,749	132
2006	0,613	0,568	0,762	139
2007	0,665	0,608	0,848	140

Источники: Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 109; Там же. 2008. М. 2008.

В перспективе доля сельских жителей в населении России, очевидно, продолжит сокращаться. Одновременно сельская рождаемость будет приближаться к городской. Всё это будет работать на понижение рождаемости населения страны в целом.

В этом же направлении, вероятно, даже сильнее, будет действовать изменение численности женщин фертильного возраста, особенно в возрасте наиболее высокой рождаемости (с 18 до 30 лет). В таблице 31.9 приведены численность женщин в возрастах до 50 лет в 2002 г., их предполагаемая численность в 2022 г. и возможное число рождений при сохранении повозрастной рождаемости 2004 г. Общее число женщин, согласно оценке, будет таким же, как в 2002 г., ибо предполагается, что естественная убыль будет возмещена миграционным притоком. При этом численность женщин фертильного возраста к 2022 г. будет на 7,3 млн, или 18,3%, меньше, чем в 2002 г. Особенно резко она снизится в возрастах наивысшей возрастной рождаемости (в группе от 20 до 25 лет — на 45%).

Таблица 31.9

Возможное число рождений в России в 2022 г. (тыс. чел.)

Возраст (лет)	Число женщин по переписи 2002 г.	Число женщин рождающего возраста в 2022 г.	Рождений на 1000 женщин в 2004 г.	Число рождений в 2022 г.
0—4	3 123			
5—9	3 393			
10—14	5 094			
15—19	6 294	3 768	28,2	106
20—24	5 683	3 123	93,4	292
25—29	5 299	3 393	80,2	272
30—34	4 922	5 094	45,9	234
35—39	5 192	6 294	17,6	111
40—44	6 462	5 683	2,9	16
45—49	6 112	5 299	0,1	5
15—49	39 964	32 654		1 036

Источники: Итого Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004. С. 6—7; Демографический ежегодник России. 2005. М., 2005. С. 193.

Следовательно, если в 2022 г. сохранятся такие же повозрастные показатели рождаемости, как в 2004 г., то за год в России родится около миллиона детей.

Некоторые объективные факторы, видимо, будут способствовать повышению рождаемости. В ближайшие годы, скорее всего, произойдут благоприятные для женщин перемены на брачном рынке. В частности, длительный дефицит женихов сменится нехваткой молодых невест. Это обусловлено тем, что мужья обычно старше своих жён (в первом браке в среднем на два-три года). Из-за быстрого снижения ежегодных чисел рождений в 90-е годы менее многолюдным годичным когортам женщин будут теперь «противостоять» более многолюдные когорты мужчин, рождённых несколько раньше. Это должно (разумеется, при прочих равных условиях) снизить средний возраст вступления в первый брак женщин и повысить число рождений первенцев.

Несколько увеличится в составе населения России доля народов с относительно высокими показателями рождаемости (прежде всего — коренных народов Северного Кавказа). Наконец, повышению рождаемости должна способствовать новая демографическая политика, намеченная Президентом Российской Федерации в его седьмом ежегодном Послании Федеральному Собранию. О возможных демографических результатах объявленной программы экономического стимулирования рождаемости можно судить по прецеденту четвертьвековой давности. Выше уже упоминалось о постановлении марта 1981 г., направленном на повышение рождаемости и улучшение воспитания подрастающих поколений. Демографические последствия этого постановления в России были таковы: за два первых года рождаемость поднялась на 10%, но затем заметно снизилась. Принятые государством меры изменили, прежде всего, график рождений: дети появились несколько раньше, чем изначально предполагалось.

Нечто подобное, скорее всего, произойдёт и теперь.

Суммируя возможные изменения, приходится, к сожалению, признать, что вслед за очередным подъёмом числа рождений, связанных, главным образом, со вступлением в период наивысшей по возрастной рождаемости относительно многолюдного поколения, рождённого в 80-е годы, число ежегодных рождений будет снижаться. И это снижение будет весьма существенным. Ежегодная естественная убыль населения России станет значительно больше нынешней.

Разумеется, её размеры будут во многом зависеть и от уровня смертности. Со смертностью у нас, как уже отмечалось выше, дело обстоит неблагоприятно. Средняя продолжительность жизни в Рос-

сии заметно ниже, чем полвека назад. Она ниже не только среднемирового уровня, но даже показателей многих развивающихся стран.

Как ситуация в наиболее развитых странах (во многих из которых средняя продолжительность жизни вплотную приблизилась к 80 годам, а в Японии превысила этот показатель), так и недавнее российское прошлое, когда продолжительность жизни россиян была больше нынешней, свидетельствуют о том, что налицо большие резервы улучшения демографического положения страны.

Среди факторов высокой смертности и её негативной динамики специалисты выделяют неблагоприятное состояние сферы здравоохранения, злоупотребление алкоголем и большую долю экзогенных (внешних) причин (несчастные случаи, убийства, самоубийства). Впрочем, последние также тесно связаны с пьянством.

Огромное влияние алкоголя на уровень российской смертности со всей очевидностью выявилось в годы антиалкогольной кампании 80-х годов. Средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин тогда стремительно выросла — с 62 лет до 64,9 года. У женщин она поднялась на 1,2 года. Разрыв в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами снизился с 11,3 до 9,6 года.

Демографы и медики, специально изучавшие этот эффект, установили, что борьба со злоупотреблением алкоголем спасла более миллиона жизней. К сожалению, многие из спасённых антиалкогольной кампанией быстро ушли в мир иной после её отмены в конце 80-х и в 90-х годах.

Несомненно также, что злоупотребление алкоголем не только повышает смертность, но и снижает рождаемость.

К сожалению, демографическое значение алкоголизма у нас недооценивается. Служба государственной статистики регулярно публикует сведения о числе смертей «от случайных отравлений алкоголем», каковых в 2004 г., например, насчитывалось 42,7 тыс. Однако, по данным специалистов, алкогольный урон России несравненно больше. Он составляет около трети всех смертей в России. «В связи с потреблением алкоголя в 1994 г. погибло 750 960 человек, что составляет 32,6 всех смертей (прямые и непрямые потери). Алкогольный урон в 1992–1996 гг. составил около 3,4 млн человек из 10,5 млн общего количества смертей (32,4%)»¹. Данные, приведённые в этой цитате, заслуживают самого серьёзного отношения.

Каков же прогноз весьма квалифицированного специалиста? «Есть ли надежды на скорое избавление от убойной силы российско-

¹ Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980–1990-е годы. М., 2001. С. 44.

го пьянства? К сожалению, приходится признать, что масштабы гибели людей в связи с массивным пьянством не осознаются населением страны или осознаются как естественный процесс. И это главное, что гасит надежду. Нетрезвая страна уже давно разучилась считать своих покойников. Социальный заказ на трезвость в России отсутствует, а цена человеческой жизни всё ещё очень низкая»¹.

И далее: «Три четверти дохода от спиртного присваивает криминальный бизнес, который прочно прилип к российской почве за счёт своих сверхприбылей и коррумпированности госаппарата»².

Заметное сокращение потребления алкоголя может сильно снизить общую смертность³.

Алкогольную политику государства прогнозировать трудно. Интересы и могущество алкогольных предпринимателей, коррупция чиновников, настроение народа, предвыборные заботы — всё это направлено, скорее, на сохранение нынешней ситуации в отношении потребления алкоголя, нежели на её оздоровление.

В последнее время выполнено множество прогнозов демографического развития России — отечественных и зарубежных. Все они предсказывают быструю убыль её населения. При этом последующие прогнозы, сделанные одними и теми же организациями, обычно дают более тревожные показатели на те же даты.

На середину нашего века ООН дало в 1994 г. для России прогнозную цифру в 129,8 млн, в 1998-м — 121,3 млн, теперь же она составляет 101,5 млн человек.

Прогнозная цифра Института социально-политических исследований РАН на середину века — 80,2 млн человек.

По прогнозу трёх выдающихся российских демографов А. Антонова, В. Медкова и А. Архангельского, издавших книгу, специально посвящённую этому вопросу (обычно публикуются лишь результаты), «наиболее вероятным является прогнозный вариант, согласно которому численность населения России будет неуклонно сокращаться и достигнет к началу 2050 г. 90 590 тыс. человек, уменьшившись по сравнению с началом 2001 г. на 54,2 млн, или в 1,6 раза. Доля населения в возрасте 60 лет и старше увеличится с 18,9 до 38,5%, доля населения до трудоспособного возраста упадёт с 18,0 до 9,4»⁴. В этом слу-

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 49.

⁴ Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М., 2002. С. 137.

чае страна превратится в своего рода «дом престарелых». На каждых 10 россиян придётся четверо пожилых (от 60 до 75 лет) и стариков. Аналогичные расчёты приводит видный демограф А. Вишневский. Согласно его прогнозу, до 2030 г. Россия потеряет не менее 11 млн человек¹. Единственная возможность избежать такой безрадостной перспективы — большой чистый миграционный поток.

Государственная миграционная политика России в последние годы была направлена, как уже отмечалось выше, на ограничение иммиграции. В начале нового столетия Государственная Дума приняла два антимиграционных Закона — «О гражданстве Российской Федерации» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Реализация этих законов привела практически к прекращению чистого притока мигрантов (прибывшие минус выбывшие). Если в 2000 г. чистый приток в страну составил 213 тыс. человек, то в 2003-м — всего 35 тыс., в 2004-м — 39 тыс. При этом масса мигрантов, въехавших в страну для постоянного проживания ранее, оказалась бесправной или неполноправной.

Иными словами, Россия «кинула» своих бывших соотечественников по СССР. Это крайне вредная для будущего страны политика. Правда, во второй половине десятилетия подобная политика начала меняться. Разработана и принята к исполнению Государственная Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Не касаясь качества этой Программы — весьма несовершенной, — самый этот факт можно только приветствовать.

Положительной оценки заслуживают инициативы Федеральной службы — введение патентов для иностранных граждан, а также установление категории высококвалифицированных иностранных специалистов, для которых вводится упрощённый порядок получения разрешений на трудовую деятельность.

Всё это, разумеется, только первые шаги в правильном направлении. Не случайно на совещании, посвящённом вопросам иммиграционной политики, состоявшемуся в Благовещенске в середине 2010 г., Президент России с полным основанием потребовал незамедлительного наведения порядка в сфере регулирования трудовой миграции, в том числе создания для иммигрантов понятных и простых правил, которые было бы проще соблюдать, чем нарушать.

* * *

¹ См.: <http://slon.ru/articles/349716/>.

Позитивные шаги наметились и в деле нормализации процесса воспроизводства населения. В 2006 г. была провозглашена новая государственная политика стимулирования рождаемости, а с начала 2007 г. она осуществляется практически. Первыми её результатами было повышение рождаемости, подобное тому, которое происходило в начале 80-х годов прошлого века. Напомню, что тогда за первые два года рождаемость поднялась на 10%. Нечто подобное, судя по всему, произойдёт и теперь, хотя масштабы подъёма могут быть и значительно больше — соответственно масштабу применяемых мер. Реальные результаты этих мер будут ясны через несколько лет. Очевидно, однако, что вскоре начнётся быстрое снижение ежегодного числа рождений в связи с разразившимся мировым экономическим кризисом и вступлением в возраст наивысшей по возрастной рождаемости малолюдного поколения, рождённого в конце прошлого — начале нынешнего столетия.

Для достижения уровня простого воспроизводства населения необходимо поднять рождаемость чуть ли не на две трети. Но простое воспроизводство означало бы воспроизведение нынешнего малочисленного детского поколения. Для достижения демографического благополучия России нужно более резкое повышение рождаемости.

Напомним, что на заседании президиума совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов разработана и одобрена Концепция реформ в сфере демографии до 2025 г. Она выдержана в весьма оптимистическом стиле. Согласно Концепции «к 2011 г. снижение численности населения России прекратится, а с 2015 г. начнётся постепенный рост. К 2025 г. численность граждан России достигнет 145 млн человек, после чего рост приобретёт стабильный и долгосрочный характер»¹.

Однако такой результат возможен лишь в том случае, если миграционный прирост населения России будет больше естественной убыли её населения. Между тем снижение численности потенциальных молодых родителей будет действовать в сторону уменьшения числа ежегодных рождений, а переход в пенсионный возраст многолюдного поколения, рождённого в послевоенные годы, будет препятствовать снижению числа смертей.

В целом примерное сохранение современной численности населения России к 2025 г. — цель разумная и достижимая. Однако улучшение российской демографической ситуации потребует значительных усилий в трёх направлениях — повышения рождаемости, снижения смертности и увеличения миграционного притока.

¹ Бюджет. Июнь 2007. С. 4.

Глава 32. Есть ли дружба у России?

Благо отечества — высший закон¹

Удивительно, но из факта распада Советского Союза не сделано надлежащих выводов. Это можно было бы как-то понять, если бы он имел неотвратимые объективные причины. Между тем данный процесс обусловлен человеческим фактором, т.е. неправильной внутренней и внешней политикой. К сожалению, некоторые знакомые черты этого курса просматриваются и сейчас, что подталкивает новую Россию в опасном направлении. Как представляется, в подходе к нуждам страны следует сместить акценты: во-первых, уделять больше внимания внутренним делам, укреплению экономической мощи и улучшению социальных условий жизни народа, во-вторых, избавить внешние связи от затратного характера, присущего советской эпохе.

О чём конкретно идёт речь?

Слово «дружба» и другие похожие слова имеют широкое хождение в международной политике. Между странами заключаются договоры о дружбе, отношения между ними называются дружественными. В Советском Союзе лояльно настроенных влиятельных иностранцев именовали большими друзьями СССР. По-прежнему в ходу такое определение, как «наши друзья за рубежом». Россия и Казахстан подписали в 1998 г. декларацию «О вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие». Между Россией и Китаем в 2001 г. заключён Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, рассчитанный на 20 лет. Так как саму дружбу не принято ограничивать во времени, то в документе говорится о её непреходящем значении. Для полноты картины стоит добавить, что в 1950 г. был подписан советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет. За время между этими двумя договорами утекло много воды. Кто не знает о боях за остров Даманский на реке Уссури в 1969 г.?

Можно напомнить также, что в 1939 г. после договора о ненападении между гитлеровской Германией и Советским Союзом ими же был заключён договор о дружбе и границе.

¹ *Salus patriae — suprema lex (лат.).*

Все эти приятные слова и названия не должны вводить в заблуждение, ибо дружба в политике, даже если она имеет место, явление конъюнктурное, временное. «У страны нет вечных друзей и вечных врагов, а есть только вечные интересы», — этот знаменитый афоризм английского премьер-министра Пальмерстона (1784—1865) сохраняет и поныне свой актуальный смысл. Есть и другие крылатые выражения на эту же тему: например: «в политике и в картах друзей не бывает». Сходство интересов на каком-то этапе воспринимается как дружба, а их расхождение — как вражда.

Механически цитировать афоризмы ещё не значит усвоить их на благо своей страны. В декабре 1984 г. М. Горбачёв совершил поездку в Англию во главе делегации Верховного Совета СССР. В то время он ещё не был первым лицом Советского Союза. Именно тогда М. Тэтчер произнесла свою известную фразу о Горбачёве: «С ним можно иметь дело». На Тэтчер произвело впечатление среди прочего и то, что Горбачёв публично согласился с приведённым выше высказыванием Пальмерстона. Что толку? К каким последствиям привела последующая политика самого Горбачёва?

Вопрос о национальных интересах до сих пор не проработан у нас во всей его полноте. Отмечая разные подходы к нему в литературе и в официальных документах Российской Федерации, А. Шаваяев в своей интересной статье «Национальная безопасность и национальные интересы»¹ к постоянным, базовым национальным интересам относит государственный суверенитет, территориальную целостность, социально-политическую стабильность общества, конституционный строй, стратегическую прочность в системе мирового сообщества и другие. Это так. Однако начинать данный перечень надо с самого субъекта этих интересов, т.е. людей, народа. Благополучие населения — первейшая заповедь государственной политики. Характерно, что в присяге, которую приносит Президент Российской Федерации при вступлении в должность, на первое место справедливо поставлены права и свободы человека и гражданина (ст. 82 Конституции Российской Федерации).

Когда речь идёт о друзьях на международной арене, то имеется в виду, конечно, не семантический, а содержательный смысл вопроса, и сводится он к следующему: страна не должна приносить в жертву свои национальные интересы ради других государств, какими бы красивыми эпитетами не наделялся этот шаг.

Взаимоотношения России и других государств многогранны. Рассмотрим подробнее сферы их соприкосновения, которые могли бы

¹ Власть. 2004. № 3. С. 39—45.

по идее способствовать появлению у нашей страны друзей на международной арене.

Идеология

При всей сложности и напряжённости международных отношений в период холодной войны, закончившейся коллапсом СССР в 1991 г., размежевание в мировом сообществе происходило в зависимости от отношения к коммунистическому мировоззрению и сводилось главным образом к противостоянию двух блоков. Со временем монолитность социалистического лагеря и самого советского государства обернулась мифом. «С Советским Союзом — на вечные времена», — когда-то прокламировал от имени Чехословакии Клемент Готвальд. От той реальности ничего не осталось, кроме этой фразы. Насилие при внедрении идеологии в очередной раз проявило несостоятельность. Вспоминаются слова одного американского деятеля, назвавшего в 70-е годы США и СССР монопольными лидерами своих союзов при том отличии, что США были органической монополией, тогда как СССР — монополией неорганической, навязанной силой.

Изменение политического строя в России на первых порах сопровождалось эйфорией по обе стороны наших государственных границ. Казалось, устранено главное препятствие на пути к счастливому единству стран и народов в мире. В этой связи можно вспомнить нашу шумевшую концепцию Фрэнсиса Фукуямы о конце истории.

Российское руководство продолжило политику добровольных уступок, начатую в годы перестройки. Достижение благосклонности Запада стало лейтмотивом внутри- и внешнеполитического курса. Но гармонии не получилось и не могло получиться. Идеология, какая бы она ни была, является лишь одним из составляющих комплекса государственных интересов. Даже при полном, бесшовном совпадении мировоззренческих доктрин не устраняются другие возбудители межгосударственных противоречий, и в жёсткой игре продолжают участвовать прочие факторы. Подобно человеку, который может умереть по любой причине, государство подвержено многочисленным опасностям и в целях самосохранения должно адекватно учитывать каждую из них.

Переход к однотипному с Западом общественному строю принёс России неоднозначные результаты. С одной стороны, были сняты с боевого дежурства нацеленные на западный мир ракеты, что символизировало окончание прежнего военного противостояния, ставившего мир на грань катастрофы. Отпала необходимость в чрезмерной

милитаризации народного хозяйства. С другой стороны, появившаяся однотипность систем использовалась Западом для приближения к российским границам и к прилежащему к России стратегическому пространству путём продвижения НАТО, Евросоюза и легитимированной местными властями высадки десантов США в некоторых странах СНГ.

Есть ещё и третья сторона. Идеологическое сближение с Западом не принесло нам, мягко выражаясь, больших симпатий на Юге. Если раньше «третий мир» видел в СССР положительную альтернативу США и их союзникам и тяготел в своей немалой части к Москве, то ныне престиж последней там заметно упал. В самом деле, какой смысл ориентироваться на проигравшую и ослабевшую державу, если в идеологическом плане она, сменив фронты, выступает в роли неуверенного новичка, а экономически Запад может быть гораздо щедрее.

Таким образом, поменяв свою идеологию на противоположную, мы приобрели в лице Запада весьма относительного сторонника и одновременно новых реальных контрагентов.

Православие

Религия — та же идеология, а потому и выводы во многом аналогичны. Православие создаёт некоторую основу для общности исповедующих его народов, порождает чувства взаимной симпатии. При прочих равных условиях единая вера могла бы служить мощной скрепляющей силой в межстрановых отношениях. Однако таких прочих равных условий нет и не может быть. Другие, более актуальные факторы оттесняют одинаковое вероисповедание на второй план. Да и внутри самого православного мира существуют немалые расхождения, ибо церковь, отстаивая общие духовные ценности, защищает в то же время интересы собственной страны. Это и понятно, ибо в противном случае она лишилась бы влияния.

Как свидетельствует международный опыт, церковь не лишена такой вполне мирской черты, как стремление к национальной независимости, суверенитету, и в этом находит широкое поле для сотрудничества с государственной властью. Когда складывается такой союз, то о её объединительной роли можно забыть. Показательный пример в этом отношении дал распад Советского Союза, на развалинах которого возникли самостоятельные государства со своими церквями, например Украина.

Исчезновение социалистического лагеря продемонстрировало множество других примеров, когда государства при поддержке церк-

ви, ссылаясь на интересы безопасности, переориентировались на Запад. В этой связи можно напомнить о Румынии с её 70%-ным православным населением. Нельзя не упомянуть и о длительных сложных отношениях Русской православной церкви с Русской православной церковью за рубежом, нашедших в конце-концов общий язык.

Итак, страны с преобладанием православной веры не образуют некоего единого оплота в делах самозащиты. Православие не обеспечивает нашей стране гарантированных союзников, зато недругов у православия хоть отбавляй.

Славянство

Широко распространённой иллюзией является возможное международное единение на общей славянской основе. На эту тему написаны библиотеки книг, однако подобные установки обречены на неудачу. История даёт многочисленные иллюстрации того, как «зов крови» и схожесть языка были лишь временными факторами союза России с родственными странами и народами. Россия симпатизировала им и вступалась за них, иногда применяя оружие. За это она вроде бы снискала искреннюю благодарность, передаваемую из поколения в поколение. И тем не менее...

Россия и Болгария. Страны-сёстры, народы-братья. Поклоны русским за освобождение от османского ига в XIX в., унёсшее 200 тыс. русских жизней. А потом красивая жилетка истории была запачкана нестирающимися пятнами. Царь Фердинанд Кобург привёл страну в лагерь антироссийской коалиции в Первой мировой войне. Его сын Борис, крещённый как православный (требование России), продолжил дело отца, и страна опять выступила против России уже во Второй мировой войне.

Упоминавшаяся выше благодарность некоторых славянских народов по отношению к России, как и любая благодарность, — дань прошлому и в реальной жизни мало влияет на положение вещей. Вырвавшись с окончанием советской эпохи из объятий «большого брата», славянские народы поспешили закрепиться на другом берегу, в НАТО. Из прошлого черпаются не только добрые воспоминания, но и забываемые обиды. Славянская Польша, пережившая ряд разделов, никак не вычеркнет из памяти факты и даты своего принудительного подчинения Петербургу и Москве. Чехи и словаки всегда будут помнить 1968 г. «Украина не может простить России голодомора, — отмечает академик, директор Института всеобщей истории РАН А. Чубарь-

ян. — Есть и другие претензии к советской власти, которую соседи почему-то ассоциируют с Россией. Если так считаться, можно было бы припомнить генеральных секретарей, которых в изобилии поставляла Советскому Союзу Украина»¹.

Президент Украины Л. Кучма издал в 2003 г. объёмистый труд под названием «Украина — не Россия»². Книга написана на русском языке и с должным уважением к России и к русским. Как пишет в предисловии автор, тот, кто будет искать на её страницах что-то антирусское, зря потратит время. Так оно и есть. В работе отмечается, что «процессы консолидации украинской нации пока ещё далеки от завершения. Мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие» (с. 23). И далее: «Вместе с тем давайте честно скажем себе: идея самоотождествления исключает раздвоение этнического сознания. Раздвоение сознания — вообще скверная вещь. Тяжёлые случаи раздвоения называют шизофренией. И если моя книга поможет хотя бы одному человеку уйти от раздвоения, я буду считать, что трудился не зря» (с. 27).

Итак, сначала национальное, а потом всё прочее. И в этом Л. Кучма прав. Национальная рубашка ближе к телу.

Славянская общность не может доминировать над другими составляющими. Игнорируя это обстоятельство, мы рискуем повторить провальный опыт горбачёвской политики, проводимой под девизом верховенства общечеловеческих ценностей над национальными.

Сербский профессор Веселин Джуретич опубликовал в 2003 г. книгу, в которой анализирует причины развала Югославии. Во многом это исследование поучительно, хотя не со всеми положениями автора, например, с частыми упрёками в адрес России, можно согласиться. Предисловие написал И. Шафаревич. Ниже приводится следующий фрагмент из этого предисловия:

«Опираясь на очень большой фактический материал, автор подробно аргументирует взгляд на тот основной фактор, который, по его убеждению, привёл ко всем несчастьям Югославии, включая её распад. Это то, что сербы, вместо того чтобы сосредоточить все силы на создании своего национального государства, его идеологии и политики, стали жертвами мечты о великом государстве южных славян»³.

Тем, кто ещё верует, искренне заблуждаясь, в создание славянского кулака, следует внимательно посмотреть на отношения между другими славянскими государствами. Здесь Россия, разумеется, не при

¹ Российская газета. 18.02.2005.

² Кучма Л. Украина — не Россия. Киев, 2003.

³ Джуретич В. Развал Югославии. М.: Кристи инженеринг, Кобекс интернешнл, 2003.

Таблица 32.1

Численность населения славянских стран (млн чел.)

		2004 г.	2050 г.
1.	Россия	142,4	101,5
2.	Беларусь	9,9	7,5
3.	Украина	48,2	31,7
4.	Болгария	7,8	5,3
5.	Чехия	10,2	8,6
6.	Польша	38,6	33,0
7.	Словакия	5,4	4,9
8.	Босния и Герцеговина	4,2	3,6
9.	Хорватия	4,4	3,6
10.	Македония	2,1	2,2
11.	Сербия и Черногория	10,5	9,4
12.	Словения	2,0	1,6
	Всего	285,7	212,9
	Мир в целом	6377,7	8918,7
	Доля славянских стран в мире, %	4,5	2,4
	Численность населения славянских стран без России	143,3	111,4

Источник: Фонд ООН в области народонаселения. ЮНФПА, 2004. С. 130–133.

чём. Так вот, эти отношения ничего родственного не содержат. И в военное, и в мирное время политику диктуют отнюдь не братские чувства. Классическим примером несостоятельности так называемого объединяющего славянского фактора служит разделение Чехословакии на Чехию и Словакию. Произошло это на ровном месте и без подстрекательства извне. Не преодолело своих трудностей и государственное сообщество Сербии и Черногории.

Другой хрестоматийный факт — неприглядное поведение ряда славянских стран перед лицом бомбардировки Югославии из-за событий в Косово. Не было никакого соборного клича «Славян бьют!». Было другое — заверения в верности трансатлантическому партнёрству. Если после этих и других подобных событий взывать к славянской солидарности и надеяться на то, что все славянские братья и сёстры наконец-то одумаются и станут плечом к плечу, значит неадекватно оценивать исторические уроки и современную ситуацию.

Схожесть культур и языка служит для многих поборников славянства достаточным аргументом в пользу единства этих народов. Однако и тут есть свои «но». Во-первых, не настолько они схожи, чтобы один славянский народ мог воспринимать культурное самосознание и речь другого народа как свои собственные. Для этого нужны немалые усилия и стремления — изучение, общение, интерес и т.д. Во-вторых, мировое развитие размывает даже существующую неширокую общую базу в этих сферах. Предпочтительное изучение английского (американского) языка, а также других европейских языков (немецкого, французского, испанского) приобщает славян к соответствующим странам куда крепче, чем друг к другу. Под вопрос ставится сама идентичность славянских народов, сначала малочисленных, а затем и более крупных.

Представление о величине славянского фактора даёт таблица 32.1.

Как следует из таблицы, доля славянских стран в мировом населении предположительно упадёт с 4,5% в 2004 г. до 2,4% в 2050 г., причём российский показатель сократится даже быстрее. Удельный вес упомянутых стран в мировом производстве будет ещё меньше. Тем самым уменьшатся материальные возможности «славянского давления», которое и сегодня-то вряд ли существует из-за различия интересов славянских стран.

Соседство

Летопись России не отличается от летописи остального мира ни в лучшую, ни в худшую сторону. Это — в немалой степени частые войны с соседями за территории. Здесь нельзя дать однозначной оценки. Многовековые наслоения позволяют ныне по-разному трактовать характер этих войн. В зависимости от глубины исторического среза и подхода их можно воспринимать либо как агрессию, либо как силовое возвращение некогда потерянных земель. Однако главный урок истории состоит в другом: территориальное статус-кво всегда временно. Причём главную опасность для него представляют именно соседние страны.

Наше время не составляет исключения из этого жёсткого правила. Чтобы проводить правильную политику, государственные деятели должны чувствовать её нутром. Разрядка международной напряжённости, равно как и подписание договоров о дружбе и сотрудничестве с пограничными государствами, не даёт права забывать о несовпадении исторического мышления разных наций, хотя они и живут бок о бок с незапамятных времён. То, что одна сторона считает справедливым и гармоничным, другая воспринимает на генном уровне как унижение и непреодоленное зло. Время меняет соотношение сил, и эта неутолённая жажда посчитаться с обидчиком ведёт к очередной войне.

Соседи — ненадёжные и завистливые партнёры, а недвижимость в виде территории — всегда предмет вожделения. Геополитические преимущества ценятся высоко, и чем эта цена выше, тем опаснее ситуация: кто поручится, что сопредельное или какое-то другое государство не попытается свести на нет эти преимущества, т.е., говоря прямо, не совершит нападения. Величие деятелей и стран в историческом контексте принято даже в наше просвещённое время измерять тем, сколько населения и пространства они покорили, какую часть земной поверхности захватили. Никто не осуждает, скажем, Александра Македонского. Напротив, восхищаются им. Так будет, видимо, и в будущем с той новацией, что к этим показателям добавится ещё космическое пространство.

Если рассуждать о геополитических выгодах России, то они состоят, в частности, в том, что её экономическая безопасность менее уязвима извне по сравнению с другими государствами. Для нашей страны нет необходимости объявлять зоной своих жизненных интересов иностранные территории, находящиеся за тысячи километров от её национальных границ, и, следовательно, тратить огромные средства на сохранение этих территорий.

Подсчёты западных экспертов рисуют вполне реальный апокалипсис в тех случаях, если будут перекрыты международные торговые и транспортные пути, произойдут сбои в поставках нефти, газа, металлов в промышленно развитые страны. Никакая мощная экономика не выдержит подобного испытания. Во избежание подобной ситуации те же США не могут не проводить курса на силовое присутствие в других регионах, от которых во многом зависит судьба страны. Это, однако, стоит больших денег.

Россия находится совсем в ином положении. История наградила её весьма обширной и компактной географией. Наша страна, более чем какая-либо другая, может оставаться над схваткой. Вопрос в том,

будет ли осознано это преимущество, чтобы реализовать его во благо собственного народа?

Военные союзы

Военные союзы на двусторонней и многосторонней основе являются серьёзным фактором международной политики и грозным предостережением потенциальному противнику. Однако они преходящи, а, следовательно, условия обеспечения безопасности для государства не остаются постоянными. Это, в свою очередь, меняет сложившуюся конфигурацию сил.

Россия имеет разнообразный опыт военного союзничества, которое, как ему и полагается, всегда было ограничено по времени. Последний пример из этого ряда — роспуск Варшавского пакта из-за утраты им внутреннего ресурса. Почти все бывшие «варшавцы» повернули острие своей политики в противоположную сторону. Надолго ли сохранится блок НАТО, сказать трудно, но изменение внешних условий его существования бесспорно.

Военные договоры часто скрывают свою истинную сущность, что для самих партнёров не является секретом. Их цель получить передышку и выиграть время для довооружения и накопления сил. При этом, рассматривая нападение на территорию договорного партнёра как на свою собственную, союзник нередко навлекает на себя непредвиденные обстоятельства, ставя под удар собственную безопасность. Когда-то СССР рисковал в своих отношениях с США из-за КНР. При этом признательность Китая не пережила последующих столкновений уже между самими бывшими союзниками.

Если заключение военных договоров помогает в лучшем случае предотвращать столкновения между «высокими сторонами», то одновременно оно создаёт предпосылки для схватки уже между военными союзами. Тем самым разрушительный характер противостояния поднимается на более высокий уровень. Наглядной иллюстрацией служит противостояние Тройственного союза и Антанты, сыгравшее столь печальную роль в истории прошедшего века.

Но и здесь есть свои особенности. В 2004 г. во Франции и Англии было торжественно отмечено столетие Антанты, ознаменовавшееся государственным визитом королевы Елизаветы II к партнёру по «сердечному согласию» — во Францию. Между тем, как следует из опросов общественного мнения, в настоящее время французы доверяют больше немцам, с которыми они неоднократно воевали в последние

сто с лишним лет, чем англичанам (соответственно 84% и 51%), о чём не без удовольствия сообщил популярный немецкий журнал «Дер Шпигель»¹.

На протяжении десятилетия после распада СССР руководство Таджикистана выражало свою признательность России за совместную охрану своих границ. Из военно-политического словаря выбирались самые теплые выражения. Но потом Россию попросили уменьшить своё присутствие на таджикской границе. Не будем касаться причин, повлёкших такое изменение позиции. Подчеркнём в очередной раз ненадёжность военных коалиций, соглашений о военных базах и т.д. В данном случае Россия потеряла много лет, необходимых для обустройства собственных южных границ, и теперь ей предстоит навёрстывать упущенное. Остаётся надеяться на то, что урок будет усвоен, а практика совместной охраны не будет перенесена на казахстанские южные границы, как это предлагают некоторые российские деятели.

Экономическая заинтересованность

Это, казалось бы, самая крепкая скоба, соединяющая партнёров. Страны, естественно, предпочитают иметь дело с теми, от кого можно получить выгоду. Узы экономики предполагают не любовь, а верность выгоде. Уменьшается выгода, исчезает верность. В этом их сила, в этом их слабость.

Отношения, построенные на корыстолюбии, имеют позитивный смысл, когда приносят взаимную, равновеликую пользу. Когда же её получает лишь одна из сторон, то сотрудничество рано или поздно не выдерживает проверки временем. Политика Советского Союза служит в этом смысле наглядным пособием. Поддержка им иностранных дружественных режимов обернулась колоссальным расточительством материальных средств и экономическим перенапряжением. И что же в результате? Как только прекратились поставки и денежные перечисления, от так называемого братства по идеологии и оружию не осталось и следа.

Есть и другой аспект этой темы. Курс Советского государства был направлен на преимущественное развитие своих окраин, которые вследствие этого по темпам подъёма на порядок превосходили показатели РСФСР. Ныне бывшие советские республики, ставшие самостоя-

¹ Der Spiegel. 2004. No 16. S. 118.

тельными государствами, не отягощены признательностью прежней державе, зато хотели бы сохранить практику односторонних выгод. Действуют они на этом поле не без успеха. К сожалению, порочная политика по приобретению друзей за деньги, за дешёвый газ и другие льготы не ликвидирована до сих пор, хотя и значительно сокращена.

Язык

Россия не имеет исторической привилегии располагать общим языком с другими странами, как это характерно, например, для США. На протяжении веков к ней — на добровольной и недобровольной основе — присоединялись новые земли, что влекло за собой распространение и закрепление у них русского языка. Специфическое положение сложилось после распада Советского Союза. Была отменена обязательность изучения русского языка в странах бывшего социалистического лагеря. Господствующие позиции русского языка в бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами, поначалу создавали иллюзию устойчивой языковой общности, за исключением стран Балтии. Кое-где русский язык был официально или де-факто уравнен с местными. Это само по себе было делом положительным, поскольку русский язык облегчал приобщение соответствующих стран к мировому прогрессу. Со временем, однако, верх взяла другая тенденция: центр тяжести стал смещаться в пользу национальных языков, и местные власти начали форсированно вытеснять русский язык из всех сфер жизни. Терял он своё значение и из-за вынужденного отъезда русскоязычного населения из вновь образованных государств, где такие критерии, как коренная национальность и знание государственного языка, являются ныне (за малым исключением) важнейшим условием профессионального роста и общественного положения.

Итак, вместо того чтобы воспользоваться конкретными историческими обстоятельствами и способствовать сплочению с Россией, культивируя у себя русский язык, страны постсоветского пространства — кто жёстко, кто мягче — сделали ставку на безоговорочную гегемонию национального языка. Стремление к самоутверждению после длительного «колониального прошлого» (а именно так ими трактуется пребывание в составе дореволюционной России и СССР) оказалось сильнее рациональных соображений.

Россия без друзей...

Из изложенного выше само собой вытекает, что «друзей навсегда» у России нет и они не появятся вдруг ни в одной из рассмотренных сфер или по каким-то иным соображениям. Есть попутчики, есть сторонники, есть доброжелатели. Но все они временные. Превращение Савла в Павла, т.е. друзей во врагов и наоборот — правило, часто повторяющееся. Нет ничего ненадёжнее, чем временная дружба. Недаром говорят, что самый опасный враг — это бывший друг. Можно добавить ещё, что нынешний друг — это возможный потенциальный противник.

Если же другом России не может быть отдельно взятое государство, то эта истина применима и к группе государств, пребывающей в единой организации, таких, как НАТО, Европейский союз или СНГ. Кроме того, любые международные альянсы по логике сами покоятся на непрочном фундаменте, поскольку, как уже отмечалось, не существует дружбы на вечные времена.

Наивная вера в дружбу на международной арене в последние годы Советского Союза и в первые годы существования Российской Федерации стоили нашей стране тяжёлых потерь. Их перечень длинен, но достаточно сослаться на две из них: одну — материальную, другую — нравственную. Так, руководство СССР без достаточных оснований отдало США значительную часть Берингова моря с его рыбными запасами и полезными ископаемыми. Сплотил оба государства такой подарок? Нисколько. Другой пример: ради новых друзей отrekliсь от старых, не защитив последних от судебного преследования (случай с элитой ГДР). Тем самым Москва продемонстрировала, чего стоит интернациональная дружба.

Если в контексте дружбы государство должно выбирать между мировоззрениями «быть» и «иметь», последнее надо зачеркнуть. Конечно, иметь друзей никогда не лишне, но все они обладают свойством линять, как ткань с некачественной окраской. Коалиции создаются, потом распадаются, а новые поиски друзей создают ложное ощущение эффективной политики.

Каждая страна располагает спецификой — это общее правило, исключения из него нет.

Особенности России общеизвестны. Это необъятные восточные территории с недостаточным населением, региональные контрасты, демографическая катастрофа, этнический сепаратизм, экономическая слабость. Поэтому руководству современной России надлежит уделять

больше внимания внутренним проблемам, укреплению государственных институтов и повышению благосостояния народа. Тогда многие внешнеполитические вопросы будут решаться попутно, сами собой или будут сняты с повестки дня. На внешней политике, какой бы она ни была, нельзя построить великое государство, она может в лучшем случае облегчить такое строительство, но может и затруднить его.

Привычка мыслить во внешней политике категориями коалиций, боязнь остаться в одиночестве, «старой девой» могут оказать России медвежью услугу. Евразийство нашего государства предполагает наличие свободы рук во всех направлениях, без приоритета любой из сторон. Россия не должна отягощать себя обязанностями, которые лишат её свободы действий. Может быть, кому-то это покажется странным, но Россия без друзей и союзников более привлекательна для друзей и союзников, чем с ними.

Послушаем иное мнение. Дм. Тренин, заместитель директора Московского Центра Карнеги, с неодобрением пишет: «Высшие чиновники и околокремлёвские политики с удовольствием повторяют слова Александра III: “У России только два союзника — её армия и флот”. При этом они забывают или умалчивают о том, что предпоследний российский государь заключил политический и военный союз с Францией (напоминанием о котором по сей день является великолепный мост Александра III в Париже), а непосредственно перед Октябрьской революцией Россия находилась в союзнических отношениях также с Британской империей, Италией, Японией и США...»¹. Можно только подивиться странной логике автора, которая сводится к опровержению самого себя. Сразу после Октябрьской революции её союзники превратились в противников, а Россия подверглась интервенции 14 стран.

Как мы знаем, политика — это искусство возможного. Но искусство бывает разным, равно как и возможное. Можно, например, накрепко сковать себя европейскими цепями и игнорировать тот факт, что Сибирь и Дальний Восток от этого только пострадают. Если говорить о внешнем факторе, то подпитка дальних регионов России идёт не из Европы, поскольку дорога туда для неё слишком длинна и трудна; её осуществляют соседние страны². А ведь можно и нужно ставить

¹ Брифинг Московского Центра Карнеги. Ноябрь. 2004. Вып. 11. Т. 6.

² И.Д. Иванов справедливо пишет: «Очевидно, что как мировая евроазиатская держава Россия должна использовать все имеющиеся у неё геоэкономические и геополитические выгоды такого своего положения, развивать политическое и хозяйственное сотрудничество по всем азимутам и потому не может служить исключительно “хинтерландом” (тылом) Евросоюза. В числе прочего, это единственная возможность обеспечить уско-

вопрос действительно выгодным для страны образом — пусть другие государства борются за благосклонность России. Такие примеры есть, но они единичны (освоение Сахалинского шельфа, прокладка сибирских нефте- и газопроводов в сопредельные государства).

Подобный подход надо поднять на макроуровень. Нашу двуконтинентальность следует рассматривать не как минус, а как плюс, если только мы не хотим усечь Россию до Урала. Министр иностранных дел Японии смотрит фактам в лицо, когда заявляет: «Я считаю, что Россия имеет как европейское, так и азиатское лицо. Это большая страна, у неё много обличей. Хочется, чтобы азиатское лицо России стало более заметным. Когда находишься в Москве, то Азия кажется далёкой».

Приведу другую «подсказку» для наших ярко выраженных европейцев. Когда аятолла Сайед Мухаммад Хаменеи, один из главных идеологов Исламской Республики Иран, брат верховного лидера Ирана, говорит, что «мы считаем россиян народом восточным», нелепо в ответ бить себя в грудь и заявлять: нет, мы — европейцы.

«Удел России — стать составной частью европейской экономики, политики и общественной жизни, хотя, конечно, ей (как, впрочем, и Великобритании, Франции или Германии) всегда будут присущи свои отличительные черты», — пишет У. Хаттон в предисловии к русскому изданию своей новой книги¹.

Пусть один автор спорит с другим о российской идентичности и российских перспективах. При всём доброжелательном отношении к России в подобных дискуссиях превалирует, естественно, забота не о ней, а о том лагере, в котором её хотели бы видеть.

Вообще-то международная политика соблазнительнее внутренней, а односторонняя ориентация — и того более. Во внешней политике можно правдоподобно переложить вину на иностранные государства. Широко известен используемый в международной практике приём, когда тот или иной режим сознательно шёл на обострение отношений с соседней страной с целью отвлечь внимание от внутренних трудностей и скрыть свою несостоятельность, организовав «маленькую победоносную войну». Во внешней политике больше показных символов успеха, что порождает сильное искушение смещать акценты в её пользу. Того же свойства и действия по замене внутренних факто-

ренное развитие Сибири и Дальнего Востока, куда сигналы, стимулирующие экономический рост, доходят из Европы крайне слабо, если доходят вообще. Наконец, на роль локомотива хозяйственного развития мира в XXI веке выдвигается Азиатско-Тихоокеанский регион, а не Западная Европа». См.: Современная Европа. 2003. № 3. С. 32–33.

¹ Хаттон У. Мир, в котором мы живём. М., 2004.

ров развития внешними: компенсировать дефицит или отсутствие собственного капитала иностранным, ликвидировать нехватку товаров на отечественном рынке, стимулируя импорт, ориентироваться на сырьевой экспорт, используя его временную конъюнктурную доходность при низкой интеллектуальной составляющей.

Происходящая глобализация — объективный процесс, и выражается она в уплотнении международных отношений. В каждой стране остаётся всё меньше незатронутых ею сфер. Скоро их не останется совсем. Но истинного успеха добивается тот, для кого интенсификация всемирных связей является не целью, а средством, рычагом для обеспечения своих интересов. Степень участия в интернациональной жизни должна сочетаться с прочностью внутренней структуры и её готовностью к открытости «городу и миру». Всякая чрезмерность карается.

Принцип советской внешней политики можно определить как «нам до всего есть дело». Он требовал огромных усилий и подрывал жизнеспособность системы. Поэтому, как бы это ни звучало необычно в эпоху глобализации, Россия больше выиграет, чем проиграет, если будет придерживаться курса на относительное самоограничение в международных делах, особенно в горячих точках. Заслуживает поддержки точка зрения Н. Шмелёва, согласно которой «было бы, вероятно (лучше без «вероятно». — *В.Ф.*), оправдано, если бы Россия на всю видимую перспективу перешла на позиции здорового, умеренного, конструктивного изоляционизма», естественно, без возврата к психологии осаждённой крепости. В качестве примера он приводит плодотворное время царствования Александра III, которое, как известно, продолжалось всего 13 лет¹. Совсем неплохим для России оказалось это «несчастливое» число. Впечатляют наставления императора сыну, сделанные за два дня до смерти, в частности, такие: «В политике внешней — держись независимой позиции. Помни, — у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн»².

Представляется небезынтересной дискуссия о внешнеполитической концепции, происходившая недавно в другой стране — ФРГ. Высказывалась, в частности, точка зрения, согласно которой Германии надо сначала поправить внутренние экономические дела и только затем проявлять должный энтузиазм за собственными границами³. Эксперты указывали, что в своё время ФРГ приобрела значительный

¹ Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее. М., 2003. С. 25–26.

² *Алферьев Е.Е.* Император Николай II как человек сильной воли. 2004. С. 24.

³ Welt Trends. Festschrift für internationale Politik und vergleichende Studien. Berlin, 2004. S. 42–43, Die Zeit. 2004. No 32. S. 7.

внешнеполитический авторитет именно благодаря своей экономической силе. Потом эта сила была подорвана. Как известно, на рубеже веков объединённая Германия утратила былую экономическую динамику, что обострило внутренние социальные проблемы — увеличилась безработица, ухудшилось социальное обеспечение и др. Ныне ФРГ во многом стабилизировала свое положение. Если принять во внимание, что экономический диагноз России хуже, чем Германии, то рекомендации «сперва заняться собой» для нас ещё более актуальны, чем для немцев.

Безопасность России определяется, в первую очередь, внутренними показателями, и их нынешняя слабость, неупорядоченность и даже конфликтность при отсутствии нацеленных на будущее позитивных решений должны вызывать обоснованное беспокойство.

...И без врагов

С крушением Советского Союза у России уменьшилось количество не только так называемых друзей, но и реальных врагов. В этом смысле можно констатировать нормализацию международных отношений для нашей страны. Однако подобно тому, как «природа не терпит пустоты», международные отношения не терпят упрощения. Причины этого разнообразны. Наряду с факторами долговременного плана и калейдоскопичностью текущих событий к ним относятся также внешнеполитические расчёты.

Что касается Беларуси, то реакцию России на первоначальное и нереальное предложение А. Лукашенко по объединению двух стран нельзя рассматривать как уступку амбициозному коллеге. Сейчас уже позабылось, что в наших странах существовали свои (конкурирующие) планы в связи с проектом образования объединённого государства — Лукашенко имел виды на президентство в нём, тогда как Ельцин хотел тем же самым снять ограничение на третий срок своего пребывания у власти. Одновременно российский проект отражал намерение части элиты России направить братскую страну в управляемое русло и начать восстановление Советского Союза. Сейчас стало очевидным, что предлагаемая конструкция нежизнеспособна. Белорусский профессор О. Буховец, хорошо знающий обе страны, делает следующий вывод: «Думается, что по совокупности существующих в переживаемую эпоху исторических условий и обстоятельств в данном регионе мира создать реально существующее (а не бумажно-декларативное!) “союзное государство” практически невозможно. В силу

принципиальной нестыкуемости исходных позиций субъектов такового»¹. С этой констатацией нельзя не согласиться.

Однако отказаться от дефектного замысла у российской стороны не хватает решимости. Продолжается движение в тупик, возникают конфликты уже с самой Белоруссией, что не добавляет авторитета российской политике.

В российских научных кругах не прекращается дискуссия по вопросу о том, с кем и против кого дружить. Надо определиться — требуют эксперты и предлагают свои варианты. Одни настаивают на приобщении России к Европейскому союзу вплоть до полного членства в нём. Увеличение числа участников ЕС до 27 и последующие планы расширения подстёгивают такие настроения — частью из опасения, что России не на кого будет опереться. Другие, напротив, призывают ориентироваться на США. В рекомендательный список коллективных и индивидуальных кандидатов для предпочтения входят также НАТО, Китай, Индия, разумеется, страны СНГ и само Содружество в целом.

Пока эксперты спорят, руководство страны проводит курс на стратегическое партнёрство со многими государствами и объединениями государств. Такое определение не содержит ничего особо нового. Россия имеет в мире много стратегических партнёров, и их число увеличивается. При этом система предпочтений на словах варьируется. Не следует ли в этой связи поставить вопрос: а кто такие, собственно говоря, нестратегические партнёры и что с ними делать? Обижать, дискриминировать, относиться безразлично?

Сейчас трудно сделать вывод относительно перспектив внешнеполитического мышления руководства страны. Если «стратегическое партнёрство» не является всего лишь словесной конструкцией, а отражает понимание целесообразности иметь равные отношения со всеми государствами, не связывая себя отягощающими обязательствами перед ними, то такой вектор внешней политики следует только приветствовать.

Можно понять ностальгические воспоминания части нашей политической общественности о тех временах, когда «без ведома нашей страны ни одна пушка в мире не стреляла», можно разделять её патристические чувства, но призывы приняться за старое свидетельствуют о переоценке реальных возможностей современной России. Её внутренние язвы слишком велики, чтобы ещё взвалить на её ослабевшие плечи внешнеполитическую расточительность.

¹ Буховец О.Г. Союз РБ — РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией // Доклады Института Европы РАН. № 128. М., 2003. С. 74.

Почему нельзя прощать долги?

Представим себе, что в мире существует одно-единственное государство и потому ему никто не угрожает извне. Оно проводит всецело внутреннюю политику. В таких условиях общество будет оценивать действующих политических деятелей по общепринятым критериям добра и зла, которые они приносят своими делами. Арбитром при оценке противоборствующих сторон выступает сам народ, путём выборов формирующий ветви власти. Чередование правящих и оппозиционных партий и лидеров, возможность для оппозиции законным путём прийти к власти — главные признаки демократического устройства. Конечно, политическая система несовершенна, она часто допускает сбои и промахи. Но так или иначе она восстанавливает относительную справедливость в расстановке политических сил.

Прямой обман в устоявшейся демократии может принести успех, но только в кратковременном плане. Неизбежные последующие разоблачения сведут победу на нет и на долгое время останутся клеймом на нарушителе общественной морали. Такого рода опасения удерживают политических игроков в русле благопристойности и препятствуют разгулу демагогии (совсем без неё политика обойтись не может). Часто бывает так, что неблагоприятные дела политиков становятся известными спустя годы и десятилетия, избиратели повлиять ни на что здесь уже не могут, и тогда суд вершит История. Чтобы ни говорили правители-временщики, они её побаиваются, ибо не хотели бы остаться на последних местах в рейтинговом списке государственных деятелей.

Обман во внутренней политике граждане рассматривают как личное оскорбление, причём не важно, когда он имел место — на прошлых выборах или давным-давно. С таких же позиций рассуждают и эксперты, подпитывающие население теми или иными архивными сенсациями.

Теперь отменим наше допущение о существовании одного-единственного государства в мире, где в реальности насчитывается более 200 стран. Внутренняя политика останется без принципиальных изменений. Зато в свои права вступает внешняя политика.

Критерий успеха здесь другой, чем во внутренних делах. Например, обман никуда не исчез, но стороны поменялись местами. Осуждается тот, кого обманули, а нечестный победитель возводится на пьедестал за свои искусные действия. Ему присваиваются такие лестные качества, как дальновидность, точный расчёт, сила воли и др. Его пре-

возносит не только свой народ, что понятно, но часто и мировое общественное мнение. Победителей не судят — это выражение стопроцентно применимо к описанной ситуации, а уж если быть абсолютно точным, то его можно дополнить — победителей *во внешней политике* не судят. Деятель в своих внешнеполитических делах подобен военачальнику — никто же не осудит последнего за то, что он пересилит на поле боя своего противника. Напротив, он получит наградные кресты и звёзды и войдёт в военные учебники. Для сравнения можно привести также шахматы. На международной арене принято ради успеха хитрить и «срезать углы».

Итак, принципы внутренней и внешней политики разные, и их нельзя подменять или путать. Между тем это происходит на наших глазах.

Так, диктаторы не склонны проводить водораздел между двумя сферами. Они воюют со своим народом, как с внешним врагом. Жёсткие принципы международных отношений, превращаясь в жестокие, служат руководством при проведении внутренней линии. Спасение от этого кошмара может дать только демократия. Она гарантирует нормализацию внутренней жизни и отчасти смягчение нравов в обхождении с другими странами.

Не принесёт пользу для страны и обратная ситуация, т.е. когда заповеди внутренней жизни (не обманывай, уступай, не ищи выгоды, проявляй доверие, береги свою честь и т.д.) переносятся на заграничные связи. Страдают её государственные интересы, и очень часто невосполнимо.

Советскому Союзу явно не повезло со своим первым и единственным президентом М. Горбачёвым. Конечно, за демократизацию страны нужно воздать ему должное, хотя она осуществлялась без продуманного плана и в конце превратилась в стихийный процесс, приведший к распаду Союза. Но параллельно с преобразованиями в СССР Горбачёв надеялся на перестройку во всём мире, на повсеместное торжество общечеловеческих ценностей. Результат известен. Западные страны взяли всё, что можно было взять, удивляясь щедрости Горби, однако сами не отдали ничего и не позволили связать себя какими-либо письменными обязательствами в будущем. Вербальные обещания Запада не продвигать НАТО на Восток советский президент посчитал достаточными и не настоял на заключении соответствующего договора. Личная честность Горбачёва вкупе с политической наивностью дорого обошлась Советскому Союзу и его преемнице России. Ныне НАТО стоит вплотную к российским границам, ближе некуда, исповедуя кредо «пусть неудачник плачет».

С развалом Советского Союза произошло резкое изменение международной обстановки в пользу Запада. Пользуясь слабостью сначала советского руководства, а потом новой России, он расширял и укреплял свои позиции. В то время советский долг Западу по своей величине был сопоставим с долгом развивающихся государств нашей стране. Российскому правительству стоило побудить западные державы пойти на взаимозачёт указанных долгов, принимая во внимание декларации ведущих столиц по обеим сторонам Атлантики о намерениях способствовать преобразованиям в России и необходимость уменьшения задолженности «третьего мира». Но этого не было сделано. Если от Запада и была желательна какая-то помощь для России, то именно эта, а не предоставление всё новых и новых кредитов под проценты, дополнявшееся неизбежной реструктуризацией выплат. Российские деятели, специалисты по взаимозачётам внутри страны не смогли произнести это слово там, где нужно — на международной арене. В результате Россия была поставлена в крайне невыгодное положение — она возвращала долги Западу и одновременно списывала долги развивающимся государствам. Лишь повышение мировых цен на нефть принесло России известное финансовое облегчение.

Да что там Горбачёв и Ельцин. Сам Сталин допустил колоссальный просчёт, когда поверил заверениям Гитлера относительно его миролюбивых планов. Усыпив бдительность Кремля двумя пактами, Берлин в начале войны захватил в качестве лёгкой добычи огромные территории с населением, пленёнными войсками, промышленностью.

Осознание различий внутренней и внешней политики диктуется не только академическим интересом, оно необходимо во избежание ошибок, а этот ряд, к сожалению, не пустует.

Одна из таких ошибок — списание долгов, которые разные страны имеют перед Россией. Объяснение наших деятелей, как они сами считают, исчерпывается в основном ссылкой на бедность должников: мол, суммы большие, всё равно выплатить их партнёры не могут, поэтому пользы от продолжения подобной кредитной бухгалтерии нет никакой. Целесообразно, мол, простить невозврат и очистить горизонт, тем более что речь идёт в основном ещё о советской военной помощи и начисленных процентах. Почему-то считается также, что прощённые должники будут лучше относиться к России. Странная логика. Сначала мы даём кредиты ради улучшения взаимоотношений, а затем мы списываем эти кредиты тоже с целью улучшения взаимоотношений. Так лучше не давать их вообще и уж никак не списывать их.

Списания наносят ущерб отечественным государственным интересам. Никто не знает, что нам предстоит в будущем, поэтому надо

быть готовыми к любому развороту событий на внешней арене. Например, Афганистан уже предъявлял России счёт за урон, причинённый ему нашим «ограниченным контингентом» (как было принято говорить), и нет гарантий, что когда-нибудь не предъявит его опять, причём в ультимативной форме. Что заставляет наше правительство при такой неопределённости зачёркивать афганский долг в размере 10 млрд долларов (весь долг составляет 11 130 млрд долларов), как это с большой помпой было сделано в 2007 г.?

После свержения американцами Садда Хусейна российское великодушие выразилось в прощении Ираку в 2008 г. 12 млрд долларов под расплывчатое обещание допустить российские предприятия в иракскую экономику на общих основаниях. От российской стороны документ подписал вице-премьер, министр финансов А. Кудрин.

Общий объём российских списаний за последние несколько лет составил более 36 млрд долларов, что в процентах к ВВП выводит Россию на первое место в мире. При объяснении такой щедрости наши власти ссылаются на решения Парижского клуба, членом которого мы стали в 1997 г.: надо выполнять обязательства. Опять та же ущербная логика. Спрашивается, зачем вступали в Клуб, если членство приносит нам колоссальные убытки? Или по меньшей мере нужно оговорить своё особое мнение.

Обращает на себя внимание келейность принятия решений об отказе от иностранных долгов. Если обсуждение, например, федерального бюджета проходит в условиях открытости и гласности, то при списании многомиллиардных сумм общественность ставится перед свершившимся фактом, изменить что-то она уже не может. Иностранные долги являются чем-то вроде чёрной дыры, где по непонятным причинам бесповоротно исчезает немалая часть казны, за что ответственности никто не несёт. Для сравнения: за кражу в магазине товара стоимостью более 100 рублей возбуждается уголовное дело. Если уж наша чиновничья элита хочет понравиться дебиторам, зачёркивая их долги, то было бы понятнее объявить амнистию российским неплательщикам, т.е. юридическим лицам, которые, несмотря на возможные трудности, ещё остаются на поверхности, находясь между жизнью и смертью. Эта идея, выдвигаемая российской предпринимательской средой, не встречает поддержки у правительства, оно проявляет заботу об иностранных дебиторах.

Не меняют дела тактические ходы самих стран-должников: сначала набрать долги, а потом не признавать их. Для нас важны собственные расчёты, и не может быть приемлема ситуация, когда должник принуждает кредитора к капитуляции. В любом случае сохранение

неясности оставляет какие-то шансы на возврат денег, тогда как ненужное подведение черты дорого обходится государству.

Если оставаться на реальной почве, то, понятно, бесполезно требовать от несостоятельных займополучателей ликвидации их задолженности в текущий момент. Но если одновременно проявлять заботу о безопасности собственного государства, то существование кредитного счёта по отношению к партнёрам даёт сильные козыри при любом раскладе игральных карт. Кроме того, надо иметь в виду давно известную истину мирового сообщества, а именно: неравномерность развития его отдельных членов, в том числе в демографическом плане. По не всегда очевидным причинам та или иная страна резко выходит вперёд и набирает силу. В этих условиях накопленные за всё время финансовые обязательства такого динамичного конкурента перед нашей страной сыграют роль совсем не излишней подушки безопасности. Списывая долги за формальное «спасибо» (и то не всегда), мы добровольно лишаем будущие поколения важного рычага воздействия в мирохозяйственной системе. Нашими верными союзниками в странах-должниках являются не правительства, не режимы или деятели, они приходят и уходят, а финансовые долги перед нами. Нескончаемая реструктуризация долга предпочтительнее отказа от него.

При списании задолженности Россия переняла практику западных стран. Но если Запад в виде прощённых сумм возвращает некую часть огромных доходов, заработанных на «третьем мире» его транснациональными компаниями (можно вспомнить также колонизацию), то к России это не относится.

Есть ещё один путь рационального использования бесперспективных платежей — засчитывание их при освоении местных природных запасов в уставные фонды совместных предприятий. Такой курс отвечает национальным российским интересам, он делал бы страну богаче и в конечном счёте повышал бы её международный престиж.

Наглядный процесс отслоения внешней политики от внутренней можно наблюдать на примере цен на нефть и газ, поставляемые из России в страны ближнего зарубежья, т.е. те, которые раньше входили в Советский Союз. Вначале эти цены для ставших самостоятельными государствами не отличались от внутрироссийских. Такое состояние, весьма выгодное для бывших республик, сохранялось достаточно длительное время. Но по мере осознания ненормальности положения трансграничные поставки становились дороже, пока не достигли уровня мировых цен. Хотя по своей географии этот процесс ещё не завершён, Россия в основном перестала быть экономическим донором для «бывших», которые, со своей стороны, обвиняют её

в энергетическом шантаже и имманентной агрессивности. Любопытна логика таких обвинителей, которые игнорируют и здравый смысл, и реальности мирового рынка. Её можно сформулировать примерно так: нам с Россией не по пути, но её цены на нефть и газ для нас должны быть советскими, т.е. внутренними, льготными. От хорошего тяжело отвыкать. Справедливости ради нужно отметить, что подобное мышление уходит в прошлое.

Добавим следующий штрих. Многих участников международного товарообмена беспокоят не только собственные возросшие затраты на энергоресурсы, но и укрепление позиций России благодаря притоку нефтедолларов. Здесь мы имеем дело с ещё одним фундаментальным различием между внутренней и внешней политикой, которое носит характер всеобщей закономерности, — если внутренняя политика направлена (должна быть направлена) на усиление своей страны, то подъём других стран воспринимается, как минимум, с опасением.

Доброжелательность — редкая и мимолётная гостья в международных отношениях и уж никак не хозяйка, несмотря на заключаемые договоры о дружбе, взаимопомощи, добрососедстве. Об этом надо помнить всегда.

Всем ли нужна Россия?

Россия нужна россиянам. Это утверждение кажется настолько очевидным, что вроде бы не требует дополнительных доказательств. «Волга впадает в Каспийское море». Однако не всё так просто. Как известно, Россия является многонациональной страной с почти 80%-ной долей русских в населении. Заинтересованность подавляющего большинства россиян в величии своей родины не подлежит сомнению. Нескончаемый спор среди интеллигенции идёт на другую тему: по какому пути должна двигаться Россия. Непримиримые западники и почвенники, как и сторонники компромиссного решения, желают добра России, как они это понимают.

Картина отчасти изменится, как только мы примем для рассмотрения национальные республики. Приобретённый ими, согласно Конституции, статус государств олицетворяет собой исторический успех конкретной титульной нации. Однако в глазах радикальных элементов ряда таких субъектов Федерации статус государства в государстве — это ещё не венец достижений, а лишь предпоследняя ступень национального самоутверждения. Последняя ступень — полный суверенитет. Но его можно достичь, лишь ослабив или разрушив Россию.

Внутри или вне России — это уже разногласия, которые далеко не всегда выносятся на всеобщее обозрение.

Национальный вопрос всегда важен и требует абсолютной чёткости. Преобладающая часть титульных наций живёт и трудится, занимаясь повседневными делами и не помышляя о раскольнической политике. Она не ощущает в Российской Федерации национального притеснения. Исторически наша страна предоставляла нормальные, а частью даже льготные условия для жизни других вошедших в её состав народностей. «Россия — тюрьма народов» — столь же неверный, сколь и антиотечественный лозунг, некогда продиктованный узко революционной целесообразностью.

Тем не менее деятельность националистически настроенных элементов не остаётся без пагубных последствий. В сознание внедряется мысль, что счастливую и благополучную жизнь можно обеспечить, лишь создав собственное независимое государство. Эта сказка звучит привлекательно, и если даже основная масса людей не готова следовать демагогическим призывам, а тем более бороться за такое «светлое будущее» с оружием в руках, то она и не выступает решительно против сепаратистских устремлений. В результате их носители иногда празднуют победу. Такое случается нечасто, но всегда знаменует перелом истории. Проведённый в СССР в 1991 г. референдум отразил желание большинства населения жить в единой стране, но вскоре после этого она была разделена сверху на национальные кварталы.

Как писал тогдашний президент Украины Л. Кучма в уже цитированной книге «Украина — не Россия», имея в виду «полтора года между выборами в Верховный Совет УССР и великим днём 24 августа 1991 г.»: «В эти месяцы я уже не сомневался, что Украина придёт к полной независимости от СССР. Было очевидно, что активная и сознательная часть нашего общества не согласится на меньшее. Она будет неустанно терзать равнодушных и пассивных (а таких в любой стране всегда большинство), стыдить их за отсутствие национального сознания и нерешительность. Она будет неуклонно расширять число своих сторонников, воевать с твёрдокаменными, и она победит. Победит, потому что права. Невозможно себе представить, чтобы 50-миллионный народ Украины мог не разглядеть свой “величайший исторический шанс, а разглядев — не использовать”» (с. 422).

Намного ли лучше стала жить Украина, пусть оценят сами граждане нового самостийного государства. Во всяком случае, показало свою несостоятельность казавшееся когда-то незыблемым убеждение украинцев, что их республика кормит весь Советский Союз, не получая за это достаточного вознаграждения. Среди прочего оказалась не-

учтённой такая «мелочь», как ответные поставки энергии в республику. Как раньше, так и сейчас Украина испытывает большой дефицит нефти и газа. Своей нефтью она обеспечена максимум на 10%.

Распавшийся Советский Союз убедительно демонстрирует современной России, что может произойти с ней самой. Из подчинения центру в кратчайшие сроки, можно сказать, синхронно, вышли все союзные республики. А на их усмирение у Москвы не хватило ни сил, ни решимости. Национальные элиты (по Кучме, активная и сознательная часть общества) толкали свои народы на выход из СССР, не имея правомочий на это. Они были получены задним числом в виде констатации свершившегося или почти свершившегося факта.

Этнический федерализм, свойственный России, поныне таит в себе реальные угрозы единству страны. Россия уникальна и в этом. Из более чем четырёх десятков европейских государств лишь немногие имеют федеративную структуру, их можно пересчитать по пальцам одной руки. Для примера можно привести Бельгию, находящуюся, как известно, на пороге развала. Но только Россия демонстрируя беспрецедентную национальную государственность титульных наций, сосредоточила в своём составе 21 республику, национальные округа, национальную автономную область. Эта самоотверженность (или уступчивость) весьма рискованна и может тяжело сказаться на судьбе России. Если тенденция осуществляется путём неосуществления, то национальная дестабилизация России — не тенденция, а процесс, который имеет свою логику и рано или поздно должен завершиться самым неблагоприятным образом. Усиливается этнизация республик, и тем самым расширяются предпосылки дезинтеграции страны в будущем.

Унитарный принцип государственного устройства является преобладающим не только в Европе, но и во всём мире. Этот принцип предпочли и новые государства, образованные на обломках Советского Союза. Например, в Конституции Украины чёрным по белому написано: «Україна є унітарною державою», и никто не осуждает её за это.

Китайский профессор Чжао Чанцин в своём исследовании пишет, что «распад Советского Союза стал результатом многих факторов... Среди них одним из важнейших, бесспорно, был “фактор национального вопроса”, на который Горбачёв первоначально “не обратил внимания”, а потом его действия по урегулированию национальных проблем приобрели беспорядочный характер». И далее: «Именно по той причине, что в федеративных системах, построенных по национальному принципу, таятся отмеченные недостатки, новые незави-

симые государства не прибегают к подобным государственным системам»¹.

В России унитарность воспринимается многими как кошмар, как подавление наций, зато на этнический федерализм молятся как на икону, кто не подозревая о грядущих опасностях, кто со зловещим умыслом. От некоторых сторонников федерализма иногда можно услышать лукавый аргумент в пользу универсальности этого принципа: мол, даже те страны, которые являются унитарными, на практике применяют федеративные правила управления. Возникает вопрос: почему же тогда эти деятели так боятся унитарности государства?

Но даже если общественность не готова к введению в России унитарности, то это не значит, что следует сохранять незыблемым этнический федерализм. В таких федеративных государствах, как Германия и Австрия, субъекты федерации не являются национальными. Поэтому сепаратизм там и не имеет под собой серьёзной почвы. В России в результате создания федеральных округов был сделан решающий шаг в направлении территориальной федерации. Нужно продолжить эту работу, для чего сначала следует определиться с окончательным числом таких округов, а затем приступить к их обустройству как субъектов Российской Федерации вместо нынешней рыхлой государственной конструкции. В противном случае может возникнуть ситуация, когда перед лицом угрозы распада России у руководства страны вновь, как и в СССР, не хватит ни сил, ни решимости предотвратить катастрофу. Исключения для отдельных субъектов Федерации всегда можно предусмотреть ввиду их специфики.

Тезис о том, что сильная Россия нужна россиянам, с которого начинается данный параграф, следует уточнить: да, она нужна им, но не всем. Антироссийски настроенные пропагандисты к их числу не относятся. Хотя речь идёт о весьма малом проценте населения, их деятельность представляет для целостности страны реальную опасность, которая, как пожар в сухом лесу, начавшись от малого огня, может стать неуправляемым. Сценарий их действий содержится в приведённой выше цитате Кучмы. На невесёлые размышления наводят и факты, которые не имеют отношения к титульным нациям. Многие этнические русские, проживавшие в советское время в прибалтийских республиках, голосовали на референдумах за выход этих республик из СССР и после выхода остались там на постоянное проживание.

¹ Чанцин Ч. Распад Советского Союза под национальным углом зрения // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 86–95.

Вопрос о том, нужна ли сильная Россия странам-конкурентам на международной арене, автор предпочёл специально не рассматривать ввиду очевидного отрицательного ответа. Ограничусь лишь кратким освещением этой темы.

Представляя общую точку зрения Запада, известный германский политический деятель граф Отто Ламбсдорф утверждал: «На Западе никто не желает (это, кстати, чистой воды миф. — *В.Ф.*), чтобы Россия была слабой. За исключением, может быть, некоторых “вечно вчерашних”. Россия “должна быть не только сильной, но и демократичной”»¹. Примерно те же самые утверждения мы слышали в отношении Советского Союза. Для него путь к демократии, как её представляли себе на Западе, без решения национального вопроса оказался гибельным. Вот и сейчас Запад не хочет признать уникальную национальную специфику новой России, выступая за «самоопределение регионов и городов» (Ламбсдорф), что при определённых обстоятельствах может привести к разложению и гибели Федерации. Спровоцировав раздел России, Запад умыл бы руки, как он сделал это при распаде СССР. Оплакивать Россию иностранцы не будут.

Вернёмся, однако, к внутренним делам. Справедливо заявляя, что «далеко не всем в мире хочется иметь дело с самостоятельной, сильной и уверенной в себе Россией»², В. Путин не мог не учитывать внутреннюю специфику страны. С этой точки зрения представляется оправданным его решение об избрании руководителей субъектов Российской Федерации местными собраниями депутатов по представлению главы государства. Это существенно укрепило вертикаль власти и снизило сепаратистские тенденции в этнических регионах.

* * *

На этапе основополагающих преобразований в хозяйстве и обществе, когда не решены главные социально-экономические проблемы страны, приоритетное внимание должно быть уделено внутренним задачам. От их решения зависит удельный вес страны в мире. В конце концов, внешняя политика — не самоцель, а функция по обеспечению и улучшению жизнедеятельности государства. При слабости внутреннего потенциала бесполезно «играть на повышение» на внешнеполитическом фронте, где, как на любом фронте, успех определяет фактор силы. Отрыв от действительности порождает странное сочетание ре-

¹ См.: Коммерсантъ. 02.12.2004.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2004.

альности и виртуальности, чреватое замедлением поступательного движения. Такое состояние можно было бы назвать застоем, если бы это слово не отражало специфику 70–80-х годов прошлого века. Не-нужная пауза может продолжаться сколь угодно долго, до тех пор, пока неблагополучие страны не заставит ответственных российских деятелей отличать мировое ристалище от игр в киберпространстве.

Глава 33. Внешние вызовы безопасности России

В XXI в. характер угроз безопасности России значительно изменился. На протяжении всех лет существования дореволюционной России, а затем и СССР доминировали внешние угрозы. Они были обусловлены, прежде всего, возможностью возникновения военных конфликтов на границах или по соседству. Сегодня наиболее опасны внутренние угрозы, имеющие, впрочем, и внешнее измерение. Это главным образом — терроризм, насилие, коррупция, религиозная нетерпимость. В этом смысле Россия не исключение. Большинство стран мира, включая наиболее развитые, сталкиваются со сходными проблемами, набор и иерархия которых варьируются в зависимости от истории, экономики и социальных условий того или иного государства.

Европейская составляющая безопасности

После окончания холодной войны СССР, а затем новая Россия взяли курс на демонтаж структур конфронтации и на формирование системы сотрудничества и безопасности в Европе. Вместе с тем попытки построения такой системы на базе ОБСЕ оказались нереалистичными и контрпродуктивными. Они шли вразрез с основными политическими тенденциями, утвердившимися в Европе, не отвечали интересам и приоритетам подавляющего большинства партнёров России, не позволяли сосредоточиться на решении конкретных внешнеполитических задач.

Запад, осознав новые вызовы, сосредоточил усилия на консолидации собственных институтов безопасности, на их адаптации к новой политической ситуации. Его практические задачи в этой сфере безопасности всё заметнее расходились с российскими ориентирами. В та-

ких условиях сотрудничество между ним и Россией стало терять общеевропейский стержень.

Расставание с иллюзиями оказалось для России сложным. Москва не видела за происходящим реальных интересов. Огромных усилий и упущенного времени стоили ей, например, попытки убедить западных партнёров в том, что расширение НАТО на Восток — ошибка.

Нереалистические оценки собственных интересов и возможностей, с одной стороны, и западной политики — с другой, стали причиной сугубой реактивности российской политики безопасности, отсутствия внятной внешнеполитической стратегии. Для сложившегося в 90-е годы сотрудничества России и Запада была характерна своеобразная асимметрия, при которой у одной из сторон — России — отсутствовали эффективные рычаги обратного влияния.

Неудовлетворённость характером отношений с партнёрами на Западе, сложившаяся в России, существенно возросла в конце 90-х годов. Период розового конформизма первой половины 90-х сменился усилением в российской внешней политике и в общественном сознании склонности к противостоянию внешним давлениям и к поиску альтернативных установок.

Кризис во взаимоотношениях Россия—Запад, дополнительно стимулированный в 1999 г. военной операцией НАТО против Югославии, поставил под вопрос главный постулат этого времени — Россия и Запад больше не враги. «Адекватные ответы» на расширение, которыми Россия грозила НАТО, и последовавшие ультимативные требования не переступать за «красную линию» постсоветского пространства означали, что Россия и Запад из оппонентов-партнёров начинают превращаться в оппонентов-противников.

Политическое противостояние России и Запада в конце 90-х годов было крайне болезненным и опасным как для обеих сторон, так и для европейской безопасности в целом. «Проиграв» Россию на поле новой системы отношений, Запад не мог более считаться победителем в холодной войне, поскольку такая цена обращала и так сомнительную победу в явное поражение. Россию подобный исход также не мог устраивать, поскольку означал бы её маргинализацию в Европе.

В конечном счёте императивы сотрудничества перевесили, казалось бы, непримиримые разногласия. Заморозив в 1999 г. отношения с НАТО, Россия компенсировала их активизацией отношений с Европейским союзом, в том числе в сфере политики безопасности. Это совпало со сменой в России политического руководства. Европейский приоритет российской внешней политики и курс на тесное сближение с Западной Европой легли в основу президентской программы В. Путина.

Таким образом, важнейшим итогом 90-х годов стал не столько кризис во взаимоотношениях между Россией и Западом, сколько то, что новому российскому руководству удалось преодолеть углублявшийся опасный раскол между ними. Была подтверждена безальтернативность курса на интеграцию России в Европу. С этой точки зрения наша страна оказалась готова к вызову 11 сентября 2001 г., открывшему возможность для существенного усиления того партнёрского вектора, который уже был заложен в основании её европейской политики.

Президент В. Путин предпринял реальные шаги в сторону Запада, причём в той системе координат, которая уже в значительной степени сформировалась в начальный период его президентства. Это и акцент на внутреннем развитии; и линия на демилитаризацию российско-западных отношений; и приоритет европейского вектора внешней политики; и понимание того, что добиться его реализации невозможно вне трансатлантических рамок (следовательно, необходимо по крайней мере минимизировать конфликтность в отношениях с НАТО и США) и, что крайне важно, — настойчивая ориентация на формирование равноправных отношений, закреплённых в рамках совместных механизмов выработки, принятия и реализации решений. Наряду с этим Москва и до 11 сентября 2001 г. призывала Запад объединить усилия в борьбе с общими угрозами глобального характера — терроризмом, наркобизнесом и другими видами международной преступности.

«Новый курс» России на сближение с Западом позволил существенно изменить характер их отношений. Принципиально новой (и для Запада, и для многих в России) стала готовность В. Путина добиваться реализации заявленных приоритетов политики безопасности, исходя не только из российских интересов, но и реально учитывая интересы партнёров. Это, в частности, было подтверждено распространением сотрудничества на новые сферы (обмен разведывательной информацией, взаимодействие на территории стран Центральной Азии / СНГ).

Таким образом, под сомнение был поставлен главный постулат российской внешней политики позднесоветского периода: противопоставление «мы и они», когда быть «прозападным» почти автоматически стало считаться «антироссийским». Определяющим тестом для «нового курса» стало не то, насколько он прозападный, а то, насколько он окажется пророссийским.

Наиболее серьёзным внешнеполитическим изменением после 11 сентября 2001 г. наряду с «новым курсом» Путина можно считать определённый разворот Вашингтона в сторону Москвы. В его основе лежали, прежде всего, ситуативные и даже психологические мотивы. Однако первоначальные импульсы взаимного сближения Москвы

и Вашингтона не только изменили характер их двусторонних отношений, но и позволили снять существенные препоны, мешавшие сотрудничеству в сфере безопасности между Россией и Западом в целом, в том числе по линии западных институтов — НАТО и Евросоюза.

В какой-то мере эффективным инструментом сотрудничества России и Запада в сфере международной безопасности стал созданный в мае 2002 г. Совет Россия—НАТО (СРН). Во-первых, он изначально был ориентирован на формирование партнёрства в областях, представляющих общий интерес. Это, с одной стороны, позволило существенно консолидировать вектор сотрудничества при решении проблем европейской безопасности, выйти за рамки традиционного политического диалога, ориентируясь на достижение практических результатов. С другой стороны, практическое взаимодействие России и НАТО позволяло в значительной мере деидеологизировать российско-западные отношения и снизить потенциал их политической конфликтности. Во-вторых, СРН стал, по существу, первым институтом равноправного сотрудничества России и Запада в сфере безопасности. Новый формат отношений, ориентированный на равноправный диалог, поиск общих позиций и решений, позволял изменить их прежний характер, когда Россия сталкивалась с консолидированной позицией Запада, что не оставляло возможностей выхода на взаимные компромиссы. В-третьих, с созданием СРН сотрудничество России с её западными партнёрами (странами — членами НАТО) было переведено на постоянную основу, в режим ежедневного взаимодействия.

Сближение России и Запада в сфере безопасности стало поступательно развиваться и по линии Европейского союза. Как только Евросоюз принял решение разрабатывать собственную Европейскую политику безопасности и обороны (ЕПБО), Россия признала это позитивным сдвигом. Ее отношение к Евросоюзу стало заметно отличаться от отношения к НАТО, которая продолжала восприниматься как военно-политическая организация, хотя и не противостоящая непосредственно России, но тем не менее обладающая существенным военным потенциалом сдерживания и проецирования силы за пределы своей зоны ответственности. Противопоставление «хорошего Евросоюза» и «плохой НАТО» стало одним из основных мотивов для поддержки ею ЕПБО как формы противодействия «натоцентризму», хотя такая мотивация принципиально расходилась с политической линией Запада на взаимодополняемость ЕПБО и НАТО и укрепление европейской составляющей альянса.

После 11 сентября 2001 г. Россия пошла на сближение с США и НАТО, и препятствия для развития связей по линии Россия—ЕПБО ЕС

ослабили. Были приняты решения о дальнейшей институализации сотрудничества и о придании ему оперативного характера. К консультациям с Россией был подключён Комитет по политике и безопасности ЕС (КПБ). Россия и Евросоюз заявили о стремлении к углублению сотрудничества по вопросам безопасности и урегулирования кризисов. Соответственно, в мае 2005 г. была принята — наряду с дорожными картами в сферах экономики, внутренней безопасности, науки и культуры — дорожная карта по общему пространству в сфере внешней безопасности (ДК/ВБ). Она открыла широкие перспективы для расширения и углубления партнёрства Россия—ЕС в вопросах международной политики и безопасности.

Вместе с тем сближение России и Запада в начале 2000-х гг. и общий прогресс институционального сотрудничества между ними привели, как это ни парадоксально звучит, к обострению проблемы нестыковки перспективных целей и, соответственно, к снижению результативности российско-западного партнёрства. По существу система европейской безопасности продолжала оставаться разобщённой, а Россия и Запад в качестве двух её полюсов не нашли приемлемой модели объединения в ответ на общие вызовы безопасности.

Этому дополнительно препятствовали некоторые объективные обстоятельства. Во-первых, такие вызовы, как международный терроризм, трансграничная преступность, торговля наркотиками, нелегальная иммиграция, морское пиратство, потребовали координации усилий, но не интеграции, тем более в военно-политической сфере. Во-вторых, новые вызовы безопасности пришли не на смену, а в дополнение к прежним традиционным военно-политическим угрозам. Несмотря на исчезновение системы биполярной конфронтации и ликвидацию прямой взаимной военной угрозы, и Россия, и Запад сохранили огромные военные потенциалы, хотя не противостоящие непосредственно, но и не объединённые. Тем самым до сих пор не удалось окончательно преодолеть остаточные элементы взаимного сдерживания.

Чтобы избавиться от него, необходима интеграция России в евроатлантическое пространство безопасности. Однако ни Россия, ни Запад практической возможности для этого не видят. Вступление России в НАТО и в ЕС находится за пределами реального. Другие модели интеграции пока тоже не просматриваются. В этих условиях логика взаимного сдерживания продолжает разделять Россию и Запад, существенно ограничивая развитие их партнёрства.

Серьёзным вызовом безопасности России остаётся, хотя и исключенная Москвой из списка военных угроз, проблема расширения

НАТО. С одной стороны, негативное значение для России такого расширения объективно снижалось в результате новых отношений партнёрства Россия—Запад и Россия—НАТО. Москва, подписав в мае 2002 г. Римскую декларацию, перестала ставить свои связи с НАТО в прямую зависимость от её продвижения на Восток. С другой стороны, сами новые отношения с НАТО лишали подобное продвижение какого бы то ни было реального смысла. Оно, по существу, представляет собой инерцию тех лет, когда страны-кандидаты стремились «уйти от России», а Запад — «расширить зону своей стабильности». Когда же преобладающей тенденцией стало сближение России и Запада, попытки расширить эту зону до российских границ обернулись лишь одним следствием — осложнили поиск и реализацию моделей стратегического партнёрства.

Между тем после 2006 г. ситуация в сфере отношений Росси—Запад стала вновь ухудшаться. Декларированное стратегическое партнёрство Россия—Запад / США / ЕС и сформированные с этой целью институты диалога и сотрудничества не смогли предотвратить противостояния России и её западных партнёров по ключевым проблемам повестки безопасности на континенте. Это зафиксировал, в частности, Министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров, отметивший, что заявленное размещение элементов американской ПРО в Восточной Европе и одностороннее провозглашение независимости Косово от Сербии знаменуют собой «красные линии» для российской внешней политики, и что тем самым «создаётся реальная угроза нашей национальной безопасности и существующему международно-правовому порядку»¹. Эти темы наряду с «главным раздражителем, по определению С. Лаврова, в наших отношениях с Западом» — расширением НАТО стали определяющими в системе координат российской политики безопасности на европейском направлении. В ещё большей степени столкнул Россию с НАТО поставленный в практическую плоскость вопрос о присоединении к Североатлантическому союзу Грузии и Украины.

Нежелание западных партнёров России ратифицировать адаптированный Договор по обычным вооружённым силам в Европе (ДОВСЕ) привело к появлению на территории расширившейся НАТО «серых зон», на которые не распространялся этот документ, призванный существенно снизить военную опасность в Европе и повысить военную транспарентность. Исчерпав возможности убедить Запад в необходи-

¹ Из выступления С. Лаврова в МГИМО в сентябре 2007 г. (<http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=659047&hot=739879>).

мости ратификации договора, Россия в июле 2007 г. объявила о введении моратория на ДОВСЕ.

Москва с большой настороженностью отнеслась также к усилиям Евросоюза, направленным на укрепление им своих политических позиций на постсоветском пространстве, в том числе при урегулировании замороженных конфликтов. Несмотря на декларированную в ДК/ВБ готовность сотрудничать в этой сфере, у России сохраняются опасения, что активизация ЕС может обернуться ослаблением её позиций на постсоветском пространстве.

Принципиальная и достаточно жёсткая оценка Россией кризиса современных международных отношений и европейской системы безопасности была ясно представлена в выступлении президента В. Путина на Мюнхенской конференции в феврале 2007 г. Как подчеркнул российский президент, «мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьёзно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности»¹.

До предела обострил существовавшие противоречия кризис на Кавказе, спровоцированный вооружённым нападением Грузии на Южную Осетию 8 августа 2008 г. Отношения Россия–НАТО были фактически заморожены, а Евросоюз приостановил начавшиеся переговоры с Россией по новому базовому соглашению.

Однако, поскольку такое обострение не отвечало глубинным интересам сторон, оно не могло быть устойчивым. И действительно, спустя некоторое время, начиная со второй половины 2009 г., началось возвращение сторон к позициям, предполагающим отношения большие, чем взаимная терпимость.

Усилия в данном направлении начали предприниматься ещё до этого.

Основополагающие установки, которыми намерена руководствоваться Россия в своих отношениях с Западом, были детально изложены в 2008 г. в новой Концепции внешней политики, подготовленной как программный документ Д. Медведева, сменившего на посту президента Российской Федерации В. Путина. Документ отражал фундаментальное отличие нынешней ситуации от той, когда в нашей стране отсутствовали собственная стратегия и потенциал реализации тех интересов безопасности, которые расходились с западными. «Новая Россия, встав на твёрдую почву национальных интересов, обрела полноценную роль в глобальных делах». Вместе с тем она отказывается от

¹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>).

возврата к конфронтационной модели и новой гонки вооружений, «пагубной для внутреннего развития страны». Концепция исходит из того, что «интересы страны в современных условиях диктуют настоятельную необходимость активного продвижения позитивной повестки дня по всему спектру международных проблем»¹.

При этом определяющей для содержания российско-западных отношений остаётся сфера безопасности. Поэтому наращивание сотрудничества в ответ на новые вызовы должно сопровождаться поиском и реализацией возможностей демонтажа того, что до сих пор именуется структурами взаимного сдерживания.

Именно на это была нацелена инициатива президента Российской Федерации Д. Медведева, выдвинутая им в июне 2008 г. во время визита в Германию, — о Договоре о европейской безопасности (ДЕБ), который, по его словам, «внёс бы окончательную ясность в значение фактора силы во взаимоотношениях в Евроатлантическом сообществе».

В октябре того же года, на международной конференции по вопросам мировой политики во французском Эвиане, Д. Медведев сформулировал основные принципы, которым должен отвечать этот юридически обязывающий договор. Ключевой принцип равной безопасности подразумевает три «не»: не обеспечивать свою безопасность за счёт безопасности других; не допускать (в рамках любых военных союзов или коалиций) действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности; не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора.

Д. Медведев подчеркнул, что конфликт на Кавказе продемонстрировал, насколько неэффективна существующая архитектура европейской безопасности и насколько поэтому актуальны предложения Москвы. Свой интерес к ним выразили многие западные партнёры России, а французский президент Николя Саркози предложил обсудить российскую инициативу уже в конце 2009 г. на саммите ОБСЕ. Москва, в свою очередь, готова конкретизировать выдвинутую идею, и российский МИД представил партнёрам по ОБСЕ общую схему основных элементов будущего Договора.

Новый подход ориентирован на формирование внеблоковой, сетевой структуры безопасности, объединяющей как национальные государства, так и действующие организации и союзы вокруг единых целей и задач противодействия существующим вызовам и угрозам, в первую очередь — военно-политическим. Именно в сфере «жёсткой безопасности», с российской точки зрения, остро ощущается дефицит взаимного

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Пр-1440. 12 июля 2008.

доверия и сотрудничества, что создаёт преграды для формирования надёжной всеобъемлющей системы общеевропейской безопасности.

Западные партнёры России восприняли идею ДЕБ довольно скептически и с настороженностью. Прежде всего, потому, что они видят за ней если и не попытку Москвы внести раскол в лагерь евроатлантического сообщества, то дополнительную угрозу эрозии западно-центричной модели безопасности, сложившейся за основе НАТО и ЕС, которую они, напротив, стремятся сохранить и укрепить. Кроме того, российский акцент на «жёсткой безопасности» воспринимается как отражение старого геополитического мышления, основанного на поддержании военно-политических балансов. В этой связи российские предложения рассматриваются как несоответствующие кардинально изменившейся повестке дня безопасности, где на первый план вышли нетрадиционные вызовы и угрозы, вокруг которых и следует развивать международное сотрудничество и взаимодействие. Особые опасения высказывались в связи с тем, что идея ДЕБ может, якобы, препятствовать реализации всеобъемлющего подхода к безопасности, что в институциональном плане означало бы ещё большее ослабление ОБСЕ.

В то же время многие на Западе понимают необходимость формирования новых отношений сотрудничества с Россией, а значит и поиска конструктивных ответов на ее сохраняющиеся озабоченности в русле стратегического партнёрства.

Новая американская администрация Б. Обамы, принципиально дистанцировавшись от «доктрины Буша», объявила о «перезагрузке» российско-американских отношений. Это открыло не только перспективу сближения и развития партнёрства Москвы и Вашингтона, но и, как результат, новое окно возможностей для российско-европейского сотрудничества. Крайне важным тестом для «перезагрузки» стала подготовка в сжатые сроки Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, который был подписан 8 апреля 2010 г. Москва и Вашингтон продемонстрировали, что «перезагрузка» работает, и тем самым подали ясный сигнал своим партнёрам.

Сближение с Россией стало одним из центральных пунктов в повестке дня генсека НАТО Андерса Фог Расмуссена, сменившего в мае 2009 г. на этом посту Де Хооп Схефера. Он признал важность выстраивания отношений стратегического диалога и партнёрства между НАТО и Россией и развития сотрудничества в ключевых сферах безопасности, таких как борьба с терроризмом, урегулирование в Афганистане,

противоракетная оборона. Незадолго до неформальной министерской встречи СРН в Нью-Йорке 22 сентября 2010 г. такая возможность обсуждалась предметно, и со стороны альянса было подтверждено, что НАТО как организация рассчитывает на «перезагрузку» отношений с Россией. Иво Даалдер, американский посол в НАТО, дал ясно понять, что именно в этом состоят интересы США — лидера альянса. По его словам, пришло время перенести отношения с Россией из сферы двусторонних российско-американских в сферу многосторонних — укрепления отношений 29 стран НАТО с Россией.

Все это позволяет Москве рассчитывать не только на развитие прагматического сотрудничества с США, НАТО и Европой (ЕС), но и усиливает российские позиции по вопросу о ДЕБ. Москва ясно даёт понять партнёрам, что активизация российско-натовских отношений — процесс двусторонний, и предполагает конструктивное обсуждение российских инициатив. В то же время не вызывает сомнений, что прогресс идеи ДЕБ может рассматриваться только в контексте позитивного развития отношений России со своими западными партнёрами по всем основным линиям — США, НАТО, ЕС.

Угрозы с юга и востока

Если угрозы российской безопасности на Западе имеют, скорее, политический характер, что не исключает возникновения конкретных проблем в будущем, то на юге страны сохраняются и чисто военные угрозы. Две чеченские войны нанесли серьёзный ущерб России, углубив нестабильность во всём Северо-Кавказском регионе. Нынешняя ситуация в Чечне, несмотря на некоторую стабилизацию, не гарантирует в надёжной степени полной нормализации ситуации — тем более, что Северный Кавказ стал объектом пристального внимания зарубежных экстремистских исламских организаций.

Хотя согласно Концепции внешней политики России важнейшим региональным приоритетом нашей политики является «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками СНГ», именно постсоветское пространство стало ареной первого военного конфликта России с иностранным государством. Отношения с Грузией, находившиеся в глубоком кризисе, в результате попытки президента Саакашвили решить проблему целостности страны с помощью военной силы переросли в прямой военный конфликт. Грузинское руководство явно и не без оснований рассчитывало на поддержку Запада, прежде всего США.

К счастью, России и Западу удалось избежать военно-политической эскалации конфликта. Его острая военная фаза была вскоре преодолена благодаря взаимным усилиям России и Европейского союза. Однако неадекватная оценка на Западе преступных действий режима Саакашвили, необоснованная массированная критика в адрес России создали в Москве чёткое представление, что единственно возможной предпосылкой обеспечения безопасности де-факто самостоятельных Южной Осетии и Абхазии остаётся признание их независимости. Это вызвало новую волну обвинений в адрес Москвы, которая, в свою очередь, считает свои решения оправданными и окончательными. До сих пор Запад продолжает выдвигать эту проблему в качестве одной из ключевых тем политической повестки в отношениях с Россией. Однако уже очевидно, что преобладающими становятся прагматические интересы «перезагрузки» отношений и желание оздоровить ситуацию в Европе.

На Востоке России, где она граничит с Китаем, США, Японией, КНДР и Монголией, тоже существуют угрозы. По степени воздействия на безопасность России они не столь очевидны. Однако в более широкой временной перспективе они могут для неё стать источником серьёзной опасности.

На Дальнем Востоке отношения с США не являются сколько-нибудь серьёзным носителем конфликтного начала, если не считать весьма гипотетического столкновения в связи с маловероятным спором о разграничении территориальных вод Берингова моря, которое было произведено без должного учёта российских интересов. Что касается баз США в Японии, то время, когда они рассматривались как угроза безопасности СССР, прошло. Напротив, ныне утверждается реальная, хотя и не афишируемая точка зрения, что американское военное присутствие в Японии нейтрализует её стремление к обретению военной самостоятельности. Вместе с тем японские претензии на острова Южно-Курильской гряды требуют учёта содержания двусторонних американо-японских военных соглашений.

Отношения России с Японией сохраняют стабильность уже на протяжении последних пятидесяти лет. В целом они поддерживаются на достаточно высоком уровне, однако их развитие ограничено существованием территориальной проблемы — требованием Японии вернуть четыре острова Южно-Курильской гряды, отошедшие к СССР в результате Второй мировой войны. Россия проявила готовность рассмотреть вопрос о передаче Японии двух островов архипелага в соответствии с советско-японской Декларацией 1956 г. Однако Токио настаивает на возвращении всех южнокурильских островов, что неприемлемо

для российской стороны¹. Однако в силу того, что территориальный спор приобрёл латентный характер и никогда не служил основой для использования — или даже угрозы использования — военной силы, отношения с Японией не чреваты угрозой для безопасности России.

Не преувеличивая, можно сказать, что сегодня главной угрозой для российского Дальнего Востока являются корыстные интересы криминала и сотрудничающего с ним бизнеса. Понять, почему местные власти, теряющие огромные недополученные налоги, закрывают на это глаза, не сложно. Однако трудно понять, почему интересы страны эффективно не отстаивает государство.

Наиболее сложными с точки зрения безопасности страны представляются отношения с Китаем. Сегодня они именуется «стратегическим партнёрством, обращённым в XXI век» и характеризуются быстрым ростом торговли, регулярно проводимыми встречами на высшем уровне, развитием связей во всех сферах. Однако, высоко оценивая нынешние отношения, которые, несомненно, выгодны и России, и Китаю, нельзя не видеть те потенциальные угрозы, которые влечёт наше соседство с этой огромной и быстро развивающейся страной.

Любой сценарий развития Китая — от сохранения высоких темпов роста до экономического краха — потенциально может иметь катастрофические последствия для российского Дальнего Востока. В первом случае Россия превратится в «младшего партнёра» Китая, во втором — социально-экономический коллапс Китая может привести к гуманитарной катастрофе российского Дальнего Востока. Избежать этих последствий возможно только, если уже сегодня принять меры для предотвращения развития негативных тенденций, которые ныне уже очевидно прослеживаются.

Если исходить из сценария быстрого развития китайской экономики, который продолжает оставаться достаточно высоким, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, то уже существующий в настоящее время разрыв экономических потенциалов России и Китая может стать поистине несопоставимым. Уже в 2007 г. ВВП Китая в 2,6 раза превосходил российский. Его экспорт был в 3,5 раза, а импорт — в 3,6 раза больше российского. Хотя военный потенциал Китая пока намного

¹ 3 июля 2009 г., после единогласного утверждения верхней палатой парламента Японии, принят закон, в котором Южные Курилы признаются «исконными территориями» страны. МИД России осудил содержание утверждённого японским парламентом законопроекта, а Госдума приняла специальное заявление с требованием дезавуировать его. Президент Д. Медведев подтвердил, что «единственным правовым документом, который описывает эту ситуацию и может быть основой для урегулирования, является декларация 1956 г.» и «только на этой основе Россия готова строить диалог».

уступает российскому, тенденции развития военного строительства свидетельствуют о том, что этот разрыв будет быстро преодолен — и не без помощи нашего военного и военно-технологического экспорта.

В этом случае Китай приобретёт возможность говорить с Россией с позиции силы. Это отнюдь не означает, что он воспользуется такой возможностью. Но иметь её в виду необходимо, причём уже сегодня.

Сейчас ответить на вопрос, как сложатся отношения России с Китаем через двадцать лет, конечно, трудно. Однако очевидно, что, если продолжится тенденция к сокращению населения Дальнего Востока и его экономического потенциала, то он скоро может стать естественным объектом китайской экономической, демографической, а затем и политической экспансии. При этом необходимо отдавать себе отчёт в том, что для Дальнего Востока, как и для России в целом, уже в недалёком будущем Китай станет необходимым и едва ли не единственным источником пополнения истощающихся с каждым годом российских трудовых ресурсов.

Серьёзное воздействие по своим масштабам и геополитическим последствиям на ситуацию в мире в целом и на безопасность России может оказать возникновение конфликта в Тайваньском проливе. Известно, что Россия твёрдо поддерживает принцип территориальной целостности Китая и, хотя не брала на себя соответствующих обязательств в отношении тайваньской проблемы, связана с КНР рамками Шанхайской организации сотрудничества.

В отношениях с Монголией у России больших проблем нет. К сожалению, те экономические, политические и культурные позиции, которые СССР имел в этой стране, были почти полностью утрачены в первые годы самостоятельного существования России. С 1990 по 2005 г. товарооборот между двумя странами сократился почти в три раза. Сегодня, хотя Россия и остаётся главным торговым партнёром Монголии, Улан-Батор в своей политике ориентируется в основном на Японию, Китай, США и Евросоюз.

Определённый урон России принесла потеря тех позиций, которые были с таким трудом завоеваны в Юго-Восточной Азии Советским Союзом. Пока это не чревато непосредственной угрозой безопасности нашей страны, но в дальнейшем может изменить баланс сил в регионе не в нашу пользу. Уже сегодня очевидно, что многие наши бывшие союзники в Юго-Восточной Азии ориентируются, прежде всего, на Запад. Происходит это, во-первых, потому, что после развала СССР мы мало что сделали для сохранения своих позиций в этих странах, и, во-вторых, из-за того, что отечественная модель развития не выглядит достаточно привлекательной.

Наиболее серьёзная угроза для безопасности России на востоке страны исходит из попыток руководства КНДР создать свой ракетно-ядерный потенциал. КНДР не рассматривает Россию в качестве потенциально враждебного государства. Однако в случае конфликта на Корейском полуострове Россия неизбежно окажется втянутой в него в той или иной форме. Являясь активным участником шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова, она прилагает серьёзные усилия для предотвращения кризисных ситуаций на полуострове. Однако возможности использования своего влияния на Пхеньян у Москвы довольно ограничены.

Угроза распространения ядерного оружия

Проведённое в КНДР 9 октября 2006 г. первое ядерное испытание всколыхнуло волну тревоги в связи с той угрозой, которое несёт человечеству дальнейшее распространение ядерного оружия. После того, как Совет Безопасности ООН 13 апреля 2009 г. единогласно осудил запуск Северной Кореей 5 апреля баллистической ракеты со спутником, Пхеньян объявил о выходе из шестисторонних переговоров и о намерении возобновить ядерную программу.

Двадцать пятого мая 2009 г. Северная Корея провела вторые испытания ядерного оружия. В ответ СБ ООН принял ещё одну резолюцию, которая ввела новые и ужесточила прежние санкции в отношении КНДР. Северокорейский МИД выступил с заявлением, в котором впервые признал, что КНДР осуществляет программу по обогащению урана и в ней достигнут прогресс. В заявлении было подчёркнуто, что принцип действий КНДР — отвечать на санкции возмездием, а на конфронтацию — полномасштабным противостоянием. Двадцать седьмого мая Северная Корея возобновила работу своего предприятия по производству оружейного плутония в Йонбене.

Опасность, которую представляет для России распространение ядерного оружия, очевидна: чем больше оно расплозается по планете, тем выше вероятность его применения¹. Вместе с тем распространение оружия массового уничтожения, прежде всего, самого опасного,

¹ В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., принятой 13 мая 2009 г., указывается, что «возрастет риск увеличения числа государств — обладателей ядерного оружия», и в ряду основных вызовов национальным интересам Российской Федерации стоит угроза распространения оружия массового уничтожения, производство ОМУ, его компонентов и средств доставки; эта угроза признаётся также одной из главных угроз военной безопасности России.

ядерного, и его последствия — это комплекс сложных проблем, имеющий свою динамику. Характер угроз, которые ядерное оружие несёт безопасности России, может меняться, приобретать новые черты и особенности. Их необходимо тщательно отслеживать и изучать. Соединение традиционных форм противодействия такому оружию с новыми — также важнейшая составная часть проблем, порождаемых его распространением.

Среди новых угроз особенно выделяются две — ускорение роста численности государств, которые обзаводятся ядерным оружием, и нарастание опасности ядерного терроризма.

На протяжении второй половины XX в. формирование «ядерного клуба» шло медленно и завершилось примерно за два десятилетия. Его члены: США (1945), СССР (1949), Великобритания (1952), Франция (1960), Китай (1964). В Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г. эти пять государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН — были признаны, если так можно выразиться, официальными ядерными державами. Это признание сохранило свою силу и сегодня с учётом, что место СССР заняла его правопреемница — Российская Федерация.

Продвижение к обладанию ядерным оружием начали тогда и некоторые другие государства, но рано или поздно его прекратили. Были, однако, и исключения. На рубеже 60-х и 70-х годов прошлого века атомной бомбой тайно обзавёлся Израиль, так и не признающий поныне, что обладает как минимум 200 ядерными боеприпасами. В конце 70-х годов столь же тайно приступила в создании ядерного оружия Южно-Африканская Республика, которая обзавелась шестью ядерными боезарядами. В 1974 г. ядерный взрыв осуществила, объявив его «мирным экспериментом», Индия. Вся эта тайная или полутайная деятельность развивалась, если так можно выразиться, за скобками основных процессов.

Ядерными державами почти до конца XX в. оставалась легальная пятёрка: США, Россия, Британия, Франция, КНР. Формально (да и по существу) ситуация в этой сфере десятилетиями оставалась стабильной. Её сохраняла в таком состоянии биполярная конфронтация «холодной войны». Главные её участники удерживали в узде возможных претендентов на открытое вступление в «ядерный клуб». «Дисциплинирующее» воздействие конфронтации работало вполне эффективно.

С распадом СССР и прекращением холодной войны ситуация резко изменилась. Жёсткая узда прежних времён отошла в прошлое. Ядерные амбиции то там, то тут начали выступать на поверхность. Если за 50 предыдущих лет возникло 5 ядерных держав, то за истекшие

10 лет обладателями ядерного оружия стали 3 государства: Индия (1998), Пакистан (1998) и КНДР (2006). Кроме того, на горизонте как потенциальный обладатель ядерного оружия замаячил Иран.

Чем всё это угрожает России? Как и всем остальным — прежде всего, ростом угрозы применения ядерного оружия. Но не только. Все новые его владельцы расположены по южному периметру России. Так что распространение ядерных боеприпасов и технологий особенно сильно затрагивают нас. Российская территория оказалась в пределах досягаемости самолётов-носителей ядерного оружия и даже ракет малой дальности.

Не менее рельефна угроза ядерного терроризма. После серии терактов, совершённых исламскими террористами в США, России, Испании, Великобритании, Индии и других странах, человечество осознало, что экстремисты, не колеблясь, пойдут и на ещё более чудовищные, в том числе и ядерные удары. Мобилизация сил против этой угрозы необходима.

Конечно, нельзя не видеть, что в деле нераспространения ядерного оружия налицо и позитивные сдвиги. Россия добилась практически не замеченного в мире предотвращения возникновения трех новых ядерных держав, обеспечив после распада Советского Союза вывоз на свою территорию всего ядерного оружия, находившегося на Украине, в Белоруссии и Казахстане.

США, как и СССР, а затем и Россия, существенно сократили свои ядерные арсеналы. Их примеру последовали, хотя и в меньших масштабах, Великобритания и Франция. Последняя сняла с вооружения ракеты наземного базирования и авиационные бомбы.

Крайне важен пример ЮАР — единственной пока страны, которая, самостоятельно создав ядерное оружие, затем отказалось от него. К 1993 г. она уничтожила все свои 6 боеготовых ядерных устройств, ликвидировала находившееся в процессе изготовления седьмое. Одновременно было уничтожено и всё оборудование, необходимое для создания ядерных вооружений.

Всё это было связано с реализацией Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанного в 1968 г. и вступившего в силу в 1970 г. Сегодня в нём участвуют практически все государства планеты, за исключением четырёх, обладающих ядерным оружием: Израиля, Индии, Пакистана и КНДР.

Действуя в духе ДНЯО, многие государства создали зоны, свободные от ядерного оружия в Африке, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, южной части Тихого океана, Антарктике. Сейчас фактически свободными от ядерного оружия являются всё южное и часть северного полушария.

Ряд стран (Аргентина, Бразилия, Швеция, Южная Корея и др.) закрыли свои исследовательские и индустриальные проекты, которые могли бы привести к созданию ядерного оружия¹. В 2003 г. под давлением США и Великобритании от работ по созданию ядерного оружия отказалась Ливия.

Тем не менее режим нераспространения, несомненно, требует дальнейшего совершенствования и, прежде всего, расширения сотрудничества участников ДНЯО. Россия — активный сторонник такого сотрудничества. Вместе с другими членами Совета Безопасности ООН она, в частности, приняла, как уже отмечалось выше, достаточно жёсткую резолюцию, направленную против ядерных испытаний КНДР.

Нельзя не отметить, что проведённые Северной Кореей испытания ядерного оружия вызвали (в том числе и в некоторых СМИ России) всплеск панических предсказаний, сводившихся к тому, что процесс расплзания ядерного оружия «остановить политическими или даже военными мерами уже нельзя»². Следовательно, режим нераспространения вот-вот рухнет. Стоит в этой связи напомнить, что подобные же прогнозы делались и после того, как ядерным оружием овладели Индия и Пакистан.

Вообще экстремальных оценок по этому поводу в XX в. звучало достаточно много. 45—50 лет назад в мире бытовало поверье, что к «ядерному клубу» присоединятся все крупные «технологически продвинутые страны»³. 20—25 лет назад речь шла о предстоящем производстве атомного оружия «странами Чёрной Африки, Арабского мира и Латинской Америки»⁴, о «мире, заполненном дюжинами государств, обладающих ядерным оружием»⁵. К счастью, все эти, или почти все, предсказания не сбылись. И это немаловажное подтверждение эффективности режима нераспространения.

Россия была и остаётся одним из основоположников процесса нераспространения ядерного оружия. Она деятельно участвует в работе многочисленных органов и организаций, которые осуществляют реализацию ДНЯО и комплекса сопутствующих ему соглашений и договорённостей.

* * *

¹ Weapons of Terror. Weapons Mass Destruction Commission final Report. Stockholm, 2006. P. 44.

² Итоги. 16.10.2006. С. 42.

³ Prospect for America. The Rockefeller Panel Reports. N.-Y., 1960. P. 66.

⁴ *Bottome E.* The Balance of Terror. Nuclear Weapons and the Illusion of Security. Boston, 1986. P. 237.

⁵ *Jordan A., Taylor W.* American National Security. Baltimore-L., 1981. P. 551.

Обеспечение внешней безопасности России непосредственно связано с возможностью создания коалиций и наличия союзников. Сегодня Россия участвует в созданной в 2002 г. Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда входит ряд стран СНГ. Наиболее серьёзным достижением организации было создание Коллективных сил быстрого развёртывания, куда вошли по одному батальону от Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана.

Вообще назвать союзниками наших партнёров по СНГ можно лишь в пропагандистском запале. Они постоянно, хотя и в разной степени, пребывают в поиске баланса между Россией и Западом.

Россия проводит в рамках Шанхайской организации сотрудничества совместные военные учения с Китаем. Однако говорить в этой связи о военном союзе между двумя странами было бы преувеличением. Не является союзническими отношениями и сотрудничество с НАТО в рамках СРН.

Практически, несмотря на декларации о «стратегическом партнёрстве» с множеством государств, реальных союзников у России нет, что во многом обусловлено отсутствием доверия к нашей внешней политике и малой привлекательностью нашей модели развития. Это происходит, в первую очередь, в силу того, что мы сами до сих пор чётко не определились с выбором модели развития и со своей позицией в мире.

Между тем решение этой проблемы зависит, прежде всего, от нас самих. Необходимо определить собственный путь развития, который совпадал бы с подлинно национальными чаяниями народа и не вызывал бы неприятия окружающего мира. Хочется верить, что Россия в конечном итоге сможет найти такую модель, которая наряду с открытостью миру будет обеспечивать безопасность нашей страны и наших граждан.

Глава 34. Разоружение: проблемы и перспективы

Сегодня мы сталкиваемся с одним из редчайших парадоксов в истории человечества. Руководители России и США уже давно утверждают, что наши страны больше не враги, а даже партнёры. Это было подтверждено и в заявлении президентов Д. Медведева и Б. Обамы во время их первой встречи в Лондоне: «Эра, когда наши страны рассматривали

друг друга в качестве врагов, давно ушла в прошлое». И действительно, в отношениях Россия—США нет сейчас каких-либо рациональных причин для взаимных столкновений.

Вместе с тем, если бросить взгляд на состав и численность ракетно-ядерных сил, непроизвольно возникнет впечатление, что у них может быть лишь одно предназначение — взаимное уничтожение¹. Что это? Только ли не полностью убранный «мусор» холодной войны? Не совсем так.

Как и в те годы, Россия и США остаются на позициях взаимного ядерного сдерживания. Они сохраняют способность уничтожить друг друга. В составленных сторонами списках целей для поражения — важнейшие военные и экономические объекты. А это весьма опасная ситуация, поскольку, несмотря на то, что угроза военного столкновения между Россией и США сейчас гораздо меньше, чем раньше, всё ещё наличествует угроза применения ядерного оружия в результате ошибки или технического сбоя.

До сих пор обе стороны подозревают друг друга в худшем. Если степень подозрения возрастет, возникнет соблазн предпринять превентивные меры. А они, в свою очередь, будут восприняты другой стороной как угрожающие. Поэтому контроль над стратегическими вооружениями по-прежнему имеет первостепенное значение для поддержания стратегической стабильности в мире.

Причём начинать России и США нужно с себя. Понимание этого, насколько можно судить, созрело в высших эшелонах власти как в России, так и в Соединённых Штатах.

Новые инициативы

В совместном заявлении, сделанном в Лондоне президентами России и США в апреле 2009 г., говорится «о приверженности цели достижения мира, свободного от ядерного оружия»². Можно, конечно, иронизировать по этому поводу, вспоминая о прошлом. Да, ещё 50 лет тому назад с идеей всеобщего и полного разоружения, и прежде всего — ядерного, выступал Н.С. Хрущёв. Кончилось это ничем. Свыше 20 лет тому назад, в 1986 г. программу уничтожения всего ядерного оружия до конца 2000 г. предлагал М.С. Горбачёв. Результат был тот же. Вообще, по мнению многих экспертов, ядерный ноль — это утопия.

¹ Независимое военное обозрение. 2009. № 9.

² Здесь и далее: <http://kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml>.

Если ориентироваться на сегодняшнюю ситуацию, с этим выводом нельзя не согласиться. Не следует приписывать утопический подход ни Медведеву, ни Обаме. В их совместном заявлении о мире, свободном от ядерного оружия, говорится лишь как о цели. Обама даже упомянул, что она, быть может, будет достигнута не при его жизни. Более того: оба президента сослались на необходимость сохранять «эффективный» потенциал, пока у других стран остаются атомные бомбы. Но двигаться в направлении безъядерного мира жизненно необходимо.

Есть ли для этого требуемые предпосылки? Да, безусловно.

Сегодня в мире уже существует 5 зон, свободных от ядерного оружия. Это уже давно существующие четыре зоны: в Латинской Америке, южной части Тихого океана, Африке и Юго-Восточной Азии. Пятой недавно стала Центральная Азия. Расположенные там страны взяли на себя обязательства не только не создавать ядерного оружия, но и не размещать его на своей территории.

Упомянутые зоны объединяют 110 государств, территория которых составляет около половины земного шара. Если же добавить участников Договора о нераспространении ядерного оружия, их число возрастёт до 184. И это при том, что 5 ядерных держав — США, Россия, Англия, Франция и Китай уже давно обязались в соответствии со статьёй VI этого Договора «вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению». По сути, именно это и было подтверждено в лондонском заявлении Медведева и Обамы.

На встрече в Лондоне были намечены и некоторые практические шаги. Первым из них должна была стать замена Договора о стратегических наземных вооружениях (СНВ-1) новым, юридически обязывающим Соглашением.

Дальнейший шаг в направлении сокращения ядерного потенциала был сделан 6 июля того же года во время визита президента США в Москву. В результате состоявшихся переговоров был подписан ряд документов, в том числе совместное коммюнике о понимании по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях СНВ. Было также принято совместное заявление президентов Российской Федерации и США, касающееся противоракетной обороны (ПРО).

Немного недавней истории

Начиная с Договоров ОСВ-1 и ПРО от 1972 г., соглашения по ядерному разоружению между СССР и США строились на основе паритета

и баланса стратегических сил. Они строго регулировали ядерное сдерживание и поведение сверхдержав, обеспечивая транспарентность стратегических arsenалов.

Однако после прекращения холодной войны и, соответственно, конфронтации между Россией и США Вашингтон явно потерял прежний интерес к контролю над ядерными вооружениями. Обусловлено это было следующим: распад СССР и последовавший за ним глубокий системный кризис Российской Федерации основательно увеличили разрыв в стратегических потенциалах сторон. Военные расходы США стали превышать российские в десятки раз. Исходя из этого в Вашингтоне не без оснований решили, что поддержание количественного паритета стратегических ядерных сил России не под силу. Соответственно изменилось и поведение американцев.

С самого начала 90-х годов российская дипломатия настойчиво ставила вопрос о заключении новых соглашений, которые предусматривали бы более низкие уровни стратегических ядерных вооружений по сравнению с Договором СНВ-1. Но представители США относились к этому весьма прохладно. Если они и шли на соглашение, то только ценой болезненных уступок России. На такой основе был, например, заключён Договор СНВ-2 в 1993 г.

Предусмотренное в нём серьёзное сокращение развёрнутых стратегических ядерных боезарядов до 3–3,5 тыс. единиц было обусловлено согласием России отказаться от основы своей стратегической мощи — межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями (РГЧ). Правда, она сохранила право компенсировать выводимые из боевого состава МБР с РГЧ широкомасштабным производством моноблочных МБР. Но это был всего лишь дипломатический трюк. Чтобы сохранить прежний паритет, нам пришлось бы строить в условиях острого финансового кризиса до 3000 новых моноблочных ракет.

По сути дела, выполнение Договора СНВ-2 к 2003 г., в обстановке серьёзной деградации морского и авиационного компонента стратегической триады, означало бы реальное сокращение российских стратегических ядерных сил до неприемлемо низкого уровня. На боевом дежурстве могли остаться немногим более сотни моноблочных МБР.

Короче говоря, это было одним из самых невыгодных соглашений, когда-либо заключённых с Вашингтоном. По признанию посла Ю.К. Назаркина, опытного и твёрдого переговорщика, бывшего тогда руководителем делегации России на переговорах с США, навязанные России условия явились результатом жёсткого давления на российскую делегацию непосредственно Б.Н. Ельцина, готового на любые

уступки, лишь бы сохранить благожелательное отношение президента США Б. Клинтона. К счастью, этот договор так и не вступил в силу, поскольку не был ратифицирован.

Пиком подобной политики Вашингтона стал отказ США от Договора по ПРО. Сразу же после прихода в Белый дом президента Дж. Буша-младшего, в декабре 2001 г. было официально объявлено о выходе США из этого Договора. По истечении шестимесячного срока после уведомления, в июне 2002 г., он перестал действовать.

Это был тяжёлый удар по всей системе стратегической стабильности. Ведь с 1972 г. она опиралась на двух китов — на строгий паритет стратегических ядерных сил и на отказ от создания глобальной ПРО. Они делали ядерную войну невозможной из-за угрозы гарантированного взаимного уничтожения. Одностороннее разрушение составлявших эту систему условий могло иметь катастрофические последствия. Как минимум вело к возобновлению гонки ракетно-ядерных вооружений.

XXI век в полной мере подтвердил этот вывод. Сперва, пользуясь кризисной ситуацией в России, США начали разрушать паритет стратегических ядерных сил. А затем усилиями Вашингтона была подведена мина под вторую опору стратегической стабильности — Договор по ПРО.

Сегодня мало кто помнит, что, начиная с 1964 г., именно американцы упорно настаивали на ограничении систем ПРО, поскольку их развёртывание могло нарушить баланс стратегических ядерных сил. В свою очередь, Советский Союз решительно возражал против таких ограничений, поскольку уже располагал тогда вокруг Москвы неплохой по тому времени системой противоракетной обороны. Затем позиции сторон сблизились. На основе взаимного компромисса СССР и США заключили Договор по ПРО, в соответствии с которым его участникам запрещалось создавать глобальную стратегическую ПРО для полной защиты своих стран, но вместе с тем разрешалось иметь ограниченную ПРО для защиты столиц и одной из ракетных баз. Теперь же принятые обязательства были сведены к нулю.

В качестве утешительной «конфетки» России преподнесли подписанный в том же году весьма общий, плохо проработанный Договор о сокращении стратегических национальных потенциалов (СНП). В нём лишь указывалось, что ко времени истечения срока его действия, т.е. к 31 декабря 2012 г., Россия и США должны ограничить развёрнутые стратегические ядерные боезаряды так, чтобы их суммарное количество не превышало 1,7–2 тыс. единиц у каждой из сторон. Как должны происходить сокращения, в Договоре не говорилось — правила зачёта согласованы не были. Не были предусмотрены и механиз-

мы контроля над сокращениями. Отсюда неизбежные расхождения в трактовке сторонами Договора его написанных и подразумеваемых положений.

Между тем Вашингтон упорно продолжал работы по созданию первоначально ограниченной ПРО, призванной прикрыть США. Но шума по этому поводу мы не поднимали. Проявление недовольства ограничивалось заявлениями МИДа, сводившимися к тому, что Россия будет тщательно анализировать складывающуюся обстановку и, «при необходимости, принимать адекватные меры для обеспечения своей безопасности»¹. С успокоительными заверениями выступали тогда и военные руководители. Так, первый заместитель начальника Генштаба Российской Федерации Ю. Балувевский утверждал, что шаги США по развёртыванию глобальной ПРО «не представляют угрозы для безопасности России» до 2010–2015 гг., а, может быть, и до 2020 года².

Понимание уровня угрозы в необходимой степени прорезалось лишь в начале 2007 г., когда США приступили к созданию третьего позиционного района ПРО и начали переговоры с Чехией и Польшей о размещении на их территории его элементов: РЛС в Чехии и 10 ракет-перехватчиков в Польше.

Уже в феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции В.В. Путин заявил, что появление элементов ПРО в Европе вызывает у России крайнюю озабоченность. Эту позицию поддержали многие российские специалисты, указывавшие на то, что размещение элементов американской ПРО на территории Восточной Европы создаёт потенциальную возможность поражения российских стратегических ракет на самом уязвимом, восходящем участке траектории их полёта, а, следовательно, подрывает взаимное ядерное сдерживание.

Американское руководство, прежде всего военное, возражало на это следующим образом: система ПРО в Европе не угрожает стратегическим ядерным силам России. Ведь она располагает многими сотнями МБР, а противоракет намечается установить всего 10³. Третий позиционный район ПРО создаётся лишь для того, чтобы противостоять ракетно-ядерным угрозам Ирана. Эту аргументацию подхватили и некоторые наши специалисты.

Насколько же реальна подобная угроза?

¹ <http://www.mid.ru/nsdvbr.nsf/58954e9b2d194fed432569ea00360f06/432569d800226387c3256f32005bd66d?Open Document>.

² РИА Новости. 27.02.2007.

³ См. например: *Финогенов М., Заикин С., Копылов А.* Что противопоставить ПРО? // Военно-промышленный курьер. 2007. № 28; *Арбатова А.* Пятый противоракетный кризис // Независимое военное обозрение. 2007. № 38.

В настоящее время Иран обладает ракетами Шехаб-3 дальностью полёта до 2000 км. По некоторым данным, их у него около 30. Кроме того, в наличии 10 мобильных установок для запуска. Пока эти ракеты имеют лишь обычное оснащение, но могут нести и ядерные боезаряды, если и когда они появятся у Ирана¹.

Кроме того, в разработке находятся ракеты Шехаб-5 и 6 с дальностью стрельбы 3 и 5–6 тыс. километров. Впрочем, некоторые наши специалисты скептически оценивают перспективы их поступления на вооружение. Так, например, бывший начальник Главного штаба ракетных войск стратегического назначения генерал-полковник В. Есин считает, что Иран сможет создать подобные баллистические ракеты только к 2015–2020 годам².

Пока это всё. Нужно ли при подобных обстоятельствах тратить огромные средства, чтобы «защитить Европу» от маловероятного ракетно-ядерного удара? Вряд ли.

Одновременно возникает и другой вопрос. Если цель развёртывания третьего позиционного района ПРО действительно такова, то почему администрация США ведёт переговоры только с Польшей и Чехией, а не с Евросоюзом? Об этом в марте 2007 г. справедливо запросила Вашингтон канцлер ФРГ Ангела Меркель. Кстати, по мнению многих специалистов, базы ПРО в Чехии и Польше вряд ли смогут эффективно решить формально приписываемую им задачу. «Прикрыть» они смогут далеко не всю Европу, а только её небольшую часть.

К чему же все эти потуги? Ответ на этот вопрос мог быть только один. В их основе с самого начала лежало намерение ещё больше расшатать стратегическую стабильность, которая многие десятилетия худо-бедно, но защищала мир от ядерной войны? Иными словами, возвратиться к идеям рейгановской СОИ, спровоцировавшей в своё время очередной виток гонки вооружений?

Сейчас, однако, появились основания предполагать, что Соединённые Штаты начинают вносить коррективы в прежнюю позицию. Причины этого многообразны. Однако немалую роль играет то, что они уже не могут рассчитывать, что российский ядерный потенциал под воздействием внутренних трудностей сам по себе сократится до минимального уровня. А это возвращает Вашингтон к заинтересованности в ядерной стратегической стабильности, а, следовательно, и в заключении новых соглашений Россией о контроле над СНВ. Отсюда появление дополнительных шансов на позитивные сдвиги в этой области.

¹ Независимая газета. 06.03.2009.

² Независимое военное обозрение. 2009. № 5; Коммерсантъ. 04.02.2009.

Стратегическая стабильность в современных условиях

К концу первого десятилетия XXI в. ситуация со стратегической стабильностью в мире выглядела следующим образом.

Окончание холодной войны не сделало мир безопасным. В нём сохранилась высокая степень недоверия. «Ядерный выбор» по-прежнему рассматривался некоторыми странами как инструмент повышения «политического веса» и эффективная гарантия национальной безопасности. Тяжёлый груз прошлого наряду с новыми угрозами тянул назад, мешая добиваться осязаемых результатов.

К этому времени стратегическая стабильность основывалась на трёх непрочных опорах:

- Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) 1991 г.
- Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП или Московский договор) 2002 г.
- Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) 1987 г.

К ним примыкали Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г. и односторонние инициативы 1991 г. о глубоком сокращении тактических ядерных вооружений, выдвинутые тогдашними президентами США и СССР. Глобальной стратегической ПРО не существовало, но отдельные элементы ПРО, как уже отмечалось, создаются.

Президенты России и США решили продолжить оздоровление международной обстановки. Предполагается, что процесс этот будет поэтапным. Первым шагом станет новый Договор между Россией и США (назовём его СНВ-3). Затем к нему присоединятся другие ядерные государства — Англия, Франция, Китай, Индия, Пакистан и Израиль.

Поскольку новый договор должен был опираться на основополагающие положения предшествующих документов, напомним вкратце об их содержании.

Договор СНВ-1 был подписан в Москве 31 июля 1991 г. и вступил в силу 5 декабря 1994 г. Срок его действия был определён в 15 лет, так что он истёк в декабре 2009 г.

К 4 декабря 2001 г., как и было предусмотрено, Россия и США завершили сокращение своих стратегических вооружений до предельных уровней: не более 1600 носителей (межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет на подводных лодках и на тяжёлых бомбардировщиках) и не более 6 тыс. ядерных боезарядов для

них. После этого постепенное сокращение как носителей, так и ядерных боезарядов было продолжено. По состоянию на 1 января 2009 г. у России оставалось 814 стратегических носителей с 3909 боезарядами, а у США — 1198 носителей и 5576 боезарядов.

Однако за внешним благополучием, о котором свидетельствовали цифры, скрывались немаловажные «подводные камни». Москва действительно ликвидировала стратегические вооружения — как носители, так и боезаряды. Между тем Вашингтон уничтожил лишь незначительную часть своих стратегических носителей и боезарядов. Остальные были размещены на складах. Тем самым был создан так называемый возвратный потенциал, позволяющий при необходимости оперативно — за 4–6 месяцев — нарастить численность развёрнутых стратегических ядерных боезарядов более чем на 3 тыс. единиц.

И всё же это был первый в истории разоружения Договор, который предусматривал значительные сокращения стратегических ядерных вооружений. Важно и другое. В Договоре СНВ-1 были детально прописаны меры контроля и проверки сокращений, обеспечивавшие строгое выполнение взятых обязательств.

Правда, и тут не обошлось без проблем. У России в то время не оказалось средств для финансирования мероприятий по контролю за выполнением подписанного документа. Поэтому квота инспекций на местах нашей стороной не выбиралась. Соответственно, была проведена примерно лишь половина разрешённых проверок. Между тем американцы полностью выбирали установленную квоту. Их инспекторы осуществляли наблюдение на постоянной основе за машиностроительным заводом в Воткинске, где производятся ракеты.

Восьмого апреля 2010 г. президенты России и США подписали в Праге Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. В мае он был направлен на ратификацию в Госдуму и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в конгресс и сенат США. Ещё месяц спустя на саммите в Вашингтоне Медведев и Обама в совместном заявлении о стратегической стабильности объявили, что будут тесно координировать свои усилия по обеспечению его скорейшей ратификации и вступлении в силу. При этом было особо подчеркнуто, что Договор не только обеспечивает дальнейшее сокращение стратегических наступательных вооружений, но и создаёт основу для развития новых стратегических отношений между Россией и США, базирующихся на взаимном доверии, открытости, предсказуемости и сотрудничестве.

В общем, «перезагрузка» отношений России и США, которая по началу выглядела как красивый лозунг, стала получать конкретное со-

держание. Пражский договор предусматривает существенное снижение допустимого уровня стратегических ядерных вооружений России и США по сравнению с предыдущими Договорами СНВ-1 и СНП. Через 7 лет после вступления его в силу общее число развёрнутых боезарядов России и США будет снижено до 1550 единиц для каждой из сторон. Это почти на 30% ниже уровня в 2200 боезарядов, предусмотренного в Договоре СНП. Число развёрнутых МБР, БРПЛ и тяжёлых бомбардировщиков, оснащённых для ядерных вооружений, не будет превышать 700 единиц. Отдельный лимит в 800 единиц предусмотрен для общего числа развёрнутых и неразвёрнутых пусковых установок МБР и БРПЛ, для развёрнутых и неразвёрнутых тяжёлых бомбардировщиков, оснащённых для ядерных вооружений.

Подсчёт боезарядов на развёрнутых МБР и БРПЛ будет вестись исходя из фактического числа боеголовок, установленных на каждой из таких ракет, а не по правилам атрибуции, как это было зафиксировано в Договоре СНВ-1. Только в отношении тяжёлых бомбардировщиков будет использовано правило: «один развёрнутый бомбардировщик — один боезаряд».

В отношении так называемого «возвратного потенциала» у США остаётся больше возможностей дозагрузить боеголовками, находящимися на складах, свои развёрнутые стратегические носители. Но опасность эта теперь, скорее, виртуальная, поскольку, пока действует Пражский договор, ни одна из сторон не может воспользоваться своим возвратным потенциалом.

Конечно, Пражский договор не идеален. Он итог взаимных уступок и компромиссов, на которые стороны шли при его разработке. Следует, например, иметь в виду, что на сегодняшний день у России чуть более 560 развёрнутых носителей стратегического ядерного оружия. А у США их значительно больше. Так что сокращать их придется американцам. Мы же можем решать: наращивать их или нет до допустимых уровней.

Для России главным является то, что Договор не накладывает на неё обязательств, которые могли бы негативно отразиться на возможности осуществлять надёжное ядерное сдерживание. Ей, как и США, предоставлено право самостоятельно, без ограничений, которые содержались в Договоре СНВ-1, определять структуру и состав своих стратегических ядерных сил. При этом каждая сторона будет исходить из собственного видения достаточности для обеспечения собственной безопасности. Это позволит нам высвободить огромные ресурсы, направив их на решение задач более востребованных, чем содержание избыточных арсеналов стратегических ядерных вооружений.

Дело теперь за ратификацией Договора.

Ещё раз о ПРО

После выхода США из Договора по ПРО в 2002 г. проблема поддержания стратегической стабильности стала одной из главных тем в диалоге Россия—США. Москва рассматривала это как отказ Вашингтона от взаимного ядерного сдерживания, и тому были серьёзные основания. Администрация Буша объявила о намерении создать глобальную эшелонированную ПРО. Базы стратегических ракет перехватчиков намечалось развернуть не только на территории США, но и в Восточной Европе — так называемый «третий позиционный район».

Новым в этой триаде был сигнал Ирану о готовности США начать с ним диалог по ядерной программе. Но он так и не состоялся.

В конечном итоге администрация Обамы пересмотрела прежний подход и к созданию стратегической ПРО. Было принято решение ограничить её 30 ракетами-перехватчиками на Аляске и в Калифорнии (у нас установлено 100 ракет-перехватчиков вокруг Москвы). Упор был сделан на развертывание нестратегической ПРО морского и наземного базирования (ракеты Патриот-3, Иджис, ТНААД), которые не способны перехватывать российские МБР и БРПЛ, но обеспечивают защиту от ракет средней дальности. У России и США таких ракет нет — они уничтожены по условиям Договора о РСМД. Но такими ракетами обладают Иран, Северная Корея и ряд государств Азии.

Диалог между Москвой и Вашингтоном идёт теперь о возможности создания «общей ПРО». Летом 2010 г. начались консультации России и США в поисках компромисса в отношении ПРО. А на Вашингтонской встрече 24 июня президенты Медведев и Обама объявили о намерении создать механизм обмена данными о пусках баллистических и космических ракет. Продолжением вашингтонских переговоров стал визит в Москву заместителя госсекретаря США Роуз Гетемюллер, указавшей на необходимость трёх важных шагов:

- 1) создания совместного центра обмена данными о пусках баллистических ракет;
- 2) взаимодействия в деле развертывания систем ПРО театра военных действий;
- 3) сотрудничества России, США и европейских стран НАТО по созданию общеевропейской ПРО. Площадкой для такого сотрудничества мог бы стать Совет Россия—НАТО.

Правда, США не отказались и от односторонних действий. Ими подписано соглашение с Польшей о размещении на её территории тактических ракет Патриот-3. Начаты переговоры о возможном раз-

вертывании систем Иджис и ТХААД в Румынии и Болгарии. Американские корабли с нестратегическими ракетами-перехватчиками по-прежнему патрулируют в Средиземном море и Персидском заливе.

Итак, налицо еще немало проблем. Так, например, переговоры об общей ПРО надлежит начинать с оценки реальных общих угроз России, США и странам Евросоюза, на всем евроатлантическом пространстве, а также имеющихся средств, способных им противостоять. Но с оценкой этих угроз определиться не просто. Представители США и России ведут переговоры по этой теме больше года, но результатов пока нет.

Каким же мог бы быть реальный путь к «общей ПРО»?

Есть основания считать, что исходные позиции, позволяющие вести серьёзные переговоры и искать решения сохранившихся разногласий, хотя и в самых общих чертах, но обозначились:

- прежде всего, налицо понимание наличия общих угроз, хотя акценты порой делаются разные;
- выражается готовность к сотрудничеству, нацеленному на устранение этих угроз;
- наличествует готовность США, проявляемая в разных формах, отложить создание элементов ПРО в Польше и Чехии, пока продолжаются контакты с Ираном;
- стороны демонстрируют намерение вести переговоры и выйти на сотрудничество в деле создания «общей ПРО» в Европе.

В общем, всё это образует неплохую площадку для сотрудничества, хотя многие вопросы ещё требуют прояснения.

Наибольшие трудности следует ожидать при обсуждении вопроса о создании общей ПРО для Европы.

В октябре 2007 г. В. Путин на встрече с президентом США Дж. Бушем так изложил своё видение переговоров по созданию такой ПРО.

Прежде всего, нужно определить параметры общей системы ПРО. То есть возможности обнаружения летящих на Европу ракет, слежения и наведения на них противоракет и последующего уничтожения, что, естественно, означает необходимость создания в подходящих для этого местах баз РЛС и противоракет. И что не менее важно, следует определить характер управления этой системой, т.е. кто и как будет отдавать приказ сбить соответствующую ракету. При этом Путин особо подчёркнул необходимость равного доступа всех участников к управлению данной системой¹.

Американцы отвечают на эти вопросы достаточно определённо. В конце февраля 2009 г. Бюджетное бюро Конгресса США опублико-

¹ Коммерсантъ. 21.11.2007.

вало доклад «Варианты размещения ПРО в Европе». РЛС в нём предлагается размещать в Азербайджане и Катаре, а в отношении противоракет выдвигаются 3 альтернативы:

1. Размещение противоракет SM-3 «Стандарт» на кораблях «Иджис» у побережья Румынии, Восточной Италии и Польши. Реализация — 2015 г.

2. Развёртывание противоракет SM-3 на мобильных средствах доставки, базирующихся на уже существующих базах ВВС США Рамштайн (ФРГ) и Инджирлик (Турция). Реализация — 2015 г.

3. Оснащение мобильных средств доставки на базах ВВС США Рамштайн и Инджирлик кинетическими противоракетами. Реализация — не раньше 2018 г.

По оценке экспертов, эти альтернативные проекты лучше отвечали бы интересам Европы и, прежде всего, её юго-восточной части, хотя ни один из них не защитит полностью Европу от иранской ракетной угрозы¹.

Здесь есть над чем подумать. Так, размещение противоракет SM-3 на кораблях в Средиземном море могло бы не противоречить интересам нашей безопасности. Тем более что эти корабли и так имеют возможность находиться в этом море. То же, по-видимому, можно сказать и о размещении противоракет на уже существующих базах США в Турции. Во всяком случае, база Рамштайн находится в 220 километрах к западу от бывшей границы ФРГ и ГДР — т.е. достаточно далеко от России. Да и радар в Катаре едва ли представлял бы для нас угрозу.

Во всяком случае, если мы действительно готовы участвовать в создании «общей ПРО» для Европы, нам давно пора иметь собственную позицию в отношении того, кто будет сбивать летящие на неё ракеты.

То же самое можно сказать и в отношении того, кто и как будет принимать соответствующие решения.

У Вашингтона есть своя позиция — такие решения надлежит принимать американскому военному командованию, причём даже не согласуя с президентом, поскольку для этого не будет времени. Москва настаивает на том, чтобы равный доступ к управлению ПРО имели все участники соответствующего договора.

Попробуем представить, что это может означать на практике. Допустим, радар в Азербайджане засёк, что из Ливана, который, казалось бы, не имеет ракет среднего радиуса действия, запущена ракета, летящая в направлении Франции или Центральной Европы. И что представители США, России, европейских стран — а их может быть

¹ Независимая газета. 04.03.2009.

более двух десятков — начинают обсуждать, сбивать или не сбивать эту ракету, советуясь при этом со своими правительствами? Но ведь время бежит. И пока будет продолжаться этот «базар», ракета поразит цель.

Значит, тут нужны чёткие правила на грани автоматизма. Приведём соответствующий пример. На уровне Совета Безопасности ООН принимается резолюция, в соответствии с которой все государства, осуществляющие испытательные пуски ракет, должны заранее (скажем, за две недели) оповещать о времени запуска, месте запуска, траектории полёта, месте падения ракеты. Любая ракета любой страны, нарушившая эти правила или изменившая траекторию полёта, будет автоматически сбиваться.

Разумеется, переговоры о такой ПРО должны вестись в первую очередь с привлечением Евросоюза или НАТО. Входящим в них странам нужно определиться, заинтересованы они в подобном соглашении или нет. Пока единогласия по этому вопросу не наблюдается.

В целом перспектива создания общей ограниченной ПРО, которая отвечала бы интересам безопасности Евросоюза, России и США, вполне реальна. И рассматриваемый выше вариант развязки вовсе не единственный. Появление такой ПРО в Европе могло бы стать первым шагом к созданию глобальной ПРО, ориентированной и на борьбу с терроризмом, т.е. против одиночных, несанкционированных и необъявленных заранее пусков ракет. Более того: разговор о такой ПРО уже идёт¹.

Создание ПРО должно перевести отношения России с США и с Западом в целом в русло не декларативного, а реального стратегического партнёрства. Оно явилось бы первым шагом к появлению новой системы международных отношений, основанной на всеобщей, взаимной безопасности. Россия, да и весь мир от этого только выиграли бы. Такое сотрудничество в создании общей ПРО могло бы стать краеугольным камнем стратегической стабильности в XXI в.

Обычные вооружения

Важная проблема, которая пока остаётся как бы в тени, но может послужить серьёзным препятствием на пути к безъядерному миру, — это нынешняя ситуация с контролем над обычными вооружениями. На протяжении тысячелетий в истории человечества их стратегиче-

¹ Российская газета. 06.04.2009.

ский баланс определял, быть или не быть войне. А в ядерную эпоху они остались важной составной частью более широкого стратегического баланса сил.

Сразу же после окончания Второй мировой войны Советский Союз был вынужден развернуть мощную группировку сухопутных войск в Европе, которая являлась своего рода противовесом ядерной монополии США. Но и после создания ядерного щита Москва продолжала сохранять там сухопутные войска, которые по уровню вооружений в 4–5 раз превосходили войска НАТО в Европе. Теперь функцию сдерживания осуществляли уже стратегические ядерные силы США.

Подобная иррациональная ситуация сохранялась до конца 80-х годов прошлого века. В ноябре 1990 г. государства НАТО и Варшавского договора заключили Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), который подвел черту под длительным противостоянием. Он позволил провести быстрое и сбалансированное сокращение большого количества избыточных вооружений, доставшихся государствам-участникам в наследство от времен холодной войны, и помог пережить без потрясений произошедшие изменения военно-политического ландшафта. Был установлен безопасный, стабильный и прозрачный баланс обычных вооружённых сил, который делал невозможными внезапное нападение и ведение крупномасштабной наступательной войны в Европе.

Серьёзным количественным ограничениям подверглись пять основных категорий обычных вооружений и техники — боевые танки, ББМ, артиллерия, ударные вертолеты и боевые самолеты. Каждая группа государств-участников могла иметь не более 20 тыс. танков (в том числе 16,5 тыс. в регулярных частях, остальные в обозначенных местах постоянного складского хранения), 30 тыс. ББМ (в том числе 27,3 тыс. в регулярных частях), 20 тыс. артиллерийских единиц (в том числе 17 тыс. в регулярных частях), 6,8 тыс. боевых самолетов и 2 тыс. ударных вертолётов¹. Кроме того, в целях понижения плотности вооружений в полосах соприкосновения ОВД и НАТО были введены зональные (региональные) ограничения на танки, ББМ и артиллерию. Отсюда — концепция концентрических зон: вооружения можно было перемещать от линии соприкосновения к периферии, но не наоборот.

¹ Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина по случаю десятилетия подписания Договора об обычных вооружённых силах в Европе 19 ноября 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 12. С. 10–11.

После распада Варшавского договора и СССР остро встал вопрос об адаптации ДОВСЕ к новым реалиям. Переговоры были нелёгкими, и только 19 ноября 1999 г. в Стамбуле удалось подписать Соглашение о его адаптации.

Главное в обновленном ДОВСЕ — это трансформация зонально-групповой основы Договора в систему национальных и территориальных уровней каждого государства-участника. Были установлены жёсткие правила изменения величин тех и других. Вместо пяти прежних географических зон, на которые был разбит район применения Договора, вводилась «сотовая» сеть территориальных ограничений: 28 территориальных уровней — по числу европейских государств — участников Договора, а также два «фланговых» подуровня на территории России и Украины¹.

Эта новая система ограничивала «переливы» вооружений между государствами, нейтрализовала угрозы создания потенциалов для проведения крупномасштабных наступательных операций и, таким образом, повышала стабильность и предсказуемость. И главное — режим адаптированного ДОВСЕ был ориентирован теперь на укрепление безопасности каждого государства-участника, независимо от его принадлежности к военно-политическим союзам. При этом в определённой степени ограничивался военный потенциал НАТО в результате фиксации в тексте Соглашения и в сопутствующих документах следующих положений.

Во-первых, суммарное сокращение национальных уровней вооружений 19 стран НАТО должно было составить около 48 тыс. танков, 4 тыс. бронемашин и более 4 тыс. артсистем, что соответствовало вооружению примерно 10 отмобилизованных дивизий натовского стандарта. Это должно было быть достигнуто в основном за счёт снижения возможностей усиления группировки сухопутных войск США в Европе. Так, по танкам объём прав США уменьшался более чем наполовину (с 4 до 1,8 тыс.).

Во-вторых, вводилась жёсткая система национальных и территориальных ограничений, призванная не допустить опасной концентрации сил НАТО.

В-третьих, существенно — в три раза — сокращались возможные временные превышения территориальных уровней во «фланговых» государствах НАТО (Болгарии, Греции, Исландии, Норвегии, Турции), а также ограничивалась возможность изменения этих уровней.

¹ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооружённых силах в Европе. М., 2000. С. 6–13, 26–29.

В-четвёртых, устанавливались пониженные территориальные уровни вооружений для Польши, Венгрии, Чехии и Словакии. Уровни этих стран, а также Германии не должны были пересматриваться в сторону повышения.

В-пятых, страны НАТО предоставляли политические гарантии военной сдержанности — они должны воздерживаться от дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил как наземных, так и воздушных на территориях новых членов альянса.

Модернизированный Договор явился результатом нелёгкого компромисса, хотя не все изначально поставленные задачи удалось решить в полном объёме. Так, России пришлось пойти на сохранение фланговых ограничений, а ценой их существенного «разжатия» стали политические обязательства России о выводе обычных вооружений из Молдавии и Грузии, а также о сдержанности в количестве вооружений на территории Ленинградского военного округа. Не удалось ввести прямых ограничений на суммарный военный потенциал стран НАТО и охватить территориальными ограничениями авиацию. Менее жёсткими, чем изначально рассчитывала российская сторона, оказались и ограничения на временные развёртывания ОДВТ, а также предельные уровни для новых членов НАТО¹.

Однако в целом Соглашение об адаптации отвечало интересам России, равно как и других государств-участников².

Но, как говорится, дела быстро делаются только в сказках. После долгих и нелёгких переговоров по заключению этого Соглашения началась затяжная и непростая тяжба с его ратификацией. Страны НАТО под различными предлогами стали уклоняться от ратификации адаптированного ДОВСЕ, фактически срывая его вступление в силу. И это было обусловлено вполне очевидными причинами.

Во-первых, для некоторых стран НАТО контроль над вооружениями вскоре потерял первоначальную актуальность. Мероприятия, предусмотренные в ДОВСЕ, стали рассматриваться лишь как вспомогательное средство для реализации новых геополитических установок альянса, предполагавших дальнейшее оттеснение России и активное «освоение» постсоветского пространства. Во-вторых, военный истеблишмент США был намерен сохранить для себя свободу рук на случай «реконфигурации сил» и их массовой передислокации в интересах подготовки и проведения операций, подобных иракской. Меж-

¹ Мухин В., Прошкин В. Установлен новый расклад сил в Европе // Независимое военное обозрение. 10.12.1999.

² Ивашов Л.Г. Нам удалось отстоять российские интересы // Красная Звезда. 10.12.1999.

ду тем адаптированный ДОВСЕ создавал бы в этом случае нежелательные проблемы.

Тем не менее, вопреки неконструктивной позиции стран НАТО Россия летом 2004 г. ратифицировала Соглашение об адаптации ДОВСЕ¹. Это же сделали Белоруссия, Казахстан и Украина. Но позиция стран НАТО позитивных изменений не претерпела.

Выждав несколько лет, российское руководство сделало из этого соответствующие выводы. Учтя позиции стран НАТО и изменившуюся ситуацию, в свете которой многие положения ДОВСЕ утратили связь с действительностью, оно приняло решение о целесообразности введения моратория на его исполнение. В апреле 2007 г. об этом было объявлено в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, а в июле того же года подписан президентский Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооружённых силах в Европе и связанных с ним международных договоров»².

Ситуация теперь такова, что даже если страны НАТО ратифицируют соглашение об адаптации ДОВСЕ и начнут его выполнять, баланс сил в Европе восстановлен не будет. Чтобы восстановить его и исключить возможность внезапного нападения и крупномасштабных военных операций, потребуются дополнительные меры по ограничению обычных вооружений и контролю над ними.

В противном случае России придётся полагаться исключительно на ядерное сдерживание, поскольку по отдельным видам вооружений НАТО превосходит теперь её в 2,5–4 раза — почти настолько, насколько в годы холодной войны Советский Союз превосходил НАТО. Следовательно, рано или поздно, но на пути продвижения к безъядерному миру, о котором шла речь выше, возникнет затор из-за дисбаланса обычных вооружений в Европе.

Второй раз на те же грабли

Последнее время всё чаще приходится слышать — особенно от военных — заявления о целесообразности выхода России из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД). В обоснование этой позиции обычно выдвигаются две причины.

¹ Собрание законодательства РФ. 26.07.2004. № 30. Ст. 3082.

² Там же. 16.07.2007. № 29. Ст. 3681.

Первая — создание ракет средней дальности рядом третьих стран. Обычно они не называются, но сегодня это — Иран, Пакистан, Индия, Китай, Северная и Южная Корея.

Вторая — планы развёртывания американских объектов ПРО в Польше и Чехии.

В действительности целесообразность эта мнимая.

Разумеется, потенциальная угроза создания РСД третьими странами существует. Но для сегодняшней России угроза эта теоретическая. И втягиваться в соревнование с кем-либо из новых ракетообладателей было бы по меньшей мере неразумно. Между прочим, если уж воспринимать эту угрозу всерьёз, то следует помнить, что у нас есть возможность ответить на неё весьма эффективно. Например, нацелить на соответствующие пусковые установки МБР, которые, как известно, могут наносить удары по укороченным траекториям средней дальности. Или использовать средние и тяжёлые бомбардировщики с крылатыми ракетами с ядерным или обычным снаряжением. Есть ещё и другие способы.

Вместе с тем втягиваться в состязание по ракетам средней дальности — значит взвалить на себя излишние внешнеполитические проблемы. В частности, могут возникнуть неприятности с некоторыми сопредельными странами, в том числе с теми, с которыми у нас существуют устойчивые партнёрские отношения — например, с Китаем.

И в данном случае, как и в других, не следует забывать уроков прошлого. Наш выход из Договора по РСМД и развёртывание ракет средней дальности в Европе неизбежно повлекут за собой аналогичные шаги со стороны США и НАТО, а именно: возобновление программ по созданию ракет «Першинг-2» и крылатых ракет наземного базирования с последующим их размещением в Центральной и Восточной Европе.

Тут, видимо, стоит напомнить, как это уже было, и сравнить с тем, что может быть.

Ещё со сравнительно давних времен на европейской части Советского Союза были развернуты ракеты средней дальности СС-4 и СС-5. Они были предшественниками межконтинентальных баллистических ракет, и их развертывание имело определённый резон. США в конце 40-х годов начали размещать в Европе свои бомбардировщики с атомными бомбами, а затем и ракеты средней дальности в Англии, Турции и Италии. Поэтому с советской стороны это были первые, скорее даже не полностью осознанные тогда шаги по созданию системы взаимного ракетно-ядерного сдерживания.

Но шли годы. Главным инструментом сдерживания стали межконтинентальные ракеты, тяжёлые бомбардировщики и ракеты на подводных лодках. Американские «Юпитеры» были выведены из Европы частично по соглашению об урегулировании Карибского кризиса, а частично потому, что изменилась стратегия. Да и сами ракеты устарели. Однако советские СС-4 и СС-5 непоколебимо оставались на своих местах.

В середине 70-х годов началась их замена на ракеты «Пионер» или РСД-10, известные на Западе как СС 20, а затем их массированное развёртывание. Это, в свою очередь, вызвало переполох в Западной Европе, особенно в ФРГ. Там не могли найти логичного объяснения происходящему, и это пугало больше, чем сами ракеты. В результате в декабре 1979 г. НАТО приняло так называемое двойное решение — продолжить переговоры с СССР, но в случае их провала разместить в Европе до конца 1983 г. 108 РСД «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты.

Переговоры, как известно, результатов не дали, и 14 ноября 1983 г. на военную базу в Англии была доставлена первая партия крылатых ракет. А затем началось и размещение «Першингов».

Поначалу в Москве не придали серьёзного значения перспективе появления американских ракет в Европе. Обе стороны имели достаточно средств, чтобы даже после первого опустошительного удара многократно поразить территорию противника. Посчитали, что цель этой акции — успокоить Европу, показать ей, что НАТО и США не намерены поддаваться советскому диктату и готовы её защищать.

Соответственно, была избрана тактическая линия: продолжать пугать Европу и уйти с переговоров по разоружению в Женеве и Вене. Предполагалось тем самым «вздыбить» европейские народы, чтобы волна их гнева смыла американские ракеты. Но народы «вздыбиться» не пожелали. И тогда наступило прозрение.

Советские военные забили тревогу. Они в полной мере отдавали себе отчёт, что появление «Першингов» — не просто арифметическая добавка к уже существующему ракетному потенциалу США, но качественное изменение стратегической ситуации в их пользу. Подлётное время «Першингов» составляло 6–10 минут, и за этот срок трудно принять ответные меры. Между тем ракеты «Першинг» отличались высокой точностью. Их боеголовки были способны проникать на глубину 70–100 метров, где и производился ядерный взрыв. И как было предписано в «Директивных указаниях по строительству вооружённых сил США», их с самого начала нацеливали, прежде всего, на органы государственного и военного управления СССР, а также на базы

размещения советских межконтинентальных ракет и другие стратегические объекты.

В Москве с полным основанием посчитали, что «Першинги» дестабилизируют стратегическую ситуацию и приняли соответствующее решение: искать компромиссный вариант. После этого и начались долгие переговоры, завершившиеся в 1987 г. подписанием Договора по РСМД, который предусматривал полную ликвидацию этих ракет у СССР и США, а также прекращение их производства под строгим международным контролем. В результате Советскому Союзу пришлось уничтожить 1836, а США — 859 ракет.

Представим теперь на минуту, что американские «Першинги» вновь вернутся — только теперь не в Центральную, а уже в Восточную Европу. Если в 80-х годах их размещение воспринималось как огромная угроза для СССР, то для России ситуация будет выглядеть намного хуже. Из Восточной Европы «Першинги» смогут поражать цели на всей европейской части страны до Урала, а подлётное время к ним сократится ещё больше. И это действительно поставит под угрозу российский потенциал ядерного сдерживания.

Так стоит ли второй раз наступать на те же грабли? Есть все основания полагать, что в нынешней ситуации нам следует сохранять этот Договор по РСМД как одну из важных опор стратегической стабильности. Более того, следующим шагом могло бы стать предложение Англии и Франции присоединиться к этому Договору. Ведь ракеты средней дальности при нынешней ситуации в Европе им явно не нужны, а межконтинентальные и тактические ракеты они и так могут иметь. Но сам по себе такой шаг с их стороны явился бы важной вехой на пути к безъядерному миру.

* * *

Разумеется, высказанные здесь соображения не бесспорны и не исчерпывают всей проблематики. Но несомненно одно — застой, образовавшийся в сфере контроля над вооружениями, необходимо преодолевать со всей решимостью. Стратегический баланс в области как ядерных, так и обычных вооружений необходим для обеспечения безопасности всего мира. И медлить с этим нельзя.

Глава 35. Прогнозы и опасности (к вопросу об их адекватности)

*Патриот — тот, кто может
смириться с собственной смертью,
но никогда — со смертью Отечества.*

Нынешнее сложное положение России и тревожная перспектива, какой она видится в настоящий момент, не могут не вызывать озабоченности. Без всякого преувеличения — на кону стоит судьба Российского государства. Распад Советского Союза мало чему нас научил. Тогда научное предвидение не сработало. После всего происшедшего мы должны сделать выводы, чтобы трагедия не постигла уже преемницу СССР, новую Россию.

Ненадёжность прогнозов

Точный прогноз с соответствующими рекомендациями — самое ценное, что может дать научный интеллект. Вторжение в будущее с помощью пера является, конечно, увлекательным делом, и грех жаловаться на нехватку прогнозов. Работа в этой сфере кипит, и мы имеем возможность читать и сравнивать многочисленные многостраничные предсказания, благо запреты на них теперь не распространяются.

Метод составления прогнозов известен. Под одной обложкой перечисляются разные сценарии грядущего развития событий — оптимистический, пессимистический, оптимальный, инерционный... Иногда они носят другое наименование. Каждый из них обусловлен рядом произвольных авторских допущений. Изучение их не помогает преодолеть неясности горизонта. В них часто отсутствует важнейшая составляющая — прогноз на прогнозы, или указание на то, какой сценарий наиболее вероятен. Именно наиболее вероятен, а не наиболее желателен. Различие между ними кардинальное, ибо определить желательный вариант не составляет труда. Составители прорицаний нашли для себя удобную позицию. Они как бы (или без как бы) говорят властям: «Если действовать таким-то образом, то будет один результат, если поступать иначе, то будет по-другому. Мы вас предупредили, мы вам подсказали, что делать, и на том считаем свою миссию законченной».

Пойдём дальше. Допустим, прогноз на прогнозы сформулирован и, следовательно, установлен «монистический» взгляд на перспективу. Может ли правительство считать его достоверной истиной и соразмерно с его показаниями проводить свою политику? Нет, не может. По крайней мере не должно. Это было бы опрометчиво с его стороны. Статистические ряды ничего не гарантируют и гарантировать не могут, ибо жизнь — это многофакторная модель, тогда как творцы прогнозов в состоянии учесть только минимальное количество переменных. Их можно сосчитать по пальцам.

Узник инквизиции Галилео Галилей рисковал жизнью, воскликнув «И всё-таки она вертится!». Зато сегодняшние оракулы не пожертвуют и мизинцем, чтобы отстоять честь своих расчётов, и не потому, что менее мужественны, а по более прозаической причине — они сами не уверены в них. В отличие от физических законов траектория общественного развития не поддаётся математическим формулам. Здесь можно провести аналогию с погодой, точно предсказывать которую метеорологи не могут из-за того, что она не подчиняется математике. Курьёз заключается в том, что рядовые люди, не знающие закулисной «кухни», доверяют экономическим прогнозам больше, чем сами работники, сознающие, на какой зыбкой почве они стоят. Любой прогноз — это не прогноз, а попытка прогноза, если это слово понимать в его истинном смысле. Самой большой ложью в мире остряки называют статистику. Вынуждены их поправить: увы, таковой являются прогнозы.

Теперь чуть подробнее о рекомендациях, которые принято называть программами или концепциями. С точки зрения достоверности они похожи на прогнозы, как близнецы-братья. Никто не может поручиться за их правильность. Что делает в этих условиях правительство, где пруд пруди собственных квалифицированных специалистов, кандидатов и докторов наук? Оно по традиции сдержанно относится к советам со стороны, не желая «идти на поводу», и создаёт свои прогнозы и программы, которые не лучше и не хуже других. Выбор рычагов воздействия, дозировка мер, временные лаги — вещи в себе и, кроме того, взаимозависимые. Ошибка в одном месте способна сразу изменить всю картину, просчёт в другом месте снова грозит перевернуть всё вверх дном, упущение в третьем месте... Каждая проблема завязана хитроумным морским узлом, развязывание которого создаёт новые головоломки.

Как мы знаем, конкуренция улучшает качество товаров. К прогнозам это не относится. Ретроспективный анализ свидетельствует о низкой прицельности экономических пророчеств. Расхождение между

фактами и обещаниями бьёт в глаза. Слово «уточнение» и образованные от него прилагательные часто встречаются в прогнозных материалах, что лишний раз подчёркивает условность оценки перспективы. Таким образом, с разработчиков снимается «вина» за прошлые и будущие просчёты. Не успеют высохнуть чернила на документе (в частности, на тексте бюджета), как он уже уточняется, корректируется. Осуждению за это никто не подлежит, поскольку разговор идёт о сложнейшей материи. Это — интернациональная беда, и при желании можно привести множество эпизодов, персонажами которых будут иностранные и международные организации (например, Международный валютный фонд), и учёные с мировым именем (здесь можно назвать, скажем, Кейнса). Не всё сводится, понятно, к экономике. Сошлёмся на следующие саркастические слова известного германского политика Эгона Бара: «Наши хвалёные тайные службы не увидели ни строительства стены (берлинской), ни ее падения».

Развернувшийся в конце первого десятилетия XXI в. мировой финансово-экономический кризис стал не только самым тяжёлым в послевоенное время, но и рекордным по части прогностических ошибок и неверных оценок. Ни одна страна, международная институция или научная школа не остались в стороне от этого печального опыта. Победителей на поприще предсказаний не оказалось. Экономическая действительность в очередной раз показала невысокую эффективность сложившегося подхода к регулированию будущего.

Требуются новые подходы

Мы хотим представить иную методологию прогнозирования. Назовём её программно-целевой — в отличие от ныне широко распространённой экономически детерминированной. Это предложение возникло не на пустом месте. Российской академической школой глубоко разработан тезис о гуманитарном приоритете развития экономики, который, к сожалению, не находит должного отражения в официальном экономическом курсе. В рамках данного тезиса мы выдвигаем на первый план необходимость выявления критических опасностей для страны, что должно служить исходным пунктом для дальнейших действий. Сначала — внутренняя и внешняя безопасность, затем — всё остальное. Угроз всегда много, можно запутаться, но среди них есть существенные и менее существенные. Есть и роковые, несущие гибель государству. Преодоление последних должно быть главной целью при вычислении будущего.

Для России вопросом жизни и смерти стало неумолимое сокращение численности населения. Подсчёты не оставляют надежд на то, что этот процесс остановится. Если сейчас нас 142 млн человек, то в исторически недалёком будущем россиян останется 100 млн, потом 90 и так далее. Демографы спорят лишь о сроках. За 2050 г. страшно заглядывать. Должно быть ясно, что при сокращающейся заселённости мы не удержим свои сибирские и дальневосточные земли. Придут новые хозяева и освоят для себя наши огромные просторы. Тут и силовых акций не потребуется. Недопустимо уже то, что общественное мнение начинает привыкать к этой мысли, на радость потенциальным колонизаторам и их подстрекателям. Потеря Зауралья (2/3 площади Российской Федерации) будет означать исчезновение России, ибо европейская треть страны, в свою очередь, не сохранит целостности из-за этнических конфронтаций (Кавказ, Поволжье). Россию растащат по кускам. Идея о сдаче в аренду на длительный срок китайцам большой территории для лесоразработок или готовность выращивать на нашей неиспользуемой пашне рапс для ФРГ в целях производства биотоплива совсем не безобидны, как может показаться на первый взгляд. Здесь становится наглядным несоответствие в России собственного человеческого ресурса и закреплённого за ним пространства.

Роковая опасность для России — не только в стремительном падении численности населения (а ныне и трудоспособного населения). Другим ядовитым остриём является сокращение доли русской нации. Она — системообразующая основа для нашей страны, и ее ослабление чревато потрясениями и неизбежным завершением существования России. Предотвратить это — вторая сверхзадача. Здесь нет и тени русского национализма, ибо речь идёт о нашей общей отчизне.

Характерно, что слово «русский» употребляется в Конституции России лишь один раз в статье 68, где говорится о том, что государственным языком является русский язык. Может случиться, что когда-нибудь исчезнет и это упоминание. «Крот истории роет», процесс пущен на самотёк. Рассуждать на данную тему считается неэтичным, а о принятии мер противодействия и говорить нечего. Зато как нарочно делается нечто другое. Стимулирование рождаемости, предпринятое центром в последнее время, усиливает происходящий перекося, поскольку разовый материнский капитал за второго и последующего ребёнка в непропорционально высоком отношении будет уходить в регионы страны с традиционно многодетными семьями. Казалось бы, пробил час региональной политики, чтобы понемногу исправлять несоответствие и поддерживать падающие регионы, где демография напрямую связана с потенциальным территориальным переделом (Сибирь

и Дальний Восток). Однако равномерное финансирование по принципу лейки лишь усугубляет ситуацию. Нельзя пройти и мимо таких явлений, как вынужденный отъезд русских из некоторых субъектов Федерации, сосредоточение нового автомобилестроения с помощью иностранного капитала в европейской части страны, недостаточная газификация собственной территории при одновременном экспорте газа за рубеж на долгосрочной основе (Сахалин-2) и др.

Вопрос о том, кто является русским, равно как и человеком любой другой национальности, — это личное дело каждого, это — вопрос собственной идентификации. Хочешь быть русским — будь им. Здесь не место для каких-то домыслов или ограничений, которые в любом случае были бы незаконны, ибо означали бы нарушение Конституции Российской Федерации. Статья 26 гласит: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность».

Низы верят в мудрость правительства, правительство верит в неизбывность низов, и вместе ошибаются. Так получилось с понятием «советский народ», исчезнувшим в одночасье, а как долго просуществует «российский народ», никому не известно. Ясно одно — нельзя бездействовать. Между прочим, судебное законодательство предполагает наказание за бездействие, повлёкшее за собой тяжкие последствия.

Во главу угла нашей стратегии на десятилетия вперёд нужно поставить как минимум две сверхзадачи — увеличение численности населения и поддержание доли русских — и ими руководствоваться. Эти цели нельзя терять из виду ни на минуту, какие бы конъюнктурные обстоятельства ни возникали.

Сформулируем предельно чётко главную мысль, которая должна доминировать при составлении прогнозов. Она такова: целостное будущее страны нельзя прогнозировать по размерам ВВП, его надо прогнозировать по угрозам, располагая их по степени тяжести последствий. Показатель ВВП может и должен рассчитываться на перспективу, без него не обойтись, он нужен как сам по себе, так и для расчёта других базовых индикаторов — производительности труда, народно-хозяйственной структуры и т.д. Но судьбу страны определяет не он, а способность народа к выживанию. Эта способность с каждым годом уменьшается, и недооценка происходящего чревата фатальным исходом.

В мировой экономической науке существует понятие магического многоугольника. Под ним подразумевается перечень целей, к которым стремится официальная политика. Это — приемлемые показатели инфляции, безработицы, роста и внешнеэкономического сальдо. В данном случае мы имеем четырёхугольник. Магическим он называется потому, что одновременное выполнение всех этих установок либо во-

обще невозможно, либо возможно вследствие исключительных, а значит, кратковременных обстоятельств. Так сказать, временная магия.

Свойство данной геометрической фигуры состоит в том, что её углы бывают очень острыми и о них можно пораниться. Взаимоотношения между перечисленными целями сложны, как в человеческом обществе в целом — кто-то с кем-то дружит, а кто-то не выносит друг друга. Достижение одной задачи может препятствовать выполнению другой.

Как бы то ни было, многоугольник играет большую положительную роль в рыночном хозяйстве, поскольку способствует его сбалансированному развитию. Таким способом правительство дробит угрозу большого краха типа кризиса 1929—1933 гг. на ряд относительно мелких угроз и более или менее удачно расправляется с каждой из них по отдельности. Его можно уподобить пожарной команде, которая носится по городу и гасит то один очаг возгорания, то другой, предотвращая тем самым всеобщий пожар.

Нечто вроде магического многоугольника практикует наше правительство, но делает это не без изъянов. Долгое время, вплоть до кризиса 2008—2009 гг., оно считало — без достаточных оснований — первоочередным делом подавление инфляции путём ограниченной монетизации и жертвовало экономическим развитием. Но инфляция, подобно индексу ВВП — лишь один из показателей, отнюдь не важнейший. Таким образом, власти тратили свои основные усилия на «разборку» столкновений внутри многоугольника, в который важнейший для России фактор, демографический, даже не включается.

Всё должно быть на своём месте. Будучи подходящим инструментом экономической политики в западных странах, магический многоугольник не может быть использован в России буквально, один к одному. Требуется его существенная модификация, а именно: введение туда других показателей состояния общества и их соподчинение между собой.

От сверхзадач к подзадачам

Помимо названных выше двух сверхзадач нельзя игнорировать другие, которые, до поры, до времени оставаясь без должного решения, могут создать разрушительный потенциал. Они не являются секретом. Это — непозволительная дифференциация доходов населения, о чём вопиют статистические источники. Сюда же относится не менее возмутительное имущественное расслоение граждан, насчёт чего те же источники, напротив, хранят полное молчание. Из Адама Смита часто цитируют его высказывание о невидимой руке рынка. Но он

предостерегал также от истребительного воздействия рыночных сил, если дать им полную волю.

А как же быть с экологией, про которую старшее поколение в годы своего отрочества и слыхом не слыхивало? Рассказы бабушек и дедушек о том, что раньше можно было пить воду прямо из реки, не опасаясь последствий, внуки вполне могут считать разновидностью сказки. Когда-то Хрущёв обещал заняться экологией, но... после построения коммунизма. Сейчас доведённая до ручки окружающая среда точно так же поступает с людьми и сокращает ожидаемую продолжительность жизни.

Обе верхушки дерева целей и две ступени ниже мы обозначили. Подумав, можно добавить ещё другие ветви. Выстраивая отношение к ним через призму названных сверхзадач, обнаружим, что борьба с разновидностями зла может идти в одном векторе, конечно, до определённого предела, причём этот предел ставится сверхзадачами. Стержень реформ должен простираться снизу до двойной макушки дерева, и только то, что лежит на этом пути, подлежит вниманию и осуществлению. Исчезнет, наконец, типичный для многих нынешних прогнозов и программ произвол субъективизма, который не может не возникнуть при отсутствии чёткого осознания того, что же нам надо и к чему следует стремиться.

Если читатель потребует дополнительных пояснений, то вот они. Всякий уважающий себя прогнозист обязательно включит в свой материал разделы о насущности дальнейшего продвижения в нашу галактику (со временем дойдёт дело и до других галактик), о развитии информационных технологий и далее по традиционному списку. Нефть, газ, металлы тоже будут упомянуты. Если прогноз достаточно велик по объёму, то в него войдут остальные производства. Каждой сестре по серьге. В итоге получится негодный для применения образец наукообразности: в нём всё учтено, и в то же время всё разъединено, потому что отсутствует чёткая стратегия. Из этой каши помогает выбраться очередной прогноз, но только затем, чтобы снова погрузиться в мешанину благих намерений и не увязанных друг с другом подсчётов.

Повернуться к людям

Никто не отрицает необходимости освоения космоса. Но зачем нам он нужен, если Россия превратится в прах? Зачем проповедовать удвоение валового продукта, если страна вымирает? Зачем нам кладовые Арктики, если ими воспользуются другие? Это не риторические

вопросы, на которые не обязательно отвечать. А общий ответ будет следующий. Нельзя больше закрывать глаза на то, что страна движется к обрыву.

Вся политика должна быть направлена на улучшение условий жизни людей. Последняя фраза может показаться бесконечно знакомой, поскольку выступает в роли лозунга любого политического режима. Попытаемся вложить в неё реальный смысл. Каждый рубль новых инвестиций нужно проверять с точки зрения пользы, которую он принесёт непосредственно населению. При таком подходе максимальное развитие должны получить отрасли, производящие товары, прямо удовлетворяющие личные потребности людей — продовольствие, одежда и обувь, жильё, медикаменты, транспорт. Именно применительно к этому набору и следует расставлять акценты государственной политики. Оздоровления экономики можно достичь через пищевую и лёгкую промышленность, примеров чему имеется достаточно в мировой истории (в России капитализм первоначально возник как ситцевый, в Англии — как шерстяной), плюс медицинская промышленность, жилищное строительство и транспорт (автомобилестроение), отражающие сдвиг потребностей по сравнению с прошлыми периодами. Здесь применим термин «догоняющее развитие» с точки зрения как упущенного времени, так и отраслевой политики. Новинки XXI в. не приживутся в экономике, которая не решила задачи XIX в. Если уж строить рыночное хозяйство, то надо делать это правильно. Электронный капитализм не создать, минуя ситцевый.

Сектор личного потребления должен сочетаться с развитием социальной инфраструктуры — от детских учреждений до сети заведений для престарелых. Социальное обеспечение и социальная поддержка разных слоёв населения — неотъемлемая часть потребительского комплекса, требующего к себе максимального внимания, а не одолжения со стороны государственных органов.

Примечателен и тот факт, что в союзах предпринимателей до сих пор не выработана действенная взаимоувязанная программа промышленной и социальной политики. И это не случайно. Каждая отраслевая ассоциация стремится зафиксировать свои позиции, но в результате получается не программа, а нечто вроде перечисления интересов участников объединений. Почему не сформулирован внятный правительственный курс поощрения потребительского подразделения экономики, непонятно и то, почему антимонополистическая риторика не сопровождается действенными мерами по демократизации хозяйства.

Велик соблазн собрать вместе все «красивые вещи» в мировом производстве и объявить этот перечень актуальной программой действий

для России. Часто так и делается. Опять-таки нельзя быть против таких необходимых направлений прогресса, как развитие программного обеспечения и сверхвысокочастотной электроники, создание ракет-носителей для запуска коммерческих спутников, лазерные новинки и т.д. Перечень можно продолжать: приоритетные направления науки, технологии и техники охватывают, по некогда опубликованным официальным данным, 9 позиций, критические технологии — 52. Однако будет бесполезно строить высокие конструкции без нижнего звена экономики, каким является потребительский комплекс. Передовые технологии не существуют сами по себе, они вырастают из глубин хозяйства, из сложного отраслевого переплетения и соподчинения. Как и в советское время, ныне теряется человек с его первостепенными потребностями. Именно производство товаров для населения даст необходимые накопления для прорывных технологий, о чём часто забывают. Научно-технический прогресс нельзя насадить сверху.

Возьмём конкретный пример — развитие нанотехнологий. Без них у страны нет достойного будущего. Но сейчас эти новшества не перешли ещё в стадию самоокупаемости, а потому Курчатовский институт, имеющий специальный статус научной лаборатории, требует много-миллиардных государственных вложений. Если их брать из сырьевого экспорта, то, во-первых, будет сохраняться нежелательный перекося в сторону добывающих отраслей, а, во-вторых, эти экспортные поступления не гарантированы из-за возможных падений цен, как это случается на мировом рынке. Напротив, внутренний потребительский комплекс в силу своей каждодневной востребованности даст бесперебойные и адекватные доходы в бюджет, которыми могут быть поддержаны нанотехнологии. В свою очередь, развитие потребительского комплекса предъявит спрос на нанотехнологии. Получится положительный цикл, когда движение одних отраслей способствует движению других, одни востребованы другими. В противном случае создаётся, как сейчас, нежелательная зависимость: чтобы развивать нанотехнологии, надо поддерживать нефтегазовый экспорт. Не научно-технический прогресс принесёт структурную перестройку, а структурная перестройка обеспечит базу для научно-технического прогресса.

Нельзя сказать, что государственные меры по стимулированию научно-технического прогресса не дают результата. Дают. Можно сослаться на пример Советского Союза. Научно-технический уровень народного хозяйства в 1991 г. был несравним с тем, что было в 1917 г. Но Запад ушёл ещё дальше. В международной конкуренции значение имеет не сам факт прогресса, а его сопоставительная характеристика по странам, т.е. уровень и разница в темпах. Выигрывает тот, кто на-

берёт больше НТП. Потребительский комплекс в силу своей динамичности, во-первых, сам генерирует НТП, во-вторых, создаёт благоприятные воспринимающие условия для новинок науки и техники, в-третьих (в отличие от ВПК), не препятствует распространению новшеств в смежные отрасли.

Прогресс через потребительский комплекс

Приоритетные подразделения в составе потребительского комплекса через сложную систему взаимосвязей поддержат остальные отрасли экономики. Расходы домашних хозяйств в конечном потреблении при расчёте валового внутреннего продукта составляют подавляющую величину. К тому же колебания в производстве потребительских товаров всегда меньше, чем в производстве инвестиционных товаров, что на Западе служит одним из индикаторов определения фазы конъюнктурного цикла.

По наблюдениям немецких социологов, послевоенная экономика ФРГ поочерёдно переживала разные волны потребительского спроса — волна потребления продовольствия, волна потребления одежды, волна покупок товаров длительного использования, волна туристских путешествий и т.д. Понятно, что каждая волна, возникнув, уже не спадала, а дополнялась оживлением очередного направления текущих потребностей.

Структура ВВП, а за ней структура личного потребления населения показывают, каким путём надо идти в фазе рыночных преобразований: поддерживать те производства, объёмный спрос на продукцию которых значителен и где оборот капитала непродолжителен. Каждый вложенный сюда рубль приносит с собой к концу года 3–4 новых рубля. Эти звенья народно-хозяйственной цепи — самые экономные по затратам и самые результативные по эффективности. Одновременно они представляют собой адекватную базу для подъёма национальных производительных сил.

Состав валового продукта для экономиста — то же самое, что периодическая система элементов Менделеева для химика. В этой структуре отражаются глубинные закономерности, и они, в свою очередь, дают на поверхность сигнал о том, что надо делать, диктуют формулу развития.

Вместе с тем речь не идёт о голой эмпирике, которая, как это часто бывает, никуда не ведёт. Если обратиться к высокой теории, то при изложенном подходе открывается простор для осуществления закона

повышения производительности труда, действующего в одном направлении с законом стоимости. Как раз этого нам не удавалось обеспечить, хотя и по разным причинам, ни в советское, ни в постсоветское время.

Пренебрежение производством товаров повседневного спроса, приносящим скорую прибыль, привело к тому, что отечественный рынок почти наполовину отдан иностранным товарам. Выгодность этого бизнеса подчёркивается также тем обстоятельством, что им живут как торговля (в том числе челночники), так и зарубежные производители. Здесь же сосредоточена большая часть теневой экономики. Значительные товарные и финансовые потоки могут и должны быть отвоёваны у иностранных фирм и перемещены в отечественные каналы. Надёжным признаком оздоровления хозяйства в демократических условиях является не бездефицитный бюджет, не профицит, не снижение доли ВПК, а сокращение импорта продовольствия и других товаров широкого потребления и переход к их экспорту.

Приведём пример из другой сферы, даже если он кому-то покажется несерьёзным. Либерализация российского книжного рынка привела первоначально к засилью на нём зарубежного детективного чтения, но постепенно отечественные авторы взяли верх, и их позициям ничто не угрожает. Теперь перед ними стоит не менее волнующая задача — завоевание иностранных рынков, экспансия. (Заметим в скобках, что военная лексика вполне освоилась в мировой экономической литературе.)

Политика развития потребительского комплекса должна сочетаться с линией на ограничение сверхдоходности сырьевого сектора. В конечном счёте это даст надёжные дополнительные средства бюджету, которые могут быть использованы для производства товаров массового потребления, и предотвратит дальнейшую примитивизацию экономики, а, следовательно, и промышленного персонала.

Первоочередное развитие потребительского комплекса позволит уменьшить бедность и позитивно повлиять на демографическую ситуацию с точки зрения как численности населения, так и состояния генофонда. Успех реформ в Китае был предопределён тем, что там первостепенное значение уделялось отечественному производству предметов потребления. Это позволило удовлетворить первые потребности людей и тем самым одновременно создать источники накопления капитала.

Все (именно все!) меры по подъёму экономики в обход приоритетного развития потребительского сектора бесполезны. Это — печальный факт нашей экономической истории после 1917 г. Никакая поли-

тика не может встать выше объективных закономерностей. Переложенные на экономику, они требуют первоначального прямого удовлетворения основных потребностей главной производительной силы — людей. От того, в каком объёме это осуществляется, зависит всё остальное в хозяйстве. Это фундамент, и пока данное свойство экономики не будет понято, решающего сдвига в жизни населения не будет. Поощрение потребительского сектора помогает рыночным силам привести в действие сложный комплекс связей в народном хозяйстве, которое затем будет нуждаться только в тонкой настройке.

Одновременно были бы мобилизованы для потребления и инвестиций личные денежные резервы населения, хранимые в «матрасах». Во всех странах такие сбережения служат важным каналом финансирования капиталовложений.

Отклонение предложений о первоначальной ориентации на потребительский сектор можно объяснить неправильными предпосылками и следующей отсюда некорректностью выводов. Так, инициированный таким образом рост почему-то увязывается с форсированной накачкой потребительского спроса, тогда как речь должна идти о другом — об эволюционной связке спроса и предложения, которая через систему взаимозависимостей будет воздействовать на экономику по принципу концентрических кругов. В ходе такого развития будет уменьшаться главное существующее ограничение товарного предложения, т.е. ресурсный дефицит, который сейчас вследствие значительной импортной составляющей внутреннего рынка способствует уходу денег за границу. Подъём потребительского сектора, обеспечивая насыщение рынка, а скорее перенасыщение (как тут не вспомнить о дороговизне жилья), будет действовать как постоянный антиинфляционный фактор.

Чем ближе к человеку, тем приоритетнее должна быть отрасль. Это не значит, что следует игнорировать остальные, далеко отстоящие подразделения народного хозяйства. Их приводит в движение сам потребительский комплекс с точки зрения как объёмов выпуска, накопления капитала, так и научно-технического прогресса. У нас же резко отстаёт именно потребительский комплекс. А раз так, то сильных положительных импульсов с его стороны на другие сферы ожидать не приходится.

Поясним сказанное на следующей схеме: человек — пищевая промышленность — микробиология. Потребности человека в продовольствии удовлетворяются пищевой промышленностью. Они стимулируют её развитие. В свою очередь, пищевая промышленность, совершенствуясь, способствует созданию и возвышению микробиологии,

которая приносит большую пользу обществу. Было бы ошибочно поддаваться искушению форсировать микробиологию, игнорируя плачевное состояние пищевой отрасли. Так отчасти и делается. Успеха не будет. Народно-хозяйственное строительство, как и при возведении дома, повторим, не терпит перескакивания через этапы, через этажи.

Таких схем в экономике, очевидных и не очень — великое множество, их не сосчитать. Это и не требуется. Важно усвоить принцип приоритетности потребительского сектора и очерёдности внутри него и не отклоняться от этого принципа. Только при такой стратегии мы сможем ликвидировать своё технологическое отставание от Запада, доходящее в зависимости от отраслей до 50 лет.

«Природа не делает скачков» (*Die Natur macht keine Sprünge*) — это выражение принадлежит шведскому естествоиспытателю XVIII в. Карлу Линнею. То же самое можно сказать об экономике. Это правило было у нас нарушено. Упор был сделан на разрушение и на скорую приватизацию, тогда как в основу надо было положить целесообразность реформ с точки зрения их содержания, последовательности и протяжённости по времени.

Обилие товаров на наших прилавках («как на Западе») — это кажущееся экономическое благополучие, ибо процветает импорт. Как известно, головная проблема в рыночном хозяйстве — сбыт. Западные производители, насытив внутренний рынок, находят отдушину на внешнем. Не развивая производство товаров личного потребления и ориентируясь на ввоз, мы угнетаем собственную динамику и стимулируем конкурентов.

Не всякую нехватку жизненных благ можно восполнить импортом. Недостающее жильё не завезёшь из-за рубежа, так же как больницы, детсады, ясли, школы, сельские клубы, библиотеки. Кто из наших граждан состоятельнее, тот едет за границу лечиться, учиться, рожать. Остаться там на ПМЖ — тоже мечта многих.

Бытовая безотрадность характерна не только для села, но и для городов, в том числе тех, где мэрами являются так называемые крепкие хозяйственники. Отечественный менталитет не повёрнут у нас в сторону человека с его нуждами и запросами. Тонны и километры по-прежнему превалируют в нашем сознании над человеком. Отсюда и такой гротеск — обезлюдение отечества рассматривается не как критическая проблема, не как сердцевина грядущей беды, а лишь как ограничительный фактор для экономического роста. Многократно низвергнутый на словах закон о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве по-прежнему правит бал, если не в теории, то в практическом подходе. Стоит

отметить, что даже в военных сценариях сохранению живой силы и собственного населения уделяется больше внимания, чем в народно-хозяйственных прогнозах.

За будущее никто конкретно не отвечает. Но оно закладывается сегодня. Происходит это в постоянном взаимодействии двух начал — правительственной политики и политики населения. Последняя стихийна, но не менее ощутима. Таким образом люди отстаивают свои интересы. Когда оба вектора совпадают, самочувствие общества хорошее и экономика идёт вверх, когда расходятся — решение задач затрудняется, наступает застой или происходят народные волнения. Здесь же кроются истоки коррупции, теневой экономики, хозяйственного криминала и, главное, демографической ямы, которая по своему значению затмевает всё прочее — и хорошее, и плохое.

Народная стихия выживания пробивает себе дорогу в виде создания собственного дела, малых предприятий, находящихся в основном в очерченной структуре потребностей людей, т.е. в потребительском комплексе. Сегодня они малые, а завтра многие из них станут крупными и эффективными. Во всех странах происходит такой рыночный отбор, и повсюду там начальному предпринимательству оказывается поддержка на государственном и муниципальном уровнях.

Вместе с тем малый бизнес не является изолированным сектором национальной экономики и может развиваться только в сочетании с крупным. Сплошь и рядом малые предприятия выступают для крупных как поставщики и покупатели (от сырья до оборудования). Они занимают в хозяйстве те ниши, которые не привлекают внимания гигантов из-за невысокой рентабельности или сознательно сбрасываются ими по той же причине. Именно благодаря существованию малого бизнеса, который довольствуется крохами, крупные фирмы удерживают производительность труда и свою конкурентоспособность на высоком уровне.

Потребительский сектор неразрывно связан, естественно, с реформами в сельском хозяйстве, стержнем которых должны стать подлинная кооперация и контрактный характер взаимных обязательств между заказчиками и поставщиками при соответствующем участии государства. Можно напомнить тот факт, что в США и ЕС сельское хозяйство, во-первых, получает большие субсидии и, во-вторых, находится под протекционистской защитой властей.

Экономические знания не являются чьей-то монопольной собственностью или секретом. Вместе с тем закономерности требуют глубокого осознания их. Тогда следование им позволит российской экономике достигнуть устойчивых высоких темпов роста и научно-технического прогресса на здоровой базе и сохранять низкий рост цен.

Стихийная политика населения

В общественной жизни есть интересный феномен, который ещё не только не изучен, но даже не вполне замечен. Это — стихийная политика населения. Нам привычно рассуждать о политике правительства, о действиях власти на разных уровнях, причём население всегда рассматривается как объект. Между тем люди в своей совокупности выступают как активные субъекты в экономике и обществе. Они выдвигают свои требования, нацелены на их реализацию, и если их устремления, «чаяния народа» не учитываются официальной политикой, если сталкиваются с ней, то последняя не может рассчитывать на успех. Ни экономического роста, ни процветания общества не будет. Возникает конфронтация, вплоть до гражданской войны.

Напротив, коль скоро шестерни правительства и народа цепляются друг за друга, совпадают, то в движение приводится весь сложный народно-хозяйственный механизм с хорошими, порой потрясающими результатами. Страна богата и сильна своими товарами, а поскольку правительство ничего такого не производит, то от него требуется, казалось бы, самое простое — улавливать пожелания людей и, по возможности, создавать условия для их воплощения. Но именно это самое простое — большая редкость в мировой истории. Правительства предпочитают другое — властвовать над народом, воевать с ним, запрещать, разгонять демонстрации, плодить бюрократию и т.д.

В экономике существуют два вида прогресса. Первый вид — это рыночный путь при непременном государственном регулировании. Альтернатива в образе мобилизационного способа не оправдала себя. Вопрос этот ясен, и не будем на нём останавливаться. Второй вид прогресса — более сложный и состоит в преодолении сбоев самого рыночного развития. Неожиданно для остального мира та или иная страна, иногда без поголовной грамотности и без несметных природных кладовых, вдруг выходит на спираль длительного роста, не показывая признаков перегрева, т.е. критической разбалансированности показателей. В чём причина этого — головоломка для яйцеголовых. Обычно всё сводится к неравномерности экономического развития, но это — не удовлетворительное объяснение, ибо остаётся скрытым первоисточник неравномерности.

Двигатель экономики, как бы это расхоже ни звучало, — человек в неразрывной связи двух его сторон, как потребителя и производителя. Мудрость официальной политики состоит (должна состоять) в том, чтобы, с одной стороны, фиксировать и уважать его потреби-

тельские потребности, а с другой — удовлетворять их путём поощрения соответствующих производств. Тогда возвышение экономики и страны гарантировано. Честь и хвала такому руководству. Есть и другой вариант счастливой ситуации: подъём формируется не по воле властей, а благодаря случайному сочетанию факторов. Конкретные обстоятельства в обоих сценариях могут быть разные — итог один, с обочины государство попадает в лидеры мировой динамики.

В теоретической литературе прошлого фигурирует понятие «экономический человек». Имеется в виду изменение позиции усреднённого члена общества в зависимости от конкретных условий. Например, при бесплатности товаров и услуг поведение людей будет иным, чем при их покупках, даже если речь идёт об одинаковых итоговых суммах. С этим фактором мы столкнулись при монетизации льгот на лекарства, крайне неудачно проведённой властями и впоследствии заменённой добровольным выбором льготниками платного или бесплатного варианта. Стихийная политика населения шире действий «экономического человека» и охватывает все аспекты жизни общества.

Экономика основана на простых реалиях, на здравом смысле. Возьмём Китай. Его непрерывный почти 30-летний подъём с ежегодными двухзначными показателями роста опровергает каноны экономической теории и не укладывается в схему чередования тучных и скудных лет. Никто не знает, что будет дальше, но и того, что там произошло в этот период, достаточно для осознания несовершенства традиционного подхода, без анализа взаимодействия правительства и народа.

А как разложить по полочкам соседний эксклюзив — стремительный выход на авансцену малых «азиатских тигров»? Просвещённые атлантические страны, исповедующие теорию до Адама Смита и после него и меняющие свои мейнстримы, выглядят на фоне этого взлёта как перегруженный проблемами арьергард. И дело совсем не в разнице уровней развития, мол, «китайский дракон» и «тигры» стартовали с низкой точки, отсюда и сверхтемпы. Типичное заблуждение, которое, взятое в обобщённом плане, привело бы нас к тому неверному выводу, что бедные страны должны по индексам обгонять богатые или что богатые страны не могут показать высоких скоростей. Это совсем не факт. Богатые страны обладают великолепными возможностями ускорения. Почему эти возможности не претворяются в жизнь — пункт, имеющий прямое отношение к рассматриваемой теме.

Обратимся к собственной стране. Вынуждены признать, что интересы народа и политика властей вряд ли когда-нибудь находились у нас в гармонии. Расхождение между ними типично и для настояще-

го времени. Верхи держали низы в ежовых рукавицах, а низы в этих условиях искали пути, чтобы жить и чтобы попросту выжить.

Воровство. Его считают типичной чертой русского национального характера. На самом деле мы имеем здесь самое наглядное проявление стихийной политики со стороны населения. Испокон веков властители земли русской, мягко говоря, не стеснялись в обращении со своими подданными. Кров и пища для простых смертных не относились к числу их заветных дум. Крепостное право, советская бедность, нищета в новой России — это ли не худшие приметы действительности. Воровство выступает здесь как необходимая оборона, как ответная реакция на экономическое угнетение. Власти, вместо того чтобы обеспокоиться положением дел, созданным по их почину, и, выражаясь политэкономическим языком, увеличить долю потребления в валовом продукте, т.е. пойти навстречу гражданам, борются с воровством, не отдавая отчёта в том, что это вторичное явление. Вспомним сталинский закон о колосках, не щадивший никого, даже детей. Людям нужен хлеб, чтобы не умереть, а их за это бросают в тюрьму. Сегодня тот, кто с целью утолить голод украл булку и пакет молока, обречён на судебное преследование. Мы совсем не оправдываем воровство, а хотим лишь снова и снова подчеркнуть, что его не победить как социальное явление, держа людей на прожиточном минимуме и ниже его. Уголовный кодекс нацелен на индивидуальные отклонения, и они всегда будут, но он не может служить машиной для подавления общества. «Всех не пересажаешь».

Выход только один — разумная линия правительства, которая не перечёркивала бы жизненные потребности homo sapiens. Но в этом вся загвоздка.

Показательно сравнить реакцию наших властей на возникновение чрезвычайных ситуаций в собственной стране и за рубежом. К сожалению, в нашем распоряжении нет статистики материальных затрат на эти цели (она за семью печатями), однако и без неё очевидно, как отзывчиво и щедро Россия помогает соседним и дальним странам. Самолёты МЧС только и ждут, чтобы вылететь куда-нибудь с этой миссией, о чём СМИ сообщат городу и миру. Не то с собственными гражданами, пострадавшими от природных катастроф. Реки могут затопить целые посёлки, уничтожить мосты, кров, имущество, скот, но общественность даже не узнает об этом.

Вот другой пример на злобу дня. Сейчас обозначился в мире быстрый рост цен на продовольствие, что стимулирует инфляцию на отечественном рынке. Не в силах удержать её в заданных рамках, правительство, не смущаясь, возлагает вину на зарубежье. Формально так

и есть, товары поступают оттуда. Но истинная причина удорожания продуктов питания иная — вконец запущенное собственное сельское хозяйство, вследствие чего продовольственный рынок в большей части отдан иностранным импортёрам, которые устанавливают свои «объективные» цены. Их не волнует усилившаяся незащищённость чужого населения. Сарказм в том, что всё это происходит в то время, когда развитие сельского хозяйства объявлено в России национальным приоритетом.

Бюрократия вкупе с коррупцией. Практика взяток ежечасно возникает и поддерживается в силу того, что люди не могут рассчитывать на поддержку органов власти при продвижении своих вопросов, на надлежащее исполнение этими органами обязанностей перед гражданами. Любое обращение за получением справки или в связи с оформлением или переоформлением бумаг на право собственности на шесть соток сопряжено для посетителей с дискомфортом и потерей времени. О предпринимателях и говорить нечего. Государство, призванное помогать своим подопечным, само служит для них помехой для нормальной жизни. Именно оно несёт ответственность за то, что поставить гербовую печать стоит незаконных денег, что коммерциализация госфункций превратилась в обыденность. Или взять здравоохранение — ещё один национальный приоритет. Несмотря на официальные обещания и циркуляры, медицинское обслуживание на местах не соответствует статусу уважающей себя державы. Рядовые люди поставлены в положение, когда без «левых» трат они не могут получить врачебной помощи. А ещё есть ГИБДД, ЖКХ, нехватка ясель и детсадов... Из таких примеров состоит вся наша жизнь.

Население нельзя обхитрить. Обладая инстинктом самосохранения, оно найдёт путь из любого лабиринта. Однако происходит это не без ущерба как для него самого, так и для государства в целом. Страна теряет темпы, уровень, престиж, демографию. Правительство и народ находятся в конфронтации, где проигрыш любой стороны нежелателен.

Беда России не в народе, который иногда злонамеренно или бездумно называют вороватым, пьющим и с ленцой. Напротив, это народу не повезло с правящими верхам. Они в лице государства видят для себя манну небесную, а народу оставляют куски поменьше, если вообще оставляют. Их эгоцентризм, передаваемый по наследству от одного режима к другому, является социальным содержанием государственной политики, некоей константой. Демократизация жизни в новой России кое-что изменила в этом отношении, однако реальная нацеленность на нужды простого населения оставляет желать лучшего. Неконструктивность курса сказывается в том, что население нега-

тивно воспринимает многие шаги правительства и выступает в пику им. Здесь обнаруживает себя расточительность режима, который вместо того, чтобы направить общественную энергию на решение актуальных задач, вступает с ней в противоборство. Законы, даже самые хорошие, не будут работать в России до тех пор, пока элита живёт не по ним, а по своим понятиям и произвольным правилам.

Возвращаясь к вопросу о втором виде прогресса, который стране совершенно необходим, следует обратить внимание на то, что ориентация на нужды населения, на потребительский комплекс, созвучие с ними создала бы большой запас прочности в экономике. Он обеспечил бы безопасность в любых ситуациях, как при совершении ошибок во внутренней политике, так и при неблагоприятной мировой конъюнктуре. Народу не в чем исправляться, он всегда прав, а вот правительству стоит многое пересмотреть в отправлении своих обязанностей.

«Стерилизация населения»

Бывший руководитель Минздравсоцразвития Михаил Зурабов для многих в нашем обществе служил персоной нон грата. Мы также не в восторге от его деяний. Так что цитировать его в положительном плане — проигрышное дело. Но случилось, что этот деятель озвучивал здравые размышления: «Я иногда задаю вопрос депутатам: сколько вы хотите, чтобы средний россиянин жил? Если 59–60 лет, то вы финансируйте здравоохранение на том уровне, как сейчас. Если вы хотите, чтобы он жил 65 лет, то... каждый дополнительный год — это приблизительно 100 млрд расходов дополнительно».

Депутаты по уровню симпатии к себе в обществе недалеко ушли от Зурабова. При утверждении бюджета они без возражений выполняли спущенную выше установку на стерилизацию «лишних» денег, а по существу, на стерилизацию населения. Одна из двух частей, на которые разделили Стабилизационный фонд, словно в насмешку названа Фондом национального благосостояния. Центробанк сидел на мешках с деньгами, но в отличие от Ивана Калиты не раздавал их бедствующим людям. Для них прожиточный минимум оставался и остаётся недостижимой мечтой. Кризис 2008–2009 гг. показал несостоятельность либеральной модели, как и то, что от него нельзя откупиться накопленными деньгами. Они уходят, подобно отливу, обнажая неэффективность экономики и политики.

Можно полагать, что президентство Путина предстанет в летописи страны как успешная страница — экономический подъём, консо-

лидация власти, ослабление суверенитета регионов, ограничение «семибанкирщины». После Хрущёва он второй национальный лидер, который передал преемнику страну в лучшем состоянии, чем получил её от предшественника. Однако в главном он не преуспел. За время его правления население страны уменьшилось на несколько миллионов человек, и пресловутый «русский крест» (преобладание смертности над рождаемостью) он вручил по наследству своему сменщику. Восьми лет ему не хватило, чтобы перейти от правильных слов к решительным мерам по исправлению ситуации, которая с каждым годом становилась хуже.

Венцом прогнозов часто является рост реальных доходов населения. Этим исчерпывается гуманитарная сторона исследований. Между тем здесь есть свои подводные камни. Во-первых, как показывает западный опыт, повышение жизненного уровня сплошь и рядом ведёт к отрицательному демографическому результату, т.е. к падению рождаемости. Соответственно, низкие показатели естественной динамики населения в России приводят некоторых наших экспертов чуть ли не в восторг, поскольку, мол, страна встроилась в общую цивилизационную тенденцию. Во-вторых, нельзя игнорировать исключения из этой картины, характерные для некоторых высокоразвитых стран. Особенность же России состоит в том, что низкая рождаемость у нас проистекает не из богатства, личного и общественного, а из бедности. У семей элементарно нет денег, а у общества — социальной инфраструктуры, чтобы обеспечить хотя бы простое демографическое воспроизводство. Поэтому прежде чем встроиться в упомянутую тенденцию, страна должна из неё «выйти» (берём слово в кавычки, ибо речь идёт о разнородных явлениях). Перед тем, как упасть, показатель рождаемости должен подняться. Отсюда следует, что рост реальных доходов на нынешнем этапе должен стимулировать демографический эффект, и лишь затем его воздействие ослабнет. Как скоро это произойдёт, неизвестно.

В устоявшихся, благополучных государствах, где тоже население уменьшается, но не возникает при этом роковой угрозы из-за отсутствия потенциальных территориальных притязаний, демографическая политика проводится на высоком социальном уровне. Она, если можно так выразиться, представляет сверхльготы на фоне льготного социального режима. У нас же, где демографическая шагреневая кожа уменьшается на глазах, нет ни продуманной социальной, ни продуманной демографической политики. А в наших самобытных условиях (европейская рождаемость и африканская смертность) между ними нужно ставить знак равенства. Кроме упомянутого материнского капитала существуют ещё некоторые выплаты женщинам, но они явно недостаточны.

Нужны иммигранты

Чудес не бывает. Даже если будут созданы идеальные условия в духе «плодитесь и размножайтесь», демографической революции не произойдёт, хотя снижение темпов вымирания — уже само по себе благо. Без открытия шлюзов для миграции из-за рубежа не обойтись. По поводу того, что происходит в этой сфере, можно лишь развести руками. Самый благоприятный момент пополнения народонаселения уже упущен. После развала Советского Союза за границей осталось 25 млн русских людей. Многие из них не смогли переехать в новую Россию из-за не зависящих от них причин — Родина была не готова принять вынужденных эмигрантов. От них отмахнулись. Этот контингент тает на глазах. Никто не скажет в точности, сколько таких людей осталось.

Безразличие проявляется не только в отношении пребывающих за границей. Его в полной мере ощущают и те, кто давно вернулся в Россию, взрослые и дети постоянно проживают здесь, а их, по оценкам, около миллиона. Исконно российские (и русские в том числе) семьи оказываются разделёнными на граждан России и иностранцев со всеми следующими отсюда бедами и издевательствами со стороны чиновников. Это не преувеличение. Чтобы убедиться в том, достаточно соприкоснуться с этой сферой. Призывы о помощи исходят и из пилотных регионов по добровольному переселению.

»Раньше мы страдали от преступлений, сегодня — от законов», — писал Тацит. Ещё хуже страдать одновременно от того и другого. А следовало и следует делать иначе: граждане, родившиеся в СССР и желающие перейти под верховенство России, должны получать гражданство автоматически. Они ни в чём не виноваты. Незадолго до коллапса нерушимого Союза они проголосовали за его незыблемость. Интересно, как Федеральная миграционная служба, которая своих клиентов рассматривает как подозреваемых, поступила бы со знаменитым художником И.Е. Репиным, родившимся в Чугуеве и вмиг отрезанным от России в своей финской усадьбе в Куоккале.

Нынешние губернаторы, одобряя на словах Указ президента (а кто осмелится возразить?), сетуют на нехватку жилья и на очереди на его получение. Кое-где последние вообще распущены, чтобы не мозолили глаза. Какое мы имеем моральное право, продолжают местные руководители, предоставлять квартиры вновь прибывшим, тогда как свои работники ждут их по многу лет. Довод веский. Но дефицит квадратных метров, сохраняющиеся коммуналки и семейные общежития как раз являются следствием пренебрежения к первичным потребно-

стям рядового человека, россиянина, неправильной расстановки ударений в политике, о чём говорилось выше. Чем лучше будут жить «свои работники», тем благоприятнее возможности для расселения приезжих и их вклада в экономический рост. Словно экономический сарказм воспринимается тот факт, что в текущий период реализации приоритетной программы по жилью цены на него достигли небывалых высот, вследствие чего семьи имеют ещё меньше шансов на бытовое обустройство. Скромный на этом фоне рост реальных доходов здесь не особенно-то и поможет.

Кто будет выполнять простые работы?

В последние годы получила распространение идея, что разрешение на въезд следует выдавать прежде всего квалифицированным специалистам, оставляя за бортом необученную рабочую силу. Звучит вроде бы убедительно. Однако столь односторонний подход чреват нежелательными последствиями. Как бы быстро ни шагал научно-технический прогресс, в экономике сохраняются обширные сферы несложного, малоквалифицированного труда — строительство, дорожное дело, жилищно-коммунальное хозяйство, рыболовство и т.д. Эти работы кто-то должен выполнять, чтобы экономика не замерла. Если в миграционной политике сделать ставку на дипломы, тогда нашим согражданам не останется другого выбора, как самим занять эти малопrestiжные или низкооплачиваемые должности. По сравнению с дипломированными мигрантами они оказались бы на вторых ролях в собственном государстве. Нам это надо? Всякий перегиб пагубен.

По данным ФМС, ежегодно приезжают в Россию на отхожие промыслы многомиллионные массы людей, половина из них трудится нелегально. При анализе цифр упор делается на величину денежных сумм, переводимых мигрантами домой. Суммы действительно большие: для Таджикистана — это два национальных бюджета, для Грузии — 20% её ВВП. Но в выигрыше находится и Россия, несмотря на эту утечку денег и неуплату налогов. Создаваемые мигрантами материальные ценности и их работа в сфере услуг вносят существенную лепту в российскую экономику. Так называемые финансовые потери с избытком перекрываются приростом реальной экономики.

Вопрос об экономической целесообразности труда мигрантов подробно исследован в западных работах. Статистические выкладки говорят в её пользу: численность долговременных мигрантов по всему земному шару достигает 200 млн человек. Многие западные страны попа-

ли в своеобразную ловушку: обойтись без привлечения гастарбайтеров они уже не могут, но в то же время расширение этой прослойки создаёт и обостряет социальные и межэтнические проблемы. В отличие от ряда стран Евросоюза, где иностранные мигранты представляют собой мину замедленного действия с точки зрения общественной нестабильности, для России желательно увеличение миграционного притока: чем больше, тем лучше (к переселенцам из КНР это не относится в силу имеющегося там колоссального человеческого потенциала).

Ярыми противниками нерусских иммигрантов являются в России правые националисты. Если скинхеды в силу возраста не всегда понимают, что творят, то их формальные и неформальные покровители должны отдавать себе отчёт в том, какой непоправимый ущерб они наносят России. В случае с иностранцами речь идёт о гораздо большем, чем трудовая деятельность. Крайне опасное развитие депопуляции ставит под вопрос способность России сохранить свою географию, своё имя, и, как это ни парадоксально звучит, иммигранты помогут ей выдержать грядущие испытания.

Внимательный читатель может усмотреть противоречие между тезисом о необходимости поддержания доли русских и призывом к широкому допуску иностранных мигрантов в страну. Так и есть. Но это противоречие диалектическое, а не логическое. Это коллизия самой жизни. Заранее нельзя установить какую-то процентную планку, но когда обстоятельства заставят пойти на это, нельзя допустить её падения. Было бы неразумно отдавать на произвол стихии как оба фактора по отдельности, так и их взаимодействие.

Сформулированная М.В. Ломоносовым национальная идея сбережения народа, глубоко гуманистическая во все времена, воспринималась в условиях роста народонаселения как самореализующееся пожелание. Теперь эти слова великого учёного животрепещущи, как никогда прежде. Они обращены прямо к нам. Происходящая демографическая трагедия России является предвестником будущего общенародного горя в виде территориальных потерь, межэтнических столкновений, антирусских коалиций. Это — не паника обеспокоенного воображения авторов, не «глюки», а логическое осмысление происходящего.

Можно ли предотвратить обозначившийся конец отечественного бытия? Честно говоря, не знаем. Дело зашло слишком далеко. На этом фоне вызывает удивление продолжающийся пафос обильно плодимых прогнозов и программ, где скрупулёзно перечисляются экономические показатели, обрисовываются игра цен на нефть и борьба валют, но нет понимания главного — необходимо остановить кровотечение в экономике и обществе, сокращение численности населения.

Не отрицая значение экономики и экономистов в прогнозных расчётах, следует резко поднять роль демографов, с тем чтобы они сказали своё слово, возможно, решающее в складывающейся общественно-политической архитектуре. В демографии существуют свои кривые, свои циклы и закономерности, которые нужно знать и которыми нужно воспользоваться с целью прервать падение по спирали. Рассматриваемая тема слишком важна, чтобы отдавать её во владение экономических экспертов. Объективно междисциплинарный (мультидисциплинарный) характер прогнозов должен находить своё отражение в профессиональном составе разработчиков.

Другие сверхзадачи

Смысл предлагаемой методологии прогнозирования состоит в заблаговременном распознавании и преодолении потенциальных катастроф до того, как они стали неотвратимыми. Такой подход является азбукой в медицине, но не нашёл пока должного применения в моделировании общественного будущего. Между тем приведённый перечень опасностей не исчерпывает всей сложности предлагаемого мегапроекта.

Так, внешняя безопасность требует к себе первостепенного внимания, она тесно увязывается с демографическим трендом и экономическими возможностями. Для поддержания обороноспособности необходим априорный вычет из валового продукта соответствующей доли, причём двигательной силой для ВПК и ВВП служат народонаселение и второе подразделение (в том числе группа «Б»), если пользоваться терминологией недавнего прошлого. Обеспечить динамическое взаимовлияние этих разнородных процессов — непростая задача.

Не решён национальный вопрос в России. Это ещё одна чёрная дыра в нашей судьбе. В неё может кануть российская держава, к чему экономика не имеет никакого отношения. Вместо того чтобы пойти по пути развития национально-культурных автономий как единственно верного способа избежать угрозы дробления страны, новая Россия переняла и усугубила кардинальный порок советской системы, а именно — возвела в абсолют этнический принцип государственного устройства.

По воспоминаниям А. Вольского, работавшего помощником Ю. Андропова, у генсека «была идея-фикс — ликвидировать построение СССР по национальному признаку». По поручению Андропова он вместе с Е. Велиховым нарисовал три варианта организации в Советском Союзе штатов. «Сорок один штат получился, и тут Юрий

Владимирович слёг. Не случись этого, успей он одобрить “проект”, с полной уверенностью скажу: секретари ЦК, ставшие впоследствии главами независимых государств, бурно аплодировали бы мудрому решению партии. И страна не вляпалась бы в то, во что спустя несколько лет по уши вляпалась».

Ныне, как и в СССР, существует почва для сепаратизма, который в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств имеет своим апогеем, как показывает наша собственная новейшая история, вооружённую борьбу за государственное самоопределение за пределами Российской Федерации.

Такие меры, как разделение страны на федеральные округа и фактическое назначение глав субъектов Федерации, имели положительный эффект, они частично приостановили центробежные устремления. Однако в целом эти устремления никуда не исчезли, существуют подспудно, в невидимом русле и ждут своего часа. Политическая инфраструктура национальных республик, будучи созданной по подобию самостоятельных государств, укрепляется, и представителям титульных наций оказывается предпочтение во многих отношениях. В этих условиях ощущается первостепенная необходимость либо перехода к унитарному государственному строительству, что имеет место в подавляющем большинстве стран мира, либо замены этнической основы Федерации на административную посредством увеличения числа федеральных округов.

Такое перекраивание внутривнутриполитической карты не означает ущемления демократии, оба явления находятся в разных плоскостях. Если кому-то не достаточно соответствующих аргументов российских специалистов, то сошлёмся на мнение американского эксперта по вопросам федерализма профессора Эдварда Гибсона. Он считает совершенно несостоятельным даже с точки зрения теории утверждение о связи федерализма и демократии. «Федерализм, — считает он, — это всего лишь принцип организации территории государства. Это система, которая определяет отношения территориальных единиц с Центром и между собой. Демократия же — это система, которая занимается взаимоотношениями индивидуума и государства. Как индивидуум защищён, как он выбирает политических лидеров и как эти лидеры и правительство ведут себя. Люди часто смешивают эти два понятия». Далее он подкрепляет свою позицию конкретными примерами по странам, в том числе и по США. Заметим, что его интервью журналу «Эксперт» (2005, № 41) имеет заголовок «Федерализм — враг демократии».

Итак, ориентация на первоочередное развитие потребительского сектора создаёт большой запас прочности для народного хозяйства

и снятия отрицательного демографического императива. При таком подходе совокупный российский потенциал позволит обеспечить в стране надёжный экономический рост на собственной основе. Правительство может проводить любую экономическую политику, в том числе необоснованную в ряде аспектов (упомянем, например, недоинвестирование в условиях денежного изобилия), может совершать другие ошибки, но если при этом оно будет стимулировать потребительский комплекс с целью доведения его до удовлетворительного уровня, то можно надеяться на экономическую и демографическую стабилизацию.

Отечественной прогностике позволительно, конечно, и дальше пробавляться привычным занятием — предлагать и корректировать традиционные схемы предполагаемого развития. В своё оправдание она имеет право сослаться на мировую прогностическую науку — как все, так и мы. Но здесь высвечивается как раз тот случай, когда от неё требуется индивидуальность. Что ещё, как ни осознание охватившего нас демографического пожара, должно стать альфой и омегой при оценке будущего и требовать уже сейчас кардинальных мер по сохранению народа и территории — двух главных богатств страны.

Трудно сказать, насколько приемлемым и действенным окажется предлагаемый нами пересмотр ориентиров при движении в неизвестность, но без него уж точно ничего хорошего Россию не ждёт.

Международный аспект. Евросоюз и Россия

Предложенная методология применима в известных пределах и для прогнозирования международной жизни. Интересным объектом для исследования являются непростые отношения Европейского союза и России.

Среди экспертов преобладает мнение, что причиной непрекращающихся коллизий по разным поводам между обоими партнёрами служит отсутствие общей стратегии сотрудничества. Считается, что как только будет найдено общее русло, положение нормализуется на долгую перспективу. С такими рассуждениями в принципе можно согласиться как с общетеоретической истиной. В конкретном же плане возникает вопрос: почему до сих пор такая стратегия не выработана, ведь над ней бьются многочисленные европейские и настроенные проевропейски российские деятели? На службу поставлена и наука. Этому факту можно дать объяснение, которое, конечно, потребует до-

казательств. Его суть: поиски общей судьбы ЕС и России — напрасное занятие. Её нельзя придумать, потому что для неё нет достаточно реальной опоры. Здесь нужно сделать оговорку. Стратегия как целенаправленное действие присутствует в любом деле — она есть и у пахаря, идущего за плугом, и у правительств, подписывающих межгосударственный договор.

В нашем случае речь идёт о такой единой линии, в которой сходились бы жизни обоих партнёров, совпадали бы их решающие интересы, ценности, приоритеты и цели. А вот такой сцепки как раз и нет, чего-то обязательно не хватает. Дело в том, что Евросоюзу и России грозят разные опасности, и с течением времени они будут набирать силу. Это побуждает каждого партнёра часто действовать без оглядки друг на друга и делает невозможным создание прочной совместной платформы сейчас и в перспективе.

Для ЕС кардинальным противоречием выступает, с одной стороны, стремление членов сообщества сохранить свою государственную и национальную идентичность и, с другой — необходимость отказа от многих элементов государственного суверенитета, возможность потери этнического самосознания. Переход властных функций от национальных к наднациональным органам, означая прогресс интеграции как таковой, в то же время снижает динамику её участников, увеличивает бюрократию и неуправляемость процессов. Фигурально выражаясь, ледокол интеграции залезает в непроходимые льды. Управление собственными проблемами, которых как минимум не становится меньше, — главная забота ЕС на десятилетия вперёд. Чем больше стран поглощает интеграция, тем сложнее даётся согласование позиций её членов, а отдельно взятый участник всё менее может назвать себя классическим государством.

Не останавливаясь здесь на вопросе выживаемости ЕС, а сомнения в его прочности бытуют, обратим внимание на его ярко выраженный эгоцентризм. Отгородившись в эпоху глобализации от остального мира, ЕС практикует регионализм в чистом виде, навязывая партнёрам свои условия общения. Понятно, что старания сообщества обеспечить внутреннюю консолидацию и заполучить преимущества на международной арене (нередко с помощью круговой поруки и масированного нажима), на чём порой строится интеграционное искусство альянса, не могут получить всестороннюю поддержку российской политики. Не будет же наша страна, как и любая другая, действовать в ущерб себе.

Следовательно, выбрав интеграцию как магистраль движения, Евросоюз разделил страны на своих и чужих. К последним относится

и Россия. Это его выбор, и что бы ни делала Россия, этот статус ей не изменить. Её уступки Западу на манер недавних 90-х годов, когда ему был отдан приоритет общения, никаких ответных льгот не принесут. Напротив, страна, как и тогда, лишь потеряет лицо.

Децентрализации, происходящей в каждой отдельно взятой стране Евросоюза, противостоит нечто отличное в России, а именно выстраивание вертикали власти, которая присуща (должна быть присуща) нашему государству с его огромными пространствами и неравномерностью их освоения, независимо от конкретного правящего режима. Ясно, что при таких обстоятельствах бесшовного смыкания обоих субъектов, ЕС и России, не получится и получиться не может.

Другая нарастающая угроза для европейского альянса наряду с отмеченным интеграционным дерегулированием выражается в иммиграционном факторе. Отказаться от притока мигрантов из стран, не входящих ЕС, он не может. Решающую роль играют здесь экономические мотивы. При сокращении численности населения Евросоюз вынужден полагаться на иностранные рабочие руки. Тем самым поддерживаются объёмы производства. Но за своё благополучие эта европейская половина «золотого миллиарда» платит высокую цену: падает доля титульных наций с непоправимо плохими последствиями для них самих. Коренной этнос перестаёт быть хозяином в своём доме. Беда подкрадывается постепенно и незаметно, а когда обнаружатся её реальные масштабы, будет уже поздно. Предвестниками будущих потрясений на межнациональной и межрелигиозной почве являются локальные беспорядки во Франции, взаимное недовольство «разных народов» в Нидерландах.

А причём тут мигранты, если речь идёт об отношениях ЕС и России, возможно, спросит читатель, склонный заподозрить авторов в нагнетании обстановки. А при том, что чем дальше, тем больше 27-страновая Европа будет заниматься усмирением нетитульного элемента, прибегая ко всему спектру мер. Боязнь быть взорванным изнутри заставит ЕС в большей степени, чем сейчас, вариться в собственном котле противоречий, усилит его интровертность.

Два названные вектора движения объединённой Европы (ослабление государственности в странах-членах и негативное влияние миграционного фактора) проходят мимо России, оставляя ей место наблюдателя, а не участника развивающихся там антагонизмов. Это — констатация факта, не требующая оценки.

Риски и шансы для России

У России, в свою очередь, имеются основания для озабоченности по поводу собственного развития. Здесь следует назвать, прежде всего, не поддающуюся никаким средствам воздействия депопуляцию, о которой уже шла речь выше. Хотя налицо определённая аналогия с большинством стран ЕС, этот процесс таит для нашей страны потенциальную опасность территориального передела. Если в ЕС демографическая проблема ведёт в конечном счёте к разрыву изнутри, то для России опасность может нагрянуть извне.

Коллапс Советского Союза побуждает ещё к одному заключению — неправильное решение национального вопроса обязательно проявит себя в разрушительной форме. Для России, как и для СССР, такое неправильное решение — в этнической основе построения государства. В ЕС тоже есть подобные примеры, но они единичны. Кроме того, там распад государства на национальные составляющие смягчается тем, что новообразованные субъекты либо остаются в общей внешней среде, т.е. в ЕС, либо могут быть туда приняты. Такой развод нельзя назвать полным. В Советском Союзе всё произошло иначе, что должно послужить для нас актуальным уроком. Государственная многоэтничность России неизбежно содержит в себе заряд сепаратизма, и от Запада вряд ли стоит ожидать чего-то другого, чем поощрения центробежных устремлений. Когда речь идёт о России, то Запад, и ЕС в том числе, отдаёт предпочтение принципу самоопределения наций перед правом государства на территориальную целостность.

Итак, у ЕС и России существуют свои, не совпадающие страхи за будущее, свои кошмары, и сомнительно, чтобы партнёры в главных, внутрисистемных вопросах могли подставить плечо друг другу. ЕС и Россия живут на разных берегах, а они, как известно, не сходятся. Это — лейтмотив наших рассуждений.

Но ведь нельзя отрицать огромную взаимозависимость и взаимозаинтересованность ЕС и России в других сферах — нефть, газ, наукоёмкие товары, экология, климат, военная безопасность, культура, туризм. Христианство, наконец. Это не только нельзя отрицать, но надо всячески пропагандировать, культивировать и лелеять, чтобы в какой-то мере компенсировать нестыкуемость в органических вопросах, о чём говорилось до сих пор. Жить-то надо. Вот здесь и должна сказать своё слово политика. Наведение мостов между двумя берегами — её альфа и омега. В силу географических и исторических обстоятельств Европа является для России важным контрагентом, и в определённые отрезки времени

в каких-то областях общения ей может отдаваться предпочтение. Однако это отнюдь не непреложное правило на все времена. России на роду не написано оказывать вечное предпочтение одному континенту, это — не обязательная программа, выполнив которую можно позволить себе оглядеться вокруг. В силу своих геополитических особенностей наша страна должна иметь свободу действий во всех направлениях. Восточные просторы делают её глобальной, самодостаточной державой, тогда как привязка к любым параллелям и меридианам снижает её ранг до регионального игрока. Игнорирование этой очевидности и дальше было бы непозволительным промахом государственного уровня.

Напротив, приведение в соответствие внешней политики и периметра национальных границ способствовало бы оздоровлению наших отношений с Европой и внедрению в мировоззрение тамошней элиты реалистических представлений. Под оздоровлением понимается отказ от миссионерской и судейской роли «цивилизованных» стран в отношении «медведя», причём последнему вчиняется иск за всю его многосложную историю, тогда как «белая и пушистая» Европа готова отвечать только за успехи интеграции, оставляя за бортом обе мировые войны, исходившие с материка. Бомбардировка Югославии в 1999 г. рассматривается тоже как заслуга европейской демократии. Можно напомнить, что первоначальной идеей отцов-основателей Общего рынка было как раз предотвращение войн в Европе.

Торгово-экономическим сближением это извечно подозрительное отношение к России не переломить. Напротив, такое сближение вызывает тревогу у европейской элиты по поводу так называемой чрезмерной зависимости в области энергоисточников и не содействует гармонизации связей.

Глобальность России

Тут сослужит службу России её многовекторность. Широкое открытие «окон» в другое зарубежье заставит Европу конкурировать за внимание России к себе. То, что ЕС пока ещё не привык к этой мысли, показывает его неодобрительное отношение к начавшемуся строительству российских трубопроводов на Востоке. Европа давно свыклась с тем, что вроде бы имеет преимущественные права на наши сырьевые ресурсы. Провозглашая для себя диверсификацию поставщиков, она в то же время возражает против диверсификации потребителей для России. Сложилась парадоксальная ситуация, когда небольшой объём сотрудничества признаётся обеими сторонами как неиспользование резер-

вов, а увеличение этого объёма трактуется как опасная экспансия новой России. Когда мало — плохо, а когда много — ещё хуже.

Конечно, было бы упрощением проблемы рассматривать Евросоюз как сплочённую колонну со строгой дисциплиной и самодисциплиной. Этого нет. Там возникают новые и не прекращаются стародавние дискуссии по разным темам, в том числе и об отношениях с Россией. Кто-то испытывает почти суеверный страх перед ней и не надеется на её «исправление», другие призывают не толкать её в объятия Китая, а третьи проповедуют новую фазу восточной политики — сближение путём переплетения (модификация прежнего лозунга — изменение через торговлю). Тем не менее в общем и целом участники Евросоюза держатся друг друга при выработке позиций относительно России.

В перспективе можно ожидать обострения ещё одной грани контактов с Европой. Переход к инновационной экономике, к чему стремится Россия, выведет её в случае успеха на поле соперничества в традиционных для Европы сферах — машиностроении, информационных технологиях, прикладной науке и др. Потеряет свою актуальность тезис о взаимодополняемости российского народного хозяйства и экономик стран Евросоюза, которая, к сожалению, сводится к закреплению за Россией сырьевой направленности. Тезис, озвучиваемый по непонятной причине в позитивной трактовке некоторыми нашими экспертами. Если сейчас Россию обвиняют в энергетическом засилье и шантаже, то в дальнейшем ей придётся считаться с контрмерами по ограничению доступа на рынки наукоёмких товаров.

Не становиться на узкую для нашей страны евроцентристскую платформу помогает пример некоторых членов Евросоюза. Так, Великобритания не скрывает своих исторически приоритетных уз с США, а Польша («новая Европа») руководствуется примерно теми же соображениями. Признаем: для того чтобы быть внутри Европы и одновременно не отождествлять себя полностью с ней, нужна определённая политическая смелость, которой не хватает некоторым нашим деятелям.

Развивая обычные экономические отношения с Европой, без обещаний всегдашней первоочёрдности, нужно считаться со столь же обычными неровностями на этом пути. В западном благородном семействе дело доходит до торговых войн, а мелких взаимных претензий и уколов там не перечесать. Международные организации, ВТО или МВФ, тем и занимаются, что сглаживают расхождения между своими участниками. Поэтому разногласия с Евросоюзом — не повод для беспокойства, а тем более для отступления. Антироссийская риторика сочетается в Европе с нежеланием частично потерять Россию как партнёра, с боязнью появления у неё известной степени безразличия к ев-

ропейскому азимуту. А предпосылки для такого уточнения российской позиции создаёт сама Европа, будь это политическая некорректность в виде надзирающего мониторинга за Россией или экономическая тихходность Европы по сравнению с другими регионами мира, большими и малыми «тиграми». Глобальность России даёт ей неоценимые преимущества в мировом хозяйстве, которые при их реализации будут способствовать ускорению экономического прогресса страны.

Глава 36. Цивилизация как объект исследования и российская идентичность

Многообразие дискурса

Цивилизационная идентичность человека — на первый взгляд высокая и абстрактная материя — имеет прямое отношение к его мировоззрению, системе ценностей, нормам жизни, отношению к представителям других наций. До конца 90-х годов проблематика цивилизаций интересовала в основном специалистов-цивилюграфов и историков, но не была объектом дискурса по злободневным вопросам современности. В биполярную эпоху говорили о «первом», «втором» и «третьем» мирах, но мало кто называл их цивилизациями. О них вспоминали в периоды военных катаклизмов, например, в годы мировых войн (в образах «спасения мировой цивилизации от уничтожения»), или в целях политического популизма. В эпоху биполярного, а затем однополярного мира в ходу были образы, подразумевающие консолидированность и монолитность, не предполагавшие полихромной картины мира.

Мир должен был стать полицентричным, чтобы концепцию цивилизационного развития вернули в современную политику и общественные науки.

Интерес к этой проблематике усиливался по мере признания значимости (если не равноценности) различных культур, систем ценностей, историй, по мере утверждения и в дискурсе, и на практике концепции полицентричного мира.

Цивилизации ныне широко признаны историческими реальностями (а не только мёртвыми артефактами), активно разрабатываются их типологии, классификации. Определений цивилизаций масса, многие

из них не отличается оригинальностью, в той или иной мере следуя в русле наиболее известных цивилизационных концепций, заложенных Г. Боклем, Ф. Гизо, В.Я. Данилевским, Л.Н. Гумилёвым, О. Шпенглером, А. Тойнби, Ф. Бродезем и др.

До сих пор, несмотря на активные глобальные процессы обмирщения (по крайней мере, за границами мусульманского мира), крайне популярна точка зрения на цивилизации как на системы религиозных ценностей. Одна из наиболее часто встречающихся классификаций делит мир на христианскую, исламскую, индо-буддийскую и конфуцианско-дальневосточную цивилизации. В каждой из них, как правило, выделяются категории субцивилизаций, например, внутри христианской — православная, католическая, протестантская, внутри конфуцианской — китайская и японская. При всей дискуссионности взгляда на цивилизации как на ареалы распространения той или иной религии здесь, безусловно, ценен методологический подход, при котором, во-первых, цивилизации не измельчают до пределов отдельных государств, но в то же время их границы не расширяют до бесконечности, и, во-вторых, внутренняя структура каждой цивилизации представляется не монолитной, а достаточно дробной.

Надо учитывать и то, что одни исследователи смотрят на цивилизацию как на самую большую «матрёшку» идентичности, включающую более мелкие (например, флорентинец — итальянец — европеец), т.е. для них цивилизация является высшей формой идентичности — макроидентичностью (Хантингтон); другие говорят о локальных цивилизациях как о минимально приемлемом уровне исследования народов и государств (Тойнби, Бродель). Таким образом, перед нами проблема масштаба измерения и метода исследования от общего к частному или от частного к общему (индукция — дедукция); с одной стороны, проблема излишнего укрупнения, когда цивилизация превращается не более чем в идеальный тип (например, «западная цивилизация»), с другой стороны, проблема излишнего редуцирования (например, «испанская», «французская» цивилизации). Академик РАН А.А. Гусейнов так описывает диалектичность общего и частного в цивилизационной модели: «Цивилизация, как и культура (если говорить о последней в значении, которое соразмерно цивилизации), не имеет субъектности, не существует как эмпирический объект. ...Это некий условный, идеально обозначенный результат, который складывается из действий огромного, практически не поддающегося исчислению количества людей...»¹.

¹ Гусейнов А.А. О чём мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // Международная жизнь. 2008. № 3. С. 34.

Разумеется, важен междисциплинарный и многофакторный подход к изучению и классификации цивилизаций. Например, его демонстрирует взгляд на цивилизацию, как на «спрессованный исторический опыт больших территориальных сообществ, воплощённый в образе жизни, культуре быта и общения, менталитете и мироощущении, ценностных предпочтениях и приоритетах»¹. Ясно, что применять многофакторный подход невозможно, если за основу типологизации брать, например, только религию. В то же время религией, как и другими ключевыми факторами, пренебрегать нельзя, ведь именно они позволяют проводить границы между отдельными цивилизациями.

Цивилизация — это генерализация на высоком уровне, однако она должна иметь свои пределы; иначе изучение цивилизаций, особенно живых, потеряет всякий смысл.

В связи с тем, что споры о цивилизациях вышли далеко за рамки академического дискурса, заняли видное место в публицистике, в СМИ, на них всё большее внимание обращают не только учёные, но и политики. Они всё чаще рассуждают о диалоге и партнёрстве цивилизаций, об их взаимодействии или столкновении. Популяризация любой научной проблемы важна, хотя обратная сторона этого процесса — распространение легковесных суждений, использование цивилизационной проблематики в целях политической и иной конъюнктуры. И всё же цивилизационные исследования, международная компаративистика, применяющая цивилизационные подходы, — важные инструменты анализа мировых процессов, тенденций и разработки сценариев глобального развития.

Отрадно, что взвешенное и не ангажированное обращение к цивилизационной тематике прослеживается во внешнеполитических выступлениях представителей российского руководства².

Признанием её значения стало появление в последние десятилетия и активизация работы не только научно-исследовательских центров во многих странах, изучающих цивилизации и взаимоотношения между ними (например, в России — Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Институт Питирима Сорокина и Николая Кондратьева, межинститутский Научный Совет по сравнительному изучению европейской и других цивилизаций, Центр межкультурных исследований Института Европы РАН), но и международных

¹ Шмелёв Н.П. Введение // Россия в многообразии цивилизаций. Гл. 1. Доклады Института Европы РАН. № 192. М., 2007. С. 10.

² См. выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 29 сентября 2007 г.

структур, включая Форум «Диалог цивилизаций», межрегиональную организацию «Альянс цивилизаций» и др.

Своей нынешней популяризацией проблематика цивилизаций обязана, по крайней мере в Северной Америке и Европе, Самуэлю Хантингтону и Фрэнсису Фукуяме. С тех пор, как в 90-е годы вышли их работы, в которых изложены противоположные взгляды на перспективы дальнейшего развития человечества, цивилизационный дискурс значительно продвинулся вперёд. До этого всплеск интереса к данной тематике был связан с именами уже упоминавшихся Николая Данилевского, Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби и Фернана Броделя, как и других историков французской школы «Анналов».

Понятие «цивилизация» возникло в работах французских философов-просветителей, противопоставлявших передовые формы развития человечества варварству. Именно такое понимание истории человечества (единой истории человеческой цивилизации), избавляющегося от дикости и варварства, — было развито в трудах Льюиса Моргана. Оно же закрепилось на бытовом уровне и в разговорной речи, в которой, например, «цивилизованный человек» означает «культурный, воспитанный, образованный», а выражение «присоединиться к числу цивилизованных стран» означает стать развитой страной.

Позже, в развитие идей просветителей, утвердилось несколько взаимосвязанных подходов: экономико-социальный с выделением цивилизаций аграрной, индустриальной (промышленной) и постиндустриальной (информационной), социоэкономический, включая формационный (первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический строй). Схожей методологии придерживаются те, кто делит государства на домодернистские, модернистские и постмодернистские.

Однако наибольший интерес и перспективность представляет та часть политологического дискурса, участники которого понимают под цивилизациями пронизывающие историю крупные формы человеческих общностей, основным связующим раствором каждой из которых являются общая история, ментальность, социокультурные характеристики. История этих общностей развёртывается в русле протяжённых отрезков времени. Для цивилизаций, понимаемых в этом смысле, чрезвычайно важно наличие истории, уходящей корнями в прошлые исторические эпохи. Используя терминологию школы Фернана Броделя, история цивилизаций — это «медленная история», история структур, т.е. устойчивых исторических реальностей, ритм изменения которых измеряется веками. Суть «медленной истории» не ограничивается дипломатической, политической, социально-эконо-

мической историей: они лишь главы в истории цивилизаций. Поэтому отдельные государства, а тем более их группы не могут с лёгкостью перепрыгивать из одной цивилизации в другую, что в принципе возможно, но требует глубинных причин и многих десятилетий, а то и столетий.

Плодотворным представляется также сочетание метода «медленной истории» с подходом к цивилизации как к действительно крупной исторической общности людей, не сводимой, за исключением единичных случаев (Китай, Япония), к национальным границам пусть даже одних из самых крупных по территории государств (например, России, США). Каждая цивилизация внутренне разнообразна и разнородна, конечно, до определённых пределов, ведь если центробежные процессы берут верх над центростремительными, то некогда единое цивилизационное пространство распадается и растаскивается между «гравитационными полями» других цивилизаций. Из тезиса о внутрицивилизационном разнообразии вытекает и то, что к анализу цивилизаций применим принцип неравномерного развития: разные части одной и той же цивилизации с точки зрения «короткой» или даже «средней» истории могут двигаться «на разных скоростях», а порой и в разных направлениях, в результате чего могут приходить в конфликт и столкновение друг с другом (вспомним кровавые религиозные войны в Европе).

Выступая с позиций «медленной истории», цивилизации можно классифицировать как «по вертикали», так и «по горизонтали». В первом случае речь идёт о том, что для различения цивилизаций используется один критерий, постоянная единица измерения, которая и задаёт всю типологию. Например, распространённым является взгляд на цивилизации через призму истории отдельных государств, т.е. критерием выступают государственные границы, на первое место выдвигается форма, а не содержание. Такая интерпретация ведёт свою историю с работ Г. Бокля («История цивилизации в Англии»), Ф. Гизо («История цивилизации во Франции»), Р. Альтамаре («История Испании и испанской цивилизации»), живших в XIX в. «Цивилизация» интерпретируется в основном как история отдельного народа, в данном случае английского, французского, испанского. С этим трудно согласиться. Государственные границы в некоторых случаях, действительно, задают контуры цивилизаций, как в случае с Индией или Китаем. Однако обратная логика не действует — подавляющее большинство государств не представляют собой отдельные цивилизации. Отрицать это — значит сводить цивилизацию к локальной культуре и/или другим особенностям данного народа, и тогда наука о цивилизациях ста-

новится не чем иным, как по-другому названной культурологией, антропологией или этнографией, а, следовательно, теряет самостоятельный гносеологический смысл.

Несомненно, что понятия цивилизации и культуры тесно связаны и переплетены. Любой народ, этнос, нация имеют свою вещественную и духовную культуру, но это не делает их автоматически цивилизациями в нашем понимании, даже если это великие национальные культуры. Классики цивилизационной типологии вели речь не о культуре в традиционном понимании, т.е. не о материальной и творческой «продукции» данной человеческой общности, а о «высших культурах» (Шпенглер) или «культурно-исторических типах» (Данилевский), т.е. о более сложных культурных феноменах, которые не привязаны к определённым территориям и языковым пространствам. Из этих концепций следует, что данные культурные феномены могут совпадать с границами национальных культур, не будучи им тождественны (например, египетской, китайской, индийской, русской/российской), но могут выходить далеко за их пределы (античная, европейская, римская). Кроме отсутствия обязательной привязки к какой-либо этнической или национальной общности, культуры этого типа всегда значимы для развития не только своей страны, но окружающего региона или даже мира в целом. Именно в представлении о цивилизациях как о «высших культурах» коренится взгляд на Россию как на самостоятельную цивилизацию.

Помимо приравнивания цивилизации к культуре (даже к «высшей культуре») в смысловые ловушки попадают и те, кто воспринимает ту или иную классификацию цивилизаций, разработанную в прошлые исторические эпохи, как по-прежнему отвечающую реальностям. Ошибка будет, конечно, не в отношении к «умершим» цивилизациям (вряд ли кто-то оспорит факт существования в глубоком прошлом античной или египетской цивилизации), а в отношении к «живущим», как о них писали исследователи XIX и первой половины XX в.

Помимо культуры в её разных интерпретациях другими наиболее часто встречающимися «вертикалями» цивилизационных исследований выступают такие критерии, как религиозные, расовые/этнические (в значении суперэтносов), геополитические. Вслед за культурой критерий религии, пожалуй, самый распространённый. Религия, безусловно, часть культуры, но не все представители одной культуры исповедуют одну и ту же религию, как не все прихожане одной церкви обязательно должны ощущать себя носителями одной и той же культуры. Таким образом, цивилизация — не синоним религий.

Надо сказать, что за исключением тех, кто приравнивает любое государство к цивилизации, сторонники «вертикальных» подходов редко обосновывают типологию цивилизаций единым критерием. Как правило, они комбинируют критерии, группируют их между собой, но всегда выделяют среди них ведущий. Так, Тойнби применял и географический, и религиозный (точнее, метафизический) признаки цивилизации, но акцент делал на последний. По его стопам пошёл и Самуэль Хантингтон, который, говоря о целом наборе идентификаций внутри каждой ведущей цивилизации, большинство из них выделяет, руководствуясь всё же религиозным принципом, что следует уже из предлагаемых им названий цивилизаций: западная (западное христианство), исламская, конфуцианская, ортодоксальная славянская (здесь добавляется критерий суперэтнуса), индуистская, и лишь в трёх случаях использует географический критерий: японская, латиноамериканская и африканская цивилизации.

В типологии, базирующиеся на суперэтнусах, включаются такие цивилизации, как англосаксонская, античная, греческая, китайская, славянская и др. Здесь на первое место ставится критерий «по крови», а территориям и религиям отводится вспомогательная роль. Наиболее наглядный пример — тезис об «англосаксонской цивилизации», у которой нет своего географического ядра, её части разбросаны по всему миру: Британия, США, Канада и т.д. Славянская и китайская цивилизации выступают как географически более компактные, однако главный носитель их идентичности — не территория, а общность людей, этнически связанных друг с другом.

Типологии, основанные на геополитических критериях, отдают пальму первенства в иерархии цивилизационных признаков не просто территории, а территории, «наполненной смыслом», некой экзистенциальностью, которая диктует их судьбу и задаёт их онтологическое основание. Здесь первостепенную роль играют понятия фронта, хартленда, географических осей, жизненных пространств, метагеографии и др. Мир делится на морские и сухопутные цивилизации, включая атлантическую и евразийскую, лимитрофные междцивилизационные образования.

Своя правда есть в упомянутых типологиях «по вертикали», но в каждой абсолютизируется тот или иной принцип. Действительно, цивилизация неотделима от культуры, но и не сводима ни к культуре духовной и материальной, ни к «высшим культурам». Тем более нельзя ставить знак равенства между цивилизацией и религией как части культуры, особенно применительно к новейшей истории. Цивилизация не может возникнуть вне территории, но территория — это заливочная форма, а не сам раствор.

Классификация «по горизонтали» — синтетическая. Исследователь оперирует не единым критерием (или их неизменной иерархией), а несколькими равноценными «единицами измерения». По определению эта классификация многофакторна. В таком понимании цивилизационная идентичность многослойна в том смысле, что её составляющие жёстко не соподчинены друг другу. Вырабатывая классификацию цивилизаций, исследователь не подходит к ним с одним мериллом, ведь тогда — сколько мерил, столько и классификаций.

Классифицируя цивилизации «по горизонтали», предложим перечень (не исчерпывающий) крупнейших «живущих» цивилизаций: европейская, исламская, африканская, латиноамериканская, китайская, японская, индийская. Границы между ними не очерчены чётко. Существуют значительные зоны смещения и зоны двойной цивилизационной идентичности. Цивилизация, как любой живой организм, не может быть замкнутой системой. Напротив, каждая цивилизация имеет значительную способность как к абсорбции, восприятию влияния со стороны других цивилизационных пространств, так и к собственной эманации, экспансии, в том числе с помощью приспособления и адаптации.

Монолитные цивилизации встречаются редко, почти все они имеют в той или иной степени дробную структуру. Например, применительно к европейской цивилизации приемлемо использовать и термин «европейская мегацивилизация» (которая, в свою очередь, распадается на ряд субцивилизаций). Таким же образом, рассуждая об исламской цивилизации, можно выдвинуть гипотезу о существовании в её границах персидской, магрибской субцивилизаций, субцивилизации региона Персидского залива и др. Некоторые из субцивилизаций со временем могут претендовать на статус самостоятельных цивилизаций. Так, распространено мнение, что, например, в США сложилась североамериканская цивилизация, а в России — российская (другие варианты: православная, русская, славянская).

Классификация цивилизаций «по горизонтали» является методом исследования данности, зафиксированной во времени состояния. Но изучение цивилизации как процесса неизбежно ставит вопрос об иерархии критериев, или, точнее, об изменении весомости того или иного критерия в ходе развития цивилизации. Тем более иерархия критериев неизбежна, если изучать саморефлексию цивилизации, т.е. то, как сами носители той или иной цивилизационной идентичности характеризуют её. Однако и в этом случае принципиальное отличие от классификации «по вертикали» в том, что эта иерархия не застывшая и не заданная раз и навсегда.

Цивилизации могут прожить многие столетия, в ходе которых приоритетность принципов, на которых они зиждутся, меняется. Среди них есть те, что присущи всем цивилизациям, например, пространственный и культурный, тогда как религиозный, этнический или расовый принципы характеризуют только некоторые цивилизации. Но даже те признаки, которые встречаются у разных цивилизаций, по-своему уникальны: у каждой цивилизации своя неповторимая география, своя «высшая культура».

Для одних цивилизаций на определённом этапе развития (который, впрочем, может растянуться почти на всю известную нам историю) важнее религиозный признак, и в их названии отражается его влияние. Однако это не значит, что религиозный признак будет определяющим для них вечно. Например, в настоящее время правильнее говорить о китайской и индийской цивилизациях, а не о конфуцианской, индуистской или буддийской. Более тысячи лет европейская цивилизация по праву была в первую очередь христианской, однако с XVIII—XIX вв. по мере вытеснения церковного светским религиозный признак перестал быть доминирующим. Теперь «европейская цивилизация» — наиболее адекватное название, где «европейская» — не географический или геополитический признак цивилизации (ведь она располагается не только в Европе), а её историческая и социокультурная база. Для других цивилизаций, как, например, для латиноамериканской, в тот или иной период их истории приоритетное значение имеет геополитический признак. Расовый признак можно признать ключевым для африканской цивилизационной идентичности. Для китайской цивилизации с XX в. определяющим признаком стал суперэтнос.

Исламская цивилизация — одна из самых крупных, обсуждаемых и дискутируемых. Однако возрастание интереса к ней с прошлого десятилетия сопровождалось широкомасштабным искажением, а порой и осознанным очернением её сути, истории и современного состояния. Произошло это в результате тотальной политизации цивилизационного дискурса. Голоса учёных потонули в политическом галдёже. После исчезновения биполярного мира часть мирового политического истеблишмента не смогла или не захотела найти иной метод консолидации своей электоральной базы, кроме как создание образа чужого, внешнего источника опасности. Для таких политиков знак вопроса в названии книги Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» был лишним, и они поспешили произнести этот заголовок с утвердительной интонацией.

В «Обзоре внешней политики России», подготовленном МИДом в 2007 г., в этой связи говорится: «Нельзя исключать, что формирова-

ние в лице ислама образа врага имеет целью усиление консолидации, недостающей Западу для глобальной субъектности».

В русском языке есть пословица: «Поспешишь — людей насмешишь». Однако в начале XXI в. поспешность действий политиков, особенно политиков, обладающих большой властью, не насмешила мир, а привела его в ужас. Под лозунгом столкновения цивилизаций межцивилизационному диалогу был нанесён огромный ущерб.

Исламская цивилизация на сегодняшний день, пожалуй, единственная, в которой религиозный признак несет системообразующее значение. Большинство других цивилизаций имеют светский характер, или религия не играет в них определяющей роли. Однако даже в самой светской цивилизации — европейской — духовное, ценностное, культурное наследие христианства остаётся одной из фундаментальных характеристик. Таким образом, религия продолжает быть крайне важным пространством развития отношений между цивилизациями. И в этом — залог их диалога, а не столкновения и распрей. Ведь многие положения Корана перекликаются с текстами Ветхого и Нового Завета, что говорит, по мнению ряда специалистов, о родстве трёх монотеистических религий: ислама, христианства и иудаизма¹.

Мусульманская цивилизация уже тысячи лет назад самым активным образом взаимодействовала с западным миром. Мусульмане наследовали греческую философию и науку, которые Европе только через века предстояло открыть для себя. Кроме того, ислам поддерживал отношения с древними цивилизациями Индии и Китая. Исламу изначально была присуща такая степень гражданской и религиозной толерантности, о которой европейцы и не догадывались до выхода из Средневековья. Мусульмане никогда не знали таких жёстких сословных перегородок, какие сложились в средневековой Европе².

Конечно, в истории религиозный фактор присутствовал в сотнях военных конфликтов. В священных книгах почти всех религий можно найти, помимо заповедей добра и любви, призывы совсем иного рода. Однако в большинстве случаев церковь была не инициатором войн, и религиозные верования были не причиной, а поводом, используемым политиками для их развязывания. Уже давно закрепились тенденции не только по расширению экуменического диалога, но и по сближению позиций двух ведущих мировых религий — хрис-

¹ Красиков А.А. Цивилизации, культуры и религии // Россия в многообразии цивилизаций. Гл. 2. Доклады Института Европы РАН. № 192. М., 2007. С. 62.

² Фурман Д.Е. Реформа ислама // Красиков А.А. На пути к исламской реформации. М., 1999. С. 274.

тианства и ислама. Попытки изменить эту тенденцию крайне опасны, так как приводят к страданиям, которых можно было бы избежать, однако вряд ли могут повернуть вспять этот объективный процесс.

Для российской внешней политики и дипломатии межкультурный диалог становится одним из наиболее значимых направлений деятельности, и значение этого факта трудно переоценить. В уже упомянутом «Обзоре внешней политики России 2007 г.» указывается, что «напряжённость в межкультурных отношениях провоцируют террористы и те, кто продвигает жёстко идеологизированные подходы к международным делам. Угроза раскола мира по цивилизационному признаку становится одним из главных вызовов нашего времени».

Кроме перечисленного выше, большинство цивилизаций роднит то, без чего ни одна из них не состоялась бы: история и историческая память. Мало жить на определённой территории, мало принадлежать к господствующему на ней вероисповеданию, недостаточно даже приобщиться к её культуре или принадлежать к данному суперэтносу или расе. Необходимо осознавать себя частью её истории и считать себя носителем памяти о событиях, которые произошли на «твоей земле» давным-давно. Именно благодаря долгой совместной истории и «генетической памяти» у таких метасообществ, как цивилизации, имеются свойственные им психологические и ментальные черты.

Цивилизационная идентификация — самая латентная по сравнению с другими (этнической, родовой, национальной, региональной). В обыденной жизни мало кто, за исключением философов и созерцателей, находит время задуматься о собственной принадлежности в категориях цивилизации. Это естественно, ведь идентичность — результат сравнения, а люди в подавляющем большинстве случаев сравнивают себя с представителями своей среды обитания и, следовательно, не заглядывают дальше пределов этнической, территориальной, национальной идентичностей.

Носители разных цивилизационных идентичностей намного реже сталкиваются друг с другом, чем с себе подобными. Это столкновение происходит намного чаще вдоль границ цивилизаций, что затрагивает относительно небольшое количество населения соседствующих территорий. Стыкуются, как правило, только две цивилизации, а ведь их намного больше, и обычно они находятся друг от друга на больших расстояниях. Например, для жителя России нет ничего странного в вопросах: русский или татарин? москвич или петербуржец? Но все эти вопросы не выходят за рамки внутрицивилизационных идентичностей. А вот вопрос о цивилизационной принадлежности приведёт

многих в замешательство. Даже когда люди задумываются о своих отличиях от африканца, японца или китайца, то, в первую очередь, оперируют не цивилизационными категориями, а отличиями языкового, поведенческого, этнического характера.

Широкий интерес к цивилизационной идентичности усиливается, когда большие массы населения разных цивилизаций приходят в соприкосновение, смешиваются, и вместе с всплеском междивизиационной миграции активизируется процесс взаимопроникновения цивилизаций. Так, в начале XXI в. небывалого масштаба достигла миграция в Западную Европу и США из других регионов мира, и, соответственно, интенсивность цивилизационного дискурса значительно возросла.

Итак, цивилизация — это устойчивая общность людей, покоящаяся на четырёх равновеликих принципах: территориально-временном, культурном (в значении «высшей культуры»), онтологическом и аксиологическом. Выпячивание любого из них при выявлении цивилизаций или устранение всех кроме одного приводит к ошибочным и односторонним оценкам и выводам. С точки зрения человеческого материала, цивилизация может быть лишь крупной общностью, структура которой развивается по законам «медленной истории». Она не может быть исключительно виртуальной, т.е. существовать лишь в головах людей, но должна быть привязана к определённой территории и определённой линейке времени.

Ценности «европейской мечты», безусловно, представляют большой интерес для нашей страны. «Европейская мечта» является наднациональной системой ценностей эпохи постмодернизма. Среди её главных составляющих: универсализм, общественный домен и экономика соучастия, мягкая сила, секулярность, приоритет качества жизни над максимизацией материального достатка, социальный рынок, концепция устойчивого развития, многокультурье (мультикультурализм), упор на социальную составляющую прав человека, многосторонность (стремление к консенсусу при решении внутри- и внешнеполитических задач), взаимозависимость на международной арене, «пул суверенитетов» в границах Европейского союза.

Что касается системы ценностей «американской мечты», то она сложилась в эпоху модернизма и представляет собой комбинацию христианской эсхатологии и утилитаризма. Среди её составляющих: партикуляризм (избранность, мессианство, мета-нарративы), индивидуализм и антропоцентризм, ассимиляция («плавильный котёл»), жёсткая сила, религиозность, идеал обогащения, материальный, линейный прогресс, абсолютизация права собственности, односторонности и автономности («кто не с нами, тот против нас», «коалиции желающих»).

Российская специфика

У России имеются определённые совпадения как с западноевропейской, так и с американской системами ценностей. Вместе с Западной Европой Россия в той или иной степени разделяет ценности мягкой силы, секулярности, многосторонности и многокультурия. К США современная Россия близка по ценностям партикуляризма, материального прогресса, автономности и индивидуализма. Принадлежность к европейским ценностям работает порой на сближение России и Западной Европы (особенно в части ценностей многосторонности и многокультурия).

Промежуточное положение России с аксиологической точки зрения между Западной Европой и США объясняется тем, что наша страна ещё развивается в координатах эпохи модернизма. Ценности, вышедшие на передний план в России после 1991 г., сближают её с США, а культивирование ряда ценностей советского и досоветского периодов — с «европейской мечтой». Так, в российском менталитете от этих прошлых исторических эпох сохраняется влияние ценностей универсализма (в советское время — интернационализма) и коллективизма.

Метод «медленной истории» ставит также вопрос о соотношении возраста цивилизации и её названия. Например, соответствует ли представление о «европейской цивилизации» «медленной истории», если это название появилось лишь после Первой мировой войны? Видимо, да, ведь осмысление объективных процессов, придание им тех или иных названий не есть сами процессы. С высоты сегодняшнего дня и знаний трудно спорить с тем, что со времён раннего Средневековья Европа как субконтинент представляла собой взаимосвязанный политический, социальный, экономический и культурный организм, жители которого до создания национальных государств в прошлом (и с новой силой после начала их размывания в XX в.) ощущали себя принадлежащими одному большому пространству, пусть и полному множества противоречий и опасностей. Говоря о «европейской цивилизации», мы имеем в виду историю двух тысячелетий, историю цивилизации, которая сложилась на основе трёх древних цивилизаций (или протоцивилизаций) — греческой, романской и германской.

Помимо термина «европейская цивилизация» в XX в. также появился термин «советская цивилизация», который, с первого взгляда, не проходит, по мнению некоторых авторов, тест на «медленную историю». В отличие от первого, который был понятийным оформлени-

ем многовековой истории Европы, второй претендовал на обозначение некоего нового феномена, длительная история которого лежит в будущем. Действительно, с теоретической точки зрения, «советская цивилизация» претендовала на качественную новизну, так как опиралась на ожидание трансформации самой человеческой личности. За исключением этого забега вперёд в представлении о темпах развития человеческой цивилизации, «советская цивилизация», по нашему мнению, была проявлением форсированного развития восточной части европейской цивилизации.

В исследованиях ряда учёных Института Европы РАН изучение цивилизационной сущности России развивается по нескольким направлениям. Одно из них, магистральное, заключается в видении России как неотъемлемой части Европы. Этот тезис несколько не противоречит факту наличия у России своих ярко выраженных идентичности и специфики, которые, судя по всему, не собираются растворяться в общеевропейских. По-иному это выражается словами «Россия — другая Европа». Кстати, то же самое можно сказать и об идентичности других крупных европейских государств — Франции, Германии, Италии, Испании и др. Более того, чувство собственных, внутриевропейских локальных идентичностей только обостряется по мере всё более тесного соприкосновения Европы с другими цивилизационными общностями. Надо добавить, что среди сторонников существования большой европейской цивилизации есть как свои адепты (идеалисты), так и более трезво настроенные исследователи (прагматики). Сильно варьируются и критерии, по которым Россию считают частью (субцивилизационной общностью) европейской цивилизации. Так, общность культурно-исторических аспектов мало кем ставится под сомнение, а политэкономические различия ещё недавно многие считали принципиальными.

Вторая точка зрения состоит в том, что «в цивилизационном плане Россия не является ни западной частью Востока, ни восточной частью Запада. Это самостоятельная цивилизация, хотя европейская цивилизация является для неё наиболее близкой»¹. Это мнение, пожалуй, наиболее распространённым и популярным в России. Один из его вариантов заключается в наделении России характеристиками и чертами сразу нескольких цивилизаций: «Россия слишком велика и самобытна, чтобы полностью интегрироваться в Европу. Она

¹ Бельчук А.И. Россия: восточная часть Запада или западная часть Востока? // Россия и Европа: вопросы идентичности. Доклады Института Европы РАН. № 214. М., 2008. С. 135.

была, есть и будет страной одновременно и европейской, и азиатской, и евроазиатской, сохраняющей неизбывные отличия от европейских стран»¹. Иными словами, Россия представляется неким межцивилизационным симбиозом.

В свою очередь, сторонники этой концепции могут приходить к выводу об имманентном или о приобретённом в ходе истории расколе внутри российской цивилизации, её раздвоенности, заложенной в эпоху Петра Великого. Выводы из этого можно делать разные: раскол как фактор, придающий внутреннюю динамику развития цивилизации, или как червоточина, разъедающая её изнутри. Одна из вариаций этой точки зрения была развита в XIX в. Ф.М. Достоевским и Ф.И. Тютчевым. Оба считали, что в своё время произошёл трагический раскол между Россией и Западом, когда последний «начал отпадать от Христа». Оба надеялись на то, что рано или поздно европейская цивилизация вновь обретёт единство. Тютчев видел в России «другую половину великого целого», говорил о ней и о православном мире в целом, как о второй Европе².

Третья точка зрения сводится к тому, что по происхождению и историческим судьбам Россия является частью Европы, однако из этого не вытекает идентичности российской и западноевропейской цивилизаций. Россия являлась цельной евразийской цивилизацией, достигнувшей в XX в. больших успехов, перед которой ныне стоят вопросы выживания и развития. Евразийство популярно среди части политического класса России и обслуживающих его интеллектуалов (хотя, как представляется, не все его постулаты и выводы представляются убедительными).

Среди значительной части влиятельных общественных кругов (это, например, неоднократно отмечалось в ряде официозных документов и публикаций партии «Единая Россия») не раз выражалось мнение о том, что Россия представляет собой самостоятельную и самобытную российскую цивилизацию. Представители высшей государственной власти в последнее время развивают идеи о России как органической части европейской цивилизации. Это любопытный факт, особенно учитывая укрепление в последние годы национально-патриотической, «суверенной» составляющей в государственной идеологии. Такое положение дел, думается, свидетельствует как о неод-

¹ Баталов Э.Ю. Вместо заключения: что впереди? // Россия в Европе. Доклады Института Европы РАН. № 184. М., 2007. С. 150.

² Более подробно см.: Кудрявцев М.И. Россия и Запад: от Ф.И. Тютчева до наших дней // Международная жизнь. 2008. № 1–2. С. 3–33.

народности российского политического класса и его взглядов, так и о достаточно трезвом геополитическом видении будущего России и многовекторности её внешней политики.

В ходе своей первой поездки в Германию после избрания президентом России Дмитрий Медведев выступил с речью в Берлине, в которой заявил: «Убеждён, что проблемы Европы не будут решены до тех пор, пока не будет достигнута её идентичность, органичное единство всех её интегральных частей, включая и Российскую Федерацию... В результате окончания «холодной войны» возникли условия для налаживания подлинно равноправного сотрудничества между Россией, Евросоюзом и Северной Америкой как тремя ветвями европейской цивилизации»¹.

Значительная часть российского политического класса всё же склонна противопоставлять Россию и Запад, в том числе в духе мыслителей Н.Я. Данилевского и И.А. Ильина. Они приписывают России, как и другим цивилизациям, самостоятельную цивилизационную идентичность. Проявлением этого стало, на наш взгляд, появление концепции «суверенной демократии», когда рассуждения о русской/российской/славянской цивилизации используются для подчёркивания «особого пути» России. «Несмотря на несомненную принадлежность России к европейским нациям, — писал, в частности, Ю.М. Лужков, — ...Европа (“мать” современной западной цивилизации) традиционно испытывала к нашей стране смесь тяготения и страха»².

Россия до сих пор переживает процесс переосмысления своего собственного «я» и места в мире. Но можно сколько угодно менять очки — мир от этого не изменится. Смена оптик не ведёт к изменению объекта наблюдения, меняется лишь его изображение. В сущности, ничего нового в сегодняшних дискуссиях по этой проблеме не появилось: мы вновь в чём-то вернулись назад — к алгоритму противостояния западников и славянофилов.

В многоголосье споров одно не вызывает сомнения: Россия постепенно вновь обретает осознанную уверенность в своих силах. По мере того как эта уверенность будет расти, Россия избавится и от комплекса неполноценности (недооценки своих сил), и от комплекса превосходства (переоценки своих сил). Недооценка своих сил, особенно после развала СССР, выражалась в том, что многие в России были готовы от-

¹ Выступление Президента РФ Д.А. Медведева 5 июня 2008 г. в Берлине. www.kremlin.ru.

² Лужков Ю.М. Мы и Запад // Стратегии России. 2006. № 6. С. 5.

казаться от собственной идентичности и влиться в идентичность «западную» или иную. Переоценка своих сил — другая крайность, когда российская идентичность предстаёт некой вещью в себе, а это либо может привести к почиванию на лаврах и самоуспокоенности, либо оказаться орудием в руках сторонников конфронтационной парадигмы и противопоставит Россию остальному миру.

С точки зрения «медленной истории» вопрос о цивилизационной идентичности России окончательно будет решён не скоро. С точки же зрения истории повседневности, в которой мы живём, важно другое — используем ли мы цивилизационный дискурс для того, чтобы потворствовать желающим столкнуть цивилизации, или же для решения проблем мирного взаимодействия и плодотворного партнёрства.

Глава 37. Россия в середине XXI века: возможные сценарии будущего

*«Ибо, когда будут говорить: „мир и безопасность“,
тогда внезапно постигнет их пагуба...»*

Новый Завет. Первое послание святого
апостола Павла к Фессалоникийцам, 5:3

Столь печальный эпиграф выбран, конечно, не случайно. Он в самой сжатой форме отражает то настроение, в каком российский человек в массе своей жил (и живёт) вот уже как минимум пять поколений подряд, с начала XX в. и по сегодняшний день. Вряд ли какой ещё народ в истории пережил всего за сто лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовых голодовках. Только полномасштабных войн на памяти наших поколений было восемь: японская, Первая мировая, Гражданская, польская, финская, Великая Отечественная, афганская и последняя, чеченская, полного завершения которой не видно даже и сегодня. И революции: 1905 г., февральская 1917 г., октябрьская 1917 г., невероятная по своим гибельным последствиям коллективизация 1929–1933 гг. и столь же гибельный «революционный» террор 1937–1938 гг., наконец, нынешняя, «демократическая» революция, которая по своей «социальной цене» тоже вполне сопоставима с теми, что были до неё.

Естественно, что при подобных, скажем так, наследственных настроениях из двух главных возможных сценариев развития России в ближайшие 50 лет — пессимистического и оптимистического — первым в голову приходит именно пессимистический, пронизанный ожиданием грядущей катастрофы и «конца истории» России. К такому выводу подталкивает многое, причём из самых разных и зачастую даже не связанных между собой (на поверхностный взгляд) сторон нашего бытия.

Пессимистический сценарий

Начать хотя бы с того, что нельзя не признать определённой обоснованности утверждений тех, кто говорит сегодня, что российский народ просто «выдохся», надорвался; что нации уже никогда не восполнить тот чудовищный генетический ущерб, который нанесли ему за XX в. все эти войны и безжалостные эксперименты наших разномастных революционеров; что, в соответствии с теориями таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилёв и других, он уже прошёл пик своей «пассионарности» и ему осталось только медленно, потихоньку (и хорошо бы безболезненно) вырождаться, растворяясь в более мощных, более жизнеспособных цивилизациях. Неоткуда, дескать, больше взять внутренней динамики: последнее, что у него оставалось из того, что было накоплено веками, истрачено в годы большевистского террора и в кровавой мясорубке Второй мировой войны. XX в. сломал России хребет: доказательством этого является самопроизвольный («на ровном месте») распад в 1991 г. великой сверхдержавы на множество едва ли исторически жизнеспособных осколков и территориально всё ещё огромный, но внутренне аморфный, желеобразный массив собственно России, единственной гарантией существования которой является её сохранившийся пока от прежних времён ракетно-ядерный потенциал. Надолго ли?

Не добавляют оптимизма и попытки представить себе расклад сил на мировой арене в ближайшие полстолетия. Жизнь показала, что надежды человечества на всеобщий мир и «в человецех благоволение» оказались в XXI в. столь же призрачны, какими они были и во все предшествующие времена. Своекорыстный интерес, произвол, стремление решать силой старые и новые проблемы, борьба за геополитическое пространство — всё это как было с древнейших времён, так и остаётся движущей силой международных отношений вплоть до сегодняшнего дня. И нет сколько-нибудь серьёзных надежд, что в ближайшие пару

поколений мир научится жить по другим законам — взаимной терпимости, компромиссов, учёта интересов как больших, так и малых членов мирового сообщества, объединения усилий всех наций в решении общемировых неотложных проблем.

Наиболее серьёзными в перспективе представляются вызревающий уже сегодня конфликт и борьба за общемировое влияние двух ведущих мировых центров силы — США и Китая. При сохранении нынешней динамики — причём и в военно-политической, и в экономической, и даже в научно-технологических сферах — вполне вероятно, что к середине XXI в. США вынуждены будут уступить первенство на мировой арене Китаю (особенно, если ему удастся без большой войны воссоединиться с Тайванем). Если разнообразное влияние Китая в Южной и Юго-Восточной Азии будет возрастать нынешними темпами (а, судя по всему, так и будет) и если ему удастся установить некие похожие на союзнические отношения с другим азиатским гигантом — Индией, то можно будет, наверное, говорить (пользуясь критериями этой самой «пассионарности») уже не только о «закате Европы», но о начинающемся закате всей евроатлантической цивилизации.

В этой борьбе России (если исключить возможность её глухой самоизоляции и превращения вновь в «осаждённую крепость») придётся выбирать, с кем ей быть: с США и Евросоюзом или с новым восточно-азиатским сообществом, возглавляемым Китаем. И в том, и в другом случае её ждёт подчиненная, подсобная, второстепенная роль ведомого, идущего в кильватере за лидером. Конец «самостоятельной истории» России при таком развитии событий представляется, естественно, лишь вопросом времени.

Другой важнейший и, вероятно, долговременный фактор современной международной ситуации — всплеск исламского фундаментализма и международного терроризма, ставшего органическим его порождением. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что новая, третья мировая война началась, война без границ и без правил, и неизвестно, когда, где и как эта война закончится. Однако в отличие от борьбы двух ведущих мировых центров силы — евро-атлантической цивилизации и восточноазиатского сообщества, которая вряд ли когда-либо примет вид прямого вооружённого столкновения (тем более с применением всех современных вооружений), агрессия исламского фундаментализма имеет ту особенность, что она с самого начала нацелена на вооружённую борьбу и может быть, следовательно, в конце концов так или иначе раздавлена силой. Будет ли такая сила организована в полномасштабную международную союзническую коали-

цию, ведущую прямую, открытую борьбу на всех фронтах, где ей бросят вызов фундаментализм и терроризм, и будет ли новая Россия активным участником подобной коалиции — представить себе сейчас достаточно трудно.

Но одно, похоже, ясно: при любом повороте событий Россию ожидает многолетняя, упорная и дорогостоящая борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом — во-первых, на её границах с Центральной Азией и Кавказом и, во-вторых, внутри страны, где многовековой межконфессиональный мир тоже может оказаться достаточно хрупким. Всё это, естественно, потребует серьёзнейшего напряжения как политических, так и экономических сил страны и, несомненно, как минимум сильно затруднит её выход из нынешнего системного кризиса.

Наконец, ещё одна общемировая угроза, которая и для России на ближайшие полвека останется, по-видимому, весьма актуальной. Речь идёт о медленном, но верном расползании ядерного оружия по миру и об угрозе его применения в каком-нибудь локальном конфликте или в ходе очередной атаки международного терроризма. Потенциальных очагов возможной ядерной вспышки в мире уже достаточно: незатухающий ближневосточный конфликт и надвигающееся ядерное противостояние Ирана и Израиля, углубление иррационального, преимущественно идеологического конфликта между Ираном и США, застарелое соперничество между Пакистаном и Индией, прежде всего по территориальным вопросам, конфликт между Северной и Южной Кореей вкупе с союзником последней — США, наконец, возможное попадание ядерного оружия в руки самых оголтелых международных террористов. Всё это делает мир и в перспективе столь же неустойчивым, каким он есть сегодня. Неважно, далеко или близко от границ России или вовсе внутри её собственной территории может случиться ядерная вспышка. В любом случае, исходя из простого инстинкта самосохранения, Россия вынуждена будет в ближайшие десятилетия выделять на цели собственной безопасности силы и средства, вряд ли намного меньшие, чем она это делала в советские времена. А для полуразрушенной в результате скоропалительных реформ страны это может оказаться и непосильным.

Разумеется, перечисленными выше список внешних угроз, ведущих в предстоящие десятилетия в целом не к усилению, а, скорее, к ослаблению России, далеко не исчерпывается. В грядущий мировой хаос не могут не внести свой вклад и такие острейшие проблемы XXI в., как безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая в стороне от своих достижений большинст-

во населения планеты; многомиллионные потоки стихийной миграции, меняющие этническое и цивилизационное лицо современного мира, в первую очередь стран, составляющих ядро евроатлантической цивилизации; кровавые региональные и межэтнические конфликты почти на всех континентах; наркотрафик и трансграничная преступность; экологические опасности, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод, неграмотность многомиллионных масс и пр. Конечно, можно уповать на то, что за пятьдесят лет человечество сможет выработать наконец нечто похожее на мировое правительство, которое сумеет взять под контроль эти разрушительные процессы и остановить или по крайней мере ослабить вероятный мировой хаос. Но, судя по прошлому опыту, сегодня, как и раньше, надежда на подобное развитие очень и очень слаба.

Но, как представляется, приближающийся конец «самостоятельной истории» России (в традиционном её облике) связан не столько даже с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны. Россия больна изнутри, больна наследственно, и применённая к ней после 1991 г. «революционная терапия» лишь усугубила те болезненные процессы, которые начали складываться в её недрах ещё в советские времена.

И первыми в длинном списке болезней современной России следует, по-видимому, назвать резко ускорившийся процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис и запустение огромных её территорий, заметные сдвиги в её этнической структуре, отток населения из восточных её районов на Запад, а не наоборот (как это было до Октябрьского переворота), сократившуюся под влиянием прежде всего искусственных, политико-административных причин иммиграцию в её пределы и одновременно возросшую эмиграцию наиболее активной, дееспособной и образованной части населения страны. Всё это порождает весьма обоснованные опасения, что в предстоящие полстолетия Россия не сможет удержать в своём составе по меньшей мере Восточную Сибирь и Дальний Восток, а, возможно, и пояс прикавказских автономий. Где будет пролегать восточная граница России в середине XXI в. — по Лене, по Енисею, а может быть, и по Оби и даже по Уралу — предсказать сегодня не возьмётся, конечно, никто.

Но одно очевидно: без целенаправленных общегосударственных усилий (причём с упором именно на государственные инвестиции и поощрительную социальную политику, поскольку стихии рынка решение подобных задач по определению не по силам) преодолеть эту опасность естественного, не вызванного никакими внешними силами

дальнейшего развала страны, невозможно. К сожалению, преобладающая пока в российском руководстве ультралиберальная идеология либо, пряча, как страус, голову в песок, пренебрегает этой крупнейшей проблемой современности, либо того хуже — намеренно ведёт дело к избавлению страны от «излишнего бремени», как сознательно был инициирован в 1991 г. развал Советского Союза под тем же самым предлогом избавления России от «бремени всяких нахлебников».

Нет никакой уверенности и в том, что в предстоящие полстолетия (то есть статистически — за время смены двух поколений) Россия сумеет преодолеть последствия тех жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть в последние пятнадцать-двадцать лет. За исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса, старый, создававшийся десятилетиями экономический потенциал страны разрушен или почти разрушен: традиционное тяжёлое машиностроение и приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, весь комплекс потребительских отраслей, аграрный сектор и т.д. По достаточно распространённым оценкам, в новых, рыночных условиях имеет шансы выжить не более 1/3 того промышленного потенциала, который Россия имела перед началом ультралиберальных реформ. Каким будет новое промышленное и технологическое лицо нашей страны в предстоящие десятилетия, каким будет стремительно пустеющее российское село, что мы сумеем сохранить из своего ещё недавно уникального научно-технического, образовательного и культурного потенциала — в свете нынешних тенденций любые попытки заглянуть даже за ближайшие горизонты никак пока не радуют.

Мир вступил в новую эпоху — в эпоху «экономики знаний». В грядущие полстолетия можно ожидать всего: и выхода человека в далёкий космос, и освоения новых, нетрадиционных источников энергии, и нового взлёта генетических и иных биотехнологий (вплоть до выращивания людей в колбах), и дальнейшего взрывного распространения сетевых коммуникационных структур, и превращения компьютеров и разного рода роботов в реальных конкурентов человека. Как высказался недавно наш выдающийся биохимик академик А.С. Спирин, «в век информатики и вычислительной техники стало очевидно, что человек проиграл компьютеру. Вероятно, в будущем он станет игрушкой для компьютеров, которые лучше и быстрее соображают, что и как надо делать».

Возникает, естественно, вопрос: а Россия к этому готова или, по крайней мере, готовится? Похоже, что нет — не готова и не готовит-

ся (на деле, конечно, не на словах). Чтобы встретить во всеоружии неминуемо надвигающиеся перемены в экономическом и технологическом развитии мира, чтобы перестроить, переиначить всю внутреннюю структуру российской экономики, да во многом и всю жизнь страны, нужны — при ясном осознании цели, к которой российское общество должно стремиться — во-первых, достаточные средства (капитал) для соответствующих инвестиций, во-вторых, побудительная мотивация экономических агентов (частных и/или государственных) к необходимым переменам, в-третьих, человеческие мозги (в политике, науке, технике, образовании, культуре), которым было бы под силу подобные перемены осуществить. Однако по всем этим направлениям сложившиеся ныне условия в стране никак не способствуют особому оптимизму (если исключить, конечно, издревле присущую российскому человеку надежду на чудо).

Прежде всего, никогда, наверное, ни одна страна в истории не попадала в такую нелепую, абсурдную, с точки зрения обыкновенного здравого смысла, ситуацию, когда деньги (то есть инвестиционные и прочие средства) ей на деле не нужны. И это при тех колоссальных неудовлетворенных и не удовлетворяемых потребностях в деньгах для решения её самых неотложных инвестиционных, социальных, общекультурных задач, которые стоят сегодня перед страной?! В последние полтора десятка лет в диапазоне, по разным оценкам, от 300 млрд до 1 трлн долларов частных капиталов «сбежало» из страны. Такого массового экономического «кровопускания» не было в истории нигде и никогда. Но и этого оказалось мало. В последние годы государство само вывело за рубеж порядка 520 млрд долларов, которые оно аккумулировало в виде валютных резервов Центробанка и накоплений Стабилизационного фонда и которые «влило» на самых льготных условиях в экономику Запада, а не в собственное народное хозяйство. В это же время политику России стал почти официально определять абсолютно уже невероятный для нормальных людей лозунг: «Чем меньше денег в стране, тем лучше». И если смотреть на вещи трезво, то теперь уже вряд ли когда эти эмигрировавшие деньги в массовом порядке вернутся обратно: экономика Запада уже успела большую их часть впитать и переварить.

Столь же ненадёжными представляются и упования на внутренние российские накопления. Как известно, основным инвестором в мире является не Рокфеллер, а та старушка, которая отнесла в банк свои «гробовые». Но розничный российский держатель денег, дважды как минимум (в 1992 и 1998 гг.) подчистую ограбленный государством, не доверяет сегодня ни банкам, ни фондовому рынку, ни пенсионным

фондам, ни государству вообще. И неизвестно, сколько потребуется десятилетий, чтобы его доверие восстановить. Пока он предпочитает «короткие», а не «длинные» деньги, а суммы денег, хранимые и вовсе «под матрасом», сегодня, по оценкам, вряд ли меньше тех, что вложены во всю организованную банковскую систему.

Но и деньги нашего бизнеса тоже не могут пока быть гарантией решения проблемы накопления. В первую очередь, они и сейчас стремятся уйти за рубеж, а то, что остаётся внутри страны, явно недостаточно для решения её основных структурных задач. Энергосырьевой сектор, торговля, гражданское строительство, спиртовое производство, финансовые спекуляции, криминальный оборот, ну и, отчасти, телекоммуникации — вот, собственно, и все отрасли, где оседают сегодня внутренние накопления нашего бизнеса.

Остаётся ещё один потенциально значительный источник средств — иностранные инвестиции. Но для них никакого серьёзного интереса Россия как производитель высокотехнологичной продукции (т.е. их потенциальный мощный конкурент) не представляет. Россия привлекательна только как богатейший энергосырьевой придаток передовых стран (США, Евросоюз, стремительно набирающий силу Китай). И ещё, конечно, как значительный и недостаточно пока освоенный рынок для всего спектра потребительской продукции — от колготок до автомобилей и самолётов. Думается, что России в этом контексте ещё предстоят серьёзнейшие испытания с непредсказуемым пока исходом, особенно в связи с вступлением страны в ВТО и неизбежным резким усилением иностранной конкуренции на её внутренних товарных и финансовых рынках. По крайней мере сегодня в профессиональной прессе на Западе нередко встречаются оценки, что при полном «открытии» России до 90% её обрабатывающей промышленности просто «ляжет».

Итак, со средствами для массированного высокотехнологичного «прорыва» России дело обстоит не очень обнадеживающе (если не сказать сильнее). Но не лучше оно обстоит и с побудительными внутренними мотивами для организации и стимулирования подобного «прорыва».

В сфере частного капиталообразования и автоматического, рыночного перелива капитала из отрасли в отрасль (имея в виду прежде всего перелив из менее перспективных в более перспективные высокотехнологичные, инновационные отрасли) России, видимо, ещё очень долго придётся расплачиваться за те фундаментальные ошибки, которые были совершены в 90-х годах прошлого столетия. Нет сегодня автоматического рыночного механизма, и никто не решится сказать, когда он у нас будет. Это историческая плата, во-первых, за дармовую,

организованную сверху приватизацию огромных государственных активов, в одночасье превращавшую всякого рода нахрапистых проходимцев в мультимиллионеров и миллиардеров, и, во-вторых, за государственные же авантюры, вроде выпуска пресловутых ГКО с доходностью до 200—300% годовых, полностью развративших, растливших российский деловой мир, который и сегодня, что называется, «не нагнётся», если ему не светит прибыль меньше 100% годовых (при том, что весь мир работает из 5—15% и считает это нормой). А такой, поистине «заоблачный», уровень прибыльности ныне возможен у нас только в энергосырьевых отраслях, спиртовом производстве, кое-где в торговле, в криминальном бизнесе, но никак не в высокотехнологичных, инновационных отраслях (особенно на первых порах).

Когда психология российского бизнеса изменится, когда он привыкнет работать из нормальных 5—15% годовых прибыли — вряд ли кто решится сегодня предсказать. Во всяком случае, первое поколение российского бизнеса (старший и средний возраст), которое сойдёт со сцены через 20—30 лет, в этом отношении представляется безнадёжным. А будут ли их дети и внуки, которым предстоит действовать во второй четверти XXI в., более цивилизованными, менее алчными, более ответственными перед обществом и страной — можно только надеяться на это, но с уверенностью сказать нельзя. Вполне может стать и так, что эта болезнь у нас приобрела хронический, может, даже генетический характер. Хотя справедливости ради надо заметить, что кое-какие надежды в связи с ростом образованности и расширением кругозора нашего делового сообщества всё же вроде бы тоже уже просматриваются.

Как бы то ни было, но приходится констатировать, что, по крайней мере до сих пор, серьёзного побудительного мотива для частной инновационной деятельности и ускоренного развития высокотехнологичных отраслей у нас в стране нет. Но при нынешней идеологии, которой всё ещё руководствуются российские верхи, трудно надеяться и на то, что, если уж так складываются дела, государство возьмёт на себя основное бремя организации подобного «прорыва». Лозунг «как можно меньше государства», тенденция к снижению государственной активности во всех областях экономики — не только в промышленном строительстве, но даже и в инфраструктурных отраслях, фактическое неучастие государства в кредитовании экономики и в поддержке инновационного предпринимательства, в первую очередь малого и среднего бизнеса, наконец, всё то же стремление вывести средства бюджетного профицита (кстати, безусловно преждевременного) за рубеж и только малую часть возросших государственных

доходов от мировых цен на нефть пустить в дело внутри страны — всё это приводит к выводу, что в реальности в государственном секторе российской экономики действенного стимула к инновационному развитию тоже нет. Удастся ли выдвинуть во главу угла задачу создания всеохватывающей инновационной мотивации в стране за период жизни ближайшего и следующего за ним поколений — вопрос, ответить на который сегодня тоже не может никто.

И, конечно, не придаёт сегодня оптимизма и третий важнейший фактор, определяющий перспективы инновационного «прорыва» страны — нынешнее состояние российских «мозгов». Все последние пятнадцать лет близорукая политика высшего руководства, если не на словах, то на деле исходила из того, что фундаментальные и прикладные исследования, образование, система здравоохранения, культура в тех масштабах, которых они достигли в советские времена, есть излишество для страны, непозволительная роскошь, непосильное бремя, от которого чем быстрее она избавится, тем лучше. Сокращение расходов на науку в 10 раз и на образование в 5 раз, доведение государственных ассигнований на исследовательские цели до абсурдных 0,3% ВВП (во всех высокоразвитых странах сегодня — 2–4% ВВП), нарочито нищенский, ниже даже среднего по стране уровень зарплаты учёных, конструкторов, преподавателей, работников здравоохранения и культуры принудительно вытолкнули (и продолжают выталкивать) наиболее талантливую, наиболее активную часть нашей интеллигенции за рубеж или в сферу бизнеса.

Между прочим, после массовой эмиграции учёных из Германии в 30-х годах прошлого столетия страна до сих пор, вот уже 70 лет, не может в полную меру восстановить свой научный потенциал. Что-то похожее, вероятно, ожидает и нас в перспективе ближайших двух поколений. Даже при благоприятном развитии событий на то, чтобы воссоздать разрушенное — и по материальному обеспечению, и, главное, по кадрам — потребуется вряд ли меньше, чем 20 лет. Но это при благоприятном варианте: пока же наша страна в этих областях продолжает движение отнюдь не вверх, а вниз. И многое говорит за то, что в ближайшие полвека Россия имеет все шансы превратиться в конце концов в «мировое интеллектуальное захолустье».

Большую тревогу вызывает и общее социальное состояние страны. Конечно, ничего похожего на новую «пугачёвщину» или новый 1917 г. ожидать, думается, нет оснований. Россия на поколения и на века вперёд, похоже, перенасытилась насилием и кровью. Но вот апатия, недоверие к жизни, неустроенность и нищета многомиллионных слоёв населения, стремительно увеличивающаяся социальная пропасть

между немногими невероятно разбогатевшими и основной массой населения, миллионы бездомных, беспризорных, брошенных на произвол судьбы людей, наконец, коррупция и криминал, превратившиеся по существу в норму жизни страны, — эти пороки современного российского общества продолжают подтачивать его изнутри.

Ни о каком «прорыве», ни о каком взлёте энтузиазма и творческой энергии трудящегося российского человека не следует, по-видимому, и мечтать, пока не будут решены основные социальные задачи страны, а именно: во-первых, ликвидирован глубочайший разрыв в средней зарплате между той, которая была и остаётся характерной для жизни вот уже по крайней мере четырёх поколений россиян, и той, которую получают за такой же труд работники во всех высокоразвитых странах: этот разрыв достигает сегодня величины порядка 6—10 и более раз; во-вторых, уменьшена до социально безопасного уровня разница в доходах между верхними и нижними по доходам 10% населения, составляющая у нас сегодня уже 15:1 (а неофициально 60:1) при 7—8:1 во всех странах, принадлежащих к евро-атлантической цивилизации; в-третьих, будет, наконец, построен в стране не некий невиданный нигде социально-экономический мутант, а подлинное «социальное рыночное хозяйство», гармонично сочетающее в себе рыночные и внерыночные (включая натуральные) формы удовлетворения общественных потребностей, прежде всего в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальной сфере.

Пока, по крайней мере во всех этих областях, наблюдается движение не вперёд, а назад и это является очередным отходом от общепринятых в мире принципов «социального рыночного хозяйства». Осознают ли опасность подобного курса поколения, которые будут жить и действовать в следующие полвека, а если осознают, то как быстро сумеют преодолеть состояние апатии, всеобщей растерянности и ощущение глубочайшей социальной несправедливости — сегодня об этом можно лишь гадать.

Одним словом, с реальной угрозой прекращения «самостоятельной истории» России или её превращения в историю уже другого государства, безусловно, европейского и, безусловно, регионально очень значимого, но ограниченного теми пределами, в которых Московское царство находилось в эпоху царя Фёдора Иоановича (конец XVI в.), следует, несомненно, считаться. Однако почти с той же степенью вероятности можно представить себе и другой сценарий будущего России к середине XXI в. — гораздо более оптимистический.

Сценарий более оптимистический

Прежде всего, исходя из прошлого России, весьма сомнительными кажутся все утверждения о том, что российский народ окончательно выдохся, устал, исчерпал запасы своей творческой энергии. Гибельные иностранные нашествия, периодическое разорение, всевозможные кровавые смуты и революции с удручающим постоянством сопровождали практически всю тысячелетнюю историю страны. Не раз уже возрождалась Россия, по существу, из небытия. Но возрождалась она неизменно отнюдь не ослабшей, а, напротив, ещё более могущественной.

Революция 1917 г., Гражданская война, коллективизация и сталинский террор, страшные потери во Второй мировой войне в своей совокупности — если говорить о крови и разрушении генофонда страны — стоили России много больше, чем затянувшийся современный системный кризис. Нынешняя Россия расплачивается в основном ещё по тем, старым счетам. Некоторые современные наши генетики имеют, видимо, основания утверждать в этой связи, что потери в генофонде страны за период 1917–1953 гг. будут естественным порядком восстановлены лишь примерно через 5 поколений. Но это как раз и будет середина XXI века! И это значит, что лицо и динамику России к этому времени будут, вероятно, определять люди, так сказать, первого сорта, а вовсе не то посредственное, худшее или даже наихудшее по качеству, что осталось в целости после всех трагических событий и передраг XX в.

Распространено также мнение: для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в страну, в её народ, нужна новая всеохватывающая национальная идея, которая объединила бы Россию. Причём она должна быть обязательно духоподъёмной, равной по силе и замаху, скажем, идее духовного христианского спасения или великодержавия (вплоть до панславизма и даже ещё дальше) или идее избавления всего человечества от всяческого всемирного зла и несправедливости. В общем, нечто похожее на то, что долгая российская история знала отнюдь не понаслышке. Думается, однако, что возможности возникновения подобного рода тоталитарных идей исчерпаны в России если не окончательно, то на весьма длительную перспективу. Кроме, возможно, одного случая: если Россия вновь подвергнется угрозе массированного нашествия извне. Но при сохранении на должном уровне её потенциала современных вооружений (в первую очередь, ракетно-ядерного щита) такая угроза, чреватая гибелью для всего мира, вряд ли возникнет. Если, конечно, человечество по тем или иным причинам не сойдёт когда-нибудь с ума.

Не следует ждать появления какой-то спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги весь российский народ — ей просто неоткуда взяться. В перспективе по меньшей мере двух ближайших поколений (а, вероятно, и много дольше) спасительной может быть только одна, в высшей степени простая идея, вернее, общее уmonoстроение, общая цель всего российского общества: сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надёжная жизнь каждого человека и его близких. Думается, что как моральной основы этого вполне достаточно не только для выхода страны из её нынешнего системного кризиса, но и для дальнейшего рывка, «прорыва» России и в политической, и в социально-экономической, и в культурной областях. Для современного мира такой стремительный подъём за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина: примеры известны — Германия и Япония после поражения во Второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее или ленивее либо нравственно слабее кого бы то ни было ещё.

Отнюдь не обязательно неблагоприятным для России может быть и будущее развитие международной обстановки. Даже если не очень надеяться на усиление международного коллективного регулирования противоречивых мировых процессов (будь то реформированная Организация Объединённых Наций или «Большая восьмёрка» в её нынешнем, а, скорее всего, расширенном составе либо в своей совокупности сеть других авторитетных международных организаций), Россия в предстоящие полвека вполне в состоянии выстроить систему независимых, равноправных и взаимовыгодных отношений практически по всем направлениям международной политики.

Так, можно, видимо, вполне обоснованно ожидать, что отношения России с двумя пока ведущими центрами силы — США и Евросоюзом — будут всё более и более приближаться к отношениям прочного стратегического партнёрства, основанного на взаимном доверии и взаимном интересе. После стольких десятилетий балансирования на грани взаимоуничтожения ни Соединённые Штаты, ни Россия не являются сегодня и, похоже, не будут и в перспективе реальной угрозой друг для друга. По существу, главной проблемой для США на будущее представляется возможный тесный союз России с их основным стратегическим соперником — Китаем. Но такое развитие событий тоже отнюдь не обязательно должно стать реальностью. В то же время в борьбе против новой мировой опасности — международного терро-

ризма — США и Россия объективно уже стали союзниками, и в дальнейшем России, по логике вещей, предстоит обеспечивать «северный фронт» против агрессии исламского фундаментализма, имея в виду, в первую очередь, Центральную Азию и, возможно, Кавказ. В отношении же весьма сомнительной нынешней линии США на противодействие укреплению СНГ и поддержку всякого рода «цветных революций» перспективы сегодня далеко ещё не ясны. Взять на своё содержание (причём на неопределённое время) энное число внутренних слабых новообразованных государств США вряд ли когда решатся. А с опорой только на собственные силы эти государства имеют весьма малые шансы войти на равных в международную политическую и, главное, экономическую жизнь.

Ничем чрезмерно опасным не грозит России и перспектива её взаимоотношений с Евросоюзом, даже если он станет расширяться и дальше. Уж, во всяком случае, с этой стороны конца «самостоятельной истории» России ожидать не приходится. Военное столкновение между Россией и Евросоюзом невозможно, поглощение России европейским интеграционным процессом нереально (присоединение Турции, Балкан, Украины да ещё и России — это было бы не усиление, а на деле развал всего исторического проекта «Единая Европа»), все имеющиеся сегодня разногласия между сторонами могут и, вероятно, будут со временем разрешены на основе взаимных компромиссов в обычном договорном порядке.

Более того, процесс дальнейшего «открытия» России (в том числе с вступлением её в ВТО) значительно повышает для Евросоюза её привлекательность в качестве весьма перспективного партнёра — и как энергосырьевой базы европейского континента, и как прибыльной сферы приложения капиталов, и как достаточно ещё слабого в конкурентном отношении, но весьма обширного рынка, и, наконец, как обладателя пока ещё мощного военно-промышленного и научно-технического потенциала, который мог бы быть весьма полезен и для объединённой Европы.

Принятая сторонами на вооружение концепция «четырёх общих европейских пространств» при всей её аморфности имеет все шансы в перспективе ближайших десятилетий далеко продвинуть Россию по пути превращения страны в безусловно европейское государство, ни в коей мере не затрагивая при этом её политическую самостоятельность. Свобода передвижения через все европейские границы товаров, капиталов, знаний и людей, сближение правовых основ государственности, гарантии прав человека — если подобная цель будет достигнута за период смены всего двух поколений, станет грандиозным

историческим успехом, и, в первую очередь, несомненно, для нашей страны.

Конечно, Россия не только европейская, но и евро-азиатская страна, и с этим нельзя не считаться. Будущее России (особенно её восточных регионов) в значительной мере зависит от того, как ей удастся выстроить свои отношения с лидером восточноазиатского сообщества — Китаем.

История много чему учит: она, между прочим, учит и тому, что, за одним, по существу, исключением (Индокитай), Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов таких его соседей, как Россия и Казахстан, во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции, в-третьих, облегчение условий, причём повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части его населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов. К настоящему времени политическая база для долговременного сотрудничества и взаимодействия наших двух стран создана. И есть все основания ожидать, что даже такой сложный, деликатный вопрос, как трудовая миграция (в которой, следует подчеркнуть, заинтересованы обе стороны), со временем тоже найдёт свое нормальное, то есть договорно-правовое, разрешение, что позволит взять под взаимный контроль и, соответственно, дозировать стихийно складывающиеся миграционные потоки.

Отнюдь не мрачными можно представить себе и будущие отношения России со странами СНГ — традиционной сферой российского влияния. Конечно, прежний Советский Союз никогда, вероятно, уже не будет восстановлен. Но создание и утверждение в предыдущие столетия своего рода свободной конфедерации независимых постсоветских государств, костяк которой составят Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан и присоединятся к которой, возможно, смогут и ряд других постсоветских стран, — это вполне, по-видимому, реальная перспектива. Слишком многое и слишком долго связывало все эти страны во всех областях жизни их народов, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого постсоветского развода как исторически кратковременного замешательства. Сами по себе эти новообразованные государства, по большому счёту, не нужны сегодня в мире никому, а самостоятельно, вне тесной связи друг с другом и с Россией, их реальный экономический потенциал при нынешних масштабах между-

народной конкуренции вряд ли жизнеспособен. И даже в такой специфической области, как энергетика, каспийские и прикаспийские энергоресурсы (которые Запад сегодня рассматривает как резервные на случай широкомасштабного конфликта на Ближнем Востоке или осложнений в Латинской Америке) могут быть эффективно и, главное, надёжно освоены лишь в рамках крупнейшего многостороннего международного проекта, не противоречащего, а, напротив, стимулирующего интеграционные процессы на постсоветском пространстве, наряду, конечно, с самым активным участием всех заинтересованных западных партнёров.

Но безусловная необходимость свободы передвижения на постсоветском пространстве товаров, капиталов, знаний и людей, без чего немыслимо себе представить ни сохранение в этих странах их старого, оставшегося от прежних времён экономического потенциала (кому ещё в мире нужен, например, украинский сахар?), ни поддержание занятости их населения, ни развитие их науки и образования, ни тем более их серьёзный прорыв на новые высокотехнологичные мировые рынки — это лишь одна сторона вопроса. Другая же состоит в том, что без опоры на взаимное сотрудничество, в первую очередь с Россией, в ближайшие 50 лет не может быть решен, скажем, такой исторически наиважнейший вопрос, как обеспечение стран Центральной Азии водой, или реализовано на деле строительство новой системы коммуникаций Запад—Восток, или урегулирована проблема самопровозглашённых непризнанных государств, или, наконец, обеспечены традиционные гарантии существования Армении и той же Грузии, особенно в условиях нарастающей агрессии исламского фундаментализма. Думается, что по всем этим направлениям в предстоящие десятилетия инициатив следует ожидать не столько от самой России, сколько именно от других постсоветских государств. От нашей страны в данном контексте нужно только, во-первых, навести, наконец, порядок в собственном доме и, во-вторых, отойти от нынешней нейтральной (а иногда даже и деструктивной) позиции в отношении своих постсоветских партнёров.

Ни в какой кильватер никому России в будущем встраиваться не надо. В нарастающем соперничестве США с Китаем нам на самом деле незачем выбирать чью-либо сторону, а следует сохранять максимально добрые отношения с обоими соперниками. Россия, если ей удастся наконец преодолеть нынешний внутренний системный кризис, была и имеет все шансы оставаться впредь влиятельнейшей, самодостаточной во всех отношениях страной с надёжной обороной, мощной экономикой, высокоразвитой наукой и культурой, страной, открытой для де-

лового сотрудничества со всеми, кто проявляет к этому искренний интерес. Между прочим, это касается и ощутимой уже сегодня подспудной борьбы между США и Китаем за доступ в перспективе к разработке российских энергосырьевых ресурсов, особенно в восточных районах страны. Как говорил когда-то А.П. Чехов: «Чего толкаться-то? Всем места хватит». И если новая Россия сумеет удержать в собственных руках политический контроль над постепенным своим вращением в глобальную экономику, ничего, кроме пользы, конкуренция между мировыми центрами силы в подобных областях для страны не принесёт.

В целом в обнадеживающем, думается, направлении развивается и внутривнутриполитическое устройство России. Страна всерьёз приступила (по сути, впервые в своей истории) к строительству демократического общества, и теперь, похоже, ничто, кроме угрозы вторжения извне, не может свернуть её с этого пути. Будет ли у нас, учитывая российские традиции, своего рода «демократический цезаризм», или классическая парламентская демократия, или федерация с обширными полномочиями регионов, аналогичных, скажем, правам американских штатов, или канадских провинций, или даже швейцарских кантонов — на предстоящие столетия не это представляется главным. Основной вопрос для двух как минимум ближайших поколений — создание прочного фундамента под всем зданием российской демократии, а именно: формирование действенной системы местного самоуправления. На это, между прочим, ведущие демократические страны потратили целые столетия. Дважды делала попытки и Россия: в середине XVI в. (в первой половине царствования Ивана Грозного) и во второй половине XIX — начале XX в. (земство). К сожалению, терпения, как говорится, не хватило. Сегодня же мы вновь лишь в начале пути. Но без выборной, ответственной и в финансовом смысле самостоятельной системы местного самоуправления Россия вряд ли может рассчитывать на истинный подъём творческих сил народа, на утверждение законности и порядка сверху донизу и если не на искоренение, то по крайней мере на обуздание разъедающих её изнутри коррупции и преступности. А с мелкими локальными конфликтами, возникающими по самым разным причинам то тут, то там, ей, по-видимому, придётся уживаться ещё долго. Показателен в этом отношении пример многодесятилетней борьбы Великобритании с североирландскими сепаратистами или Испании с движением басков.

Не следует, думается, недооценивать и реальные возможности заметного ускорения социально-экономического развития России.

Даже самая болезненная в смысле перспектив проблема страны — демографическая — при соответствующей целенаправленной политике может быть, по-видимому, так или иначе решена. Конечно, это потребует колоссальных усилий не только со стороны государства, но и от всего российского общества. Во-первых, в самом близком времени государство должно изыскать необходимые средства (а они у него есть) для всемерной поддержки семьи, поощрения рождаемости, создания разветвлённой системы льгот, в первую очередь жилищных, для молодых семей, сокращения смертности, ликвидации национального позора страны — бездомности, беспризорности, заброшенности миллионов людей, от детей-сирот до беспомощных стариков и инвалидов. Во-вторых, необходимо возродить прежнюю переселенческую политику России, благодаря которой за исторически короткие сроки ей удалось хотя бы отчасти освоить и заселить Сибирь и Дальний Восток. В-третьих, нужно устранить все административные и, что, может быть, даже еще важнее, массово-психологические препятствия перед иммиграцией на территорию России не только русских и русскоязычных, но и всех других граждан из бывших советских республик. Вполне возможно, в частности, что именно такая иммиграция станет одним, если не главным, способом заселения пустеющей российской деревни и малых городов. В-четвёртых, не будет ничего удивительного, если в предстоящие полстолетия российское руководство обратится вновь к политике, которую наиболее масштабно и успешно начала проводить ещё Екатерина II, организовавшая массовое переселение в Россию поселенцев из других европейских стран.

Будут ли это выходцы из стран Европы или из Китая, или это будет даже такой экзотический вариант (предлагаемый сегодня, в частности, видным российским африканистом А.Б. Давидсоном), как приглашение постепенно вытесняемых из Южной Африки буров и других потомков европейцев, — трудно сейчас гадать. Проблема, несомненно, требует самого тщательного и добросовестного изучения. Но то, что Россия вновь может стать своеобразным «плавильным котлом» для самых разных национальностей, каким она практически на протяжении всей своей истории была для многих угро-финских, тюркских, монгольских, кавказских, не говоря уже о славянских, народов — такую возможность сбрасывать со счетов нельзя никак.

Вера в лучшее будущее России позволяет надеяться и на то, что в не столь уж отдалённой перспективе в стране сложится экономическая система, в которой исчезнет, наконец, во многом искусственный конфликт между государством и рынком, государственной и частной собственностью, государственным регулированием и свободой пред-

принимательства. Уже сегодня просматриваются некоторые признаки того, что российское общество готово признать основные результаты пусть и скоропалительной, но ставшей уже непреложным фактом приватизации: новый передел собственности (неважно, в пользу ли государства или же других частных лиц) обойдётся, что называется, себе дороже, резко нарушив только-только возникающее в стране состояние стабильности.

Следует, конечно, ожидать, что крупнейшие частные корпорации будут вынуждены предоставить обществу в лице государства какую-то одноразовую компенсацию за, по существу, бесплатно приватизированные активы. Можно и даже должно ожидать, что вместо существующей ещё и поныне несправедливой формулы деления рентных доходов от энергосырьевых ресурсов между бизнесом и государством будет выработана новая формула, приближающаяся к той, что действует в таких, например, странах, как Норвегия и Саудовская Аравия. Весьма вероятно, что Российское государство перестроит в недалёком будущем и свою налоговую систему, с одной стороны, освободив от налогов все капиталовложения в расширение или модернизацию производства, а с другой — отказавшись от «плоской шкалы» налогообложения частных доходов без различия их уровня и происхождения, что мало кому присуще в мире сегодня, кроме нашей страны.

Государство, особенно в наших конкретных условиях, должно сосредоточиться на нескольких важнейших экономических функциях, которые ещё длительное время будет просто некому выполнять, помимо него.

Это, во-первых, дальнейшее развитие основной части инфраструктуры страны: дорог, коммуникаций, трубопроводов, электроэнергетики, водохранилищ, мелиорации, крупных портов, общественных зданий и сооружений, школ, больниц, природоохранных систем и т.д. Во-вторых, ещё долго (если не всегда) будет существовать необходимость в казённых заводах, прежде всего оборонного назначения. В-третьих, государственные средства, помимо прямой инвестиционной деятельности, должны стать фундаментом всей кредитной системы страны, тем кредитором и страхователем «последней инстанции», каким государство является во всех благополучных странах. В-четвёртых, без государственной помощи — в виде налоговых послаблений, льготных кредитов, защиты от бюрократического и криминального рэкета, и пр. — малый и средний бизнес, давно уже ставший во всём мире основным двигателем экономического прогресса и источником инноваций, никогда у нас не окрепнет и не выйдет из «тени», где сегодня создаётся, по различным оценкам, свыше 40% ВВП страны. Столь

же необходима государственная помощь и аграрному сектору, будь то индивидуальное фермерство или нарождающиеся фермерские кооперативы либо агропромышленные компании: без прямой бюджетной поддержки этого сектора нигде в мире не обходится — ни в развитых, ни в развивающихся странах. И, наконец, в-пятых, нигде, даже в самых «рыночных» экономиках, наука, образование, здравоохранение и культура не существуют без решающего участия государства в их содержании и финансировании. И вряд ли российский бизнес, даже при наиболее благоприятнейших условиях, когда-либо сможет взять эту функцию целиком на себя.

Разумеется, как регулятор общего экономического климата, как бесспорный источник норм и правил, которым обязаны подчиняться все без исключения экономические агенты, государство незаменимо в любой системе. Деньги, бюджет, налоги, валюта, общегражданское и общехозяйственное законодательство — это всегда было и останется прерогативой государства. Никто не оспаривает сам этот принцип, сомнениям и спорам подвергается реализация его на практике, особенно первоочередность задач.

Представляется, что сегодня в регулирующей деятельности Российского государства особо важное значение приобретают: во-первых, создание самых твёрдых гарантий неприкосновенности частной индивидуальной и корпоративной собственности, принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики, борьба против всех квазизаконных и вовсе незаконных способов захвата чужой собственности, против коррупции, организованной преступности и криминального оборота; во-вторых, восстановление (путём намного более существенных, чем сегодня, государственных гарантий) подорванного доверия внутренних и внешних инвесторов к российской кредитно-финансовой системе; в-третьих, отказ от абсурдной по своей сути политики бюджетного профицита, противоречащей всей веками устоявшейся мировой практике и резко ограничивающей бюджетные расходы как раз тогда, когда сокращать их нельзя ни под каким видом; в-четвёртых, проведение самой жёсткой антимонопольной политики, поскольку в сложившихся у нас условиях не только и даже не столько денежный фактор, сколько безответственная деятельность естественных и рукотворных монополий является основной причиной всё ещё не затухающей инфляции.

Определённый оптимизм внушает также и то, что российский дикий рынок 90-х годов понемногу, похоже, нормализуется. Эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, кажется, к своему закономерному концу, и на смену им уже видится

приход новых поколений деловых людей, привыкших или привыкающих соблюдать общепринятые в мире «правила игры». Остаётся всё меньше и меньше сфер бизнеса, где сохраняется возможность работать в расчёте на нормальные, а не заоблачно высокие прибыли. Нормальной становится привычная миру психология «клиент всегда прав», всё шире распространяется практика решения хозяйственных споров в обычном судебном порядке, сама собой постепенно исчезает ничем и никогда, казалось бы, не истребимая многомиллионная армия «челноков», всё более появляется признаков, что социальная ответственность отнюдь не так уж и чужда российскому бизнесу, особенно если он уже вышел из стадии первоначального накопления. Как говорил когда-то Л.Н. Толстой, в конце концов «всё образуется»: российский бизнес только-только начал выходить из стадии бурного, но всё-таки детства, и те 5–6% населения, которые во всём мире составляют слой предприимчивых людей, как обнаружилось, сохранились и у нас, несмотря на все трагедии XX в. От государства эти люди ждут одного: не мешать им, а помогать и не менять, по мере возможности, слишком часто «правила игры».

Отдельный, огромный по своему значению для страны вопрос: как остановить утечку капитала из России. Любые административные меры (да и налоговые тоже) могут в этом отношении дать лишь временный и весьма ограниченный эффект. Между тем от решения проблемы прямо и непосредственно зависит будущее страны в перспективе ближайших десятилетий. Ключевое слово здесь, по-видимому, одно: гарантии. Иначе говоря, твёрдые государственные гарантии того, что никаких угроз для частной собственности Российское государство не допустит и что в стране всеми силами будет сохраняться политическая, экономическая и социальная стабильность, не меньшая, чем в тех странах, куда наш капитал убежал и всё ещё убегает. Создания этих же условий требуют и наши надежды на то, что в недалёком будущем вслед за реэмиграцией российского капитала последует приток капитала истинно иностранного, но уже не в экспериментальном, так сказать, а в массовом порядке.

Два поколения — достаточный срок и для того, чтобы избавиться от ещё одного наследственного порока России: недопустимо заниженной и до сих пор занижаемой оплаты человеческого труда. Доля зарплаты в ВВП страны сегодня составляет 30–32%, во всех экономически передовых странах — 50–70%. Нечего и говорить, как это неблагоприятно сказывается на трудовой активности российского человека, на его творческой отдаче и его морали. Вынужденное безделье, преступность, алкоголизм, наркомания, неустойчивость семьи — это

всё, в первую очередь, порождение бедности, а не греховой природы человека.

Уже сегодня могла бы начаться воистину историческая и главная для страны социальная реформа: доведение в ВВП доли оплаты труда до уровня других высокоразвитых стран. Если бы сегодня был принят закон об обязательной минимальной оплате труда, скажем, 3 доллара в час (500 долларов в месяц), это означало бы рост доли зарплаты в нашем ВВП примерно до 40–50%. Конечно, подобный, поистине радикальный, сдвиг в социальном устройении страны не может быть достигнут в одночасье: он потребует времени. Но без него трудно рассчитывать не только на резкий подъём производительности труда и оживление экономики, но и на создание социально устойчивого, эффективного баланса между рыночными и внерыночными формами предоставления населению жизненно важных социальных услуг.

Будет ли подобный поворот достигнут в процессе цивилизованной парламентской борьбы, произойдёт он стихийно или станет результатом оживления и у нас широко распространённого в мире трёхстороннего социального партнёрства (государство — работодатель — профсоюз) — трудно сейчас сказать. Но одно ясно: преднамеренно насаждавшаяся в течение многих десятилетий бедность в стране была и остаётся тем главным тормозом, который не позволяет нам занять в мировой цивилизации место, отвечающее российским масштабам, культуре, природным и человеческим ресурсам.

* * *

Таким образом, при благожелательном и, по возможности, непредвзятом взгляде на вещи баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозами развития России в ближайшие полвека складывается примерно в соотношении 49:51 в пользу последнего. Разумеется, ещё более важную роль, чем логика, в подобных оценках играет вера: кто-то верит в катастрофу, кто-то в лучшее будущее — так оно было и так будет всегда. Но даже если руководствоваться одной чистой логикой, нельзя ни понять, ни тем более оправдать упорное отрицание нынешними российскими верхами необходимости иметь ясный для всех — и для властей, и для бизнеса, и для самой широкой общественности, и для наших зарубежных партнёров тоже — стратегический, долгосрочный план развития стран, который среди прочего включал бы в себя также и долгосрочную структурную (промышленную) политику. «Авось, кривая сама вывезет», — этот известный

принцип для многих, конечно, удобен. Но он никак не удобен для страны, внезапно вдруг потерявшей свою прежнюю цель и не обретшей до сих пор вместо неё ничего, что отвечало бы уверенному продолжению её от века «самостоятельной истории».

А в качестве своеобразного итога этой самонадеянной попытки проанализировать ближайшее будущее, а именно середину века, не лишним было бы вспомнить фразу, сказанную как-то нашим крупнейшим математиком и футурологом академиком Н.Н. Моисеевым (однажды всполошившим, между прочим, весь мир своим прогнозом «ядерной зимы»): «Нет смысла загадывать и прогнозировать дальше, чем на 15–20 лет вперёд, ибо за это время в мире обязательно произойдёт что-нибудь такое, что перевернёт всё с ног на голову». Кто-нибудь мог, к примеру, предсказать даже не за 20, а всего лишь за 5 лет такое историческое событие, как внезапный распад Советского Союза? Или трагедию 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке? Или, скажем, кто знает, как отреагирует мировое сообщество, если в предстоящие полвека на Землю вдруг всё же опустится долгожданный корабль каких-нибудь инопланетян?

В отношении же обсуждаемой здесь проблемы можно, пользуясь этим временным критерием, с достаточной уверенностью сказать, пожалуй, лишь одно: через 15–20 лет Россия, наконец, расплатится по всем своим и старым, и новым счётам. А что дальше будет — то знает, вероятно, лишь один Верховный Судия.

Серия «Старый Свет — новые времена»

основана Институтом Европы РАН в 2007 году
и издается в издательстве «Весь Мир».

Руководитель проекта академик РАН *Н.П. Шмелёв*.

В серии вышли в свет и готовятся к выходу следующие книги:

Великобритания. Эпоха реформ

Под ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь Мир, 2007. 536 с.

Франция. В поисках новых путей

Под ред. Ю.И. Рубинского. М.: Весь Мир, 2007. 624 с.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен

Под. ред. А.А. Язьковой. М.: Весь Мир, 2007. 352 с.

Испания: анфас и в профиль

Под ред. В.Л. Верникова. М.: Весь Мир, 2007. 480 с.

Северная Европа — регион нового развития

Под ред. Ю.С. Дерябина. М.: Весь Мир, 2008. 512 с.

Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе

Под ред. В.Я. Швейцера. М.: Весь Мир, 2009. 544 с.

Германия — вызовы XXI века

Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.

Вишеградская Европа: откуда и куда?

Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии

Под ред. Л.Н. Шишлиной. М.: Весь Мир, 2010. 568 с.

Россия в многообразии цивилизаций

Под ред. Н.П. Шмелёва. М.: Весь Мир, 2011. 896 с.

Социальная Европа в XXI веке

Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. 528 с.

Безопасность Европы

Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011. 752 с.

По вопросам приобретения книг обращаться в издательство «Весь Мир»:

117342, Москва, ул. Бутлерова 17б.

Тел.: (495) 7390971; Факс: (495) 3348591;

e-mail: infor@vesmirbooks.ru; <http://www.vesmirbooks.ru>

Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н.П. Шмелёва — М.: Издательство «Весь Мир», 2011. — 896 с. — (Старый Свет — новые времена)

ISBN 978-5-7777-0487-0

В книге рассмотрено значение для России процессов, происходящих в мире под воздействием глобализации, и новых форм контактов между цивилизациями. В её основу положены анализ реальных мирохозяйственных сдвигов, изучение новейшей литературы и социологических опросов, оценка позиций ведущих игроков на международной арене.

Авторы книги исходят из того, что быстро меняющийся внешний мир и цивилизационная специфика России требуют переосмысления и уточнения ею всей экономической и внешнеполитической стратегии страны. Это касается различных векторов российской внутренней и внешней политики.

В целом есть все основания считать, что России уже удалось пройти часть пути от катастрофических последствий разрушительной политики 90-х годов к некоторой нормализации. Однако основные задачи, стоящие перед страной, всё ещё не решены. Это в большей или меньшей степени ощущается в разных сферах жизни. России ещё предстоит создать современную инновационно ориентированную экономику, отладить систему социального обеспечения, пройти сложный путь развития полнокровной демократии, создания действенного гражданского общества, установить безусловный приоритет прав человека и гражданских свобод, обеспечить достойный современный человека уровень жизни и социальной защищённости. Если она ставит перед собой задачу сохранения и дальнейшего освоения страны в нынешних её географических границах — она обречена на высокую самодостаточность и саморазвитие, оставаясь одним из ведущих мировых центров силы. Это тем более важно, что наметившееся усиление напряжённости в системе международных отношений создаёт для неё дополнительные угрозы.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся ситуацией в России и проблемами международной политики.

УДК 323+327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)

Серия: Старый Свет — новые времена

Россия в многообразии цивилизаций

Редакционная коллегия монографии:

Н.П. Шмелёв (руководитель),

Т.Т. Тимофеев, В.П. Фёдоров

Научный редактор: *А.А. Галкин*

Редакторы: *О.А. Зимарин, Ю.Л. Михайлова*

Художники: *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор: *Г.Н. Чепыгова*

Подписано в печать 10.12.2010. Формат 60 x 90 ¹/₁₆

Печать офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печ. л. 56,0. Изд. № 05/10-и

Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
117342, Москва, ул. Бутлерова, 176

Тел.: (495) 739-09-71

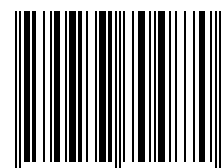
Факс: (495) 334-85-91

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0487-0

9 785777 704870

В книге рассмотрено значение для России процессов, происходящих в мире под воздействием глобализации, и новых форм контактов между цивилизациями. В её основу положены анализ реальных мирохозяйственных сдвигов, изучение новейшей литературы и социологических опросов, оценка позиций ведущих игроков на международной арене.

Авторы книги исходят из того, что быстро меняющийся внешний мир и цивилизационная специфика России требуют переосмысления и уточнения ею всей экономической и внешнеполитической стратегии страны. Это касается различных векторов российской внутренней и внешней политики.

В целом есть все основания считать, что России уже удалось пройти часть пути от катастрофических последствий разрушительной политики 90-х годов к некоторой нормализации. Однако основные задачи, стоящие перед страной, всё ещё не решены. Это в большей или меньшей степени ощущается в разных сферах жизни. России ещё предстоит создать современную инновационно ориентированную экономику, отладить систему социального обеспечения, пройти сложный путь развития полнокровной демократии, создания действенного гражданского общества, установить безусловный приоритет прав человека и гражданских свобод, обеспечить достойный современного человека уровень жизни и социальной защищённости. Если она ставит перед собой задачу сохранения и дальнейшего освоения страны в нынешних её географических границах — она обречена на высокую самодостаточность и саморазвитие, оставаясь одним из ведущих мировых центров силы. Это тем более важно, что намечавшееся усиление напряжённости в системе международных отношений создаёт для неё дополнительные угрозы.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся ситуацией в России и проблемами международной политики.

Серия «*Старый Свет – новые времена*» основана Институтом Европы РАН в 2007 году и выпускается издательством «Весь Мир».